СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

20 ноября 1864 г.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ПЕТРОГРАДЪ
1914

Г 60
1

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

20 ноября 1864 г.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

20 ноября 1864 г.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-34465
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

ПЕТРОГРАДЪ
1914

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ СТРОЙ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Выборный мировой судъ [1].

I. Должность мирового судьи по Судебнымъ Уставамъ; его призваніе. II. Личный составъ мировыхъ судей. III. Условія дѣятельности мировыхъ судей. IV. Результаты дѣятельности мировыхъ судей. V. Офиціальная оцѣнка дѣятельности мировыхъ судей.

I. Должность мирового судьи по Судебнымъ Уставамъ; его призваніе.

Мировые судьи были учреждены по уѣздамъ и городамъ для разбора уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ меньшей сравнительно важности. Дѣла этого рода характеризуются—количественно—тѣмъ, что, преобладая численно, они затрагиваютъ интересы наиболѣе широкихъ круговъ населенія;—качественно—тѣмъ, что среди нихъ наиболѣе часто встрѣчаются дѣла, рѣшеніе которыхъ требуетъ знанія быта.

Правильная постановка „мѣстнаго суда“ всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ—дѣло трудное и отвѣтственное. Тѣмъ затруд-

---

[1]) Ходъ реформы. Безъ отступленія отъ выборнаго начала, усвоеннаго Судебными Уставами, мировой институтъ могъ быть введенъ исключительно въ такъ наз. земскихъ губерніяхъ, т. е. въ губерніяхъ, гдѣ уже дѣйствовало Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 янв. 1864 г. Въ такомъ видѣ, притомъ одновременно съ общими, мировыя судебныя установленія были введены:

въ 1866 г. въ губерніяхъ С.-Петербургской, Московской, Псковской, Рязанской, Тульской, Калужской, Новгородской, Тверской, Владимірской и Ярославской;

въ 1867 г. въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Орловской, Воронежской, въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ Екатеринославской губ. и въ Липецкомъ, Лебедянскомъ и Усманскомъ уѣздахъ Тамбовской губ.;

въ 1869 г. въ губерніяхъ Полтавской, Нижегородской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской;

въ 1875 г. въ Вологодской губерніи (кромѣ 5 сѣверо-восточныхъ уѣздовъ).

Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ открытія мировыхъ судебныхъ установленій отдѣльно отъ общихъ. Въ мировыхъ судьяхъ онъ

нительнѣе и важнѣе оно было для Россіи, въ періодъ времени, непосредственно слѣдующій за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. На судъ вообще, и на мѣстный, въ особенности, выпадала историческая миссія закрѣпленія реформы, въ смыслѣ пріобщенія крестьянскаго населенія къ общегражданскому укладу жизни, въ основаніе коего отнынѣ полагалось начало равенства всѣхъ передъ закономъ.

Чтобы обезпечить выполненіе этой задачи, надлежало замѣстить нѣсколько тысячъ должностей единоличныхъ судей людьми,

видѣлъ органы общаго суда. Изъять мировыхъ судей изъ общей судебной іерархіи значило, по его мнѣнію, оставить ихъ безъ надзора и безъ контроля. (Всеподданнѣйшій докладъ, прочтенный по Высочайшему повелѣнію въ засѣданіи министровъ 5 ноября 1866 г.). Иного мнѣнія держался преемникъ его гр. Паленъ. Послѣдній не видѣлъ основаній медлить съ повсемѣстнымъ введеніемъ мирового суда. „Опытъ показалъ,—писалъ онъ въ своей запискѣ „О введеніи мировыхъ судебныхъ учрежденій въ 28 губерніяхъ", составленной въ концѣ 1867 г. (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3562):—что связь между мировыми и общими судебными установленіями весьма незначительна". Что же касается дисциплинарной отвѣтственности мировыхъ судей, то изъ этого затрудненія гр. Паленъ полагалъ выйти путемъ подчиненія мировыхъ судей вѣдомству существующихъ судебныхъ палатъ, по особому временному расписанію губерній между ними. Основныя положенія записки Палена не замедлили войти въ жизнь.

Именнымъ указомъ Пр. Сенату, даннымъ 30 іюня 1868 г., повелѣно было приступить ко введенію мировыхъ судебныхъ установленій во всѣхъ губерніяхъ, на которыя дѣйствіе Уставовъ 20 ноября 1864 г. еще не распространяется, но гдѣ образованы земскія учрежденія на основаніи Высочайше утвержденнаго 1 января 1864 г. Положенія.

23 февраля 1869 г. послѣдовалъ Именной указъ о введеніи въ дѣйствіе мировыхъ судебныхъ установленій, отдѣльно отъ общихъ, въ земскихъ губерніяхъ: Олонецкой, Смоленской, Костромской, Казанской, Вятской, Симбирской, Самарской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Черниговской. Губерніи эти были распредѣлены по округамъ уже существующихъ судебныхъ палатъ С.-Петербургской, Московской и Харьковской. Мировыя судебныя установленія были открыты въ губерніяхъ Самарской и Симбирской въ апрѣлѣ 1869 г.; въ Казанской, Смоленской и Тамбовской въ маѣ; въ Вятской, Костромской, Саратовской и Пензенской—въ іюнѣ того же года, и въ губ. Олонецкой—въ мартѣ 1870 г. Кромѣ того, отдѣльно отъ общихъ, мировыя судебныя установленія были введены въ земскихъ губерніяхъ: Уфимской (1 янв. 1879 г.) и въ 5 уѣздахъ Вологодской: Велико-Устюжскомъ, Никольскомъ, Сольвычегодскомъ, Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ (по закону 30 марта 1882 г.).

Въ помянутой выше запискѣ гр. Паленъ выступилъ сторонникомъ незамедлительнаго введенія мировыхъ судебныхъ установленій и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земскія учрежденія введены не были. Предположеніе это онъ мотивировалъ тѣмъ, что „назначеніе мировыхъ судей отъ правительства уже допущено Судебными Уставами, и что выгоды мирового суда состоятъ не только въ способѣ избранія мировыхъ судей, но, главнѣйшимъ образомъ, въ порядкѣ ихъ дѣятельности". Немедленное введеніе мирового суда гр. Паленъ считалъ въ особенности важнымъ по отношенію къ Западному краю, онъ выражалъ надежду, что, „замѣняя нынѣшнее, дѣйствующее на военномъ положеніи управленіе, и водворяя строгую легальность и уваженіе къ закону, мировые судьи будутъ могущественнымъ органомъ руссификаціи края и окажутъ самое существенное содѣйствіе къ приведенію края въ спокойно нормальное состояніе".

Въ послѣдующіе годы мировой судъ былъ введенъ, отдѣльно отъ общихъ судебныхъ установленій, въ слѣдующихъ неземскихъ губерніяхъ и областяхъ:—въ 1870 г.

способными стать въ независимое отношеніе, какъ къ отдѣльнымъ вліятельнымъ лицамъ и группамъ населенія, такъ и къ мѣстной администраціи; равно импонировать тѣмъ и другой. Надо было выискать и призвать людей, въ которыхъ населеніе признало бы судей, въ настоящемъ значеніи этого слова, а не особый видъ начальства, не чиновниковъ администраціи. Требовалось создать судебную власть, не на бумагѣ только, но и въ самой жизни отдѣленную отъ исполнительной; замѣстить судебныя должности людьми, которые бы не повторили судей дореформенныхъ, не ассимилировались съ мѣстной администраціей въ служебно-бытовомъ отношеніи.

въ землѣ Войска Донского, въ 1871 г. въ 9 западныхъ губерніяхъ (Виленской, Ковенской, Гродненской, Кіевской, Волынской, Подольской, Минской, Витебской и Могилевской); въ 1878 г. въ губерніяхъ: Астраханской и Оренбургской; согласно Положенію 12 іюня 1886 г. въ Туркестанскомъ краѣ; въ 1889 г. въ Архангельской губ., и, на основаніи Положенія 25 марта 1891 г., въ Степныхъ областяхъ.

Совмѣстно съ общими судебными установленіями, въ неземскомъ районѣ, мировой судъ былъ открытъ въ 1868 г. на Кавказѣ, въ 1875 г. въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, въ 1889 г. въ Прибалтійскомъ краѣ, въ 1897 г. въ Сибири, въ 1899 г. въ Закаспійской области.

Во всѣхъ неземскихъ губерніяхъ мировой судъ былъ введенъ съ весьма существенными отступленіями отъ Судебныхъ Уставовъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Наиболѣе существеннымъ изъ этихъ отступленій была замѣна выборной системы порядкомъ назначенія мировыхъ судей отъ правительства. Выборное начало было сохранено только для мировыхъ судей области Войска Донского, гдѣ былъ для этой цѣли образованъ особый избирательный органъ, и для функціонирующихъ параллельно съ мировыми судьями гминныхъ судей Варшавскаго судебнаго округа. Мировая юстиція была организована здѣсь различно для городскихъ поселеній и для уѣздовъ. Въ городахъ были учреждены мировые судьи, въ сельскихъ мѣстностяхъ гминные суды. Для первыхъ былъ принятъ порядокъ назначенія отъ правительства, для вторыхъ—избранія гминнымъ сходомъ. „Вполнѣ сознавая,—читаемъ въ отчетѣ мин. юстиціи за 1872—1881 г.г.,—что пересозданіе края не можетъ быть доведено до конца однимъ лишь непосредственнымъ вліяніемъ русскихъ административныхъ дѣятелей, правительство дало самобытное значеніе чисто народному учрежденію всесословной гмины, ввело въ ея устройство выборное начало и сохранило за нею власть ближайшаго мѣстнаго управленія во всѣхъ проявленіяхъ этой власти съ тѣмъ, чтобы мѣстныя народныя силы могли развиться и окрѣпнуть. Лишить гминныя учрежденія судебной власти значило бы ослабить единственно прочную и надежную опору русскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ". Гминные суды не только не были уничтожены, но имъ была предоставлена совершенно равная съ мировыми судами юрисдикція.

Ко времени реформы 1889 г. мировые суды были введены въ 64 губерніяхъ и областяхъ, на пространствѣ 3.938.160 квадратныхъ верстъ, или на 0,83 всего протяженія Европейской Россіи; имъ были подсудны 94.235.800 человѣкъ, т. е., 0,97 всего ея населенія („Правит. Вѣстникъ", 1889 г. № 186).

По свойству нашей темы—историческаго очерка Судебныхъ Уставовъ, въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть дѣло почти исключительно съ выборнымъ мировымъ судомъ, такъ какъ лишь этотъ выборный судъ имѣла въ виду первоначальная редакція Уставовъ.

Для общихъ судовъ, при сравнительной малочисленности ихъ состава, эта цѣль могла быть достигнута (и, дѣйствительно, была достигнута) путемъ возможно тщательнаго подбора назначаемыхъ въ должности лицъ. Не такъ просто обстояло дѣло съ комплектованіемъ мировыхъ судей. Общіе суды импонируютъ уже тѣмъ, что они дѣйствуютъ коллегіально; вспомогательные органы, въ лицѣ прокуратуры и организованной адвокатуры, способствуютъ ихъ престижу и облегчаютъ работу; контроль общественнаго мнѣнія служитъ немаловажнымъ стимуломъ къ развитію и поддержанію энергіи судьи; болѣе свободныя условія городской жизни позволяютъ судьѣ стать въ любое, желаемое имъ, отношеніе къ мѣстному обществу. Въ иныхъ условіяхъ протекаетъ работа мѣстнаго суда: судебное учрежденіе здѣсь не заслоняетъ личности судьи; стороны, въ большинствѣ случаевъ, юридически безпомощны, а присутствующая въ камерѣ публика юридически несвѣдуща; по условіямъ уѣздной жизни, судья опутанъ личными отношеніями.

Независимость отъ исполнительной власти и отъ общества — необходимый атрибутъ судебной дѣятельности, но, сама по себѣ, еще не опредѣляетъ ея содержанія, не выявляетъ л и ц а судьи. Высѣкая черты послѣдняго, заполняя форму содержаніемъ, отечественный законодатель учелъ, прежде и больше всего, качественное свойство менѣе важныхъ дѣлъ,—ихъ связь съ условіями быта. Знаніе мѣстныхъ обычаевъ, сложившихся отношеній, понятій,—вообще, всѣхъ условій мѣстной жизни законодатель призналъ необходимымъ залогомъ успѣшной дѣятельности мѣстнаго судьи. По его убѣжденію, удовлетворить этимъ требованіямъ могъ единственно коренной мѣстный житель, наиболѣе активный участникъ мѣстной жизни, познавшій ее не изъ книги, и даже не со словъ допрашиваемыхъ свидѣтелей, но по личному опыту, по непосредственнымъ переживаніямъ. Формально предустановленнымъ признакомъ такого знанія мѣстной жизни было принято обладаніе болѣе или менѣе крупнымъ земельнымъ цензомъ.

Несложныя формы крестьянскаго хозяйства, характеръ населенія, не свѣдущаго въ законахъ, не умѣющаго оформить прочно своихъ сдѣлокъ, предпочитающаго, какъ полагали тогда, чтобы его судили не по закону, а по совѣсти, повели, далѣе, къ предположенію „въ лицѣ участковаго мирового судьи дать

мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенія дѣлъ, требующихъ прежде всего скораго рѣшенія на мѣстѣ, съ знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и посредника для соглашенія требованій, которыя весьма часто только въ началѣ своемъ кажутся спорными, но, возникая изъ взаимныхъ недоразумѣній, могутъ быть соглашены разъясненіемъ этихъ недоразумѣній при посредствѣ лица, пользующагося довѣріемъ обѣихъ сторонъ“ [1]).

Возлагая, такимъ образомъ, на мировыхъ судей миссію патріархальныхъ арбитровъ-умиротворителей, рѣшителей столкновеній и споровъ не столько по формальному закону, сколько по совѣсти и обычаю, законодатель, естественно, счелъ излишнимъ требовать отъ судьи непремѣнно высшаго юридическаго образованія; въ дополненіе къ упомянутому выше знанію мѣстной жизни, онъ болѣе ожидалъ отъ судьи обладанія здравымъ житейскимъ смысломъ и мудраго, благожелательнаго отношенія къ людямъ. Гарантировать эти свойства судебной дѣятельности едва ли могъ порядокъ назначенія судей, хотя бы и изъ числа коренныхъ мѣстныхъ жителей; какъ единственно приводящій къ цѣли, былъ принятъ способъ избранія судей самимъ населеніемъ; самая же функція избранія была поручена имѣющимся органамъ мѣстнаго самоуправленія [2]).

Таковы были отправныя намѣренія законодателя. Существовала ли для нихъ возможность перейти въ дѣйствительность? Правовыя нормы, установленныя законодателемъ, сами образовали русло, поведшее дѣятельность мировыхъ судей въ противоположномъ направленіи. Какъ въ порядкѣ производства дѣлъ, такъ и въ своихъ рѣшеніяхъ, мировые судьи оказались связаны закономъ не менѣе, чѣмъ общія судебныя мѣста. Составъ преступленія, предѣльныя ставки наказанія для всѣхъ безъ исключенія судей опредѣляетъ законъ. Убѣжденіемъ совѣсти судьѣ мировому, какъ и судьѣ коронному, законъ предоставляетъ руководствоваться (и все же съ нѣкоторыми ограни-

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту Учр. суд. мѣстъ, стр. 20.

[2]) Если признать, что дѣла, разсматриваемыя въ общихъ и мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, не однородны по содержанію, что здѣсь и тамъ не можетъ быть полнаго совпаденія ни въ цѣляхъ судебной дѣятельности, ни въ ея пріемахъ, ни даже въ самихъ источникахъ права, то становилась логически объяснимой и та особенность въ принятой Судебными Уставами организаціи мирового суда, которая заключалась въ устраненіи общихъ судовъ отъ участія въ пересмотрѣ рѣшеній мировыхъ судей по существу.

ченіями) только при установленіи мѣры вины и мѣры наказанія. Не всегда также онъ позволяетъ судьѣ оканчивать дѣло миромъ. Еще болѣе мировой судья ограниченъ въ предоставленной ему свободѣ сужденія по дѣламъ гражданскимъ. Какъ можно убѣдиться изъ ст. 129, 106 и 409 Уст. Гр. Суд., предустановленныя доказательства сохраняютъ свою силу и для судебно-мировыхъ установленій. Связанный предустановленными доказательствами, мировой судья не только можетъ быть лишенъ возможности рѣшить гражданское дѣло согласно велѣніямъ совѣсти, но и рискуетъ, настаивая на примиреніи, поставить себя въ ложное положеніе. По словамъ записки сенатора Шамшина, при ревизіи мировые судьи заявляли, что, имѣя убѣжденіе въ правотѣ иска, хотя и не подкрѣпленнаго письменными доказательствами, они прибѣгаютъ къ своему праву склонять стороны къ миру и убѣждаютъ отвѣтчика признать обязательство и добровольно удовлетворить претензію, но, въ случаѣ упорства отвѣтчика и неуспѣха примиренія, отказывая въ искѣ, какъ въ формально недоказанномъ, становятся въ прямое противорѣчіе съ ранѣе выраженнымъ по дѣлу мнѣніемъ и возбуждаютъ тѣмъ недовѣріе къ своему безпристрастію и къ справедливости суда.

Лишенные права замѣнить законъ убѣжденіемъ совѣсти, не могли мировые судьи противопоставить ему и силу обычая. Только тамъ, гдѣ примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется самимъ закономъ, или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами, ст. 130 Уст. Гр. Суд. дозволяла мировому судьѣ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями. Но случаевъ, не разрѣшаемыхъ законами, юридически не предполагалось, такъ какъ ст. 9 Уст. Гр. Суд. въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, обязываетъ судъ основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ [1]).

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно процессуальной стороны дѣла. Считая дѣла, подвѣдомственныя мировому суду, маловажными и малоцѣнными, законодатель установилъ для мировыхъ судей возможно простыя, несложныя правила судопроизводства. Практика не замедлила обнаружить, что

---

[1]) В. Ивановъ. Наша мировая юстиція. „Отеч. Записки", 1878 года, № 6, стр. 164 и 165.

сложность и трудность дѣлъ не зависятъ отъ степени ихъ важности. Преподанныя правила оказались явно недостаточны, и Сенатъ, руководствуясь 80 ст. Уст. Гр. Суд., постепенно ввелъ въ производство мировыхъ судей всѣ формы общаго процесса [1]).

Въ первое время, — говоритъ Ивановъ,—мировая практика, раздѣляя господствовавшую въ обществѣ увѣренность, что судебная дѣятельность мировыхъ судей будетъ отличаться патріархальнымъ характеромъ, воображала, что она можетъ не стѣсняться требованіями формальной законности. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой иллюзіи была масса отмѣненныхъ Сенатомъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ [2]).

Законъ и жизнь потребовали отъ мировыхъ судей такой же юридической подготовки, какъ и отъ судей въ составѣ общихъ судебныхъ мѣстъ. Положеніе мировыхъ судей было во многихъ отношеніяхъ даже болѣе тяжелымъ; они должны были одновременно вѣдать дѣла уголовныя и дѣла гражданскія; рѣшать ихъ не коллегіально, а единолично; при этомъ жить и работать въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ.

Условія избранія, установленныя закономъ, отвѣчали цѣлямъ, которыя ставили дѣятельности мировыхъ судей отправныя намѣренія законодателя,—остается открытымъ вопросъ, въ состояніи ли они были гарантировать успѣшность этой дѣятельности въ рамкахъ требованій, которыя были предъявлены къ ней Сенатомъ, на точномъ основаніи закона и въ соотвѣтствіи потребностямъ прогрессирующаго и требующаго возможно большихъ гарантій устойчивости хозяйственнаго оборота?

Отъ разсмотрѣнія цѣлей,—весьма противорѣчивыхъ,—которыя законъ ставилъ должности мирового судьи, перейдемъ къ разсмотрѣнію условій русской дѣйствительности того времени, опредѣлившихъ личный составъ мировыхъ судей и успѣшность ихъ дѣятельности, направленной къ реализаціи этихъ цѣлей.

---

[1]) В. Ивановъ. Наша мировая юстиція, стр. 168 и 169.

[2]) Тамъ же, стр. 167 и 168.

II. Личный составъ мировыхъ судей.

Располагало ли русское общество достаточнымъ контингентомъ лицъ, которыя бы, съ одной стороны, имѣли по закону право быть избранными мировыми судьями, и, съ другой стороны, пожелали воспользоваться этимъ правомъ?

Интересно отмѣтить, что уже сами составители Судебныхъ Уставовъ не расчитывали, какъ на будущихъ участковыхъ мировыхъ судей, на мѣстныхъ крупныхъ богатыхъ помѣщиковъ, „для которыхъ имѣть должность и пользоваться извѣстнымъ содержаніемъ, или не имѣть ее, не составляетъ чувствительной разности“ [1]). Они ожидали, что въ участковые мировые судьи пойдутъ, главнымъ образомъ, мѣстные землевладѣльцы съ небольшими средствами. Имущественный цензъ для избранія въ мировые судьи былъ принятъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы размѣръ чистаго дохода съ недвижимой собственности, которою должны владѣть избираемые, былъ не менѣе 500 р. Дворянъ-помѣщиковъ, удовлетворявшихъ этому цензу, по даннымъ 10-й ревизіи, насчитывалось въ Россіи свыше 50.000,—контингентъ, казалось-бы, достаточный, чтобы обезпечить нужду въ кандидатахъ на должности мировыхъ судей. Но расчетъ оправдался далеко не въ полной мѣрѣ. Недостатокъ въ людяхъ сказался почти повсемѣстно, за исключеніемъ немногихъ губерній, какъ, напр., Московской. Были уѣзды, гдѣ желающихъ баллотироваться въ мировые судьи не нашлось вовсе. Такъ было въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Орловской губ., въ 1867 г. [2]), въ Курскомъ уѣздѣ въ 1871 г. [3]). По словамъ самарскаго губернатора Аксакова, въ 1869 г. наличный комплектъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, соединяющихъ въ себѣ требуемыя для должности мирового судьи условія, оказался такъ малочисленъ, что только въ трехъ уѣздахъ представилась возможность выставить необходимое число кандидатовъ. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, гдѣ числилось 88 землевладѣльцевъ, былъ найденъ на постоянномъ жи-

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту Учр. суд. мѣстъ, стр. 16.

[2]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 6258.

[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 6186.

тельствѣ только одинъ. Въ числѣ участковыхъ мировыхъ судей, избранныхъ по этому уѣзду, не оказалось ни одного, владѣющаго земельнымъ цензомъ [1]). „Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ,—жалуется мѣстное уѣздное земское собраніе,—землевладѣніе состоитъ изъ крупнаго и мелкаго; большая часть владѣльцевъ крупной собственности здѣсь не живетъ, а остальные, по обширности своихъ занятій, не могутъ посвящать свой трудъ на судебныя должности; владѣльцы же мелкой собственности, имѣющіе менѣе 950 десятинъ, не отвѣчаютъ требованіямъ закона“ [2]). Тѣмъ сильнѣе недостатокъ въ людяхъ долженъ былъ сказаться въ губерніяхъ недворянскихъ (т. е., въ такихъ, гдѣ не производится дворянскихъ выборовъ: въ Олонецкой, Пермской, Вятской). Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губ., нашлось только одно лицо, имѣвшее право на занятіе должности мирового судьи (мѣстный мировой посредникъ), и никого въ Пудожскомъ уѣздѣ [3]). Въ Глазовскомъ уѣздѣ, Пермской губ., былъ выбранъ по большинству голосовъ только 1 участковый мировой судья; 4 участка остались вакантными. Въ Вятскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи лица, внесенныя въ списокъ имѣющихъ право быть избранными, всѣ отказались отъ баллотировки. Уѣздныя земскія собранія Нолинское, Орловское, Малмыжское, Вятской губ., не замѣстили ни одной вакансіи участковыхъ мировыхъ судей, Котельническое—изъ 4-хъ 2, Яранское—изъ 5-ти 3, Елабужское—изъ 4-хъ 2, Сарапульское—изъ 7-ми 4. Всего въ Вятской губ. въ 1869 г. предстояло замѣстить 55 судебно-мировыхъ участковъ. Уѣзднымъ земскимъ собраніямъ удалось выбрать только 16 участковыхъ мировыхъ судей; губернское земское собраніе добрало 28; осталось незамѣщенными 11 вакансій. Интересно отмѣтить, что изъ числа 44 лицъ, избранныхъ земскими собраніями Вятской губ, только 4 лица отвѣчали требованію ст. 19 Учр. Суд. Уст. о размѣрѣ имущественнаго ценза [4]). „Въ Вятской губерніи,—поясняетъ мѣстный мировой съѣздъ,—болѣе или менѣе значительное землевладѣніе сосредоточивается почти исключительно въ рукахъ купечества и податныхъ сословій, вслѣдствіе чего совмѣщеніе условій, изображенныхъ во 2 и

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8144.
[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8144.
[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 5559.
[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 6195.

3 пунктахъ ст. 19 Учр. Суд. Уст., въ одномъ лицѣ представляетъ здѣсь явленіе рѣдкое" [1]).

Желая расширить кругъ лицъ, имѣющихъ право на избраніе, многія земства тогда же возбудили ходатайство о пониженіи имущественнаго ценза въ уѣздахъ. Въ 1871 г. Курское земство, указывая на постоянно растущія цѣны на землю, ходатайствовало объ уменьшеніи ценза съ 400 до 200 десятинъ [2]). Однородныя ходатайства послѣдовали со стороны земствъ Тульскаго и Рязанскаго губернскихъ, и Харьковскаго, Купянскаго и Днѣпровскаго уѣздныхъ [3]). Но разрѣшеніе этихъ ходатайствъ, которое могло послѣдовать только въ порядкѣ законодательномъ, было отложено на неопредѣленное время.

Послѣдствіемъ недобора лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ имущественнаго ценза, явилось неожиданно широкое примѣненіе избирательными собраніями ст. 34 Учр. Суд. Уст., дававшей имъ право „по единогласному мнѣнію полнаго, закономъ опредѣленнаго, числа своихъ гласныхъ, предоставить званіе мирового судьи и такимъ лицамъ, которыя хотя и не совмѣщаютъ качествъ, требуемыхъ 19 и 20 ст. сего Учрежденія, но пріобрѣли общественное довѣріе и уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью". Примѣненіе этой статьи было существенно облегчено Выс. утв. 19 янв. 1867 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, смягчившимъ ея строгость, признавшимъ, что равную силу имѣетъ постановленіе, состоявшееся по единогласному мнѣнію всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи гласныхъ.

Насколько широко земскія собранія пользовались на первыхъ порахъ этою статьею, можно заключить изъ того факта, что въ 1869 г. въ Вятской губ. изъ числа 44 уч. мир. судей по статьѣ 34 были избраны 25 (57%). Массовое замѣщеніе должностей въ порядкѣ единогласнаго избранія путемъ баллотировки было невыполнимо практически. Поэтому голоса, большею частью, подавались открыто. 15 февраля 1869 г. Вятское уѣздное земское собраніе, созванное для выбора недостающихъ мировыхъ судей, „прежде всего признало нужнымъ опредѣлить способъ избранія и, большинствомъ 15 голосовъ противъ 6, постановило произвести выборъ открытою подачей голосовъ".

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8122.
[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 6131.
[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8144.

Однородное постановленіе было сдѣлано 18 января того же года Котельническимъ земскимъ собраніемъ, большинствомъ 7 голосовъ противъ 6. Уржумское земское собраніе избрало единогласно открытою подачею голосовъ 4 уч. мир. судей и 14 почетныхъ. Слободское—примѣнило этотъ способъ также и къ лицамъ, имена которыхъ стояли въ спискѣ [1]). Открытая подача голосовъ при выборахъ, производимыхъ въ порядкѣ 34 ст., широко примѣнялась также въ губерніяхъ Самарской и Орловской [2]).

Порядокъ избранія былъ упрощенъ до крайности, но даже и къ этому упрощенному порядку практика жизни не замедлила внести существенные коррективы. „При произнесеніи имени каждаго предлагаемаго кандидата,—доводитъ до свѣдѣнія министра юстиціи вятскій губернаторъ,—желающіе принять его вставали, а нежелающіе должны были оставаться на мѣстахъ. Такимъ образомъ въ засѣданіи 15 числа были избраны трое. Предложенные къ избранію въ тотъ день еще два лица, К. и П., не были избраны единогласно. Первому изъ нихъ не достало одного, а послѣднему двухъ голосовъ. На другой день, т. е. 16 января, предсѣдателю собранія были поданы письменныя заявленія: а) отъ гласнаго Жирухина, что онъ согласенъ на выборъ К., и б) отъ гласныхъ крестьянъ Ладыгина и Ромнина, что они также согласны на выборъ П. и не подали въ его пользу голосовъ наканунѣ лишь по ошибкѣ. Уѣздное собраніе признало эти заявленія дѣйствительными“ [3]).

Разъясненіе Сената отъ 10 марта 1871 г. о томъ, что для выбора въ мировые судьи лицъ, не удовлетворяющихъ условіямъ 19 и 20 ст. Учр. Суд. Уст., требуется з а к р ы т а я подача голосовъ, сократило еще болѣе число возможныхъ кандидатовъ: настолько, что самарскій губернаторъ Аксаковъ 6 марта 1872 г. „счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія гр. Палена, что нѣкоторыя части губерніи могутъ остаться на время совершенно безъ отправленія въ нихъ правосудія“ [4]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 6195.

[2]) Тамъ же, дѣла Мин. Юст. 1870 г. № 8144, 1871 г. № 6092.

[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 6195.

[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8144. Въ виду недобора мировыхъ судей въ цѣломъ рядѣ губерній, Министерство Юстиціи разрѣшило 1-го авг. 1868 г. земскимъ собраніямъ Вятской и Олонецкой губерній, и въ маѣ 1872 г. земству Самарской губерніи представить Министерству Юстиціи, чрезъ посредство мѣстныхъ губернаторовъ, „о на-

Земства весьма дорожили правомъ, предоставленнымъ имъ 34 ст. При всей ограниченности выбора, эта статья давала имъ возможность, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же самарскій губернаторъ, „предоставлять званіе участковыхъ мировыхъ судей по преимуществу лицамъ, получившимъ юридическое образованіе, или же продолжительною судебною практикой пріобрѣтшихъ себѣ достаточную извѣстность". Не удивительно поэтому, если въ началѣ 70-хъ годовъ они возбуждаютъ рядъ ходатайствъ, направленныхъ къ облегченію избранія лицъ, не располагающихъ должнымъ имущественнымъ цензомъ.

29 сентября 1870 г. Болховское (Орловской губ.) уѣздное земское собраніе, большинствомъ 29 голосовъ противъ 3, приняло предложеніе гласнаго Арбузова о возбужденіи ходатайства объ измѣненіи ст. 34 Учр. Суд. Уст., въ смыслѣ предоставленія права избирать въ мировые судьи лицъ изъ числа неудовлетворяющихъ требованіямъ 19 и 20 ст. того же Учрежденія, не по единогласному постановленію присутствующихъ въ земскомъ собраніи гласныхъ, а по большинству голосовъ. Тогда же и о томъ же просило Самарское губ. зем. собраніе. Таврическое и Тульское губернскія земскія собранія ходатайствовали о разрѣшеніи избирать большинствомъ $^{9}/_{10}$ наличнаго числа избирателей. Мелитопольское уѣздное земское собраніе просило о разрѣшеніи—лицъ, нерасполагающихъ имущественнымъ цензомъ, но избранныхъ на предшествующее трехлѣтіе, избирать на слѣдующее трехлѣтіе большинствомъ $^{2}/_{3}$, или хотя бы $^{3}/_{4}$ голосовъ. О томъ же просило Полтавское губ. зем. собраніе, съ повышеніемъ требуемаго большинства до $^{4}/_{5}$. Напротивъ, Вятское губ. зем. собраніе находило возможнымъ довольствоваться въ этомъ случаѣ уже простымъ большинствомъ голосовъ. Рязанское губ. зем. собраніе проектируетъ порядокъ двойного избранія: 13 декабря 1871 г. оно возбуждаетъ ходатайство о томъ, чтобы допущеніе къ баллотировкѣ лицъ, не отвѣчающихъ требованіямъ ст. 19 и 20 Учр. Суд. Уст., производилось не баллотиров-

---

значеніи мировыми судьями отъ правительства тѣхъ лицъ, которыя, при производствѣ выборовъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, получили большинство наличныхъ избирательныхъ голосовъ". Пользуясь разрѣшеніемъ, Вятское земство представило въ 1869 г. на 7 вакансій 14, избранныхъ большинствомъ голосовъ лицъ безъ имущественнаго ценза. Назначеніе на должности мировыхъ судей получили 3 изъ числа представленныхъ земствомъ и 4 представленныхъ мѣстнымъ губернаторомъ (дѣла Мин. Юст. 1870 г. № 8144, 1869 г. № 6195).

кой, а единогласнымъ открытымъ постановленіемъ, съ тѣмъ, чтобы допущенныя къ баллотировкѣ лица баллотировались совершенно такъ же, какъ и всѣ прочіе кандидаты, т. е., чтобы избирались простымъ большинствомъ. Днѣпровское уѣздное земское собраніе просило о допущеніи открытой подачи голосовъ для случаевъ избранія въ порядкѣ 34 ст. Нѣкоторыя изъ названныхъ земствъ впослѣдствіи возобновляли свои ходатайства, внося въ нихъ нѣкоторые варіанты [1]).

Ходатайства земствъ не имѣли успѣха. На докладѣ законодательнаго отдѣленія Д-та Мин. Юст., содержавшаго въ себѣ предположеніе о замѣнѣ въ ст. 34 единогласія квалифицированнымъ большинствомъ, отъ $^2/_3$ до $^4/_5$, 11 октября 1877 г. графъ Паленъ положилъ резолюцію: „при нынѣшнемъ положеніи мирового института и неудовлетворительности состава земскихъ собраній единогласное избраніе мировыхъ судей слѣдуетъ оставить безъ измѣненія". Тогда же, по иниціативѣ Палена, было предположено поднять вопросъ объ измѣненіи ст. 34 въ томъ смыслѣ, чтобы, при единогласномъ избраніи лицъ, не удовлетворяющихъ условіямъ ст. 19, допускалось отступленіе только отъ 3-го пункта этой статьи, т. е., отъ условія имущественнаго ценза, но не отъ ценза образовательнаго или служебнаго. Пренебреженіе послѣднимъ, по словамъ доклада, повело къ тому, что „между почетными мировыми судьями стали встрѣчаться даже безграмотные" [2]).

Суженію круга лицъ, имѣющихъ право баллотироваться въ мировые судьи, способствовалъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, и указъ Сената отъ 21 авг. 1870 г., разъяснившій ст. 34 Учр. Суд. Уст. въ томъ смыслѣ, что лица, по единогласномъ избраніи земскимъ собраніемъ, утвержденныя, на основаніи этой статьи, въ должности мирового судьи на первое трехлѣтіе,—могутъ снова быть избраны на слѣдующее трехлѣтіе опять таки лишь единогласнымъ постановленіемъ о томъ земскаго собранія. Прошло 10 лѣтъ прежде, чѣмъ Сенатъ далъ необходимое ограничительное толкованіе своему указу, разъяснивъ, что вторичное единогласное избраніе требуется только для лицъ, по прежнему не владѣющихъ надлежащимъ имущественнымъ цензомъ, что прослу-

---

[1]) Сен. Арх., дѣла Мин. Юст. 1870 г. № 8144, 1868 г. № 7910.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8144.

жившіе въ должности участковаго или почетнаго мирового судьи не менѣе 3 лѣтъ являются вполнѣ удовлетворяющими требованіямъ служебнаго ценза (2 п. 19 ст. Учр. Суд. Уст.) и могутъ поэтому быть избираемы уже простымъ большинствомъ, если всѣ остальныя условія для занятія должности—налицо [1]).

Переходя отъ количественнаго описанія личнаго состава мировыхъ судей къ описанію качественному, на первомъ планѣ приходится отмѣтить здѣсь вліяніе условій мѣста и времени. Личный составъ мирового суда былъ неодинаковъ въ столицахъ и въ провинціи, въ первое трехлѣтіе по введеніи института и въ послѣдующее время. Въ столицахъ онъ былъ (и продолжаетъ быть) всесословнымъ, безотносительнымъ къ имущественной состоятельности (если не имѣть въ виду скромнаго имущественнаго ценза, установленнаго для городовъ самимъ закономъ) и непрестанно прогрессирующимъ въ отношеніи процента лицъ съ высшимъ образованіемъ,—въ частности, съ высшимъ юридическимъ образованіемъ.

Иначе формировался составъ мировыхъ судей въ провинціи. Безсословный по закону, мировой институтъ фактически заполнялся здѣсь почти исключительно дворянами. Причиною былъ не столько характеръ избирательнаго органа—уѣзднаго земскаго собранія, въ составѣ котораго число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ не превышало числа гласныхъ отъ городовъ и отъ сельскихъ обществъ, взятыхъ въ совокупности, сколько требованія имущественнаго, служебнаго и образовательнаго ценза, удовлетворить которымъ, въ общей ихъ сложности, могли на мѣстахъ почти исключительно мѣстные дворяне-помѣщики [2]). Преимущественная принадлежность мировыхъ судей къ одному опредѣленному сословію, однако, отнюдь не сообщила этому институту какой-либо односторонне-сословной тенденціи.

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1880 г. № 433.

[2]) Процентъ дворянъ среди участковыхъ мировыхъ судей былъ нѣсколько ниже въ губерніяхъ недворянскихъ. Въ числѣ 55 участковыхъ мировыхъ судей Олонецкой губерніи въ 1869 г. было землевладѣльцевъ 10, отставныхъ военныхъ 6, бывшихъ мировыхъ посредниковъ 4, чиновниковъ 18, купцовъ 8, крестьянъ 9 (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 5559). Въ 1885 г., въ составѣ 64 участковыхъ мировыхъ судей Пермской губерніи числилось дворянъ 18, лицъ обозначенныхъ чиномъ 39, купцовъ 4, крестьянъ 2, мѣщанинъ 1 (тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1885 г. № 2949).

По словамъ А. А. Корнилова [1]), „съ самаго открытія земскихъ учрежденій, въ нихъ вообще укоренился здоровый демократическій духъ, которымъ проникліись всѣ передовые и наиболѣе вліятельные земскіе дѣятели... Въ земскихъ учрежденіяхъ интересы народныхъ массъ сразу поставлены были на первый планъ. Лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ выдвигался на сцену сословный интересъ и еще рѣже онъ торжествовалъ. Дѣятели всесословнаго земства какъ-то сразу почувствовали себя представителями не узкихъ классовыхъ и сословныхъ, а широкихъ всесословныхъ интересовъ, и въ этомъ отношеніи гласные отъ землевладѣльцевъ шли постоянно объ руку съ наиболѣе просвѣщенными гласными отъ крестьянъ".

И. С. Аксаковъ отмѣчаетъ, въ частности, тактъ и практическій смыслъ, обнаруженный гласными изъ крестьянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ,—даже и при численномъ преобладаніи они все же выбирали дворянъ:—„Какъ народъ, по преимуществу бытовой, крестьяне признаютъ все значеніе разницы быта, и своимъ трезвымъ разумомъ очень хорошо понимаютъ, что дворянинъ, по своему образованію, по общественному положенію и служебной опытности, способнѣе вести сложное и письменное дѣло земской администраціи, нежели человѣкъ неграмотный, подавленный нуждой и заботами... Крестьяне настолько чужды сословнаго антагонизма, что личныя качества дворянина способны вызвать съ ихъ стороны полное, безграничное довѣріе, если только онъ того истинно заслуживаетъ. По свидѣтельству самихъ помѣщиковъ, выборъ крестьянъ, падавшій на дворянина, отличался особенной строгостью и былъ всегда вѣренъ" [2]).

Отсутствіе въ дѣятельности мировыхъ судей какихъ либо сословныхъ тенденцій находитъ свое объясненіе, кромѣ общаго характера эпохи, въ знаменательномъ фактѣ обозначившагося къ тому времени разслоенія дворянскаго сословія. Непосредственно передъ тѣмъ, это разслоеніе сказалось въ отношеніи дворянскаго сословія къ службѣ въ должностяхъ мировыхъ посредниковъ; теперь можно было наблюдать то же самое въ отношеніи сословія къ судебно-мировой службѣ. Исторически одно

---

[1]) Корниловъ, А. А. Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ. СПБ. 1906 г.

[2]) „День", 27 марта 1865 г.

общественное устремленіе слѣдовало за другимъ; одинаковы были и судьбы ихъ обоихъ.

Какъ вспоминаетъ статсъ-секретарь Кахановъ,—„послѣ освобожденія крестьянъ, дворяне и даже служащіе распались на два лагеря. Одни, при необыкновенномъ подъемѣ духа и нервномъ возбужденіи, горячо защищали и безкорыстно, но не безъ примѣси увлеченія, проводили въ жизнь установленныя закономъ начала, при чемъ видѣли въ нихъ залогъ дальнѣйшихъ преобразованій. Другіе плохо скрывали недовольство и подчинялись требованіямъ Положенія неохотно, отстаивая шагъ за шагомъ, нерѣдко съ запальчивостью, отмѣненныя права, при чемъ расчитывали на возмѣщеніе ихъ тѣмъ или другимъ путемъ. Мировыхъ посредниковъ такъ наз. перваго призыва выдѣлили изъ среды своей обѣ партіи, но преимущественно партія, сочувствовавшая реформамъ". Подъемъ общественныхъ силъ не былъ, однако, сколько-нибудь продолжителенъ. „Когда съ миноваіемъ первыхъ 2—3 лѣтъ, главная задача была исполнена, и крестьянское дѣло перестало быть предметомъ, исключительно занимавшимъ общественное мнѣніе, вступило въ будничную колею, то и первые его дѣятели стали постепенно уступать мѣсто уже другимъ, будничнымъ дѣятелямъ"... [1]). „Мировые посредники перваго набора стали покидать свои должности; для занятія собственными дѣлами, или для поступленія на мѣста мировыхъ судей" [2]).

Что влекло ихъ сюда?

Независимые по своему общественному положенію, эти люди смотрѣли на свою новую судебную дѣятельность, какъ на продолженіе посреднической, ждали отъ мирового суда, столь близкаго населенію, способствованія ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній, искорененію навыковъ, понятій, притязаній и даже внѣшнихъ формъ обращенія, унаслѣдованныхъ отъ эпохи крѣпостного права. Но этихъ людей оказалось, во-первыхъ, слишкомъ мало, а, во-вторыхъ, многіе изъ нихъ, въ силу непривычки къ длительному напряженію энергіи и цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій мѣстнаго и общаго характера, которыми оказалась обставлена земская жизнь и, въ частности, дѣятельность миро-

---

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., дѣло подъ №№ 95 и 44 за 1888—9 гг., записка члена Гос. Сов. Каханова, л. 632.

[2]) Тамъ же, то же дѣло, записка члена Гос. Сов. Мансурова.

вого судьи, почувствовали скоро утомленіе и такъ же легко стали покидать должность мирового судьи, какъ ранѣе — мирового посредника.

Подтверждая, что „въ уѣздахъ участковые мировые судьи выбираются почти исключительно изъ дворянъ", уже въ 1868 г. прокуроръ Воронежскаго окружнаго суда, какъ участникъ офиціальной анкеты, отмѣчаетъ, что „землевладѣльцы богатые въ своихъ помѣстьяхъ живутъ рѣдко, а дворяне со среднимъ состояніемъ, получившіе образованіе, почти всѣ находятся уже и безъ того на государственной службѣ,—кандидатами на должности судей являются или отставные военные, получившіе образованіе въ кадетскихъ корпусахъ, или дворяне, получившіе домашнее воспитаніе, т. е. почти никакого, и выбираемые единогласно, или, наконецъ, бывшіе чины полиціи, становые и исправники, сумѣвшіе снискать расположеніе мѣстнаго населенія различными послабленіями, дѣлаемыми ими во время нахожденія на службѣ" [1]). Большинство этихъ людей шли въ мировые судьи, какъ идутъ вообще на службу, отнюдь не потому, что они къ ней чувствовали особое призваніе, или были увлечены общественной идеей; не было у нихъ и надлежащей технической подготовки. „Въ мировые судьи,—пишетъ прокуроръ Рыбинскаго окружнаго суда, — почти исключительно поступаютъ лица, не имѣющія юридическаго образованія и потому не могущія или не надѣющіяся получить болѣе выгодную должность по судебному вѣдомству отъ правительства, и при томъ въ большинствѣ случаевъ такія лица, которыя по своимъ хозяйственнымъ интересамъ желаютъ служить на мѣстѣ своего хозяйства. Есть судебные округа, въ которыхъ ни одинъ изъ мировыхъ судей не получилъ юридическаго образованія. Большая часть мировыхъ судей отставные военные офицеры, и только нѣкоторые изъ нихъ, предварительно опредѣленія въ мировые судьи, служили по крестьянскимъ мировымъ учрежденіямъ [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910, л. 233.

[2]) Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Суд. Уставовъ за 1868 г., стр. 44 и 45.

III. Условія дѣятельности мировыхъ судей.

Говоря объ условіяхъ дѣятельности мировыхъ судей, разсмотримъ, прежде всего, вліяніе, которое оказали на жизнь мирового института самостоятельныя общественныя силы, входившія въ соприкосновеніе съ нимъ: земство, какъ органъ избирательный; населеніе, какъ поставщикъ матеріала для судебнаго разбирательства и какъ участникъ въ дѣлопроизводствѣ; полиція, какъ вспомогательный органъ суда.

Земство. Согласно первоначальной редакціи 24 ст. Учр. Суд. Уст., *выборы мировыхъ судей должны были происходить* на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, спеціально для этой цѣли созываемыхъ. Но экстренныя собранія для выбора мировыхъ судей оказались почти вездѣ малочисленнѣе очередныхъ. Въ 1868 г. въ Черниговѣ, Орлѣ, Нолинскѣ они не состоялись вовсе. Высочайше утвержденное 14 апрѣля 1869 г. мнѣніе Гос. Сов. о дополненіи ст. 24 Учр. Суд. Уст. словами „въ ихъ очередныхъ засѣданіяхъ" было мотивировано ни чѣмъ инымъ, какъ именно опасеніемъ, что выборы мировыхъ судей, производимые въ экстренныхъ собраніяхъ, могутъ легко сдѣлаться выраженіемъ мнѣнія отдѣльныхъ личностей, и даже зависѣть отъ случая [1]). Какъ происходили эти выборы? Въ сообщеніяхъ прокуроровъ и губернаторовъ можно встрѣтить не мало жалобъ на вліяніе партій и избирательную интригу. По словамъ прокурора Московскаго окружного суда Жукова [2]), „на практикѣ были случаи, въ которыхъ земскія собранія произвольно и послѣ уже выбора лицъ на должности мировыхъ судей уменьшали назначенное имъ содержаніе", если эти лица почему либо были непріятны вліятельнымъ членамъ партій [3]). Членъ Харьковской суд. палаты Ненарочкинъ, ревизовавшій въ 1885 г. мировыхъ судей Пермской губ., отмѣчаетъ въ своемъ отчетѣ такой случай: „въ Осинскомъ мировомъ округѣ мировые судьи не угодили въ этомъ году земству, и оно содержаніе судей въ 2500 р. понизило до

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910.

[2]) Тамъ же, то же дѣло, рапортъ отъ 22 февраля 1874 г., л.л. 269 и 282.

[3]) См. также отзывъ прокурора Московской суд. палаты отъ 27 авг. 1871 г., тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1870 г., № 8122.

2200 р.; мало того: чтобы еще болѣе наказать судей, распорядилось давать имъ для разъѣздовъ по дѣламъ службы, вмѣсто трехъ, двухъ лошадей, тогда какъ тремя лошадьми пользуются даже становые пристава" [1]). На забаллотированіе энергичныхъ, достойныхъ людей, не успѣвшихъ угодить нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ уѣзда, и на избраніе взамѣнъ, путемъ интригъ, лицъ, не соотвѣтствующихъ призванію судьи, при выборахъ на 2-е трехлѣтіе, жалуется прокуроръ Владимірскаго окружнаго суда [2]).

Особый видъ выборныхъ злоупотребленій былъ связанъ съ существованіемъ 1-го пункта ст. 23 Учр. Суд. Уст. („мировыми судьями не могутъ быть состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки"). Случалось, что передъ самыми выборами къ лицу, намѣревающемуся баллотироваться въ судьи, предъявлялось кѣмъ либо завѣдомо недобросовѣстное обвиненіе въ нанесеніи оскорбленія или въ иномъ проступкѣ,—полученіе обвиняемымъ повѣстки о явкѣ на судъ устанавливало состояніе подсудности, служило препятствіемъ къ избранію этого лица на ближайшее трехлѣтіе. На вытекающія отсюда неудобства было указано въ свое время Курскимъ, Устюжскимъ и Херсонскимъ уѣздными земскими собраніями [3]).

Правда, какъ утверждаетъ въ своемъ представленіи Министерству Юстиціи отъ 23 февраля 1872 г. оберъ-прокуроръ 1-го деп. Сената, „за трехлѣтіе съ 1869 по 1872 г. по 30 губерніямъ не утверждено было, какъ состоявшихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ, всего только 19 лицъ, изъ коихъ 17 находились подъ слѣдствіемъ или судомъ по преступленіямъ должности, и только два лица привлечены были къ суду по обвиненію въ маловажныхъ проступкахъ", и, по точному смыслу 1 п. 21 ст., не были утверждены Сенатомъ. Но если принять во вниманіе, что, по словамъ оберъ-прокурора, такимъ же толкованіемъ, какъ видно изъ дѣлъ Сената, руководствуется и большинство земскихъ собраній, „не допуская до выборовъ лицъ, состоящихъ подъ судомъ или слѣдствіемъ, безо всякаго ограниченія", то надо признать, что неудобства, указанныя земскими собраніями, дѣйствительно существовали [4]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1885 г. № 2949, л. 54.
[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1872 г. № 5718.
[3]) Тамъ же, дѣла Мин. Юст. 1871 г. № 6181, 1873 г. № 979.
[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 6186.

Въ другихъ случаяхъ выборная интрига выливалась въ болѣе грубую форму. Вотъ, напр., что пишетъ конфиденціально управляющему Министерствомъ Юстиціи кн. Урусову 8 авг. 1867 г. воронежскій губернаторъ кн. Трубецкой: „съ прискорбіемъ долженъ передать вамъ нѣкоторыя наши трудныя дрязги... къ сожалѣнію, на съѣздъ (въ Бирючѣ) прибыли не всѣ, такъ что большинство оказалось за сельскими обществами и городомъ (11 противъ 31). Одинъ изъ купцовъ г. Бирюча, К., пользующійся далеко не завидной репутаціей, не внесенный въ предварительный списокъ, но содержащій трактиры въ г. Бирючѣ, пріютилъ у себя гласныхъ крестьянъ, щедро ихъ угостилъ, и въ собраніи предъявилъ права свои на должность мирового судьи; собраніе, большинствомъ голосовъ 31 противъ 11, признало эти права и затѣмъ, тѣмъ же большинствомъ, выбрало К. мировымъ судьей. Послѣ этого выбора никто изъ прежнихъ кандидатовъ баллотироваться не пожелалъ, и въ Бирюченскомъ уѣздѣ на 5 мировыхъ участковъ выбрано только 2 судей". Не менѣе, чѣмъ интрига, примитивенъ путь, которымъ губернаторъ предполагаетъ поправить дѣло: „въ сентябрѣ могутъ быть выбраны недостающіе 3 мировыхъ судей, и, при распредѣленіи между ними участковъ, К. получитъ, вѣроятно, такой, отъ котораго онъ откажется, такъ какъ торговыя дѣла его не позволяютъ ему удаляться на большое разстояніе отъ города" [1]).

Не въ интересахъ дѣла былъ и другой, противоположный недостатокъ мѣстныхъ выборовъ, отмѣчаемый членомъ Харьковской судебной палаты Ненарочкинымъ,—безучастное отношеніе избирателей къ выборному началу вообще и къ качествамъ избираемыхъ лицъ въ частности. Такое отношеніе къ порученному дѣлу особенно рѣзко проявлялось въ избирательной практикѣ губернскихъ земскихъ собраній. По словамъ отчета, представленнаго Ненарочкинымъ въ 1885 г. о пермскихъ мировыхъ судьяхъ, почти $^1/_3$ которыхъ доизбиралась губернскимъ земскимъ собраніемъ, „забаллотированныхъ уѣздными земскими собраніями претендентовъ въ мировые судьи губернское земское собраніе избираетъ въ тѣ же именно уѣзды, гдѣ они уже были забаллотированы" [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 6268.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1885 г. № 2949, л.л. 42 и 46.

Приведенные факты можно считать установленными. Но едва ли они допускаютъ широкое обобщеніе. Партіи въ земствѣ часто смѣняли одна другую у кормила правленія, но составъ мировыхъ судей терпѣлъ лишь частичныя измѣненія. Если и допустить, что та или другая партія была не прочь проводить „своихъ“ на вновь открывшіяся мѣста, то, вмѣстѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ же партіи лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ позволяли себѣ забаллотировывать людей, ожидающихъ у избирательнаго ящика лишь возобновленія своихъ судейскихъ полномочій послѣ одного, или болѣе, трехлѣтій достойнаго отправленія должности судьи. Вторая опасность — апатичнаго отношенія къ выборамъ — представлялась, быть можетъ, болѣе серьезной.

Для соотвѣтствующихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія выборы мировыхъ судей были не только средствомъ замѣщенія вакантныхъ должностей мировыхъ судей, но и выполненіемъ функціи контроля надъ дѣятельностью послѣднихъ. Въ какой мѣрѣ общество использовало это право наблюденія, можно до извѣстной степени судить по количеству лицъ переизбираемыхъ: въ Петербургѣ изъ числа мировыхъ судей, избранныхъ на 1-е трехлѣтіе, было переизбрано на 2-е 39%, на 3-е 27%. Для Петербургской губ. соотвѣтствующія процентныя ставки были 74 и 44, для Москвы 70 и 48, для Московской губ. 52 и 24. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ прокурорами и предсѣдателями окружныхъ судовъ относительно 1232 участковыхъ мировыхъ судей, видно, что изъ ихъ числа было переизбрано на 2-е трехлѣтіе 48% и на 3-е 44%. По свѣдѣніямъ оберъ-прокурора I-го департамента Сената, относительно 1812 участковыхъ мировыхъ судей, для тѣхъ же ставокъ слѣдуетъ принять числа 54 и 36. Можно думать, что въ среднемъ было переизбрано на 2-е трехлѣтіе около половины мировыхъ судей, и на третье около одной трети первоначально избранныхъ. Выбытіе изъ числа мировыхъ судей происходило, впрочемъ, не только вслѣдствіе забаллотированія или боязни быть забаллотированнымъ, но и по другимъ причинамъ, такъ что не всегда можно его ставить въ связь съ контролемъ избирателей [1]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910.

По исчисленію г. Окунева, средняя продолжительность службы выборнаго мирового судьи ко времени реформы 1889 г. составляла 8 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 10 дней, — въ среднемъ, каждый судья выдерживалъ, такимъ образомъ, по три избранія [1]).

Слѣдующимъ, чрезвычайной важности, условіемъ успѣшной дѣятельности суда является культурный уровень населенія, судебныя нужды котораго онъ обслуживаетъ. Мировой судъ въ провинціи не имѣлъ предшественниковъ, такъ какъ ни патримоніальная юстиція, ни полицейская расправа не могли быть названы судомъ. Не могло, естественно, выработаться у населенія и тѣхъ представленій о правахъ и способахъ ихъ защиты, тѣхъ навыковъ и настроеній, которыми необходимо должны располагать стороны. Юридическая безпомощность населенія усугублялась тѣмъ, что въ уѣздахъ народъ былъ почти сплошь неграмотенъ. Какъ замѣчаетъ предсѣдатель Владимірскаго мирового съѣзда, неграмотность населенія доходила до того, что уѣздный мировой судья не находилъ часто въ засѣданіи ни одного грамотнаго, ни между состязующимися, ни въ числѣ свидѣтелей, ни среди постороннихъ посѣтителей; весь процессъ, всѣ доказательства сторонъ и мировыя соглашенія удостовѣрялись „одною чистой совѣстью судьи“ [2]). Въ особенности недоступно было для большинства тяжущихся различіе между апелляціоннымъ и кассаціоннымъ порядками рѣшенія дѣлъ. Съѣздамъ приходилось самимъ разбирать, какая жалоба должна быть признана апелляціонною и какая кассаціонною [3]).

Безграмотность народа, его юридическое невѣжество повели къ возникновенію кадровъ подпольныхъ адвокатовъ, ускользавшихъ отъ всякаго контроля, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ для вовлеченія населенія въ судебныя кляузы. Подпольная адвокатура, съ одной стороны, способствовала раззоренію тяжущихся, — съ другой, обременяла мировыя учрежденія необоснованными исками [4]).

---

[1]) Журн. Мин. Юст. 1889 г. № 2, стр. 208.

[2]) Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Суд. Уст. за 1868 г., стр. 120.

[3]) Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Суд. Уст. за 1869 г., стр. 23, замѣчаніе предсѣдателя Валдайскаго мирового съѣзда.

[4]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1886 г. № 6318, записка предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей Конотопскаго судебно-мирового округа Псіола.

Но если одни судящіеся шли за помощью къ частнымъ ходатаямъ, — другіе, въ силу того же юридическаго невѣжества, возлагали все упованіе свое на судью, прося, чтобы онъ самъ собралъ тѣ или другія свѣдѣнія и справки и дозналъ, кто правъ и кто неправъ. Требованія состязательнаго процесса оказывались недоступными пониманію многихъ, и судебное состязаніе часто низводилось до уровня частныхъ пререканій, взаимныхъ укоровъ и едва не перебранки, такъ что судьѣ необходимо было запастись большимъ терпѣніемъ, чтобы уяснить дѣло и добраться до истины.

Нельзя сказать, чтобы и представители господствующаго сословія всегда обнаруживали правильное пониманіе задачъ правосудія и своего положенія. на судѣ. Случалось, что они считали несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ стоять при судоговореніи на одной доскѣ съ „мужикомъ“, а, проигравъ процессъ, упрекали судью за то, что онъ „могъ промѣнять своего брата помѣщика на мужика“.

Задачи правосудія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и положеніе судьи осложнялись, далѣе, экономической безпомощностью населенія, въ особенности, въ области сельскаго кредита; пагубнымъ вліяніемъ питейныхъ домовъ, служившихъ какъ бы складами заложенныхъ вещей; общею грубостью нравовъ,—въ частности, хронически жестокимъ обращеніемъ мужей съ женами, несшими къ мировымъ судьямъ вырванныя у нихъ косы и неотступно требовавшими вольнаго билета. Вліяніе только что отмѣненнаго крѣпостного права сказывалось въ смутности представленій о правѣ собственности,—о томъ, что свое, и что чужое. Народъ продолжалъ думать, что лѣсъ созданъ на общую потребу, и что нѣтъ большого грѣха свезти съ поля чужіе снопы, въ особенности, если хлѣбъ принадлежалъ помѣщику.

Неустойчивости представленій о правахъ по имуществу способствовалъ въ извѣстной мѣрѣ и усвоенный законом, но совершенно недоступный пониманію крестьянина (и только ли крестьянина?), параллелизмъ вѣдомствъ судебно-мировыхъ установленій и волостного суда въ дѣлахъ о кражахъ. Населеніе не могло понять, почему крестьянинъ, обокравшій горожанина на одинъ или на два рубля, гдѣ бы онъ кражу ни учинилъ, судится у мирового судьи и наказывается тюрьмою до 6 мѣсяцевъ, тогда какъ у себя въ деревнѣ за кражу у крестьянина

вещи, стоимостью до 30 р., онъ отдѣлывается на волостномъ судѣ всего лишь нѣсколькими днями ареста? Почему, напротивъ, онъ наказывается тюрьмою, если того же крестьянина обокрадетъ въ городѣ на базарѣ? Почему мѣщанинъ, обокравшій крестьянина, будетъ во всякомъ случаѣ заключенъ въ тюрьму, гдѣ бы онъ ни обокралъ крестьянина, въ городѣ или въ деревнѣ? Какъ можно было согласить эти различія въ наказаніяхъ съ провозглашеннымъ началомъ равенства всѣхъ передъ закономъ, съ признаннымъ назначеніемъ закона давать всѣмъ равную защиту и, независимо отъ званія, одинаково всѣхъ карать при равенствѣ вины и равной противоправности содѣяннаго? [1]).

Полиція. „Судебная реформа, — писалъ въ исходѣ 80-хъ годовъ статсъ-секретарь Кахановъ [2]),—освободившая Россію отъ слишкомъ забытыхъ теперь печальныхъ судебныхъ порядковъ, повліяла весьма существеннымъ образомъ на положеніе мѣстной администраціи. Отъ губернской власти отпало вліяніе на ходъ судебныхъ дѣлъ; отъ полиціи отошли многія производства, сопряженныя съ матеріальными интересами частныхъ лицъ [3]). Взамѣнъ этого возникали сложныя отношенія къ независимому судебному строю, а полиція заваливалась, сверхъ того, множествомъ мелкихъ дѣлъ, не представлявшихъ ничего привлекательнаго. Всѣ административные чины ставились въ такое отвѣтственное положеніе, къ которому они вовсе не были подготовлены ни предшествовавшими порядками, ни точнымъ опредѣленіемъ въ законѣ ихъ правъ и обязанностей. Стали обсуждаться дѣла, которыя прежде оставались въ полной безгласности. Стали обнаруживаться такія дѣйствія административныхъ лицъ и такіе пріемы административной практики, которые не могли не вліять на сужденія мѣстнаго общества о недостаткахъ устройства и личнаго состава мѣстнаго управленія. Явленія эти усиливались

---

[1]) В. Назарьевъ. Современная глушь. Изъ воспоминаній мирового судьи. Вѣстникъ Европы, 1872 г., кн. 2 и 3.

[2]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., дѣло подъ №№ 95 и 44 1888—9 гг., л. 635 и сл.

[3]) До введенія мировыхъ судовъ полиція вѣдала проступки, за которые полагалось денежное взысканіе до 15 р. Еще шире была ея власть по дѣламъ гражданскимъ: всякаго рода денежныя обязательства, залогомъ и закладомъ не обезпеченныя, на сумму не свыше 30 р., предъявлялись ко взысканію прямо становому или городскому приставу, а на сумму не свыше 500 р. уѣздному исправнику или полиціймейстеру, по принадлежности. „Столкновенія между судомъ и администраціей", Отечеств. Записки, 1869 г. № 11.

чрезмѣрно, съ одной стороны, отъ малаго знакомства съ мѣстными условіями большинства судебнаго персонала, нерѣдко увлекавшагося при исполненіи своихъ обязанностей и при стремленіи къ огражденію своей независимости отъ мѣстныхъ вліяній; съ другой,—отъ неумѣнія мѣстныхъ властей, а часто и невозможности для нихъ строго сообразовывать свою и своихъ подчиненныхъ дѣятельность съ новыми порядками и требованіями".

Отношенія мировыхъ судей къ полиціи слагаются изъ отношеній трехъ категорій: къ полиціи, какъ къ органу уголовнаго преслѣдованія; къ ней же, какъ къ исполнительницѣ разнаго рода порученій суда; къ ней же, какъ къ учрежденію, подпадающему въ извѣстной мѣрѣ дисциплинарной власти суда.

Въ качествѣ органа уголовнаго преслѣдованія по дѣламъ о преступленіяхъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ и преслѣдуемыхъ помимо частной жалобы, полицейскія власти не оказывали въ полной мѣрѣ того содѣйствія правосудію, котораго отъ нихъ ожидалъ законъ. Въ большинствѣ случаевъ они ограничивались составленіемъ „акта" (формально выполненнаго описанія событія) и передачей его мировому судьѣ. Въ виду бездѣйствія полиціи, обязанной по закону и располагающей всѣми способами къ тому, чтобы своевременно собрать доказательства и охранить слѣды преступленія,—мировому судьѣ, за невозможностью возстановить упущенное, приходилось часто, волей-неволей, оправдывать подсудимаго, къ неудовольствію какъ потерпѣвшаго, такъ и публики [1]). По ознакомленіи съ результатами ревизіи Борисоглѣбскаго судебно-мирового округа сенаторомъ Катакази, Министерство Юстиціи обратило вниманіе тамбовскаго губернатора на то, что, „не смотря на значительное число возбуждаемыхъ борисоглѣбской полиціей обвиненій, она не принимаетъ никакого участія въ поддержаніи ихъ при разбирательствѣ по нимъ у мировыхъ судей, вслѣдствіе чего обвинительные приговоры послѣднихъ по дѣламъ этого рода были постановлены почти исключительно на основаніи сознанія обвиняемыхъ, а по приговорамъ оправдательнымъ не было представлено полиціей ни одного апелляціоннаго отзыва" [2]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 3044.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 1925. Отношеніе датировано 14 окт. 1871 г.

Еще труднѣе, на первыхъ порахъ, налаживалась совмѣстная работа мировыхъ судей и полиціи, на почвѣ тѣхъ „порученій", которыя мировымъ судьямъ приходилось возлагать на полицію. Вопросъ о правѣ порученій стоялъ тѣмъ острѣе, что онъ осложнялся вопросомъ о правѣ мировыхъ судей „въ случаѣ неисполненія полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мирового судьи... дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія" [1]).

Столкновенія на этой почвѣ начинаются съ первыхъ же дней жизни новаго института. Ветлужское полицейское управленіе выражаетъ недовольство тѣмъ, что нѣкоторые изъ мировыхъ судей Ветлужскаго уѣзда, въ особенности М. и П., не смотря на существованіе при мировомъ съѣздѣ двоихъ судебныхъ приставовъ, очень часто обращаются къ чинамъ полиціи за приведеніемъ въ исполненіе своихъ рѣшеній. Оно тѣмъ болѣе недовольно М., который началъ возлагать такія порученія и лично на уѣзднаго исправника. Равнымъ образомъ, оно не признаетъ права мировыхъ судей посылать повѣстки для выдачи лицамъ, живущимъ въ г. Ветлугѣ, къ мѣстному полицейскому надзирателю. Аналогичныя столкновенія тогда же имѣли мѣсто въ предѣлахъ Курской губ., въ Боровичскомъ уѣздѣ Новгородской губ., въ Калужской, Тульской, Нижегородской, Полтавской губ. [2]). Пензенское губернское правленіе возбуждаетъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли право мировой судья давать полицейскимъ чиновникамъ словесныя порученія, равно какъ предлагать чинамъ полиціи быть внимательнѣе при исполненіи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей? [3]). Въ Петербургѣ оберъ-полиціймейстеръ ген.-адъютантъ Треповъ жалуется на мировыхъ судей, что они объявляютъ чинамъ полиціи предостереженія въ такихъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточнаго повода къ принятію этой мѣры взысканія. Оберъ-полиціймейстеръ держится того мнѣнія, что объявленію предостереженій должно предшествовать истребованіе объясненій отъ того лица, которое предполагается виновнымъ, и что во всякомъ случаѣ участіе чиновника полиціи въ дѣлахъ, относящихся къ производству мировыхъ судей, находится, при громадномъ количествѣ

[1]) Ст. 53 Учр. Суд. Уст.; существенно измѣнена закономъ 18 дек. 1879 г.

[2]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3558.

[3]) Тамъ же, дѣло I-го деп. Пр. Сен. 1871 г. № 171.

этихъ дѣлъ, въ зависимости отъ условій необходимости, возможности и особыхъ распоряженій его начальства, входить въ обсужденіе и оцѣнку которыхъ мировые судьи не имѣютъ права [1]).

Для характеристики отношеній мѣстныхъ властей къ мировымъ судьямъ, поскольку они опредѣлялись практикой порученій, примѣромъ можетъ служить конфликтъ, разыгравшійся въ предѣлахъ Орловской губерніи.

Орловскій губернаторъ Лонгиновъ въ январѣ и мартѣ 1868 г., для разъясненія чинамъ полиціи предѣловъ ихъ обязанностей по оказанію содѣйствія мировой юстиціи, издалъ рядъ циркуляровъ. 20 марта 1868 г., циркуляромъ за № 2, онъ предписалъ полицейскимъ управленіямъ не исполнять требованій мировыхъ судей, если они изложены не въ формѣ отношеній, а въ видѣ порученій, предложеній, предписаній или приказаній. Въ другомъ циркулярѣ, за № 3, отъ того же 20 марта, губернаторъ нашелъ: 1) что мировой судья обязанъ имѣть своего разсыльнаго, а потому доставленіе полиціею повѣстокъ мировыхъ судей о вызовѣ къ суду можетъ быть допущено только въ видѣ исключенія; 2) что развозка самими чиновниками полиціи по городу или уѣзду повѣстокъ не соотвѣтствуетъ достоинству коронныхъ чиновниковъ и не указана въ законѣ; 3) что доставка повѣстокъ необязательна, если сроки вызова не соотвѣтствуютъ разстояніямъ и мѣстнымъ средствамъ сообщенія; 4) что мировой судья можетъ поручать полиціи предварительное розысканіе только по тѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя будутъ усмотрѣны лично

---

[1]) Сен. Арх., отчетъ Мин. Юст. за 1869 г.; дѣла Мин. Юст. 1870 г. № 1980, л. 69 и 1869 г. № 808. Къ ограничительному толкованію ст. 53 Уст. Уг. Суд. склонялся и мин. вн. дѣлъ Тимашевъ. Въ отношеніи отъ 14 февраля 1875 г., на имя министра юстиціи, Тимашевъ доказывалъ, что ст. 53 предоставляетъ мировымъ судьямъ подвергать полицейскихъ чиновъ предостереженіямъ единственно за неисполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей по производству дознаній, „ибо только такого рода поступки полиціи, имѣющіе непосредственное вліяніе на существо самаго дѣла, могутъ быть ближе оцѣнены мировымъ судьей, разбирающимъ это дѣло, чѣмъ начальствомъ полиціи. Всякое же другое участіе полиціи въ производствѣ тѣхъ же дѣлъ, проявляющееся, напр., во врученіи по принадлежности присланной мировымъ судьей повѣстки, или въ обличеніи обвиняемыхъ передъ судомъ мирового судьи, какъ не относящееся къ области дознанія, не можетъ, по точному смыслу статей Уст. Уг. Суд., подлежать непосредственному контролю мировыхъ судей, а должно составлять предметъ вѣдѣнія полицейскаго начальства". Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 1808.

Отвергнувъ право мировыхъ судей возлагать исполненіе порученій лично на исправника и дѣлать ему предостереженіе за неисполненіе этихъ порученій, Сенатъ во всемъ остальномъ сталъ на сторону мировыхъ судей.

мировымъ судьей; обыски же, осмотры и освидѣтельствованія полиція обязана производить единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда мировой судья, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, не можетъ произвести ихъ лично. Циркуляры эти были разосланы какъ въ полицейскія управленія, такъ и въ съѣзды мировыхъ судей. Мировые съѣзды: Елецкій, Сѣвскій, Малоархангельскій и Мценскій постановили представить копіи съ циркуляровъ орловскаго губернатора министру юстиціи, „прося содѣйствія къ возстановленію законнаго порядка по производству дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, нарушеннаго распоряженіемъ губернскаго начальства". Изъ нихъ Сѣвскій мировой съѣздъ о своемъ рѣшеніи — не принимать циркуляровъ къ свѣдѣнію, а руководствоваться правилами, изложенными въ Уставахъ 20 ноября 1864 г.—предварительно увѣдомилъ губернатора. Послѣдній отвѣтилъ на это съѣзду, что, послѣ сдѣланнаго имъ по полиціи законнаго и для нея обязательнаго распоряженія, онъ не находитъ нужнымъ въ настоящее время ни входить въ какія либо дальнѣйшія объясненія по этому дѣлу, ни воспользоваться на этотъ разъ правомъ, предоставленнымъ начальникамъ губерній пунктомъ 8-мъ Высочайшаго повелѣнія отъ 12 окт. 1866 г. относительно всѣхъ безъ исключенія служащихъ въ губерніи лицъ, обязанныхъ непремѣнно подчиняться законнымъ требованіямъ представителя въ оной высшей власти и оказывать ему должное уваженіе.

Вскорѣ послѣ того и. д. прокурора Харьковской судебной палаты донесъ министру юстиціи, что, по сообщенію прокурора Орловскаго окружнаго суда, въ послѣднее время къ нему стали особенно часто поступать отъ мировыхъ судей жалобы на бездѣйствіе и неправильныя распоряженія полицейскихъ чиновъ, относительно исполненія возложенныхъ на нихъ 74-ю и 105-ю статьями Уст. Уг. Суд. обязанностей по производству дѣлъ у мировыхъ судей. Обзоръ присланныхъ отъ мировыхъ судей дѣлъ приводитъ орловскаго прокурора къ убѣжденію, что пререканія между полицейскими чинами и мировыми судьями имѣютъ общій характеръ въ высшей степени возбужденнаго взаимнаго недоброжелательства, вызываемаго и выражаемаго полицейскими чинами посредствомъ самыхъ неумѣстныхъ отвѣтовъ на отношенія мировыхъ судей и часто совершенно неосновательныхъ отказовъ отъ исполненія ихъ законныхъ требованій, доходящихъ иногда

даже до оскорбленія служебнаго ихъ достоинства. Такое анормальное положеніе мировой юстиціи въ округѣ оказывается конечнымъ послѣдствіемъ изданныхъ орловскимъ губернаторомъ циркулярныхъ предписаній полиціи. Какъ примѣръ того своеволія и рѣзкости, до которыхъ доходитъ въ настоящее время полиція въ отношеніяхъ съ мировыми судьями, прокуроръ Харьковской судебной палаты приводитъ въ своемъ донесеніи министру юстиціи отношеніе трубчевскаго исправника Зубковскаго, отъ 8 марта 1868 г. за № 180, къ мировому судьѣ 1 уч. Трубчевскаго уѣзда. Судья поручилъ исправнику сдѣлать распоряженіе о производствѣ обыска порубленнаго лѣса въ домахъ крестьянъ села Ясинаго. Въ отвѣтъ, исправникъ прислалъ судьѣ отношеніе слѣдующаго содержанія: „возвращая къ вамъ отношенія ваши за №№ 243 и 244 и отношеніе лѣсничаго 1-го Трубчевскаго лѣсничества за №№ 128 и 130, съ протоколами о порубкѣ лѣса въ Успенской и Поющинской лѣсныхъ дачахъ, увѣдомляю васъ, что, на основаніи 105 ст. Уст. Уг. Суд., вы обязаны сами производить осмотры, обыски и т. п., или поручить чинамъ мѣстной полиціи, т. е. становымъ приставамъ и полицейскимъ надзирателямъ, но не имѣете никакого права дѣлать мнѣ, какъ начальнику уѣзда и президенту полицейскаго управленія, подобнаго рода порученія. Права мои и обязанности по службѣ указаны особымъ закономъ, и я ихъ исполняю въ точности, но исполнять подобнаго рода требованій вашихъ, по неимѣнію въ виду закона, не буду, а подобнаго рода порученія мнѣ можетъ дѣлать только одинъ начальникъ губерніи и губернское правленіе, но никакъ не вы. Если же вамъ неизвѣстны мои служебныя обязанности и мои права по службѣ, то гораздо лучше вникнуть въ смыслъ закона, уяснившаго эти обязанности и права, но не обременять меня неумѣстною и безполезною перепискою, въ устраненіе которой на будущее время— дѣлать осмотры и обыски черезъ васъ самихъ, а если вы по какимъ либо уважительнымъ причинамъ этого сдѣлать не будете имѣть возможности, то обращаться съ требованіями къ мѣстнымъ становымъ приставамъ и полицейскимъ надзирателямъ или во ввѣренное мнѣ полицейское управленіе".

Опредѣленіемъ Пр. Сената (по I деп.) отъ 6 ноября 1868 г. было признано, что распоряженія бывшаго орловскаго губернатора оказались вредными для общаго хода дѣлъ, такъ какъ ими

узаконивалось неисполненіе со стороны полиціи тѣхъ обязанностей, которыя возложены на нее закономъ, и тѣмъ самымъ препятствовалось правильному отправленію правосудія; что означенными распоряженіями устанавливался такой порядокъ, который ограничивалъ предоставляемую закономъ мировымъ судьямъ власть и подчинялъ оную въ нѣкоторой степени полицейской власти; что такой порядокъ прямо противорѣчилъ узаконеніямъ, содержащимся въ Уставахъ 20 ноября 1864 г. Въ силу этихъ соображеній, Сенатъ призналъ циркуляры губернатора подлежащими отмѣнѣ.

Кромѣ того, Сенатъ нашелъ, что губернаторъ въ своихъ циркулярахъ „коснулся той области отношеній полицейской власти къ мировой юстиціи, которая относится до порядка производства мировыми судьями подлежащихъ ихъ вѣдомству дѣлъ, тогда какъ надзоръ за этимъ порядкомъ, по 64 ст. Учр. Суд. Уст., принадлежитъ единственно Пр. Сенату и министру юстиціи", что губернаторъ, говоря иначе, выступилъ изъ предѣловъ своей власти. Какъ „объявили" 14 сенаторовъ (изъ числа 16) въ засѣданіи I-го департамента 22 декабря 1870 г., „со введеніемъ въ Орловской губ. Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., и съ окончательнымъ отдѣленіемъ, такимъ образомъ, судебной власти отъ административной, производство судебныхъ дѣлъ и вообще порядокъ, въ какомъ должны дѣйствовать вновь образованныя судебныя установленія, поставлены внѣ всякой зависимости отъ административной власти". Поэтому они (сенаторы) находятъ д. с. с. Лонгинова „виновнымъ не только въ неправильно сдѣланныхъ имъ въ помянутыхъ циркулярахъ полиціи распоряженіяхъ, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что подобныя распоряженія послѣдовали внѣ предѣловъ вѣдомства и круга власти губернатора" [1]).

[1]) Дѣло объ отвѣтственности д. с. с. Лонгинова за незаконные циркуляры производилось въ Сенатѣ съ 22 дек. 1870 г. по 8 апр. 1882 г.; было прекращено за смертью Лонгинова, умершаго 23 янв. 1875 г., въ должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. 24 сент. 1871 г., вслѣдствіе разногласія сенаторовъ I-го деп., дѣло внесено было въ общее собраніе I—III департаментовъ и департамента герольдіи, гдѣ голоса раздѣлились: 8 особъ „разсудили" объявить губернатору выговоръ, 13—замѣчаніе и 1 особа (С. И. Зарудный) — передать дѣйствія губернатора на разсмотрѣніе суда. О разногласіи сенаторовъ было доведено до свѣдѣнія министра юстиціи гр. Палена, который 28 марта 1872 г. предложилъ сдѣлать Лонгинову за допущенное имъ превышеніе власти выговоръ. Въ общемъ собраніи согласились съ министромъ 14 особъ, и 3 остались при прежнемъ мнѣніи. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 2800.

Въ 1875 г., по постановленію особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Валуева, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ была образована комиссія по вопросамъ, вытекающимъ изъ отношеній администраціи къ судебнымъ установленіямъ. Остановившись на вопросѣ о правѣ мировыхъ судей дѣлать предостереженія полиціи, комиссія нашла: 1) что мировые судьи пользуются правомъ предостереженій въ высшей степени широко и неразборчиво; 2) что они выходятъ за предѣлы, установленные 53 ст. Уст. Уг. Суд.; 3) что они пользуются правомъ предостереженій для выраженія ихъ личной непріязни; 4) что полицейскіе чиновники принимаютъ всякое предостереженіе за личную обиду, и 5) что послѣдствіемъ сего является разладъ, а при дальнѣйшихъ неудовольствіяхъ,—явное взаимное противодѣйствіе.

Соглашаясь съ заключеніемъ старшаго юрисконсульта Министерства Юстиціи Неклюдова, гр. Паленъ относительно приведенныхъ комиссіей доводовъ замѣтилъ слѣдующее: обвиненіе мировыхъ судей въ томъ, что они пользуются правомъ предостереженій излишне широко и неразборчиво,—вполнѣ голословно. „Правда, въ подтвержденіе сего довода въ трудахъ комиссіи имѣется ссылка на рѣшеніе кассаціоннаго суда по дѣлу мирового судьи Данилова (1867 г.),—ссылка, коею комиссія желаетъ доказать, что мировые судьи дѣлаютъ полиціи предостереженія за каждое изъ ея упущеній въ отдѣльности, но и эта единственная ссылка на фактическія данныя обращается противъ предположеній комиссіи. Изъ подлиннаго рѣшенія Сената усматривается, что мировой судья Даниловъ сдѣлалъ полицейскому чину одно предостереженіе за нѣсколько допущенныхъ имъ нарушеній возложенныхъ на него обязанностей, а администрація, въ доказательство неправильности сего предостереженія стала ссылаться на то обстоятельство, что мировой судья обязанъ былъ дать ей особое предостереженіе за каждое изъ ея нарушеній въ отдѣльности". Какъ замѣтилъ гр. Паленъ, „комиссія, имѣя полную возможность получить отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣнія о томъ, какое количество предостереженій было сдѣлано полицейскимъ чинамъ за все время существованія мирового института, не собрала сихъ свѣдѣній. Между тѣмъ, изъ практики самыхъ обширныхъ мировыхъ округовъ Россіи (Петербурга и Москвы) положительно извѣстно, что количество дѣлаемыхъ въ нихъ полицейскимъ чинамъ предостереженій не

достигаетъ даже (среднимъ ежегоднымъ числомъ) одного предостереженія въ годъ. Если, засимъ, принять въ соображеніе, что изъ той же практики (и, между прочимъ, изъ производившейся въ 1874 г., по порученію министра юстиціи, ревизіи московскихъ мировыхъ установленій) усматривается, что заслуживающія предостереженія упущенія со стороны полиціи встрѣчаются весьма нерѣдко, то справедливое отношеніе къ дѣлу требуетъ признать, что ежели и возможно въ чемъ либо обвинять мировыя установленія, то развѣ только въ послабленіи заслуживающимъ порицанія дѣйствіямъ полиціи, а уже ни въ какомъ случаѣ въ чрезмѣрной къ ней требовательности". Столь же голословнымъ гр. Паленъ нашелъ обвиненіе мировыхъ судей въ томъ, что они будто бы пользуются правомъ предостереженій для выраженія ихъ личной непріязни чинамъ полиціи: „комиссія не указала рѣшительно ни одного примѣра, который подкрѣпилъ бы ея заявленіе... удостовѣреніе же комиссіи, что полицейскіе чиновники принимаютъ данное имъ предостереженіе за личную обиду, не можетъ, казалось бы, служить основаніемъ къ заключенію о неумѣстности самаго взысканія въ томъ случаѣ, когда наложеніе его вызвано дѣйствительно неправильными дѣйствіями полицейскихъ чиновъ, ни къ заключенію о невозможности предоставить наложеніе его властямъ судебнымъ" [1].

Столкновенія мировыхъ судей съ мѣстной полиціей не были, однако, явленіемъ повсемѣстнымъ. Какъ можно видѣть изъ практики мировыхъ судей Орловской губерніи, отношеніе къ мировымъ судьямъ полиціи опредѣлялось, прежде всего и больше всего, отношеніемъ къ нимъ мѣстнаго высшаго административнаго начальства. Эти столкновенія едва ли, напр., могли получить развитіе въ предѣлахъ Симбирской губ., начальникъ которой, баронъ Гойнингенъ-Гюне въ апрѣлѣ 1869 г. рекомендовалъ полицейскимъ управленіямъ „избѣгать по возможности всякихъ пререканій съ мировыми судьями, и, при возникающихъ по новости дѣла недоразумѣніяхъ, не вдаваясь въ безполезную переписку, стараться точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, предупреждать всякія недоразумѣнія и столкновенія, могущія только препятствовать успѣшному и правильному развитію и направленію дѣятельности

[1] Сен. Арх., дѣла Мин. Юст. 1878 г. №№ 7185 и 7186.

новыхъ мировыхъ судебныхъ учрежденій". Едва ли могли они быть и въ предѣлахъ Черниговской губ., гдѣ мѣстный губернаторъ, кн. Голицынъ, тогда же, въ апрѣлѣ 1869 г., издалъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: „точность и быстрота со стороны чиновъ полиціи въ исполненіи своихъ обязанностей обусловливаютъ осуществленіе сими учрежденіями Высочайшей воли—доставить народу судъ скорый, правый и милостивый. Поэтому подтверждаю подвѣдомственнымъ мнѣ полицейскимъ учрежденіямъ, постоянно идя рука объ руку съ судебно-мировыми установленіями, оказывать имъ самое дѣятельное во всѣхъ случаяхъ содѣйствіе, исполняя съ полнымъ усердіемъ и безъ малѣйшаго отлагательства всѣ ихъ законныя требованія и порученія" [1]).

Съ благодарностью отмѣчаютъ полное содѣйствіе, встрѣчаемое со стороны администраціи и, въ частности, полиціи, окружные суды Ржевскій и Ярославскій. По словамъ послѣдняго, „дѣятельность судебныхъ учрежденій въ Ярославской губ. сопровождалась полнымъ согласіемъ обѣихъ отраслей управленія, т. е. администраціи и юстиціи, идущихъ рука объ руку" [2]).

Не могло быть серьезныхъ осложненій на этой почвѣ и въ предѣлахъ Олонецкой губ., судя по той энергіи, которую проявилъ мѣстный губернаторъ Арсеньевъ при введеніи судебно-мировой реформы. Въ письмѣ отъ 7 марта 1870 г., увѣряя гр. Палена въ своемъ глубокомъ сочувствіи мировымъ учрежденіямъ, Арсеньевъ писалъ, между прочимъ: „здѣсь (въ Олонецкой губ.) администрація пойдетъ рука объ руку съ мировой судебной властью, смѣю за это ручаться" [3]).

Но судя по тому, что Арсеньеву, по всеподданнѣйшему докладу Палена, за труды по открытію мировыхъ судебныхъ установленій, было объявлено Монаршее благоволеніе, а также, что циркуляры симбирскаго и черниговскаго губернаторовъ гр. Паленъ собирался припечатать въ Правит. Вѣстникѣ, можно думать, что приводимые факты нельзя разсматривать, какъ явленіе, для того времени обычное.

Отъ разсмотрѣнія вліянія, которое оказывали на дѣятельность мировыхъ судей политика избирательныхъ собраній, куль-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 3126.

[2]) Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Суд. Уст. за 1869 г.

[3]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 5559.

турно-правовой уровень населенія и настроенія мѣстной администраціи, какъ воздѣйствія силъ, стоящихъ внѣ мирового института и, въ извѣстной мѣрѣ, съ нимъ конкурирующихъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію условій, которыми опредѣлялись состояніе и успѣхи мирового института, какъ отдѣльно взятой общественной силы, направленной на достиженіе ей спеціально поставленныхъ цѣлей и соотвѣтственно оборудованной. Въ числѣ ихъ отмѣтимъ: условія матеріальныя (разстоянія, обстановка, обезпеченіе содержаніемъ); условія организаціи службы (средства канцеляріи, состояніе служебнаго резерва); условія контроля за дѣятельностью мировыхъ судей.

Разстоянія. Громадность обслуживаемыхъ площадей и неудовлетворительность путей сообщенія служили немаловажнымъ тормазомъ для дѣятельности мировыхъ судей. Какъ пишетъ предсѣдатель Холмскаго мирового съѣзда (Псковской губ.),— изъ 5 судей Холмскаго уѣзда только одинъ содержитъ камеру въ городѣ, всѣ остальные живутъ въ уѣздѣ, и при этомъ каждый почти въ центрѣ своего участка, и все-же истцу, отвѣтчику, свидѣтелю приходится отправляться къ судьѣ въ среднемъ за 50 верстъ. Многія жалобы остаются поэтому неподанными, проступки—непреслѣдуемыми, осмотры—своевременно невыполненными; свидѣтели ропщутъ, если дѣло почему либо откладывается [1]). Тѣмъ печальнѣе положеніе судей было въ такихъ губерніяхъ, какъ Олонецкая, гдѣ, по словамъ мѣстнаго губернскаго прокурора, во многихъ мѣстахъ даже не было колесныхъ дорогъ, и приходилось пробираться пѣшкомъ [2]). Бороться съ разстояніями оказывалось тѣмъ труднѣе, что неустройство почтъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигало крайняго предѣла: такъ, по отзыву предсѣдателя мѣстнаго мирового съѣзда, въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губ., правильной почты не было вовсе, и казенную корреспонденцію нерѣдко носили изъ деревни въ деревню бабы, и никто ни за что не отвѣчалъ [3]).

Обстановка. Другимъ матеріальнымъ тормазомъ дѣятельности мировыхъ судей служило отсутствіе въ центрахъ участковъ такихъ помѣщеній, которыя бы годились для устройства квартиры и камеры мирового судьи. Земскія собранія прину-

---

[1]) Сводъ замѣчаній за 1869 г., стр. 12—14.

[2]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 5559.

[3]) Сводъ замѣчаній за 1869 г., стр. 51.

ждены были не судей выбирать для участковъ, но участки образовывать для избранныхъ судей [1]). Особенно плохи были наемныя помѣщенія. Въ отчетѣ б. предсѣдателя Екатеринославскаго окружнаго суда Веселовскаго, ревизовавшаго въ 1877 г. мировыхъ судей Екатеринославской губ., встрѣчаемъ слѣдующее описаніе камеры мирового судьи 3 уч. Верхнеднѣпровскаго округа:— „камера расположена крайне неудобно и поражаетъ своей бѣдной обстановкой. Она помѣщается въ селѣ, въ простой хатѣ, и, будучи отдѣлена небольшими входными сѣнями отъ станціи земской почты, занимаетъ всего одну комнату съ мазанымъ глинянымъ поломъ. Часть этой комнаты отгорожена легкою досчатою перегородкою, за которой помѣщаются свидѣтели, при чемъ, по отзыву самого судьи, вслѣдствіе тонкости перегородки, свидѣтели могутъ слышать все, что говорится въ камерѣ. По объясненію ревизора, такая убогость обстановки камеры происходитъ вслѣдствіе неимѣнія въ селеніи лучшаго помѣщенія и вслѣдствіе невозможности для судьи дѣлать какія либо большія затраты изъ получаемаго имъ содержанія“ [2]).

Работая въ столь неприглядной обстановкѣ, мировой судья нерѣдко былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ поддержанія въ камерѣ внѣшняго благочинія. „Иногда случается,— разсказываетъ предсѣдатель Холмскаго мирового съѣзда,—что въ камеру живущаго въ уѣздѣ судьи является кто либо изъ вызываемыхъ къ разбору въ нетрезвомъ видѣ и говоритъ или производитъ безчинство. Полицейское управленіе иногда находится въ 50 верстахъ, становая квартира въ 25 верстахъ, ближайшій сотскій (который не всегда и дома бываетъ) въ 7 верстахъ. Судья кое-какъ улаживаетъ дѣло и собственною прислугою возстановляетъ порядокъ“ [3]).

Содержаніе мировыхъ судей. Расходы на содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1 янв. 1864 г. были отнесены къ числу повинностей, для земства обязательныхъ. Норма содержанія мирового судьи, установленная въ приложеніи 1-мъ къ ст. 238 Учр. Суд. Уст. (на содержаніе и всѣ расходы по должности въ столицахъ 2200 р., и въ прочихъ мѣстахъ 1500 р.), на дѣлѣ оказалась совершенно

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910, записка М. Заруднаго отъ 18 марта 1875 г.
[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 253, л. 48 и 49.
[3]) Сводъ замѣчаній за 1869 г., стр. 49.

недостаточной, такъ какъ, по самому скромному расчету, расходы по должности должны были поглощать изъ этой суммы до 600 р. въ годъ [1]). Уже въ 1867 и 1868 гг. рядъ уѣздныхъ земскихъ собраній выступилъ съ ходатайствами о повышеніи содержанія участковыхъ мировыхъ судей съ 1500 до 1700, 1800, 2000, 2200 р., о назначеніи вознагражденія непремѣнному члену въ размѣрѣ 500 р. (Купянское земское собраніе) и объ усиленіи канцелярскихъ суммъ [2]). Пермскіе мировые судьи, какъ видно изъ дѣла объ ихъ ревизіи, получали содержаніе отъ 2000 р. до 3000 р. [3]). Еще щедрѣе оплачивали трудъ судьи столичныя городскія думы. Примѣръ обратнаго отношенія къ оплатѣ труда мировыхъ судей мы встрѣчаемъ въ Аккерманскомъ (Бессарабской губ.) земствѣ. Какъ жалуется ревизовавшій мѣстныхъ судей членъ Одесской судебной палаты П. Доксъ,—„нѣмцы колонисты, составляющіе болѣе половины всего числа избирателей въ уѣздное земское собраніе, считаютъ необходимымъ обставить должность волостныхъ писарей лучше, чѣмъ участковыхъ мировыхъ судей: на послѣднихъ земскихъ выборахъ жалованье мировыхъ судей уменьшено до 1200 р., и въ то же время волостные писаря нѣкоторыхъ богатыхъ волостей получаютъ по 1000 р. при готовыхъ квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи“ [4]).

Въ 1871 году земскіе расходы на содержаніе мировыхъ установленій выразились въ суммѣ 3.942.400 р., въ 1880 г. они возросли до 4.300.900 р., въ 1890 г. до 4.624.400 р., составляя за этотъ періодъ времени отъ 25 до 32% общей массы обязательныхъ земскихъ расходовъ. Почти повсемѣстно эти расходы несли уѣздныя земства [5]).

Канцелярія. Никому изъ русскихъ судей не выпадало на долю такъ много письменной работы, какъ мировому судьѣ. Между тѣмъ, невысокое содержаніе, получаемое послѣднимъ, лишало его возможности имѣть хорошо оплачиваемаго письмоводителя. Поэтому многимъ судьямъ приходилось или выполнять самимъ всю огромную канцелярскую работу, или дѣлить ее съ

---

[1]) Сводъ замѣчаній за 1868 г., стр. 24, замѣчаніе предсѣдателя Кирилловскаго мирового съѣзда.

[2]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3402.

[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1885 г. № 2949.

[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8132, представленіе Докса Министерству Юстиціи отъ 16 дек. 1881 г.

[5]) Веселовскій, Б. Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Т. I, стр. 240—247.

членами своей семьи, или же брать за недорогую плату письмоводителей, завѣдомо неопытныхъ или мало надежныхъ (людей, которые не держатся на мѣстахъ, или временно не находятъ заработка). Мировой судья ввѣрялъ этимъ лицамъ, служащимъ у него по найму, денежныя и иныя книги, подлинныя дѣла и документы, и не имѣлъ надежныхъ гарантій выполненія ими служебнаго долга. „Наемные писцы,—указывалъ С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ,—не несутъ никакой серьезной отвѣтственности за сохранность того, что имъ ввѣрено, за точное соблюденіе порядка, установленнаго судьею по дѣлопроизводству въ канцеляріи, ни даже за упущенія и недобросовѣстныя дѣйствія по службѣ. Бывали случаи, напр., что письмоводитель, у котораго на рукахъ находились всѣ дѣла, внезапно заявлялъ судьѣ, что не желаетъ болѣе служить, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказывался сдать по счету и въ порядкѣ дѣла и документы. Мировой судья, не имѣя надъ письмоводителемъ иной власти, кромѣ той, которая принадлежитъ каждому нанимателю труда, не можетъ принудить его къ исполненію самаго законнаго своего требованія и несетъ всецѣло отвѣтственность за могущія обнаружиться упущенія и утрату бумагъ“ [1]). Выходъ изъ этого положенія и, вмѣстѣ, путь къ привлеченію на службу въ канцеляріи болѣе, чѣмъ теперь, надежныхъ писцовъ, С.-Петербургскій столичный съѣздъ видѣлъ въ предоставленіи состоящимъ при мировыхъ судьяхъ письмоводителямъ правъ государственной службы. Ходатайство съѣзда было встрѣчено Министерствомъ сочувственно, но не успѣло получить движенія.

Состояніе служебнаго резерва. Въ ряду условій успѣшной общественной дѣятельности крупное значеніе имѣетъ наличность резервовъ для временного пополненія рядовъ участниковъ работы. Судья не можетъ работать безостановочно изъ года въ годъ: ему нуженъ періодическій отдыхъ; онъ можетъ хворать, нуждаться въ отлучкахъ для устройства своихъ частныхъ дѣлъ. Тогда кто-нибудь долженъ временно принять на себя его трудъ. Есть, кромѣ того, участки, въ которыхъ, въ извѣстное время года, происходитъ такое скопленіе срочныхъ, нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, съ которымъ одному судьѣ не справиться. Такъ бываетъ во время крупныхъ ярмарокъ, въ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910, л. 340.

періодъ судоходства, при наймѣ значительнаго числа рабочихъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, каналовъ и пр. [1]). На основаніи ст. 43 Уст. Уг. Суд., въ случаѣ устраненія, отсутствія, болѣзни или смерти участковаго мирового судьи, обязанности его исполняются однимъ изъ почетныхъ или участковыхъ мировыхъ судей, по установленной ими между собой очереди (п. 3 ст. 35 Учр. Суд, Уст.). Опытъ показалъ, что этой мѣры недостаточно. Почетные мировые судьи всѣми силами, и, конечно, чаще всего по болѣзни, уклонялись отъ временнаго завѣдыванія участкомъ [2]). Что же касается участковыхъ мировыхъ судей, то, по словамъ Кирилловскаго мирового съѣзда, каждый изъ нихъ имѣлъ достаточно дѣла въ своемъ участкѣ. Физически невозможно было отправлять правосудіе въ двухъ участкахъ, безъ замедленія. Необходимымъ послѣдствіемъ соединенія являлось накопленіе дѣлъ въ обоихъ участкахъ [3]). Большія неудобства претерпѣвало и населеніе: камеры отстояли одна отъ другой верстъ на 75 и больше, тяжущихся и свидѣтелей приходилось въ иныхъ случаяхъ вызывать за 200 и болѣе верстъ. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ мировыхъ округахъ установился порядокъ, что въ случаѣ отпуска мирового судьи должность его оставалась на все время свободною.

Единственное средство помочь мировому суду въ этомъ отношеніи,—это было создать постоянный резервъ въ лицѣ добавочныхъ мировыхъ судей. Послѣ ряда частныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ этомъ направленіи, 7-го апрѣля 1886 г. состоялось и было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о предоставленіи уѣзднымъ земскимъ собраніямъ избирать добавочныхъ мировыхъ судей, причемъ утвержденіе предположеній уѣздныхъ земскихъ собраній по этому вопросу было предоставлено взаимному соглашенію Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ [4]). Къ сожалѣнію, какъ общая, эта мѣра была принята съ большимъ опозданіемъ, уже наканунѣ реформы 1889 г. Кромѣ того, эта мѣра и не вездѣ была примѣнима. Какъ замѣтилъ Вятскій мировой съѣздъ, „учрежденіе особыхъ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8122.

[2]) Сводъ замѣчаній за 1869 г., стр. 44 и 45, замѣчаніе предсѣдателя Московскаго окружнаго суда.

[3]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1885 г. № 2949, л. 50 и 51; 1886 г. № 1423.

[4]) „Правит. Вѣстн." 1886 г. № 112.

запасныхъ судей въ Вятской губ. увеличило бы количество лицъ, подлежащихъ избранію, не расширивъ круга избираемыхъ“ [1]).

Значеніе частью резервныхъ, частью самостоятельныхъ дѣятелей въ составѣ мирового института имѣли почетные мировые судьи. Значеніе ихъ, какъ резервныхъ, было умѣренное. Какъ уже сказано, они неохотно замѣщали участковыхъ мировыхъ судей въ ихъ отсутствіе; также, почти не было примѣровъ, чтобы стороны обращались къ нимъ съ просьбою о разборѣ ихъ дѣла. Тѣмъ важнѣе было ихъ участіе въ засѣданіяхъ мировыхъ съѣздовъ. Составляя здѣсь всегда значительное большинство, они,—какъ замѣчаетъ предсѣдатель Малоархангельскаго мирового съѣзда Скарятинъ [2]),—вносили въ дѣло суда тотъ свѣжій, чуждый шаблона, практическій взглядъ, который иногда утрачивали, въ силу отрицательныхъ сторонъ профессіональности, участковые мировые судьи. Безспорно, были среди почетныхъ мировыхъ судей люди, которые смотрѣли на свою должность лишь какъ на почетное званіе; были и такіе, — по преимуществу, богатые или сановные люди,—которые, по своимъ занятіямъ, службѣ, или усвоенному ими образу жизни, почти не посѣщали тѣхъ уѣздовъ, гдѣ были избраны, но было немало и такихъ, которые безмездно несли трудъ предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ и непремѣнныхъ членовъ. Безкорыстные работники, преданные своему дѣлу, располагая огромнымъ вліяніемъ въ уѣздѣ, они нерѣдко умѣли подобрать себѣ прекрасныхъ сотрудниковъ и въ лицѣ участковыхъ судей, не говоря уже о составѣ канцеляріи съѣзда. Въ видѣ примѣра, достаточно упомянуть здѣсь о предсѣдателѣ Кирсановскаго мирового съѣзда Чичеринѣ [3]).

Для общественныхъ учрежденій немаловажное значеніе имѣетъ, наконецъ, удачная организація контроля за ихъ дѣятельностью. Статьи 64, 76 и 272 Учр. Суд. Уст. ввѣряютъ надзоръ за мировыми судьями министру юстиціи, кассаціоннымъ департаментамъ Сената и мировымъ съѣздамъ. Министръ юстиціи могъ осуществить свое право надзора въ формѣ порученія

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8122.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 3044.

[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 285, отчетъ ревизовавшаго округъ предсѣдателя Тамбовскаго окружнаго суда.

отдѣльнымъ подчиненнымъ ему лицамъ обревизовать тотъ или другой мировой округъ. Первое время назначеніе этихъ ревизій преслѣдовало цѣли, главнымъ образомъ, информаціоннаго характера. Широкое развитіе, и притомъ съ ясно выраженными превентивною и карательною цѣлями, ревизіи получаютъ лишь съ конца 70-хъ годовъ, со времени назначенія министромъ юстиціи Д. Н. Набокова. Но ревизія—форма контроля по отношенію къ мѣстамъ судебнымъ наименѣе удобная и совершенная. Нѣтъ сомнѣнія, что законодатель возлагалъ надежды въ этомъ направленіи, прежде и больше всего, на съѣзды и на Сенатъ, на первые—въ особенности. Количество дѣлъ, доходящихъ до Сената, не такъ велико, какъ до съѣзда; кромѣ того, Сенатъ не входитъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу, и уже по одному этому многія неправильности дѣлопроизводства остаются для него сокрытыми. Силою вещей, функція надзора надъ мировыми судьями могла быть осуществлена въ должной мѣрѣ только дѣятельностью мировыхъ съѣздовъ. При краткости срока, на который избирались судьи, при ихъ зависимости другъ отъ друга, при случайности самаго состава засѣданій съѣздовъ, при ограниченности функціи надзора опредѣленнымъ поводомъ—подаваемыми въ съѣздъ жалобами, и при нерѣдкомъ отсутствіи въ составѣ съѣзда людей съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и съ должнымъ судебнымъ опытомъ, нельзя было ожидать, чтобы контролирующая дѣятельность съѣздовъ была особенно успѣшна. Уже въ 1870 г. министръ юстиціи гр. Паленъ циркулярно обязываетъ предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ „о всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ, касающихся личныхъ дѣйствій мировыхъ судей, и подлежащихъ предварительному обсужденію въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда, заблаговременно увѣдомлять прокурора мѣстнаго окружнаго суда, дабы обезпечить тѣмъ прокурорскому надзору возможность надлежащаго участія при направленіи дѣлъ упомянутаго рода". „Опытъ послѣднихъ лѣтъ,—пишетъ гр. Паленъ,—убѣждаетъ, къ сожалѣнію, что нѣкоторые съѣзды не только не принимаютъ мѣръ къ возстановленію нарушеннаго порядка и къ предупрежденію нарушенія его въ будущемъ, но нерѣдко не даютъ хода дисциплинарнымъ производствамъ въ такихъ случаяхъ, которые безусловно требуютъ возбужденія отвѣтственности судьи, упуская совершенно изъ виду, что подобная снисходительность, хотя бы и обу-

словленная отношеніями между судьями, какъ членами одной и той же коллегіи, роняетъ значеніе мирового института въ глазахъ частныхъ лицъ, съ другой же стороны, поселяетъ въ самихъ судьяхъ сознаніе полной безнаказанности" [1]). Предсѣдатель Тамбовскаго окружного суда бар. Корфъ, въ 1878 г. ревизовавшій Моршанскій мировой округъ, отмѣчая въ своемъ отчетѣ, что надзоръ съѣзда за мировыми судьями проявлялся также и въ возбужденіи дисциплинарныхъ производствъ противъ нихъ, передаетъ этотъ фактъ, какъ явленіе весьма рѣдкое, такъ какъ, говоритъ онъ,—„мировые судьи, не желая нарушать существующихъ между ихъ членами товарищескихъ отношеній, тщательно избѣгаютъ дисциплинарныхъ производствъ" [2]).

Но если, въ большинствѣ, съѣзды инертно относились къ своей обязанности надзора за мировыми судьями, то были, со стороны ихъ, и обратные примѣры перехода въ этомъ направленіи границъ, установленныхъ закономъ. Такъ, 16 мая 1870 г. Верхнеднѣпровскій мировой съѣздъ, въ видахъ наблюденія за правильностью дѣлопроизводства судей, постановилъ произвести ревизію во всѣхъ 4-хъ участкахъ округа, избравъ для этой цѣли предсѣдателя съѣзда, одного почетнаго и одного участковаго мировыхъ судей. Съѣздъ нашелъ, что предоставленный ему ст. 64 Учр. Суд. Уст. надзоръ за дѣйствіями судей не можетъ быть ограниченъ наблюденіемъ за правильностью дѣлопроизводства по тѣмъ лишь дѣламъ, которыя восходятъ до съѣзда, или же разсмотрѣніемъ отчетныхъ вѣдомостей съѣзда; что этотъ надзоръ только тогда и можетъ быть дѣйствителенъ, когда право наблюденія будетъ заключать въ себѣ и право ревизіи. Другой, подобный же случай: 8 дек. 1870 г. товарищъ прокурора Изюмскаго окр. суда Іогихесъ былъ приглашенъ предсѣдательствовавшимъ въ Бахмутскомъ съѣздѣ мировымъ судьею Кудрицкимъ въ камеру распорядительныхъ засѣданій, гдѣ, кромѣ того, находились 5 почетныхъ мировыхъ судей и 1 участковый. Трое почетныхъ мировыхъ судей заявили, что, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, въ 5 участкѣ Бахмутскаго мирового округа берутся взятки, что этими поборами занимаются письмоводитель и разсыльный мирового судьи, и что, хотя никто не обвиняетъ въ этомъ самого

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8132.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 283.

мирового судью 5 участка, тѣмъ не менѣе, эти слухи, подрывая достоинство мирового института, кладя пятно на доселѣ еще незапятнанную дѣятельность мировыхъ судей Бахмутскаго уѣзда, требуютъ строгой повѣрки, для возстановленія общественнаго довѣрія къ мировому суду. Судьи полагали бы назначить изъ своей среды комиссію и поручить ей произвести ревизію дѣлъ въ 5 мировомъ участкѣ. Несмотря на возраженія Іогихеса, съѣздъ постановилъ привести предложеніе мировыхъ судей въ исполненіе. Комиссія произвела дознаніе и обревизовала дѣлопроизводство. Слухи подтвердились. Мировой судья 5 участка, какъ и предполагалось, оказался не причемъ [1]).

IV. Результаты дѣятельности мировыхъ судей.

Подробныя статистическія данныя о дѣятельности судебно-мировыхъ установленій опубликованы лишь за послѣднія 5 лѣтъ передъ реформой 1889 года. Свѣдѣнія о дѣятельности мировыхъ судовъ въ предшествующіе годы можно почерпнуть только изъ отчетовъ и дѣлъ Министерства Юстиціи, но они далеко не полны, и недостаточно расчленены: даны лишь суммарныя числа по дѣятельности выборныхъ и назначенныхъ мировыхъ судей, въ совокупности. Въ интересахъ сводки, мы должны будемъ и данныя за 1884—1888 гг. взять сначала въ томъ же нерасчлененномъ видѣ. Свѣдѣнія о дѣятельности выборныхъ мировыхъ судей приведены заключенными въ скобки.

Ростъ числа дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми судьями (выборными и назначенными вмѣстѣ) и мировыми съѣздами можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Рѣшено дѣлъ мировыми судьями:		Мировыми съѣздами:	
	Уголовныхъ:	Гражданскихъ:	Уголовныхъ:	Гражданскихъ:
	в ъ т ы с я ч а х ъ:			
1866 . . .	43	75	1,1	1,7
1867 . . .	130	196	7,4	11,5
1868 . . .	177	236	11,9	16

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8132.

	Рѣшено дѣлъ мировыми судьями:		Мировыми съѣздами:	
	Уголовныхъ:	Гражданскихъ:	Уголовныхъ:	Гражданскихъ:
		в ъ т ы с я ч а х ъ:		
1869 . . .	270	358	17	26
1870 . . .	329	444	25	37
1871 . . .	338	441	26,7	38
1872 . . .	479	709		
1873 . . .	547	799		
1874 . . .	539	737		
1875 . . .	534	759		
1876 . . .	549	856		
1877 . . .	579	877		
1878 . . .	597	713		
1879 . . .	706	717	Уголовныхъ и гражданскихъ вмѣстѣ:	
1880 . . .	739	780		
1881 . . .	716	826	159	
1882 . . .	804	959	185	
1883 . . .	878	981	191	
1884 . . .	913,4 (576,8)	1047,8 (601,9)	213 (115,5)	
1885 . . .	1008,8 (616,4)	1102,4 (617,6)	226 (123,8)	
1886 . . .	1081,2 (693,6)	1129,8 (689,7)	246 (145,9)	
1887 . . .	1110,2 (706,6)	1161,0 (704,6)	267 (149,6)	
1888 . . .	1092,8 (681,1)	1142,6 (673,7)	247 (134,5)	
1889 . . .	1119	1185	249	
1890 . . .	822	1104	220[1])	

Съ самаго начала дѣятельности мировыхъ судей отчеты констатируютъ прогрессирующее изъ года въ годъ накопленіе въ мировыхъ участкахъ нерѣшенныхъ дѣлъ. За десятилѣтіе 1872—1881 г.г. число нерѣшенныхъ дѣлъ возросло съ 189.125 до 261.278, т. е. на 72%; изъ общаго числа дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ, ежегодно оставалось нерѣшенныхъ, переходило на слѣдующій годъ 13—15%. При оцѣнкѣ этого явленія слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, во-первыхъ, что накопленіе нерѣшенныхъ дѣлъ шло параллельно съ возрастаніемъ числа

[1]) Использованы отчеты Министерства Юстиціи за 1866—1881 и 1889—1890 г.г. (Сен. Арх.) и Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи. Доп. къ выпускамъ 1—4. Обзоръ дѣятельности судебно-мировыхъ установленій за 1884—1888 г.г.

рѣшенныхъ дѣлъ. На каждаго мирового судью приходилось въ среднемъ рѣшенныхъ дѣлъ (уголовныхъ и гражданскихъ вмѣстѣ):

1868	557	
1869	437	
1870	522	
1872—1881	675	
1885	974	(821)
1886	992	(813)
1887	1010	(837)
1888	988	(796)

Во-вторыхъ, нельзя не отмѣтить, что за послѣдніе 3 года передъ реформой 1889 года наблюдается уже обратное явленіе: не роста, а убыли дѣлъ, оставшихся нерѣшенными. Въ 1886 г. число дѣлъ (уголовныхъ и гражданскихъ вмѣстѣ), рѣшенныхъ выборными мировыми судьями, превысило число дѣлъ, поступившихъ къ нимъ, на 47.582; въ 1887 г.—на 38.337; въ 1888 г.—на 32.452. Такимъ образомъ, за 3 года (1886—1888) выборные мировые судьи сократили залежь нерѣшенныхъ дѣлъ на 104.516.

Въ третьихъ, при оцѣнкѣ разсматриваемаго явленія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что если изъ числа нерѣшенныхъ дѣлъ до 1885 года задерживалось въ рѣшеніи по причинамъ, отъ мировыхъ судей не зависѣвшимъ, около половины дѣлъ, то за послѣдніе 3 года передъ реформой 1889 г. наблюдается явленіе говорящее въ пользу мировыхъ судей: при абсолютномъ паденіи числа дѣлъ, остающихся нерѣшенными, число нерѣшенныхъ дѣлъ, остающихся за мировыми судьями, сокращается сильнѣе числа дѣлъ, остающихся по причинамъ, отъ мировыхъ судей не зависящимъ: въ 1888 г. первое уже не равно второму, а составляетъ лишь половину его.

Въ числѣ поводовъ къ начатію уголовныхъ дѣлъ собственное усмотрѣніе судьи занимало мѣсто болѣе, чѣмъ скромное: отъ 0,01% въ 1866 г. до 1% въ началѣ 70-хъ годовъ, (въ 1888 г.—0,3%). По жалобамъ частныхъ лицъ въ 1872 г. поступило 60% общаго числа дѣлъ, но постепенно процентъ ихъ убывалъ, и въ 1888 г. былъ равенъ 42. Обратную тенденцію обнаружило движеніе дѣлъ, поступившихъ по сообщенію полиціи

и другихъ административныхъ властей: съ 31% въ 1872 г. процентъ ихъ поднялся до 52½ въ 1888 г.

Изъ числа подсудимыхъ было осуждено въ 1866 и 1867 г. г. 61%, въ 1868 г.—76%, въ послѣдующіе годы въ среднемъ около 60%. По дѣламъ гражданскимъ удовлетвореніе требованій истца, полное или частичное, послѣдовало въ 1869 г. въ 69% постановленныхъ рѣшеній, въ 1870 г.—въ 70%, въ 1872 г.—въ 71%, въ 1873 г.—въ 72% и т. д., въ 1883 г. уже въ 79%, въ 1884 г.—въ 80%, въ 1888 г.—въ 79%.

Изъ числа дѣлъ рѣшенныхъ было окончено примиреніемъ:

	Мировыми судьями:		Мировыми съѣздами:	
	По дѣламъ уголовнымъ:	Гражданскимъ:	Уголовнымъ:	Гражданскимъ:
1866	26%		2,5%	4,2%
1867	22	33	2,7	5,0
1868	23	32	3,5	5,4
1869	23		3,8	4,1
1870	22		4,0	5,2
1871	20	27	4,5	5,5
1872	19	20		
1873	16	18		
1874	15	17		
1875	14	15		
1876	13	13		
1877	13	12		
1878	13	13		
1879	12	13		
1880	12	13		
1881	12	12		
1882	11	12		
1883	9,5	11,5		
1884	10,3 (10,0)	11,3 (11,8)		
1885	9,6 (9,6)	11,7 (13,5)		
1886	9,3 (9,0)	10,7 (11,1)		
1887	9,2 (8,7)	10,2 (10,8)		
1888	9,1 (8,9)	10,2 (11,1)		

по уголовнымъ и гражданскимъ вмѣстѣ:
4,4 (4,5)
4,5 (4,7)
4,5 (4,5)
4,5 (4,6)
4,6 (4,6)

На рѣшенія мировыхъ судей поступили апелляціонные отзывы (въ процентномъ отношеніи къ числу рѣшенныхъ неокончательно ими дѣлъ):

	По дѣламъ уголовнымъ:	По дѣламъ гражданскимъ:	Отмѣненныхъ съѣздами рѣшеній м. с-й было (по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ вмѣстѣ):
1884 . . .	14,7%		24,6%
1885 . . .	16,5		22,4
1886 . . .	14,9	въ среднемъ за 5 лѣтъ 17,6%	22,8
1887 . . .	15,0		23,1
1888 . . .	17,4		21,8

До Сената въ кассаціонномъ порядкѣ восходило не свыше 1% рѣшенныхъ мировыми судьями дѣлъ. Это не помѣшало дѣламъ мировыхъ установленій, по свѣдѣніямъ за 1886 и 1887 г.г., составить почти $^3/_4$ всего числа дѣлъ, поступившихъ на разсмотрѣніе Уголовнаго кассаціоннаго департамента, и болѣе 84% общаго поступленія въ Гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ [1]).

Процентъ отмѣненныхъ Сенатомъ рѣшеній былъ невысокъ въ началѣ (въ 1867 г. былъ равенъ 20 по Уголовному департаменту и 11 по Гражданскому, въ 1869 г.—по обоимъ въ среднемъ 24), болѣе значителенъ въ послѣдующіе годы. За время съ 1881 по 1890 г. изъ числа кассаціонныхъ жалобъ, разсмотрѣнныхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, были уважены, по дѣламъ мировыхъ судебныхъ установленій, Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, въ среднемъ, 28,7%,—Гражданскимъ 39,2%. Для жалобъ на рѣшенія общихъ судебныхъ установленій соотвѣтствующія процентныя ставки за то же время—10,5 и 32,8. Въ колебаніяхъ процента отмѣны рѣшеній (довольно значительныхъ), изъ года въ годъ, какой-либо опредѣленной тенденціи въ сторону повышенія или пониженія за этотъ періодъ времени не наблюдается [2]).

---

[1]) „Правит. Вѣстникъ“ за 1889 г., № 199.

[2]) Отчеты кассаціонныхъ департаментовъ за 1867 и 1869 г.г. Общій обзоръ дѣятельности Министерства Юстиціи и Пр. Сената за царствованіе Императора Александра III. Спб. 1901.

V. Официальная оцѣнка дѣятельности мировыхъ судей.

Данными для выясненія официальной оцѣнки дѣятельности мировыхъ судей могутъ служить: 1) отчеты о ревизіяхъ судебно-мировыхъ установленій, 2) отчеты кассаціонныхъ департаментовъ и Министерства Юстиціи о числѣ, поводахъ и послѣдствіяхъ привлеченій мировыхъ судей къ отвѣтственности, 3) выраженные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ и докладахъ и въ особыхъ мнѣніяхъ отзывы министровъ, губернаторовъ и другихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, о дѣятельности мировыхъ судей, 4) ходатайства органовъ мѣстнаго самоуправленія по предметамъ вѣдомства мировыхъ судей.

Отчеты ревизоровъ заключаютъ въ себѣ рядъ указаній на отдѣльные случаи незнанія мировыми судьями законовъ, несоблюденія ими установленныхъ формъ дѣлопроизводства и медленности въ производствѣ дѣлъ.

Приводимъ, со словъ ревизоровъ, примѣры нарушеній, проистекающихъ изъ неосвѣдомленности въ правѣ [1]).

1) Въ 1869 г. мировымъ судьей 2 уч. Спасскаго уѣзда окончены миромъ дѣла по обвиненію одного лица въ кражѣ и другого въ обманѣ и обвѣсѣ.

2) Судья 3 уч. Царицынскаго округа въ 1869 г. по дѣлу, возникшему вслѣдствіе жалобы Гусева на Тюрина за обманъ, прекратилъ производство на основаніи ст. 145 Уст. Гр. Суд. въ виду неявки обвинителя. Тотъ же судья въ дѣлѣ 1869 г. о пропажѣ денегъ у кр. Кожевникова опредѣлилъ: „по бездоказательности обвиненія, производство дѣла прекратить, но безъ постановленія судебнаго приговора, согласно 24 ст. Уст. Уг. Суд., ибо обвиняемый, по особому опредѣленію, когда обнаружатся къ его изобличенію новыя обстоятельства, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности".

3) Мировой судья 3 уч. Вольскаго у. въ 1869 г. по дѣлу о кражѣ лошадей изъ табуна оставилъ обвиняемыхъ въ подозрѣніи.

4) Въ 1870 г. свящ. Доброхотовъ сообщилъ становому приставу, а послѣдній, произведя дознаніе, передалъ мировому судьѣ 4 уч.

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 1925.

Городищенскаго округа о томъ, что кр. Есинъ похороненъ не на надлежащемъ кладбищѣ. Судья, по допросѣ свидѣтелей, призналъ, что дѣло началось не по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ и убытки, прекратилъ его и постановилъ взыскать со свящ. Доброхотова судебныя издержки.

5) 21 іюня 1870 г. Керенскій мировой съѣздъ оправдалъ обвинявшагося въ лѣсной порубкѣ Купцова и въ томъ же приговорѣ опредѣлилъ взыскать съ него судебныя по дѣлу издержки.

6) Въ 1869 г. Царицынскій мировой съѣздъ утвердилъ рѣшеніе мирового судьи, которымъ отказано было истцу въ возмѣщеніи съ обвиненнаго просимыхъ имъ убытковъ въ размѣрѣ 120 р. по бездоказанности, и, тѣмъ не менѣе, присудилъ въ его пользу 10 р. на томъ основаніи, что обвиненный предлагалъ двумъ свидѣтелямъ за молчаніе о совершенномъ имъ преступленіи по 5 р. каждому.

7) Мировой судья 2 уч. Царицынскаго округа, признавъ Куликова подлежащимъ заключенію въ тюрьму, не подвергнулъ его таковому наказанію на томъ основаніи, что Куликовъ содержался по этому дѣлу подъ стражей до вступленія приговора въ законную силу 1 г. и 2½ мѣсяца.

Приведенные примѣры, далеко не единичные, характерны въ троякомъ отношеніи: они подтверждаютъ отсутствіе у нѣкоторыхъ мировыхъ судей юридическихъ знаній и судебнаго опыта; относятся къ первымъ годамъ дѣйствія института, когда даже самая необходимость обладанія этими знаніями и опытомъ для многихъ изъ числа баллотировавшихся въ мировые судьи еще не успѣла стать очевидною; отражаютъ на себѣ доктрину, ставившую для мѣстнаго судьи знаніе мѣстныхъ условій и врожденное чувство справедливости выше знанія закона.

Правда, еще и въ концѣ 70-хъ годовъ (въ 1878 г.),— мировой судья 1 уч. Богучарскаго округа признаетъ за вексель всякій долговой документъ, написанный на вексельной бумагѣ [1]), а мировой судья 2 уч. Темниковскаго округа доходитъ до того, что смѣшиваетъ уголовныя дѣла съ гражданскими и истцовъ съ отвѣтчиками; не различаетъ задаточной расписки отъ запродажной записи и не только самъ собираетъ справки и доказательства по дѣламъ гражданскимъ, но и подыскиваетъ отвѣт-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 235.

чиковъ (интересно, что о нравственныхъ качествахъ этого судьи ревизоръ—предсѣдатель Тамбовскаго окружнаго суда—не можетъ отозваться иначе, какъ съ величайшей похвалой [1]). Но подобнаго рода случаи теперь разсматриваются уже какъ исключительные: отмѣчая ихъ мимоходомъ, ревизія конца 70-хъ годовъ обычно останавливается на иныхъ дефектахъ дѣятельности ревизуемыхъ, менѣе существенныхъ или относящихся къ порядку дѣлопроизводства: на безмотивности рѣшеній; на медленности въ производствѣ дѣлъ и въ исполненіи приговоровъ; на отсутствіи наблюденія за исполненіемъ; на канцелярской неисправности по записи входящихъ и исходящихъ бумагъ, по составленію описей бумагъ, по отмѣткамъ состоявшихся рѣшеній и времени ихъ исполненія; на нечеткомъ, небрежномъ письмѣ; на неправильности способовъ храненія и регистраціи денегъ и денежныхъ документовъ; на вызовѣ многихъ лицъ, въ качествѣ свидѣтелей, по одной, общей для всѣхъ повѣсткѣ; на разрѣшеніи однородныхъ вопросовъ то въ судебныхъ, то въ распорядительныхъ засѣданіяхъ [2]). Въ то же время мировымъ съѣздамъ ставится въ вину недостаточность надзора за мировыми судьями [3]).

Но и помянутые недостатки отмѣчаются въ ревизіонныхъ отчетахъ вовсе не какъ явленіе общераспространенное. Сенаторъ Катакази, ревизовавшій въ 1871 г. мировыхъ судей Саратовскаго округа, характеризуетъ приводимые имъ факты, какъ „совершенно частныя нарушенія, которыя въ большинствѣ могли быть исправлены чрезъ подачу сторонами жалобъ въ установленномъ порядкѣ". Съ своей стороны, Министерство Юстиціи признало тѣ же нарушенія не требующими даже какихъ либо общихъ указаній и распоряженій [4]).

Въ 1872 г. членъ Одесской судебной палаты кн. Цертелевъ ревизовалъ дѣлопроизводство Аккерманскаго мирового съѣзда. По отношенію къ обнаруженнымъ ревизіей безпорядкамъ и упущеніямъ, Министерство Юстиціи нашло возможнымъ ограничиться разъясненіями и мѣрами предупредительнаго характера [5]).

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 252.
[2]) Тамъ же, дѣла Мин. Юст. 1878 г. №№ 232, 235, 241, 243, 245, 247, 252, 259, 265, 284.
[3]) Тамъ же, дѣла Мин. Юст. 1878 г. №№ 232, 234, 275.
[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1871 г. № 1925.
[5]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1872 г. № 759.

Сенаторъ Чемадуровъ, ревизовавшій въ 1873 г. мировыхъ судей области Войска Донского, не нашелъ здѣсь иныхъ нарушеній порядка производства, кромѣ нѣкоторыхъ несущественныхъ отступленій отъ формъ канцелярскаго производства [1]).

Членъ Саратовской судебной палаты Веселкинъ, ревизовавшій въ томъ же году саратовскихъ мировыхъ судей, не обнаружилъ въ дѣятельности ихъ ни особенныхъ безпорядковъ, ни какихъ либо намѣренныхъ упущеній или умышленныхъ противозаконныхъ дѣйствій [2]).

Сенаторъ Мордвиновъ ревизовалъ въ 1877 г. СПБ. столичныя мировыя установленія. Дѣлопроизводство съѣзда, канцелярскій порядокъ и архивъ были имъ найдены въ блестящемъ состояніи. Судебныя засѣданія, по словамъ отчета, ведутся вообще съ должнымъ достоинствомъ и приличіемъ, и въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе лишь четверо судей, которые злоупотребляютъ нравоученіями и ведутъ дѣла слишкомъ по домашнему, оставляя юридическую сторону дѣла на второмъ планѣ и пренебрегая внѣшними формами [3]).

Въ 1878 г. ревизовавшіе признали дѣлопроизводство довольно успѣшнымъ и удовлетворительнымъ въ мировыхъ округахъ Валдайскомъ, Демянскомъ, Крестецкомъ и Новгородскомъ [4]), не нашли особыхъ упущеній въ дѣлопроизводствахъ съѣздовъ Вологодской губ. [5]), весьма немного упущеній въ Боровичскомъ округѣ [6]), немногочисленныя и несущественныя въ Нолинскомъ округѣ [7]), въ весьма удовлетворительномъ состояніи Устюжскій округъ [8]), несущественныя упущенія въ Шадринскомъ и Верхотурскомъ округахъ [9]), весьма удовлетворительнымъ какъ въ канцелярскомъ отношеніи, такъ и по существу, дѣлопроизводство Донецкаго округа [10]), въ отличномъ состояніи дѣлопроизводство Тамбовскаго съѣзда (въ теченіе 1876—7 гг. ни одного несостоявшагося съѣзда; личный составъ весьма удовлетворите-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1873 г. № 5930.
[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1873 г. № 5932.
[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 232.
[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 234.
[5]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 238.
[6]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 240.
[7]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 248.
[8]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 249.
[9]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 250.
[10]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 251.

ленъ) [1]), въ замѣчательномъ порядкѣ и во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ (ни малѣйшаго отступленія отъ порядка дѣлопроизводства или нарушенія закона) дѣлопроизводство съѣзда и 1 уч. Корчевскаго округа [2]), въ удовлетворительномъ состояніи дѣлопроизводство Тверского съѣзда [3]), ни одного нарушенія закона и ни малѣйшаго уклоненія отъ порядка судопроизводства въ Новоторжскомъ округѣ (у мировыхъ судей незначительныя упущенія [4]), въ удовлетворительномъ состояніи 1, 2, 3, 5 и 6 участки Калужскаго округа, въ отличномъ состояніи дѣлопроизводство Калужскаго мирового съѣзда, всѣхъ участковыхъ мировыхъ судей Медынскаго округа, кромѣ 4 уч. („всѣ усердно и добросовѣстно исполняютъ свои служебныя обязанности; по съѣзду назначеніе къ разсмотрѣнію поступающихъ дѣлъ не замедляется, составленіе рѣшеній и обращеніе ихъ къ исполненію весьма удовлетворительно, равно какъ дѣлопроизводство по всѣмъ его частямъ въ порядкѣ"), нѣкоторыхъ участковъ Мещовскаго уѣзда и Мещовскаго мирового съѣзда („дѣлопроизводство мирового съѣзда въ такомъ превосходномъ состояніи, что не оставляетъ желать ничего лучшаго") [5]), въ образцовомъ порядкѣ дѣлопроизводство Моршанскаго округа [6]), въ отличномъ порядкѣ—1 и 4 уч. Владимірскаго округа [7]).

Слѣдуетъ признать, что дѣятельность выборныхъ мировыхъ судей протекала въ разныхъ округахъ и даже въ разныхъ участкахъ одного и того же округа различно, въ зависимости отъ случайностей избранія, и что значительно большая часть мировыхъ судей функціонировала весьма успѣшно. Выясняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, что какими бы недостатками ни страдали выборные мировые судьи, нельзя, на основаніи отчетовъ о ревизіяхъ, упрекнуть ихъ въ дѣйствіяхъ изъ личныхъ, тѣмъ менѣе — корыстныхъ, видовъ, въ стремленіи сообразовать свои рѣшенія со взглядами и интересами людей, власть имущихъ или вліятельныхъ. Если, случалось, они были плохи, то были плохи въ рав-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 254.
[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 256.
[3]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 260.
[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 270.
[5]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 275.
[6]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 283.
[7]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 284.

ной мѣрѣ для всѣхъ, и безъ пользы для себя. Но несравненно чаще они были хороши.

Ко второй группѣ матеріаловъ мы отнесли официальныя свѣдѣнія о случаяхъ привлеченія мировыхъ судей къ отвѣтственности, дисциплинарной и уголовной—за преступленія должности. Первые годы существованія мирового института это бывало чрезвычайно рѣдко. Въ 1867 г. имѣли мѣсто 2 случая преданія суду, въ 1869 г.—4 случая, въ 1870—6, въ 1871—2. Они участились съ конца 70-хъ годовъ. Не расчленяя случаевъ привлеченія къ отвѣтственности мировыхъ судей выборныхъ и назначенныхъ, отчеты кассаціонныхъ департаментовъ даютъ слѣдующія числа для ряда лѣтъ (съ 1880 г. по 1890 г.; въ скобкахъ обозначено общее число привлеченій къ отвѣтственности за соотвѣтствующій годъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства):

	Предано суду:	Возбуждено дисципл. производствъ:
1880	36 (74)	13 (19)
1881	40 (62)	? (30)
1882	19 (55)	17 (26)
1883	13 (21)	2 (6)
1884	15 (38)	14 (17)
1885	24 (35)	9 (14)
1886	49 (94)	30 (37)
1888 [1])	40 (57)	35 (38)
1889	57 (80)	28 (30)
1890	42 (56)	24 (32)

Въ отчетахъ кассаціонныхъ департаментовъ находимъ свѣдѣнія и о свойствахъ тѣхъ нарушеній, за которыя мировые судьи привлекались къ отвѣтственности. Такъ, въ 1867 г. 2 мировыхъ судей были преданы уголовному суду за превышеніе власти [2]), въ 1869 г. 2 за превышеніе власти, 1 за неосмотри-

[1]) Въ 1888 г. изъ числа преданныхъ суду Соединеннымъ Присутствіемъ I-го и кассаціонныхъ департаментовъ 40 мировыхъ судей было выборныхъ 31 и назначенныхъ 9.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 3 іюля 1866 г. о результатахъ дѣятельности мировыхъ судей за первый мѣсяцъ по открытіи судебно-мировыхъ установленій, министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ отмѣчаетъ, между прочимъ: „нѣкоторыя, впрочемъ, весьма немногія лица оказались не вполнѣ соотвѣтствующими своему высокому назначенію; въ большинствѣ случаевъ выборъ земства и городскихъ обществъ палъ на людей

тельность, слѣдствіемъ которой было двукратное задержаніе обвиняемаго въ тюрьмѣ, и 1 за разные несоотвѣтственные званію судьи поступки. „Такимъ образомъ,—читаемъ въ отчетѣ за этотъ годъ,—по 30 внутреннимъ губерніямъ, гдѣ введенъ мировой судъ, изъ числа 5160 мировыхъ судей (выборныхъ), только на одного пало тяжкое обвиненіе въ растратѣ ввѣренныхъ ему суммъ и укрывательствѣ, и 12 судей навлекли на себя слѣдствіе и судъ по такимъ проступкамъ, которые не имѣютъ свойствъ нравственно-предосудительныхъ и произошли отъ неопытности, недостаточнаго знанія законовъ, отъ недостатка въ навыкѣ обращаться съ просителями и т. п.“.

Вполнѣ благопріятную общую оцѣнку дѣятельности мирового института содержитъ въ себѣ и отчетъ по кассаціоннымъ департаментамъ за 1869 г.: „нельзя по справедливости не признать,—читаемъ въ этомъ отчетѣ,—что мировой судъ, въ большинствѣ судей, оправдываетъ тѣ ожиданія, которыми сопровождалось его утвержденіе... Этотъ судъ, сколько извѣстно, уже привлекъ довѣріе и уваженіе, такъ что представляется какъ бы существующимъ у насъ издавна и какъ бы извлеченнымъ изъ всегдашней нашей жизни“.

Въ отчетѣ за 1870 г. находимъ упоминаніе только объ отдѣльныхъ случаяхъ привлеченій. Такъ, говорится о мировомъ судьѣ, приказавшемъ волостному писарю занести заднимъ числомъ въ актовую книгу заключенное имъ съ однимъ крестьяниномъ условіе, и при этомъ переправившемъ въ книгѣ нѣсколько номеровъ. Другой мировой судья былъ преданъ суду за оскорбленіе въ засѣданіи земскаго собранія гласнаго изъ крестьянъ, котораго онъ взялъ за бортъ и приказалъ становому приставу арестовать во исполненіе постановленнаго имъ, мировымъ судьею, о томъ приговора. Предсѣдатель одного мирового съѣзда и съ нимъ 4 мировыхъ судей, членовъ того же съѣзда,

---

весьма достойныхъ. Незаконныя распоряженія тѣхъ мировыхъ судей, дѣйствія коихъ заслужили справедливыя нареканія, подверглись строгому осужденію со стороны высшихъ судебныхъ учрежденій, неправильныя рѣшенія мировыхъ судей отмѣнены, и сами они подвергнуты строгой отвѣтственности. О мировомъ судьѣ Ольхинѣ за вмѣшательство въ распоряженія полиціи при пожарѣ возбуждено дисциплинарное производство; судья Протасовъ за неправильное арестованіе сторожа при Литейномъ мостѣ приговоренъ судебною палатою къ трехнедѣльному аресту, а судья Серебряковъ, дозволившій себѣ разорвать поданное ему прошеніе, преданъ суду“. (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3995, л.л. 22—24).

преданы были суду за оскорбленіе одного почетнаго мирового судьи, котораго они письменно просили избавить ихъ отъ непріятности имѣть съ нимъ что либо общее, въ особенности, совмѣстно съ нимъ являться передъ публикой при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Оцѣнка дѣятельности мировыхъ судей кассаціонными департаментами рѣзко мѣняется съ 1879 г. Въ отчетѣ за этотъ годъ Сенатъ какъ бы подводитъ итоги выполненнаго въ 1878—1879 гг. массоваго обревизованія судебно-мировыхъ установленій: „къ сожалѣнію, не въ столь благопріятномъ видѣ (какъ дѣятельность общихъ судебныхъ установленій) представляется (въ этомъ году) дѣятельность мировыхъ судей. Хотя число принадлежащихъ къ симъ установленіямъ чиновъ, привлеченныхъ въ теченіе 1878 г. къ отвѣтственности (37 лицъ), и не представляется особенно значительнымъ сравнительно съ общимъ ихъ числомъ въ Имперіи 6505, нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что въ значительномъ числѣ случаевъ на обвиняемыхъ, принадлежащихъ къ чинамъ мировыхъ судебныхъ установленій, упадали обвиненія въ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія (по 7 дѣламъ 9 лицъ), что значительное сравнительно число мировыхъ судей (9) обвинялось въ растратѣ ввѣренныхъ имъ по должности суммъ, или въ несдачѣ ихъ по принадлежности безъ законныхъ причинъ, и, наконецъ, что усмотрѣнные въ дѣятельности мировыхъ судей случаи превышенія предоставленной имъ власти, медленности и запущенія въ дѣлахъ указывали не только на недостаточное вниманіе съ ихъ стороны къ исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей и на непониманіе ими этихъ обязанностей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на употребленіе во зло, для своихъ личныхъ цѣлей и выгодъ, дарованной имъ власти". Отчетъ упоминаетъ, между прочимъ, о мировомъ судьѣ Тихвинскаго округа Витмерѣ, который, въ качествѣ мирового судьи, приказалъ полицейскому сотскому доставить къ нему крестьянина, состоявшаго у него въ услуженіи и затѣмъ отданнаго по распоряженію сельскаго начальства въ заработки для пополненія числящихся на немъ недоимокъ.

Къ третьей группѣ матеріаловъ мы отнесли отзывы отдѣльныхъ офиціальныхъ лицъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежитъ всеподданнѣйшимъ докладамъ министровъ юстиціи.

Первые годы по открытіи мировыхъ судовъ, вѣдомственная оцѣнка ихъ дѣятельности была неизмѣнно благопріятною.

Какъ всеподданнѣйше докладывалъ 3 іюля 1866 г. министръ юстиціи Замятнинъ, „мѣсячная дѣятельность мировыхъ судей показала, что надежды правительства не остались тщетными. Привыкнувъ къ обременительнымъ формальностямъ прежняго письменнаго порядка судопроизводства и къ медленности въ производствѣ дѣлъ, народъ уже успѣлъ оцѣнить благодѣяніе, дарованное В. И. Величествомъ учрежденіемъ мировыхъ судей. Право заявлять всякія требованія словесно даетъ большинству неграмотныхъ простолюдиновъ возможность найти судъ и расправу безъ посредства ходатаевъ, коимъ народъ уплачивалъ прежде значительныя деньги; быстрота въ разрѣшеніи дѣлъ не отрываетъ на продолжительное время отъ обыденныхъ занятій лицъ, обращающихся къ мировымъ судьямъ, и призываемыхъ ими свидѣтелей, а примирительное разбирательство, господствующее у мировыхъ судей, способствуетъ окончанію спора къ обоюдному удовольствію сторонъ, устраняетъ нѣкоторое понятное въ семъ случаѣ раздраженіе и содѣйствуетъ водворенію общаго согласія и благосостоянія“.

Въ отчетѣ Министерства Юстиціи за 1867 г. встрѣчаемъ признаніе, что „основной характеръ мирового института оказался какъ нельзя болѣе пригоднымъ для народа, доставляя ему на мѣстѣ во всѣхъ дѣлахъ меньшей важности быстрое и нестѣсненное формальностями разбирательство“.

Отчетъ Министерства Юстиціи за 1868 г. констатируетъ, что „имѣющіяся въ Министерствѣ Юстиціи данныя представляютъ дѣятельность мировыхъ судей вообще успѣшною и достигающею своей цѣли“.

Въ своей запискѣ о повсемѣстномъ введеніи мировыхъ судей, составленной въ концѣ 1867 г., гр. Паленъ устанавливаетъ, какъ общеизвѣстный фактъ, что „мировые судьи вполнѣ оправдали свою цѣль доставленіемъ скораго и правильнаго суда для огромной массы маловажныхъ дѣлъ. При введеніи реформы въ губерніяхъ, окружные суды оставались долгое время почти безъ дѣла, между тѣмъ какъ мировые судьи съ перваго дня ихъ существованія были завалены массою мелкихъ исковъ и разбирательствъ. И, несмотря на то, мировые судьи начали свою дѣятельность съ полнымъ успѣхомъ и уже успѣли оказать на дѣлѣ

значительныя заслуги. Огромное количество необжалованныхъ рѣшеній доказываетъ довѣріе, которое они пріобрѣли среди народа, а масса рѣшенныхъ ими дѣлъ—о той громадной пользѣ, которую они успѣли принести дѣлу отправленія суда" [1]).

Въ 1868 г. Министерство Юстиціи заявляетъ, что „по единодушному отзыву всѣхъ близко стоящихъ къ дѣлу лицъ, учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій, въ главныхъ чертахъ своихъ, повсемѣстно оправдало общія ожиданія осуществленіемъ на самой практикѣ возвѣщеннаго Судебными Уставами суда нелицепріятнаго и гласнаго. Не взирая на общеизвѣстный фактъ малаго еще развитія въ Имперіи юридическаго образованія, огромное большинство избранныхъ земствомъ на первое же трехлѣтіе мировыхъ судей восполняло во всякомъ случаѣ этотъ пробѣлъ безукоризненною честностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ долга, и засимъ довѣріе къ новымъ дѣятелямъ выразилось въ томъ, что едва ли не третья часть изъ нихъ осталась на своихъ мѣстахъ на слѣдующія трехлѣтія" [2]).

Отмѣчая изъ года въ годъ ростущее „громадное, превышающее всякое вѣроятіе" количество дѣлъ въ производствѣ мировыхъ судей, Министерство Юстиціи въ своемъ отчетѣ за 1872—1881 гг. находитъ, что „недостаточны для объясненія этого явленія постоянныя указанія на увеличеніе народонаселенія, гражданской жизни и т. п. общія явленія, такъ какъ подобныя явленія въ предшествующіе годы, до 1864 г., имѣли на возрастаніе числа дѣлъ весьма ограниченное вліяніе. Съ положительной достовѣрностью можно утверждать, что это явленіе коренится главнымъ образомъ въ системѣ новыхъ судовъ. Вліяніе ихъ выражается въ томъ, что масса преступныхъ дѣяній, которыя въ прежнее время оставлялись безъ преслѣдованія, какъ по несовершенству слѣдственной части, такъ и потому, что продолжительность судебнаго производства, множество издержекъ заставляли очень часто потерпѣвшихъ отказаться отъ преслѣдованія нарушителей ихъ правъ. То же было и въ гражданскихъ дѣлахъ, гдѣ та же медленность, дороговизна процесса и трудность достигнуть правосуднаго рѣшенія дѣлали судъ почти недоступнымъ. Судебное преобразованіе, „судъ скорый и пра-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3562.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910, л. 335.

вый", устранило недостатки стараго судопроизводства, и, дѣйствительно, достигло своей цѣли, — возрастаніе числа дѣлъ должно быть признано, безъ всякаго сомнѣнія, тому доказательствомъ".

Но уже въ 1870 г. изъ внутренней вѣдомственной переписки можно заключить о назрѣвающемъ недовольствѣ руководителя вѣдомства гр. Палена дѣятельностью мировыхъ судей. „Имѣющіяся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣнія,—въ циркулярѣ на имя предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ писалъ гр. Паленъ,— указываютъ на крайне неудовлетворительное состояніе дѣятельности мировыхъ судей въ нѣкоторыхъ округахъ. Медленность въ производствѣ дѣлъ, отступленіе отъ наказовъ, установленіе разнообразныхъ, стѣснительныхъ для тяжущихся, канцелярскихъ порядковъ, неправильность личныхъ служебныхъ дѣйствій и упущенія судей, и, наконецъ, злоупотребленія письмоводителей и другихъ чиновъ судейскихъ канцелярій обратились нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ столь обыденное явленіе, что угрожаютъ подорвать довѣріе къ суду въ глазахъ мѣстнаго населенія" [1]).

Въ „Подготовительныхъ матеріалахъ" комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части [2]) напечатаны извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ: пермскаго (Анастасьева) за 1883 г., новгородскаго (т. с. Мосолова), казанскаго (д. с. с. Андреевскаго), полтавскаго (г.-м. Янковскаго) за 1884 г., курскаго (т. с. Косаговскаго) и самарскаго (т. с. Свербеева) за 1885 г., курскаго (г.-л. ф.-Валь), олонецкаго (т. с. Григорьева) и с.-петербургскаго (егерм. гр. Толя) за 1889 г. относительно дѣятельности мировыхъ судей. Въ отчетахъ названныхъ губернаторовъ говорится о слабой подготовкѣ судей, о ихъ медлительности и небрежности, о зависимости ихъ отъ вліятельныхъ людей и партій въ уѣздахъ, о слабости ихъ репрессіи по отношенію къ лѣснымъ порубкамъ и конокрадству, объ ихъ непопулярности, и не по исключенію, а какъ общее правило. Въ этихъ отзывахъ, вообще голословныхъ и отмѣченныхъ чрезмѣрной склонностью къ обобщенію, наиболѣе симптоматично ихъ совпаденіе во времени съ выяснившимся однород-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 8132.

[2]) Томъ X, Спб., 1895 г., стр. 1 и сл.

нымъ курсомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по данному вопросу. Такъ, т. с. Косаговскій пишетъ въ своемъ отчетѣ, что „народное сознаніе не допускаетъ возможности полнаго отдѣленія въ низшихъ инстанціяхъ суда отъ администраціи". Гр. Толь высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что учрежденіе земскихъ начальниковъ будетъ имѣть бо́льшее воспитательное значеніе на нравственность населенія. Болѣе обстоятеленъ и, вмѣстѣ, какъ первый по времени, возможно, что и болѣе самостоятеленъ, отзывъ пермскаго губернатора.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1883 г. пермскій губернаторъ Анастасьевъ слѣдующимъ образомъ отозвался о дѣятельности мѣстныхъ мировыхъ судей: „дѣятельность судебно-мирового института, къ сожалѣнію, весьма мало соотвѣтствуетъ понятію о правильно отправляемомъ правосудіи. Нерѣдко приходится даже слышать о продажности судей. Такое прискорбное явленіе происходитъ отъ того, что личный персоналъ мировыхъ судей стоитъ на крайне низкомъ нравственномъ уровнѣ. По отсутствію въ губерніи землевладѣльческаго элемента, въ лицѣ дворянъ, мѣстные мировые судьи избираются изъ среды отставныхъ чиновниковъ и даже волостныхъ писарей, успѣвшихъ пріобрѣсти чаще всего неблаговидными средствами имущественный цензъ. Такія лица, лишенныя возможности найти опору противъ происковъ партій въ своемъ нравственномъ авторитетѣ, естественно, не могутъ оставаться независимыми отъ своихъ избирателей и потому, въ ущербъ правосудію, стремятся добиться популярности среди населенія, не отступая для этой цѣли ни передъ какими средствами. При этихъ условіяхъ невозможно расчитывать на сочувственное отношеніе мировыхъ судей къ дѣятельности полицейскихъ органовъ въ кругу ихъ ближайшихъ задачъ. Протоколы, составляемые полиціей по нарушеніямъ населеніемъ тѣхъ или другихъ требованій закона, или не разбираются въ теченіе весьма долгаго времени, или же влекутъ за собой столь ничтожную отвѣтственность, что стремленія полиціи къ водворенію законности и порядка совершенно парализуются". Императоръ Александръ III сдѣлалъ на отчетѣ собственноручную отмѣтку: „обратить вниманіе министра юстиціи". По Высочайшему повелѣнію, отчетъ былъ внесенъ въ Комитетъ Министровъ. Заслушавъ отчетъ, 23 октября Комитетъ положилъ: „Высочайшую отмѣтку сообщить министру юстиціи

для доставленія Комитету свѣдѣній и соображеній, подлежащихъ представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе". Министръ юстиціи Набоковъ распорядился произвести подробную и разностороннюю ревизію дѣлопроизводства какъ мировыхъ судей, такъ и мировыхъ съѣздовъ Пермской губ. Обязанность обревизованія была возложена на члена Харьковской судебной палаты Ненарочкина. Характеризуя пермскихъ мировыхъ судей того времени, какъ „разночинцевъ интеллигенціи, неудачниковъ въ службѣ и въ жизни", какъ „людей, вовсе не подготовленныхъ къ дѣлу отправленія правосудія, творящихъ судъ не ради достиженія высшихъ интересовъ", Ненарочкинъ заканчиваетъ вступленіе къ отчету о произведенной имъ ревизіи слѣдующимъ обращеніемъ къ министру: „долженъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что и при такомъ неудовлетворительномъ контингентѣ избираемыхъ лицъ, мировыя судебныя учрежденія этой губерніи не представляютъ такихъ анормальностей, которыя вызывали бы особыя правительственныя мѣры къ устраненію ихъ... Кромѣ весьма обыкновенной бездѣятельности мировыхъ судей, иногда, впрочемъ, даже преступной, ни продажности судей, ни полнаго противодѣйствія ихъ администраціи, о чемъ упоминается во всеподданнѣйшемъ отчетѣ бывшаго пермскаго губернатора Анастасьева, какъ изволите усмотрѣть изъ представленнаго подробнаго отчета, мною не обнаружено" [1]).

Изъ отзывовъ отдѣльныхъ авторитетныхъ лицъ, занимавшихъ высокое служебное положеніе, заслуживаетъ быть упомянутымъ мнѣніе, высказанное шестью членами Государственнаго Совѣта, въ числѣ ихъ Стояновскимъ и Побѣдоносцевымъ, по дѣлу объ установленіи пошлинъ въ производствѣ мировыхъ судебныхъ установленій. Помянутые члены Государственнаго Совѣта, входя въ общую оцѣнку мирового института, въ 1877 г., на основаніи 10-лѣтняго опыта, признали, что „мировые судьи принадлежатъ къ числу наиболѣе удавшихся учрежденій, созданныхъ судебною реформою" [2]).

Какъ официальное доказательство довѣрія, которымъ мировой судъ пользовался со стороны населенія, могутъ быть приведены ходатайства губернскихъ земскихъ собраній о расширеніи

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1885 г. № 2949.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 3441.

компетенціи мирового суда, неоднократно поступавшія на разсмотрѣніе Министерства Юстиціи. Ходатайства относились: 1) къ расширенію предметовъ вѣдомства мировыхъ судей по дѣламъ о недвижимой собственности, 2) къ предоставленію мировымъ съѣздамъ права утверждать нотаріальные акты до 500 р., 3) къ пересмотру положенія о волостныхъ судахъ, 4) къ предоставленію поселянамъ права обращаться съ исками къ мировымъ судьямъ или къ волостнымъ судамъ, по ихъ усмотрѣнію, и 5) къ предоставленію мировымъ судьямъ разрѣшать иски о недвижимой собственности до 500 р. [1]).

Итакъ, 70-е годы принесли съ собой рѣзкій переломъ въ оцѣнкѣ дѣятельности мировыхъ судей со стороны центральныхъ органовъ надзора за ними—кассаціонныхъ департаментовъ и Министерства Юстиціи. Причины этого явленія были указаны. Онѣ заключались частью въ перемѣнахъ, произошедшихъ въ личномъ составѣ мировыхъ судей, но еще болѣе — въ измѣненіи самаго критерія оцѣнки ихъ дѣятельности. Уже къ началу 70-хъ годовъ, изъ числа мировыхъ судей выбыли многіе, дѣятельность которыхъ создала мировому институту столь широкую популярность. Жизнь не оправдала ихъ надеждъ и ожиданій. Они могли на дѣлѣ убѣдиться въ томъ, что строителемъ жизни, вѣстникомъ правды, авторитетнымъ хранителемъ земскаго мира судьѣ дано быть лишь въ тѣсныхъ рамкахъ формальнаго закона. Но примиреніе закона и идеальныхъ стремленій составляло задачу, для выполненія которой было недостаточно временнаго подъема духа и добраго желанія,—требовались, кромѣ того, юридическая эрудиція и методическіе навыки, взять которые было неоткуда. И само населеніе искало въ мировомъ судьѣ, прежде всего, судью по закону, доказательствомъ чего служило сокращеніе изъ года въ годъ числа дѣлъ, заканчиваемыхъ примиреніемъ. Уходъ этихъ людей, неизбѣжный и совершенно понятный, тѣмъ не менѣе, весьма ослабилъ силы молодого института, умѣривъ тотъ благородный энтузіазмъ, который они вносили въ общую работу [2]). Вторая причина измѣненія въ официальной

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7910, записка М. Заруднаго отъ 18 марта 1875 г.

[2]) По замѣчанію предсѣдателя Жиздринскаго мирового съѣзда, „при всѣхъ утѣшительныхъ результатахъ мирового суда за первое трехлѣтіе, нельзя не сознаться, что многіе изъ его членовъ далеко не соотвѣтствуютъ ни по своему образованію, ни по

оцѣнкѣ тѣсно связана съ первой. Она заключалась въ той чрезвычайной настойчивости, съ которой органы надзора требовали отъ мировыхъ судей не только соблюденія закона, но и тончайшихъ формъ дѣлопроизводства. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что масштабъ, который они прилагали въ этомъ отношеніи къ выборнымъ судьямъ, по существу, былъ тѣмъ же, что и для судей коронныхъ. Не всѣ мировые судьи могли удовлетворить ему, и здѣсь источникъ прогрессирующаго недовольства ими.

Данныя ревизій и статистическія свѣдѣнія о движеніи дѣлъ убѣждаютъ, однако, въ томъ, что съ теченіемъ времени мировые судьи сумѣли приспособиться къ своему новому положенію: таяла залежь дѣлъ, сокращалось число отмѣняемыхъ съѣздами рѣшеній, все чаще ревизующіе выражали полное довольство состояніемъ дѣлопроизводства [1]). Симптомы выздоровленія были налицо, ихъ никто и не оспаривалъ, но не имъ было предупредить реформу 1889 года.

На протяженіи менѣе четверти вѣка, второй разъ были измѣнены требованія, обращаемыя къ мѣстному суду. Новыя требованія исходили теперь отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и не только не имѣли ничего общаго съ тѣми, которыя офиціально предъявлялись ранѣе, но и были прямо имъ противоположны. Не техническіе недочеты дѣятельности мировыхъ судей были поставлены имъ въ упрекъ, составили причину недовольства ими. Отстаивая институтъ земскихъ начальниковъ, входя, при сопоставленіи съ нимъ, въ оцѣнку дѣятельности мировыхъ судей,

---

своимъ нравственнымъ качествамъ, посту, ими занимаемому. Къ счастію, общее настроеніе, господствующее въ мировомъ институтѣ, поддерживаетъ на прямой стези и этихъ слабыхъ его членовъ". (Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ за 1868 г., стр. 28 и сл.). Въ подчеркнутыхъ нами словахъ, быть можетъ, всего ближе раскрывается тайна успѣха мирового института въ первые годы существованія его въ особенности.

[1]) Прогрессирующему техническому успѣху дѣятельности мировыхъ судей, въ немалой мѣрѣ, способствовало постепенное возвышеніе образовательнаго уровня лицъ, замѣщающихъ эти должности. По подсчету г. Окунева, („Къ вопросу объ образовательномъ цензѣ и продолжительности службы мировыхъ судей", Журн. Мин. Юстиціи, 1896 г. № 2), въ 1889 г., въ числѣ 1376 выборныхъ мировыхъ судей, было людей съ высшимъ образованіемъ 49%, со среднимъ 45% и съ низшимъ 6%. Даже въ такихъ сравнительно отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., Пермская губ., число людей съ высшимъ образованіемъ въ должностяхъ мировыхъ судей оказывалось въ это время уже довольно значительнымъ. Изъ дѣла Мин. Юст. за 1885 г. № 2949 можно видѣть, что въ этомъ году, въ числѣ 64 выборныхъ мировыхъ судей Пермской губ. было лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ 14, съ высшимъ не юридическимъ 13, съ образованіемъ среднимъ 15, съ низшимъ 17, съ домашнимъ 5.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ доказывало неудобство тѣхъ самыхъ чертъ этой дѣятельности, которыя такъ долго и съ такой настойчивостью старались привить мировымъ судьямъ Сенатъ и Министерство Юстиціи. Порицались самыя основы дѣятельности мировыхъ судей: состязательный процессъ, предустановленныя доказательства, участіе адвокатуры, кассаціонный пересмотръ. Взамѣнъ, какъ наиболѣе желательный и соотвѣтствующій нуждамъ и состоянію народа, выдвигался идеалъ суда патріархальнаго, по совѣсти и внутреннему убѣжденію.

„До отмѣны крѣпостного права,—читаемъ въ отношеніи Мин. Вн. Дѣлъ отъ 23 февраля 1887 г. на имя государственнаго секретаря,—возникавшія въ средѣ сельскаго населенія простыя и несложныя экономическія отношенія въ рѣдкихъ только случаяхъ требовали вмѣшательства органовъ правительственной власти, ибо, при нормальныхъ обстоятельствахъ, отношенія эти регулировались вотчинно-полицейскою властью помѣщиковъ. Засимъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, указанныя условія существенно измѣнились. Внѣ сферы взаимныхъ обязательныхъ отношеній и совмѣстной эксплоатаціи сельско-хозяйственныхъ угодій, добровольные договоры и сдѣлки потребовали охраны судебной власти. Судебная реформа не оправдала возлагавшихся на нее въ указанномъ отношеніи ожиданій. Низшіе органы юстиціи—мировые судьи, будучи учрежденіемъ чисто судебнымъ, обязанные соблюдать въ своемъ производствѣ всѣ сложные обряды установленнаго для нихъ процессуальнаго порядка и руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ, почти исключительно, опредѣленіями писаннаго формальнаго права, оказались безсильными для огражденія законныхъ интересовъ населенія, основанныхъ на огромномъ большинствѣ совершаемыхъ въ сельской средѣ неформальныхъ сдѣлокъ и договоровъ. Такъ, напр., дѣла о сдачѣ исполу или о краткосрочной арендѣ земель, о содержаніи различныхъ оброчныхъ статей, о хозяйственныхъ подрядахъ и поставкахъ, о долговыхъ по хозяйственнымъ расчетамъ обязательствахъ и т. п., разрѣшаются въ судебно-мировыхъ установленіяхъ отказомъ въ искѣ, если онъ не подкрѣпленъ письменными актами и документами, хотя бы домашнимъ только порядкомъ совершенными... На практикѣ оказывается, что сельскіе обыватели весьма часто, по самымъ простымъ въ существѣ и малоцѣннымъ по стоимости искамъ своимъ, выну-

ждены тратиться на уплату судебныхъ пошлинъ и на наемъ повѣренныхъ, безъ содѣйствія коихъ веденіе дѣлъ въ мировомъ судѣ представляется невозможнымъ для темнаго сельскаго люда, и подчиняться сложнымъ и стѣснительнымъ обрядностямъ установленнаго для судебно-мировыхъ учрежденій формальнаго процесса, со всѣми неудобствами двоякой (апелляціонной и кассаціонной) системы обжалованія судебныхъ рѣшеній и возможностью доведенія почти каждаго дѣла до Пр. Сената. Вообще, не подлежитъ сомнѣнію, что несоотвѣтствіе существующаго порядка судебнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія мелкихъ споровъ и тяжбъ очевиднымъ, насущнымъ въ этомъ дѣлѣ потребностямъ народа составляетъ одну изъ главныхъ причинъ установившихся ненормальныхъ отношеній между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами, а затѣмъ и крайне неудовлетворительнаго состоянія нашего сельскаго хозяйства“ [1]).

Современнымъ мировымъ судьямъ противополагались земскіе начальники съ обширною дискреціонной властью, „въ примѣненіи коей они должны сообразоваться не столько съ предписаніемъ строгаго права, сколько съ указаніями здраваго смысла, мѣстными обычаями и требованіями нравственной справедливости“. Снабдить ихъ этою властью требовалось, однако, уже не въ тѣхъ цѣляхъ, которыя ставили дѣятельности мировыхъ судей составители Судебныхъ Уставовъ, не въ видахъ облегченія ихъ примирительной дѣятельности, но ради „созданія на мѣстахъ сильной и авторитетной власти въ лицѣ лучшихъ людей помѣстнаго дворянства“, власти, которая бы соединяла въ своихъ рукахъ функціи судебную и административную. Соединеніе мотивировалось тѣмъ, что „при извѣстныхъ обстоятельствахъ (напр., въ случаѣ необходимости остановить начавшееся подъ вліяніемъ злоумышленныхъ подстрекательствъ броженіе среди крестьянъ) пользу приносятъ только быстрыя и рѣшительныя распоряженія, немедленно исполняемыя“ [2]).

Болѣе обстоятельное выясненіе мотивовъ реформы 1889 г. не входитъ въ нашу задачу. Мы привели ихъ единственно за-

---

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., дѣло о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій, подъ №№ 95 и 44 за 1888 и 1889 г.г.

[2]) Тамъ же, л. 314—324, министръ внутреннихъ дѣлъ государственному секретарю отъ 28 ноября 1887 г.

тѣмъ, чтобы показать, что не дефекты юридической техники и даже не безуспѣшность миротворческой дѣятельности мировыхъ судей, но исключительно новый политическій курсъ послужилъ причиной ликвидаціи выборнаго мирового института въ условіяхъ сельской жизни.—Заканчивая очеркъ, приходимъ къ выводу:

Если принять во вниманіе подготовку, которою мировые судьи располагали, и условія, въ которыя они были поставлены, нельзя не признать, что въ техническомъ отношеніи они достигли результатовъ удовлетворительныхъ. Еще цѣннѣе и исторически глубже была ихъ общественная заслуга: піонеры правовой идеи, они дали народу, только что освобожденному отъ крѣпостной зависимости, то, въ чемъ всего болѣе онъ нуждался—юридическую школу, гдѣ на предметныхъ урокахъ онъ могъ не только пріобрѣсти нужныя ему познанія, узнать свои права и обязанности, но и получить основы гражданскаго воспитанія,—научиться искусству и пріобрѣсти мужество защищать первыя, и сознать свой долгъ выполнять вторыя.

С. Мокринскій.

Слѣдственная часть.

Указъ 8 іюня 1860 г. объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. Причины, вызвавшія реформу 1860 г. Слѣдственная часть въ періодъ 1860 г. до введенія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Институтъ судебныхъ слѣдователей по Уставамъ 1864 г. Послѣдствія реформы. Отношеніе прокуратуры къ слѣдователямъ. Дѣятельность судебныхъ слѣдователей при новыхъ судебныхъ порядкахъ. Недостатки слѣдственной части. Мѣры, принятыя въ періодъ 1864—1914 гг. для ея улучшенія. Нареканія на нее и главныя причины неудовлетворительнаго ея состоянія.

8 іюня 1860 г. Правительствующему Сенату былъ данъ Именной Высочайшій указъ объ отдѣленіи въ управляемыхъ по общему учрежденію 44 губерніяхъ Имперіи слѣдственной части отъ полиціи и назначеніи въ эти губерніи особыхъ, подвѣдомственныхъ Министерству Юстиціи, чиновниковъ для производства слѣдствій о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ, наименовавъ сихъ чиновниковъ судебными слѣдователями. Къ этому Именному указу были приложены: Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, Наказъ судебнымъ слѣдователямъ и отдѣльный Наказъ полиціи о производствѣ дознаній по преступленіямъ и проступкамъ. Такимъ образомъ, закономъ 8 іюня 1860 г. были опредѣлены, какъ порядокъ производства слѣдствій черезъ судебныхъ слѣдователей, такъ равно и отношенія сихъ послѣднихъ къ чинамъ полиціи, призваннымъ содѣйствовать судебной власти въ отправленіи уголовнаго правосудія.

Согласно Учрежденію, судебные слѣдователи были приравнены къ членамъ уѣзднаго суда; они опредѣлялись и увольнялись отъ должности на основаніи 1237 и 1239 ст. ст. III т. 1 кн. Уст. о служб. Прав., а отъ службы—министромъ юстиціи, по представленію губернатора, который избиралъ судебныхъ слѣдователей по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ (ст. 2).

Сомнѣнія и затрудненія, встрѣченныя при производствѣ слѣдствія, слѣдователь обязанъ былъ представлять на разрѣшеніе того суда, въ который поступало дѣло (ст. 16), и только судебное мѣсто было въ правѣ остановить и прекратить производство дѣла или дать ему другое направленіе (ст. 18). Равнымъ образомъ, только судебному мѣсту предоставлялось давать судебнымъ слѣдователямъ указы и предписанія, разсматривать жалобы на нихъ и осуществлять контроль надъ слѣдственными дѣйствіями (ст. 23). Учрежденіемъ устанавливался также порядокъ непосредственности сношеній слѣдственной власти со всѣми присутственными мѣстами и должностными лицами (ст. ст. 20, 31). Вмѣстѣ съ тѣмъ, судебному слѣдователю разрѣшалось, въ случаѣ надобности, повѣрять и дополнять дѣйствія мѣстъ и лицъ, производившихъ дознаніе, и отмѣнять сдѣланныя ими распоряженія (ст. 19). Обязанности полиціи по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, ограничивались производствомъ только дознаній, самое же дознаніе опредѣлялось, какъ собраніе свѣдѣній, необходимыхъ для удостовѣренія въ томъ, что происшествіе, соединенное съ преступленіемъ или проступкомъ, дѣйствительно имѣло мѣсто (ст. 2 и 3 Нак. пол.). Этотъ ограничительный характеръ дѣятельности полиціи по изслѣдованію уголовныхъ дѣлъ вызвалъ также необходимость въ особой со стороны законодателя оговоркѣ въ томъ же Наказѣ, что всѣ формально-судебныя дѣйствія, какъ-то: призывъ экспертовъ, производство осмотровъ и обысковъ, а равно допросъ свидѣтелей подъ присягой, могутъ быть чинимы полиціей лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда есть опасеніе, что доказательства преступленія могутъ быть уничтожены, если дѣйствія эти не будутъ исполнены своевременно (ст. 8). Самое же производство слѣдствія, т. е. совокупность тѣхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ можно открыть виновнаго и привести въ ясность всѣ обстоятельства дѣла,—возлагалось, согласно Наказу судебнымъ слѣдователямъ, на сихъ послѣднихъ (ст. 8), при чемъ обязанность принимать всѣ законныя мѣры для полученія и сохраненія вещественныхъ доказательствъ преступленія и для пресѣченія обвиняемому возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда—возлагалась на тѣхъ же слѣдователей (ст. 9).

Обращаясь къ изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ изданіе закона 8 іюня 1860 г., нельзя, казалось бы, не отмѣтить, что

учрежденіе судебныхъ слѣдователей находилось въ тѣсной связи съ крестьянскою реформою. Формально связь эта выразилась въ томъ, что самыя предположенія объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи возникли въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и обсуждались первоначально въ Присутствіи Соединенныхъ Департаментовъ и членовъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Логически же связь эта подчеркивалась тѣмъ, что, по мысли Императора Александра II, обновленію крестьянскаго строя должна была предшествовать реформа полиціи. Но вполнѣ понятно, что коренное измѣненіе началъ административно-полицейскаго устройства не могло быть тогда же предпринято правительствомъ въ виду близости освобожденія крестьянъ, которое первоначально предполагалось осуществить къ осени 1860 г. Въ виду этого невольно пришлось ограничиться нѣкоторыми палліативами, и къ числу таковыхъ было отнесено немедленное отдѣленіе слѣдственной части отъ полиціи, съ учрежденіемъ для сего особыхъ слѣдственныхъ приставовъ или судей. При обсужденіи этого вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ въ Департаментахъ Законовъ и Гражданскомъ 19—26 мая того же года указывалось, что „мѣра сія будетъ чрезвычайно полезна, облегчивъ занятія уѣздной полиціи и давъ ей возможность къ успѣшному исполненію прочихъ за тѣмъ обязанностей". Далѣе Департаменты полагали, что „можно будетъ принять... и нѣкоторыя другія мѣры, относящіяся до общаго образованія полиціи, кои существенно необходимы для того, чтобы полиція могла съ успѣхомъ дѣйствовать при предстоящемъ преобразованіи крестьянскаго быта" [1]). Тѣ же мотивы повторяются затѣмъ и въ Именномъ указѣ отъ 8 іюня 1860 г., гдѣ прямо изображено, что Учрежденіе судебныхъ слѣдователей имѣетъ цѣлью „дать полиціи болѣе средствъ къ успѣшнѣйшему исполненію ея обязанностей, столь важныхъ для порядка и спокойствія жителей всѣхъ состояній и опредѣлить точнѣе свойство и кругъ ея дѣйствій".

Однако, законъ 8 іюня 1860 г. былъ вызванъ также не только крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ слѣдственной части въ дореформенное время, но и мотивами принципіальнаго характера, а именно сознаніемъ необходимости провести рѣши-

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1860 г. № 41. Объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. Журн. Госуд. Сов. въ департ. Зак. и Гражд. 19—26 мая 1860 г. № 41, стр. 1 и 2.

тельное отдѣленіе власти судебной отъ административной и устранить полицію отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла судебныя. Мотивы эти, какъ извѣстно, съ полною опредѣленностью были выражены уже въ 1859 г. въ запискѣ гр. Д. Н. Блудова о цѣли учрежденія мировой юстиціи [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 15 апрѣля 1861 г., впредь до пересмотра дѣйствовавшихъ законовъ о военно-уголовномъ судопроизводствѣ, Высочайше была утверждена инструкція для производства слѣдствій въ военномъ вѣдомствѣ. Изъ простого сопоставленія статей инструкціи съ соотвѣтствующими постановленіями Наказа судебнымъ слѣдователямъ вытекаетъ, что инструкція лишь повторяла основныя положенія закона 8 іюня 1860 г. въ части, касающейся порядка производства слѣдствій. Отсюда далѣе явствуетъ, что Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, несмотря на отмѣченную выше связь его съ крестьянскою реформою, не преслѣдовало исключительно административной цѣли — облегчить задачи полиціи, освобожденіемъ ея отъ несвойственныхъ ей судебныхъ функцій, но еще въ большей мѣрѣ явилось какъ бы первымъ шагомъ къ общей судебной реформѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если законъ 8 іюня 1860 г. могъ „облегчить занятія уѣздной полиціи", то учрежденіе военныхъ слѣдователей, очевидно, не могло быть вызвано иными причинами, кромѣ чисто судебныхъ, и ни въ какой связи съ административными предположеніями правительства не стояло.

Новое устройство слѣдственной части, на первыхъ порахъ, встрѣтило весьма неблагопріятныя условія для дальнѣйшаго своего развитія. Условія эти распадались на формально-правовыя и на такія, которыя коренились въ общемъ укладѣ русской жизни того времени. Къ числу первыхъ надлежало бы отнести, прежде всего, двойственное положеніе вновь учрежденнаго слѣдственнаго института въ системѣ дореформеннаго судоустройства и судопроизводства. Явившись провозвѣстникомъ началъ 20 ноября 1864 г., ставъ первымъ звеномъ въ длинномъ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій, созидавшихъ и укрѣплявшихъ въ Россіи величественное зданіе обновленнаго суда, Учрежденіе судебныхъ слѣдователей врѣзывалось клиномъ въ отживавшій, но все еще живой строй дореформенной юстиціи, вы-

[1]) Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи, т. IV, стр. 40 и 41.

зывая недоумѣніе, а иногда и недовѣріе у судей, стряпчихъ и засѣдателей стараго типа. Вмѣсто дѣятельной и твердой поддержки, судебные слѣдователи нерѣдко встрѣчали въ дореформенныхъ судебныхъ коллегіяхъ явное противодѣйствіе вполнѣ законнымъ и разумнымъ своимъ дѣйствіямъ; вмѣсто добраго совѣта и слова ободренія, старые суды разсылали слѣдователямъ бездушные указы и придирчивыя предписанія, не всегда даже согласные съ духомъ и разумомъ закона. Такое неблагожелательное, и, въ лучшемъ случаѣ, безразличное отношеніе судебныхъ коллегій къ судебнымъ слѣдователямъ не могло, разумѣется, содѣйствовать упроченію и правильному устройству на мѣстахъ слѣдственной части. Выросшіе и воспитанные на почвѣ защиты сословныхъ интересовъ, привыкшіе къ производству слѣдствій различными органами полиціи, старые уѣздные суды и уголовныя палаты, даже послѣ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи, продолжали оказывать почти безграничное довѣріе дѣйствіямъ послѣдней по производству дознаній, и при неизбѣжныхъ, на первыхъ порахъ, столкновеніяхъ судебныхъ слѣдователей съ полицейскими чиновниками рѣшительно становились на защиту полиціи, въ ущербъ достоинству вновь созданнаго и еще не окрѣпшаго слѣдственнаго института. Извѣстны примѣры, когда уголовныя палаты, по простому доносу квартальнаго надзирателя на неправильныя, будто бы, и пристрастныя дѣйствія судебнаго слѣдователя, не только посылали грозные указы послѣднему, но и отстраняли его отъ веденія слѣдствія по данному дѣлу, поручая, одновременно съ симъ, кандидату при томъ же судебномъ слѣдователѣ произвести формальное разслѣдованіе о дѣйствіяхъ его непосредственнаго руководителя и начальника [1]).

Въ этомъ отношеніи очень характерно письмо нижегородскаго губернатора, ген.-л. Муравьева на имя Д. Н. Замятнина отъ 10 апрѣля 1861 г.; мы позволимъ себѣ здѣсь привести краткія изъ него выдержки: „Къ прискорбію своему усматриваю, что Нижегородская уголовная палата обходится съ ними (т. е., съ судебными слѣдователями), какъ съ канцелярскими служителями, лишенными образованія и всякаго нравственнаго чувства;

---

[1]) Ср. дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 5116 (Сен. Арх.) по письму испр. долж. судебнаго слѣдователя Мысовскаго о дѣйствіяхъ Нижегородской угол. палаты, а также дѣло 1863 г. № 3970—о занятіяхъ суд. слѣдователей въ 1862 г. въ Астраханской губерніи.

даже болѣе, палата не только въ сношеніяхъ съ ними пренебрегаетъ вѣжливостью и приличіемъ и держится обветшавшихъ, рутинныхъ формъ, расточая „строгія и строжайшія подтвержденія", но видимо утѣсняетъ ихъ, придираясь ко всѣмъ встрѣчающимся случаямъ, даже не стоющимъ вниманія.... Находя, что при такихъ условіяхъ никто изъ людей образованныхъ, сознающихъ нравственное свое достоинство, не пожелаетъ поступить въ судебные слѣдователи, я долгомъ поставляю.... убѣдительнѣйше Васъ, Милостивый Государь, просить, не изволите ли сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы члены Нижегородской уголовной палаты не только воздерживались отъ утѣсненія судебныхъ слѣдователей, но и въ самыхъ сношеніяхъ съ ними держались вѣжливости и умѣренности, приличныхъ и необходимыхъ въ отношеніи къ людямъ, спеціально образованнымъ и нравственно развитымъ" [1]).

Подробную характеристику отношеній дореформенныхъ судовъ къ судебнымъ слѣдователямъ далъ также калужскій губернаторъ В. А. Арцимовичъ въ представленіи своемъ на имя управляющаго Министерствомъ Юстиціи отъ 18 декабря 1862 года. Онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „судебные слѣдователи, почти всегда превосходя членовъ магистрата и уѣзднаго суда своимъ образованіемъ и имѣя невыгодное понятіе объ ихъ образѣ мыслей и дѣйствій, весьма тяготятся подчиненностью такимъ мѣстамъ. Это извѣстно мнѣ не по личнымъ только объясненіямъ судебныхъ слѣдователей, но изъ дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ и по губернскому правленію..... Подчиненность судебныхъ слѣдователей судамъ первой степени, при нынѣшней несовершенной организаціи этихъ сословныхъ учрежденій, естественно ставитъ ихъ въ непріязненное отношеніе къ членамъ судовъ, тѣмъ болѣе, что сами они члены судовъ. Подобное отношеніе неизбѣжно ведетъ къ тому, что суды не столько стараются помогать слѣдователямъ, сколько затруднять ихъ" [2]).

Министерство Юстиціи, съ своей стороны, не будучи облечено правомъ дѣлать уголовнымъ палатамъ и уѣзднымъ судамъ замѣчанія и предостереженія, невольно должно было ограничиваться въ подобныхъ случаяхъ посылкой конфиденціальныхъ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1861 г. № 5116, л.л. 1—4.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 4417—о трудности должности суд. слѣдователя, л.л. 134—137.

писемъ на имя предсѣдателей уголовныхъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ, съ указаніемъ на необходимость всемѣрнаго огражденія значенія и служебнаго достоинства судебныхъ слѣдователей. Однако, эти конфиденціальныя письма не всегда могли устранить недоброжелательное отношеніе дореформенныхъ судовъ къ слѣдственному институту.

Успѣшному устройству слѣдственной части препятствовало также двойственное положеніе судебныхъ слѣдователей въ общей системѣ дореформеннаго губернскаго управленія. Подчиненность слѣдователей Министерству Юстиціи, постановленная Именнымъ Высочайшимъ указомъ 8 іюня 1860 г. и предусмотрѣнная 2 статьею ихъ Учрежденія, оказывалась въ значительной мѣрѣ формальной, такъ какъ, за силою той же статьи Учрежденія, назначеніе, перемѣщеніе, увольненіе и распредѣленіе судебныхъ слѣдователей по участкамъ зависѣло всецѣло отъ губернатора, который въ этомъ отношеніи былъ стѣсненъ единственно соглашеніемъ съ губернскимъ прокуроромъ. Такимъ образомъ, отдаленная зависимость слѣдователей отъ Министерства и министра юстиціи парализовалась ближайшею и гораздо болѣе дѣйствительною зависимостью ихъ отъ губернаторовъ и общей системы губернскаго управленія. Независимо отъ сего, самые уѣздные суды, членами коихъ считались судебные слѣдователи, находились подъ неотразимымъ вліяніемъ губернской администраціи, въ лицѣ губернскихъ правленій и тѣхъ же губернаторовъ. Наконецъ, хотя увольненіе слѣдователей отъ службы предоставлялось министру юстиціи, но вполнѣ понятно, что, при порядкѣ аттестацій судебныхъ слѣдователей губернаторами, ближайшимъ поводомъ къ увольненію отъ службы обыкновенно являлся отрицательный отзывъ губернатора о служебной дѣятельности, а иногда и о частной жизни того или иного слѣдователя. При такихъ условіяхъ и въ особенности въ виду того, что полиція по производству дознаній фактически оставалась въ подчиненіи администраціи вплоть до 20 ноября 1864 г., начало отдѣленія судебной власти отъ административной, указанное закономъ 8 іюня 1860 г., оказалось проведеннымъ далеко не послѣдовательно. Система множественной подчиненности судебныхъ слѣдователей различнымъ судебнымъ и административнымъ инстанціямъ отражалась въ высшей степени неблагопріятно на общемъ направленіи слѣдственной работы; въ ней не было какого либо объединяющаго стимула,

и самыя недоумѣнія, возникавшія при производствѣ слѣдствій, вопреки точному смыслу 16, 18, 23 и 24 статей Учрежденія судебныхъ слѣдователей, разрѣшались часто не судебною властью, а губернскими правленіями, о чемъ калужскій губернаторъ Арцимовичъ также довοдилъ до свѣдѣнія Министерства Юстиціи [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, административное вмѣшательство въ судебныя дѣла далеко не всегда ограничивалось простымъ разрѣшеніемъ возникавшихъ въ слѣдственной практикѣ затрудненій. Нѣкоторые губернаторы, пользуясь тѣмъ, почти неограниченнымъ вліяніемъ, которое они имѣли на общее теченіе губернской жизни, властно вмѣшивались и отмѣняли распоряженія судебныхъ слѣдователей, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе дѣйствовали не въ качествѣ единоличныхъ судебныхъ органовъ, а въ составѣ, такъ называемыхъ, слѣдственныхъ комиссій, образованіе коихъ предусматривалось 12 статьею Учрежденія. Въ силу 15 статьи того же Учрежденія, начальникъ губерніи, по требованію котораго была назначена комиссія, имѣлъ право отряжать въ нее особаго чиновника по своему усмотрѣнію; поводы же къ назначенію слѣдственныхъ комиссій въ законѣ вовсе указаны не были, и лишь постановлялось, что таковыя комиссіи могутъ быть назначаемы „въ особенно важныхъ случаяхъ“ (ст. 15). На практикѣ оказывалось, что подъ понятіе „особенно важныхъ случаевъ“ подводились не только самыя разнообразныя преступленія, но даже маловажные проступки, до лѣсныхъ порубокъ включительно. Въ виду сего каждое возникавшее въ слѣдственномъ участкѣ дѣло могло быть обращено, по усмотрѣнію и требованію губернатора, отъ общаго порядка производства черезъ единоличнаго органа судебной власти — слѣдователя — къ особенному въ составѣ слѣдственной комиссіи, въ которую, хотя и входилъ въ качествѣ полноправнаго члена судебный слѣдователь, но дѣйствія которой контролировались губернаторомъ черезъ спеціальнаго чиновника. Наглядным примѣромъ, къ чему приводилъ такой контроль, можетъ служить столкновеніе казанскаго губернатора ген.-м. Нарышкина съ судебнымъ слѣдователемъ Лаишевскаго уѣзда Поступальскимъ [2]), предсѣдательствовавшимъ въ слѣдственной комиссіи, произво-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 4417, л.л. 134—137.

[2]) Всеподданнѣйшая записка по 1-му угол. отд. деп. Мин. Юстиціи 1864 г.

дившей разслѣдованіе по поводу лѣсныхъ порубокъ въ названномъ уѣздѣ. Принимавшій участіе въ разслѣдованіи, въ качествѣ члена той же комиссіи, чиновникъ Тергукасовъ написалъ казанскому губернатору доносъ на слѣдователя Поступальскаго, обвиняя послѣдняго въ цѣломъ рядѣ незаконо́мѣрныхъ дѣйствій; и хотя послѣдующимъ разслѣдованіемъ доносъ Тергукасова не подтвердился, тѣмъ не менѣе ген.-м. Нарышкинъ, отозвавъ своею властью Поступальскаго отъ исправленія должности судебнаго слѣдователя и обративъ его къ присутствованію въ уѣздный судъ, представилъ на разрѣшеніе министра юстиціи о переводѣ Поступальскаго въ другой слѣдственный участокъ [1]). Между тѣмъ, всѣ эти дѣйствія были предприняты казанскимъ губернаторомъ въ явное нарушеніе 23, 24 и 28 статей Учрежденія судебныхъ слѣдователей, въ силу коихъ, между прочимъ, всѣ жалобы и доносы на слѣдователей представляются судебнымъ мѣстамъ по принадлежности, а удаленіе слѣдователей отъ должности можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ преданіемъ ихъ суду.

Вліяніе генералъ-губернаторовъ на слѣдственную часть проявлялось иногда въ формѣ циркулярныхъ на имя гражданскихъ губернаторовъ распоряженій, въ коихъ предписывалось принять тѣ или иныя мѣры въ отношеніи надзора за производствомъ слѣдствій, и при этомъ случалось, что генералъ-губернаторы, такъ сказать, публично выражали свое неодобреніе по поводу характера дѣятельности отдѣльныхъ органовъ слѣдственной власти и угрожали послѣднимъ дисциплинарными репрессіями [2]).

Но независимо отъ сего, въ особенности въ первое время послѣ изданія закона 8 іюня 1860 г., губернаторы, недостаточно проникшіеся духомъ новаго положенія, непосредственно отъ себя поручали слѣдователямъ производство разслѣдованій по разнымъ дѣламъ, и этимъ лишній разъ подчеркивалась фактическая зависимость судебныхъ слѣдователей отъ губернской администраціи. Именно эта практика вызвала въ августѣ 1861 г., по иниціативѣ гр. Блудова, со стороны Министерства Юстиціи разъясненіе рязанскому губернатору о недопустимости непосред-

[1]) Всеподданнѣйшая записка по 1-му угол. отд. деп. Мин. Юст. 1864 г., л. 126.

[2]) Ср. циркуляръ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора Безака на имя самарскаго гражданскаго губернатора отъ 24 октября 1862 г. № 2473.—„Сѣверная Пчела“ 20 декабря 1862 г. № 344.

ственныхъ сношеній губернаторовъ и губернскихъ правленій съ судебными слѣдователями, въ связи съ порученіемъ послѣднимъ производства слѣдствія [1]).

Самый принципъ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи былъ встрѣченъ въ средѣ губернской администраціи далеко не съ единодушнымъ сочувствіемъ, основаніемъ къ чему служило едва ли не желаніе сохранить за властью исполнительной высшій контроль надъ отправленіемъ уголовнаго правосудія. Такъ, по поводу возбужденнаго Министерствомъ Юстиціи вопроса о введеніи въ дѣйствіе закона 8 іюня 1860 г. въ Одесскомъ, Таганрогскомъ и Керчь-Еникольскомъ градоначальствахъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ въ декабрѣ того же года представлялъ министру внутреннихъ дѣлъ, что „при настоящемъ устройствѣ въ сихъ градоначальствахъ, учрежденіе въ нихъ судебныхъ слѣдователей, кои находились бы въ вѣдомствѣ и.... подчиненіи мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ властей, послужитъ лишь предлогомъ къ различнымъ столкновеніямъ сихъ властей съ градоначальниками, безъ достиженія при томъ благой цѣли правительства: улучшить и упростить слѣдственную часть въ Имперіи. Если градоначальникамъ по существующимъ постановленіямъ, предоставлена такая же власть въ управленіи, какою пользуются начальники губерній, то нѣтъ основанія, оставляя въ ихъ вѣдѣніи дѣла городской полиціи и городского хозяйства, ограничить надзоръ ихъ за успѣшнымъ ходомъ судебныхъ дѣлъ“ [2]).

Въ общемъ отрицательный взглядъ губернской администраціи на учрежденіе судебныхъ слѣдователей и дѣятельное ея вмѣшательство въ слѣдственную работу не только препятствовали правильному теченію уголовныхъ дѣлъ, но въ значительной мѣрѣ обостряли отношенія между губернаторами и губернскими прокурорами, считавшими себя обязанными ограждать независимость слѣдственнаго института. По самому положенію своему въ системѣ дореформеннаго управленія, губернская прокуратура являлась какъ бы посредницей между судомъ и администраціей, охраняя достоинство перваго и сообщая дѣйствіямъ послѣдней характеръ законности. А посему въ тѣхъ случаяхъ,

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 5921, л. 38.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 1450—о введеніи суд. слѣдователей въ двухъ столицахъ и трехъ градоначальствахъ, л.л. 81 и 82.

когда губернаторы, подъ вліяніемъ изстари укоренившихся традицій, проявляли слишкомъ активное вмѣшательство въ работу судебныхъ слѣдователей, губернскіе прокуроры ex officio вынуждались на пререканія съ администраціей. Вполнѣ понятно, что губернаторы, съ своей стороны, ревниво оберегая ввѣренную имъ власть, не останавливались въ своихъ распоряженіяхъ и продолжали настаивать на точномъ исполненіи таковыхъ. Проистекавшія черезъ это недоумѣнія не разъ восходили на разрѣшеніе Сената. Такъ, въ маѣ 1865 г. тульскій губернаторъ Шидловскій въ конфиденціальномъ письмѣ на имя Д. Н. Замятнина сообщалъ о нѣкоторыхъ недочетахъ въ слѣдственной части въ управляемой имъ губерніи, и, между прочимъ, отмѣчалъ, что „достигнуть благопріятныхъ результатовъ... будетъ возможно только при дѣятельномъ и безпристрастномъ содѣйствіи мѣстнаго губернскаго прокурора. Содѣйствія же этого до сихъ поръ не встрѣчаю и впредь не ожидаю встрѣтить со стороны состоящаго въ этой должности г. Ковальскаго“ [1]). Запрошенный по сему поводу Министерствомъ Юстиціи тульскій губернскій прокуроръ доносилъ, что губернаторъ обременяетъ судебныхъ слѣдователей непроизводительной работой по доставленію ему свѣдѣній по жалобамъ частныхъ лицъ и вообще допускаетъ рядъ неправильныхъ распоряженій по слѣдственной части. Тщательная провѣрка данныхъ, сообщенныхъ прокуроромъ, привела Министерство Юстиціи къ убѣжденію, что „г. Шидловскій дѣйствуетъ относительно судебныхъ слѣдователей внѣ установленныхъ закономъ границъ подчиненности слѣдователей“ [2]), а Сенатъ, на разсмотрѣніе коего восходило это дѣло, разъяснилъ тульскому губернатору неправильныя его дѣйствія, нарушавшія узаконенія, изложенныя въ Учрежденіи 8 іюня 1860 г. и Наказѣ судебнымъ слѣдователямъ.

Въ другихъ случаяхъ, какъ это имѣло мѣсто по дѣлу объ убійствѣ въ Астрахани въ августѣ 1860 г. армянки Красильниковой и ея двухъ внуковъ шайкой грабителей, губернаторы оказывали прямое противодѣйствіе губернскимъ прокурорамъ, напр., препятствуя имъ обозрѣвать подлинныя производства слѣдственныхъ комиссій, предавая черезъ губернскія правленія

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 461—объ отступленіи тульскаго губернатора отъ Учрежденія суд. слѣдователей, л.л. 4 и 5.

[2]) Тамъ же, л.л. 6 и 7.

слѣдователей суду, вопреки точно выраженному заключенію прокурора и т. п. [1]). Всѣ эти тренія, пререканія и недоумѣнія между губернской администраціей и прокуратурой не могли, разумѣется, не отразиться весьма отрицательно на развитіи вновь учрежденнаго и не вполнѣ опредѣлившагося еще слѣдственнаго института.

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ отмѣтить, что широкіе общественные круги отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ закону 8 іюня 1860 г. Русское общество видѣло въ этомъ законѣ залогъ правильнаго устройства слѣдственной части и зародышъ близкаго преобразованія нашего судебнаго строя. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ управляющаго Министерствомъ Юстиціи отъ 12 августа 1864 г. по этому поводу, между прочимъ, было выражено слѣдующее: „Со времени начатія работъ по преобразованію нашего судопроизводства и судоустройства, и въ особенности со времени Высочайшаго одобренія Вашимъ Величествомъ началъ, долженствующихъ служить основаніемъ сего преобразованія, въ нашемъ образованномъ классѣ выразилось особое стремленіе къ занятію юридическими науками и къ службѣ по судебному вѣдомству. Юридическіе факультеты имѣютъ наибольшее число слушателей, окончившіе въ нихъ курсъ поступаютъ на службу по вѣдомству Министерства Юстиціи, и многія лица съ юридическимъ образованіемъ, служащія по другимъ вѣдомствамъ, переходятъ на судебное поприще или зачисляются кандидатами на будущія судебныя должности..... Что касается въ особенности судебныхъ слѣдователей, то испрошеніе разрѣшенія на установленіе при Министерствѣ Юстиціи опредѣленнаго числа кандидатовъ на сіи должности (25) изъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, имѣло на практикѣ удовлетворительныя послѣдствія. 25 кандидатовъ, окончившихъ 6-мѣсячное при судебныхъ мѣстахъ испытаніе, уже назначены судебными слѣдователями въ тѣ губерніи, въ коихъ пріисканіе образованныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ для занятія сихъ должностей представляло наиболѣе затрудненій“ [2]). Правда, въ извѣстныхъ слояхъ общества, главнымъ образомъ у отдѣльныхъ дворянъ, законъ объ отдѣленіи слѣдственной части отъ

[1]) Ср. дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 4990 (Сен. Арх.)—о надзорѣ за производствомъ слѣдствій, л. 158 и слѣд.

[2]) Всеподданнѣйшая записка по департаменту Мин. Юст. 1864 г., л.л. 141—151.

полиціи вызвалъ нѣкоторое недовольство, но послѣднее основывалось не столько на соображеніяхъ государственной пользы, сколько на неправильно понятыхъ сословныхъ интересахъ [1]). Въ иныхъ случаяхъ недовольство закономъ 8 іюня 1860 г. коренилось въ крайнемъ націонализмѣ нѣкоторыхъ инородческихъ группъ. Этою причиною, между прочимъ, была вызвана петиція нахичеванскаго городского общества, поданная въ февралѣ 1863 г. Д. Н. Замятнину о неназначеніи въ городъ Нахичевань судебнаго слѣдователя. Означенная петиція, подписанная многочисленными представителями исключительно армянскаго населенія, прикрывалась ссылкою на Высочайшую грамоту Императрицы Екатерины II отъ 14 ноября 1779 г., пожалованную нахичеванскому городскому обществу. 5-й пунктъ сей грамоты гласитъ: „Повелѣваемъ учредить магистратъ и въ немъ производить судъ и расправу по вашимъ правиламъ и обыкновеніямъ выбираемыми изъ васъ же начальниками". На этомъ основаніи армяне находили противозаконнымъ и нарушающимъ ихъ исконныя права назначеніе въ городъ Нахичевань русскаго судебнаго слѣдователя. Не ограничиваясь подачей петиціи, армянское населеніе оказало также прямое противодѣйствіе вновь назначенному въ Нахичевань судебному слѣдователю, рѣшительно отказавшись отвести ему помѣщеніе подъ квартиру и камеру. Между тѣмъ, изъ донесенія начальника Новороссійскаго края на имя министра юстиціи отъ 4 іюля 1863 г. явствовало, что армянскій магистратъ города Нахичевани систематически скрывалъ преступленія своихъ сограждан, чиновники же особыхъ порученій и начальство сосѣднихъ городовъ часто нападали на слѣдъ и обнаруживали въ Нахичевани поддѣлку и распространеніе фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и однако, ни одно изъ многочисленныхъ дѣлъ по этому предмету не было начато самимъ нахичеванскимъ начальствомъ [2]). Но нѣтъ сомнѣнія, что прошенія и петиціи этого рода нисколько не умаляли значенія выраженнаго Д. Н.

---

[1]) Ср. представленіе калужскаго губернатора Арцимовича на имя министра вн. дѣлъ отъ 20 февр. 1861 г. № 952, а также дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 7448 л.л. 142 и 143 (Сен. Арх.) въ части, касающейся постановленія смоленскаго дворянства о соединеніи слѣдственныхъ и полицейскихъ обязанностей въ лицѣ однихъ чиновниковъ.

[2]) Ср. дѣло Мин. Юст. 1863 г. № 2970 (Сен. Арх.)—по прошенію нахичеванскаго городского общества о неназначеніи къ нему судебнаго слѣдователя, л.л. 16 и 17.

Замятнинымъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ убѣжденія о полномъ сочувствіи, съ коимъ русское общество встрѣтило изданіе закона 8 іюня 1860 г.

Къ числу формально-правовыхъ препятствій къ успѣшному устройству слѣдственной части въ періодъ времени до 20 ноября 1864 г. надлежитъ отнести въ особенности неудовлетворительное состояніе дореформенной полиціи, призванной обнаруживать преступленія, преслѣдовать преступниковъ по горячимъ слѣдамъ и сохранять доказательства преступленія до прибытія слѣдственной власти, а равно содѣйствовать послѣдней въ планомѣрномъ уголовномъ розыскѣ. Одно исчисленіе обязанностей полиціи, изъ совокупности коихъ слагается понятіе полицейскаго дознанія, указываетъ на то, какая важная роль была отведена полиціи въ общемъ строѣ реформированной слѣдственной части. Ниже намъ придется еще вернуться къ вопросу объ отношеніи полиціи къ предварительному слѣдствію; поэтому здѣсь мы ограничимся слѣдующими краткими замѣчаніями: основными причинами неустройства дореформенной полиціи являлись: малочисленность и неудовлетворительность личнаго ея состава, множественность отдѣльныхъ видовъ полиціи и наконецъ, сословный ея характеръ. Эти причины, неравныя по объему, но связанныя единствомъ внутренняго содержанія, дѣйствовали совмѣстно въ отрицательномъ направленіи, придавая полицейскимъ чинамъ и учрежденіямъ стараго типа тѣ непривлекательныя черты, о которыхъ такъ много писалось и говорилось въ прежнее время; множественность полиціи, раздробленной въ цѣломъ рядѣ вѣдомствъ, исключала возможность объединенія дѣятельности полиціи по обнаруженію и преслѣдованію преступленій, такъ какъ полиціи каждаго отдѣльнаго вѣдомства въ извѣстныхъ предѣлахъ и по извѣстному роду дѣлъ присвоивались слѣдственныя функціи, чѣмъ въ самый порядокъ производства уголовныхъ разслѣдованій вносились разнорѣчивыя теченія. Воспитанная на такихъ началахъ полиція естественно не сумѣла, а можетъ быть и не захотѣла сдѣлаться дѣятельной помощницей реформированнаго слѣдственнаго института.

Безъ преувеличенія можно утверждать, что положеніе первыхъ слѣдователей въ Россіи было весьма тягостное: они были предоставлены собственнымъ силамъ, и стоя лицомъ къ лицу съ многообразными проявленіями преступной дѣятельности,

обычно не только не могли расчитывать на быструю и толковую помощь со стороны чиновъ полиціи, но часто наталкивались на полное ихъ бездѣйствіе, на совершенное отсутствіе у нихъ какой бы то ни было иниціативы въ дѣлѣ уголовнаго розыска. Могилевскій губернаторъ Беклемишевъ въ одномъ изъ своихъ представленій въ Министерство Юстиціи за 1860 г., между прочимъ, приводя соображенія о дѣятельности полиціи по производству дознаній, указывалъ на чрезмѣрную обремененность полицейскихъ чиновъ всевозможными взысканіями, описями, понужденіями къ отбытію разныхъ повинностей, почему уголовныя преступленія не только не привлекали вниманія полиціи, но послѣдняя всячески старалась „не найти на трупѣ признаковъ насильственной смерти", „примирить вора съ обворованнымъ", и если нѣкоторыя преступленія все же становились предметомъ разслѣдованія, то дѣла эти „по нѣсколько лѣтъ передаются отъ одного чиновника къ другому, пока не заглохнутъ въ какомъ-нибудь архивѣ или не погибнутъ при пожарѣ" [1]). Порученія же, дававшіяся слѣдственною властью полиціи, исполнялись послѣднею вяло и неохотно, что, помимо другихъ причинъ, объяснялось еще отсутствіемъ въ Наказѣ полиціи опредѣлительныхъ указаній на то, что законныя распоряженія и требованія судебнаго слѣдователя подлежатъ безусловному исполненію.

Въ такомъ видѣ, въ общихъ чертахъ, рисуется правовое положеніе русскихъ судебныхъ слѣдователей до 20 ноября 1864 г., опредѣлившее до извѣстной степени и дальнѣйшее развитіе слѣдственнаго института.

Практически проведеніе началъ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи слагалось слѣдующимъ образомъ: согласно Именному указу 8 іюня 1860 г. въ 44 губерніяхъ Имперіи было учреждено 993 слѣдственныхъ вакансіи; распредѣленіе судебныхъ слѣдователей по губерніямъ и уѣздамъ, соотвѣтственно количеству слѣдственныхъ дѣлъ, производящихся въ каждомъ уѣздѣ, было предоставлено министру юстиціи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы новый порядокъ производства слѣдствій вводился въ дѣйствіе постепенно, по

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 1451—объ увеличеніи числа суд. слѣдователей, л.л. 14 и 15.

мѣрѣ опредѣленія судебныхъ слѣдователей, оставляя окончаніе слѣдствій, начатыхъ до введенія новаго порядка, на обязанности мѣстной полиціи на прежнихъ основаніяхъ. На содержаніе судебнымъ слѣдователямъ было назначено каждому ежегодно по 800 рублей, и сверхъ того по 200 рублей на канцелярскіе и прочіе расходы. Изъ указанныхъ 993 вакансій первоначально было замѣщено лишь 900, а 93 вакансіи, оставаясь не замѣщенными, предназначались для усиленія личнаго состава слѣдователей въ тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ зависимости отъ указаній опыта. Вскорѣ, однако, не замедлило выясниться, что установленная расписаніемъ количественная норма судебныхъ слѣдователей въ различныхъ губерніяхъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ, въ виду чего какъ въ годовыхъ отчетахъ губернскихъ прокуроровъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ представленій губернаторовъ указывалось на крайнюю необходимость значительно увеличить число слѣдственныхъ участковъ противъ расписанія. Прежде всего, на практикѣ выяснилось, что поступленіе дѣлъ въ слѣдственныхъ участкахъ значительно больше, нежели предполагалось при изданіи закона 8 іюня 1860 г. Среднее годовое поступленіе къ слѣдователямъ уголовныхъ дѣлъ въ уѣздахъ въ 1862 г. колебалось отъ 120 до 150 дѣлъ, въ отдѣльныхъ же губерніяхъ норма поступленія повышалась до 200 и даже до 400 дѣлъ [1]). Что такое поступленіе въ дѣйствительности оказывалось для слѣдователей весьма обременительнымъ явствуетъ изъ цѣлаго ряда отзывовъ о семъ современниковъ, близко стоявшихъ къ слѣдственной части. Такъ, напр., псковскій губернаторъ въ представленіи своемъ на имя министра юстиціи отъ 12 октября 1860 г., указавъ на то, что у 12 слѣдователей ввѣренной ему губерніи возникло 1628 слѣдствій, т.-е., въ среднемъ, около 135 дѣлъ на каждаго слѣдователя, выразилъ убѣжденіе, что „исполнить такое огромное число слѣдственныхъ дѣлъ для одного человѣка не достанетъ физической возможности“ [2]). Указанія на крайнюю малочисленность слѣдственнаго персонала настолько общи и такъ подчеркнуты во всѣхъ отчетахъ и представленіяхъ

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1863 г. № 3970—о занятіяхъ суд. слѣдователей въ 1862 г., л.л. 54, 55, 169, 170 и др., ср. дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 6711—о наказѣ судебнымъ слѣдователямъ, л. 4.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 1451, л. 71.

о состояніи слѣдственной части того времени, что здѣсь казалось бы нѣтъ основанія подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Однако, не всегда только количество поступавшихъ дѣлъ вызывало со стороны мѣстныхъ властей ходатайства объ увеличеніи числа судебныхъ слѣдователей. Иногда, даже при сравнительно низкой нормѣ поступленія дѣлъ, особенно запутанный и сложный характеръ таковыхъ побуждалъ губернскую администрацію входить съ представленіями объ усиленіи слѣдственнаго персонала. Такъ, относительно Могилевской губерніи, густо населенной евреями, указывалось, между прочимъ, что производство слѣдствій осложняется тѣмъ, что рѣдко совершается какое либо преступленіе, въ которомъ не были бы замѣшаны евреи, которые „собственнаго сознанія.... никогда не дѣлаютъ, свидѣтели же евреи рѣдко рѣшаются обвинить единовѣрца своего, не считая въ этомъ случаѣ ложную присягу преступленіемъ, и потому слѣдователь можетъ открыть преступленіе единственно силою и массою уликъ, собраніе и изысканіе которыхъ требуетъ много времени и труда“ [1]).

Но успѣшному производству слѣдствій больше всего препятствовали: пространство слѣдственныхъ участковъ и почти повсемѣстное неудовлетворительное состояніе путей сообщенія. Слѣдующія краткія свѣдѣнія могутъ дать представленіе о величинѣ слѣдственныхъ участковъ по первоначальному ихъ расписанію въ отдѣльныхъ губерніяхъ Имперіи: Купянскій слѣдственный участокъ обнималъ площадь въ 3038 кв. верстъ, 2-й участокъ Бобруйскаго уѣзда—5008 кв. верстъ, Кологривскій—15855 кв. верстъ, 3-й участокъ Рѣчицкаго уѣзда—16200 кв. верстъ, Варнавинскій—19620 кв. верстъ, Яренскій—28800 кв. верстъ, Сольвычегодскій—43704 кв. верстъ и, наконецъ, Устьсысольскій—227500 кв. верстъ [2]). При такихъ условіяхъ слѣдователь долженъ былъ тратить все свое время не столько на производительную работу, сколько на изнуряюще-утомительные и вполнѣ непроизводительные разъѣзды по участку. Естественнымъ послѣдствіемъ сего являлась медленность въ производствѣ слѣдствій, которая, конечно, не могла ставиться въ вину органамъ слѣдственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самые переѣзды слѣдователей съ мѣста на мѣсто,

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 1451, л. 15.

[2]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 5925 — объ участкахъ для дѣйствія суд. слѣдователей, л.л. 2, 4, 21, 49, 50, 108 и др.

особенно въ періоды весенней и осенней распутицъ, были сопряжены съ неимовѣрными затрудненіями, а иногда и опасностью. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ въ своихъ отчетахъ всѣ губернаторы и губернскіе прокуроры. Тѣ сотни верстъ, которыя нерѣдко отдѣляли слѣдователя отъ мѣста происшествія, устраняли всякую возможность дѣйствительной охраны слѣдовъ преступленія. Бывали случаи, когда слѣдователи приступали къ судебно-медицинскому вскрытію трупа на десятыя сутки послѣ убійства; случалось также, что слѣдователи, прибывъ для осмотра мѣста преступленія, находили картину происшествія настолько измѣнившеюся, что самый осмотръ представлялся уже безцѣльнымъ. Наконецъ, малочисленность личнаго состава полиціи и отдаленность становыхъ квартиръ отъ постояннаго мѣстопребыванія судебнаго слѣдователя служили причиною значительнаго промедленія въ полученіи слѣдователями первоначальныхъ рапортовъ или увѣдомленій о происшествіяхъ, заключавшихъ въ себѣ признаки преступленія.

Въ то же время, нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за изданіемъ закона 8 іюня 1860 г., далеко не всѣ слѣдователи отвѣчали тому образовательному цензу, который намѣчался законодателемъ для замѣщенія сей должности. И хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр., въ Калужской, большинство слѣдовательскихъ вакансій вскорѣ же представилось возможнымъ замѣстить людьми съ высшимъ образованіемъ [1]), однако, во многихъ другихъ мѣстностяхъ къ замѣщенію этихъ должностей чиновниками, окончившими курсъ въ высшихъ или хотя бы среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ то постановлялось 3-ею статьею Учрежденія, встрѣтились непреодолимыя препятствія въ виду общаго недостатка въ образованныхъ людяхъ и сравнительно низкаго образовательнаго уровня въ чиновномъ классѣ того времени. Такъ, въ объясненіи къ проекту наказа судебнымъ слѣдователямъ Симбирской уголовной палаты указывается, что большинство лицъ, занявшихъ сіи должности, ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ курса не окончили и никакого представленія объ юридическихъ наукахъ не имѣютъ, отчего и качественный уровень слѣдствій, производимыхъ судебными слѣдователями, немногимъ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 5095, л.л. 63—65.

выше тѣхъ слѣдствій, которыя производились полицейскими чиновниками до 1860 г. [1]).

Всѣ эти явленія, коренившіяся, такъ сказать, въ общемъ укладѣ русской жизни того времени или стоявшія въ непосредственной съ нимъ связи, обусловливали нѣкоторую неуспѣшность въ развитіи слѣдственнаго института, вызвавшую вскорѣ же послѣ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи, а именно въ 1864 г., при обсужденіи проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ, суровыя нареканія на самый принципъ учрежденія судебныхъ слѣдователей со стороны министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Валуева.

Статсъ-секретарь Валуевъ изложилъ свои соображенія объ устройствѣ слѣдственной части въ видѣ замѣчаній на статьи проектовъ судебной реформы, опредѣлявшія степень участія полиціи въ производствѣ слѣдствій (§§ 210—223). Сравнивая постановленія по сему поводу, предусмотрѣнныя закономъ 8 іюня 1860 г., съ соотвѣтствующими статьями проекта, министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что проектъ въ существенныхъ чертахъ сохранялъ порядокъ, установленный Учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей и Наказомъ полиціи, съ тою лишь разницею, что въ проектѣ исчислены случаи, въ которыхъ полиція по необходимости замѣняетъ судебнаго слѣдователя. Статсъ-секретарь Валуевъ съ своей стороны полагалъ, что, при малочисленности слѣдовательскаго персонала, полиціи на практикѣ весьма часто придется замѣнять слѣдователя, и, такимъ образомъ, участіе полиціи въ производствѣ слѣдствій нисколько не устранится, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не будутъ устранены между полиціею и слѣдователями тѣ же столкновенія и пререканія, которыя представлялись главнымъ препятствіемъ къ правильному производству слѣдствій. „Вообще—указывалось далѣе въ замѣчаніяхъ—нельзя не замѣтить, что съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей положеніе слѣдственной части не только не улучшилось, но едва ли не пришло еще въ худшее положеніе“ [2]). Въ виду изложеннаго, статсъ-секретарь Валуевъ предлагалъ одно изъ двухъ: или возложить производство, какъ дознаній [3]), такъ и слѣдствій по

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1865 г. № 6711, ч. II—о наказѣ судебнымъ слѣдователямъ, л. 4.

[2]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1864 г. №№ 44, 47 и 48 л. л. 250—256.

[3]) Предположенія статсъ-секретаря Валуева по сему предмету едва ли могутъ быть названы новыми или оригинальными. Еще во всеподданнѣйшемъ отчетѣ орловскаго гу-

менѣе важнымъ дѣламъ—на полицію, а по всѣмъ дѣламъ большей важности—исключительно на судебныхъ слѣдователей,—или же существующее Учрежденіе судебныхъ слѣдователей вовсе упразднить, съ тѣмъ, чтобы всѣ обязанности, которыя возлагаются проектомъ на судебныхъ слѣдователей, были отнесены, по примѣру Англіи, къ мировымъ судьямъ. Государственный Совѣтъ, на обсужденіе коего восходили предположенія статсъ-секретаря Валуева, весьма отрицательно отнесся къ нимъ, находя, что они составляютъ „прямое отступленіе" отъ основныхъ положеній преобразованія судебной части. Соединенные Департаменты находили, что основанія, приводимыя Валуевымъ къ коренному измѣненію Учрежденія судебныхъ слѣдователей,—„состоятъ существенно въ накопленіи у нѣкоторыхъ слѣдователей дѣлъ, не получающихъ своевременнаго движенія, и въ частыхъ пререканіяхъ между слѣдователями и полицейскими чиновниками, относительно круга ихъ дѣйствій. Но замѣчанія эти вовсе не служатъ опроверженіемъ коренныхъ началъ разсматриваемаго Учрежденія, а доказываютъ только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число судебныхъ слѣдователей несоразмѣрно съ большимъ количествомъ возникающихъ въ тѣхъ мѣстахъ слѣдственныхъ дѣлъ, и что отношенія полицейскихъ чиновниковъ къ судебнымъ слѣдователямъ не опредѣлены еще надлежащимъ образомъ [1]).

Переходя къ общей оцѣнкѣ значенія и дѣятельности слѣдственнаго института, Соединенные Департаменты выразили слѣдующія знаменательныя соображенія: „Разбирая критически Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, не слѣдуетъ упускать изъ вида и того положенія, въ которомъ слѣдственная часть находилась до введенія въ дѣйствіе сего Учрежденія. Если нынѣ накопленіе слѣдствій встрѣчается у судебныхъ слѣдователей, то оно встрѣчалось еще въ большемъ размѣрѣ у становыхъ приставовъ. При всемъ еще несовершенствѣ Учрежденія судебныхъ слѣдователей въ отношеніи къ личному составу, образовавше-

---

бернатора за 1861 г. указывалось на неясность отношеній судебныхъ слѣдователей къ полиціи и на происходящія черезъ то пререканія между слѣдователями и полицейскими чиновниками. „Въ устраненіе сихъ неудобствъ—значится во всеподданнѣйшемъ отчетѣ—представляется единственный исходъ—отнести къ учрежденію судебныхъ слѣдователей произведеніе не только формальныхъ слѣдствій, но и дознаній, обративъ ихъ въ судебно-полицейскихъ чиновниковъ..." Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1862 г. № 4385—о судебныхъ слѣдователяхъ въ Орловской губ., л.л. 3—8.

[3]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1864 г. №№ 44, 47, 48, л. 793 и обр.

муся при такихъ условіяхъ, при которыхъ невозможно было опредѣлять ихъ со строгою разборчивостью, нельзя однако отрицать, что со времени введенія въ дѣйствіе сего Учрежденія дослѣдованія и переслѣдованія, предпринимаемыя по упущеніямъ и неправильнымъ дѣйствіямъ первыхъ слѣдователей, сдѣлались несравненно рѣже, и что судебные слѣдователи пользуются въ общественномъ мнѣніи такимъ довѣріемъ, которымъ не могли похвалиться полицейскіе чиновники" [1]). По всѣмъ этимъ основаніямъ Соединенные Департаменты не признали возможнымъ возбуждать вопросъ объ измѣненіи предписаннаго основными положеніями порядка производства слѣдствій [2]). Такимъ образомъ, первая рѣшительная попытка упраздненія судебныхъ слѣдователей была отвергнута высшимъ въ Имперіи правительственнымъ установленіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Государственнымъ Совѣтомъ было оттѣнено и подчеркнуто важное значеніе этихъ органовъ судебной власти, призванныхъ, въ силу самаго положенія ихъ въ общемъ строѣ судопроизводства, нести тяжкій и отвѣтственный трудъ на аванпостахъ борьбы съ преступленіями.

Великія начала, провозглашенныя Судебными Уставами Императора Александра II, проникнутыя духомъ человѣчности и освѣщенныя разумомъ правды и справедливости, не могли, конечно, остаться безъ вліянія на устройствѣ и развитіи слѣдственной части въ Россіи. Но въ то же время Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 г. Основныя положенія преобразованія судебной части въ существенныхъ чертахъ сохранили порядокъ производства слѣдствій, установленный закономъ 8 іюня 1860 г.; въ виду сего, устройство собственно слѣдственной части, съ введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., формально измѣнилось лишь въ той мѣрѣ, въ какой предварительное слѣдствіе ставилось въ органическую связь съ слѣдствіемъ судебнымъ. Однако, моральное вліяніе судебной реформы на слѣдственную часть оказалось весьма зна-

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1864 г. №№ 44, 47, 48, л. л. 793 обр. и 794.
[2]) Ibidem, л. 795.

чительнымъ и благотворнымъ. Окончательное отдѣленіе судебной власти отъ административной, осуществленное означенною реформою, и дѣйствительное подчиненіе судебныхъ слѣдователей обновленнымъ судебнымъ коллегіямъ въ лицѣ окружныхъ судовъ, къ членамъ коихъ они были приравнены (ст. 79 Учр. Суд. Уст.), поставило слѣдственный институтъ въ независимое отъ администраціи положеніе и придало симъ органамъ исключительно судебный характеръ; отъ этого и самое существо слѣдствій выиграло въ стройности и единообразіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнее недовѣріе судебныхъ слѣдователей къ судебнымъ коллегіямъ, съ качественнымъ возвышеніемъ послѣднихъ, естественно должно было вовсе исчезнуть, уступивъ мѣсто полной солидарности между чинами судебнаго вѣдомства. Но, независимо отъ сего, одно то обстоятельство, что окончательный исходъ каждаго уголовнаго дѣла рѣшался не въ сокровенныхъ нѣдрахъ канцелярскихъ столовъ, а въ публичныхъ судебныхъ засѣданіяхъ, при обстановкѣ широкой гласности и свободнаго состязанія сторонъ,—должно было оказать оздоровляющее вліяніе на постановку слѣдственной части, ибо отнынѣ каждый слѣдователь зналъ и предвидѣлъ, что дѣйствія, предпринятыя имъ на предварительномъ слѣдствіи, явятся предметомъ тщательной и всесторонней провѣрки на слѣдствіи судебномъ. Этотъ новый порядокъ неизбѣжно долженъ былъ отражаться на работѣ слѣдователей и въ особенности на ихъ отношеніи къ различнымъ лицамъ, такъ или иначе, вовлеченнымъ въ уголовный процессъ: потерпѣвшимъ, свидѣтелямъ и обвиняемымъ. Въ то же время подробное изъясненіе въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства порядка обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій (ст. 491-500), съ одной стороны, служило гарантіей противъ произвола отдѣльныхъ органовъ слѣдственной власти, которые должны были сознавать, что каждое ихъ неправомѣрное дѣйствіе, будучи обжаловано въ окружный судъ, встрѣтитъ строгую, но справедливую оцѣнку въ безпристрастной судебной коллегіи, а съ другой стороны, этотъ же порядокъ ограждалъ судебныхъ слѣдователей отъ недобросовѣстныхъ и нерѣдко анонимныхъ жалобъ и всякихъ подметныхъ писемъ, единственною цѣлью коихъ являлось желаніе опорочить слѣдственную власть въ неуклонномъ исполненіи послѣднею возложенныхъ на нее закономъ обязанностей.

Неоспоримо важнѣйшимъ послѣдствіемъ судебной реформы 1864 г., въ отношеніи собственно слѣдственной части, явилось возвышеніе служебнаго достоинства судебныхъ слѣдователей. 174-ою статьею проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ первоначально предполагалось предоставить утвержденіе судебныхъ слѣдователей министру юстиціи. Но при обсужденіи сей статьи проекта въ комиссіи 13 членовъ указывали на то, что основныя положенія считаютъ судебныхъ слѣдователей членами окружнаго суда, съ тѣмъ, что въ недостаткѣ другихъ членовъ сего суда, они призываются въ оный для составленія присутствія и затѣмъ о власти, отъ коей зависитъ назначеніе судебныхъ слѣдователей, ничего особо не постановлено. Отсюда, по мнѣнію 13 членовъ, вытекало, что судебные слѣдователи должны быть назначаемы тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочіе члены окружнаго суда, т.-е., Высочайшею властію, и что „всякое иное разрѣшеніе этого вопроса было бы даже противно самому значенію и положенію судебныхъ слѣдователей“ [1]). Правило о назначеніи послѣднихъ Высочайшею властію признавалось тѣми же членами необходимымъ и для того, „чтобы поставить на ноги едва прививающійся институтъ судебныхъ слѣдователей, возвысить значеніе этихъ важныхъ дѣятелей на пользу общества и государства, доставить имъ возможность дѣйствительно пользоваться тою властью, какую предполагается присвоить имъ Уставомъ Уголовнаго Судопроизводства, между прочимъ, подчиняя ихъ контролю распоряженія и дѣйствія полиціи по производству розысканій по преступленіямъ и проступкамъ, и черезъ то обезпечить правильное теченіе уголовныхъ слѣдствій“ [2]). Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта, соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ комиссіи, полагали, что предоставленіе утвержденія судебныхъ слѣдователей министру юстиціи составляло бы отступленіе отъ 7 и 26 статей ч. I Основныхъ положеній, почему и находили нужнымъ возстановить въ этомъ отношеніи точный смыслъ сихъ положеній [3]). Мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія, и въ 212 ст. Учр. Суд. Уст. прямо указано, что судебные слѣдователи, наравнѣ съ прочими членами окружнаго суда, назна-

[1]) Объясн. записка къ проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ, стр. 93 и 94.

[2]) Ibidem.

[3]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1864 г., №№ 44, 47, 48. Журн. № 48, л. 871, по журн. стр. 27.

чаются Высочайшею властію, по представленіямъ министра юстиціи. Желаніе всемѣрно оградить независимость слѣдственной власти выразилось въ комиссіи также при обсужденіи 164 статьи проекта по вопросу о порядкѣ удостовѣренія въ способности кандидатовъ на судебныя должности къ занятію мѣстъ судебныхъ слѣдователей. Въ силу означенной статьи, для назначенія судебныхъ слѣдователей изъ кандидатовъ требовалось удостовѣреніе не только предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, но и состоящихъ при нихъ прокуроровъ, о пріобрѣтеніи сими кандидатами достаточныхъ познаній по слѣдственной части. Не раздѣляя такой редакціи 164 статьи проекта, 9 членовъ комиссіи высказали слѣдующія соображенія: „Должность судебнаго слѣдователя вполнѣ судебная. Это было признано еще раньше Основныхъ положеній, въ самомъ Учрежденіи судебныхъ слѣдователей 8 іюня 1860 г..... Но само собою разумѣется, что этотъ судебный характеръ вполнѣ оправдается только при настоящей реформѣ. Прислоненное къ старой судебной системѣ Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, созданное отчасти уже по новымъ требованіямъ и началамъ, было въ противорѣчіи съ окружающей сферой, и опытомъ доказано, что отъ всѣхъ тѣхъ властей—судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ, съ которыми судебные слѣдователи были въ ежедневномъ соприкосновеніи, они встрѣчали не столько содѣйствіе, сколько бездѣйствіе и даже противодѣйствіе. Но то, что сдѣлано было съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей на половину,—именно изъятіе слѣдствія отъ полицейскихъ и административныхъ властей и предоставленіи его власти судебной,—должно быть совершено настоящею реформою вполнѣ. Именно поэтому нельзя безусловно и во всѣхъ случаяхъ давать прокурору голосъ при замѣщеніи должности судебныхъ слѣдователей“ [1]). Судебные Уставы 1864 г., какъ было замѣчено выше, въ общихъ чертахъ сохранили порядокъ производства слѣдствій,—указанный закономъ 8 іюня 1860 г., но нѣкоторыя основныя положенія сего послѣдняго нашли себѣ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства дальнѣйшее развитіе. Такъ, безусловная обязательность распоряженій судебнаго слѣдователя постановлялась въ статьяхъ 270, 271, 272 и 368, въ силу коихъ законныя требованія слѣдственной власти исполняются

[1]) Объясн. зап., стр. 83 и 84.

безъ замедленія, какъ полиціею, такъ равно присутственными мѣстами, должностными и частными лицами, при чемъ ни присутственныя мѣста, ни должностныя или частныя лица не могутъ отказываться отъ выдачи нужныхъ къ производству слѣдствія письменныхъ или иныхъ вещественныхъ доказательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлялось, что, если при исполненіи своихъ обязанностей, судебный слѣдователь встрѣтитъ сопротивленіе, то онъ имѣетъ право требовать содѣйствія, какъ гражданскаго или военнаго начальства, такъ и окольныхъ людей. Въ отношеніи собственно дѣйствій чиновъ полиціи по производству дознаній, судебному слѣдователю предоставлялось повѣрять, дополнять и отмѣнять таковыя дѣйствія (269 ст.), и въ то же время поручать полиціи производство дознаній и собраніе справокъ по сдѣланнымъ самимъ слѣдователемъ указаніямъ. Порядокъ этотъ, оставаясь въ силѣ и въ настоящее время, не только не ограниченъ практикой Правительствующаго Сената, но, наоборотъ, развитъ и восполненъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ рѣшеній.

Существенно новымъ элементомъ въ системѣ обновленнаго Судебными Уставами предварительнаго слѣдствія явилось наблюденіе за производствомъ слѣдствій со стороны лицъ прокурорскаго надзора. Хотя еще, въ силу 25 статьи Учрежденія судебныхъ слѣдователей, губернскимъ прокурорамъ была предоставлена извѣстная степень участія въ надзорѣ за производствомъ слѣдствій, однако, осуществленіе этого надзора носило случайный характеръ, проявляясь почти исключительно въ связи съ обжалованіемъ слѣдственныхъ дѣйствій. Совсѣмъ инымъ представляется положеніе прокурорскаго надзора въ отношеніи къ предварительному слѣдствію по Уставу Уголовнаго Судопроизводства. Составители Судебныхъ Уставовъ, проведя границу между понятіями производства слѣдствія и наблюденіемъ за таковымъ и постановивъ, что прокуроры и ихъ товарищи сами слѣдствій не производятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставили прокурорскому надзору широкую власть, какъ въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія посредствомъ распоряженія о производствѣ предварительнаго слѣдствія (4 п. 297 ст.), такъ и въ отношеніи самаго наблюденія за производствомъ слѣдствій. Догматическое описаніе правового положенія прокуратуры, разумѣется, не входитъ въ задачу настоящаго очерка, но вмѣстѣ

съ тѣмъ, нельзя не отмѣтить, изъ какихъ именно правъ складываются полномочія прокурорскаго надзора по наблюденію за производствомъ слѣдствій. На основаніи 280 ст. Уст. Уг. Суд., прокурорамъ и ихъ товарищамъ предоставлено присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать на мѣстѣ подлинное производство, не останавливая, однако, хода слѣдствія. По всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ, судебный слѣдователь исполняетъ законныя требованія прокурорскаго надзора (281 ст.); заключая обвиняемаго подъ стражу, судебный слѣдователь увѣдомляетъ о семъ ближайшее лицо прокурорскаго надзора, которое, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ требовать, чтобы слѣдователь ограничился менѣе строгою мѣрою пресѣченія (283 ст.); такое требованіе прокурорскаго надзора для слѣдователя обязательно и подлежитъ немедленному исполненію. Правило, постановленное въ 283 статьѣ, основано на томъ соображеніи, что, если обвинительная власть, обязанная обличать виновнаго, не находитъ достаточныхъ основаній для содержанія его подъ стражей, то слѣдователю, разумѣется, нѣтъ практической необходимости настаивать на первоначально избранной имъ мѣрѣ пресѣченія. Иначе разрѣшается вопросъ въ томъ случаѣ, когда слѣдователь не нашелъ возможнымъ, по обстоятельствамъ дѣла, примѣнить къ обвиняемому высшей мѣры пресѣченія, а прокурорскій надзоръ, съ своей стороны, требуетъ заключенія виновнаго подъ стражу. Въ этомъ случаѣ, на точномъ основаніи 285 статьи, слѣдователь, полагая, что обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ,—не исполняетъ требованія прокурора и представляетъ о томъ суду. Принципіальное значеніе 285 статьи въ томъ, что ею подчеркивается независимость слѣдственной власти отъ прокуратуры въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ избраніе противъ обвиняемаго высшей мѣры пресѣченія.

Но въ то же время прокуроръ можетъ требовать дополненія слѣдствія по сдѣланнымъ имъ указаніямъ, хотя бы судебный слѣдователь призналъ слѣдствіе законченнымъ (286 ст.).

Предоставляя прокуратурѣ такія широкія полномочія по наблюденію за производствомъ слѣдствій, составители Судебныхъ Уставовъ имѣли въ виду предоставить обвинительной власти

всѣ средства къ собранію данныхъ для доказательства обвиненія. Въ то же время, лишь при условіи постояннаго наблюденія за ходомъ разслѣдованія, прокуратура можетъ съ успѣхомъ осуществлять обязанности, возложенныя на нее въ судебныхъ засѣданіяхъ. Полное разобщеніе прокуратуры съ слѣдственною частью неизбѣжно отразилось бы неблагопріятно на обличеніи виновныхъ передъ судомъ и поставило бы обвинительную власть въ весьма невыгодныя условія. Но, какъ справедливо замѣтилъ Н. А. Буцковскій, „законъ, дѣлая обязательнымъ требованіе прокурорскаго надзора объ изслѣдованіи какого-либо обстоятельства, очевидно, предполагаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что судебный слѣдователь приведетъ это обстоятельство въ извѣстность съ разныхъ сторонъ...., ибо только подъ этимъ условіемъ обязательность прокурорскаго требованія не нарушаетъ строгой справедливости и не препятствуетъ открытію истины“ [1]). Вообще, едва ли можно отрицать, что правильно понятое и благожелательно осуществленное вліяніе прокурорскаго надзора на слѣдственную часть не только не противорѣчитъ коренной задачѣ правосудія—открытію матеріальной истины, но значительно содѣйствуетъ правильному разрѣшенію на предварительномъ слѣдствіи многихъ важныхъ вопросовъ. Если, однако, на практикѣ отношенія между слѣдователями и прокуратурой слагались не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ благожелательно, то объясняется это не существомъ законодательныхъ по сему поводу постановленій, а дѣйствіемъ инструкціоннаго порядка, не всегда стремившагося къ огражденію достоинства слѣдственнаго института и вызывавшаго въ печати иногда вполнѣ справедливыя нареканія [2]).

Обращаясь къ нѣкоторымъ особенностямъ нашего предварительнаго слѣдствія по духу Судебныхъ Уставовъ, необходимо замѣтить, что уголовный розыскъ въ Россіи искони, еще со временъ „губныхъ старостъ“ и „воеводъ“, былъ проникнутъ инквизиціоннымъ началомъ; это начало, будучи рѣшительно отвергнуто составителями Судебныхъ Уставовъ въ отношеніи

---

[1]) Н. Буцковскій. Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20 ноября 1864 г. СПБ. изд. 1874 г., стр. 411, 412, ср. также Мотивы Госуд. Совѣта къ 282 ст. Уст. Уг. Суд. Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1864 г. №№ 44, 47, 48. Журн. № 47, л.л. 795 и 796, по журн. стр. 30 и 31.

[2]) Ср. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1890 г. ноябрь, стр. 33, статья Матросова. Судебная Газета 1891 г. № 4. Мнѣніе г. Обнинскаго о реформѣ предварит. слѣдствія.

судебнаго слѣдствія, было, однако, удержано на предварительномъ слѣдствіи; коренною задачею послѣдняго по прежнему остается—раскрытіе преступленія, обнаруженіе и изобличеніе виновнаго; равнымъ образомъ, собраніе или изысканіе доказательствъ лежитъ на обязанности судебнаго слѣдователя (ст. 266 Уст. Уг. Суд.). Однако, наряду съ этимъ, въ силу 265 ст. Уст. Уг. Суд., судебный слѣдователь обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства его оправдывающія. Эта статья, являясь логическимъ развитіемъ 8 и 10 статей Наказа судебнымъ слѣдователямъ, безъ сомнѣнія имѣла значеніе уступки состязательному началу, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что состязательное начало предполагаетъ, во-первыхъ, двѣ стороны, во-вторыхъ, равенство сторонъ. Между тѣмъ, 265 ст. Уст. Уг. Суд. сосредоточиваетъ двухстороннее проявленіе состязательнаго начала въ одномъ лицѣ—судебнаго слѣдователя. Не ограничиваясь правиломъ, постановленнымъ въ 265 статьѣ, составители Судебныхъ Уставовъ создали еще цѣлый рядъ условій, обязательныхъ для слѣдственной власти, обезпечивающихъ обвиняемому всѣ средства къ самозащитѣ.

Такъ, за силою 396 статьи, слѣдователь не имѣетъ права призывать кого либо въ качествѣ обвиняемаго безъ достаточнаго къ тому основанія, первоначальный же допросъ долженъ быть снятъ слѣдователемъ съ обвиняемаго немедленно и, во всякомъ случаѣ, не позже сутокъ послѣ явки или привода его (ст. 398). Правило, установленное въ этой послѣдней статьѣ, строго соблюдается въ русской слѣдственной практикѣ, и оно въ корнѣ устранило то печальное явленіе, наблюдавшееся нерѣдко въ дореформенномъ процессѣ, что задержанныя лица томились въ тюрьмахъ цѣлыми недѣлями и даже мѣсяцами безъ допроса, не будучи иногда даже освѣдомлены, въ чемъ они обвиняются. Между тѣмъ, на основаніи 403 статьи Уст. Уг. Суд., судебный слѣдователь обязанъ при первоначальномъ же допросѣ объявить обвиняемому, въ чемъ именно онъ обвиняется, т. е. изложить предметъ обвиненія по фактическимъ признакамъ. Далѣе, слѣдователь не долженъ домогаться сознанія обвиняемаго ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства (ст. 405); если же обвиняемый откажется отвѣчать на предложенные ему вопросы, то слѣ-

дователь, отмѣтивъ о томъ въ протоколѣ, изыскиваетъ другія законныя средства къ открытію истины (ст. 406). Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно 412 ст. Устава, слѣдователь не долженъ безъ особой въ томъ надобности прибѣгать къ передопросу обвиняемаго, каковое правило постановлено въ развитіе упомянутой выше 406 ст. того же Устава. Точный смыслъ приведенныхъ статей указываетъ на то, что составители Судебныхъ Уставовъ имѣли въ виду оградить личность обвиняемаго съ первыхъ же шаговъ уголовнаго процесса. Въ отношеніи мѣръ для воспрепятствованія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія (ст. 416) слѣдователь, на основаніи 421 статьи, поставленъ въ положеніе судьи, безпристрастно оцѣнивающаго силу и значеніе собранныхъ противъ обвиняемаго уликъ. При этомъ, избирая ту или иную мѣру пресѣченія, слѣдователь не только въ правѣ, но и обязанъ принимать въ соображеніе, какъ строгость угрожающаго обвиняемому наказанія, такъ и другія обстоятельства индивидуальнаго характера, какъ то: состояніе здоровья, полъ, возрастъ и общественное положеніе обвиняемаго, а равно возможность скрыть слѣды преступленія. Въ то же время каждая мѣра пресѣченія, принятая слѣдователемъ противъ обвиняемаго, можетъ быть обжалована послѣднимъ въ судъ на общемъ основаніи. Но, независимо отъ всѣхъ этихъ правилъ, нашъ Уставъ предоставляетъ обвиняемому широкій контроль надъ дѣйствіями слѣдователя, ибо обвиняемый имѣетъ право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, а допросъ, снятый съ свидѣтеля въ отсутствіе обвиняемаго, прочитывается ему; обвиняемый, кромѣ того, за силою 448 статьи, имѣетъ право опровергать сдѣланныя противъ него показанія и просить слѣдователя о предложеніи свидѣтелю новыхъ вопросовъ, при чемъ обстоятельства, приведенныя обвиняемымъ въ опроверженіе показанія свидѣтеля, должны быть изслѣдованы, если имѣютъ существенное для дѣла значеніе (ст. 449). По требованію обвиняемаго, слѣдователь обязанъ предъявить ему оконченное слѣдственное производство и спросить обвиняемаго: не желаетъ ли онъ представить еще что либо въ свое оправданіе (ст. 476), а, на основаніи 475 статьи, обвиняемый, кромѣ того, имѣетъ право требовать безплатнаго изготовленія копій со всѣхъ слѣдственныхъ актовъ. Такимъ образомъ, обвиняемому предоставлена полная возможность не только ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ произведен-

нымъ по его дѣлу предварительнымъ слѣдствіемъ, но и внимательно оцѣнить силу собранныхъ противъ него уликъ, а равно требовать дополненія слѣдствія по обстоятельствамъ, могущимъ служить къ его оправданію. Всѣ эти процессуальныя гарантіи, предоставленныя обвиняемому, вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь русской слѣдственной практики, и случаи обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій со стороны лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, въ дѣйствительности представляются весьма рѣдкими. Въ то же время, такъ какъ каждое слѣдственное дѣйствіе, стѣсняющее права обвиняемаго, можетъ быть обжаловано послѣднимъ въ порядкѣ 491—496 ст. Уст. Уг. Суд., то кассаціонная наша практика неизмѣнно придерживалась того правила, что дѣйствія слѣдователя, своевременно не обжалованныя, впослѣдствіи не могутъ служить кассаціоннымъ поводомъ и не могутъ поэтому вести къ отмѣнѣ приговора.

Такимъ образомъ, дѣятельность слѣдователя, оставаясь инквизиціонной съ точки зрѣнія конечной ея цѣли, осложнилась стремленіемъ противоположнаго характера, а именно желаніемъ провести и на предварительномъ слѣдствіи принципъ состязательнаго начала, съ сообщеніемъ органамъ слѣдственной власти судейскаго безпристрастія. Отвергнувъ предположенія статсъ-секретаря Валуева о возложеніи по болѣе важнымъ дѣламъ на слѣдователей производства какъ дознаній, такъ и слѣдствія, Соединенные Департаменты, между прочимъ, указали, что „по дѣламъ болѣе важнымъ.... судебные слѣдователи не въ состояніи были бы производить съ надлежащимъ успѣхомъ дознанія и розыски по самымъ тяжкимъ преступленіямъ, а между тѣмъ, въ стремленіи къ исполненію своихъ обязанностей въ этомъ отношеніи, они утратили бы характеръ безпристрастныхъ судей“ [1]). Это двойственное положеніе судебнаго слѣдователя въ процессѣ уголовномъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе существенное практическое значеніе, что, при полной неудовлетворительности у насъ въ большинствѣ случаевъ полицейскаго розыска, органамъ слѣдственной власти по каждому болѣе серьезному дѣлу, для успѣха его, неизбѣжно приходится вести, кромѣ слѣдствія, еще и личный розыскъ, осложненный рядомъ процессуальныхъ формъ и невозможностью дѣйствовать иначе, какъ открыто и

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1864 г., № 44 47, 48. Журн. № 47, л. 794, по журн. л. 27.

офиціально. Въ этихъ случаяхъ, далеко не рѣдкихъ, слѣдователю приходится сходить съ своего судейскаго кресла, приниматься за дѣятельное раскрытіе преступленія, и тогда, разумѣется, сохраненіе строгаго безпристрастія превращается въ трудную, почти непосильную задачу. Эта особенность нашего предварительнаго слѣдствія кладетъ отпечатокъ на всю работу слѣдователя, и не разъ служила предметомъ серьезной критики, какъ въ спеціальной литературѣ, такъ и въ повременной прессѣ [1]).

Реформированный на изложенныхъ выше основаніяхъ слѣдственный институтъ, съ первыхъ же дней своего существованія, вызвалъ множество нареканій, которыя, то усиливаясь, то ослабляясь, не прекращаются до настоящаго времени. Въ началѣ—отрывочныя и единичныя, а затѣмъ—все болѣе многочисленныя, нареканія эти слились въ нестройный хоръ голосовъ, требовавшихъ то полной отмѣны Учрежденія судебныхъ слѣдователей, то коренного его измѣненія, то послѣдовательнаго развитія его въ духѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., то, наконецъ, введенія въ него такихъ новыхъ принциповъ, которые, формально не противорѣча настоящему устройству слѣдственной части, на практикѣ привели бы къ совершенному искаженію началъ, предначертанныхъ составителями Судебныхъ Уставовъ. Не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что исторія нашего предварительнаго слѣдствія это—исторія нареканій на него. Нелегко разобраться въ пестромъ разнообразіи противорѣчивыхъ по сему поводу мнѣній, требованій и пожеланій, выраженныхъ за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Оставляя, однако, безъ вниманія жалобы на слѣдственный институтъ, явно неосновательныя, вызванныя причинами случайнаго характера или чувствомъ личнаго раздраженія къ отдѣльнымъ органамъ слѣдственной власти [2]), а также не касаясь ошибочнаго, распространеннаго въ обществѣ взгляда о подавленности слѣдователей надзоромъ за ихъ дѣятельностью прокуратуры,—необходимо остановиться на разсмо-

---

[1]) См. между прочимъ, „Голосъ“ 1870 г. №№ 151, 152, а также „Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предв. слѣдствія“, ч. II, стр. 61—65, 1882 г. изд. Мин. Юст. СПБ.

[2]) Къ числу таковыхъ могутъ быть отнесены, напр., дѣла Мин. Юст. 1865 г. № 1476—по жалобѣ полковника Эллиса на дѣйствія судебнаго слѣдователя Артишевскаго, и № 3653—по письму маіора Добросердова о незаконныхъ дѣйствіяхъ судебнаго слѣдователя Мейера (Сен. Арх.).

трѣніи тѣхъ нареканій на слѣдственную власть, которыя неизмѣнно ставятся ей въ вину и которыя подчеркиваютъ два коренныхъ недостатка въ постановкѣ нашего предварительнаго слѣдствія: 1) медленность въ производствѣ слѣдствій и 2) безплодность, т. е., малоуспѣшность въ отношеніи обнаруженія виновныхъ. Указанія именно на эти два недостатка слѣдственной части настолько общеизвѣстны и такъ неизмѣнно повторяются во всѣхъ отзывахъ юристовъ-практиковъ о положеніи слѣдственнаго института, что здѣсь было бы возможно ограничиться ссылкой, въ видѣ иллюстраціи, хотя бы на нѣсколько компетентныхъ отзывовъ. Такъ, въ отзывѣ и. д. старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты д. с. с. Завадскаго, сообщенномъ во исполненіе циркулярнаго предложенія Министерства Юстиціи, между прочимъ, указывается, что „жалобы на неудовлетворительность у насъ слѣдственной части обусловливаются двумя существенными обстоятельствами: а) тѣмъ, что предварительныя слѣдствія производятся медленно и б) тѣмъ, что громадное большинство лицъ, совершившихъ преступленія, остается необнаруженнымъ“ [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, д. с. с. Завадскій полагалъ, что для устраненія этихъ недостатковъ „нѣтъ основаній уничтожать порядка производства слѣдствія, установленнаго Судебными Уставами. Возвратъ къ старому, дореформенному порядку, несостоятельность котораго была въ свое время всѣми признана, немыслимъ, объ этомъ нечего и говорить... Устранить вышеуказанные недостатки нашей слѣдственной части должно, и устранить ихъ можно, не прибѣгая къ новой ломкѣ общихъ положеній, не вводя новой смуты въ понятія общества и не возлагая на него новой, непосильной тяжести. Судебные Уставы установили принципы, которые потому только оказались не достигшими своей цѣли, что не были, по разнымъ, частью вполнѣ объяснимымъ, причинамъ, проведены послѣдовательно, а жизнь, практика нашихъ судебныхъ дѣятелей не могла, а отчасти и не хотѣла слѣдовать указаннымъ принципамъ“ [2]).

Что касается собственно медленности въ производствѣ слѣдствій, о которой вскользь было упомянуто выше, то таковую едва ли возможно отрицать, несмотря на то, что ежемѣсячное

[1]) Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій. СПБ., 1882 г. изд. Мин. Юст., ч. II, стр. 142 и 143.

[2]) Тамъ же, стр. 142.

направленіе во многихъ слѣдственныхъ участкахъ, колеблясь отъ 30—40 дѣлъ, подчасъ возрастаетъ до 50 и 60 дѣлъ, т. е., такой цифры, которая сама по себѣ должна исключать всякую мысль о „бездѣятельности“ или „нерадѣніи“ русскихъ слѣдователей. Тѣмъ не менѣе, медленность производства слѣдствій въ Россіи, по сравненіи хотя бы съ Франціей, за 1876 г. выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Россіи.	Во Франціи.
Изъ общаго числа слѣдствій окончено:	Изъ общаго числа слѣдствій окончено:
а) въ теченіе перваго мѣсяца со дня начатія слѣдствія 43,142 или 48%;	а) въ теченіе перваго мѣсяца со дня совершенія преступленія 35,785 или 70%;
б) въ теченіе 2 мѣсяцевъ 59,389 или 66%;	б) въ теченіе 2 мѣсяцевъ 44,362 или 89%;
в) въ производствѣ болѣе года 6,317 или 7%.	в) позже 3 мѣсяцевъ 2,456 или меньше 5% [1]).

Хотя таблица эта относится къ 1876 г., но съ тѣхъ поръ быстрота въ производствѣ слѣдствій въ Россіи едва ли замѣтно увеличилась, а потому мы можемъ ограничиться приведенными данными [2]). Общепризнанною причиною этого недостатка, помимо территоріальной величины слѣдственныхъ участковъ, является громадное поступленіе дѣлъ и прогрессивный ростъ преступности, что съ очевидностью доказывается слѣдующей таблицей:

Г О Д Ы.	Возникло слѣдствій.
1889	122,600
1908	349,059
1909	411,065
1910	444,503
1911	448,454
1912	463,008 [3]).

[1]) Матеріалы для пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, ч. II, записка б. оберъ-прокурора IV деп. Прав. Сената т. с. Безроднаго, стр. 49.

[2]) Въ 1889 г. въ производствѣ у слѣдователей было 122, 600 дѣлъ; изъ нихъ слѣдствіе длилось до 6 мѣс. по 21,000 дѣл., болѣе 6 мѣс.—по 5,300 дѣламъ, болѣе года—по 2,500 дѣламъ.—Высоч. учр. комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части. Труды, т. I, стр. 133 и слѣд.

[3]) Справка Статист. отд. 1 деп. Мин. Юст. отъ 6 марта 1914 г. № 1064.

Въ крупныхъ городскихъ центрахъ ростъ преступности, и въ особенности профессіональной, обрисовывается еще рельефнѣе. Въ одномъ Петроградѣ за пятилѣтіе 1908—1912 г.г. норма поступленія увеличилась на 1597 дѣлъ, и въ 1912 г. выразилась въ суммѣ 8181 дѣло, что составитъ на каждаго изъ 30 городскихъ слѣдователей ежегодное поступленіе по 270 дѣлъ [1]). Въ отдѣльныхъ же слѣдственныхъ участкахъ города Петрограда, какъ-то: 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 25-мъ и другихъ, въ настоящее время поступаетъ отъ 500 до 600 дѣлъ въ годъ. И если, тѣмъ не менѣе, громадное большинство слѣдственныхъ участковъ оказывается въ полномъ порядкѣ и направленіе оправдываетъ текущее поступленіе, то это надо отнести за счетъ такого крайняго напряженія умственныхъ и физическихъ силъ судебныхъ слѣдователей, которое граничитъ съ самопожертвованіемъ, ибо такой неустанный, нервный, неблагодарный трудъ ведетъ къ быстрому и вѣрному разрушенію здоровья.

При совокупности однихъ этихъ условій едва ли вызоветъ недоумѣніе то обстоятельство, что предварительное слѣдствіе въ Россіи производится медленнѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ основаній видѣть причину этой медленности въ какихъ либо органическихъ недостаткахъ устройства нашей слѣдственной части.

Наоборотъ, гораздо сложнѣе и глубже причины, вызывающія второй изъ указанныхъ недостатковъ слѣдственной части, а именно—относительную безплодность слѣдовательской работы въ отношеніи обнаруженія виновныхъ. Если взять число слѣдствій, возникшихъ по всей Имперіи за одинъ только 1912 годъ и прослѣдить дальнѣйшее направленіе сихъ слѣдствій, то окажется, что съ обвиненіемъ, въ порядкѣ 478 и другихъ статей Уст. Уг. Суд., слѣдователями было направлено 150,795 дѣлъ, а на прекращеніе, въ порядкѣ 277 статьи того же Устава—268,803 дѣла [2]). Такой громадный процентъ прекращенныхъ дѣлъ самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о какомъ-то коренномъ дефектѣ въ устройствѣ

---

[1]) Ср. справку Статист. отд. 1 деп. Мин. Юст. отъ 6 марта 1914 г. за № 1065. Тѣ же выводы—по городу Москвѣ.

[2]) Ср. тѣ же статистическія справки. Къ послѣдней цифрѣ надлежитъ относиться съ осторожностью, т. к. въ числѣ дѣлъ, направленныхъ по 277 ст. Уст. Уг. Суд., прекращаются дѣла не только по причинѣ необнаруженія виновныхъ, но и по многимъ другимъ причинамъ, какъ-то: за примиреніемъ сторонъ, за отсутствіемъ состава преступленія, за смертью обвиняемыхъ, за недоказанностью самаго событія преступленія и т. п.

нашего предварительнаго слѣдствія, отражающемся весьма неблагопріятно на отправленіи уголовнаго правосудія.

Высочайше учрежденная въ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса комиссія для изслѣдованія недостатковъ слѣдственной части въ Россіи въ своихъ трудахъ удѣлила много времени изученію именно этой непродуктивности слѣдовательской работы. Выводы этой комиссіи тѣмъ болѣе знаменательны, что въ существенныхъ своихъ чертахъ они находятся въ полномъ согласіи съ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ устройства слѣдственной части во Франціи, произведеннымъ въ 1870 г. Л. В. Безроднымъ. Комиссія же сенатора Петерса прямо указала на то, что основною причиною безплодности слѣдовательской работы въ отношеніи обнаруженія виновныхъ является отсутствіе у насъ правильно поставленнаго и надлежащимъ образомъ руководимаго полицейскаго розыска. „Смѣло можно сказать, что у насъ розыскъ почти не существуетъ". По этому поводу комиссіей были высказаны слѣдующія соображенія: „Отсутствіе правильно организованнаго, параллельно съ предварительнымъ слѣдствіемъ и тѣсно съ нимъ связаннаго, надлежащимъ образомъ руководимаго розыска составляетъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ, ничѣмъ не устранимыхъ недостатковъ настоящей слѣдственной практики, который, вредно отражаясь вообще на ходѣ уголовныхъ преслѣдованій, въ особенности неблагопріятно вліяетъ на успѣхъ тѣхъ дѣлъ, по которымъ слѣдствіе съ самаго начала своего не направляется противъ опредѣленнаго подозрѣваемаго, а должно раскрыть, кѣмъ совершено подлежащее изслѣдованію преступленіе. Въ дѣлахъ этого рода успѣхъ преслѣдованія исключительно зависитъ отъ совершенства полицейской дѣятельности, такъ какъ розыскъ обвиняемаго самимъ слѣдователемъ, дѣйствія котораго, какъ органа суда, стѣснены установленными обрядами и формами, никогда не будетъ имѣть ни быстроты, ни другихъ достоинствъ полицейскаго дознанія" [1]). Вслѣдствіе же отсутствія уголовнаго полицейскаго розыска слѣдователи въ борьбѣ съ преступленіями оказываются совершенно одинокими, предоставленными исключительно собственнымъ силамъ, а потому и самое слѣдствіе неизбѣжно пре-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1870 г. № 3275,—по всеподданнѣйшему докладу объ образованіи комиссіи для изслѣдованія слѣдственной части, стр. 30, 125, 126.

вращается въ уголовный розыскъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать цѣль безпристрастной судебной повѣрки добытыхъ полицейскимъ дознаніемъ данныхъ и доказательствъ.

Записка Безроднаго о положеніи слѣдственной части во Франціи, дополняя и развивая основныя положенія комиссіи сенатора Петерса, въ то же время подробно остановилась на изслѣдованіи тѣхъ именно сторонъ организаціи французскаго предварительнаго слѣдствія, которыя содѣйствовали его успѣху и создали ему заслуженную извѣстность. Въ этомъ отношеніи Л. В. Безродный пришелъ къ выводу, что едва ли не главной причиной удовлетворительной постановки слѣдственной части во Франціи является непрерывное и энергическое содѣйствіе слѣдственному институту со стороны, такъ называемой, судебной полиціи (police judiciaire), въ составъ которой входятъ не только сами слѣдователи, но и прокуроры и ихъ товарищи, мировые судьи, полицейскіе комиссары, мэры и ихъ помощники, офицеры корпуса жандармовъ и, наконецъ, лѣсные и полевые сторожа. Всѣ эти органы, будучи подчинены надзору прокурора 2-й степени (procureur général), обязаны оказывать всемѣрное содѣйствіе судебнымъ слѣдователямъ, при чемъ и права чиновъ судебной полиціи, главнымъ образомъ мэровъ, по производству розысковъ значительно шире, чѣмъ права русской полиціи по силѣ 250, 252, 254—258 ст. Уст. Уг. Суд. Въ виду сего французское предварительное слѣдствіе въ основныхъ его проявленіяхъ складывается изъ дѣятельнаго сотрудничества цѣлой сѣти правительственныхъ органовъ подъ постояннымъ контролемъ судебнаго слѣдователя и чиновъ прокуратуры.

Въ Россіи же до настоящаго времени, съ одной стороны, нѣтъ учрежденія, сходнаго по кругу дѣятельности съ французской судебной полиціей, а съ другой стороны, фактически отсутствуетъ организованная дѣятельность полиціи по предупрежденію и пресѣченію преступленій въ смыслѣ систематическаго наблюденія за преступной средой и разнообразными явленіями преступнаго міра [1]). Это замѣчаніе относится не только къ практикѣ общей полиціи, но въ равной мѣрѣ и сыскныхъ отдѣ-

[1]) По сему поводу цѣнныя замѣчанія были высказаны въ іюнѣ 1913 г. на созванномъ при Департаментѣ Полиціи съѣздѣ начальниковъ сыскныхъ отдѣленій при участіи нѣкоторыхъ чиновъ прокурорскаго надзора и судебныхъ слѣдователей СПБ. окружнаго суда. Труды съѣзда, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не напечатаны.

леній. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда при возникновеніи дознанія потерпѣвшій отъ преступленія не можетъ высказать подозрѣнія противъ опредѣленнаго лица,—полиціи самостоятельно рѣдко удается обнаружить и изобличить виновнаго, и въ такомъ видѣ дознанія передаются слѣдственной власти; съ тѣмъ вмѣстѣ прекращается всякое дальнѣйшее участіе полиціи въ розыскѣ. Съ своей стороны, судебные слѣдователи избѣгаютъ пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ—поручать полиціи дополнительныя по дѣламъ дознанія въ порядкѣ 271 ст. Уст. Уг. Суд. Объясняется это отчасти тѣмъ, что полиція далеко не всегда удачно выполняетъ возлагаемыя на нее порученія, отчасти же еще и тѣмъ, что судебные слѣдователи, особенно въ городахъ, имѣютъ возможность лично гораздо скорѣе и полнѣе собрать нужныя имъ свѣдѣнія путемъ телефонныхъ и иныхъ справокъ.

Эта относительная безплодность слѣдовательской работы вызвала особыя заботы правительства въ отношеніи главнымъ образомъ тѣхъ дѣлъ, которыя, по своимъ размѣрамъ и организованности преступныхъ элементовъ, нарушали крупные государственные интересы. Такъ, еще въ 1866 г. с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, ген.-л. Треповъ обратилъ вниманіе, съ одной стороны, на крайнее распространеніе поддѣлки государственныхъ кредитныхъ билетовъ, а съ другой стороны на то, что обычные способы преслѣдованія злоумышленниковъ этой категоріи черезъ участковыхъ судебныхъ слѣдователей оказываются недостаточными и не достигающими своей цѣли. Въ виду сего ген.-л. Треповъ полагалъ полезнымъ учредить, въ видѣ временной мѣры, комиссію изъ чиновниковъ вѣдомствъ Министерства Финансовъ, жандармскаго и городской полиціи и поручить сей комиссіи исключительное преслѣдованіе и обнаруженіе поддѣлки и распространенія фальшивыхъ государственныхъ билетовъ. По всеподданнѣйшему докладу о семъ, 30 декабря 1866 г. Высочайше было повелѣно министрамъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и шефу жандармовъ обсудить предложенную мѣру. Комиссія изъ означенныхъ лицъ не нашла возможнымъ согласиться съ учрежденіемъ временной комиссіи, указавъ при этомъ, что мѣра, предложенная ген.-л. Треповымъ, противорѣчила бы Судебнымъ Уставамъ 1864 г. и Высочайше утвержденнымъ 25 марта 1859 г. началамъ преобра-

зованія полицейскаго управленія, въ основаніе коихъ положено отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной и совершенное изъятіе полиціи отъ производства слѣдствій по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ [1]). Но въ то же время комиссія указала, что „судебными слѣдователями допускается иногда по этого рода дѣламъ, требующимъ особенной быстроты въ производствѣ, значительная медленность, и принимая во вниманіе, что такая медленность происходитъ единственно вслѣдствіе чрезмѣрнаго обремененія судебныхъ слѣдователей дѣлами, признала, что наилучшимъ... способомъ для достиженія успѣшнаго производства слѣдствій по такимъ преступленіямъ, какъ поддѣлка государственныхъ кредитныхъ бумагъ, было бы учрежденіе при столичныхъ окружныхъ судахъ по одному временному судебному слѣдователю, которому, не назначая участка, поручать производство особенно важныхъ слѣдствій во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ бы они ни потребовались“ [2]). Это мнѣніе комиссіи удостоилось Высочайшаго утвержденія 24 октября 1867 г., и такимъ образомъ были учреждены временные слѣдователи по особо важнымъ дѣламъ. 10 апрѣля 1875 г. министръ юстиціи, гр. Паленъ, вошелъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ обращеніи двухъ временныхъ должностей судебныхъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ въ постоянныя. Въ мотивахъ сего представленія гр. Паленъ указалъ, между прочимъ, на ту несомнѣнную пользу, которую принесли судебные слѣдователи по особо важнымъ дѣламъ въ связи съ успѣшнымъ раскрытіемъ ими обширныхъ преступныхъ организацій по поддѣлкѣ и сбыту кредитныхъ билетовъ. Независимо отъ сего, министръ юстиціи находилъ, что „если въ каждомъ судебномъ округѣ возникаютъ дѣла, требующія особенной опытности, энергіи и труда со стороны слѣдователя, т. е., тѣхъ качествъ, которыя въ совокупности невозможно требовать отъ каждаго слѣдователя вообще, то тѣмъ менѣе можно отрицать необходимость существованія при столичныхъ окружныхъ судахъ по крайней мѣрѣ двухъ особыхъ слѣдователей, на которыхъ возможно было бы возлагать производство слѣдствій по такимъ

---

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1867 г. № 135. О назначеніи при столичныхъ окружныхъ судахъ временныхъ судебн. слѣдователей для производства слѣдствій по особенно важнымъ дѣламъ о поддѣлкѣ кредитныхъ бумагъ, л. 13.

[2]) Ibidem, л. л. 15—22.

важнымъ и сложнымъ дѣламъ, которыя обнимаютъ множество лицъ, распространяются иногда на нѣсколько судебныхъ округовъ и требуютъ извѣстныхъ спеціальныхъ знаній со стороны слѣдователя и сосредоточенія въ его рукахъ, по возможности, всѣхъ свѣдѣній и данныхъ, могущихъ содѣйствовать къ изобличенію виновныхъ..." [1]). Означенный законопроектъ удостоился Высочайшаго утвержденія 1 ноября 1875 г.. Въ настоящее время судебные слѣдователи по особо важнымъ дѣламъ приступаютъ къ производству слѣдствія на пространствѣ округа того суда, при коемъ состоятъ—по предложеніямъ прокурора сего суда, на пространствѣ округа палаты—по предложеніямъ подлежащаго прокурора судебной палаты и на пространствѣ всей Имперіи—по предложеніямъ министра юстиціи (ст. 288[1] Уст. Уг. Суд.).

Ту же цѣль—сообщенія большей продуктивности слѣдовательской работѣ—преслѣдовалъ внесенный 18 февраля 1870 г. министромъ юстиціи въ Государственный Совѣтъ законопроектъ объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ. При этомъ гр. Паленъ исходилъ изъ того соображенія, что по дѣламъ сложнымъ и возникающимъ одновременно въ нѣсколькихъ судебныхъ округахъ безусловное примѣненіе 292 ст. Уст. Уг. Суд. представляетъ на практикѣ большія неудобства. Между тѣмъ, участковые слѣдователи, будучи, въ силу самыхъ условій работы, прикованы къ ввѣреннымъ имъ участкамъ, а равно въ виду обремененности послѣднихъ текущимъ поступленіемъ дѣлъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ производить слѣдственныя дѣйствія внѣ предѣловъ назначенныхъ имъ участковъ (294 ст. Уст. Уг. Суд.). Въ виду изложеннаго, признавая необходимымъ изъять изъ вѣдомства участковыхъ судебныхъ слѣдователей производство по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ и изыскивая способы къ осуществленію сего предположенія, безъ обремененія государственнаго казначейства увеличеніемъ штатовъ судебныхъ установленій, гр. Паленъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о предоставленіи министру юстиціи возлагать производство слѣдствій по важнѣйшимъ дѣламъ на одного

---

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1875 г. № 49. Объ обращеніи существующихъ при Спб. и Московскомъ окружныхъ судахъ двухъ временныхъ должностей судебн. слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ въ постоянныя. Объясн. записка министра юстиціи, стр. 3.

изъ состоящихъ при окружныхъ судахъ участковыхъ слѣдователей, съ освобожденіемъ его отъ занятій по другимъ производящимся въ его участкѣ дѣламъ [1]). Высочайше утвержденный 5 мая [2]) 1870 г. на сихъ основаніяхъ законопроектъ объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ изложенъ въ видѣ примѣчанія къ 79 ст. Учр. Суд. Уст. Судебные слѣдователи по важнѣйшимъ дѣламъ тоже приступаютъ къ слѣдствію не иначе, какъ по предложеніямъ прокурора того окружнаго суда, при коемъ назначены состоять (ст. 288^{1} Уст. Уг. Суд.). Въ настоящее время судебные слѣдователи по важнѣйшимъ дѣламъ учреждены при всѣхъ окружныхъ судахъ, а судебные слѣдователи по особо важнымъ дѣламъ—лишь въ 14 городахъ, въ коихъ имѣются судебныя палаты (ст. 79^{2} Учр. Суд. Уст.).

Позднѣйшими законодательными новеллами изъ вѣдѣнія участковыхъ слѣдователей были изъяты дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, и производство по этого рода дѣламъ возлагается по предложенію прокурорскаго надзора на судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ и особо важнымъ дѣламъ, а по распоряженію министра юстиціи—на одного изъ членовъ судебной палаты. Лишь въ видѣ исключенія и съ особаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія прокурора судебной палаты предварительное слѣдствіе по государственнымъ преступленіямъ можетъ быть возлагаемо и на участковыхъ судебныхъ слѣдователей (ст. ст. 1030, 1031 и 1036 Уст. Уг. Суд., по прод. 1906 г.).

Частыя и при томъ далеко не всегда заслуженныя нареканія на слѣдственную часть, указанія на недостатки въ послѣдней, отъ воли, энергіи и труда судебныхъ слѣдователей по большей части не зависящіе,—поставили слѣдственный институтъ въ такія тяжелыя условія, которыя едва ли даже поддаются точному учету. Въ рядѣ этихъ условій первое мѣсто занимаетъ несомнѣнно порядокъ неутвержденія судебныхъ слѣдователей въ исправляемыхъ ими должностяхъ. Этотъ порядокъ, закономъ не

---

[1]) Арх. Гос. Сов., Деп. Зак., 1870 г. № 34, л. 14.

[2]) А не 11 мая, какъ ошибочно значится въ официальныхъ и частныхъ изданіяхъ,—ibidem, л. 17.

санкціонированный, стоящій въ противорѣчіи съ духомъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и прямо нарушающій 212 статью Учр. Суд. Уст., укоренился, однако, настолько прочно, что въ настоящее время судебныхъ слѣдователей въ точномъ смыслѣ слова почти вовсе нѣтъ; ихъ повсемѣстно замѣнили чиновники, причисленные къ Министерству Юстиціи и командированные министромъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, власть, командирующая чиновниковъ къ исправленію сей должности, естественно облечена и правомъ отозванія ихъ, по своему усмотрѣнію, изъ означенныхъ командировокъ. Этотъ порядокъ, кромѣ того, распространяется не только на участковыхъ слѣдователей, но и на судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ и особо важнымъ дѣламъ, и не только на провинціальныхъ, но и на столичныхъ. Такимъ образомъ, ни долголѣтняя безупречная служба, ни пріобрѣтенный послѣднею глубокій жизненный опытъ, ни квалифицированная энергія, ни тяжкій, быстро разрушающій здоровье отвѣтственный трудъ, протекающій въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, обычно не спасаютъ русскаго судебнаго слѣдователя отъ указаннаго командировочнаго порядка, который, при самомъ благожелательномъ отношеніи высшаго начальства, не гарантируетъ этимъ чинамъ судебнаго вѣдомства прочнаго служебнаго положенія, соотвѣтственно важности исправляемой ими должности. Эта практика складывалась постепенно, начиная еще съ Учрежденія 8 іюня 1860 г. Такъ, въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о введеніи въ дѣйствіе сего Учрежденія было выражено: „Имѣя въ виду, что въ настоящее время, при необходимости ввести новыя постановленія о судебныхъ слѣдователяхъ въ дѣйствіе съ возможною скоростью, назначеніе сихъ слѣдователей на первый разъ министромъ юстиціи могло бы замедлить введеніе сего важнаго Учрежденія въ дѣйствіе“, Соединенные Департаменты находили необходимымъ „дать на сей только разъ разрѣшеніе губернаторамъ допускать избранныхъ ими, по соглашенію съ губернскимъ прокуроромъ, судебныхъ слѣдователей къ отправленію этой должности прежде утвержденія ихъ министромъ юстиціи, доводя о томъ до его свѣдѣнія“ [1]). Послѣдующее утвержденіе судебныхъ слѣдовате-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1860 г. № 5095, л.л. 4 и 5.

лей происходило въ аттестаціонномъ порядкѣ, причемъ уже на первыхъ порахъ Министерство Юстиціи очень осторожно относилось къ аттестаціямъ о слѣдователяхъ, дававшимся какъ губернаторами, такъ равно губернскими прокурорами и уголовными палатами, такъ какъ названныя учрежденія и лица давали однимъ и тѣмъ же слѣдователямъ различную оцѣнку [1]). Въ общемъ, однако, утвержденіе судебныхъ слѣдователей въ исправляемыхъ ими должностяхъ первоначально не вызывало особыхъ затрудненій, и слѣдователи утверждались обычно черезъ полтора-два года послѣ вступленія ихъ въ должность.

Впослѣдствіи эта практика измѣнилась. Съ одной стороны, въ слѣдственную часть былъ введенъ принципъ, совершенно неизвѣстный Судебнымъ Уставамъ, временныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ, а съ другой стороны, начиная приблизительно съ 1870 г., порядокъ неутвержденія слѣдователей въ исправляемыхъ ими должностяхъ фактически оказался легализованнымъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію причинъ, вызвавшихъ этотъ порядокъ, нельзя не отмѣтить, что въ то время, при общемъ сравнительно низкомъ образовательномъ уровнѣ чиновнаго класса, министерству не всегда бывало легко найти людей безусловно достойныхъ занять отвѣтственную должность судебнаго слѣдователя. При этомъ условіи, въ особенности же въ виду той власти, какая предоставлена судебнымъ слѣдователямъ, утвержденіе послѣднихъ безъ разбора могло представляться небезопаснымъ. Къ этому присоединялись частыя нареканія на медленность и малую продуктивность слѣдовательской работы. Какъ бы то ни было, но практика неутвержденія судебныхъ слѣдователей въ исправляемыхъ ими должностяхъ получила настолько устойчивый характеръ, что къ 1898 году изъ 1487 судебныхъ слѣдователей, состоявшихъ по Имперіи, только 154 пользовались судейскою несмѣняемостью. Однако, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, практика эта не встрѣчала и не встрѣчаетъ сочувствія со стороны лицъ, близко стоящихъ къ

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 5064 (секретное) о суд. слѣдователяхъ Казанской губ. Губернаторъ аттестуетъ суд. слѣдователя Р.: „во всѣхъ отношеніяхъ безнравственный чиновникъ и терпимъ на службѣ быть не можетъ“ (л. 8). Губерн. прокуроръ отзывается объ Р.: „опытенъ и дѣятеленъ, но возбуждаетъ сомнѣніе въ безкорыстномъ исполненіи обязанностей службы“ (л. 8 об.); Казанская же уголовная палата представляетъ того же Р. къ награжденію орденомъ Св. Анны 3 ст. „за усердную службу“ (л. 10).

слѣдственному институту. Такъ, въ отзывѣ бывшаго прокурора Московской судебной палаты, д. с. с. Гончарова о состояніи слѣдственной части значится между прочимъ слѣдующее: „Тяжелыя условія, среди которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, отправляется слѣдственная дѣятельность, постоянные разъѣзды по деревнямъ, незнаніе вакантовъ и отдыха даже въ праздничные дни.., вредно отзываясь на здоровьѣ, убиваетъ иной разъ всякую энергію, а съ нею любовь, охоту и призваніе къ службѣ, доставляющей столько неудобствъ, такую массу лишеній и, въ существѣ, ничтожно вознаграждаемой... и совершенно не обезпеченной въ служебномъ отношеніи. Сознавая себя не настоящимъ слѣдователемъ, а лишь командированнымъ къ исполненію этихъ обязанностей, не чувствуя устойчивости этого положенія и предвидя полную возможность потерять таковое въ виду всякихъ случайностей и даже капризовъ ближайшаго начальства, судебный слѣдователь не можетъ привязаться къ такого рода службѣ..., онъ будетъ всегда стремиться къ отысканію болѣе удобнаго выхода изъ такого тяжелаго служебнаго положенія“ [1]). На этомъ основаніи д. с. с. Гончаровъ полагалъ необходимымъ прежде всего возвратить слѣдователямъ ихъ судейскую независимость. Соображенія Гончарова раздѣлялись вполнѣ старшими предсѣдателями судебныхъ палатъ—Казанской—Н. М. Окуловымъ, Московской—А. И. Шаховымъ и другими чинами судебнаго вѣдомства, приславшими, во исполненіе циркуляра Министерства Юстиціи 25 мая 1880 г., свои отзывы о желательныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ нашей слѣдственной части [2]).

Эти предположенія, однако, не только не получили осуществленія, но казалось, были совсѣмъ оставлены и забыты Высочайше утвержденною подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи Н. В. Муравьева комиссіею для пересмотра законоположеній по судебной части. Въ трудахъ означенной комиссіи предположенія статсъ-секретаря Валуева объ отмѣнѣ Учрежденія судебныхъ слѣдователей получили свое историческое завершеніе. Большинство членовъ комиссіи остановилось при этомъ на проектѣ учрежденія, въ видахъ приближенія судебной власти

---

[1]) Матеріалы для пересмотра законоположеній, ч. II, стр. 249.

[2]) Ibidem, стр. 159 и 187.

къ населенію, должности участковыхъ судей, которые являлись бы въ предѣлахъ отдѣльныхъ участковъ округа суда ближайшими къ населенію единоличными судебными органами съ повышенною противъ нынѣшнихъ мировыхъ судей компетенціею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія высказалась за возложеніе на участковыхъ судей, какъ производства отнесенныхъ къ ихъ подвѣдомственности судебныхъ дѣлъ, такъ равно и слѣдственныхъ функцій, нынѣ отправляемыхъ судебными слѣдователями [1]). Комиссіи казалось, что такого рода соединеніе въ лицѣ единоличныхъ судебныхъ органовъ мировыхъ и слѣдственныхъ функцій не встрѣтитъ на практикѣ особыхъ затрудненій и въ то же время позволитъ осуществить преобразованіе слѣдственной части безъ крайняго напряженія средствъ государственнаго казначейства. Хотя означенныя предположенія носили, до извѣстной степени, теоретическій характеръ, но тѣмъ не менѣе въ своихъ выводахъ комиссія руководилась также результатами обревизованія весною 1898 г. дѣлопроизводства мировыхъ судей Архангельской губерніи членомъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной д. с. с. Семеновымъ [2]). Только четыре члена комиссіи, а именно: В. А. Желеховскій, И. П. Закревскій, А. Ѳ. Кони и свѣтл. кн. Н. А. Ливенъ, заявили, что, по ихъ мнѣнію, отмѣна самостоятельнаго института судебныхъ слѣдователей явилась бы кореннымъ ухудшеніемъ существующаго судебнаго строя, и съ своей стороны полагали, что для производства всѣхъ вообще предварительныхъ слѣдствій должны быть учреждены повсемѣстно особые органы судебной власти— слѣдственные судьи [3]). Практическимъ отраженіемъ указанныхъ предположеній комиссіи явились законодательныя новеллы 29 января 1896 г., 13 мая 1896 г., 23 мая 1896 г. и 2 іюня 1898 г. о введеніи мировыхъ судей, съ возложеніемъ на оныхъ слѣдственныхъ обязанностей, въ Архангельской губерніи, Сибири, Черноморской губерніи, въ Степныхъ областяхъ и Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь, казалось бы, нѣтъ основанія подробно останавливаться на разсмотрѣніи сихъ установленій, такъ какъ въ настоящее время Министерство Юстиціи, во исполненіе высказаннаго Государственною Думою пожеланія, приступило къ

[1]) Объясн. записка къ проекту новой редакціи учр. суд. уст. т. II, стр. 17.
[2]) Ibidem, стр. 29 и 30.
[3]) Ibidem, стр. 49 и 50.

разработкѣ законопроекта о раздѣленіи слѣдственныхъ и мировыхъ обязанностей на отмѣченныхъ выше окраинахъ Имперіи [1]).

Крупною положительною заслугою Высочайше учрежденной комиссіи 1894 г. въ отношеніи собственно слѣдственной части явилось тщательное изученіе вопроса о положеніи кандитатовъ на судебныя должности. Вопросъ этотъ, разумѣется, имѣетъ существенно важное значеніе не только для слѣдственной части, но и для всѣхъ отраслей судебнаго вѣдомства, ибо изъ состава кандидатуры образуются кадры будущихъ судебныхъ дѣятелей. Между тѣмъ, удовлетворительное разрѣшеніе сего вопроса должно было оказать особо благотворное вліяніе на правильную постановку слѣдственной части, такъ какъ должности судебныхъ слѣдователей обычно замѣщаются именно кандидатами, неудовлетворительная подготовка коихъ къ отправленію слѣдственныхъ обязанностей вызывала подчасъ вполнѣ справедливыя нареканія. Впервые вопросъ о кандидатахъ получилъ научную разработку въ блестящихъ статьяхъ бывшаго министра юстиціи, въ то время еще товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты, Н. В. Муравьева [2]). Результатомъ этихъ научныхъ изысканій явился законъ 24 декабря 1891 г., въ силу коего было: 1) уничтожено дѣленіе кандидатовъ на судейскихъ и прокурорскихъ, нерѣдко вызывавшее рознь между тою и другою группою кандидатовъ, 2) установлено полное сліяніе кандидатовъ путемъ сосредоточенія ихъ исключительно при судебныхъ мѣстахъ, 3) достигнуто упорядоченіе служебнаго положенія кандидатовъ раздѣленіемъ ихъ на старшихъ и младшихъ, 4) положено начало штатнаго вознагражденія кандидатовъ, 5) введено начало болѣе послѣдовательной системы служебныхъ занятій кандидатовъ и, наконецъ, 6) установлено испытаніе младшихъ кандидатовъ на званіе старшихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на общемъ совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева отъ 2 и 3 января 1895 г. по вопросу о кандидатахъ на судебныя должности было указано, что хотя законъ 1891 г. внесъ существенное улучшеніе въ положеніе послѣднихъ, но что матеріаль-

---

[1]) Правит. Вѣст. 9 февр. 1914 г. № 33, стр. 3.

[2]) Н. Муравьевъ. Кандидаты на судебныя должности. Журн. Гражд. и Угол. Права 1880 г. кн. 1, 2, 6; его же—Кандидаты на судебныя должности. Вопросъ судоустройства и судебной политики. Москва 1886 г.

ныя условія служебной дѣятельности кандидатуры требуютъ дальнѣйшихъ измѣненій въ смыслѣ большаго ея обезпеченія. Пожеланіе, выраженное совѣщаніемъ, получило частичное осуществленіе въ законѣ 3 іюля 1908 г., коимъ штатный окладъ старшихъ кандидатовъ былъ увеличенъ до 900 рублей въ годъ. Наряду съ этимъ, практика нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ еще болѣе упорядочила занятія кандидатовъ въ слѣдственныхъ участкахъ. Въ этомъ отношеніи знаменательнымъ является циркулярное распоряженіе покойнаго предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда С. В. Кудрина отъ 24 сентября 1913 г., въ силу коего кандидатъ можетъ быть удостоенъ званія старшаго кандидата и присвоеннаго послѣднему оклада не иначе, какъ пробывъ въ слѣдственномъ участкѣ по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ, если при томъ о дѣятельности кандидата судебный слѣдователь дастъ благопріятный отзывъ. Однако, и въ настоящее время кандидаты на судебныя должности, особенно младшіе, матеріально почти не обезпечены, и служебная ихъ карьера осуществляется не всегда въ достаточной мѣрѣ успѣшно.

Неудовлетворительная постановка слѣдственной части объясняется и слѣдующими причинами. Судебные Уставы поставили судебнаго слѣдователя формально на одинъ уровень съ членами окружныхъ судовъ, хотя размѣръ содержанія, получаемаго судебнымъ слѣдователемъ ниже того, которое установлено для члена окружнаго суда.

О дѣйствительномъ уравненіи судебнаго слѣдователя съ членомъ окружнаго суда едва ли можетъ быть рѣчь. На практикѣ установился взглядъ, что судебный слѣдователь есть одна изъ младшихъ ступеней судебной карьеры, и должность судебнаго слѣдователя стала ареной примѣненія молодыхъ и далеко не всегда опытныхъ дѣятелей судебнаго вѣдомства, которые, что и понятно, стремились какъ можно скорѣе получить должность, считавшуюся болѣе высокой, перейти въ члены суда или товарищи прокурора. Бывали, правда, случаи, что судебный слѣдователь оставался долго на своемъ посту, пріобрѣтая и глубокія знанія и опытность въ дѣлѣ, но такіе случаи и ранѣе и теперь—рѣдки и на засиживавшагося въ должности слѣдователя зачастую смотрѣли, какъ на неудачника, неудостоеннаго повышенія. Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія силы Судебныхъ Уставовъ на все бо́льшее пространство, въ область примѣненія новыхъ

началъ и новаго строя поступало все бо́льшее количество мѣстностей, далеко не сходныхъ по бытовымъ условіямъ съ тѣми, на которыя распространилась реформа вь первые времена. Пока новый строй дѣйствовалъ только въ округахъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ, можно было спокойно судебнаго слѣдователя, получившаго подготовку въ Петербургѣ, переводить въ Москву и наоборотъ, ибо губерніи этихъ округовъ въ бытовыхъ условіяхъ рѣзко не отличаются. Но по мѣрѣ того какъ Судебные Уставы вводились въ дѣйствіе въ округахъ Кіевскомъ, Саратовскомъ, Одесскомъ, Казанскомъ, наконецъ Варшавскомъ, не говоря уже про Кавказъ и Сибирь, ихъ примѣненіе уже имѣло мѣсто въ рядѣ губерній съ самымъ пестрымъ этнографическимъ составомъ, съ самымъ различнымъ укладомъ жизни, съ населеніемъ съ самыми разнообразными взглядами, обычаями и нравами. Между тѣмъ, при назначеніи не обращалось должное вниманіе на то, знакомъ ли назначаемый съ этими особенностями или нѣтъ. Какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ вѣдомствѣ не считались съ бытовыми особенностями различныхъ частей громаднаго государства и полагали, что человѣкъ, пригодный въ Твери или Рязани, равно пригоденъ и въ Витебскѣ, и въ Туркестанѣ и въ Сибири. Такой взглядъ не могъ не отразиться неблагопріятно на важномъ дѣлѣ порученія слѣдственной части людямъ опытнымъ въ серьезномъ смыслѣ.

Обращаясь къ современному положенію слѣдственной части въ Россіи, создавшемуся на почвѣ историческихъ условій, вкратцѣ очерченныхъ выше,—нельзя не замѣтить, что правительство, въ особенности за послѣдніе годы, снова обратило серьезное вниманіе на правильное развитіе слѣдственнаго института въ предѣлахъ тѣхъ основныхъ положеній судоустройства, которыя были начертаны Судебными Уставами Императора Александра II. Законъ 3 іюля 1908 г., измѣнивъ общее расписаніе штатовъ по судебному вѣдомству, повысилъ также окладъ содержанія, присвоенный судебнымъ слѣдователямъ, и ввелъ періодическую въ теченіе первыхъ трехъ пятилѣтій прибавку къ содержанію въ размѣрѣ 200 рублей. И если этотъ законъ не вполнѣ обезпечилъ матеріальныя условія жизни чиновъ судебнаго вѣдомства, то все же, въ связи съ измѣненіемъ штатовъ, должны исчезнуть указанія, встрѣчавшіяся ранѣе въ ревизіонныхъ отчетахъ, на то,

что обстановка, въ которой жили, напр., судебные слѣдователи, вызывала чувство „безконечной къ нимъ жалости“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ юстиціи статсъ-секретарь Щегловитовъ обратилъ вниманіе на другую—спеціально техническую—сторону слѣдовательской работы. Прогрессивный ростъ профессіональной преступности и самая утонченность методовъ преступленія составляютъ такой неоспоримый фактъ въ криминалистикѣ нашего времени, что съ нимъ нельзя не считаться. Между тѣмъ, техника борьбы съ преступленіями, оставаясь на низкомъ уровнѣ развитія, стала въ коренное противорѣчіе съ требованіями науки, извѣстной подъ именемъ „технической полиціи“ (police technique). Въ виду сего, лѣтомъ 1911 г., по ордеру министра юстиціи, нѣсколько чиновъ судебнаго вѣдомства, преимущественно судебныхъ слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора, были командированы, подъ руководствомъ д. с. с. Трегубова, въ Лозанну и Парижъ для изученія новѣйшихъ научныхъ пріемовъ борьбы съ преступностью и постановки вопроса объ организаціи судебной экспертизы въ Западной Европѣ. Эта мѣра, съ одной стороны, имѣла цѣлью усилить въ чинахъ судебнаго вѣдомства интересъ собственно къ техникѣ разслѣдованія преступленія, а, съ другой стороны, создать первоначальный кадръ спеціально подготовленныхъ юристовъ-практиковъ для замѣщенія штатныхъ должностей въ учрежденныхъ, согласно закону 28 іюня 1912 г. и послѣдующихъ новеллъ, кабинетахъ научно-судебной экспертизы. Въ объяснительной запискѣ къ проекту министра юстиціи объ учрежденіи кабинета научно-судебной экспертизы въ Петербургѣ, между прочимъ, выражено слѣдующее: „Недостатки нашего предварительнаго слѣдствія, удостовѣренные отзывами судебныхъ практиковъ и мнѣніями, высказывавшимися въ юридической литературѣ, заключаются не столько въ самомъ устройствѣ слѣдственной части, сколько въ неудовлетворительной постановкѣ розыска и технической стороны слѣдственныхъ пріемовъ... Неудовлетворительность постановки уголовнаго розыска не только у насъ, но до послѣдняго времени и на западѣ, а также значительное развитіе преступности и, притомъ, не только въ смыслѣ количественномъ, но и въ отношеніи возрастающей

[1]) Высоч. учр. комиссія для пересмотра законоположеній по суд. части, т. II, стр. 7, сводъ ревиз. отчетовъ. СПБ. 1897 г.

утонченности способовъ совершенія преступленій,—побудили искать иныхъ, кромѣ улучшенія состава и увеличенія количества органовъ розыскной дѣятельности, способовъ раскрытія преступленій и обнаруженія виновныхъ“ [1]). Практика нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ показала, что надежнымъ въ этомъ отношеніи подспорьемъ могутъ стать правильно использованные методы физическихъ и біологическихъ наукъ, какъ, напр., широкое примѣненіе общей и метрической фотографіи при изученіи мѣста совершенія преступленія, дактилоскопія и антропометрія — при регистраціи преступниковъ, микро-химическій и фото-механическій анализы—при изслѣдованіи подложныхъ документовъ и т. п. Основанная на этихъ методахъ судебная экспертиза перестаетъ быть дѣломъ случайныхъ взглядовъ того или иного эксперта и пріобрѣтаетъ значеніе безспорнаго доказательства, могущаго лечь въ основу судебнаго приговора. Именно эта важная роль судебной экспертизы въ дѣлѣ успѣшнаго отправленія уголовнаго правосудія и побуждала признать желательнымъ учрежденіе спеціальныхъ установленій „въ цѣляхъ предоставленія органамъ слѣдственной и судебной власти возможности пользоваться научными данными криминалистики и соприкасающихся съ нею областей знанія, какъ для раскрытія преступленій и изобличенія виновныхъ, такъ и вообще для наиболѣе успѣшнаго выясненія матеріальной истины въ судебныхъ рѣшеніяхъ и притомъ не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для полнаго осуществленія намѣченныхъ цѣлей министръ юстиціи признавалъ необходимымъ поставить чиновъ сихъ спеціальныхъ установленій, названныхъ кабинетами научно-судебной экспертизы, въ живую связь съ обстановкою преступленія, по крайней мѣрѣ, по наиболѣе выдающимся дѣламъ, вслѣдствіе чего процессуальное положеніе чиновъ кабинета не ограничивается производствомъ лабораторныхъ экспертизъ, но переходитъ также въ активное содѣйствіе слѣдственнымъ властямъ при работѣ послѣднихъ на мѣстѣ преступленія.

Предположенія статсъ-секретаря Щегловитова объ учрежденіи кабинетовъ научно-судебной экспертизы встрѣтили живое

---

[1]) И. А. Громовъ. Кабинетъ научно-судебной экспертизы по закону 28 іюня 1912 г., стр. 8, СПБ. 1913 г., изд. неофиц.

сочувствіе какъ со стороны Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, такъ равно и въ широкихъ общественныхъ кругахъ: съ 1 января 1914 г. кабинеты научно-судебной экспертизы, кромѣ Петербурга, учреждены также при прокурорахъ судебныхъ палатъ: Московской, Кіевской и Одесской. Будущее этихъ новыхъ установленій, безъ сомнѣнія, очень велико; но и въ настоящее время они служатъ прочнымъ залогомъ болѣе успѣшной постановки нашего предварительнаго слѣдствія.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что за 54 года своего существованія русскій слѣдственный институтъ, несмотря на нѣкоторые недочеты во внутреннемъ его устройствѣ, стойко и съ высокимъ сознаніемъ долга передъ родиной несъ свой трудъ на отвѣтственномъ и тяжкомъ посту. Честно и скромно творили свою работу судебные слѣдователи, и все же не лавры, а терніи чаще выпадали на ихъ долю. Между тѣмъ, явившись піонерами судебной реформы, слѣдователи первые провели въ сознаніи народа рѣзкую грань между отживавшимъ свой вѣкъ дореформеннымъ судомъ и тѣми новыми началами судоустройства и судопроизводства, которыя съ высоты Престола были возвѣщены Императоромъ Александромъ II. Своимъ незримымъ, но неустаннымъ трудомъ слѣдователи много содѣйствовали тому, что эти начала правды и милости не только были услышаны народомъ, но и проникли въ его душу. И если бы значеніе русскаго слѣдственнаго института ограничивалось только этою заслугою, то и въ такомъ случаѣ значеніе сего института для реформированнаго суда представлялось бы несомнѣннымъ, а трудъ его—стоющимъ вниманія и благодарности.

Б. Бразоль.

Судъ присяжныхъ.

I. Существо и задачи нашего суда присяжныхъ. II. Условія дѣятельности нашего суда присяжныхъ: А. Личный составъ. Б. Внѣшнія условія дѣятельности присяжныхъ. В. Внутреннія условія дѣятельности присяжныхъ. III. Дѣятельность суда присяжныхъ: А. Ея характерныя свойства. Б. Репрессивность нашего суда присяжныхъ. IV. Официальная оцѣнка дѣятельности суда присяжныхъ.

I. Существо и задачи нашего суда присяжныхъ.

Характерную особенность присяжнаго суда, по сравненію съ судебными образованіями иныхъ типовъ, составляетъ то, что здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, проявляетъ свою творческую силу общественное правосознаніе, представленіе народныхъ массъ о томъ, чѣмъ долженъ быть уголовный судъ, на чемъ должны покоиться его рѣшенія, гдѣ граница уголовной противоправности дѣянія, гдѣ мѣра уголовно-правовой вины, какія формы уголовно-правовой реакціи пріемлемы, какъ заслуженныя и, вмѣстѣ, цѣлесообразныя? Въ составѣ законодательствъ различныхъ странъ, въ различныя историческія эпохи, примѣненіе близкихъ по содержанію нормъ, призванныхъ опредѣлять устройство и дѣятельность суда присяжныхъ, приводитъ къ существенно различнымъ практическимъ результатамъ. По своей юридической природѣ, институтъ присяжныхъ настолько эластиченъ, что безъ труда становится проводникомъ общенародныхъ правовыхъ воззрѣній, влагая въ формальный законъ содержаніе, нерѣдко совершенно чуждое намѣреніямъ законодателя. Но отсюда не слѣдуетъ, что судъ присяжныхъ вообще ускользаетъ отъ воздѣйствія со стороны законодателя, что введеніе этой формы суда представляетъ собой какъ бы капитуляцію закона

передъ новымъ источникомъ права — народнымъ правосознаніемъ. Послѣднее представляетъ собой не болѣе, какъ среду, въ которой преломляется законъ, и отъ законодателя зависитъ изучить законы этого преломленія и обставить процессъ преломленія тѣми или другими условіями. Для законодателя открывается, такимъ путемъ, широкая область воздѣйствія на результаты дѣятельности суда присяжныхъ, только это воздѣйствіе становится гораздо болѣе сложнымъ, утонченнымъ и посредственнымъ. Наша задача—отвѣтить на вопросъ, во что, по содержанію и свойству своей дѣятельности, и подъ вліяніемъ какихъ условій, вылился судъ присяжныхъ, введенный у насъ Судебными Уставами 20 ноября 1864 г.? Что было сдѣлано законодателемъ, чтобы направить его дѣятельность въ желаемое русло?

Чтобы найти и описать юридическую сущность присяжнаго суда той или другой страны, въ то или другое время, необходимо отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Что представляетъ собой этотъ судъ? политическую ли гарантію правъ народа, общественныхъ учрежденій и личности, какъ таковой, отъ возможныхъ посягательствъ на нихъ со стороны правительственной власти? или особую форму суда, чуждую всякихъ политическихъ тенденцій, не преслѣдующую иныхъ цѣлей, кромѣ какъ юрисдикціонныхъ?

Преслѣдуя тѣ или другія цѣли, ограничивается ли этотъ судъ установленіемъ спорныхъ фактовъ, или идетъ далѣе: установивъ факты, производитъ затѣмъ юридическую оцѣнку ихъ?

Откуда почерпаютъ присяжные критеріи для юридической оцѣнки установленныхъ ими фактовъ (если они производятъ ее): изъ непререкаемыхъ указаній закона, или изъ другихъ источниковъ,—прислушиваются къ голосу своей совѣсти? руководствуются соображеніями цѣлесообразности?

Итакъ, политическая гарантія или судъ въ тѣсномъ смыслѣ? судъ по вопросамъ факта, или также права? судъ по закону, или по совѣсти и житейскому смыслу?—таковы вопросы, отвѣтъ на которые раскрываетъ юридическую сущность присяжнаго суда, взятаго, какъ историческій фактъ.

Судъ присяжныхъ никогда не имѣлъ въ Россіи значенія политическаго. Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ были изъяты изъ вѣдѣнія этого суда еще при самомъ утвержденіи

Судебныхъ Уставовъ. Закономъ 9 мая 1878 г. были исключены изъ компетенціи присяжныхъ и переданы для разрѣшенія судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 1, 2 и 5-й главахъ раздѣла IV Улож. о Нак., когда они влекутъ за собой наказаніе, соединенное съ ограниченіемъ правъ, а также дѣла объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ и о всякаго рода насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ при исполненіи или по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей. Послѣ того, какъ важнѣйшія изъ этихъ преступленій закономъ 9 августа 1878 г. были переданы въ военные суды, законодатель 11 мая 1882 г. счелъ возможнымъ для многихъ, менѣе важныхъ дѣлъ этого разряда возстановить прежнюю подсудность ихъ суду присяжныхъ. Новыя изъятія послѣдовали по закону 7 іюля 1889 г.: исключены были не только дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія (о сопротивленіи властямъ, о насильственныхъ посягательствахъ на нихъ), но и дѣла о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной и о многихъ другихъ, сходственныхъ съ ними. Отсюда слѣдуетъ, что лишь въ теченіе непродолжительнаго періода времени суду присяжныхъ была предоставлена фактическая возможность проявлять въ своихъ рѣшеніяхъ какія-либо политическія тенденціи. Проявлялъ ли онъ ихъ хотя бы въ это время? Ниже на этомъ вопросѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, здѣсь же отмѣтимъ только, что если и допустить возможность, при неумѣлой постановкѣ процесса, проявленія тенденціозности въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рѣшеніяхъ присяжныхъ засѣдателей, то нѣтъ никакихъ основаній для утвердительнаго обобщеннаго отвѣта.

По второму вопросу,—компетентны ли присяжные къ разрѣшенію однихъ фактическихъ вопросовъ, или, кромѣ того, къ рѣшенію вопроса о соотвѣтствіи установленныхъ фактовъ составамъ преступленій,—составители Судебныхъ Уставовъ склонялись, повидимому, ко второй альтернативѣ. Вопросъ о виновности, рѣшать который предоставляетъ присяжнымъ ст. 754 Уст. Уг. Суд., есть вопросъ не только о наличности тѣхъ или иныхъ фактовъ, внѣшнихъ матеріальныхъ, и внутреннихъ психическихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оцѣнки этихъ фактовъ, въ смыслѣ соотвѣтствія ихъ юридическимъ предположеніямъ уголовной

ответственности. Но со статьею 754 и, въ частности, съ 761 не была достаточно согласована въ редакціонномъ отношеніи ст. 760, которая предписываетъ составлять вопросы, предлагаемые присяжнымъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій. Вопросы о виновности и о наличіи фактическихъ моментовъ, разсматриваемыхъ судомъ, какъ признаки виновности, конечно, не одно и то же. Если присяжнымъ предоставлено судить о томъ, былъ, или нѣтъ, выдернутъ подсудимымъ пробой, но не дано отвѣтить на вопросъ, соотвѣтствуетъ ли выполненное подсудимымъ сознательное и намѣренное тѣлодвиженіе понятію дѣйствія взлома, то мы должны были бы признать, что присяжнымъ предоставлено въ данномъ случаѣ рѣшить вопросъ факта, и не предоставлено—вопроса права.

Сенатъ неоднократно ограничивалъ роль присяжныхъ рѣшеніемъ вопросовъ чисто фактическаго содержанія. Такъ, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ (рѣш. № 28 за 1885 г.), онъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „на разрѣшеніе присяжныхъ должны быть предлагаемы лишь тѣ вопросы, которые должны войти въ фактическую часть приговора, т. е., о всѣхъ тѣхъ фактическихъ данныхъ дѣла, которыя представляютъ законное понятіе о признакахъ преступленія, приписываемаго подсудимому, и о виновности его въ ономъ; всѣ же юридическія соображенія, стоящія въ прямой зависимости отъ общаго толкованія законовъ и отъ опредѣленія значенія дѣянія подсудимаго передъ закономъ, не могутъ подлежать рѣшенію присяжныхъ, какъ судей факта, а подлежатъ непосредственному разрѣшенію суда“ (рѣшенія 1869 г. № 305, 1870 г. № 1274). Въ частности, по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ (1877 г. № 95), Сенатъ разъяснилъ, что суду не слѣдовало предлагать на разрѣшеніе присяжныхъ вопроса о томъ, нарушилъ ли совѣтъ банка обязанность, возложенную на него уставомъ банка, тѣмъ, что не составилъ инструкціи для ревизовавшихъ банкъ членовъ совѣта и директора иностраннаго отдѣленія?

Такова была принципіальная, отправная точка зрѣнія Сената на объемъ и характеръ компетенціи присяжныхъ. Но Сенатъ не проводилъ ее послѣдовательно до конца. Такъ, онъ при-

знал̀ъ допустимыми въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, такія выраженія, какъ „насиліе“ при обвиненіи въ грабежѣ, „насильно“ при обвиненіи въ изнасилованіи, „уничтожить“ или „скрыть“ при обвиненіи по 1657 ст. Улож. о Нак., „ложное подъ присягой показаніе на судѣ“, „тайно похитилъ“ при обвиненіи въ кражѣ, былъ ли подсудимый лицомъ, которому ввѣрено на храненіе церковное имущество? имѣлъ ли намѣреніе доставить себѣ или другому „противозаконную“ выгоду при уничтоженіи и похищеніи документа? и пр.

Колебанія Сената, въ связи съ противорѣчіями въ самомъ законѣ, дали возможность практикѣ суда присяжныхъ стать въ такое отношеніе къ данному вопросу, которое, какъ нельзя болѣе, отвѣчало ихъ правосознанію. Присяжные стали оправдывать подсудимыхъ, когда установленныя ими обстоятельства дѣла не отвѣчали составу преступленія, какъ они понимали его. И стали отвергать наличность тѣхъ или другихъ фактическихъ моментовъ, имѣющихъ юридическое значеніе (взлома преградъ, препятствующихъ доступу во дворъ; наличности орудія, которымъ подсудимый могъ нанести смерть или увѣчье; похищенія вещи съ пожара и пр., при обвиненіи по статьямъ 1647 1653, 1646 и др. Улож. о Нак.), когда находили, что законъ расчитанъ на иныя, осложняющія данное преступленіе обстоятельства, чѣмъ тѣ, которыя имѣли мѣсто въ дѣйствительности.

Напрасно было бы, на этомъ основаніи, называть дѣйствія присяжныхъ своевольными, считать ихъ противозаконными, посягающими на авторитетъ короннаго суда, какъ единственно призваннаго судить о томъ, что преступно, и что нѣтъ. Спросить, виновенъ ли подсудимый въ инкриминируемомъ ему дѣйствіи,—то же самое, что спросить, можетъ ли описанное дѣйствіе, если выполненіе его подсудимымъ доказано, быть разсматриваемо, какъ преступное.

Дѣйствіе преступно, когда оно: 1) противоправно, и 2) виновно[1]). Поэтому, присяжные, когда ихъ спрашиваютъ о виновности подсудимаго въ учиненіи опредѣленнаго дѣянія, не могутъ обойти вопроса о свойствахъ этого дѣянія—быть противоправнымъ, и быть виновнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти вопросы могутъ,

---

[1]) То и другое понятія являются общепринятыми въ современной наукѣ уголовнаго права.

а, слѣдовательно, и должны быть рѣшены исключительно съ помощью такъ наз. формально-логическаго или юридическаго метода, т. е., путемъ формально-логическаго истолкованія соотвѣтствующихъ юридическихъ формулъ. Таковъ, напр., вопросъ о томъ, съ какого момента деньги, вырученныя отъ продажи свѣчъ, поступаютъ въ составъ церковнаго имущества? или помянутый выше вопросъ относительно обязанности совѣта банка вырабатывать инструкцію для ревизующей банкъ комиссіи. Разобраться въ вопросѣ такого рода присяжные могутъ только съ помощью суда, въ лицѣ его предсѣдателя, на котораго законъ возлагаетъ обязанность объяснять присяжнымъ „законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступнаго дѣянія" (ст. 801 Уст. Уг. Суд.). Есть множество, однако, составовъ преступленій, къ выясненію которыхъ было бы напрасно подходить съ однимъ формально-логическимъ методомъ; есть много составовъ, которые вполнѣ могутъ быть раскрыты лишь при использованіи вспомогательныхъ методовъ: уголовно-политическаго и нормативно-этическаго. Судить о томъ, можно ли порваніе бечевки, которою рама окна была прикручена къ подоконнику, разсматривать, какъ взломъ; слѣдуетъ ли считать наличность „ѳомки" обстоятельствомъ, придающимъ кражѣ характеръ вооруженной; можно ли кражу считать учиненной съ пожара, если она была совершена въ то время, когда пожарный обозъ уѣхалъ со двора, и квартира потерпѣвшей не охранялась по винѣ самой хозяйки, имѣвшей время и возможность быть на мѣстѣ,—эти и многіе другіе вопросы о свойствѣ содѣяннаго быть противоправнымъ могутъ быть рѣшены только на основаніи детальнаго изученія даннаго казуса, соображенія его съ бытовыми особенностями и потребностями жизни и сопоставленія съ практическими цѣлями установленной закономъ квалификаціи дѣянія. Преступленіе есть, прежде всего, дѣяніе соціально опасное, но далеко не всегда законодатель можетъ съ исчерпывающей полнотой установить признаки этой опасности. Въ конечномъ итогѣ опасность дѣйствія опредѣляется въ зависимости отъ критерія оцѣнки дѣйствія, отъ выбора признаковъ дѣйствія, полагаемыхъ въ основу обобщенія, а также отъ установленія мѣры опасности, реагировать на которую средствами уголовной репрессіи представляется умѣстнымъ и желательнымъ. Если даже законодатель и даетъ въ этомъ напра-

вленіи какія-либо указанія (обычно, мы не встрѣчаемъ ихъ въ текстѣ закона), то директивы эти отличаются значительной растяжимостью, и самое пользованіе ими, примѣненіе ихъ къ жизни, сопряжено съ такимъ проникновеніемъ во всѣ детали инкриминируемаго дѣйствія и обстановки его, что работа по установленію факта и по оцѣнкѣ того же факта не можетъ быть довѣрена различнымъ органамъ, не можетъ быть подѣлена между различными индивидуальными сферами человѣческаго сознанія. Какъ бы ни были подробно редактированы вопросы, какъ бы ни было широко участіе присяжныхъ въ ихъ выработкѣ, никогда не можетъ быть увѣренности въ томъ, что въ отвѣтѣ присяжныхъ будетъ дана вся масса фактическаго матеріала, во всѣхъ его деталяхъ, которая могла бы понадобиться коллегіи другихъ судей (коронныхъ), призванныхъ примѣнять къ описанному дѣйствію тѣ или другіе критеріи оцѣнки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что присяжные, какъ люди, взятые изъ общества, изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ его и, что въ особенности важно, не затронутые рутиною профессіональности, являются болѣе пригодными къ выработкѣ критеріевъ противоправности дѣйствія, на основѣ присущей ему антисоціальности, чѣмъ коронные судьи, стоящіе гораздо далѣе отъ жизни, отъ условій быта, отъ зарожденія общественныхъ потребностей [1]).

Совершенно такъ же, какъ наши присяжные отнеслись къ вопросу о противоправности содѣяннаго, они признали себя призванными и къ рѣшенію вопроса о свойствѣ инкриминируемаго дѣйствія быть виновнымъ [2]). Понятія, которыя нашъ

---

[1]) Какъ замѣчаетъ А. Дукмасовъ („Судъ и жизнь", Наблюдатель, 1893 г. № 10, стр. 90),—„коронные судьи, какъ и другія должностныя лица, знаютъ различныя жизненныя условія болѣе по дѣламъ своего вѣдомства, касающимся этихъ условій, по письменнымъ и словеснымъ изображеніямъ ихъ, т. е., по картинамъ, а не въ дѣйствительности; присяжные же живутъ среди этихъ условій. Это ихъ жизненная среда, какъ жизненная среда коронныхъ судей—служба. Присяжные не только знаютъ эти условія, но переживаютъ, чувствуютъ ихъ, а потому могутъ понять и оцѣнить ихъ правильнѣе, чѣмъ коронные судьи".

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать понятій виновности дѣйствія и виновности подсудимаго. Спросить, виновенъ ли подсудимый,—то же, что пожелать знать, является ли подсудимый субъектомъ преступленія, говоря иначе, есть ли то, что имъ содѣяно, дѣйствіе преступное, преступленіе? Контрастъ понятій сводится, такимъ образомъ, къ противоположенію дѣйствія виновнаго дѣйствію преступному. Ясно, что второе у́же перваго. Дѣйствіе преступно, когда оно не только виновно, но, вмѣстѣ, и противоправно, содержитъ въ себѣ всѣ какъ субъективные, такъ и объективные моменты, необходимые для обосно-

законодатель используетъ для заполненія и описанія этого свойства: —безпамятство субъекта дѣйствія, его умоизступленіе, выполненіе дѣйствія безъ надлежащаго разумѣнія, отсутствіе возможности для подсудимаго имѣть понятіе о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія (92—99 ст. Улож. о Нак.), состояніе субъекта, обозначаемое словами „могъ и долженъ былъ предвидѣть" (ст. 108 Улож. о Нак.) и пр. оставлены безъ ближайшаго опредѣленія въ законѣ, и могутъ быть истолкованы лишь съ помощью этико нормативнаго метода, сводящагося къ выясненію характера и мѣры предъявляемыхъ законодателемъ требованій въ согласіи съ народно-этическими представленіями о должномъ. Но ясно, само собой, что эти представленія болѣе доступны присяжнымъ, справедливо называемымъ судьями общественной совѣсти, чѣмъ коронным судьямъ, представляющимъ собою отдѣльный, профессіонально замкнутый классъ этого общества.

Обвиненіе въ произволѣ особенно часто выпадало на долю присяжныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они рѣшались отрицать факты, установленные какъ собственнымъ сознаніемъ подсудимаго, такъ равно никѣмъ неоспариваемыми показаніями свидѣтелей. Случалось, что и у самихъ присяжныхъ возникало сомнѣніе относительно права ихъ выносить подобнаго рода рѣшенія. „Судебная Газета" [1]) передаетъ даже такой, исключительный въ лѣтописяхъ суда, случай, когда присяжные, при очевидномъ желаніи ихъ признать кражу простою, и послѣ неоднократнаго указанія, сдѣланнаго имъ предсѣдателемъ, что это ихъ право— отвергнуть обстоятельства взлома, открыто обратились къ суду съ вопросомъ, почему присяжные могутъ отвергнуть взломъ,

---

ванія названныхъ выше его свойствъ — виновности и противоправности. — Въ другую ошибку впадаетъ мнѣніе, отождествляющее виновность подсудимаго съ его уголовной отвѣтственностью. По мнѣнію многихъ, вопросъ,—виновенъ ли подсудимый, равнозначителенъ вопросу,—подлежитъ ли подсудимый наказанію? Смѣшеніе этихъ понятій, въ особенности, опасно, когда рѣчь идетъ о вердиктѣ присяжныхъ, такъ какъ присяжнымъ не предоставлено вовсе рѣшеніе вопроса о наказуемости дѣянія. Присяжные не призваны судить о наличности или отсутствіи обстоятельствъ, исключающихъ то свойство преступленія, въ силу котораго оно влечетъ за собой наказаніе, какъ, напр., о томъ, покрыто, или нѣтъ, преступленіе давностью, не состоялось ли между пострадавшимъ и подсудимымъ примиреніе, которое бы юридически исключало наказуемость дѣянія, не распространяется ли на дѣяніе подсудимаго сила Всемилостивѣйшаго манифеста, и т. п. Эти вопросы рѣшаетъ коронный судъ, и рѣшаетъ ихъ не какъ вопросы о виновности.

[1]) 1896 г. № 27.

вопреки сознанію подсудимаго и обстоятельствамъ дѣла? какъ могутъ они сказать „доски не отрывалъ", если и подсудимый, и свидѣтели говорятъ въ одинъ голосъ, что оторвалъ? Присяжные въ данномъ случаѣ не поняли, а предсѣдатель суда не разъяснилъ имъ, что отъ нихъ требуютъ отвѣта не на фактическій вопросъ,—оторвалъ ли подсудимый доску, но на вопросъ юридическій, — виновенъ ли онъ въ томъ, что оторвалъ доску,—другими словами,—отвѣчало ли дѣйствіе, выполненное подсудимымъ (оторвалъ доску), законному составу дѣйствія взлома? Безспорно, что на этотъ вопросъ присяжные могли отвѣтить отрицательно, хотя бы они и считали фактъ оторванія доски подсудимымъ доказаннымъ.

Остается отвѣтить на третій вопросъ,—является ли нашъ судъ присяжныхъ судомъ подзаконнымъ? Поводомъ къ постановкѣ этого вопроса въ судебной практикѣ и доктринѣ послужили все тѣ же оправдательные вердикты присяжныхъ по дѣламъ о сознавшихся подсудимыхъ. Вопросъ практически былъ поставленъ такъ: имѣютъ ли право присяжные оправдывать подсудимыхъ, если имѣются на лицо какъ объективные, такъ и субъективные признаки инкриминируемаго дѣянія, и въ то же время отсутствуютъ обстоятельства, которыя бы по закону исключали вмѣненіе содѣяннаго подсудимому?

Сенатъ неоднократно входилъ въ разсмотрѣніе этого вопроса. Въ 1870 г., по дѣлу Вашенцовой, онъ призналъ, что „недоказанность указанной во второмъ вопросѣ причины невмѣненія не исключаетъ возможности невмѣненія совершеннаго дѣянія по другимъ основаніямъ", не указавъ, однако, свойства этихъ основаній, что многимъ дало поводъ утверждать, что Сенатъ допустилъ оправданіе не только по указаннымъ въ законѣ основаніямъ, но также и по всѣмъ инымъ, логическимъ, нравственнымъ, утилитарнымъ и пр., какія только будутъ признаны присяжными достаточно убѣдительными.

Сомнѣнія отпали послѣ рѣшеній Сената по дѣлу Линевича (1894 г. № 7) и по дѣлу Семенова (1904 г. № 5). По дѣлу Линевича Сенатъ высказалъ, что „для устраненія недоразумѣній среди присяжныхъ, предсѣдатель обязанъ всякій разъ указывать имъ, что, при признаніи ими одной изъ законныхъ причинъ невмѣненія въ вину подсудимому преступленія, они должны оставить безъ отвѣта вопросъ о виновности подсуди-

маго, при отрицаніи же наличности этихъ причинъ они должны отвѣтить на вопросъ о виновности, и, кромѣ того, напоминаетъ всякій разъ присяжнымъ, что, придя къ убѣжденію въ существованіи субъективныхъ, изложенныхъ въ вопросѣ, признаковъ виновности подсудимаго, они по закону не имѣютъ права отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно".

Также, въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Семенова, Сенатъ призналъ, что „отрицательный отвѣтъ на вопросъ о наличности причинъ невмѣняемости не только не устраняетъ, но, напротивъ, обязываетъ присяжныхъ приступить къ обсужденію и разрѣшенію вопроса о виновности подсудимаго, единственно на основаніи внутренняго убѣжденія по данной ими присягѣ. Только въ случаѣ, когда присяжные придутъ къ убѣжденію, что подсудимымъ совершено преступное дѣяніе, при наличности всѣхъ субъективныхъ признаковъ виновности, они не могутъ, безъ нарушенія ихъ судейской присяги, отвергнуть виновность подсудимаго, такъ какъ всѣ другія соображенія, имѣющія отношеніе къ преступному дѣянію, могутъ быть лишь основаніемъ къ признанію подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, но не даютъ права на оправданіе виновнаго, ибо право прощенія присяжнымъ закономъ не предоставлено".

Нѣтъ основанія приписывать Сенату мнѣніе, что обязанность присяжныхъ вынести обвинительный вердиктъ возникаетъ во всѣхъ случаяхъ, когда установлены объективные и субъективные признаки состава преступленія, и отсутствуютъ основанія къ невмѣненію содѣяннаго, исчисленныя въ ст. 92 Улож. о Нак. Въ цѣляхъ освѣщенія этого вопроса, будетъ умѣстно привести выдержку изъ заключенія, предъявленнаго въ судебномъ засѣданіи Уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената 17 февраля 1904 г., по дѣлу Семенова, оберъ-прокуроромъ И. Г. Щегловитовымъ. „Присяжные, наравнѣ съ коронными судьями,—доказывалъ оберъ-прокуроръ, — не должны быть ограничиваемы установкою однихъ причинъ невмѣненія, указанныхъ въ законѣ, а именно, въ ст. 92 Улож. о Нак. Шесть причинъ невмѣненія, перечисленныхъ въ этой статьѣ Уложенія,—случай, малолѣтство, безуміе или болѣзнь извѣстнаго характера, принужденіе и необходимая оборона представляются прежде всего неполными. Такъ, напр., къ числу ихъ не отнесены согласіе пострадавшаго, исполненіе закона, осуществленіе профессіональныхъ обязан-

ностей, покушеніе надъ несуществующимъ или безусловно негоднымъ объектомъ и т. д. Съ другой же стороны, многія изъ причинъ невмѣненія, перечисленныхъ въ ст. 92 Улож. о Нак., опредѣлены въ законѣ настолько казуистично, что примѣненіе ихъ въ предѣлахъ одного буквальнаго толкованія порождаетъ серьезныя несоотвѣтствія. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на причины невмѣняемости, опредѣленныя въ статьяхъ 95 и 96 Улож. о Нак., на крайнюю необходимость, опредѣленную въ ст. 100 того же Уложенія" [1]).

Ссылка на ст. 100 Улож. о Нак. представляется въ особенности знаменательною. Какъ извѣстно, эта статья гарантируетъ безотвѣтственность только тому, кто учинилъ противозаконное дѣяніе для избѣжанія опасности, грозившей его жизни. Согласно буквальному смыслу этой статьи, должна быть наказана мать, которая бы повредила чужую вещь ради спасенія жизни ребенка; акушеръ, прибѣгнувшій къ перфораціи, какъ къ единственному средству спасти жизнь беременной женщины; всякій, кто бы сломалъ чужую палку, защищая себя отъ побоевъ и пр. Если признать ст. 100 нуждающеюся въ широкомъ распространительномъ толкованіи, то тѣ оправдательные приговоры по дѣламъ о сознавшихся подсудимыхъ, которые такъ часто ставятъ въ вину присяжнымъ, могли бы найти, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, опору въ самомъ законѣ. Оправдывая обольщенную и брошенную на произволъ судьбы дѣвушку, обвиняемую въ дѣтоубійствѣ; отца, растратившаго чужія деньги на леченіе ребенка; 17-лѣтняго юношу, переправившаго свои годы въ документахъ о личности (17 на 18), съ цѣлью получить право на вступленіе въ бракъ съ забеременившей отъ него дѣвушкой,—наши присяжные тѣмъ самымъ только хотятъ сказать, что требованія, предъявляемыя обычно и ко всѣмъ со стороны закона,—для этихъ лицъ, при данныхъ условіяхъ, оказывались непосильными, что предъявлять ихъ значило бы требовать отъ человѣка болѣе, чѣмъ въ состояніи онъ дать, чѣмъ позволяетъ отъ него требовать общественное правосознаніе.

Итакъ, по ученію Сената, нашъ присяжный судъ есть судъ подзаконный, въ томъ смыслѣ, что онъ призванъ руководство-

[1]) Журн. Мин. Юст., 1904 г., № 3, стр. 164 и 165.

ваться въ своихъ рѣшеніяхъ закономъ. Но эта подзаконность не исключаетъ его свойства быть, вмѣстѣ, судомъ общественной совѣсти, такъ какъ законъ примѣняется присяжными въ преломленіи его сквозь призму ихъ совѣсти,—выражаясь технически, при широкомъ использованіи ими нормативно-этическаго метода истолкованія. Юридическое свойство подзаконности не мѣшаетъ также нашему суду присяжныхъ быть судомъ житейскаго смысла, или житейской мудрости, поскольку онъ пользуется уголовно-политическимъ методомъ истолкованія закона, заключающимся въ изъясненіи послѣдняго съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Судомъ общественной совѣсти нашъ судъ присяжныхъ является въ дѣлѣ оцѣнки дѣйствія, какъ виновнаго,—судомъ житейскаго смысла—въ оцѣнкѣ его, какъ дѣйствія противоправнаго.

Однако, въ какія бы границы законъ ни ставилъ дѣятельность того или другого судебнаго органа, всегда онъ долженъ считаться съ возможностью нѣкотораго уклоненія ея отъ намѣченныхъ цѣлей, перехода за устанавливаемыя границы. Для суда присяжнаго, наименѣе, по самой природѣ его, доступнаго контролю, такія уклоненія возможны наиболѣе. Законодатель учитываетъ ихъ заранѣе и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, заранѣе мирится съ ними. И тѣмъ охотнѣе онъ это дѣлаетъ, что у него нѣтъ, и быть не можетъ сомнѣній въ исключительной чистотѣ побужденій, диктующихъ присяжнымъ эти отступленія. Примѣры этихъ отступленій всѣмъ хорошо извѣстны: еще задолго до изданія закона, допустившаго зачетъ подслѣдственнаго ареста въ присуждаемое наказаніе, присяжные выносили оправдательные вердикты, если находили, что подсудимый достаточно наказанъ уже однимъ предварительнымъ заключеніемъ; какъ бы въ ожиданіи закона объ условномъ осужденіи, они оправдываютъ подсудимыхъ, если находятъ, что преступленіе, маловажное само по себѣ, не имѣетъ глубокихъ корней въ душѣ подсудимаго; что воздержаніе отъ примѣненія уголовной кары можетъ спасти его, тогда какъ пребываніе въ тюремной обстановкѣ должно погубить окончательно. Оправдываютъ подсудимыхъ и тогда, когда находятъ наказаніе, грозящее подсудимому, неотвѣчающимъ калибру преступленія, или мѣрѣ вины подсудимаго. Не ограничительныя мѣры по отношенію къ суду присяжныхъ, но единственно реформа матеріальнаго уголовнаго

законодательства должна служить отвѣтомъ со стороны законодателя на всѣ подобнаго рода уклоненія присяжныхъ отъ строгаго соблюденія ими требованій законности. Ограничительныя мѣры не могутъ быть рекомендованы уже потому, что они, какъ показываетъ опытъ, не достигаютъ цѣли. Законодатель долженъ довѣрять своимъ присяжнымъ; если онъ имъ не вѣритъ, онъ лучше сдѣлаетъ, если совсѣмъ откажется отъ этой формы уголовнаго суда. Нѣтъ зрѣлища болѣе печальнаго, чѣмъ практика суда общественной совѣсти, вовлекаемаго въ борьбу со спеціально приставленными къ нему, въ видахъ охраны интересовъ формальнаго закона, судебными или иными органами.

II. Условія дѣятельности нашего суда присяжныхъ.

Выяснивъ конститутивную идею и основныя задачи нашего присяжнаго суда, перейдемъ къ разсмотрѣнію условій, отъ которыхъ зависитъ успѣшность его дѣятельности, направленной къ осуществленію этихъ задачъ. Эти условія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ: къ личному составу присяжныхъ засѣдателей, ко внѣшнимъ условіямъ дѣятельности присяжныхъ и къ ея же условіямъ внутреннимъ.

А. Личный составъ.

Судъ присяжныхъ, по своей конструктивной идеѣ, есть судъ всесословный; функціонируетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ разнообразнѣе составъ судей, чѣмъ полнѣе представлены въ немъ всѣ оттѣнки общественныхъ правовоззрѣній, чѣмъ болѣе онъ вбираетъ въ себя духовныхъ силъ и богатствъ страны.

Основной недостатокъ условій ценза и порядка составленія списковъ, принятыхъ Судебными Уставами, сказался на практикѣ въ чрезмѣрной однородности составовъ присяжныхъ засѣдателей: среди нихъ подавляющее большинство составили крестьяне. Съ наибольшими затрудненіями проходили въ число присяжныхъ лица свободныхъ профессій: тормазомъ, если не

прямымъ, то косвеннымъ, служили условія ценза. „Количество лицъ въ столицѣ, получающихъ отъ своего занятія или ремесла 500 р.,—замѣчаетъ „Судебный Вѣстникъ“ [1]),—разумѣется, очень велико, но собираніе свѣдѣній о нихъ довольно затруднительно. Легко отмѣтить собственника или торговца, платящихъ налоги, но трудно отличать людей, не представляющихъ внѣшнихъ признаковъ своей состоятельности. Мудрено усчитать доходъ доктора, живущаго своей практикой, литератора, артиста, учителя и даже капиталиста, все состояніе котораго въ деньгахъ“.

Кто же были эти крестьяне, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, формировался контингентъ присяжныхъ? Не безъ основанія высказывались сомнѣнія относительно правильности того мѣрила, которымъ законъ руководствовался, опредѣляя нравственныя и умственныя качества лицъ крестьянскаго сословія, способныхъ нести обязанности присяжныхъ засѣдателей. „Внесенію въ общій списокъ,—писалъ по этому поводу Н. Цухановъ [2]), подлежатъ только тѣ крестьяне, которые располагаютъ служебнымъ цензомъ, избранные въ очередные судьи волостныхъ судовъ или въ добросовѣстные волостныхъ и сельскихъ расправъ и равныхъ съ ними сельскихъ судовъ, а также занимавшіе безпорочно, не менѣе 3 лѣтъ, должности волостныхъ старшинъ, головъ, сельскихъ старостъ или церковныхъ старостъ. Но всѣ эти должности для крестьянъ являются мало привлекательными, слабо оплачиваются (исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ развѣ должность волостного старшины), и могутъ привесть къ столкновенію съ сильными міра сего „и выходитъ то, что на эти должности выбираются мужики смирные, т. е., другими словами, не имѣющіе никакого своего мнѣнія и готовые дѣлать все, что имъ прикажутъ; лица же болѣе или менѣе самостоятельныя и состоятельныя всѣми возможными средствами уклоняются отъ этихъ должностей... Въ крестьянскомъ сословіи мы не встрѣтимъ недостатка въ людяхъ развитыхъ, честныхъ, самостоятельныхъ и грамотныхъ, но лица эти остаются непризванными къ исполненію этой обязанности, (быть присяжными), потому что законъ имъ это право не предоставилъ“.

---

[1]) 1876 г., № 137.

[2]) Журн. Гражд. и Угол. Права, 1882 г., кн. 2, стр. 109.

Еще печальнѣе отозвалось на составахъ присяжныхъ засѣдателей допущеніе въ ихъ среду неграмотныхъ. Составители Уставовъ полагали, что проницательный и наблюдательный умъ, естественная здравая логика сужденій и знаніе мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и распорядковъ жизни, помимо всякаго образованія, могутъ служить достаточнымъ средствомъ къ распознанію силы уликъ и степени виновности подсудимаго. Но они упустили изъ виду, что задача присяжныхъ не только установить или отвергнуть тѣ или другіе факты, но и войти въ ихъ юридическую оцѣнку. Способность оперировать абстрактными понятіями если и наблюдается у людей неграмотныхъ, то лишь какъ рѣдкое исключеніе. „Крестьянинъ не привыкъ мыслить,—говоритъ обозрѣватель „Дѣла“ [1]),—и потому онъ часто не въ состояніи связать вынесенное имъ изъ суда впечатлѣніе съ тѣми вопросами, на которые онъ долженъ дать отвѣтъ; онъ часто не въ состояніи понять роль каждаго вопроса въ общей ихъ связи, и потому нерѣдко случается, что отвѣты присяжныхъ противорѣчатъ одинъ другому... Все, что написано на бумагѣ,—представляется имъ необыкновенно труднымъ и головоломнымъ; предложите имъ какой нибудь вопросъ устно, они на него сейчасъ же отвѣтятъ, но напишите этотъ самый вопросъ на бумагѣ и дайте прочитать имъ самимъ,—они смутятся, и очень часто дадутъ самый нелѣпый отвѣтъ, какъ будто они отвѣчали на удачу, а не сознательно“.

По словамъ обозрѣвателя журнала „Вѣстникъ Европы“ [2]), „неграмотные или полуграмотные присяжные могутъ быть, и очень часто бываютъ, отличными судьями факта; но въ предварительной работѣ, предшествующей рѣшенію,—въ соглашеніи противорѣчій, во взаимной повѣркѣ впечатлѣній, въ критической оцѣнкѣ личныхъ взглядовъ, высказанныхъ сторонами, въ устраненіи всего того, что напрасно внесено ими въ дѣло,—участіе лицъ болѣе образованныхъ, во многихъ случаяхъ, должно быть признано чрезвычайно важнымъ“.

Извѣстная доля гибкости ума, сообщаемая образованіемъ, еще нужнѣе старшинѣ присяжныхъ, который долженъ руководить совѣщаніями, напоминать присяжнымъ о правахъ и обя-

---

[1]) 1868 г., № 5, стр. 113.

[2]) 1880 г., кн. 4, стр. 796.

занностяхъ ихъ, формулировать дополненія и оговорки къ отвѣтамъ, которые присяжные даютъ на вопросы суда. Выборъ толковаго старшины является лучшимъ залогомъ юридически правильнаго отвѣта присяжныхъ, но поголовная неграмотность послѣднихъ сводила этотъ выборъ къ пустой формальности: вмѣсто того, чтобы выбирать наиболѣе способнаго, приходилось просто искать грамотнаго, который нерѣдко оказывался среди 12 въ единственномъ числѣ.

Требуется ли говорить, что неграмотность судей создавала, кромѣ того, немалыя техническія затрудненія. Случалось, что присяжные, избранные въ составъ судебной коллегіи, оказывались всѣ неграмотны. Чтобы выйти изъ затрудненія, коронному суду приходилось тогда импровизировать мѣры, которыхъ явно не предусматривали Судебные Уставы. Корреспондентъ „Недѣли“ [1]) разсказываетъ о случаѣ такого рода, имѣвшемъ мѣсто въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Петроградской губ. Дѣло разсматривалось самое простое, несложное. Предсѣдатель рѣшился продолжать засѣданіе. По возвращеніи присяжныхъ изъ комнаты для совѣщаній въ залу суда, секретарь прочелъ имъ предложенный судомъ вопросъ, на который они и дали свой отвѣтъ. Послѣ того, присутствовавшій на судѣ священникъ засвидѣтельствовалъ вердиктъ присяжныхъ на вопросномъ листѣ и расписался за старшину. Въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ изъ уѣздовъ Псковской губ., предсѣдатель инымъ путемъ вышелъ изъ подобнаго же затрудненія. Въ числѣ 30 человѣкъ присяжныхъ засѣдателей изъ очередного списка было только двое грамотныхъ. Судъ одну за другою произвелъ три баллотировки и остановился только тогда, когда въ числѣ 12 присяжныхъ оказался 1 грамотный, который и былъ выбранъ старшиной.

Для выработки мѣръ къ упорядоченію состава присяжныхъ въ 1880 г. была образована особая комиссія при Общемъ Собраніи I-го и кассаціонныхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ М. Н. Любощинскаго. Комиссія не замедлила обнаружить, прежде всего, чрезвычайную неудовлетворительность процедуры составленія списковъ присяжныхъ. Обязанность составленія общихъ списковъ была возложена составителями

---

[1]) 1870 г., № 25.

Судебныхъ Уставовъ на особыя временныя комиссіи изъ лицъ, назначаемыхъ для этой цѣли ежегодно уѣздными земскими собраніями. Тѣ же комиссіи, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и при участіи одного изъ мировыхъ судей уѣзднаго города, вѣдали составленіе очередныхъ списковъ. „Несмотря на такую опредѣлительность закона,—удостовѣряетъ отчетъ по Государственному Совѣту за 1884 г. (СПБ. 1886),—на практикѣ составленіе списковъ присяжныхъ поручалось нерѣдко отдѣльнымъ лицамъ, а комиссіи учреждались лишь номинально. Въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ временныя комиссіи во все не образовывались, и списки велись секретарями земскихъ управъ или письмоводителями уѣздныхъ предводителей дворянства, или, наконецъ, просто вольнонаемными лицами". По словамъ А. Ѳ. Кони [1]), „въ весьма многихъ мѣстностяхъ Имперіи комиссіи по составленію списковъ вовсе не повѣряли и не дополняли списковъ, или вносили лицъ, которыя уже потеряли право быть присяжными, или даже умерли. Призывались по нѣскольку лѣтъ кряду одни и тѣ же лица изъ недостаточныхъ крестьянъ, и освобождались купцы и дворяне. Въ числѣ присяжныхъ оказывались лишенные правъ состоянія, одержимые тяжкими недугами, сумасшедшіе, лица старше 70 лѣтъ, сплошь безграмотные".

Составленіе общихъ списковъ было поставлено закономъ подъ контроль общества. Каждый по закону могъ разсматривать общій списсκъ и заявлять комиссіи о неправильномъ внесеніи или невнесеніи кого либо въ этотъ списокъ. Но эта возможность знакомиться съ составленнымъ комиссіей общимъ спискомъ была, какъ замѣчаетъ газета „Голосъ" [2]), проблематична, такъ какъ законъ не указывалъ, гдѣ эти списки могли быть разсматриваемы. „Практика отвѣчаетъ—что въ канцеляріи комиссіи. Но на дѣлѣ выходитъ, что не только никакихъ канцелярій въ этихъ комиссіяхъ не имѣется, но и сами они существуютъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности".

Но если общіе и очередные списки были такъ мало удовлетворительны, то кто виноватъ былъ въ этомъ? По мнѣнію

---

[1]) Журн. Мин. Юст. 1895 г., № 4, „Вступительное сообщеніе о судѣ присяжныхъ при руководствѣ совѣщаніемъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ 29-31 дек. 1894 г.".

[2]) 1880 г., №№ 167 и 168.

той же газеты „Голосъ“ [1]),—отнюдь не комиссіи по составленію ихъ: „даже и идеально составленная и также идеально работающая комиссія окажется безсильною, дѣйствуя въ томъ составѣ и въ томъ районѣ, который опредѣленъ существующимъ закономъ. Правильность составленія общихъ списковъ присяжныхъ зависитъ непосредственно отъ правильности тѣхъ свѣдѣній, которыя доставляются въ комиссію различными мѣстами и учрежденіями, служащіе которыхъ или подвѣдомственныя которымъ лица должны участвовать въ исполненіи обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Равнымъ образомъ комиссія, въ настоящемъ ея составѣ, лишена возможности прослѣдить лицъ, которыя, въ свое время, были правильно занесены въ списки, но впослѣдствіи почему либо утратили свою правоспособность... Очень немудрено, что и самая небрежность по составленію списковъ, замѣченная Сенатомъ, находится въ прямой зависимости отъ выработаннаго ими, путемъ опыта, сознанія, что работа ихъ въ сущности не что иное, какъ пустая формальность, не имѣющая никакого серьезнаго значенія“.

Условія ценза и порядокъ веденія списковъ, составляющіе, по общему признанію, причину неудовлетворительности личнаго состава присяжныхъ засѣдателей, были существенно измѣнены законами 12 іюня 1884 г. и 28 апрѣля 1887 г. Судебные Уставы требовали отъ лицъ, призываемыхъ въ составъ присяжнаго суда, обладанія цензомъ или служебнымъ, или имущественнымъ. Желая поднять умственный и нравственный уровень присяжнаго суда, и не считая мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ желательнымъ элементомъ въ составѣ его, законодатель отнынѣ лишилъ самостоятельнаго значенія цензъ служебный, сохранивъ его только для присяжныхъ изъ числа крестьянъ. Но и для крестьянъ значеніе служебнаго ценза было умалено тѣмъ, что изъ списковъ присяжныхъ были устранены судьи волостныхъ судовъ и сельскихъ расправъ, состоящіе на очереди. Что же касается имущественнаго ценза, то для владѣющихъ недвижимостью онъ былъ пониженъ (со 100 десятинъ до $^1/_{20}$ земскаго ценза, т. е., до 10—40 десятинъ), и повышенъ для получающихъ доходъ отъ капитала или плату за трудъ (отъ 400 до 1000 р. вмѣсто прежнихъ 200—500 р.). Кромѣ того,

[1]) 1880 г., № 209.

изъ состава присяжныхъ были исключены неграмотные (неумѣющіе читать по-русски), впавшіе въ крайнюю бѣдность и домашняя прислуга. Указомъ отъ 2 января 1878 г. Сенатъ разъяснилъ, однако, что, не включая въ очередные списки лицъ неимущихъ, временныя комиссіи должны сообразоваться съ мѣстными условіями и, вообще, соблюдать крайнюю осмотрительность. Измѣненъ былъ и самый порядокъ составленія списковъ. Составленіе общихъ списковъ было возложено на обязанность должностныхъ лицъ, у которыхъ сосредоточиваются необходимыя для этого свѣдѣнія; что же касается очередныхъ списковъ, то составъ комиссіи по составленію ихъ былъ пополненъ представителями мѣстнаго самоуправленія, полиціи и прокурорской власти.

Законы 1884 и 1887 г. г. смягчили остроту вопроса о личномъ составѣ присяжныхъ, но далеко не рѣшили его. Въ своемъ „Отчетѣ ревизора“ В. Р. Завадскій [1]) удостовѣряетъ, что примѣняемый къ жизни, новый законъ (12 іюня 1884 г.) не улучшилъ состава присяжныхъ засѣдателей и не увеличилъ въ немъ числа образованныхъ землевладѣльцевъ: „Новыя, усиленнаго состава комиссіи,—разсказываетъ онъ:—такъ же, какъ и старыя, къ дѣлу составленія списковъ засѣдателей видимо относятся формально, безъ достаточнаго сознанія важности и серьезности дѣла, безъ усердія и вниманія. Какъ прежде, такъ и теперь, въ списки вносятся и давно умершіе, и давно выбывшіе изъ мѣста жительства; какъ прежде, такъ и теперь, на одну очередь записываютъ безъ разбора всѣхъ присяжныхъ, фамиліи которыхъ начинаются на первыя буквы алфавита, напр., до Д, а на другую очередь отъ Д до К и т. д. Въ виду этого, несмотря даже на значительное сокращеніе права сторонъ (и въ особенности права защиты) на отводъ присяжныхъ, уже вновь повторяются случаи отложенія слушаніемъ дѣлъ за отсутствіемъ комплекта присяжныхъ, и попрежнему въ спискахъ уѣздныхъ засѣдателей мало грамотныхъ, а въ спискахъ губернскихъ городовъ—нѣтъ мѣстныхъ выдающихся дѣятелей“.

По словамъ автора замѣтки, напечатанной въ „Юридической Газетѣ“ [2]), повторяются и теперь (въ 1894 г.) случаи, что списки,

---

[1]) Журн. Мин. Юст. 1896 г., № 3, стр. 108.

[2]) 1894 г., №16.

составленные десятокъ и болѣе лѣтъ тому назадъ, переписываются изъ года въ годъ, что въ нихъ включаются лица, которыя если не неграмотны, то развѣ потому, что могутъ читать по печатному, или способны, съ грѣхомъ пополамъ, подписать свое имя и фамилію... Самыя комиссіи собираются не въ заранѣе опредѣленныя числа, а какъ придется, когда случится свободное для того время, но и этого достигнуть оказывается трудно: свободенъ предводитель дворянства, не свободенъ товарищъ прокурора, или собирается въ отъѣздъ уѣздный членъ, и т. д.".

24 мая 1913 г. Министерство Юстиціи внесло въ Государственную Думу законопроектъ о новомъ измѣненіи порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей. Основной принципъ законопроекта—предоставленіе чинамъ судебнаго вѣдомства, какъ наиболѣе заинтересованнымъ въ качественномъ составѣ присяжныхъ, широкаго и вліятельнаго участія въ комиссіяхъ по составленію очередныхъ списковъ.

Составленіемъ общихъ и очередныхъ списковъ и распредѣленіемъ внесенныхъ въ очередной списокъ лицъ по періодамъ предполагаемыхъ въ предстоящемъ году засѣданій окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей не исчерпывается воздѣйствіе сознательной человѣческой воли на сформированіе скамьи присяжныхъ. Желая дать возможно большія гарантіи безпристрастія избранныхъ судей, составители Судебныхъ Уставовъ предоставили сторонамъ широкое право отвода присяжныхъ, притомъ не въ равной мѣрѣ: прокурору или частному обвинителю законъ предоставлялъ право отвести не болѣе 6 присяжныхъ, тогда какъ подсудимый могъ отвести ихъ и болѣе: ст. 656 Уст. Уг. Суд. ограничивалась требованіемъ, чтобы изъ общаго числа 30 осталось неотведенныхъ обѣими сторонами лицъ не менѣе 18. Широкое право отвода оказалось на практикѣ не соотвѣтствующимъ интересамъ правосудія: стороны стали часто отводить стоящихъ въ спискѣ лицъ не потому, что тѣ лично не внушали имъ довѣрія, какъ судьи, но лишь вслѣдствіе принадлежности ихъ къ общественнымъ элементамъ, присутствіе которыхъ въ составѣ судебной коллегіи по данному дѣлу не отвѣчало интересамъ отводящей стороны. „Послѣдствіемъ отвода,—жаловался обозрѣватель „Вѣстника Европы" [1]): — слишкомъ часто

[1]) 1880 г., кн. 4, Внутреннее обозрѣніе, стр. 796.

бываетъ удаленіе изъ числа присяжныхъ, дѣйствительно призываемыхъ къ отправленію правосудія, всѣхъ или почти всѣхъ лицъ, сколько нибудь образованныхъ".

Мнѣніемъ Госуд. Совѣта, Выс. утв. 12 іюня 1884 г., число присяжныхъ, отводимыхъ по желанію сторонъ, было сокращено вдвое, съ 6 до 3. Не болѣе троихъ, подсудимому было оставлено право отводить и въ томъ случаѣ, если прокуроръ или частный обвинитель не пожелаютъ вовсе воспользоваться своимъ правомъ отвода, или отведутъ только одного или двоихъ. Сокращеніе права отвода Государственный Совѣтъ компенсировалъ въ извѣстной мѣрѣ предоставленіемъ сторонамъ заявлять объ устраненіи, а суду,—по заявленію сторонъ, или по собственной иниціативѣ, (ст. 550 и 647 Уст. Уг. Суд.)—устранять изъ числа прибывшихъ засѣдателей тѣхъ лицъ, которыя по закону, (ст. 82 Уст. Уг. Суд.), не могутъ быть присяжными засѣдателями [1]).

Б. Внѣшнія условія дѣятельности присяжныхъ.

Къ числу внѣшнихъ условій успѣшной дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, или такъ наз. условій обстановки, слѣдуетъ отнести необременительность, или, точнѣе, не чрезмѣрную обременительность для присяжныхъ ихъ расходовъ на дорогу, жилище и продовольствіе въ періоды сессій; отвлеченіе присяжныхъ отъ обычныхъ занятій въ наиболѣе удобное для нихъ время; избѣжаніе конфликтовъ обязанности явки ихъ въ судъ съ другими лежащими на нихъ, какъ на членахъ общества, обязанностями; цѣлесообразное оборудованіе помѣщеній суда; соотвѣтствующій физическій и нравственный режимъ въ теченіе сессій и пр.

Крайняя матеріальная необезпеченность служила нерѣдко существенной помѣхой къ выполненію обязанностей присяжныхъ для лицъ крестьянскаго сословія. Въ 1873 г. Казанское губернское земское собраніе свидѣтельствовало, что „присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, въ періодъ исполненія своей обязанности въ г. Чебоксарахъ, ходятъ по городу за подаяніемъ".

[1]) Отчетъ по Государственному Совѣту за 1884 г. СПБ. 1886.

Товарищъ предсѣдателя Воронежскаго окр. суда Тергукасовъ писалъ въ докладѣ своемъ первому съѣзду русскихъ юристовъ, что ему „не разъ случалось на практикѣ видѣть, какъ присяжные изъ крестьянъ, истощивъ свои карманныя деньги отъ продолжительныхъ сессій, обращались къ предсѣдательствующимъ въ судѣ съ просьбой о денежномъ пособіи, необходимомъ не только для возвращенія домой, но и для дневного ихъ пропитанія, и судьи, не находя исхода бѣдственному ихъ положенію, невольно дѣлали подписку на вспомоществованіе присяжнымъ, а въ уѣздныхъ городахъ крестьяне, въ концѣ періода засѣданій, нерѣдко ходили по домамъ жителей за милостыней, или спрашивали у нихъ какой либо работы для прокормленія себя". Въ Одессѣ въ 1875 году, въ одномъ изъ засѣданій окружнаго суда, старшина присяжныхъ сдѣлалъ такое заявленіе: „присяжные крестьяне просятъ заявить суду, что имъ нечего ѣсть; взятый съ собой хлѣбъ они съѣли; во время перерыва засѣданія на два дня, одинъ изъ крестьянъ сходилъ пѣшкомъ за 90 верстъ въ деревню, чтобы взять хлѣба, откуда его подвезли. Ночуютъ они гдѣ попало и просятъ, нельзя ли написать въ земскую управу, чтобы имъ выдали на прокормленіе". Предсѣдатель суда отвѣтилъ, что назначеніе пособій присяжнымъ не входитъ въ кругъ обязанностей суда и земства, но что просьба присяжныхъ-крестьянъ будетъ удовлетворена частнымъ образомъ... [1]) По словамъ „Судебной Газеты" [2]), въ Екатеринославѣ, въ 1891 г., при открытіи февральской сессіи, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей—крестьянинъ вдругъ заявилъ въ судебномъ засѣданіи ходатайство объ освобожденіи его отъ участія въ составѣ присяжныхъ по той причинѣ, что „ему въ городѣ нечѣмъ жить, нечего ѣсть". Плохенькая одежонка и, вообще, изможденный внѣшній видъ этого „судьи совѣсти" не могли не внушить довѣрія къ его словамъ, и товарищъ прокурора далъ заключеніе объ освобожденіи его отъ дальнѣйшаго участія. Судъ согласился съ этимъ заключеніемъ. Случай этотъ произвелъ на публику и прочихъ присяжныхъ весьма тяжелое впечатлѣніе.

Въ началѣ, бѣдствующимъ присяжнымъ пробовали приходить на помощь мѣстныя земства. Такъ, по словамъ В. Р. Завад-

---

[1]) Журн. Гражд. и Угол. Права, 1876 г., кн. 1, Юридическая хроника, стр. 260 и сл.
[2]) 1891 г., № 11, стр. 10.

скаго [1]), въ 60-хъ годахъ, въ Казанской губ., „бѣдные изъ присяжныхъ засѣдателей получали изъ мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ управъ пособіе деньгами или натурой, т. е., правомъ жить, ѣсть и даже пить чай на снятомъ для нихъ управой постояломъ дворѣ. Но въ началѣ 70-хъ годовъ казанскій губернаторъ опротестовалъ постановленіе одного изъ земскихъ собраній губерніи объ отпускѣ кредита". Казанское губернское земское собраніе тщетно отстаивало постановленія Спасскаго и Чебоксарскаго уѣздныхъ собраній о назначеніи неимущимъ присяжнымъ пособій отъ земства, — указомъ 5 сентября 1873 г. Сенатъ разъяснилъ, что назначеніе земскими собраніями пособія присяжнымъ засѣдателямъ изъ крестьянъ не относится ни къ одному разряду дѣлъ, исчисленныхъ во 2-й ст. Положенія о зем. собр., т. е. дѣлъ, подвѣдомственныхъ этимъ собраніямъ, и что обязанность присяжныхъ засѣдателей „по самому существу этого учрежденія, не допускаетъ никакого вознагражденія". Почти такъ же взглянулъ на это дѣло и Комитетъ Министровъ, въ который поступили ходатайства нѣкоторыхъ земскихъ собраній о разрѣшеніи этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ [2]).

Между тѣмъ, составители Судебныхъ Уставовъ прямо предполагали установить правило о вознагражденіи присяжныхъ за понесенныя ими издержки изъ земскихъ сборовъ, и не ввели этого правила въ Уставы лишь по соображеніямъ формальнаго характера [3]).

Въ 1913 г. Министерство Юстиціи внесло въ Государственную Думу законопроектъ о назначеніи присяжнымъ засѣдателямъ отъ казны суточныхъ (въ размѣрѣ отъ 50 к. до 1 р.) и прогонныхъ (3 к. съ версты, если разстояніе превышаетъ 25 верстъ) денегъ. Проведеніе этой мѣры потребовало въ первый же годъ ассигнованія 525.000 р. (законъ 26 ноября 1913 г.).

Къ чести крестьянъ присяжныхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что крайняя бѣдность была для нихъ физической помѣхой къ отправленію судейскихъ обязанностей, и, всего менѣе, нравственной, въ смыслѣ соблазна для ихъ безкорыстія.

Вторымъ условіемъ возможной неотяготительности для населенія судейской повинности служитъ привлеченіе его къ отбы-

---

[1]) „Изъ отчетовъ ревизора", Журн. Мин. Юст. 1896 г, № 3, стр. 114.

[2]) Журн. Гражд. и Угол. Права 1876 г., кн., 1, Юридическая хроника, стр. 260 и сл.

[3]) Объясн. записка 1863 г., стр. 46 и 47; журн. 1864 г. № 48, стр. 16.

тію послѣдней на возможно непродолжительный срокъ, и въ возможно болѣе удобное для него время. Земскія собранія неоднократно возбуждали различныя ходатайства въ этомъ направленіи. 22 октября 1874 г. Усманское (Тамбовской губ.) уѣздное земское собраніе поручило своей управѣ войти съ ходатайствомъ къ высшему правительству о сокращеніи срока для пребыванія присяжныхъ засѣдателей въ окружномъ судѣ до 1 недѣли, и о вызовѣ къ этой обязанности поселянъ въ полугодіе съ 1 октября по 1 апрѣля, указывая на то, что отъ существующаго нынѣ порядка призыва крайне страдаетъ крестьянское хозяйство. Такъ какъ порядокъ призыва присяжныхъ представлялся въ одинаковыхъ условіяхъ для всѣхъ уѣздовъ Тамбовской губ., мѣстный губернаторъ передалъ это ходатайство на предварительное обсужденіе губернскаго земскаго собранія. Послѣднее заслушало это дѣло 18 января 1877 г. Такъ какъ большинство уѣздныхъ земствъ не признало нужнымъ измѣнять существовавшаго порядка призыва присяжныхъ засѣдателей, губернское земское собраніе отклонило заявленіе Усманскаго земства и только нашло необходимымъ просить предсѣдателей мѣстныхъ окружныхъ судовъ, не найдутъ ли они возможнымъ установить порядокъ, чтобы засѣданія суда для рѣшенія дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, преимущественно отъ крестьянъ, продолжались не болѣе 2 недѣль, и притомъ не были назначаемы въ рабочую пору. Не соглашаясь съ мнѣніемъ губернскаго земскаго собранія, Усманское земство 24 ноября 1877 г. постановило возбудить по настоящему вопросу ходатайство передъ высшимъ правительствомъ. Гр. Паленъ не поддержалъ его.

Вторая попытка въ томъ же направленіи исходила отъ малоархангельскаго уѣзднаго предводителя дворянства Скарятина, 30 апрѣля 1878 г. выразившаго пожеланіе, чтобы въ виду обременительности для крестьянъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, въ предупрежденіе проистекающаго отъ сего разстройства хозяйства крестьянъ, былъ уменьшенъ по возможности срокъ пребыванія ихъ въ окружномъ судѣ, путемъ сокращенія самаго періода уголовныхъ сессій съ участіемъ одного и того же комплекта присяжныхъ засѣдателей. Запрошенный по этому поводу предсѣдатель Орловскаго окружнаго суда В. Ѳ. Фененко отвѣтилъ отъ 22 іюня того же года, что въ лѣтніе мѣсяцы засѣданій суда

съ присяжными засѣдателями въ выѣздныхъ сессіяхъ не бываетъ, въ иное же время періодъ засѣданій продолжается отъ 3 до 15, а иногда и болѣе дней.—Продолжая отстаивать преимущества назначенія на каждую сессію не одного, а двухъ комплектовъ присяжныхъ, малоархангельскій предводитель дворянства (20 апр. 1879 г.) указывалъ, что не менѣе отяготительны для крестьянъ весеннія сессіи: „послѣдняя сессія засѣданій окружнаго суда въ г. Малоархангельскѣ, — говорилъ онъ, — назначена съ 18 по 25 апрѣля. Это тѣ самые 6 дней въ году, въ теченіе которыхъ здѣсь начинается и оканчивается посѣвъ овса. При назначеніи одного комплекта, крестьяне должны пробыть внѣ дома всѣ эти 6 дней, что одинаково неудобно какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Послѣдніе отвлекаются вовсе отъ самыхъ нужныхъ работъ, а первые—отъ личнаго надзора за производствомъ ихъ въ имѣніяхъ".

Однородное ходатайство,—о томъ, чтобы въ интересахъ полевыхъ работъ сессіи окружныхъ судовъ ни въ какомъ случаѣ не назначались съ 10 апрѣля по 15 мая, — возбудило въ 1876 г. Воронежское губернское земское собраніе. Въ декабрѣ 1878 г. это ходатайство было Воронежскимъ земствомъ возобновлено.

Наконецъ, 6 ноября 1879 г., очередное Ардатовское (Нижегородской губ.) уѣздное земское собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ управою, что крестьяне болѣе всего не свободны во время посѣва озимаго и ярового хлѣбовъ,—именно, съ 1 мая по 15 іюня и съ 1 августа по 1 сентября, постановило: ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы сессіи окружнаго суда въ лѣтнее рабочее время не назначались. Ходатайство было поддержано мѣстнымъ губернаторомъ гр. Кутайсовымъ. Въ помянутомъ выше докладѣ управа указывала, что „проживаніе въ городѣ, въ особенности во время сессій, иногда довольно продолжительныхъ, требуетъ значительнаго расхода. Для крестьянъ, въ числѣ которыхъ часто бываютъ люди крайне бѣдные, расходы эти раззорительны; многіе изъ такихъ присяжныхъ, не имѣя средствъ, вынуждены глодать сухую корку хлѣба, взятую изъ дома или данную кѣмъ нибудь въ городѣ изъ сожалѣнія. Въ зимнее время, когда крестьяне свободны отъ полевыхъ работъ, обязанности присяжнаго засѣдателя для нихъ менѣе отяготительны, такъ какъ, окончивъ полевыя работы и

убравъ хотя малую частицу хлѣба въ житницу, крестьяне болѣе имѣютъ свободнаго времени, и къ тому же могутъ запастись хотя черствымъ, но своимъ хлѣбомъ на время сессіи, не прибѣгая къ покупкѣ его въ городѣ. Въ лѣтнее время, когда всѣ запасы истощаются, и когда каждый работникъ, можетъ быть, единственный въ семьѣ, необходимъ для своего хозяйства, исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя для крестьянина сопряжено съ крайнимъ раззореніемъ и непоправимымъ во многихъ случаяхъ упущеніемъ по хозяйству".

Въ противоположность болѣе раннимъ ходатайствамъ, аналогичнаго содержанія, которыя всѣ отклонялись правительствомъ, ходатайство Ардатовскаго земства остановило на себѣ вниманіе. 12 января 1880 г. управляющій Министерствомъ Юстиціи (Э. В. Фришъ) приказалъ: 1) по поводу всѣхъ, подобныхъ настоящему, земскихъ заявленій о затрудненіяхъ и тягостяхъ для крестьянъ снестись съ Министерствомъ Вн. Дѣлъ о томъ, не будетъ ли признано возможнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы сами уѣздныя комиссіи, распредѣляя присяжныхъ засѣдателей по временамъ года, соображались съ особыми обстоятельствами крестьянскаго быта, приводимыми въ ходатайствахъ земствъ, т. е., назначали бы крестьянъ присяжными въ рабочую пору въ возможно ограниченномъ числѣ, въ предѣлахъ лишь условія о ненарушимости всесословнаго характера присяжнаго суда, и притомъ избирали бы только наиболѣе состоятельныхъ лицъ этого сословія, о чемъ, впрочемъ, послѣдовало уже циркулярное разъясненіе со стороны Правительствующаго Сената; 2) обратиться къ предсѣдателямъ окружныхъ судовъ циркулярно, но не въ формѣ ближайшаго указанія или опредѣленнаго какого либо разъясненія,— невозможнаго по разнообразію мѣстныхъ условій,—а лишь въ смыслѣ обращенія вниманія представителей судебной власти, въ виду ст. 138 Учр. Суд. Уст., на тѣ же, что и выше, бытовыя обстоятельства сельской жизни [1]).

Въ виду ходатайства, возбужденнаго Московскимъ губернскимъ земствомъ, уже въ ноябрѣ 1867 г. состоялось соглашеніе между Министерствами Юстиціи и Вн. Дѣлъ объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ ст. 650 Уст. Уг. Суд. въ томъ смыслѣ, чтобы къ законнымъ причинамъ неявки въ судъ лицъ, обязан-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1877 г., № 4214.

ныхъ быть присяжными засѣдателями, была отнесена также необходимость присутствовать въ качествѣ гласныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (Высоч. утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта 11 марта 1868 г.). Непосредственно вслѣдъ затѣмъ орловскій губернскій предводитель дворянства подалъ министру вн. дѣлъ докладную записку; упомянувъ о томъ, что въ декабрѣ 1867 г. Орловскій окружный судъ подвергъ денежному взысканію дворянина Дмитровскаго уѣзда Чапкина за неявку его 12 декабря въ г. Дмитровъ по званію присяжнаго засѣдателя, причемъ не придалъ значенія удостовѣренію уѣзднаго предводителя дворянства, что причиной неявки Чапкина въ судъ было его участіе въ губернскихъ дворянскихъ выборахъ,—орловскій предводитель ходатайствовалъ о признаніи для дворянина присутствія на дворянскихъ собраніяхъ законною причиною къ неявкѣ въ засѣданіе суда по званію присяжнаго засѣдателя. Министръ вн. дѣлъ Тимашевъ, въ отношеніи на имя министра юстиціи отъ 6 апрѣля 1869 г., поддержалъ ходатайство орловскаго предводителя, полагая со своей стороны, что вопросъ долженъ быть внесенъ въ Государственный Совѣтъ и рѣшенъ по аналогіи съ земскимъ. Графъ Паленъ тогда же изъявилъ согласіе. Иначе отнесся къ дѣлу главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи кн. Урусовъ. „Можно надѣяться, — писалъ онъ министру внут. дѣлъ,—что представленіе дворяниномъ отзыва объ обязанности присутствовать въ судѣ, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, съ которою такъ тѣсно связана какъ личная, такъ и имущественная безопасность каждаго дворянина, будетъ всегда признаваемо дворянствомъ достаточно уважительною причиною неявки". Доводы кн. Урусова убѣдили Тимашева, но не гр. Палена, который продолжалъ отстаивать первоначально принятую имъ точку зрѣнія, доказывая, что „присутствованіе въ дворянскихъ собраніяхъ составляетъ обязанность настолько важную, и возможно большее въ нихъ участіе дворянъ настолько желательно, что правильный исходъ настоящихъ затрудненій слѣдуетъ искать не въ томъ, чтобы дворяне могли избѣжать взысканія за неприсутствованіе въ дворянскихъ собраніяхъ, а, напротивъ, чтобы были устранены всѣ препятствія, которыя они могутъ встрѣтить при исполненіи этой обязанности". Въ дальнѣйшемъ развитіи междувѣдомственной переписки, кн. Урусовъ возражалъ гр. Па-

лену (отъ 4 марта 1870 г.), что „всякое дальнѣйшее распространеніе льготы, дарованной, относительно суда, членамъ земскихъ собраній, подавая поводъ къ новымъ, по этому предмету, ходатайствамъ, могло бы имѣть весьма вредныя послѣдствія, а именно таковыя мѣры могли бы устранить лучшіе слои нашего общества отъ участія въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, и, такимъ образомъ, потрясти совершенно институтъ присяжныхъ". Въ роли примирителя выступилъ Тимашевъ, убѣдившій гр. Палена выждать, когда къ ходатайству орловскаго предводителя присоединятся дворянства другихъ губерній [1]).

Значительно позже, закономъ 10 іюня 1902 г., были признаны обязательно подлежащими удовлетворенію ходатайства потомственныхъ дворянъ, внесенныхъ въ списки присяжныхъ засѣдателей, о перенесеніи ихъ, по причинѣ необходимости участія въ назначенномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи, изъ періода, къ которому они отнесены, въ другой. Рядомъ циркуляровъ Министерства Юстиціи такая же льгота была предоставлена директорамъ и инспекторамъ гимназій, наставникамъ и учителямъ семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, акцизнымъ чиновникамъ, сельскимъ врачамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда привлеченіе ихъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей сопряжено съ ущербомъ для интересовъ ихъ службы.

Говоря о внѣшнихъ условіяхъ успѣха, въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть объ условіяхъ обстановки, физическихъ и моральныхъ, которыми въ томъ и другомъ судѣ обставлена дѣятельность присяжныхъ засѣдателей. Важное значеніе ихъ не подлежитъ сомнѣнію. „Если, — говоритъ В. Р. Завадскій, — въ окружномъ судѣ нѣтъ комнатъ для пріема присяжныхъ засѣдателей, и они ждутъ засѣданій въ корридорахъ и на лѣстницѣ, при входѣ въ залъ; если старшіе въ судѣ не обращаютъ на засѣдателей вниманія, а младшіе имъ грубятъ; если въ судѣ никто не заботится о томъ, что ѣли и пили присяжные, и было ли у нихъ для этого время; если, оставивъ 14 засѣдателей ночевать въ зданіи суда, имъ, для ночлега, не предлагаютъ ничего, кромѣ голыхъ скамеекъ судебной залы... тогда нелегкое

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г., № 3493.

вообще положеніе присяжныхъ засѣдателей становится невозможнымъ, просто ужаснымъ!.. Нужно глубоко проникнуться сознаніемъ долга, чтобы при такой обстановкѣ сохранять равновѣсіе душевныхъ силъ и спокойно отправлять тяжкія обязанности присяжнаго судьи-засѣдателя" [1]).

В. Внутреннія условія дѣятельности присяжныхъ.

Говоря о внутреннихъ условіяхъ дѣятельности присяжныхъ, мы имѣемъ въ виду состояніе матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго законодательства, съ одной стороны, и практику судебныхъ органовъ, имѣющихъ отношеніе къ присяжному суду, съ другой, поскольку дѣйствіе обоихъ факторовъ должно облегчать, или, напротивъ, затруднять присяжныхъ при разрѣшеніи ихъ основныхъ задачъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ условіяхъ успѣшной судебной дѣятельности, важныхъ одинаково, какъ для суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ и безъ участія ихъ, — такихъ, напр., какъ состояніе слѣдственной части, правильность оцѣнки камерой преданія суду собранныхъ на предварительномъ слѣдствіи доказательствъ виновности, своевременный вызовъ нужныхъ по дѣлу свидѣтелей, умѣлый допросъ ихъ, въ связи съ тактичнымъ и твердымъ установленіемъ границъ судебнаго разбирательства, надлежащая постановка экспертизы, умѣлое и достойное использованіе средствъ защиты и обвиненія со стороны соотвѣтствующихъ органовъ, отсутствіе излишней торопливости въ веденіи процесса и пр. Ограничимся замѣчаніемъ, что всякіе дефекты въ этомъ направленіи оказываются для дѣятельности суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей еще болѣе опасными, чѣмъ для суда безприсяжнаго. Мы остановимся здѣсь лишь на тѣхъ условіяхъ, которыя имѣютъ къ суду присяжныхъ спеціальное отношеніе. Первое мѣсто въ ряду ихъ принадлежитъ матеріальному уголовному законодательству.

Въ началѣ 80-хъ годовъ министерство Д. Н. Набокова [2]), позже, въ 90-хъ годахъ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ въ

---

[1]) „Изъ отчетовъ ревизора", Журн. Мин. Юст. 1896 г., № 3, стр. 113.

[2]) „Судебная Газета" 1896 г., № 29.

составленной имъ всеподданнѣйшей запискѣ [1]), и съ самаго введенія реформы, почти всѣ представители русской юридической науки [2]) основную причину ненормально высокаго процента оправдательныхъ вердиктовъ видѣли „въ жестокихъ и расходящихся съ жизнью постановленіяхъ устарѣлаго схоластическаго Уложенія о Наказаніяхъ".

Въ теченіе многихъ лѣтъ законодатель обновляетъ Улож. о Нак., внося въ него частичныя поправки, стараясь, по мѣрѣ силъ, затушевать или смягчить конфликты общественной совѣсти и житейскаго смысла съ казуистически составленнымъ закономъ, не всегда согласованнымъ съ нравственными запросами населенія, и, еще того рѣже, съ практическими. Первый шагъ въ этомъ направленіи составили новеллы, с м я г ч и в ш і я репрессію уголовныхъ судовъ:

Закономъ 27 октября 1881 г. были отмѣнены ссылка на житье въ Сибирь и отдача подъ надзоръ полиціи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, подлежащихъ исправительнымъ наказаніямъ.

Закономъ 20 мая 1892 г. расширено право суда отдавать малолѣтнихъ преступниковъ, не достигшихъ 14 лѣтъ, взамѣнъ тюремнаго заключенія, въ исправительные пріюты.

Закономъ 18 мая 1882 года были существенно смягчены постановленія Улож. о Нак. о нѣкоторыхъ квалифицированныхъ кражахъ. До этого времени всѣ кражи со взломомъ были подсудны окружнымъ судамъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. „Постановленія дѣйствовавшаго закона о взломѣ,—признаетъ отчетъ Государственнаго Совѣта, — не соотвѣтствовали ни хозяйственному быту нашего народа, ни усвоеннымъ имъ вообще воззрѣніямъ на преступленія. При существовавшей строгости наказаній, налагаемыхъ за кражу со взломомъ, въ сравненіи съ тѣми, которыя опредѣлены за простую кражу... присяжные засѣдатели весьма часто или совершенно оправдывали обвиняемаго, несмотря на его сознаніе, или же отвергали фактъ взлома". Въ новой редакціи основнымъ условіемъ квалификаціи принятъ признакъ не взлома, а обитаемости мѣста. Кражи съ

---

[1]) Журн. Мин. Юст. 1895 г., № 8.

[2]) Начиная съ д. с. с. Якова Баршева, 9 сент. 1870 г. представившаго гр. Палену по этому вопросу спеціальную докладную записку. Сен. Арх., дѣло Мин.Юст. 1874 г., № 7027.

такъ наз. внутреннимъ взломомъ, вслѣдствіе смягченія установленной за нихъ отвѣтственности, отошли къ вѣдомству мировыхъ судей. Важность произведенной реформы выясняется изъ приводимыхъ отчетомъ Государственнаго Совѣта статистическихъ данныхъ: съ 1875 по 1880 г. судилось за кражу 89.082 человѣка; изъ нихъ за кражу со взломомъ 53.673 человѣка. Вообще же, дѣла о кражахъ составляли $^3/_5$ всѣхъ дѣлъ о похищеніи чужой собственности, разсматриваемыхъ окружными судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и болѣе $^1/_3$ всего количества дѣлъ, отнесенныхъ къ вѣдомству этихъ судовъ.

Законъ 22 іюня 1909 г. объ условномъ освобожденіи лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ или въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, по отбытіи $^3/_4$ опредѣленнаго имъ срока наказанія и не ранѣе, какъ черезъ 6 мѣсяцевъ, считая отъ начала заключенія, не могъ быть понятъ присяжными иначе, какъ мѣра общаго факультативнаго смягченія уголовной репрессіи для преступленій средней тяжести.

Законъ 17 февраля 1910 г. предоставилъ коронному суду право, вполнѣ или частью, засчитывать предварительное заключеніе въ наказаніе, если виновный приговаривается къ наказанію лишеніемъ свободы не строже исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій. Значеніе закона 17 февраля опредѣляется тѣмъ, что фактъ предварительнаго заключенія, иногда превышавшаго своей длительностью заслуженное наказаніе, нерѣдко смущалъ совѣсть присяжныхъ, вынуждая ихъ оправдывать завѣдомо виновныхъ.

Смягченіе уголовной репрессіи могло оказать вліяніе на дѣятельность присяжныхъ, на содержаніе выносимыхъ ими вердиктовъ, конечно, только при условіи, что присяжные знали заранѣе о юридическихъ послѣдствіяхъ своихъ вердиктовъ. Въ этомъ—значеніе закона 2 марта 1910 г., вмѣнившаго предсѣдателю суда въ обязанность, при врученіи старшинѣ присяжныхъ вопроснаго листа, объяснять присяжнымъ наказаніе, назначенное закономъ за разсматриваемое преступное дѣяніе, и другія законныя послѣдствія ихъ рѣшенія. Законъ 2 марта сдѣлалъ на будущее время невозможными оправдательные приговоры присяжныхъ, продиктованные ложнымъ, ошибочнымъ

опасеніемъ, что подсудимый, въ случаѣ осужденія, будетъ наказанъ чрезмѣрно строго, несоразмѣрно винѣ своей [1]).

Второе мѣсто принадлежитъ новелламъ, которыя, понижая карательныя ставки, устраняли конфликтъ правовоззрѣній тѣмъ, что дѣлали преступленіе неподвѣдомственнымъ суду присяжныхъ, и достигали этой цѣли не установленіемъ спеціальныхъ изъятій, а примѣненіемъ общаго закона о разграниченіи предметныхъ компетенцій. Репрессія присяжныхъ оказалась слаба по дѣламъ о составленіи подложныхъ видовъ на жительство и о проживательствѣ по такимъ документамъ (Улож. о Нак., ст. 975 и 977). Коррекціонализація паспортныхъ преступленій (переводъ ихъ въ вѣдомство суда безприсяжнаго) была осуществлена посредствомъ отмѣны первоначально назначенныхъ за нихъ правопораженій (законъ 18 дек. 1885 г.).

Единство, или хотя бы сближеніе отправныхъ критеріевъ оцѣнки судимаго дѣянія, тѣхъ, которыми фактически пользуются присяжные, и тѣхъ, которыми они и коронные судьи обязаны руководствоваться по закону, составляетъ основное, но не единственное условіе согласованія работы общественнаго и короннаго составовъ суда въ дѣлѣ примѣненія уголовныхъ законовъ къ жизни. Процессуальная сторона дѣла имѣетъ также свое значеніе. Присяжнымъ должна быть гарантирована возможность сказать по дѣлу то, что они могутъ и хотятъ сказать. По принятой у насъ системѣ постановленія присяжными рѣшенія въ формѣ отвѣтовъ на предложенные имъ судомъ вопросы, и постановки вопросовъ не только по выводамъ обвинительнаго акта, но также и по матеріаламъ судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній, для коронныхъ судей является дѣломъ первостепенной важности не разойтись съ присяжными въ отвлеченіи отъ сложной и пестрой дѣйствительности тѣхъ фактическихъ моментовъ, которые могутъ и должны имѣть значеніе по дѣлу, потому ли, что въ совокупности своей они образуютъ составъ того или другого преступленія, или потому, что они ведутъ къ предустановленному самимъ закономъ возвышенію или смягченію наказанія, или же къ освобожденію отъ наказанія. Среди опасностей, съ которыми связана задача постановки вопросовъ

[1]) Большую помощь дѣятельности суда присяжныхъ долженъ былъ оказать выработанный Министерствомъ Юстиціи законопроектъ объ условномъ осужденіи. Принятый Государственной Думой, этотъ проектъ въ 1910 г. былъ отклоненъ Государственнымъ Совѣтомъ.

на судѣ присяжныхъ, наиболѣе значительной представляется пропускъ обстоятельства, которое по закону понижаетъ наказаніе или исключаетъ вмѣненіе и, вмѣстѣ, встрѣчаетъ признаніе со стороны присяжныхъ. Послѣдствіемъ такого пропуска можетъ явиться оправдательный вердиктъ, несмотря на безспорность обстоятельствъ, изложенныхъ въ поставленномъ вопросѣ.

Участіе въ постановкѣ вопросовъ было предоставлено присяжнымъ закономъ 15 мая 1886 г. Потребность въ предоставленіи имъ этой возможности ощущалась съ самаго начала дѣятельности новыхъ судовъ. Уже тогда случалось, — вспоминаетъ В. Д. Спасовичъ [1]), — что редакція вопросовъ была измѣняема по заявленію старшины присяжныхъ (касс. рѣш. 1886 г. № 91, по дѣлу Орвида), но такое вмѣшательство въ постановку вопросовъ считалось въ тѣ времена настолько существеннымъ нарушеніемъ, что влекло за собою отмѣну приговора.

III. Дѣятельность суда присяжныхъ.

А. Ея характерныя свойства.

Являясь прежде всего и больше всего судомъ общественной совѣсти, присяжный судъ не можетъ не отражать въ своихъ приговорахъ характерныхъ чертъ нравственнаго сознанія, присущаго народнымъ массамъ. Религіозная окраска этого сознанія — въ Россіи фактъ общепризнанный. „Считая свою обязанность важною, великою, — говоритъ А. Квачевскій [2]), — присяжные засѣдатели нерѣдко приступаютъ къ совѣщанію и приговору, помолившись Богу. Мнѣ не разъ приходилось слышать ихъ негодованіе на то, что ихъ заставляютъ присягать по каждому дѣлу, нѣсколько разъ въ день“ [3]). Въ 1894 г., на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ о судѣ присяжныхъ былъ приведенъ фактъ, какъ простые присяжные, разрѣшивъ въ Миргородѣ обвинительнымъ приговоромъ громадное дѣло о разбойничьей

[1]) Журн. Мин. Юст. 1897 г., № 1, стр. 15.

[2]) Журн. Гражд. и Угол. Права 1880 г., кн. 3, стр. 21 и 22.

[3]) Порядокъ приведенія засѣдателей къ присягѣ существенно измѣненъ закономъ 3 іюня 1894 г.

шайкѣ изъ 56 человѣкъ, отправились изъ суда въ церковь служить благодарственный молебенъ по поводу окончанія ими своего тяжелаго, многодневнаго труда, направленнаго къ охраненію безопасности цѣлой мѣстности [1]).

Безпристрастіе, не омраченное слѣдами соціальной розни, составляетъ вторую характерную особенность нашего суда присяжныхъ. „Бывшій крѣпостной,—говоритъ А. Квачевскій въ той же статьѣ о нашемъ судѣ присяжныхъ [2]), — не подастъ голоса противъ помѣщика, если вина не доказана, и скорѣе отнесется къ ней снисходительно, чѣмъ строго; присяжные, терпѣвшіе отъ произвола чиновника, волостного старшины, охотно оправдываютъ того и другого, если есть къ тому основаніе; ни вѣра, ни языкъ, ни національность не тяготѣютъ надъ приговоромъ. Съ другой стороны, не замѣчается никакого дѣйствія, даже на простыхъ присяжныхъ, высокаго положенія подсудимаго, его связей, громкаго имени".

Можно было бы привести множество примѣровъ чрезвычайной преданности долгу, которая всегда отличала нашъ судъ присяжныхъ. При разборѣ извѣстнаго таганрогскаго дѣла въ Харьковской судебной палатѣ присяжные въ продолженіе 23 дней оставались отрѣзанными отъ міра, и на одно только разрѣшеніе предложенныхъ имъ 1315 вопросовъ должны были потратить цѣлыхъ три дня. „Этотъ искусъ,—свидѣтельствуетъ обозрѣватель „Вѣстника Европы" [3]): — они выдержали съ поразительнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ, посвящая дѣлу неослабѣвающее вниманіе, не упуская изъ виду ни одной, хотя бы самой мельчайшей подробности, все отмѣчая въ розданныхъ имъ судомъ для замѣтокъ книжкахъ, не обнаруживая никакой нервности даже тогда, когда казалось, что процессъ затягивается до безконечности, что онъ превращается въ какое-то скучное засѣданіе техническаго общества".

О вниманіи, съ которымъ наши присяжные слѣдятъ за дѣломъ, можно судить по отмѣченнымъ въ спеціальной литературѣ [4]) случаямъ, доказывающимъ стремленіе ихъ: 1) вос-

---

[1]) Журн. Мин. Юст. 1895 г., № 4, стр. 49.

[2]) Журн. Гражд. и Угол. Права 1880 г., кн. 3, стр. 19.

[3]) 1885 г., кн. 4, „Изъ общественной хроники", стр. 886.

[4]) И. Г. Щегловитовъ. Новыя теченія въ дѣятельности русскаго суда присяжныхъ, Жур. Мин. Юст. 1900 г., № 10.

полнять обнаружившіеся недостатки предварительнаго и судебнаго слѣдствій и 2) предотвращать осужденіе лицъ, о которыхъ, по недоразумѣнію, былъ постановленъ обвинительный приговоръ. При разсмотрѣніи въ 1899 г. въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ дѣла объ убійствѣ кр. Авдотьи Волковой мужемъ ея Иваномъ, различные составы присяжныхъ дважды отказывались вынести какое-либо рѣшеніе о виновности Волкова безъ привлеченія къ суду его матери Надежды Волковой, въ качествѣ подстрекательницы и укрывательницы его преступленія [1]). Въ аналогичномъ случаѣ—по дѣлу Чебровой, присяжные пришли къ единогласному заключенію о томъ, что подсудимая Чеброва, обвинявшаяся въ расхищеніи денегъ Пискуновой, имѣла соучастниковъ, и что мѣра ея участія въ преступленіи не можетъ быть опредѣлена въ настоящемъ положеніи дѣла. Произведенное вновь предварительное слѣдствіе не замедлило подтвердить предположеніе, высказанное присяжными [2]). Въ третьемъ случаѣ присяжные ходатайствовали о доспѣдованіи дѣла въ видахъ выясненія и безпристрастной оцѣнки и характеристики личностей убитаго и подсудимаго [3]). Слѣдя за дѣятельностью коронаго суда по примѣненію наказаній къ лицамъ осужденнымъ, присяжные открыто сознавались въ допущенныхъ ими редакціонныхъ ошибкахъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда присяжные, въ виду доказанности событія и вины, и отсутствія обстоятельствъ, по закону исключающихъ вмѣненіе, затруднялись выносить оправдательный вердиктъ и въ то же время находили наказаніе несоотвѣтствующимъ винѣ, — они неоднократно, въ полномъ составѣ 12-ти, представляли суду всеподданнѣйшія прошенія о помилованіи только что осужденныхъ ими людей [4]).

Интересъ къ судебному дѣлу не ограничивается у нашихъ присяжныхъ тѣсными рамками дѣлъ, предложенныхъ ихъ вниманію. Они не скрываютъ и своихъ общихъ взглядовъ на состояніе этого дѣла въ Россіи и на желательныя въ немъ реформы. Въ заявленіяхъ суду, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ печать, отдѣльные составы присяжныхъ въ разное время

---

[1]) И. Г. Щегловитовъ. Новыя теченія въ дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. Журн. Мин. Юст. 1900 г., № 10, стр. 19.

[2]) Тамъ же, стр. 4—10.

[3]) Тамъ же, стр. 12.

[4]) Тамъ же, стр. 43 и 44.

ходатайствовали: о введеніи въ тюрьмахъ систематическаго труда; объ ограниченіи опредѣленнымъ срокомъ лишенія правъ; объ измѣненіи порядка надзора полиціи для лицъ, отбывшихъ наказаніе, а именно о недопущеніи высылки ихъ въ такія мѣста, гдѣ они не могутъ найти заработка, почему совершаютъ новыя кражи; о привлеченіи городскихъ общественныхъ управленій къ оказанію трудовой помощи лицамъ, выходящимъ изъ мѣстъ заключенія; о введеніи условнаго осужденія; объ уничтоженіи тотализатора; о сокращеніи предварительнаго задержанія; о приводѣ обвиняемыхъ въ судъ въ собственной одеждѣ, дабы присяжные могли имѣть представленіе о томъ, какъ обвиняемый выглядитъ въ частной жизни, и пр.

Нерѣдко прежде, чѣмъ разойтись, присяжные устраиваютъ между собой подписку, дающую довольно крупныя суммы, въ пользу лицъ, вышедшихъ изъ тюремъ, по отбытіи наказанія или предварительнаго заключенія.

Б. Репрессивность нашего суда присяжныхъ.

По даннымъ „Общихъ обзоровъ статистическихъ свѣдѣній о дѣятельности судебныхъ установленій“, изъ общаго числа подсудимыхъ было осуждено, по дѣламъ, рѣшеннымъ

	съ участіемъ присяжныхъ:	безъ участія присяжныхъ:
1901 г.	63%	71%
1902 г.	63	71
1903 г.	64	69
1904 г.	63	70
1905 г.	61	68
1906 г.	63	70
1907 г.	60	69
1908 г.	60	72
1909 г.	57	71
1910 г.	60	73
1911 г.	60	74
1912 г.	60	75

Какъ можно видѣть изъ этой таблицы, репрессія суда присяжныхъ за послѣдніе годы нѣсколько понизилась, прибли-

зительно на 3%, тогда какъ репрессія короннаго суда, напротивъ, повысилась.

По словамъ „Общаго обзора" за 1912 г., репрессія суда присяжныхъ выше средней въ сѣверной и отчасти въ центральной промышленной полосѣ Европейской Россіи, а также въ Западной Сибири; ниже средней—въ черноземномъ и южномъ степномъ раіонѣ.

Обзоръ за 1910 г. отмѣчаетъ, что, по имѣющимся въ Министерствѣ Юстиціи свѣдѣніямъ, репрессія суда присяжныхъ въ городскихъ сессіяхъ окружныхъ судовъ, особенно, въ крупныхъ городскихъ центрахъ, значительно слабѣе, чѣмъ въ выѣздныхъ сессіяхъ тѣхъ же окружныхъ судовъ. Такъ, напр., за 1908—10 г.г., въ городскихъ сессіяхъ по г. Москвѣ, по приговорамъ присяжныхъ засѣдателей осуждено всего 34 изъ 100 подсудимыхъ, оправдано 66, тогда какъ на выѣздныхъ сессіяхъ того же Московскаго окружнаго суда, наоборотъ, присяжными осуждено 65%, и оправдано 35% подсудимыхъ. Какъ и слѣдовало предвидѣть, законъ 2 марта 1910 г., установившій порядокъ предупрежденія присяжныхъ объ ожидающемъ осужденнаго наказаніи, не повелъ къ ослабленію репрессіи присяжнаго суда.

Чѣмъ руководствуются присяжные въ своей оцѣнкѣ судимаго дѣянія? По мнѣнію многихъ, общаго, суммарнаго отвѣта на этотъ вопросъ дано быть не можетъ. По замѣчанію обозрѣвателя журнала „Вѣстникъ Европы" [1]), „въ отдѣльныхъ случаяхъ присяжные являются представителями взглядовъ того сословія, какое преобладаетъ въ составѣ каждой смѣны. Такъ, напр., если въ составѣ присяжныхъ преобладаютъ купцы, мѣщане и крестьяне, то замѣчается менѣе вниманія къ обстоятельствамъ, смягчающимъ вину во всѣхъ случаяхъ непочтительности дѣтей къ родителямъ, или неповиновенія жены мужу; зато на такихъ присяжныхъ производитъ менѣе впечатлѣнія фактъ грубаго насилія, и жестокость обращенія, напр., не препятствуетъ имъ допускать смягчающія обстоятельства въ случаѣ, если она была вызвана именно непочтительностью, неповиновеніемъ или невѣрностью. Присяжные, въ составѣ которыхъ преобладаютъ чиновники, строже относятся къ насилію, но легче допускаютъ мотивъ снисхожденія въ покушеніи на

[1]) 1872 г., кн. 1, стр. 334 и 335.

собственность, когда оно вызвано крайностью и т. п.". Вліяніе на приговоры суда сословныхъ различій,—въ частности, существенно различное, по своей строгости, отношеніе горожанъ и деревенскихъ жителей къ нѣкоторымъ преступленіямъ, какъ, напр., къ поджогу и конокрадству,—не подлежатъ сомнѣнію. Но это не исключаетъ возможности установить нѣкоторые, болѣе общіе критеріи, лежащіе въ основѣ, если не всѣхъ безъ исключенія, то подавляющей массы приговоровъ присяжныхъ.

Критеріи, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть сведены къ двумъ логическимъ концентрамъ, несвязаннымъ между собой источникомъ происхожденія, но вполнѣ допускающимъ совмѣстное использованіе вытекающихъ изъ нихъ практическихъ выводовъ. Судъ присяжныхъ есть судъ общественной совѣсти, съ одной стороны, и судъ житейскаго смысла, съ другой. Соотвѣтственно, въ отношеніяхъ присяжныхъ засѣдателей къ преступленіямъ и преступникамъ проявляютъ себя два начала: одно изъ нихъ—нравственное воздаяніе, съ окрашивающей его религіозною идеей искупленія, и другое—воззрѣніе на наказаніе, какъ на одно изъ средствъ борьбы съ общественнымъ зломъ преступленія, пріемлемое, или нѣтъ, съ точки зрѣнія политики уголовной и обще-соціальной.

Началомъ воздаянія мотивируется то значеніе, которое присяжные придаютъ преступленію: его объективной сторонѣ—цѣнности и мѣрѣ причиненнаго вреда или навлеченной опасности, и сторонѣ субъективной—свойству и глубинѣ проявленной вины.

Реагируя на вредъ и опасность содѣяннаго, присяжные, вслѣдствіе мало развитой у нихъ способности къ абстракціи, гораздо болѣе учитываютъ первый, чѣмъ отдаютъ вниманіе второй. Отсюда проистекаетъ ихъ снисходительное отношеніе ко всѣмъ вообще покушеніямъ и къ тѣмъ оконченнымъ преступленіямъ, которыя не заключаютъ въ своемъ составѣ дѣйствительнаго причиненія вреда какимъ либо правоохраненнымъ благамъ (таковыми оказались въ практикѣ присяжныхъ преступленія подлога и, въ особенности, паспортныя).

Измѣряя свойство и глубину вины, присяжные сопоставляютъ индивидуальныя силы съ тягостью жертвы, принесенія которой требовалъ отъ подсудимаго законъ. Соотвѣтственно, они учитываютъ одаренность подсудимаго, зрѣлость его возраста (проявляютъ снисхожденіе къ несовершеннолѣтнимъ), его полъ

(отсюда снисходительное отношеніе къ женщинѣ, соучастницѣ мужчины, отъ котораго она зависитъ) и пр. Большое значеніе наши присяжные придаютъ состоянію опьяненія. Съ другой стороны, они взвѣшиваютъ обстоятельства, понудившія подсудимаго совершить преступленіе, въ частности, обычаи и порядки, послужившіе причиной послѣдняго.

Выяснивъ мѣру вреда и вины, присяжные сопоставляютъ ее съ тягостью грозящаго подсудимому наказанія; даютъ снисхожденіе или даже оправдываютъ, если наказаніе, которое ему грозитъ, имъ представляется чрезмѣрно строгимъ. Такъ же они поступаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый, по ихъ мнѣнію, достаточно „наказанъ" предварительнымъ заключеніемъ.

Чувство нравственнаго воздаянія, какъ всякое вообще чувство, идетъ на убыль по мѣрѣ удаленія отъ насъ событія. Поэтому вопросъ о промежуткѣ времени между событіемъ преступленія и разсмотрѣніемъ его въ судѣ имѣетъ для вердикта присяжныхъ существенное значеніе.

Второе начало, которое можно прослѣдить въ рѣшеніяхъ присяжныхъ засѣдателей,—стремленіе, посредствомъ наказанія, обезпечить общество на будущее время отъ соціально опаснаго человѣка,—опредѣляетъ то значеніе, которое присяжные придаютъ личности подсудимаго, его общественной физіономіи. Отношеніе присяжныхъ къ рецидивистамъ, организаторамъ и коноводамъ шаекъ, пристанодержателямъ и хулиганамъ всегда отличалось особенной строгостью. Напротивъ, они съ неохотою выносятъ обвинительные приговоры противъ дебютантовъ преступленія, впавшихъ въ преступленіе по безхарактерности или по легкомыслію, людей молодыхъ, не окончательно испорченныхъ, для которыхъ тюрьма съ присущими ей дурными вліяніями и ея спутникомъ деклассаціей была бы, несомнѣнно, гибелью.

Учитывая, на ряду съ уголовно-политическимъ, также общесоціальное значеніе карательныхъ мѣръ, присяжные принимаютъ въ соображеніе послѣдствія ихъ приговора не только для подсудимаго, но и для другихъ лицъ: для потерпѣвшаго отъ преступленія и для членовъ семьи подсудимаго. Присяжнымъ не безразлично, какъ долженъ матеріально и нравственно на потерпѣвшемъ отразиться ихъ оправдательный приговоръ, и на семьѣ подсудимаго—обвинительный.

IV. Офиціальная оцѣнка дѣятельности суда присяжныхъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на офиціальныя сферы дѣятельностью суда присяжныхъ, было, какъ нельзя болѣе, благопріятно. Извѣстенъ отзывъ о ней министра юстиціи того времени Д. Н. Замятнина: „присяжные засѣдатели вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію дѣлъ уголовныхъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно". Скоро, однако, возобладало иное отношеніе къ суду присяжныхъ. Еще при самомъ утвержденіи Судебныхъ Уставовъ, Государственный Совѣтъ исключилъ политическія преступленія изъ вѣдомства присяжнаго суда, открыто выразивъ недовѣріе къ политической зрѣлости русскаго общества. Государственный Совѣтъ усомнился въ способности рядовыхъ представителей этого общества правильно оцѣнить значеніе преступленій, направленныхъ не противъ частныхъ лицъ, а противъ государства въ его цѣломъ и охраняющей его власти. Рядъ судебныхъ процессовъ, исходъ которыхъ интересовалъ правительство и не оправдалъ ожиданій послѣдняго (дѣло Протопопова, мелкаго чиновника, обвинявшагося въ 1867 г. въ оскорбленіи дѣйствіемъ своего начальника; дѣло Засуличъ и нѣкоторыя другія), укрѣпили законодателя въ его сомнѣніяхъ, а событія текущей жизни, усилившаяся въ концѣ 70-хъ годовъ дѣятельность революціонныхъ партій и участившіяся посягательства на должностныхъ лицъ дали ближайшій поводъ къ выработкѣ законопроекта о дальнѣйшемъ сокращеніи вѣдомства присяжныхъ (законъ 9 мая 1878 г.). Вторымъ законодательнымъ актомъ, проникнутымъ тѣмъ же духомъ, былъ законъ 7 іюля 1889 г. Въ противоположность первому,—временному, мотивированному исключительными обстоятельствами'

законъ 7 іюля явился законченнымъ выразителемъ опредѣленно принятаго политическаго курса, и былъ офиціально подкрѣпленъ ссылкой на высокій процентъ оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными по дѣламъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія (на основаніи закона 11 мая 1882 г.), и по дѣламъ о преступленіяхъ по службѣ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 11 февраля 1887 г. министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ утверждалъ, что „избираемые изъ среды мѣстныхъ жителей присяжные засѣдатели далеко не всегда являются судьями безпристрастными, вполнѣ чуждыми тѣмъ интересамъ, кои въ данномъ случаѣ подали поводъ къ столкновенію частныхъ лицъ съ представителями правительственной власти". Въ развитіе этой мысли, спустя 2 года, при защитѣ законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ, Н. А. Манасеинъ указывалъ, что дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія „имѣли большею частью своимъ предметомъ столкновенія крестьянъ съ должностными лицами по поводу весьма часто возникающихъ въ сельскомъ быту недоразумѣній и споровъ относительно владѣнія и пользованія земельными угодьями. Такъ какъ составъ присяжныхъ засѣдателей, — говорилъ министръ — пополнялся преимущественно изъ лицъ крестьянскаго сословія, которыя имѣли одинаковыя съ судимыми преступниками интересы и воззрѣнія на земельныя отношенія, не всегда согласныя съ закономъ, то сужденія присяжныхъ засѣдателей по такого рода дѣламъ часто не отличались должнымъ безпристрастіемъ". Что же касается дѣлъ о преступленіяхъ должностного характера, то изъятіе ихъ изъ компетенціи присяжнаго суда было обосновано тѣмъ соображеніемъ, что „присяжные засѣдатели весьма часто встрѣчаютъ затрудненія въ усвоеніи себѣ общеопасности судимыхъ посягательствъ, злоупотребленій и упущеній", что присяжнымъ не вполнѣ доступно понятіе о публичномъ интересѣ, и что имъ неизвѣстенъ порядокъ государственной службы [1]).

Въ „Сводахъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ" и въ вѣдомственной перепискѣ мы находимъ, однако, не мало отзывовъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣ-

---

[1]) Отчетъ Государственнаго Совѣта за 1889 г., стр. 563 и 568. Всеподданнѣйшій докладъ министра юстиціи Манасеина отъ 11 февраля 1887 г. (Сен. Арх.).

домства, совершенно иначе объясняющихъ оправдательные приговоры присяжныхъ по дѣламъ помянутыхъ категорій (если высокій процентъ ихъ считать доказаннымъ). По замѣчанію прокурора Московской судебной палаты (Сводъ за 1868 г.), „причина оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ о сопротивленіи властямъ заключается далеко не въ томъ, какъ многіе думаютъ, что общество снисходительно и даже какъ бы сочувственно относится въ этомъ случаѣ къ дѣяніямъ подсудимыхъ, а въ томъ, что въ значительномъ большинствѣ дѣлъ этого рода сопротивленіе бываетъ вызвано безтактностью дѣйствій самого начальства, которое вслѣдствіе этого передъ лицомъ общественной совѣсти является главнымъ нравственнымъ обвиняемымъ. Присяжные, произнося оправдательный приговоръ подсудимымъ по закону, въ то же время признаютъ въ сущности виновнымъ начальство подсудимаго по совѣсти, и нельзя не признать, что, если они часто грѣшатъ по отношенію къ закону, то гораздо рѣже это дѣлаютъ по отношенію къ справедливости". Предсѣдатель С.-Петербургскаго окружнаго суда отмѣчаетъ при этомъ, что „указаніе на неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ не вліяетъ на приговоры присяжныхъ, если объясненія подсудимыхъ представляются голословными". Прокуроръ Харьковской судебной палаты освѣщаетъ, кромѣ юридической, также бытовую сторону дѣлъ этого рода. „Подъ сопротивленіе законной власти, подъ удержаніе чиновника угрозами отъ исполненія своихъ обязанностей (270—272 ст. Улож. о Нак.),—говоритъ онъ:—подходятъ разнообразныя дѣйствія, выражающія и чрезвычайно разнообразныя степени преступности. Простая баба, встрѣтившая на своемъ дворѣ съ палкою въ рукахъ и толкнувшая сельскаго старосту, пришедшаго описывать ея имущество, по опредѣленію волостного суда, подлежитъ отвѣтственности по 270 и 272 ст. Улож. Если бы староста дѣйствовалъ совершенно безукоризненно при исполненіи своихъ обязанностей, и тогда отъ виновной довольно трудно требовать удовлетворительнаго сознанія о должностномъ и неприкосновенномъ положеніи лица, постоянно, можетъ быть, съ нею сталкивающагося въ сельскомъ быту, въ деревенскомъ взаимно близкомъ хозяйствѣ. Но бываетъ иногда, что и само должностное лицо приступаетъ къ исполненію возложеннаго на него порученія такимъ способомъ, который нарушаетъ права частныхъ лицъ; при

сопротивленіи же оно употребляетъ насиліе, далеко не соотвѣтствующее степени представляемаго ему препятствія. Все это не можетъ не имѣть вліянія на приговоръ присяжныхъ". Находятъ свое объясненіе и отмѣчаемые въ мотивахъ къ закону 7 іюля оправдательные вердикты присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ должности, — то были, по преимуществу, дѣла о растратахъ сельскихъ старостъ. Прокуроръ Московскаго окружнаго суда, въ представленіи министру юстиціи отъ 20 ноября 1873 г., даетъ слѣдующую характеристику этихъ дѣлъ: „съ формальной стороны, обвиненіе доказано, но можно ли приговорить къ арестантскимъ ротамъ неграмотнаго человѣка, черезъ руки котораго прошли большія, въ нѣсколько тысячъ, суммы денегъ, и у котораго по учету не оказалось налицо нѣсколькихъ рублей? Прочетъ въ этихъ случаяхъ не только возможенъ, но и вполнѣ понятенъ. Большинство же дѣлъ имѣло именно такой характеръ. Какъ прокуроръ окружнаго суда, я неоднократно предлагалъ начальству обвиняемыхъ окончаніе дѣлъ порядкомъ административнымъ, но получивъ возраженіе съ формальной стороны, вынужденъ былъ вносить дѣла съ обвинительными актами въ окружный судъ" [1]).

Рѣшительный поворотъ въ отношеніи высшихъ офиціальныхъ сферъ къ присяжному суду наступаетъ съ 1894 г., со времени установленія результатовъ созваннаго министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ. Какъ сообщаетъ А. Ѳ. Кони[2]), „по вопросу объ удовлетворительности дѣятельности присяжныхъ засѣдателей большинство членовъ совѣщанія (18) пришло къ выводу, что по дѣятельности своей этотъ судъ не только является вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ собой лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ. Обвиненіе присяжныхъ въ малой репрессивности неосновательно...". Большинство членовъ совѣщанія (14) высказалось противъ всякаго дальнѣйшаго ограниченія предметной компетенціи присяжныхъ, причемъ нѣкоторые

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1873 г., № 2611.

[2]) Журн. Мин. Юст. 1895 г., № 4.

(5) были того мнѣнія, что компетенцію эту слѣдовало бы значительно расширить.

Новое отношеніе къ суду присяжныхъ впервые сказалось въ законѣ 2 февраля 1898 г., распространившемъ судъ присяжныхъ на губерніи Астраханскую, Олонецкую, Оренбургскую и Уфимскую. Законъ состоялся послѣ долгаго, 14-лѣтняго промежутка времени, въ теченіе котораго присяжный судъ не получалъ дальнѣйшаго распространенія; даже послѣдовавшее незадолго передъ тѣмъ, въ 1896 г., введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ только что упомянутой Астраханской губерніи состоялось безъ привлеченія присяжныхъ къ участію въ отправленіи правосудія. Вслѣдъ затѣмъ, закономъ 10 мая 1909 г. судъ присяжныхъ былъ введенъ въ Яренскомъ и Усть-Сысольскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи, въ губерніяхъ Архангельской, Томской и Тобольской и въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и Уральской. И, наконецъ, закономъ 23 іюня 1912 г. объ образованіи Холмской губерніи и закономъ 3 іюля 1914 г. объ учрежденіи Холмскаго окружнаго суда было предусмотрѣно открытіе суда присяжныхъ въ новообразованной губерніи. Предположенное на 1-е января 1915 г., оно отложено на годъ, по обстоятельствамъ военнаго времени.

Въ формулѣ перехода, принятой въ 1912 г., Государственная Дума 3-го созыва признала „необходимымъ скорѣйшее введеніе суда присяжныхъ въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, въ Забайкальской и Амурской областяхъ, а также желательнымъ распространеніе этой формы суда на губерніи Прибалтійскаго края и Варшавскаго судебнаго округа и всѣ остальныя мѣстности Имперіи, на которыя учрежденіе суда присяжныхъ не распространено“ [1]).

Законопроектъ о распространеніи суда присяжныхъ на губерніи Енисейскую и Иркутскую и области Забайкальскую и Амурскую разрабатывается Министерствомъ Юстиціи и въ ближайшемъ будущемъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій.

На ряду съ успѣхами территоріальнаго распространенія суда присяжныхъ, наблюдалась тенденція и къ расширенію его пред-

---

[1]) Подобное же пожеланіе было высказано Государственной Думой 4-го созыва въ іюнѣ 1914 г.

метной компетенціи. Законъ 18 марта 1906 г. возстановилъ подсудность присяжнымъ желѣзнодорожныхъ крушеній. Въ 1909 г. Министерство Юстиціи внесло въ Государственную Думу законопроектъ о возвращеніи въ вѣдомство присяжныхъ засѣдателей преступленій по службѣ. Проектъ былъ принятъ Государственной Думой, но Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ внести въ него нѣкоторыя измѣненія. Возвращенный въ Государственную Думу, 24 апрѣля 1913 г. проектъ былъ переданъ въ комиссію, гдѣ и разсматривался въ засѣданіяхъ 30 января, 5 и 6 февраля 1914 г.

С. Мокринскій.

Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ [1]).

Предварительныя замѣчанія. Англійскій законъ 28 августа 1907 г. о введеніи апелляціи по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Стремленіе замѣнить судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ (въ Германіи и Австріи). Мысль объ обезпеченіи преобладанія коронныхъ судей. Германскій законопроектъ 13 ноября 1909 г. о расширеніи суда шеффеновъ. Идея суда шеффеновъ въ Швейцаріи. Усиленіе контроля кореннаго суда надъ дѣятельностью присяжныхъ. Итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1913 г. Тайна голосованія присяжныхъ. Испанскій законъ 1888 г. Умаленіе суда присяжныхъ по венгерскому закону 1914 г. Заключеніе.

Въ нашъ демократическій вѣкъ, проникнутый всемѣрнымъ стремленіемъ сдѣлать низшіе слои населенія ближайшими участниками общественной и государственной дѣятельности, на Западѣ Европы не только продолжается, но кое-гдѣ даже прокладываетъ себѣ путь къ осуществленію настойчивая мысль такого коренного измѣненія въ постановкѣ суда присяжныхъ, которое совершенно извращаетъ его основы. Заголовокъ какъ будто и остается неповрежденнымъ, но суть этого суда уже не та. Получается нѣчто въ родѣ скорлупы безъ внутренняго ядра. Подобныя оболочки, заключающія въ себѣ внутреннюю пустоту, однако, очень опасны, такъ какъ онѣ даютъ широкій отзвукъ, которымъ легко соблазниться.

Мы считаемъ особенно необходимымъ отмѣтить обрисовавшіяся, а частью, какъ увидимъ ниже, и осуществленныя попытки подвести подъ судъ присяжныхъ другой фундаментъ именно теперь, когда русскому правосудію выпадаетъ на долю скромно отпраздновать пятидесятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября

---

[1]) Перепечатано изъ Журнала Министерства Юстиціи съ разрѣшенія автора.

1864 г., ярко намѣтившихъ въ государственной жизни Россіи поворотъ отъ порядка полицейскаго къ порядку правовому, отъ полицейской опеки къ системѣ общественной самодѣятельности.

Нельзя скрывать отъ себя того, что многое, во что вѣровали незабвенные творцы Судебныхъ Уставовъ, оказалось идеализмомъ, на который не только не откликнулась наша будничная, сѣрая дѣйствительность, но даже подвергла его самому жестокому попранію и уничтоженію. Свершилось въ этомъ случаѣ то, что всегда и всюду творитъ природа, подчиняющая всякое явленіе дѣйствію не одной какой либо причины, а цѣлаго множества сопутствующихъ ей и неотдѣлимыхъ отъ нея другихъ причинъ, а также и причинъ, возникающихъ впослѣдствіи. Рѣшаетъ въ этомъ случаѣ равнодѣйствующая, т. е. жизнь течетъ не по руслу, намѣченному идеализмомъ, вѣрящимъ въ дѣйствіе только одной причины, а по руслу, которое получается въ итогѣ сосредоточеннаго приложенія къ одному явленію всей совокупности имѣющихся, а также развивающихся впослѣдствіи причинъ. Сказаннымъ объясняется въ главныхъ чертахъ слѣдовавшее за изданіемъ Судебныхъ Уставовъ законодательство, во многомъ отступавшее отъ основныхъ началъ этого замѣчательнаго памятника русскаго бюрократическаго творчества. Тѣмъ же и не чѣмъ инымъ можно объяснить и то тяжелое переживаніе, которое выпало на долю русскаго судебнаго вѣдомства въ періодъ нашего лихолѣтія 1905 и послѣдующихъ годовъ, когда политическая волна подняла съ низовъ нашей общественной жизни всю ту муть, которая вѣками наслоялась на ея днѣ. Волна эта грозила затопить и нашъ судебный корабль, но изъ выпавшаго на его долю испытанія онъ вышелъ, въ общемъ, неповрежденнымъ. Случилось это, исключительно благодаря мудрой предусмотрительности составителей Судебныхъ Уставовъ, искавшихъ для новаго суда такихъ основъ, которыя бы не зависили отъ преходящихъ и вѣчно мѣняющихся политическихъ теченій, а ставили бы судъ подъ твердую и незыблемую сѣнь закона. За это одно составители Судебныхъ Уставовъ, посѣявшіе „доброе, разумное и вѣчное“, заслужили себѣ неувядаемую благодарность послѣдующихъ поколѣній, которую не стереть ни нападками нѣкоторыхъ органовъ нашей печати, ни нерѣдко дѣлаемыми выпадами въ Государственной Думѣ противъ нашего

суда отдѣльныхъ самонадѣянныхъ партійныхъ дѣятелей, не брезгающихъ даже иногда переносить на думскую трибуну свои личные счеты съ русскимъ правосудіемъ за неудачи, которыя имъ пришлось испытать на адвокатской трибунѣ, и жаждущихъ подчинить судъ своему тлетворному вліянію.

Поставивъ судъ внѣ политики, составители Судебныхъ Уставовъ проявили, какъ извѣстно, во многомъ безпримѣрную смѣлость творческой мысли, достигшей своей вершины въ учрежденіи суда присяжныхъ засѣдателей. Вчерашній рабъ былъ призванъ къ участію въ отправленіи правосудія въ качествѣ присяжнаго. Зачатъ былъ русскій судъ присяжныхъ, въ отличіе отъ другихъ странъ, не при громѣ и молніи революціонныхъ потрясеній, а въ спокойной обстановкѣ разумныхъ поисковъ уголовнаго суда, который былъ бы тѣсно связанъ съ жизнью.

Не для гарантій личной свободы и правъ гражданина, т. е. не для цѣлей политическихъ вводился судъ присяжныхъ въ Россіи, а, какъ выразился С. И. Зарудный („Общія соображенія о составѣ суда уголовнаго"), для полученія „лучшаго судебнаго метода", который является въ рукахъ каждаго правительства, независимо отъ формы правленія, для огражденія себя отъ нравственной отвѣтственности за ошибки зависимыхъ отъ него по службѣ прямо или косвенно судей, впадающихъ въ рутину и равнодушіе [1]).

Правда, рожденіе суда присяжныхъ въ Россіи происходило при извѣстной борьбѣ мнѣній, но борьба эта ничего общаго съ политической схваткой не имѣла. Велась она благороднымъ оружіемъ въ предѣлахъ серьезныхъ сомнѣній, вызывавшихся у нѣкоторыхъ лицъ самою возможностью вводить судъ присяжныхъ сейчасъ же послѣ отмѣны крѣпостного права. „Легко себѣ представить дѣйствіе такого суда, писалъ противникъ этого суда, графъ Блудовъ, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развито и нелѣпо, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность,

---

[1]) См. интересное введеніе А. Ѳ. Кони къ систематическому комментарію къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства подъ общей редакціей Гернета.

признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія—удальствомъ, а преступники—несчастными". „Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ! — восклицалъ извѣстный сенаторъ Карніолинъ-Пинскій,—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣть другому"?!

Сомнѣнія о возможности ввести у насъ присяжныхъ засѣдателей раздѣлялъ и Спасовичъ. Черезъ двадцать девять лѣтъ въ предисловіи къ тому III своихъ сочиненій, изданныхъ въ 1890 году, онъ отказался отъ своихъ сомнѣній. „Читая въ 1861 году публичныя лекціи о теоріи уголовныхъ доказательствъ, писалъ онъ въ 1890 году, я не предчувствовалъ возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. Конечно, мнѣ же пришлось, сознается онъ, больше чѣмъ кому бы то ни было другому радоваться, что я ошибся, что смѣлый опытъ состоялся и увѣнчался успѣхомъ, то есть, что учрежденіе пустило корни и доказало свою живучесть". Да, теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, можно увѣренно утверждать, что въ общемъ русскій судъ присяжныхъ удался, хотя есть у него и тѣневыя стороны, проистекающія отъ того, что подмѣтилъ тотъ же Спасовичъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. „Въ нашихъ присяжныхъ,—писалъ онъ,—еще слабо сознаніе, что они призываются охранять государственный интересъ, страдающій отъ безнаказанности преступниковъ, что преслѣдованіе преступниковъ не есть обязанность одного лишь правительства. Наши присяжные не злобствуютъ, они скорѣе мягкосердечны. Они всегда будутъ вводимы въ искушеніе, когда имъ будетъ представляться возможность исполнить долгъ свой не весь, а въ половину; потерпѣвшаго по возможности удовлетворить, а обвиняемаго съ Богомъ отпустить, не помышляя о государствѣ" [1]). Эта подмѣченная Спасовичемъ черта присуща однако не столько нашей народной гущѣ, сколько нашей интеллигенціи, которая склонна къ отвлеченнымъ обобщеніямъ, оказывающимся зачастую безпочвенными, а потому и вредными въ практическомъ отношеніи. Всякій, работавшій съ присяжными засѣдателями, знаетъ,

[1]) Спасовичъ. Вопросъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать лицъ, провинившихся въ преступленіяхъ. Вѣстникъ Права, 1901 г. № 1.

что наиболѣе разсудительными присяжными являются крестьяне-земледѣльцы, а наименѣе удовлетворительными—представители нашего городского населенія. Дряблость нашей интеллигенціи уже давно обращала на себя вниманіе нашихъ писателей. Извѣстно, что Достоевскій приписывалъ даже русской либеральной интеллигенціи ненависть къ Россіи и злорадство по поводу ея бѣдъ. Психологія русскаго интеллигента была отлично очерчена покойнымъ Н. Сергѣевскимъ. „Давно уже, писалъ онъ, началась на святой Руси болѣзнь непротивленія. Но не подвигъ это, не самопожертвованіе, а просто слабость; бездушное, безвольное, болѣзненно-нервное слабосиліе". Б. Чичеринъ объяснялъ это печальное явленіе тѣмъ, что „мы рѣдко умѣемъ держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ и умственно, и нравственно. Наша мысль, удостовѣрялъ онъ, не успѣла выработаться и силою труда войти въ опредѣленныя границы, уяснить себѣ цѣли и средства. Она обыкновенно расплывается, довольствуясь отвлеченными понятіями, подъ которыми можно разумѣть все, что угодно, или не зная мѣры одностороннему развитію извѣстняго начала" [1]).

Но, какими бы тѣневыми сторонами ни отличался нашъ судъ присяжныхъ, онъ завоевалъ къ себѣ общее расположеніе и довѣріе въ широкихъ народныхъ массахъ. Поэтому судъ этотъ мы должны оберегать отъ такихъ измѣненій, которыя могли бы повредить его существу.

Западъ Европы предоставляетъ намъ однако, за время дѣйствія нашихъ Судебныхъ Уставовъ весьма серьезныя новшества именно этого рода. Ближайшее ознакомленіе съ ними чрезвычайно интересно. Они покажутъ намъ, на какой путь вступать не слѣдуетъ.

Первымъ по важности новшествомъ является введеніе въ Англіи закономъ 28 августа 1907 г. (онъ вступилъ въ дѣйствіе 18 апрѣля 1908 г.) апелляціи по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ нашей литературѣ имѣется очень обстоятельная работа по поводу этого закона П. Люблинскаго [2]), изъ которой мы и заимствуемъ краткія свѣдѣнія, характеризующія указанный законъ.

---

[1]) Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ, стр. 606.

[2]) Журн. Мин. Юст., январь 1909 г.

Законъ 1907 г. (criminal appeal act) установилъ для дѣлъ, производимыхъ съ участіемъ присяжныхъ, два основныхъ вида апелляціи: 1) апелляцію противъ осужденія и 2) апелляцію противъ приговора.

Въ основу новаго закона была положена мысль усилить гарантіи невинности въ процессѣ. По выраженію лорда Дэнмана, билль объ уголовной апелляціи присоединилъ шестую гарантію къ пяти гарантіямъ невинности, существующимъ въ англійскомъ уголовномъ процессѣ. Эти пять гарантій состоятъ: 1) въ немедленномъ представленіи подозрѣваемаго къ судьѣ, 2) въ предоставленіи ему права видѣть и слышать свидѣтелей, а съ акта 1702 г. и представлять со своей стороны свидѣтелей, допрашиваемыхъ подъ присягой, 3) въ правѣ получать копіи всѣхъ письменныхъ показаній, что ему предоставлено только съ 1836 г., 4) въ возможности знать происхожденіе и характеръ письменныхъ показаній за день до суда и 5) въ правѣ быть представленнымъ на судѣ адвокатомъ, которое было пріобрѣтено по дѣламъ о тяжкихъ преступленіяхъ въ 1836 году.

Въ англійскомъ процессѣ издавна строго укоренился принципъ, принятый и нѣкоторыми континентальными законодательствами (напр., французскимъ), что „обвиняемый не долженъ дважды быть подвергаемъ опасности осужденія". Отсюда односторонность обжалованія, предоставляющая его только осужденному, но не обвинителю. Принципъ этотъ проведенъ съ такою послѣдовательностью въ новомъ законѣ, что самая возможность новаго производства относительно оправданнаго исключена даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оправданіе произошло вслѣдствіе ошибки. Оправдательный приговоръ сохраняетъ свою силу, хотя бы было доказано, что онъ основанъ на обманѣ или клятвопреступленіи.

Англійскій законъ 1907 года, какъ отмѣчено выше, установилъ два вида апелляціи: первый—противъ осужденія—предполагаетъ необходимость кассаціи вердикта присяжныхъ, а второй—противъ приговора—отмѣну или измѣненіе постановленнаго короннымъ судьею приговора. При апелляціи противъ осужденія различается, основывается ли она на правовомъ вопросѣ или же она оспариваетъ фактическое основаніе осужденія. При апелляціи же противъ приговора не различается фак-

тическихъ и юридическихъ основаній. Апелляція противъ осужденія по правовому основанію представляетъ абсолютное право осужденнаго. Она можетъ быть приносима, при соблюденіи извѣстныхъ условій и въ извѣстный срокъ, безъ истребованія разрѣшенія. Апелляція же противъ осужденія по фактическому основанію или смѣшанному, равно какъ и апелляція противъ приговора, зависитъ отъ разрѣшенія суда на ея принесеніе. Въ случаѣ признанія апелляціи противъ осужденія, кассируется вердиктъ и приговоръ, и вмѣсто того апелляціонный же судъ предписываетъ занести въ протоколъ оправдательное рѣшеніе; въ случаѣ признанія апелляціи противъ приговора кассируется приговоръ съ постановленіемъ новаго приговора, безразлично—болѣе или менѣе строгаго, взамѣнъ прежняго.

Апелляціоннымъ судомъ для дѣлъ, разсмотрѣнныхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, является по закону 1907 г. одно изъ отдѣленій высшаго суда королевской скамьи, состоящаго изъ восьми судей, назначаемыхъ по соглашенію лорда канцлера (высшаго должностного лица административнаго вѣдомства) и лорда главнаго судьи Англіи, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и предсѣдателемъ апелляціоннаго суда. Этотъ судъ въ составѣ 3, 5 или 7 коронныхъ судей по большинству голосовъ можетъ постановить безъ участія присяжныхъ засѣдателей новое рѣшеніе взамѣнъ обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ засѣдателей.

Законъ 1907 г., сущность котораго мы привели, производитъ коренной переворотъ въ уголовномъ процессѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, Англія отступила отъ своего прежняго основного начала, котораго до сихъ поръ крѣпко держались континентальныя государства, заимствовавшія его изъ Англіи, что присяжные засѣдатели являются высшими судьями въ вопросахъ факта. Правда, основное начало нарушено для огражденія невинности. Но важенъ лишь первый шагъ, который въ дальнѣйшемъ можетъ привести къ полному крушенію института присяжныхъ засѣдателей, что, какъ увидимъ ниже, и произошло уже въ Венгріи, гдѣ однимъ изъ основаній для подобной мѣры послужилъ англійскій билль объ апелляціи. Самая возможность апелляціи на обвинительныя рѣшенія присяжныхъ ослабляетъ сознаніе отвѣтственности у всѣхъ уча-

ствующихъ въ процессѣ лицъ—присяжныхъ, судей, обвинителя и защитника.

Второе новшество, которое въ высшей степени губительно для суда присяжныхъ, заключается въ настойчивомъ стремленіи, которое обнаруживаютъ многія страны, въ особенности Германія, а за послѣднее время и Австрія, подмѣнить названный судъ судомъ шеффеновъ. Вопросъ объ этомъ подмѣнѣ создалъ обширнѣйшую литературу, которая одна можетъ составить большую библіотеку. Каждый годъ приноситъ новыя изслѣдованія, посвященныя ему, при чемъ сторонники суда присяжныхъ не должны скрывать отъ себя того обстоятельства, что число защитниковъ суда шеффеновъ растетъ все болѣе и болѣе. Проявляется въ этомъ случаѣ нѣчто подобное дѣйствію какой-то стихійной силы, которой сдаются постепенно крупные научные авторитеты и противодѣйствуютъ пока главнымъ образомъ только одни нижнія законодательныя палаты.

Напрасно считать первоисточникомъ самой идеи суда шеффеновъ Германію и отцомъ его извѣстнаго саксонскаго генералъ-прокурора доктора Фридриха-Оскара Шварца. Въ дѣйствительности же мысль о судѣ, подобномъ суду шеффеновъ, была заявлена при самомъ рожденіи суда присяжныхъ на континентѣ Европы, а именно въ 1790 году во французскомъ національномъ собраніи извѣстнымъ Сіэйсомъ. Онъ предлагалъ соединить въ одну коллегію профессіональныхъ юристовъ и гражданъ (les jurisconsultes et les citoyens). Собраніемъ мысль эта была отвергнута главнымъ образомъ подъ вліяніемъ ученія Монтескье о раздѣленіи властей. Возобновленная черезъ годъ, въ 1791 г., Трельяромъ, Дефермонтомъ и Тарже, та же мысль для французскаго суда исправительной полиціи также успѣха не имѣла.

Заявленная такимъ образомъ у самой колыбели континентальнаго суда присяжныхъ мысль о судѣ шеффеновъ оказалась какъ бы роковою спутницею всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій о присяжномъ институтѣ. Этому обстоятельству значительно содѣйствовало политическое значеніе, которое сопровождало появленіе суда присяжныхъ на континентѣ Западной Европы. Съ точки же зрѣнія политической, какъ указываетъ достаточный опытъ Запада, присяжные, въ качествѣ судей государственныхъ преступленій и преступленій, къ нимъ близко соприкасающихся, должны быть признаны институтомъ совершенно

непригоднымъ, впадая то въ тиранію, какъ это было во времена французской революціи, или въ противоположную крайность, отказывая государству въ огражденіи его цѣлости и безопасности. Въ дѣлахъ же о преступленіяхъ печати, которыя обыкновенно подчиняются присяжнымъ засѣдателямъ по соображеніямъ политическимъ, присяжные отказываются зачастую ограждать общественную нравственность и честь частныхъ лицъ.

Интересныя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія сообщилъ въ прошломъ 1913 году австрійской палатѣ господъ докладчикъ законопроекта о введеніи въ Австріи суда шеффеновъ, профессоръ Ламмашъ [1]). Такъ, за оскорбленіе чести въ печати въ Австріи было осуждено: въ 1903 году—14 лицъ, въ 1904 г.—38, въ 1905 г.—15, въ 1906 г. -10, въ 1907 г.—19, въ 1908 г.—20. Возбуждено же было дѣлъ этого рода: въ 1903 г.—95, въ 1904 г.—125, въ 1905 г.—85, въ 1906 г.—70, въ 1907 г.—91, въ 1908 г.—75. Столь малое количество возбуждаемыхъ по оскорбленіямъ въ печати дѣлъ въ Австріи, при необузданности ея печати, объясняется, по удостовѣренію Ламмаша, тѣмъ, что присяжные почти всегда оправдываютъ по дѣламъ этого рода. Еще хуже обстоитъ дѣло съ огражденіемъ общественной нравственности, несмотря на то, что въ Австріи имѣется множество такихъ еженедѣльныхъ изданій, изъ которыхъ каждое требовало бы 52 обвинительныхъ приговора въ годъ за порнографію. Между тѣмъ осужденныхъ присяжными было за подобныя преступленія: въ 1903 г.—3, въ 1904 г.—1, въ 1905 г.—1, въ 1906 г.—1, въ 1907 г.—1 и въ 1908 г.—2. Такое положеніе Ламмашъ правильно называлъ бездѣйствіемъ правосудія (ein Stillstand der Justiz).

Къ отмѣченному присоединилось еще и національное стремленіе, проявившееся въ Германіи, избавиться отъ всего заимствованнаго изъ Франціи. На этой почвѣ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія выросла ожесточеннѣйшая борьба противъ присяжнаго института, съ настойчивымъ требованіемъ замѣны его судомъ шеффеновъ, которому было присвоено въ Германіи значеніе учрежденія національнаго, тогда какъ въ дѣйствительности онъ такого значенія не имѣетъ. Правда,

[1]) Stenographisches Protocoll. Herrenhaus. XXI Session. 30 Sitzung am 27 Juni 1913, стр. 659.

начиная съ 1850 года, судъ шеффеновъ былъ введенъ въ нѣсколькихъ государствахъ нынѣшней Германской имперіи, именно въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Кургессенѣ, Баденѣ, Бременѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Шлезвигъ-Гольштиніи, Саксоніи и Виртембергѣ, но суду этому не были подчиняемы дѣла о важнѣйшихъ преступленіяхъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ мы, напротивъ того, встрѣчаемъ подчиненіе дѣлъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ суду, организованному на подобіе суда шеффеновъ.

Такъ, напримѣръ, въ Сербіи по закону 31 марта 1892 г., а въ Болгаріи по закону 5 марта 1897 года, четыре избранныхъ отъ народа судей присоединяются къ коллегіи коронныхъ судей для совмѣстнаго постановленія рѣшенія о виновности именно по дѣламъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ.

Въ частности, въ Болгаріи „судебнити засѣдатели" принимаютъ участіе только въ рѣшеніи вопроса о виновности, т. е. они болѣе всего приближаются къ той формѣ суда шеффеновъ, которая была учреждена въ 1868 году Саксоніей для уголовныхъ дѣлъ средней тяжести „отцомъ шеффенгерихта" Шварце. Только оправдательные приговоры, постановленные въ Болгаріи окружными судами съ участіемъ судебныхъ засѣдателей, почитаются окончательными; на всѣ же остальныя рѣшенія и приговоры окружныхъ судовъ могутъ приноситься апелляціонные жалобы и протесты въ суды апелляціонные. До закона 28 апрѣля 1895 года окончательными считались въ Болгаріи всѣ приговоры, постановленные окружнымъ судомъ съ участіемъ судебныхъ засѣдателей, если вопросъ о виновности утвердительно или отрицательно разрѣшенъ единогласно.

Отчего, спрашивается, не считать родиною суда шеффеновъ Сербію или Болгарію, подчиняющія этому суду дѣла о важнѣйшихъ преступленіяхъ, или Боснію и Герцеговину, въ которыхъ по уставу уголовнаго судопроизводства отъ 31 января 1891 года судъ шеффеновъ учрежденъ не только для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ въ первой инстанціи, но, въ отличіе отъ другихъ образцовъ, онъ же установленъ и для апелляціонной инстанціи (правда, съ преобладаніемъ коронныхъ судей, а именно на три послѣднихъ полагаются два шеффена), чего никогда не было въ Германіи? Гораздо болѣе широкое проведеніе суда шеффеновъ, чѣмъ то сдѣлано въ Германіи, мы встрѣчаемъ и въ Тес-

синскомъ кантонѣ, гдѣ, по уставу уголовнаго судопроизводства 3 мая 1895 г., согласно мысли адвоката Степана Габуцци, учреждены суды шеффеновъ (именуются они почему-то судами присяжныхъ) для уголовныхъ дѣлъ средней подсудности (уѣздные суды, состоящіе изъ трехъ судей и пяти присяжныхъ) и высшей подсудности (кантональные суды, состоящіе изъ трехъ судей и девяти присяжныхъ). Наконецъ, въ Британской Индіи уголовныя дѣла разрѣшаются англійскимъ судьею съ двумя мѣстными шеффенами.

Характеристическою чертою суда шеффеновъ во всѣхъ государствахъ является то, что надъ этимъ судомъ ставится всюду апелляціонная инстанція въ видѣ коллегіи коронныхъ судей. Исключеніемъ являются, какъ отмѣчено выше, только Боснія и Герцеговина, въ которыхъ шеффены, правда, въ количествѣ меньшемъ по сравненію съ коронными судьями, введены въ апелляціонную инстанцію. Совершенными особняками стоятъ въ этомъ отношеніи Тессинскій кантонъ, въ которомъ на приговоры суда шеффеновъ допускается только кассація, и Норвегія, въ которой законъ 1 іюля 1887 года объ уголовномъ судопроизводствѣ (авторомъ его былъ профессоръ Гецъ), установивъ, наряду съ присяжными засѣдателями, разсматривающими дѣла о важнѣйшихъ преступленіяхъ, судъ шеффеновъ для дѣлъ меньшей важности (два шеффена и коронный судья), вмѣстѣ съ тѣмъ допустилъ пересмотръ по существу приговоровъ, постановленныхъ этимъ судомъ въ судѣ присяжныхъ (§ 400 норвежскаго закона 1887 г.). Въ Тессинскомъ кантонѣ, въ случаѣ кассаціи приговора, дѣло разсматривается вновь кассаціоннымъ судомъ, а не судомъ шеффеновъ.

Дѣйствительно, достойно самаго серьезнаго вниманія, что сторонники суда шеффеновъ, не щадя красокъ для изложенія преимуществъ этого суда передъ судомъ присяжныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ настолько сами не довѣряютъ своему излюбленному дѣтищу, что признаютъ необходимость созданія апелляціонной инстанціи для приговоровъ, постановленныхъ судомъ шеффеновъ, и по отношенію къ этой инстанціи обыкновенно считаютъ нормальнымъ образованіе ея даже изъ однихъ коронныхъ судей или съ численнымъ ихъ преобладаніемъ. Кто же не знаетъ всѣхъ недостатковъ апелляціоннаго пересмотра приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ, который всегда происходитъ при условіяхъ

худшихъ, чѣмъ судебное разсмотрѣніе въ первой инстанціи. Если же присоединить къ этому, что апелляціонная инстанція въ сущности состоитъ изъ однихъ коронныхъ судей, то отъ шеффеновъ остается одно лишь жалкое воспоминаніе. Несомнѣнно, въ существѣ суда шеффеновъ и его построеніи глубоко заложена мысль обезпечить торжество коронныхъ судей. Слѣдовало бы и быть послѣдовательнымъ, требуя вмѣсто суда присяжныхъ не суда шеффеновъ, а суда, состоящаго изъ однихъ коронныхъ судей.

Всю тайну вожделѣній сторонниковъ суда шеффеновъ, которые, по словамъ одного судьи изъ Мюнхена, сказаннымъ на австрійскомъ съѣздѣ судей 1912 г., рѣдко полезны, чаще вредны, а особенно часто лишены всякаго значенія [1]), разоблачилъ знаменитый профессоръ Карлъ Биндингъ, писавшій въ 1876 г., что, будучи горячимъ сторонникомъ суда короннаго, онъ рекомендуетъ судъ шеффеновъ вмѣсто суда присяжныхъ потому только, что первые — меньшее зло и приведутъ къ торжеству коронныхъ судей [2]).

Стихійная настойчивость дать въ Германіи суду шеффеновъ возможно болѣе широкую постановку (извѣстно, что уставъ германскаго уголовнаго судопроизводства 1877 г. ввелъ его для маловажныхъ нарушеній) нашла себѣ яркое выраженіе и въ послѣднихъ законодательныхъ предположеніяхъ, внесенныхъ на обсужденіе германскаго рейхстага. Этому предшествовала усиленная пропаганда указанной мысли въ научной литературѣ и въ германскихъ съѣздахъ юристовъ. На десятомъ изъ этихъ съѣздовъ, происходившемъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1873 г., правда, была принята резолюція, признающая нежелательность устраненія присяжныхъ для замѣны ихъ шеффенами. Но на восемнадцатомъ съѣздѣ 1886 г. въ Висбаденѣ была уже удостовѣрена успѣшная дѣятельность суда шеффеновъ, и признана необходимость безотлагательнаго преобразованія суда присяжныхъ. Наконецъ, на двадцать второмъ съѣздѣ въ Аугсбургѣ 1893 г. принята резолюція о примѣненіи суда шеффеновъ къ дѣламъ о преступленіяхъ средней важности, которыя вѣдаетъ въ Германіи судъ коронный.

---

[1]) Наша статья „Судъ присяжныхъ“ въ Журн. Мин. Юст., 1913 г. ноябрь.

[2]) K. Binding. Die drei Grundfragen der Organisation des Strafgerichts, стр. 107 и 108.

Начиная съ 1883 года, въ законодательныхъ учрежденіяхъ Германіи возбуждался неоднократно вопросъ о введеніи апелляціи на приговоры коронныхъ судей, постановленные въ первой инстанціи (Strafkammern), но попытки эти успѣха не имѣли. Въ 1903 году правительствомъ была образована комиссія для болѣе широкаго пересмотра уголовнаго процесса, причемъ на ряду съ прежде ставившимся вопросомъ объ апелляціи былъ выдвинутъ на первый планъ вопросъ объ объемѣ участія народнаго элемента въ отправленіи уголовнаго правосудія. Комиссія была составлена изъ двухъ профессоровъ (фонъ-Калькеръ и Вахъ), десяти судей, четырехъ адвокатовъ и пяти лицъ изъ прокуратуры. Въ ея составъ вошли кромѣ того шесть членовъ рейхстага. Предсѣдательствовалъ въ комиссіи членъ имперскаго суда Кауфманъ. Къ 1 апрѣля 1905 года работы комиссіи были закончены. Заключенія ея сводились къ слѣдующимъ главнымъ новшествамъ: 1) всѣ суды первой инстанціи должны представлять собою малые, средніе и большіе суды шеффеновъ, съ отмѣною суда присяжныхъ и съ допущеніемъ на приговоры ихъ апелляціоннаго обжалованія въ суды шеффеновъ второй инстанціи; 2) безусловная обязанность прокуратуры возбуждать уголовное преслѣдованіе по преступнымъ дѣяніямъ (Legalitätsprinzip) подлежитъ ограниченію путемъ развитія института частной жалобы; 3) предварительное слѣдствіе должно быть сохранено съ усиленіемъ процессуальныхъ правъ обвиняемаго и его защитника, при чемъ расширенію подлежитъ необходимая защита, съ предоставленіемъ ей участія въ болѣе раннихъ стадіяхъ процесса, и 4) въ маловажныхъ уголовныхъ дѣлахъ намѣчены болѣе широкая постановка заочныхъ приговоровъ и упрощеніе судебной процедуры и судебныхъ приказовъ.

Союзныя правительства не признали однако возможнымъ принять заключенія комиссіи объ упраздненіи суда присяжныхъ. Въ законопроектѣ, одобренномъ союзнымъ совѣтомъ и переданномъ 13 ноября 1909 года на обсужденіе рейхстага, судъ присяжныхъ предположенъ къ сохраненію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранено намѣченное комиссіею привлеченіе шеффеновъ въ апелляціонныя инстанціи для дѣлъ, рѣшенныхъ въ первой инстанціи судомъ шеффеновъ, и расширена единоличная компетенція амтсрихтера

рѣшать нѣкоторыя маловажныя дѣла безъ участія шеффеновъ. По проекту, одобренному союзнымъ совѣтомъ, апелляціонная инстанція для дѣлъ малаго суда шеффеновъ (1 амтсрихтеръ и 2 шеффена) состоитъ изъ трехъ коронныхъ судей (нынѣ ихъ пять, причемъ для обвинительнаго приговора требуется не менѣе четырехъ голосовъ), а для дѣлъ средняго суда шеффеновъ (2 судьи и 3 шеффена вмѣсто теперешнихъ Strafkammern) она состоитъ изъ пяти коронныхъ судей. Рейхстагъ передалъ проектъ комиссіи, образованной изъ 28 членовъ и избравшей своимъ предсѣдателемъ депутата Вельштейна, а докладчиками по отдѣльнымъ частямъ проекта докторовъ Гейнце, Майера, Вагнера и Граефа. Занятія комиссіи рейхстага начались 3 марта 1910 года и закончились 16 января 1911 года, при чемъ обнаружились серьезныя разногласія съ союзнымъ совѣтомъ. Часть измѣненій, намѣченныхъ комиссіею, однако была признана пріемлемою союзными правительствами. Таковы предположенія комиссіи рейхстага: 1) о назначеніи защитника каждому обвиняемому, взятому подъ стражу, если его защита особенно затруднена его арестомъ, 2) о предоставленіи не только потерпѣвшему, но и всякому заинтересованному обжаловать въ оберъ-ландгерихтъ распоряженіе прокуратуры о прекращеніи предварительнаго разслѣдованія (Ermittlungsverfahren), 3) объ обезпеченіи неимущимъ обвиняемымъ, проживающимъ въ особой отдаленности, дарового проѣзда, 4) о распространеніи закона 14 іюля 1904 года о вознагражденіи невинно подвергнутыхъ заключенію подъ стражу на тѣхъ заподозрѣнныхъ, о которыхъ предварительное производство не развилось далѣе предварительнаго разслѣдованія прокурорскаго надзора, и 5) о значительномъ сокращеніи намѣченной единоличной подсудности амтсрихтера.

Совершенно непріемлемыми союзныя правительства признали намѣченныя комиссіею рейхстага: 1) запрещеніе допрашивать свидѣтелей по поводу тайнъ, касающихся выборовъ въ законодательныя учрежденія, 2) право депутатовъ отказываться отъ дачи показаній о лицахъ, отъ которыхъ они получили какія либо свѣдѣнія или которымъ они ихъ сообщили сами, а равно и о содержаніи этихъ свѣдѣній, 3) производство обысковъ въ зданіяхъ, занимаемыхъ законодательными учрежденіями, не иначе, какъ съ разрѣшенія предсѣдательствующихъ въ нихъ, 4) расширеніе ограниченій, касающихся взятія подъ стражу депута-

товъ, и 5) введеніе шеффеновъ въ апелляціонныя инстанціи для дѣлъ, рѣшенныхъ въ судахъ шеффеновъ. Первоначально комиссія рейхстага, предполагавшая образовать эти инстанціи изъ трехъ коронныхъ судей и двухъ шеффеновъ (т. е. съ преобладаніемъ короннаго элемента), обнаружила готовность совершенно отказаться отъ шеффеновъ въ названныхъ инстанціяхъ, но затѣмъ, при послѣднемъ чтеніи проекта, подавляющимъ большинствомъ голосовъ вернулась къ первоначальному своему предположенію, несмотря на горячія возраженія союзныхъ правительствъ.

На этомъ дальнѣйшее движеніе законопроекта пріостановилось. Во вновь избранномъ затѣмъ рейхстагѣ статсъ-секретарь союзнаго министерства юстиціи заявилъ 12 апрѣля 1912 года, что возобновленіе реформы уголовнаго процесса должно быть отложено до коренного измѣненія германскаго уголовнаго уложенія и что внесенія проекта новаго уголовнаго уложенія можно ожидать, самое раннее, въ 1917 году. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ частей обширнаго германскаго законопроекта о реформѣ уголовнаго процесса рѣшено дать движеніе только двумъ, а именно вопросамъ о порядкѣ производства дѣлъ о малолѣтнихъ и о вознагражденіи присяжныхъ засѣдателей и шеффеновъ. Первый еще не разсмотрѣнъ рейхстагомъ, а второй уже разрѣшенъ закономъ 27 іюля 1913 года.

Конечно, ссылка на необходимость до реформы уголовнаго процесса закончить пересмотръ уголовнаго уложенія есть только уловка, за которой скрывается совершенно другая причина — несогласіе правительства съ измѣненіями, намѣченными комиссіей рейхстага. По существу, конечно, было бы правильнѣе сперва измѣнить судебную организацію, разъ это признается необходимымъ, что и отмѣчаетъ въ любезномъ отвѣтѣ на обращеніе, сдѣланное къ нему по нашему почину, маститый профессоръ Карлъ Биндингъ, а потомъ уже проводить черезъ законодательныя учрежденія такую громоздкую законодательную работу, какъ новое уголовное уложеніе.

Въ подробныхъ свѣдѣніяхъ, отзывчиво представленныхъ въ наше распоряженіе, о ходѣ работъ по реформѣ германскаго уголовнаго судопроизводства, доктора Гамма (предсѣдателя оберъ-ландгерихта), отмѣчаются, между прочимъ, чрезвычайная раздробленность рейхстага и отсутствіе въ немъ прочнаго и устой-

чиваго большинства, которое могло бы найти правильный компромиссъ между двумя требованіями, изъ которыхъ одно стоитъ на непремѣнномъ огражденіи невиннаго отъ возможности подвергнуться наказанію, а другое настойчиво добивается также гарантій заслуженнаго наказанія для виновниковъ преступленія.

Видимо, сильно измѣнилась физіономія рейхстага съ 1876 г., когда императоръ Вильгельмъ I могъ выразить благодарность рейхстагу за ту уступчивость, которую онъ проявилъ къ домогательствамъ союзныхъ правительствъ по такимъ крупнымъ реформамъ, какъ реформы уголовнаго, гражданскаго и конкурснаго судопроизводствъ.

Очень интересны, между прочимъ, надежды, которыя высказываетъ докторъ Гаммъ въ сообщенныхъ намъ обширныхъ матеріалахъ по преобразованію германскаго уголовнаго судопроизводства, что, при неизбѣжно предстоящемъ въ будущемъ компромиссѣ между союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ, замѣна суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ могла бы быть куплена уступкою союзнымъ совѣтомъ допущенія шеффеновъ въ апелляціонныя инстанціи.

Такимъ надеждамъ мы, съ своей стороны, не сочувствуемъ и думаемъ, что осуществленію ихъ, во всякомъ случаѣ, помѣшаетъ, какъ это было и раньше, несочувствіе германскаго рейхстага отмѣнѣ суда присяжныхъ. Зато мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе доктора Гамма, который находитъ совершенно недопустимымъ для рейхстага требовать привилегій для членовъ парламента при реформированіи уголовнаго процесса, въ которомъ заинтересовано все населеніе. Особенно страннымъ является стремленіе создать какую-то привилегію тайныхъ доносовъ членамъ законодательныхъ учрежденій.

Итакъ, въ Германіи пока на мертвую точку попалъ проектъ о расширеніи шеффенскаго суда. Въ такомъ же приблизительно положеніи очутился въ австрійской нижней палатѣ недавно внесенный въ нее правительственный законопроектъ о введеніи въ Австріи суда шеффеновъ. Послѣдній въ высшей степени интересенъ, какъ потому, что онъ намѣченъ для страны, не имѣвшей никогда суда шеффеновъ, такъ и по своей конструкціи и стремленію сильно ограничить компетенцію суда присяжныхъ.

Въ іюнѣ 1912 года правительство внесло въ австрійскую палату господъ проектъ новаго уголовнаго уложенія, вмѣстѣ съ

нѣкоторыми судопроизводственными измѣненіями, касающимися главнымъ образомъ переустройства судебной организаціи путемъ введенія въ нее суда шеффеновъ.

О проектѣ австрійскаго уголовнаго уложенія мы распространяться не будемъ. Скажемъ только, что это результатъ многолѣтней весьма обстоятельной работы, которая въ общемъ дѣлаетъ честь лицамъ, принимавшимъ въ ней участіе.

Того же нельзя удостовѣрить относительно намѣченнаго измѣненія въ судебной организаціи. Въ этой части, которой приданъ характеръ придатка къ уголовному уложенію, тогда какъ по своей важности она заслуживала бы выдѣленія и особаго обсужденія, наносится жестокій ударъ творенію извѣстнаго ученаго и бывшаго австрійскаго министра юстиціи Глазера, которому удалось въ 1873 году, при проведеніи новаго устава уголовнаго судопроизводства, одержать побѣду надъ Гіэ, Шмерлингомъ и Лихтенфельсомъ въ вопросѣ о болѣе широкомъ введеніи въ Австріи суда присяжныхъ, до того времени допускавшагося только для дѣлъ о преступленіяхъ печати. Насколько намѣченный ударъ серьезенъ, можно заключить изъ того, что по проекту около $^5/_6$ дѣлъ, подсудныхъ нынѣ суду присяжныхъ въ Австріи, должны перейти къ суду шеффеновъ.

По австрійскому законопроекту въ разсматриваемой части намѣчается, прежде всего, нѣкоторое осложненіе судебной организаціи. Какъ извѣстно, уголовная юрисдикція въ Австріи распредѣляется между тремя категоріями судовъ, въ качествѣ судовъ первой инстанціи, а именно между единоличными участковыми судьями (Bezirksrichter), земскими или окружными судами (Landesgerichte и Kreisgerichte), дѣйствующими безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и тѣми же земскими или окружными судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (Geschworenengerichte). Новый проектъ, сохраняя судъ присяжныхъ, какъ отмѣчено выше, для одной шестой теперешней его компетенціи и единоличныхъ судей съ ихъ вѣдомствомъ, вмѣсто окружныхъ и земскихъ судовъ, намѣчаетъ суды шеффеновъ двухъ категорій: малые и большіе. Первые состоятъ изъ двухъ коронныхъ судей и двухъ шеффеновъ, а вторые— изъ трехъ коронныхъ судей и трехъ шеффеновъ. Предсѣдательствуетъ въ этихъ судахъ коронный судья. При

равенствѣ голосовъ принимается мнѣніе наиболѣе благопріятное для подсудимаго.

Шеффены облекаются судейскими обязанностями во время разсмотрѣнія дѣла въ полномъ ихъ объемѣ. Приговоры, постановленные судомъ шеффеновъ, должны быть мотивированы. Что касается обжалованія этихъ приговоровъ, то проектъ сохраняетъ ту узкую постановку апелляціи (Berufung), которая извѣстна австрійскому уставу уголовнаго судопроизводства 1873 года, т. е. допустимость апелляціи въ полномъ ея объемѣ только на приговоры единоличныхъ судей (§ 464 австр. уст. угол. суд.), а въ отношеніи приговоровъ, постановленныхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или судомъ коллегіальнымъ безъ ихъ участія въ первой инстанціи, а по проекту судами шеффеновъ,— апелляціи, ограниченной частью приговора о наказаніи и карательныхъ послѣдствіяхъ (§ 283 австр. уст. угол. суд.), съ тѣмъ, что всѣ эти приговоры могутъ подлежать обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ по поводамъ, перечисленнымъ въ законѣ (§ 281 австр. уст. угол. суд.).

Отсутствіе въ австрійскомъ проектѣ особыхъ апелляціонныхъ инстанцій для дѣлъ, разсмотрѣнныхъ судомъ шеффеновъ, составляетъ весьма существенное отличіе этого проекта отъ другихъ западно-европейскихъ образцовъ.

Приведенный нами проектъ разсматривался 26 и 27 іюня 1913 года въ австрійской палатѣ господъ и былъ ею принятъ вмѣстѣ съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія послѣ непродолжительныхъ, но горячихъ споровъ, сосредоточившихся главнымъ образомъ около вопроса о введеніи суда шеффеновъ. Сильными защитниками проекта выступили докладчикъ профессоръ Ламмашъ, австрійскій министръ юстиціи фонъ-Гогенбургеръ и предсѣдатель австрійскаго кассаціоннаго суда фонъ-Руберъ. Противъ проекта высказались графъ Пининскій и въ особенности фонъ-Калль, которому принадлежала весьма жестокая критика суда шеффеновъ. Указавъ на предстоящее чрезвычайное ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, фонъ-Калль напомнилъ, что такая мѣра возвратитъ Австрію къ 1873 году, когда Глазеръ справедливо взывалъ къ обѣимъ законодательнымъ палатамъ не оставлять присяжныхъ только по преступленіямъ печати, когда они напоминали собою одиноко стоящее дерево, которое засыхаетъ, не будучи окружено другими де-

ревьями. Сохраняемая проектомъ хотя и весьма ограниченная компетенція присяжныхъ касается самыхъ тяжкихъ преступленій (влекущихъ десятилѣтнее или болѣе того лишеніе свободы и смертную казнь, при чемъ большому суду шеффеновъ предположено подчинять преступленія, влекущія лишеніе свободы отъ пяти до десяти лѣтъ, и преступленія печати, а малому суду шеффеновъ всѣ остальныя преступленія и проступки, за исключеніемъ нарушеній, отнесенныхъ къ вѣдомству единоличныхъ судей), а между тѣмъ проектъ отрицательно относится къ суду присяжныхъ, не пытаясь его реформировать, что фонъ Калль находилъ весьма непослѣдовательнымъ. Признавая и съ своей стороны, что судъ присяжныхъ страдаетъ недостатками, изъ за которыхъ его сравнивали не безъ основанія съ лотерею, названный членъ австрійской палаты господъ напомнилъ почтенному собранію, что судъ этотъ имѣетъ большую опору въ общественномъ мнѣніи, а это не долженъ упускать изъ вида законодатель. Значеніе присяжнаго суда и его популярность прекрасно обрисовываются, по мнѣнію фонъ Калля, слѣдующими словами Келлера: „не слѣдуетъ устранять изъ нашей среды и подвергать наказанію никого, о комъ научно образованный судья не могъ бы сдѣлать понятнымъ двѣнадцати обыкновеннымъ людямъ, что такое устраненіе и наказаніе были бы справедливы“. Предлагая нѣсколько сблизить присяжныхъ и коронныхъ судей предоставленіемъ послѣднимъ совѣщательнаго голоса при рѣшеніи дѣла присяжными и позаботиться о лучшемъ составленіи ихъ списковъ, фонъ-Калль остановился подробно на мысли передать изъ судовъ, состоящихъ изъ однихъ коронныхъ судей и рѣшающихъ до 95% всѣхъ дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ (5% находится въ вѣдѣніи суда присяжныхъ), всѣ эти дѣла судамъ шеффеновъ. Преимущества суда шеффеновъ передъ судомъ присяжныхъ устанавливаются, благодаря извѣстному пріему, при которомъ въ расчетъ берутся, по мнѣнію фонъ-Калля, больше всего отвлеченныя понятія и теоретическія конструкціи, чѣмъ живые люди. Противъ неосновательныхъ оправдательныхъ рѣшеній судъ шеффеновъ едва-ли даетъ больше гарантій, чѣмъ судъ присяжныхъ. Если подобно присяжнымъ, нерѣдко оправдывающимъ вопреки правдѣ, имѣющимся доказательствамъ, собственному сознанію подсудимаго, говоритъ фонъ-Калль, шеффены сплотятся и будутъ голосовать за оправданіе,

то противоположное голосованіе коронныхъ судей дѣлу не поможетъ, въ виду правила in dubio mitius. Далѣе самое положеніе коронныхъ судей окажется при такихъ условіяхъ въ высшей степени тягостнымъ, вслѣдствіе упадающей на нихъ необходимости мотивировать приговоръ суда шеффеновъ, который для публики, не знающей тайнъ совѣщательной комнаты, будетъ считаться также приговоромъ ихъ, коронныхъ судей, хотя онъ и противорѣчитъ ихъ внутреннему убѣжденію. Иное положеніе, говоритъ фонъ-Калль, занимаетъ предсѣдательствующій въ судѣ присяжныхъ; онъ только объявляетъ рѣшеніе ихъ, отнюдь не покрывая его своимъ именемъ.

Основная мысль суда шеффеновъ, отмѣчаетъ тотъ же членъ австрійской палаты господъ, заключается въ томъ, что коронный судья будетъ направлять шеффеновъ и что ими поддержанный весь судъ въ оцѣнкѣ доказательствъ придетъ къ правильному выводу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ шеффеновъ обреченъ на бездѣятельность, если не установится самое тѣсное отношеніе довѣрія между предсѣдательствующимъ и шеффенами, какъ то обнаружилось въ Германіи. Фонъ-Каллю приходилось многократно слышать отъ нѣмцевъ, что судъ шеффеновъ возможенъ только при томъ условіи, когда предсѣдательствующій имѣетъ руководящее вліяніе на шеффеновъ, когда послѣдніе довѣряютъ ему какъ юристу, какъ болѣе образованному человѣку. Отношеніе внутренняго довѣрія можетъ однако быть поколеблено присоединеніемъ къ предсѣдательствующему одного или двухъ коронныхъ судей. Если эти судьи будутъ пассивными, то лучше ихъ не вводить въ коллегію. Если же они внесутъ въ эту коллегію разногласіе съ предсѣдательствующимъ, что, справедливо замѣчаетъ фонъ-Калль, слѣдуетъ особенно предвидѣть въ средѣ юристовъ, то шеффены превратятся въ третейскихъ судей надъ коронными судьями, а самый судъ шеффеновъ потерпитъ полное крушеніе. Сославшись затѣмъ на то, что австрійскіе коронные судьи завоевали себѣ общее довѣріе, а судъ шеффеновъ не даетъ ручательства, что правосудіе выиграетъ отъ его введенія, фонъ-Калль предостерегалъ верхнюю австрійскую палату, что нижняя палата можетъ ее принудить въ концѣ концовъ оставить компетенцію присяжныхъ засѣдателей безъ измѣненія и ограничиться замѣною коллегіи коронныхъ судей судомъ шеффеновъ, поставивъ это

условіемъ принятія давно ожидаемаго въ Австріи уголовнаго уложенія.

Палата господъ не согласилась съ фонъ-Каллемъ, одобривъ какъ проектъ уголовнаго уложенія, такъ и предположеніе о введеніи суда шеффеновъ, при чемъ, такъ какъ послѣднее касалось компетенціи суда присяжныхъ, т. е. затрогивало основные законы Австріи, то для принятія его потребовалось большинство голосовъ не менѣе двухъ третей, которое и получилось. Австрійскій министръ фонъ-Гогенбургеръ и докладчикъ проекта Ламмашъ, защищавшіе судъ шеффеновъ, ссылались на то, что одно изъ главныхъ достоинствъ послѣдняго заключается въ обязанности мотивировать свое рѣшеніе и что коронные судьи въ этомъ отношеніи внесутъ въ среду шеффеновъ начало, сдерживающее отъ увлеченій, которыя часто замѣчаются у присяжныхъ засѣдателей отъ пышныхъ фразъ и софизмовъ, преподносимыхъ имъ защитниками. Фонъ-Руберъ подчеркивалъ, между прочимъ, ту мысль, что всякій въ правѣ требовать отъ уголовнаго судьи обоснованнаго приговора. Приговоръ же безъ мотивовъ не есть въ сущности приговоръ, а только выраженіе воли, т. е. въ концѣ концовъ проявленіе произвола. Поэтому фонъ-Руберъ находилъ, что присяжные засѣдатели въ дѣйствительности не постановляютъ рѣшеній, а даютъ только одни изреченія безъ основанія (Sprüche ohne Begründung).

Одинъ изъ защищавшихъ проектъ, фонъ-Шей, въ подкрѣпленіе суда шеффеновъ сослался на слова Ульпіана, видѣвшаго въ юриспруденціи scientiam omnium rerum humanarum et divinarum, т. е. такую совокупность знаній, которую одинъ юристъ безъ помощи обывателей охватить не можетъ. Графъ Пининскій, возражавшій противъ проекта, но затѣмъ согласившійся при голосованіи не препятствовать его принятію, сильно нападалъ на судъ присяжныхъ и находилъ неосторожной передачу уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія коронныхъ судей въ компетенцію суда шеффеновъ. Судъ присяжныхъ, по его мнѣнію, въ существѣ какъ бы стремится подтвердить извѣстныя слова Шиллера: „то, чего не видитъ разумъ человѣка понимающаго, то разрѣшаетъ въ своемъ простодушіи дѣтское чутье“. Но у присяжныхъ это чутье проявляется въ страстности, въ предвзятости, въ недостаткѣ объективности, которыми они отличаются въ гораздо большей степени, чѣмъ коронные судьи. Какъ много

труда приходится вкладывать предсѣдательствующему и прокурорскому надзору для того, чтобы ознакомить присяжныхъ засѣдателей съ самыми необходимыми правовыми понятіями! На практикѣ, по словамъ графа Пининскаго, судебное засѣданіе съ присяжными возбуждаетъ такое чувство, что это не судебное засѣданіе, а курсъ элементарныхъ правовыхъ положеній, въ которомъ подсудимые, свидѣтели и свѣдущіе люди играютъ роль клиническаго матеріала. Относительно защиты графъ Пининскій отмѣчалъ, что нерѣдко встрѣчающаяся глупость многихъ присяжныхъ засѣдателей служитъ соблазномъ для защитниковъ прибѣгать къ недопустимымъ пріемамъ, ведущимъ къ полной деморализаціи адвокатскаго сословія.

Упомянутый нами выше фонъ-Шей договорился даже до того, что считалъ отклоненіе проекта о судѣ шеффеновъ „девальваціею“ новаго уголовнаго уложенія, которое можетъ будто бы получить практическое примѣненіе только при судебной организаціи, состоящей изъ единоличныхъ судей, судовъ шеффеновъ и судовъ присяжныхъ засѣдателей.

Ограничиваемся приведенными выдержками изъ интересныхъ преній, происходившихъ въ прошломъ году въ австрійской палатѣ господъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ стенографическихъ протоколахъ засѣданій названной палаты отъ 26 и 27 іюня 1913 года, которые мы рекомендуемъ вниманію всѣхъ интересующихся вопросомъ о судѣ присяжныхъ. На голосованіе, послѣдовавшее въ палатѣ господъ, никакого, къ сожалѣнію, вліянія не оказало отрицательное голосованіе вопроса о судѣ шеффеновъ на австрійскомъ съѣздѣ судей въ сентябрѣ 1912 года [1]), хотя на труды этого съѣзда и ссылался въ палатѣ господъ фонъ-Калль.

Въ австрійской палатѣ депутатовъ приведенный нами законопроектъ дальнѣйшаго движенія пока не получилъ. До сихъ поръ даже не образована комиссія для его разсмотрѣнія. Профессоръ Ламмашъ, любезно подѣлившійся своимъ мнѣніемъ по этому вопросу, сомнѣвается въ томъ, чтобы проектъ былъ принятъ австрійской палатою депутатовъ, хотя австрійское министерство юстиціи настроено по этому поводу болѣе оптимистически.

---

[1]) Указанная нами выше статья о судѣ присяжныхъ.

Профессоръ уголовнаго процесса въ Пражскомъ университетѣ графъ фонъ-Глейспахъ на сдѣланный ему по нашей просьбѣ запросъ отвѣтилъ, что въ либеральныхъ кругахъ Австріи настроены враждебно къ предположенному ограниченію австрійской компетенціи суда присяжныхъ. По мнѣнію фонъ-Глейспаха, когда въ палатѣ депутатовъ наступитъ болѣе спокойная атмосфера, благопріятная для работы, законопроектъ о судѣ шеффеновъ, тѣсно связанный съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія, будетъ принятъ, чего, можетъ быть, не случилось бы, если бы первый проектъ былъ поставленъ отдѣльно.

Идея суда шеффеновъ, какъ извѣстно, просочилась и въ Швейцарію, хотя въ громадномъ большинствѣ кантоновъ она сочувствія не встрѣчаетъ. Собственно воспринялъ ее одинъ только Тессинскій кантонъ. Надо однако имѣть въ виду, что Швейцарскій кантональный союзъ, состоящій изъ 19 кантоновъ и 6 полукантоновъ, благодаря господствующему демократическому духу, не обусловливаетъ почти безъ исключеній занятія судейскихъ должностей юридическимъ образовательнымъ цензомъ. Обыкновенно требуется юридическое образованіе лишь отъ предсѣдателя и секретаря. При такихъ условіяхъ и пополненіи судейскаго персонала выборами на извѣстный срокъ можно утверждать, что идея суда шеффеновъ извѣстна вообще Швейцаріи. Но такое обобщеніе отражаетъ только отдаленное сходство съ судомъ шеффеновъ. Дѣло въ томъ, что выборные судьи Швейцаріи, хотя и не имѣющіе юридическаго образованія, постоянно отправляютъ свои судейскія обязанности въ теченіе выборнаго срока, тогда какъ шеффены привлекаются къ участію въ отправленіи правосудія на весьма краткіе сроки.

Большинство швейцарскихъ кантоновъ, а именно 15 (Люцернъ, Ури, Швицъ, Нидервальденъ, Обервальденъ, Гларусъ, Шафгаузенъ, Базель-городъ, Цугъ, Базель-ландъ, Аппенцель внутри Родена, Аппенцель внѣ Родена, Сенъ-Галленъ, Валлисъ и Граубюнденъ) не имѣютъ вовсе суда присяжныхъ. Девять кантоновъ (Вадтъ, Невшатель, Женева, Фрибургъ, Бернъ, Золотурнъ, Аргау, Цюрихъ и Тургау) имѣютъ судъ присяжныхъ, причемъ два изъ нихъ (Женева и Невшатель) имѣютъ судъ присяжныхъ для важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ (juri criminel) и судъ присяжныхъ для менѣе важныхъ дѣлъ (juri

correctionnel), состоящій изъ шести присяжныхъ [1]). Наконецъ одинъ кантонъ (Тессинскій) имѣетъ судъ шеффеновъ. Что касается швейцарскаго союзнаго суда (Bundesgericht), собирающагося въ Лозаннѣ, то онъ отправляетъ правосудіе съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по опредѣленнымъ политическимъ преступленіямъ, затрогивающимъ союзное устройство, и преступленіямъ должности союзныхъ чиновъ. Съ 1891 года союзный судъ не собирался ни разу съ присяжными, за неимѣніемъ дѣлъ.

Мысль о введеніи суда шеффеновъ, на подобіе Тессинскаго кантона, была заявлена въ Цюрихскомъ кантонѣ въ 1895 году однимъ изъ судебныхъ дѣятелей этого кантона Вольфомъ. Для обсужденія предложенныхъ имъ мѣръ, направленныхъ къ реформѣ цюрихскаго уголовнаго процесса, была образована особая комиссія, которая, отвергнувъ женевскій институтъ присутствованія предсѣдателя суда при совѣщаніяхъ присяжныхъ, вслѣдствіе слишкомъ большой возможности вліять на ихъ рѣшеніе лица, не принадлежащаго къ ихъ коллегіи, высказалась за введеніе суда шеффеновъ. Судъ этотъ долженъ былъ состоять, по мнѣнію комиссіи, изъ восьми присяжныхъ и трехъ коронныхъ судей. Такимъ путемъ комиссія надѣялась сохранить всѣ преимущества присяжнаго суда, съ устраненіемъ его недостатковъ, такъ какъ численный перевѣсъ остается за присяжными и въ то же время имъ обезпечивается помощь судей, обладающихъ спеціальнымъ опытомъ въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Однако комиссія цюрихскаго кантональнаго совѣта рѣшительно высказалась противъ соединенія въ одну коллегію присяжныхъ засѣдателей и коронныхъ судей. „Не тотъ судъ, полагала послѣдняя комиссія, можетъ считаться лучшимъ, который, засѣдая за зеленымъ столомъ, признается совершеннымъ на основаніи теоретическихъ выводовъ, а только тотъ судъ, который пользуется довѣріемъ населенія“ [2]). Послѣдовавшій 29 января 1911 года новый цюрихскій законъ о судебномъ устройствѣ оставилъ судъ присяжныхъ нетронутымъ.

По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, за послѣднее время замѣчается нѣкоторое движеніе въ пользу замѣны суда присяж-

[1]) Jury correctionnel существовалъ еще въ Вадтскомъ кантонѣ до 1886 года, когда онъ былъ отмѣненъ.

[2]) См. нашу статью о реформѣ уголовнаго процесса въ Цюрихскомъ кантонѣ въ газетѣ „Право“ 1904 г. №№ 25 и 26.

ныхъ судомъ шеффеновъ въ кантонахъ Бернскомъ, Вадтскомъ и Невшательскомъ, причемъ только въ первомъ изъ нихъ имѣется обработанный въ этомъ смыслѣ законопроектъ профессора Тормана, составленный въ декабрѣ 1912 года. Законопроектъ Тормана исходитъ изъ стремленія устранить дѣленіе суда на двѣ части при постановленіи приговора, установивъ его единство въ лицѣ смѣшанной коллегіи изъ 8 присяжныхъ и 3 профессіональныхъ судей.

Остается еще упомянуть о кантонѣ Фрибургъ, въ которомъ нѣкоторыми юристами предлагается предоставить профессіональнымъ судьямъ право совѣщательнаго голоса при постановленіи присяжными засѣдателями рѣшенія. Но вопросъ этотъ въ законодательномъ порядкѣ еще не обсуждался.

Сказаннымъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе новшества, сводящагося къ подмѣну суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ.

Третье новшество, касающееся суда присяжныхъ, заключается въ томъ, чтобы поставить ихъ дѣятельность по постановкѣ рѣшенія и даже самое рѣшеніе подъ ближайшій контроль кореннаго суда. Это послѣднее какъ бы объединяетъ два предшествующія новшества, не выдвигая наружу ихъ острыхъ сторонъ, хотя по существу оно является въ высшей степени губительнымъ для присяжнаго института. Новшество въ указанномъ третьемъ направленіи представляетъ въ современныхъ законодательствахъ нѣсколько градацій. Самымъ скромнымъ, хотя и весьма рискованнымъ, является принятое женевскимъ закономъ 1 января 1891 года присутствованіе предсѣдательствующаго съ совѣщательнымъ голосомъ при сужденіи присяжной коллегіи о виновности и затѣмъ сліяніе профессіональныхъ судей съ присяжными въ одну коллегію для назначенія осужденному наказанія (ст. 206—208 жен. уст. угол. суд. въ редакціи новаго закона). Закону этому въ нашей литературѣ посвятилъ въ свое время обстоятельную статью И. Закревскій (см. сборникъ его статей о настоящемъ и будущемъ суда присяжныхъ). Оказывается, что указанный законъ былъ результатомъ компромисса вслѣдствіе бурныхъ преній, вызванныхъ въ женевскомъ законодательномъ собраніи по поводу законодательнаго предложенія слить въ одну коллегію профессіональныхъ судей и присяжныхъ, т. е. ввести судъ шеффеновъ. Послѣдній не прошелъ, и вмѣсто него появилась

какая-то странная форма поставленной внѣ контроля опеки надъ присяжными со стороны предсѣдательствующаго, безъ всякой власти воздѣйствовать на нихъ. Какую громадную роль при такой постановкѣ присяжнаго института получаютъ субъективныя свойства предсѣдательствующаго! На него невольно падаетъ и нравственная отвѣтственность за рѣшеніе присяжныхъ, при постановкѣ котораго онъ только присутствуетъ и воздѣйствовать на него можетъ исключительно своимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Послѣдовательнѣе было бы передать ему самую постановку рѣшенія, чѣмъ дѣлать его какимъ-то предполагаемымъ авторомъ рѣшенія, которое присяжные могутъ однако произнести вопреки его наущенію и совѣту. Впрочемъ, въ Женевскомъ кантонѣ повидимому довольны закономъ 1891 года, что вѣроятно объясняется тѣмъ, что предсѣдательствующіе судьи, комплектуемые путемъ выборовъ, не вызываютъ къ себѣ недовѣрія со стороны присяжныхъ.

По пути, намѣченному женевскимъ законодательствомъ, пошелъ новый итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства 27 февраля 1913 года [1]). Въ странѣ, въ которой родилась антропологическая школа уголовнаго права, крайне отрицательно относящаяся къ суду присяжныхъ, введена хотя и менѣе рѣзкая мѣра, чѣмъ въ Женевскомъ кантонѣ, направленная къ ихъ обузданію, но все же довольно разрушительная для присяжнаго института.

Нападки Ферри и Гарофало на присяжный институтъ, сводящіеся къ тому, что это судъ слѣпой судьбы, разрушающій весь смыслъ обязательности закона и дающій въ своей коллегіи, вопреки правиламъ ариѳметики, сумму слагаемыхъ, которая представляется меньшею величиною, чѣмъ каждое изъ слагаемыхъ въ отдѣльности, до извѣстной степени повліяли на новый итальянскій уставъ. Правда, противъ этихъ нападковъ возражали при законодательномъ прохожденіи новаго устава, и вопросъ объ упраздненіи присяжныхъ не ставился вовсе, но все же недовѣріе къ присяжнымъ ярко сказывается въ итальянскомъ уставѣ. Девизомъ правительственнаго законопроекта министра юстиціи Финочіаро Априли была мысль

---

[1]) См. подробное разсмотрѣніе этого устава въ статьѣ А. Люблинскаго, помѣщенной въ Журн. Мин. Юст. 1913 г. май и іюнь.

сблизить коронный и народный элементы на судѣ, отправляемомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Ввести съ этою цѣлью судъ шеффеновъ проектъ однако не рѣшился. Окончательно законодательными палатами Италіи была принята женевская форма постановленія присяжными рѣшенія, съ весьма важными двумя отступленіями: во-первыхъ, предсѣдательствующій присутствуетъ при постановкѣ присяжными рѣшенія не одинъ, а вмѣстѣ съ сторонами (прокуроръ и по одному защитнику отъ каждаго подсудимаго), и, во-вторыхъ, присяжные не привлекаются къ постановленію приговора о наказаніи, несмотря на то, что въ проектѣ Финочіаро Априли такое привлеченіе ихъ было намѣчено. Самое разъясненіе дается предсѣдательствующимъ присяжнымъ подъ контролемъ сторонъ и ограничивается указаніями смысла предлагаемыхъ присяжнымъ вопросовъ и ихъ связи, а также и карательныхъ послѣдствій, угрожающихъ подсудимому, въ случаѣ его осужденія, безъ оцѣнки доказательствъ и доводовъ обвиненія или защиты. Число присяжныхъ новымъ итальянскимъ уставомъ доведено до десяти, причемъ единолично предсѣдательствующій коронный судья (со времени изданія закона 14 іюля 1907 г. въ Италіи коронная коллегія судей съ присяжными замѣнена единоличнымъ предсѣдательствующимъ) получилъ право, въ случаѣ дачи присяжными утвердительнаго отвѣта на одинъ изъ главныхъ вопросовъ простымъ большинствомъ голосовъ (шестью противъ четырехъ) передавать дѣла на разрѣшеніе другого состава присяжныхъ. Если по дѣлу имѣется нѣсколько подсудимыхъ и простое большинство голосовъ дано по вопросу о виновности только одного изъ нихъ, то предсѣдательствующій имѣетъ право передать на разсмотрѣніе другого состава присяжныхъ дѣло и объ остальныхъ подсудимыхъ, хотя бы виновность послѣднихъ была признана квалифицированнымъ большинствомъ присяжныхъ. Правительственный проектъ предполагалъ даже въ такихъ случаяхъ предоставить предсѣдательствующему право постановлять оправдательный приговоръ [1]). Весьма неудовлетворительнымъ въ новомъ уставѣ является обязательность расчлененія въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, главнаго вопроса по каждому обвиненію на три части:

---

[1]) Наша статья о реформѣ уголовнаго процесса въ Италіи въ Журн. Мин. Юст. 1901 г. іюнь.

1) о существованіи событія преступленія, 2) о совершеніи его подсудимымъ и 3) о виновности.

Но особенно серьезныя возраженія вызываетъ тайна голосованія присяжныхъ, требуемая новымъ итальянскимъ уставомъ. Голосованіе по запискамъ должно происходить такимъ образомъ, чтобы никто не могъ знать о мнѣніи, поданномъ кѣмъ либо изъ присяжныхъ. Въ свое время еще Миттермайеръ справедливо указывалъ по поводу французскаго закона 1835 г. о тайной подачѣ голосовъ, что она „предоставляетъ слабому человѣку полную свободу подавать голосъ даже противъ своего убѣжденія, устраняетъ необходимыя совѣщанія присяжныхъ и благодѣтельный обмѣнъ воззрѣній и служитъ причиною невѣрныхъ и несправедливыхъ приговоровъ [1]). Совершенно правъ А. Люблинскій, который находитъ, что вводимое итальянскимъ уставомъ молчаливое голосованіе превращаетъ присяжныхъ въ какихъ-то автоматовъ, съ тайною подачею записокъ, извращаетъ весь смыслъ коллегіальнаго обсужденія. Къ чему, спрашивается, коллегія присяжныхъ, если она ставится въ условія, устраняющія коллегіальное обсужденіе? Законъ, какъ видно изъ его мотивовъ, имѣлъ въ виду способствовать искреннему и самостоятельному голосованію, свободному отъ внушеній со стороны болѣе дѣятельныхъ присяжныхъ и отъ слѣпого слѣдованія чужому примѣру. Но, если задаваться такими подозрѣніями, то лучше совсѣмъ отмѣнить судъ присяжныхъ, чѣмъ прибѣгать къ сомнительнымъ попыткамъ давать въ немъ прикрытіе человѣческой слабовольности и нерѣшительности.

Гораздо болѣе серьезную попытку подчинить рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей контролю кореннаго суда сдѣлалъ испанскій законъ 1888 г.

Согласно ст. 112 этого закона, коронные судьи передаютъ дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ при наличности единогласнаго постановленія, что присяжные допустили въ своемъ вердиктѣ явную ошибку; такое постановленіе допускается въ двухъ случаяхъ: 1) когда невинность подсудимаго очевидна, безъ возможности разумнаго сомнѣнія въ противномъ, а между тѣмъ присяжные признали обвиняемаго виновнымъ, и

---

[1]) Миттермайеръ. Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ, вып. I, стр. 119.

2) когда виновность его очевидна, а между тѣмъ присяжные признали его невиновнымъ.

Между тѣмъ, въ современныхъ законодательствахъ (ст. 818 нашего Уст. Уг. Суд., ст. 352 франц. уст. уг. суд., ст. 332 австр. уст. уг. суд., ст. 317 герм. уст. уг. суд., ст. 358 норв. уст. уг. суд., ст. 371 венг. уст. уг. суд. и др.) такая передача дѣла единогласнымъ постановленіемъ короннаго суда на новое разсмотрѣніе другого состава присяжныхъ засѣдателей допускается только въ случаяхъ осужденія подсудимаго присяжными, т. е. на in favorem defensionis. Законъ считается въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что осужденіе невиннаго есть большее зло, чѣмъ оправданіе виновнаго. Норвежскій уставъ уголовнаго судопроизводства (ст. 359) идетъ даже такъ далеко, что уполномочиваетъ коронный судъ при единогласномъ признаніи послѣ вторичнаго разбирательства, что осужденъ невинный, оправдать его.

Допущенное испанскимъ закономъ расширеніе правъ короннаго суда по отмѣнѣ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей поддерживается въ научной литературѣ представителями антропологической школы уголовнаго права, изъ коихъ, напримѣръ, Ферри приводитъ по этому поводу такое соображеніе: „Если частное лицо имѣетъ право на оправданіе при недоказанности его вины, то и общество имѣетъ право, чтобы оправданіе подсудимаго покоилось на доказанности его невиновности путемъ строгаго анализа доказательствъ, а не на рѣшеніи. данномъ по ошибкѣ“ [1]). Въ этомъ же смыслѣ единичныя указанія дѣлались и въ нашей юридической литературѣ [2]).

Такая мѣра кореннымъ образомъ разрушаетъ судъ присяжныхъ. Она въ сущности замѣняетъ внутреннее убѣжденіе присяжныхъ убѣжденіемъ судей коронныхъ. Судъ, въ составѣ присутствія по дѣлу, противополагая увѣренности присяжныхъ въ виновности подсудимаго свое основательное сомнѣніе въ ней, лишь указываетъ, въ интересахъ обвиняемаго, на необходимость новаго, быть можетъ, болѣе внимательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла,—тогда какъ, противополагая

[1]) А. Вульфертъ. Антрополого-позитивная школа въ Италіи, вып. II, стр. 103 и слѣд.
[2]) Статья Н. Галкина-Врасскаго, помѣщенная въ „Руси“ 1884 г. № 11.

свою увѣренность въ виновности сомнѣнію въ ней, возникшему у присяжныхъ, онъ принимаетъ, на себя, въ ущербъ подсудимому, отрицаніе такого элемента въ сужденіяхъ судей существа дѣла, который составляетъ одну изъ важнѣйшихъ гарантій обвиняемаго противъ неправильнаго осужденія, гарантію, лежащую въ самомъ процессѣ мышленія тѣхъ, кто призванъ закономъ окончательно высказаться о его винѣ или невиновности. Да и каково положеніе присяжныхъ засѣдателей второго состава, передъ которымъ будетъ удостовѣрено, что коронный судъ единогласно призналъ подсудимаго, оправданнаго въ первый разъ присяжными, безусловно виновнымъ? Не окажется ли судъ присяжныхъ подъ чрезмѣрнымъ давленіемъ короннаго суда во вредъ подсудимому?

Ввести постановленіе, подобное испанскому закону 1888 г., была сдѣлана попытка у насъ во всеподданнѣйшей запискѣ бывшаго министра юстиціи Манасеина 1893 г. Вопросъ этотъ, будучи поставленъ на обсужденіе Высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру нашихъ законоположеній по судебной части 1894 г., былъ ею единогласно отвергнутъ. Комиссія признала, что допущеніе возможности отмѣны коронным судомъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей повело бы къ уничтоженію всякой самостоятельности присяжнаго суда и во всякомъ случаѣ не достигало бы цѣли, положенной въ основу этого предположенія, уменьшить число оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными. Какъ было справедливо замѣчено въ нашей юридической литературѣ, сознаніе присяжными, что, какое бы рѣшеніе они ни вынесли, таковое можетъ быть отмѣнено судомъ, побудитъ ихъ во всѣхъ сколько нибудь сомнительныхъ случаяхъ постановлять оправдательные приговоры [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣетъ и внимательное отношеніе присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, которое поддерживается въ значительной степени сознаніемъ, что ихъ приговоръ является окончательнымъ.

Обращаемся къ самому рѣшительному умаленію суда присяжныхъ, послѣдовавшему всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, венгерскимъ закономъ 28 марта 1914 года. Во второй

[2]) Н. Цухановъ. О правѣ суда отмѣнять оправдательныя рѣшенія присяжныхъ, Журн. Гражд. и Угол. Права, 1888 г. кн. 9.

половинѣ 1913 года венгерскій министръ юстиціи докторъ фонъ-Бало внесъ въ венгерскій сеймъ законопроектъ о реформѣ суда присяжныхъ, который очень быстро прошелъ черезъ законодательныя палаты и сталъ дѣйствующимъ въ Венгріи закономъ. Сущность его сводится къ измѣненіямъ: 1) постановки вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, 2) заключительнаго слова предсѣдателя, 3) постановки присяжными вердикта, 4) постановки судебнаго приговора на основаніи вердикта присяжныхъ, 5) исправленія неправильныхъ вердиктовъ присяжныхъ и 6) расширенія полномочій кассаціоннаго суда.

Первое измѣненіе представляетъ собою возвращеніе къ отвергнутому наукою [1]) ограниченію присяжныхъ разрѣшеніемъ однихъ фактовъ. Споръ объ этомъ считался уже сданнымъ въ архивъ для уничтоженія, но оказалось, что венгерскіе юристы мыслятъ объ этомъ иначе. Всѣ современныя законодательства встали, какъ извѣстно, на ту точку зрѣнія, что присяжные засѣдатели призываются къ разрѣшенію вопроса о виновности подсудимаго (Schuldfrage). На этой же точкѣ зрѣнія стояло и венгерское законодательство, требовавшее въ § 355 своего устава уголовнаго судопроизводства отъ 4 декабря 1896 года постановки присяжнымъ вопроса о виновности, долженствовавшаго обнимать собою въ конкретизированныхъ фактическихъ обстоятельствахъ каждаго отдѣльнаго дѣла существенные признаки, характеризующіе собою установленный уголовнымъ закономъ составъ преступленія. Отнынѣ венгерскіе присяжные засѣдатели лишены права разрѣшать вопросъ о виновности подсудимаго, такъ какъ имъ такого вопроса болѣе не предлагается. Вмѣсто него §§ 3 и 4 новаго закона установили два вопроса: одинъ о фактахъ, а другой—о соотвѣтствіи ихъ правовымъ признакамъ преступленія.

Ошибочно было бы думать при этомъ, что присяжные отвѣтомъ на второй вопросъ разрѣшаютъ также вопросъ юридическій о подведеніи фактическихъ обстоятельствъ дѣла

[1]) H. Meyer. Tat und Rechtsfrage, 1860; Bar. Recht und Beweis, 1865; Binding. Drei Grundfragen, 1876 г. стр. 35; Birkmeyer. Deutsches Strafprozessrecht, стр. 215; Oetker. Das Verfahren vor den Schwur- und Schöffengerichten, 1907 г., стр. 1 и слѣд.

подъ правовыя нормы. Въ этомъ случаѣ послѣднее слово принадлежитъ по новому венгерскому закону коронному суду въ лицѣ трехъ членовъ кассаціоннаго суда, которые могутъ замѣнить отвѣтъ присяжныхъ на юридическій вопросъ своимъ приговоромъ, если признаютъ, что отвѣтъ присяжныхъ противорѣчитъ тѣмъ обстоятельствамъ дѣла, которыя они же признали своимъ отвѣтомъ на первый вопросъ о фактахъ.

Для того, чтобы судить о томъ, какъ ставятся въ Венгріи присяжнымъ вопросы по новому закону, мы приведемъ редакцію вопросовъ по одному громкому дѣлу объ убійствѣ, слушавшемуся въ Будапештѣ въ маѣ текущаго 1914 года. Два главныхъ вопроса о фактахъ были изложены такъ: 1) „Правда ли, что подсудимая Роза Кобори, въ отсутствіе своей хозяйки Эльзы Турсканъ, впустила 8 января 1914 года въ ея квартиру своего любовника Густава Ника, показала ему богатую обстановку своей хозяйки и ея денежную кассу и сообщила ему, что въ этой кассѣ хранятся значительныя суммы денегъ и цѣнныя вещи? Правда ли, что она показала ему мѣсто, въ которомъ были спрятаны ключи отъ кассы? Правда ли, что, вернувшись въ помѣщеніе для прислуги, она сказала Нику, что, если бы она была мужчиною, она давно лишила бы жизни Турсканъ? Правда ли, что она склоняла его поступить именно такъ? Правда ли, что на замѣчаніе Ника, что онъ страшится вида крови, она отвѣтила ему, что при задушеніи не бываетъ крови? Правда ли, что она вмѣстѣ съ тѣмъ пыталась переубѣдить Ника лишить жизни Эльзу Турсканъ? Правда ли, что для переговоровъ о подробностяхъ этого плана она пригласила Ника зайти къ ней вечеромъ на слѣдующій день? Да или нѣтъ?“ 2) „Правда ли, что Густавъ Никъ, по приглашенію Розы Кобори, постучался къ ней вечеромъ 9 января 1914 года въ квартиру Эльзы Турсканъ, послѣ чего Кобори впустила его и указала мѣсто, гдѣ ему спрятаться? Правда ли, что она убѣдила его осуществить намѣченный планъ и склонила его задушить Турсканъ, какъ только она ляжетъ въ постель? Правда ли, что для этой цѣли Кобори дала ему полотенце и указала ему, что самымъ удобнымъ временемъ является $8^{3}/_{4}$ часовъ вечера? Правда ли, что Никъ въ сопровожденіи Кобори проникъ въ спальню Турсканъ, которая лежала на постели и читала газету?

Правда ли, что Никъ бросился на Турсканъ и сталъ душить ее за горло сперва правою рукою, а потомъ лѣвою рукою, при чемъ Кобори въ это время потушила электрическую лампу на ночномъ столѣ? Правда ли, что Эльза Турсканъ упала съ постели и умерла черезъ нѣсколько минутъ отъ задушенія? Да или нѣтъ?" На случай, если первый или второй вопросы или оба разрѣшены утвердительно болѣе чѣмъ семью голосами, были поставлены два слѣдующихъ юридическихъ вопроса: 1) „подговорила ли умышленно подсудимая Роза Кобори подсудимаго Густава Ника способами, описанными въ первомъ или второмъ вопросахъ о фактахъ, совершить дѣяніе, которымъ онъ предумышленно лишилъ жизни Эльзу Турсканъ? Да или нѣтъ?" 2) (вопросъ этотъ поставленъ условно, на случай отрицанія болѣе чѣмъ четырьмя голосами перваго юридическаго вопроса) „склонила ли умышленно Роза Кобори Густава Ника умышленно, но безъ предумышленія, задушить Эльзу Турсканъ? Да или нѣтъ?"

Оставляя въ сторонѣ редакцію другихъ однообразно поставленныхъ о Густавѣ Никѣ вопросовъ и объ Кобори и Никѣ по обвиненію ихъ въ ограбленіи кассы убитой Турсканъ, полагаемъ, что и приведеннаго достаточно для того, чтобы видѣть, какимъ лабиринтомъ фактовъ, составляющихъ въ существѣ доказательства вины, опутываются присяжные новымъ венгерскимъ закономъ. Ближайшій анализъ дѣятельности уголовнаго судьи показываетъ, что она складывается изъ трехъ моментовъ: 1) изъ установленія голыхъ фактовъ, 2) изъ подведенія ихъ подъ предустановленное закономъ отвлеченное понятіе преступленія, изъ чего образуется одно цѣлое — виновность лица въ преступленіи, и 3) изъ опредѣленія соотвѣтствующаго винѣ наказанія. Первый моментъ еще не заключаетъ въ себѣ судебной дѣятельности въ истинномъ ея смыслѣ. Ограничить дѣятельность присяжныхъ первымъ моментомъ, какъ это сдѣлалъ венгерскій законъ, значитъ, по справедливому выраженію Фейербаха, превратить судъ присяжныхъ въ игрушку, которая будетъ отличаться отъ другихъ игрушекъ только тѣмъ, что она слишкомъ серьезна для потѣхи. Присяжные при подобной постановкѣ ихъ задачи являются лишенными судейскихъ полномочій и напоминаютъ собою маріонетокъ, которыми считаютъ нужнымъ украсить ихъ могилу. Несомнѣнно, что разсматри-

ваемый законъ уничтожаетъ судъ присяжныхъ, вынимая изъ него сердцевину и сохраняя одну внѣшнюю оболочку. Любопытно при этомъ то, что крайне блѣдные и довольно лаконичные мотивы этого закона въ подкрѣпленіе оригинальной постановки вопросовъ, имъ введенной, ссылаются на итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1913 года. Между тѣмъ въ Италіи, хотя и установлена дробимость вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, но вопросъ о виновности не изъятъ отъ разрѣшенія присяжныхъ, какъ то сдѣлано въ Венгріи, гдѣ этотъ вопросъ совершенно отпалъ. Такимъ образомъ въ Венгріи провозглашено въ высшей степени странное юридическое положеніе: уголовной карѣ подсудимый подлежитъ безъ признанія судомъ его виновности.

Самая виновность какъ бы предполагается. Далѣе такихъ геркулесовыхъ столбовъ юридическаго невѣжества идти некуда!

Второе измѣненіе, сдѣланное венгерскимъ закономъ, касается предсѣдательскаго резюме. Новшество заключается въ томъ, что оно произносится передъ присяжными при закрытыхъ дверяхъ въ присутствіи сторонъ, которыя могутъ въ кассаціонномъ порядкѣ жаловаться на неправильности, допущенныя предсѣдательствующимъ въ его разъясненіи, которое ограничено одними правовыми вопросами, но не можетъ касаться разбора доказательствъ. Единственный мотивъ, приведенный въ подкрѣпленіе этого новшества, заключается въ томъ, что печать очень часто передаетъ въ Венгріи предсѣдательскія резюме въ извращенномъ видѣ. Хорошъ мотивъ! Во имя его, при склонности печати всего міра уклоняться отъ истины, пришлось бы закрыть двери по всѣмъ засѣданіямъ, происходящимъ публично и гласно. Никому, однако, кромѣ венгерскихъ законодателей, такая мысль въ голову не приходила.

Третье измѣненіе вводитъ въ Венгріи женевскую систему совѣщательнаго участія предсѣдательствующаго при разрѣшеніи предложенныхъ присяжнымъ вопросовъ. Стороны при этомъ не присутствуютъ, въ отличіе отъ системы, принятой въ Италіи, хотя подача голосовъ присяжными производится въ Венгріи такъ же, какъ и въ Италіи, тайно. Голоса подсчитываются по запискамъ предсѣдательствующимъ. Для осужденія и признанія обстоятельствъ, отягчающихъ отвѣтственность подсуди-

маго, требуется квалифицированное большинство 8 голосовъ изъ 12.

Четвертое измѣненіе устанавливаетъ въ Венгріи участіе присяжныхъ засѣдателей въ постановленіи судомъ приговора о наказаніи. Для этой цѣли присяжные простымъ большинствомъ голосовъ избираютъ изъ своей среды двухъ присяжныхъ, которые входятъ въ составъ коронной коллегіи, состоящей изъ трехъ судей. Это измѣненіе представляетъ собою единственное и, по нашему мнѣнію, весьма удачное улучшеніе въ постановкѣ суда присяжныхъ.

Пятое и шестое измѣненія составляютъ перенесеніе въ Венгрію испанскаго института передачи другому составу присяжныхъ дѣла, *по которому судъ коронный признаетъ, что присяжные ошиблись.* Какъ въ Испаніи, такъ и въ Венгріи, институтъ этотъ примѣняется въ отношеніи какъ оправдательныхъ, такъ и обвинительныхъ рѣшеній. Но поставленъ онъ въ Венгріи шире въ томъ отношеніи, что судъ можетъ въ подобныхъ случаяхъ возбудить передъ кассаціоннымъ судомъ ходатайство о перенесеніи дѣла въ другой судъ для новаго разсмотрѣнія. Главнымъ же образомъ венгерская система отличается отъ испанской тѣмъ, что кассаціонный судъ получилъ въ Венгріи широкое право въ порядкѣ надзора и притомъ безъ мотивовъ отмѣнять рѣшеніе присяжныхъ и обращать дѣло къ новому разсмотрѣнію, если кассаціонный судъ находитъ, что присяжные ошибочно разрѣшили вопросы о фактахъ. И тутъ Венгріею несомнѣнно побитъ рекордъ. Въ защиту приведеннаго новшества мотивы венгерскаго закона ссылаются на англійскій законъ 1907 года объ апелляціи, который, конечно, ничего общаго съ нимъ не имѣетъ.

Обозрѣвая всѣ измѣненія, сдѣланныя венгерскимъ закономъ въ постановкѣ суда присяжныхъ, мы полагаемъ, что отъ этого суда остались однѣ только развалины. Министръ юстиціи Бало, защищавшій приведенную реформу въ венгерскомъ сеймѣ, причислялъ себя къ сторонникамъ суда присяжныхъ. Избави Богъ этотъ судъ отъ такихъ друзей! Самое прохожденіе реформы въ сеймѣ сопровождалось немалыми скандалами со стороны оппозиціи, которая, видя, что она въ меньшинствѣ, въ окончательномъ голосованіи новаго закона участія не принимала.

Исчерпавъ всѣ новшества, намѣчаемыя, а отчасти и осуществленныя въ отношеніи новой постановки суда присяжныхъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ критики, а потому и не должно быть переносимо на нашу родную ниву. Съ присяжными засѣдателями въ той постановкѣ, которая имъ дана Судебными Уставами 20 ноября 1864 года, мы сжились. Будемъ довольствоваться ею и впредь. Политическаго характера судъ присяжныхъ, какъ отмѣчено въ началѣ статьи, къ счастью у насъ не имѣлъ. Это нужно не только твердо памятовать, но и сугубо охранять. Нельзя превращать нашъ присяжный институтъ въ судилище для политическихъ преступленій и преступленій, близко къ нимъ подходящихъ, въ томъ числѣ и преступленій печати. Случаи, которые у насъ имѣли мѣсто по разсмотрѣнію присяжными дѣлъ, соприкасающихся съ политическими, какъ, напримѣръ, дѣло Вѣры Засуличъ, показали съ полною очевидностью, что въ подобныхъ случаяхъ судъ присяжныхъ удержаться на высотѣ судейскаго безпристрастія не можетъ. Не будемъ же мечтать о томъ, чтобы этотъ судъ превратился въ судилище для указанныхъ дѣлъ. День, когда это случится, будетъ началомъ гибели суда присяжныхъ въ Россіи. Поэтому истинные его друзья, взирая на его будущее, должны проникнуться горячимъ желаніемъ, чтобы нашъ судъ присяжныхъ стоялъ возможно дальше отъ политическихъ страстей. Такъ да будетъ и впредь.

Высказывая это пожеланіе, мы расходимся съ лозунгами нашихъ либеральныхъ партій, требующихъ суда присяжныхъ именно для дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ печати. Но въ этомъ случаѣ мы не оказываемся въ одиночествѣ. Такъ, извѣстный Б. Чичеринъ въ своей интересной работѣ о народномъ представительствѣ отмѣтилъ (стр. 740 и 741), что „судъ, прежде всего, долженъ быть безпристрастнымъ, а такими рѣдко бываютъ присяжные въ политическихъ дѣлахъ. Они исходятъ изъ среды, одержимой политическими страстями, и отражаютъ на себѣ ея влеченія. Самый составъ присяжныхъ можетъ случайно образоваться изъ людей съ извѣстными политическими убѣжденіями. Наконецъ, даже предполагая въ нихъ полное безпристрастіе, присяжные, безъ разбора взятые изъ общества, не въ состояніи судить о потребностяхъ власти“.

Въ частности, противъ суда присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ печати высказалось и большинство совѣщанія 1905 г. Д. Ѳ. Кобеко по выработкѣ проекта устава о печати. Въ составъ этого большинства входили, между прочимъ, А. Кони, В. Случевскій, В. Дерюжинскій. М. Стасюлевичъ, примкнувшій къ большинству, выразился такъ: „въ дѣлахъ о печати есть всегда извѣстныя теченія въ воздухѣ, подъ вліяніемъ которыхъ будутъ судить присяжные засѣдатели. Сегодня они будутъ снисходительнѣе ко мнѣ, завтра къ Грингмуту". За присяжныхъ въ совѣщаніи высказались только К. Арсеньевъ и А. Боровиковскій.

И. Щегловитовъ.

Прокурорскій надзоръ за пятьдесятъ лѣтъ, истекшихъ со времени его преобразованія по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II.

I. Вступленіе. II. Учрежденіе, ростъ и упадокъ дореформенной прокуратуры. III. Составленіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и организація прокуратуры на основаніи этихъ Уставовъ. IV. Узаконенія, относящіяся къ дѣятельности прокурорскаго надзора и изданныя послѣ введенія судебной реформы. V. Руководящія разъясненія, касающіяся дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора. VI. Русская печать и литература о преобразованномъ по Судебнымъ Уставамъ прокурорскомъ надзорѣ. VII. Отношенія прокурорскаго надзора къ административнымъ властямъ. VIII. Отношенія прокурорскаго надзора къ суду и къ магистратурѣ. IX. Отношенія прокурорскаго надзора къ обществу. X. Статистическія данныя о дѣятельности прокурорскаго надзора и о личномъ его составѣ.

I. Вступленіе.

Гордо и величаво протекала болѣе чѣмъ тысячелѣтняя исторія русскаго народа: подобно могучей рѣкѣ, которая, одолѣвая препятствія и разрушая преграды, прорываетъ себѣ русло и неудержимо несется отъ малыхъ, почти неизвѣстныхъ истоковъ къ широкому устью, и народъ русскій, съ незапамятныхъ временъ призванный къ борьбѣ со смѣнявшимися врагами, не оскудѣвалъ въ кровопролитныхъ бояхъ, но окрѣпъ, пришелъ къ сознанію своего единства и сплотился въ мощное государство. Когда-же безпрерывныя войны давали ему передышку, то онъ принимался за устройство своей родной земли и всячески пытался обезпечить ея благосостояніе и внѣшнюю безопасность.

И впослѣдствіи, когда варяги призваны были „княжить и володѣти“ землею русскою, то и они, какъ послѣ нихъ и всѣ Державные ихъ потомки, прилагали много усилій къ устройству земли русской, издавали для этого грамоты и законы, учреждали должности и приказы, но усилія ихъ въ большинствѣ случаевъ были безплодны, потому что вѣковой гнетъ татарскаго ига, надолго задержавшій поступательное движеніе русской государственности, создалъ непреодолимую преграду, о которую разбивались надежды и начинанія Великихъ Князей и Русскихъ Царей.

Только изумительной энергіи и геніальной настойчивости Петра Великаго суждено было хотя бы отчасти справиться съ царившимъ въ странѣ безправіемъ и вывести народъ свой на тотъ культурный путь, который имъ положенъ въ основу Россійской Имперіи.

Но, какъ значится въ указѣ Великаго Императора, помѣщенномъ въ судебномъ зерцалѣ: „всуе законы писать, когда ихъ не хранить“, и эта его забота о „храненіи“ закона, между прочимъ, побудила его впослѣдствіи къ учрежденію прокуратуры, въ качествѣ особаго правительственнаго органа, которому поручено было наблюдать за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ Высочайшихъ указовъ, регламентовъ и законовъ и который съ самаго учрежденія своего оправдывалъ довѣріе своего Державнаго Создателя и много способствовалъ охраненію порядка и законности въ управленіи государствомъ.

Послѣ кончины Великаго Преобразователя, времена стали мѣняться, мѣнялось и положеніе прокуратуры, которая то утрачивала свое вліяніе, то вновь его пріобрѣтала. Но, не смотря на эти перемѣны и даже на личную неподготовленность значительнаго числа тогдашнихъ прокуроровъ къ исполненію своихъ важныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, въ общемъ русская прокуратура никогда не отклонялась отъ предначертаннаго ей пути и, когда, 20 ноября 1864 года, незабвенный Царь-Освободитель, Императоръ Александръ II осуществилъ свою судебную реформу, то и преобразованный имъ прокурорскій надзоръ продолжалъ съ честью исполнять возложенныя на него задачи и по прежнему оказался ревностнымъ служителемъ закона и вѣрнымъ его хранителемъ въ судѣ и въ управленіи.

Полувѣковое примѣненіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и въ частности пятидесятилѣтнее функціонированіе преобразованнаго на основаніи этихъ уставовъ прокурорскаго надзора не могутъ считаться особенно продолжительнымъ періодомъ времени, по сравненію съ многовѣковою исторіею русскаго народа и государства. Но такъ какъ упорный и неустанный трудъ переустроеннаго на новыхъ началахъ суда и тѣсно связаннаго съ нимъ прокурорскаго надзора въ основѣ своей направленъ былъ къ огражденію интересовъ и правъ всего русскаго населенія, то есть къ осуществленію истинно культурныхъ задачъ, то дѣятельность ихъ не могла не отразиться не только на всѣхъ явленіяхъ нашей общественной жизни, но и на зарождавшемся у насъ постепенно правосознаніи. Вотъ почему обзоръ хотя-бы только и пятидесятилѣтняго функціонированія прокурорскаго надзора въ нынѣшнемъ его видѣ представляетъ значительный интересъ, тѣмъ болѣе, что за эти именно пятьдесятъ лѣтъ Державною Волею Россійскихъ Самодержцевъ почти всѣ, существовавшія въ нашемъ отечествѣ, учрежденія подверглись коренному переустройству.

Осуществленіе реформъ, предпринятыхъ правительствомъ въ области судоустройства и судопроизводства, потребовало, конечно, много энергіи и напряженнаго труда со стороны тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которымъ ввѣрено было исполненіе отвѣтственныхъ обязанностей, возложенныхъ закономъ на чиновъ русской прокуратуры, и немало встрѣчали они на пути своемъ препонъ и преткновеній: съ первыхъ-же шаговъ своей дѣятельности они вынуждены были бороться съ недоброжелательствомъ приверженцевъ прежняго крѣпостничества, съ господствующимъ еще и до сихъ поръ въ значительной части нашего общества, сентиментальнымъ „непротивленіемъ злу“ и съ недружелюбнымъ отношеніемъ недовѣрчиво настроенныхъ административныхъ властей, для которыхъ, по условіямъ только-что пережитой ими дореформенной эпохи, самое понятіе о законности представлялось праздною и никому ненужною выдумкою, заключавшею въ себѣ лишь дерзкое посягательство на ихъ „права“, подъ которыми разумѣлась давно усвоенная чиновничествомъ система „усмотрѣнія“ и безграничнаго произвола. И если новому прокурорскому надзору, не смотря на всѣ невзгоды и затрудненія, все-таки удалось завоевать себѣ почетное положеніе и уваженіе

благомыслящаго населенія, то этимъ онъ, помимо выдающихся личныхъ достоинствъ первыхъ своихъ представителей, главнымъ образомъ обязанъ мощной и великодушной поддержкѣ, неизмѣнно оказанной ему Верховною властью, которая и въ этомъ отношеніи слѣдовала завѣтамъ и предначертаніямъ Петра Великаго, возложившаго на созданныхъ имъ прокуроровъ обязанность „взыскать всякія безгласныя дѣла, всякую взятку и кражу казны и что ко вреду государственному интересу быть можетъ, и прочія дѣла народныя, за которыя нѣтъ челобитчика“ [1]).

II. Учрежденіе, ростъ и упадокъ дореформенной прокуратуры.

Признавъ необходимымъ создать въ Россіи новый и болѣе соотвѣтствующій его видамъ государственный строй, Петръ Великій встрѣтился съ настоятельною потребностью въ такомъ органѣ надзора, который способствовалъ-бы искорененію безчисленныхъ въ то время злоупотребленій и устраненію наиболѣе крупныхъ недостатковъ правительственнаго механизма. А такъ какъ недостатки эти въ большинствѣ случаевъ связаны были съ нарушеніемъ законовъ и съ несоблюденіемъ регламентовъ и инструкцій, то Великій Преобразователь нашего отечества пришелъ къ убѣжденію въ необходимости установленія систематическаго и постояннаго наблюденія за дѣятельностью коллегій, приказовъ и присутственныхъ мѣстъ и за усерднымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ чиновниками и офицерами своего служебнаго долга. Въ этихъ видахъ онъ, прежде всего, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, отъ 2 марта 1711 года, повелѣлъ „учинить фискаловъ во всѣхъ дѣлахъ“, а Указомъ, отъ 5 марта того же года, подробно опредѣлилъ сущность и назначеніе фискальской должности [2]). Въ п. 3 этого послѣдняго указа повелѣно „выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго изъ какого чина ни есть; дѣла же его суть: долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ,

[1]) П. С. З., №№ 2331 и 2786.
[2]) Тамъ же, №№ 2330 и 2331.

такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ, какой высокой степени ни есть, и тамо его уличать".

Въ распоряженіе оберъ-фискала были назначены мѣстные фискалы, которые пользовались на мѣстахъ такими-же правами, какъ и онъ, и съ этихъ поръ, начиналась регулярная, хотя, по условіямъ того времени, довольно безплодная дѣятельность этихъ вновь созданныхъ чиновниковъ, получившихъ право контроля надъ дѣйствіями служилыхъ людей.

Фискалы, не смотря на свои обширныя права, не могли, однако, принести существенной пользы въ отношеніи упорядоченія суда и администраціи [1]). Объясняется это, главнымъ образомъ, тѣмъ, что имъ предоставлено было дѣйствовать только тайно, сами-же они не имѣли права ни присутствовать въ засѣданіяхъ правительственныхъ учрежденій, ни наблюдать непосредственно за дѣятельностью послѣднихъ. Этимъ и объясняется, что Петръ Великій вскорѣ разочаровался въ пользѣ фискаловъ, убѣдился въ ихъ безсиліи и въ малоуспѣшности ихъ надзора и рѣшилъ учредить новое, болѣе совершенное учрежденіе, на которое была-бы возложена часть фискальскихъ обязанностей. Въ этихъ видахъ онъ и призналъ нужнымъ учредить прокуратуру.

Указомъ отъ 12 января 1722 года въ Сенатѣ создана была должность генералъ-прокурора, съ состоящимъ при немъ оберъ-прокуроромъ, а при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ были учреждены должности подчиненныхъ генералъ-прокурору прокуроровъ [2]). Этимъ новымъ правительственнымъ органамъ, которымъ, между прочимъ, подчинены были и фискалы, ввѣренъ былъ надзоръ за дѣятельностью всѣхъ присутственныхъ мѣстъ вообще и даже „самаго Сената", съ цѣлью охраненія въ нихъ порядка, а также для огражденія населенія отъ посягательствъ чиновниковъ на его права и привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ и въ несоблюденіи законовъ и Царскихъ указовъ.

Подробная регламентація правъ и обязанностей прокуроровъ содержится въ изданной 27-го апрѣля 1722 года „Должности генералъ-прокурору" [3]). Въ этомъ общеизвѣстномъ историче-

---

[1]) См. Петровскій. Сенатъ, стр. 109. Исторія Пр. Сената за 200 лѣтъ, т. I, стр. 197—201.
[2]) П. С. З., № 3877.
[3]) Тамъ же, № 3779.

скомъ памятникѣ, между прочимъ, выражено, что „генералъ-прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ и по всѣмъ дѣламъ, которыя къ сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по указамъ и регламентамъ, отправлялъ". Сверхъ того генералъ-прокурору вмѣнялось въ обязанность „накрѣпко смотрѣть, чтобы въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ, по указамъ, исполнялись, въ чемъ онъ и долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указъ получилъ, исполнено-ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ". Если-же Сенатъ „не поступаетъ въ своемъ званіи правильно и нелицемѣрно", то генералъ-прокуроръ въ тотъ-же часъ повиненъ ему „предлагать съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправить, а буде не послушаютъ, то долженъ въ тотъ-же часъ протестовать, оное дѣйствіе остановить и немедленно донести Государю" [1]).

Подобно тому, какъ генералъ-прокуроръ сталъ, такимъ образомъ, по собственному выраженію Великаго Преобразователя, „окомъ Царя", и подчиненные ему прокуроры, получивъ тѣ-же обширныя права въ мѣстномъ управленіи, стали „окомъ генералъ-прокурора", которому они должны были представлять свои „протестаціи и доношенія" о дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ и въ правѣ были давать послѣднимъ „предложенія съ напоминаніемъ и предостереженіемъ" [2]).

Но этимъ дѣятельность прокуратуры еще не исчерпывалась: вскорѣ забота Петра Великаго объ охраненіи имущественныхъ интересовъ казны, отъ которыхъ, главнымъ образомъ, зависѣло обезпеченіе внѣшняго могущества и внутренняго благоустройства и благосостоянія Его Имперіи, побудили Его возложить на чиновъ прокурорскаго надзора контроль надъ всѣми мѣстами и лицами, въ вѣдѣніи которыхъ находилось управленіе какими-либо источниками доходовъ казны, а въ особенности взиманіе налоговъ, завѣдываніе исполненіемъ повинностей и такъ далѣе.

---

[1]) Исторія Прав. Сената за 200 лѣтъ, т. I, стр. 215 и сл.

[2]) Н. Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ, стр. 280.

Многостороннія, сложныя и трудныя задачи, возложенныя, такимъ образомъ, на Петровскую прокуратуру, почти съ первыхъ же дней ея существованія исполнялись ею успѣшно и съ большимъ усердіемъ и представители ея вполнѣ оправдали ожиданія своего Державнаго Учредителя. Однако, несмотря на это, тотчасъ послѣ Его кончины, отношеніе правительства къ чинамъ прокурорскаго надзора кореннымъ образомъ измѣнилось, а въ связи съ этимъ поколебалось и самое ихъ значеніе, въ особенности послѣ того, какъ, съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, генералъ-прокуроръ Ягужинскій получилъ другое назначеніе, а должность его осталась даже не замѣщенною [1]). Только въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны такое положеніе отчасти измѣнилось къ лучшему: Высочайшимъ Манифестомъ, отъ 2 апрѣля 1730 г., прокурорскій надзоръ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, какъ будто-бы возстановленъ былъ на Петровскихъ основаніяхъ [2]); въ дѣйствительности-же онъ и послѣ изданія указаннаго манифеста оставался безсильнымъ и не въ состояніи былъ возвратить себѣ прежняго, столь быстро утраченнаго вліянія, и до самаго вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II дѣятельность чиновъ прокуратуры сводилась къ чисто формальному наблюденію за дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и къ никого не интересовавшимъ „доношеніемъ“ по начальству, почти никогда не имѣвшимъ какихъ либо реальныхъ послѣдствій.

Только подъ вліяніемъ широкихъ задачъ Императрицы Екатерины II и взглядовъ Ея правительства прокуратура стала снова пользоваться довѣріемъ и сдѣлалась полезнымъ и могущественнымъ органомъ государственнаго управленія. Особенно возросли значеніе и авторитетъ прокуратуры ко времени созыва комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, такъ какъ къ участію въ трудахъ этой комиссіи Императрицею призванъ былъ одинъ только генералъ-прокуроръ, въ качествѣ Ея довѣреннаго и представителя, ознакомленнаго съ Ея видами и намѣреніями. Вліятельное положеніе, занятое генералъ-прокуроромъ, впослѣдствіи, еще усилилось: онъ сталъ мало по малу руководителемъ управленія государственнымъ хозяйствомъ, финансами и внутренними дѣлами [3]), а такъ какъ онъ къ тому-же имѣлъ въ своемъ

---

[1]) Филипповъ. Исторія Сената, стр. 267.

[2]) П. С. З., № 5657.

[3]) Градовскій. Высшая администрація, стр. 209.

распоряженіи подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ и фискаловъ, которые на мѣстахъ исполняли и осуществляли всѣ его требованія и предписанія по надзору и контролю надъ правительственными учрежденіями, то онъ сталъ, такимъ образомъ, фактическимъ главою правительственнаго механизма и докладчикомъ Императрицы по всѣмъ вопросамъ о пользахъ и нуждахъ населенія.

Такое исключительное по важности своей положеніе генералъ-прокурора продолжалось, съ нѣкоторыми, въ общемъ, незначительными измѣненіями, почти до вступленія на престолъ Императора Александра I, когда, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта и министерствъ, кругъ дѣятельности и задачи прокурорскаго надзора, конечно, должны были сузиться и сведены были къ наблюденію за правильностью отправленія правосудія и законом'ѣрностью распоряженій правительственныхъ учрежденій; а такъ какъ тѣмъ временемъ, задачи суда и администраціи, по мѣрѣ усовершенствованія системы государственнаго управленія, въ значительной степени возрасли и осложнились, то фактически прокуроры, въ большинствѣ случаевъ, даже не въ силахъ были удовлетворять и такому, болѣе ограниченному кругу своей дѣятельности: огромная масса лежавшей на нихъ работы и крайнее разнообразіе ихъ функцій по надзору, нерѣдко вызывавшія непріятныя столкновенія и сильнѣйшіе нападки и нареканія, при недостаточности у нихъ спеціальныхъ знаній, а отчасти даже и общаго образованія, должны были сами по себѣ въ концѣ концовъ умалить положеніе прокуратуры. Къ тому-же тогдашніе прокуроры, по происхожденію, взглядамъ и традиціямъ своимъ, принадлежали къ той самой средѣ служилыхъ людей, которая подчинена была ихъ контролю, а поэтому вполнѣ понятно, что многіе изъ нихъ стали постепенно сливаться со всѣмъ остальнымъ чиновничествомъ, которое съ большимъ успѣхомъ умѣло вовлекать ихъ въ сферу своихъ личныхъ интерересовъ. Послѣдствіемъ такого положенія вещей было, что, съ теченіемъ времени, большинство прокуроровъ стало считать для себя выгоднымъ и удобнымъ никого не раздражать и не возбуждать своимъ непріятнымъ вмѣшательствомъ и предпочитало сводить свою прежнюю живую и плодотворную дѣятельность къ обычной чиновничьей рутинѣ и къ канцелярскому формализму, подъ вліяніемъ которыхъ существованіе прокурорскаго надзора

давало мало замѣтныхъ результатовъ, а трудъ его представителей въ сущности сводился къ механическому снабженію подлежавшихъ ихъ просмотру журналовъ присутственныхъ мѣстъ классическою надписью „читалъ“ и отмѣткою въ настольномъ реестрѣ „зачитано“.

Что-же касается общества, среди котораго прокуроры дѣйствовали, то, по мѣрѣ того, какъ они стали приближаться къ типу всѣхъ прочихъ губернскихъ чиновниковъ, они стали для него, какъ и для всего населенія, чуждыми, мало понятными и никому не нужными органами правительственной власти, представлявшими только лишнее бремя и безполезный источникъ всевозможныхъ хлопотъ и проволочекъ. Особенно рельефно подобный взглядъ на прокурорскій надзоръ того времени выраженъ въ памятныхъ словахъ Гоголя: вѣдь прокуроръ человѣкъ праздный и даромъ землю бременитъ.

Только къ концу царствованія Императора Николая I, когда ряды чиновъ прокуратуры стали пополняться лицами, получившими образованіе на юридическихъ факультетахъ университетовъ и въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, а въ русскомъ образованномъ обществѣ стали все болѣе и болѣе сознавать настоятельную необходимость борьбы съ произволомъ и злоупотребленіями чиновничества, значеніе прокурорскаго надзора нѣсколько увеличилось, а дѣятельность его стала ближе отвѣчать той цѣли, для которой онъ учрежденъ былъ. Коренное же преобразованіе прокуратуры на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ духу времени и пользѣ дѣла и интересамъ населенія, могло быть достигнуто лишь съ осуществленіемъ судебной реформы.

III. Составленіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и организація прокуратуры на основаніи этихъ Уставовъ.

6-го декабря 1826 года Императоръ Николай I, обративъ вниманіе на неурядицу „нестройной громады государственнаго зданія", Высочайше повелѣлъ образовать, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, Особый Комитетъ для предварительнаго обсужденія предположеній о переустройствѣ Имперіи на новыхъ началахъ, какъ въ административномъ, такъ и въ судебномъ отношеніяхъ. Въ составъ этого Комитета были преимущественно назначены лица, знакомыя съ нуждами населенія, и въ теченіе шести лѣтъ Комитетомъ были выполнены обширныя подготовительныя работы и собрано множество цѣннаго матеріала, который затѣмъ частью использованъ при изданіи Свода Законовъ 1832 года, частью же, по Высочайшему повелѣнію, переданъ во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, на которое, кромѣ кодификаціи законодательства, возложено было и составленіе проекта судебнаго преобразованія [1]). Послѣ многолѣтняго труда, не приведшаго ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ, Второе Отдѣленіе Канцеляріи въ 1843 году потребовало, чрезъ министра юстиціи, замѣчаній и отзывовъ предсѣдателей палатъ уголовнаго и гражданскаго суда и губернскихъ прокуроровъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствовавшихъ въ то время процессуальныхъ законахъ. Однако и эта мѣра не ускорила и даже почти не подвинула осуществленія намѣченнаго улучшенія по судебной части; подготовительныя работы шли медленно, отрывочно и безъ всякаго общаго плана, а оживились онѣ только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда, со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, судебная реформа вошла въ общую систему намѣченныхъ правительствомъ преобразованій.

Между прочимъ, въ одномъ изъ журналовъ Высочайше утвержденной комиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета министра юстиціи за 1858 годъ, указано было на значитель-

---

[1]) Исторія Пр. Сената за 200 лѣтъ, т. III, стр. 140.

ную медленность и волокиту въ производствѣ судебныхъ дѣлъ и на необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію этого нежелательнаго порядка вещей, пагубно отражающагося на интересахъ подсудимыхъ и тяжущихся. Во исполненіе такого заключенія комиссіи, удостоившагося Высочайшаго утвержденія, Министерствомъ Юстиціи составлена была „инструкція" губернскимъ прокурорамъ и стряпчимъ „о предупрежденіи замедленія дѣлъ излишними справками", въ которой выражено категорическое требованіе „особой съ ихъ стороны бдительности и ревности въ наблюденіи за скорымъ и правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ, которое послужитъ доказательствомъ ихъ благонадежности и способности въ отправленіи своей главнѣйшей обязанности—повсемѣстнаго наблюденія за законностью дѣйствій присутственныхъ мѣстъ".

Вскорѣ послѣ изданія приведенной инструкціи, а именно 8 іюня 1860 года, Высочайше утверждено было выработанное тѣмъ временемъ Министерствомъ Юстиціи, при участіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Учрежденіе судебныхъ слѣдователей, съ изданіемъ котораго производство предварительныхъ слѣдствій изъято изъ вѣдѣнія полиціи и возложено на особо назначенныхъ чиновъ судебнаго вѣдомства. Этимъ-же закономъ губернскимъ прокурорамъ было предоставлено участіе въ назначеніи судебныхъ слѣдователей, которые, хотя и опредѣлялись на должности губернаторами, но не иначе, какъ по соглашенію съ мѣстнымъ прокуроромъ. Кромѣ того, по Учрежденію судебныхъ слѣдователей, прокурорамъ дано было право разсматривать производимыя слѣдователями предварительныя слѣдствія, а по жалобамъ на неправильное задержаніе лицъ, привлеченныхъ къ таковымъ внѣ уѣздныхъ городовъ,—требовать свѣдѣній о положеніи подобныхъ дѣлъ. Письменныя же предложенія губернскихъ прокуроровъ признаны достаточнымъ поводомъ для начатія слѣдствія, а судебнымъ слѣдователямъ вмѣнено въ обязанность доставлять прокурорамъ свѣдѣнія о всѣхъ слѣдствіяхъ, начатыхъ ими по собственной иниціативѣ, равно какъ и объ окончаніи и отсылкѣ слѣдствій въ судебныя мѣста [1]).

Одновременно съ предпринятымъ, такимъ образомъ, переустройствомъ слѣдственной части, подготовительныя работы по

---

[1]) П. С. З., № 37891.

составленію предположеній о судебномъ преобразованіи безпрерывно продолжались во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и 23 октября 1861 года состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ выработаннаго канцеляріею проекта въ Соединенные Департаменты Законовъ и Духовныхъ и Гражданскихъ Дѣлъ, для предварительнаго обсужденія и утвержденія основныхъ началъ будущихъ судоустройства и судопроизводства. Выработанныя, при участіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта, графа Блудова, государственнаго секретаря Буткова, оберъ-прокурора Правительствующаго Сената Буцковскаго и оберъ-секретаря К. П. Побѣдоносцева и московскаго губернскаго прокурора Ровинскаго, предположенія были затѣмъ тщательно и подробно разсмотрѣны и обсуждены Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утверждены 29 сентября 1862 года.

Сводъ главнѣйшихъ основаній проектированной реформы подробно изложенъ въ журналахъ Соединенныхъ Департаментовъ [1]) и, поскольку эти предположенія касались будущаго прокурорскаго надзора, они представлялись въ такомъ видѣ: „прокуроры", говорится въ журналѣ, „суть органы правительства для охраненія силы законовъ, и на этомъ основаніи сущность ихъ обязанностей должна заключаться: въ обнаруженіи и преслѣдованіи всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его возстановленію; въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній по судебнымъ дѣламъ, подчиненнымъ особому ихъ наблюденію Уставами Гражданскаго и Уголовнаго Судопроизводства; въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона и въ представленіяхъ о поясненіи и дополненіи законовъ, если о томъ возникнутъ недоразумѣнія или вопросы по судебному вѣдомству". При этомъ соединеніе, въ лицѣ прокурора, столь важныхъ обязанностей, для исполненія которыхъ нужно не только основательное знаніе законовъ, но и особо энергичная дѣятельность и добросовѣстность, указываетъ на необходимость: „назначать на эти мѣста людей, юридически образованныхъ или доказавшихъ свои познанія по судебной части и вполнѣ благонадежныхъ; имѣть при каждомъ судѣ особаго прокурора; дать прокурорамъ надлежащую степень власти по над-

[1]) Стр. 52, 98—130, 170—175, 211—215, 327—328.

зору за производствомъ уголовныхъ слѣдствій и въ особенности подчинить имъ непосредственно всѣ полицейскіе чины по предмету производимыхъ ими дознаній о преступленіяхъ и проступкахъ". Многочисленность же и разнообразіе занятій прокуроровъ, „особливо по надзору за уголовными слѣдствіями, а иногда и по личному участію въ производствѣ оныхъ, требуетъ назначенія имъ товарищей, по мѣрѣ встрѣчающейся въ томъ надобности".

Наконецъ, для доставленія прокурорскому надзору надлежащаго единства, признано необходимымъ, чтобы „въ семъ надзорѣ низшіе чины дѣйствовали подъ руководствомъ высшихъ, и чтобы верховный надзоръ надъ всѣми прокурорами сосредоточивался въ лицѣ министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора".

Эти положенія, выставленныя въ „основныхъ началахъ" судебнаго преобразованія, впослѣдствіи осуществлены были въ Судебныхъ Уставахъ Императора Александра II, согласно которымъ дѣятельность вновь образованной прокуратуры, главнымъ образомъ, распадается на обвинительную, законо-охранительную и исполнительную [1]). Имѣя своимъ главнѣйшимъ назначеніемъ охраненіе правительственнаго интереса во всемъ, что касается точнаго и правильнаго примѣненія закона, прокурорскій надзоръ проявляетъ свою дѣятельность въ этой области какъ по отношенію къ административнымъ, такъ и по отношенію къ судебнымъ установленіямъ: прокуратурѣ предоставлено побуждать полицію и другія учрежденія, обязанныя оказывать помощь правосудію, къ исполненію своихъ обязанностей и привлекать лицъ, не исполняющихъ этихъ обязанностей, къ законной отвѣтственности, а въ случаѣ надобности,— входить по сему предмету въ сношеніе съ подлежащими мѣстами и лицами или же представлять, въ установленномъ порядкѣ, своему начальству о принятіи мѣръ къ устраненію усмотрѣннаго безпорядка или противодѣйствія.

Что касается остальныхъ задачъ прокурорскаго надзора по охраненію закона въ административныхъ установленіяхъ, то таковыя были на нихъ возложены уже позднѣйшими узаконеніями, воспослѣдовавшими послѣ изданія Уставовъ Императора Александра II, и будутъ нами разсмотрѣны въ дальнѣйшемъ

[1]) Буцковскій. О дѣятельности прокурорскаго надзора, стр. 7—64. Муравьевъ. Прокурорскій надзоръ, стр. 369—441.

изложеніи законодательныхъ постановленій, нормирующихъ нынѣшнее положеніе прокуратуры.

По отношенію къ суду прокурорскій надзоръ поставленъ былъ „на стражѣ закона", какъ въ судебныхъ и распорядительныхъ засѣданіяхъ, такъ равно и по вопросамъ, связаннымъ съ судебнымъ управленіемъ, а именно: въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ чины прокурорскаго надзора исполняютъ исключительно законоохранительныя функціи по дѣламъ гражданскимъ, по которымъ они предъявляютъ свои заключенія. По дѣламъ-же уголовнымъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія, они даютъ заключенія по всѣмъ вопросамъ процессуальнаго характера, по вопросамъ о подсудности, о порядкѣ направленія дѣлъ и т. п. Законоохранительная дѣятельность прокуратуры по уголовнымъ дѣламъ совершенно поглощаетъ ея обвинительныя функціи въ кассаціонномъ производствѣ, въ которомъ чины прокурорскаго надзора предъявляютъ только свои заключенія (ст. 921 Уст. Уг. Суд.), исполняя какъ-бы обязанности юрисконсультовъ.

Точно также и по дѣламъ мировой юстиціи, товарищи прокурора объясняютъ въ засѣданіяхъ мировыхъ съѣздовъ „значеніе представленныхъ доказательствъ, указываютъ на относящіеся къ дѣлу законы и даютъ заключенія о примѣненіи оныхъ къ данному случаю (ст. 166 Уст. Уг. Суд.). Но, наряду съ этимъ, на основаніи ст. 146 Уст. Уг. Суд.; имъ предоставлено право просмотра, а въ случаѣ надобности и оставленія безъ движенія, апелляціонныхъ отзывовъ полиціи на приговоры мировыхъ судей, вслѣдствіе чего они пользуются по этимъ дѣламъ и правомъ стороны.

Законоохранительныя функціи отчасти лежатъ также на чинахъ прокуратуры и въ засѣданіяхъ общихъ судебныхъ мѣстъ по уголовнымъ дѣламъ, такъ какъ на нихъ лежитъ обязанность предъявлять заключенія по вопросамъ о наложеніи взысканій на неявившихся присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей и экспертовъ, о закрытіи дверей засѣданій и т. д.

Въ отношеніи судебнаго управленія прокуроръ, присутствуя во всѣхъ засѣданіяхъ суда (141 ст. Учр. Суд. Уст.), въ правѣ сообщать предсѣдателямъ или доводить до свѣдѣнія министра юстиціи о замѣченныхъ имъ нарушеніяхъ закона или упущеніяхъ лицъ судейскаго званія (ст. 253 Учр. Суд. Уст.), предла-

гать общему собранію суда о перемѣщеніи судебныхъ слѣдователей изъ одного участка въ другой (ст. 227 Учр. Суд. Уст.), предъявлять заключенія по возбужденнымъ противъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства дисциплинарнымъ производствамъ (ст. 282 Учр. Суд. Уст.) и предлагать о возбужденіи таковыхъ противъ должностныхъ лицъ не судейскаго званія (ст. 272 Учр. Суд. Уст.).

Кромѣ всего указаннаго, Судебными Уставами возложены на чиновъ прокурорскаго надзора и исполнительно-судебныя функціи, имѣющія большое значеніе, такъ какъ онѣ составляютъ какъ-бы продолженіе дѣятельности суда и связываютъ съ таковою исполнительныя дѣйствія административныхъ властей. Такъ, въ отношеніи обращенія приговоровъ къ исполненію, всѣ распоряженія, выходящія изъ круга непосредственныхъ судебныхъ дѣйствій, отнесены къ обязанностямъ прокуратуры (ст. 948 Уст. Уг. Суд.). Требованія ея по этому предмету въ точности исполняются подлежащими органами администраціи, а встрѣченныя сомнѣнія восходятъ, чрезъ прокурора, на разрѣшеніе суда (ст. 955 Уст. Уг. Суд.). Наконецъ, въ силу ст. 483—485 и 489 Уст. Уг. Суд., наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ остальныхъ распоряженій суда, требующихъ участія административныхъ или иныхъ властей, не принадлежащихъ къ судебному вѣдомству, возложено также на прокурорскій надзоръ, который, въ случаѣ какого-либо уклоненія или противодѣйствія, въ правѣ привлекать виновныхъ къ отвѣтственности.

Что касается обвинительной дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II, то нужно прежде всего имѣть въ виду, что переворотъ, произведенный судебною реформою въ области всего нашего уголовнаго правосудія, выразился прежде всего въ замѣнѣ прежняго слѣдственнаго процесса обвинительнымъ. Обширность задачъ, возлагавшихся закономъ на дореформеннаго слѣдователя, которому одновременно поручены были функціи обвинителя, защитника и блюстителя интересовъ правосудія, лишала его самого, а по окончаніи слѣдствія—и судей, всякой возможности раскрыть истину, тѣмъ болѣе, что закономъ, на основаніи такъ называемой теоріи формальныхъ доказательствъ, преподаны были точныя и обязательныя правила о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ обнаруженнымъ по дѣлу даннымъ. Въ

силу этихъ правилъ, изложенныхъ въ законахъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ (т. XV Св. Зак., ч. II), „собственное сознаніе обвиняемаго есть лучшее доказательство всего свѣта", „показанія двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей составляютъ полное доказательство" и т. д., причемъ къ числу „достовѣрныхъ" свидѣтелей не принадлежали, однако, крестьяне, оговаривавшіе своихъ помѣщиковъ, лица, состоящія подъ опекою за расточительность, „явные прелюбодѣи" и т. п.; при оцѣнкѣ же свидѣтельскихъ показаній, вообще, надлежало давать предпочтеніе показаніямъ духовныхъ лицъ передъ показаніями свѣтскихъ, показаніямъ знатныхъ передъ показаніями незнатныхъ, показаніямъ мужчинъ передъ показаніями женщинъ и т. п.

Само собою разумѣется, что приведенныя правила не только затрудняли судей, но дѣлали ихъ прямо непригодными къ осуществленію задачъ правосудія. Къ этому печальному убѣжденію пришли постепенно всѣ тѣ лица, которыя такъ или иначе имѣли отношеніе къ уголовнымъ дѣламъ, и поэтому составители Судебныхъ Уставовъ признали безусловно необходимымъ преобразовать весь строй нашего уголовнаго процесса и, прежде всего, облегчить судьямъ возможность добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Для достиженія этой цѣли, они сочли нужнымъ, взамѣнъ правилъ о формальномъ значеніи доказательствъ, установить начало свободной оцѣнки таковыхъ, а затѣмъ—отдѣлить обвиненіе отъ защиты, съ возложеніемъ перваго на чиновъ прокуратуры, а второй — на обвиняемаго или его защитника, и, наконецъ, привлечь къ участію въ разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ общественный элементъ, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, которые, въ качествѣ представителей общества, по дѣлу не заинтересованныхъ, наиболѣе пригодны къ постановленію приговоровъ по убѣжденію своей совѣсти. Введеніе общественнаго элемента въ нашъ уголовный процессъ было, такимъ образомъ, естественнымъ послѣдствіемъ общепризнанной неудовлетворительности нашего дореформеннаго суда по уголовнымъ дѣламъ и общей эволюціи нашего законодательства, которое, путемъ уничтоженія крѣпостного права, введенія земской и судебной реформъ, поставило своею цѣлью осуществленіе разумныхъ требованій прогресса въ области суда и управленія Имперіею.

Понятно, что съ переходомъ отъ слѣдственнаго къ состязательному началу въ уголовномъ процессѣ, необходимо было

обратить особое вниманіе и на возможно правильную и цѣлесообразную организацію обвиненія по уголовнымъ дѣламъ, а въ этихъ видахъ на прокурорскій надзоръ и возложены были всѣ относящіяся къ этому предмету обязанности: прокуратура, съ самаго возникновенія и до окончанія дѣла, подлежащаго ея вѣдѣнію, принимаетъ мѣры къ правильному его теченію, направленію и возможно быстрому окончанію. Какъ дознаніе, такъ и предварительное слѣдствіе производятся подъ наблюденіемъ чиновъ прокурорскаго надзора, которые получаютъ отъ полиціи свѣдѣнія о всякомъ преступленіи (ст. 250 и 251 Уст. Уг. Суд.), могутъ поручать ей производство дальнѣйшихъ розысковъ и разспросовъ по дѣлу, а затѣмъ наблюдаютъ за производствомъ предварительнаго слѣдствія и въ правѣ предлагать судебному слѣдователю произвести дополнительныя слѣдственныя дѣйствія, принять въ отношеніи обвиняемаго соотвѣтственную мѣру пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда и т. д. (ст. ст. 285, 286, 311, 312 и 512 Уст. Уг. Суд.).

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, дальнѣйшее направленіе дѣла, равнымъ образомъ, возложено на чиновъ прокурорскаго надзора, которые составляютъ заключенія о прекращеніи или обвинительные акты, предлагаемые, смотря по свойству обвиненія, окружному суду или судебной палатѣ (ст. ст. 520—524, 528, 529 и 532 Уст. Уг. Суд.).

Обвиненіе заподозрѣннаго въ преступленіи, путемъ предварительнаго составленія обвинительнаго акта, было признано не только полезнымъ, но и необходимымъ, какъ въ интересахъ разъясненія дѣла суду, такъ равно и въ видахъ предоставленія обвиняемому возможности заблаговременно и положительно знать, совершеніе какихъ именно дѣйствій ему приписывается и на основаніи какихъ именно уликъ и доказательствъ, противъ которыхъ онъ долженъ защищаться. Но обвинительный актъ, по мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ, представляетъ только „предварительное со стороны обвинительной власти дѣйствіе“, въ качествѣ вывода ея изъ предварительнаго слѣдствія, и онъ отнюдь не составляетъ ея „рѣшительнаго слова“, которымъ является только обвинительная рѣчь прокурора [1]).

[1]) Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. 1862 г. № 65, стр. 174 и 175.

Въ заключительныхъ преніяхъ задача прокурора состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы указать, съ возможнымъ безпристрастіемъ, всѣ обвинительные факты и соображенія: онъ обязанъ привести доказательства обвиненія во всей ихъ силѣ, не скрывая, однако, и слабыя ихъ стороны. Поэтому, понятно, что прокурору приходится нерѣдко поддерживать обвиненіе даже „въ сомнительныхъ случаяхъ", коль скоро, напримѣръ, данныя, собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ, не могутъ считаться въ такой мѣрѣ опровергнутыми на судѣ, чтобы дать ему возможность отъ него отказаться (ст. ст. 737—740 Уст. Уг. Суд.).

Если приговоръ суда, по существу дѣла, постановленъ согласно съ заключеніемъ прокурора, то онъ не въ правѣ опротестовать его, ибо нельзя возражать въ протестѣ противъ собственнаго, принятаго судомъ, заключенія (ст. 858 Уст. Уг. Суд.). Въ противномъ случаѣ, прокуроръ въ правѣ подавать апелляціонные или кассаціонные протесты, смотря по тому, постановленъ-ли судомъ по дѣлу неокончательный или окончательный приговоръ. Въ первомъ случаѣ, въ протестѣ указывается на неправильность судебнаго приговора по существу, а во второмъ—на допущенныя, при разсмотрѣніи дѣла, нарушенія матеріальнаго или процессуальнаго права. Апелляціонные протесты поддерживаются въ слѣдующей инстанціи высшими представителями прокурорскаго надзора по правиламъ, установленнымъ для обвиненія въ судахъ первой степени, но, при разсмотрѣніи кассаціонныхъ протестовъ, дѣятельность представителей оберъ-прокуратуры ограничивается изложеніемъ юридическихъ доводовъ и основаній, по которымъ состоявшійся по дѣлу приговоръ долженъ быть оставленъ въ силѣ или отмѣненъ (ст. ст. 889, 905, 906 и 921 Уст. Уг. Суд.).

Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ вполнѣ ясно и отчетливо вытекаетъ и можетъ быть выведено различіе между дѣятельностію дореформеннаго прокурорскаго надзора и прокуратуры, преобразованной на основаніи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II: прежній прокурорскій надзоръ своею почти исключительно письменною дѣятельностью мало отличался отъ остального чиновничества; будучи подвѣдомственнымъ Министерству Юстиціи, онъ фактически входилъ въ составъ мѣстнаго управленія и находился даже въ зависимости отъ административнаго начальства, въ лицѣ же высшихъ своихъ представите-

лей—оберъ-прокуроровъ, прокурорскій надзоръ стоялъ лишь во главѣ канцеляріи Правительствующаго Сената. Между тѣмъ, новый прокурорскій надзоръ, подчиненный одинаковымъ съ магистратурой правиламъ служебно-подготовительнаго и образовательнаго ценза и находящійся въ исключительной зависимости отъ министра юстиціи, состоитъ при судебныхъ мѣстахъ, въ качествѣ спеціальнаго органа для охраненія закона и основанныхъ на законѣ предначертаній и видовъ правительства. Главную функцію дореформенныхъ прокуроровъ составлялъ систематическій надзоръ за всѣми административными и судебными установленіями, дѣятельность же преобразованнаго прокурорскаго надзора сосредоточена преимущественно на дѣлахъ судебнаго вѣдомства и въ основѣ своей направлена къ уголовному преслѣдованію лицъ, заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ, при чемъ чины его дѣйствуютъ устно, на виду у всѣхъ, и находятся въ постоянномъ общеніи и столкновеніи со вседневною жизнью населенія, для котораго ихъ дѣйствія, открытыя для критической оцѣнки, имѣютъ громадное бытовое и юридически-воспитательное значеніе. Изъ начала же законоохранительной дѣятельности прокуратуры вытекаетъ и обязанность ея, въ предѣлахъ предоставленной ей власти, наблюдать за всякими отступленіями отъ установленнаго закономъ порядка и приступать къ надлежащему воздѣйствію, коль скоро обнаруживается наличность правонарушенія, касающагося публичнаго интереса.

IV. Узаконенія, относящіяся къ дѣятельности прокурорскаго надзора и изданныя послѣ введенія судебной реформы.

Судебное преобразованіе, предпринятое по волѣ Императора Александра II, не могло быть сразу осуществлено: этому препятствовало и недостаточное количество лицъ, удовлетворительно подготовленныхъ къ службѣ въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, и затруднительное положеніе государственнаго казначейства, не имѣвшаго въ то время возможности отпустить тѣ значительныя суммы, которыя требовались для осуществленія реформы;

вслѣдствіе этого судебныя учрежденія, образованныя по Уставамъ 20 ноября 1864 года, начиная съ 17 апрѣля 1866 года, стали вводиться постепенно: сперва только въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, а затѣмъ уже, мало по малу, и въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи; повсемѣстное-же ихъ открытіе потребовало болѣе 33 лѣтъ, и окончательное распространеніе реформы на всю Россію было закончено лишь въ 1899 году.

При этомъ, еще Высочайшимъ Указомъ отъ 30 іюля 1868 г. повелѣно было первоначально вводить Судебные Уставы въ отдѣльныхъ губерніяхъ и областяхъ не въ полномъ объемѣ, а частично, то есть открывать въ нихъ одни лишь мировыя судебныя установленія, и только впослѣдствіи, по мѣрѣ возможности,— вводить въ нихъ реформу въ полномъ объемѣ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, въ коихъ опредѣлено было открывать мировыя судебныя установленія отдѣльно отъ общихъ, учреждены были особыя должности товарищей губернскихъ прокуроровъ, для исполненія прокурорскихъ обязанностей при съѣздахъ мировыхъ судей. Этотъ порядокъ былъ затѣмъ окончательно упроченъ и точнѣе опредѣленъ въ изданныхъ 10 марта 1869 года Высочайше утвержденныхъ правилахъ, на основаніи которыхъ губернскимъ прокурорамъ и ихъ товарищамъ были предоставлены въ указанныхъ мѣстностяхъ, какъ въ отношеніи мировыхъ судебныхъ установленій, такъ и по наблюденію за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, всѣ права, принадлежащія чинамъ прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ. Кромѣ того, правилами 10 марта 1869 года было также установлено, чтобы подвѣдомственныя дореформеннымъ соединеннымъ палатамъ уголовныя дѣла, по которымъ наказанія сопряжены съ лишеніемъ правъ, вносились въ палаты не иначе, какъ при письменныхъ, замѣнявшихъ обвинительные акты, заключеніяхъ прокурорскаго надзора, на который возложена и обязанность поддерживать обвиненіе по этимъ дѣламъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Организованная-же, такимъ образомъ, губернская прокуратура была подчинена одному только министру юстиціи и получила полную независимость отъ мѣстной администраціи.

По мѣрѣ осуществленія судебной реформы, установленная ею обособленность чиновъ прокуратуры, поставившая ихъ какъ-бы въ положеніе безучастныхъ зрителей всего того, что совершается и происходитъ въ государственномъ управленіи, за

исключеніемъ вопросовъ о возбужденіи преслѣдованія противъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи закона, и привлеченія ихъ къ отвѣтственности, признана была не вполнѣ удобною и цѣлесообразною: опытъ практической жизни указывалъ на то, что освобожденіе прокуратуры отъ какихъ-бы то ни было обязанностей по дѣламъ административнаго свойства не приноситъ никакой пользы и далеко не соотвѣтствуетъ интересамъ правительства. Вотъ почему, уже начиная съ 1866 года, кругъ дѣятельности прокурорскаго надзора сталъ, мало по малу, расширяться нашимъ законодательствомъ, а представители прокуратуры постепенно введены были въ цѣлый рядъ административныхъ присутствій. Такъ, по закону 7 марта 1866 года (3 прим. къ ст. 205 особ. прил. къ т. IX. Зак. о сост.), на прокуроровъ окружныхъ судовъ возложена обязанность участвовать въ засѣданіяхъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; впослѣдствіи же они призваны къ участію въ засѣданіяхъ особыхъ присутствій губернскаго правленія по освидѣтельствованію сумасшедшихъ и въ губернскихъ присутствіяхъ по земскимъ, городскимъ, фабричнымъ дѣламъ и по дѣламъ о воинской повинности, а также по дѣламъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ (ст. 14 и 338 т. II Общ. губ. учр., 99 т. IV Уст. о воин. пов., 8 Пол. о земск. учр., 794 т. VIII Уст. лѣсн., 368 т. X ч. I Зак. гражд., 49 т. XI ч. 2 Уст. о пром.). Однако, такое ихъ участіе въ дѣлахъ перечисленныхъ учрежденій не имѣло ничего общаго съ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя лежали на дореформенной прокуратурѣ по надзору за административными учрежденіями: на прокуроровъ окружныхъ судовъ возложено участіе въ указанныхъ выше присутствіяхъ лишь на правахъ членовъ и они не получили ни права протеста на ихъ постановленія, ни права контроля надъ таковыми. Право протеста присвоено чинамъ прокурорскаго надзора лишь въ отношеніи постановленій губернскихъ присутствій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. для разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ, поступающихъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ (ст. 47 и 132 Пол. о зем. нач., особ. прил. къ т. IX Зак. о сост.): въ этихъ присутствіяхъ чины прокурорскаго надзора предъявляютъ свои заключенія, а въ случаѣ постановленія явно незаконныхъ опредѣленій, они представляютъ о семъ, въ установленномъ порядкѣ, на усмотрѣніе министра юстиціи, отъ котораго зависитъ, въ случаѣ

надобности, передать такого рода опредѣленія, для пересмотра, въ Соединенное Присутствіе I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената (ст. 119^{5} Учр. Суд. Уст.).

Независимо отъ изложенныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ необходимость въ дополненіи Судебныхъ Уставовъ, практика новыхъ судовъ не замедлила обнаружить немало недочетовъ и въ порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, почему уже въ маѣ 1869 года, съ Высочайшаго соизволенія, образована была особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса, на которую возложено составленіе проекта необходимыхъ въ семъ отношеніи преобразованій. Собранные комиссіею, обширные матеріалы и выработанныя ею предположенія, составлявшія, впрочемъ, почти дословное воспроизведеніе постановленій французскаго закона по слѣдственной части, были признаны, по условіямъ русскаго быта, неудобными и неосуществимыми, послѣ чего упомянутая, весьма широко задуманная реформа ограничена была тѣмъ, что, по закону 11 мая 1870 года, въ видахъ болѣе успѣшнаго воздѣйствія прокурорскаго надзора на производство предварительныхъ слѣдствій, учреждены были особыя должности судебныхъ слѣдователей по важнѣйшимъ дѣламъ, которые обязаны приступать къ исполненію своихъ обзанностей лишь по предложеніямъ прокуроровъ окружныхъ судовъ.

Въ слѣдующемъ году, а именно 19 мая 1871 года, были затѣмъ изданы Высочайше утвержденныя правила о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій. Въ силу этихъ правилъ, чинамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ вмѣнено въ обязанность сообщать прокурорскому надзору о всякомъ, замѣченномъ ими, происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, подсуднаго общимъ судебнымъ установленіямъ (ст. 261^{1} Уст. Уг. Суд.), и производить, по предложенію и подъ руководствомъ чиновъ прокуратуры, дознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда они получаютъ объ этомъ требованія (ст. 261^{3}—261^{7} Уст. Уг. Суд.). По дѣламъ-же о преступленіяхъ государственныхъ прокурорскому надзору присвоены всѣ права и на него возложены всѣ обязанности, принадлежащія ему по возбужденію уголовнаго преслѣдованія вообще и по наблюденію за производствомъ предварительныхъ слѣдствій (ст. 261^{6}—261^{8} Уст. Уг. Суд.). Далѣе, въ виду того основного начала, по которому прокурорскій надзоръ почитается единымъ и

недѣлимымъ, и въ дополненіе къ ст. 131 Учр. Суд. Уст., закономъ 22 февраля 1872 года установлено было, что высшее лицо прокурорскаго надзора въ правѣ принимать на себя исполненіе обязанностей низшаго, а прокурорамъ судебныхъ палатъ предоставлено (какъ по собственной иниціативѣ, такъ равно и по требованію министра юстиціи) принимать на себя или возлагать на товарищей прокурора палаты исполненіе всякой обязанности подчиненныхъ имъ лицъ прокурорскаго надзора (2 ч. ст. 131 Учр. Суд. Уст.).

Вслѣдъ затѣмъ, по закону 11 мая 1872 года, высшіе чины прокурорскаго надзора, до товарищей прокуроровъ судебныхъ палатъ включительно, сдѣланы были какъ-бы ревизіонными органами министра юстиціи, такъ какъ первоначально предоставленное только ему одному право ревизовать судебныя учрежденія лично или чрезъ товарища министра или членовъ судебныхъ палатъ, было видоизмѣнено въ томъ смыслѣ, что министру предоставлено возлагать на вышеуказанныхъ чиновъ прокуратуры обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ, „съ цѣлью извлеченія необходимыхъ министру юстиціи свѣдѣній“ (доп. къ ст. 256 Учр. Суд. Уст.).

Слѣдующее по времени расширеніе круга дѣятельности прокуратуры осуществилось съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 25 мая 1874 года правилъ о частныхъ повѣренныхъ, противъ которыхъ прокурорскому надзору предоставлено возбуждать дисциплинарныя производства за допущеніе по ихъ профессіональной дѣятельности неправильныхъ дѣйствій и предосудительныхъ поступковъ (ст. 406^{13}—406^{15} Учр. Суд. Уст.).

Въ видахъ установленія надзора за формальною правильностью содержанія подъ стражею лицъ, задержанныхъ на основаніи ст. 21 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Прил. I къ ст. I, прим. 2, т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест.), 14 августа 1881 года было постановлено, что копіи всѣхъ постановленій объ арестѣ по указанному закону должны быть сообщаемы прокурорскому надзору.

Независимо изложеннаго, по мѣрѣ функціонированія новыхъ судебныхъ установленій, стали все чаще и чаще обнаруживаться недочеты по производству дознаній вообще, а въ частности по направленію тѣхъ изъ нихъ, которыя подлежали прекращенію. Обстоятельства эти послужили поводомъ къ изданію Высочайше утвер-

жденныхъ 1 мая 1884 г. правилъ о томъ, что всѣ дознанія о происшествіяхъ сомнительныхъ или съ точки зрѣнія уголовной — безразличныхъ, которыя первоначально прекращались полиціею, безъ всякой провѣрки ея распоряженій, и нерѣдко направлялись неудовлетворительно, въ виду недостаточнаго знакомства полицейскихъ органовъ съ закономъ, а иногда и по причинѣ допускавшихся ими злоупотребленій, должны быть представляемы подлежащему лицу прокурорскаго надзора, отъ котораго зависитъ либо потребовать дополненія собранныхъ полиціею данныхъ, либо предложить дознаніе подлежащему судебному слѣдователю, для производства предварительнаго слѣдствія, либо возбужденіе по оному, чрезъ полицію, уголовнаго преслѣдованія обвиняемаго въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, либо, наконецъ, прекращеніе произведеннаго дознанія (доп. къ ст. 253 Уст. Уг. Суд.).

Измѣненію подвергся и порядокъ направленія произведенныхъ судебными слѣдователями предварительныхъ слѣдствій, по которымъ не обнаружено виновныхъ, не доказано обвиненія, улики недостаточны или не установленъ составъ уголовно-наказуемаго дѣянія. Первоначально всѣ слѣдствія этого рода предлагались прокурорскимъ надзоромъ судебной палатѣ, если предметомъ совершеннаго преступленія было дѣяніе, по закону обложенное наказаніемъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ — окружному суду. Этотъ порядокъ, вызывавшій значительныя проволочки и затрудненія, не оправдываемыя ни юридическою обоснованностью своею, ни практическою цѣлесообразностью, признанъ былъ не соотвѣтствующимъ своему назначенію и, по закону 3 мая 1883 года, измѣненъ былъ въ томъ смыслѣ, что, кромѣ случаевъ, точно означенныхъ въ ст. 529 Уст. Уг. Суд., прокуроръ предлагаетъ окружному суду всѣ вообще заключенія о прекращеніи предварительныхъ слѣдствій, независимо отъ свойствъ тѣхъ обвиненій, которыхъ они касаются, и только тѣ изъ этихъ слѣдствій поступаютъ на разсмотрѣніе судебной палаты, по которымъ окружный судъ не согласенъ съ мнѣніемъ прокурорскаго надзора (ст. 277, 523, 528 Уст. Уг. Суд.).

Около того-же времени былъ расширенъ кругъ дѣятельности прокуратуры и въ томъ отношеніи, что, по закону 12-го іюля 1884 г., чины ея введены, въ качествѣ членовъ, въ комиссіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей (ст. 97 Учр. Суд. Уст.).

Постановленія Судебныхъ Уставовъ, касающіяся сенатской оберъ-прокуратуры, равнымъ образомъ, подверглись значительнымъ измѣненіямъ: еще по закону 10 іюня 1877 года, предметы высшаго надзора за дѣятельностью судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судейскаго званія были сосредоточены въ Соединенномъ Присутствіи, образованномъ изъ сенаторовъ I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, а, независимо отъ сего, министру юстиціи тогда-же предоставлено право предлагать на разсмотрѣніе и законное постановленіе Общаго Собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ доходящія до него свѣдѣнія о вопросахъ, на практикѣ разрѣшаемыхъ неединообразно и по сему возбуждающихъ сомнѣніе.

Вмѣстѣ съ этимъ, была учреждена и особая оберъ-прокуратура, на которую возложено предъявленіе заключеній по всѣмъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ вышеупомянутому Соединенному Присутствію, а равно и Общему Собранію I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената (ст. 117, 117^{1}, 119^{1}, 119^{3}, 128, 129 Учр. Суд. Уст.).

Съ теченіемъ времени, однако, обнаружилось, что, для надзора надъ должностными лицами судейскаго званія, Соединеннаго Присутствія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената недостаточно: на практикѣ бывали случаи, когда судьи совершали такія дѣйствія, которыя не влекутъ по закону удаленія ихъ отъ должностей по суду, но, по своему значенію или по своей многократности, свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи виновнаго занимаемому имъ служебному положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ. Точно также бывали и такіе случаи, что судьи дозволяли себѣ внѣ службы такіе, противные нравственности или предосудительные поступки, которые, будучи несовмѣстимы съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ необходимаго довѣрія и уваженія, или-же ставятъ его въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Для предотвращенія всѣхъ подобныхъ случаевъ, закономъ 20 мая 1885 года (Учр. Суд. Уст., ст. 119^{4}, 295 и 296) учреждено было особое, Высшее Дисциплинарное Присутствіе, образованное изъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ и Соединеннаго При-

сутствія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и разсматривающее дѣла вышеуказанныхъ категорій, по предложеніямъ министра юстиціи. Этому Присутствію предоставлено, по выслушаніи заключенія состоящаго при немъ оберъ-прокурора, уволить виновнаго судью отъ должности или постановить о переводѣ его на равную судейскую должность въ другую мѣстность.

Съ изданіемъ 12 іюля 1889 года Положенія о земскихъ начальникахъ, на чиновъ прокурорскаго надзора было затѣмъ возложено предъявленіе заключеній въ засѣданіяхъ уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій (ст. 17 и 229 Пол. о зем. нач., особ. прим. къ т. IX Зак. о сост.), но, въ виду предстоящаго нынѣ полнаго упраздненія означенныхъ учрежденій, останавливаться на этихъ функціяхъ прокуратуры не приходится.

12 марта 1891 года были затѣмъ изданы правила объ узаконеніи дѣтей и объ усыновленіи, на основаніи которыхъ, при разсмотрѣніи дѣлъ сего рода въ судебныхъ мѣстахъ, обязательно должны присутствовать чины прокурорскаго надзора, имѣющіе и право обжалованія состоявшихся по этимъ дѣламъ опредѣленій.

Съ изданіемъ-же Высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1904 и 16 іюня 1905 г.г. мнѣній Государственнаго Совѣта о порядкѣ направленія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, къ которымъ положено примѣнять постановленія новаго Уголовнаго Уложенія, нѣкоторыя измѣненія внесены были и въ кругъ обязанностей прокурорскаго надзора. Такъ, прежде всего, установлено, что дознанія по дѣламъ сего рода должны производиться подъ наблюденіемъ мѣстнаго прокурора окружнаго суда или особо назначеннаго лица прокурорскаго надзора (а не подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора судебной палаты). Прокурору окружнаго суда предоставлено право, въ случаѣ надобности, передавать подобныя дѣла подлежащему судебному слѣдователю, для производства предварительнаго слѣдствія, или же направлять таковыя къ прекращенію, путемъ внесенія, черезъ губернатора, на разсмотрѣніе губернскаго совѣщанія (ст. 1035[5], 1035[26] и 1035[27] Уст. Уг. Суд.), состоящаго, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ прокурора и начальника губернскаго жандармскаго управленія. Въ дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ прокурорскому надзору предоставлены всѣ тѣ права, которыя принадлежатъ ему по дѣ-

ламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, то есть преданіе суду зависитъ отъ одного только прокурорскаго надзора, а не отъ судебной палаты, въ качествѣ обвинительной камеры.

По закону 2 іюня 1897 года, были установлены особыя правила о производствѣ по дѣламъ объ обвиняемыхъ, недостигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, на предметъ разрѣшенія вопроса о томъ, учинили-ли они преступленія съ разумѣніемъ. На основаніи этихъ правилъ (ст. 356^{2}, 356^{3} и 356^{5} Уст. Уг. Суд.), на чиновъ прокурорскаго надзора возложены тѣ обязанности, которыя лежатъ на нихъ, на основаніи 354—356 Уст. Уг. Суд., по дѣламъ объ обвиняемыхъ, оказавшихся безумными или сумасшедшими.

Впослѣдствіи, съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 24 ноября 1905 года, 18 марта и 25 апрѣля 1906 года временныхъ правилъ о повременной и неповременной печати, прокурорскому надзору дано было право, наряду съ учрежденіями по дѣламъ печати, возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи означенныхъ правилъ, а сверхъ того—предлагать суду о наложеніи ареста на такія изданія, въ коихъ усматриваются признаки преступленія, или о пріостановленіи дальнѣйшаго ихъ выпуска.

Когда засимъ послѣдовало изданіе Высочайше утвержденнаго 18 марта 1906 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о мѣрахъ къ сокращенію времени производства наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ, то преданіе суду по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей, было предоставлено прокурорскому надзору на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ на него возложено преданіе суду по тѣмъ дѣламъ, которыя подсудны окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей (прим. къ ст. 529 Уст. Уг. Суд.). Изъ остальныхъ законоположеній послѣдняго десятилѣтія, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности прокурорскаго надзора, нужно еще упомянуть о нижеслѣдующихъ: съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 4 марта 1906 года временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ, прокуроры окружныхъ судовъ введены были, въ качествѣ членовъ, въ составъ губернскихъ по дѣламъ объ обществахъ и союзахъ присутствій, а по закону 22 іюня 1909 года, чины прокурорскаго надзора, еще ранѣе включенные въ число членовъ наблюдательныхъ комиссій за

мѣстами заключенія (ст. 52 т. XIV Св. Зак., Уст. о содер. подъ стражей по прод. 1912 года), вошли въ составъ особыхъ совѣщаній о примѣненіи къ арестантамъ условнаго досрочнаго освобожденія (ст. 420—422 т. XIV Св. Зак., Уст. о содер. подъ страж., по прод. 1912 года).

Наконецъ, по закону 9 мая 1911 года, чины прокурорскаго надзора освобождены отъ предъявленія въ судебныхъ засѣданіяхъ заключеній по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ и нынѣ они обязаны участвовать лишь въ засѣданіяхъ по гражданскимъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, а также по вопросамъ о подсудности, о прекаціяхъ между судебными и административными учрежденіями, объ обстоятельствахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ порядкѣ уголовномъ, а равно по дѣламъ о взысканіи убытковъ, причиненныхъ неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, по дѣламъ брачнымъ и о законности рожденія (ст. 343 Уст. Гр. Суд., по прод. 1912 г.).

V. Руководящія разъясненія, касающіяся дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора.

Кромѣ постановленій Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и тѣхъ дополнительныхъ узаконеній, которыя восполнили нѣкоторые пробѣлы, усмотрѣнные въ этихъ уставахъ, служебную дѣятельность чиновъ прокурорскаго надзора отчасти опредѣляли и нормировали послѣдовавшія за истекшіе пятьдесятъ лѣтъ разъясненія Правительствующаго Сената, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, а также циркуляры министровъ юстиціи, наказъ бывшаго министра юстиціи статсъ-секретаря Н. В. Муравьева, изданный имъ по званію генералъ-прокурора, и, наконецъ, инструкціи прокуроровъ судебныхъ палатъ, въ качествѣ лицъ, стоящихъ во главѣ прокуратуры ввѣренныхъ ихъ надзору судебныхъ округовъ.

Къ числу важнѣйшихъ разъясненій Правительствующаго Сената, касающихся дѣятельности прокурорскаго надзора, относятся слѣдующія: лица прокурорскаго надзора, по разъясненію Правительствующаго Сената, ни въ какомъ случаѣ не должны

находиться при совѣщаніи судей (рѣш. Уг. касс. д-та Пр. Сен. 1872 г. № 159); право устанавливать для чиновъ полиціи порядокъ производства дознаній по отдѣльнымъ уголовнымъ дѣламъ принадлежитъ прокурорскому надзору, а не административному начальству, но право давать имъ общія или циркулярныя по сему предмету разъясненія принадлежитъ только прокурорамъ судебныхъ палатъ (рѣш. Общ. Собр. касс. деп. Пр. Сен. 1871 г. № 143); предложенія прокурорскаго надзора объ освобожденіи содержащихся подъ стражею обвиняемыхъ обязательны для судебныхъ слѣдователей (рѣш. Общ. Собр. касс. деп. Пр. Сен. 29 октября 1873 года); прокурорскій надзоръ имѣетъ право вносить въ обвинительный актъ показанія, данныя подсудимыми на предварительномъ слѣдствіи, и требовать отъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ во всякое время свѣдѣній о положеніи арестантскихъ дѣлъ (рѣш. Уг. касс. деп. Пр. Сен. 1876 г. № 100 и Общ. Собр. касс. деп. Пр. Сен. 1881 г. № 32); право прокурора окружнаго суда объявлять полицейскимъ чинамъ предостереженія, за упущенія и безпорядки по слѣдственной части, наступаетъ съ момента приступа полиціи къ производству дознанія и распространяется на всѣ ея неправильныя дѣйствія, независимо отъ того, совершены ли таковыя до или послѣ передачи дѣла судебному слѣдователю (рѣш. Общ. Собр. касс. деп. Пр. Сен. 1882 г. № 50); по дѣламъ мировыхъ судебныхъ установленій, одобренный товарищемъ прокурора отзывъ полиціи почитается исходящимъ отъ прокурорскаго надзора, который и самъ въ правѣ, въ случаѣ надобности, опротестовать каждый приговоръ мирового судьи (рѣш. Уг. касс. деп. Пр. Сен. 1908 г. № 7 и 1909 г. № 1).

Что касается циркуляровъ министровъ юстиціи, нормировавшихъ исполненіе чинами прокурорскаго надзора своихъ служебныхъ обязанностей, то большинство изъ нихъ касалось преимущественно внутренняго распорядка, какъ, напр., обязанности по веденію книгъ и нарядовъ, по составленію отчетности, по доставленію Министерству Юстиціи свѣдѣній и т. п. Большое количество этихъ циркуляровъ, а нерѣдко и случайный ихъ характеръ затрудняютъ возможность какой-либо ихъ классификаціи. Поэтому приходится ограничиться перечисленіемъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по содержанію своему, наиболѣе способствовали упорядоченію дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора.

Сюда нужно отнести слѣдующіе: прокурорамъ окружныхъ судовъ вмѣнено было въ обязанность безпрекословно исполнять всѣ предписанія и распоряженія прокуроровъ судебныхъ палатъ (цирк. м. ю. 14 ноября 1866 г. № 14598); чинамъ прокурорскаго надзора предписано увѣдомлять подлежащее начальство о всѣхъ случаяхъ заключенія подъ стражу подвѣдомственныхъ ему лицъ, состоящихъ на государственной службѣ (цирк. 18 февраля 1870 г. № 2989); прокурорскому надзору вмѣнено въ обязанность принимать мѣры къ тому, чтобы подсудимымъ, вызваннымъ въ судебное засѣданіе для присутствованія при слушаніи дѣлъ, была пресѣкаема возможность отлучаться изъ зданія суда, впредь до объявленія резолюціи (цирк. 23 апрѣля 1871 г. № 3895); въ городахъ, гдѣ находятся окружные суды, должно оставаться на жительствѣ лишь самое необходимое количество товарищей прокурора, всѣ-же остальные должны проживать въ предѣлахъ завѣдываемыхъ ими участковъ, съ тѣмъ, чтобы въ болѣе отдаленные участки назначались наиболѣе опытные изъ нихъ (цирк. 14 августа 1879 г. № 14758). Это послѣднее распоряженіе имѣло чрезвычайно важное значеніе, потому что товарищи прокурора, проживая въ своемъ участкѣ, имѣютъ возможность болѣе тщательно наблюдать за слѣдственными производствами мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей и за правильностью содержанія арестантовъ подъ стражею, а сверхъ того они, при этихъ условіяхъ, стоятъ ближе къ интересамъ населенія и болѣе доступны для послѣдняго. Далѣе, циркуляромъ отъ 22 декабря 1905 г. за № 59579 чинамъ прокурорскаго надзора воспрещено всякое участіе въ какихъ бы то ни было обществахъ и союзахъ, преслѣдующихъ политическія цѣли, а циркуляромъ отъ 5 января 1908 г. за № 148 имъ вмѣнено въ обязанность предлагать судебнымъ мѣстамъ о закрытіи дверей засѣданій по наиболѣе выдающимся дѣламъ о преступленіяхъ печати, если, въ интересахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія, устраненіе гласности происходившаго на судѣ представляется необходимымъ.

Въ качествѣ практическихъ сборниковъ, имѣвшихъ руководящее значеніе для чиновъ прокурорскаго надзора, нельзя не упомянуть и объ инструкціяхъ, изданныхъ прокурорами судебныхъ палатъ. Изъ числа этихъ инструкцій наиболѣе извѣстны: инструкціи бывшаго прокурора С.-Петербургской, а затѣмъ Московской

судебной палаты, Н. В. Муравьева и бывшаго прокурора Казанской, а затѣмъ Московской судебной палаты, С. С. Гончарова. Впослѣдствіи содержаніе инструкцій прокуроровъ судебныхъ палатъ было тщательно провѣрено и, по соображеніи съ закономъ и съ указаніями практики, изданъ былъ нормирующій служебную дѣятельность прокурорскаго надзора наказъ министра юстиціи, генералъ-прокурора Н. В. Муравьева.

VI. Русская печать и литература о преобразованномъ по Судебнымъ Уставамъ прокурорскомъ надзорѣ.

Вопросъ о цѣлесообразности существованія у насъ прокурорскаго надзора и о государственномъ его значеніи почти не возбуждался у насъ ни въ тѣхъ, далеко немногочисленныхъ сочиненіяхъ русскихъ юристовъ, которыя посвящены изслѣдованію прокуратуры, ни въ общей и спеціальной повременной печати. Даже „Московскія Вѣдомости", столь скептически относившіяся ко всему, что касалось судебной реформы 20 ноября 1864 года, не только не отрицали пользы и необходимости прокурорскаго надзора, но даже открыто выступали на его защиту, отстаивая его самостоятельность и независимость отъ администраціи, которая, по словамъ катковскаго органа, „должна" видѣть и уважать въ прокурорѣ представителя правосудія и законности въ правительствѣ [1]).

Только въ фельетонахъ извѣстнаго беллетриста П. Д. Боборыкина [2]) появилось нѣсколько мало обоснованныхъ, но за то хлесткихъ и весьма недружелюбныхъ отзывовъ о чинахъ прокурорскаго надзора, которымъ дѣлались упреки въ непониманіи требованій русской жизни и почему-то даже присваивалось довольно неудачное наименованіе „штатскихъ юнкеровъ".

Съ нескрываемою антипатіею относились къ прокурорскому надзору Некрасовъ (въ нѣкоторыхъ изъ своихъ небольшихъ стихотвореній) и Щедринъ, изображавшій его представителей въ томъ-же одностороннемъ, если не сказать прямо каррика-

[1]) „Московскія Вѣдомости" 1868 года, № 4.

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" за апрѣль и май 1871 г.

турномъ видѣ, въ которомъ они четверть вѣка спустя изображены были въ извѣстномъ романѣ Л. Н. Толстого „Воскресенье".

Что-же касается вопросовъ объ организаціи прокурорскаго надзора и о его задачахъ, то они часто вызывали полемику и горячіе споры. Одни высказывали, что исключительною задачею прокуратуры долженъ быть „надзоръ", тогда какъ другіе утверждали, что все ея назначеніе должно сводиться къ „публичному уголовному преслѣдованію". Такъ, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ статей, появлявшихся въ концѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія и изданныхъ впослѣдствіи, въ 1872 году, отдѣльною книгою, озаглавленною „Десять лѣтъ реформъ", авторъ ея Головачевъ доказывалъ, что прокурорскому надзору должна быть присвоена одна только обвинительная власть, такъ какъ онъ является чисто „полицейскимъ" органомъ, призваннымъ къ преслѣдованію преступленій, и долженъ, поэтому, находиться не въ судебномъ вѣдомствѣ, а въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Этимъ, по мнѣнію Головачева, будетъ прежде всего достигнуто, что между прокуратурою и администраціею, въ которую, въ лицѣ чиновъ прокурорскаго надзора, введены будутъ юридически образованные чиновники, не будетъ происходить столкновеній по поводу изслѣдованія преступленій, а судебныя установленія освободятся отъ вреднаго и нежелательнаго давленія на нихъ прокуратуры.

Аналогичный взглядъ на организацію прокуратуры былъ высказанъ и въ запискѣ, поданной по сему предмету въ 1880 году однимъ изъ чиновъ магистратуры начальнику Верховной Распорядительной Комиссіи графу Лорисъ-Меликову.

Подобные проекты радикальнаго измѣненія всего Учрежденія Судебныхъ Установленій не встрѣтили сочувствія и не имѣли шансовъ на успѣхъ; еще въ 1882 г., въ Журналѣ Уголовнаго и Гражданскаго Права, была напечатана статья нѣкоего Саранчева, въ которой подробно и убѣдительно доказана была юридическая неосновательность и практическая безцѣльность приведеннаго, болѣе оригинальнаго, нежели серьезнаго предположенія.

Впослѣдствіи, въ вышедшемъ въ 1888 году сочиненіи Викт. Я. Фукса, которое еще ранѣе напечатано было по частямъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ", авторъ превозносилъ дореформенную прокуратуру, но, съ крайнимъ раздраженіемъ, при довольно безцеремонномъ обращеніи съ фактическими данными, старался доказать полное несоотвѣтствіе нынѣшняго прокурорскаго над-

зора „основнымъ понятіямъ о необходимой гармоніи между органами суда и администраціи", а также нецѣлесообразность измѣненія того положенія, при наличности котораго прежняя прокуратура представляла надежную гарантію для правильнаго, единообразнаго и повсемѣстнаго примѣненія законовъ тѣми многочисленными учрежденіями, которыя не примыкали къ судебному механизму. Основываясь на томъ, что въ мотивахъ къ Судебнымъ Уставамъ (въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства ничего подобнаго не содержится), между прочимъ, вскользь упоминалось, что, для цѣлей уголовнаго преслѣдованія, прокурору надлежитъ открыть доступъ къ дѣламъ всякаго присутственнаго мѣста, В. Я. Фуксъ усмотрѣлъ въ этомъ явное противорѣчіе и несоотвѣтствіе между исключительно судебнымъ характеромъ лежащихъ на нынѣшнемъ прокурорѣ обязанностей и, будто бы, предоставленнымъ ему правомъ вмѣшательства въ административныя дѣла. Кромѣ того, В. Я. Фуксъ яростно порицалъ зависимость полиціи отъ прокурорскаго надзора по производству дознаній по уголовнымъ дѣламъ, а затѣмъ онъ представилъ довольно пристрастную и неосновательную ни на фактахъ, ни на законѣ, оцѣнку дѣятельности нынѣшняго прокурорскаго надзора, утверждая, будто-бы ст. 130 Учр. Суд. Уст. содержитъ „санкцію самовластія прокуроровъ, составляющихъ послѣднюю и безапелляціонную инстанцію" по дѣламъ, входящимъ въ сферу ихъ компетенціи". Въ дѣйствительности упомянутая статья 130 Учр. Суд. Уст., какъ извѣстно, трактуетъ лишь о томъ, что чины прокурорскаго надзора, при заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ заключеній, дѣйствуютъ единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ!....

Еще болѣе рѣзко и отрицательно высказался о прокурорскомъ надзорѣ Н. П. Семеновъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ" [1]), что, впрочемъ, понятно, такъ какъ этотъ авторъ не только считалъ дѣятельность „судебнаго прокурора" излишнею и безцѣльною, но настаивалъ даже на необходимости упраздненія институ̀та судебныхъ слѣдователей, съ передачею ихъ обязанностей по производсту̀ слѣдствій чинамъ полиціи, а также на упраздненіи устности и состязательности производства по уголовнымъ дѣламъ!

---

[1]) Февраль 1887 года, стр. 695 и слѣд.

Изъ другихъ авторовъ, не высказывавшихъ столь тенденціозныхъ взглядовъ на существо и дѣятельность преобразованнаго по Судебнымъ Уставамъ прокурорскаго надзора, нужно, прежде всего, назвать одного изъ составителей этихъ уставовъ, сенатора Н. А. Буцковскаго, издавшаго еще въ 1867 году сравнительно небольшое, но весьма цѣнное по своему содержанію изслѣдованіе, озаглавленное: „О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія обвинительной власти отъ судебной". Сочиненіе это составляетъ полный и всесторонній комментарій законовъ, опредѣляющихъ прокурорскія функціи послѣ введенія судебной реформы, причемъ единственнымъ его недостаткомъ является нѣкоторая теоретичность, объясняемая, впрочемъ, тѣмъ, что ко времени его изданія авторъ не имѣлъ еще возможности судить о томъ, какъ осуществятся на практикѣ и насколько оправдаются тѣ измѣненія закона, которыя нормировали дѣятельность прокуратуры по Уставамъ Императора Александра II.

Въ 1868 и 1869 г. г. вышли два сочиненія: казанскаго профессора А. М. Осипова „О дѣятельности прокурорскаго надзора въ русскомъ гражданскомъ процессѣ", и бывшаго прокурора Кашинскаго окружнаго суда Квачевскаго „Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій". Первое изъ этихъ сочиненій касается лишь догмы русскаго законодательства объ участіи прокурорскаго надзора въ дѣлахъ гражданскихъ, причемъ вопросъ этотъ тщательно разработанъ авторомъ и содержитъ исчерпывающее сравненіе постановленій русскаго и иностранныхъ законодательствъ по указанному предмету. Что-же касается сочиненія Квачевскаго, то оно заключаетъ въ себѣ подробное и объективное изслѣдованіе по вопросу о функціяхъ прокурорскаго надзора, какъ органа правительства, имѣющаго своимъ главнѣйшимъ назначеніемъ все то, что входитъ въ область обнаруженія, изслѣдованія преступленій и уличенія обвиняемыхъ на судѣ.

Самымъ полнымъ и многостороннимъ трудомъ, обнимающимъ какъ исторію возникновенія и развитія русской прокуратуры, такъ равно и практическую разработку вопросовъ, касающихся служебной дѣятельности и общественнаго значенія чиновъ прокурорскаго надзора по Судебнымъ Уставамъ, слѣдуетъ признать вышедшее въ 1889 году изслѣдованіе покойнаго министра юстиціи, статсъ-секретаря Н. В. Муравьева, озаглавленное: „Про-

курорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности". Эта книга, по своей полнотѣ, авторитетности и ясности изложенія, является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сочиненій русской юридической литературы вообще и можетъ служить полезнымъ руководствомъ для изученія прокурорской службы и исполненія связанныхъ съ нею обязанностей. Къ сожалѣнію, Н. В. Муравьевъ выпустилъ только первый томъ своего цѣннаго труда, не успѣвъ издать, какъ онъ первоначально предполагалъ, второй его томъ, который долженъ былъ содержать изслѣдованіе по вопросу о положеніи прокурорскаго надзора по дѣйствующему русскому праву и практикѣ.

Кромѣ сочиненій перечисленныхъ выше авторовъ, нельзя также не упомянуть, что многимъ вопросамъ, относящимся къ службѣ и дѣятельности прокурорскаго надзора, было посвящено значительное число краткихъ, но нерѣдко имѣющихъ важное значеніе изслѣдованій, появлявшихся въ спеціально-юридическихъ повременныхъ изданіяхъ. Сюда, напримѣръ, необходимо отнести статьи: покойнаго профессора Н. Д. Сергіевскаго „Институтъ государственныхъ обвинителей въ австрійскомъ и въ новомъ германскомъ процессѣ (Журн. Гражд. и Угол. Права 1878 г. №№ 1 и 2), К. Д. Анциферова „Обвинительное начало и англійскій процессъ" (Юрид. Вѣстникъ 1879 г. № 3), И. Г. Щегловитова „Прокуратура на предварительномъ слѣдствіи" (Юрид. Вѣстникъ 1887 г. № 9), П. Н. Обнинскаго „Судебная рѣчь" (Юрид. Вѣстн. 1887 годъ № 9), М. Ф. Громницкаго „Роль прокурора по дѣламъ уголовнымъ" (Журн. Мин. Юст. 1896 г. № 2), Острикова „Роль прокуроровъ въ мировомъ судѣ" (Журн. Мин. Юст. 1896 г. № 9), Ифлянда „Прокуроръ въ безприсяжномъ судѣ" (Журн. Мин. Юст. 1898 г. № 4), Пороховщикова „Прокурорскія замѣтки" (Журн. Мин. Юст. 1895 г. № 4) и мн. др. Наконецъ, въ качествѣ литературно-юридическаго сборника, относящагося къ публичной дѣятельности прокурорскаго надзора, нужно указать на вышедшее въ 1888 году и озаглавленное „Судебныя рѣчи", сочиненіе бывшаго прокурора С.-Петербургскаго окружнаго суда, нынѣ члена Государственнаго Совѣта А. Ѳ. Кони.

VII. Отношенія прокурорскаго надзора къ административнымъ властямъ.

Изъ приведеннаго обзора законоположеній, ближайшимъ образомъ опредѣляющихъ служебное положеніе, права и обязанности чиновъ прокурорскаго надзора и выработанныхъ въ теченіе минувшаго полустолѣтія, усматривается, что министры юстиціи, въ качествѣ лицъ, поставленныхъ Верховною властью во главѣ судебнаго вѣдомства, въ теченіе долгаго времени съ особымъ вниманіемъ и интересомъ заботились о расширеніи круга дѣятельности и объ усиленіи значенія прокуратуры. Если же эти заботы не всегда приводили къ намѣченной цѣли и не во всѣхъ случаяхъ могли увѣнчаться успѣхомъ, то обстоятельство это, прежде всего, объясняется общими, не вполнѣ благопріятными условіями, въ которыхъ прокурорскому надзору приходилось дѣйствовать въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ осуществленія судебной реформы.

Уже съ конца 60-хъ годовъ XIX столѣтія, то есть почти вслѣдъ за открытіемъ въ столицахъ новыхъ судебныхъ учрежденій, среди части русской молодежи и тогдашней интеллигенціи началось политическое броженіе, на первыхъ порахъ довольно робкое и ограничивавшееся увлеченіемъ радикально-прогрессивными идеями, проповѣдываемыми заграничными агитаторами, но вскорѣ, тотчасъ послѣ обнаруженія въ 1869 году преступнаго кружка, организованнаго сельскимъ учителемъ Нечаевымъ, а въ особенности послѣ подавленія Парижской коммуны 1871 года, означенныя, якобы „прогрессивныя", стремленія приняли чисто революціонный, и притомъ ярко соціалистическій характеръ, тѣмъ болѣе опасный, что, благодаря тяжелымъ экономическимъ условіямъ страны, вызваннымъ не вполнѣ установившимися еще отношеніями между помѣщиками и освобожденными 19 февраля 1861 года крестьянами, и полнѣйшей политической неразвитости подавляющей массы русскаго населенія, преступная пропаганда находила себѣ благопріятную почву. Прямымъ послѣдствіемъ этого движенія, впослѣдствіи принявшаго даже террористическій характеръ, было сосредоточеніе всей энергіи и всего вниманія правительства на борьбѣ съ крамолою, а въ связи съ

этимъ—необходимое усиленіе власти и вліянія административныхъ властей, въ ущербъ интересамъ законности, особенно, когда, послѣ мученической кончины Императора Александра II, 14 августа 1881 года издано было Высочайше утвержденное положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Понятно, что, при подобныхъ условіяхъ, прокурорскій надзоръ не всегда имѣлъ возможность успѣшно осуществлять принадлежащія ему по закону права и вынужденъ былъ подчасъ пассивно относиться къ такимъ дѣйствіямъ административныхъ властей, которыя не были основаны на законѣ. Къ тому-же, нельзя не замѣтить, что, хотя администрація въ обнаруженіи и изслѣдованіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ не могла обходиться безъ постояннаго и систематическаго содѣйствія со стороны чиновъ прокуратуры, которые и въ борьбѣ съ крамолою оставались вѣрны своему долгу и назначенію, но всякое ихъ указаніе на незаконность какого-либо дѣйствія или распоряженія неизмѣнно вызывало неудовольствіе и служило поводомъ къ нежелательнымъ осложненіямъ и междувѣдомственнымъ препирательствамъ.

Столкновенія между чинами прокурорскаго надзора и администраціей начались, собственно говоря, уже тотчасъ послѣ введенія судебной реформы и послужили основаніемъ къ многочисленнымъ разъясненіямъ Соединеннаго Присутствія I-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената, въ большинствѣ случаевъ даже по такимъ вопросамъ, которые, въ силу буквальнаго смысла закона, едва ли должны были возбуждать какое-либо сомнѣніе. Останавливаясь лишь на нѣкоторыхъ изъ наиболѣе рельефныхъ случаяхъ такого рода столкновеній, можно указать на слѣдующіе примѣры: почти вслѣдъ за введеніемъ судебной реформы въ одной изъ губерній, входящихъ въ составъ округа Одесской судебной палаты, установились совершенно ненормальныя отношенія между мѣстною администраціею и чинами судебнаго вѣдомства, вызванныя тѣмъ, что губернаторъ, вообще несочувственно относившійся къ судебной реформѣ, по донесенію прокурора судебной палаты, „не пропускалъ ни одного случая оказывать явное къ судебнымъ чинамъ пренебреженіе“. Между прочимъ, упомянутый губернаторъ приказалъ однажды полиціймейстеру губернскаго города запретить подчиненнымъ ему полицейскимъ чинамъ „входить

въ какія-бы то ни было личныя объясненія по службѣ съ судьями или съ прокуратурою", о чемъ онъ даже официально заявилъ прокурору окружнаго суда. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, полиція стала игнорировать не только мѣстныхъ чиновъ прокурорскаго надзора, но даже прокурора Одесской судебной палаты, не исполняла никакихъ, обращенныхъ къ ней, требованій по производству дознаній по уголовнымъ дѣламъ и обращалась къ губернатору съ жалобами на объявленныя ей за это прокуроромъ предостереженія, послѣ чего отъ губернатора каждый разъ получались рѣзкія сообщенія, съ указаніемъ, что онъ не потерпитъ „незаконнаго" вмѣшательства прокурора въ служебную дѣятельность подчиненныхъ ему чиновъ полиціи. Столь своеобразныя отношенія продолжались около трехъ лѣтъ и измѣнились лишь тогда, когда упомянутый полиціймейстеръ уличенъ былъ въ томъ, что, изъ корыстныхъ видовъ, покровительствовалъ содержательницамъ тайныхъ притоновъ и, въ угоду нѣкорымъ изъ нихъ, безъ всякаго законнаго основанія, подвергалъ разныхъ лицъ аресту и даже высылкѣ на родину. Когда прокурорскій надзоръ сообщилъ объ этихъ данныхъ губернатору, то послѣдній отказалъ въ распоряженіи о производствѣ предварительнаго слѣдствія, а засимъ, когда, таковое все-таки начато было, по распоряженію Правительствующаго Сената, то губернское правленіе не согласилось съ заключеніемъ прокурора о преданіи полиціймейстера суду и таковое, равнымъ образомъ, состоялось лишь по опредѣленію Соединеннаго Присутствія I-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената.

Въ другой центральной губерніи губернаторъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что чины прокурорскаго надзора неоднократно объявляли чинамъ полиціи предостереженія за упущенія по производству дознаній по уголовнымъ дѣламъ, обратился къ мѣстному прокурору съ письмомъ, въ которомъ сообщилъ, что онъ прикажетъ полиціи отнынѣ не производить никакихъ дознаній вообще; успокоился-же этотъ энергичный администраторъ лишь послѣ того, какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало справедливымъ разъяснить ему неправильность и незаконность его образа дѣйствій.

Бывали случаи отказа въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ такихъ чиновъ полиціи, которые, получивъ до-

знанія о серьезныхъ преступленіяхъ и признавъ, по особымъ соображеніямъ, что обнаруженныя по дѣлу данныя будто-бы недостаточны, прекращали таковыя дознанія собственною властью, безъ передачи ихъ судебному слѣдователю. Предавъ виновныхъ суду по ст. 341 Улож. о Нак. (за отказомъ въ этомъ административнаго начальства), Правительствующій Сенатъ, по Соединенному Присутствію I-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ (опредѣленіемъ отъ 9 декабря 1873 года за № 9105), разъяснилъ, что, на точномъ основаніи ст. 250 Уст. Уг. Суд., полиція не имѣетъ права принимать къ своему разсмотрѣнію и собственною властью прекращать дознанія, произведенныя по объявленіямъ потерпѣвшихъ отъ преступленій, хотя-бы она и убѣждена была въ недоказанности событія преступленія.

Столкновенія между прокурорскимъ надзоромъ и административными властями возникали часто даже по вопросу о квалификаціи учиненныхъ обвиняемыми должностными лицами преступныхъ дѣяній. Вопросъ этотъ многократно восходилъ на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія I-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената (опредѣленія: отъ 10 января, 3 февраля, 27 марта и 28 октября 1873 года, отъ 15 февраля и 29 ноября 1874 года, отъ 15 мая 1876 года, отъ 9 января 1878 года и многія другія) и разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что такого рода разномыслія не подлежатъ вовсе обсужденію Правительствующаго Сената, коль скоро ни прокурорскій надзоръ, ни начальство обвиняемаго должностного лица не указываютъ на то, что послѣднее не подлежитъ преданію суду; но во, всякомъ случаѣ, административное начальство не въ правѣ оспаривать правильность примѣненія къ подсудимому той или другой статьи закона, по которой прокуроръ квалифицируетъ совершенное обвиняемымъ преступленіе должности. Частыя разномыслія, а иногда и серьезные конфликты возникали между губернаторами, губернскими правленіями и Совѣтами Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Путей Сообщенія съ одной—и прокурорскимъ надзоромъ съ другой стороны по поводу того, что административныя начальства въ тѣхъ случаяхъ, когда должностныя лица обвинялись въ преступленіяхъ, за которыя въ Уложеніи о Наказаніяхъ опредѣлены разныя взысканія, изъ коихъ одни могутъ быть налагаемы только по суду, а другія—и въ административномъ порядкѣ, считали себя въ правѣ

разрѣшать подобныя дѣла, безъ преданія обвиняемыхъ суду. Такого рода распоряженія были признаны незаконными (по опредѣленіямъ Соединеннаго Присутствія I-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената отъ 19 декабря 1869 года, 12 мая 1870 года, 18 декабря 1874 года и др.), причемъ разъяснено, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ виновные должны быть обязательно преданы суду въ установленномъ порядкѣ.

Въ 1881 и въ 1901 г.г. въ одномъ и томъ-же, довольно большомъ городѣ, управляемомъ на основаніи особаго положенія, обнаружено было, что полиціймейстеры совершали, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ каждый, крупныя и многочисленныя злоупотребленія по службѣ, а именно: растраты ввѣренныхъ имъ по должности суммъ, подлоги по службѣ, превышеніе власти, лихоимство, вымогательство взятокъ и т. д. По этимъ дѣламъ положеніе прокурорскаго надзора было особенно затруднительно, въ виду систематическаго противодѣйствія мѣстныхъ административныхъ начальствъ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности: каждое изъ приведенныхъ двухъ дѣлъ восходило по три раза на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія I-го и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената: сперва по поводу отказа въ производствѣ предварительнаго слѣдствія, затѣмъ по поводу отказа въ устраненіи обвиняемыхъ отъ должности, которое представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что, находясь во главѣ мѣстной полиціи, они принимали всевозможныя мѣры къ сокрытію слѣдовъ совершенныхъ ими преступленій, подговаривали и запугивали свидѣтелей и т. д., и, наконецъ, по вопросу о преданіи виновныхъ суду. Въ обоихъ случаяхъ Правительствующій Сенатъ призналъ требованія и заключенія, предъявленныя прокурорскимъ надзоромъ, правильными и предалъ обвиняемыхъ суду, а впослѣдствіи, въ 1882 и 1902 годахъ, оба обвиняемые судились въ судебной палатѣ и были приговорены къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ соотвѣтствующимъ исправительнымъ наказаніямъ.

Серьезный конфликтъ возникъ также между прокурорскимъ надзоромъ и администраціею по слѣдующему поводу: въ 1884 году бывшій прокуроръ С.-Петербургской судебной палаты (впослѣдствіи министръ юстиціи) Н. В. Муравьевъ составилъ и издалъ

инструкцію чинамъ полиціи, въ которой, между прочимъ, содержалось и разъясненіе обязанностей, лежащихъ, въ силу ст. 261^{1}—261^{13} Уст. Уг. Суд., на чинахъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Когда эта инструкція препровождена была подлежащимъ начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій и жандармскихъ полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ, то начальство ихъ, въ лицѣ командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ, сочло себя въ правѣ оспаривать какъ самое право прокурора судебной палаты давать инструкцію чинамъ корпуса жандармовъ, такъ равно и обязательность этой инструкціи для чиновъ означенныхъ управленій. Въ концѣ концовъ, означенный вопросъ восходилъ на разсмотрѣніе Общаго Собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что за прокуроромъ судебной палаты признано право, на точномъ основаніи ст. ст. 261^{3}—261^{6}, 261^{9}—261^{11}, а также 279, 484 и 485 Уст. Уг. Суд., давать чинамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ общія, циркулярныя разъясненія ихъ обязанностей по производству возложенныхъ на нихъ дознаній о преступленіяхъ.

Всѣ упомянутыя, весьма тягостныя и нежелательныя въ интересахъ дѣла, недоразумѣнія, къ счастью, съ теченіемъ времени утратили свой острый характеръ и уступили мѣсто болѣе нормальнымъ отношеніямъ между прокурорскимъ надзоромъ и администраціею. Этому, несомнѣнно, болѣе всего содѣйствовала поддержка, которую прокуроры почти всегда находили въ Правительствующемъ Сенатѣ, въ виду полной обоснованности и законности предъявлявшихся ими требованій, служившихъ поводомъ къ разномысліямъ. Но, независимо отъ сего, не малое значеніе для установленія правильныхъ отношеній между административными властями и чинами прокуратуры имѣло и то обстоятельство, что въ теченіе послѣднихъ десяти—пятнадцати лѣтъ, многіе губернаторы и еще болѣе вліятельные представители административныхъ вѣдомствъ сами служили продолжительное время въ прокурорскомъ надзорѣ, вслѣдствіе чего законныя требованія чиновъ послѣдняго тщательно оцѣнивались, въ большинствѣ случаевъ признавались ими правильными и удовлетворялись безъ всякихъ затрудненій.

VIII. Отношенія прокурорскаго надзора къ суду и къ магистратурѣ.

Почти съ самаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II недоразумѣнія возникали не только между судебными дѣятелями и администраціею; они, къ сожалѣнію, часто происходили также между прокурорскимъ надзоромъ и магистратурою и порождали между ними непріязнь, нерѣдко переходившую въ открытый антагонизмъ. Такое ненормальное положеніе еще усугублялось тѣмъ, что Министерство Юстиціи, какъ выше указано было, заботилось о расширеніи, въ законодательномъ порядкѣ, круга дѣятельности прокуратуры, сдѣлавъ послѣднюю до нѣкоторой степени органомъ надзора за судебными учрежденіями. Этотъ надзоръ вызывалъ неудовольствіе судей и служилъ сперва поводомъ къ нежелательнымъ и вредившимъ дѣлу треніямъ, а затѣмъ—къ постояннымъ жалобамъ на преобладающее будто-бы вліяніе прокурорскаго надзора, который „подавляетъ судъ и судебныхъ слѣдователей". Попутно, конечно, непріязненныя отношенія къ чинамъ прокурорскаго надзора находили себѣ пищу и въ томъ, что послѣдніе, въ общемъ, дѣлали служебную карьеру быстрѣе, нежели чины магистратуры, вслѣдствіе чего на должности предсѣдателей окружныхъ судовъ часто назначались прокуроры, прослужившіе гораздо менѣе товарищей предсѣдателей и членовъ тѣхъ-же судовъ. При этомъ, однако, упускалось изъ виду, что быстрота служебныхъ повышеній чиновъ прокурорскаго надзора объяснялась, главнымъ образомъ, личными ихъ достоинствами, такъ какъ къ составу прокуратуры, съ самаго ея преобразованія, принадлежало значительное количество лицъ, выдѣлявшихся своими знаніями и способностями. Къ тому-же примѣры быстраго служебнаго движенія встрѣчались и среди такихъ членовъ магистратуры, которые никогда къ прокурорскому надзору не принадлежали: такъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ членовъ магистратуры на пятнадцатомъ году службы назначенъ былъ сенаторомъ и старшимъ предсѣдателемъ одной изъ судебныхъ палатъ; другой—достигъ на двѣнадцатомъ году службы положенія прокурора су-

дебной палаты, а на шестнадцатомъ—онъ назначенъ былъ старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты.

Само собою разумѣется, что и среди магистратуры было не мало лицъ, вполнѣ заслуженно создавшихъ себѣ репутацію выдающихся судебныхъ дѣятелей; но нельзя отрицать и того, что условія прокурорской службы, сами по себѣ, влекли къ себѣ преобладающее количество лучшихъ и наиболѣе крупныхъ силъ и давали имъ болѣе случаевъ выдвинуться: вѣдь для судьи достаточно обладать свѣтлымъ умомъ, знаніемъ закона, трудолюбіемъ и добросовѣстностью; судья, обладающій этими качествами, долженъ быть признанъ идеальнымъ судьею. Но для прокурора этихъ качествъ еще недостаточно: ему нужны еще административныя способности, находчивость и ораторскій талантъ.

Невольно способствовали, кромѣ того, быстротѣ служебнаго движенія чиновъ прокурорскаго надзора и постоянныя ихъ сношенія съ министромъ юстиціи, какъ генералъ-прокуроромъ, который имѣлъ возможность скорѣе и ближе убѣждаться въ ихъ дарованіяхъ и служебныхъ достоинствахъ. Наконецъ, публичная дѣятельность, равнымъ образомъ, выдвигала тѣхъ изъ прокуроровъ и ихъ товарищей, которые обладали выдающимся ораторскимъ талантомъ и пріобрѣтали извѣстность своими обвинительными рѣчами по громкимъ дѣламъ. Между тѣмъ, судьи, считая себя обиженными и обойденными, нерѣдко утверждали, что успѣхъ службы въ прокуратурѣ обусловливается однимъ только прислуживаніемъ и низкопоклонничествомъ, чему они, конечно, и сами не вѣрили. Однако, такія тенденціозныя заявленія сѣяли смуту, усугубляли рознь между судомъ и прокурорскимъ надзоромъ и, проникая въ общество, вредили прокуратурѣ, которую многіе, часто по недоразумѣнію, считали учрежденіемъ, какъ-бы спеціально занимающимся доносами.

Наряду со всѣми приведенными явленіями, нельзя не упомянуть и о томъ, что много конфликтовъ между судьями, слѣдователями и прокуратурою происходило на чисто служебной почвѣ, въ виду страннаго направленія, котораго часть нашихъ судей и судебныхъ слѣдователей, послѣ введенія судебной реформы, стала придерживаться по находившимся у нихъ въ производствѣ уголовнымъ дѣламъ. Бывали, напримѣръ, судебные слѣдователи, которые неизмѣнно направляли къ прекращенію каждое, попадавшее къ нимъ, болѣе или менѣе сложное или

трудное дѣло и возбуждали пререканія съ лицами прокурорскаго надзора по поводу каждаго слѣдственнаго дѣйствія по такимъ дѣламъ. Встрѣчались и предсѣдатели судовъ, которые, изъ побужденій ложно понятой „гуманности", прилагали всевозможныя старанія къ тому, чтобы обвиняемые, не смотря на подавляющія улики, по возможности, оправданы были присяжными засѣдателями и, возвращаясь, напримѣръ, съ большихъ выѣздныхъ сессій, самодовольно заявляли, что по всѣмъ разсмотрѣннымъ ими дѣламъ вынесены оправдательные вердикты. Были, далѣе, такіе члены столичныхъ судебныхъ палатъ, состоявшіе притомъ по двадцати лѣтъ въ указанныхъ должностяхъ, которые высказывали съ особымъ воодушевленіемъ, что за все время своей службы въ палатѣ они не уважили еще ни одного прокурорскаго протеста.

Понятно, что подобныя заявленія не могли способствовать улучшенію отношеній между магистратурою и прокурорскимъ надзоромъ; если же ознакомиться съ содержаніемъ рѣшеній Уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената за первое десятилѣтіе существованія судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ Императора Александра II, то можно найти много примѣровъ игнорированія судебными мѣстами точнаго смысла закона, въ ущербъ интересамъ государственнаго обвиненія. Такъ, напримѣръ, предсѣдательствовавшіе не дозволили чинамъ прокурорскаго надзора допрашивать на судебномъ слѣдствіи производившихъ дознаніе полицейскихъ чиновъ о сознаніи, сдѣланномъ имъ подсудимыми (рѣш. Уг. касс. деп. Пр. Сената 1870 г. № 953, 1871 г. № 535 и др.). Нѣкоторыя судебныя палаты, въ качествѣ обвинительныхъ камеръ, не допускали внесенія въ обвинительные акты сознанія подсудимыхъ на предварительномъ слѣдствіи, а предсѣдатели не разрѣшали чинамъ прокурорскаго надзора ссылаться на эти сознанія въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ (рѣш. Уг. касс. деп. Пр. Сената 1876 г. № 100 и др.). По дѣламъ же, разсматривавшимся безъ участія присяжныхъ засѣдателей, судебныя мѣста требовали иногда отъ прокурорскаго надзора представленія такихъ доказательствъ виновности подсудимаго, которыя, имѣя чисто отрицательный характеръ, по самой сущности своей, никогда и ни при какихъ условіяхъ представлены быть не могутъ (рѣш. Уг. касс. деп. Пр. Сената 1893 г. № 19).

Къ счастью, эти ненормальныя явленія, свидѣтельствовавшія не только о недоброжелательномъ отношеніи нѣкоторыхъ судей къ прокурорскому надзору, въ качествѣ правительственнаго учрежденія, облеченнаго обширными полномочіями, но и о неправильномъ пониманіи тѣхъ задачъ, которыя ввѣрены прокуратурѣ по отправленію правосудія, съ теченіемъ времени исчезли и нынѣ уже почти никогда не встрѣчаются. Этому способствовала какъ разъяснительная дѣятельность Правительствующаго Сената, такъ равно и участившіеся за послѣдніе двадцать лѣтъ переходы чиновъ прокуратуры въ магистратуру и, наоборотъ, назначеніе значительнаго числа членовъ и предсѣдателей судебныхъ мѣстъ на болѣе или менѣе крупныя должности по прокурорскому надзору.

Основанія, опредѣляющія характеръ отношеній прокурорскаго надзора къ суду и къ судебнымъ слѣдователямъ, изложены въ самомъ законѣ и, если строго придерживаться его постановленій, то становится вполнѣ очевиднымъ, что отношенія эти всегда будутъ нормальны: въ іерархическомъ и служебномъ смыслѣ судъ и прокурорскій надзоръ другъ отъ друга независимы и дѣлить имъ нечего; принадлежность же членовъ обоихъ учрежденій къ одному и тому же судебному сословію, служащему великому дѣлу правосудія, сама по себѣ обязываетъ ихъ избѣгать нежелательныхъ, а иногда и прямо недостойныхъ коллизій, которыя, напримѣръ, имѣли мѣсто по безсодержательному вопросу о томъ, стоя-ли обязанъ прокуроръ обращаться къ суду въ публичныхъ засѣданіяхъ, и потребовали даже разрѣшенія Правительствующаго Сената въ рѣшеніи Уголовнаго кассаціоннаго департамента 1870 года № 282. Вѣдь прокуроръ состоитъ при судѣ, въ качествѣ единоличнаго судебнаго органа правительства при коллегіальномъ учрежденіи, постанавливающемъ свои приговоры какъ-бы отъ имени Государя Императора, а поэтому чины прокурорскаго надзора въ обращеніяхъ своихъ къ суду и въ общемъ характерѣ своихъ пріемовъ обязаны быть корректными, соблюдая, конечно, свое достоинство, но жертвуя для пользы дѣла даже личнымъ самолюбіемъ, въ случаѣ неправильнаго непринятія судомъ мнѣнія представителя обвинительной власти или неосновательнаго отказа ему въ какомъ-либо требованіи, памятуя, что подобныя неправильности могутъ быть своевременно опротестованы, безъ всякаго ненуж-

наго раздраженія. Къ тому же, чины прокурорскаго надзора, поступая передъ судомъ съ тактомъ, послѣдовательно, спокойно и обдуманно, пріобрѣтаютъ довѣріе судей къ своимъ словамъ и дѣйствіямъ и становятся въ ихъ глазахъ надежными руководителями уголовнаго преслѣдованія, каждое дѣйствіе которыхъ имѣетъ особый вѣсъ.

Точно также и во всемъ, что касается судебныхъ слѣдователей, правильность и нормальность ихъ отношеній къ лицамъ прокурорскаго надзора обусловливаются, прежде всего, спокойною выдержкою и авторитетностью тѣхъ требованій и предложеній, которыя получаются ими отъ прокуратуры, и вѣрнѣйшимъ средствомъ для избѣжанія какихъ-бы то ни было коллизій является строгая обдуманность и юридическая правильность этихъ требованій и предложеній.

Неосновательны и многократно раздававшіеся по адресу чиновъ прокурорскаго надзора упреки въ томъ, что они всемѣрно посягаютъ на независимость суда. По этому поводу слѣдуетъ имѣть въ виду, что Судебные Уставы Императора Александра II сдѣлали все необходимое для обезпеченія независимости суда отъ прокурорскаго надзора. Судъ примѣняетъ у насъ законъ, не стѣсняясь требованіями и заключеніями прокуратуры; онъ сносится непосредственно со всѣми должностными лицами и присутственными мѣстами, не нуждаясь въ посредничествѣ прокурора; о дѣятельности своей судъ самъ составляетъ и представляетъ въ установленномъ порядкѣ отчеты; отъ него-же исходятъ и представленія о замѣщеніи судебныхъ вакансій, а по вопросу о надзорѣ за судомъ прокуратура имѣетъ только право сообщать предсѣдателю о замѣченныхъ ею упущеніяхъ или предложить о таковыхъ самому-же суду (ст. 253 Учр. Суд. Уст.). Во всѣхъ изложенныхъ постановленіяхъ закона независимость суда отъ прокурорскаго надзора, казалось-бы, достаточно ограждена, а постановленій, дающихъ основаніе опасаться давленія со стороны прокурорскаго надзора, наоборотъ, въ законѣ не установлено. Если-же сравнить объемъ правъ прокуратуры по нашему закону съ правами, принадлежащими, хотя-бы французскому или австрійскому прокурорскому надзору, то нельзя не придти къ убѣжденію въ томъ, что во Франціи и въ Австріи, гдѣ, однако, никто на „давленіе“ прокуратуры на судъ не жалуется, она, въ силу самаго закона, имѣетъ несравненно большее вліяніе, не-

жели у насъ. Такъ, напримѣръ, въ Австріи всѣ судебные отчеты составляются исключительно прокурорскимъ надзоромъ, безъ всякаго участія суда; нотаріусы привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, безъ предварительнаго сношенія съ судомъ, а прекращеніе уголовнаго преслѣдованія по уголовнымъ дѣламъ всецѣло предоставлено усмотрѣнію прокурорскаго надзора. Во Франціи, точно также, прокуроръ представляетъ министру юстиціи отчеты о дѣятельности суда, который можетъ сноситься съ министромъ не иначе, какъ чрезъ прокурора. Послѣднему принадлежитъ дисциплинарная власть надъ состоящими при судѣ стряпчими, судебными приставами и секретарями; прокуроръ даетъ инструкціи и разъясненія чинамъ судебной полиціи, къ числу которыхъ принадлежатъ и слѣдственные судьи, и въ правѣ дѣлать этимъ чинамъ собственною властью замѣчанія и выговоры, а въ болѣе важныхъ случаяхъ—онъ можетъ, по собственному усмотрѣнію, возбуждать противъ нихъ дисциплинарное преслѣдованіе, не смотря на то, что слѣдственные судьи пользуются несмѣняемостью. Противъ всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ судейскаго званія французскій прокуроръ, равнымъ образомъ, въ правѣ возбуждать предъ подлежащимъ судебнымъ мѣстомъ дисциплинарное преслѣдованіе.

Изъ приведенныхъ указаній нельзя не придти къ убѣжденію, что жалобы на преобладающее вліяніе нашей прокуратуры на судъ недостаточно обоснованы и во всякомъ случаѣ сильно преувеличены.

IX. Отношенія прокурорскаго надзора къ обществу.

Нельзя отрицать, что прокурорскій надзоръ едва-ли въ состояніи успѣшно и энергично вести дѣло уголовнаго преслѣдованія, если онъ не пользуется общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, потому что, при отсутствіи такого довѣрія, онъ встрѣтитъ на своемъ пути, въ лучшемъ случаѣ, равнодушіе, а часто антипатію и даже глухое противодѣйствіе со стороны тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ уголовное преслѣдованіе предпринято. Толки и слухи, выдаваемые за „общественное мнѣніе“, отзывы газетъ, въ которыхъ за „общественное мнѣніе“ нерѣдко вы-

даются личные взгляды того или другого редактора или сотрудника, наконецъ, рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, которыя являются отголоскомъ общественной совѣсти, вотъ тѣ средства, путемъ которыхъ общество заявляетъ о своемъ отношеніи къ прокурорскому надзору. Дѣятельность прокуратуры, поэтому, облегчается или, наоборотъ, затрудняется, въ зависимости отъ того, насколько населеніе охотно и довѣрчиво прибѣгаетъ къ ея защитѣ и оказываетъ ей содѣйствіе. При такихъ условіяхъ понятно, что прокурорскому надзору необходимо считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, дабы не очутиться въ одиночествѣ и не стать учрежденіемъ, чуждымъ общественному интересу. Но забота объ измѣнчивой и въ большинствѣ случаевъ непослѣдовательной симпатіи общества можетъ иногда выродиться въ систематическую погоню за популярностью, при наличности которой лицо прокурорскаго надзора забываетъ о своемъ истинномъ призваніи и направляетъ всю свою дѣятельность лишь къ тому, чтобы его хвалили въ „передовыхъ кружкахъ“, какъ дѣятеля, чутко прислушивающагося къ настроенію данной минуты. Къ сожалѣнію, примѣры такихъ чиновъ прокуратуры изрѣдка встрѣчались и у насъ, и если подобныя лица, путемъ рекламированія самихъ себя и своей дѣятельности, иногда успѣвали создавать себѣ положеніе и вызывать поклоненіе всѣхъ, далеко стоящихъ отъ интересовъ правосудія, но жадно прислушивающихся къ анекдотическимъ и не всегда согласнымъ съ истиною элокубраціямъ своихъ „любимцевъ“, то послѣдніе въ лучшей части судебныхъ дѣятелей встрѣчаютъ суровое осужденіе, потому что прокуроръ, подобнымъ способомъ добивающійся благополучія, перестаетъ быть представителемъ безстрастнаго закона и органомъ правительства, при помощи котораго оно заботится объ осуществленіи общаго блага.

Служебное и общественное положеніе чиновъ прокуратуры нерѣдко осложняется у насъ тѣмъ, что, по бытовымъ условіямъ нашей родины, прокуроръ чаще встрѣчаетъ непріязнь, нападки и инсинуаціи, нежели сочувствіе, потому что, преслѣдуя лицъ, заподозрѣнныхъ или прямо изобличенныхъ въ преступленіяхъ, и не давая имъ воспользоваться плодами своей противозаконной дѣятельности, прокуроръ создаетъ себѣ враговъ среди родственниковъ, знакомыхъ и единомышленниковъ любителей незаконной наживы. Враги эти часто вліятельны и неразборчивы въ средствахъ: они часто прибѣгаютъ къ распространенію ложныхъ

слуховъ, къ доносамъ и неосновательнымъ жалобамъ, со ссылкою на лжесвидѣтелей и т. д. Какъ судебный дѣятель, прокуроръ безсиленъ предъ такими пріемами и въ большинствѣ случаевъ онъ вынужденъ хранить пренебрежительное молчаніе, въ силу своего профессіональнаго достоинства, несовмѣстимаго съ какою-бы то ни было полемикою. Единственнымъ выходомъ изъ такого, не всегда благопріятнаго, положенія является спокойное, строго-законное и послѣдовательное исполненіе чинами прокурорскаго надзора своего служебнаго долга, въ твердомъ сознаніи своей правоты и въ надеждѣ на то, что истина въ концѣ концовъ восторжествуетъ.

Внѣшнимъ образомъ отношенія прокурорскаго надзора къ обществу проявляются преимущественно въ его дѣловыхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ частными лицами, заинтересованными въ уголовныхъ дѣлахъ. Потерпѣвшіе, обвиняемые и лица, близко къ нимъ стоящія, постоянно обращаются къ чинамъ прокуратуры съ просьбами или за разъясненіями и указаніями, особенно въ глухой провинціи, гдѣ юридической помощи населенію почти не существуетъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ со стороны нашего прокурорскаго надзора почти всегда проявлялась стойкая и твердая послѣдовательность, корректность и готовность оказать посильную помощь, въ виду чего чины прокуратуры пріобрѣли довѣріе и признательность населенія, а въ особенности бѣднѣйшихъ его классовъ. Вдумчивое и осторожное отношеніе было въ частности проявляемо прокурорскимъ надзоромъ къ органамъ повременной печати. Отдѣляя въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ все пристрастное и личное отъ истиннаго, прокуратура нерѣдко черпала изъ отзывовъ печати полезныя указанія и такія данныя, которыя, при надлежащей ихъ провѣркѣ, способствовали обнаруженію безгласныхъ преступленій, правильному ихъ обслѣдованію и возбужденію уголовнаго преслѣдованія по такимъ дѣламъ, по которымъ старались скрыть слѣды преступныхъ дѣяній.

Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ чины прокурорскаго надзора правильно понимали свое назначеніе, устанавливали нормальныя отношенія къ обществу и, за рѣдкими исключеніями, пользуются заслуженнымъ уваженіемъ. Если же въ послѣдніе годы иногда замѣчалось какъ-бы отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ кружковъ

къ чинамъ прокурорскаго надзора, то это объясняется исключительно вліяніемъ политическихъ событій 1904—1906 г. г. и существованіемъ у насъ такихъ партій, которыя, стремясь къ достиженію преступныхъ цѣлей, руководствуются въ своей дѣятельности противозаконными пріемами, вслѣдствіе чего вмѣшательство прокурора въ ихъ дѣла является для нихъ постоянною угрозою. Что же касается массы населенія, живущаго вдали отъ столицъ и крупныхъ центровъ, то она видитъ въ чинахъ прокурорскаго надзора своихъ естественныхъ совѣтниковъ и защитниковъ, къ которымъ прибѣгаетъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, требующихъ знанія законовъ.

X. Статистическія данныя о дѣятельности прокурорскаго надзора и о личномъ его составѣ.

Точныя статистическія свѣдѣнія о дѣятельности прокурорскаго надзора собраны за время съ 1 января 1867 по 1 января 1913 года, то есть за 46 лѣтъ. Имѣющійся по этому предмету цифровой матеріалъ приводитъ къ убѣжденію въ томъ, что русская прокуратура несла за это время и продолжаетъ нести поистинѣ колоссальный трудъ. Такъ, за указанныя 46 лѣтъ, прокурорскимъ надзоромъ всего направлено 6.032.548 уголовныхъ дѣлъ съ обвинительными актами и письменными заключеніями о прекращеніи, не считая свыше 14 милліоновъ дѣлъ, которыя за тотъ же періодъ времени направлены были въ судебныя мѣста для прекращенія по ст. 277 Уст. Уг. Суд. При этомъ въ настоящее время количество дѣлъ настолько увеличивается, что, напримѣръ, за семь лѣтъ, истекшихъ съ 1 января 1906 по 1 января 1913 года, прокурорскимъ надзоромъ всего направлено 2.471.010 дѣлъ съ письменными заключеніями, тогда какъ передъ этимъ, за 24 года, съ 1 января 1882 г. по 1 января 1906 года, такихъ-же дѣлъ всего направлено было 2.431.611, то есть почти на 40.000 дѣлъ менѣе, нежели за время съ 1 января 1906 по 1 января 1913 г.

Если же обратиться къ содержанію письменныхъ заключеній прокурорскаго надзора по уголовнымъ дѣламъ, то оказывается, что изъ общей цифры въ 2.471.010 дѣлъ, по которымъ за послѣдніе отчетные семь лѣтъ составлены были письменныя заключенія, только 761.212 дѣлъ направлены съ обвинительными актами, а около трехъ пятыхъ общаго количества дѣлъ (58$^{9}/_{10}{}^{0}/_{0}{}^{0}/_{0}$)—съ заключеніями о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія. Эти цифры, въ связи съ громаднымъ количествомъ дѣлъ, направляемыхъ къ прекращенію, въ порядкѣ ст. 277 Уст. Уг. Суд., сами по себѣ свидѣтельствуютъ о томъ, насколько осторожно и безстрастно русскій прокурорскій надзоръ относится къ исполненію своихъ обязанностей, ничуть не преувеличивая значенія добытаго слѣдствіемъ матеріала.

Относительно числа протестовъ, принесенныхъ прокурорскимъ надзоромъ по дѣламъ общей и мировой юстиціи, имѣются, равнымъ образомъ, свѣдѣнія за время съ 1 января 1867 г. по 1 января 1913 года. За означенное время всего протестовъ (апелляціонныхъ и кассаціонныхъ) принесено: на приговоры окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ 21.645, изъ коихъ уважено около 60$^{0}/_{0}$, а именно 12.922. По дѣламъ-же мировой юстиціи за указанный періодъ времени въ Пр. Сенатъ принесено всего 4.436 кассаціонныхъ протестовъ, изъ коихъ уважено свыше трехъ пятыхъ (63$^{0}/_{0}$) общаго ихъ количества, а именно 2.842.

Въ отношеніи личнаго состава прокурорскаго (и оберъ-прокурорскаго) надзора имѣются слѣдующія цифровыя данныя: при введеніи судебной реформы назначено (не считая старыхъ департаментовъ Пр. Сената и губернскихъ прокуроровъ) 2 оберъ-прокурора, 4 товарища оберъ-прокурора, 2 прокурора судебныхъ палатъ, 4 товарища прокурора судебныхъ палатъ, 16 прокуроровъ окружныхъ судовъ и 98 товарищей прокурора окружныхъ судовъ, то есть всего 126 лицъ оберъ-прокурорскаго и прокурорскаго надзора. По мѣрѣ распространенія судебной реформы, указанныя цифры быстро увеличивались и къ 24 ноября 1889 года уже состояло: 3 оберъ-прокурора, 23 товарища оберъ-прокурора, 10 прокуроровъ судебныхъ палатъ, 43 товарища прокурора судебныхъ палатъ, 80 прокуроровъ окружныхъ судовъ и 510 товарищей прокурора окружныхъ судовъ, а всего 669 лицъ. Наконецъ, 31 декабря 1913 года со-

стояло: 3 оберъ-прокурора, 26 товарищей ихъ, 14 прокуроровъ судебныхъ палатъ, 67 товарищей прокурора судебныхъ палатъ, 109 прокуроровъ окружныхъ судовъ и 951 товарищъ прокурора окружныхъ судовъ, а всего 1170 лицъ.

Насколько служба въ прокурорскомъ и оберъ-прокурорскомъ надзорѣ привлекала судебныхъ дѣятелей, которые своими дарованіями выдавались изъ общаго уровня служащихъ по судебному вѣдомству, можно судить по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ о составѣ лицъ, занимавшихъ за послѣднія 50 лѣтъ наиболѣе отвѣтственныя должности, какъ по вѣдомству Министерства Юстиціи, такъ равно и по другимъ вѣдомствамъ, и ранѣе принадлежавшихъ къ составу прокурорскаго или оберъ-прокурорскаго надзора. За указанный періодъ времени пятеро изъ числа такихъ лицъ занимали должность министра юстиціи (Н. А. Манасеинъ, Н. В. Муравьевъ, С. С. Манухинъ, М. Г. Акимовъ и И. Г. Щегловитовъ); точно также изъ 17 лицъ, занимавшихъ за тотъ же срокъ должности товарищей министра юстиціи, 12 (Н. И. Стояновскій, Э. В. Фришъ, П. А. Марковъ, И. Л. Горемыкинъ, П. М. Бутовскій, С. С. Манухинъ, А. А. Хвостовъ, И. Г. Щегловитовъ, И. И. Соллертинскій, А. Г. Гасманъ, М. Ф. Люце и И. Е. Ильяшенко) служили ранѣе въ оберъ-прокурорскомъ и прокурорскомъ надзорѣ. Изъ лицъ, входившихъ въ составъ тѣхъ-же учрежденій, четверо (И. Л. Горемыкинъ, В. К. Плеве, П. Н. Дурново и А. А. Макаровъ) занимали должность министра внутреннихъ дѣлъ и пятеро (А. А. Половцевъ, Н. В. Муравьевъ, В. К. Плеве, А. А. Макаровъ и С. Е. Крыжановскій)— должность государственнаго секретаря. Наконецъ, четырнадцать лицъ, служившихъ. въ прокурорскомъ или оберъ-прокурорскомъ надзорѣ, сверхъ бывшихъ министровъ и товарищей министровъ (И. Я. Голубевъ, А. А. Сабуровъ, П. П. Кобылинскій, баронъ Э. Ф. Гойнингенъ-Гюне, баронъ А. Ф. Корфъ, В. Ф. Дейтрихъ, Е. Ф. Турау, Н. Н. Шрейберъ, А. Ѳ. Кони, А. Н. Щербачевъ, С. Ѳ. Платоновъ, князь А. Д. Оболенскій, Н. А. Воеводскій и Н. А. Мясоѣдовъ) состоятъ членами Государственнаго Совѣта.

Перечень этихъ государственныхъ людей, общеизвѣстныхъ своими заслугами, служитъ доказательствомъ того, насколько преобразованный по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II прокурорскій надзоръ сохранилъ довѣріе Россійскихъ Само-

держцевъ. Не отступая отъ завѣтовъ Петра Великаго и исполняя и нынѣ свято свои сложныя и отвѣтственныя обязанности, чины прокурорскаго надзора въ основѣ своей дѣятельности продолжаютъ быть тѣми-же блюстителями закона, которыхъ Державный Создатель русской прокуратуры называлъ своимъ „окомъ“ и „стряпчими о дѣлахъ государственныхъ“ [1]).

Ѳ. Гредингеръ.

[1]) П. С. З., № 3979.

Адвокатура.

I. Адвокатура въ Россіи до судебной реформы и организація ея по Судебнымъ Уставамъ 1864 г. II. Критическая оцѣнка организаціи адвокатуры. III. Частные повѣренные и помощники присяжныхъ повѣренныхъ. IV. Заключеніе.

I. Адвокатура въ Россіи до судебной реформы и организація ея по Судебнымъ Уставамъ 1864 г.

Предъ введеніемъ судебной реформы 1864 г. офиціально признанная и организованная адвокатура существовала у насъ только при коммерческихъ судахъ, гдѣ она сохранилась въ первоначальномъ видѣ по настоящій день [1]), и на окраинахъ, именно въ Царствѣ Польскомъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ она была преобразована вмѣстѣ съ судебными учрежденіями при распространеніи дѣйствія Судебныхъ Уставовъ на эти окраины. Въ коренныхъ же губерніяхъ Россіи веденіе чужихъ судебныхъ дѣлъ представляло собою абсолютно свободную профессію, и заниматься имъ могли всѣ желающіе, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, особо перечисленныхъ въ законѣ категорій лицъ, каковы: малолѣтніе, чиновники, состоящіе на службѣ въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ данное дѣло производится, духовенство, лишенные по суду правъ состоянія или добраго имени, исключенные со службы, состоящіе подъ надзоромъ полиціи [2]) и т. п. Хотя, при господствѣ письменности въ судопроизводствѣ и отсутствіи устнаго состязанія сторонъ въ за-

---

[1]) Ст. 32—39 дѣйствующаго Устава Судопр. Торг., изд. 1903 г., всспроизводятъ почти безъ измѣненій постановленія закона 14 мая 1832 г., создавшаго институтъ „присяжныхъ стряпчихъ".

[2]) Ст. 195 т. X ч. II Св. Зак., по изд. 1857 г.

сѣданіяхъ, дѣятельность адвокатовъ сводилась къ составленію судебныхъ бумагъ, но и для этого требовалось знаніе законовъ, такъ что ходатайство по дѣламъ, естественнымъ образомъ, сосредоточилось въ рукахъ особаго класса лицъ, получившихъ юридическое образованіе или инымъ путемъ пріобрѣвшихъ свѣдѣнія въ правѣ. Лицъ съ юридическимъ образованіемъ было въ дореформенное время мало, а потому ряды адвокатуры пополнялись преимущественно чиновниками, частью состоящими на службѣ въ низшихъ должностяхъ [1]), частью же вышедшими въ отставку по собственному желанію или „по независящимъ обстоятельствамъ". Большинство дореформенныхъ адвокатовъ принадлежало къ послѣдней категоріи—къ „пострадавшимъ по службѣ чиновникамъ". Ихъ подготовленность къ профессіи обыкновенно немногимъ превышала нравственныя качества. Не образуя сословія, объединеннаго внутренней дисциплиной, не подчиняясь ничьему надзору, не преслѣдуя никакой иной цѣли, кромѣ денежной наживы, они оказывали могущественную поддержку сутяжничеству и кляузамъ. Этому въ высшей степени благопріятствовало письменное и тайное производство, дававшее ходатаямъ возможность скрываться отъ судей и общества за спинами тяжущихся и стѣнами канцелярій. Съ давнихъ поръ они снискали названіе „ябедниковъ", и законодательные памятники, содержащіе въ себѣ немало карательныхъ постановленій, касающихся ябедничества, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, насколько распространено было это зло, и какъ трудна была борьба съ нимъ. Если наша дореформенная юстиція стояла такъ низко, то значительная доля вины падаетъ именно на ходатаевъ по дѣламъ.

Предпринимая коренную судебную реформу, преобразуя на новыхъ началахъ судоустройство и процессъ, нельзя было не озаботиться учрежденіемъ офиціальной адвокатуры: иначе ходатаи по дѣламъ продолжали бы свою пагубную дѣятельность и привели бы всю реформу къ краху. Это было сознано правительствомъ. „Одна изъ причинъ неуспѣшнаго хода гражданскихъ дѣлъ по правиламъ Свода 1857 г.",—говорится въ журналѣ Государственнаго Совѣта за 1862 г.,—„заключается въ томъ, что Сводъ не допускаетъ признаннаго правительствомъ сословія по-

[1]) Секретарей, столоначальниковъ, экзекуторовъ и т. п.

вѣренныхъ, которое, какъ по знанію своего дѣла, такъ и по нравственнымъ качествамъ и юридическимъ познаніямъ своихъ членовъ, *удовлетворяло бы своему призванію*. Отъ того наши повѣренные, остающіеся негласными, не всегда оправдываютъ истинное назначеніе этого важнаго въ судебномъ вѣдомствѣ сословія. Для исправленія сей части нашего судоустройства необходимо ввести у насъ учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ, безъ которыхъ рѣшительно невозможно будетъ веденіе состязанія въ гражданскомъ и судебныхъ преній въ уголовномъ судопроизводствѣ съ цѣлью раскрытія истины и предоставленія полной защиты тяжущимся и обвиняемымъ предъ судомъ" [1]).

Составителямъ Судебныхъ Уставовъ предстояла трудная задача: призвать къ жизни и заново организовать цѣлый институтъ. Естественно было имъ обратиться къ помощи западноевропейской науки и законодательной практики, какъ они поступали и въ другихъ случаяхъ. Двѣ системы устройства адвокатуры были у нихъ предъ глазами въ то время: одна система господствовала во Франціи, Англіи и Бельгіи, другая — въ большинствѣ германскихъ государствъ и въ Австріи. Первая характеризовалась раздѣленіемъ лицъ, профессіонально занимающихся веденіемъ чужихъ судебныхъ дѣлъ, на два класса: на адвокатовъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова (avocats, barristers) и на повѣренныхъ, или стряпчихъ (avoués, attorneys, solicitors). Дѣятельность адвокатовъ заключалась въ консультаціяхъ и устной защитѣ въ судебныхъ засѣданіяхъ; стряпчіе исполняли всю остальную, черновую работу, связанную съ ходатайствомъ по дѣлу, начиная отъ подготовки фактическаго матеріала и предъявленія иска, вплоть до исполненія рѣшенія. Въ сословіе адвокатовъ принимались лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и практической подготовкой; отъ кандидатовъ въ стряпчіе требовалось обладаніе практическими свѣдѣніями въ правѣ и судопроизводствѣ. Адвокатура считалась свободной профессіей, и доступъ къ ней былъ открытъ для всѣхъ, кто имѣлъ необходимый образовательный цензъ и незапятнанную репутацію; стряпчіе состояли при судахъ въ качествѣ низшихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, подобныхъ судебнымъ приставамъ, причемъ во Франціи и Бельгіи число

---

[1]) Объясн. къ 11 ст. Учр. Суд. Уст.

ихъ было ограничено комплектомъ для каждаго суда, а предъ допущеніемъ къ практикѣ требовалось внесеніе денежнаго залога. Участіе адвокатовъ въ процессѣ было необязательно; поэтому они могли отказываться отъ предлагаемыхъ имъ дѣлъ, безъ объясненія причинъ; тяжущіеся должны были вести свои дѣла въ коллегіальныхъ судахъ чрезъ посредство стряпчихъ, которые, въ виду этого, имѣли право отказываться отъ веденія дѣлъ только въ особо указанныхъ закономъ случаяхъ. Адвокаты не считались представителями кліентовъ, не получали отъ нихъ довѣренностей, не отвѣчали предъ ними за свои совѣты и рѣчи; стряпчіе замѣщали тяжущихся въ процессѣ, дѣйствовали на основаніи выдаваемаго имъ кліентами полномочія и несли предъ ними отвѣтственность по общимъ правиламъ о представительствѣ. Адвокатская профессія считалась въ принципѣ безвозмездной, а гонораръ разсматривался, согласно традиціи, исходящей изъ республиканскаго Рима, какъ почетный даръ, котораго адвокатъ, подобно врачу и священнику, не могъ выговаривать напередъ и не въ правѣ былъ требовать судомъ; стряпчіе получали вознагражденіе по таксѣ, опредѣлявшей плату за каждое процессуальное дѣйствіе, и имѣли право взыскивать его въ судебномъ порядкѣ. Адвокатская профессія была несовмѣстима съ исполненіемъ обязанностей стряпчаго, съ участіемъ въ исполненіи рѣшеній и конкурсномъ производствѣ, съ коммерческой и посреднической дѣятельностью въ качествѣ маклеровъ, агентовъ, факторовъ и т. п.; стряпчіе могли заниматься всѣми этими видами дѣятельности. Единственно въ чемъ сходилась организація сословія адвокатовъ и класса стряпчихъ, это—въ корпоративномъ устройствѣ: какъ адвокаты, такъ и стряпчіе раздѣлялись на самоуправляющіяся коллегіи, которыя осуществляли дисциплинарную власть надъ своими членами подъ наблюденіемъ судовъ [1]).

Иначе была организована въ срединѣ прошлаго вѣка адвокатура въ германскихъ государствахъ и въ Австріи. Дуализмъ адвокатской профессіи, существовавшій нѣкогда и здѣсь, былъ почти повсемѣстно уничтоженъ, и обязанности адвокатовъ и стряпчихъ совмѣщены въ рукахъ одного класса лицъ—судеб-

[1]) Дальнѣйшія подробности можно найти въ моихъ сочин.: „Организація адвокатуры“, 1893, I, стр. 137 и сл., 171 и сл., 207 и сл., „Курсъ гражд. процесса“, I, 1913, стр. 302 и сл. Тамъ же указана и литература.

ныхъ повѣренныхъ (Rechtsanwälte) [1]). Онъ состоялъ изъ юристовъ съ высшимъ образованіемъ и практической подготовкой и обладалъ корпоративнымъ устройствомъ. Но это были единственныя черты сходства его съ сословіями французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ адвокатовъ. Во всемъ остальномъ устройство германской и австрійской адвокатуры подходило ближе къ организаціи сословія стряпчихъ во Франціи и Бельгіи. Такъ, свобода профессіи подвергалась различнымъ ограниченіямъ: принятіе въ число повѣренныхъ зависѣло отъ правительства (отъ главы государства или министерства), при чемъ въ однихъ государствахъ число повѣренныхъ опредѣлялось максимальнымъ комплектомъ либо для всей территоріи (въ Саксоніи), либо для отдѣльныхъ мѣстностей (по усмотрѣнію министерства юстиціи: въ Пруссіи, Баваріи, Австріи) [2]), а въ другихъ государствахъ дѣятельность повѣренныхъ была локализована (въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ) [3]). Затѣмъ, размѣръ гонорара опредѣлялся либо по таксѣ, либо по постановленію суда (въ Баваріи, Австріи), и только въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ допускались письменныя соглашенія о вознагражденіи. Повѣренные были полными представителями тяжущихся въ процессѣ, дѣйствовали и отвѣчали по началамъ договора порученія; помимо ходатайства по дѣламъ, они занимались и другими видами посредничества, а въ нѣкоторыхъ государствахъ ими замѣщались должности нотаріусовъ.

Отъ зоркаго взгляда составителей Судебныхъ Уставовъ врядъ ли ускользнуло, что этимъ двумъ формамъ устройства адвокатуры соотвѣтствовали два совершенно различныхъ типа адвокатовъ. Они не могли не знать, что французскіе, англійскіе и бельгійскіе адвокаты представляли собою ученыхъ юристовъ и ораторовъ, которые, будучи избавлены отъ черновой работы по веденію дѣлъ, исполняемой стряпчими, всецѣло отдавались за-

---

[1]) Въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ, наряду съ повѣренными, исполнявшими обязанности адвокатовъ и стряпчихъ, существовали еще адвокаты, занимавшіеся только консультаціями и устной защитой въ судахъ; но практика сосредоточивалась въ рукахъ повѣренныхъ, такъ какъ тяжущимся было удобнѣе поручать веденіе дѣлъ лицамъ, имѣющимъ право совершать вмѣсто нихъ всѣ процессуальныя дѣйствія. „Организація адвокатуры", II, 153—154.

[2]) „Организ. адвок.", I, стр. 238 и сл., 286—288. Reidnitz. Freie Advokatur und Numerus Clausus, 1911, 4 ff.

[3]) Reidnitz. Lokalisation und Simultanzulassung, 1911, 13 ff.

нятію наукой, литературой и ораторскимъ искусствомъ; что они пользовались высокимъ уваженіемъ, а ихъ профессія считалась почетной и восхвалялась не только представителями ея, но и посторонними лицами; что французскіе адвокаты гордились славной многовѣковой исторіей; что энергичной, самоотверженной борьбой за утвержденіе законнаго порядка они еще въ средніе вѣка заслужили лестный титулъ „рыцарей закона и правосудія"; что изъ ихъ среды выходили видные дѣятели на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной жизни: судьи, прокуроры, министры, канцлеры, кардиналы и папы (Климентъ IV); что англійская адвокатура, хотя и не имѣла столь блестящаго прошлаго, тѣмъ не менѣе пользовалась глубокимъ уваженіемъ, привлекала въ свои ряды наиболѣе даровитыхъ членовъ высшихъ классовъ населенія и образовывала одно сословіе съ судебной магистратурой, главныя должности которой замѣщались исключительно адвокатами, снискавшими своими знаніями и безупречнымъ исполненіемъ обязанностей почетную репутацію [1]). Совершенно другую картину представляла германская и австрійская адвокатура. Исполненіе повѣренными обязанностей стряпчихъ и попутныя занятія всякаго рода посреднической дѣятельностью отвлекли ихъ отъ юридической науки, разработка которой сдѣлалась достояніемъ исключительно профессуры [2]), и придали адвокатурѣ характеръ ремесла, превративъ ее въ своего рода маклерство по юридической части; въ то же время назначеніе повѣренныхъ правительствомъ, подчиненность суду какъ въ дисциплинарномъ отношеніи, такъ и въ вопросѣ о размѣрѣ гонорара, и, вдобавокъ, практиковавшееся въ нѣкоторыхъ государствахъ совмѣщеніе адвокатуры съ должностью нотаріуса лишили повѣренныхъ необходимой независимости и поставили

---

[1]) „Организація адвокатуры", I, стр. 182 и сл., стр. 226 и сл. Ср. мой „Курсъ гражд. процесса", I, 1913, стр. 317—321.

2) Гольмстенъ. Юридическія изслѣдованія и статьи, II, 1913, стр. 249: „Во Франціи большинство адвокатовъ или профессора юридическихъ наукъ или авторы ученыхъ сочиненій, и то, что они по дѣламъ гражданскимъ пишутъ для суда и говорятъ на судѣ, есть, по научности своей, совершенно то же самое, что пишутъ нѣмецкіе профессора въ своихъ Gutachten. По этой же причинѣ существовавшіе когда-то во Франціи consultations оказались нежизнеспособными и слились съ чисто научной дѣятельностью адвокатовъ. Въ Германіи адвокатъ—и ходатай, и ученый, и это смѣшеніе функцій отразилось на состояніи адвокатуры—стоитъ она очень невысоко. Не видя въ адвокатахъ людей достаточно вооруженныхъ знаніями, тяжущіеся, наталкиваемые старыми традиціями, обращаются къ профессорамъ и факультетамъ",

въ положеніе низшихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что германскіе и австрійскіе повѣренные представляли собой полу-ремесленниковъ, получиновниковъ. Понятно, что такая профессія не заключала въ себѣ ничего особенно привлекательнаго, стояла невысоко въ общественномъ мнѣніи и вызывала глубокое недовольство какъ въ средѣ самихъ повѣренныхъ, такъ и въ литературѣ [1]).

Таковы были двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга формы устройства адвокатуры въ западно-европейскихъ государствахъ средины XIX вѣка. Составители Судебныхъ Уставовъ не остановились ни на одной изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, они не удовольствовались слѣпымъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, а позаимствовали изъ нихъ то, что считали наиболѣе цѣлесообразнымъ и соотвѣтствующимъ условіямъ русской жизни. Форма устройства адвокатуры, выработанная ими, не была точной копіей ни англо-французской, ни австро-германской системъ, а представляла собою комбинацію ихъ обѣихъ, наиболѣе подходившую въ то время для Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, англо-французская система, не смотря на окружавшій ее ореолъ, не могла быть принята у насъ по весьма простой причинѣ: за недостаткомъ лицъ съ юридическимъ образованіемъ. Откуда было взять двойной составъ юристовъ для пополненія сословій адвокатовъ и стряпчихъ, когда даже къ судейскимъ должностямъ пришлось допускать лицъ безъ юридическаго образованія, только „доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части“ [2]). Что касается второй, австро-германской системы, то ее, конечно, можно было перенять. Подобную именно систему воспроизводилъ первоначальный проектъ объ адвокатурѣ, внесенный въ Государственный Совѣтъ въ 1859 г., но не получившій утвержденія. Согласно этому проекту, адвокаты, именуемые „присяжными стряпчими“, назначались министромъ юстиціи „въ числѣ, соразмѣрномъ съ мѣстною потребностью“, получали вознагра-

[1]) Въ „Германской Судебной газетѣ“ (Deutsche Gerichtszeitung) за 1862 г. былъ напечатанъ цѣлый рядъ статей различныхъ авторовъ, обрисовавшихъ современное положеніе адвокатуры въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ мрачными красками. Эти статьи были затѣмъ перепечатаны въ книгѣ Жака (Jaques. Die freie Advocatur und ihre legislative Organisation, 1868). Извлеченія изъ нихъ см. въ „Организація адвокатуры“, I, 240 и сл.

[2]) Ст. 202 Учр. Суд. Уст.

жденіе по таксѣ, состояли подъ надзоромъ предсѣдателей судовъ, губернскихъ прокуроровъ и министра юстиціи, приравнивались, не считаясь на дѣйствительной службѣ, по своему положенію, къ секретарямъ судовъ, съ тою разницей, что не могли быть увольняемы безъ судебнаго приговора [1]). Составители Судебныхъ Уставовъ вполнѣ основательно уклонились отъ воспроизведенія австро-германской системы, вызывавшей неудовольствіе и осужденіе тамъ, гдѣ она существовала. Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ ознаменовались въ Германіи и Австріи сильнымъ движеніемъ въ пользу реформы адвокатуры. Лозунгомъ его было: „свобода адвокатуры". Считая корнемъ зла чиновничій характеръ адвокатуры, съ одной стороны, и искусственное уменьшеніе числа повѣренныхъ установленнымъ комплектомъ съ другой стороны, поборники реформы требовали признанія адвокатуры свободной профессіей, открытія доступа къ ней всѣмъ, обладающимъ необходимой подготовкой, и расширенія корпоративнаго самоуправленія [2]). Были ли составители Уставовъ знакомы съ этимъ движеніемъ, неизвѣстно, хотя врядъ ли можно думать, чтобы не были. Во всякомъ случаѣ, они осуществили на дѣлѣ всѣ чаянія зарубежныхъ поборниковъ свободы адвокатуры и ввели именно то устройство адвокатуры, какое рекомендовалось знатоками дѣла въ Германіи и Австріи, и какое черезъ нѣкоторое время было введено въ этихъ государствахъ. Дѣйствительно, австрійскій адвокатскій уставъ 1868 г. представляетъ разительное сходство, доходящее почти до полнаго тождества, съ постановленіями о присяжной адвокатурѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Какъ здѣсь, такъ и тамъ отъ кандидатовъ въ адвокатуру требуется высшее юридическое образованіе, практическая подготовка и безупречная репутація; доступъ къ профессіи открытъ для всѣхъ, удовлетворяющихъ этимъ требованіямъ, безъ ограниченія ихъ комплектомъ и локализаціей; опредѣленіе размѣра гонорара предоставлено взаимному соглашенію между адвокатами и кліентами; сословію дано корпоративное устройство, съ широкимъ правомъ самоуправленія. На такихъ же началахъ построенъ германскій уставъ 1878 г., съ однимъ отступленіемъ: дѣятельность повѣренныхъ, въ каче-

---

[1]) Дѣло о преобразованіи судебной части, т. IV, №№ 3 и 7.

[2]) „Организація адвокатуры", I, стр. 247 и сл., 288 и сл.

ствѣ стряпчихъ, локализована; но такъ какъ исполнять обязанности адвокатовъ, т. е. вести устную защиту въ засѣданіи, они могутъ во всѣхъ судахъ имперіи, а ходатайствовать, въ качествѣ стряпчихъ, въ правѣ по передовѣрію своихъ коллегъ, то практическое значеніе локализаціи сводится къ минимуму, если даже не къ нулю [1]).

Нужно однако замѣтить, что планъ устройства адвокатуры, начертанный составителями Судебныхъ Уставовъ, былъ полностью осуществленъ не повсемѣстно. По введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, присяжная адвокатура получила корпоративное устройство только въ столицахъ и въ г. Харьковѣ: только тамъ были избраны и начали функціонировать органы адвокатскаго самоуправленія — совѣты присяжныхъ повѣренныхъ; въ прочихъ округахъ дисциплинарный надзоръ за присяжными повѣренными принадлежалъ окружнымъ судамъ, исполнявшимъ обязанности совѣтовъ также и въ тѣхъ округахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ не превышало 20 [2]). Въ 1875 г. было пріостановлено .дальнѣйшее учрежденіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ [3]), а въ 1889 г. сдѣлано то же самое по отношенію къ отдѣленіямъ совѣтовъ [4]), которыя, по Судебнымъ Уставамъ, могли быть учреждаемы въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ судебныхъ палатъ и гдѣ имѣютъ жительство болѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ. Въ оправданіе этихъ мѣръ приводилось— и не безъ основанія — неудобство корпоративнаго устройства малочисленныхъ коллегій, члены которыхъ черезчуръ тѣсно связаны между собой дѣловыми и всякими иными отношеніями для того, чтобы безпристрастно осуществлять дисциплинарную власть другъ надъ другомъ. Однако пріостановка учрежденія совѣтовъ продолжалась еще долгое время послѣ того, какъ въ большихъ городахъ число присяжныхъ повѣренныхъ далеко превысило законный минимумъ. Только въ 1906 г. было разрѣшено образовать совѣты присяжныхъ повѣренныхъ при судебныхъ палатахъ Казанской, Новочеркасской, Одесской, Саратовской, Иркутской и Омской [5]). Другое измѣненіе, внесенное въ Судеб-

---

[1]) „Организація адвокатуры", I, 264 и 265.
[2]) Ст. 378 Учр. Суд. Уст.
[3]) Прим. 1 къ 357 ст. Учр. Суд. Уст.
[4]) Прим. къ 366 ст. Учр. Суд. Уст.
[5]) Прим. 2 къ ст. 357 Учр. Суд. Уст.

ные Уставы послѣдующими законами, касалось ограниченія доступа въ присяжную адвокатуру для лицъ нехристіанскихъ исповѣданій, принятіе которыхъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ было поставлено въ зависимость отъ спеціальнаго разрѣшенія министра юстиціи [1]). Эта мѣра, имѣвшая въ виду главнымъ образомъ евреевъ, была отраженіемъ общаго направленія внутренней политики.

Но былъ еще одинъ пунктъ, въ которомъ послѣдующее законодательство допустило болѣе существенное и важное въ практическомъ отношеніи уклоненіе отъ предначертаній составителей Судебныхъ Уставовъ. Призывая къ жизни сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, составители Уставовъ имѣли въ виду предоставить ему со временемъ монополію веденія всѣхъ гражданскихъ дѣлъ. Съ этою цѣлью они постановили, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигнетъ комплекта, подлежащаго опредѣленію особымъ закономъ, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на веденіе своихъ гражданскихъ дѣлъ только присяжнымъ повѣреннымъ [2]); впредь же до образованія указанныхъ минимальныхъ комплектовъ было разрѣшено заниматься веденіемъ чужихъ гражданскихъ дѣлъ всѣмъ желающимъ, за исключеніемъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности или дѣеспособности, опороченныхъ по суду, исключенныхъ изъ духовнаго званія, изъ среды обществъ и сословій и т. п. [3]). Но это была временная мѣра, вызванная крайней необходимостью. Между тѣмъ годы шли, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ размножалось и въ большихъ центрахъ доходило уже до переполненія, а комплекты не устанавливались. Мало того. Законъ 25 мая 1874 г. создалъ въ формѣ института частныхъ повѣренныхъ особый классъ адвокатовъ, стоящихъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже присяжныхъ повѣренныхъ, но пользующихся почти одинаковыми правами съ ними [4]), и разрѣшилъ принятіе въ число частныхъ повѣренныхъ также помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ [5]). Вслѣдствіе этого адвокатская практика по гражданскимъ дѣламъ, вопреки идеѣ соста-

---

[1]) Прим. къ 380 ст. Учр. Суд. Уст.
[2]) Ст. 387 и 383 Учр. Суд. Уст.
[3]) Ст. 45 и 246 Уст. Гр. Суд.
[4]) Ст. 44 и 245 Уст. Гр. Суд., ст. 406[1] Учр. Суд. Уст.
[5]) Ст. 406[17] Учр. Суд. Уст.

вителей Судебныхъ Уставовъ, не только не сосредоточилась съ теченіемъ времени въ рукахъ присяжной адвокатуры, но, наоборотъ, распредѣлилась между ними, частными повѣренными и помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, самостоятельно занимающимися адвокатурой въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ. Вмѣсто одного сословія адвокатовъ образовалось цѣлыхъ три, сравнявшихся въ настоящее время по численности [1]), но различающихся подготовкой къ профессіи и внутренней организаціей. О каждомъ изъ нихъ поэтому необходимо говорить отдѣльно, излагая судьбы и обрисовывая современное состояніе русской адвокатуры.

II. Критическая оцѣнка организаціи адвокатуры.

Всякая реформа обращена одной стороной къ прошлому, а другою—къ будущему и, слѣдовательно, подлежитъ оцѣнкѣ съ двухъ точекъ зрѣнія: то, что сдѣлано, можно сравнивать съ тѣмъ, что было раньше, и съ тѣмъ, что должно быть. Если примѣнить къ присяжной адвокатурѣ первый критерій, то нельзя будетъ не признать, что между присяжными повѣренными и дореформенными ходатаями лежитъ такая же, если даже не болѣе широкая пропасть, какая отдѣляетъ современныя судебныя учрежденія отъ старыхъ судовъ. Въ лицѣ присяжной адвокатуры, населеніе, нуждающееся въ юридической помощи, получило взамѣнъ юридическихъ „знахарей“, какими являлись невѣжественные и недобросовѣстные ходатаи, сословіе юристовъ, по подготовкѣ, по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ не уступающее членамъ судебной магистратуры и прокуратуры, дѣйствующее не исподтишка, не въ подпольи, а открыто на глазахъ у судей и общества, спаянное, кромѣ того, корпоративной организаціей и дисциплиной. Съ другой стороны, суды взамѣнъ тайныхъ и коварныхъ враговъ, безнаказанно тормозившихъ отправленіе правосудія, пріобрѣли искусныхъ и дѣятельныхъ союзниковъ, ревностно облегчающихъ имъ трудную задачу

---

[1]) По свѣдѣніямъ „Юридическаго Календаря“ Острогорскаго на 1914 г., общее число присяжныхъ повѣренныхъ—5.658, помощниковъ ихъ—5.489, частныхъ повѣренныхъ—5.397.

интерпретаціи законовъ и раскрытія истины въ процессѣ. Составители Судебныхъ Уставовъ позаботились и о томъ, чтобы тяжущіеся и подсудимые, не имѣющіе средствъ для уплаты адвокатскаго гонорара, не оставались безъ защиты на судѣ, и съ этою цѣлью ввели назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ на защиты совѣтами сословій и предсѣдателями судовъ. Присяжные повѣренные, въ свою очередь, пришли на помощь неимущему населенію и учредили во многихъ городахъ консультаціонныя бюро для подачи юридическихъ совѣтовъ безплатно или за незначительное вознагражденіе. Добросовѣстность прежнихъ ходатаевъ, ускользавшихъ отъ всякаго надзора, не была ничѣмъ обезпечена; напротивъ, присяжная адвокатура очутилась подъ тройнымъ контролемъ: судовъ, общественнаго мнѣнія и совѣтовъ сословія. Опытъ показалъ, что наиболѣе бдительнымъ является надзоръ сословныхъ совѣтовъ, которые проявляютъ въ этомъ отношеніи больше рвенія, чѣмъ суды [1]), и стараются вырабатывать правила профессіональной этики [2]).

Примѣнимъ теперь къ присяжной адвокатурѣ второй критерій — критерій идеала. Насколько организація, данная присяжной адвокатурѣ Судебными Уставами, обезпечиваетъ правильное функціонированіе этого института, и не обнаружились ли за полувѣковое существованіе его какіе либо существенные недостатки, способные воспрепятствовать процвѣтанію профессіи? Для того, чтобы лучше подмѣтить и правильнѣе объяснить эти недостатки, полезно будетъ предварительно ознакомиться въ общихъ чертахъ съ современнымъ состояніемъ адвокатуры въ тѣхъ государствахъ, гдѣ она устроена такъ же, какъ у насъ. Одинаковыя причины ведутъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, и напередъ можно сказать, что система организаціи адвокатуры,

---

[1]) Министръ юстиціи Манасеинъ внесъ въ 1893 г. въ Государственный Совѣтъ „проектъ измѣненій въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ", гдѣ, между прочимъ, предлагалъ открыть совѣты присяжныхъ повѣренныхъ повсемѣстно, ссылаясь на то, что совѣты возбуждаютъ почти вдвое больше дисциплинарныхъ дѣлъ, чѣмъ окружные суды, и что „это различіе... едва ли можетъ быть объяснено чѣмъ-либо инымъ, кромѣ высшаго уровня требованій, предъявляемыхъ совѣтами къ поведенію присяжныхъ повѣренныхъ, сравнительно съ требованіями окружныхъ судовъ" (представленіе отъ 15 дек. 1893 г. за № 32231). Этотъ отзывъ о дѣятельности совѣтовъ былъ повторенъ безъ оговорки и комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части (стр. 122 проекта).

[2]) Сводъ общихъ положеній, высказанныхъ совѣтами, сдѣланъ недавно въ книгѣ Маркова: „Правила адвокатской профессіи въ Россіи", 1913.

принятая въ Германіи, Австріи и у насъ должна была дать одинаковые или, по крайней мѣрѣ (если оказали вліяніе постороннія обстоятельства), приблизительно одинаковые результаты. Но на западѣ Европы эти результаты могли проявиться раньше и рельефнѣе, чѣмъ у насъ, благодаря тому, что сравнительная малочисленность присяжной адвокатуры способна задерживать вредное вліяніе нѣкоторыхъ принциповъ организаціи, свободно обнаруживающееся въ Германіи и Австріи, гдѣ адвокатское сословіе давно переполнено. Притомъ туземная литература чутко слѣдитъ за ходомъ юридической жизни и, отмѣчая всѣ уклоненія отъ нормальнаго развитія, предоставляетъ въ распоряженіе изслѣдователя такія данныя, какихъ тщетно было бы искать въ нашей литературѣ [1]).

Какъ было указано выше, германскіе и австрійскіе повѣренные средины XIX в. представляли собою полу-чиновниковъ, полу-ремесленниковъ. Измѣненія, сдѣланныя въ устройствѣ туземной адвокатуры уставами 1868 и 1878 г., именно открытіе доступа къ профессіи всякому, кто обладаетъ требуемымъ цензомъ, расширеніе сословнаго самоуправленія и уменьшеніе зависимости повѣренныхъ отъ судовъ, сняли съ профессіи чиновничій отпечатокъ [2]), но не избавили ея отъ ремесленнаго характера. Напротивъ, свобода доступа въ сословіе повѣренныхъ быстро

---

[1]) Новѣйшія нѣмецкія монографіи и брошюры, посвященныя вопросу о состояніи туземной адвокатуры и о необходимыхъ реформахъ въ ея устройствѣ: Birkenwald. Enthüllungen aus der Praxis der deutschen Rechtsanwälte, 1907. Croner. Reform der deutschen Rechtsanwaltsschaft, 1911. Ettinger. Die Advocatur im modernen Verkehre, 1900. Finger. Die Kunst des Rechtsanwalts, 1912. Freimut. Rechtsanwälte und Anwaltskammern, 1908. Kneer. Zur Lage der deutschen Rechtsanwaltschaft, 1907. Kruze. Richteramt und Advocatur, 1897. Lesse. Die preussische Rechtsanwaltschaft während der letzten 50 jahre, 1901. Otto. Rechtsanwälte und Rechtspflege, 1912. Reidnitz. Freie Advocatur und Numerus Clausus, 1911. Reidnitz. Localisation und Simultanzulassung, 1911. Samter. Bedarf die Standesverfassung der deutschen Anwaltschaft einer Aenderung, 1911. Sturm. Die Stellung des Rechtsanwalts im heutigen Leben, 1912. Schramm. Vor der Entscheidung. Der deutsche Anwalt und die Forderung der Zeit, 1911. Weinrich. Zur Reform der deutschen Rechtsanwaltschaft, 1891. Weissler. Geschichte der deutschen Rechtsanwaltshaft, 1905. Въ этихъ сочиненіяхъ, въ особенности въ монографіяхъ Рейдница указаны многочисленныя журнальныя статьи о реформѣ адвокатуры въ Германіи.

Австрійская литература: Бенедиктъ. Адвокатура нашего времени, 1908. Kann. Neu-Organisation oder Reform der Advocatur, 1903. Kastner. Numerus Clausus oder freie Advocatur, 1912. Körner. Ueber das Wesen der Advocatur, 1904. Krasa. Altes und Neues über die Advokatur, 1908. Rosenfeld. Die Advokatenfrage, 1900.

[2]) Онъ сохранился въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ повѣренные продолжаютъ совмѣщать со своей профессіей должности нотаріусовъ, какъ, напр., въ Пруссіи, Саксоніи, Ганноверѣ и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Croner, 13.

привела къ его переполненію; въ адвокатуру нахлынули молодые юристы, не успѣвшіе получить мѣсто по судебному вѣдомству, а также судьи, прокуроры и другіе чиновники съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и практической подготовкой, которымъ не повезло на государственной службѣ. Туземные писатели съ горечью замѣчаютъ, что адвокатура, являющаяся во Франціи и Англіи разсадникомъ высшихъ государственныхъ должностей, сдѣлалась въ Германіи и Австріи какимъ то „резервуаромъ“ [1]), „отводнымъ каналомъ“ [2]), „сорной корзиной“ [3]) для всѣхъ „элементовъ, которые оказались негодными для другихъ, болѣе высоко стоящихъ въ соціальномъ отношеніи профессій“ [4]). Переполненіе сословія обострило конкуренцію между ними и привело къ обѣднѣнію многихъ повѣренныхъ въ главныхъ городахъ, гдѣ сосредоточилось большинство [5]). Появился „адвокатскій пролетаріатъ“ [6]). Нужда заставила повѣренныхъ проявлять меньше щепетильности при принятіи дѣлъ и меньше разборчивости въ средствахъ процессуальной борьбы. Сомнительныя дѣла, за которыя порядочный адвокатъ не долженъ былъ бы браться, стали находить себѣ защитниковъ[7]). Вслѣдствіе этого въ населеніи возрасло сутяжничество [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ при веденіи дѣлъ

---

[1]) Kastner, 15.

[2]) Fuchs. Schreibjustiz und Richterkönigthum, 1907, 58.

[3]) Kruse, 13.

[4]) Kastner, 15.

[5]) Въ Берлинѣ, напр., половина повѣренныхъ „ведетъ проблематическое существованіе“ (Otto, 20), имѣя менѣе 3.000 марокъ годового дохода (Körner, 8; Kneer, 22). Въ Баваріи многіе повѣренные терпятъ нужду (Kneer, 22). Въ большихъ городахъ значительное число повѣренныхъ „стоитъ на границѣ нищеты, частью же въ границахъ ея“ (Schramm, 5; Reidnitz. Freie Adv., 101).

[6]) На возникновеніе его указалъ еще въ 1904 г. саксонскій министръ юстиціи (Croner, 7; Kneer, 22).

[7]) Историкъ германской адвокатуры Вейслеръ, вообще не склонный строго относиться къ сословію, членомъ котораго самъ состоитъ, говоритъ: „Если идеальнымъ является такое положеніе, когда плохое дѣло не находитъ себѣ адвоката, то отъ этого насъ очень далеко отдалила свобода профессіи. Такое сословіе, какъ наше, неминуемо должно заплатить за чрезмѣрное увеличеніе числа своихъ членовъ и уменьшеніе заработка моральнымъ упадкомъ“ (стр. 614). Это вполнѣ понятно. „Повѣренный“, говоритъ нѣмецкій адвокатъ Noest, „которому нужно получить авансъ отъ новаго кліента, чтобы внести просроченную плату за квартиру, врядъ ли станетъ отговаривать его отъ процесса“ (Otto, 20). Ср. Otto, 21—22; Croner, 9; Reidnitz. Freie Adv., 71, 98.

[8]) Проф. Гелльвигъ, настаивая на обязанности тяжущихся говорить правду на судѣ, замѣтилъ, что „если бы повѣренные не нарушали этой обязанности, подставляя ножку противникамъ, то, несомнѣнно, уменьшилось бы количество процессовъ вообще или, по крайней мѣрѣ, количество тѣхъ процессовъ, гдѣ оспариваются фактическія обстоятельства“ („Die Woche“ 1908 № 40). Эти слова вызвали бурю негодованія среди нѣмецкихъ по-

повѣренные стали прибѣгать къ неблаговиднымъ пріемамъ съ цѣлью затруднить суду раскрытіе истины и къ искусственнымъ пріемамъ увеличенія гонорара [1]). Несмотря на все это, одной адвокатской практики сдѣлалось уже недостаточно для обезпеченія средствъ къ жизни, и повѣренные принуждены были все болѣе и болѣе расширять кругъ своей дѣятельности, вводя въ него всякаго рода постороннія занятія, не имѣющія ничего общаго съ прямыми задачами адвокатуры и нерѣдко недостойныя лицъ съ высшимъ образованіемъ и унижающія профессію, каковы: управленіе имѣніями и домами, агентуры, посредничество между несостоятельными должниками и кредиторами, разные виды маклерства и т. д. [2]). Если еще принять во вниманіе, что между сословіемъ повѣренныхъ и судебной магистратурой нѣтъ органической связи, и что случаи назначенія повѣренныхъ на судейскія должности почти не встрѣчаются [3]) то понятно будетъ, что адвокатская профессія сохранила характеръ ремесла [4]), имѣющаго одну цѣль—денежную наживу [5]). Печальные результаты такого положенія профессіи не замедлили сказаться. Количество имущественныхъ преступленій въ средѣ повѣренныхъ возросло: обманъ и присвоеніе денегъ кліентовъ стали повторяться чаще [6]); возникъ даже вопросъ объ образованіи товариществъ повѣренныхъ съ круговой порукой, т. е. о взаимномъ страхованіи членовъ сословія отъ собственной недобросовѣстности [7]). Дисциплинарный надзоръ органовъ сословнаго самоуправленія не въ состояніи положить преграды дальнѣйшей деморализаціи сословія [8]) какъ потому, что во многихъ случаяхъ злоупотребленія повѣренныхъ остаются необнаруженными или же прикрыты

вѣренныхъ, и проф. Гелльвигу ставили вопросъ, откуда онъ, будучи университетскимъ преподавателемъ, далекимъ отъ судебной практики, могъ почерпнуть такія свѣдѣнія. „Объ этомъ кричатъ воробьи на крышахъ", отвѣтилъ за него одинъ членъ судебной палаты, и отзывъ проф. Гелльвига подтвердили какъ другіе члены судебнаго вѣдомства, такъ и нѣкоторые повѣренные. Otto, 16 ff. Ср. Kneer, 22; Samter, 6.

[1]) Напр., къ умноженію страницъ въ процессуальныхъ бумагахъ, оплачиваемыхъ по таксѣ соразмѣрно числу страницъ. Kneer, 12.

[2]) Вплоть до содержанія питейныхъ заведеній и даже съ женской прислугой. Freudenstein. Partei und Rechtsanwalt, 1884, 19.

[3]) Бенедиктъ, 11; Croner, 19—20.

[4]) Weinrich, 2, 45; Fuchs, 58; Kruse, V, 19—20.

[5]) Kruse, 25—26.

[6]) Schramm, 6; Finger, 361.

[7]) Soldan, Finger, 362 ff.

[8]) Weinrich, 1—2; Schramm, 31—32; Kulemann (Reidnitz. Freie Adv., 103).

маской законности [1]), такъ и потому, что пониженіе нравственнаго уровня членовъ сословія неминуемо ведетъ къ ухудшенію состава дисциплинарныхъ судовъ, избираемыхъ повѣренными по большинству голосовъ [2]). Деморализація сословія повѣренныхъ была замѣчена правительствомъ, которое стало проявлять недовѣріе къ сословію самымъ яснымъ и недвусмысленнымъ образомъ. Такъ, въ коллегіальныхъ судахъ Германіи и Австріи обязательно веденіе дѣлъ черезъ повѣренныхъ (Anwaltszwang). Это правило введено было въ качествѣ корректива къ принципу состязательности: предполагалось, что веденіе гражданскихъ дѣлъ опытными спеціалистами обезпечитъ быстроту подготовки и основательность разработки процессуальнаго матеріала, сгладитъ природное неравенство, существующее между тяжущимися въ отношеніи большей или меньшей способности къ веденію судебныхъ дѣлъ и, такимъ образомъ, будетъ содѣйствовать скорому и правильному разрѣшенію дѣлъ. Однако эти ожиданія не оправдались. И вотъ австрійскій уставъ гражданскаго судопроизводства 1895 г. ограничилъ принципъ состязательности, расширивъ права суда въ цѣляхъ лучшаго достиженія истины, и далъ суду право штрафовать повѣренныхъ за умышленное затягиваніе производства посредствомъ запоздалаго представленія возраженій и доказательствъ [3]). То же самое сдѣлалъ, по примѣру австрійскаго устава, венгерскій уставъ 1911 г. [4]). Германское законодательство еще не пошло такъ далеко, но проявило свое отрицательное отношеніе къ адвокатурѣ тѣмъ, что не допустило повѣренныхъ къ веденію дѣлъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ судахъ, именно, въ промышленныхъ (по закону 1891 г.) [5]) и въ купеческихъ (по закону 1904 г.) [6]). Любопытно замѣтить, что доступъ повѣреннымъ въ купеческіе суды былъ закрытъ рейхстагомъ, хотя мини-

---

[1]) Повѣренные, какъ спеціалисты въ правѣ, лучше кого бы то ни было, умѣютъ прятать концы въ воду, такъ что большинство ихъ профессіальныхъ поступковъ ускользаетъ отъ дисциплинарнаго надзора и могло бы быть раскрыто, какъ выразился одинъ изъ германскихъ повѣренныхъ (Фухсъ), только при помощи особаго „Detektiv-büro“ (Otto, 23).

[2]) Если большинство деморализовано, то въ дисциплинарные судьи избираются наиболѣе „удобные“ (снисходительные) коллеги (Otto, 35).

[3]) Австр. уст. гр. суд., ст. 179.

[4]) Венгер. уст. § 222.

[5]) Gewerbegerichtsgesetz vom 29/VII 1890, § 29 (въ позднѣйшей редакціи по зак. 1901 г.—§ 31).

[6]) Reichsges. betr. Kaufmannsgerichte v. 6/VIII 1904, § 16.

стерскій законопроектъ этого не предлагалъ [1]). Это обстоятельство показываетъ, что общественное мнѣніе, въ лицѣ членовъ рейхстага, настроено по отношенію къ сословію повѣренныхъ недружелюбно [2]). Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ самая профессія немного выиграла въ глазахъ общества послѣ реформы адвокатуры въ 1868 и 1878 г.г. По прежнему любой чиновникъ стоитъ въ соціальномъ отношеніи выше самаго извѣстнаго повѣреннаго [3]), и вновь стали все чаще повторяться въ прессѣ рѣзкія нападки на адвокатуру и ея представителей [4]).

Неудовлетворительность современнаго положенія германской и австрійской адвокатуры является общепризнаннымъ фактомъ. Никто почти не споритъ, что уставы 1868 и 1878 гг. привели адвокатуру къ банкротству; мнѣнія расходятся только въ вопросѣ, какъ помочь бѣдѣ [5]). Одни предлагаютъ уменьшить наплывъ молодыхъ юристовъ въ сословіе повѣренныхъ, посредствомъ усиленія требованій на государственныхъ экзаменахъ; другіе посредствомъ временнаго пріостановленія этихъ экзаменовъ; третьи находятъ болѣе цѣлесообразнымъ продлить срокъ практической подготовки къ профессіи; иные рекомендуютъ уменьшить таксу гонорара, чтобы сдѣлать профессію менѣе прибыльной и заманчивой; иные, наоборотъ, полагаютъ, что нужно повысить таксу, чтобы улучшить матеріальное положеніе повѣренныхъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ, слѣдуетъ локализовать дѣятельность повѣренныхъ; большинство же склоняется къ необходимости ограничить численность сословія, посредствомъ установленія опредѣленнаго комплекта для всего государства или же для отдѣльныхъ мѣстностей и судебныхъ округовъ [6]), а тѣ, кто глубже вникъ въ

---

[1]) Kneer, 12—14.

[2]) Reidnitz. Freie Adv., 97; Otto, 14; Finger, 356 ff. Устраненіе профессіональныхъ адвокатовъ отъ веденія дѣлъ въ этихъ судахъ объясняется, конечно, опасеніемъ, что, благодаря ихъ участію, затруднится окончаніе дѣлъ миромъ между тяжущимися и будетъ затягиваться производство. Такимъ же именно соображеніемъ руководствовалось голландское законодательство, предписывая, чтобы въ мировой судъ стороны являлись лично, безъ адвокатовъ, и чтобы адвокаты, если они сопровождали тяжущихся, были немедленно удаляемы, подобно тому, какъ, замѣчаетъ Вольтеръ, „вытаскиваютъ дрова изъ очага, который хотятъ потушить". Леонтьевъ. Мировая юстиція во Франціи (Журн. Мин. Юст. 1897 г., кн. 6, стр. 136).

[3]) Бенедиктъ, 54; Kruse, 18—19; Otto, 21; Finger, 357 ff.

[4]) Finger, 357. Ср. Weinrich, 24.

[5]) Обзоръ разныхъ предложеній даютъ: Krasa, 19 ff.; Körner, 10 ff.; Schramm, 17 ff.; Samter, 9 ff.; Finger, 362 ff.

[6]) Croner, 10 ff.; Otto, 12 ff.; Sturm, 34 ff.; Samter, 24 ff.; Schramm, 5, 23 ff.; Weissler, Skedl, Finger, 367 ff. и др. 20-ый съѣздъ германскихъ юристовъ высказался бо́льшин-

причины зла и ознакомился съ состояніемъ адвокатуры во Франціи, Бельгіи и Англіи, гдѣ, несмотря на переполненіе ея въ большихъ центрахъ, всетаки не замѣчается симптомовъ деморализаціи, тѣ стоятъ за коренное преобразованіе адвокатуры по англо-французскому образцу [1]). Дѣйствительно, пагубное вліяніе переполненія адвокатуры парализуется въ названныхъ странахъ преимущественно раздѣленіемъ адвокатовъ на два класса—на адвокатовъ въ собственномъ смыслѣ слова и на стряпчихъ. Первые не входятъ въ денежныя отношенія съ кліентами, ограничиваются подачей юридическихъ совѣтовъ и произнесеніемъ судебныхъ рѣчей, за нарушеніе предѣловъ своей дѣятельности исключаются изъ сословія, а потому вымогательство гонорара, присвоеніе денегъ, имущества довѣрителей, совмѣстительство какого бы то ни было рода и тому подобные проступки не могутъ быть совершаемы ими. Что касается стряпчихъ, то ихъ конторы устроены на подобіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій; владѣльцы ихъ заинтересованы въ поддержаніи довѣрія къ своимъ фирмамъ и, слѣдовательно, въ аккуратномъ, усердномъ и добросовѣстномъ исполненіи порученій своихъ кліентовъ. Нужно еще замѣтить, что высокій нравственный уровень англійской адвокатуры обезпеченъ тѣсной связью ея съ судебной магистратурой, образующей вмѣстѣ съ нею одно сословіе. Напротивъ, правильное функціонированіе института стряпчихъ лучше гарантировано во Франціи тѣмъ, что число стряпчихъ ограничено предѣльнымъ комплектомъ, что отъ нихъ требуется внесеніе залога, и что они имѣютъ право продавать свои конторы лицамъ, удовлетворяющимъ требуемымъ по закону отъ стряпчихъ условіямъ, вслѣдствіе чего стряпчіе имѣютъ основаніе особенно дорожить репутаціей своихъ фирмъ.

Итакъ, переполненіе—усиленіе конкуренціи — объднѣніе—деморализація,—вотъ кривая, описываемая германской и австрійской адвокатурой со времени провозглашенія свободы профессіи. У насъ доступъ къ адвокатурѣ тоже открытъ для всѣхъ, обла-

---

ствомъ голосовъ противъ ограниченія свободы доступа въ адвокатуру. Но на этомъ съѣздѣ присутствовало только 863 повѣренныхъ. Между тѣмъ при анкетѣ произведенной въ 1911 г., изъ 4772 опрошенныхъ повѣренныхъ въ пользу установленія комплекта высказалось больше половины. Finger, 369.

[1]) Kruse, 35 ff.; Rosenfeld, 11 ff.; Körner, 25; Goldschmidt, Nosek и др. (Körner, 11, 12, 34, Anm.).

дающихъ необходимой подготовкой и незапятнанной репутаціей, а основные принципы устройства адвокатуры тѣ же, что въ Германіи и Австріи. Они не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что могло бы положить преграду переполненію сословія и его естественнымъ послѣдствіямъ. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ эти послѣдствія успѣли проявиться у насъ къ концу полувѣкового существованія присяжной адвокатуры.

Что касается, прежде всего, переполненія, то о немъ еще нельзя говорить по отношенію къ присяжной адвокатурѣ, взятой въ цѣломъ. Общее число присяжныхъ повѣренныхъ не доходитъ до шести тысячъ [1]), тогда какъ въ Германіи ихъ почти вдвое больше [2]). Правда, на ряду съ присяжными повѣренными адвокатурой занимаются ихъ помощники и частные повѣренные, такъ что общее число практикующихъ адвокатовъ достигаетъ 16 съ лишнимъ тысячъ. Но такъ какъ количество народонаселенія въ Россіи почти въ два съ половиной раза больше, чѣмъ въ Германіи, то все-таки до переполненія, какое наблюдается тамъ, у насъ еще очень далеко. Это обстоятельство не исключаетъ однако переполненія адвокатуры въ крупныхъ центрахъ, гдѣ она по преимуществу сосредоточивается. Такъ, въ однѣхъ столицахъ проживаетъ почти треть всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ и треть помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Несомнѣнно, что здѣсь, да и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ, адвокатура уже переполнена. Яснымъ показателемъ этого служитъ тотъ фактъ, что въ крупныхъ центрахъ появился цѣлый рядъ присяжныхъ повѣренныхъ, почти или совершенно не выступающихъ въ судахъ по уголовнымъ и спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, а занимающихся исключительно веденіемъ охранительныхъ и конкурсныхъ дѣлъ, производствомъ взысканій, розыскиваніемъ открывшихся наслѣдствъ и наслѣдниковъ къ нимъ, пріисканіемъ капиталовъ подъ закладныя, посредничествомъ при продажѣ недвижимостей и тому подобными чисто маклерскими дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ задачами адвокатуры [3]). Прибѣгать къ такимъ постороннимъ занятіямъ при-

---

[1]) По свѣдѣніямъ «Юридическаго Календаря» Острогорскаго на 1914 г.

[2]) Въ срединѣ 1911 г. въ Германіи насчитывалось 11.205 повѣренныхъ. Ежегодный приростъ въ послѣдніе годы составлялъ 11—12%. Finger, 353 и 354.

[3]) Это явленіе было засвидѣтельствовано литературой еще въ 90-хъ годахъ XIX в. „Организація адвокатуры", 1, стр. 336—338. Съ того времени оно могло только участиться.

нуждены и нѣкоторые изъ присяжныхъ повѣренныхъ, не покидающихъ своей профессіи, въ виду недостаточнаго заработка, даваемаго ею. Само собою понятно, что исполненіе адвокатами чисто маклерскихъ обязанностей ведетъ къ опошленію и загрязненію профессіи.

Другимъ результатомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, симптомомъ переполненія сословія въ большихъ городахъ должна быть деморализація адвокатуры. Замѣчаются ли слѣды ея въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ? Чтобы составить себѣ ясное понятіе о моральномъ уровнѣ сословія, достаточно просмотрѣть отчеты совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ хотя бы за одинъ изъ послѣднихъ годовъ. Въ этихъ отчетахъ, прежде всего, бросается въ глаза солидное число дисциплинарныхъ проступковъ, вызвавшихъ обвинительные приговоры. Такъ, петербургскій совѣтъ наложилъ въ теченіе одного года (съ 1 сентября 1912 г. по 1 сентября 1913 г.) 105 дисциплинарныхъ наказаній и въ 35 случаяхъ постановилъ разъяснить обвиняемымъ неправильность ихъ дѣйствій [1]), т. е., въ сущности, объявилъ предостереженіе, итого, значитъ, вынесъ 140 обвинительныхъ приговоровъ, что составляетъ на 1018 присяжныхъ повѣренныхъ, числившихся въ петербургскомъ судебномъ округѣ, около 14%. Если произвести такой же подсчетъ по другимъ судебнымъ округамъ [2]), то получатся слѣдующія цифры дисциплинарной судимости: для Московскаго округа—около 13%, для Харьковскаго—около 5%, для Одесскаго—около 10%, для Казанскаго—около 34%, для Омскаго—около 33%. Другими словами, подверглись дисциплинарному наказанію: въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ одинъ изъ каждыхъ семи присяжныхъ повѣренныхъ, въ Одесскомъ — одинъ изъ каждыхъ десяти, въ Казанскомъ и Омскомъ—одинъ изъ каждыхъ трехъ.

Эти цифры сами по себѣ весьма внушительны; но значеніе ихъ возрастетъ еще больше, если принять во вниманіе три обстоятельства.

---

[1]) Отчетъ Совѣта прис. повѣренныхъ при С.-Петербургской судебной палатѣ за 47 годъ, стр. 68.

[2]) Отчетъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты за 1913 г., стр. 16. Отчетъ Совѣта прис. пов. округа Харьковской суд. палаты за 1912—1913 г. (съ 15 февр. до 15 февр.), стр. XII—XIV. Отчетъ Сов. прис. пов. округа Казанской суд. пал. за 9 годъ (съ 10 апр. 1913 по 10 апр. 1914 г.), стр. 6. Отчетъ Совѣта прис. пов. округа Одесской суд. пал. за 1913 г., стр. 11. Отчетъ Совѣта прис. повѣр. при Омской суд. пал. съ 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г., стр. 6 и 7.

Во-1) не подлежитъ сомнѣнію, что далеко не всѣ проступки присяжныхъ повѣренныхъ, а только меньшая часть ихъ доходитъ до дисциплинарнаго суда и становится предметомъ его разбирательства. Жалобы на адвокатовъ подаются въ рѣдкихъ случаяхъ, когда кліентъ потерпѣлъ серьезный ущербъ или слишкомъ озлобленъ и хочетъ отомстить своему повѣренному; обыкновенно же кліентъ, недовольный повѣреннымъ, ограничивается тѣмъ, что отнимаетъ у него полномочіе и обращается къ другому повѣренному, избѣгая хлопотъ, связанныхъ съ участіемъ въ дисциплинарномъ производствѣ.

Во-2) не всѣ обнаружившіеся и доказанные проступки присяжныхъ повѣренныхъ облагаются дисциплинарными наказаніями. Ознакомленіе съ отчетами совѣтовъ показываетъ, что совѣты склонны освобождать своихъ коллегъ отъ взысканій даже въ тѣхъ случаяхъ, когда признаютъ ихъ виновными въ нарушеніи профессіональныхъ правилъ. Въ отчетахъ всѣхъ совѣтовъ имѣются рубрики такого рода: „дѣла, по которымъ постановлено дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергать“, и „дѣла, по которымъ постановлено обязать возвратить документы или деньги“. По этимъ дѣламъ жалобы на присяжныхъ повѣренныхъ не оставляются безъ послѣдствій, дисциплинарное производство возбуждается, дѣйствія обвиняемыхъ признаются неправильными, но взысканію они не подвергаются иногда основательно (напр., въ виду того, что повѣренный сдѣлалъ какое-либо упущеніе по извинительной ошибкѣ или находясь въ удрученномъ состояніи, по причинѣ постигшаго его семейнаго несчастія), иногда же безъ всякаго основанія. Такъ, напр., присяжный повѣренный, получивъ впередъ гонораръ за выходъ по дѣлу, не исполнилъ этой обязанности и гонорара не возвратилъ; по жалобѣ кліента совѣтъ ограничился тѣмъ, что обязалъ присяжнаго повѣреннаго возвратить гонораръ въ семидневный срокъ [1]). Другой повѣренный, назначенный совѣтомъ для веденія дѣла лица, пользующагося правомъ бѣдности, удержалъ изъ взысканной въ пользу кліента суммы гонораръ себѣ, хотя судъ не присудилъ вознагражденія за веденіе дѣла; за такое нарушеніе прямого закона (ст. 397 Учр. Суд. Уст.) совѣтъ не наложилъ дисциплинарнаго наказанія на виновнаго, а тоже только обязалъ его

[1]) Отчетъ Совѣта прис. пов. округа Казанской судебной палаты, стр. 58.

возвратить удержанныя деньги [1]). Третьему присяжному повѣренному совѣтъ предложилъ возвратить кліенту неправильно удержанныя деньги въ двухнедѣльный срокъ; вслѣдствіе ослушанія виновнаго, совѣтъ, по новой жалобѣ кліента, еще разъ повторилъ свое предложеніе, уменьшивъ срокъ до трехъ дней; и этого постановленія присяжный повѣренный не исполнилъ, отговариваясь тѣмъ, что наличныхъ денегъ у него нѣтъ, и что кліентъ можетъ продать съ публичнаго торга его движимое имущество: совѣтъ нашелъ, что такой способъ удовлетворенія претензіи кліента недостоинъ присяжнаго повѣреннаго, но вмѣсто того, чтобы подвергнуть виновнаго наказанію, далъ ему льготу: назначилъ для возвращенія кліентскихъ денегъ болѣе продолжительный срокъ (мѣсячный) [2]).

Въ 3) совѣты присяжныхъ повѣренныхъ проявляютъ въ своей карательной дѣятельности чрезмѣрную снисходительность. Ни чѣмъ инымъ, какъ снисходительностью, можно объяснить то обстоятельство, что совѣты отступили отъ установленной закономъ системы дисциплинарныхъ наказаній. Именно, закономъ предусмотрѣны 4 наказанія: два строгихъ (запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія) и два слабыхъ, имѣющихъ чисто нравственное значеніе (предостереженіе и выговоръ). Совѣтамъ показалось, что число слабыхъ наказаній недостаточно, и они изобрѣли нѣсколько взысканій, еще болѣе нѣжныхъ, чѣмъ платоническое „предостереженіе“. Въ отчетахъ совѣтовъ нерѣдки такія формулы: „разъяснить неправильность дѣйствій“, „обратить вниманіе на неправильность дѣйствій“, „поставить на видъ“, „сдѣлать замѣчаніе“ [3]). Кромѣ того, въ дополненіе къ простому „выговору“ совѣты ввели еще какой-то „строгій выговоръ“. Благодаря этимъ добавкамъ, лѣстница наказаній утроилась, и совѣты получили возможность разнообразить

---

[1]) Отчетъ Совѣта прис. пов. округа Казанской судебной палаты, стр. 177 и 178.

[2]) Тотъ же отчетъ, стр. 124.

[3]) Нельзя не замѣтить, что совѣты „разъясняютъ“ и „ставятъ на видъ“ своимъ коллегамъ иной разъ весьма элементарныя вещи, какъ, напр., что нужно быть аккуратнымъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ кліентами (отчетъ харьк. совѣта, стр. 101—103); что слѣдуетъ возвращать кліентамъ, по ихъ требованію, принадлежащіе имъ документы (отчетъ казан. сов., стр. 82, 83, 87); что нужно отвѣчать на запросы кліентовъ о положеніи ихъ дѣлъ (отчетъ петерб. сов., стр. 264), что не „приличествуетъ вступать въ перебранку со своими противниками даже по окончаніи дѣла“ (отчетъ одесскаго сов., стр. 31); что „физическая расправа должна быть признана абсолютно недопустимой“ (отчетъ одесскаго сов., стр. 17) и т. д.

наказанія, облегчая въ то же время отвѣтственность своихъ коллегъ. А такъ какъ дисциплинарные приговоры совѣтовъ печатаются въ отчетахъ безъ означенія фамилій обвиняемыхъ, такъ что о постигшей присяжнаго повѣреннаго карѣ извѣстно только ему самому, членамъ совѣта и нѣсколькимъ участвовавшимъ въ дѣлѣ лицамъ, то репрессивное значеніе всѣхъ этихъ „разъясненій", „замѣчаній" и даже „строгихъ выговоровъ" сводится почти къ нулю.

Съ другой стороны, дисциплинарныя наказанія, налагаемыя совѣтами, очень часто не соотвѣтствуютъ важности совершенныхъ присяжными повѣренными проступковъ.

Если, напр., присяжный повѣренный, получивъ отъ кліента документы, въ теченіе двухъ лѣтъ не предъявилъ иска и уклонялся отъ отвѣта на запросы кліента, то врядъ ли достаточно объявить ему за это простое предостереженіе [1]). Еще менѣе подходящимъ является назначеніе выговора или строгаго выговора въ тѣхъ случаяхъ, когда повѣренный, взявшій у кліента деньги, бездѣйствовалъ и не отвѣчалъ на его запросы въ теченіе восьми лѣтъ [2]); когда не извѣщалъ кліента о положеніи дѣла въ теченіе шести лѣтъ, не смотря на неоднократныя требованія, а затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ по окончаніи дѣла не представлялъ отчета и не высылалъ ни взысканныхъ денегъ, ни исполнительнаго листа [3]); когда въ теченіе двухъ лѣтъ не просилъ о назначеніи дѣла къ слушанію, а затѣмъ дважды не являлся въ засѣданія, вслѣдствіе чего въ третьемъ засѣданіи кліентъ заявилъ суду, что устраняетъ своего повѣреннаго отъ веденія дѣла [4]); когда, не смотря на двукратное постановленіе совѣта, не возвратилъ кліенту денегъ подъ завѣдомо ложнымъ предлогомъ [5]); когда, взыскавъ, по порученію отдѣленія государственнаго банка, деньги въ теченіе девяти мѣсяцевъ не представлялъ ихъ въ банкъ, игнорируя двукратное требованіе банка [6]); когда участвовалъ въ вовлеченіи контрагента своего довѣрителя въ невыгодную сдѣлку [7]). Точно также

---

[1]) Указ. отчетъ омскаго совѣта, стр. 40.
[2]) Указ. отчетъ казанскаго совѣта, стр. 64.
[3]) Тотъ-же отчетъ, стр. 32 и 33, дѣло № 130.
[4]) Указ. отчетъ харьковскаго совѣта, стр. 130.
[5]) Указ. отчетъ казанскаго совѣта, стр. 119 и 120.
[6]) Тотъ-же отчетъ, стр. 217.
[7]) Указ. отчетъ московскаго совѣта, дѣло № 139.

нельзя признать, чтобы кратковременное запрещеніе практики было достаточнымъ возмездіемъ для присяжнаго повѣреннаго, который по одному дѣлу не предъявлялъ иска, не возвращалъ денегъ и документовъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, по другому дѣлу—въ теченіе двухъ лѣтъ, по третьему дѣлу—въ теченіе года [1]); для присяжнаго повѣреннаго, обвиненнаго совѣтомъ въ „недобросовѣстномъ удержаніи принадлежащихъ его довѣрителю денегъ", вопреки состоявшемуся раньше постановленію совѣта о немедленной передачѣ ихъ довѣрителю [2]); для присяжнаго повѣреннаго, проявившаго „непониманіе обыкновенныхъ правилъ нравственности" и руководствовавшагося „безнравственнымъ принципомъ — цѣль оправдываетъ средства" [3]); для присяжнаго повѣреннаго, обнаружившаго „явную и, въ профессіональномъ смыслѣ, преступную небрежность къ интересамъ довѣрившагося ему кліента" [4]). При чтеніи такого рода приговоровъ невольно приходятъ на умъ слова хроникера юридическаго журнала, который, разбирая отчетъ харьковскаго совѣта за одинъ изъ прежнихъ годовъ и удивляясь снисходительности совѣта, иронически спросилъ: „интересно знать, что нужно совершить харьковскому повѣренному, чтобы заслужить исключеніе изъ сословія?" [5]).

Признаки начавшейся деморализаціи присяжной адвокатуры давно были отмѣчены не только литературой [6]), но и правительствомъ и даже органами адвокатскаго самоуправленія. Уже въ 1878 г. министръ юстиціи гр. Паленъ въ представленіи Государственному Совѣту [7]) писалъ: „Нельзя не признать, что отличительнымъ признакомъ, характеризующимъ нынѣ направленіе большинства присяжныхъ повѣренныхъ, является отнюдь не преданность избранному дѣлу и его задачамъ, заключаю-

---

[1]) Отчетъ харьковскаго совѣта, дѣло № 141.

[2]) Отчетъ петерб. совѣта, стр. 534.

[3]) Отчетъ казанскаго совѣта за 1911—1912 г., стр. 11.

[4]) Отчетъ одесскаго совѣта, стр. 108.

[5]) „Журн. Гражд. и Угол. Права" 1891 г., кн. 10, стр. 193.

[6]) Тамъ-же, 1889 г. кн. 9, стр. 155 (хроника): „Лучшіе изъ членовъ адвокатуры не станутъ отрицать, что сословіе мельчаетъ". Ср. „Организація адвокатуры", I, 336 и сл. и мою брошюру: „Будущее русской адвокатуры", 1893.

[7]) Это представленіе было возвращено министру юстиціи для согласованія предложенной имъ мѣры (исключеніе изъ сословія министромъ юстиціи) съ другими мѣрами, проектированными относительно присяжной адвокатуры. При докладѣ объ этомъ было Высочайше повелѣно 4 мая 1878 г. „ускорить представленіе законопроекта о присяжныхъ повѣренныхъ, дабы вооружить правительство законными средствами противъ злоупотребленій адвокатуры".

щимся въ содѣйствіи всестороннему раскрытію истины въ дѣлахъ уголовнаго правосудія и въ охраненіи требующихъ защиты интересовъ имущественныхъ; напротивъ того, это призваніе представителей частныхъ лицъ на судѣ какъ бы вовсе утрачено въ сознаніи большей части присяжныхъ повѣренныхъ, и вмѣсто того выступили, постепенно все съ большею очевидностью, цѣли исключительно денежной наживы, стремленіе къ которымъ не останавливается ни предъ какими нравственными соображеніями ни при выборѣ кліентовъ, ни при употребленіи средствъ защиты". Въ томъ же смыслѣ, но менѣе рѣзко отозвался министръ юстиціи Манасеинъ [1]), а московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, вводя въ 1890 г. новыя правила для помощниковъ, выразился такъ: „Сословіе мельчаетъ, уровень опытности и знаній въ массѣ понижается, а чувства чести и долга, понятіе о порядочности, о границахъ дозволеннаго, принципы общественнаго служенія забываются" [2]). Этотъ жестокій отзывъ относился собственно къ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, но вѣдь они—матеріалъ, изъ котораго вырабатываются присяжные повѣренные.

Итакъ, ясные признаки съ несомнѣнностью показываютъ, что присяжная адвокатура поставлена данною ей организаціей на наклонную плоскость, и что ей грозитъ такая же судьба, какая постигла уже адвокатуру Германіи и Австріи.

III. Частные повѣренные и помощники присяжныхъ повѣренныхъ.

Какъ было замѣчено выше, наряду съ присяжной адвокатурой существуютъ у насъ еще два класса профессіональныхъ адвокатовъ: частные повѣренные и помощники присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ первые годы послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ веденіе чужихъ судебныхъ дѣлъ было разрѣшено всѣмъ правоспособнымъ, дѣеспособнымъ и неопороченнымъ лицамъ. Благодаря

[1]) Въ указанномъ выше представленіи отъ 15 дек. 1893 г.

[2]) „Журн. Гражд. и Угол. Права", 1890 г. кн. 9, стр. 153 (хроника).

этому, дореформенные ходатаи получили возможность безпрепятственно продолжать свою дѣятельность, оказывавшую пагубное вліяніе на отправленіе правосудія. Чтобы пресѣчь это зло, законъ 25 мая 1874 г. создалъ институтъ частныхъ повѣренныхъ и далъ право веденія гражданскихъ дѣлъ только присяжнымъ и частнымъ повѣреннымъ, а принятіе въ число частныхъ повѣренныхъ предоставилъ судебнымъ учрежденіямъ, обязавъ ихъ предварительно „удостовѣряться въ надлежащихъ познаніяхъ желающаго получить свидѣтельство на хожденіе по дѣламъ“ и „принимать въ соображеніе всѣ свѣдѣнія, которыя они признаютъ нужными“ [1]). Неопредѣленность требованій, которыя могли быть предъявляемы къ кандидатамъ въ частные повѣренные, давала судамъ возможность производить тщательную фильтрацію при выдачѣ свидѣтельствъ на право веденія дѣлъ. Къ сожалѣнію, суды отнеслись къ выполненію этой функціи безъ должнаго рвенія и проявили черезчуръ много снисходительности. Вслѣдствіе этого кадры частныхъ повѣренныхъ наполнились лицами, не особенно далеко ушедшими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи отъ дореформенныхъ ходатаевъ: бывшими письмоводителями мировыхъ судей и присяжныхъ повѣренныхъ, прогнанными со службы писцами судебныхъ и административныхъ учрежденій, отставными судебными приставами и т. п. [2]). Хотя законъ 1874 г. имѣлъ значеніе временной мѣры, принятой до установленія комплектовъ присяжныхъ повѣренныхъ и предоставленія имъ монополіи веденія дѣлъ, но такъ какъ комплекты съ монополіей до сихъ поръ остаются въ области предположеній, то институтъ частныхъ повѣренныхъ продолжаетъ существовать повсемѣстно. Изъ временнаго суррогата присяжной адвокатуры онъ превратился въ особое, самостоятельное сословіе адвокатовъ низшаго, второго сорта, по численности своей почти сравнявшееся съ присяжной адвокатурой и съ каждымъ годомъ размножающееся. Во всѣхъ отношеніяхъ далеко уступая присяжнымъ повѣреннымъ, не имѣя корпоративной организаціи и подчиняясь дисциплинарному надзору судовъ, который не можетъ быть столь бдительнымъ, какъ надзоръ органовъ сословнаго самоуправленія,

[1]) Ст. 406[6] и 406[7] Учр. Суд. Уст.

[2]) „Организація адвокатуры“, I, стр. 350 и сл.

частные повѣренные въ то же время пользуются такими же профессіональными правами, какъ присяжная адвокатура [1]). Между тѣмъ, единственное условіе, вызвавшее къ жизни институтъ частныхъ повѣренныхъ—недостаточная численность присяжной адвокатуры—въ настоящее время уже отсутствуетъ въ наиболѣе крупныхъ центрахъ, такъ что существованіе частныхъ повѣренныхъ въ этихъ мѣстностяхъ потеряло всякое оправданіе.

Другой классъ адвокатовъ, конкурирующій съ присяжными повѣренными, это—помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Подъ ними составители Судебныхъ Уставовъ разумѣли лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, которыя готовятся къ поступленію въ присяжную адвокатуру, „занимаясь судебной практикой подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ качествѣ ихъ помощниковъ". Изъ мотивовъ къ 354 ст. Учр. Суд. Уст. видно, что составители Судебныхъ Уставовъ не имѣли въ виду предоставить помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ права самостоятельной практики; это право они должны были пріобрѣтать только со вступленіемъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Но въ дѣйствительности произошло обратное. Въ первые годы по введеніи Судебныхъ Уставовъ, когда заниматься адвокатурой могли всѣ желающіе, помощники присяжныхъ повѣренныхъ тоже имѣли право практиковать совершенно самостоятельно и независимо отъ присяжныхъ повѣренныхъ. Съ изданіемъ же закона 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ они получили возможность пріобрѣтать отъ судовъ свидѣтельства на право веденія дѣлъ безъ удостовѣренія своей подготовки къ адвокатурѣ, просто на основаніи дипломовъ объ окончаніи курса юридическихъ наукъ [2]). Результатъ оказался прямо противоположнымъ тому, какой имѣли въ виду составители Судебныхъ Уставовъ: помощники присяжныхъ повѣренныхъ, вмѣсто того, чтобы подготовляться

---

[1]) Единственная разница состоитъ въ томъ, что частные повѣренные имѣютъ право практиковать только въ тѣхъ судахъ, отъ которыхъ имъ выданы свидѣтельства на право веденія дѣлъ, и что эти свидѣтельства оплачиваются особымъ сборомъ. Но стѣсненіе, испытываемое частными повѣренными вслѣдствіе такой локализаціи ихъ дѣятельности, уменьшается въ значительной степени тѣмъ, что свидѣтельство на право веденія дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ даетъ право практиковать и въ подвѣдомственныхъ съѣзду мировыхъ судахъ, а свидѣтельство отъ любого коллегіальнаго суда даетъ право выступать въ Сенатѣ (ст. 406^{2}—406^{4} Учр. Суд. Уст.). Съ другой же стороны, частнымъ повѣреннымъ предоставлена льгота: они избавлены отъ безвозмезднаго веденія дѣлъ по назначенію предсѣдателей судовъ и совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

[2]) Ст. 406^{17} Учр. Суд. Уст.

къ профессіи подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, стали конкурировать съ ними въ качествѣ самостоятельныхъ адвокатовъ. Выраженіе закона: „заниматься судебной практикой подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ" было понято въ томъ смыслѣ, что каждый помощникъ присяжнаго повѣреннаго долженъ быть приписанъ къ какому нибудь присяжному повѣренному. Но, за отсутствіемъ въ законѣ какихъ бы то ни было указаній относительно надзора за дѣятельностью помощниковъ, эта приписка обратилась въ пустую формальность. Весьма немногіе помощники фактически работали подъ руководствомъ своихъ патроновъ; огромное большинство только числилось помощниками, а практиковало совершенно самостоятельно, не проходя никакой предварительной школы адвокатуры. Ненормальность такого положенія вещей давно уже обратила на себя вниманіе какъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и окружныхъ судовъ, исполнявшихъ обязанности совѣтовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не была введена корпоративная организація присяжной адвокатуры, и привела къ изданію правилъ для помощниковъ, съ цѣлью упорядочить подготовку къ адвокатурѣ и установить контроль за ихъ занятіями. Подготовка къ адвокатурѣ вообще можетъ быть построена двоякимъ образомъ: либо на принципѣ личнаго патроната, либо на принципѣ сословнаго патроната. Согласно первому принципу, кандидаты въ адвокатуру должны приписываться къ отдѣльнымъ адвокатамъ и готовиться къ профессіи подъ ихъ руководствомъ. Согласно второму принципу, кандидаты занимаются подготовкой подъ руководствомъ и надзоромъ всего сословія адвокатовъ или, точнѣе, его совѣта. Первая форма подготовки принята въ Австріи, вторая во Франціи, Бельгіи и Англіи [1]). Составители Судебныхъ Уставовъ, сколько можно судить по 354 ст. Учр. Суд. Уст. и мотивамъ къ ней, хотѣли ввести систему личнаго патроната. Къ проведенію ея въ жизнь стремились и окружные суды, при изданіи правилъ для помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но совѣты присяжныхъ повѣренныхъ колебались между двумя указанными системами, переходя отъ одной къ другой, и, въ концѣ

[1]) Въ Германіи подготовка къ адвокатурѣ одинакова съ подготовкой къ судебнымъ должностямъ и состоитъ въ практическихъ занятіяхъ при судѣ, адвокатѣ или прокурорѣ и выдержаніи практическаго экзамена. Rechtsanwaltsordnung, § 1.

концовъ, склонились къ комбинаціи обѣихъ [1]). А такъ какъ болѣе цѣлесообразной является система сословнаго патроната [2]), то слѣдуетъ признать, что вопросъ о подготовкѣ къ адвокатурѣ получилъ у насъ не вездѣ одинаковое и повсюду неправильное разрѣшеніе.

Нужно еще добавить, что, кромѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ повѣренныхъ, присяжная адвокатура имѣетъ конкурентовъ также въ непатентованныхъ, „подпольныхъ" адвокатахъ. Ими являются всякаго рода дѣльцы, преимущественно изъ числа прогнанныхъ со службы писцовъ и лишенныхъ права практиковать частныхъ повѣренныхъ. Пользуясь легковѣріемъ и невѣжествомъ темной массы тяжущихся, въ особенности крестьянъ, они принимаютъ на себя уголовныя защиты, веденіе гражданскихъ дѣлъ по фиктивно пріобрѣтеннымъ претензіямъ или подъ видомъ управляющихъ имуществами и завѣдующихъ дѣлами тяжущихся и сочиняютъ судебныя бумаги. Дѣятельность этихъ самозванныхъ адвокатовъ приноситъ большой вредъ какъ тяжущимся, которые подвергаются безсовѣстной эксплоатаціи, такъ и правосудію, и давно уже чувствовалась потребность въ обузданіи ихъ [3]). Но только въ самое послѣднее время законодательство приняло рѣшительныя мѣры въ этомъ направленіи: законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда поставилъ преграду самозваннымъ ходатаямъ, обложивъ наказаніемъ подачу ими юридическихъ совѣтовъ и составленіе судебныхъ бумагъ изъ корыстныхъ видовъ и съ явною недобросовѣстностью, а также профессіональное веденіе чужихъ судебныхъ дѣлъ по фиктивно пріобрѣтеннымъ претензіямъ [4]).

---

[1]) Исторія института помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ столичныхъ округахъ резюмирована въ „Заключеніи совѣта прис. пов. при С.-Петербургской судебной палатѣ по проекту положенія о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ", 1902, 50—52.

[2]) „Организація адвокатуры", II, стр. 167 и сл. Винаверъ. Очерки объ адвокатурѣ, 1902, стр. 86 и сл.

[3]) „Организація адвокатуры", I, стр. 353 и сл.

[4]) Ст. 939[1] Улож. о Нак. въ редакціи закона 15 іюня 1912 г.

IV. Заключеніе.

Подводя общій итогъ полувѣковому существованію офиціальной адвокатуры, приходится засвидѣтельствовать, что развитіе ея пошло не по тому пути, какой былъ предуказанъ составителями Судебныхъ Уставовъ. Они полагали, что веденіе судебныхъ дѣлъ постепенно, по мѣрѣ увеличенія численности присяжныхъ повѣренныхъ, будетъ всецѣло сосредоточиваться въ ихъ рукахъ, и что устройство, данное Судебными Уставами присяжной адвокатурѣ, способно привести къ тому, чтобы „сословіе присяжныхъ повѣренныхъ представляло самое вѣрное ручательство нравственности, знанія и честности убѣжденій“ [1]). На самомъ дѣлѣ, наряду съ присяжной адвокатурой, образовалось еще два низшихъ класса адвокатовъ, а присяжная адвокатура стала обнаруживать симптомы упадка, которые слѣдуетъ отнести на счетъ несовершенства ея организаціи. Осуществить первоначальную идею составителей Судебныхъ Уставовъ и направить адвокатуру на предначертанный ей путь было бы нетрудно: для этого слѣдовало бы только предоставить присяжнымъ повѣреннымъ монополію веденія судебныхъ дѣлъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ число ихъ достаточно для удовлетворенія потребности населенія въ юридической защитѣ, и распространять эту монополію на другіе округа, по мѣрѣ открывающейся возможности; частныхъ повѣренныхъ во всѣхъ такихъ округахъ упразднить, а помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ превратить въ настоящихъ кандидатовъ въ адвокаты, разрѣшивъ имъ въ первый годъ подготовки только веденіе дѣлъ въ низшихъ судахъ по передовѣрію патроновъ, а затѣмъ постепенно расширяя ихъ профессіональныя права. Такія или почти такія мѣры были проектированы комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части. Но онѣ были бы недостаточны для того, чтобы предотвратить деморализацію присяжной адвокатуры и удержать

---

[1]) Объясн. къ 354 ст. Учр. Суд. Уст.

ее на той нравственной высотѣ, какая приличествуетъ ей въ качествѣ существеннаго элемента судебной организаціи и необходимой помощницы суда; для этого имѣется, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, только одно дѣйствительно вѣрное и радикальное средство: преобразованіе адвокатуры по англо-французскому образцу.

Е. Васьковскій.

Кассаціонная инстанція.

I. Единство кассаціоннаго суда. II. О разграниченіи надзора кассаціоннаго отъ надзора въ порядкѣ управленія. III. О разграниченіи компетенціи кассаціонныхъ департаментовъ и Общаго ихъ Собранія. IV. О предѣлахъ кассаціоннаго надзора. V. Оберъ-прокуратура.

I. Единство кассаціоннаго суда.

Единство суда устанавливаетъ одну изъ самыхъ прочныхъ связей единства государства. Потому составители Судебныхъ Уставовъ приняли принципъ единства верховнаго кассаціоннаго суда, возложивъ на кассаціонные департаменты Правительствующаго Сената наблюденіе за охраненіемъ точной силы закона и единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными мѣстами въ Имперіи.

Какъ при самомъ возникновеніи мысли о введеніи у насъ кассаціонной инстанціи, такъ и при ея первоначальномъ осуществленіи и послѣдующемъ развитіи можно подмѣтить стремленіе согласовать два начала: съ одной стороны теоретическую выдержанность, простоту системы судебныхъ установленій, а съ другой—удовлетвореніе потребности реальной жизни, нуждающейся въ судѣ не только правомъ, но и скоромъ, а слѣдовательно и близкомъ къ населенію.

На основаніи теоретической схемы, двумя судебными инстанціями для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ или общимъ судебнымъ мѣстамъ, вполнѣ обезпечивается правильное установленіе фактической стороны въ каждомъ конкретномъ случаѣ, а высшій кассаціонный судъ, наблюдающій за повсемѣстнымъ въ Имперіи единообразнымъ примѣненіемъ закона, завершаетъ стройную систему судебныхъ установленій.

Внѣ спора было, что завѣдываніе судебною частью могло быть ввѣрено лишь такому органу власти, который принадлежитъ

къ высшимъ государственнымъ установленіямъ и, по своему историческому прошлому, пользуется авторитетомъ въ глазахъ населенія. Такимъ установленіемъ былъ признанъ Правительствующій Сенатъ, а потому кассаціонные департаменты было рѣшено образовать въ составѣ Правительствующаго Сената.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалось опасеніе, какъ бы сосредоточеніе завѣдыванія судебною частью въ однихъ петербургскихъ департаментахъ Сената не слишкомъ отдалило Верховный судъ отъ населенія и тѣмъ уменьшило его доступность.

Эта борьба двухъ воззрѣній и стремленіе осуществить теоретическія требованія въ полномъ соотвѣтствіи съ реальными условіями мѣста и времени сказались уже при самомъ возникновеніи въ Государственномъ Совѣтѣ мысли объ учрежденіи Верховнаго суда.

При разсмотрѣніи, съ 15 ноября 1857 года по 23 сентября 1859 года, внесеннаго по Высочайшему повелѣнію главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи проекта новаго Устава Гражданскаго Судопроизводства, Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскомъ, нашелъ [1]), что „ни строгія правила Улож. о Наказ. (изд. 1845 г.), ни основной законъ о толкованіи законовъ согласно общему духу законодательства (ст. 65 т. I Зак. Осн.), не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе безъ учрежденія одного Верховнаго суда, надзирающаго за строгимъ соблюденіемъ предписаннаго въ 65 статьѣ правила объ единообразномъ толкованіи законовъ. Обязанность сего суда должна состоять въ томъ, чтобы предупреждать и уничтожать разнообразное толкованіе закона (это естественное послѣдствіе существованія въ обширной Имперіи многихъ судебныхъ учрежденій), ограждать твердость закона, не допускать явное онаго нарушеніе,—однимъ словомъ, сосредоточивать въ себѣ высшій судебный надзоръ и быть блюстителемъ правосудія въ Имперіи“.

Поэтому Соединенные Департаменты пришли къ убѣжденію, что право уничтожать окончательныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ необходимо возложить на одинъ судъ, а именно: на Общее Собраніе с.-петербургскихъ департаментовъ Сената.

---

[1]) Журналъ Гос. Сов. Соед. Деп. Зак. и Гр. дѣпъ, по проекту устава судопроизводства гражд., 1857, 1858, 1859 г.г., стр. 116—120.

Предвидя, однако, возможность такого скопленія дѣлъ въ петербургскихъ департаментахъ, которое превзойдетъ силы его личнаго состава, Департаменты полагали предоставить министру юстиціи войти съ представленіемъ о возложеніи права уничтожать окончательныя рѣшенія и на Общее Собраніе московскихъ департаментовъ Сената по дѣламъ, подлежащимъ вѣдомству сихъ департаментовъ.

Примѣнительно къ этимъ основаніямъ былъ составленъ проектъ судоустройства.

Но уже въ 1860 году самъ Государственный Совѣтъ призналъ совершенную неудовлетворительность предложеннаго имъ способа примиренія положеній теоретическихъ съ требованіями *живой дѣйствительности*.

При разсмотрѣніи проектовъ уставовъ судопроизводства Государственный Совѣтъ, между прочимъ, призналъ, „что раздѣленіе права окончательнаго суда, въ случаѣ значительности жалобъ, между двумя общими собраніями, петербургскимъ и московскимъ, облегчило бы, конечно, занятія общихъ собраній; но при этомъ раздѣленіи утратится истинное значеніе каждаго изъ общихъ собраній, какъ Верховнаго суда, и учрежденіе каждаго изъ нихъ *не достигнетъ цѣли*". „Введеніе *настоящаго* устава и безпрерывно возникающіе въ рѣшеніи тяжебныхъ дѣлъ вопросы и недоумѣнія требуютъ, чтобы толкованіе это было сосредоточено въ рукахъ одной центральной власти".

Эти сужденія, неоспоримо правильныя съ теоретической точки зрѣнія, выражены въ основныхъ положеніяхъ судоустройства: разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ сосредоточено въ одномъ центральномъ для всей Имперіи судебномъ мѣстѣ, кассаціонномъ судѣ—Правительствующемъ Сенатѣ.

Однако, при разработкѣ новыхъ уставовъ судопроизводства теоретическое начало было поколеблено практическими соображеніями при разрѣшеніи вопроса, кому слѣдуетъ приносить просьбы объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ судей.

Предположеніе о предоставленіи отмѣны окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей кассаціоннымъ департаментамъ Сената было отклонено по двумъ основаніямъ: по мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ, такой порядокъ лишилъ бы народъ суда близкаго, скораго и дешеваго для разрѣшенія малоцѣнныхъ

исковъ и споровъ; съ другой стороны, такой порядокъ повлекъ бы за собою чрезмѣрное накопленіе дѣлъ въ кассаціонныхъ департаментахъ Сената; это вызвало бы необходимость значительно увеличить ихъ число, ко вреду цѣли ихъ учрежденія; такъ какъ очевидно, что чѣмъ болѣе будетъ раздроблена кассаціонная власть, тѣмъ менѣе будетъ соблюдаться единообразіе въ толкованіи законовъ.

По этимъ соображеніямъ, отмѣна окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній мировыхъ судей была возложена на мировые съѣзды; кассаціонная власть департаментовъ Сената была распространена лишь на мировые съѣзды и общія судебныя установленія.

Такимъ образомъ, въ самое основаніе устройства кассаціонной инстанціи Судебными Уставами 1864 года былъ положенъ компромиссъ между началомъ теоретическимъ и соображеніями практическими.

Слѣдующее отступленіе отъ принципа единства кассаціоннаго суда было допущено закономъ 22 ноября 1866 года, при распространеніи дѣйствія Судебныхъ Уставовъ на Закавказскій край: кассаціонныя функціи по дѣламъ, разрѣшаемымъ окончательно мировыми судьями и окружными судами, въ качествѣ съѣздовъ мировыхъ судей, были предоставлены Тифлисской судебной палатѣ (ст. 1267 Уст. Уг. Суд.; 1470 Уст. Гр. Суд.). Какъ на основаніе для сосредоточенія въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ всѣхъ дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, указывалось на дальность разстоянія, отдѣляющаго Закавказье отъ Петербурга, и на разнообразіе и рѣзкія особенности туземныхъ обычаевъ, отражающихся на разрѣшеніи дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ. Сохраненіе общей связи закавказскихъ судебныхъ учрежденій съ учрежденіями внутреннихъ губерній признавалось совершенно достаточнымъ, если въ кассаціонныхъ департаментахъ Сената будутъ разсматриваться жалобы по тѣмъ дѣламъ, которыя начинаются въ окружныхъ судахъ и переходятъ по апелляціи въ судебную палату (см. объясн. записку къ ст. 28 проекта).

Въ послѣдующее время принципъ единства кассаціоннаго суда подвергся новымъ ограниченіямъ; изъ нихъ самое неудачное послѣдовало на основаніи законовъ 12 іюля и 29 декабря 1889 года [1]),

---

[1]) П. С. З., №№ 6196 и 6483.

въ силу которыхъ были учреждены губернскія присутствія, въ качествѣ кассаціонной инстанціи, для разрѣшенія просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній и приговоровъ уѣздныхъ съѣздовъ (ст. 133 и 240 Прав. произв. суд. дѣлъ).

Во всей Имперіи было образовано 43 губернскихъ присутствія.

Поражаетъ неувѣренность самихъ составителей этого закона въ его цѣлесообразности, чѣмъ и объясняется допущенное коренное самопротиворѣчіе въ законѣ.

Учрежденіе 43 кассаціонныхъ судовъ, несомнѣнно, упразднило принципъ единства кассаціонной инстанціи, необходимой для установленія столь желательнаго, по общему сознанію, единообразія въ толкованіи и примѣненіи законовъ. Предвидѣли, однако, что губернскія присутствія, въ виду неподготовленности ихъ личнаго состава, при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ, и съ своей стороны будутъ допускать „явныя отступленія отъ истиннаго смысла закона". Потому, съ цѣлью хотя бы нѣкотораго согласованія взглядовъ этихъ губернскихъ кассаціонныхъ инстанцій съ воззрѣніями главнаго кассаціоннаго органа, въ лицѣ Правительствующаго Сената была установлена кассаціонная инстанція надъ губернскими кассаціонными инстанціями. Но этотъ высшій кассаціонный надзоръ былъ возложенъ не на кассаціонные департаменты, а на Соединенныя Присутствія I-го и Гражданскаго или Уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго подлежащаго кассаціоннаго департамента, изъ трехъ сенаторовъ I-го и трехъ сенаторовъ Гражданскаго или Уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ (ст. 119^5 Учр. Суд. Уст.). „Когда министръ юстиціи изъ дошедшихъ до него свѣдѣній усмотритъ, что губернское присутствіе, при разбирательствѣ или рѣшеніи судебнаго дѣла, допустило явно отступленіе отъ истиннаго смысла закона, то, по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ предлагаетъ о семъ Правительствующему Сенату, для установленія правильнаго и единообразнаго примѣненія закона и возстановленія нарушеннаго порядка" (ср. Учр. Суд. Уст. ст. 119^5; прим. къ ст. 123 Пол. объ уст. зав. крест. дѣл.; Особ. прилож. къ т. IX. Зак. о сост., кн. 3, изд. 1902 г.).

Законы 1889 года имѣли своихъ сторонниковъ, но убѣжденіе въ ихъ несоотвѣтствіи ни общему государственному строю, ни особымъ требованіямъ юстиціи, все болѣе проникало въ со-

знаніе какъ правящихъ сферъ, такъ и населенія; ихъ отмѣна послѣдовала 15 іюня 1912 года закономъ о преобразованіи мѣстнаго суда.

Но послѣдовательное отступленіе отъ принципа единства кассаціоннаго суда продолжалось.

Въ 1896 году, при распространеніи дѣйствія Судебныхъ Уставовъ на губерніи и области Сибири, кассаціонныя функціи по дѣламъ, окончательно разрѣшаемымъ мировыми судьями, были предоставлены окружнымъ судамъ; по дѣламъ мировой подсудности, подвѣдомымъ окружнымъ судамъ, въ качествѣ мировыхъ съѣздовъ, обязанности кассаціоннаго суда были возложены на Иркутскую судебную палату (ст. 1419 и 1421 Уст. Уг. Суд., ст. 2131 и 2134 Уст. Гр. Суд., по прод. 1902 г.).

По закону 2 іюня 1898 года, по тѣмъ же дѣламъ подлежащіе окружные суды и судебныя палаты Ташкентская и Омская стали кассаціонной инстанціей въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Закаспійской, Акмолинской, Семипалатинской, а Саратовская судебная палата по областямъ—Уральской и Тургайской (ст. 1457 и 1459 Уст. Уг. Суд. и ст. 2158 и 2161 Уст. Гр. Суд., по прод. 1902 г.).

Затѣмъ послѣдовало ограниченіе принципа единства кассаціоннаго суда по закону 18 марта 1906 года (ст. 1285^{1} Уст. Уг. Суд. и ст. 1481^{2} Уст. Гр. Суд., по прод. 1906 г.), по которому кассаціонныя жалобы на окончательные приговоры и рѣшенія мировыхъ судей Черноморской губерніи, а также на окончательные приговоры и рѣшенія Екатеринодарскаго окружнаго суда, замѣняющаго, по Черноморской губерніи, мировой съѣздъ, приносятся Новочеркасской судебной палатѣ.

Слѣдующая таблица показываетъ количество кассаціонныхъ дѣлъ, поступившихъ въ каждую изъ упомянутыхъ судебныхъ палатъ въ теченіе 1911—1913 г.г.

Названіе палаты.	Въ 1911 г.	Въ 1912 г.	Въ 1913 г.
Тифлисская.	2102	2272	2317
Омская	789	1036	922
Иркутская	—	1084	957
Ташкентская. . . .	654	628	585
Саратовская	—	—	—
Новочеркасская. . .	109	146	113

Изъ изложеннаго выше видно, что наряду съ кассаціонными департаментами Правительствующаго Сената, начиная съ 1864 года вплоть до нашего времени, создавались и другія кассаціонныя инстанціи, въ лицѣ мировыхъ съѣздовъ, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ.

Наконецъ, принципъ единства кассаціоннаго суда испыталъ послѣднее ограниченіе по закону 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда.

Упраздненіе губернскихъ присутствій закономъ 15 іюня 1912 года знаменуетъ, правда, возстановленіе кассаціонныхъ функцій Сената въ мѣстностяхъ, гдѣ было введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существовали до 1889 года; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу 93 статьи того же закона, мировой съѣздъ объявленъ кассаціонной инстанціей для дѣлъ, разрѣшенныхъ въ верхнемъ сельскомъ судѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, что распространеніе судебной реформы представляется непрерывнымъ мартирологомъ принципа единства кассаціоннаго суда.

Самый чувствительный ударъ былъ нанесенъ началу единства въ самихъ кассаціонныхъ департаментахъ закономъ 10 іюня 1877 года[1]), коимъ число сенаторовъ — съ 30-ти въ обоихъ департаментахъ — увеличено до 50-ти, и установлены отдѣленія кассаціонныхъ департаментовъ въ составѣ трехъ членовъ присутствія.

До изданія этого закона всѣ поступавшія въ Сенатъ дѣла разрѣшались въ полномъ составѣ департамента; всѣ рѣшенія департамента публиковались въ Сборникѣ, для руководства къ единообразному исполненію и примѣненію закона.

Государственный Совѣтъ не могъ не сознавать, что съ увеличеніемъ числа представителей власти, облеченныхъ равнымъ полномочіемъ, неизбѣжно обнаружится различіе въ сужденіяхъ по тождественнымъ вопросамъ, утратится твердость и единство въ проявленіяхъ власти, а вслѣдствіе этого будетъ подорванъ ея авторитетъ.

Такими носителями всей полноты кассаціонной власти явились присутствія отдѣленій въ трехчленномъ составѣ, наряду съ присутствіями департаментовъ, въ составѣ не менѣе семи членовъ.

---

[1]) П. С. З., № 54.471.

Въ предупрежденіе вышеупомянутой опасности, угрожавшей лишить кассаціонные департаменты возможности соотвѣтствовать ихъ назначенію—быть руководителями къ единообразному истолкованію законовъ,—функціи по истолкованію законовъ были отдѣлены отъ функцій по „простому примѣненію законовъ и послѣдовавшихъ уже въ кассаціонномъ порядкѣ разъясненій".

Первыя были предоставлены присутствіямъ департамента, вторыя—отдѣленскимъ присутствіямъ.

Эта мысль нашла выраженіе въ статьѣ 916^2 Уст. Уг. Суд. и въ ст. 802^2 Уст. Гр. Суд.

Сообразно съ симъ, обнародованію для руководства подлежатъ уже не всѣ рѣшенія Сената, а лишь рѣшенія, постановленныя присутствіемъ департамента.

Но легче установить теоретически разницу между функціями присутствій департаментскихъ и отдѣленскихъ, чѣмъ соблюдать эту границу на практикѣ и, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ограничиться „простымъ примѣненіемъ законовъ", воздерживаясь отъ всякаго самостоятельнаго изъясненія его смысла.

Въ Уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ были образованы отдѣленія съ постояннымъ участіемъ однихъ и тѣхъ же сенаторовъ; каждое отдѣленіе стало разрѣшать дѣла опредѣленной категоріи.

Такимъ образомъ, каждый составъ отдѣленскаго присутствія спеціализировался, все болѣе обозрѣвалъ отмежеванное ему поле дѣятельности и тѣмъ самымъ вырабатывалъ болѣе или менѣе единообразную практику по „примѣненію существующихъ законовъ и послѣдовавшихъ уже въ кассаціонномъ порядкѣ разъясненій".

Гражданскій кассаціонный департаментъ не организовалъ своей дѣятельности примѣнительно къ мысли закона 1877 г. Въ немъ подъ отдѣленіемъ стали разумѣть не сплоченный единствомъ предмета занятій постоянный составъ сенаторовъ, разрѣшающихъ, въ составѣ трехъ присутствующихъ, опредѣленную категорію дѣлъ.

Напротивъ, въ Гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ понимается отдѣленіе въ смыслѣ случайнаго трехчленнаго присутствія сенаторовъ, выразившихъ желаніе совмѣстно заслушать любыя дѣла, которыя будутъ внесены въ данное за-

сѣданіе. Установилась нѣкоторая спеціализація лишь въ отношеніи немногихъ категорій дѣлъ, а именно дѣлъ Варшавскаго судебнаго округа и дѣлъ губерній Прибалтійскихъ, въ которыхъ дѣйствуютъ особыя узаконенія, а также дѣлъ желѣзнодорожныхъ; но ничто не препятствуетъ сенатору, и не имѣющему спеціальныхъ свѣдѣній по этимъ категоріямъ дѣлъ, „приписаться" къ данному спеціальному составу присутствія, въ качествѣ третьяго или четвертаго его члена, и даже внести для разрѣшенія въ этомъ спеціальномъ составѣ присутствія заготовленныя имъ дѣла иной, ему, докладчику, ближе извѣстной категоріи, но по которой остальные члены присутствія никакой служебной опытности не имѣютъ.

Такой случайный составъ присутствія отдѣленій не только замедляетъ теченіе засѣданія, заставляя останавливаться на разъясненіи случайному участнику присутствія вопросовъ, вполнѣ ясныхъ для остальныхъ его членовъ, но нерѣдко приводитъ присутствіе къ выводу, противорѣчащему рѣшеніямъ, состоявшимся раньше по тому же вопросу.

Такимъ образомъ, закономъ 1877 года единство кассаціоннаго суда въ самомъ Сенатѣ было принесено въ жертву быстротѣ разрѣшенія дѣлъ.

Наконецъ, къ вопросу о единствѣ кассаціоннаго суда имѣетъ отношеніе и законъ 30 іюня 1913 года о дополненіи штатовъ Гражданскаго кассаціоннаго департамента 16-ью, а Уголовнаго—7-ью сенаторами; такимъ образомъ, въ настоящее время составъ Гражданскаго кассаціоннаго департамента образуютъ 49 сенаторовъ, а Уголовнаго—27 сенаторовъ, не считая первоприсутствующихъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ несутъ работу совершенно непосильную и что состоявшееся усиленіе штатовъ можетъ оказаться даже недостаточнымъ, когда станутъ поступать дѣла мировой подсудности, подлежавшія разсмотрѣнію, въ кассаціонномъ порядкѣ, упраздняемыхъ губернскихъ присутствій.

Но, съ точки зрѣнія охраненія возможнаго единства кассаціоннаго надзора, невольно возникаетъ сомнѣніе, не будетъ-ли это единство еще болѣе поколеблено, вслѣдствіе увеличенія числа отдѣленскихъ присутствій, изъ которыхъ каждое будетъ облечено всею полнотой кассаціонной власти, образуясь въ то

же время изъ состава случайнаго, обладающаго, быть можетъ, глубокими свѣдѣніями по инымъ областямъ законодательства, но не тѣми, которыя необходимы для разрѣшенія данныхъ дѣлъ?

Такимъ образомъ, фактъ увеличенія личнаго состава Сената не только не снимаетъ съ очереди, а напротивъ выдвигаетъ вопросъ о мѣрахъ, которыя были бы способны приблизить все кассаціонное производство къ его идеалу, т. е. къ единству кассаціоннаго надзора.

Мысль о передачѣ кассаціи окончательныхъ рѣшеній мировыхъ установленій судебнымъ палатамъ высказывалась уже при составленіи Судебныхъ Уставовъ (объясн. записка 1863 г. къ проекту Учрежденія Судебныхъ Установленій, стр. 57 и др.). Это же предположеніе подробно разсматривалось и впослѣдствіе Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената 23 декабря 1874 года при обсужденіи предложеннаго министромъ юстиціи вопроса о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для уменьшенія числа поступающихъ въ кассаціонные департаменты дѣлъ, съ цѣлью отвращенія накопленія въ сихъ департаментахъ нерѣшенныхъ дѣлъ.

Въ обоихъ случаяхъ исходили изъ того, что, при условіи возложенія кассаціонныхъ функцій на судебныя палаты, послѣдовавшія въ семъ порядкѣ рѣшенія палаты будутъ окончательныя, такъ какъ не представляется возможнымъ допустить двѣ кассаціонныя инстанціи, подчиненныя одна другой, разрѣшая принесеніе кассаціонныхъ жалобъ въ Сенатъ на кассаціонныя рѣшенія палатъ.

Но какъ въ 1864 году, такъ и въ 1874 году мысль о предоставленіи кассаціонныхъ функцій судебнымъ палатамъ по дѣламъ мировой подсудности была отвергнута, главнымъ образомъ, „по нежелательности преградить наибольшему числу тяжущихся и подсудимыхъ всякій доступъ къ Правительствующему Сенату и невозможности оставить внѣ надзора Правительствующаго Сената огромное число судовъ Имперіи“. Съ точки зрѣнія практической не усматривалось необходимости изъятія дѣлъ мировыхъ установленій изъ вѣдомства Сената, „такъ какъ общее число дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію кассаціонныхъ департаментовъ, составитъ, по введеніи повсемѣстно судебной реформы, около 15 тысячъ“, что можетъ лишь вызвать необхо-

димость соотвѣтственнаго увеличенія верховнаго кассаціоннаго суда, безъ нарушенія принципа единства кассаціоннаго надзора [1]).

Оставимъ указаніе на фактическую невозможность поступленія въ кассаціонные департаменты, по повсемѣстномъ введеніи судебной реформы, не болѣе 15-ти тысячъ дѣлъ; опытъ показалъ, что въ Сенатъ поступаетъ уже нынѣ свыше 31 тысячи дѣлъ [2]); по введеніи же закона 12 іюня 1912 года о мѣстномъ судѣ, число поступающихъ кассаціонныхъ дѣлъ увеличится на много тысячъ.

По поводу же соображенія о могущей наступить необходимости соотвѣтственнаго увеличенія верховнаго кассаціоннаго суда замѣтимъ, что самъ же Сенатъ, въ томъ же рѣшеніи 23 декабря 1874 года, признаетъ, что „условія разсмотрѣнія дѣлъ въ кассаціонныхъ департаментахъ, а именно—необходимость единообразія въ рѣшеніяхъ—не допускаютъ слишкомъ большого увеличенія числа сенаторовъ, съ раздѣленіемъ ихъ, для рѣшенія дѣлъ, на многія отдѣльныя присутствія, потому что сенаторы не имѣли бы возможности согласоваться между собой для единообразнаго разрѣшенія встрѣчающихся вопросовъ о смыслѣ законовъ".

Въ приведенномъ опредѣленіи Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ высказывалось опасеніе, что, въ случаѣ предоставленія судебнымъ палатамъ кассаціонныхъ функцій по дѣламъ мировыхъ установленій, поставлено будетъ внѣ надзора Правительствующаго Сената огромное число судовъ Имперіи.

Этотъ надзоръ принадлежитъ кассаціоннымъ департаментамъ на основаніи I п. 249 ст. Учр. Суд. Уст.

Между тѣмъ, для облегченія кассаціонныхъ департаментовъ, то же Общее ихъ Собраніе предложило выдѣлить изъ вѣдомства кассаціонныхъ департаментовъ принадлежащій имъ, въ силу I п. 249 ст. Учр. Суд. Уст., надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства и передать его особому присутствію, состоящему изъ трехъ сенаторовъ отъ Гражданскаго и такого же числа отъ Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ.

---

[1]) См. матеріалы по вопросу объ измѣненіяхъ въ порядкѣ кассаціоннаго производства (Библ. Мин. Юст., по описи Поворинскаго № 299) 1876 года, стр. 7.

[2]) См. прил. вѣдомость о движеніи дѣлъ въ кассаціон. д-тахъ Правит. Сената.

Это предположеніе осуществилось образованіемъ, въ силу закона 10 іюня 1877 года, Соединеннаго Присутствія, состоящаго изъ шести сенаторовъ, по два отъ департаментовъ: I-го и обоихъ кассаціонныхъ.

Такимъ образомъ, признавъ необходимымъ оставить кассаціонный надзоръ за судебными установленіями въ вѣдѣніи кассаціонныхъ департаментовъ, Правительствующій Сенатъ, въ то же время, предложилъ облегчить эти департаменты посредствомъ освобожденія ихъ отъ обязанности надзора въ порядкѣ управленія.

Остается еще разсмотрѣть указаніе на неизбѣжность преграженія, будто бы, наибольшему числу тяжущихся и подсудимыхъ *всякаго* доступа къ Правительствующему Сенату, въ случаѣ предоставленія кассаціонныхъ функцій судебнымъ палатамъ.

Прежде всего, нельзя согласиться съ необходимостью открыть доступъ въ Правительствующій Сенатъ *безусловно* для всѣхъ тяжущихся и подсудимыхъ: въ частномъ интересѣ тяжущихся и подсудимыхъ устанавливаются обстоятельства каждаго дѣла двумя судебными инстанціями, кассаціонная же инстанція наблюдаетъ за интересомъ государственнымъ, состоящимъ въ томъ, чтобы законы государства примѣнялись въ томъ смыслѣ, который давалъ имъ законодатель при изданіи закона.

Поэтому доступъ въ высшій кассаціонный судъ долженъ быть открытъ лишь для тѣхъ тяжущихся и подсудимыхъ, по дѣламъ которыхъ возникаетъ вопросъ о точномъ смыслѣ закона, требующаго новаго разъясненія.

Если это положеніе вѣрно, то представляется, казалось бы, возможность согласовать мысль о возложеніи кассаціонныхъ функцій на судебныя палаты съ принципомъ единства кассаціоннаго суда.

Правильно замѣтили составители проекта закона 10 іюня 1877 года, что кассаціонныя дѣла распадаются на двѣ главныя группы: а) разрѣшаемыя простымъ примѣненіемъ существующихъ законовъ и послѣдовавшихъ уже въ кассаціонномъ порядкѣ разъясненій и б) требующія новаго истолкованія смысла законовъ [1]).

---

[1]) Отчетъ по Гос. Совѣту за 1877 годъ, стр. 26 и слѣд.

Это наблюденіе было принято въ основаніе при установленіи отдѣленскихъ, трехчленныхъ присутствій Правительствующаго Сената, въ отличіе отъ семичленныхъ департаментскихъ присутствій.

Казалось бы, что, безъ ущерба для принципа единства высшаго кассаціоннаго суда, кассаціонныя функціи по дѣламъ мировыхъ установленій первой группы могли бы быть возложены на судебныя палаты съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ обнаруженія надобности въ новомъ истолкованіи смысла законовъ, дѣло представлялось на разрѣшеніе кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Эта передача дѣлъ изъ судебныхъ палатъ въ Сенатъ могла бы происходить либо по опредѣленію департамента палаты, либо по предложеніямъ прокурора палаты и при томъ до разрѣшенія дѣла судебной палатой.

Если бы въ кассаціонныхъ дѣлахъ, подвѣдомыхъ судебной палатѣ, было обнаружено отступленіе отъ толкованій, преподанныхъ кассаціонными департаментами Сената, то обстоятельство это, какъ указывающее на отсутствіе единообразія въ разрѣшеніи вопроса, могло бы быть доведено до свѣдѣнія министра юстиціи, отъ котораго зависѣло бы предложить вопросъ на обсужденіе Правительствующаго Сената, въ порядкѣ ст. 259[1] Учр. Суд. Уст.

Такимъ образомъ, сохранилось бы единство кассаціоннаго надзора Правительствующаго Сената и за дѣлами мировой юстиціи, требующими новаго истолкованія смысла закона.

Но наряду съ этимъ, для установленія единства кассаціоннаго надзора, было бы настоятельно необходимо произвести нѣкоторое преобразованіе и въ самихъ кассаціонныхъ департаментахъ, а именно: возстановить семичленный составъ присутствій, образовавъ, въ такомъ составѣ присутствія, отдѣленія для опредѣленныхъ категорій дѣлъ, и пріурочить къ каждому отдѣленію опредѣленный личный составъ сенаторовъ [1]).

Эта спеціализація введена уже въ Уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ; она тѣмъ болѣе необходима въ Гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, дѣятельность котораго охватываетъ несравненно болѣе широкія и разнообразныя сферы

---

[1]) Ср. Васьковскій. Курсъ гражданскаго процесса, т. I, 1913 г., стр. 201.

отношеній. Въ основаніе распредѣленія предметовъ вѣдомства между отдѣленіями, могли бы быть приняты какъ отдѣльныя мѣстныя законодательства (губерній Царства Польскаго, Прибалтійскихъ губерній), такъ и отдѣльныя категоріи дѣлъ (желѣзнодорожныя [1]), наслѣдственныя, межевыя, вотчинныя и т. п.); если въ одномъ и томъ же дѣлѣ возбуждаются спеціальные вопросы, касающіеся вѣдомства разныхъ отдѣленій, или вопросы процессуальнаго права, требующіе новаго истолкованія смысла закона, то въ такихъ случаяхъ дѣло подлежало бы разрѣшенію общаго собранія подлежащихъ отдѣленій. Впрочемъ, въ отношеніи деталей, опытъ далъ бы наилучшія указанія.

Такая организація кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, въ связи съ передачей судебнымъ палатамъ кассаціоннаго надзора за дѣлами мировой подсудности, не возбуждающими вопроса о новомъ истолкованіи смысла закона, съ одной стороны, предупредитъ поступленіе въ кассаціонный судъ дѣлъ, не требующихъ вовсе вмѣшательства высшаго судилища, а, съ другой стороны, дастъ и Правительствующему Сенату возможность сосредоточить всѣ свои силы на исполненіи его прямого призванія—быть хранителемъ и, дѣйствительно, авторитетнымъ истолкователемъ истиннаго смысла законовъ.

---

[1]) Въ отношеніи желѣзнодорожныхъ дѣлъ слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа поступившихъ въ 1913 году 4937 желѣзнодорожныхъ дѣлъ, около трети имѣютъ своимъ предметомъ споръ о правильности примѣненія того, либо другого тарифа (дѣла о переборахъ) и возбуждаютъ вопросы не юридическіе, а техническіе. Въ виду такого характера этихъ дѣлъ, въ числѣ мѣръ предупрежденія дальнѣйшаго переобремененія Правительствующаго Сената и вызываемой этимъ необходимости поступательнаго увеличенія его личнаго состава представляется, казалось бы, желательнымъ обратить вниманіе на вопросъ объ изъятіи тарифныхъ дѣлъ изъ вѣдомства судебныхъ установленій и о разрѣшеніи ихъ въ особыхъ тарифныхъ присутствіяхъ.

Вѣдомость о движеніи желѣзнодорожныхъ дѣлъ въ 1913 г. (въ Гражд. касс. д-тѣ).

Родъ дѣлъ.	Состояло къ 1 января 1913 года.	Поступило въ 1913 году.	Рѣшено въ 1913 году.	Осталось къ 1 января 1914 г.
Всего желѣзнодорожныхъ дѣлъ.	6014	4937	4458	6593
Въ томъ числѣ дѣлъ о переборахъ.	1528	1310	1376	1462

II. О разграниченіи надзора кассаціоннаго отъ надзора въ порядкѣ управленія.

Раздѣлъ о надзорѣ за судебными установленіями является, по словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, однимъ изъ важнѣйшихъ примѣненій къ новому устройству судебной части, выраженнаго въ основныхъ положеніяхъ, начала объ отдѣленіи судебной власти отъ исполнительной и административной.

На основаніи первоначальной редакціи 1 п. 249 ст. Учр. Суд. Уст., однимъ кассаціоннымъ департаментамъ Правительствующаго Сената принадлежалъ надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства Имперіи, за исключеніемъ чиновъ прокурорскаго надзора, подчиненныхъ министру юстиціи.

Свѣдѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ подвѣдомственнаго судебнаго мѣста или лица могутъ дойти до высшаго суда двумя путями: либо въ порядкѣ процессуальнаго обжалованія, либо всякимъ инымъ путемъ.

Этимъ различіемъ источниковъ освѣдомленности высшаго суда о дѣятельности суда подчиненнаго опредѣляется и характеръ, и объемъ надзора, осуществляемаго въ томъ, либо въ другомъ случаѣ.

Эта двойственность надзора прекрасно очерчена въ опредѣленіи Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ 1880 г. № 25. „Наблюденіе за дѣйствіями подчиненнаго учрежденія, составляющее обязанность надзирающаго судебнаго мѣста, имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ оцѣнка, дѣлаемая высшимъ судебнымъ мѣстомъ дѣйствію, дошедшему до него въ порядкѣ судопроизводственномъ и подлежащему въ этомъ порядкѣ его обсужденію. Первое распространяется на всю служебную дѣятельность подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; послѣдней подвергаются только тѣ ихъ дѣйствія, которыя достигли до высшаго мѣста въ случаяхъ и порядкѣ, опредѣленныхъ судопроизводственными уставами, и она не касается вовсе такихъ дѣйствій, которыя, въ силу судопроизводственныхъ правилъ, не подлежали, или не могли подлежать обсужденію высшаго мѣста. Первое составляетъ обязанность надзирающаго мѣста и лежитъ на его

отвѣтственности, осуществляется во имя этой обязанности, по его иниціативѣ и усмотрѣнію, предпринимается въ видахъ надзора, имѣетъ цѣлью охраненіе правильности дѣятельности подчиненныхъ учрежденій; послѣдняя вызывается причинами случайными, зависящими не отъ воли судебнаго мѣста, имѣетъ въ виду только данный случай, предпринимается въ интересахъ сторонъ, ищущихъ судебной защиты".

Такимъ образомъ, Правительствующій Сенатъ указалъ на различіе между надзоромъ въ порядкѣ судопроизводственномъ, кассаціонномъ, отъ надзора въ порядкѣ управленія судебною частью.

Но такъ какъ оба вида высшаго надзора были сосредоточены въ кассаціонныхъ департаментахъ, то до учрежденія закономъ 10 іюня 1877 года Соединеннаго Присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ, эти сужденія Правительствующаго Сената служили цѣннымъ указаніемъ лишь для подчиненныхъ ему судебныхъ мѣстъ, на которыхъ лежала обязанность надзора за другими судебными учрежденіями; въ виду сліянія обоихъ видовъ надзора въ кассаціонныхъ департаментахъ, въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ не могло произойти никакого разномыслія относительно подвѣдомственности того, либо другого надзора, а потому вышеприведенныя сужденія, по крайней мѣрѣ для самого Сената, имѣли лишь теоретическое значеніе.

Вопросъ о разграниченіи кассаціоннаго надзора отъ надзора въ порядкѣ управленія получилъ первостепенное практическое значеніе лишь со времени учрежденія Соединеннаго Присутствія, къ которому перешли выдѣленныя изъ вѣдомства кассаціонныхъ департаментовъ дѣла судебнаго управленія.

До изданія закона 10 іюня 1877 года вопросы судебнаго управленія возбуждались и разрѣшались какъ въ Уголовномъ, такъ и въ Гражданскомъ кассаціонныхъ департаментахъ.

Но 23 декабря 1874 года, обсуждая вопросъ о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для уменьшенія числа поступающихъ въ кассаціонные департаменты дѣлъ, Общее Собраніе сихъ департаментовъ, между прочимъ, нашло, что „для уменьшенія числа дѣлъ, производящихся въ Уголовномъ департаментѣ и облегченія Гражданскаго департамента, необходимо было бы для дѣлъ распорядительныхъ, поступающихъ не въ кассаціонномъ порядкѣ и неимѣющихъ ничего общаго съ дѣлами кассаціонными, образовать особое Соединенное Присутствіе" изъ

сенаторовъ Гражданскаго и Уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ.

„Къ вѣдомству Присутствія могли бы быть отнесены: а) дѣла по надзору за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ Имперіи (Учр. Суд. Уст. ст. 249 п. I)".

Государственный Совѣтъ раздѣлилъ согласное въ существѣ съ приведенными соображеніями представленіе министра юстиціи [1]) и предположеніе было осуществлено посредствомъ учрежденія закономъ 10 іюня 1877 года Соединеннаго Присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ, съ отнесеніемъ къ его вѣдомству, между прочимъ, „дѣлъ по надзору за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства", за исключеніемъ лицъ прокурорскаго надзора (ст. 119^{3} Учр. Суд. Уст.).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція I п. 249 ст. Учр. Суд. Уст., была оставлена безъ измѣненія и лишь по закону 20 мая 1885 г. [2]) (одновременно съ изъятіемъ дисциплинарныхъ дѣлъ изъ вѣдомства Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ и передачей ихъ въ вѣдѣніе вновь образованнаго Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія), редакція 1 п. 249 ст. была согласована съ закономъ 10 іюня 1877 г. и изложена слѣдующимъ образомъ.

Ст. 249. Надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства, исключая чиновъ прокурорскаго надзора (ст. 252), принадлежитъ высшимъ, въ порядкѣ подчиненности, судебнымъ мѣстамъ, а именно: кассаціоннымъ департаментамъ и Соединенному Присутствію I и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената—за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ Имперіи.

Одновременно съ согласованіемъ ст. 249 съ закономъ 10 іюня 1877 г., была дополнена и редакція ст. 250 Учр. Суд. Уст., введеніемъ въ нее болѣе подробныхъ указаній на то, что надзоръ можетъ выразиться либо въ разъясненіи неправильностей, либо въ отмѣнѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, судебныхъ постановленій, либо въ возстановленіи нарушеннаго порядка, либо, наконецъ, въ привлеченіи виновныхъ къ отвѣтственности.

---

[1]) Отчетъ Гос. Сов. за 1677 г., стр. 30 и прил. VII, стр. 43–49.

[2]) 3-е П. С. З., № 2959.

Такимъ образомъ, оказывается, что, какъ будто, одинъ и тотъ же и, при томъ въ равномъ объемѣ, надзоръ за судебными установленіями одновременно принадлежитъ и кассаціоннымъ департаментамъ, и Соединенному Присутствію.

Законъ не даетъ никакихъ указаній относительно разграниченія предметовъ надзора, принадлежащихъ каждому изъ нихъ, но соображенія, вызвавшія учрежденіе Соединеннаго Присутствія, какъ органа надзора на ряду съ кассаціонными департаментами, исключаютъ возможность отождествленія обоихъ порядковъ надзора. При такомъ безмолвіи закона, отвѣтъ на всѣ сомнѣнія, возбуждаемыя вопросомъ о разграниченіи надзора кассаціоннаго отъ надзора въ порядкѣ управленія, слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ практикѣ самого Правительствующаго Сената.

Какъ уже было замѣчено выше, оба надзора отличаются, прежде всего, тѣмъ путемъ, по которому доводятся до свѣдѣнія Правительствующаго Сената незакономѣрныя дѣйствія подчиненныхъ ему судебныхъ мѣстъ и лицъ.

Для кассаціонныхъ департаментовъ этимъ путемъ являются исключительно кассаціонныя жалобы и протесты, надзоръ же со стороны Соединеннаго Присутствія можетъ быть проявленъ не только по жалобамъ, но и въ виду свѣдѣній, дошедшихъ до него всякимъ инымъ путемъ.

„Надзоръ кассаціонныхъ департаментовъ ограничивается тѣми дѣлами, которыя доходятъ до нихъ въ порядкѣ кассаціоннаго производства; въ другихъ случаяхъ надзоръ принадлежитъ Соединенному Присутствію на основаніи ст. 119[1] Учр. Суд. Уст." (Уг. касс. деп. 1886 г. № 48).

Путемъ, по которому доходятъ до Правительствующаго Сената свѣдѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ, опредѣляется и самый предметъ надзора, проявляемаго тѣмъ, либо инымъ порядкомъ, а также его цѣль.

Предметомъ кассаціоннаго надзора являются судопроизводственныя дѣйствія, которыя, въ указанныхъ въ судопроизводственныхъ уставахъ случаяхъ, подлежатъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ; въ порядкѣ же кассаціонномъ подлежатъ обжалованію лишь окончательные приговоры (ст. 905 Уст. Уг. Суд.,) и рѣшенія (ст. 792 Уст. Гр. Суд.), а также, по многократнымъ разъясненіямъ Гражданскаго кассаціоннаго де-

партамента, такія частныя опредѣленія второй инстанціи, послѣ которыхъ дѣло не можетъ имѣть дальнѣйшаго апелляціоннаго хода и которыя, въ отношеніи правъ участвующихъ лицъ, имѣютъ послѣдствія, равносильныя съ послѣдствіями окончательнаго судебнаго рѣшенія (Гражд. касс. деп. 1897 г. № 676 и мн. др.).

Ближайшая цѣль кассаціоннаго надзора—исправленіе допущенной неправильности, посредствомъ ли отмѣны (въ случаяхъ, допускаемыхъ судопроизводственными правилами) обжалованнаго судебнаго постановленія, или разъясненія законнаго порядка, съ цѣлью предупрежденія подобныхъ нарушеній въ будущемъ (рѣш. Уг. касс. деп. 1869 г. № 877).

Что касается надзора въ порядкѣ управленія, осуществляемаго Соединеннымъ Присутствіемъ I-го и кассаціонныхъ департаментовъ, то таковой обнимаетъ всю совокупность дѣятельности подчиненныхъ судебныхъ мѣстъ и, „въ этомъ смыслѣ, по отношенію къ надзору, опредѣленій, неподлежащихъ обжалованію, не существуетъ“ (опр. Соед. Прис. 10 ноября 1888 г.) [1]). Потому предметомъ надзора Соединеннаго Присутствія въ порядкѣ управленія являются всѣ судебныя постановленія, какъ могущія еще въ инстанціонномъ порядкѣ дойти до кассаціонной инстанціи, такъ и тѣ, которыя, напр., за пропускомъ срока обжалованія, уже не могутъ быть исправлены въ судопроизводственномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обжалованію Соединенному Присутствію подлежатъ и такія, касающіяся судебнаго управленія, постановленія, дѣйствія и распоряженія подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, обжалованіе которыхъ въ порядкѣ судопроизводственномъ вовсе не установлено.

Но въ отношеніи той и другой категоріи судебныхъ постановленій и дѣйствій (мѣстъ и лицъ) надзоръ Соединеннаго Присутствія проявляется различно, какъ по его цѣли, такъ и по послѣдствіямъ, въ случаѣ усмотрѣнія какихъ либо отступленій отъ закона.

На первыя, т. е. на судебныя постановленія и дѣйствія, подлежащія инстанціонному обжалованію по правиламъ судопроизводственнымъ, хотя и распространяется надзоръ Соединеннаго Присутствія, но они ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать отмѣнѣ. Вся задача Соединеннаго Присутствія исчер-

---

[1]) Сборн. опредѣленій Соед. Присутствія 1896 г., стр. 253.

пывается разрѣшеніемъ вопроса о наличности такого нарушенія закона, которое можетъ вызвать либо личную отвѣтственность лицъ, допустившихъ нарушеніе, либо разъясненіе допущенной неправильности, „въ видахъ предупрежденія подобнаго рода нарушеній на будущее время“ (опр. Соед. Присутств. 7 декабря 1913 г. по д. № 813).

Что касается второй категоріи судебныхъ постановленій, для которыхъ судопроизводственными законами не установлено инстанціоннаго порядка обжалованія, то въ этомъ отношеніи функціи Соединеннаго Присутствія, какъ органа Правительствующаго Сената по судебному управленію, гораздо шире. Въ этой области Соединенное Присутствіе не ограничивается разъясненіемъ усмотрѣнныхъ имъ неправильностей, или привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности, но и отмѣняетъ постановленія и распоряженія, противныя установленному закономъ или же общимъ, или особымъ наказомъ порядку, если такая отмѣна не нарушаетъ правилъ Уставовъ Уголовнаго или Гражданскаго Судопроизводства о предѣлахъ правъ и власти высшей инстанціи и о порядкѣ отмѣны постановленій и распоряженій судебныхъ мѣстъ. (Гражд. касс. деп. 1912 г. № 117; Общ. Собр. 1904 г. № 41, 1901 г. № 9; Соед. Присутств. 3 мая 1907 г.) [1]. Такъ, напр., Соединеннымъ Присутствіемъ 8 февраля 1914 года (д. № 109) было отмѣнено опредѣленіе общаго собранія департаментовъ судебной палаты по дисциплинарному дѣлу, какъ постановленное не въ узаконенномъ (ст. 161 Учр. Суд. Уст.) составѣ присутствія.

Какъ при кассаціономъ производствѣ могутъ быть обнаружены неправильныя постановленія судебныхъ мѣстъ, входящія въ область судебнаго управленія, или такія дѣйствія должностныхъ лицъ, которыя даютъ основаніе для привлеченія ихъ къ отвѣтственности,—такъ и при разсмотрѣніи дѣла въ порядкѣ надзора могутъ быть усмотрѣны чисто процессуальныя неправильности, которыя, въ случаѣ ихъ своевременнаго обжалованія въ инстанціонномъ порядкѣ, лишили бы приговоръ или рѣшеніе силы судебнаго постановленія [2]).

[1]) Сборн. опред. Соед. Присутствія 1913 г., стр. 97.

[2]) Такъ, напр., по вѣдѣніямъ Уголовнаго кассаціоннаго департамента сообщены Соединенному Присутствію слѣдующія усмотрѣнныя имъ неправильности: 1) при постановкѣ окружнымъ судомъ относительно двухъ обвиняемыхъ вопроса о виновности по 2 ч.

Въ обоихъ случаяхъ какъ кассаціонные департаменты, такъ и Соединенное Присутствіе сообщаютъ другъ другу объ обстоятельствахъ, подлежащихъ вѣдомству другого, и, такимъ образомъ, несмотря на разграниченіе функцій надзора кассаціоннаго отъ надзора въ порядкѣ управленія, сохраняется единство надзора въ лицѣ Правительствующаго Сената.

III. О разграниченіи компетенціи кассаціонныхъ департаментовъ и Общаго ихъ Собранія.

Закономъ 10 іюня 1877 года [1]) введено весьма существенное измѣненіе въ порядкѣ производства дѣлъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

До изданія этого закона всѣ поступающія, на основаніи ст. 793 Уст. Гр. Суд. и ст. 912 Уст. Уг. Суд., въ Правительствующій Сенатъ дѣла разрѣшались въ составѣ всѣхъ сенаторовъ, образовавшихъ присутствіе департамента.

Законъ 10-го іюня 1877 года установилъ два вида сенатскаго присутствія: присутствіе отдѣленское, состоящее изъ трехъ сенаторовъ и присутствіе департаментское — не менѣе, какъ изъ семи сенаторовъ (ст. 140[1] Учр. Суд. Уст.).

943 ст. Улож. Нак., и относительно третьяго по 1 ч. 943 Улож. Нак.; послѣ утвердительныхъ отвѣтовъ на вопросы о виновности всѣхъ трехъ обвиняемыхъ, назначеніе третьему обвиняемому наказанія по 2 ч. 943 ст. Улож. Нак., т. е. наказанія за болѣе тяжкое преступленіе, нежели то, въ коемъ онъ признанъ виновнымъ рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей.—Опредѣленіемъ Соединеннаго Присутствія отъ 18 ноября 1910 г. (д. № 502) составъ суда, допустившій упомянутую неправильность, былъ преданъ суду. 2) Несогласіе соображеній палаты съ отвѣтомъ ея на вопросъ о виновности и резолютивной частью приговора (ст. 797 Уст. Уг. Суд.); неправильное примѣненіе Высочайшаго манифеста; опредѣленіе наказанія за присвоеніе казенныхъ денегъ по 2 ч. 354 ст. Улож. Нак., безъ назначенія при томъ денежнаго взысканія, какъ то требуется симъ закономъ.—Опредѣленіемъ Соединеннаго Присутствія отъ 9 декабря 1910 г. (д. № 646) разъяснена составу присутствія судебной палаты неправильность его дѣйствій.

Гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ были сообщены Соединенному Присутствію, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства: 1) изложеніе рѣшенія судебной палаты съ ошибками, свидѣтельствующими о крайне небрежномъ отношеніи къ дѣлу; 2) медленность, допущенная палатой при дачѣ движенія кассаціонной жалобѣ. Въ обоихъ случаяхъ Соединенное Присутствіе постановило разъяснить составу присутствія палаты допущенныя неправильности (опр. Соед. Присутствія 12 января 1912 г. д. № 141 и 28 января 1910 г. д. № 75).

[1]) П. С. З., № 57.471.

Въ основаніе разграниченія вѣдомства отдѣленій и департаментовъ положена, какъ видно изъ соображеній Государственнаго Совѣта [1]), относительная важность дѣлъ.

Къ первой группѣ причисляетъ Государственный Совѣтъ дѣла, „разрѣшаемыя простымъ примѣненіемъ существующихъ законовъ и послѣдовавшихъ уже въ кассаціонномъ порядкѣ разъясненій"; къ второй группѣ—дѣла, „требующія новаго истолкованія смысла законовъ". „Дѣла первой категоріи заключаютъ въ себѣ преимущественно частный интересъ, тогда какъ вторыя представляютъ государственную важность, ибо постановляемыя по онымъ Сенатомъ опредѣленія служатъ обязательнымъ руководствомъ для правильнаго пониманія законодательства".

Сообразно съ симъ редактированы ст. 916[2] Уст. Уг. Суд. и ст. 802[2] Уст. Гр. Суд., на основаніи которыхъ присутствіемъ департамента разсматриваются дѣла, по которымъ оказывается необходимость въ разъясненіи точнаго смысла законовъ для руководства къ единообразному ихъ истолкованію и примѣненію. Всѣ прочія дѣла разрѣшаются присутствіями отдѣленій департамента.

Тотъ же законъ 10 іюня 1877 года послужилъ источникомъ ст. 259[1] Учр. Суд. Уст. Эта статья гласитъ: министру юстиціи предоставлено право предлагать на обсужденіе кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и Общихъ оныхъ Собраній, а также Общаго Собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ, о доходящихъ до его свѣдѣнія вопросахъ, разрѣшаемыхъ не единообразно въ судебныхъ мѣстахъ, или же возбуждающихъ на практикѣ сомнѣнія.....

Остановимся нѣсколько на значеніи той части ст. 259[1] Учр. Суд. Уст., которая предоставляетъ министру юстиціи предлагать на обсужденіе кассаціонныхъ департаментовъ или Общаго ихъ Собранія вопросы, возбуждающіе на практикѣ сомнѣніе.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что подъ категорію вопросовъ, возбуждающихъ на практикѣ сомнѣніе, могутъ быть подведены и вопросы, вовсе не разрѣшимые на основаніи дѣйствующихъ законовъ, вслѣдствіе ли неполноты закона, или потому, что законодательство не всегда поспѣваетъ за быстро нарождающимися запросами жизни.

---

[1]) Отчетъ Государств. Совѣта 1877 г., стр. 12—36.

Ожидать отъ Правительствующаго Сената отвѣтовъ на такіе вопросы, — значитъ вводить Правительствующій Сенатъ въ неприсвоенную ему сферу законодательствованія. Но если Правительствующему Сенату не предоставлено законодательствованія, то, на точномъ основаніи ст. 12 Уст. Уг. Суд. и ст. 9 Уст. Гр. Суд., на немъ (какъ вообще на судебныхъ установленіяхъ) лежитъ правотворческая дѣятельность.

Да и самъ Правительствующій Сенатъ стоитъ на стражѣ своей компетенціи; установивъ невозможность разрѣшить предложенный ему вопросъ ни по буквѣ, ни по общему смыслу законовъ, Правительствующій Сенатъ воздерживается отъ отвѣта, признавая, что онъ подлежитъ разрѣшенію въ порядкѣ законодательства [1]).

Внѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, Правительствующій Сенатъ, какъ по кассаціоннымъ департаментамъ, такъ и по Общему Собранію, разрѣшаетъ множество вопросовъ судебнаго управленія, судопроизводства и даже матеріальнаго права, возбуждающихъ сомнѣніе на практикѣ [2]).

---

[1]) Въ качествѣ примѣровъ отказа въ разрѣшеніи предложенныхъ вопросовъ, съ указаніемъ на необходимость обращенія къ установленіямъ законодательнымъ, можно привести опредѣленія, какъ I департамента, такъ и Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ.

По I департаменту: 1) опредѣленіе 28 мая 1908 года (№ 5466) по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ отъ 24 августа 1904 года, по вопросу о срокѣ выборной службы должностныхъ лицъ податныхъ управленій въ Прибалтійскомъ краѣ; 2) опредѣленіе 25 января 1911 года (№ 847) по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 января 1910 года, по вопросу о перемѣнѣ евреями своихъ отчествъ при переходѣ въ другое исповѣданіе.

По Общему Собранію кассаціонныхъ департаментовъ: 1) опредѣленіе 26 апрѣля 1904 года (по Сборн. № 16) по вопросу о томъ, подлежатъ ли взиманію крѣпостныя пошлины съ актовъ о возмездномъ переходѣ вѣчно-чиншевыхъ правъ на недвижимыя имущества въ губерніяхъ Привислинскихъ; 2) опредѣленіе 20 февраля 1906 года (не напечатанное) по вопросу о томъ, въ правѣ ли нотаріусы совершать, помимо согласія всѣхъ членовъ крестьянскаго двора, купчія крѣпости на отчужденіе домохозяиномъ двора, выкупленныхъ имъ въ собственность, изъ состава надѣльной земли, подворныхъ участковъ.

[2]) Такъ, напримѣръ, Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ были разрѣшены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) о возможности образованія судебныхъ присутствій уѣзднаго съѣзда въ случаяхъ непредвидѣннаго отсутствія по законнымъ причинамъ одновременно предсѣдателя съѣзда и уѣзднаго члена окружнаго суда; 2) допустимо ли вообще, въ случаѣ избранія гминнаго судьи членомъ Государственнаго Совѣта, сохраненіе имъ должности гминнаго судьи; 3) въ правѣ ли Особое Присутствіе Правительствующаго Сената, образованное на основаніи ст. 1061^{1}—1061^{4}

Ст. 259[1] Учр. Суд. Уст., предоставляющая министру юстиціи право предлагать на разрѣшеніе Правительствующаго Сената вопросы, возбуждающіе на практикѣ сомнѣніе, находится въ связи съ 6 п. 176 ст. Учр. Мин., изд. 1892 года, по которой министры уполномочиваются толковать законъ только въ примѣненіи его къ отдѣльнымъ случаямъ управленія; „когда же предстоитъ нужда сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе, въ поясненіе или подтвержденіе существующихъ правилъ и учрежденій", то подлежащій министръ обязанъ представлять о семъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената.

Такимъ образомъ, за невозможностью обращаться по каждому сомнѣнію къ автентическому толкованію законодательныхъ учрежденій, оба закона (п. 6 ст. 176 Учр. Мин. и ст. 259[1] Учр. Суд. Уст.) устанавливаютъ путь для охраненія законности и единства въ управленіи, не выжидая конкретныхъ случаевъ нарушенія законнаго порядка.

Нельзя, конечно, понимать ст. 259[1] Учр. Суд. Уст. въ томъ смыслѣ, что отъ усмотрѣнія министра юстиціи зависитъ предлагать любой вопросъ каждому изъ департаментовъ или Общему ихъ Собранію.

Каждый департаментъ наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона (ст. 5 Учр. Суд. Уст., ст. 933 Уст. Уг. Суд., ст. 815 Уст. Гр. Суд.) въ предѣлахъ своего вѣдомства. Потому вопросы чисто гражданскіе, на основаніи ст 259[1], направляются въ Гражданскій кассаціонный департаментъ, вопросы уголовные въ Уголовный; вопросы, соприкасающіеся какъ съ гражданскимъ, такъ и съ уголовнымъ правомъ, или съ Учрежденіемъ Судебныхъ Установленій, предлагаются Общему Собранію кассаціонныхъ департаментовъ, а вопросы, соприкасающіеся съ правомъ административнымъ, въ Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ и I департамента, къ которому присоединяется и II департаментъ, если вопросъ имѣетъ отношеніе къ устройству быта крестьянъ.

Уст. Уг. Суд., за выбытіемъ изъ его состава одного изъ сенаторовъ, продолжать слушаніемъ дѣло.

Гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ разрѣшены, между прочимъ, 66 вопросовъ, возникшихъ въ практикѣ судебныхъ установленій, при примѣненіи закона 12 марта 1891 г. о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ (1898 г. № 32).

Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, — между прочимъ, вопросы о примѣненіи къ дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ п. 5 ст. 959 Уст. Уг. Суд. (1906 г. № 7).

Такимъ образомъ, Общее Собраніе департаментовъ и департаменты Правительствующаго Сената являются присутствіями, не подчиненными одни другимъ, а вполнѣ равносильными, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой кругъ вѣдомства.

Потому, какъ признано въ рѣшеніи Общаго Собранія 28 ноября 1905 года (помѣщенномъ въ Сборникѣ рѣш. Общ. Собр. касс. дѣпарт. 1913 г. № 4), вопросъ, разрѣшенный однимъ изъ кассаціонныхъ департаментовъ, не можетъ быть предложенъ Общему Собранію кассаціонныхъ департаментовъ для вторичнаго разсмотрѣнія. „Такое перенесеніе дѣлъ изъ департаментовъ Правительствующаго Сената въ Общее ихъ Собраніе имѣло бы характеръ недопускаемаго въ этихъ случаяхъ обжалованія состоявшихся въ департаментѣ рѣшеній и не согласовалось бы съ положеніемъ образованныхъ въ составѣ Правительствующаго Сената кассаціонныхъ департаментовъ его, въ качествѣ органовъ Верховнаго кассаціоннаго суда, завѣдывающаго судебною частью".

Этотъ взглядъ подтвержденъ рѣшеніями Общаго Собранія 1903 г. № 25 и 7-го октября 1913 г. № 28.

Иное значеніе имѣютъ отдѣленскія присутствія, состоящія изъ трехъ сенаторовъ, и постановляемыя ими рѣшенія (ст. 140^{1} Учр. Суд. Уст.).

Какъ изъ самаго текста ст. 916^{2} Уст. Уг. Суд. и 802^{2} Уст. Гр. Суд., такъ и изъ законодательныхъ соображеній, на которыхъ онѣ основаны, видно, что отдѣленіямъ не предоставлено „разъясненіе точнаго смысла законовъ для руководства къ единообразному ихъ истолкованію или примѣненію"; это составляетъ прерогативу присутствія департамента.

Отдѣленія разсматриваютъ лишь дѣла, разрѣшаемыя простымъ примѣненіемъ существующихъ законовъ и состоявшихся уже въ кассаціонномъ порядкѣ разъясненій.

Отдѣленія разрѣшаютъ вопросы интереса частнаго, а присутствіе департамента вопросы интереса государственнаго.

Рѣшенія отдѣленій обязательны лишь по дѣлу, по которому они состоялись.

До воспослѣдованія закона 10 іюня 1877 г. и образованія отдѣленскихъ присутствій, на основаніи первоначальной редакціи 1864 года ст. 933 Уст. Уг. Суд. и 815 Уст. Гр. Суд., публиковались всѣ опредѣленія Сената. Между тѣмъ по

измѣненной въ 1877 году редакціи означенныхъ статей обнародываются „во всеобщее свѣдѣніе, для руководства къ единообразному истолкованію законовъ и примѣненію оныхъ", лишь рѣшенія и опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ.

Установленіе неравноцѣнности отдѣленскихъ и департаментскихъ рѣшеній существенно для выясненія смысла ст. 259[1] Учр. Суд. Уст. Хотя тѣ и другія исходятъ отъ Правительствующаго Сената, но различіе ихъ авторитетности признается и самимъ Сенатомъ. Въ рѣшеніи Общаго Собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ 1903 года № 25 прямо указано, что „разъясненіе... постановленное присутствіемъ Гражданскаго кассаціоннаго департамента и опубликованное во всеобщее свѣдѣніе.... должно.... служить.... руководствомъ къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ.... до тѣхъ поръ, пока по доходящимъ до Сената дѣламъ.... не встрѣтится необходимости въ какихъ либо новыхъ по тому же предмету разъясненіяхъ, долженствующихъ, само собою разумѣется, для полученія и ими руководящаго значенія, исходить также отъ присутствія Гражданскаго кассаціоннаго департамента, а не отъ его отдѣленій".

Подлежатъ ли предложенію кассаціоннымъ департаментамъ или Общему ихъ Собранію дошедшіе до свѣдѣнія министра юстиціи вопросы, разрѣшаемые не единообразно въ разныхъ отдѣленіяхъ департамента Сената или съ отступленіемъ отъ разъясненій, преподанныхъ присутствіемъ подлежащаго департамента?

Нельзя не замѣтить, что если разъясненія присутствія департамента должны служить руководствомъ для всѣхъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ Имперіи, то они не могутъ не быть принимаемы къ руководству, прежде всего, отдѣленіями самаго департамента.

Хотя и недопустима самая мысль о принципіальномъ неподчиненіи отдѣленій разъясненіямъ закона, преподаннымъ присутствіемъ департамента, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе какого либо недоразумѣнія, возможны случаи отступленія отдѣленія отъ воззрѣній департаментскаго присутствія.

Можетъ ли, въ подобномъ случаѣ, быть предложено на обсужденіе Сената, въ порядкѣ ст. 259[1] Учр. Суд. Уст., объ усмотрѣнномъ разнорѣчіи между отдѣленскимъ и департаментскимъ рѣшеніями?

Казалось бы, что этотъ вопросъ разрѣшается отрицательно. Опредѣленіе отдѣленія, состоявшееся съ отступленіемъ отъ департаментскаго разъясненія, ни въ чемъ не ослабляетъ силы и значенія послѣдняго, какъ общеобязательнаго сужденія высшей судебной власти; кромѣ того, опредѣленіемъ отдѣленскимъ разрѣшается лишь данное дѣло. Поэтому внесеніе того же вопроса на вторичное разсмотрѣніе департамента было бы безцѣльно, предложеніе же его Общему Собранію недопустимо, такъ какъ Общее Собраніе не составляетъ инстанціи ни для отдѣленія, ни для департаментскаго присутствія.

Другое дѣло, если будутъ обнаружены выходящія изъ предоставленной имъ компетенціи и, при томъ, несогласныя между собой опредѣленія отдѣленій, разъясняющія законъ. Такія отдѣленскія опредѣленія, которымъ по закону предоставлено разрѣшеніе лишь даннаго дѣла и, при томъ, лишь на основаніи твердо установленныхъ юридическихъ нормъ, будутъ несомнѣнно свидѣтельствовать о возбужденныхъ на практикѣ сомнѣніяхъ, требующихъ авторитетнаго разрѣшенія со стороны подлежащаго кассаціоннаго департамента или, Общаго Собранія.

Такимъ образомъ, на основаніи изложеннаго, можно прійти къ слѣдующему выводу:

Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ не является повѣрочной инстанціей для разрѣшенія вопросовъ, восходившихъ на разсмотрѣніе кассаціонныхъ департаментовъ по жалобамъ и протестамъ (ст. 793 Уст. Уг. Суд.; ст. 912 Уст. Гр. Суд.) или по предложеніямъ министра юстиціи (ст. 259^1 Учр. Суд. Уст.).

Всѣ вопросы, восходящіе въ порядкѣ ст. 259^1 Учр. Суд. Уст., подлежатъ разсмотрѣнію въ кассаціонныхъ департаментахъ или въ Общемъ ихъ Собраніи въ зависимости, отъ юридическихъ нормъ, по поводу которыхъ они возникли.

Разсмотрѣнію въ этомъ порядкѣ подлежатъ вопросы неоднообразно разрѣшаемые или возбуждающіе сомнѣнія не только въ судебныхъ мѣстахъ общихъ и мировыхъ, но и въ отдѣленскихъ присутствіяхъ самого Сената.

IV. О предѣлахъ кассаціоннаго надзора.

Во главѣ стройной системы судебныхъ установленій Уставы 1864 года поставили высшій кассаціонный судъ, въ лицѣ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, возложивъ на нихъ не только кассаціонный надзоръ за законо-мѣрностью поступающихъ на его разсмотрѣніе рѣшеній судебныхъ мѣстъ, но и іерархическій надзоръ за личнымъ составомъ подчиненныхъ ему судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ (ст. 249, 250 и 265 Учр. Суд. Уст.).

Но если такая организація надзора и вполнѣ отвѣчала цѣли повѣрки законом̀ѣрности судебныхъ рѣшеній, то возложеніе на кассаціонные департаменты еще и дѣлъ судебнаго управленія, т. е. дѣлъ распорядительныхъ, съ одной стороны, обременяло ихъ дѣятельность предметами, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ прямому назначенію кассаціонныхъ департаментовъ, а съ другой стороны, лишало наблюденіе за личнымъ составомъ подчиненныхъ мѣстъ необходимаго единства и энергіи, проявлять которыя не въ состояніи многочисленный составъ надзирающей коллегіи.

По иниціативѣ самого Правительствующаго Сената [1]), за кассаціонными департаментами былъ оставленъ лишь кассаціонный надзоръ за законом̀ѣрностью судебныхъ рѣшеній, надзоръ же за личнымъ составомъ судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства былъ сосредоточенъ въ Соединенномъ Присутствіи I-го и кассаціонныхъ департаментовъ, по закону 10 іюня 1877 года.

По принципу чистой кассаціи, положенному въ основаніе нашего кассаціоннаго производства, повѣркѣ подлежатъ лишь тѣ дѣйствія суда и приведенныя въ его рѣшеніи сужденія, въ которыхъ жалобщикъ усматриваетъ нарушеніе закона и стѣсненіе его правъ (919 ст. Уст. Уг. Суд.; ст. 798 Уст. Гр. Суд.); въ случаѣ отмѣны обжалованнаго рѣшенія или приговора, Сенатъ обращаетъ дѣло къ новому разсмотрѣнію (ст. 809 Уст. Гр. Суд.; ст. 928 Уст. Уг. Суд.).

---

[1]) Опредѣленіе Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ 23 декабря 1874 года.

Обозрѣніемъ практики кассаціонныхъ департаментовъ возбуждается вопросъ, всегда ли остается самъ Правительствующій Сенатъ въ тѣсныхъ рамкахъ чисто кассаціоннаго порядка при разсмотрѣніи дѣлъ, восходящихъ на его оцѣнку? не считаетъ ли онъ себя обязаннымъ выходить изъ роли хранителя формальной законности въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда онъ усматриваетъ, что, при соблюденіи такой законности, нарушаются высшія цѣли, ради которыхъ созданъ самъ законъ, т. е. идея правосудія?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ самъ Сенатъ въ рѣшеніи Уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Ольги Палемъ (1895 г. № 17). Правительствующій Сенатъ „долженъ имѣть въ виду не только интересы сторонъ, незаконное стѣсненіе или расширеніе ихъ права, но, независимо отъ сего и прежде всего, интересы правосудія".

Такое широкое пониманіе Правительствующимъ Сенатомъ своей задачи имѣло своимъ послѣдствіемъ постепенное ограниченіе принципа чистой кассаціи, увеличивая число поводовъ для отмѣны приговоровъ по собственной иниціативѣ Сената, независимо отъ указаній и просьбы сторонъ; но, произнося свое властное слово, не стѣсняясь формальными рамками чисто кассаціоннаго начала, Правительствующій Сенатъ, въ качествѣ высшаго охранителя правосудія, тѣмъ самымъ удовлетворялъ запросы общественной совѣсти, попраніе которой иногда,—къ счастью въ случаяхъ исключительныхъ,—допускалось явно неправосудными приговорами.

Обращаясь къ разсмотрѣнію въ этомъ отношеніи дѣятельности Гражданскаго кассаціоннаго департамента, нельзя не обратить вниманія на то, что значительному расширенію предѣловъ кассаціоннаго разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ существенно препятствуютъ состязательное начало, положенное въ основаніе гражданскаго процесса, и самый характеръ большинства правъ, опредѣляемыхъ и охраняемыхъ гражданскими законами. Въ самомъ дѣлѣ, если отъ воли частнаго лица зависитъ самое обращеніе къ судебной власти для охраны или возстановленія его частнаго права, то власть, съ своей стороны, не имѣетъ и основанія превышать предѣлы требуемой защиты. Отсюда, напр., невозможность постановить рѣшеніе безъ искового прошенія или воспрещеніе гражданскому суду возбуждать

вопросъ о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались (ст. 706 Уст. Гр. Суд.). Тѣмъ не менѣе, и гражданскій процессъ имѣетъ точки соприкосновенія съ правомъ публичнымъ; въ этихъ случаяхъ и Гражданскій кассаціонный департаментъ не упускаетъ осуществлять принадлежащее ему, по статьѣ 249 и 250 Учр. Суд. Уст., право надзора и принимать мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка, хотя бы на это и не было сдѣлано указанія со стороны тяжущихся.

Поводомъ для осуществленія Сенатомъ своего кассаціоннаго надзора обыкновенно служитъ вопросъ о подвѣдомственности судебному установленію возбужденнаго въ немъ дѣла (п. 1 ст. 584 Уст. Гр. Суд.). Принципъ весьма простъ: судебнымъ установленіямъ подлежатъ лишь споры о правѣ гражданскомъ (ст. 1 Уст. Гр. Суд.), и они не въ правѣ принимать къ своему разсмотрѣнію такіе споры, разрѣшеніе которыхъ закономъ предоставлено установленіямъ правительственнымъ.

Однако, многія гражданскія права до того соприкасаются съ правомъ публичнымъ, что проведеніе между ними границы подчасъ весьма затруднительно; и должностныя лица, которымъ ввѣрена охрана государственнаго и общественнаго строя, нерѣдко дѣйствуютъ не какъ органы власти, а въ качествѣ представителей интересовъ и имущественныхъ правъ государства или общественныхъ организацій, защита каковыхъ правъ также принадлежитъ судебнымъ установленіямъ.

Потому сомнѣніе относительно подвѣдомственности спора суду можетъ возникнуть какъ у частнаго лица, отыскивающаго свое право, такъ и у правительственнаго лица, отыскивающаго или защищающаго право представляемаго имъ учрежденія.

Для разрѣшенія сомнѣнія, относится ли споръ къ порядку административнаго разрѣшенія, или же споръ подвѣдомственъ судебнымъ установленіямъ, Гражданскій кассаціонный департаментъ (1878 г. № 162) далъ слѣдующее общее разъясненіе: когда правительственное учрежденіе принимаетъ извѣстныя мѣры въ видахъ общественной пользы или безопасности, то, хотя бы этимъ и нарушались гражданскіе интересы частныхъ лицъ или обществъ, сіи послѣднія могутъ жаловаться по начальству, но не могутъ прибѣгать къ суду съ требованіемъ о защитѣ ихъ правъ.

Напротивъ, если правительственное установленіе дѣйствуетъ въ качествѣ представителя казны, защищая ея имущественные

интересы, а при этомъ нарушаетъ гражданскія права частныхъ лицъ,—всѣ возникающіе отсюда споры подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ установленій.

Но вся ясность этого теоретическаго начала не устранила необходимости, въ конкретныхъ случаяхъ, останавливаться на изслѣдованіи характера спорнаго права, для отнесенія его къ числу правъ гражданскихъ или къ области права публичнаго и для опредѣленія, въ зависимости отъ сего, подвѣдомственности даннаго спора административнымъ или судебнымъ установленіямъ.

Какъ затруднительно бываетъ провести конкретное разграниченіе между правомъ частнымъ и правомъ публичнымъ во всѣхъ многочисленныхъ точкахъ ихъ соприкосновенія, объ этомъ свидѣтельствуетъ то множество случаевъ, въ которыхъ Гражданскому кассаціонному департаменту приходилось приступать къ размежеванію этихъ двухъ областей правоотношеній.

Для того, чтобы дать хотя бы приблизительное представленіе о дѣятельности Сената въ этомъ отношеніи, приведемъ нѣсколько рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго департамента, разъясняющихъ какіе иски имѣютъ своимъ предметомъ споръ о правѣ публичномъ, вопросъ о неподвѣдомственности которыхъ можетъ быть возбужденъ во всякомъ положеніи дѣла, а слѣдовательно и въ кассаціонной инстанціи, и даже самимъ Сенатомъ.

Не подвѣдомы судебнымъ установленіямъ:

1) иски о процентахъ на капиталъ, выданный владѣльцу отчужденной отъ него подъ постройку желѣзной дороги земли, въ порядкѣ ст. 577 и слѣд. т. X ч. 1 (1913 г. № 10);

2) объ установленіи размѣра земли, необходимой подъ полотно желѣзной дороги (1873 г. № 24);

3) споры, возникающіе изъ дѣйствій по отчужденію частныхъ имуществъ подъ желѣзныя дороги (1874 г. № 279);

4) о вознагражденіи владѣльца за лишеніе его возможности эксплоатировать нѣдра земли, отобранной отъ него подъ желѣзную дорогу (1895 г. № 40);

5) требованіе полиціи объ устраненіи препятствія къ проѣзду по большой дорогѣ (1885 г. № 120);

6) о признаніи неправильнымъ распоряженія полиціи о закрытіи колодца, вырытаго истцомъ на большой дорогѣ (1878 г. № 162);

7) искъ объ убыткахъ, причиненныхъ истцу уничтоженіемъ его зданій при усмиреніи военной силой вспыхнувшаго въ данной мѣстности мятежа (1913 г. № 52);

8) о возвратѣ излишне взысканной крѣпостной пошлины (1875 г. № 276; 1878 г. № 178; Общ. Собр. 1888 г. № 26);

9) искъ секретаря городской думы (1881 г. № 148), учителя городской гимназіи (1884 г. № 21), писаря волостного суда (1910 г. № 70) о взысканіи неуплаченнаго жалованья;

10) объ исполненіи дорожной повинности (1885 г. № 120);

11) споры, возникающіе изъ приведенія въ дѣйствіе постановленій земскихъ учрежденій объ истребленіи вредныхъ и заразнобольныхъ животныхъ (Общ. Собр. 1893 г. № 34);

12) требованіе городского общественнаго управленія объ исполненіи обязательныхъ постановленій по благоустройству города (1889 г. № 80);

13) о взысканіи всякаго рода недоимокъ по установленнымъ въ пользу города сборамъ и повинностямъ (1878 г. № 128; 1881 г. № 10);

14) споры, вытекающіе изъ найма общественнымъ городскимъ управленіемъ помѣщеній для штабовъ воинскихъ управленій и заведеній и о расчетахъ съ военнымъ вѣдомствомъ по сему найму (1894 г. № 1);

15) искъ крестьянина къ сельскому обществу за устраненіе его отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ (1872 г. № 395);

16) иски сельскихъ обществъ къ бывшимъ ихъ членамъ, оставившимъ за собою надѣльную землю, объ уплатѣ мірскихъ повинностей (1907 г. № 58);

17) возникающіе въ областяхъ, управляемыхъ на основаніи положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, споры о правѣ на воду и о порядкѣ пользованія ею (Общ. Собр. 1909 г. № 13).

Этотъ, далеко не исчерпывающій перечень служитъ указаніемъ, какъ многочисленны точки соприкосновенія права гражданскаго и публичнаго. Въ случаѣ обнаруженія, что предметомъ предъявленнаго въ порядкѣ гражданскаго процесса требованія является споръ о правѣ публичномъ, Гражданскій кассаціонный департаментъ, въ силу ст. 249 и 250 Учр. Суд. Уст., выступаетъ изъ узкихъ рамокъ чисто кассаціоннаго производства и, установивъ неподвѣдомственность дѣла судебнымъ установле-

ніямъ, не возвращаетъ его въ судъ для постановленія новаго рѣшенія; отмѣнивъ рѣшеніе по нарушенію ст. 1 Уст. Гр. Суд., онъ прекращаетъ все производство по дѣлу (1913 г. № 10 и 54).

Такимъ образомъ, Гражданскій кассаціонный департаментъ, возстанавливая надлежащую подвѣдомственность, ограждаетъ сферу дѣятельности однихъ учрежденій отъ вторженія въ нее со стороны другихъ и тѣмъ осуществляетъ свое право кассаціоннаго надзора исключительно въ интересахъ закона.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ допускаемое Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ расширеніе предѣловъ кассаціоннаго разсмотрѣнія.

Если Гражданскій кассаціонный департаментъ расширяетъ свои чисто кассаціонные функціи лишь возбужденіемъ вопроса о закономѣрности рѣшенія, въ смыслѣ подвѣдомственности дѣла судебной власти вообще,—Уголовный кассаціонный департаментъ не ограничивается вопросомъ о закономѣрности (въ этомъ смыслѣ) приговора, но, въ иныхъ случаяхъ, возбуждаетъ вопросъ и о его справедливости. Но болѣе того: Уголовный кассаціонный департаментъ включилъ въ предѣлы кассаціонной повѣрки самую постановку судебнаго преслѣдованія, начиная съ предварительнаго слѣдствія, т. е. всѣ моменты движенія уголовнаго процесса.

Расширивъ, такимъ образомъ, узкія рамки кассаціоннаго надзора, допускаемаго по ст. 919 и 920 Уст. Уг. Суд. только въ предѣлахъ жалобы или протеста, то есть, исключительно въ отношеніи лица, подавшаго жалобу, и тѣхъ нарушеній, которыя имъ указаны, объединительная и руководящая дѣятельность Уголовнаго кассаціоннаго департамента содѣйствовала развитію чувства законности и укрѣпленію правового порядка.

Въ слѣдующихъ случаяхъ Уголовный кассаціонный департаментъ признавалъ необходимымъ проявлять свое право надзора и отмѣнялъ приговоры помимо жалобъ сторонъ:

1) въ случаѣ нарушенія судомъ предѣловъ вѣдомства постановленіемъ приговора по дѣлу, ему не подсудному (1875 г. № 342; 1897 г. № 47); потому не можетъ вступить въ законную силу приговоръ волостного суда, постановленный по неподсудному дѣлу (1873 г. № 209) или приговоръ, постановленный мировымъ установленіемъ по дѣлу, подсудному общему суду (1869 г.

№ 608 и друг.); такіе приговоры не пріостанавливаютъ преданія по тому же дѣлу обвиняемаго подлежащему суду (1867 г. № 397 и др.).

Приговоры, постановленные съ существеннымъ нарушеніемъ порядка подсудности, могутъ быть и внѣ срока обжалованы публичною властью, на которой лежитъ охраненіе публичнаго интереса въ этомъ отношеніи. Такъ, напр., прокурорскій надзоръ можетъ войти съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ приговора на этомъ основаніи (Угол. касс. д-та 1872 г. № 1335; 1880 г. № 7).

2) Не только публичный интересъ, но и соображенія справедливости служили основаніемъ для расширенія предѣловъ чисто кассаціоннаго разсмотрѣнія. Такъ, по дѣлу Лихоманова и др. (1895 г. № 34) Уголовный кассаціонный департаментъ призналъ, что „Сенатъ, какъ хранитель законовъ (ст. 2 Учр. Сената) Имперіи и какъ верховный судъ, наблюдающій за точнымъ примѣненіемъ закона и за повсемѣстнымъ соблюденіемъ правосудія, не можетъ допустить, чтобы кто-либо понесъ уголовную отвѣтственность за такое дѣяніе, которое не воспрещено закономъ, хотя бы осужденный, по недостаточному разумѣнію своихъ правъ, и не принесъ жалобы на неправильное примѣненіе къ нему наказанія". Потому, не усмотрѣвъ въ дѣяніи, за которое были осуждены подсудимые, признаковъ преступленія, Сенатъ отмѣнилъ приговоръ суда и относительно подсудимаго Василія Тихомирова, не обжаловавшаго приговора (тоже въ 1902 г. № 3 и др.).

Основаніемъ для отмѣны приговора, помимо жалобы, служитъ и назначеніе осужденному наказанія, смягченнаго послѣдующимъ закономъ (1872 г. № 903), или наказанія, не соотвѣтствующаго правамъ его состоянія, напр., въ виду принадлежности его къ сословіямъ, изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній (1870 г. № 478), или состояніе осужденнаго на военной службѣ (1871 г. № 629).

Руководящія соображенія были приведены Правительствующимъ Сенатомъ по Общему Собранію кассаціонныхъ и I-го департаментовъ (1866 г. № 94) по слѣдующему случаю: вступившимъ въ законную силу приговоромъ мирового судьи былъ приговоренъ къ аресту на гауптвахтѣ маіоръ N. за оскорбленіе женщины. При обращеніи этого приговора къ исполненію, военное начальство обратило вниманіе на нарушеніе мировымъ судьей ст. 219 Уст. Уг. Суд. и, на основаніи ст. 237 Уст. Уг. Суд., возбудило пререканіе о подсудности.

Особенность этого случая заключалась въ томъ, что постановленный мировымъ судьей приговоръ, который ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежалъ непосредственному обсужденію Сената, могъ быть отмѣненъ лишь мировымъ съѣздомъ, какъ непосредственною надъ мировымъ судьею инстанціею. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какимъ порядкомъ мировой съѣздъ можетъ вступить въ разсмотрѣніе дѣла?

Въ настоящемъ случаѣ о возстановленіи надлежащей подсудности просила неучаствовавшая въ дѣлѣ третья сторона—военное начальство, признававшее, что съ нарушеніемъ подсудности сопряжены интересы военной службы.

Правительствующій Сенатъ нашелъ, „что въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства, какъ опредѣляющемъ, главнымъ образомъ, порядокъ личной уголовной отвѣтственности, нѣтъ особыхъ указаній на счетъ права вступленія третьяго лица въ дѣло, хотя и не можетъ подлежать сомнѣнію, что такое лицо не можетъ быть лишено этого права, какъ въ случаѣ нарушенія его имущественнаго интереса, такъ и въ случаѣ, подобномъ настоящему, когда представитель какого-либо вѣдомства защищаетъ публичный интересъ.

..... Въ послѣднемъ случаѣ возстановленіе нарушеннаго публичнаго интереса принадлежитъ столько же уголовному, какъ и гражданскому суду, ибо охраненіе этого интереса лежитъ на непосредственной обязанности каждаго судебнаго установленія, какъ органа правительственной власти, и нарушеніе его не совмѣстно съ дѣйствительностью приговора или рѣшенія. Поэтому приговоръ, нарушающій публичный интересъ, подлежитъ отмѣнѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда нарушеніе это не было въ виду при производствѣ дѣла, лишь бы требованіе объ отмѣнѣ такого приговора было предъявлено въ установленномъ порядкѣ судебныхъ инстанцій“.

Находя, „что въ этомъ случаѣ можетъ и должно имѣть мѣсто то же правило, какое постановлено для отмѣны окончательныхъ приговоровъ, а именно, что, при обращеніи Сенатомъ дѣла къ новому разсмотрѣнію, судъ, въ который дѣло обращено, обязанъ, въ изъясненіе точнаго разума закона, подчиниться сужденіямъ Сената“—Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: поставивъ эти соображенія въ виду съѣзда, предписать

съѣзду приступить къ пересмотру дѣла на вышеизложенномъ основаніи.

3) Въ дѣлахъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей основаніемъ для отмѣны приговора по собственной иниціативѣ Сената признается настолько неправильная, неполная или неопредѣлительная постановка вопросовъ, что послѣдствіемъ сего явился такой же неправильный, неполный и неопредѣлительный отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей (1884 г. № 14), который лишаетъ возможности постановить приговоръ о наказаніи.

Примѣромъ такой неправильной постановки вопросовъ является пропускъ одного изъ существенныхъ признаковъ состава преступленія (1870 г. № 761) или выдѣленіе вопроса о событіи преступленія, при неимѣніи въ виду законной причины, по которой содѣянное не должно быть вмѣнено ему въ вину (1884 г. № 13 и 14).

4) По общему правилу, состоявшіяся въ порядкѣ ст. 529^{1} Уст. Уг. Суд. опредѣленія судебной палаты о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, но въ порядкѣ надзора, и они подлежатъ контролю Уголовнаго кассаціоннаго департамента, если они не соотвѣтствуютъ законнымъ условіямъ, требуемымъ отъ опредѣленія суда (1893 г. № 38; 1888 г. № 15).

5) По вопросу о предѣлахъ кассаціоннаго разсмотрѣнія обращаетъ на себя особенное вниманіе рѣшеніе 1895 г. № 17, по дѣлу Ольги Палемъ. Тогда какъ въ другихъ случаяхъ Сенатъ исподволь распространялъ свой контроль на отдѣльныя судебныя дѣйствія или на отдѣльныя обстоятельства, могущія имѣть вліяніе на окончательный исходъ процесса,—въ рѣшеніи по дѣлу Палемъ онъ призналъ подлежащею своей повѣркѣ всю совокупность судебныхъ дѣйствій и установленныхъ ими обстоятельствъ, съ цѣлью оцѣнки соотвѣтствія всего этого матеріала „основной цѣли правосудія: служить охраною общественнаго порядка и спокойствія и интересовъ гражданъ“.

„Не признавая указываемаго въ жалобѣ нарушенія ст. 534 Уст. Уг. Суд., Правительствующій Сенатъ, въ качествѣ верховнаго суда Имперіи, имѣющаго надзоръ за правильнымъ отправленіемъ правосудія всѣми судебными установленіями, считаетъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе затронутаго жалобою общаго вопроса о предѣлахъ судебнаго изслѣдованія дѣла“.

Подробно развивъ общее начало, что, какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ и во время преданія суду и слѣдствія судебнаго, уголовное производство должно ограничиваться изслѣдованіемъ преступнаго дѣянія, безъ включенія обстоятельствъ, не имѣющихъ отношенія къ преступной дѣятельности лица, но не указывая, въ чемъ именно усматривается въ дѣлѣ Палемъ отступленіе отъ изложеннаго общаго начала, Сенатъ отмѣнилъ какъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ суда, такъ и самое опредѣленіе судебной палаты о преданіи Ольги Палемъ суду, за нарушеніемъ 549 и 534 ст. Уст. Уг. Суд.

Затѣмъ, въ другомъ рѣшеніи, по дѣлу Василія Прасолова (1913 г. № 9), Уголовный кассаціонный департаментъ, ссылаясь на соображенія, изложенныя въ рѣшеніи по дѣлу Палемъ, по праву надзора (ст. 249 и 250 Учр. Суд. Уст.), также отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, приговоръ суда и опредѣленіе судебной палаты о преданіи Прасолова суду, находя, что самый обвинительный актъ заключаетъ въ себѣ изложеніе такихъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу, обстоятельствъ, изслѣдованіе которыхъ на судѣ не только связано съ посягательствомъ на честь и доброе имя участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, но и влечетъ за собою извращеніе правильнаго хода судебнаго процесса.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отмѣненные Правительствующимъ Сенатомъ приговоры по дѣламъ Палемъ и Прасолова глубоко возмутили общественное мнѣніе; они заставили усомниться въ пригодности, для цѣлей правосудія, нашего уголовнаго процесса, въ особенности же института присяжныхъ засѣдателей, закономѣрностью функцій которыхъ обусловлено царство правды и милости въ судахъ.

Могъ ли Правительствующій Сенатъ, въ виду явнаго отступленія всего производства отъ его единственной задачи—изслѣдованія судимаго дѣянія—не воспользоваться всей полнотой принадлежащаго ему права надзора и не выйти въ данныхъ случаяхъ изъ узкихъ рамокъ чисто кассаціоннаго процесса?

Опорочивъ все судебное производство, по несоотвѣтствію его конкретной цѣли даннаго дѣла, не постановилъ ли Правительствующій Сенатъ тѣмъ самымъ приговоръ надъ самимъ принципомъ кассаціоннаго разсмотрѣнія?

Казалось бы, что на эти вопросы можетъ послѣдовать отвѣтъ лишь отрицательный.

Главная задача кассаціоннаго суда состоитъ въ установленіи правильнаго толкованія и примѣненія закона; кассаціонный судъ учрежденъ болѣе въ интересахъ государственныхъ, а не частныхъ. Съ этой точки зрѣнія, кассаціонный судъ не выйдетъ изъ предѣловъ своего назначенія, если, усмотрѣвъ нарушеніе закона, отмѣнитъ рѣшеніе, не стѣсняясь отсутствіемъ указанія сторонъ. Начало, принятое у насъ въ видѣ общаго правила, что кассаціонный судъ провѣряетъ законномѣрность рѣшенія или приговора лишь въ предѣлахъ жалобы сторонъ, вполнѣ оправдывается соображеніями практическими, такъ какъ сторона, считающая себя обиженною неправильнымъ толкованіемъ закона, несомнѣнно приложитъ болѣе энергіи, чѣмъ кто-либо, въ стараніи возстановить истинный его смыслъ; но возстановленіе дѣйствительнаго смысла закона по иниціативѣ самого кассаціоннаго суда, въ случаяхъ ставшихъ ему извѣстными нарушеній, не противорѣчитъ его теоретической задачѣ.

Осуществляя, въ исключительныхъ случаяхъ, во имя высшихъ интересовъ общественныхъ, свое право надзора за отправленіемъ правосудія, принадлежащее ему (1 п. 249 ст. Учр. Суд. Уст.), независимо отъ власти кассаціонной, Правительствующій Сенатъ поднялся на ту высоту, на которой долженъ стоять высшій судъ Имперіи, призванный давать общія руководящія указанія подчиненнымъ ему судебнымъ мѣстамъ и лицамъ въ случаяхъ, когда въ ихъ дѣятельности усматриваются столь неправильные пріемы, которые, при ихъ укорененіи, грозятъ отклонить судебное производство отъ цѣли, предначертанной закономъ. Такое осуществленіе Правительствующимъ Сенатомъ своего права надзора не является указаніемъ на непригодность кассаціоннаго начала вообще; оно служитъ лишь напоминаніемъ для ближайшихъ руководителей отдѣльными фазами уголовнаго процесса о необходимости всегда имѣть въ виду конечную его цѣль, могущую быть достигнутою лишь при вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу и при сознательномъ совмѣстномъ служеніи всѣхъ органовъ суда конечной цѣли всякаго судебнаго производства, т. е. нелицепріятному правосудію; а не лицепріятно лишь такое правосудіе, которымъ равномѣрно ограждаются интересы обвиняемаго и потерпѣвшаго, будетъ-ли потерпѣвшимъ лицо физическое, порядокъ государственный или общественный.

V. Оберъ-прокуратура.

Скудныя указанія закона на участіе оберъ-прокуратуры въ производствѣ дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ совершенно не соотвѣтствуютъ тому значенію, которое ей присвоила дѣйствительность.

Эти указанія закона сводятся, въ сущности, къ тому, что оберъ-прокурору подчиняется канцелярія департамента (ст. 254 Учр. Пр. Сената), при которомъ онъ состоитъ; по дѣламъ же, разрѣшаемымъ Правительствующимъ Сенатомъ въ качествѣ первой инстанціи или въ порядкѣ апелляціонномъ, а также въ порядкѣ кассаціонномъ или въ порядкѣ надзора, роль оберъ-прокурора ограничивается предъявленіемъ заключенія, и при томъ устнаго (ст. 804 Уст. Гр. Суд. и 921 ст. Уст. Уг. Суд.).

Но прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, въ интересахъ болѣе основательной разработки вопросовъ, практика указала на необходимость предъявленія оберъ-прокуратурой, наряду съ устными заключеніями, еще и заключеній на письмѣ.

Конечно, въ тѣхъ формахъ процесса, въ которыхъ допускается участіе сторонъ, до слушанія дѣла нельзя предусмотрѣть, а, слѣдовательно, и обсудить всѣ соображенія, могущія имѣть значеніе для дѣла; при такихъ условіяхъ возможны лишь устныя заключенія.

Поэтому одни только устныя заключенія предъявляются въ тѣхъ формахъ производства, въ которыхъ Сенатъ является судомъ первой степени или апелляціонной инстанціей, т. е. въ дѣлахъ объ убыткахъ, причиненныхъ должностными лицами (3 п. 1317—1325, 1327 ст. Уст. Гр. Суд.); въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ (ст. 1061^1 Уст. Уг. Суд.) и въ дѣлахъ о преступленіяхъдолжности (ст. 1105 Уст. Уг. Суд.).

Кромѣ того, предъявляется одно лишь устное заключеніе въ Высшемъ Дисциплинарномъ Присутствіи (ст. 119^4 Учр. Суд. Уст.) и въ Общемъ Собраніи кассаціонныхъ департаментовъ при разрѣшеніи вопросовъ по пререканіямъ о подсудности между судебными и правительственными властями (ст. 245 Уст. Уг. Суд.; ст. 244 Уст. Гр. Суд.).

Но всѣ вышеприведенныя категоріи дѣлъ весьма не многочисленны; такъ, напр., въ 1913 году дѣлъ по 3 п. 1317 ст. Уст. Гр. Суд. производилось 12; дѣлъ по 1061¹ ст. Уст. Уг. Суд. 0; дѣлъ по 1105 ст. Уст. Угол. Суд.— 152; въ Общемъ Собраніи дѣлъ всѣхъ означенныхъ категорій было—1; дѣлъ въ Высшемъ Дисциплинарномъ Присутствіи 26; въ Общемъ Собраніи кассаціонныхъ департаментовъ дѣлъ о прекаціяхъ 8.

Такимъ образомъ оказывается, что изъ общаго числа 29.659 дѣлъ, разрѣшенныхъ въ 1913 году обоими кассаціонными департаментами и другими особо образованными присутствіями Правительствующаго Сената, только по 199 дѣламъ предъявлялись одни лишь устныя заключенія; а по остальнымъ 29.460 дѣламъ давались письменныя заключенія, которыя при слушаніи дѣла дополнялись устными.

Остановимся прежде всего на дѣятельности оберъ-прокурорскаго надзора Гражданскаго кассаціоннаго департамента; здѣсь обращаетъ на себя вниманіе спеціализація занятій, которая въ оберъ-прокуратурѣ проведена гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ среди сенаторовъ.

Изъ дѣлъ, поступающихъ на разсмотрѣніе Гражданскаго кассаціоннаго департамента, выдѣляются въ особыя группы, въ виду дѣйствія мѣстныхъ законовъ, дѣла по Варшавскому судебному округу и дѣла губерній Прибалтійскихъ; въ 1913 году поступило: первыхъ 2.063 дѣла и вторыхъ 1.008 дѣлъ.

Всѣ остальныя дѣла (въ 1913 году было 12.747) принято называть дѣлами общими. Но и эти дѣла раздѣляются на группы, изъ которыхъ главными являются дѣла желѣзнодорожныя (въ 1913 году было 5.396 дѣлъ), дѣла страховыя (въ 1913 году было 78 дѣлъ), дѣла межевыя (въ 1913 году было 120 дѣлъ).

Ко всѣмъ вышеприведеннымъ категоріямъ дѣлъ пріурочивается извѣстное число товарищей оберъ-прокурора, которые, такимъ образомъ, спеціализируются по извѣстнымъ законодательствамъ или по отдѣльнымъ отраслямъ права. Такая спеціализація идетъ, можетъ быть, въ ущербъ широтѣ, но, съ другой стороны, способствуетъ глубинѣ эрудиціи; она даетъ оберъ-прокуратурѣ возможность изготовлять заключенія, которыя, во многихъ случаяхъ, представляютъ цѣнныя юридическія изслѣдованія.

По закону 30 іюня 1913 года, одновременно съ увеличеніемъ числа сенаторовъ увеличенъ и составъ оберъ-прокуратуры; такимъ образомъ, въ настоящее время штатъ Гражданскаго кассаціоннаго департамента образуютъ 23 товарища оберъ-прокурора. Изъ нихъ, начиная съ 1914 года, пріурочены къ дѣламъ губерній Царства Польскаго 3, къ дѣламъ прибалтійскимъ 1, къ дѣламъ желѣзнодорожнымъ 7, къ дѣламъ страховымъ 1, къ дѣламъ межевымъ 1.

Заготовленныя письменныя заключенія разсылаются сенаторамъ-докладчикамъ за 2 недѣли до засѣданія; если сенаторъ-докладчикъ согласенъ съ заключеніемъ, то оно, по принятіи его присутствіемъ, обращается въ опредѣленіе; въ случаѣ несогласія сенаторъ-докладчикъ составляетъ свой контръ-проектъ опредѣленія и докладываетъ присутствію оба проекта.

Такимъ образомъ, оберъ-прокуратура является дѣятельною пособницею сенаторовъ, которые, говоря вообще, будучи по нѣсколько разъ въ недѣлю отвлечены участіемъ въ различныхъ присутствіяхъ, безъ такой помощи физически были бы лишены возможности одолѣть всю тяжесть лежащей на нихъ работы. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что заготовленные въ видѣ заключенія проекты опредѣленій не въ равномъ количествѣ доставляются всѣмъ сенаторамъ, такъ какъ многіе сенаторы сами подготовляютъ половину дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію. Заготовленный самимъ сенаторомъ-докладчикомъ проектъ опредѣленія посылается заблаговременно на заключеніе товарища оберъ-прокурора. Такимъ образомъ установилось дѣйствительное и плодотворное сотрудничество сенаторовъ и оберъ-прокуратуры.

Особаго вниманія заслуживаетъ тщательная разработка заключеній, которыя даются по вопросамъ, перенесеннымъ изъ отдѣленій на разрѣшеніе присутствій департамента.

По этимъ дѣламъ, называемымъ департаментскими, заключенія не только печатаются и разсылаются всѣмъ сенаторамъ департамента, но они подвергаются еще особому предварительному обсужденію со стороны оберъ-прокуратуры, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора; нерѣдко въ этихъ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе и сенаторы.

Въ 1913 году присутствіемъ департамента разрѣшено 163 дѣла.

При такомъ отношеніи оберъ-прокуратуры къ своимъ обязанностямъ не удивительно, что къ ея мнѣнію сенаторы отно-

сятся внимательно, а въ глазахъ публики она пользуется большимъ авторитетомъ.

Роль оберъ-прокурора не ограничивается управленіемъ канцеляріей и общимъ руководствомъ своими товарищами.

Въ виду особой важности, которую имѣютъ соображенія, оправдывающія окончательный выводъ по гражданскимъ дѣламъ, на оберъ-прокурорѣ, по издавна установившемуся обычаю, лежитъ совмѣстный съ первоприсутствующимъ просмотръ проектовъ рѣшеній, излагаемыхъ сенаторами по департаментскимъ дѣламъ. Хотя оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ и не присвоено права пропуска сенатскихъ рѣшеній, но обнаруженіе очевидной ошибочности въ приведенныхъ сенаторомъ-докладчикомъ соображеніяхъ имѣетъ (опять таки по установившемуся въ Гражд. касс. д-тѣ обычаю) то послѣдствіе, что такой проектъ рѣшенія исправляется по соглашенію съ сенаторомъ-докладчикомъ.

Дѣятельное участіе принимаетъ оберъ-прокуроръ совмѣстно съ его товарищами, дающими заключеніе по дѣлу, въ сенатскихъ совѣщательныхъ засѣданіяхъ, предшествующихъ каждому департаментскому судебному засѣданію.

Въ этихъ засѣданіяхъ разрѣшается не дѣло, а возникающій по дѣлу юридическій вопросъ, требующій новаго разъясненія закона.

Эти засѣданія закономъ не установлены, а выработаны обычаемъ и необходимостью въ нестѣсненной формами бесѣдѣ всѣхъ сенаторовъ (а не только семи, образующихъ судебное присутствіе департамента), съ общаго, по возможности, согласія, установить то юридическое начало, которое должно быть положено въ основаніе при разрѣшеніи дѣла въ судебномъ присутствіи. Формулировка выработанныхъ такимъ образомъ юридическихъ тезисовъ производится совмѣстно оберъ-прокуроромъ и первоприсутствующимъ.

На основаніи ст. 259[1] Учр. Суд. Уст., министру юстиціи предоставлено право предлагать Правительствующему Сенату о доходящихъ до его свѣдѣнія вопросахъ, разрѣшаемыхъ не единообразно въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ или же возбуждающихъ на практикѣ сомнѣніе; эти вопросы поступаютъ на разрѣшеніе Гражданскаго или Уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ, а преимущественно на разрѣшеніе Общаго Собранія либо однихъ

кассаціонныхъ департаментовъ, либо съ присоединеніемъ къ нимъ I или II департаментовъ.

На оберъ-прокурорѣ лежитъ весьма серьезная обязанность разработки предложенныхъ вопросовъ и предъявленія по нимъ заключенія.

По установившемуся обычаю, сложившемуся въ виду невозможности устно ознакомить многочисленный составъ присутствія со всѣми, иногда весьма сложными, юридическими соображеніями, оправдывающими выводы,—заключенія по вопросамъ, предлагаемымъ по 259[1] ст. Учр. Суд. Уст., даются на письмѣ; въ случаѣ надобности, они пополняются устно въ засѣданіи.

Въ такомъ видѣ представляется дѣятельность оберъ-прокуратуры Гражданскаго кассаціоннаго департамента въ дѣйствительности, о которой не даютъ представленія лаконичныя указанія закона.

Приведенныя общія положенія относительно значенія оберъ-прокуратуры въ производствѣ Гражданскаго кассаціоннаго департамента могутъ быть, въ значительной мѣрѣ, распространены и на ту степень участія, которую лица оберъ-прокурорскаго надзора принимаютъ въ дѣлахъ Уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

И здѣсь возрастающія требованія дѣйствительности не могли не оказать своего вліянія на дѣятельность оберъ-прокуратуры, очерченной лишь немногими, какъ сказано выше, статьями закона.

Установившееся съ теченіемъ времени распредѣленіе товарищей оберъ-прокурора по отдѣленіямъ естественнымъ образомъ вызвало ихъ спеціализацію, сообразно съ предметами вѣдомства тѣхъ отдѣленій департамента, при которыхъ они состоятъ.

Установленное 921 ст. Уст. Уг. Суд. заключеніе лица оберъ-прокурорскаго надзора предъявляется въ судебныхъ засѣданіяхъ Уголовнаго кассаціоннаго департамента и его отдѣленій (ст. 925[1] Уст. Уг. Суд.) въ устной формѣ.

Однако, такому устному изложенію заключенія по каждому дѣлу въ судебномъ засѣданіи обыкновенно предшествуетъ рядъ подготовительныхъ письменныхъ работъ, слѣды которыхъ остаются въ подлинныхъ производствахъ дѣлъ департамента.

Въ бытность А. Ѳ. Кони оберъ-прокуроромъ Уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената (1885—1891 г.г.), для облегченія взаимоотношеній между оберъ-прокуроромъ и его товарищами, къ дѣламъ стали подшиваться особые листы, на которыхъ лица оберъ-прокурорскаго надзора наносятъ, самымъ краткимъ образомъ, замѣтки о предполагаемомъ направленіи дѣла и о возникающихъ въ немъ юридическихъ вопросахъ.

Первоначально эта мѣра, дававшая оберъ-прокурору возможность не прибѣгать къ постояннымъ личнымъ объясненіямъ со своими товарищами и являвшаяся для него весьма удобнымъ способомъ имѣть дѣйствительный надзоръ за ихъ дѣятельностью, была, однако, встрѣчена нѣкоторыми сенаторами далеко не сочувственно.

Усматривая въ этихъ замѣткахъ попытку внушить имъ извѣстный взглядъ на дѣло до основательнаго изученія его докладчикомъ, нѣкоторые сенаторы требовали присылки имъ дѣлъ безъ подобныхъ замѣтокъ лицъ оберъ-прокурорскаго надзора.

Тѣмъ не менѣе, цѣлесообразность такого рода предварительныхъ заключеній, въ письменной формѣ, стала очевидной, такъ какъ это содѣйствіе оберъ-прокуратуры значительно облегчало лежащій на сенаторахъ непосильный трудъ.

Въ настоящее время эти письменныя замѣтки излагаются съ болѣе или менѣе подробнымъ приведеніемъ въ нихъ основаній къ тому или иному разрѣшенію жалобъ или протестовъ, которыя и имѣются въ виду какъ при составленіи проекта резолюціи сенаторомъ-докладчикомъ, такъ и при разрѣшеніи дѣла въ судебномъ засѣданіи отдѣленія.

Этотъ порядокъ составленія резолюцій установленъ практикой для дѣлъ, подлежащихъ докладу въ отдѣленіяхъ, и лишь немного отличается отъ того, который соблюдается по дѣламъ, подлежащимъ разрѣшенію въ присутствіяхъ департаментскихъ.

Въ послѣднемъ случаѣ заключенія оберъ-прокуратуры обыкновенно печатаются и разсылаются сенаторамъ, входящимъ въ составъ присутствія департаментскаго засѣданія; затѣмъ въ судебномъ засѣданіи эти заключенія предъявляются устно.

Въ отличіе отъ порядка, установившагося въ Гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ, въ Уголовномъ не имѣется совѣщательныхъ засѣданій по дѣламъ, передаваемымъ изъ отдѣленій на разрѣшеніе присутствія департамента.

Въ 1913 году въ Уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ всего было разсмотрѣно 13.823 дѣла.

Изъ числа этихъ 13.823 дѣлъ—14 дѣлъ были разрѣшены въ департаментскихъ засѣданіяхъ, въ отдѣленіяхъ—6.527 дѣлъ и 7.282 дѣла въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, по журналу, въ порядкѣ 916[1] ст. Уст. Уг. Суд.

По этой послѣдней многочисленной категоріи дѣлъ постановлены краткія, немотивированныя резолюціи объ оставленіи жалобъ безъ разсмотрѣнія, за силою 916[1] ст. Уст. Уг. Суд., или о передачѣ дѣла въ судебное засѣданіе.

Въ означенныхъ распорядительныхъ засѣданіяхъ участвуютъ: первоприсутствующій, не менѣе семи сенаторовъ и оберъ-прокуроръ.

На основаніи закона 30 іюня 1913 г. штатъ товарищей оберъ-прокурора Уголовнаго кассаціоннаго департамента увеличенъ до 13 лицъ.

При Соединенномъ Присутствіи I и кассаціонныхъ департаментовъ состоитъ особый оберъ-прокуроръ съ двумя товарищами. На нихъ лежитъ предъявленіе заключеній какъ въ этомъ присутствіи, въ Общихъ Собраніяхъ Правительствующаго Сената, въ Высшемъ Дисциплинарномъ Присутствіи, такъ и въ Соединенномъ Присутствіи I и Гражданскаго или Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, образуемыхъ по ст. 119[5] Учр. Суд. Уст., для пересмотра судебныхъ рѣшеній губернскихъ присутствій.

О порядкѣ предъявленія заключеній въ Общихъ Собраніяхъ и въ Высшемъ Дисциплинарномъ Присутствіи было упомянуто выше; въ остальныхъ присутствіяхъ, въ цѣляхъ облегченія сенаторовъ, заключенія, по установившемуся обычаю, излагаются на письмѣ и, въ случаѣ надобности, дополняются устно.

Въ Соединенномъ Присутствіи I и кассаціонныхъ департаментовъ было въ 1913 году предъявлено 1.319 заключеній; въ Общемъ Собраніи 74; въ Высшемъ Дисциплинарномъ Присутствіи 26; въ Соединенномъ Присутствіи I и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ 210; въ Соединенномъ Присутствіи I и Гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ 255.

По мѣрѣ введенія въ дѣйствіе закона 15 іюня 1912 года о мѣстномъ судѣ и упраздненія, тѣмъ самымъ, Соединенныхъ Присутствій I и Уголовнаго или Гражданскаго кассаціонныхъ департаментовъ, на разсмотрѣніе которыхъ нынѣ восходятъ дѣла

объ усмотрѣнныхъ министромъ юстиціи нарушеніяхъ закона губернскими присутствіями (прим. къ 123 ст. Пол. объ устан., зав. крест. дѣл.)—ожидается нѣкоторое сокращеніе дѣятельности оберъ-прокуратуры; но повсемѣстное введеніе въ дѣйствіе закона 15 іюня 1912 года, съ другой стороны, несомнѣнно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ значительное обремененіе оберъ-прокуратуры по Высшему Дисциплинарному Присутствію, въ особенности же по Соединенному Присутствію I и кассаціонныхъ департаментовъ, надзору котораго будутъ подлежать вновь учреждаемыя должности мировыхъ судей и мировые съѣзды.

Заключая этотъ очеркъ, замѣтимъ, что оберъ-прокуратура принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ учрежденій Судебныхъ Уставовъ, хотя и наименѣе ими регламентированныхъ; состоя въ непосредственномъ подчиненіи министру юстиціи, въ качествѣ генералъ-прокурора, оберъ-прокуратура является звеномъ, соединяющимъ Правительствующій Сенатъ съ центральнымъ управленіемъ судебною частью; подвергая каждое дѣло, поступающее на разсмотрѣніе Сената, самостоятельной разработкѣ, оберъ-прокуратура способствуетъ возможно всестороннему освѣщенію вопросовъ, разрѣшаемыхъ Правительствующимъ Сенатомъ.

Н. Рейнке.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

НАИМЕНОВАНІЕ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ И ПРИСУТСТВІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.	1900 г.								1901 г.								1902 г.							
	Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.	
	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.
Гражданскій кассаціонный департаментъ . . .	114	189	9944	9560	7461	12043	1641	5263	127	236	12043	9778	9545	12276	2158	6582	109	291	12276	9789	11069	10996	3254	7104
Уголовный кассаціонный департаментъ	84	165	1658	9113	9259	1512	2685	5250	68	162	1512	8917	8890	1539	2127	4339	71	162	1539	9219	8656	2102	2656	4753
Соединенное Присутствіе Гражданскаго кассаціоннаго и Перваго департаментовъ, образованное на основаніи 1322 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства.	—	1	24	17	15	26	—	—	—	1	26	17	13	30	—	—	—	2	30	10	30	10	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	5	5	11	198	194	15	—	—	7	6	15	192	192	15	—	—	5	6	15	186	195	6	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	4	—	49	106	111	44	—	—	3	—	44	94	137	1	—	—	2	—	1	98	92	7	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и кассаціонныхъ департаментовъ	32	—	150	497	511	136	—	—	31	—	127	464	419	172	—	—	31	—	172	501	510	163	—	—
Высшее Дисциплинарное Присутствіе	3	3	4	9	10	3	—	—	3	4	3	11	10	4	—	—	5	6	4	12	12	4	—	—
Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ	25	7	39	62	70	31	—	—	17	6	31	57	53	35	—	—	25	6	35	78	70	43	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ И ПРИСУТСТВІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.	1903 г.								1904 г.								1905 г.							
	Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.	
	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.
Гражданскій кассаціонный департаментъ . . .	93	308	10996	9499	11498	8997	3094	7697	108	273	8997	9187	10879	7305	2486	7782	85	266	7305	8585	10276	5614	2599	6933
Уголовный кассаціонный департаментъ	79	153	2102	9384	9902	1584	2963	5583	68	154	1584	8500	9185	899	2692	5135	74	147	899	7311	7036	1174	2419	3444
Соединенное Присутствіе Гражданскаго кассаціоннаго и Перваго департаментовъ, образованное на основаніи 1322 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства.	—	1	10	26	11	25	—	—	—	2	25	9	13	21	—	—	—	2	21	84	18	87	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	7	8	6	199	197	8	—	—	7	4	8	167	171	4	—	—	4	3	4	148	141	11	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	4	—	7	94	98	3	—	—	4	—	3	92	92	3	—	—	3	—	3	142	143	2	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Кассаціонныхъ департаментовъ.	30	—	163	535	496	202	—	—	32	—	202	467	507	162	—	—	32	—	162	497	439	220	—	—
Высшее Дисциплинарное Присутствіе	4	3	4	7	8	3	—	—	2	3	3	11	12	2	—	—	2	1	2	9	10	1	—	—
Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ.	23	6	43	91	92	42	—	—	22	7	42	76	76	42	—	—	24	7	42	86	88	40	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ И ПРИСУТСТВІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.	1906 г.								1907 г.								1908 г.							
	Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.	
	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.
Гражданскій кассаціонный департаментъ . . .	130	255	5614	8710	10240	4084	2618	7032	130	257	4084	10980	10668	4396	2628	7649	117	263	4396	11046	9684	5758	3899	5246
Уголовный кассаціонный департаментъ	61	155	1174	8151	8542	783	3133	4250	46	174	783	9608	9818	573	4492	4443	37	175	573	10486	10497	562	4140	4383
Соединенное Присутствіе Гражданскаго кассаціоннаго и Перваго департаментовъ, образованное на основаніи 1322 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства	—	2	87	36	61	62	—	—	—	2	62	29	26	65	—	—	—	2	65	16	64	17	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	6	3	11	168	167	12	—	—	3	5	12	163	161	14	—	—	5	3	14	158	162	10	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	2	—	2	143	132	13	—	—	4	—	13	125	129	9	—	—	2	—	9	104	113	—	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и кассаціонныхъ департаментовъ	36	—	220	498	485	233	—	—	35	—	233	610	566	277	—	—	33	—	277	607	627	257	—	—
Высшее Дисциплинарное Присутствіе	10	5	1	46	34	13	—	—	11	6	13	32	39	6	—	—	7	3	6	28	26	8	—	—
Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ	28	5	40	82	70	52	—	—	24	10	52	84	92	44	—	—	27	9	44	84	89	39	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ И ПРИСУТСТВІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.	1909 г.								1910 г.								1911 г.							
	Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.		Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.	
	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Остающихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.
Гражданскій кассаціонный департаментъ . . .	132	297	5758	11727	11211	6274	3193	7388	117	273	6274	12935	12164	7045	3393	8094	93	270	7045	13971	12196	8820	3577	7905
Уголовный кассаціонный департаментъ	60	164	562	11141	10867	836	4521	4641	75	178	836	12782	12996	622	4757	6164	74	170	622	13510	12317	1815	4865	5255
Соединенное Присутствіе Гражданскаго кассаціоннаго и Перваго департаментовъ, образованное на основаніи 1322 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства	—	1	17	27	18	26	—	—	—	2	26	17	26	17	—	—	—	2	17	15	16	16	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	7	3	10	231	226	15	—	—	6	3	15	236	209	42	—	—	5	2	42	221	243	20	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	1	—	—	179	160	19	—	—	2	—	19	176	193	2	—	—	2	—	2	222	214	10	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и кассаціонныхъ департаментовъ	30	—	257	712	640	329	—	—	32	—	329	995	1046	278	—	—	33	—	278	1063	1081	260	—	—
Высшее Дисциплинарное Присутствіе	5	1	8	14	18	4	—	—	4	3	4	24	25	3	—	—	4	2	3	35	31	7	—	—
Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ.	30	7	39	69	90	18	—	—	26	5	18	75	78	15	—	—	21	7	15	69	72	12	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ И ПРИСУТСТВІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.	1912 г.							
	Число засѣданій.		КОЛИЧЕСТВО ДѢЛЪ.				Объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ.	
	Распорядительныхъ.	Судебныхъ.	Оставшихся нерѣшенными къ началу отчетнаго года.	Поступившихъ въ отчетномъ году.	Оконченныхъ въ отчетномъ году.	Остающихся нерѣшенными къ слѣдующему году.	Общихъ судебныхъ мѣстъ.	Мировыхъ установленій.
Гражданскій кассаціонный департаментъ	106	287	8820	16285	13422	11683	3769	8742
Уголовный кассаціонный департаментъ	78	179	1815	15257	15644	1428	5796	6751
Соединенное Присутствіе Гражданскаго кассаціоннаго и Перваго департаментовъ, образованное на основаніи 1322 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства	—	2	16	11	15	12	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач. .	2	2	20	209	199	30	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и Гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ, образованное на основаніи прим. къ 130 ст. Пол. Земск. Нач.	2	—	10	218	217	11	—	—
Соединенное Присутствіе Перваго и кассаціонныхъ департаментовъ	34	—	260	1013	1016	257	—	—
Высшее Дисциплинарное Присутствіе	3	2	7	30	33	4	—	—
Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ	30	9	12	87	88	11	—	—

Статистическія свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ Императора Александра II, за 1866—1912 годы.

Вступленіе. А. Свѣдѣнія о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій. I. Дѣла уголовныя. II. Дѣла гражданскія. Б. Свѣдѣнія о дѣятельности общихъ судебныхъ установленій. I. Производство дѣлъ у судебныхъ слѣдователей и другихъ лицъ, производящихъ предварительныя слѣдствія. II. Свѣдѣнія о дѣятельности прокурорскаго надзора. III. Производство дѣлъ въ окружныхъ судахъ. 1. Дѣла уголовныя. 2. Судебная репрессія окружныхъ судовъ и наказанія, наложенныя на осужденныхъ. 3. Дѣла гражданскія. IV. Производство дѣлъ въ судебныхъ палатахъ. 1. Въ качествѣ обвинительной камеры. 2. Въ качествѣ первой инстанціи. 3. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи. 4. Дѣла гражданскія. V. Свѣдѣнія о дѣятельности кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 1. Уголовный кассаціонный департаментъ. 2. Гражданскій кассаціонный департаментъ.

Вступленіе.

Статистическія свѣдѣнія о производствѣ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, установленныхъ по Судебнымъ Уставамъ 20 ноября 1864 года, имѣются, начиная съ 1866 года, въ теченіе котораго были открыты общія и мировыя судебныя установленія въ нѣкоторыхъ изъ губерній Европейской Россіи. Означенныя свѣдѣнія за періодъ съ 1866 по 1912 годъ собирались далеко не по одинаковой программѣ и разрабатывались не въ одинаковомъ объемѣ въ различныхъ изданіяхъ Министерства Юстиціи. За начальный періодъ съ 1866 года по 1872 годъ имѣются цифровыя данныя о дѣятельности судебныхъ мѣстъ въ отчетахъ Министерства Юстиціи, въ которыхъ помѣщались вѣдомости о движеніи уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ общихъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Начиная съ 1872 года и до 1905 года, включительно, свѣдѣнія о производствѣ уголов-

ныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ разрабатывались и печатались въ Сводахъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ. Данныя о производствѣ гражданскихъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, а также о дѣятельности мировыхъ судей въ означенныхъ сводахъ не печатались и вообще подробной статистической разработкѣ вплоть до 1909 года не подвергались. Исключеніе составляетъ только пятилѣтіе за 1884—88 г.г., когда свѣдѣнія о производствѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ были довольно подробно разработаны и напечатаны въ видѣ особаго приложенія къ Сборнику статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи. Засимъ, съ 1906 года въ Сводахъ статистическихъ свѣдѣній прекращается печатаніе свѣдѣній о производствѣ уголовныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и, по измѣненной программѣ, свѣдѣнія о производствѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ помѣщаются (болѣе подробно, начиная съ 1909 года) въ Сборникахъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи, наряду съ данными о дѣятельности мировой юстиціи и другими свѣдѣніями, относящимися къ области судебнаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, общій обзоръ статистическихъ данныхъ о дѣятельности судебныхъ мѣстъ, образованныхъ по Уставамъ Императора Александра II, за время съ 1866 по 1912 годъ возможенъ лишь въ предѣлахъ наиболѣе общихъ вопросовъ, причемъ многія подробности производства уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, въ особенности по дѣламъ мировой подсудности, не могутъ быть прослѣжены за весь изслѣдуемый періодъ, вслѣдствіе отсутствія или неполноты соотвѣтствующихъ свѣдѣній за извѣстные промежутки этого періода. Тѣмъ не менѣе, въ наиболѣе существенныхъ чертахъ возможно отмѣтить главнѣйшіе моменты уголовнаго и гражданскаго судопроизводства въ реформированныхъ судебныхъ мѣстахъ, поскольку таковые моменты находятъ себѣ отраженіе въ цифрахъ судебной статистики.

А. Свѣдѣнія о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій.

I. Дѣла уголовныя.

Число возникшихъ у мировыхъ судей уголовныхъ дѣлъ въ теченіе 1866—1912 г.г. значительно увеличилось какъ въ общемъ итогѣ, такъ и по расчету въ среднемъ на каждаго единоличнаго судью. Въ 1867 году (свѣдѣнія за 1866 годъ не полны), въ предѣлахъ тѣхъ судебныхъ округовъ, въ коихъ были введены мировыя судебныя установленія, возникло всего 147.651 дѣло, въ среднемъ на 1 участковаго судью 430 дѣлъ, въ 1871 г.— 389.474 дѣла или 262 на каждаго участковаго судью. Между тѣмъ въ 1912 году возникло дѣлъ у мировыхъ судей—1.416.577 или 1180 на одного судью; у уѣздныхъ членовъ суда—341.899 или 573 на каждаго уѣзднаго члена; у городскихъ судей— 340.406 или 666 на 1 городского судью. Несмотря однако на столь значительное увеличеніе обремененности мировыхъ судей, успѣшность производства дѣлъ не только не ослабѣла, но даже существенно улучшилась: такъ въ 1867 году остатокъ неоконченныхъ къ 1 января 1868 года дѣлъ составлялъ около 11% числа вступившихъ у мировыхъ судей дѣлъ, а въ 1912 году остатокъ неоконченныхъ дѣлъ у мировыхъ судей, уѣздныхъ членовъ суда и городскихъ судей не превышалъ 2%.

Изъ числа оконченныхъ мировыми судьями дѣлъ большинство разрѣшается неокончательными приговорами (съ правомъ отзыва) [1]). Такъ, въ теченіе 1884—1888 г.г. окончательными приговорами было разрѣшено всего 1.840.615 дѣлъ, неокончательными—2.999.817. Въ 1909—1912 г.г. мировыми судьями, уѣздными членами окружныхъ судовъ и городскими судьями было постановлено всего 2.365.056 окончательныхъ приговоровъ, неокончательныхъ—2.847.737. Число дѣлъ, оконченныхъ примиреніемъ сторонъ, по отношенію къ числу разрѣшенныхъ судебными приговорами, за 50-лѣтній періодъ уменьшилось. Именно:

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ первое пятилѣтіе дѣятельности мировыхъ учрежденій (1866—1870 г.г.) число окончательныхъ приговоровъ (504.002) превышало число неокончательныхъ (402.585).

въ 1867—1871 г.г. на 100 разрѣшенныхъ дѣлъ приходилось 22, въ 1884—1888 г.г.—10, и въ 1909—1912 г.г.—9 дѣлъ прекращенныхъ за примиреніемъ сторонъ. Общее число прекращенныхъ производствомъ по различнымъ причинамъ дѣлъ составляетъ въ послѣднее время около 25% изъ числа оконченныхъ мировыми установленіями дѣлъ.

Относительныя числа обжалованныхъ приговоровъ, постановленныхъ мировыми судебными установленіями, за три отдѣльно взятыхъ періода (начальное пятилѣтіе, пятилѣтіе передъ введеніемъ реформы 12 іюня 1889 года и данныя послѣднихъ лѣтъ), представлены въ слѣдующей таблицѣ:

годы.	Подано жалобъ и протестовъ:	
	На 100 неокончательныхъ приговоровъ.	На 100 окончательныхъ приговоровъ.
1867—71	12,9	1,5
1884—88	14,9	2,7
1909—12	14,9	3,0

Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что процентъ обжалованныхъ неокончательныхъ приговоровъ въ теченіе 1867—1912 г.г. почти не измѣнился: процентъ 1884—1888 г.г. совершенно даже одинаковъ съ процентомъ за 1909—1912 г.г. Относительное число кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ на окончательные приговоры замѣтно возросло, но само по себѣ означенное число весьма незначительно, не превышая 3% общаго числа окончательныхъ приговоровъ. Изъ числа обжалованныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ приговоровъ мировыхъ судей во II инстанціи въ теченіе 1909—1912 г.г. отмѣнено или измѣнено 29%, изъ числа обжалованныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ было отмѣнено за тѣ же годы не свыше 15%, остальные приговоры I инстанціи были утверждены или же дѣла были прекращены производствомъ. Соотвѣтствующихъ данныхъ о числѣ отмѣненныхъ или измѣненныхъ по жалобамъ и протестамъ приговоровъ мировыхъ судей за время до 1909 года не имѣется, но вполнѣ допустимо предположеніе, что означенное число въ процентномъ отношеніи не отличалось существенно отъ числа 1909—1912 г.г.

Изъ 100 подсудимыхъ, состоявшихъ по оконченнымъ мировыми судьями дѣламъ, было оправдано (не считая лицъ осво-

божденныхъ отъ суда за примиреніемъ сторонъ и по другимъ причинамъ) въ 1867—1871 гг. всего 39,4%, осуждено 60,6%. Въ 1909—1912 гг. мировыми судьями, уѣздными членами суда и городскими судьями было оправдано 31,6%, осуждено 68,4% изъ числа подсудимыхъ. Такимъ образомъ, отношеніе числа осужденныхъ за истекшій періодъ замѣтно повысилось. Что касается наказаній, наложенныхъ на осужденныхъ по приговорамъ мировыхъ судебныхъ установленій, то означенныя наказанія распредѣлялись въ 1867—1871 и въ 1909—1912 гг. слѣдующимъ образомъ:

Изъ 100 осужденныхъ были приговорены:

ГОДЫ.	Къ заключенію въ тюрьмѣ.	Къ аресту.	Къ денежнымъ взысканіямъ.	Къ выговору и др. наказаніямъ.
1867—71 . .	12,6	19,0	62,8	5,6
1909—12 . .	8,9	21,8	68,2	1,1

Въ 1909—1912 гг., по сравненію съ 1867—1871 гг., уменьшилось относительное число присужденныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, а также къ выговорамъ и замѣчаніямъ (18,2% въ начальное пятилѣтіе и 10% въ послѣднее). Что же касается процента лицъ, присужденныхъ къ аресту и къ денежнымъ взысканіямъ, то оно нѣсколько увеличилось (81,8% въ первомъ пятилѣтіи, 90%—въ послѣднемъ). Означенныя измѣненія въ распредѣленіи наложенныхъ на осужденныхъ наказаній произошли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе большаго сравнительно увеличенія числа дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ за собою арестъ или наложеніе денежнаго взысканія, каковы, напримѣръ, проступки противъ порядка управленія (ст.ст. 29—34 Уст. наказ.), противъ благочинія, порядка и спокойствія (ст.ст. 35—48 того же уст.) и друг.

II. Дѣла гражданскія.

Увеличеніе числа гражданскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, въ теченіе 1866—1912 гг. было не менѣе значительно, чѣмъ возрастаніе числа уголовныхъ дѣлъ. Въ 1867 году возникло у мировыхъ судей 237.176 гражданскихъ дѣлъ, въ 1868 году—287.136, въ 1871 году—581.307, въ 1888 г.—1.129.303, въ 1912 году у мировыхъ судей—1.725.343, у уѣздныхъ членовъ суда и городскихъ судей—645.651, а всего—2.370.994 дѣла. На одного мирового судью приходилось вступившихъ дѣлъ въ 1868 году—509, въ 1871 году—391, въ 1912 году: на 1 мирового судью—1.438, на 1 уѣзднаго члена суда—297, на 1 городского судью—916 дѣлъ. Увеличеніе обремененности мировыхъ судей ни мало не отразилось на успѣшности производства гражданскихъ дѣлъ, какъ равно и уголовныхъ, о чемъ было упомянуто выше. Въ 1867 году оконченныя производствомъ дѣла составляли 83% вступившихъ въ отчетномъ году гражданскихъ дѣлъ, въ 1871 году—76%, т. е. число оконченныхъ дѣлъ было значительно меньше числа вступившихъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ 1910 году число оконченныхъ мировыми установленіями (мировые судьи, уѣздные члены суда и городскіе судьи) составляло 100% числа вступившихъ, въ 1911 году—99%, въ 1912 году—тоже 99%, т. е. окончено почти столько же, сколько и поступило дѣлъ.

Значительное большинство (свыше 90%) дѣлъ, производящихся у мировыхъ судей, составляютъ дѣла исковыя. Цѣнность предъявленныхъ въ мировыя установленія исковъ въ 1867 году достигала 12.534.612 рублей, въ 1871 году—42.994.763 руб., въ 1888 году—88.791.666 руб., въ 1910 году [1])—190.664.108 рублей, въ 1912 году [1])—297.520.493 рубля. Такимъ образомъ, несмотря на незначительную среднюю цѣну иска (около 120 рублей), общая стоимость исковъ, подлежащихъ разсмотрѣнію мировой юстиціи, достигаетъ внушительныхъ размѣровъ и обнаруживаетъ стремленіе къ быстрому возрастанію.

---

[1]) Не считая гминныхъ судовъ Варшавскаго округа.

Изъ числа оконченныхъ гражданскихъ дѣлъ свыше 20%, въ среднемъ, прекращается производствомъ, преимущественно за примиреніемъ сторонъ. Изъ числа разрѣшенныхъ по существу дѣлъ большинство разрѣшается неокончательными рѣшеніями. Процентныя соотношенія окончательныхъ и неокончательныхъ рѣшеній представлены въ слѣдующей таблицѣ;

Изъ 100 разрѣшенныхъ дѣлъ были окончены рѣшеніями:

Годы:	Окончательными.	Неокончательными.
1867—1871	50,1	49,9
1884—1888	39,3	60,7
1909—1912	42,5	57,5

Начальное пятилѣтіе нѣсколько отличается отъ послѣдующаго періода небольшимъ перевѣсомъ числа окончательныхъ рѣшеній (сходное явленіе замѣчается и по уголовнымъ дѣламъ). Относительно гражданскихъ дѣлъ различіе можетъ быть объяснено большимъ количествомъ мелкихъ исковъ (до 30 рублей), предъявленныхъ мировымъ судьямъ конца шестидесятыхъ годовъ. Изъ числа разрѣшенныхъ по существу исковыхъ дѣлъ большинство рѣшается мировыми судьями въ пользу истца, причемъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже чиселъ, процентъ дѣлъ, разрѣшенныхъ съ удовлетвореніемъ исковыхъ требованій, постепенно увеличивается.

Изъ 100 разрѣшенныхъ исковыхъ дѣлъ были рѣшены:

ГОДЫ:	Съ удовлетвореніемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ исковыхъ требованій.	Съ отказомъ въ искѣ.
1867—1871	70,0	30,0
1884—1888	79,1	20,9
1909—1912	84,3	15,7

Такимъ образомъ, число рѣшеній, постановленныхъ съ отказомъ истцу въ предъявленныхъ имъ исковыхъ требованіяхъ, сократилось съ 30% общаго числа разрѣшенныхъ по существу дѣлъ до 16%, что можетъ отчасти служить указаніемъ на увеличеніе основательности предъявляемыхъ исковъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ высказаннаго положенія представляется и относительное сокращеніе числа апелляціонныхъ жалобъ.

ГОДЫ:	На 100 разрѣшенныхъ окончательно дѣлъ принесено апелляціонныхъ жалобъ.	На 100 разрѣшенныхъ окончательными рѣшеніями дѣлъ подано просьбъ объ отмѣнѣ рѣшенія.
1867—1871	19,5	2,7
1884—1888	17,6	2,8
1909—1912	10,3	3,4

Процентъ обжалованныхъ въ апелляціономъ порядкѣ дѣлъ въ 1909—1912 г.г. сократился, по сравненію съ 1867—1871 г.г., почти въ два раза. Относительное число кассаціонныхъ жалобъ за то же время нѣсколько увеличилось, но оно, само по себѣ, незначительно, составляя около 3% разрѣшенныхъ окончательными рѣшеніями дѣлъ. Изъ числа обжалованныхъ рѣшеній по апелляціоннымъ жалобамъ, во второй инстанціи ежегодно отмѣняется не болѣе 30—35%, по просьбамъ о кассаціи рѣшеніи— таковыя отмѣняются въ 20 случаяхъ изъ 100, а въ остальныхъ 80 случаяхъ жалобы оставляются безъ послѣдствій или же дѣла прекращаются производствомъ.

Б. Свѣдѣнія о дѣятельности общихъ судебныхъ установленій.

I. Производство дѣлъ у судебныхъ слѣдователей и другихъ лицъ, производящихъ предварительныя слѣдствія.

Общее число слѣдствій, возникавшихъ ежегодно въ раіонѣ дѣйствія судебныхъ установленій, основанныхъ по Уставамъ Императора Александра II, въ теченіе 1866—1912 г. г. почти непрерывно возрастало въ общемъ итогѣ. Увеличеніе общаго числа слѣдствій происходило какъ по причинѣ открытія новыхъ судебныхъ округовъ, такъ и вслѣдствіе роста преступности въ населеніи (особенно за послѣднія 10 или 12 лѣтъ). Въ 1867 году (свѣдѣнія за 1866 годъ относятся лишь ко второй половинѣ года) возникло въ раіонѣ вновь открытыхъ 10 окружныхъ судовъ всего 29.449 слѣдствій, въ 1872 году—69,777, въ 1882 году (въ раіонѣ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ то время окружныхъ судовъ)—113.801, въ 1892 году—142. 315, въ 1902 году—271.360

и въ 1912 году—463.008 слѣдствій или почти въ 16 разъ болѣе, чѣмъ въ 1867 году. Если, однако, взять число слѣдствій, возникшихъ въ предѣлахъ одной и той же судебной территоріи, то увеличеніе сего числа, зависящее только отъ роста численности и преступности населенія, оказывается значительно меньшимъ. Слѣдующая таблица показываетъ движеніе числа возникшихъ слѣдствій по пятилѣтіямъ въ предѣлахъ судебной территоріи 1872 года [6 судебныхъ округовъ [1]) или 40 окружныхъ судовъ] [2]), а равно и количество слѣдствій, возникшихъ въ среднемъ ежегодно на одного судебнаго слѣдователя (или вообще лицо, производящее предварительныя слѣдствія).

годы.	Среднее ежегодное число возникшихъ слѣдствій въ предѣлахъ 40 окруж. судовъ (территорія 1872 г).	Въ среднемъ ежегодно на одного судебн. слѣдователя возникло дѣлъ.
1872—1876 . . .	69.830	104
1877—1881 . . .	78.160	117
1882—1886 . . .	66.256	97
1887—1891 . . .	68.128	103
1892—1896 . . .	74.690	113
1897—1901 . . .	94.107	141
1902—1906 . . .	133.809	186
1907—1911 . . .	158.857	201
1912	171.618	205

Въ предѣлахъ одной и той же судебной территоріи (28 губерній Европейской Россіи) въ теченіе 40 лѣтъ (съ 1872 по 1912) общее число возникшихъ слѣдствій увеличилось въ $2^1/_2$ раза или на 146 % (съ 69.777 въ 1872 году до 171.618 въ

---

[1]) Округа судебныхъ палатъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Одесской Саратовской и Казанской.

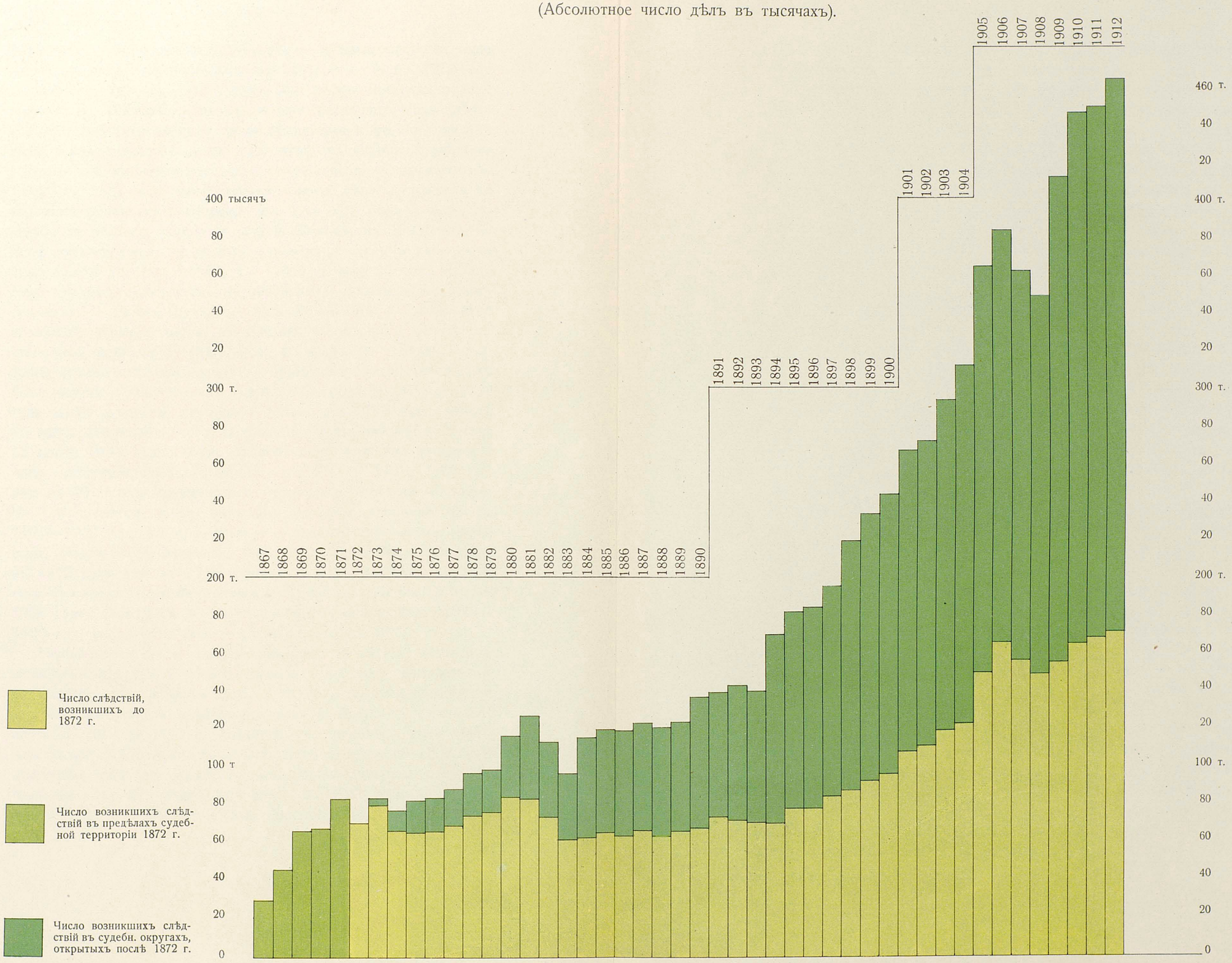
[2]) Окружные суды: С.-Петербургскій, Псковскій, Великолуцкій, Новгородскій, Устюжскій *), Бѣлозерскій *), Московскій, Владимірскій, Калужскій, Рязанскій, Тверской, Ржевскій Кашинскій, Смоленскій, Костромской, Нижегородскій, Тульскій, Ярославскій, Рыбинскій *), Харьковскій, Изюмскій *), Сумскій, Курскій, Орловскій, Елецкій, Воронежскій, Острогожскій, Полтавскій, Одесскій, Херсонскій, Екатеринославскій, Таганрогскій, Симферопольскій, Кишиневскій, Казанскій, Симбирскій, Самарскій, Саратовскій, Пензенскій и Тамбовскій. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ окружныхъ судовъ, обозначенные *), въ теченіе 1872—1912 г. г. были упразднены, но предѣлы судебной территоріи 1872 г. отъ этого упраздненія не измѣнились, въ виду замѣны упраздненныхъ судовъ новыми или же включеніемъ входившихъ въ нихъ уѣздовъ въ раіонъ губернскаго окружнаго суда. Судебная территорія 1872 года обнимаетъ собою 28 губерній Европейской Россіи.

1912 году). Обремененность судебныхъ слѣдователей за тоже время возрасла приблизительно на 100% (съ 104 въ 1872 году до 205 слѣдствій въ 1912 году). При этомъ необходимо еще принять во вниманіе, что въ теченіе истекшаго сорокалѣтія неоднократно примѣнялись законодательныя мѣры по передачѣ извѣстныхъ категорій дѣлъ изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ установленій къ разбирательству въ мировыхъ установленіяхъ. Такъ, въ 1882 году значительное число дѣлъ о кражахъ со взломомъ нежилыхъ помѣщеній (ст. 170[1] Уст. наказ.) было передано въ вѣдѣніе мировыхъ судей. Засимъ, въ 1906 году не менѣе значительное число дѣлъ о нанесеніи легкихъ тѣлесныхъ поврежденій (ч. 2 ст. 1483, ст. 1485 и друг. Улож. Наказ.) было признано подсуднымъ не окружнымъ судамъ, а мировымъ судьямъ. Въ обоихъ случаяхъ, послѣ 1882 и 1906 г., замѣчается временное паденіе числа возникшихъ слѣдствій и засимъ постепенное возвращеніе этого числа къ прежнему уровню. Пониженіе численности возникшихъ у судебныхъ слѣдователей дѣлъ было довольно длительнымъ послѣ 1882 года и къ уровню 1881 года число слѣдствій вернулось только въ 1897 году, черезъ 16 лѣтъ. Напротивъ того, пониженіе, подъ вліяніемъ закона 18 марта 1906 года, было сравнительно мало замѣтнымъ, и число слѣдствій, послѣ временнаго паденія въ 1907—1909 г.г., уже въ 1910 году сравнялось съ уровнемъ 1906 года. Различіе это объясняется болѣе быстрымъ ростомъ преступности въ 1901—1912 г.г., по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ. Ростъ этотъ настолько значителенъ, что число слѣдствій въ 1912 году уже на 77% превышаетъ то же число за 1900 годъ (несмотря на ограничительное дѣйствіе закона 18 марта 1906 года). Между тѣмъ, за предыдущее десятилѣтіе (1890—1900 г.г.) число слѣдствій возрасло только на 40%.

Несмотря на столь значительный ростъ общаго числа возникшихъ слѣдствій и обремененности судебныхъ слѣдователей, успѣшность производства дѣлъ у судебныхъ слѣдователей въ общемъ оказывается удовлетворительной. Всего въ теченіе 40 лѣтъ съ 1872 по 1912 г. возникло въ предѣлахъ всей судебной территоріи (начиная съ 1900 года во всей Имперіи)—8.211.639 слѣдствій. Изъ сего числа лицами, производящими предварительныя слѣдствія, было окончено 8.020.599 или около 98% общаго числа возникшихъ дѣлъ. За послѣдніе 5 лѣтъ (1908—

ЧИСЛО ВОЗНИКШИХЪ У СУДЕБНЫХЪ СЛѢДОВАТЕЛЕЙ ДѢЛЪ СЪ 1867 ПО 1912 ГОДЪ

(Абсолютное число дѣлъ въ тысячахъ).



1912) число оконченныхъ дѣлъ даже замѣтно превышаетъ число возникшихъ слѣдствій (приблизительно на 3%).

Наряду съ увеличеніемъ числа возникшихъ слѣдствій, возрасло въ той же мѣрѣ и число лицъ, привлеченныхъ судебными слѣдователями въ качествѣ обвиняемыхъ. По оконченнымъ слѣдствіямъ было привлечено обвиняемыхъ въ среднемъ за 1877—1878 г.г. (до этого времени собирались свѣдѣнія о числѣ обвиняемыхъ по производившимся вообще слѣдствіямъ, включая и неоконченныя дѣла, въ виду чего числа обвиняемыхъ до 1877 г. не могутъ быть сравниваемы съ числами послѣдующихъ годовъ)—78.468, а въ 1912 г.—228.817 лицъ или почти въ три раза больше. По расчету, однако, на 100 оконченныхъ слѣдствій, число обвиняемыхъ уменьшилось: въ 1877—1878 г.г. на 100 слѣдствій приходилось 86, въ 1910—1912 г.г.—49 обвиняемыхъ. Объясненіе этого явленія можно видѣть въ увеличеніи осторожности судебныхъ слѣдователей при привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія и въ соотвѣтствующемъ увеличеніи числа дѣлъ, направляемыхъ по 277 ст. Уст. Уг. Суд. на прекращеніе. Относительное число обвиняемыхъ, содержащихся подъ стражею, за послѣднее время нѣсколько увеличилось: въ 1867—1871 г.г., изъ 100 обвиняемыхъ 30 содержались подъ стражею, въ 1879—1883 г.г.—23, въ 1889—1893 г.г.—24, въ 1910—1912 г.г.—35. Увеличеніе процента содержащихся подъ стражею въ 1910—1912 г.г. можетъ быть поставлено въ связь съ ростомъ числа болѣе тяжкихъ преступленій послѣ 1905 года.

Число свидѣтелей, вызванныхъ и допрошенныхъ во время производства предварительныхъ слѣдствій, возрасло въ большей мѣрѣ, чѣмъ обвиняемыхъ или даже возникшихъ слѣдствій. Въ среднемъ за 1874—1878 г.г. ежегодно было вызвано и допрошено 600.483 свидѣтеля или 68 на 10 оконченныхъ слѣдствій, въ 1910—1912 г.г. ежегодное число свидѣтелей составляетъ 3.215.861 или 71 на 10 оконченныхъ слѣдствій. Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что не смотря на увеличеніе числа слѣдствій, направленныхъ къ прекращенію по ст. 277 Уст. Уг. Суд., общее количество работы судебныхъ слѣдователей по вызову и допросу свидѣтелей не уменьшилось.

Направленіе дѣлъ, оконченныхъ судебными слѣдователями, въ среднемъ по пятилѣтіямъ, о которыхъ имѣются соотвѣтствующія свѣдѣнія, выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ судебными слѣдователями, было направлено:

	Къ прокурору.		
годы.	По ст. 277 Уст. Уг. Суд.[1]).	По ст. 478 и друг. ст. ст. Уст. Уг. Суд.	По подсудности миров. судьямъ и въ др. вѣдомства.
1874—1878	36	50	14
1879—1883	40	44	16
1884—1888	41	42	17
1889—1893	46	41	13
1894—1900	52	39	9
1901—1905	55	36	9
1908—1912	57	34	9

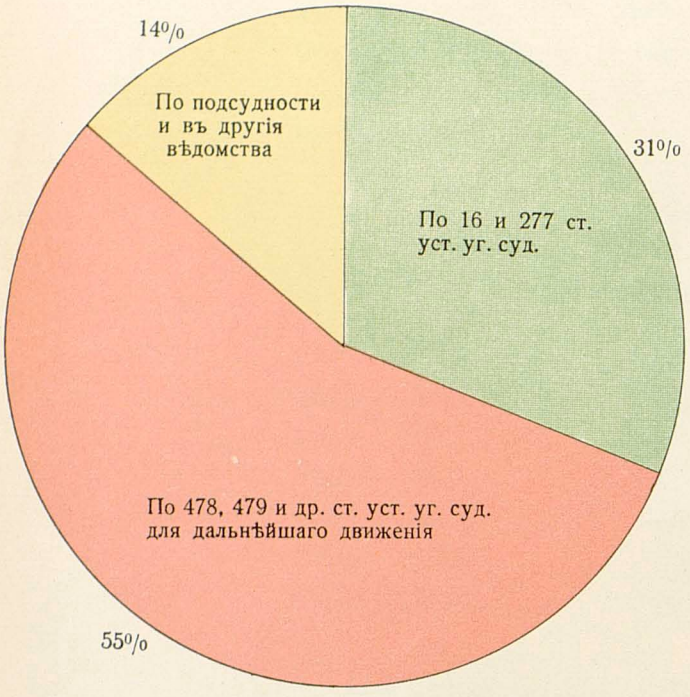
Изъ приведенной таблицы видно, что число дѣлъ, направленныхъ судебными слѣдователями къ прекращенію по ст. 277 Уст. Уг. Суд. въ теченіе 1874 — 1912 г.г. значительно возрасло, а число дѣлъ, направленныхъ къ прокурору по 478 и друг. ст. Уст. Уг. Суд., постепенно уменьшилось отъ 50% (въ 1874 г. даже 54%) до 34% въ 1908—1912 г.г. Указанное явленіе произошло почти въ одинаковой мѣрѣ какъ на территоріи, занятой раіонами окружныхъ судовъ, начиная съ 1874 года, такъ и во всей Имперіи, причемъ различіе между отдѣльными округами оказывается незначительнымъ. До сравнительно недавняго времени, въ уголовной статистикѣ не указывались основанія къ прекращенію дѣла, перечисленныя въ ст. 16 и 277 Уст. Уг. Суд.. По даннымъ за 1909—1912 г.г. оказывается, что наиболѣе распространеннымъ основаніемъ къ прекращенію дѣла является необнаруженіе виновныхъ (приблизительно около 40% общаго числа дѣлъ, направленныхъ къ прекращенію).

Несмотря на увеличеніе числа дѣлъ, направленныхъ къ прекращенію по ст. 16 и 277 Уст. Уг. Суд., въ общемъ производ-

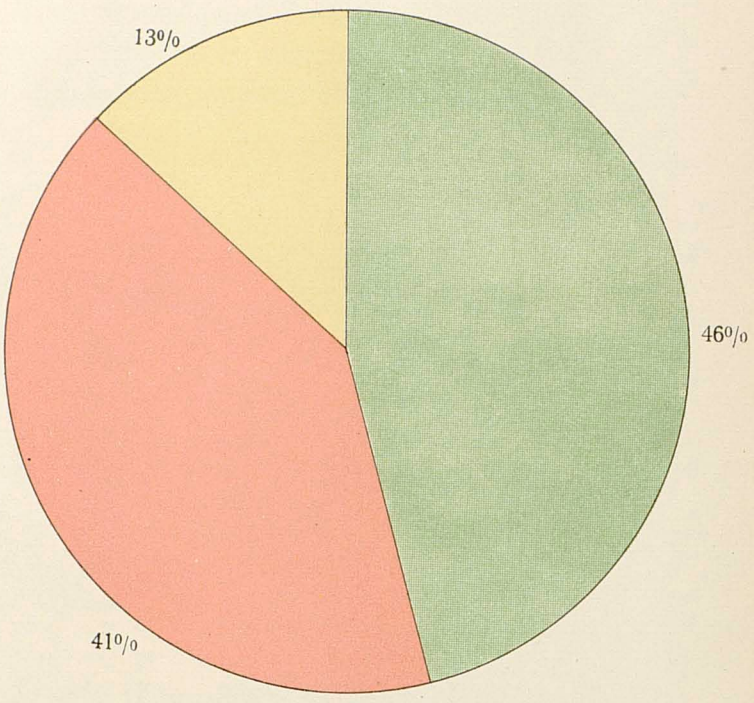
---

[1]) До 1873 года свѣдѣній о числѣ дѣлъ, направленныхъ по ст. 277 Уст. Уг. Суд., отдѣльно отъ общаго числа слѣдствій, препровожденныхъ прокурорскому надзору, не имѣется.

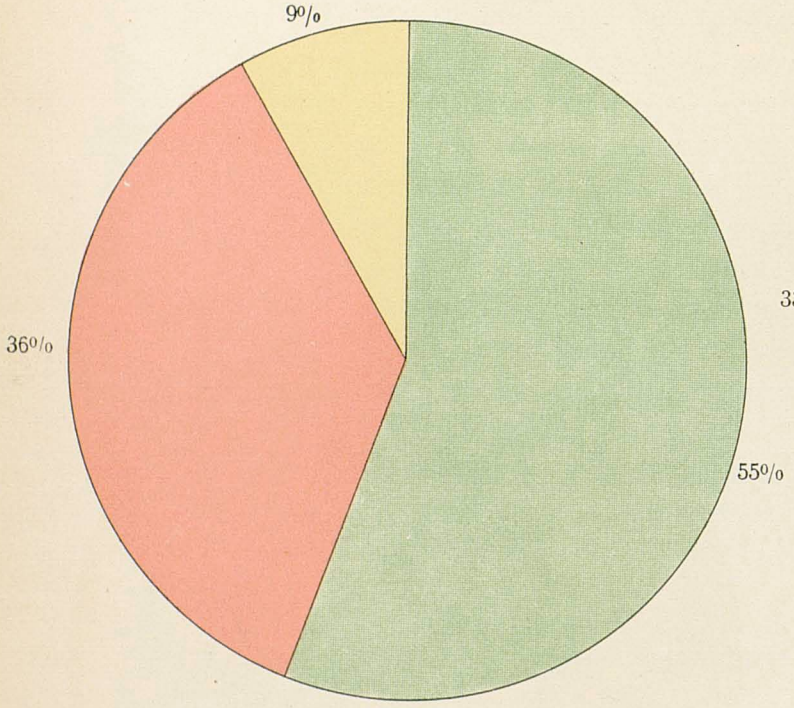
ИЗЪ 100 ОКОНЧЕННЫХЪ ДѢЛЪ СКОЛЬКО БЫЛО НАПРАВЛЕНО СУДЕБНЫМИ СЛѢДОВАТЕЛЯМИ, ВЪ СРЕДНЕМЪ ПО ПЯТИЛѢТІЯМЪ, ПО 277 И ПО ДРУГ. СТ. УСТ. УГ. СУД.



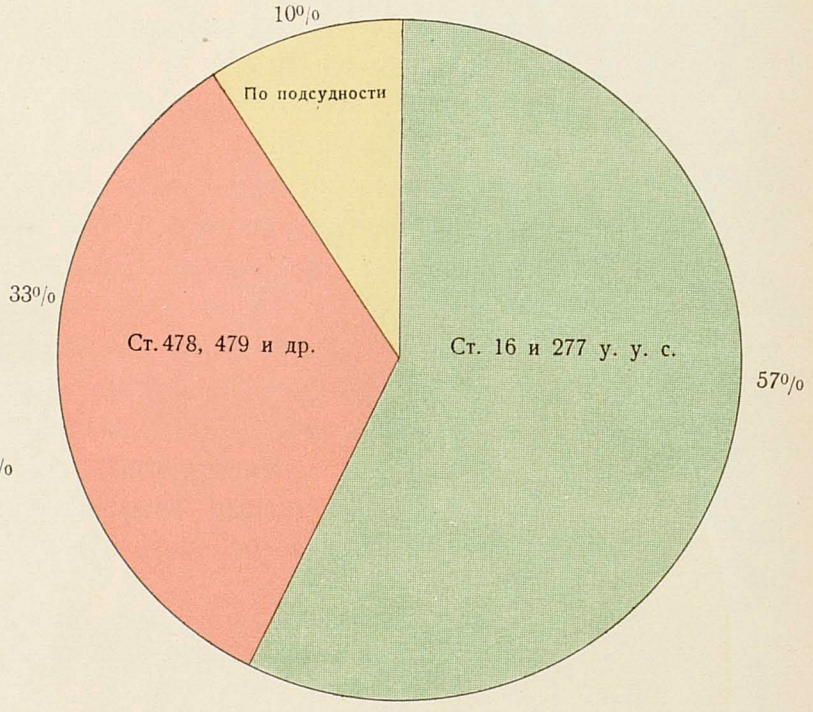
1872—76



1889—93



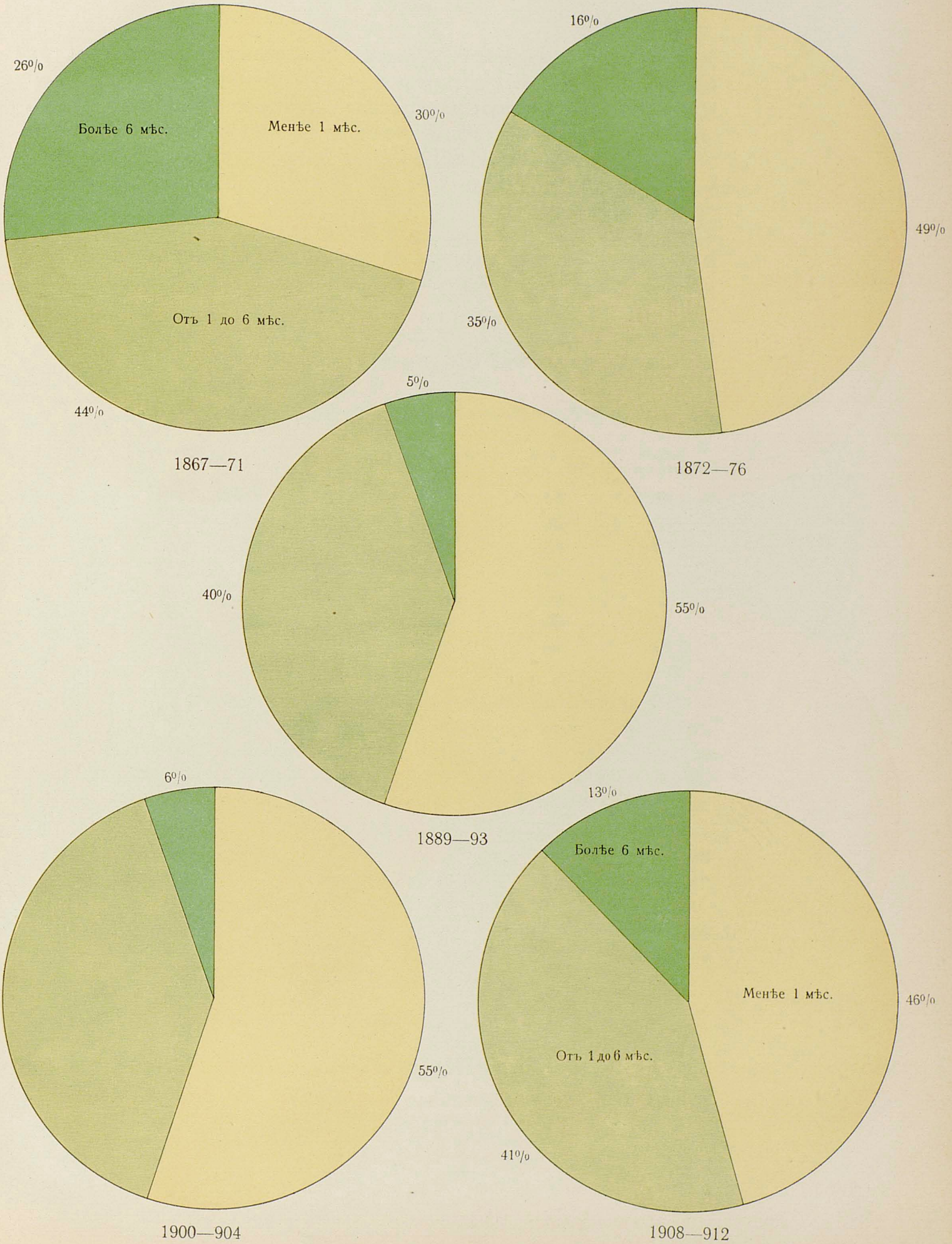
1900—904



1908—912

(За 1866—71 г.г. свѣдѣній о томъ, сколько дѣлъ было направлено къ прокурору для прекращенія и сколько для дальнѣйшаго движенія,—не имѣется).

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ У СУДЕБНЫХЪ СЛѢДОВАТЕЛЕЙ ВЪ % ПО ПЯТИЛѢТІЯМЪ.



ство предварительныхъ слѣдствій не можетъ быть названо неудовлетворительнымъ, въ виду хотя бы того, что относительное число слѣдствій, возвращенныхъ для дослѣдованія, въ теченіе истекшаго полустолѣтія не увеличилось. На 100 оконченныхъ слѣдствій было возвращено для дослѣдованія въ 1867—1871 г.г. 8, въ 1874—1878 г.г.—10, въ 1889—1893 г.г.—11, въ 1901—1905 г.г.—7, въ 1910—1912 г.г.—9 слѣдствій. Другими словами, процентъ возвращенныхъ для дослѣдованія дѣлъ, въ среднемъ по пятилѣтіямъ, измѣнялся въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ, и въ послѣднее пятилѣтіе (1908—1912) не превышаетъ средняго процента за 1867—1878 г.г.

Продолжительность производства оконченныхъ судебными слѣдователями дѣлъ, въ среднемъ по пятилѣтіямъ, выражается въ слѣдующихъ числахъ:

Изъ 100 оконченныхъ слѣдствій продолжались производствомъ:

годы.	До 1 мѣсяца.	Отъ 1 до 6 мѣс.	Болѣе 6 мѣсяц.
1867—1871	30	44	26
1872—1878	49	35	16
1884—1888	51	39	10
1889—1893	55	40	5
1894—1900	56	39	5
1901—1905	54	40	6
1908—1912	46	41	13

Общій выводъ изъ приведенной таблицы тотъ, что до 1901—1905 г.г. продолжительность производства дѣлъ у судебныхъ слѣдователей постепенно сокращалась, причемъ въ особенности уменьшилась довольно значительная въ 1867—1871 г.г. группа дѣлъ, находившихся въ производствѣ болѣе 6 мѣсяцевъ. Послѣ 1905 г. наступило нѣкоторое замедленіе въ окончаніи предварительныхъ слѣдствій, которое можно въ извѣстной мѣрѣ объяснить ростомъ болѣе тяжкихъ видовъ преступности за послѣднее десятилѣтіе и большей, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, обремененностью судебныхъ слѣдователей. Въ послѣдніе годы (1910—1912) снова замѣчается ускореніе въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій.

II. Свѣдѣнія о дѣятельности прокурорскаго надзора.

Поступленіе дѣлъ къ прокурорскому надзору окружныхъ судовъ находится въ тѣсной зависимости отъ числа возникшихъ предварительныхъ слѣдствій, такъ какъ число дѣлъ, возникшихъ непосредственно въ прокурорскомъ надзорѣ, по сравненію съ числомъ дѣлъ, поступившихъ отъ судебныхъ слѣдователей, можетъ быть названо незначительнымъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе общаго роста числа возникшихъ слѣдствій, о чемъ говорилось въ предыдущей главѣ, соотвѣтственно увеличилось и число дѣлъ, поступившихъ къ прокурорскому надзору окружныхъ судовъ. Въ 1867 году прокурорскимъ надзоромъ окружныхъ судовъ было составлено обвинительныхъ актовъ и заключеній о прекращеніи относительно 15.152 лицъ (число дѣлъ не показано), въ 1912 году по 410.267 дѣламъ. На одно лицо прокурорскаго надзора въ 1872 году приходилось 127 вступившихъ дѣлъ, въ 1912 году—434 дѣла. Увеличеніе обремененности лицъ прокурорскаго надзора не повліяло на успѣшность производства дѣлъ: число оконченныхъ дѣлъ постоянно равнялось или даже иногда превышало число вновь вступившихъ дѣлъ въ теченіе всего періода съ 1866 по 1912 годъ. Измѣненіе въ направленіи дѣлъ, оконченныхъ прокурорскимъ надзоромъ окружныхъ судовъ, усматривается изъ слѣдующихъ чиселъ:

Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ прокурорскимъ надзоромъ окружныхъ судовъ, было направлено:

ГОДЫ.	Къ прокурору судебной палаты.	Въ окружный судъ.	Начальству лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ должности, и въ друг. учрежденія.
1872—1878	48	48	4
1889—1893	22	75	3
1909—1912	18	77	5

Существенное измѣненіе въ относительномъ числѣ дѣлъ, переданныхъ прокурорами суда прокурору судебной палаты, и

дѣлъ, направленныхъ непосредственно въ окружный судъ, измѣненіе, происшедшее въ 1883—1884 г.г., объясняется дѣйствіемъ закона 3 мая 1883 года (измѣненіе ст. 523 Уст. Уг. Суд.). Такъ какъ, согласно измѣненной редакціи ст. 523 Уст. Уг. Суд., прокуроръ окружнаго суда предлагаетъ непосредственно окружному суду заключеніе о прекращеніи или пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія по всякому дѣлу, хотя бы и касающемуся преступленія, влекущаго за собою лишеніе правъ, то, въ виду значительной численности этого рода дѣлъ, болѣе трехъ четвертей изъ числа оконченныхъ дѣлъ направляется прокурорскимъ надзоромъ въ окружный судъ, а прокурору судебной палаты препровождается менѣе одной пятой означеннаго числа.

По дѣламъ, представленнымъ прокурорами окружныхъ судовъ прокурорамъ судебныхъ палатъ, было составлено, въ процентныхъ соотношеніяхъ, обвинительныхъ актовъ и заключеній.

ГОДЫ.	Обвинительныхъ актовъ.	Заключеній о прекращеніи дѣла, измѣненіи подсудности и др.	Направлено въ порядкѣ частнаго обвиненія.	Итого.
1874—1878	42	56	2	100
1889—1893	76	14	10	100
1909—1912	88	—	12	100

Числа за 1909—1912 г.г. не вполнѣ сравнимы съ данными за предыдущій періодъ, такъ какъ заключенія объ измѣненіи подсудности, разрѣшеніи предметовъ изслѣдованія и пріостановленіи дѣлъ не показаны отдѣльно отъ обвинительныхъ актовъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что до 1883 года по дѣламъ, представленнымъ прокурорамъ судебныхъ палатъ, число обвинительныхъ актовъ было меньше числа заключеній разнаго рода (о прекращеніи дѣла, измѣненіи подсудности и пр.). Послѣ же 1883 года числовыя соотношенія совершенно измѣнились и въ настоящее время преобладаютъ дѣла, по которымъ составлены обвинительные акты. Весьма замѣтно также увеличилось число дѣлъ, переданныхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія (ст. 511 Уст. Уг. Суд.).

По дѣламъ, предложеннымъ прокурорами окружныхъ судовъ непосредственно окружнымъ судамъ, въ процентныхъ со-

отношеніяхъ было составлено обвинительныхъ актовъ и заключеній:

ГОДЫ.	Обвинительные акты.	Заключенія о прекращеніи дѣлъ (ст. 277 и 523 Уст. Уг. Суд.)	Заключ. объ измѣненіи подсудности, въ порядкѣ ст. 852 Уст. Уг. Суд. и друг.	Передано въ порядкѣ частнаго обвиненія.	Итого.
1872—1878 . .	13	81	3	3	100
1889—1893 . .	15	75	2	8	100
1909—1912 . .	20	75	1	4	100

Такимъ образомъ, по дѣламъ, предложеннымъ окружному суду, заключенія о прекращеніи составляютъ 75% общаго числа, обвинительные акты—около 20%. Числа за 1889—1893 г.г. и за 1909—12 г.г. не представляютъ существеннаго различія въ процентномъ соотношеніи обвинительныхъ актовъ и заключеній о прекращеніи.

Помимо производившихся въ общемъ порядкѣ дѣлъ, прокурорскимъ надзоромъ окружныхъ судовъ ежегодно приносится на приговоры различныхъ судебныхъ мѣстъ значительное число апелляціонныхъ, кассаціонныхъ и частныхъ протестовъ, каковое число естественно возрастало въ связи съ увеличеніемъ числа судебныхъ мѣстъ. Такъ, въ 1868 г. прокурорскимъ надзоромъ на приговоры окружныхъ судовъ принесено 131 (41 апелляц. и 90 кассац.) протестъ, въ 1912 г.—1.113 протестовъ (818 апелляціонныхъ и 295 кассаціонныхъ [1]). Большинство изъ принесенныхъ прокурорскимъ надзоромъ протестовъ достигаетъ намѣченной цѣли. Такъ въ теченіе 1906—1912 г.г. изъ общаго числа 2.076 протестовъ прокурорскаго надзора, разсмотрѣнныхъ Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Сената, было уважено 1.170 или 56%, оставлено безъ послѣдствій 906 или 44%.

Кромѣ составленія протестовъ на приговоры судебныхъ мѣстъ, на обязанности прокурорскаго надзора лежитъ участіе въ засѣданіяхъ различныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій. На каждое лицо прокурорскаго надзора въ 1912 году приходи-

---

[1]) Общее количество протестовъ, принесенныхъ прокурорскимъ надзоромъ окружныхъ судовъ по дѣламъ общей и мировой юстиціи, составляло въ 1906 г.—569, въ 1908 г.—1.091, въ 1910 г.—2.327, въ 1911 г.—2.630 и въ 1912 г. 2.709. Такимъ образомъ, въ теченіе 7 лѣтъ число протестовъ увеличилось почти въ 5 разъ.

ПЕТТИ ВИЛЬЯМ

ТРАКТАТ О НАЛОГАХ И СБОРАХ. 1662 г.

Предисловие

(...) Я заявляю миру, что я не считаю себя способным исправить его, и думаю, что для частного спокойствия каждого человека будет лучше, если он предоставит миру vadere sicut vult [брести по собственному желанию]. Я хорошо знаю, что res nolunt male administrari [вещи не хотят быть плохо управляемыми] и что дела (что бы я не хотел или мог сказать) будут итти своим путем, и природу не обманешь. Поэтому все, что я написал, было сделано (как сказано раньше) лишь для того, чтобы облегчить и освободить самого себя, ибо моя голова была обременена этими вещами. (...)

ГЛАВА III
Каким образом можно ослабить причины недовольства налогоплательщиков

(...)

5. 4. Люди приходят и негодовании при мысли, что собранные деньги будут растрачены на увеселения, великолепные зрелища, триумфальные арки и т.п. На это я отвечаю, что такая трата означает возвращение этих денег промысловым людям, занятым в производстве этих вещей. Промыслы эти, хотя и кажутся бесполезными и создающими только украшения, однако работники их немедленно же передают полученные деньги людям, занятым в наиболее полезных промыслах, а именно: пивоварам, булочникам, портным, сапожникам и т.д. (...)

12. 8. Редкое население – подлинный источник бедности. Страна, имеющая 8 млн. жителей, более чем вдвое богаче страны, где на такой же территории живет только 4 млн. (...)

17. (...) ...Я утверждаю, что существует определенная мера или пропорция денег, необходимых для ведения торговли страны (излишек или недостаток их против этой меры принесет ей вред), подобно тому как в розничной торговле необходимо наличие Б известной пропорции фартингов для размена серебряных денег и для урегулирования таких расчетов, которые не могут быть произведены с помощью даже самой мелкой серебряной монеты. Ибо деньги (сделанные из золота и серебра) будут в отношении τά χρήοα (т. е. материи, составляющей нашу пищу и одежду) лишь тем, чем фартинги и другая, не имеющая внутренней стоимости (extrinsick) местная монета и отношении золотых и серебряных денег.

18. Подобно тому как количество фартингов, требуемое для торговли, определяется численностью населения, частотой совершаемых им меновых сделок и, главным образом, стоимостью наименьшей серебряной монеты, так и количество денег, необходимое для нашей торговли, должно аналогично определяться частотой меновых сделок и размером платежей, совершаемых по закону или обычаю иным образом. (...)

19. На основании всего сказанного я утверждаю, что если в стране имеется слишком много денег, то для нее, равно как и для короля, было бы выгодно и не принесло бы вреда и частным лицам, если бы весь излишек находился в королевских сундуках. Это означало бы то же самое, как если бы людям позволили уплачивать причитающиеся с них налоги любой вещью, без которой им легче всего обойтись.

20. С другой стороны, если бы размеры государственных изъятии были таковы, что денег остается меньше, чем необходимо для ведения национальной торговли, то вредные последствия этого выразились бы в сокращении производимой работы, что означало бы то же, что и сокращение числа жителей или их творчества и усердия. Ибо 100 ф. ст., пройдя через 100 рук в виде их заработной платы, дают толчок производству товаров на 10 тыс. ф. ст.; эти же руки оставались бы праздными и бесполезными, если бы не было этого постоянного стимула к их использованию.

лось участіе въ 120 засѣданіяхъ въ окружныхъ судахъ, въ съѣздахъ мировыхъ судей, въ уѣздныхъ съѣздахъ, въ губернскомъ и въ другихъ присутствіяхъ. Засимъ, на каждое лицо прокурорскаго надзора въ 1912 году приходилось 20 посѣщеній мѣстъ заключенія. Въ разъѣздахъ по дѣламъ службы за тотъ же 1912 г. было проведено каждымъ лицомъ прокурорскаго надзора 59 дней. Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о значительномъ количествѣ работы, производимой чинами прокурорскаго надзора и требующей съ ихъ стороны неослабной энергіи и бдительности. Хотя соотвѣтствующихъ свѣдѣній о числѣ засѣданій, посѣщеніи мѣстъ заключенія и числѣ дней, проведенныхъ въ разъѣздахъ по дѣламъ службы, за время до 1909 г. и не имѣется, но, въ виду общаго роста числа уголовныхъ дѣлъ, можно придти къ тому заключенію, что и эта сторона дѣятельности прокурорскаго надзора должна была усилиться въ теченіе истекшихъ 50 лѣтъ.

Прокурорскимъ надзоромъ судебныхъ палатъ по дѣламъ, внесеннымъ въ порядкѣ ст. 529 Уст. Уг. Суд. на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, въ процентныхъ соотношеніяхъ было составлено.

Годы.	Обвинительныхъ актовъ.	Заключеній о прекращеніи дѣла и др.	Передано въ порядкѣ частнаго обвиненія.	Итого.
1872—1878	47	51	2	100
1889—1893	76	14	10	100
1909—1912	82	6	12	100

Числа 1909—1912 г.г. не вполнѣ сравнимы съ данными за предшествующіе годы, такъ какъ нѣкоторыя заключенія соединены съ обвинительными актами. Тѣмъ не менѣе, уже изъ данныхъ за 2 предыдущихъ пятилѣтія видно, что число обвинительныхъ актовъ значительно увеличилось, а заключенія о прекращеніи и др. сократились въ числѣ (измѣненіе ст. 523 Уст. Уг. Суд. въ 1883 г.). Въ общемъ заключенія прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ соотвѣтствуютъ заключеніямъ прокурорскаго надзора при окружныхъ судахъ. Число случаевъ возвращенія дѣлъ прокурорамъ окружныхъ судовъ совершенно незначительно (менѣе 1% изъ числа дѣлъ, оконченныхъ прокурорскимъ надзоромъ судебныхъ палатъ).

III. Производство дѣлъ въ окружныхъ судахъ.

1. Дѣла уголовныя.

Ежегодное число дѣлъ, поступающихъ въ окружные суды, въ теченіе 1867—1912 г. г. значительно увеличилось, какъ вслѣдствіе постепеннаго открытія новыхъ судебныхъ округовъ, такъ и по другимъ причинамъ. Въ 1867 г. поступило въ существовавшіе въ то время окружные суды всего 5.274 уголовныхъ дѣлъ, въ 1912 году—524.563 дѣла или почти въ 100 разъ болѣе. И въ предѣлахъ одной и той же судебной территоріи ростъ численности вновь поступившихъ дѣлъ весьма значителенъ. Въ 1872 году въ открытые къ тому времени суды поступило 20.628 дѣлъ, въ 1912 году въ тѣ же суды (на той же судебной территоріи) поступило 193.673 дѣла или слишкомъ въ 9 разъ болѣе. Успѣшность производства дѣлъ въ окружныхъ судахъ тѣмъ не менѣе не измѣнилась существенно. Изъ 100 поступившихъ дѣлъ было окончено судами въ 1867—1870 г.г.—80, въ 1874—1878 г.г.—99, въ 1889—1893 г.г.—97, въ 1901—1905 г.г.—98 и въ 1909—1912 г.г. окончено 99.

Общее число разсмотрѣнныхъ окружными судами дѣлъ распадается, прежде всего, на двѣ главныя группы: дѣла, разрѣшенныя въ судебныхъ засѣданіяхъ, и дѣла, оконченныя въ распорядительныхъ засѣданіяхъ. Относительныя числа означенныхъ двухъ группъ представлены въ слѣдующей таблицѣ.

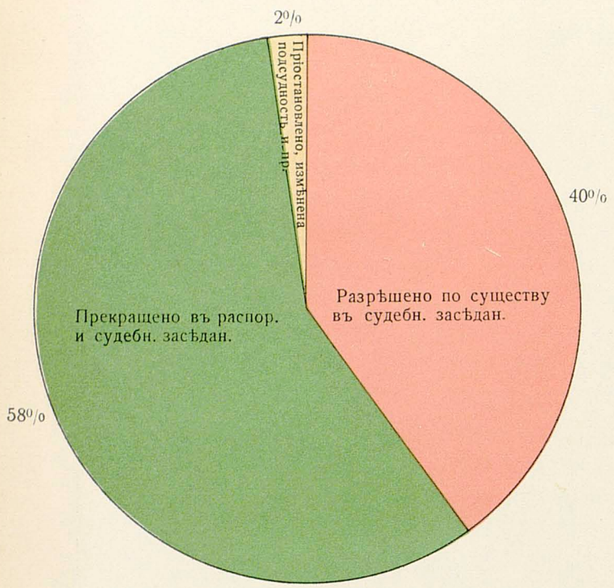
Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ окружными судами (въ первой инстанціи), были разсмотрѣны:

годы.	Въ судебныхъ засѣданіяхъ.	Въ распорядительныхъ засѣданіяхъ.
1874—1878 . . .	40	60
1889—1893 . . .	36	64
1909—1912 . . .	23	77

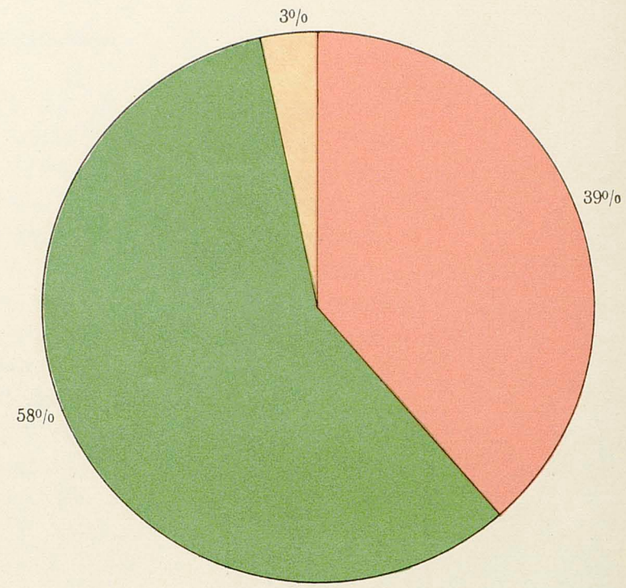
Увеличеніе числа дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, можетъ быть поставлено въ связь съ ростомъ числа дѣлъ, прекращенныхъ на основаніи 16, 277, 523

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РАЗСМОТРѢННЫХЪ ОКРУЖНЫМИ СУДАМИ ДѢЛЪ (ВЪ СУДЕБНЫХЪ И ВЪ РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ) ПО ГЛАВНѢЙШИМЪ КАТЕГОРІЯМЪ.

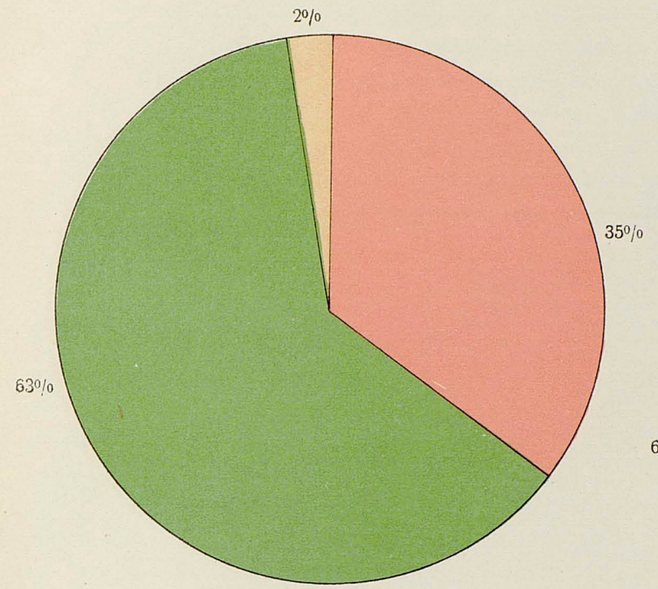
(Средній % по пятилѣтіямъ).



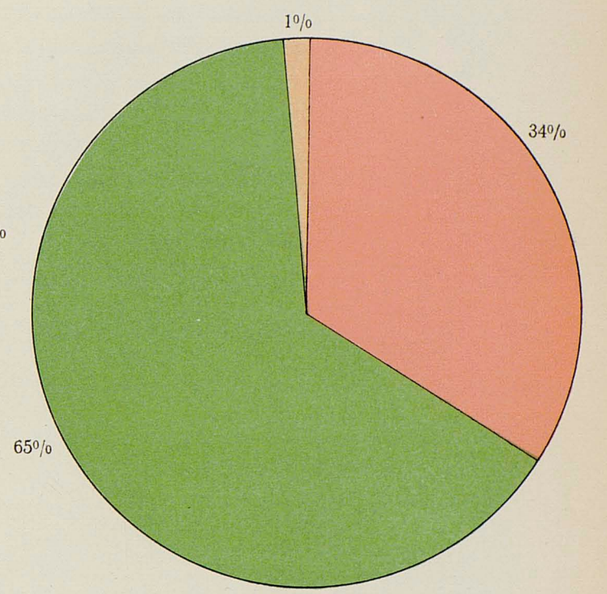
1874—78



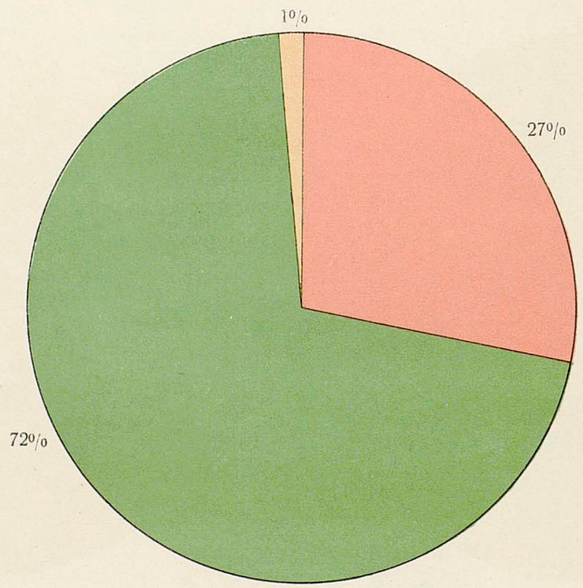
1879—83



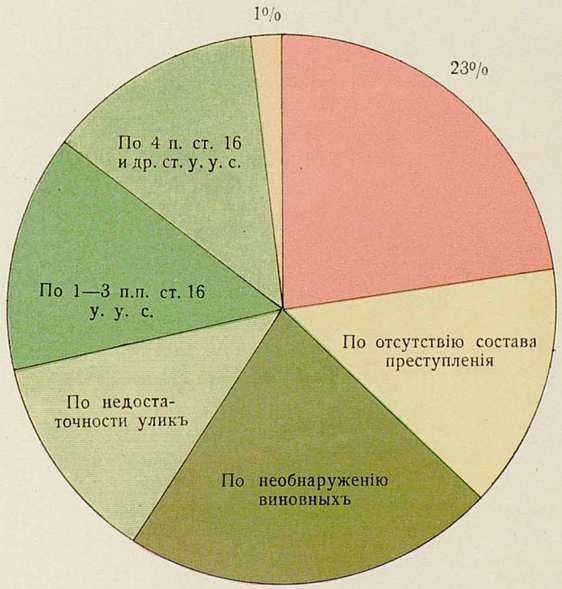
1884—88



1889—94

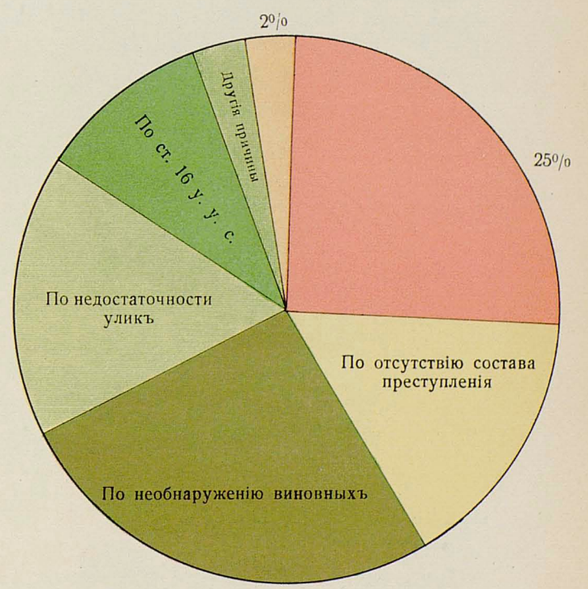


1895—900



Прекращено производствомъ 76%

1901—905



прекращено 73%

1908—912

и друг. ст. Уст. Уг. Суд. Большинство дѣлъ этой категоріи разсматривается въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, но извѣстное число дѣлъ прекращается производствомъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ. Если соединить числа прекращенныхъ въ распорядительныхъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ, сопоставивъ ихъ съ числомъ дѣлъ, разрѣшенныхъ по существу въ судебныхъ засѣданіяхъ, а также съ числомъ дѣлъ, по коимъ измѣнена подсудность, пріостановленныхъ или возвращенныхъ для дослѣдованія, то получаются слѣдующія процентныя соотношенія за 1874—1912 г.г.

Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ окружными судами, было:

годы.	Прекращено производствомъ (въ распорядит. и въ судебн. засѣданіяхъ).	Разрѣшено по существу (въ судебн. засѣданіяхъ).	Пріостановлено, измѣнена подсудность, возвращено для дослѣдованія.
1874—1878 . . .	58	40	2
1879—1883 . . .	58	39	3
1884—1888 . . .	63	35	2
1889—1893 . . .	65	34	1
1894—1900 . . .	72	27	1
1901—1905 . . .	76	23	1
1908—1912 . . .	73	25	2

Въ теченіе перваго десятилѣтія (1874—1883 г.г.) относительное число прекращенныхъ производствомъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ оставалось совершенно одинаковымъ. Значительное измѣненіе въ относительномъ количествѣ прекращенныхъ дѣлъ наступило въ 1883 году, вслѣдствіе закона 3 мая 1883 года объ измѣненіи ст. 523 Уст. Уг. Суд. (направленіе прокурорскимъ надзоромъ дѣлъ къ прекращенію исключительно въ окружные суды). Послѣ 1883 г. число прекращенныхъ производствомъ дѣлъ продолжало, однако, увеличиваться, помимо какихъ либо законодательныхъ мѣръ, вслѣдствіе увеличенія числа слѣдствій, направляемыхъ по 16 и 277 ст. Уст. Уг. Суд., о чемъ было упомянуто въ обзорѣ по слѣдственной части. Увеличеніе числа прекращенныхъ дѣлъ продолжалось вплоть до 1901—1905 г.г., но въ послѣднее пятилѣтіе (1908—1912) замѣчается пріостановка въ означенномъ увеличеніи и паденіе процента разрѣшенныхъ по существу дѣлъ замедлилось.

Обращаясь къ основаніямъ прекращенія дѣлъ окружными судами, можно привести слѣдующія данныя:

Изъ 100 дѣлъ, прекращенныхъ окружными судами въ 1902—1905 г.г. [1]) и въ 1909—1912 г.г. въ судебныхъ и распорядительныхъ засѣданіяхъ, были прекращены по слѣдующимъ основаніямъ:

ГОДЫ.	По отсутствію въ изслѣдуемомъ дѣяніи признаковъ преступленія или проступка.	По причинѣ необнаруженія виновныхъ.	По недостаточности собранныхъ уликъ.	На основаніи ст. 16 Уст. Уг. Суд.	По другимъ причинамъ: неявка част. обвинителя и др.
1902—1905 . .	20	28	16	19	17
1909—1912 . .	24	35	25	12	4

Наиболѣе распространенной причиной прекращенія уголовныхъ дѣлъ является необнаруженіе виновныхъ (28% въ 1902—1905 г.г. и 35% въ 1909—1912 г.г.). Засимъ слѣдуетъ отсутствіе признаковъ преступленія (20 и 24%), а равно и недостаточность собранныхъ уликъ (16 и 25%). Остальныя причины прекращенія дѣлъ встрѣчаются сравнительно рѣже, въ особенности за послѣднее время (16%).

Изъ числа дѣлъ, оконченныхъ окружными судами въ судебныхъ засѣданіяхъ, дѣла, разрѣшенныя при участіи присяжныхъ засѣдателей, въ 1872—1878 г.г. составляли до 76%, въ 1889—1894 г.г. около 53%, въ 1909—1912 г.г.—51%. Нѣкоторое уменьшеніе процента дѣлъ, разрѣшенныхъ съ участіемъ присяжныхъ, преимущественно въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, произошло отчасти вслѣдствіе изъятія въ 1889 году изъ подвѣдомственности суда присяжныхъ дѣлъ различныхъ категорій (въ особенности по должностнымъ преступленіямъ). Въ послѣднее время относительное число дѣлъ, разрѣшенныхъ съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей, остается приблизительно одинаковымъ въ общемъ итогѣ по всей Имперіи.

Въ судебныхъ засѣданіяхъ преобладающее большинство дѣлъ, какъ съ участіемъ, такъ и безъ участія присяжныхъ, разрѣшается окружными судами публично, при открытыхъ дверяхъ, согласно ст. 620 Уст. Уг. Суд. Процентъ дѣлъ, разрѣшенныхъ

---

[1]) До 1902 г. свѣдѣній о причинахъ прекращенія дѣла по ст. 277 Уст. Уг. Суд. не имѣется.

при закрытыхъ дверяхъ, совершенно незначителенъ, какъ видно изъ слѣдующихъ чиселъ:

Изъ 100 дѣлъ, разрѣшенныхъ окружными судами, было разсмотрѣно:

ГОДЫ.	Публично.	При закрытыхъ дверяхъ.
1867—1871 . . .	99	1
1872—1878 . . .	99	1
1884—1888 . . .	97	3
1889—1894 . . .	94	6
1895—1900 . . .	93	7
1901—1905 . . .	96	4
1909—1912 . . .	96	4

Процентъ дѣлъ, разрѣшенныхъ при закрытыхъ дверяхъ, нѣсколько повысился въ 1889—1894 г.г., вслѣдствіе закона 12 февраля 1887 г., увеличившаго число случаевъ негласнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Но засимъ увеличеніе числа дѣлъ, разсмотрѣнныхъ при закрытыхъ дверяхъ, пріостановилось и въ послѣдніе годы (1909—1912) процентъ означенныхъ дѣлъ лишь немногимъ превышаетъ уровень 1884—1888 г.г.

Свѣдѣнія о числѣ жалобъ и протестовъ, принесенныхъ на приговоры окружныхъ судовъ (по расчету на каждые 100 приговоровъ), представлены въ слѣдующей таблицѣ:

На 100 приговоровъ, постановленныхъ окружными судами (съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей), было принесено жалобъ и протестовъ:

ГОДЫ.	Апелляціонныхъ.	Кассаціонныхъ.
1874—1878 . . .	9	8
1879—1883 . . .	9	8
1884—1888 . . .	11	9
1889—1894 . . .	15	7
1895—1900 . . .	18	8
1901—1905 . . .	19	14
1909—1912 . . .	21	6

Изъ приведенныхъ чиселъ усматривается, что процентъ приговоровъ окружныхъ судовъ, обжалованныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ (по дѣламъ безъ присяжныхъ), непрерывно увеличивался и съ 1874 по 1912 г.г. болѣе, чѣмъ удвоился. Что же касается числа кассаціонныхъ жалобъ (преимущественно по приговорамъ, постановленнымъ при участіи присяжныхъ засѣдателей), то, по расчету на 100 окончательныхъ приговоровъ, число это не возрастаетъ и въ 1909—1912 г.г. процентъ обжалованныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ дѣлъ меньше, чѣмъ въ 1874—1878 г.г. Необходимо, однако, принять во вниманіе, что до 1906 года въ число окончательныхъ приговоровъ окружныхъ судовъ не включались приговоры, постановленные во второй инстанціи (по дѣламъ мировой юстиціи). Тѣмъ не менѣе, и по дѣламъ, разрѣшеннымъ исключительно при участіи присяжныхъ, съ 1874 по 1900 г. не замѣчается роста обжалованныхъ приговоровъ, за исключеніемъ только 1901—1905 г.г., каковой періодъ въ этомъ отношеніи представляется исключительнымъ.

Продолжительность производства дѣлъ въ окружныхъ судахъ имѣетъ совершенно различный характеръ въ распорядительныхъ и въ судебныхъ засѣданіяхъ. До 1878 года имѣлись свѣдѣнія о времени производства дѣлъ въ судебныхъ и въ распорядительныхъ засѣданіяхъ вмѣстѣ, вслѣдствіе чего данныя до 1878 г. не сравнимы съ послѣдующими. Большій интересъ представляютъ, конечно, свѣдѣнія о продолжительности производства въ судебныхъ засѣданіяхъ, каковыя и представлены въ слѣдующей таблицѣ.

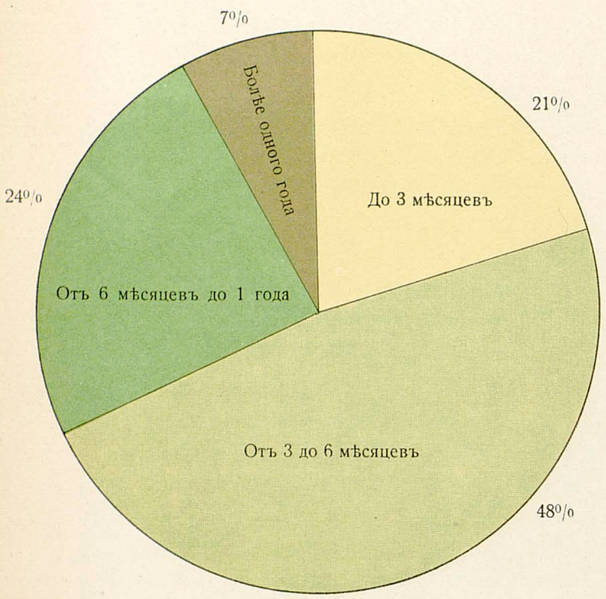
Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ окружными судами въ судебныхъ засѣданіяхъ, продолжались производствомъ:

ГОДЫ.	До 3 мѣсяцевъ.	Отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.	Отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года.	Болѣе 1 года.
1879—1883 . .	21	48	24	7
1884—1888 . .	19	47	27	7
1889—1894 . .	24	47	23	6
1895—1900 . .	22	48	25	5
1901—1905 . .	14	46	29	11
1908—1912 . .	26	36	24	14

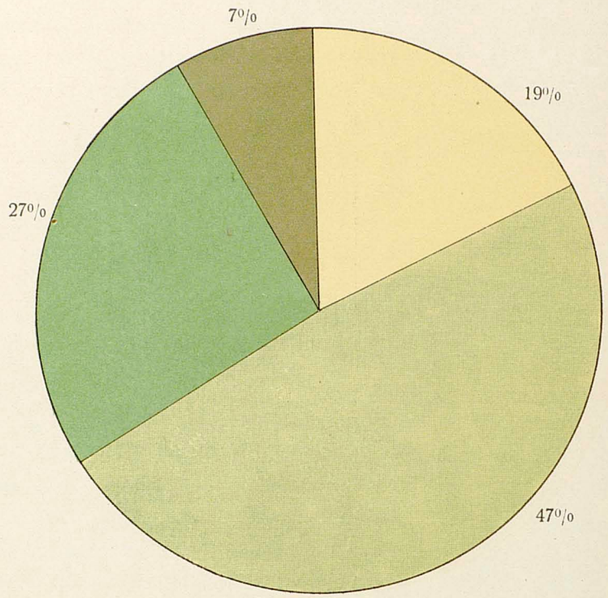
Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что продолжительность производства дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ окружныхъ судовъ

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА ДѢЛЪ, ОКОНЧЕННЫХЪ ВЪ СУДЕБНЫХЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ ОКРУЖНЫХЪ СУДОВЪ.

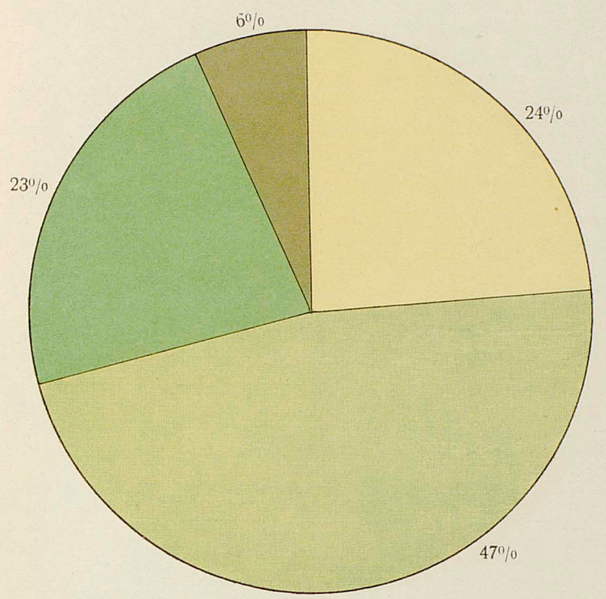
(Распредѣленіе въ %, въ среднемъ, по пятилѣтіямъ).



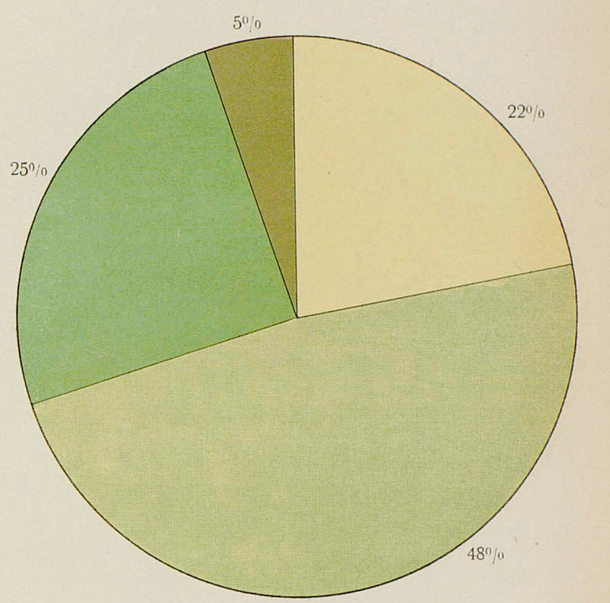
1879—83



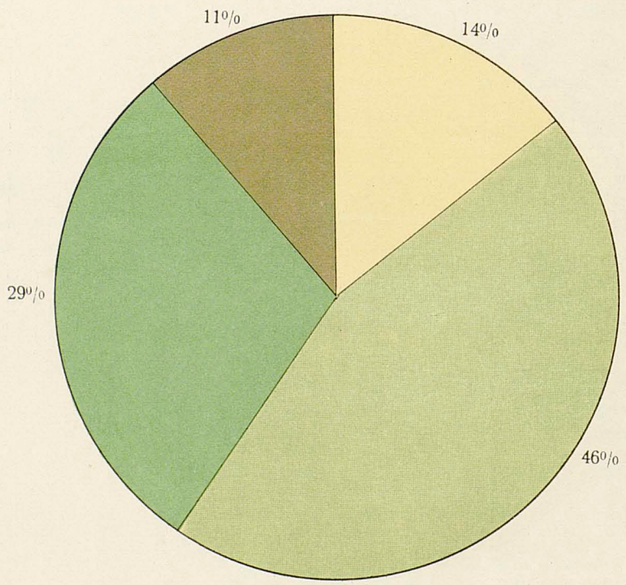
1884—88



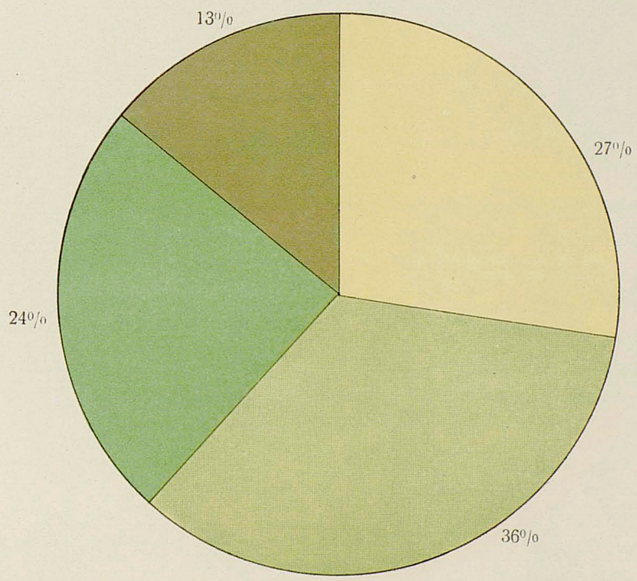
1889—93



1895—900



1901—905



1908—912

до 1900 года держалась, приблизительно, на одномъ уровнѣ: дѣла, находившіяся въ производствѣ болѣе 6 мѣсяцевъ, въ 1879—1883 г.г. составляли 31% изъ числа оконченныхъ дѣлъ, въ 1895—1900 г.г.—30%. Начиная же съ 1901 года, замѣчается нѣкоторое замедленіе въ производствѣ дѣлъ: въ 1901—1905 г.г. дѣлъ, продолжавшихся производствомъ болѣе 6 мѣсяцевъ, было 40%, въ 1909—1912 г.г.—38%. Въ особенности повысился процентъ неоконченныхъ въ теченіе 1 года дѣлъ: съ 5% въ 1895—1900 г.г. до 14% въ 1909—1912 г.г. Указанное явленіе можно объяснить усиленнымъ ростомъ тяжкой преступности, начиная съ 1901 и особенно съ 1905 года, повлекшимъ за собой увеличеніе обремененности членовъ окружныхъ судовъ,—что не могло не отразиться на скорости окончанія уголовныхъ дѣлъ.

2. Судебная репрессія окружныхъ судовъ и наказанія, наложенныя на осужденныхъ.

Свѣдѣнія о числѣ осужденныхъ и оправданныхъ по приговорамъ окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и безъ ихъ участія, имѣются какъ по даннымъ о всѣхъ приговорахъ, постановленныхъ окружными судами, безъ различія, были ли принесены жалобы или протесты на постановленные приговоры или нѣтъ, такъ и по приговорамъ, вошедшимъ въ законную силу, со включеніемъ приговоровъ, утвержденныхъ во второй или кассаціонной инстанціи.

Для сужденія о степени репрессіи собственно окружныхъ судовъ, предпочтительнѣе остановиться на приговорахъ первой категоріи (постановленныхъ вообще), такъ какъ во второй или кассаціонной инстанціи судебные приговоры въ извѣстной части подвергаются измѣненію и процентъ осужденныхъ нѣсколько понижается, вслѣдствіе того, что по отмѣненнымъ приговорамъ первой инстанціи извѣстное число осужденныхъ переходитъ въ категорію оправданныхъ или освобожденныхъ отъ суда. Приводимыя ниже процентныя соотношенія осужденныхъ и оправданныхъ составлены на основаніи общаго числа постановленныхъ приговоровъ, независимо отъ ихъ обжалованія. Свѣдѣнія взяты

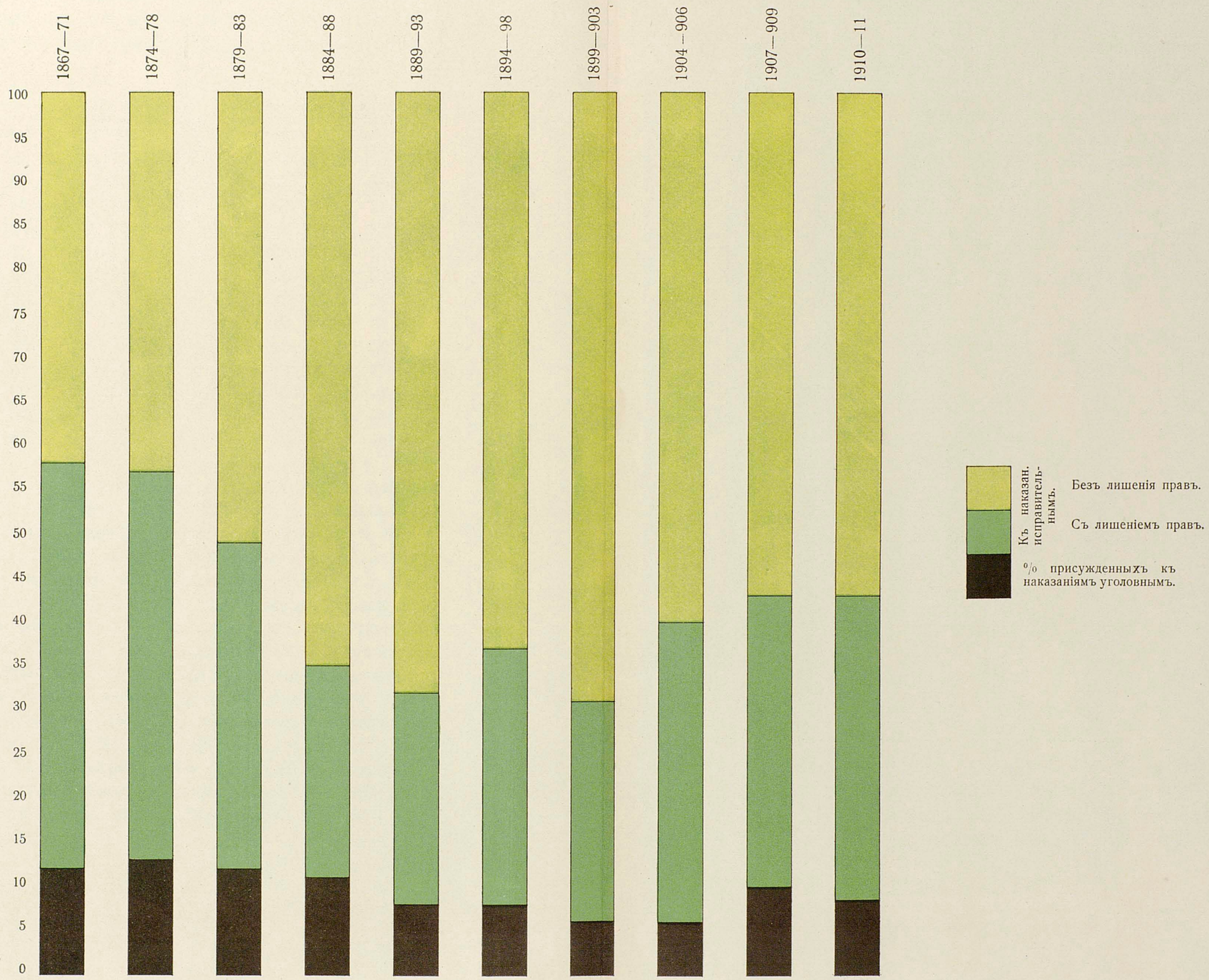
(до 1907 г.) по пятилѣтіямъ, начиная съ 1872 года, такъ какъ до того времени не разрабатывались данныя о числѣ осужденныхъ и оправданныхъ отдѣльно по приговорамъ съ участіемъ присяжныхъ и безъ ихъ участія. Изъ 100 подсудимыхъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ окружными судами въ I инстанціи, было:

ГОДЫ:	Осуждено.		Оправдано.	
	Съучастіемъ присяжныхъ засѣдателей.	Безъ участія присяжныхъ засѣдателей.	Съучастіемъ присяжныхъ засѣдателей.	Безъ участія присяжныхъ засѣдателей.
1872—1876 . .	66	75	34	25
1877—1881 . .	63	74	37	26
1882—1886 . .	60	74	40	26
1887—1891 . .	64	75	36	25
1892—1896 . .	66	72	34	28
1897—1901 . .	64	72	36	28
1902—1906 . .	63	70	37	30
1907	60	69	40	31
1908	60	72	40	28
1909	57	71	43	29
1910	60	73	40	27
1911	60	74	40	26
1912	60	75	40	25

Изъ приведенныхъ чиселъ можно убѣдиться, что репрессія суда присяжныхъ въ теченіе 1872—1906 г.г., съ небольшими колебаніями, держалась, приблизительно, на одномъ уровнѣ—отъ 60 до 66% осужденныхъ изъ 100 подсудимыхъ (въ среднемъ около 64%). За послѣднее время (начиная съ 1907 г.) процентъ осужденныхъ по приговорамъ при участіи присяжныхъ нѣсколько ниже средняго за 1872—1881 г.г., соотвѣтствуя уровню за 1882—1886 г.г. (60% осужденныхъ). По дѣламъ, разрѣшеннымъ безъ участія присяжныхъ, процентъ осужденныхъ, превышая таковой же процентъ по приговорамъ присяжныхъ, въ теченіе 1872—1906 г.г. обнаруживаетъ нѣкоторое стремленіе къ пониженію—78% въ 1872—1876 г.г. и 70% въ 1902—1906 г.г. За послѣднее время (1907—1912 г.г.) замѣчается, напротивъ того, повышеніе относительнаго числа осужденныхъ по приговорамъ безъ участія присяжныхъ (съ 69% въ 1907 г. до 75% въ 1912 г.).

ПРОЦЕНТНОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАКАЗАНІЙ, НАЛОЖЕННЫХЪ НА ОСУЖДЕННЫХЪ ПО ПРИГОВОРАМЪ ОБЩИХЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ.

Изъ 100 осужденныхъ сколько приговорено къ наказаніямъ—уголовнымъ или исправительнымъ.



Что касается наказаній, наложенныхъ на осужденныхъ по приговорамъ судовъ (съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ), а также и судебныхъ палатъ въ I и II инстанціи, то они могутъ быть раздѣлены на три особыя группы: 1) наказанія уголовныя (ссылка въ каторжныя работы и на поселеніе), 2) наказанія исправительныя, соединенные съ лишеніемъ правъ, каковы: отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія (до 1884 года заключеніе въ рабочемъ домѣ), заключеніе въ тюрьмѣ (до 1884 года также и заключеніе въ смирительномъ домѣ), въ нѣкоторыхъ случаяхъ заключеніе въ крѣпости и 3) наказанія исправительныя, не соединенныя съ лишеніемъ правъ: заключеніе въ тюрьмѣ безъ праволишенія, арестъ и другія наказанія ниже тюремнаго заключенія. Соотношеніе между тремя названными видами наказаній показано въ слѣдующей таблицѣ:

Изъ 100 осужденныхъ общими судебными установленіями были присуждены:

ГОДЫ:	Къ наказаніямъ уголовнымъ.	Къ наказаніямъ исправительнымъ. Съ лишеніемъ правъ.	Безъ лишенія правъ.
1867—1871	12	46	42
1874—1878	13	44	43
1879—1883	12	37	51
1884—1888	11	24	65
1889—1893	8	25	67
1894—1898	8	29	63
1899—1903	6	25	69
1904	5	31	64
1905	6	32	62
1906	6	38	56
1907	8	37	55
1908	10	32	58
1909	10	30	60
1910	9	34	57
1911	8	35	57

Относительное число присужденныхъ къ наказаніямъ уголовнымъ постепенно сокращалось отъ 12% въ 1867—1871 г.г. до 6% въ 1899—1903 г.г. Уменьшеніе въ 1901 году (съ 8% въ 1900 до 5%) послѣдовало подъ дѣйствіемъ закона 12 іюня

1900 года о замѣнѣ ссылки на поселеніе другими наказаніями, кромѣ нѣкоторыхъ особо упомянутыхъ случаевъ. Однако, до 1900 года уменьшеніе процента подсудимыхъ, присужденныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ, происходило и помимо особыхъ законодательныхъ мѣръ. Напротивъ того, въ 1882 году значительное число дѣлъ о кражѣ со взломомъ изъ нежилыхъ помѣщеній было передано въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ установленій и, слѣдовательно, въ виду уменьшенія числа лицъ, присужденныхъ къ наказаніямъ исправительнымъ, можно было бы ожидать увеличенія процента уголовныхъ наказаній. Въ дѣйствительности такое увеличеніе временно и произошло, но лишь въ 1883 году и въ 1884 г., а засимъ процентъ присужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы и на поселеніе продолжалъ понижаться. Начиная съ 1905 года, замѣчается увеличеніе процента уголовныхъ наказаній, вслѣдствіе общаго подъема тяжкой преступности въ теченіе 1905—1910 г.г. [1]). За послѣдніе годы, впрочемъ, (1910—1911) относительное число присужденныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ снова обнаруживаетъ стремленіе къ пониженію.

Что касается подсудимыхъ, присужденныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ правъ, то число ихъ такъ же, какъ и присужденныхъ къ наказаніямъ уголовнымъ, до 1901 года постепенно понижалось (съ 46 до 25%), а засимъ заколебалось и даже обнаружило стремленіе къ повышенію (особенно въ 1906—1907 г.г.) подъ вліяніемъ той же общей причины—быстраго роста наиболѣе тяжелыхъ видовъ преступности. Тѣмъ не менѣе, и въ послѣднее пятилѣтіе (1907—1911), по сравненію съ первымъ (1867—1871), замѣчается уменьшеніе процента присужденныхъ къ наказаніямъ уголовнымъ и соединеннымъ съ лишеніемъ правъ (42% противъ 58) и соотвѣтственное увеличеніе числа приговоренныхъ къ наказаніямъ исправительнымъ, безъ лишенія правъ.

---

[1]) Нѣкоторое вліяніе на уменьшеніе процента присужденныхъ къ наказаніямъ исправительнымъ, безъ лишенія правъ, могло оказать также измѣненіе подсудности въ 1906 г. по извѣстнымъ категоріямъ преступленій (въ особенности по 2 ч. ст. 1483, по 1485 ст. Улож. Нак. и др.), дѣла о которыхъ были переданы на разсмотрѣніе мировой юстиціи.

3. Дѣла гражданскія.

Общее число гражданскихъ дѣлъ, поступившихъ въ окружные суды, возрасло хотя и въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ число уголовныхъ дѣлъ, но все же весьма значительно. Въ 1867 г. въ окружные суды вступило 16.122 гражданскихъ дѣла, въ 1871 г.—60.800, въ 1912 году, въ предѣлахъ той же территоріи—147.766 дѣлъ. Цѣнность предъявленныхъ по означеннымъ дѣламъ исковъ за тѣ же годы составляла: 27.101.001 руб., 46.871.498 руб. и 150.190.521 руб., т. е. увеличилась почти въ 6 разъ. Большинство дѣлъ, разрѣшенныхъ окружными судами, составляютъ однако не исковыя дѣла, а дѣла, производящіяся въ охранительномъ и исполнительномъ порядкѣ, а также дѣла по частнымъ жалобамъ и производствамъ. Дѣла названныхъ категорій составляли болѣе двухъ третей общаго числа оконченныхъ дѣлъ въ 1867—1871 г.г. и немного меньше ихъ отношеніе въ 1908—1912 г.г. Дѣла исковыя, разрѣшенныя въ общемъ, сокращенномъ и упрощенномъ порядкѣ, составляли отъ одной трети до 40% дѣлъ, оконченныхъ въ I инстанціи.

Изъ 100 дѣлъ, оконченныхъ въ первой инстанціи, было разрѣшено:

Годы:	Съ удовлетвореніемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ требованій истца.	Съ отказомъ въ искѣ.
1867—1871 . . .	76	24
1908—1912 . . .	76	24

Относительныя числа рѣшеній, удовлетворяющихъ исковыя требованія и отказывающихъ въ искѣ, остались совершенно одинаковыми въ начальномъ и въ послѣднемъ пятилѣтіи. За промежуточный періодъ числовыя данныя не разработаны или, частью, и совершенно отсутствуютъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, особыхъ отклоненій не представляютъ. На каждыя 100 оконченныхъ дѣлъ было подано апелляціонныхъ и частныхъ жалобъ въ 1867—1871 г.г.—8, въ 1908—1912 г.г. нѣсколько болѣе—11 жалобъ.

IV. Производство дѣлъ въ судебныхъ палатахъ.

1. Въ качествѣ обвинительной камеры.

Число дѣлъ, ежегодно возникающихъ въ судебныхъ палатахъ въ качествѣ обвинительной камеры, находится въ соотвѣтствіи съ числомъ дѣлъ, предложенныхъ прокуроромъ палаты на основаніи ст. 529 Уст. Уг. Суд. Означенное число въ 1872—1876 г.г. составляло 23.904 дѣла, въ 1908—1912 г.г. —41.963. По оконченнымъ дѣламъ состоялось опредѣленій (въ процентныхъ соотношеніяхъ).

ГОДЫ:	О преданіи обвиняемыхъ суду [1])	О прекращеніи дѣла [2])	Объ измѣненіи подсудности, раздѣленіи предметовъ изслѣдованія и пр.	ИТОГО:
1874—1878	46	46	8	100
1889—1894	74	16	10	100
1901—1905	79	14	7	100
1909—1912	80	9	11	100

До измѣненія въ 1883 году порядка направленія прокурорскимъ надзоромъ дѣлъ, подлежащихъ прекращенію (ст. 523 Уст. Уг. Суд.), число заключеній о преданіи суду составляло менѣе половины общаго числа опредѣленій судебныхъ палатъ. Въ настоящее время опредѣленія о преданіи суду доходятъ до 80% общаго числа, со включеніемъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ порядкѣ ст. 540 Уст. Уг. Суд. Если вычесть означенныя дѣла (около 12%), то все-таки заключенія о преданіи суду въ 1909—1912 г.г. составляютъ до 68%. Дѣла, прекращенныя производствомъ, въ 1909—1912 г.г. не превышаютъ 2% общаго числа. До 7% составляютъ опредѣленія смѣшанныя (нѣсколько опредѣленій по одному дѣлу).

Производство дѣлъ въ обвинительныхъ камерахъ отличается значительною скоростью, которая, съ теченіемъ времени, обна-

---

[1]) Включая дѣла, разрѣшенныя въ порядкѣ частнаго обвиненія (ст. 540 Уст. Уг. Суд.).

[2]) Включая смѣшанныя опредѣленія разнаго рода о нѣсколькихъ обвиняемыхъ.

руживаетъ наклонность къ увеличенію. Изъ 100 оконченныхъ дѣлъ продолжались производствомъ менѣе одного мѣсяца въ 1874—1878 г.г.—77, въ 1895—1900 г.г.—84, въ 1901—1905 г.г.—90, въ 1909—1912 г.г.—около 93. Дѣла, продолжавшіяся производствомъ болѣе 6 мѣсяцевъ, въ 1909—1912 г.г. составляли менѣе 1%.

---

2. Въ качествѣ первой инстанціи.

Свѣдѣнія о производствѣ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ, какъ первой судебной инстанціи, имѣются, начиная съ 1878 г., въ каковомъ году, по закону 9 мая, былъ учрежденъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей для разбора дѣлъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ (преимущественно служебныхъ и противъ порядка управленія). До 1889 года число дѣлъ, поступившихъ и разрѣшенныхъ судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, было невелико, не превышая двухъ или трехъ сотъ (въ среднемъ за 1884—1888 г.г.—157 дѣлъ въ годъ). Подъ вліяніемъ закона 7 іюля 1889 года, коимъ значительное количество дѣлъ объ оскорбленіи и неуваженіи власти, похищеніи правительственныхъ актовъ, побѣгѣ арестантовъ и другихъ преступленіяхъ было передано суду сословныхъ представителей, численность оконченныхъ въ судебныхъ палатахъ дѣлъ увеличилась въ нѣсколько разъ. Въ среднемъ за 1909—1912 г.г. въ судебныя палаты по первой инстанціи вступало 6.517 дѣлъ ежегодно. Большинство дѣлъ разбирается съ участіемъ сословныхъ представителей: въ 1879—1883 г.г.—до 74%, въ 1889—1893 г.г. свыше 93% и въ 1909—1912 г.г. свыше 83% были разрѣшены палатами при участіи сословныхъ представителей. Судебная репрессія въ первой инстанціи судебныхъ палатъ выражается въ слѣдующихъ числахъ:

Изъ 100 подсудимыхъ по дѣламъ I инстанціи въ среднемъ ежегодно:

Г О Д Ы.	Осуждено.	Оправдано.
1879—1883	56	44
1884—1888	63	37
1889—1894	68	32

Г О Д Ы.	Осуждено.	Оправдано.
1895—1900	67	33
1901—1905	69	31
1906—1908	65	35
1909—1912	69	31

Начиная съ 1889 года, процентныя соотношенія осужденныхъ и оправданныхъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ судебными палатами въ первой инстанціи, остаются, приблизительно, одинаковыми, хотя по отдѣльнымъ годамъ и замѣчаются колебанія. Число осужденныхъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ при участіи сословныхъ представителей, въ 1889—1894 г.г. составляло 68% общаго числа подсудимыхъ, въ 1909—1912 г.г.—69%. По дѣламъ, разрѣшеннымъ безъ участія сословныхъ представителей, за тѣ же годы осуждено 73 и 70% подсудимыхъ, т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ по приговорамъ сословныхъ представителей. На 100 разрѣшенныхъ дѣлъ было подано жалобъ и протестовъ:

Г О Д Ы.	По дѣламъ съ участіемъ сословныхъ представителей.	Безъ участія сословныхъ представителей.
1879—1883	11	26
1884—1888	20	34
1889—1893	21	33
1909—1912	17	21

Число принесенныхъ жалобъ и протестовъ въ 1909—1912 г.г. значительно меньше, чѣмъ въ 1884—1893 г.г., какъ по дѣламъ разрѣшеннымъ при участіи, такъ и безъ участія сословныхъ представителей. По дѣламъ послѣдней категоріи процентъ обжалованныхъ приговоровъ вообще больше, чѣмъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ при участіи сословныхъ представителей, но въ послѣднее время указанное различіе (въ 1879—1883 г.г. весьма значительное) замѣтно уменьшилось. Изъ числа обжалованныхъ приговоровъ высшей инстанціей отмѣняется ежегодно не болѣе 6—8%.

Продолжительность производства дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ выражается въ слѣдующихъ процентныхъ соотношеніяхъ:

Изъ 100 оконченныхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ дѣлъ продолжались производствомъ:

Годы.	Менѣе 3 мѣсяцевъ.	Отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.	Отъ 6 мѣсяцевъ до 1 г.	Болѣе 1 года.	Итого.
1879—1883	6	39	43	12	100
1889—1893	3	28	49	20	100
1901—1905	4	26	45	25	100
1909—1912	26	35	26	13	100

За послѣдніе годы (1909—1912) замѣчается значительное ускореніе производства дѣлъ въ судебныхъ палатахъ въ качествѣ 1 инстанціи по сравненію съ прежними годами. Число дѣлъ, находившихся въ производствѣ болѣе 6 мѣсяцевъ, въ 1879—1883 г.г. составляло до 56% всѣхъ оконченныхъ дѣлъ (въ 1901—1905 г.г. даже 70%), а въ 1909—1912 г.г. только 39%.

---

3. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи.

Число дѣлъ, поступившихъ на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, какъ апелляціонной инстанціи по дѣламъ, разрѣшеннымъ окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, достигло болѣе или менѣе значительной величины только съ 1885 года. Среднее ежегодное число дѣлъ, поступившихъ по апелляціоннымъ жалобамъ въ судебныя палаты, въ 1867—1871 г.г. не превышало 291, въ 1874—1878 г.г.—533, въ 1879—1883 г.г.—687, въ 1884—1888 г.г. достигло 1.386. Въ 1908—1912 г.г. въ среднемъ ежегодно поступало въ судебныя палаты 13.285 апелляціонныхъ дѣлъ, или въ 40 разъ болѣе, чѣмъ въ 1867 — 1871 г.г. Въ предѣлахъ одной и той же территоріи въ 1873 году въ судебныя палаты поступило 292 дѣла, въ 1912 году — 4.947 дѣлъ, или въ 17 разъ больше. Что касается относительнаго числа утвержденныхъ и измѣненныхъ или отмѣненныхъ приговоровъ окружныхъ су-

довъ къ общему числу разсмотрѣнныхъ въ апелляціонной инстанціи дѣлъ, то колебанія его представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Изъ каждыхъ 100 дѣлъ, разсмотрѣнныхъ судебными палатами въ апелляціонномъ порядкѣ, приговоры окружныхъ судовъ были:

Г О Д Ы.	Утверждены.	Измѣнены.	Дѣла прекращены производствомъ.
1874—1878 . . .	56	44	—
1879—1883 . . .	62	34	4
1884—1888 . . .	73	26	1
1889—1893 . . .	66	32	2
1894—1900 . . .	61	29	10
1901—1905 . . .	61	30	9
1908—1912 . . .	70	26	4

Изъ приведенныхъ чиселъ видно, что наибольшее относительно число приговоровъ первой инстанціи было измѣнено или отмѣнено въ 1874—1878 г.г. (около 44% общаго числа). Засимъ, въ среднемъ по пятилѣтіямъ процентъ измѣненныхъ приговоровъ подвергался колебаніямъ, но ни разу не подымался выше 34%. Наименьшее, сравнительно, число приговоровъ было измѣнено апелляціонной инстанціей въ 1884—1888 и въ 1908—1912 г.г. (не свыше 26%). Если отнести число измѣненныхъ судебными палатами приговоровъ не къ числу дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ, а къ общему числу приговоровъ, постановленныхъ окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей,, то процентъ измѣненныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ приговоровъ оказывается совершенно незначительнымъ, не превышающимъ 4 или 5% общаго числа. Что касается апелляціонныхъ дѣлъ, прекращенныхъ производствомъ, то наибольшее число ихъ прекращено на основаніи п. 4 ст. 16 Уст. Уг. Суд., вслѣдствіе чего число это, само по себѣ незначительное, возрастаетъ въ годы изданія Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ, какъ, напримѣръ, 1894, 1896 и 1904 г.г.

Число дѣлъ, по коимъ были принесены кассаціонныя жалобы и протесты на приговоры судебныхъ палатъ, по расчету на 100 разсмотрѣнныхъ въ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ, въ сред-

немъ по пятилѣтіямъ измѣнялось лишь въ незначительныхъ размѣрахъ, какъ видно изъ слѣдующей таблицы.

На 100 дѣлъ, оконченныхъ судебными палатами въ апелляціонномъ порядкѣ, было подано кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ:

1874—1878	г.г.	11
1879—1883	„	9
1884—1888	„	9
1889—1893	„	13
1894—1900	„	13
1901—1905	„	11
1908—1912	„	14

Въ теченіе 1874—1888 г.г. процентъ обжалованныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ дѣлъ нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1889—1912 г.г., но различіе незначительно: около 9% въ первый періодъ и около 12% или 13% во второй періодъ. Преобладаютъ численно кассаціонныя жалобы, подаваемыя сторонами; протесты, принесенные прокурорскимъ надзоромъ, составляютъ не болѣе 3% общаго числа просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній судебныхъ палатъ.

Продолжительность производства апелляціонныхъ дѣлъ, оконченныхъ судебными палатами, въ среднемъ по пятилѣтіямъ, съ 1874 по 1905 г. замѣтно увеличилась. Болѣе 6 мѣсяцевъ находились въ производствѣ изъ 100 дѣлъ въ 1874—1878 г.г.—13, въ 1879—1883 г.г.—15, въ 1889—1893 г.г.—37, а въ 1901—1905 г.г. даже 50. Въ послѣднее время (1908—1912 г.г.) замѣчается, однако, ускореніе въ производствѣ дѣлъ, и процентъ дѣлъ, находившихся въ производствѣ болѣе 6 мѣсяцевъ (35%), по сравненію съ числами 1901—1905 г.г., значительно сократился, вернувшись къ уровню 1889—1893 г.г. Необходимо при семъ принять во вниманіе, что обремененность членовъ уголовныхъ департаментовъ судебныхъ палатъ за изслѣдуемый періодъ возрасла въ нѣсколько разъ. Въ 1874—1878 г.г., въ среднемъ, на одного члена уголовнаго департамента палаты поступило 15 апелляціонныхъ дѣлъ, въ 1879—1883 г.г.—16, а въ 1908—1912 гг. свыше 90 дѣлъ.

4. Дѣла гражданскія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о производствѣ гражданскихъ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ имѣются только за 1866—1871 г.г. и за 1908—1912 г.г. Въ среднемъ за 1867—1871 г.г. вступило всего гражданскихъ дѣлъ 3.192, въ 1908—1912 г.г.— 33.605. Изъ числа вступившихъ дѣлъ большинство составляютъ дѣла апелляціонныя по жалобамъ на рѣшенія окружныхъ судовъ—62% въ 1867—1871 г.г. и 66% въ 1908—1912 г.г. Остальныя дѣла почти всѣ возникаютъ по частнымъ жалобамъ и, въ послѣднее время, кассаціоннымъ жалобамъ (по дѣламъ мировой юстиціи). Число гражданскихъ дѣлъ, производящихся въ судебныхъ палатахъ въ качествѣ первой инстанціи, совершенно незначительно и составляло въ 1908—1912 г.г. не болѣе ½% общаго числа вступившихъ дѣлъ. Въ 1867—1871 г.г. относительное число дѣлъ въ первой инстанціи было нѣсколько больше и достигало до 4 или 5% числа вступившихъ.

Изъ 100 апелляціонныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ по существу въ 1867—1871 г.г., было окончено съ утвержденіемъ обжалованнаго рѣшенія 65, съ измѣненіемъ или отмѣною обжалованнаго рѣшенія—35. Въ 1908—1912 г.г. повторяются тѣ же относительныя числа: утверждено 65%, измѣнено или отмѣнено 35% изъ числа обжалованныхъ рѣшеній. По дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ первой инстанціи (по искамъ о вознаграждеиіи за вредъ и убытки съ должностныхъ лицъ), исковыя требованія были всѣ или частію удовлетворены въ 1867—1871 г.г. въ 8 случаяхъ изъ 100. Въ 1909—1912 г.г. то же отношеніе: по 8% изъ числа разрѣшенныхъ дѣлъ исковыя требованія удовлетворены, по 92% въ искѣ отказано. Общая цѣнность предъявленныхъ въ первой инстанціи исковъ составляла въ 1867—1871 г.г., въ среднемъ, 100.688 рублей, въ 1909—1912 г.г. значительно меньше—27.122 рубля.

По расчету на 100 оконченныхъ судебными палатами въ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ въ 1867 году (свѣдѣній за послѣдующіе годы не имѣется) было принесено 12 кассаціонныхъ жа-

лобъ. Въ 1909—1912 г.г. на 100 апелляціонныхъ дѣлъ приходится 11 кассаціонныхъ жалобъ, т.-е. процентъ обжалованныхъ дѣлъ весьма сходенъ съ процентомъ, отмѣченнымъ въ 1867 г.

V. Свѣдѣнія о дѣятельности кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

1. Уголовный кассаціонный департаментъ.

Число дѣлъ, вступившихъ и разсмотрѣнныхъ Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, въ теченіе 1866—1912 г.г. увеличивалось соотвѣтственно съ общимъ ростомъ числа дѣлъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. По жалобамъ на приговоры общихъ судебныхъ установленій въ 1867 г. было разрѣшено 139 дѣлъ, въ среднемъ ежегодно за 1874—1878 г.г. вступило 1.291 дѣло, въ среднемъ за 1910—1912 г.г. вступило 7.476 дѣлъ, окончено въ среднемъ за то же трехлѣтіе 7.421 дѣло.

Изъ 100 дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, возникли по жалобамъ и протестамъ на приговоры:

годы.	Окружныхъ судовъ.	Судебныхъ палатъ.
1874—1878 . . .	96	4
1908—1912 . . .	54	46

Такимъ образомъ, дѣла по жалобамъ и протестамъ на приговоры судебныхъ палатъ, вначалѣ составлявшія не болѣе 4% общаго числа разсмотрѣнныхъ дѣлъ, за послѣднее пятилѣтіе достигли уже значительной величины (46%), немногимъ уступая численности дѣлъ по жалобамъ на приговоры окружныхъ судовъ. Указанная перемѣна въ процентномъ соотношеніи обѣихъ категорій дѣлъ находится въ связи съ расширеніемъ подвѣдомственности судебныхъ палатъ и значительнымъ увеличеніемъ числа разрѣшенныхъ ими дѣлъ. Процентное отношеніе числа обжалованныхъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ, оставленныхъ въ силѣ и отмѣненныхъ уголовнымъ кассаціоннымъ де-

партаментомъ, въ среднемъ по пятилѣтіямъ, показано въ слѣдующей таблицѣ:

Изъ 100 дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ кассаціонномъ порядкѣ, приговоры:

	Окружныхъ судовъ.			Судебныхъ палатъ.		
ГОДЫ.	Оставлены въ силѣ.	Отмѣнены.	Итого.	Оставлены въ силѣ.	Отмѣнены.	Итого.
1874—1878 . .	89	11	100	72	28	100
1879—1883 . .	89	11	100	72	23	100
1884—1888 . .	91	9	100	78	22	100
1889—1893 . .	93	7	100	88	12	100
1894—1900 . .	93	7	100	91	9	100
1901—1905 . .	92	8	100	91	9	100
1908—1912 . .	88	12	100	92	8	100

Изъ приведенной таблицы усматривается, что по дѣламъ окружныхъ судовъ процентъ отмѣненныхъ приговоровъ съ 1874 по 1900 г. постепенно уменьшался, но начиная съ 1901 года замѣчается обратное движеніе въ процентѣ кассированныхъ приговоровъ и въ послѣднемъ пятилѣтіи (1908—1912) означенный процентъ даже нѣсколько превысилъ уровень 1874—1883 г.г. Что касается обжалованныхъ приговоровъ судебныхъ палатъ, то число оставленныхъ въ силѣ приговоровъ съ 1874 по 1912 г. все время возрастало, а процентъ отмѣненныхъ приговоровъ въ той же мѣрѣ уменьшался, сократившись съ 28% въ 1874—1878 г.г. до 8% въ 1908—1912 г.г. До 1900 года процентъ приговоровъ судебныхъ палатъ, отмѣненныхъ Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, значительно превышалъ соотвѣтственный процентъ приговоровъ окружныхъ судовъ, въ 1901—1905 г.г. оба числа почти сравнялись, а въ 1908—1912 г.г. перевѣсъ въ числѣ отмѣненныхъ приговоровъ впервые оказался на сторонѣ окружныхъ судовъ, а не судебныхъ палатъ.

Число дѣлъ по кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ на приговоры мировыхъ судебныхъ установленій возросло почти въ той же мѣрѣ, какъ и по жалобамъ на приговоры общихъ судебныхъ установленій. Въ 1867 году Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ было разсмотрѣно 611 дѣлъ мировой юстиціи, изъ сего числа по 129 дѣламъ, или 21%, приговоры

ПРОЦЕНТЪ ПРИГОВОРОВЪ СУДЕБНЫХЪ ПАЛАТЪ И ОКРУЖНЫХЪ СУДОВЪ, ОСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ СИЛѢ И ОТМѢНЕННЫХЪ УГОЛОВНЫМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ, ВЪ СРЕДНЕМЪ, ПО ПЯТИЛѢТІЯМЪ СЪ 1874—78 ПО 1908—12 гг.

мировыхъ съѣздовъ были отмѣнены, по остальнымъ дѣламъ (79%) кассаціонныя жалобы и протесты оставлены безъ послѣдствій. Въ среднемъ, за 1910—1912 г.г. изъ числа обжалованныхъ приговоровъ мировыхъ съѣздовъ было отмѣнено около 13%, т. е. значительно менѣе, чѣмъ въ 1867 году.

---

2. Гражданскій кассаціонный департаментъ.

Въ 1867 году по Гражданскому кассаціонному департаменту было разрѣшено 160 дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія судебныхъ палатъ, изъ сего числа по 23 дѣламъ (14%) рѣшенія судебныхъ палатъ были отмѣнены. Дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія мировыхъ судебныхъ установленій было разрѣшено 524, причемъ по 59 дѣламъ (11%) рѣшенія мировыхъ съѣздовъ были отмѣнены. По 86 изъ 100 разсмотрѣнныхъ дѣлъ общихъ судебныхъ установленій и по 89 изъ 100 дѣлъ мировыхъ установленій кассаціонныя жалобы были оставлены безъ послѣдствій.

Помимо 1867 г., о болѣе ранней дѣятельности Гражданскаго кассаціоннаго департамента свѣдѣній не имѣется. За послѣдній же по времени отпечатанія отчетный годъ—1912—по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній судебныхъ палатъ было разсмотрѣно 4.024 дѣла, изъ сего числа по 1.265 дѣламъ (31%) обжалованныя рѣшенія были отмѣнены, по 2.759, или 69%, утверждены. По просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ было разсмотрѣно 7.522 дѣла, изъ коихъ по 2.561, или 34%, обжалованныя рѣшенія были отмѣнены, по 4.961, или 66%, утверждены.

Въ видѣ общаго заключенія о производствѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ съ 1866 г. до настоящаго времени, въ краткихъ словахъ, можно сказать слѣдующее: насколько о томъ можно судить по имѣющимся налицо даннымъ судебной статистики, числовыя соотношенія, отражающія основные моменты отправленія правосудія, въ большинствѣ случаевъ не измѣнились

существенно за истекшій періодъ. Несмотря на весьма значительное увеличеніе обремененности членовъ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій, вслѣдствіе усиленнаго роста числа гражданскихъ и, въ особенности, уголовныхъ дѣлъ (послѣ 1905 г.), не замѣчается вообще особаго замедленія въ производствѣ дѣлъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ обвинительныхъ камерахъ, по дѣламъ первой инстанціи въ судебныхъ палатахъ) произошло даже уменьшеніе въ продолжительности производства. Судебная репрессія въ общихъ чертахъ не претерпѣла существенныхъ измѣненій, и процентъ осужденныхъ и оправданныхъ по приговорамъ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленій за послѣднее время не отличается замѣтно отъ соотвѣтствующихъ чиселъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Болѣе существенное измѣненіе въ числахъ замѣчается только въ случаяхъ принятія новыхъ законодательныхъ мѣръ, такъ или иначе измѣняющихъ порядокъ судопроизводства (какъ, напримѣръ, измѣненіе подсудности по извѣстнымъ категоріямъ дѣлъ, измѣненіе въ порядкѣ направленія дѣлъ прокурорскимъ надзоромъ и пр.). Но, за исключеніемъ означенныхъ случаевъ, въ видѣ общаго правила, разъ установившійся порядокъ производства дѣлъ въ общихъ и мировыхъ судебныхъ установленіяхъ продолжаетъ дѣйствовать изъ года въ годъ съ достаточной степенью устойчивости, отраженіемъ которой и является устойчивость соотвѣтствующихъ чиселъ судебной статистики.

Е. Тарновскій.

Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ процесса и права гражданскаго.

I. Отношеніе суда къ закону по Судебнымъ Уставамъ. II. Правотворческая дѣятельность суда въ области гражданскаго права (матеріальнаго). III. Правотворческая дѣятельность суда въ области гражданскаго судопроизводства. IV. Критическая оцѣнка правотворческой дѣятельности Правительствующаго Сената. V. Заключеніе.

I. Отношеніе суда къ закону по Судебнымъ Уставамъ.

Составители Судебныхъ Уставовъ, преобразуя кореннымъ образомъ судебныя учрежденія и порядокъ производства дѣлъ въ нихъ, должны были прежде всего остановиться на важнѣйшей, основной проблемѣ судоустройства: на вопросѣ объ отношеніи судовъ къ закону. Этотъ вопросъ допускаетъ различныя рѣшенія. До изданія Судебныхъ Уставовъ, у насъ господствовала система буквальнаго примѣненія законовъ, при которой судъ обязанъ при разрѣшеніи дѣлъ руководствоваться буквальнымъ смысломъ юридическихъ нормъ, а въ случаѣ сомнѣнія въ немъ, или при недостаткѣ подходящаго закона, пріостанавливать производство и обращаться за разъясненіемъ къ законодательной власти. Эта система установилась въ западно-европейскихъ законодательствахъ конца XVIII вѣка и защищалась литературой того времени (Беккарія, Монтескье, Бентамомъ и др.); ее рекомендовалъ Наказъ Екатерины II; ее же санкціонировалъ Сводъ Законовъ, какъ въ 65 ст. Основныхъ Законовъ, которая требовала, чтобы законы „были исполняемы по точному и буквальному смыслу, безъ всякаго измѣненія и распространенія“, и, воспроизводя выраженія Наказа, воспрещала судамъ „допускать

обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій", такъ и въ другихъ статьяхъ, предписывавшихъ всѣмъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, въ случаѣ встрѣченныхъ сомнѣній при буквальномъ примѣненіи законовъ, пріостанавливать рѣшеніе дѣлъ и „представлять по порядку своему начальству", пока дѣло не доходило до Сената [1]). Но и Сенатъ не имѣлъ права разрѣшать „такія дѣла, на которыя не окажется точнаго закона", а долженъ былъ „о всякомъ случаѣ (казусѣ), требующемъ изданія новыхъ, или пополненія, либо перемѣны существующихъ узаконеній", составлять проектъ разрѣшенія, который затѣмъ вносился министромъ юстиціи, съ его заключеніемъ, въ Государственный Совѣтъ, откуда поступалъ на Высочайшее утвержденіе [2]).

Эта система буквальнаго примѣненія законовъ и теоретически несостоятельна, и практически вредна и неудобна. Несостоятельна она потому, что, стремясь къ обособленію судебной власти отъ законодательной, она на самомъ дѣлѣ влечетъ за собою смѣшеніе ихъ, навязывая законодателю несвойственную ему роль судьи. Вредна она потому, что, при господствѣ ея, юридическія отношенія между гражданами регулируются не на основаніи существующихъ законовъ, съ которыми каждый имѣетъ возможность ознакомиться и сообразовать свои дѣйствія, а на основаніи новыхъ законовъ, спеціально издаваемыхъ для отдѣльныхъ случаевъ и раньше гражданамъ неизвѣстныхъ. Наконецъ, эта система и неудобна, именно въ томъ отношеніи, что чрезвычайно замедляетъ разрѣшеніе судебныхъ дѣлъ. Можно себѣ представить, во что обратилось бы въ наши дни отправленіе правосудія, если бы сотни сомнѣній, возникающихъ ежедневно у судей при примѣненіи законовъ, должны были разрѣшаться законодательными учрежденіями. Вѣдь это значило бы, что масса дѣлъ пріостанавливалась бы производствомъ до тѣхъ поръ, пока возникшія сомнѣнія не были бы разъяснены постановленіями Государственной Думы, одобренными Государственнымъ Совѣтомъ и утвержденными Высочайшей властью [3]).

---

[1]) Ст. 52 Осн. Зак., изд. 1857 г.; ст. 281 Общ. Губ. Учр., изд. 1857 г.

[2]) Ст. 227 Учр. Пр. Сената, изд. 1857 г.

[3]) Подробности о системѣ буквальнаго примѣненія законовъ см. въ моемъ „Ученіи о толкованіи и примѣненіи гражд. законовъ", 1901, стр. 62 и сл., 206 и сл., особенно же стр. 74 и примѣч. 10, 24 и 30.

Но если судья не долженъ быть связанъ буквой закона, если онъ не долженъ ходить все время на помочахъ у законодательной власти, если ему необходимо предоставить право самостоятельно устранять встрѣчающіяся при примѣненіи юридическихъ нормъ сомнѣнія и восполнять пробѣлы въ законодательствѣ, значитъ, ему слѣдуетъ даровать свободу правотворчества въ области, не нормированной прямыми и ясными велѣніями закона. Эта свобода можетъ быть, однако, двоякаго рода: абсолютной, полной и относительной, ограниченной. При абсолютной свободѣ судъ воленъ разрѣшать вопросы, на которые нѣтъ прямого отвѣта въ дѣйствующемъ правѣ, по собственному убѣжденію и усмотрѣнію. Эту систему, не осуществленную въ чистомъ видѣ ни однимъ законодательствомъ, проповѣдуютъ нѣкоторые представители возникшаго въ недавнее время въ германской и австрійской литературѣ направленія подъ именемъ „школы свободнаго права“ [1]). Но такая система страдаетъ недостаткомъ противоположнымъ тому, который подрываетъ значеніе системы буквальнаго примѣненія законовъ: она не ставитъ законодателя въ положеніе судьи, но зато, наоборотъ, дѣлаетъ судью въ извѣстной мѣрѣ законодателемъ. А это еще болѣе опасно. При такой системѣ вопросы, прямо и ясно не разрѣшенные въ законахъ, тоже разрѣшаются на основаніи нормъ, не установленныхъ заранѣе, а нарочно создаваемыхъ для каждаго отдѣльнаго случая и потому напередъ неизвѣстныхъ гражданамъ. Да вдобавокъ, эти нормы создаются не законодательными учрежденіями, которыя по своей организаціи и условіямъ дѣятельности приспособлены къ правотворчеству, а судьями, находящимися въ несравненно худшемъ положеніи. Вѣдь проекты законовъ, прежде чѣмъ получить санкцію, подвергаются обсужденію въ разныхъ комиссіяхъ, при участіи спеціалистовъ, и въ органахъ прессы, а затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе многолюдныхъ законодательныхъ собраній, гдѣ подвергаются критикѣ съ раз-

---

[1]) Первоначально представители этого направленія считали нужнымъ предоставить суду право даже отступать въ своихъ рѣшеніяхъ отъ постановленій закона, признаваемыхъ ими несправедливыми и нецѣлесообразными, но затѣмъ, подъ вліяніемъ встрѣченной въ литературѣ оппозиціи, ограничили область свободнаго творчества суда тѣми случаями, когда въ законодательствѣ имѣются пробѣлы, неустранимые, притомъ, ни интерпретаціей, ни заключеніемъ по аналогіи. Обзоръ литературы этого вопроса даютъ: Heck. Das Problem der Rechtsfindung. 1912. Pattai. Der Kampf um die Rechtswissenschaft, 1913.

личныхъ точекъ зрѣнія представителями разныхъ политическихъ партій и соціальныхъ группъ. Можетъ ли одинъ судья или маленькая судебная коллегія, обремененные массой текущей работы, неподготовленные и непривыкшіе къ законодательному творчеству и, притомъ, обязанные разрѣшать возникающіе у нихъ вопросы немедленно, безъ проволочки, могутъ ли они сколько-нибудь успѣшно выполнять законодательную функцію? Кромѣ того, эта система имѣетъ еще и другую опасную сторону: она не обезпечиваетъ единообразія судебной практики, столь же важнаго для прочности гражданскаго оборота, какъ и закономѣрность управленія. Чувство справедливости не у всѣхъ развито одинаково, а понятія о правѣ различны. Легко себѣ вообразить, какую пеструю картину представляла бы собой судебная практика, если бы суды разрѣшали непредусмотрѣнные въ законахъ случаи по внутреннему убѣжденію: въ каждомъ судебномъ округѣ, быть можетъ, даже въ каждомъ мировомъ участкѣ установилась бы своя особая практика, и государственный организмъ, несмотря на единство законодательства, оказался бы разбитымъ на множество мелкихъ клѣтокъ съ особыми правопорядками въ каждой. Юридическія положенія, признаваемыя въ одномъ округѣ или участкѣ, отрицались бы въ другихъ, а для гражданъ, какъ вѣрно замѣтили составители Судебныхъ Уставовъ, „не можетъ быть большаго зла, когда они не знаютъ, что законно и что противно закону, когда они теряютъ сознаніе о своихъ правахъ и обязанностяхъ, между тѣмъ какъ всякое гражданское общество существуетъ прочно только подъ управленіемъ на точномъ основаніи закона“ [1]). Таковъ былъ бы результатъ безусловно свободнаго правотворчества судовъ при самомъ строгомъ и тщательномъ выполненіи ими своихъ обязанностей. А что получилось бы при недобросовѣстности судей? Какую прекрасную лазейку для проявленія пристрастія и произвола открываетъ имъ право постановлять рѣшенія по „внутреннему убѣжденію“, не допускающему провѣрки съ помощью какого-либо объективнаго критерія. Не будучи обязаны мотивировать свои рѣшенія предписаніями законовъ и потому ускользая отъ контроля высшихъ инстанцій, судьи получили бы возможность безнаказанно склонять вѣсы правосудія въ любую сто-

[1]) Объясн. къ 189 ст. Уст. Гр. Суд.

рону, въ зависимости отъ своихъ личныхъ симпатій и интересовъ.

Итакъ, ни первая, ни вторая система—ни рабское подчиненіе суда буквѣ закона, ни абсолютная свобода правотворчества—не даютъ ключа къ правильному разрѣшенію проблемы объ отношеніи суда къ закону. Но между этими двумя противоположными дорогами, почти одинаково гибельными для нормальнаго развитія гражданскаго оборота, имѣется средній, вполнѣ безопасный и удобный путь: система относительной свободы правотворчества, или восполненія пробѣловъ по общему смыслу дѣйствующихъ законовъ. Если первая система принуждаетъ судъ двигаться только по проложеннымъ законодателемъ рельсамъ и останавливаться тамъ, гдѣ онѣ кончаются, хотя бы предъ нимъ еще простиралось необозримое поле требующихъ разрѣшенія вопросовъ; если вторая система предоставляетъ суду полную свободу дѣйствій и выборъ любого направленія по своему произволу, то третья, не лишая его самодѣятельности, все же предписываетъ ему опредѣленный курсъ и снабжаетъ компасомъ. Именно, она даетъ суду право самостоятельно устранять сомнѣнія и пробѣлы въ законахъ, но обязываетъ его руководствоваться при этомъ общимъ смысломъ, общими принципами дѣйствующаго законодательства; судъ получаетъ возможность ремонтировать и достраивать незаконченное зданіе законодательства, безъ помощи самого законодателя, но долженъ придерживаться плана, по которому оно возведено, продолжая намѣченныя законодателемъ линіи и дополняя недодѣланныя имъ части; онъ можетъ творить новое право, но не иначе, какъ соблюдая прежній стиль, и не въ правѣ къ готическому корпусу пристраивать романскіе своды и разрисовывать его въ мавританскомъ вкусѣ. Другими словами, при третьей системѣ судъ обязанъ основывать свои рѣшенія исключительно на нормахъ дѣйствующаго права и логическихъ выводахъ изъ нихъ, а такъ какъ нормы дѣйствующаго права, обнародуемыя во всеобщее свѣдѣніе, должны быть извѣстны всѣмъ гражданамъ, логическіе же выводы дѣлаются изъ нихъ по правиламъ общечеловѣческой логики, всѣми людьми сознательно или безсознательно примѣняемыми, то, въ концѣ-концовъ, единственнымъ регуляторомъ правовой жизни становится при этой системѣ—законъ. Благодаря этому, граждане, вступая въ юридическія

отношенія между собою, могутъ предвидѣть послѣдствія своихъ дѣйствій и, слѣдовательно, сообразовать съ этимъ свое поведеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судебныя рѣшенія допускаютъ провѣрку какъ со стороны высшихъ инстанцій, такъ и со стороны общества, въ лицѣ спеціалистовъ-юристовъ и печати, такъ какъ для такой провѣрки имѣется объективный масштабъ: общій смыслъ дѣйствующаго права, раскрываемый по правиламъ логики. Словомъ, эта система, осуществляя вполнѣ принципъ отдѣленія судебной власти отъ законодательной, обезпечиваетъ закономѣрность управленія и полагаетъ прочную юридическую основу для нормальнаго развитія гражданскаго оборота.

Эту-то именно единственно правильную и принятую современными законодательствами важнѣйшихъ европейскихъ государствъ [1]) систему и ввели Судебные Уставы, воспретивъ, съ одной стороны, судьямъ пріостанавливать производство „подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ“ (ст. 10 Уст. Гр. Суд.), а съ другой стороны, предписавъ имъ руководствоваться „точнымъ разумомъ закона“ и „общимъ смысломъ законовъ“ (ст. 9 и 10 Уст. Гр. Суд.). Изъ разсужденій составителей Уставовъ подъ этими статьями видно, что они считали—и вполнѣ правильно—эту систему необхо-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя законодательства половины XIX вѣка дали судамъ право свободнаго творчества при разрѣшеніи случаевъ, не предусмотрѣнныхъ въ законахъ, при условіи, если эти случаи не могутъ быть разрѣшены ни съ помощью интерпретаціи законовъ, ни на основаніи обычнаго права (австр. гражд. улож., § 7, итал. гражд. улож., § 3, кодексы нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ, цитир. въ моемъ „Ученіи о толкованіи“, стр. 207 и 208). Такую же систему, въ сущности, воспроизвело новое швейцарское гражданское уложеніе (§ 1), только формулировало ее нѣсколько иначе и, притомъ, не вполнѣ одинаково во французскомъ и нѣмецкомъ параллельныхъ текстахъ. См. Шершеневичъ, Общая теорія права, 1911—1912, стр. 747, прим. 3. Нельзя не указать, что если законодатель признаетъ за судомъ право свободнаго творчества только при разрѣшеніи вопросовъ, которыхъ невозможно разрѣшить на основаніи дѣйствующаго права, посредствомъ толкованія его и съ помощью общихъ принциповъ, проводимыхъ въ немъ, т. е., по духу законодательства, то для проявленія судами свободнаго правотворчества врядъ ли останется мѣсто, по той причинѣ, что, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Шершеневичъ въ указанномъ сочиненіи (стр. 755), „если судья, прежде, чѣмъ дать ходъ своему творчеству, долженъ обратиться къ духу законодательства, то получится одно изъ двухъ: или такой духъ дѣйствительно существуетъ, — и тогда рѣшеніе будетъ всегда найдено по аналогіи, или такого духа не существуетъ, — и тогда аналогія невозможна никогда“. Но каждое законодательство обладаетъ своимъ духомъ, выражающимся въ совокупности общихъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ его постановленій, а потому всякій случай, прямо не предусмотрѣнный законами, можетъ быть разрѣшенъ согласно духу законодательства. Это подтверждается судебной практикой тѣхъ государствъ, гдѣ судамъ предоставлена свобода правотворчества. Unger. System des österreichischen allgem. Privatrechts, 1, § 11.

димой „для совершеннаго отдѣленія судебной власти отъ законодательной". Съ введеніемъ ея, суды получили возможность проявлять въ извѣстной мѣрѣ правотворчество. Если до реформы 1864 г. они могли создавать и примѣнять новыя нормы только выходя за предѣлы своей власти, контрабаднымъ путемъ, то теперь имъ было разрѣшено дѣлать это открыто: превышеніе власти превратилось въ исполненіе обязанности, а контрабанда утратила свой противозаконный характеръ.

Развязавъ судамъ руки и предоставивъ имъ свободу дѣйствій, Судебные Уставы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли мѣры къ тому, чтобы предупредить разнорѣчіе между судами и обезпечить единообразіе судебной практики. Съ этой цѣлью, они придали судебной системѣ видъ пирамиды, положивъ въ ея основаніе единоличные и коллегіальные суды первой инстанціи, а въ вершину—Гражданскій кассаціонный департаментъ Сената, какъ единую, общую для всѣхъ судовъ высшую инстанцію, возложивъ на нее наблюденіе „за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными мѣстами Имперіи" (объясн. къ 189 ст. Уст. Гр. Суд.). Для выполненія этой задачи Сенату было дано право и вмѣнено въ обязанность: 1) отмѣнять рѣшенія судебныхъ палатъ и мировыхъ съѣздовъ, въ случаѣ существеннаго нарушенія ими законовъ матеріальнаго права или процесса, и передавать дѣла для новаго разсмотрѣнія другимъ однороднымъ судамъ (ст. 193 и 809 Уст. Гр. Суд.) и 2) публиковать свои рѣшенія, въ которыхъ разъясняются законы, во всеобщее свѣдѣніе (ст. 815).

Приведенными законами Судебные Уставы, какъ признано почти единогласно въ юридической литературѣ [1]), предначертали новымъ судамъ слѣдующій планъ дѣйствій: 1) гражданскія дѣла должны быть разрѣшаемы ими не по буквѣ, а по „точному разуму", т. е. по дѣйствительному внутреннему смыслу законовъ, раскрываемому при помощи выработанныхъ теоріей пріемовъ толкованія; 2) въ случаѣ неясности или противорѣчія въ законахъ, суды, не имѣя права пріостанавливать производство и обращаться за указаніями къ законодательной власти, обязаны сами устранять затрудненія посредствомъ толкованія; 3) неполнота и недостатокъ закона (частичный и полный

---

[1]) Указанія см. въ моемъ „Ученіи о толкованіи законовъ", стр. 294 и сл.

пробѣлы въ правѣ по разрѣшаемому судомъ вопросу) подлежатъ устраненію посредствомъ логическихъ выводовъ изъ наличныхъ нормъ дѣйствующаго законодательства, въ частности путемъ примѣненія по аналогіи нормъ, установленныхъ для сходныхъ случаевъ; 4) толкуя и примѣняя такимъ образомъ законы, судебныя учрежденія должны принимать въ соображеніе разъясненія Сената, но не подчиняться имъ слѣпо, а руководствоваться лишь постольку, поскольку они представляются по существу своему правильными.

Не вполнѣ такъ, однако, истолковалъ постановленія Устава о примѣненіи законовъ и невѣрно понялъ свою роль Сенатъ. Въ противность общепринятому въ литературѣ мнѣнію, опирающемуся какъ на общіе принципы судебной реформы, такъ и на заявленія самихъ составителей Уставовъ [1]), Сенатъ, отождествивъ выраженія „буквальный смыслъ“ и „точный разумъ“, призналъ, что законы должны быть примѣняемы по буквальному смыслу, и что только при неясности буквальнаго смысла или въ случаяхъ неполноты, противорѣчія и недостатка законовъ, дозволительно толкованіе и логическое развитіе ихъ [2]). Къ счастью, эту точку зрѣнія Сенатъ не проводилъ вполнѣ послѣдовательно, отличая во многихъ случаяхъ буквальный смыслъ отъ „точнаго разума“ закона [3]) и нерѣдко высказывалъ вполнѣ правильное мнѣніе, что и ясные по буквальному смыслу законы нуждаются въ толкованіи [4]). Кромѣ того, не согласуя своего дѣла со словомъ, Сенатъ, при разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, постоянно обращался къ логическому толкованію, даже при

[1]) Объясн. къ 9 и 10 ст. Уст. Гр. Суд.

[2]) Рѣш. 1868 г. № 853, 1871 г. № 394, 1879 г. № 16, 1880 г. № 107, 1881 г. № 79 и мн. др. до самаго послѣдняго времени (рѣш. 1909 г. № 10, 1912 г. № 46).

[3]) Рѣш. 1879 г. № 3: „Такъ какъ буквальное содержаніе этого закона не даетъ прямого указанія для разрѣшенія спора въ томъ или другомъ смыслѣ, то палатѣ слѣдовало обратиться къ точному его разуму“. Ср. рѣш. 1889 г. № 53, 1905 г. № 33, 1906 г. № 72, 1907 г. №№ 39, 53, 79.

[4]) Рѣш. 1884 г. № 18: „При примѣненіи законовъ, судебныя мѣста обязаны руководствоваться ихъ точнымъ разумомъ, уясненію же смысла, разума закона служитъ та цѣль, для которой законъ этотъ изданъ“. Рѣш. 1885 г. № 76: „Истинный смыслъ 1 пункта 737 ст. Уст. Гр. Суд., познаваемый не столько по тексту его, сколько сопоставленіемъ его съ другими законами и усвоеніемъ его цѣли“... Рѣш. 1909 г. № 26: „По буквальному смыслу содержанія ст. 555 гр. код. она имѣетъ въ виду лишь третьихъ лицъ въ указанномъ смыслѣ. Но, толкуя этотъ законъ по общему его смыслу, нельзя не признать, что въ основаніи его лежитъ такой принципъ, который вполнѣ примѣнимъ и къ случаю, возникшему въ настоящемъ дѣлѣ“. Ср. рѣш. 1882 г. № 84, 1896 г. № 53, 1903 г. № 101, 1910 г. № 41.

ясности буквальнаго смысла законовъ, подходящихъ къ тѣмъ вопросамъ, которые подлежали его обсужденію.

При восполненіи пробѣловъ въ законодательствѣ при помощи „общаго смысла" законовъ, Сенатъ примѣнялъ обычные, рекомендуемые теоріей пріемы логическаго развитія, преимущественно же заключеніе по аналогіи въ двухъ его формахъ: аналогіи закона и аналогіи права. Однако, при этомъ, держась правильнаго взгляда на сущность аналогіи, какъ на примѣненіе одной или нѣсколькихъ нормъ къ случаямъ, ими прямо непредусмотрѣннымъ, но по существу сходнымъ съ предусмотрѣнными [1]), Сенатъ сузилъ область пользованія этимъ пріемомъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ старинное, традиціонное правило, по которому спеціальные и исключительные законы не подлежатъ примѣненію по аналогіи. Согласно этому, совершенно ошибочному и основанному на невѣрно понятыхъ изреченіяхъ римскихъ юристовъ правилу, случаи, по существу однородные съ предусмотрѣнными въ спеціальныхъ или исключительныхъ законахъ и требующіе одинаковаго нормированія, подлежатъ обсужденію не по этимъ законамъ, а по общимъ, вопреки справедливости и цѣлесообразности [2]). Къ счастью, и въ этомъ пунктѣ Сенатъ оказался непослѣдовательнымъ: сплошь и рядомъ онъ примѣнялъ по аналогіи законы, имѣющіе, несомнѣнно, характеръ спеціальныхъ изъятій. Едва ли не самымъ рельефнымъ примѣромъ является установленное Сенатомъ ограниченіе виндикаціи движимыхъ вещей отъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя ихъ у владѣльца, не имѣющаго права собственности: спеціаль-

---

[1]) Рѣш. 1880 г. № 206: „При разрѣшеніи могущихъ возникнуть недоразумѣній надлежитъ руководствоваться тѣми постановленіями закона, которыя опредѣляютъ отношенія, свойственныя учрежденіямъ, наиболѣе сходнымъ съ указаннымъ, какъ по характеру, такъ и по цѣли своей дѣятельности". Рѣш. 1910 г. № 39: „возбужденный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ по аналогіи закона, т. е. сообразно съ тѣми его постановленіями, которыми опредѣляются правовыя отношенія, наиболѣе близкія по своей природѣ къ подлежащимъ разрѣшенію". Ср. рѣш. 1901 г. №№ 110 и 125, 1895 г. № 21, 1904 г. № 49, 1911 г. № 54.

[2]) Рѣш. 1870 г. № 334: „Ст. 9 Уст. Гр. Суд. не дозволяетъ суду недостатокъ въ спеціальномъ постановленіи по одному предмету восполнять спеціальнымъ постановленіемъ, изданнымъ исключительно для другого предмета". Рѣш. 1884 г. № 59: „Спеціальный законъ, установляющій для извѣстнаго рода дѣлъ или случаевъ изъятія изъ общаго закона, не можетъ быть распространяемъ по аналогіи на непредусмотрѣнные имъ дѣла и случаи". Дальнѣйшія подробности объ указанномъ традиціонномъ правилѣ см. въ моихъ сочин.: „Ученіе о толкованіи гражд. зак.", стр. 286 и 287, 307—309, и „Руководство къ толкованію и примѣненію законовъ, 1913, стр. 145—147.

ныя правила о безповоротности продажи движимаго имущества съ публичнаго торга (ст. 1069 Уст. Гр. Суд.) и товаровъ, данныхъ на комиссію несостоятельному должнику (ст. 476 Уст. Суд. Торг.) Сенатъ распространилъ на всѣ случаи отчужденія движимыхъ вещей фактическимъ ихъ владѣльцемъ при условіи добросовѣстности пріобрѣтателя [1]).

Невѣрно понялъ Сенатъ и свое отношеніе къ низшимъ судамъ: онъ расширилъ свою компетенцію за ихъ счетъ. Постановленіе 815 ст. Уст. Гр. Суд., предписывающей публиковать разъясненія Сената „во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ", Гражданскій касс. департаментъ понялъ въ смыслѣ безусловной обязательности своихъ разъясненій для всѣхъ подвѣдомственныхъ ему судебныхъ учрежденій при разрѣшеніи дѣлъ, однородныхъ съ тѣми, по коимъ послѣдовали разъясненія. Между тѣмъ, ни изъ 815 ст. Уст. Гр. Суд., ни изъ объясненій къ ней не видно, чтобы составители Уставовъ хотѣли придать рѣшеніямъ Сената такую силу. Мало того, они даже не могли этого сдѣлать, не подрывая принятаго и послѣдовательно проведеннаго ими принципа отдѣленія судебной власти отъ законодательной, такъ какъ объявить сенатскія разъясненія обязательными для всѣхъ судовъ, по отношенію ко всѣмъ сходнымъ и однороднымъ дѣламъ, значило бы придать этимъ разъясненіямъ характеръ общихъ юридическихъ нормъ — пояснительныхъ законовъ, значило бы присвоить Сенату въ извѣстныхъ предѣлахъ законодательную власть. Чтобы составители Судебныхъ Уставовъ хотѣли предоставить Сенату такую прерогативу, это тѣмъ менѣе вѣроятно, что ея не имѣетъ и французскій кассаціонный судъ, послужившій образцомъ при учрежденіи кассаціонныхъ департаментовъ Сената. И однако Сенатъ, какъ по Гражданскому кассаціонному департаменту [2]), такъ и по Общему Собранію [3]) призналъ за собою монополію правотворчества, поставивъ преграду самодѣятельности прочихъ судовъ и придавъ ей даже запретный характеръ [3]). Подавленные авторитетомъ Сената, суды стали, въ большинствѣ случаевъ, слѣпо примѣнять сенатскія разъясне-

---

[1]) Рѣш. 1880 г. №№ 291 и 303.

[2]) Рѣш. 1867 г. № 519, 1872 г. № 974, 1873 г. № 168, 1874 г. № 599, 1879 г. № 9 и др.

[3]) Рѣш. Общ. Собр. 1867 г. № 519 и др., вплоть до 1909 г. № 30.

нія и, вмѣсто того, чтобы самостоятельно толковать и логически развивать нормы, ограничивались подыскиваніемъ подходящихъ сенатскихъ рѣшеній, жадно ловя каждое, даже мимоходомъ оброненное замѣчаніе, каждое случайное слово Сената [1]). Въ результатѣ оказалось, что толкованіе законовъ почти всецѣло сосредоточилось въ рукахъ Сената, такъ что подъ правотворчествомъ судебной практики приходится понимать только творческую дѣятельность одного Сената [2]).

II. Правотворческая дѣятельность суда въ области гражданскаго права (матеріальнаго).

Матеріалъ, надъ которымъ пришлось работать новымъ судамъ въ области гражданскаго права, не только позволялъ, но и настоятельно требовалъ отъ нихъ широкой интенсивной самодѣятельности. Имъ нужно было разрѣшать столкновенія интересовъ въ развивающемся съ каждымъ днемъ все сильнѣе и разностороннѣе гражданскомъ оборотѣ при помощи правилъ Свода Законовъ, этой груды плохо систематизированныхъ и еще хуже редактированныхъ узаконеній казуистическаго характера, изданныхъ въ разныя эпохи, на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, нерѣдко по случайнымъ поводамъ, неполныхъ, противорѣчивыхъ, не освѣщенныхъ общими принципами, отставшихъ отъ измѣнившихся условій жизни. Вдобавокъ, изъ всѣхъ частей Свода наихудшей является та, съ которой чаще всего пришлось имѣть дѣло новымъ судамъ,—1 часть X тома,—небрежно склеенная

[1]) Нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебныя учрежденія не подчинялись разъясненіемъ Сената и тѣмъ побуждали его пересматривать свои разъясненія, причемъ иногда Сенатъ сознавался въ своей ошибкѣ и измѣнялъ взглядъ. Такъ, напр., въ рѣшеніи Гражд. касс. деп. 1907 г. № 101 говорится: „въ силу приведенныхъ соображеній, отступая по данному вопросу отъ разъясненій, преподанныхъ въ рѣшеніи 1885 г. № 8, и признавая вполнѣ правильнымъ изложенное выше заключеніе судебной палаты, Сенатъ опредѣляетъ кассаціонную жалобу оставить безъ послѣдствій". Но такіе случаи встрѣчались въ практикѣ Сената очень рѣдко. Между тѣмъ, они ясно показываютъ, какъ полезно предоставить низшимъ судамъ самостоятельность при разрѣшеніи дѣлъ. См. по этому вопросу мой „Курсъ гражд. процесса", I, 1913 г., стр. 217 и 218.

[2]) Проявлять самостоятельное творчество могли только тѣ судебныя палаты, которыя выполняли кассаціонную функцію вмѣсто Сената. Но сборники ихъ рѣшеній не публиковались и въ печать проникли только немногія рѣшенія.

„переходными", связующими статьями мозаика изъ подробныхъ постановленій по вопросамъ, которые затрагиваютъ интересы казны или относятся къ дворянскому землевладѣнію, и изъ скудныхъ, отрывочныхъ и неясныхъ правилъ о наиболѣе распространенныхъ и важныхъ отношеніяхъ гражданскаго оборота, мозаика съ массой пустыхъ мѣстъ, настоятельно требовавшихъ заполненія.

Общей части въ гражданскихъ законахъ нѣтъ; неясныя и противорѣчивыя постановленія о правоспособности и дѣеспособности физическихъ лицъ включены въ раздѣлъ, посвященный опекѣ, или разсѣяны по другимъ томамъ Свода; немногія, тоже сбивчивыя и неполныя правила относительно объектовъ права пріурочены преимущественно къ недвижимымъ имуществамъ; о юридическихъ же лицахъ и сдѣлкахъ никакихъ постановленій общаго характера нѣтъ, за исключеніемъ трехъ статей, которыя перечисляютъ общества и учрежденія, обладающія правомъ пріобрѣтать имущества [1]), и нѣсколькихъ статей, посвященныхъ заключенію и исполненію договоровъ [2]). Не менѣе многочисленны и важны пробѣлы въ области вещнаго права. Отсутствуютъ не только опредѣленіе вещнаго права, но и указанія на разницу между вещнымъ и обязательственнымъ правомъ; равнымъ образомъ, нѣтъ ни опредѣленія понятія владѣнія, ни характеристики способовъ пріобрѣтенія и потери его, а столь существенному вопросу, какъ защита владѣнія, посвящена всего одна статья [3]). Въ ученіи о правѣ собственности обойденъ молчаніемъ принципіальный вопросъ о необходимости передачи владѣнія (традиціи) для пріобрѣтенія права собственности по договору, и совершенно не упомянуто о цѣлой группѣ способовъ пріобрѣтенія права собственности: спецификаціи, смѣшеніи, приращеніи движимости къ движимости, застройкѣ, засѣвѣ и др. Но особенно недостаточны постановленія о вещныхъ правахъ на чужое имущество: изъ всѣхъ видовъ узуфрукта подвергнутъ нормированію только одинъ (пожизненное владѣніе родовымъ имѣніемъ супруга, завѣщаннымъ однимъ супругомъ другому [4]), о сервитутахъ дано всего нѣсколько самыхъ общихъ правилъ [5]),

---

[1]) Ст. 413, 414 и 698.
[2]) Ст. 569—572, 1528 и сл.
[3]) Ст. 531.
[4]) Ст. 533[1]—533[13].
[5]) Ст. 452 и сл., 535, 536.

а о реальныхъ повинностяхъ вовсе не говорится. Немало весьма важныхъ пробѣловъ и въ обязательственномъ правѣ. Ни объ условіяхъ и срокахъ, ни о договорахъ между отсутствующими лицами и въ пользу третьихъ лицъ, ни о симуляціи нѣтъ ни слова, а общія условія дѣйствительности договоровъ опредѣлены неполно и неточно. Затѣмъ, оставлены безъ всякой нормировки бумаги на предъявителя, представительство безъ полномочія и незаконное обогащеніе; постановленія же объ отдѣльныхъ договорахъ, даже широко распространенныхъ въ жизни, крайне скудны и сводятся иной разъ къ одной—двумъ статьямъ. Въ области семейнаго права недостаточность постановленій особенно чувствуется въ институтахъ опеки и попечительства, а въ наслѣдственномъ правѣ оставлены почти безъ регламентаціи институты душеприказчичества и отказовъ.

Вотъ краткій перечень наиболѣе обширныхъ и важныхъ пробѣловъ въ гражданскихъ законахъ, настоятельно требовавшихъ устраненія. И Сенатъ приступилъ къ ихъ устраненію. Гдѣ представлялось возможнымъ, онъ прибѣгалъ къ аналогіи, распространяя на непредусмотрѣнные законами случаи отдѣльныя нормы и группы нормъ, установленныя для сходныхъ, однородныхъ случаевъ; гдѣ этотъ пріемъ былъ непримѣнимъ, за отсутствіемъ въ законодательствѣ нормъ, относящихся къ однороднымъ случаямъ, тамъ Сенатъ выводилъ изъ наличныхъ нормъ общіе принципы, съ которыми и оперировалъ; наконецъ, гдѣ и это было невозможно, Сенатъ подвергалъ юридическому анализу встрѣтившіеся случаи и давалъ соотвѣтствующее ихъ существу разрѣшеніе, руководствуясь соображеніями справедливости и цѣлесообразности и стараясь, чтобы это разрѣшеніе не противорѣчило общимъ принципамъ дѣйствующаго законодательства.

Очень многіе и порою весьма крупные пробѣлы Сенатъ восполнилъ первымъ способомъ—посредствомъ заключенія по аналогіи.

Такъ, выше было замѣчено, что въ 1 части X тома предусмотрѣнъ и нормированъ только одинъ видъ узуфрукта, или пользовладѣнія, именно пожизненное владѣніе родовымъ имѣніемъ, предоставленное однимъ супругомъ другому по завѣщанію. Но пожизненное владѣніе можетъ имѣть предметомъ и благопріобрѣтенныя имущества, можетъ быть установлено собственникомъ не только по завѣщанію, но и другими возмездными и

безвозмездными сдѣлками; встрѣчается, наконецъ, не пожизненное, а срочное пользовладѣніе [1]). Но такъ какъ всѣ эти виды пользовладѣнія по существу своему одинаковы, то Сенатъ примѣнилъ къ нимъ правила, касающіяся пожизненнаго владѣнія родовымъ имуществомъ въ силу завѣщанія супруга [2]).—Въ гражданскихъ законахъ упомянутъ цѣлый рядъ случаевъ, когда надъ имуществомъ должна быть учреждена опека: поводами къ этому служатъ какъ малолѣтство собственника, такъ и его душевная болѣзнь, расточительность, безвѣстное отсутствіе, смерть. А права и обязанности опекуновъ опредѣлены закономъ только примѣнительно къ опекѣ надъ имуществомъ малолѣтнихъ лицъ. Сенатъ распространилъ постановленія, касающіяся одного этого вида опеки, и на другіе, находя, что, „въ силу ст. 9 Уст. Гр. Суд., надлежитъ руководствоваться тѣми постановленіями закона, которыя опредѣляютъ правовыя отношенія, свойственныя учрежденіямъ, наиболѣе сходнымъ какъ по характеру, такъ и по цѣли своей дѣятельности“ [3]).

Гораздо труднѣе и сложнѣе была задача Сената въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ пользоваться заключеніями по аналогіи, вслѣдствіе отсутствія пригодныхъ для этого нормъ. А въ такомъ именно положеніи онъ находился, встрѣчаясь даже съ весьма распространенными въ жизни отношеніями. Такъ, назначеніе душеприказчиковъ для исполненія завѣщательныхъ распоряженій представляетъ собою обычное явленіе въ нашемъ быту: рѣдкое завѣщаніе обходится безъ того, чтобы завѣщатель не возложилъ на кого-либо изъ своихъ родныхъ или друзей осуществленія своей послѣдней воли. Вслѣдствіе этого, чрезвычайно важно точное опредѣленіе объема правъ и обязанностей душеприказчика: какія именно дѣйствія онъ можетъ совершать, съ какого и до какого момента длятся его полномочія, каковы его отношенія къ наслѣдникамъ и постороннимъ лицамъ и т. д. На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта въ 1 части X тома, и ея постановленія о душеприказчествѣ ограничиваются двумя статьями, изъ коихъ въ одной говорится, что „духовныя завѣщанія исполняются: 1) душеприказчиками и 2) самими наслѣдниками, по волѣ завѣщателя“ (ст. 1084), а въ другой воспрещается слу-

[1]) Ст. 514 т. X ч. I Св. Зак.

[2]) Рѣш. 1892 г. № 11, 1895 г. № 82, 1898 г. № 5, 1889 г. № 59 и др.

[3]) Рѣш. 1880 г. № 206, 1878 г. № 42, 1903 г. № 30, 1912 г. № 134 и др.

жащимъ въ карантинныхъ учрежденіяхъ быть душеприказчиками лицъ, выдерживающихъ карантинъ (ст. 1085). Сенатъ долженъ былъ самостоятельно нормировать институтъ душеприказчичества. И дѣйствительно, онъ посвятилъ этому институту цѣлый рядъ рѣшеній, въ которыхъ, опираясь на общее положеніе 1084 ст. и подкрѣпляя свои выводы статьями 24 и 25 Уст. Гр. Суд., предоставляющими душеприказчикамъ право искать и отвѣчать на судѣ по дѣламъ, связаннымъ съ исполненіемъ завѣщаній, а иногда, ссылаясь на аналогію съ опекой и договоромъ довѣренности, построилъ цѣлое ученіе о душеприказчичествѣ. Онъ призналъ, что душеприказчикъ является представителемъ не наслѣдниковъ, а завѣщателя [1]), и что объемъ его полномочій долженъ быть опредѣляемъ на основаніи завѣщанія [2]); при отсутствіи же въ завѣщаніи точнаго указанія правъ душеприказчика, онъ можетъ и обязанъ совершать всѣ дѣйствія, необходимыя для исполненія завѣщательныхъ распоряженій [3]), что распоряженіе завѣщателя о назначеніи душеприказчика вступаетъ въ силу съ момента утвержденія завѣщанія [4]), но что, не смотря на это, душеприказчику „предоставляется приступать къ исполненію завѣщанія и охранѣ оставшагося послѣ завѣщателя имущества и правъ наслѣдниковъ еще до утвержденія къ исполненію завѣщанія, иначе распоряженія о похоронахъ, призрѣніе дѣтей умершаго и самое представленіе завѣщаній къ утверждению душеприказчиками являлись бы невозможными“ [5]); что при назначеніи нѣсколькихъ душеприказчиковъ отношенія между ними должны опредѣляться по аналогіи съ отношеніями между нѣсколькими опекунами надъ однимъ и тѣмъ же имуществомъ, или нѣсколькими повѣренными [6]); что наслѣдники имѣютъ право требовать устраненія душеприказчика, оказавшагося неспособнымъ къ надлежащему исполненію завѣщательныхъ распоряженій [7]); что душеприказчикъ, по окончаніи возложенной на него обязанности, долженъ представить наслѣдникамъ, по ихъ тре-

---

[1]) Рѣш. 1899 г. № 40, 1900 г. № 110.

[2]) Рѣш. 1899 г. № 40 и № 86.

[3]) Рѣш. 1871 г. №№ 1258, 1879 г. № 1, 1881 г. № 116, 1885 г. № 132, 1899 г. № 86, 1912 г. № 28.

[4]) Рѣш. 1869 г. № 612.

[5]) Рѣш. 1895 г. № 96.

[6]) Рѣш. 1898 г. № 76, 1911 г. № 51.

[7]) Рѣш. 1912 г. № 28.

бованію, отчетъ и отвѣчаетъ за убытки, понесенные ими отъ его дѣйствій и упущеній [1]); что душеприказчикъ воленъ сложить съ себя это званіе [2]), и что въ такомъ случаѣ, равно какъ въ случаѣ его смерти, завѣщаніе исполняется прочими душеприказчиками [3]), а если ихъ нѣтъ, то самими наслѣдниками [4]).

Съ помощью такихъ же пріемовъ Сенату пришлось восполнять пробѣлы въ законодательствѣ относительно договоровъ страхованія и задатка, а также опредѣлять общія условія дѣйствительности юридическихъ сдѣлокъ.

Договоръ страхованія получилъ широкое распространеніе въ жизни: на каждомъ шагу страхуются имущество, капиталы, товары, жизнь. Такъ какъ страховыми операціями занимаются не отдѣльныя лица, а общества, дѣйствующія на основаніи своихъ уставовъ, которые имѣютъ значеніе спеціальныхъ законовъ, то отношенія между страховщиками и страхователями обсуждаются по правиламъ, заключающимся въ этихъ уставахъ. Однако, нерѣдко возникаютъ вопросы, не предусмотрѣнные уставами. Въ такихъ случаяхъ судамъ необходимо обращаться къ обще-гражданскимъ законамъ, а въ этихъ законахъ договору страхованія посвящена всего одна статья, дающая общее опредѣленіе договора страхованія имущества [5]). Основываясь на этой статьѣ и анализируя данное въ ней опредѣленіе страхованія, Сенатъ установилъ цѣлый рядъ положеній, касающихся различныхъ сторонъ страхового договора. Такъ, имѣя въ виду, что цѣль страхованія состоитъ въ возмѣщеніи убытковъ, Сенатъ призналъ, что оно не можетъ быть источникомъ пріобрѣтенія выгоды для страхователя, а потому: страховое общество обязано возмѣстить страхователю только дѣйствительно понесенные имъ убытки и въ правѣ удостовѣриться какъ въ наличности страхуемаго имущества, такъ и въ стоимости его, опредѣляя вознагражденія за убытки по дѣйствительной стоимости [6]); недо-

---

[1]) Рѣш. 1867 г. № 518, 1871 г. № 738.

[2]) Рѣш. 1869 г. № 227, 1873 г. № 578, 1876 г. № 77, 1879 г. № 134.

[3]) Рѣш. 1871 г. № 873.

[4]) Рѣш. 1868 г. № 308, 1875 г. № 27, 1898 г. № 76.

[5]) Ст. 2199 т. X ч. I: „Страхованіе есть договоръ, въ силу коего составленное для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ общество или частное лицо пріемлетъ на свой страхъ корабль, товаръ, домъ или иное движимое или недвижимое имущество за условленную премію или плату, обязуясь удовлетворить уронъ, ущербъ или убытокъ, отъ предполагаемой опасности произойти могущій".

[6]) Рѣш. 1880 г. № 40, 1881 г. № 118.

пустимо двойное страхованіе, т. е., страхованіе одного и того же имущества въ полной стоимости дважды, а возможно лишь дополнительное страхованіе уже застрахованнаго въ неполной стоимости имущества [1]); страхователь выигрышнаго билета обязанъ доказать, что онъ вышелъ въ тиражъ, и представить подлинный билетъ [2]); по полученіи страхового вознагражденія страхователь уже не въ правѣ требовать возмѣщенія убытковъ съ лица, виновнаго въ поврежденіи застрахованнаго имущества, а это право принадлежитъ страховому обществу [3]). Далѣе, Сенатъ нашелъ, что страховой договоръ, по своему существу, направленъ на огражденіе страхователя отъ убытка, безъ вниманія къ размѣрамъ его, вслѣдствіе чего страховое общество не въ правѣ ограничить свою отвѣтственность полной утратой всего застрахованнаго имущества и снять съ себя отвѣтственность за поврежденіе его [4]); что страхованіе производится въ виду предполагаемой опасности, въ возможности наступленія которой долженъ удостовѣриться страхователь, а не страховщикъ, такъ что если кто-либо застраховалъ билетъ, уже вышедшій въ тиражъ, то страховое общество не обязано возвращать ему напрасно уплаченной преміи [5]); что страховой договоръ основывается на личномъ довѣріи страховщика къ страхователю и его заботливости объ имуществѣ, а потому не можетъ быть переуступаемъ другому лицу безъ согласія страховщика [6]); что при страхованіи лица отъ несчастнаго случая страховое общество освобождается отъ отвѣтственности, если поврежденіе здоровья произошло вслѣдствіе умысла со стороны застрахованнаго [7]); что страховать имущество можетъ не только собственникъ, но и пожизненный владѣлецъ, имѣющій самостоятельный имущественный интересъ въ сохраненіи предмета своего права [8]).

Точно также въ нашемъ быту весьма употребительно обезпеченіе договоровъ посредствомъ внесенія задатка: при заключеніи договора одна изъ сторонъ уплачиваетъ другой опредѣ-

---

[1]) Рѣш. 1879 г. № 80, 1884 г. № 114.
[2]) Рѣш. 1881 г. № 110, 1883 г. № 57, 1896 г. № 9
[3]) Рѣш. 1882 г. №№ 44 и 98.
[4]) Рѣш. 1891 г. № 101.
[5]) Рѣш. 1888 г. № 73.
[6]) Рѣш. 1886 г. № 13, 1893 г. № 5.
[7]) Рѣш. 1907 г. № 66.
[8]) Рѣш. 1893 г. № 5.

ленную сумму денегъ, съ тѣмъ условіемъ, что эта сумма поступитъ въ пользу контрагента, если внесшая ее сторона уклонится отъ исполненія договора, и будетъ возвращена ей, если неисполненіе договора произойдетъ безъ ея вины. Такимъ способомъ обезпечиваются всевозможные договоры: купля движимости, наемъ имущественный (квартиръ, дачъ) и личный (прислуги, рабочихъ), перевозка, поставка, заказъ и т. д. Въ гражданскихъ же законахъ постановленія о задаткѣ пріурочены къ запродажѣ недвижимости и продажѣ движимости [1]), причемъ нѣкоторые вопросы, возникающіе при неисполненіи этихъ договоровъ, оставлены безъ разрѣшенія. Основываясь на указанныхъ постановленіяхъ, а также на общихъ правилахъ гражданскихъ законовъ относительно заключенія договоровъ и ссылаясь, вдобавокъ, на установившійся въ быту обычай, Сенатъ разъяснилъ, что задатокъ обезпечиваетъ исполненіе договора, что неисполненіе договора по винѣ давшаго задатокъ—влечетъ за собой утрату задатка, а въ случаѣ неисполненія договора по винѣ получившаго задатокъ или безъ чьей-либо вины — задатокъ подлежитъ возвращенію; что лицо, въ пользу котораго поступилъ задатокъ, имѣетъ право взыскать съ неисправнаго контрагента вознагражденіе за убытки отъ неисполненія договора, но лишь въ томъ количествѣ, насколько они превышаютъ сумму задатка; что отъ задатка слѣдуетъ строго отличать авансъ, т. е., уплачиваемую впередъ часть той суммы, которую одинъ контрагентъ обязанъ, согласно договору, уплатить другому [2]); что авансъ дается не въ видѣ обезпеченія договора, а потому и долженъ быть возвращенъ въ случаѣ, если договоръ не будетъ осуществленъ, по чьей бы это винѣ ни произошло; что если изъ обстоятельствъ дѣла не видно съ полною ясностью, уплачена ли сумма въ видѣ задатка или же въ видѣ аванса, то слѣдуетъ предполагать, пока не доказано противное, что стороны имѣли въ виду задатокъ [3]).

---

[1]) Ст. 1685—1689, 1513 и 1518 т. X ч. I Св. Зак.

[2]) Рѣш. 1888 г. № 33. Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ подвелъ итогъ своимъ прежнимъ разъясненіямъ и обобщилъ ихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Сенатъ не сразу пришелъ къ формулированнымъ въ этомъ рѣшеніи положеніямъ, а неоднократно высказывался въ другомъ смыслѣ, именно, что задатокъ имѣетъ характеръ обезпеченія договора только въ прямо указанныхъ закономъ случаяхъ запродажи недвижимости, въ прочихъ же случаяхъ онъ представляетъ собою не что иное, какъ авансъ (рѣш. 1876 г. № 169, 1877 г. № 219).

[3]) Рѣш. 1892 г. №№ 12 и 40, 1905 г. № 65.

Постановленія гражданскихъ законовъ объ общихъ условіяхъ дѣйствительности юридическихъ сдѣлокъ чрезвычайно скудны. Въ ст. 700 и 701 сказано только, что „способы пріобрѣтенія правъ“ основываются на „непринужденномъ произволѣ и согласіи“, которые должны быть свободны, и что свобода и произволъ нарушаются „принужденіемъ и подлогомъ“, а затѣмъ въ слѣдующей, 702, статьѣ опредѣляется понятіе принужденія въ смыслѣ физическаго насилія. На основаніи этихъ немногихъ постановленій, въ связи съ нѣсколькими правилами, относящимися къ частнымъ случаямъ (къ ошибкѣ въ завѣщаніяхъ, къ обману при продажѣ движимости), Сенатъ опредѣлилъ юридическое значеніе ошибки, обмана и принужденія. Именно, онъ призналъ, что ошибка одного изъ контрагентовъ въ самомъ основаніи сдѣлки или въ существенномъ условіи ея даетъ ему право требовать уничтоженія сдѣлки [1]); что обманъ въ существенномъ качествѣ предмета сдѣлки, подрывающій свободу воли контрагента, имѣетъ такое же значеніе, какъ ошибка [2]), и что подъ обманомъ слѣдуетъ понимать не только уголовно-наказуемое дѣяніе, но и всякое недобросовѣстное дѣйствіе, посредствомъ котораго одинъ изъ контрагентовъ вводится въ заблужденіе [3]); что не только физическое насиліе, которое предусмотрѣно въ 702 ст. 1 ч. X т., но и нравственное давленіе можетъ служить причиной недѣйствительности сдѣлки, именно, если оно заключается въ угрозѣ настоящимъ или будущимъ зломъ, и если, притомъ, эта угроза — „серьезная, дѣйствительная, возбуждающая основательное опасеніе за дорогія блага человѣка, за его жизнь, здоровье, честь или имущество, или за благо лицъ, ему близкихъ“ [4]).

Въ законахъ нѣтъ общаго постановленія и относительно притворныхъ, или симулятивныхъ, сдѣлокъ, а имѣются двѣ статьи, касающіяся частныхъ случаевъ симуляціи: въ одной

---

[1]) Рѣш. 1872 г. № 343, 1875 г. № 858, 1878 г. № 129, 1890 г. № 9, 1892 г. № 26, 1899 г. № 60, 1903 г. № 106.

[2]) Рѣш. 1873 г. № 1450, 1883 г. № 78, 1884 г. № 28, 1890 г. № 9, 1899 г. № 60, 1901 г. № 86.

[3]) Рѣш. 1878 г. № 129, 1883 г. № 78, 1890 г. № 9 и др.

[4]) Рѣш. 1901 г. № 21. Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ отказался отъ взгляда, который проводился имъ въ предшествовавшихъ рѣшеніяхъ и состоялъ въ томъ, что основаніемъ къ оспариванію сдѣлокъ можетъ служить только принужденіе, караемое уголовными законами, какъ преступленіе, но не принужденіе ненаказуемое — нравственное давленіе (рѣш. 1868 г. № 785, 1869 г. № 760, 1875 г. № 258, 1876 г. №№ 398, 582 и др.).

идетъ рѣчь о духовныхъ завѣщаніяхъ, прикрывающихъ собою дареніе [1]), а въ другой—о договорѣ займа, скрытомъ подъ видомъ поклажи [2]). Но въ обѣихъ статьяхъ предписывается обсуждать притворную сдѣлку по правиламъ, установленнымъ для той, которая подъ нею скрыта. Обобщая эти спеціальныя правила и подкрѣпляя свое заключеніе ссылкой на общія положенія относительно необходимости сознательнаго волеизъявленія для силы сдѣлки, Сенатъ установилъ давно признанный наукой и западными кодексами принципъ: что „притворная сдѣлка, прикрывающая собою другое дѣйствительно состоявшееся между сторонами договорное соглашеніе, подлежитъ уничтоженію лишь въ томъ случаѣ, если сила такого соглашенія не охраняется закономъ; если же оно само по себѣ закону не противно, то сдѣлка не уничтожается, а прикрываемое ею соглашеніе обсуждается по правиламъ о томъ договорѣ, которому оно по своимъ признакамъ соотвѣтствуетъ“ [3]).

Еще одинъ важный пробѣлъ въ ученіи о юридическихъ сдѣлкахъ, это — отсутствіе постановленій объ условіяхъ и срокахъ. Хотя 1530 ст. 1 части X т. разрѣшаетъ включать въ договоры „всякія условія, законамъ не противныя, какъ-то, условія о срокѣ, о платежахъ, объ обезпеченіяхъ и т. п.,“ а въ ст. 1426 и 1427 говорится о „необходимыхъ и произвольныхъ условіяхъ въ купчихъ крѣпостяхъ“, но ни понятіе условія и срока, ни разница между ними, ни послѣдствія ихъ наступленія или ненаступленія закономъ не опредѣлены. Сдѣлалъ это Сенатъ, воспроизведя теоретическое ученіе о срокѣ и условіи [4]).

Въ приведенныхъ до сихъ поръ случаяхъ Сенатъ восполнялъ пробѣлы, нормируя такіе институты, о которыхъ упоминается въ дѣйствующемъ правѣ, о которыхъ въ немъ имѣются какія-либо, хотя бы самыя отрывочныя, односторонніе и скудныя постановленія. Но иногда Сенатъ долженъ былъ заново создавать институты, обойденные въ законахъ полнымъ молчаніемъ и неизвѣстные имъ ни по имени, ни по существу. Въ гра-

---

[1]) Ст. 991 т. X ч. I.

[2]) Ст. 2114 т. X ч. I.

[3]) Рѣш. 1901 г. № 45, 1891 г. № 62, 1890 г. № 41, 1905 г. № 105 и др.

[4]) Рѣш. 1879 г. № 27 и 1908 г. № 77 (виды условій и послѣдствія ихъ), 1909 г. № 112 (понятіе срока и отличіе отъ условія), 1910 г. № 49 (исчисленіе сроковъ), 1912 г. № 47 (резюме рѣшеній о срокѣ, подкрѣпленное ссылками на литературу) и др.

жданскихъ законахъ, напримѣръ, не упоминается о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ: всѣ постановленія о заключеніи и исполненіи договоровъ опредѣляютъ только взаимныя права и обязанности контрагентовъ. Основываясь на томъ, что законы наши прямо не возбраняютъ договаривающимся лицамъ устанавливать какія-либо права въ пользу третьихъ лицъ, Сенатъ пришелъ къ выводу, что такіе договоры не противорѣчатъ общему смыслу дѣйствующаго права, и призналъ, что третье лицо, хотя бы и не участвовавшее въ заключеніи договора, но выразившее согласіе воспользоваться предоставленными ему по договору выгодами, получаетъ право требовать исполненія договора судебнымъ порядкомъ [1]).

Точно также умалчиваютъ гражданскіе законы о чекахъ, контокоррентѣ, бумагахъ на предъявителя и о незаконномъ обогащеніи. Построить общую теорію бумагъ на предъявителя [2]) и чековъ [3]) Сенату помогли еще нѣкоторыя узаконенія частнаго характера, именно, относительно выигрышныхъ и банковыхъ билетовъ; но по отношенію къ незаконному обогащенію Сенатъ былъ лишенъ даже такой опоры, а долженъ былъ исходить изъ общихъ постановленій о виндикаціи имущества отъ незаконнаго владѣльца и о вознагражденіи за убытки [4]); что же касается контокоррента, то Сенату пришлось просто обратиться къ выводамъ теоріи, ссылаясь на то, что этотъ договоръ не противенъ дѣйствующему праву [5]).

---

[1]) Рѣш. 1877 г. № 372, 1878 г. № 257, 1880 г. № 174, 1882 г. № 4, 1906 г. № 36, 1907 г. № 23.

[2]) Рѣш. 1884 г. № 6, 1885 г. №№ 27 и 89, 1889 г. № 93.

[3]) Рѣш. 1892 г. № 114, 1900 г. № 71, 1905 г. № 63.

[4]) Рѣш. 1873 г. № 713, 1875 г. № 336, 1876 г. № 324, 1878 г. № 291, 1887 г. № 13, 1889 г. № 23 и др.

[5]) Рѣш. 1907 г. № 18: „Чтобы договоръ контокоррента былъ противенъ дѣйствующему у насъ закону, на это никто изъ сторонъ не указываетъ, и Сенатъ не усматриваетъ; въ виду же того, что, по разъясненіямъ Сената въ рѣшеніяхъ 1869 г. № 1292 и 1893 г. № 50, судебныя мѣста могутъ при толкованіи законовъ руководствоваться общими началами права, принявъ эти начала въ основаніе своихъ рѣшеній, то Сенатъ считаетъ умѣстнымъ, при опредѣленіи присущихъ договору контокоррента свойствъ, обратиться къ тому опредѣленію, которое этому договору даетъ наука".

III. Правотворческая дѣятельность суда въ области гражданскаго судопроизводства.

Несравненно меньше простора для проявленія свободнаго творчества имѣлъ Сенатъ въ области гражданскаго судопроизводства. Причина этого заключается въ томъ, что Уставъ Гражданскаго Судопроизводства составленъ и редактированъ безконечно лучше первой части X тома, такъ какъ представляетъ собой цѣльный, тщательно разработанный и отдѣланный кодексъ, послѣдовательно проводящій принципы, цѣлесообразность которыхъ признана наукой и законодательнымъ опытомъ западноевропейскихъ государствъ. Однако и въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства имѣются пробѣлы, потребовавшіе восполненія и въ дѣйствительности восполненные Сенатомъ. Хотя эти пробѣлы и не столь обширны, какъ въ I части X тома, однако они иногда тоже охватываютъ цѣлые отдѣлы, цѣлые институты. Это имѣетъ мѣсто преимущественно въ области охранительнаго, или безспорнаго, судопроизводства. Вотъ рядъ примѣровъ.

Порядокъ укрѣпленія права собственности, пріобрѣтеннаго по давности владѣнія, и порядокъ утвержденія въ правахъ наслѣдства оставлены безъ законодательной регламентаціи.

Относительно пріобрѣтенія права собственности по давности владѣнія въ гражданскихъ законахъ говорится только, что фактическое владѣніе, если оно продолжится въ теченіе 10 лѣтъ спокойно, безспорно, непрерывно и въ видѣ собственности, „превращается“ въ право собственности [1]). Но ни въ гражданскихъ законахъ, ни въ Уставѣ Гр. Суд. не указано, какимъ образомъ можетъ и должно быть удостовѣрено это „превращеніе“ фактическаго состоянія въ право. А, между тѣмъ, безъ документовъ, свидѣтельствующихъ о пріобрѣтеніи права собственности, давностный владѣлецъ, сдѣлавшійся собственникомъ, не въ состояніи распоряжаться своею вещью, если она—недвижимость: онъ не можетъ ни продать, ни заложить ея. Восполняя этотъ пробѣлъ, Сенатъ разъяснилъ, что давностный владѣлецъ, желающій, чтобы пріобрѣтеніе имъ права собственности

[1]) Ст. 533, 557 и сл. X т. 1 ч.

было официально удостовѣрено, можетъ обратиться съ ходатайствомъ, въ порядкѣ охранительнаго производства, объ укрѣпленіи за нимъ права собственности, и что судъ, провѣривъ наличность условій, при которыхъ фактическое владѣніе становится правомъ собственности, постановляетъ опредѣленіе о признаніи за просителемъ этого права, а затѣмъ, владѣльцу выдается старшимъ нотаріусомъ крѣпостное свидѣтельство на право собственности [1]). При установленіи этихъ правилъ, Сенатъ опирался на постановленія Устава Гр. Суд. относительно укрѣпленія права собственности за покупателемъ имущества съ публичныхъ торговъ и примѣнилъ по аналогіи ст. 1164 и 1165 того же Устава.

Подобно укрѣпленію права собственности по давности владѣнія, утвержденіе въ правахъ наслѣдства тоже необязательно и не нормировано въ законахъ, которые разрѣшаютъ наслѣдникамъ, смотря по ихъ желанію, либо фактически вступить во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ, не обращаясь къ содѣйствію суда, либо домогаться офиціальнаго признанія своихъ наслѣдственныхъ правъ [2]). Однако, во многихъ случаяхъ наслѣдники не могутъ обойтись безъ обращенія къ суду, именно тогда, когда наслѣдственное имущество находится въ завѣдываніи опеки или хранится въ кредитныхъ учрежденіяхъ, либо сдано на храненіе частнымъ лицамъ послѣ смерти собственника. Для того, чтобы въ этихъ случаяхъ получить имущество, наслѣдники должны быть судебнымъ порядкомъ утверждены въ правахъ наслѣдства. Но каковъ этотъ порядокъ, Уставъ Гр. Суд. не указываетъ, ограничиваясь только постановленіемъ, что наслѣдники должны заявить о своемъ желаніи судебнымъ учрежденіямъ, согласно общимъ правиламъ подвѣдомственности и подсудности [3]), и что судебныя учрежденія постановляютъ опредѣленія о вводѣ наслѣдниковъ во владѣніе дошедшимъ до нихъ недвижимымъ имуществомъ не прежде, чѣмъ ими будутъ уплачены наслѣдственныя пошлины [4]). Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, Сенатъ далъ цѣлый рядъ существенныхъ руководящихъ указаній. Прежде всего, исходя изъ того положенія, что наслѣдство представляетъ собою

---

[1]) Рѣш. 1872 г. № 792, 1901 г. № 46 и др.

[2]) Ст. 1261 т. X ч. I, ст. 1408 Уст. Гр. Суд.

[3]) Ст. 1408 Уст. Гр. Суд.

[4]) Прим. къ 1408 ст. Уст. Гр. Суд.

„совокупность имуществъ, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго“ [1]), Сенатъ призналъ, что утвержденіе въ правахъ наслѣдства должно быть производимо ко всему наслѣдству, а не къ отдѣльнымъ частямъ его, и что только въ тѣхъ случаяхъ, когда разныя части наслѣдства подлежатъ различному порядку наслѣдованія (напр., родовыя имущества, доставшіяся отъ отца, и родовыя имущества, доставшіяся отъ матери), только тогда возможно утвержденіе въ правахъ наслѣдства по отношенію къ каждой изъ такихъ частей порознь [2]). Изъ понятія же наслѣдства, далѣе, Сенатъ вывелъ, что, при утвержденіи въ правахъ наслѣдства, судъ долженъ ограничиться повѣркой родственной связи наслѣдника съ наслѣдодателемъ, не опредѣляя, къ какому имуществу онъ утверждается [3]). Съ другой стороны, изъ того, что размѣры наслѣдственныхъ долей опредѣлены въ самомъ законѣ, Сенатъ заключилъ, что наслѣдникъ, ходатайствующій объ утвержденіи себя въ правахъ наслѣдства, не обязанъ указывать свою долю, а если укажетъ, то его заявленіе не обязательно ни для суда, ни для него самого, такъ что впослѣдствіи онъ въ правѣ требовать увеличенія своей доли до законнаго размѣра, а судъ можетъ увеличить эту долю, не стѣсняясь своимъ прежнимъ опредѣленіемъ [4]). Устанавливая въ точности значеніе судебныхъ опредѣленій объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и имѣя въ виду 1241 ст. 1 ч. X т., по которой явившіеся въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени публикаціи о вызовѣ наслѣдники вводятся во владѣніе наслѣдствомъ, что не лишаетъ прочихъ наслѣдниковъ права заявить впослѣдствіи свои претензіи на наслѣдство въ исковомъ порядкѣ, Сенатъ пришелъ къ заключенію, что опредѣленіе объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства представляетъ собою въ сущности не что иное, какъ предварительное удостовѣреніе права наслѣдника вступить во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ, удостовѣреніе, которое можетъ быть затѣмъ оспорено другими наслѣдниками и отмѣнено по ихъ иску [5]). Изъ этого слѣдуетъ, что если при производствѣ въ охранительномъ порядкѣ дѣла объ утвержде-

---

[1]) Ст. 1104 т. X ч. I.

[2]) Рѣш. 1875 г. № 848, 1882 г. № 103, 1885 г. № 1, 1890 г. № 43, 1893 г. № 4.

[3]) Рѣш. 1882 г. № 103, 1885 г. № 1.

[4]) Рѣш. 1893 г. № 4, 1898 г. № 35, 1899 г. № 15.

[5]) Рѣш. 1885 г. № 131, 1897 г. № 71, 1911 г. № 24.

ніи въ правахъ наслѣдства нѣсколькихъ лицъ, являющихся сонаслѣдниками въ одномъ и томъ же имуществѣ, между ними возникнетъ споръ, то это обстоятельство не должно повлечь за собой прекращенія охранительнаго производства и отсылки всѣхъ спорящихъ къ исковому порядку, а судъ долженъ, продолжая производство дѣла, утвердить въ правахъ наслѣдства тѣхъ изъ наслѣдниковъ, которые доказали свои права, и отказать тѣмъ, которые этого не доказали; послѣ того уже неутвержденные наслѣдники могутъ домогаться признанія своихъ правъ путемъ предъявленія иска къ утвержденнымъ [1]). При этомъ, разсматривая дѣло въ охранительномъ порядкѣ, судъ имѣетъ право принимать въ доказательство родственной связи наслѣдниковъ съ наслѣдодателемъ только предустановленныя закономъ (ст. 208 т. X ч. 1) доказательства, именно: метрическія книги, родословныя, дворянскія, городовыя книги, ревизскія сказки и другіе акты состоянія, но не какіе-либо иные, хотя бы и формальные документы. Это ограниченіе Сенатъ мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что нельзя „допустить представленія при охранительномъ порядкѣ производства тѣхъ доказательствъ, которыя, какъ требующія болѣе тщательнаго и осторожнаго изслѣдованія, могутъ быть допущены только при исковомъ процессѣ, гдѣ участіемъ сторонъ въ дѣлѣ и возможностью производства всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣйствій, которыя указаны въ Уставѣ Гр. Суд. для освѣщенія доказательствъ (экспертиза, допросъ свидѣтелей и др.), обезпечивается болѣе успѣшный ходъ дѣла“ [2]).

Еще одинъ очень важный пробѣлъ въ правилахъ охранительнаго производства пришлось восполнить Сенату. Дѣло въ томъ, что въ Уставѣ Гр. Суд. нормированы отдѣльные виды охранительнаго производства, но отсутствуютъ общія правила, одинаково относящіяся ко всѣмъ видамъ его. Эти правила Сенатъ долженъ былъ самъ выработать, что онъ и сдѣлалъ, выводя ихъ изъ сущности охранительнаго производства, изъ постановленій по отдѣльнымъ видамъ его и примѣняя по аналогіи правила частнаго порядка производства. Такъ, въ виду основного признака охранительнаго производства—односторонности его (въ смыслѣ отсутствія отвѣтчика, къ которому предъ-

---

[1]) Рѣш. 1897 г. № 72.

[2]) Рѣш. 1912 г. № 69.

явленъ искъ), Сенатъ ограничилъ примѣненіе въ охранительномъ производствѣ принципа состязательности, обусловленнаго наличностью двухъ тяжущихся сторонъ въ процессѣ [1]), сузилъ, какъ только что было указано, кругъ доказательствъ, которыя могутъ быть принимаемы судомъ во вниманіе [2]), и призналъ недопустимыми вступленіе и привлеченіе третьихъ лицъ, предполагающихъ наличность спора о правѣ гражданскомъ между нѣсколькими лицами [3]). Затѣмъ, усматривая сходство по существу между опредѣленіями суда, постановляемыми въ охранительномъ порядкѣ, и между частными опредѣленіями, Сенатъ призналъ, что первыя, какъ и вторыя, могутъ быть отмѣняемы и измѣняемы самимъ постановившимъ ихъ судомъ, въ случаѣ измѣненія обстоятельствъ, въ виду которыхъ они были постановлены, если только даннымъ опредѣленіемъ не разрѣшается окончательно вопросъ о правѣ [4]), и что какъ тѣ, такъ и другія, не стѣсняютъ судъ при разрѣшеніи тождественнаго вопроса въ исковомъ порядкѣ [5]) и подлежатъ обжалованію въ частномъ порядкѣ [6]), а затѣмъ и въ кассаціонномъ [7]). Напротивъ, правило 814 ст. Устава Гр. Суд. относительно пріостановки, по просьбѣ отвѣтчика, исполненія рѣшенія, въ случаѣ подачи имъ кассаціонной жалобы, Сенатъ нашелъ непримѣнимымъ въ охранительномъ производствѣ, такъ какъ „въ немъ нѣтъ рѣшенія, нѣтъ и отвѣтчика“ [8]). Точно также признаны Сенатомъ недопускающими распространенія на охранительное производство и нѣкоторыя другія статьи Устава, относящіяся къ исковому производству, именно въ виду существенной разницы между тѣмъ и другимъ производствомъ [9]).

Не столь обширны, но не менѣе существенны и гораздо болѣе многочисленны пробѣлы въ правилахъ искового производства, устраненные Сенатомъ, частью посредствомъ примѣненія

---

[1]) Рѣш. 1912 г. №№ 22, 69, 70.

[2]) Рѣш. 1912 г. № 69.

[3]) Тоже рѣшеніе.

[4]) Рѣш. 1876 г. № 483, 1881 г. № 147 и др.

[5]) Рѣш. 1895 г. № 90, 1903 г. № 140.

[6]) Рѣш. 1912 г. № 69.

[7]) Рѣш. 1894 г. № 97, 1896 г. № 124.

[8]) Рѣш. 1912 г. № 22.

[9]) Рѣш. 1907 г. № 51 (непримѣнимость въ охранит. порядкѣ ст. 332 Уст. Гр. Суд., воспрещающей измѣненіе исковыхъ требованій), рѣш. 1912 г. № 70 (непримѣнимость 706 ст., предписывающей суду не выходить за предѣлы требованій сторонъ).

по аналогіи постановленій Устава относительно сходныхъ случаевъ, частью на основаніи общихъ принциповъ процесса и сущности нормируемыхъ институтовъ. Къ числу наиболѣе важныхъ изъ такихъ пробѣловъ принадлежатъ слѣдующіе.

Бываютъ случаи, когда лицо, къ которому нужно предъявить искъ, уже умерло, а наслѣдники его еще не приняли наслѣдства. Въ такихъ случаяхъ Уставъ дозволяетъ предъявлять искъ „къ лицу умершаго“ [1]), не поясняя при этомъ, кому должна быть вручена повѣстка, и кто долженъ замѣнить умершаго въ процессѣ. Эти вопросы Сенатъ разрѣшилъ согласно ст. 752 и 960 Уст. Гр. Суд., предусматривающимъ случаи смерти тяжущагося во время производства дѣла: эти статьи предоставляютъ истцу право просить соотвѣтствующія опекунскія учрежденія о назначеніи опекуна къ имуществу умершаго и предписываютъ суду пріостанавливать производство дѣла до назначенія опекуна или до явки наслѣдниковъ [2]). Такой же порядокъ примѣненъ Сенатомъ и къ тѣмъ встрѣчающимся иногда въ жизни случаямъ, когда истецъ не знаетъ, къ кому слѣдуетъ предъявить искъ, такъ какъ ему неизвѣстно, кому принадлежитъ имущество, по отношенію къ которому онъ имѣетъ какое-либо требованіе, какъ, напр., когда имущество, хозяинъ котораго неизвѣстенъ, поставлено неизвѣстно кѣмъ въ такое положеніе, что нарушаетъ права истца (оставлено въ помѣщеніи, купленномъ истцомъ съ торговъ) [3]).

Согласно 792 и сл. статьямъ Уст. Гр. Суд., кассаціонныя жалобы могутъ быть подаваемы на окончательныя, вошедшія въ законную силу рѣшенія судебныхъ палатъ; относительно же возможности обжалованія въ кассаціонномъ порядкѣ частныхъ опредѣленій законъ ничего не говоритъ. Сенатъ допустилъ кассаціонное обжалованіе и частныхъ опредѣленій въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по своему юридическому значенію, равносильны рѣшеніямъ, т. е. „когда ими заканчивается самое производство дѣла вообще или по данному вопросу, и засимъ по производству этому уже не можетъ состояться рѣшенія, вмѣстѣ съ коимъ могло бы быть обжаловано также и частное опредѣленіе“ [4]). Къ числу такихъ

[1]) Ст. 215 Уст. Гр. Суд.
[2]) Рѣш. 1878 г. № 290, 1903 г. № 36.
[3]) Рѣш. 1903 г. № 73.
[4]) Рѣш. 1913 г. № 19 (итогъ предшествующей практики).

окончательныхъ опредѣленій принадлежатъ, напр., опредѣленіе о прекращеніи дѣла по неподвѣдомственности или неподсудности данному суду [1]), о непринятіи апелляціонной жалобы [2]) и т. п. Вообще, въ виду скудости и недостаточности правилъ Устава о частномъ порядкѣ производства Сенатъ призналъ необходимымъ „почерпать указанія въ исковомъ порядкѣ производства", примѣняя соотвѣтствующія статьи по аналогіи [3]).—Въ Уставѣ обойденъ молчаніемъ вопросъ о порядкѣ исправленія описокъ и ошибокъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ. А между тѣмъ онѣ нерѣдко, встрѣчаются. „Воспрещать самому суду", замѣчаетъ Сенатъ, „исправлять ошибки, значило бы отнять у рѣшенія всякое значеніе и даже лишить тяжущагося навсегда признаннаго за нимъ рѣшеніемъ права, если ошибка усмотрѣна имъ по истеченіи апелляціоннаго или кассаціоннаго срока". Поэтому Сенатъ допустилъ исправленіе ошибокъ въ рѣшеніяхъ самими судами въ томъ порядкѣ, какой установленъ закономъ для толкованія рѣшеній [4]).

Въ Уставѣ преподаны подробныя правила относительно обращенія взысканія по исполнительнымъ листамъ на жалованіе, получаемое должникомъ-чиновникомъ на государственной службѣ, но ничего не сказано о жалованіи, получаемомъ должникомъ на частной службѣ. Сенатъ призналъ возможнымъ примѣнять эти правила и къ жалованію, получаемому должникомъ на частной службѣ, по найму [5]). При производствѣ гражданскихъ дѣлъ чрезвычайно важное значеніе имѣетъ составленіе протоколовъ засѣданій, куда вносились бы свѣдѣнія о томъ, что происходило въ засѣданіи. Офиціальное закрѣпленіе всѣхъ этихъ свѣдѣній въ письменной формѣ необходимо для того, чтобы высшія инстанціи, въ случаѣ обжалованія судебнаго рѣшенія, могли провѣрить правильность дѣйствій суда. Между тѣмъ въ Уставѣ Гр. Суд. общихъ правилъ о веденіи протоколовъ нѣтъ, а имѣется лишь нѣсколько постановленій по частнымъ вопросамъ: относительно занесенія въ протоколы прокурорскихъ заключеній, свидѣтельскихъ показаній [6]) и т. п.

---

[1]) Рѣш. 1887 г. № 52.
[2]) Рѣш. 1887 г. № 56.
[3]) Рѣш. 1885 г. № 69.
[4]) То же рѣшеніе и 1891 г. № 11, и др.
[5]) Рѣш. 1893 г. № 66 (раньше Сенатъ держался противоположнаго мнѣнія).
[6]) Ст. 346, 406 и др. Уст. Гр. Суд.

Зато въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства существуютъ три категоріи правилъ веденія протоколовъ: для мировыхъ судей, для судебныхъ слѣдователей и для уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ [1]). Изъ этихъ трехъ категорій правилъ наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру производства въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ та, которая установлена для уголовныхъ отдѣленій тѣхъ же судовъ, а потому Сенатъ разъяснилъ, что „судъ долженъ, по аналогіи, въ виду неимѣнія въ Уставѣ Гр. Суд. правилъ о порядкѣ составленія протоколовъ, примѣнять, на основаніи 9 ст. Уст. Гр. Суд., правила, изложенныя въ Уставѣ Уг. Суд. (ст. 835—845), въ той мѣрѣ, какъ они примѣнимы къ производству гражданскихъ дѣлъ“ [2]).—Уставъ Гр. Суд. предусмотрѣлъ случаи описи и продажи съ публичнаго торга недвижимаго имущества, находящагося въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, за долги одного изъ нихъ [3]), но упустилъ изъ виду, что подобные же случаи возможны и по отношенію къ движимому имуществу, которое тоже бываетъ предметомъ общей собственности. Принявъ во вниманіе, что „гражданскіе законы, опредѣляя юридическую природу общаго права собственности, не дѣлаютъ какого-либо различія по существу такого права между имуществомъ недвижимымъ и движимымъ“, Сенатъ призналъ, что правила описи и продажи общей недвижимости должны быть распространены, по аналогіи, и на движимость [4]).

Въ приведенныхъ случаяхъ Сенатъ восполнялъ пробѣлы въ Уставѣ Гр. Суд., посредствомъ примѣненія по аналогіи одной или нѣсколькихъ статей его. Но иногда этотъ способъ оказывался непригоднымъ, за отсутствіемъ нормъ, которыя предусматривали бы вопросы, однородные съ подлежавшими разрѣшенію. Тогда Сенатъ обращался къ общему смыслу нормъ, касающихся даннаго института, и выводилъ изъ нихъ руководящіе принципы, которые и клалъ въ основу своихъ разъясненій.

Такъ, въ Уставѣ Гр. Суд. ничего не говорится ни о возможности отказа истца отъ предъявленнаго иска, ни о послѣдствіяхъ отказа. Путемъ сопоставленія статей Устава относи-

---

[1]) Ст. 142—144, 467—475, 835—845 Уст. Уг. Суд.
[2]) Рѣш. 1887 г. № 27, 1878 г. № 270.
[3]) Ст. 1188—1191 Уст. Гр. Суд.
[4]) Рѣш. 1910 г. № 39.

тельно возбужденія, пріостановленія и прекращенія производства, Сенатъ пришелъ къ тому заключенію, что, пока отвѣтчикъ не извѣщенъ судебной повѣсткой о предъявленномъ къ нему искѣ, истецъ имѣетъ право взять свой искъ назадъ, не подвергаясь никакимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ; но послѣ того, какъ отвѣтчикъ получилъ повѣстку, прекращеніе дѣла по одностороннему желанію истца можетъ послѣдовать только при томъ условіи, если отъ такого прекращенія не пострадаютъ интересы отвѣтчика, т. е., если истецъ отказывается отъ иска навсегда, безъ права его возобновленія, или если отвѣтчикъ не будетъ требовать разрѣшенія дѣла [1]).—Уставъ Гр. Суд., опредѣляя условія дѣйствительности судебнаго признанія, даетъ сторонѣ, сдѣлавшей признаніе, право опровергать его только въ случаѣ заблужденія въ какихъ-либо обстоятельствахъ, не относившихся къ ея личнымъ дѣйствіямъ [2]). Но Сенатъ, исходя изъ понятія признанія, какъ акта распоряженія тяжущагося своимъ правомъ, разъяснилъ, что для дѣйствительности признанія необходимы полноправность лица, дѣлающаго его, а также наличность свободной и сознательной воли, такъ что оно можетъ быть опровергаемо также и при отсутствіи одного изъ этихъ условій [3]).—Говоря о возмѣщеніи судебныхъ издержекъ, Уставъ Гр. Суд. предусматриваетъ только тѣ случаи, когда дѣло разрѣшено судомъ по существу въ пользу одной изъ сторонъ въ цѣломъ или въ части, а также когда производство прекращено по отводу о неподсудности [4]). Однако, кромѣ этихъ способовъ прекращенія дѣлъ, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ: отказъ истца отъ иска вполнѣ или частью, прекращеніе судомъ, вслѣдствіе отсутствія абсолютныхъ предположеній процесса, по причинѣ неявки истца, по разнымъ отводамъ, сверхъ отвода о неподсудности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тоже возникаетъ вопросъ о порядкѣ возмѣщенія судебныхъ издержекъ, и этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ различно, сообразно съ особенностями каждаго случая. Такъ и разъяснилъ Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній [5]).—

---

[1]) Рѣш. 1873 г. № 742, 1875 г. № 692, 1879 г. № 399, 1881 г. № 53, 1910 г. № 12.

[2]) Ст. 481 Уст. Гр. Суд.

[3]) Рѣш. 1886 г. № 51.

[4]) Ст. 868 и 869 Уст. Гр. Суд.

[5]) Рѣш. 1870 г. № 528, 1875 г. № 481, 1876 г. № 137, 1880 г. № 136, 1887 г. № 4, 1895 г. № 1, 1896 г. № 128, 1910 г. № 12, 1911 г. № 13, 1913 г. № 8.

Весьма недостаточны имѣющіяся въ Уставѣ Гр. Суд. постановленія относительно процессуальнаго положенія третьихъ лицъ, присоединяющихся или привлекаемыхъ на сторону одного изъ тяжущихся. Въ Уставѣ опредѣлены только, когда и въ какомъ порядкѣ происходитъ присоединеніе третьяго лица, а затѣмъ просто сказано, что третье лицо „допускается къ обозрѣнію всѣхъ актовъ производства, къ письменнымъ объясненіямъ и къ словесному состязанію, въ качествѣ участвующаго въ дѣлѣ лица“ [1]). Да и это общее положеніе, пріуроченное, вдобавокъ, къ привлеченію третьяго лица одной стороной и не касающееся добровольнаго вступленія его, не даетъ ключа къ разрѣшенію вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ между третьимъ лицомъ и первоначальными тяжущимися и способѣ разрѣшенія конфликтовъ между нимъ и тою стороной, къ которой оно присоединилось.

По мѣрѣ возникновенія этихъ вопросовъ въ практикѣ судовъ, Сенатъ разрѣшалъ ихъ, исходя изъ понятія и цѣли присоединенія третьихъ лицъ къ чужому процессу. Такъ, онъ призналъ, что третье лицо въ правѣ подавать частныя, апелляціонныя и кассаціонныя жалобы, хотя бы главная сторона, къ которой оно присоединилось, не обжаловала судебнаго рѣшенія [2]); что третье лицо можетъ приводить новыя доказательства и выставлять новыя возраженія, за исключеніемъ такихъ, которыя могутъ быть выдвигаемы только хозяиномъ дѣла, какимъ является главная сторона (напр., предъявленіе встрѣчнаго иска), или которыя противорѣчатъ заявленіямъ главной стороны; что третье лицо не въ правѣ стать на мѣсто главной стороны и принять на себя ея роль; что судебныя издержки не могутъ быть присуждаемы съ него въ пользу противной стороны.—Въ Уставѣ Гр. Суд. нѣсколько статей посвящено продажѣ съ публичнаго торга заложенныхъ имуществъ. Но эти постановленія далеко не охватываютъ всѣхъ встрѣчающихся въ жизни комбинацій. Ни права залогодержателя, вступившаго во временное управленіе описаннымъ имѣніемъ, ни отношеніе залогодержателя къ другимъ взыскателямъ, ни, въ особенности, отношенія между первымъ и послѣдующими залогодержателями, при наличности нѣсколькихъ

---

[1]) Ст. 660 Уст. Гр. Суд.

[2]) Въ рѣшеніи 1908 г. № 84 Сенатъ сдѣлалъ резюме своей практики.

закладныхъ, не опредѣлены сколько-нибудь точно. Все это долженъ былъ нормировать Сенатъ, что онъ и сдѣлалъ посредствомъ логическаго развитія общихъ началъ залогового права [1]).

IV. Критическая оцѣнка правотворческой дѣятельности Правительствующаго Сената.

Юридическія нормы, вновь созданныя Сенатомъ въ видахъ восполненія пробѣловъ въ законодательствѣ, допускаютъ критическую оцѣнку съ двухъ точекъ зрѣнія: во 1-хъ, съ точки зрѣнія ихъ внутренняго достоинства, т. е. соотвѣтствія ихъ выводамъ теоріи, или, иначе, требованіямъ справедливости и цѣлесообразности, изъ которыхъ исходитъ теорія, и, во 2-хъ, съ точки зрѣнія согласованности ихъ съ общимъ смысломъ законодательства. Первый изъ этихъ критеріевъ могъ бы быть примѣненъ къ сенатской практикѣ съ безусловной строгостью въ томъ случаѣ, если бы Сенатъ пользовался полною свободой правотворчества. Тогда вся отвѣтственность за качество новыхъ нормъ лежала бы на немъ. Но такой свободы Сенату не предоставлено; при созданіи новыхъ нормъ онъ обязанъ держаться общаго смысла дѣйствующаго законодательства; это—рамка, за предѣлы которой онъ не въ правѣ выходить. Слѣдовательно, руководствоваться выводами теоріи, соображеніями справедливости и цѣлесообразности Сенатъ могъ только въ той мѣрѣ, въ какой это совмѣстимо съ общими началами дѣйствующаго права. Необходимость соблюденія этихъ границъ понималъ самъ Сенатъ [2]) и въ дѣйствительности соблю-

---

[1]) Рѣш. 1893 г. № 76 (здѣсь резюмирована практика Сената по вопросу о правахъ залогодержателя, вступившаго во временное управленіе описаннымъ имѣніемъ), 1871 г. № 994, 1876 г. № 93, 1878 г. № 248, 1881 г. № 38, 1884 г. № 5, 1893 г. №№ 33 и 72, 1899 г. № 38, 1901 г. № 74, 1902 г. № 61, 1908 г. № 34, 1912 г. № 36 и др.

[2]) Рѣш. 1869 г. № 1292: „Принятіе судебнымъ мѣстомъ въ основаніе рѣшенія началъ гражданскаго права тогда можетъ быть признано неумѣстнымъ и неправильнымъ, когда окажется, что изъ общаго смысла существующихъ законоположеній нельзя сдѣлать того вывода, какой сдѣланъ судомъ, или когда выводъ этотъ стоитъ въ противорѣчіи съ ясно выраженными въ законѣ правилами или съ общимъ духомъ закона". См. рѣш. 1907 г. № 18, 1911 г. № 16. Не такъ точно опредѣлены Сенатомъ условія, при какихъ судъ можетъ руководствоваться справедливостью. Рѣш. 1900 г. № 62: „Къ та-

далъ ихъ. Поэтому, его можно упрекнуть только въ томъ, что онъ обращался за помощью къ научной теоріи далеко не во всѣхъ случаяхъ, когда это позволялъ общій духъ законодательства [1]). Не проявляй Сенатъ излишней сдержанности въ этомъ отношеніи, онъ избѣжалъ бы многихъ грубыхъ промаховъ, каковы, напр., смѣшенія понятій правоспособности и дѣеспособности [2]), веденія чужихъ дѣлъ безъ полномочія и незаконнаго обогащенія [3]), легатаріевъ и наслѣдниковъ [4]), и не повторялъ бы изъ года въ годъ давно отвергнутаго наукой правила, будто отрицательные факты не подлежатъ доказыванію [5]).

Обращаясь къ другому критерію, который можетъ быть приложенъ къ сенатскимъ разъясненіямъ,—къ степени ихъ согласованности съ духомъ законодательства, — слѣдуетъ спросить, всегда ли Сенатъ былъ вѣренъ этому духу и не уклонялся ли отъ него подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ? Кто близко знакомъ съ сенатской практикой, тотъ знаетъ, что такія уклоненія случались и порою дѣлались Сенатомъ вполнѣ сознательно. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На практикѣ возникъ вопросъ: долженъ ли быть признанъ несостоявшимся публичный торгъ, въ случаѣ неуплаты покупщикомъ крѣпостныхъ пошлинъ въ семидневный срокъ? „Хотя послѣдствія неуплаты пошлины", говоритъ Сенатъ, „положительно въ законѣ не установлены, тѣмъ не менѣе совокупный смыслъ правилъ Устава Гр. Суд. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что цѣна купленнаго съ публичнаго торга имѣнія и крѣпостныя съ него пошлины должны быть внесены въ одинъ и тотъ же семидневный срокъ, и что

кому заключенію неизбѣжно приводитъ и чувство справедливости, долженствующее всегда помогать судьѣ при разрѣшеніи сомнительныхъ случаевъ". Рѣш. 1913 г. № 13: „Только въ сомнительныхъ случаяхъ, когда ощущается явный пробѣлъ въ законѣ, судъ долженъ руководствоваться чувствомъ справедливости". Рѣш. 1912 г. № 129: „Соображенія общей справедливости противорѣчатъ точному разуму дѣйствующаго закона, который въ спорѣ о правѣ гражданскомъ только и можетъ служить источникомъ для отличія справедливаго отъ несправедливаго". Ср. рѣш. 1905 г. № 52, 1910 г. № 25, 1907 г. № 104.

[1]) Кромѣ указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи рѣшеній см. еще рѣшенія 1893 г. № 50, 1907 г. № 104, 1911 г. № 61.

[2]) Рѣш. 1872 г. № 1234, 1883 г. № 51 и мн. др. Впервые въ рѣшеніи 1896 г. № 44 Сенатъ провелъ разницу между этими понятіями.

[3]) Рѣш. 1878 г. № 291, 1887 г. № 13, 1889 г. № 23.

[4]) Рѣш. 1874 г. № 596, 1879 г. № 340. Только въ послѣднее время (рѣш. 1903 г. № 122, 1909 г. № 40) Сенатъ сталъ отличать легатаріевъ отъ наслѣдниковъ.

[5]) Рѣш. 1871 г. № 1125, 1872 г. № 307, 1908 г. № 101 и мн. др. См. мой „Учебникъ гражд. процесса", 1914 г., стр. 327.

проданное съ публичнаго торга имѣніе не можетъ быть укрѣплено за покупщикомъ какъ въ случаѣ невзноса имъ остальной, сверхъ задатка, части цѣны имѣнія, такъ и въ томъ (случаѣ), когда онъ не уплатилъ крѣпостныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, возбужденный въ семъ дѣлѣ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ". Казалось бы, на этомъ выводѣ Сенату слѣдовало остановиться. Но онъ продолжаетъ: „однако строгое и безусловное примѣненіе 3 пункта 1170 ст. Уст. Гр. Суд. къ случаямъ просрочки въ уплатѣ крѣпостныхъ пошлинъ, въ виду карательнаго свойства этого закона и замѣченнаго выше отсутствія въ немъ положительнаго на этотъ счетъ предписанія [1]), представлялось бы не вполнѣ справедливымъ". Развивая эту мысль, Сенатъ приходитъ, въ концѣ концовъ, къ тому заключенію, что крѣпостныя пошлины могутъ быть уплачены и по истеченіи семидневнаго срока [2]). Итакъ, вопреки ясному, по собственному признанію Сената, смыслу законовъ, Сенатъ обратился къ соображеніямъ справедливости, которыми самъ же считаетъ возможнымъ руководствоваться только въ случаяхъ сомнѣнія въ смыслѣ законовъ. Любопытно, что въ подтвержденіе своего окончательнаго вывода Сенатъ сослался на другое свое отступленіе отъ точнаго смысла закона: „въ рѣшеніи 1874 г. № 586 было разъяснено, что принятіе судомъ, вопреки 2 п. 266 ст. Уст. Гр. Суд., искового прошенія, поданнаго не самимъ истцомъ, а постороннимъ лицомъ, безъ приложенія законной довѣренности, не можетъ повлечь за собою уничтоженія всего производства, если довѣренность была впослѣдствіи представлена до постановленія судебнаго опредѣленія о возвращеніи искового прошенія. Примѣнительно къ этому разъясненію, слѣдуетъ допустить и возможность представленія въ судъ невнесенныхъ въ семидневный срокъ крѣпостныхъ пошлинъ, до постановленія опредѣленія о послѣдствіяхъ торга". Такъ одинъ ложный шагъ послужилъ оправданіемъ для другого. Въ рѣшеніи 1874 г. № 586, на которое сослался Сенатъ, рѣчь шла о представительствѣ безъ полномочія только при предъявленіи иска. Во многихъ другихъ рѣшеніяхъ Сенатъ призналъ допусти-

[1]) Въ настоящее время такое предписаніе въ 1170 ст. имѣется: оно внесено въ нее закономъ 11 января 1913 г.

[2]) Рѣш. 1885 г. № 112.

мымъ, основываясь на требованіяхъ справедливости, такое же представительство и въ иныхъ случаяхъ, несмотря на то, что оно совершенно неизвѣстно дѣйствующимъ законамъ. Какъ для представительства при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ, такъ и для процессуальнаго представительства наши законы требуютъ наличности предварительнаго полномочія и вмѣняютъ судамъ въ обязанность „не принимать къ своему производству дѣлъ, когда окажется, что повѣренный не имѣетъ полномочія на веденіе дѣла“ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что сдѣлки и процессуальныя дѣйствія, совершенныя однимъ лицомъ отъ имени другого безъ предварительнаго полномочія, не должны были бы имѣть юридической силы. Однако Сенатъ призналъ, что они сохраняютъ силу, въ случаѣ послѣдующаго одобренія дѣйствій повѣреннаго лицомъ, отъ имени котораго онъ дѣйствовалъ, находя, что это „вытекаетъ изъ понятія справедливости“ [2]).

Въ приведенныхъ случаяхъ Сенатъ, отступая отъ яснаго смысла законовъ, открыто сознавался въ этомъ. Но гораздо чаще онъ старался замаскировать свои уклоненія, болѣе или менѣе искусно, ссылками на нормы дѣйствующаго права. Такъ, малолѣтніе, не достигшіе 14 лѣтъ, по ясному смыслу нашихъ законовъ, не могутъ самостоятельно заключать никакихъ рѣшительно сдѣлокъ: за нихъ дѣйствуютъ опекуны. Отсюда слѣдуетъ, что малолѣтніе лишены права совершать даже самыя пустячныя сдѣлки обыденной жизни: покупать, напр., товары въ лавкахъ. Практическая необходимость заставила Сенатъ отказаться отъ строгаго примѣненія этого правила: „Хотя малолѣтній не признается способнымъ къ дѣйствіямъ по управленію и распоряженію его имуществомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы представительство за малолѣтняго, въ лицѣ опекуна или попечителя, требовалось безусловно во всѣхъ дѣйствіяхъ отъ имени малолѣтняго, изъ которыхъ могутъ возникнуть для него обязательныя отношенія по его имуществу, и чтобы такое представительство не могло быть замѣнено, въ извѣстныхъ случаяхъ, разрѣшеніемъ или согласіемъ опекуна на непосредственныя дѣйствія малолѣтняго. Къ подобнымъ случаямъ слѣдуетъ отнести покупку малолѣтнимъ товара изъ лавки, и если таковая

---

[1]) П. 4 ст. 584 Уст. Гр. Суд.

[2]) Рѣш. 1892 г. № 93 (здѣсь указаны предшествующія рѣшенія), 1909 г. № 87.

покупка имѣла мѣсто съ вѣдома и разрѣшенія опекуна или попечителя, то нѣтъ законнаго основанія усматривать въ дѣйствіяхъ малолѣтняго недѣйствительную, по своимъ послѣдствіямъ, сдѣлку. Подтвержденіемъ этого вывода служитъ 222 статья, которая, по содержанію своему, имѣетъ въ виду вообще несовершеннолѣтній возрастъ, т. е. не только лицъ, достигшихъ 17 лѣтъ, но и малолѣтнихъ, и въ силу которой дѣйствительность обязательства, выданнаго отъ имени несовершеннолѣтняго, обусловливается согласіемъ опекуна на выдачу несовершеннолѣтнимъ обязательства" [1]). На самомъ дѣлѣ 222 статья, составляя непосредственное продолженіе предшествующихъ 220 и 221 статей, не распространяется на малолѣтнихъ, а имѣетъ въ виду несовершеннолѣтнихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. достигшихъ 17 лѣтъ; о сдѣлкахъ малолѣтнихъ говоритъ 218 статья, предписывающая считать ихъ недѣйствительными. Если же въ 222 ст. употреблено выраженіе „безъ согласія опекуна" и „во время малолѣтства", то это явные редакціонные промахи, объясняемые неустойчивостью терминологіи I ч. X тома: подъ „опекуномъ" разумѣется „попечитель", а подъ „малолѣтствомъ"—несовершеннолѣтніе [2]). Такимъ образомъ, 222 ст., на которую сослался Сенатъ, на самомъ дѣлѣ не подкрѣпляетъ его мнѣнія. Другой примѣръ представляетъ разъясненіе Сената по вопросу о формѣ заключенія договора поклажи между супругами. Законъ требуетъ облеченія договора поклажи въ форму сохранной расписки и не разрѣшаетъ доказывать его посредствомъ свидѣтельскихъ показаній; исключеніе сдѣлано только для поклажи въ торговомъ быту и для тѣхъ случаевъ, когда сохранная расписка не можетъ быть составлена по „особеннымъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ", каковы: пожаръ, кораблекрушеніе, внезапное объявленіе похода и проч. [3]). Въ практикѣ Сената возникъ вопросъ о договорѣ поклажи между супругами. Сенатъ, отступивъ отъ точнаго смысла закона, призналъ, что споръ о поклажѣ между супругами можетъ быть разрѣшенъ и на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Мотивировалъ свой выводъ Сенатъ тѣмъ, что „формы договоровъ, установляемыя закономъ для огражденія интересовъ договари-

---

[1]) Рѣш. 1885 г. № 64.

[2]) См. мое „Ученіе о толкованіи законовъ", стр. 177.

[3]) Ст. 2104, 2111, 2112 т. X ч. I.

вающихся лицъ, разсчитываются на отношенія, такъ сказать, дѣловыя... распространять же эти формы на сдѣлки домашнежитейскія... значило бы идти противъ требованій жизни и, вмѣсто огражденія правъ, ставить напрасныя затрудненія" [1]). Несомнѣнно, что съ такой точки зрѣнія слѣдовало бы признать возможность совершенія, безъ требуемыхъ закономъ формальностей, всѣхъ вообще сдѣлокъ между супругами и членами семьи, допустивъ доказываніе свидѣтельскими показаніями даже займа и заклада. Чѣмъ же мотивируетъ Сенатъ вводимую имъ для супруговъ льготу? Ссылкой на разрѣщеніе закона отдавать вещи на храненіе безъ письменнаго акта „въ виду особенныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ". Не значитъ ли это приравнять вступленіе въ законный бракъ къ пожару, наводненію или кораблекрушенію?

Приведенные примѣры, число которыхъ легко было бы умножить, показываютъ, что Сенатъ не разъ уклонялся отъ истиннаго смысла законовъ, съ цѣлью приспособить ихъ къ потребностямъ жизни. Несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ онъ выходилъ за предѣлы своей компетенціи и, подъ видомъ толкованія законовъ, измѣнялъ и исправлялъ ихъ, присваивая себѣ въ извѣстной мѣрѣ законодательную функцію. Несомнѣнно также, что это явленіе нежелательное, такъ какъ оно нарушаетъ принципъ отдѣленія судебной власти отъ законодательной и предписанную Судебными Уставами систему толкованія и примѣненія законовъ. Но нужно добавить, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, это явленіе представляетъ собою естественное слѣдствіе отсталости законодательства и вялой дѣятельности органовъ законодательной власти. Когда законы устарѣли и не соотвѣтствуютъ измѣнившимся потребностямъ жизни, и когда законодательный аппаратъ дѣйствуетъ недостаточно интенсивно, тогда судамъ приходится дѣлать одно изъ двухъ: либо, строго придерживаясь истиннаго смысла законовъ и постановляя несправедливыя и нецѣлесообразныя рѣшенія, тормозить развитіе гражданскаго оборота, либо измѣнять законы, приспособляя ихъ къ потребностямъ жизни. Выборъ одного изъ этихъ путей обусловливается степенью несоотвѣтствія между закономъ и жизнью; пока это несоотвѣтствіе невелико, законъ ломаетъ жизнь; когда оно ста-

---

[1]) Рѣш. 1896 г. № 53.

новится слишкомъ чувствительнымъ, невыносимымъ, жизнь начинаетъ ломать законъ. То и другое производится при содѣйствіи суда, служащаго посредникомъ между закономъ и жизнью. При этомъ, не имѣя формальнаго права отмѣнять и измѣнять законъ, судъ старается сдѣлать это подъ видомъ толкованія закона: перетолковывая его вкривь и вкось, онъ „хватается за каждую соломинку, за каждый кажущійся доводъ, лишь бы какъ нибудь мотивировать свое рѣшеніе“ [1]). Исторія права любого народа представляетъ массу примѣровъ подобнаго приспособленія закона къ жизни. Индійскіе юристы продѣлывали его надъ законами Ману, китайскіе—надъ законами Конфуція, римскіе—надъ Двѣнадцатью Таблицами, глоссаторы и средневѣковая судебная практика—надъ Юстиніановыми сводами, французскіе суды—надъ Наполеоновымъ кодексомъ. Этотъ процессъ совершается съ необходимостью, помимо желанія и доброй воли судей. „Судебная практика безсознательно и мало по малу уступаетъ натиску духа времени и подрываетъ устарѣвшее право до тѣхъ поръ, пока оно не рухнетъ“ [2]). Таковъ всемірно-историческій законъ развитія права, проявляющій свое дѣйствіе всегда, когда законодательство значительно отстало отъ жизни. Парализовать его можно только однимъ способомъ: настолько усиливъ и ускоривъ функціонированіе органовъ законодательной власти, чтобы они могли, зорко слѣдя за развитіемъ гражданскаго оборота, поддерживать на одномъ уровнѣ съ нимъ нормы дѣйствующаго права [3]).

V. Заключеніе.

Нашъ бѣглый обзоръ сенатской практики, конечно, далеко не исчерпываетъ того, что сдѣлано Сенатомъ по части восполненія пробѣловъ въ законодательствѣ. По необходимости пришлось ограничиться наиболѣе важнымъ и рельефнымъ. Вполнѣ точное понятіе о грандіозности совершенной Сенатомъ работы могутъ дать составленные сенаторомъ В. Л. Исаченко Своды

---

[1]) Колеръ. Шекспиръ съ точки зрѣнія права, 1895 г., стр. 62.

[2]) Kohler. Die schöpferische Kraft der Jurisprudenz (Jahrb. f. die Dogm., 1887, XIII B., S. 289).

[3]) Ср. мой „Курсъ гражд. процесса“, I, стр. 220 и 221.

кассаціонныхъ положеній по гражданскому праву и судопроизводству. Оба эти свода содержатъ въ себѣ около 19.000 тезисовъ. Если даже допустить, что только половина ихъ посвящена восполненію пробѣловъ въ законодательствѣ, а другая половина разъясняетъ смыслъ наличныхъ нормъ, то и въ такомъ случаѣ получится крупная цифра, почти вдвое превышающая число статей въ I части X тома и Уст. Гр. Судопроизводства. Эта цифра краснорѣчиво характеризуетъ творческую дѣятельность Сената въ количественномъ отношеніи. Для того же, чтобы судить о качествѣ ея, т. е. о важности созданныхъ Сенатомъ нормъ по практическому значенію опредѣляемыхъ ими отношеній, нужно перенестись на минуту мыслію въ будущее и представить себѣ, какое понятіе имѣлъ бы о нашемъ гражданско-правовомъ строѣ историкъ права черезъ какую-нибудь тысячу лѣтъ, если бы до той эпохи дошелъ только дѣйствующій нынѣ Сводъ Законовъ, а всѣ сборники сенатскихъ рѣшеній и сочиненія, въ которыхъ они приводятся, утерялись. Не находя въ Сводѣ Законовъ ни одного слова о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ, о бумагахъ на предъявителя, о страхованіи доходовъ и жизни, о чекахъ, контокоррентѣ, незаконномъ обогащеніи, онъ заключилъ бы, что всѣ эти институты были неизвѣстны нашему юридическому быту. Точно также, благодаря незнакомству съ кассаціонной практикой, онъ принужденъ былъ бы думать, что у насъ задаткомъ обезпечивались только договоры запродажи недвижимости; что вторыя и третьи закладныя на имущества, заложенныя у частныхъ лицъ, въ нашемъ быту не допускались; что добровольное представительство могло основываться только на письменномъ полномочіи, и т. д., и т. д. Словомъ, его представленіе о нашемъ гражданско-правовомъ строѣ столь же мало соотвѣтствовало бы дѣйствительности, какъ мало походитъ выведенный вчернѣ, до половины, остовъ зданія на вполнѣ законченный, снабженный башнями, балконами, террасами и пристройками замокъ.

Е. Васьковскій.

Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ уголовнаго права и процесса.

I. Вліяніе судебной реформы и созданныхъ ею новыхъ судовъ на уголовно-правовыя воззрѣнія народа и на отношеніе общества къ борьбѣ правительства съ преступленіемъ. II. Вліяніе новыхъ судовъ и судебныхъ порядковъ на развитіе нашего уголовнаго законодательства. III. Творческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ уголовно-судебной практики.

I. Вліяніе судебной реформы и созданныхъ ею новыхъ судовъ на уголовно-правовыя воззрѣнія народа и на отношеніе общества къ борьбѣ правительства съ преступленіемъ.

Связанная глубокою внутреннею связью съ другими реформами славнаго царствованія Императора Александра II, великая судебная реформа стала въ обновленной Россіи тѣмъ могучимъ источникомъ свѣта, живительные лучи котораго постоянно возбуждали и направляли законодательную дѣятельность послѣдующаго времени, вплоть до настоящаго момента, и указывали судебнымъ учрежденіямъ пути широкой творческой дѣятельности въ сферѣ практики. Въ этой реформѣ нашла, наконецъ, себѣ достаточно широкое и полное удовлетвореніе давно назрѣвшая потребность народа въ правосудіи, потребность, которая особенно чувствовалась послѣ паденія крѣпостного права [1]).

[1]) Пропитанный сословностью старый дореформенный судъ былъ придаткомъ крѣпостной Россіи и неизбѣжно долженъ былъ отпасть съ отмѣной крѣпостного права. При крѣпостномъ правѣ, по справедливому замѣчанію С. И. Зарудnаго, не было надобности въ судебной реформѣ. „Если бы, писалъ онъ, въ 1861 году не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землей, то ни въ какомъ случаѣ не были бы 20 ноября 1864 г. утверждены наши Судебные Уставы". См. Джаншіевъ. С. И. Зарудный и судебная

Какъ реформа коренная, глубоко измѣнившая и внутреннюю структуру судебныхъ органовъ, и методы судебнаго изслѣдованія, судебная реформа не могла не оказывать сильнаго вліянія на всѣ отдѣлы права и на всѣ стороны общественной жизни. Институты права вообще такъ тѣсно, органически связаны другъ съ другомъ, что крупное измѣненіе одного изъ нихъ, а тѣмъ болѣе коренная реформа цѣлой группы ихъ, неминуемо влечетъ за собою болѣе или менѣе глубокія измѣненія другихъ. Идеи, положенныя въ основу реформы, какъ бы сѣютъ сѣмена новыхъ реформъ въ смежныхъ отдѣлахъ права, постоянно заставляя чувствовать ихъ дисгармонію съ частями права, обновленными реформой.

Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ проявилась, прежде всего, какъ въ прямомъ, такъ и въ косвенномъ вліяніи на законодательную власть, именно во вліяніи на уголовно-правовыя воззрѣнія народа,—этотъ могучій факторъ правообразованія,—на проникновеніе въ уголовное законодательство и послѣдовательное развитіе въ немъ новыхъ руководящихъ идей и на измѣненіе отношенія общества къ борьбѣ правительства съ преступностью. Она выразилась, далѣе, въ выработкѣ такихъ юридическихъ понятій и такихъ порядковъ примѣненія нормъ права къ конкретнымъ случаямъ, въ силу которыхъ право пріобрѣло бо́льшую практическую мощь, какъ регуляторъ общественной жизни, а судебная практика стала болѣе единообразна, устойчива и опредѣленна.

Дальнѣйшее изложеніе и будетъ имѣть своимъ предметомъ всѣ эти переплетающіяся другъ съ другомъ выраженія правотворческой дѣятельности новыхъ судовъ,—во-первыхъ, вліяніе судебной реформы и созданныхъ ею учрежденій на уголовно-правовыя воззрѣнія народа, въ свою очередь вліявшія на законодательное творчество и на отношеніе общества къ борьбѣ правительства съ преступленіемъ; во-вторыхъ, вліяніе новыхъ судовъ на законодательную власть и на развитіе уголовнаго законодательства и, въ-третьихъ, творческую дѣятельность но-

---

реформа. Москва, 1889 г., стр. 83 и 84. Эта связь стараго суда съ крѣпостнымъ строемъ была отмѣчена Государственнымъ Совѣтомъ, въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ 1862 г. (о судебномъ преобразованіи), стр. 13. Съ отмѣной крѣпостного права старый судебный порядокъ продолжалъ, по словамъ Ѳ. М. Дмитріева (Сочиненія. М. 1900. II, 463), одинъ оставаться „печальнымъ памятникомъ прошедшаго“.

выхъ судовъ въ сферѣ уголовно-судебной практики. Само собою разумѣется, что, прослѣживая нити этихъ вліяній, иногда придется въ разныхъ мѣстахъ касаться однихъ и тѣхъ же фактовъ, освѣщая ихъ съ различныхъ сторонъ.

Останавливаясь на вліяніи, которое новые суды и судебные порядки оказали на народное правосознаніе, надо, прежде всего, сказать, что они положили твердое основаніе водворенію законности въ русской жизни. Неуваженіе къ закону и повсемѣстное его нарушеніе было, въ дореформенную эпоху, явленіемъ заурядным. На него, между прочимъ, справедливо указывала масса должностныхъ лицъ въ своихъ отвѣтахъ на сдѣланное въ 50-хъ годахъ, передъ составленіемъ Судебныхъ Уставовъ, предложеніе указать главнѣйшія причины нашей судебной неурядицы; со всѣхъ сторонъ указывали, что въ числѣ такихъ причинъ на первомъ мѣстѣ надо поставить „повсемѣстное неуваженіе къ закону и повседневное его нарушеніе“ [1]). Императоръ Александръ II, въ теченіе всего своего царствованія, настойчиво боролся съ этимъ зломъ и стремился къ водворенію въ Россіи законности, въ которой видѣлъ одно изъ важнѣйшихъ условій государственнаго и общественнаго благосостоянія [2]). Всѣ его реформы, прямо или косвенно, направлялись къ устраненію изъ русской жизни произвола и повсемѣстнаго неуваженія къ закону. Судебная реформа непосредственно и особенно была

---

[1]) Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи. Т. XII, стр. 9.

[2]) Эта мысль о необходимости строгаго уваженія къ закону постоянно выражалась въ Его манифестахъ и указахъ. Такъ, напр., въ Манифестѣ 21-го мая 1855 года о порядкѣ опеки и объ организаціи правительства на случай смерти Государя, если Наслѣдникъ Его не достигнетъ еще совершеннолѣтія, между прочимъ, въ концѣ сказано, что этимъ манифестомъ Государь желалъ „при самомъ началѣ Нашего царствованія явить любезнымъ и вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ новый знакъ благоговѣйнаго уваженія Нашего къ законамъ отечества“. „Да будутъ они всегда и всѣми столь же свято исполняемы и на семъ, ничѣмъ незыблемомъ основаніи, да утверждаются болѣе и болѣе благоустройство, могущество и счастіе Державы, отъ Бога Намъ врученной“ (2 П. С. З., № 29.341). Въ Манифестѣ 19 марта 1856 года, между прочимъ, говорилось: „каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ“ (2 П. С. З. № 30.273). Въ Указѣ 20 ноября 1864 года высказана мысль, что безъ уваженія къ закону невозможно общественное благосостояніе, и что это уваженіе „должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“. А въ началѣ этого указа говорилось: „по вступленіи на прародительскій престолъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ Манифестѣ 19 марта 1856 года, было: „да правда и милость царствуютъ въ судахъ“... „Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли“.

направлена къ этой цѣли и въ значительной степени ея достигла.

Если и теперь еще уваженіе къ закону недостаточно утвердилось въ русскомъ обществѣ, то все же, по сравненію съ дореформеннымъ прошлымъ, русское общество въ этомъ отношеніи сдѣлало громадный шагъ впередъ и этимъ, несомнѣнно, въ значительной степени обязано новымъ судебнымъ учрежденіямъ, которыя явились проводниками законности въ русскую жизнь. Преобразованіемъ слѣдственной части [1]), учрежденіемъ независимой отъ суда и администраціи прокуратуры, которой ввѣрялось публичное обвиненіе и руководство направленной къ раскрытію преступленій полицейской дѣятельностью, установленіемъ скораго и равнаго для всѣхъ суда, снабженнаго всѣми средствами раскрытія матеріальной истины, судебная реформа значительно уменьшила шансы на безнаказанность и давала возможность каждому учиться въ гласномъ судѣ уваженію къ закону. Она обезпечила всѣмъ, входящимъ въ составъ судебнаго вѣдомства, учрежденіямъ такую самостоятельность и вообще такія условія дѣятельности, при которыхъ они могли развивать все доступное имъ, по ихъ природѣ, вліяніе на народное правосознаніе и общественную нравственность. Такъ, старый, дореформенный судъ, даже если бы онъ случайно состоялъ изъ лицъ, искренно желающихъ быть справедливыми судьями, врядъ ли бы смогъ, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, устоять противъ давленія тѣсно связанной съ нимъ административной власти. Общество не могло проникнуть въ стѣны этого суда и видѣть его дѣятельность. Старый полицейскій слѣдователь также не могъ быть такимъ собирателемъ доказательствъ, который былъ бы способенъ внушать убѣжденіе въ бдительности уголовнаго правосудія и тщательномъ разслѣдованіи содѣянныхъ преступленій. Старый прокурорскій надзоръ былъ безсиленъ и страдалъ массой недостатковъ, не дававшихъ ему развить сколько-нибудь сильное полезное вліяніе на отправленіе правосудія и общественную жизнь. „Неопредѣленное, двойственное и ложное положеніе въ общемъ строѣ провин-

[1]) Начало преобразованія слѣдственной части по времени предшествовало Судебнымъ Уставамъ. Слѣдственная часть была отдѣлена отъ полиціи закономъ 8 іюня 1860 года, но закончилась реформа предварительнаго слѣдствія лишь съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ. Ср. Объяснит. записку къ проекту учр. судебн. мѣстъ. 1863 г., стр. 84.

ціальнаго управленія и въ собственной своей іерархіи,—говоритъ о недостаткахъ старой прокуратуры Н. В. Муравьевъ [1]),—зависимость отъ административнаго начальства, скудное содержаніе, неопредѣленная постановка дѣятельности и непосильное качественное и количественное ея многообразіе, съ преобладаніемъ въ ней формальнаго элемента; отсутствіе или слабость дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію предписанныхъ закономъ цѣлей, господство всюду чего-то средняго, половиннаго, недоконченнаго и смутнаго — вотъ перечень въ конечномъ выводѣ главнѣйшихъ изъ этихъ недостатковъ, которые стали аксіомой, почти общимъ мѣстомъ для лучшихъ изъ практическихъ юристовъ того времени".

Судебная реформа, закончившая преобразованіе слѣдственной части и кореннымъ образомъ измѣнившая положеніе прокуратуры и судей, положила прочное основаніе развитію законности въ Россіи, и всѣ дальнѣйшіе шаги по укрѣпленію и расширенію господства этого начала въ русской жизни прямо или косвенно съ нею были или будутъ связаны. Въ этомъ содѣйствіи развитію у судей, органовъ администраціи и у всего русскаго народа сознанія необходимости уважать законъ заключается первое вліяніе судебной реформы и созданныхъ ею учрежденій на народное и общественное правосознаніе.

Дальнѣйшее вліяніе новыхъ судебныхъ учрежденій заключалось въ томъ, что они, несомнѣнно, содѣйствовали окончательному закрѣпленію въ сознаніи народа и уголовнаго законодателя новыхъ взглядовъ на преступленіе и наказаніе. Сами вызванные къ жизни отчасти ослабленіемъ прежняго обаянія принциповъ возмездія и устрашенія и измѣненіемъ старыхъ взглядовъ на преступленіе и наказаніе, они, съ своей стороны, содѣйствовали окончательному переходу къ новымъ воззрѣніямъ и распространенію послѣднихъ въ обществѣ. Въ половинѣ XIX столѣтія наше уголовное законодательство переживало переходный моментъ. Оно стало рѣшительно отказываться отъ старыхъ принциповъ возмездія и устрашенія, что выразилось, между прочимъ, и въ смягченіяхъ карательной системы, принесенныхъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ 1845 г. [2]) и,

[1]) Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Москва. 1889 г., стр. 358.

[2]) Съ изданіемъ Уложенія о Наказаніяхъ 1845 г. кнутъ былъ замѣненъ плетьми. Въ карательной системѣ Уложенія 1845 г. тѣлесныя наказанія занимали слѣдующее мѣсто:

еще яснѣе, въ знаменитомъ Указѣ 17-го апрѣля 1863 года о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Въ гласномъ производствѣ новыхъ судовъ постоянно раскрывались нити сложной зависимости преступленія отъ разныхъ жизненныхъ условій и выяснялась необходимость, для предупрежденія рецидива, приспосабливать наказаніе къ цѣлесообразному воздѣйствію на корни преступленія. Прежній взглядъ на преступленіе, какъ на самопроизвольное проявленіе порочной, злой воли, долженъ былъ все болѣе уступать мѣсто новому взгляду, признающему обусловленность преступленія многими факторами и требовавшему болѣе широкаго освѣщенія внутренней стороны преступленія для назначенія соотвѣтствующаго ей, по характеру и размѣрамъ, наказанія. Всѣ понятія о правосудіи уголовномъ, сложившіяся на почвѣ практики старыхъ судовъ, должны были радикально измѣниться подъ вліяніемъ новыхъ судебныхъ порядковъ. Дореформенное судоговореніе, въ глазахъ народныхъ, было покрытою канцелярской тайной расправою правительства съ злодѣями, захватывавшей иногда и людей ни въ чемъ неповинныхъ. Злодѣя надо уличить и, уличивъ, воздать ему въ мѣрѣ содѣяннаго имъ. Наказаніе и представлялось въ то время отплатой, возмездіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣрой устрашенія другихъ гражданъ, чтобы имъ „неповадно“ было подражать преступникамъ. Но въ теченіе XIX столѣтія эти взгляды на наказаніе не переставали вымирать какъ въ литературѣ, такъ и въ законодательствахъ и въ общественномъ правосознаніи. На смѣну имъ, все болѣе сталъ выдвигаться новый взглядъ, которому въ настоящее время и принадлежитъ господство, взглядъ, по которому наказаніе должно быть исключительно мѣрою пре-

для непривилегированныхъ плети сопровождали,—въ качествѣ дополнительнаго наказанія,—ссылку въ каторжныя работы и на поселеніе, а розги—заключеніе въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ. Кромѣ того, Уложеніе назначало въ немногихъ случаяхъ—розги, палки и хлыстъ (ст. 34, п. 1, ст. ст. 35, 77, 84, 86—88, 92, п. 2 и 3, 145, 1429; 675, 901, 2159, 1824, 1695 Улож. о Нак., изд. 1845 г.). Сверхъ того, розгами, при извѣстныхъ условіяхъ, могли быть замѣнены нѣкоторые виды лишенія свободы (смирительный и рабочій дома, тюрьма, арестъ). Въ сферѣ же подсудности военныхъ судовъ сохранялись, по прежнему, шпицрутены и кошки. Списокъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, пополнился съ изданіемъ Уложенія 1845 года (приложеніе I къ ст. 19) нѣсколькими новыми изъятіями. Въ ст. I приложенія перваго къ ст. 19 Уложенія о Наказаніяхъ говорилось: „подъ именемъ наказаній тѣлесныхъ разумѣются: 1) наложеніе клеймъ; 2) наказаніе плетьми; 3) наказаніе шпицрутенами; 4) наказаніе палками; 5) наказаніе розгами; 6) заключеніе въ оковы“. Въ этомъ перечнѣ, однако, пропущенъ упоминаемый въ ст. 1695 Улож. о Нак. (изд. 1845 г.) хлыстъ.

дупрежденія преступленій, достаточно репрессивной въ глазахъ гражданъ и исправительной для преступника. Въ цѣляхъ возмездія, требовалось наказаніе, которое, какъ зло, какъ страданіе, было бы эквивалентно преступленію. Цѣль устрашенія требовала жестокихъ наказаній, способныхъ внушать гражданамъ ужасъ. Точка зрѣнія, смѣнившая эти грубые взгляды и все болѣе распространяющаяся въ настоящее время, не требуетъ ни равенства наказанія преступленію, ни жестокости наказаній; напротивъ, съ этой точки зрѣнія, чѣмъ меньше страданій будетъ въ наказаніи по сравненію съ преступленіемъ, тѣмъ лучше. Наказаніе должно представляться сознанію гражданъ, какъ достаточно невыгодное послѣдствіе преступленія, но совсѣмъ нѣтъ надобности, чтобы по содержанію своему оно было жестоко и навѣвало ужасъ. Въ настоящее время ясно, что предупредительное дѣйствіе наказанія зависитъ не только отъ его содержанія, но и отъ того, насколько неизбѣжнымъ послѣдствіемъ преступленія оно представляется гражданамъ, насколько мала вѣроятность ускользнуть отъ рукъ правосудія; иными словами, какъ говорилъ еще Беккарія, не столько жестокость, сколько неизбѣжность наказанія налагаетъ прочную узду на преступленіе. Жестокія наказанія не нужны и вредны, какъ по деморализующему вліянію ихъ на общество, задерживающему ростъ въ народѣ чувствъ состраданія и уваженія къ личности, такъ и потому, что они подрываютъ уваженіе къ власти, вызываютъ недовольство ею и стремленіе, какъ въ обществѣ, такъ и у судей, такъ или иначе, не допускать примѣненія ихъ. Кромѣ того, жестокость наказанія противорѣчитъ его исправительному вліянію на преступника, а въ теченіе всего XIX столѣтія все болѣе укрѣплялся взглядъ, что наказаніе должно быть исправительно для преступника.

Нашъ старый судъ и инквизиціонный процессъ вообще былъ неспособенъ служить проводникомъ въ жизни и закрѣплять въ общественномъ сознаніи эти новыя идеи. Для того, чтобы дать послѣднимъ выразиться вполнѣ въ общественномъ сознаніи и провести ихъ въ жизнь, нуженъ былъ новый судебный аппаратъ, проникнутый инымъ духомъ и руководящійся въ своемъ изслѣдованіи иными пріемами. Старый процессъ ставилъ себѣ задачей: уличить, достойно отомстить за злодѣяніе и жестокостью отпугнуть отъ повторнаго его совершенія. Новый процессъ стремится, съ помощью гласнаго состязанія сторонъ, борьбою которыхъ не

захваченъ самъ судъ, вскрыть сокрытыя въ личности преступника корни его преступной дѣятельности и найти наказаніе, которое было бы способно исправительно повліять на преступника, не причиняя ему ненужныхъ для защиты общества страданій.

Благодаря новымъ судебнымъ учрежденіямъ въ обществѣ росло и крѣпло сознаніе, что уголовная отвѣтственность равна для всѣхъ и диктуется не произволомъ власти и духомъ мести, а дѣйствительной потребностью общества въ защитѣ отъ вредоносныхъ дѣяній, которою и должны всецѣло опредѣляться ея характеръ и размѣры, что наказаніе должно не мучить и пугать, а исправляющимъ образомъ вліять на преступника. А этимъ измѣненіемъ во взглядахъ на наказаніе вызывались всѣ реформы нашего карательнаго механизма, которыми отмѣчена вторая половина XIX столѣтія и начало XX. Общая цѣль всѣхъ этихъ реформъ заключалась въ большемъ приспособленіи наказанія къ полезному исправительному дѣйствію на преступника. Изъ этого источника получили свое начало и всѣ шаги, которые сдѣлало во второй половинѣ XIX столѣтія наше законодательство къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и всѣ заботы и мѣры, которыя принимались къ упорядоченію нашей ссылки и къ улучшенію нашей тюрьмы, и всѣ новѣйшія узаконенія, стремящіяся устранить изъ наказанія ненужный для предупрежденія рецидива излишекъ страданія и усилить его исправительное дѣйствіе, кончая законами 22 іюня 1909 года объ условномъ досрочномъ освобожденіи и закономъ 17 февраля 1910 года о зачетѣ въ наказаніе предварительнаго заключенія. Всѣ эти законы стоятъ, если не въ непосредственной, то въ посредственной причинной связи съ тѣмъ теченіемъ въ общественной жизни и въ законодательствѣ, которое поддерживалось новымъ судебнымъ порядкомъ и новыми судебными учрежденіями. Послѣднія, такимъ образомъ, гуманизирующимъ образомъ вліяли на взгляды законодателя и общества на наказаніе и на отношеніе къ преступнику.

Далѣе, допустивъ народъ къ участію въ уголовномъ правосудіи, судебная реформа и новые суды, несомнѣнно, содѣйствовали выработкѣ и въ законодательствѣ, и въ сознаніи народномъ идеи русскаго гражданина, а развитіе этой идеи всегда гуманизирующимъ образомъ вліяетъ на законодательство и, особенно,—

на уголовное законодательство. Въ этой сторонѣ вліянія судебной реформы заключался, между прочимъ, новый толчекъ къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и вообще къ гуманизаціи нашей карательной системы. Грубыя и жестокія наказанія всегда были удѣломъ, по преимуществу, низшихъ классовъ общества, низшихъ сословій. Вслѣдъ за признаніемъ правъ человѣческой личности и за людьми низшихъ сословій всегда слѣдовало сокращеніе примѣненія этихъ наказаній и въ законѣ, и въ практикѣ, причемъ это сокращеніе тѣмъ ближе было къ полному ихъ уничтоженію, чѣмъ яснѣе была выражена въ законодательствѣ и въ народномъ правосознаніи идея гражданина и чѣмъ болѣе послѣдняя распространялась на простой народъ.

Не менѣе важное вліяніе на народное правосознаніе судебная реформа оказала и тѣмъ, что положила начало глубокому уваженію и довѣрію народа къ суду, приблизивъ судъ къ народу и создавъ судью въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. судью справедливаго и нелицепріятнаго. Она приблизила судъ къ народу уже тѣмъ, что создала цѣлую сѣть близкихъ къ населенію и сразу снискавшихъ себѣ глубокое уваженіе мировыхъ учрежденій.

Въ простой обстановкѣ, гласно для всѣхъ, внимательно выслушивая обѣ стороны, стали мировые судьи разбирать возникавшія въ повседневной жизни мелкія дѣла и прививать населенію чувство права и сознаніе обязанности всѣхъ и каждаго уважать и соблюдать законъ. Въ лицѣ этихъ судей Судебные Уставы создали такихъ авторитетныхъ посредниковъ для разбора мелкихъ споровъ, къ которымъ всѣмъ и каждому легко обратиться. „Суды эти,—говорится въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта 1862 г. (о преобразованіи судебномъ),—должны имѣть свойство наиболѣе простого суда, съ соблюденіемъ, однако, по возможности, необходимыхъ гарантій справедливости его рѣшеній“ [1]).

Судебные Уставы приблизили судъ къ населенію и тѣмъ, что предоставили народу участіе въ отправленіи правосудія, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, по многимъ тяжкимъ преступленіямъ.

---

[1]) Стр. 19.

Судебная реформа, кромѣ того,—создала у насъ судью въ настоящемъ смыслѣ этого слова. На мѣсто прежняго судьи-канцеляриста, заваленнаго ворохомъ бумагъ и податливаго на разныя со стороны идущія вліянія, которыя могли склонять вѣсы правосудія въ его нетвердыхъ рукахъ въ любую сторону, Судебные Уставы поставили судью, свободно испытующаго истину и непосредственно изучающаго факты живой дѣйствительности. Стараго, зависимаго отъ администраціи судью-буквоѣда, судью-счетчика доказательствъ по формальной системѣ, замѣнилъ судья несмѣняемый, независимый отъ администраціи, ищущій справедливаго рѣшенія каждаго дѣла въ его существѣ и въ глубинахъ своей свободной судейской совѣсти.

Судебная реформа объединила новыя судебныя учрежденія въ одно самостоятельное цѣлое, создала въ Россіи независимое отъ администраціи судебное сословіе, которое получило возможность вырабатывать въ своей средѣ славныя традиціи, побуждающія отдѣльныхъ членовъ его держать себя съ тѣмъ достоинствомъ и неподкупностью, которыя отвѣчаютъ представленію о настоящемъ справедливомъ, нелицепріятномъ судьѣ. Вмѣстѣ съ Судебными Уставами въ Россіи организовалась судебная власть, какъ отдѣльная самостоятельная вѣтвь власти государственной. Въ результатѣ всѣхъ этихъ глубокихъ измѣненій въ организаціи и дѣятельности органовъ уголовнаго правосудія измѣнилось и отношеніе народа къ уголовному суду.

Старый судъ съ его безконечной волокитой, подкупностью, пристрастіемъ и принижавшей его зависимостью отъ разныхъ административныхъ властей не вызывалъ къ себѣ довѣрія и уваженія. Народъ ему не вѣрилъ и боялся его, боялся не силы тѣхъ средствъ, которыми этотъ судъ раскрывалъ истину, а неправды этого суда, того, что „засудятъ", „затаскаютъ по судамъ" и „вымотаютъ все до послѣдняго"; и въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ народъ ярко выразилъ это свое недовѣріе къ суду, безсильному раскрыть истину, но способному засудить и праваго. Старые судебные порядки рисовались народному воображенію въ видѣ паутины, въ которой муха гибнетъ, но черезъ которую шмель свободно проскакиваетъ; и народная мудрость совѣтовала съ знатнымъ и богатымъ не судиться, ибо отъ такого суда, кромѣ раззоренія, мало что могло получиться. Истина была въ старомъ судѣ случайною гостьей, которую каждую ми-

нуту могло прогнать чье-либо сильное вліяніе. Старый судъ, постоянно переплетавшійся съ администраціей въ одно цѣлое, не въ силахъ былъ ни внушить народу уваженія къ себѣ, ни пріобрѣсти себѣ авторитетъ въ глазахъ органовъ власти. Новыя судебныя учрежденія уничтожили старое недовѣріе народа къ суду и заставили уважать судебную власть. Раскрывъ свои двери для общества, они дали ему возможность воочію убѣдиться въ достоинствахъ ихъ дѣятельности и вынести изъ ихъ стѣнъ въ высшей степени поучительныя впечатлѣнія, способныя только укрѣплять въ народѣ уваженіе къ суду.

Присутствуя въ судѣ, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей и публики, общество не могло также не видѣть на примѣрахъ живой дѣйствительности, какъ сложны причины преступности, какъ часто недостатокъ поддержки со стороны гонитъ человѣка на путь преступленія, какъ тяжело и опасно положеніе человѣка по выходѣ изъ тюрьмы, какъ мало дѣйствительно иногда въ борьбѣ съ преступностью одно наказаніе и какъ необходимы правительству въ его борьбѣ съ преступленіемъ содѣйствіе и поддержка общества.

Благодаря всѣмъ перечисленнымъ выше вліяніямъ на правосознаніе народа измѣнилось, между прочимъ, и отношеніе общества къ борьбѣ правительства съ преступностью; общество перестало быть пассивнымъ зрителемъ этой борьбы и выступило активнымъ участникомъ ея. Благодаря новымъ гласнымъ судамъ идея необходимой солидарности между правительствомъ и обществомъ въ борьбѣ съ преступностью и необходимости общественной поддержки этой борьбѣ могла созрѣть въ сознаніи русскаго общества и привести къ такимъ институтамъ, которыхъ не знало прежнее право. Далеко не случайно то явленіе, что только черезъ нѣкоторое время послѣ возникновенія новыхъ судовъ у насъ началось развитіе обществъ патроната. Патронатъ можетъ развиваться, лишь если въ обществѣ достаточно окрѣпло сознаніе необходимости помочь правительству въ борьбѣ съ рецидивомъ и распространено пониманіе громадной зависимости преступленія отъ тяжелыхъ жизненныхъ условій и отъ безпомощнаго положенія многихъ арестантовъ по освобожденіи изъ тюрьмы. Въ западныхъ государствахъ патронатъ сталъ развиваться съ начала XIX вѣка, у насъ—лишь со второй половины этого столѣтія, уже послѣ эпохи великихъ реформъ. Правда, до сихъ

поръ патронатъ развивается у насъ довольно туго. Такъ, на 1 января 1913 года Главнымъ тюремнымъ управленіемъ зарегистрировано всего 117 обществъ, которыя въ 1912 году оказали содѣйствіе къ пропитанію и пріисканію жилища и заработка 1067 лицамъ [1]). Конечно, для громадной Россіи, съ ея колоссальнымъ количествомъ мѣстъ заключенія, эти цифры ничтожны, и надо очень желать, чтобы патронатъ получилъ у насъ какъ можно болѣе быстрое развитіе. За послѣдніе годы развитіе его и ускорилось, какъ можно заключить изъ того, что изъ числа существующихъ обществъ патроната только 22 возникли до 1909 года [2]). Правительство, съ своей стороны, начинаетъ содѣйствовать развитію обществъ патроната: въ 1908 году министромъ юстиціи утвержденъ нормальный уставъ обществъ патроната, чѣмъ до извѣстной степени облегчено ихъ возникновеніе и развитіе, а законъ 24 декабря 1912 года обѣщаетъ пособіе отъ Главнаго тюремнаго управленія тѣмъ обществамъ патроната, которыя будутъ представлять этому управленію отчетъ о своей дѣятельности, расходахъ и доходахъ и подчиняться его контролю. Эти мѣры могутъ, до извѣстной степени, ускорить развитіе у насъ патроната. Но онѣ сами могли осуществиться лишь послѣ того, какъ общество проявило уже извѣстную самодѣятельность въ борьбѣ съ преступленіемъ.

Во всякомъ случаѣ, благотворное вліяніе новыхъ судебныхъ учрежденій на развитіе у насъ патроната не подлежитъ сомнѣнію. Однимъ изъ примѣровъ этого вліянія можетъ служить исторія московскаго общества ремесленно-земледѣльческихъ колоній, которая, въ немногихъ словахъ, такова. По окончаніи сессіи Московскаго окружного суда 1—15 сентября 1909 года, присяжные засѣдатели подали предсѣдателю заявленіе о необходимости придти на помощь освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, устроивъ для нихъ земледѣльческую колонію. Эта мысль, подсказанная присяжнымъ фактами живой дѣйствительности, не заглохла въ ихъ средѣ. Уже въ концѣ сентября того же года ими было созвано 1-е организаціонное собраніе, на которомъ была избрана комиссія для выработки устава общества. Въ концѣ января 1910 года уставъ былъ утвержденъ и жизнь общества

---

[1]) Отчетъ по Главному тюр. управ. за 1912 г., ч. I, стр. 87.

[2]) Отчетъ по Главному тюр. управ. за 1909 г., ч. I, стр. 164.

началась. Колонія начала свою дѣятельность съ апрѣля 1910 г. Теперь Московская городская дума отвела обществу въ безплатное пользованіе участокъ земли въ Подольскомъ уѣздѣ, близъ станціи Столбовой. Сюда въ настоящее время колонія и. переведена изъ Клинскаго уѣзда, гдѣ она находилась раньше. Этотъ примѣръ весьма интересенъ, какъ доказательство прямого и непосредственнаго вліянія судебныхъ учрежденій на самодѣятельность общества, направленную къ борьбѣ съ преступностью.

Другую группу учрежденій, созданныхъ обществомъ и, несомнѣнно, въ силу вліянія судебной реформы и новыхъ судебныхъ учрежденій, составляютъ воспитательно-исправительныя заведенія. Всѣ эти заведенія у насъ устроены частными обществами; только немногія изъ нихъ впослѣдствіи перешли въ руки органовъ самоуправленія [1]). Въ настоящее время мы имѣемъ 50 съ небольшимъ воспитательно-исправительныхъ заведеній, колоній и пріютовъ [2]). Конечно, число ихъ, при громадности Россіи, невелико, но они опять-таки связаны съ судебной реформой и принадлежатъ къ числу ея благотворныхъ послѣдствій. Ставъ ближе къ дѣлу уголовнаго правосудія, общество не могло не замѣтить тяжелаго положенія подростковъ, попадающихъ на путь преступленія, а также и вреда, приносимаго имъ тюрьмою, и необходимости иныхъ мѣръ борьбы съ дѣтской преступностью. При этомъ большое участіе въ устройствѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній приняли дѣятели новыхъ судовъ, на что, между прочимъ, было обращено вниманіе Государственнаго Совѣта. Въ отчетѣ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1896—1897 г.г. мы читаемъ: „вмѣстѣ съ тѣмъ Соединенное Присутствіе не могло не выразить одушевляющаго его чувства благодарности, вызваннаго дѣятельностью тѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, при помощи которыхъ, по засвидѣтельствованію министра юстиціи, во многихъ мѣстностяхъ созданы исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ и колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ". „Теплое, сердечное участіе означенныхъ лицъ въ этомъ бла-

---

[1]) Такъ, тверское и нижегородское исправительныя заведенія перешли въ вѣдѣніе земствъ, а рукавишниковскій пріютъ и фидлеровская колонія—города Москвы.

[2]) По отчету Главнаго тюремнаго управленія за 1912 г. этихъ заведеній было 52. См. ч. II, стр. 352—354.

гомъ дѣлѣ, связанное для нихъ не только съ трудами и заботами, но и съ матеріальными пожертвованіями, получаетъ тѣмъ большую цѣну и заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что судебные дѣятели несутъ тяжкій трудъ по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, какъ извѣстно, при скудости присвоенныхъ имъ окладовъ содержанія, далеко недостаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи". „Департаменты, съ своей стороны, почли долгомъ справедливости уполномочить министра юстиціи о такомъ признаніи общественной заслуги должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства довести до ихъ свѣдѣнія" [1]).

Вмѣстѣ съ воспитательно-исправительными заведеніями для подростковъ, совершившихъ преступленія, у насъ развивались и разныя учрежденія для дѣтей бездомныхъ, безпріютныхъ и заброшенныхъ, стремящіяся удержать этихъ дѣтей отъ преступнаго пути.

Косвенно, развитіе и этихъ учрежденій, обусловленное пробудившеюся самодѣятельностью общества въ борьбѣ съ преступностью, большимъ, чѣмъ прежде, ознакомленіемъ общества съ дѣйствительными корнями преступности и съ невыносимо тяжкимъ положеніемъ массы подростковъ, несомнѣнно происходило подъ благотворнымъ вліяніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, если не исключительно, то въ значительной степени, вліянію новыхъ судебныхъ учрежденій надо приписать развивающееся участіе нашего общества въ борьбѣ съ преступностью, выражающееся какъ въ патронатѣ, такъ и въ разныхъ общественныхъ мѣрахъ борьбы съ дѣтской преступностью. Развитіе его привело, между прочимъ, и къ тому, что общество, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ и благотворительныхъ обществъ, стало проникать въ тюрьмы и вносить туда цѣлый рядъ просвѣтительныхъ вліяній. Мѣстами, какъ напримѣръ, въ Москвѣ [2]), появились созданныя

---

[1]) Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1912 г., стр. 539.

[2]) Въ московскихъ мужскихъ тюрьмахъ сейчасъ имѣется 3 школы для взрослыхъ арестантовъ: одна—въ губернской тюрьмѣ и двѣ въ пересыльной бутырской тюрьмѣ. Кромѣ того, есть школа въ отдѣленіи подростковъ при исправительной тюрьмѣ. Всѣ школы содержатся московскимъ мужскимъ благотворительно-тюремнымъ комитетомъ. Комитетъ пригласилъ еще и оплачиваетъ воспитателя для подростковъ исправительной

благотворительными обществами тюремныя школы, библіотеки, чтенія и т. д.

За послѣдніе дни развитіе общественнаго участія въ борьбѣ съ преступностью привело къ появленію при судьяхъ для несовершеннолѣтнихъ кадровъ безплатныхъ попечителей, наряду съ попечителями платными.

Про всѣ эти проявленія общественной самодѣятельности можно сказать, что ихъ мало для громадной Россіи. Это, конечно, такъ, но важно уже то, что они возникли и развиваются; и то и другое стоитъ въ несомнѣнной связи съ благотворнымъ вліяніемъ судебной реформы и новыхъ судовъ.

II. Вліяніе новыхъ судовъ и судебныхъ порядковъ на развитіе нашего уголовнаго законодательства.

Большое вліяніе оказали новые суды и судебные порядки на развитіе нашего уголовнаго законодательства, причемъ это вліяніе шло различными путями. Во-первыхъ, оно выражалось въ отмѣченныхъ уже измѣненіяхъ народнаго правосознанія, всегда въ большей или меньшей степени отражающагося въ уголовномъ законодательствѣ. Во-вторыхъ, оно заключалось въ побужденіи законодателя,—во избѣжаніе частыхъ оправдательныхъ или чрезмѣрно снисходительныхъ приговоровъ,—измѣнять уголовные законы соотвѣтственно духу новыхъ судебныхъ учрежденій и положенныхъ въ основу ихъ началъ. Въ третьихъ, оно проявлялось въ различныхъ указаніяхъ законодателю на необходимость ввести извѣстныя измѣненія въ законодательствѣ, которыя дѣлались судебными учрежденіями и лицами судебнаго вѣдомства въ ихъ замѣчаніяхъ на разные поступавшіе къ нимъ на разсмотрѣніе проекты и въ заявленіяхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ четвертыхъ, многія выработанныя судебной практикой поло-

тюрьмы, устроилъ для нихъ ежедневныя вечернія двухчасовыя чтенія—бесѣды, и за послѣднее время начинаетъ устраивать воскресныя школы для тѣхъ изъ взрослыхъ арестантовъ, которые, работая въ мастерскихъ, не могутъ посѣщать ежедневной школы. Подробно о московскихъ тюремныхъ школахъ см. въ отчетахъ московскаго мужского благотворительно-тюремнаго комитета, а также въ моей статьѣ „Къ вопросу о тюремномъ образованіи". „Тюр. Вѣст." 1913 г., № 2.

женія и точки зрѣнія находили себѣ прямое выраженіе въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ.

Затѣмъ, гласная дѣятельность новыхъ судовъ сдѣлала раскрывавшіеся въ нихъ факты дѣйствительности, ярко рисующіе пружины преступности, разные типы преступниковъ и результаты, получаемые отъ тѣхъ или иныхъ карательныхъ мѣръ, достояніемъ печати, изъ которой законодатель могъ детально ознакомиться съ недостатками существующихъ узаконеній и съ необходимостью извѣстныхъ ихъ исправленій.

Далѣе, практика новыхъ судовъ дѣлала особенно ясными всю устарѣлость, подчасъ чрезмѣрную суровость и большіе пробѣлы нашего Уложенія о Наказаніяхъ, которое выдержало, при дѣйствіи новыхъ судебныхъ учрежденій, 2 изданія, существенно измѣнившихъ нѣкоторыя его части,—въ 1866 г. и въ 1885 году.

Необходимость серьезной реформы нашего уголовнаго законодательства чувствовалась уже въ самый моментъ судебной реформы. Такъ, мысль о составленіи особаго кодекса маловажныхъ преступныхъ дѣяній, высказанная еще гр. Сперанскимъ [1]) и, затѣмъ, возникшая въ 1859 г. въ комиссіи при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, вырабатывавшей проектъ новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, возбуждена была вновь при обсужденіи въ 1862 г. основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Уложенія о Наказаніяхъ предполагалось исключить болѣе 600 статей. II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи составило особый проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. Этотъ проектъ былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ вслѣдъ за проектомъ Устава Уголовнаго Судопроизводства, и удостоился Высочайшаго утвержденія 20 ноября 1864 г., вмѣстѣ съ Судебными Уставами, въ которые и вошелъ, въ качествѣ четвертой части, подъ названіемъ Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями [2]).

Хотя составители Устава и заявляли, что основаніемъ для него принято Уложеніе о Наказаніяхъ 1845 года, однако „по

---

[1]) Гр. Сперанскій внесъ въ Государственный Совѣтъ проектъ особаго судебно-полицейскаго устава, но проектъ этотъ остался безъ послѣдствій.

[2]) Судебные Уставы, изд. Государств. Канцеляріи 1866 г., ч. IV, вступленіе стр. II и III.

спеціальности содержанія Устава, долженствующаго обнять собою только противозаконныя дѣянія менѣе важныя, а также и по измѣнившимся со времени изданія Уложенія взглядамъ и потребностямъ, вызвавшимъ коренныя преобразованія въ самомъ этомъ законѣ, оказалось необходимымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ отступить отъ системы и постановленій Уложенія о Наказаніяхъ" [1]). Отступленія эти столь существенны, что Уставъ о наказаніяхъ явился кодексомъ, построеннымъ на иныхъ основаніяхъ и, по духу своему, совершенно отличнымъ отъ Уложенія о Наказаніяхъ. Онъ не знаетъ уже сословныхъ различій въ наказуемости, ни такихъ грубыхъ наказаній, какъ тѣлесныя, а, съ другой стороны, въ немъ содержится первое упоминаніе о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ для подростковъ, причемъ относительно послѣднихъ не требуется постановки особаго вопроса о разумѣніи. Несомнѣнно, что введеніе, вмѣстѣ съ новыми судебными порядками, и новаго кодекса матеріальнаго права, проникнутаго уже инымъ духомъ, могло только содѣйствовать укорененію въ народномъ правосознаніи новаго, чуждаго началъ возмездія и устрашенія, взгляда на наказаніе и могло только облегчать и усиливать вліяніе въ этомъ же направленіи новыхъ судебныхъ учрежденій. Съ другой стороны, изъ несоотвѣтствія между Уставомъ и Уложеніемъ о Наказаніяхъ вытекала настоятельная потребность ихъ согласовать. Это согласованіе и было произведено закономъ 27 декабря 1865 г. [2]), въ результатѣ котораго, въ 1866 году, явилось новое изданіе Уложенія о Наказаніяхъ, въ которомъ послѣднее замѣтно стало мягче. Все болѣе выяснявшаяся неудовлетворительность стараго Уложенія вызвала работы по составленію новаго кодекса, которыя начались съ 1881 года и привели, наконецъ, къ созданію Уголовнаго Уложенія 1903 г. Между работами по составленію этого послѣдняго кодекса и тѣми теченіями въ общественной мысли и законодательномъ творчествѣ, которыя поддерживались новыми судебными учрежденіями, есть несомнѣнная связь.

„Послѣдовавшія въ царствованіе Дѣда Нашего Императора Александра II коренныя преобразованія,—говорится въ Указѣ

---

[1]) Судебные Уставы, изд. Госуд. Канцел. 1866 г. ч. IV, 1.

[2]) П. С. З. № 42839.

22 марта 1903 г.,—обновили весь строй государственнаго быта Россіи". „Измѣнившіяся подъ вліяніемъ этихъ преобразованій условія народной жизни вызвали необходимость привести въ соотвѣтствіе съ ними уголовные законы".

Не только самый фактъ возникновенія работъ по составленію Уголовнаго Уложенія стоялъ въ несомнѣнной связи съ дѣятельностью новыхъ судебныхъ учрежденій, въ практикѣ которыхъ постоянно и ярко обнаруживались недостатки Уложенія о Наказаніяхъ, но и на самое содержаніе этихъ работъ наложили ясную печать многіе изъ тѣхъ выводовъ и положеній, которые были выработаны нашей судебной практикой. Притомъ, въ этихъ работахъ принимали участіе многіе видные наши юристы, хорошо знакомые съ судебной практикой. Такъ, напр., практика показала узость выставленнаго старымъ Уложеніемъ понятія мошенничества, искусственность понятія взлома, какъ квалифицирующаго кражу обстоятельства, необходимость общаго понятія вымогательства, котораго нѣтъ въ Уложеніи о Наказаніяхъ, чрезмѣрную дробность подраздѣленія похищенія имущества на виды, неудобство и искусственность принятой старымъ Уложеніемъ классификаціи тѣлесныхъ поврежденій, неопредѣленность выставленнаго въ ст. 142 Устава о наказаніяхъ понятія насилія и т. д. Мы и видимъ, что въ Уголовномъ Уложеніи выставлено болѣе широкое понятіе мошенничества и вполнѣ ясное общее понятіе вымогательства, изъ видовъ похищенія устраненъ грабежъ, причемъ часть дѣяній, обнимаемыхъ этимъ понятіемъ, отошла въ область разбоя, а другая—въ область „воровства"; отъ понятія взлома въ новомъ Уложеніи сохранились лишь осколки; классификація тѣлесныхъ поврежденій построена въ Уголовномъ Уложеніи не на внѣшнемъ ихъ патолого-анатомическомъ характерѣ, а на болѣе глубокомъ признакѣ, на вліяніи ихъ на здоровье, причемъ рядомъ съ тѣлесными поврежденіями, въ тѣсномъ смыслѣ слова, поставлено ясное понятіе насилія и т. д. [1]).

Всѣ эти постановленія новаго Уложенія,—хотя, быть можетъ, и въ измѣненномъ видѣ,—скоро вѣроятно будутъ введены въ дѣйствіе. Слѣды вліянія данныхъ судебной практики замѣтны и въ общей части Уголовнаго Уложенія. Такъ, напр., взглядъ

---

[1]) См. статьи 591, 590, 581, 583, 589, 467 и сл., 475 Угол. Улож.

на начало покушенія и на границу, отдѣляющую послѣднее отъ приготовленія, высказанный въ нѣкоторыхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и въ литературѣ сенаторомъ Таганцевымъ, нашелъ себѣ выраженіе въ ст. 49 Угол. Уложенія [1]). Несомнѣнно, что подъ вліяніемъ обнаружившейся на практикѣ крайней искусственности подраздѣленія соучастія на виды въ старомъ Уложеніи, Уголовное Уложеніе, держась той же принципіальной точки зрѣнія на соучастіе, какъ Уложеніе о Наказаніяхъ, улучшило и упростило принятое въ немъ дѣленіе соучастниковъ [2]). Взглядъ на вліяніе квалифицирующихъ обстоятельствъ, находящихся на сторонѣ одного соучастника, на отвѣтственность другихъ, намѣченный во многихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ и теоретически правильный, принятъ Уголовнымъ Уложеніемъ [3]). Неудобства исключительно перечневой системы обрисовки состояній невмѣняемости, принятой старымъ Уложеніемъ, постоянно сказывались на практикѣ и были, несомнѣнно, одною изъ причинъ, побудившихъ выставить въ Уголовномъ Уложеніи извѣстный общій критерій вмѣняемости [4]). Наконецъ, при начертаніи карательной системы Уголовнаго Уложенія въ руководство были приняты общія положенія закона 11 декабря 1879 года, связаннаго съ тѣмъ движеніемъ въ сферѣ уголовнаго законодательства, которое, въ извѣстной степени, поддерживалось новыми судебными учрежденіями.

Надо добавить, что проектъ Уголовнаго Уложенія посылался на разсмотрѣніе судебнымъ учрежденіямъ, юридическимъ обществамъ и отдѣльнымъ спеціалистамъ русскимъ и иностраннымъ, замѣчанія которыхъ были сведены въ 13 томовъ и послужили основаніями для исправленія проекта.

Теперь, въ дополненіе сказаннаго, надо отмѣтить еще особое вліяніе судебной реформы и новыхъ судовъ на нѣкоторые отдѣлы уголовнаго законодательства, именно — на вымираніе тѣлесныхъ наказаній, на узаконенія по тюремной части и на законодательство о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ.

Признавъ, съ отмѣной крѣпостного права, права человѣческой личности и за простолюдиномъ, въ самой организаціи су-

---

[1]) См. ниже.

[2]) Ст. 51 Угол. Уложенія.

[3]) Ibidem.

[4]) Ст. 39 Угол. Уложенія.

дебныхъ учрежденій выразивъ идею русскаго гражданина, законодатель не могъ уже въ прежнемъ объемѣ примѣнять тѣлесныя наказанія. Онъ не могъ по-прежнему примѣнять ихъ и потому, что Судебные Уставы ясно выразили необходимость уважать человѣческую личность и въ преступномъ человѣкѣ. Тѣлесныя наказанія воплощаютъ въ себѣ такое отношеніе къ преступнику, которое совершенно чуждо Судебнымъ Уставамъ.

Законодатель не могъ вручить примѣненія этихъ наказаній суду присяжныхъ, снабженному широкимъ правомъ оправдывать и признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, по указаніямъ своей свободной судейской совѣсти, потому что этотъ судъ постарался бы, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, избѣгать примѣненія этихъ наказаній. Далѣе, какъ указано выше, подъ вліяніемъ, въ извѣстной степени, новыхъ судебныхъ учрежденій поколебался прежній взглядъ законодателя на наказаніе, какъ на возмездіе и устрашеніе. А тѣлесныя наказанія являются яркими носителями этихъ устарѣвшихъ идей, только съ точки зрѣнія послѣднихъ они и могутъ быть оправданы. Вполнѣ понятно, поэтому, почему наше законодательство, во второй половинѣ XIX вѣка, сдѣлало цѣлый рядъ шаговъ къ отмѣнѣ этихъ наказаній. Наканунѣ судебной реформы вышелъ знаменитый Указъ 17 апрѣля 1863 года, который отмѣнилъ шпицрутены и кошки [1]); плети были имъ оставлены только для каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ; значительно сокращено было имъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія, какъ замѣняющаго лишеніе свободы; совершенно уничтожено примѣненіе его, какъ дополнительнаго наказанія для непривилегированныхъ. Лица женскаго пола, кромѣ ссыльныхъ, освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній. Списокъ „изъятыхъ“ пополнился еще различными изъятіями. Наконецъ, этимъ закономъ уничтожалось клейменіе. Несомнѣнно, этотъ гуманный законъ стоялъ въ тѣсной связи съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ тѣмъ подъемомъ общественной мысли и настроенія, съ которыми была связана и судебная реформа. Дальнѣйшіе шаги нашего законодательства, въ направленіи къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, были слѣдующіе: Указомъ 30 августа 1864 года отмѣнено тѣлесное наказаніе для Царства Польскаго; закономъ 1871 г.

[1]) Шпицрутены оставались еще для ссыльныхъ.

отмѣнены шпицрутены для ссыльныхъ; законами 1884 и 1885 гг. уничтожена замѣна розгами лишенія свободы; закономъ 1893 г. отъ тѣлесныхъ наказаній освобождены и женщины, присужденныя къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе; закономъ 10 іюня 1900 г. уничтожено тѣлесное наказаніе для бродягъ, которое имъ назначалось по ст. 952 Уложенія о Нак.; закономъ 2 іюня 1903 г. отмѣнены наиболѣе тяжкія изъ тѣлесныхъ наказаній, назначавшихся каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ по Уставу о ссыльныхъ, именно: бритье головы, наказаніе лозами, плетьми и прикованіе къ телѣжкѣ. Манифестомъ 11 августа 1904 г. сдѣланы дальнѣйшіе рѣшительные шаги къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній: отмѣнено примѣненіе ихъ въ войскахъ сухопутныхъ и морскихъ, на волостномъ судѣ и у инородцевъ; уничтожено примѣненіе ихъ, въ качествѣ дисциплинарной мѣры, по ст. 1377 и 1261 Улож. о Нак.

Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ этотъ длинный перечень законовъ, не послѣднее мѣсто должно занять несоотвѣтствіе тѣлесныхъ наказаній духу и руководящимъ принципамъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Гуманизирующее вліяніе новыхъ судебныхъ порядковъ и учрежденій благотворно отразилось и на состояніи у насъ тюремнаго дѣла. Въ гласномъ судѣ въ яркихъ картинахъ раскрывались всѣ тюремныя неурядицы,—и нерѣдкій произволъ, и безработица, и разныя неблагоустройства тюремныхъ зданій. Съ другой стороны, то общее теченіе, которое поддерживалось новыми судебными учрежденіями и направлялось въ сторону бо́льшаго приспособленія наказаній къ полезному вліянію на преступниковъ, не могло пройти безслѣдно для организаціи нашего тюремнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что съ постепенной гуманизаціей наказаній и съ сокращеніемъ тѣлесныхъ наказаній тюрьма занимала все болѣе видное мѣсто въ карательной системѣ. Кромѣ того, послѣ Указа 17 апрѣля 1863 года и польскаго мятежа, вопросъ о приготовленіи значительнаго числа тюремныхъ помѣщеній сдѣлался безотлагательнымъ [1]).

Необходимость тюремнаго преобразованія была отмѣчена Государственнымъ Совѣтомъ уже въ періодъ подготовительныхъ

[1]) См. изд. въ 1905 г. Главнымъ тюремнымъ управленіемъ книгу „Тюремное преобразованіе“, стр. 5.

работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ. При Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1864 году была образована комиссія, которая составила предположенія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ тюремной системѣ, но труды ея дальнѣйшаго движенія не получили и единственнымъ результатомъ этой комиссіи остались изданные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1865 году „Матеріалы по вопросу о преобразованіи тюремной части въ Россіи“ [1]). Въ началѣ 70-хъ годовъ надъ составленіемъ проекта тюремнаго преобразованія работала Высочайше учрежденная, подъ предсѣдательствомъ графа Соллогуба, комиссія. Въ изданномъ въ 1873 году, подъ редакціей гр. Соллогуба, сочиненіи, между прочимъ, состояніе русскихъ тюремъ обрисовывалось слѣдующими мрачными красками: „русская тюрьма сдѣлалась для народа развращающимъ учрежденіемъ; она: 1) притонъ разврата, мошенничества и фабрика фальшивыхъ паспортовъ, монетъ и ассигнацій; 2) община разбоя, грабежа, воровства и всѣхъ возможныхъ пороковъ; 3) проводникъ безнравственности, упорства и неповиновенія властямъ, и, наконецъ, 4) разсадникъ рецидивистовъ“ [2]).

Комиссія выработала проектъ положенія: 1) о мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, 2) о пересыльныхъ учрежденіяхъ и 3) о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе тюремной реформы въ Имперіи. Этотъ проектъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ на разсмотрѣніе особаго комитета подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, гр. Зубова. Предположенія комитета, вмѣстѣ съ внесеннымъ къ этому времени въ Государственный Совѣтъ представленіемъ министра юстиціи о лѣстницѣ наказаній, были разсмотрѣны въ Высочайше учрежденной 28 февраля 1877 года особой комиссіи изъ членовъ Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота. Результатомъ дѣятельности этой комиссіи явился законъ 11 декабря 1879 года, изданный для руководства при предстоящихъ тюремномъ преобразованіи и пересмотрѣ Уложенія о Наказаніяхъ. Между прочимъ, комиссія признала необходимымъ учрежденіе въ Россіи Главнаго тюремнаго управленія и Совѣта по дѣламъ тюремнаго управленія. Высочайше утвер-

[1]) Тюремное преобразованіе, ibid.

[2]) Исторія и современное состояніе карательныхъ учрежденій за границей и въ Россіи, стр. 68.

жденнымъ 27 февраля 1879 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и были учреждены какъ Главное тюремное управленіе, такъ и Совѣтъ по тюремнымъ дѣламъ. Этимъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта устанавливался, въ зародышѣ, и институтъ тюремной инспекціи, именно, при Главномъ тюремномъ управленіи были учреждены особые инспекторы. Учрежденіе Главнаго тюремнаго управленія было большимъ шагомъ впередъ: оно объединило наше тюремное управленіе и сдѣлало возможнымъ постепенный и планомѣрный прогрессъ тюремнаго дѣла въ Россіи. Послѣдующія узаконенія по тюремной части, изъ которыхъ наиболѣе важное значеніе имѣли законъ 6 января 1886 года объ арестантскомъ трудѣ и законы 21 марта 1890 года, 29 мая 1895 года, 7 іюня 1909 г., 10 іюня 1910 года и 28 іюня 1912 года объ учрежденіи губернской тюремной инспекціи,— создали рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ упорядоченію нашего тюремнаго управленія и къ устраненію произвола и хищеній изъ нашей тюремной практики. Всѣ эти мѣропріятія обусловливались, съ одной стороны, сознаніемъ печальнаго состоянія нашего тюремнаго дѣла, а съ другой—стремленіемъ придать тюрьмѣ исправительное значеніе. Какъ то, такъ и другое находило себѣ поддержку въ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій. Кромѣ того, связанныя съ новымъ судебнымъ порядкомъ измѣненія уголовнаго законодательства вызывали соотвѣтствующія имъ измѣненія и законоположеній, касающихся тюремъ; и мы видимъ, дѣйствительно, что возникновеніе различныхъ комиссій, обсуждавшихъ вопросъ о тюремномъ преобразованіи, стояло въ связи съ измѣненіями разныхъ частей уголовнаго законодательства: съ указомъ 17 апрѣля 1863 года, съ Судебными Уставами 1864 года, съ изданіемъ Уложенія о Наказаніяхъ 1866 года, съ работами по составленію новаго Уголовнаго Уложенія, съ выработкой общаго проекта относительно лѣстницы наказаній [1]).

Измѣненіе отношенія общества къ борьбѣ правительства съ преступленіемъ, стоявшее, какъ выяснено выше, въ извѣстной связи съ дѣятельностью новыхъ судебныхъ учрежденій, позволило законодателю создать въ 1895 году особыя наблюдательныя комиссіи смѣшаннаго состава изъ должностныхъ и

[1]) Тюремное преобразованіе, стр. 5—12.

частныхъ лицъ для наблюденія за всѣми сторонами тюремной жизни. Такія комиссіи имѣются въ Петроградѣ и въ Москвѣ [1]).

Благодаря тому же измѣненію отношенія общества къ борьбѣ правительства съ преступностью и проявленному обществомъ активному участію въ этой борьбѣ, законодатель смогъ возложить, закономъ 1909 г. объ условномъ досрочномъ освобожденіи, весьма важныя функціи по наблюденію за досрочно-освобожденными и по участію въ особыхъ совѣщаніяхъ, обсуждающихъ вопросъ о примѣненіи досрочнаго освобожденія, на членовъ обществъ патроната и благотворительно-тюремныхъ комитетовъ.

Затѣмъ, созданная Судебными Уставами прокуратура стала органомъ надзора за правильностью содержанія заключенныхъ въ мѣстахъ заключенія. Ст. 10 и 11 Уст. Уголовнаго Судопроизводства возложили какъ на прокуроровъ, такъ и на судей обязанность, въ предѣлахъ своего участка, освобождать неправильно лишенныхъ свободы и принимать мѣры къ содержанію въ установленномъ порядкѣ лица, содержимаго не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Кромѣ того, ст. 18 Уст. о сод. подъ стражей возлагаетъ на прокурорскій надзоръ пріемъ, просмотръ и отправленіе бумагъ, писанныхъ содержащимися, и наблюденіе за размѣщеніемъ подслѣдственныхъ арестантовъ и успѣшнымъ ходомъ арестантскихъ дѣлъ. Лица мѣстнаго прокурорскаго надзора имѣютъ, во всякое время, безпрепятственный входъ въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства. Прокурорскій надзоръ, далѣе, участвуетъ въ Особомъ совѣщаніи по вопросу о примѣненіи условнаго досрочнаго освобожденія, въ наблюдательныхъ комиссіяхъ, въ комитетахъ и отдѣленіяхъ попечительнаго о тюрьмахъ общества (ст. 77 Уст. о сод. подъ стражей). Лица прокурорскаго надзора принимаютъ также нѣкоторое участіе въ примѣненіи къ арестантамъ болѣе важныхъ дисциплинарныхъ мѣръ (ст. 399 и 400 Уст. о сод. подъ стражей).

Принимая извѣстное участіе въ тюремномъ управленіи и наблюдая за тюрьмами, лица прокурорскаго надзора не

---

[1]) Въ составъ этихъ комиссій входятъ лица прокурорскаго надзора, члены или директора правленія благотворительно-тюремныхъ комитетовъ, гласные городской думы и члены по назначенію министра юстиціи или московскаго генералъ-губернатора. Составъ и дѣятельность наблюдательныхъ комиссій опредѣляется ст. 52—60 Уст. сод. страж. (продолж. 1912 г.).

мало содѣйствовали водворенію законности въ жизни нашей тюрьмы.

Еще отчетливѣе и рѣзче отразилось вліяніе новыхъ судебныхъ учрежденій на другой отрасли нашего уголовнаго законодательства, — на законодательствѣ о несовершеннолѣтнихъ, громадная соціальная важность котораго ясна сама собою.

При рѣшеніи вопроса о несовершеннолѣтнихъ, уголовный законодатель встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ соціально-патологическихъ явленій,—съ частымъ разложеніемъ семьи, съ безпризорностью, съ матеріальной и нравственной заброшенностью массы дѣтей, съ ихъ тяжкой нуждой, порочной наслѣдственностью, развращающимъ вліяніемъ взрослыхъ и т. д. Бороться съ этими язвами общественными одно правительство, безъ дѣятельной поддержки общества, не можетъ, особенно въ большомъ государствѣ. Поэтому, законодатель долженъ, между прочимъ, своими постановленіями открыть свободный путь усиліямъ общества, направленнымъ на борьбу съ дѣтской преступностью, и постараться поддержать ихъ. Съ другой стороны, для того, чтобы законодатель могъ издать постановленія, замѣняющія для подростковъ уголовную отвѣтственность болѣе соотвѣтствующими ихъ возрасту мѣрами, необходимо, чтобы въ обществѣ была уже подготовлена почва для развитія общественныхъ мѣръ борьбы съ дѣтской преступностью, и законодатель могъ расчитывать на содѣйствіе общества. Развитіе уголовнаго законодательства по данному вопросу, такимъ образомъ, можетъ и должно итти параллельно съ развитіемъ общественной самодѣятельности, направленной на борьбу съ дѣтской преступностью и порождающими ее причинами. Такъ это и было у насъ.

Вполнѣ понятно, почему проблема борьбы съ дѣтской преступностью впервые привлекла къ себѣ у насъ вниманіе законодателя и общества лишь въ эпоху великихъ реформъ. Съ этого момента, подъ несомнѣннымъ и постояннымъ вліяніемъ новыхъ судовъ, рѣшеніе ея не перестаетъ развиваться. Вотъ вкратцѣ главные моменты этого развитія.

Наше старое право,—право до XIX вѣка,—не содержало въ себѣ или никакихъ постановленій о несовершеннолѣтнихъ, или, по крайней мѣрѣ, никакихъ такихъ постановленій, которыя уста-

навливали бы для подростковъ замѣну наказаній, назначаемыхъ общими уголовными законами, соотвѣтствующими ихъ возрасту воспитательными мѣрами [1]).

Въ первой половинѣ XIX столѣтія вопросъ объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ также мало подвинулся впередъ. По Своду Законовъ 1832 г., тяжкія дѣла о малолѣтнихъ должны были вѣдаться Сенатомъ, по его благоусмотрѣнію, а дѣла меньшей важности были подсудны совѣстнымъ судамъ, при чемъ послѣдніе должны были признавать дѣтей до 10 лѣтъ невмѣняемыми и подлежащими лишь домашнему исправленію, виновныхъ подростковъ 10—15 лѣтъ наказывать розгами, а виновныхъ въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ—плетьми. Нѣсколько измѣненныя закономъ 28 іюня 1833 года эти постановленія перешли въ Сводъ Законовъ 1842 года: дѣти до 10 лѣтъ признавались невмѣняемыми; относительно подростковъ отъ 10 до 17 лѣтъ совѣстный судъ или мѣсто, сими дѣлами завѣдующее, прежде всего должны были рѣшить вопросъ о разумѣніи [2]). Дѣйствовавшіе безъ разумѣнія, по Своду 1842 г., не должны были подвергаться наказаніямъ, дѣйствовавшіе же съ разумѣніемъ подлежали смягченной уголовной отвѣтственности, при чемъ размѣры смягченія, при тяжкихъ преступленіяхъ были различны для подростковъ отъ 10 до 14 и отъ 14 до 17 лѣтъ, а при преступленіяхъ менѣе тяжкихъ—для подростковъ отъ 10

---

[1]) Законодательство до Уложенія 1649 года и само это Уложеніе ничего не говорили о вліяніи юнаго возраста на уголовную отвѣтственность. Въ новоуказныя статьи къ Уложенію 1649 г. было внесено изъ градскихъ законовъ постановленіе, что если отрокъ 7 лѣтъ убьетъ, то „неповиненъ есть смерти". Въ Воинскомъ уставѣ Петра Великаго, въ толкованіи на артикулъ 195, сказано: „наказаніе за воровство обыкновенно умаляется или весьма оставляется, ежели..... воръ будетъ младенецъ, который, дабы заранѣе его отъ сего отучить, можетъ отъ родителей своихъ лозами наказанъ быть". Въ 1742—1744 гг. вопросъ объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ былъ предметомъ сужденія Сената и Синода, причемъ Сенатъ полагалъ, что къ лицамъ до 17 лѣтъ не могутъ быть примѣняемы тѣ же наказанія, какъ ко взрослымъ, а Синодъ принялъ вмѣсто 17—12 лѣтъ; но высказанныя ими соображенія практической силы не получили. Указъ 1765 года опредѣлилъ, что лица моложе 17 лѣтъ, обвиняемыя въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь или кнутъ, должны быть представляемы въ Сенатъ, гдѣ съ ними имѣетъ быть поступлено по благоусмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ вины; тѣ же изъ лицъ, моложе 17 лѣтъ, которыя будутъ виновны въ преступленіяхъ, не влекущихъ смертной казни, и которыя будутъ подлежать тѣлесному наказанію, должны быть, безъ представленія въ Сенатъ, подвергаемы: подростки отъ 15 до 17 лѣтъ наказанію плетьми, а подростки отъ 10 до 15 лѣтъ—розгами, дѣтей же 10 лѣтъ отдавать для наказанія ихъ родителямъ или помѣщику. Постановленія указа 1765 г., въ существенныхъ чертахъ, вошли въ Сводъ Законовъ 1832 г.

[2]) Сводъ Зак. 1842 г., т. XV, ст. 38.

до 15 и отъ 15 до 17 лѣтъ [1]). Съ 17 лѣтъ начиналась полная уголовная отвѣтственность.

Уложеніе о Наказаніяхъ первыхъ двухъ изданій (1845 и 1857 гг.) признавало дѣтей до 10 лѣтъ невмѣняемыми. Относительно дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ долженъ былъ ставиться вопросъ о разумѣніи, при чемъ въ случаѣ, „когда съ достовѣрностью признано, что преступленіе учинено ими безъ разумѣнія", они не подлежали наказаніямъ, а,—наравнѣ съ недостигшими 10 лѣтъ,—лишь мѣрамъ домашняго исправленія [2]).

Для подростковъ отъ 10 до 14 лѣтъ, дѣйствовавшихъ съ разумѣніемъ, устанавливалась смягченная уголовная отвѣтственность, при чемъ, между прочимъ, они подлежали ссылкѣ на поселеніе, заключенію въ смирительномъ домѣ и въ монастырѣ [3]). Для несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 21 года также устанавливалось нѣкоторое смягченіе наказанія: безсрочныя каторжныя работы въ рудникахъ замѣнялись для нихъ каторжными работами въ рудникахъ на 20 лѣтъ, срочныя каторжныя работы сокращались на $^1/_3$, ссылка на житье и отдача въ арестантскія роты—замѣнялись отдачей въ военную службу съ выслугой, или,—въ случаѣ неспособности къ строевой службѣ,—въ писцы военнаго вѣдомства; (въ случаѣ же совершенной неспособности къ военной службѣ они наказывались, наравнѣ съ совершеннолѣтними,—ссылкой на житье, но съ уменьшеніемъ этого наказанія на 1 или 2 степени); арестантскія роты замѣнялись розгами и ссылкой на водвореніе, или заключеніемъ въ рабочемъ домѣ на 2 года, или въ тюрьмѣ на 3 года. Плети, для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, замѣнялись розгами [4]).

---

[1]) Нѣкоторыя наказанія (кнутъ и публичное наказаніе плетьми) къ подросткамъ моложе 17 лѣтъ не примѣнялись; къ подросткамъ до 14 лѣтъ не могли быть примѣняемы и каторжныя работы.

[2]) Сводъ Зак. изд. 1857 г., т. XV, Улож. о Нак. ст. 149; Улож. о Нак., изд. 1845 г., ст. 143.

[3]) Улож. о Нак., изд. 1857 г., ст. 150 (въ изд. 1845 г. ст. 144).

[4]) Ibidem. ст. 151—153. Ср. Улож. изд. 1845 г. ст. 145 и 146. Розги, неизъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, въ Улож. изд. 1857 г. назначались въ различныхъ размѣрахъ: 30—40 ударовъ въ замѣну отдачи въ арестантскія роты на время отъ 1 до 2 лѣтъ, при чемъ къ этимъ розгамъ присоединялось двухлѣтнее заключеніе въ рабочемъ домѣ, или трехлѣтнее въ тюрьмѣ; розги 40—60 ударовъ, или 60—70 ударовъ въ замѣну арестантскихъ ротъ на срокъ отъ 2 до 6 лѣтъ и отъ 6 до 10 лѣтъ, при чемъ въ этихъ случаяхъ высѣченные подростки подлежали ссылкѣ на водвореніе, въ первомъ случаѣ—въ одну изъ губерній Западной Сибири, а во второмъ—въ одну изъ отдаленныхъ, кромѣ сибирскихъ, губерній. Ст. 153 Улож. о Нак. (изд. 1857 г.).

Такимъ образомъ, каторжныя работы, даже въ рудникахъ и на срокъ въ 20 лѣтъ, ссылка на поселеніе, на житье или на водвореніе, розги, отдача въ военную службу, смирительный и рабочій домъ—вотъ мѣры, которыми грозило Уложеніе первыхъ изданій подросткамъ отъ 14 до 21 года. Страшно подумать, что дѣти 14—15 лѣтъ могли подлежать на десятки лѣтъ каторгѣ или ссылкѣ, и ни однимъ словомъ законъ не обмолвился о воспитательно-исправительныхъ мѣрахъ для этихъ дѣтей. Положеніе дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ также было невыносимо тяжело, если ихъ, на несчастье, признавали дѣйствовавшими съ разумѣніемъ: ссылка на поселеніе, монастырь, смирительный домъ—вотъ мѣры, которыми грозилъ имъ законъ, ни слова опять таки не говоря о воспитательно-исправительныхъ мѣрахъ; только въ концѣ (п. 4) ст. 150 Уложеніе о Наказаніяхъ (изд. 1857 г.) постановляло, что за преступленія, за которыя опредѣлено закономъ заключеніе въ смирительномъ домѣ или другое, еще менѣе строгое, они подвергаются исправительному, домашнему, по распоряженію родителей или опекуновъ, наказанію.

Жестокость и нераціональность вышеуказаннаго отношенія къ дѣтямъ не могла не обратить на себя вниманія составителей Судебныхъ Уставовъ. При составленіи Судебныхъ Уставовъ было заявлено о трудности примѣнять къ малолѣтнимъ наказанія, установленныя общими уголовными законами, и была выражена мысль о примѣненіи у насъ системы дѣтскихъ исправительныхъ пріютовъ, давшая въ другихъ государствахъ весьма благопріятные результаты въ борьбѣ съ порочными наклонностями нравственно испорченныхъ подростковъ. Эта мысль была одобрена Государственнымъ Совѣтомъ, и, вслѣдствіе этого, въ вошедшій въ Судебные Уставы Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, была введена статья 6, постановляющая, что въ мѣстностяхъ, гдѣ будутъ учреждены исправительные пріюты, несовершеннолѣтніе отъ 10 до 17 лѣтъ могутъ быть, взамѣнъ заключенія въ тюрьмѣ, обращаемы въ эти пріюты на срокъ, опредѣленный мировымъ судьей, но съ тѣмъ, чтобы не оставлять ихъ тамъ по достиженіи 18 лѣтъ. Составители Судебныхъ Уставовъ, далѣе, внесли въ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства ст. 759, согласно которой „о подсудимомъ, имѣвшемъ во время совершенія преступленія менѣе 17 лѣтъ,

во всякомъ случаѣ постановляется вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ".

Отодвигая возрастный предѣлъ относительной вмѣняемости съ 14 лѣтъ, какъ было въ Улож. о Нак. изд. 1845 и 1857 гг., на 17 лѣтъ,—Судебные Уставы несомнѣнно сдѣлали нѣкоторый шагъ впередъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Высочайше утвержденнымъ 20 ноября 1864 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было поручено бывшему Второму Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи выработать проектъ правилъ объ учрежденіи исправительныхъ пріютовъ. Въ декабрѣ 1866 года правила объ исправительныхъ пріютахъ удостоились Высочайшаго утвержденія.

Этотъ законъ призывалъ земства, общество, духовныя установленія и частныхъ лицъ къ устройству „такихъ богоугодныхъ и общеполезныхъ заведеній", косвенно указывая, что и правительство имѣетъ въ виду само учредить подобныя заведенія. Для исправительныхъ пріютовъ онъ устанавливалъ извѣстныя имущественныя льготы: недвижимое имущество ихъ освобождалось отъ всякихъ сборовъ въ пользу казны, попечительные о тюрьмахъ комитеты обязывались выдавать этимъ пріютамъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе арестантовъ, ежемѣсячно ту плату, во сколько обходится пища и одежда арестанта и т. д. При этомъ пріюты должны основываться, по этому закону, для лицъ разнаго пола отдѣльные и не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, по соглашенію съ министромъ юстиціи, зависѣло и утвержденіе положенія для каждаго пріюта.

Относительно внутренняго распорядка пріютовъ этотъ законъ не содержалъ въ себѣ постановленій, а давалъ лишь общія указанія, не мѣшавшія каждому пріюту развиваться самобытно. Всѣ исправительные пріюты состояли, по закону 1866 г., въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, при чемъ, въ особенно важныхъ случаяхъ нарушенія законовъ или положенія даннаго

[1]) „Въ Россіи, говорятъ составители Судебныхъ Уставовъ, какъ по суровости климата въ наибольшей части занимаемаго ею пространства, такъ и по недостатку средствъ у большинства народонаселенія къ воспитанію дѣтей, малолѣтніе не только не ранѣе, а вообще позже развиваются, чѣмъ въ западныхъ государствахъ". „Посему вопросъ о томъ, съ разумѣніемъ ли дѣйствовалъ подсудимый, долженъ быть постановляемъ о каждомъ несовершеннолѣтнемъ, не достигшемъ 17 лѣтъ". Судебные Уставы, изд. Госуд. Канц. Изд. 2-е 1867 г. Уст. Уг. Суд., стр. 268 (подъ ст. 759).

пріюта, министръ внутреннихъ дѣлъ могъ закрывать частные пріюты, съ разрѣшенія I-го департамента Правительствующаго Сената. Каждый пріютъ обязанъ былъ ежегодно представлять министру внутреннихъ дѣлъ отчетъ о своей дѣятельности.

Законъ 1866 года, каковы бы ни были недостатки отдѣльныхъ его постановленій, полагалъ прочное основаніе развитію у насъ воспитательно-исправительныхъ заведеній. Въ то время, когда вышелъ этотъ законъ, существовало, и то лишь въ зачаточномъ состояніи, только одно воспитательно-исправительное заведеніе, принимавшее совершившихъ преступленіе дѣтей,—рукавишниковскій пріютъ въ Москвѣ, основанный въ годъ судебной реформы, т. е. въ 1864 году, обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, подъ названіемъ: „исправительная школа для малолѣтнихъ арестантовъ".

Въ томъ же 1866 году вышло новое изданіе Уложенія о Наказаніяхъ, которое также, по сравненію съ двумя первыми изданіями, дѣлало въ вопросѣ объ отвѣтственности подростковъ замѣтные шаги впередъ [1]). Въ этомъ изданіи оно различало слѣдующіе возрастные періоды: 1) до семи лѣтъ, 2) отъ семи до десяти лѣтъ, 3) отъ 10 до 14 лѣтъ и 4) отъ 14 до 21 года. Первые два періода были періодомъ безусловной невмѣняемости; второй изъ нихъ совершенно безполезно былъ отдѣльно упомянутъ въ законѣ. Третій періодъ—отъ 10 до 14 лѣтъ—былъ періодомъ относительной невмѣняемости; въ отношеніи этихъ подростковъ на судѣ долженъ былъ ставиться вопросъ о разумѣніи, при чемъ, при отрицательномъ его рѣшеніи, подростки могли подлежать лишь мѣрамъ домашняго исправленія. Въ случаѣ же признанія ихъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, наказанія для нихъ смягчались и замѣнялись на основаніи ст. 138 Уложенія о Наказаніяхъ, при чемъ вмѣсто каторги они подлежали ссылкѣ на поселеніе; за преступленія, караемыя ссылкой на поселеніе,—заключенію въ монастырѣ или въ смирительномъ домѣ на время отъ 3 лѣтъ 4 мѣс. до 5 лѣтъ 4 мѣс.; за преступленія менѣе тяжкія, караемыя ссылкой на житье, арестантскими ротами или рабочимъ домомъ, они подвергались заключенію въ монастырѣ или смирительномъ домѣ на время отъ 40 дней до 8 мѣс.; за преступленія же, караемыя смирительнымъ домомъ или менѣе

[1]) См. ст. 137 и сл. Улож. о Нак., изд. 1866 г.

строгими наказаніями, они подвергались лишь мѣрамъ домашняго исправленія. Возрастомъ 14 лѣтъ въ Уложеніи первыхъ изданій кончался періодъ условной вмѣняемости. Судебные Уставы (ст. 759 Уст. Уг. Суд.) отодвинули эту границу до 17 лѣтъ. Но тогда, изъ за несогласованности Улож. о Нак. и Устава Уг. Суд. возникло большое затрудненіе: какъ поступать суду съ подростками отъ 14 до 17 лѣтъ, которыхъ онъ признаетъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія? На основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта, отъ 27 декабря 1865 года, въ новомъ изданіи Уложенія о Нак. и была сдѣлана попытка согласовать постановленія Улож. о Нак. и Уст. Уг. Суд., при чемъ возрастъ отъ 14 до 21 года былъ подраздѣленъ на 2 періода: отъ 14 до 17 лѣтъ и отъ 17 до 21 года. Относительно подростковъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ 2 ч. ст. 137 Улож. о Нак. говорила, что если они дѣйствовали „безъ полнаго разумѣнія", то должны подвергаться или наказанію по ст. 138, или отдачѣ въ исправительные пріюты, или, въ случаѣ отсутствія въ данной мѣстности исправительнаго пріюта, заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не свыше 1 года и 4 мѣс. Въ случаѣ же признанія подростковъ отъ 14 до 17 лѣтъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, они должны были подвергаться тѣмъ же наказаніямъ, какъ и несовершеннолѣтніе отъ 17 до 21 года. Возрастъ отъ 17 до 21 года признавался періодомъ смягченія наказанія. Такимъ образомъ, судебная реформа внесла новое начало по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ: въ Судебныхъ Уставахъ впервые было сдѣлано указаніе, какъ на особую мѣру для подростковъ, на исправительные пріюты. Вызванное судебной реформой измѣненіе Уложенія о Нак. и новое изданіе послѣдняго въ 1866 году также привело къ внесенію въ число мѣръ для подростковъ исправительныхъ пріютовъ.

Въ Уложеніи о Нак. изд. 1885 года и въ законѣ объ уголовной отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ 1897 года воспитательно-исправительныя заведенія заняли болѣе широкое мѣсто.

Въ настоящее время наше законодательство признаетъ дѣтей до 10 лѣтъ невмѣняемыми безусловно; подростковъ отъ 10—17 лѣтъ вмѣняемыми относительно, причемъ Уложеніе о Нак. требуетъ, чтобы относительно ихъ всегда ставился вопросъ, совершили ли они свое дѣяніе съ разумѣніемъ. Возрастъ

отъ 17 лѣтъ до 21 года является періодомъ смягченія наказанія. Подростки отъ 10 до 17 лѣтъ, какъ дѣйствовавшіе безъ разумѣнія, такъ и дѣйствовавшіе съ разумѣніемъ во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ могутъ быть отдаваемы судомъ въ воспитательно-исправительныя заведенія, за исключеніемъ только подростковъ отъ 14 до 17 лѣтъ, совершившихъ преступленія, влекущія за собой смертную казнь, каторгу или ссылку на поселеніе и признанныхъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ; эти подростки не могутъ уже быть помѣщаемы въ воспитательно-исправительныя заведенія, а подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ на довольно продолжительные сроки: 8—12 лѣтъ, или 3—8 лѣтъ (ст. 139 Улож. о Нак.). Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ только что указанныхъ, подростки отъ 10 до 17 лѣтъ могутъ быть отдаваемы въ особыя воспитательно-исправительныя заведенія, а въ случаѣ невозможности помѣстить ихъ туда, должны подлежать заключенію въ особыхъ помѣщеніяхъ при тюрьмахъ или при домахъ для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, или въ монастырѣ ихъ вѣроисповѣданія. Если сравнить эти современныя постановленія Улож. о Нак. (ст. 137—140) съ прежними постановленіями его въ изданіяхъ 1845 и 1857 г.г., то разница получится колоссальная. Положеніе о воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ 1909 г., дополняя постановленія нашихъ уголовныхъ кодексовъ, дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ по упроченію у насъ развитія воспитательно-исправительныхъ заведеній: оно объединяетъ ихъ дѣятельность, указывая нѣкоторыя общія правила внутренняго распорядка и обученія, увеличиваетъ срокъ пребыванія питомцевъ въ этихъ заведеніяхъ, позволяя задерживать питомцевъ, имѣвшихъ при помѣщеніи въ заведеніе 15 лѣтъ,—до достиженія совершеннолѣтія, чѣмъ открывается возможность исправительнымъ заведеніямъ принимать воспитанниковъ и болѣе старшаго возраста (ст. 25 Положенія); наконецъ, это положеніе (ст. 4, 7, 12, 14, 15) обезпечиваетъ воспитательно-исправительнымъ заведеніямъ извѣстную имущественную поддержку и цѣлый рядъ имущественныхъ льготъ.

Если и въ настоящее время наше уголовное законодательство не достигло еще въ вопросѣ о несовершеннолѣтнихъ всего прогресса, который возможенъ, то во всякомъ случаѣ, по сравненію съ первой и даже съ началомъ второй половины XIX вѣка, оно сдѣлало цѣлый рядъ крупныхъ шаговъ впередъ, при-

чемъ участіе, въ числѣ причинъ этого прогрессивнаго движенія, новыхъ судебныхъ учрежденій несомнѣнно. Это участіе проявлялось различно. Во-первыхъ, какъ указано выше, судебныя учрежденія поддерживали и развивали то измѣненіе во взглядахъ на наказаніе, которое имѣло рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ уголовной отвѣтственности подростковъ. Судебная реформа выдвинула вопросъ о несовершеннолѣтнихъ и указала пути къ новому его рѣшенію, новую мѣру борьбы съ дѣтской преступностью—воспитательно-исправительныя заведенія. Новыя судебныя учрежденія содѣйствовали тому, что эта мѣра получала и въ законодательствѣ, и въ жизни все болѣе широкое значеніе; они охотно помѣщали подростковъ въ исправительныя заведенія, многіе судебные дѣятели принимали близкое участіе въ созданіи и жизни этихъ заведеній (какъ это и было отмѣчено Государственнымъ Совѣтомъ въ 1897 году), а также въ съѣздахъ представителей этихъ заведеній. Они содѣйствовали распространенію въ обществѣ сознанія необходимости и полезности этихъ заведеній. Содѣйствуя развитію активнаго участія общества въ борьбѣ съ преступностью и давая возможность изъ тѣхъ тяжелыхъ картинъ, которыя раскрывались въ гласномъ судѣ, убѣдиться въ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ несчастные подростки, попадающіе на путь преступленія, они возбуждали и направляли общественную благотворительность къ созданію такихъ учрежденій. Поскольку это оказывалось возможнымъ, судебныя учрежденія старались проложить, такъ сказать, новыя тропинки въ томъ же направленіи, въ какомъ шелъ въ теченіе минувшаго столѣтія законодатель. Подтвержденіемъ этого служатъ недавно возникшіе и все распространяющіеся судьи для подростковъ. Такой судья въ Петроградѣ функціонируетъ съ 1910 г., а въ Москвѣ съ 1912 г., и уже въ первые годы ими были разсмотрѣны многія сотни дѣлъ [1]). Эти суды вызваны гуманнымъ стремленіемъ избавить подростковъ отъ торжественной обстановки процесса, нерѣдко вредно вліяющей на ихъ юную душу. Созданные творчествомъ новыхъ судовъ, суды для подростковъ, несомнѣнно, являются шагомъ впередъ въ борьбѣ съ дѣтской преступностью. Они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ яркимъ примѣромъ того, какъ глу-

[1]) См. Окуневъ. Особый судъ по дѣламъ о малолѣтнихъ. Отчетъ за 1910 г.

боко вообще измѣнился характеръ уголовно-судебной практики въ новыхъ судахъ, по сравненію съ практикой дореформенной эпохи: мѣсто прежняго формальнаго и бездушнаго отношенія къ подсудимому, при которомъ мечъ уголовнаго правосудія тяжело падалъ и на дѣтей, заняло теплое, участливое отношеніе судьи, который ищетъ всѣхъ, доступныхъ ему въ рамкахъ закона, способовъ воспитательными средствами удалить ребенка съ преступнаго пути и предохранить его отъ вреднаго вліянія тюрьмы и торжественной уголовно-судебной процедуры, могущей дать ребенку почувствовать себя настоящимъ злодѣемъ, съ которымъ общество вынуждено серьезно бороться и который можетъ хитро надуть бдительность уголовнаго правосудія.

III. Творческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ уголовно-судебной практики.

Характеръ уголовно-судебной дѣятельности въ новыхъ судахъ радикально измѣнился по сравненію съ дореформеннымъ временемъ. Мѣсто сухого формализма и суровости стараго суда заняло стремленіе къ гуманности и индивидуализаціи наказанія; вмѣстѣ съ правдой въ стѣны суда проникла и милость.

Съ постепеннымъ распространеніемъ взгляда на наказаніе только какъ на мѣру предупрежденія преступленій, которая должна оказывать возможное исправительное дѣйствіе на преступника, стало пріобрѣтать все большее практическое значеніе требованіе возможной индивидуализаціи наказанія. Это начало возможной индивидуализаціи наказанія, составляющее одно изъ безспорныхъ положеній современной науки и одну изъ важнѣйшихъ—къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не совсѣмъ разрѣшенныхъ—задачъ уголовно-судебной практики, требуетъ яркаго освѣщенія внутренней стороны преступленія и тѣхъ свойствъ личности преступника, съ которыми наказанію предстоитъ имѣть дѣло. Только въ состязательномъ процессѣ, при свободной оцѣнкѣ доказательствъ, при тщательномъ, не стѣсненномъ излишнимъ формализмомъ и письменностью уголовно-судебномъ изслѣдованіи всѣхъ сторонъ дѣла и при предоставленіи суду права въ широкихъ предѣлахъ опредѣлять характеръ и размѣры

уголовной отвѣтственности, начало индивидуализаціи могло получать все большее практическое примѣненіе. Разъ судья вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинитель, и защитникъ, какъ это было въ инквизиціонномъ процессѣ, вопросъ объ уголовной отвѣтственности неизбѣжно являлся предъ нимъ въ скудномъ и одностороннемъ освѣщеніи.

Благодаря дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, начало индивидуализаціи наказаній стало все болѣе проникать въ нашу судебную практику. Уголовно-судебное изслѣдованіе стало шире, потому что состязательное и устное производство вообще шире канцелярскаго и потому, что предметомъ этого изслѣдованія въ новыхъ судахъ стала не только, такъ сказать, внѣшняя исторія преступленія, но и личность преступника, поскольку она выразилась въ содѣянномъ. Какъ скоро обвиняемый пересталъ быть безправнымъ объектомъ изслѣдованія въ рукахъ инквизиціоннаго судьи и превратился въ равноправную состязующуюся сторону, онъ неизбѣжно заставлялъ раздвигать рамки изслѣдованія своими возраженіями, ходатайствами и заявленіями, а также и тѣмъ, что побуждалъ обвинительную власть, приготовляясь къ состязанію, позаботиться о большемъ освѣщеніи дѣла.

Наряду съ объемомъ, существенно измѣнилось и содержаніе уголовно-судебнаго изслѣдованія. Тѣ психологическіе вопросы, которые составляютъ истинную суть уголовнаго процесса и главное отличіе его отъ процесса гражданскаго, только въ новомъ судѣ получили подобающую имъ роль. Только въ новомъ судѣ, такимъ образомъ, могла найти себѣ отчетливое и яркое выраженіе своеобразная природа уголовнаго процесса. Уложеніе о Наказаніяхъ заключаетъ въ себѣ скудныя постановленія о разныхъ состояніяхъ невмѣняемости, причемъ въ своихъ неуклюжихъ статьяхъ старается перечислить всѣ ихъ; оно говоритъ тамъ о малолѣтствѣ до 7 лѣтъ, о безуміи, сумасшествіи, умоизступленіи и совершенномъ безпамятствѣ, о припадкахъ болѣзни, сопровождаемой умоизступленіемъ или совершеннымъ безпамятствомъ, о потерявшихъ умственныя способности отъ дряхлости, о лунатикахъ, глухонѣмыхъ и лишившихся слуха и языка въ дѣтскомъ возрастѣ [1]). Если угодно, въ этомъ много-

[1]) Ст. 106—110 Улож. о Нак., изд. 1857 г. Ст. 95 и сл. въ изд. 1866 и 1885 г.г.

словномъ перечнѣ сказано объ обстоятельствахъ, устраняющихъ вмѣняемость, даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, ибо нѣкоторые отдѣльные члены этого перечня, по своей широтѣ, могутъ обнять другіе, напр., понятіе болѣзни, сопровождаемой умоизступленіемъ или безпамятствомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ перечнѣ дано и слишкомъ мало, такъ какъ нѣтъ общаго критерія, который помогъ бы понять и уяснить границы заключающихся въ немъ отдѣльныхъ расплывчатыхъ понятій. Съ другой стороны, старые судопроизводственные законы почти не содержали въ себѣ никакихъ постановленій объ экспертизѣ. Въ новыхъ судахъ, ярко освѣщавшихъ въ живомъ состязаніи сторонъ душевное состояніе подсудимаго, худосочныя понятія стараго Уложенія о разныхъ состояніяхъ невмѣняемости пріобрѣли новый и глубокій смыслъ. Всѣ успѣхи психіатріи смогли найти себѣ отраженіе въ творческой дѣятельности новыхъ судовъ. Судья, не захваченный борьбой сторонъ и свободно испытующій истину, сталъ постоянно ощущать потребность въ помощи свѣдущихъ людей, способныхъ освѣтить своими спеціальными знаніями темный уголокъ дѣла.

Въ новыхъ судахъ экспертиза стала обычнымъ явленіемъ во всѣхъ сложныхъ процессахъ и иногда теперь даже слышатся жалобы на слишкомъ властную роль, которую она играетъ въ современномъ процессѣ. Современный судъ не ждетъ уже, когда душевное разстройство обвиняемаго выразится въ такихъ грубыхъ чертахъ, что станетъ ясно каждому обывателю; онъ старается уловить это разстройство и по мало замѣтнымъ непосвященному взгляду признакамъ, справедливо полагая, что больной, хотя-бы и не рѣзко выраженной душевной болѣзнью, не долженъ нести наказанія.

Затѣмъ, въ новыхъ судахъ пріобрѣли гораздо большее значеніе мотивы преступленія. Правда, въ виду того, что наше старое Уложеніе содержитъ лишь казуистическія постановленія о мотивахъ и ограничиваетъ судъ довольно тѣсными рамками при выборѣ и опредѣленіи уголовной отвѣтственности, мотивы преступленія не могли пріобрѣсти въ нашей практикѣ всего того вліянія на наказуемость, которое они должны имѣть, но, во всякомъ случаѣ, новые суды считаются съ мотивами преступленія во всей той мѣрѣ, въ какой имъ позволяетъ это законъ.

Въ письменномъ процессѣ, при отсутствіи сторонъ и при формальной системѣ доказательствъ мотивы, преступленія не могли играть той роли, которую играютъ теперь, да и выяснить ихъ было слишкомъ трудно. При болѣе широкой постановкѣ уголовно-судебнаго изслѣдованія, мотивы преступленія выяснить сравнительно легче, причемъ состязаніе сторонъ обыкновенно хорошо освѣщаетъ эти внутреннія пружины преступной дѣятельности и привлекаетъ къ нимъ вниманіе суда. Извѣстно, напр., какъ заботливо выясняется въ дѣлахъ о растратѣ наличность или отсутствіе легкомыслія на сторонѣ виновнаго (ст. 177 Уст. о нак., ст. 1681 и 1682 Улож. о Нак.), или въ дѣлахъ о кражѣ матеріальное положеніе вора въ моментъ кражи, для выясненія, не былъ ли онъ въ такой матеріальной нуждѣ, которая подходитъ подъ слова закона „о крайности и неимѣніи никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ“ (ст. 171 Уст. о нак.; ст. 1663 Улож. о Нак.) и т. п.

Далѣе, своимъ правомъ увеличивать или уменьшать, въ указанныхъ закономъ предѣлахъ, отвѣтственность, новые суды обыкновенно пользуются по психологическимъ основаніямъ, которыхъ ищутъ въ изслѣдованіи иногда глубоко скрытыхъ мотивовъ преступника. Предоставивъ присяжнымъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія и обязавъ при этомъ судъ уменьшить слѣдующее виновному по закону наказаніе (ст. 828 Уст. Уг. Суд.), Судебные Уставы позволили принимать въ основаніе снисхожденія всевозможныя обстоятельства, не только поименованныя въ Уложеніи о Наказаніяхъ.

Судебные Уставы, далѣе, освободили судью отъ узъ формальной системы доказательствъ, которая была однимъ изъ главныхъ недостатковъ стараго процесса, дѣлавшимъ детальное изслѣдованіе внутренней стороны преступленія и личности преступника частью излишнимъ, а частью затруднительнымъ, или даже невозможнымъ. Эта теорія въ корнѣ искажала руководящую цѣль уголовнаго процесса, сводя ее къ истинѣ формальной, а не матеріальной. Связанная съ троякой формой приговоровъ уголовнаго суда,—оправданіе, обвиненіе и „оставленіе въ подозрѣніи“—она убивала у судьи энергію въ разысканіи истины, лишала его дѣятельность всякой жизненности, связывала его совѣсть, не позволяла ему улавливать въ проходящихъ передъ нимъ фактахъ ту житейскую правду, которая въ нихъ довольно

ясно просвѣчивала. Составители Судебныхъ Уставовъ справедливо видѣли въ формальной системѣ одно изъ главныхъ золъ стараго процесса. „Послѣдствія теоріи законныхъ доказательствъ, говорятъ составители Судебныхъ Уставовъ [1]), крайне неудовлетворительны". „Весьма часто, несмотря на всю достовѣрность вины подсудимаго и на полное убѣжденіе, судъ, не имѣя въ виду такого доказательства, которое законъ признаетъ совершеннымъ, долженъ ограничиться оставленіемъ явнаго преступника только въ подозрѣніи, болѣе или менѣе сильномъ". „Неоднократные примѣры сего рода колебали и уничтожали въ народѣ довѣріе и уваженіе къ уголовному суду". „Частныя лица, потерпѣвшія отъ преступленій не весьма важныхъ, или сами расправляются съ виновными, или оставляютъ ихъ безъ преслѣдованія, зная изъ опыта, что хлопоты и безпокойства, сопряженныя съ уголовными исками, приводятъ большею частью только къ оставленію обвиняемыхъ въ подозрѣніи". „Иногда простолюдины даже просто боятся начинать уголовный искъ, въ томъ соображеніи, что освобожденный отъ суда преступникъ можетъ изъ мести поджечь ихъ домъ или цѣлую деревню, какъ тому бывали примѣры". „Случается, что сами полицейскіе чиновники совѣтуютъ обиженнымъ не начинать дѣла, объясняя, что при нашемъ порядкѣ судопроизводства безъ свидѣтелей ничего нельзя сдѣлать противъ запирающагося преступника, хотя бы даже при немъ найдено было поличное, которое ему не трудно отвести какою-либо придуманною ложью о покупкѣ, находкѣ и т. п.". Составители Судебныхъ Уставовъ справедливо полагали, что принятіе той или иной системы оцѣнки доказательствъ имѣетъ первостепенное значеніе, и что отъ разрѣшенія этого вопроса зависятъ не только главныя формы судопроизводства, но и самое устройства суда [2]).

Послѣ того, какъ формальная система доказательствъ была отмѣнена, дѣятельность уголовнаго суда пріобрѣла глубоко творческій характеръ. Каждое уголовное дѣло стало задачей, которую судьи должны творчески разрѣшить, проникая своимъ умственнымъ взоромъ сквозь тьму иногда крайне запутанныхъ обстоятельствъ и свободно оцѣнивая каждое представляющееся

---

[1]) Судебные Уставы. Изд. Госуд. Канц., Уст. Уг. Суд., стр. IV и V.

[2]) Ibidem, стр. III.

имъ доказательство. Судья сталъ свободнымъ изслѣдователемъ судимаго дѣянія, независимымъ отъ какихъ-либо извнѣ идущихъ вліяній и могущимъ использовать всѣ методы, гарантирующіе отысканіе истины. Конечно, отмѣна формальной системы доказательствъ могла состояться лишь въ связи съ другими преобразованіями въ сферѣ судебной и, прежде всего, въ связи съ обезпеченіемъ независимости и самостоятельности судьи отъ администраціи. Въ рукахъ стараго, дореформеннаго судьи свободная оцѣнка доказательствъ легко выродилась бы въ произволъ, облекающійся въ форму судебнаго рѣшенія,—худшій изъ всѣхъ видовъ произвола.

Въ новомъ процессѣ судья освобожденъ также отъ того смѣшенія въ его лицѣ функцій собственно суда, обвиненія и защиты, которое было кореннымъ недостаткомъ дореформеннаго процесса и ставило судью въ психологическую невозможность быть безпристрастнымъ и справедливымъ судьей. Поставленный нейтрально между состязующимися сторонами, судья, въ современномъ процессѣ можетъ быть справедливымъ цѣнителемъ доводовъ каждой стороны. Audiatur et altera pars стало дѣйствительнымъ руководящимъ принципомъ судейской дѣятельности и у судей могли вырабатываться, какъ правило, такія привычки и такой тактъ, которые не позволяютъ торопиться рѣшеніемъ, поддаваться голосу непосредственно возбуждаемыхъ характеромъ дѣла чувствъ, а заставляютъ кропотливо и осторожно вглядываться въ раскрывающіяся на судѣ подробности, прислушиваться и къ словамъ, и къ тону свидѣтелей и экспертовъ и путемъ всесторонняго анализа приходить къ окончательнымъ выводамъ.

Создавъ судью несмѣняемаго и независимаго отъ администраціи, вмѣнивъ ему въ обязанность стремиться къ истинѣ матеріальной, Судебные Уставы дали суду и широкое право толкованія законовъ, право рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ (ст. 12 Уст. Уг. Суд.). Остановка рѣшенія дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ считается Судебными Уставами (ст. 13) уже противозаконнымъ бездѣйствіемъ власти. Право толкованія предоставлено всѣмъ

судамъ, а высшимъ руководителемъ судебнаго толкованія закона поставлены кассаціонные департаменты Правительствующаго Сената.

Судебная реформа создала у насъ кассаціонный судъ, неизвѣстный нашему старому праву, причемъ составители Судебныхъ Уставовъ опирались на то соображеніе, что „никакой судъ, разсматривающій дѣла въ порядкѣ апелляціонномъ или ревизіонномъ, не можетъ быть въ этомъ качествѣ верховнымъ мѣстомъ, неподлежащимъ ничьему надзору". „Одна апелляція не можетъ служить полнымъ огражденіемъ тяжущихся и подсудимыхъ, потому что и въ рѣшеніяхъ апелляціонныхъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть нарушены прямой смыслъ закона или такіе обряды и формы судопроизводства, при несоблюденіи которыхъ судебное рѣшеніе невозможно признавать дѣйствительнымъ" [1].

Изъ сказаннаго выше ясно, что въ характерѣ созданнаго судебной реформой уголовнаго процесса были заложены всѣ условія для широкаго развитія правотворческой дѣятельности новыхъ судовъ въ сферѣ уголовно-судебной практики. И послѣдняя, дѣйствительно, ярко проявилась какъ въ сферѣ уголовнаго процесса, такъ и въ сферѣ матеріальнаго уголовнаго права. На характеристикѣ проявленія ея въ той и другой области я теперь и остановлюсь, причемъ сначала постараюсь на примѣрахъ показать, какъ выражалась эта дѣятельность въ области процессуальнаго права.

Руководя дѣятельностью судовъ, Уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената долженъ былъ въ своихъ указаніяхъ касаться различныхъ моментовъ процесса и пріемовъ толкованія судами законовъ,—и порядка примѣненія того или иного принципа процесса, и предварительнаго производства, и производства окончательнаго, и разныхъ видовъ обжалованія судебныхъ рѣшеній и т. д.

Вполнѣ понятно, что, при новизнѣ дѣла судебнаго толкованія законовъ, принципы этого толкованія—особенно на первыхъ

---

[1]) Судебные Уставы, изд. Госуд. Канц., ч. 3. Учрежденіе Судебныхъ Установленій, стр. 15 (1866 г.). При этомъ составители Судебныхъ Уставовъ полагали, что созданіе кассаціоннаго суда отвѣчаетъ и основной мысли Петра Великаго, который, „учреждая указомъ 22 февраля 1711 года Правительствующій Сенатъ, хотѣлъ создать не новую судебную инстанцію, а верховное мѣсто управленія: это явствуетъ какъ изъ названія Сената Правительствующимъ, такъ и изъ данной ему инструкціи, по которой высшій надзоръ за судомъ и администраціею былъ сосредоточенъ тогда въ Сенатѣ".

порахъ—не всегда вполнѣ сознавались судами и Сенату приходилось выяснять ихъ. Такъ, напр., Сенатъ указывалъ судамъ въ своихъ рѣшеніяхъ, что законы, устанавливающіе изъятія, не допускаютъ распространительнаго толкованія [1]), что недопустимо распространительное толкованіе во вредъ подсудимаго, что сомнѣніе должно быть полагаемо въ пользу подсудимаго и т. д. [2]).

Новымъ судамъ, съ Сенатомъ во главѣ, пришлось проводить въ жизнь судебный порядокъ, отличный отъ стараго не по одной внѣшности, а по самымъ своимъ основаніямъ. Конечно, на практикѣ, при отсутствіи опыта, съ самаго начала должны были возникать различныя недоразумѣнія и затрудненія при примѣненіи новыхъ принциповъ матеріальной истины, устности, непосредственности, гласности, равноправности сторонъ и свободной оцѣнки доказательствъ. И Сенату въ первыя десятилѣтія приходилось давать очень много разъясненій по самымъ простымъ и основнымъ вопросамъ для укорененія въ нашемъ судопроизводствѣ новыхъ основныхъ началъ. Постановленія Судебныхъ Уставовъ, выражающія эти принципы, въ виду ихъ общности, нерѣдко вызывали неясности, колебанія и невѣрные выводы при примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Въ этихъ случаяхъ Сенатъ не мало помогалъ судамъ своими руководящими указаніями.

Уже въ 1868 году Уголовный кассаціонный департаментъ нашелъ недостаточнымъ ограничиваться однимъ разрѣшеніемъ отдѣльныхъ случаевъ и сталъ разъяснять наиболѣе важные вопросы посредствомъ циркулярныхъ указовъ [3]). Въ этихъ указахъ Сенатъ касался различныхъ моментовъ уголовнаго процесса, какъ предварительнаго, такъ и окончательнаго производства. Такъ, въ нѣкоторыхъ указахъ (15 мая 1868 г., 23 февраля 1877 г., 15 марта 1877 г. и др.) Сенатомъ разъяснены многіе вопросы предварительнаго слѣдствія; указомъ 15 мая 1868 г. разъяснено, напр., что дѣла, направляемыя въ порядкѣ ст. 277 Уст. Уг. Суд., должны поступать на разрѣшеніе окруж-

---

[1]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1866 г. № 92; 1871 г. № 1758.

[2]) Рѣш. Угол. касс. деп. 1868 г. № 625; 1871 г. № 807.

[3]) Сборникъ циркулярныхъ указовъ кассаціонныхъ департаментовъ, Общаго оныхъ Собранія и Соединеннаго Присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1868—1880 г. изд. Министерства Юстиціи 1880 г.

ного суда, а не въ судебную палату. Въ указѣ 13 іюня 1872 г. Сенатъ указалъ, что право разъяснять чинамъ полиціи порядокъ производства дознаній принадлежитъ не ихъ начальству, а прокурорскому надзору; въ указѣ же 13 сентября 1872 г. онъ разъяснилъ обязанности полиціи по исполненію порученій мировыхъ судей. Въ указѣ 23 октября 1870 года Сенатъ опредѣлилъ, каковы должны быть форма и содержаніе протоколовъ судебныхъ засѣданій мировыхъ съѣздовъ, а въ указѣ 9 іюня 1875 года—порядокъ составленія резолюцій мировыхъ съѣздовъ. Въ указѣ 18 сентября 1874 года Сенатъ подробно опредѣлилъ порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ. Указъ Общаго Собранія кассаціонныхъ департаментовъ 29 февраля 1880 года провелъ разграниченіе уголовной и гражданской несостоятельности и выяснилъ, при какого рода взысканіяхъ судебная власть должна ограничиться простымъ предъявленіемъ требованія объ уплатѣ, а при какихъ, кромѣ того, должно разыскиваться имущество обвиняемаго.

Далѣе, цѣлый рядъ рѣшеній Сената былъ посвященъ выясненію коренныхъ началъ новаго процесса. Такъ, напр., не мало рѣшеній было посвящено принципу равноправности сторонъ, причемъ Сенатъ указалъ [1]), что если одной сторонѣ было дозволено предъявить письменныя доказательства, не подходящія подъ предусмотрѣнныя въ ст. 687 акты слѣдственнаго производства, то и другой сторонѣ не можетъ быть отказано въ прочтеніи документовъ, одинаковыхъ по роду и свойству ихъ; отказъ въ этомъ составляетъ существенное нарушеніе, хотя бы даже прочтеніе документовъ было замѣнено разрѣшеніемъ сторонѣ ссылаться на нихъ въ рѣчи. Точно также, по разъясненіямъ Сената, не можетъ быть отказано обвиняемому разбирать показаніе свидѣтеля, не прочитанное на судебномъ слѣдствіи, если такое отступленіе было разрѣшено прокурору [2]). Однако, сторона можетъ ходатайствовать о допущеніи судомъ лишь такихъ ея незаконныхъ дѣйствій, которыми опровергается или ослабляется значеніе допущенныхъ незаконныхъ дѣйствій другой стороны. Но сторона не въ правѣ требовать допущенія незаконныхъ ея дѣйствій просто на томъ основаніи, что были до-

---

[1]) Касс. рѣш. 1870 г. № 533; 1871 г. № 247; 1873 г. № 513.

[2]) Касс. рѣш. 1869 г. № 735.

пущены незаконныя дѣйствія другой стороны [1]). Самое содержаніе принципа равноправности сторонъ подробно разъяснено Сенатомъ [2]).

Весьма важныя разъясненія даны Сенатомъ относительно принциповъ непосредственности и устности. Такъ, въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Сенатъ выяснилъ, въ какихъ случаяхъ могутъ быть читаемы показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей какъ явившихся, такъ и неявившихся. Въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства нѣтъ постановленій по вопросу о прочтеніи на судѣ показаній обвиняемыхъ. Между тѣмъ, иногда такое прочтеніе не только не нарушаетъ принциповъ уголовнаго процесса, но и представляется необходимымъ съ точки зрѣнія принципа матеріальной истины. Точно также постановленія закона о прочтеніи свидѣтельскихъ показаній не содержатъ въ себѣ исчерпывающаго перечня случаевъ, когда оно представляется необходимымъ въ интересахъ раскрытія истины и согласнымъ съ основными принципами уголовнаго судопроизводства. Показанія обвиняемыхъ, по толкованію Сената, могутъ быть читаемы въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) показанія обвиняемаго, умершаго до разсмотрѣнія о немъ дѣла [3]); 2) показанія обвиняемаго заболѣвшаго, хотя бы онъ первое время присутствовалъ на судебномъ засѣданіи [4]); 3) показанія обвиняемаго, скрывшагося до открытія судебнаго засѣданія [5]); 4) показанія лица, уже сужденнаго и оправданнаго, при вторичномъ слушаніи того же дѣла о другихъ подсудимыхъ [6]); 5) показанія лица, допрошеннаго въ качествѣ обвиняемаго, но не преданнаго суду и вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля [7]); 6) далѣе разрѣшается прочтеніе показанія подсудимаго по его просьбѣ [8]); 7) въ рѣшеніи 1870 года № 89 Сенатъ высказалъ взглядъ, что прочтеніе даннаго подсудимымъ на предварительномъ слѣдствіи показанія не можетъ

---

[1]) Касс. рѣш. 1870 г. № 1274; 1874 г. № 668 и др.

[2]) Касс. рѣш. 1867 г. № 533; 1868 г. № 264; 1870 г. №№ 89, 453 и 533; 1874 г. № 735; 1876 г. № 13 и мн. др.

[3]) Касс. рѣш. 1869 г. №№ 137 и 831; 1870 г. №№ 1228 и 1274; 1874 г. № 456 и др.

[4]) Касс. рѣш. 1885 г. № 28.

[5]) Касс. рѣш. 1870 г. №№ 453 и 1228; 1873 г. № 309; 1874 г. №№ 483 и 521; 1875 г. № 313 и др.

[6]) Касс. рѣш. 1872 г. №№ 1514 и 965.

[7]) Касс. рѣш. 1868 г. № 743.

[8]) Касс. рѣш. 1869 г. № 298.

считаться нарушеніемъ правъ подсудимаго, если это показаніе внесено въ обвинительный актъ.

Стоя на стражѣ принципа устности, Сенатъ всегда допускалъ прочтеніе на судѣ свидѣтельскихъ показаній лишь въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости, прежде всего, если свидѣтель не явился въ судъ по законной причинѣ и если, притомъ, судъ признаетъ его показаніе существеннымъ [1]). A contrario, не подлежатъ прочтенію показанія свидѣтелей, неявившихся по незаконной причинѣ или причины неявки которыхъ неизвѣстны [2]). А если свидѣтель явился и далъ новое показаніе, несогласное съ письменнымъ, даннымъ имъ на предварительномъ слѣдствіи, то прочесть его показаніе можно лишь въ случаяхъ, когда противорѣчіе не можетъ быть устранено дальнѣйшимъ устнымъ разспросомъ [3]).

Указанному въ 627 ст. Уст. Уг. Суд. основанію прочтенія письменныхъ показаній свидѣтеля сенатская практика приравниваетъ случаи, когда явившійся свидѣтель отказался дать показаніе [4]), хотя бы отзываясь запамятованіемъ [5]), — причемъ отказъ суда въ послѣднемъ случаѣ на просьбу одной изъ сторонъ о прочтеніи показанія не выходитъ изъ предѣловъ его власти [6]), или когда показаніе свидѣтеля отличается такою неясностью, что можетъ быть приравнено запамятованію [7]), или когда свидѣтель, состоящій съ подсудимымъ въ отношеніяхъ родства, указанныхъ въ ст. 705 Уст. Уг. Суд., не отказываясь положительно отъ дачи показанія, подъ какимъ-либо видомъ уклоняется отъ этого [8]), или когда, въ случаѣ отмѣны приговора въ кассаціонномъ порядкѣ, свидѣтель при новомъ слушаніи дѣла даетъ показаніе, несогласное съ тѣмъ, которое онъ давалъ при первомъ разбирательствѣ дѣла и которое занесено было въ протоколъ засѣданія [9]).

---

[1]) Касс. рѣш. 1867 г. №№ 605 и 413; 1868 г. №№ 34 и 504; 1870 г. № 1346; 1871 г. № 1762 и др.

[2]) Касс. рѣш. 1869 г. № 543; 1874 г. № 360 и др.

[3]) Касс. рѣш. 1868 г. № 49; 1870 г. №№ 453 и 1505.

[4]) Касс. рѣш. 1867 г. № 218; 1868 г. №№ 425 и 462.

[5]) Касс. рѣш. 1868 г. № 182; 1869 г. №№ 796 и 831; 1871 г. № 184; 1876 г. № 138 и др.

[6]) Касс. рѣш. 1870 г. № 661.

[7]) Касс. рѣш. 1873 г. № 911.

[8]) Касс. рѣш. 1873 г. № 562.

[9]) Касс. рѣш. 1878 г. № 72.

Въ разъясненіяхъ, касающихся статей 575—577 и 640 Уст. Уг. Суд., Сенатъ проявилъ не мало заботливости о правахъ подсудимаго, отмѣняя приговоры, когда въ опредѣленіи судовъ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей не было, напр., указано достаточныхъ основаній и не отвергнута важность тѣхъ обстоятельствъ, для подтвержденія которыхъ подсудимые домогались допроса свидѣтелей, или когда въ опредѣленіи объ отказѣ суда въ вызовѣ свидѣтелей не изложено никакихъ основаній [1]). При этомъ Сенатъ держался того взгляда, что, хотя онъ и не имѣетъ возможности входить въ провѣрку опредѣленій судовъ объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей съ фактической стороны, однако, какъ верховный кассаціонный судъ, онъ не можетъ оставлять эти опредѣленія безъ разсмотрѣнія со стороны ихъ законности, со стороны правильности приведенныхъ въ нихъ соображеній и логической и юридчиеской основательности дѣлаемыхъ изъ нихъ заключеній. По разъясненію Сената, судъ не въ правѣ отказать въ ходатайствѣ о вызовѣ неспрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи свидѣтеля лишь по несущественности его показаній, такъ какъ обязанность суда ограничивается недопущеніемъ вызова лишь свидѣтелей, показаніе которыхъ не имѣетъ никакого значенія по дѣлу или къ дѣлу не относится [2]).

Въ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ установилъ и разныя другія условія, при соблюденіи которыхъ отказъ суда въ вызовѣ свидѣтелей можетъ считаться правильнымъ, часто подчеркивая, что просьба подсудимаго о вызовѣ свидѣтелей не можетъ быть оставлена безъ обсужденія [3]), хотя бы прошеніе было подано по истеченіи указаннаго въ ст. 557 Уст. Уг. Суд. срока [4]), что постановленіе суда по данному вопросу не можетъ быть излагаемо въ видѣ надписи на прошеніи или небрежно, съ неточностью въ наименованіи свидѣтеля [5]) и т. д.

Какъ сказано выше, весьма видную роль въ современныхъ процессахъ играетъ экспертиза и особенно экспертиза врачебная. Вмѣстѣ съ развитіемъ роли экспертизы въ процессѣ возникъ и цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся этого вида доказа-

---

[1]) Касс. рѣш. 1875 г. № 28; 1878 г. № 11; 1890 г. № 17; 1899 г. № 45 и др.
[2]) Касс. рѣш. 1905 г. № 1; 1899 г. № 45 и др.
[3]) Касс. рѣш. 1875 г. № 28 и др.
[4]) Касс. рѣш. 1868 г. № 294.
[5]) Касс. рѣш. 1873 г. №№ 601 и 935; 1875 г. № 68; 1890 г. № 17 и др.

тельствъ. Судебной практикой было выработано много общихъ положеній, опредѣляющихъ значеніе экспертизы, назначеніе экспертовъ и признаки, отличающіе ихъ отъ свидѣтелей, производство экспертизы и т. д.; этими положеніями институтъ экспертизы ярко освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. Подчеркивая важное значеніе экспертизы, Сенатъ разъяснилъ, что судъ не имѣетъ права, безъ заключенія свѣдущихъ людей, рѣшать вопросъ о такомъ обстоятельствѣ, для разъясненія котораго требуются особыя свѣдѣнія въ какой-либо наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ [1]). Опредѣляя процессуальное значеніе экспертизы, Сенатъ правильно указалъ, что заключеніе экспертовъ необязательно для суда и должно оцѣниваться послѣднимъ по внутреннему убѣжденію [2]).

Масса сенатскихъ разъясненій посвящена вопросамъ, связаннымъ съ гражданскимъ искомъ въ уголовномъ судѣ, причемъ Сенатъ подробно коснулся въ этихъ рѣшеніяхъ, какъ вопросовъ, кто можетъ быть гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ процессѣ и къ кому этотъ искъ можетъ быть предъявленъ, такъ и предмета гражданскаго иска и условій его предъявленія, производства и прекращенія въ уголовномъ судѣ. При этомъ Сенатъ широко раздвинулъ какъ кругъ лицъ, къ которымъ можетъ быть предъявленъ гражданскій искъ, такъ и кругъ лицъ, могущихъ выступить истцами. По разъясненіямъ Сената, гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ судѣ можетъ быть какъ лицо физическое, такъ и юридическое, какъ собственникъ имущества, такъ и его фактическій владѣлецъ, управляющій, хранитель, лицо, принявшее его въ закладъ, стража, приставленная для охраны имущества [3]). Кромѣ потерпѣвшихъ отъ преступленія матеріальный вредъ, въ качествѣ гражданскихъ истцовъ, допускаются лица и учрежденія, являющіяся законными представителями потерпѣвшихъ, родители, жена и дѣти убитаго относительно выдачи имъ содержанія и возмѣщенія расходовъ на лѣченіе, на попеченіе о больномъ и похороны убитаго [4]), супруги,

---

[1]) Рѣш. касс. деп. 1867 г. № 566; 1868 г. № 499; 1869 г. № 135; 1872 г. № 574; 1874 г. № 283 и др.

[2]) Рѣш. касс. деп. 1869 г. № 821; 1868 г. № 86; 1869 г. № 727; 1871 г. № 617 и др.

[3]) Касс. рѣш. 1869 г. № 867; 1870 г. № 1550; 1870 г. № 172; 1871 г. № 1179; 1873 г. №№ 165 и 189, и др.

[4]) Ст. 658 т. X, Св. Зак., ч. I. Касс. рѣш. 1885 г. № 5.

пострадавшіе отъ лжесвидѣтельства по бракоразводному дѣлу [1]), наслѣдники потерпѣвшаго, предъявившіе право на наслѣдство, хотя бы еще и неутвержденные судомъ въ правѣ [2]). Съ другой стороны, не всякій потерпѣвшій можетъ быть гражданскимъ истцомъ, а лишь потерпѣвшій такой вредъ, причиненіе котораго даетъ право на вознагражденіе въ порядкѣ гражданскаго суда. Не могутъ быть гражданскими истцами, напр., лица, давшія чиновнику деньги, вслѣдствіе его вымогательства [3]), понесшія убытокъ, хотя и вслѣдствіе обмана, но при заключеніи запрещенной закономъ сдѣлки [4]), требующія уничтоженія духовнаго завѣщанія, оставленнаго самоубійцей [5]), лица, которымъ было заложено имущество, добытое преступленіемъ [6]).

Не можетъ быть гражданскимъ истцомъ лицо, могущее выступить въ процессѣ частнымъ обвинителемъ [7]). Предъявленъ можетъ быть гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ и къ лицамъ, имущественно отвѣтственнымъ за подсудимыхъ [8]).

Желающій выступить гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ процессѣ не долженъ непремѣнно точно указывать въ своемъ заявленіи цѣну иска [9]), но онъ долженъ указать тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ можетъ быть допущенъ къ участію въ уголовномъ процессѣ. Искъ о вознагражденіи можетъ быть предъявленъ въ уголовномъ судѣ только при непосредственной зависимости вреда и убытковъ отъ преступленія [10]). При этомъ судъ, допуская лицо въ качествѣ гражданскаго истца, долженъ не только удостовѣриться въ томъ, что это лицо дѣйствительно потерпѣло отъ преступленія, но и рѣшить вопросъ, имѣетъ ли потерпѣвшій право предъявлять искъ именно къ тѣмъ подсу-

---

[1]) По данному вопросу сенатская практика колеблется, есть рѣшенія за и противъ. См. касс. рѣш. 1876 г. № 14 и 1873 г. № 622; contra: касс. рѣш. 1874 г. № 331.

[2]) Касс. рѣш. 1872 г. № 655.

[3]) Касс. рѣш. 1868 г. № 801; 1874 г. № 654; 1876 г. № 140; 1898 г. № 14. Согласно ст. 378 Улож. о Нак., эти деньги должны итти въ пользу учрежденій общественнаго призрѣнія.

[4]) Касс. рѣш. 1875 г. № 173.

[5]) Рѣш. Общ. Собр. 1877 г. № 19.

[6]) Касс. рѣш. 1877 г. № 47; 1878 г. № 66; 1885 г. № 4.

[7]) Ст. 6 Уст. Уг. Суд.

[8]) Касс. рѣш. 1884 г. № 18; 1889 г. № 43; 1896 г. № 4; 1902 г. № 30; 1903 г. № 37; Общ. Собр. 1833 г. № 32.

[9]) Касс. рѣш. 1889 г. № 43; 1888 г. № 16; 1896 г. № 4.

[10]) Касс. рѣш. 1874 г. № 331.

димымъ, къ которымъ онъ его предъявляетъ [1]). И цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ гражданскимъ искомъ, подробно освѣщенъ кассаціонной практикой. Между прочимъ, Сенатомъ подробно разъясненъ вопросъ о судьбѣ гражданскаго иска въ зависимости отъ уголовнаго приговора и теченія уголовнаго процесса. Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній, посвященныхъ интерпретаціи статей 7 и 17 Уст. Уг. Суд., Сенатъ выяснилъ значеніе для гражданскаго иска пріостановки и прекращенія уголовнаго преслѣдованія. Далѣе, онъ подробно разъяснилъ, въ какихъ случаяхъ уголовный судъ долженъ оставить гражданскій искъ безъ разсмотрѣнія, въ какихъ случаяхъ въ гражданскомъ искѣ должно быть отказано, и въ какихъ случаяхъ, наконецъ, этотъ искъ долженъ быть разсмотрѣнъ и разрѣшенъ соотвѣтственно обстоятельствамъ дѣла. Не всегда, при этомъ, точка зрѣнія Сената оставалась неизмѣнной. Такъ, напр., въ однихъ рѣшеніяхъ Сенатъ указалъ, что въ случаяхъ, когда присяжными признано событіе преступленія, но отвергнуто участіе въ немъ подсудимаго, судъ долженъ оставить искъ безъ разсмотрѣнія [2]), въ другихъ же рѣшеніяхъ указано, что въ такихъ случаяхъ въ искѣ должно быть отказано [3]). Безъ разсмотрѣнія долженъ быть оставленъ гражданскій искъ въ случаяхъ, когда на судѣ былъ поставленъ одинъ общій вопросъ о виновности и на него былъ данъ отрицательный отвѣтъ [4]), а также, когда отдѣльно былъ поставленъ только вопросъ о событіи преступленія и присяжные отвѣтили на него утвердительно, на вопросъ же о виновности,—въ которомъ содержался и вопросъ о совершеніи дѣянія подсудимымъ,—отрицательно [5]).

Не останавливаясь болѣе на вопросахъ гражданскаго иска, отмѣчу весьма напряженную и обширную интерпретаціонную дѣятельность Сената, коснувшуюся ст. 27 Уст. Уг. Суд., т. е. вопросовъ преюдиціальныхъ. Въ безконечномъ рядѣ рѣшеній Сенатъ остановился какъ на общемъ порядкѣ производства дѣлъ по ст. 27, такъ и на многихъ спеціальныхъ вопросахъ, возникающихъ по поводу гражданской предсуди-

---

[1]) Касс. рѣш. 1879 г. № 50.
[2]) Касс. рѣш. 1877 г. № 95; 1888 г. № 16.
[3]) Касс. рѣш. 1871 г. № 639; 1875 г. № 212.
[4]) Касс. рѣш. 1871 г. № 639; 1873 г. № 825; 1877 г. № 18.
[5]) Касс. рѣш. 1890 г. № 32.

мости. Въ нихъ подробно выяснено, когда именно должно имѣть мѣсто предварительное рѣшеніе вопроса гражданскимъ судомъ и когда уголовный судъ можетъ самъ разрѣшить тотъ или иной вопросъ, относящійся къ области гражданскаго права [1]).

Большое творчество проявлено судебными учрежденіями при разрѣшеніи разныхъ затрудненій, связанныхъ съ постановкой на судѣ вопросовъ. Статьи 750 и сл. Уст. Уг. Суд. далеко не разрѣшаютъ прямо всѣхъ встрѣчающихся въ практикѣ случаевъ, а содержатъ въ себѣ такія руководящія общія постановленія, которыя требуютъ большого развитія для распространенія ихъ на многіе, выдвигаемые практикой конкретные случаи. Такъ, напр., ст. 754 Уст. Уг. Суд. даетъ лишь общее указаніе на дробленіе главнаго вопроса на вопросы о событіи преступленія, о признаніи этого событія дѣяніемъ подсудимаго и о вмѣненіи ему его въ вину. Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній выработалъ правила, которыми суду надо руководствоваться при дѣленіи главнаго вопроса на 3 или на 2 вопроса. Особенно много указаній дано Сенатомъ относительно выдѣленія вопроса о событіи преступленія. Онъ указалъ, напр., что два вопроса—вопросы о событіи преступленія и о виновности въ немъ подсудимаго — должны быть предложены, между прочимъ, при требованіи гражданскаго истца о выдѣленіи вопроса о событіи преступленія [2]), или въ случаѣ необходимости такого расчлененія вопроса для опредѣленія отвѣтственности соучастника [3]). Весьма важныя разъясненія Сената коснулись ст. 755 Уст. Уг. Суд., говорящей о частныхъ вопросахъ. Сенатъ разъяснилъ, что эти вопросы должны ставиться только объ обстоятельствахъ, особо вліяющихъ на отвѣтственность,—и притомъ, указанныхъ въ постановленіяхъ о данномъ преступленіи, хотя бы въ той же статьѣ закона, въ которой предусматривается судимое преступленіе, но отдѣльно отъ главнаго его опредѣленія (напр., цѣна похищеннаго при кражѣ, способъ поддѣлки въ дѣлахъ о поддѣлкѣ кре-

---

[1]) См., напр., касс. рѣш. 1868 г. № 770; 1869 г. №№ 321, 245 и 767; 1870 г. №№ 424, 304, 1334, 1557; 1872 г. № 1395; 1873 г. №№ 891 и 947; 1874 г. № 577; 1878 г. №№ 31, 72, и мн. др.

[2]) Касс. рѣшеніе 1877 г. № 18; 1884 г. №№ 13, 14 и др.

[3]) Касс. рѣшеніе 1871 г. №№ 1077 и 1309; 1876 г. № 207 и др.

дитныхъ билетовъ, мѣсто совершенія грабежа, крайность и неимѣніе средствъ—въ дѣлахъ о кражѣ и т. п.) [1]).

Въ общемъ, по поводу постановки вопросовъ образовалась чрезвычайно обширная и сложная кассаціонная практика, причемъ Сенатомъ была выработана въ руководство судамъ цѣлая сѣть правилъ. Однако, случаи, встрѣчающіеся въ практикѣ, такъ разнообразны, что эти правила оказываются иногда недостаточными.

Не мало творческой дѣятельности проявлено судебными учрежденіями при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся обжалованія, особенно обжалованія кассаціоннаго. Судебные Уставы не дали исчерпывающаго перечня кассаціонныхъ поводовъ. При составленіи ихъ проектировалось создать перечень изъ 23 кассаціонныхъ поводовъ, но потомъ проектированный перечень былъ оставленъ, потому что онъ „не имѣетъ той опредѣленности и точности въ означеніи случаевъ отмѣны приговоровъ, которую желательно было бы установить въ неуклонное руководство мѣстъ судебныхъ". „Полное и точное исчисленіе всѣхъ формъ судопроизводства, ограждающихъ право судебной защиты, невозможно, а неполное и неточное поведетъ къ развитію формализма въ однихъ случаяхъ на счетъ другихъ и дастъ полную возможность покрыть формою всякую неправду". „Вслѣдствіе сего, признано возможнымъ означить въ законѣ только общую характеристику тѣхъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, нарушенія которыхъ могутъ быть поводами кассаціи окончательныхъ уголовныхъ приговоровъ и притомъ въ положительной, а не въ отрицательной формѣ" [2]). Затѣмъ было принято во вниманіе и то, что кассаціонное обжалованіе — совершенно новый у насъ видъ обжалованія, и „небезопасно было бы постановить и о поводахъ кассаціи подробныя правила, для которыхъ въ нашей судебной практикѣ нѣтъ никакихъ данныхъ" [3]). Но вполнѣ понятно, что суммарное указаніе трехъ группъ кассаціонныхъ поводовъ, въ ст. 912 Уст. Уг. Суд., сразу же должно было создать на практикѣ массу вопросовъ, вызывав-

---

[1]) Касс. рѣш. 1866 г. № 3; 1867 г. №№ 218, 317 и 250; 1868 г. №№ 232, 339 и 809; 1869 г. №№ 316, 43, 831, 987 и 567; 1870 г. № 295; 1872 г. № 107 и др.

[2]) Судебные Уставы, изд. 2-е Государств. Канцеляріи. 1867 г. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, стр. 331 и сл.

[3]) Ibidem, стр. 332.

шихъ со стороны Сената напряженную интерпретаціонную дѣятельность. Въ своихъ рѣшеніяхъ Сенату приходилось выяснять не только разные спеціальные вопросы, касающіеся того или иного вида обжалованія, но и стараться укоренить въ нашей судебной практикѣ основные принципы обжалованія, по примѣненію которыхъ у насъ не было опыта. Такъ, напр., въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ Сенатъ разъяснялъ, что если нѣтъ жалобы или протеста участвующаго въ дѣлѣ лица, то судебный приговоръ не можетъ быть пересмотрѣнъ и самъ судъ не можетъ ходатайствовать о его пересмотрѣ или исправленіи, хотя бы замѣтилъ допущенныя погрѣшности [1]): что каждая сторона можетъ обжаловать судебный приговоръ лишь по предметамъ, до нея относящимся и по поводу нарушенія правилъ, постановленныхъ въ огражденіе ея правъ, и, притомъ, только въ случаѣ, если она своевременно ограждала это право отъ нарушенія предоставленными ей закономъ процессуальными средствами [2]). Сторона не можетъ, поэтому, жаловаться на неправильное толкованіе закона, если это толкованіе не нарушило ея интересовъ, или на нарушенія, допущенныя въ пользу жалующейся стороны [3]), или на отказъ суда въ ходатайствѣ противной стороны [4]) и т. д.

Въ своихъ рѣшеніяхъ Сенату приходилось касаться всѣхъ видовъ обжалованія и стараться ярко освѣтить различныя ихъ стороны: выяснять и кругъ субъектовъ даннаго обжалованія, и отдѣльныя условія каждаго вида обжалованія, и внѣшнія формы, въ которыя должно облекаться обжалованіе. Въ частности, каждая изъ 3-хъ группъ поводовъ кассаціи, указанныхъ въ ст. 912 Уст. Уг. Суд., вызвала разъясняющую ее болѣе или менѣе обширную кассаціонную практику.

Можно было бы привести еще не мало примѣровъ правотворческой дѣятельности новыхъ судовъ въ сферѣ процесса, указавъ, напр., на рядъ сенатскихъ разъясненій, касающихся преданія суду и, особенно, преданія суду по преступленіямъ должности (ст. 1077 сл. Уст. Уг. Суд.) и т. п., но само собою разумѣется, что исчерпать въ настоящей статьѣ всѣ выраженія

---

[1]) Касс. рѣш. 1869 г. № 829.
[2]) Касс. рѣш. 1871 г. № 90.
[3]) Касс. рѣш. 1868 г. № 955; 1869 г. № 617; 1870 г. № 64.
[4]) Касс. рѣш. 1868 г. № 489.

правотворческой дѣятельности новыхъ судовъ въ сферѣ процессуальной невозможно; это значило бы пересмотрѣть подробно всѣ процессуальные вопросы, какъ они освѣщены нашей практикой. Въ цѣляхъ же общей характеристики вполнѣ достаточно приведенныхъ уже примѣровъ, и я, въ заключеніе, остановлюсь на проявленіяхъ правотворческой дѣятельности новыхъ судовъ въ сферѣ уголовнаго права.

Въ области матеріальнаго права правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ выразилась съ еще большей широтой и яркостью. Надо замѣтить, что наши законы, какъ общей, такъ и особенной части, часто неясны, полны пробѣловъ, — несмотря на казуистичность стараго Уложенія,—иногда отличаются слишкомъ большою общностью, вызывающей сомнѣнія при ихъ примѣненіи къ конкретнымъ случаямъ, а нерѣдко и противорѣчатъ другъ другу. Все это создавало и затрудненія для правотворческой дѣятельности судовъ, и особое обиліе поводовъ для проявленія этой дѣятельности. Цѣлый рядъ затрудненій создавался уже существованіемъ у насъ двухъ кодексовъ, точки зрѣнія которыхъ иногда серьезно расходятся,—стараго Уложенія о Наказаніяхъ и Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; въ 1903 г. къ нимъ присоединился еще третій кодексъ, существенно отличный во многихъ отношеніяхъ отъ нихъ обоихъ. Понятно, что такое безпримѣрное состояніе уголовнаго законодательства, — съ двумя кодексами и еще съ частью третьяго кодекса, дѣйствующей наряду съ ними,—до крайности осложняло судебную практику. Этихъ условій не слѣдуетъ терять изъ виду при оцѣнкѣ нашей судебной практики. Часто слышатся, напр., большія нареканія на противорѣчивость и измѣнчивость кассаціонныхъ рѣшеній. Эти упреки фактически вѣрны, но означенныя черты до извѣстной степени объясняются теоретической спорностью и сложностью вопросовъ, которые приходится рѣшать кассаціонному суду, неопредѣленностью и несогласованностью законовъ и чрезвычайнымъ богатствомъ оттѣнковъ въ тѣхъ казусахъ, которые даются жизнью.

Не имѣя въ виду дать исчерпывающій перечень тѣхъ вопросовъ, которые получали то или иное освѣщеніе въ правотворческой дѣятельности судовъ, я постараюсь пересмотрѣть, въ достаточныхъ для общей характеристики предѣлахъ, наиболѣе важные изъ этихъ вопросовъ.

Что касается вопросовъ общей части, которыхъ особенно коснулась правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ, то прежде всего здѣсь слѣдуетъ упомянуть о различныхъ вопросахъ изъ области уголовно-правовой вины, покушенія и соучастія. Постановленія нашего стараго Уложенія о виновности, — особенно о винѣ неосторожной,—несмотря на свою относительную многочисленность и многословность, неопредѣленны и полны пробѣловъ. Цѣлый обширный видъ неосторожности,—такъ называемая самонадѣянность, luxuria, — совсѣмъ непредусмотрѣнъ. Постановленіе о другомъ видѣ неосторожности,—о такъ называемой небрежности или negligentia,— расплывчаты и не даютъ яснаго разграниченія этой формы отъ случая (casus) [1]). Постановленія объ умыслѣ грѣшатъ излишней казуистичностью; Уложеніе дѣлитъ умыселъ на большее число видовъ, чѣмъ это долженъ сдѣлать уголовный кодексъ, не даетъ ясныхъ признаковъ, разграничивающихъ эти виды и, безъ достаточныхъ для того основаній, назначаетъ за предумышленіе (dolus praemeditatus) высшую мѣру наказанія, за то преступленіе въ законахъ положеннаго (ст. 105 Улож. о Нак.). Понятіе непрямого умысла въ ст. 108 и 109 Уложенія о Наказаніяхъ недостаточно ясно и воплощаетъ въ себѣ уже отброшенное, старое ученіе о dolus indirectus. Уставъ о наказаніяхъ не знаетъ того подраздѣленія видовъ виновности, которое выставлено въ старомъ Уложеніи. Онъ не даетъ ни опредѣленія умысла и неосторожности, ни признаковъ, намѣчающихъ ихъ границы. При означенныхъ условіяхъ судамъ, очевидно, приходилось постоянно, подъ руководствомъ Сената, ставить себѣ различные вопросы, касающіеся того или иного вида вины, и самостоятельно рѣшать ихъ согласно духу законовъ и содержащихся въ законахъ отрывочныхъ указаній. Особенно часто возникали такіе вопросы въ дѣлахъ о тѣхъ или иныхъ преступленіяхъ противъ личности, въ дѣлахъ объ убійствѣ и др. Такъ, напр., наше Уложеніе, вмѣсто того, чтобы дать немногія обобщенныя постановленія о неосторожномъ лишеніи жизни, содержитъ въ себѣ о немъ болѣе двухъ десятковъ статей, и все же признаки и предѣлы этого вида преступленія очерчены имъ не совсѣмъ ясно, а отдѣльныя статьи о немъ Уложенія иногда мало согласованы другъ съ другомъ.

[1]) См. ст. 110 Улож. о Нак.

Такъ, въ Уложеніи о Наказаніяхъ отдѣльно предусмотрѣны: 1) случаи неосторожнаго причиненія смерти дѣяніемъ само по себѣ непротивозаконнымъ (ст. 1468); 2) неосторожное причиненіе смерти при нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій — увѣчья, ранъ, побоевъ и т. д. (ст. 1484, 1488, 1490 ч. 2, 1464); 3) неосторожное лишеніе жизни при заключеніи или задержаніи (статья 1543); 4) неосторожное причиненіе смерти въ дракѣ (ст. 1465); 5) неосторожное причиненіе смерти дѣяніемъ, противнымъ постановленіямъ, ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ (ст. 1466). Есть еще нѣсколько статей Уложенія о Нак., предусматривающихъ особо нѣкоторые случаи, которые, собственно, обнимаются ст. 1468 и 1466. Наличность такого множества постановленій о случаяхъ, образующихъ, въ сущности, одну группу преступленій, вызвала, разумѣется, напряженную интерпретаціонную дѣятельность судовъ; при этомъ надо принять во вниманіе еще неудовлетворительную редакцію большинства этихъ постановленій. Путемъ сложной интерпретаціи судамъ приходилось вырабатывать извѣстные признаки разграниченія, раздѣляющіе случаи, обнимаемые однимъ постановленіемъ, отъ случаевъ, относящихся къ другой, смежной группѣ. Такъ, напримѣръ, по поводу ст. 1466,—предусматривающей лишеніе жизни посредствомъ дѣйствія, противнаго ограждающимъ личную безопасность и общественный порядокъ постановленіямъ, — Сенатъ выяснилъ, что подъ нее подходятъ случаи, когда причинившее смерть дѣйствіе составляло не посягательство, направленное противъ данной личности, а нарушеніе правилъ, установленныхъ въ интересахъ неопредѣленнаго числа лицъ, причемъ безразлично, запрещалось ли такими правилами извѣстное положительное дѣйствіе или бездѣйствіе; таковы, напр., неосторожная ѣзда по улицамъ, неустройство перилъ на лѣстницѣ или шлагбаумовъ на путяхъ, прилегающихъ къ полотну желѣзной дороги, недостаточное прикрѣпленіе вывѣски и т. д. [1]).

Очень часто судебной практикѣ приходилось касаться вопросовъ о покушеніи, причемъ оказывалось необходимымъ выяснить обѣ границы покушенія, т. е. какъ границу, отдѣляющую его отъ приготовленія, такъ и границу, отдѣляющую его отъ преступленія оконченнаго.

---

[1]) Касс. рѣш. 1872 г. № 1611; 1871 г. № 426; 1879 г. № 7 и др.

Общія указанія по этимъ вопросамъ, имѣющіяся въ ст. 9 и 10 Уложенія о Нак., совершенно недостаточны; практикѣ приходилось, въ развитіе ихъ, вырабатывать общія положенія по вопросамъ, которые въ наукѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе спорныхъ и трудныхъ. Такъ, въ развитіе ст. 9, говорящей, что покушеніемъ должно считаться дѣйствіе, коимъ начинается или продолжается приведеніе злого намѣренія въ исполненіе, практика выработала, что покушеніе, въ отличіе отъ приготовленія, есть такое дѣйствіе, которымъ обвиняемый даетъ уже пріобрѣтеннымъ имъ средствамъ дальнѣйшее движеніе, направленное на исполненіе задуманнаго имъ зла [1]). Въ другихъ рѣшеніяхъ Сената указывается, что для признанія дѣянія покушеніемъ необходимо, чтобы дѣйствіе, совершенное виновнымъ, входило въ законный составъ преступленія [2]). Въ этомъ положеніи, не совсѣмъ совпадающемъ съ предшествующимъ, проводится взглядъ, въ существенномъ сходный съ теоріей, защищаемой въ нашей литературѣ сенаторомъ Таганцевымъ, и отразившійся въ ст. 49 Уголовнаго Уложенія. Что касается границы, отдѣляющей покушеніе отъ оконченнаго преступленія, то вопросъ этотъ особенно часто разсматривался въ дѣлахъ о разныхъ видахъ похищенія имущества. Въ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ проводилъ ту общую точку зрѣнія, что совершеніемъ преступленія должно считаться осуществленіе преступнаго намѣренія, а не достиженіе преступникомъ поставленной имъ себѣ цѣли [3]). Примѣняя эту точку зрѣнія къ случаямъ кражи, Сенатъ въ своемъ взглядѣ на моментъ окончанія кражи слѣдовалъ то одному, то другому оттѣнку теоріи завладѣнія, признавая въ однихъ рѣшеніяхъ, что кража должна считаться оконченной съ момента, когда предметъ ея изъятъ изъ владѣнія собственника [4]), а въ другихъ,—что для окончанія кражи необходимо, чтобы похищенныя вещи перешли уже изъ владѣнія хозяина во владѣніе похитителя, или, по крайней мѣрѣ, были поставлены въ такое положеніе, что по понятію о правѣ собственности на движимое имущество могли считаться находящимися

---

[1]) Касс. рѣш. 1871 г. № 1438; 1888 г. № 20.

[2]) Касс. рѣш. 1867 г. № 447; 1868 г. №№ 695 и 568; 1870 г. № 46 и др.; Общ. Собр. 1889 г. № 4.

[3]) Касс. рѣш. 1867 г. № 31; 1871 г. № 513; 1875 г. № 345.

[4]) Касс. рѣш. 1872 г. № 960.

во владѣніи вора [1]). Къ теоріи уноса Сенатъ отнесся отрицательно [2]). Что касается момента, съ котораго слѣдуетъ считать уже начатымъ покушеніе на кражу, то этотъ моментъ нерѣдко вѣрно указывался во многихъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ. Такъ, напр., Сенатъ правильно указывалъ, что покушеніе уже существуетъ въ тѣхъ случахъ, когда воръ пойманъ въ чужой квартирѣ, куда онъ проникъ съ цѣлью похищенія [3]), или когда воръ отдѣлилъ предметъ, съ цѣлью похищенія, отъ неподвижной опоры, препятствующей похищенію [4]).

Въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ коснулся и вопроса о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ. Значеніе негодныхъ средствъ ясно и точно опредѣлено въ ст. 115 Уложенія о Наказаніяхъ и въ примѣчаніи къ ней. Поэтому особенныхъ затрудненій этотъ вопросъ на практикѣ вызывать не могъ. Случаи же покушенія надъ негоднымъ объектомъ, о которыхъ нѣтъ прямого постановленія въ Уложеніи о Наказаніяхъ, вызвали нѣсколько очень важныхъ разъясненій Сената. Склоняясь въ общемъ къ признанію ненаказуемости случаевъ посягательствъ на мнимый объектъ или на такой, который не могъ быть предметомъ преступленія [5]), Сенатъ правильно призналъ, что къ этой группѣ не относятся случаи посягательства на объектъ, случайно не находившійся въ томъ мѣстѣ, куда направлялся ударъ преступника, напр., выстрѣлъ въ окно, по направленію къ кровати, на которой въ данную ночь случайно не спала намѣченная жертва преступленія; случаи этого послѣдняго рода справедливо считаются Сенатомъ наказуемыми [6]).

Въ немногихъ рѣшеніяхъ Сенату пришлось коснуться и случаевъ error in objecto. Такъ, въ рѣшеніи отъ 1874 г. № 99 Сенатъ высказалъ вполнѣ вѣрный взглядъ, что преступленіе, совершенное не надъ предполагаемымъ, а надъ другимъ объектомъ, должно разсматриваться какъ самостоятельное оконченное преступленіе въ отношеніи второго объекта. Этому выводу

---

[1]) Касс. рѣш. 1867 г. №№ 191 и 472; 1868 г. №№ 274, 568 и 755; 1869 г. № 801; 1870 г. № 215; 1872 г. № 805 и др.

[2]) Касс. рѣш. 1868 г. № 274.

[3]) Касс. рѣш. 1876 г. №№ 152 и 308.

[4]) Касс. рѣш. 1876 г. № 60.

[5]) Касс. рѣш. 1874 г. № 99 и др.

[6]) Касс. рѣш. 1868 г. № 568; 1883 г. № 29.

не противорѣчитъ ст. 1456 Уложенія о Наказаніяхъ, такъ какъ она, какъ спеціальная, не можетъ быть толкуема распространительно и примѣняется только къ убійству.

Такъ какъ большинство преступленій совершается не единичными усиліями отдѣльныхъ лицъ, а совмѣстно нѣсколькими преступниками, то судамъ постоянно приходилось встрѣчаться съ вопросами о соучастіи, весьма сложными и далеко не всегда ясно разрѣшенными въ нашемъ старомъ Уложеніи. При этомъ судамъ приходилось встрѣчаться и съ такими случаями, когда нѣсколько лицъ, совершившихъ одно преступленіе, принадлежали къ составу одного юридическаго лица; тогда на судѣ вставалъ вопросъ объ уголовной отвѣтственности юридическихъ лицъ, теоретически довольно спорный. Вопросъ этотъ совершенно правильно рѣшенъ Сенатомъ въ отрицательномъ смыслѣ: въ случаѣ совершенія одного преступленія нѣсколькими или хотя бы всѣми членами юридическаго лица, послѣдніе должны отвѣчать по правиламъ о соучастіи въ преступленіи, а не какъ юридическое лицо [1]). Дѣйствительно, уголовная отвѣтственность носитъ строго личный характеръ. Она соразмѣряется съ виною, которая по существу своему индивидуальна; какая-то одна коллективная вина нѣсколькихъ лицъ совершенно немыслима и при ближайшемъ разсмотрѣніи неизбѣжно распадается на рядъ различныхъ индивидуальныхъ виновностей.

При разсмотрѣніи вопросовъ о соучастіи судамъ приходилось, путемъ интерпретаціи, выяснять, когда, именно, должны примѣняться правила о соучастіи по предварительному соглашенію, а когда—постановленія о другомъ видѣ соучастія, о соучастіи безъ предварительнаго соглашенія, и каковы характерные признаки различныхъ категорій соучастниковъ, относящихся къ обѣимъ основнымъ группамъ. Въ законахъ выставлена цѣлая сѣть подраздѣленій соучастниковъ на категоріи, но ясныхъ разграничительныхъ признаковъ не указано. Рѣшая всѣ эти вопросы, наша судебная практика прочно установила то положеніе, что, если дѣло разсматривается съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то имъ непремѣнно долженъ быть поставленъ вопросъ, было ли соучастіе по предварительному соглашенію, и, только въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, су-

---

[1]) Касс. рѣш. 1884 г. № 4; 1885 г. № 28; 1896 г. № 17.

домъ могутъ быть примѣнены постановленія Уложенія объ этомъ видѣ соучастія; въ противномъ случаѣ судъ долженъ признать, что соучастіе было безъ предварительнаго соглашенія [1]).

Отдѣльныя категоріи соучастниковъ по предварительному соглашенію и безъ такового обрисованы въ законѣ (ст. 12 и 13 Уложенія о Наказаніяхъ) весьма неудовлетворительно и неясно. Поэтому практикѣ приходилось, основываясь на весьма несовершенныхъ указаніяхъ закона, создавать точныя опредѣленія каждаго изъ типовъ соучастія. Въ безконечномъ рядѣ рѣшеній Сенатъ подробно указалъ, кого слѣдуетъ считать главнымъ виновнымъ, а кого участникомъ, кто является зачинщикомъ, а кто подстрекателемъ, каковы условія сообщничества и т. д. Такъ, въ случаяхъ соучастія безъ предварительнаго соглашенія, Сенатъ признаетъ главнымъ виновнымъ всякаго, участвовавшаго въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ пострадавшаго [2]), или распоряжавшагося дѣйствіями другихъ, хотя бы онъ не совершалъ непосредственно самаго преступленія [3]), и всякаго участвовавшаго въ непосредственномъ совершеніи преступленія [4]). Вопросъ о томъ, былъ ли подсудимый главнымъ виновникомъ или участникомъ, долженъ быть поставленъ присяжнымъ засѣдателямъ [5]). На долю участниковъ выпадаетъ второстепенная роль, — устраненіе препятствій, доставленіе средствъ и другіе виды помощи въ совершеніи преступленія. По вопросу о признакахъ, отличающихъ другъ отъ друга двухъ главныхъ соучастниковъ по предварительному соглашенію—зачинщика и подстрекателя — Сенатъ установилъ, что подстрекателемъ должно считаться лицо, склонившее на совершеніе преступленія, замышленнаго другимъ, а интеллектуальнымъ зачинщикомъ тотъ, кто склонилъ другого принять участіе въ замышленномъ имъ преступленіи [6]). Разъясняя понятіе сообщничества, Сенатъ указалъ, что существеннымъ признакомъ его является участіе въ предварительномъ соглашеніи и что для наказуемости сообщника необходимо, чтобы преступленіе было приведено въ испол-

---

[1]) Касс. рѣш. 1867 г. №№ 190, 263, 317 и др.
[2]) Касс. рѣш. 1869 г. № 904; 1874 г. № 81.
[3]) Касс. рѣш. 1872 г. № 152.
[4]) Касс. рѣш. 1871 г. №№ 454 и 1167.
[5]) Касс. рѣш. 1871 г. № 1123.
[6]) Касс. рѣш. 1876 г. № 97.

неніе тѣми лицами, съ которыми данный субъектъ согласился учинить преступленіе [1]). При обсужденіи отвѣтственности отдѣльныхъ соучастниковъ, судамъ нерѣдко приходилось встрѣчаться со случаями особыхъ квалифицирующихъ обстоятельствъ, имѣющихся на сторонѣ одного изъ соучастниковъ или сопровождавшихъ преступленіе. Въ такихъ случаяхъ возникаетъ прямо въ Уложеніи о Нак. неразрѣшенный вопросъ о вліяніи такихъ обстоятельствъ на отвѣтственность другихъ соучастниковъ. Наша практика склонилась къ совершенно правильному взгляду, что подобныя обстоятельства должны вліять отягчающимъ образомъ лишь на отвѣтственность того соучастника, на сторонѣ котораго они находятся. Такимъ образомъ, напр., дѣйствія, которыя были совершены однимъ сообщникомъ въ отсутствіи и безъ вѣдома другого, не могутъ вліять на отвѣтственность послѣдняго [2]); пособнику, не знавшему о квалифицирующихъ кражу обстоятельствахъ, не можетъ быть назначено наказаніе за квалифицированную кражу [3]); отягчающія обстоятельства, оказавшіяся въ дѣяніи, совершенномъ подстрекнутымъ, не должны вліять на отвѣтственность подстрекателя, который отвѣчаетъ въ этихъ случаяхъ лишь за то преступленіе, къ которому онъ подстрекалъ [4]). Однако, Сенатъ призналъ, что подговорщикъ подлежитъ отвѣтственности и за всѣ тѣ отягчающія послѣдствія своего подговора, которыя, не составляя преступленія, отдѣльнаго отъ того преступленія, къ которому онъ подстрекнулъ, относятся только къ обстоятельствамъ совершенія, если, впрочемъ, судомъ не было признано, что въ самомъ подговорѣ заключались опредѣленныя ограниченія, которымъ исполнитель преступленія не хотѣлъ подчиниться [5]). Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ врядъ ли, однако, можно согласиться. Съ правильной точки зрѣнія относящееся къ условіямъ совершенія преступленія квалифицирующее обстоятельство можетъ быть поставлено въ счетъ соучастнику, лишь если оно сознавалось послѣднимъ [6]). Это начало выражено и въ кассаціонномъ рѣше-

---

[1]) Касс. рѣш. 1872 г. № 1439.

[2]) Касс. рѣш. 1868 г. № 424.

[3]) Касс. рѣш. 1872 г. № 357; 1874 г. № 218; 1875 г. № 119 и др.

[4]) Касс. рѣш. 1867 г. № 374.

[5]) Касс. рѣш. 1868 г. № 567; 1876 г. № 217.

[6]) При признаніи неосторожнаго соучастія, котораго нашъ законъ не признаетъ, это положеніе, конечно, должно быть немного расширено.

ніи 1867 г. № 307, въ которомъ указано, что, въ случаѣ признанія одного соучастника совершившимъ преступленіе съ какими-либо отягчающими вину обстоятельствами, судъ тогда только можетъ сообразно съ этимъ возвысить наказаніе и другимъ соучастникамъ, дѣйствовавшимъ безъ предварительнаго уговора съ первымъ, когда признаетъ, что они, по крайней мѣрѣ, знали о существованіи этихъ обстоятельствъ. Нѣкоторая неустойчивость судебной практики по данному вопросу находитъ себѣ объясненіе въ спорности этого вопроса и разнообразіи выдвигаемыхъ жизнью случаевъ.

Далѣе, правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ широко и ярко проявилась въ выработкѣ понятій и отдѣльныхъ признаковъ многихъ преступленій. Надо замѣтить, что уголовные законы иногда даютъ лишь одно названіе извѣстнаго преступленія и предоставляютъ практикѣ выработать соотвѣтствующее этому названію точное понятіе. Такова, напр., статья 142 Устава о наказаніяхъ, породившая столь колоссальную по своему объему кассаціонную практику, что однѣ выписки тезисовъ изъ кассаціонныхъ рѣшеній въ неофиціальномъ изданіи Устава о наказаніяхъ сенатора Таганцева занимаютъ болѣе 25 страницъ мелкаго шрифта. Эта статья говоритъ о самоуправствѣ и насиліи, но опредѣленія этихъ понятій не даетъ. Судебная практика должна была раскрыть истинный смыслъ и предѣлы этихъ понятій. Сенатомъ многократно указывалось, что для самоуправства существенны посредственное или непосредственное, физическое или психическое насиліе, самовольство дѣйствій виновнаго и наличность на сторонѣ послѣдняго извѣстнаго права, дѣйствительнаго или предполагаемаго, которое субъектъ и хочетъ осуществить насильственно. Что насиліе есть существенный признакъ самоуправства, это указано въ массѣ сенатскихъ рѣшеній, какъ старыхъ, такъ и новыхъ [1]). Два другихъ признака также часто отмѣчались Сенатомъ [2]).

Въ другихъ случаяхъ законъ даетъ опредѣленіе преступленія, но въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ и съ употребленіемъ такихъ понятій, которымъ можетъ быть придаваемъ различный

---

[1]) Касс. рѣш. 1871 г. №№ 333 и 1113; 1872 г. №№ 378, 395 и 445; 1873 г. №№ 315, 319 и 441; 1874 г. №№ 444 и 608; 1875 г. №№ 582 и 316; 1885 г. № 7; 1893 г. № 43; 1906 г. № 12 и др.

[2]) Касс. рѣш. 1869 г. № 122; 1871 г. № 785; 1874 г. № 164; 1875 г. № 240 и мн. др.

смыслъ и которыя поэтому требуютъ тщательнаго анализа. Таково, напр., опредѣленіе кражи, въ ст. 1644 Улож. о Нак., какъ тайнаго похищенія чужого движимаго имущества. Судебной практикѣ пришлось выяснять всѣ существенные признаки этого преступленія, его субъектъ, объектъ, понятіе похищенія и проводить границы, отдѣляющія его отъ разныхъ смежныхъ съ нимъ преступленій, напр., отъ присвоенія чужого имущества и т. д. Сенатъ правильно указалъ, напр., что кража, какъ похищеніе, предполагаетъ, что имущество было чужимъ для похитителя и было имъ изъято изъ чужого владѣнія [1]). Однако, въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сенатъ признавалъ кражею и пользованіе чужимъ электричествомъ, съ чѣмъ врядъ ли можно согласиться [2]). Неправъ былъ Сенатъ и признавая кражей такіе случаи присвоенія чужихъ потерянныхъ вещей, въ которыхъ присвоившій видѣлъ фактъ потери вещи хозяиномъ [3]). Довольно много разъясненій дано Сенатомъ, какъ указано выше, по вопросамъ о покушеніи на кражу и объ окончаніи кражи.

Затѣмъ, напряженную интерпретаціонную дѣятельность вызывали разные виды кражи и характеризующіе ихъ своеобразные признаки—взломъ, обитаемое строеніе, вооруженная кража и т. п. Сенатъ разъяснилъ, напр., что для наличности кражи со взломомъ нужно, чтобы взломъ былъ сдѣланъ именно для совершенія кражи, а не для какой-либо другой цѣли [4]). Искусственное понятіе взлома, при примѣненіи его къ отдѣльнымъ случаямъ, вызвало чрезвычайно пеструю кассаціонную практику. Такъ, напр., въ однихъ рѣшеніяхъ Сенатъ призналъ, что размѣры усилій, употребленныхъ для разрушенія преградъ или хранилища, для наличности взлома несущественны, равно какъ и важность или незначительность сдѣланныхъ для кражи поврежденій [5]). Не уничтожаетъ факта взлома и послѣдующее исправленіе преступникомъ причиненныхъ при взломѣ поврежденій [6]). Однако, Сенатъ не призналъ взломомъ прорѣзъ по-

---

[1]) Касс. рѣш. 1881 г. № 17 и др.
[2]) Касс. рѣш. 1902 г. № 17.
[3]) Касс. рѣш. 1870 г. № 103.
[4]) Касс. рѣш. 1867 г. № 472.
[5]) Касс. рѣш. 1869 г. № 999; 1873 г. № 617; 1874 г. № 267.
[6]) Касс. рѣш. 1869 г. № 999.

лотна, прикрывавшаго ярмарочный балаганъ и раздергиваніе рогожи корзины, учиненные съ цѣлью похищенія [1]). Сенатъ призналъ взломомъ просверливаніе дыры въ полу амбара [2]), отверстіе въ крышѣ черезъ разобраніе досокъ или соломы [3]), разбитіе подворотни [4]), разобраніе частокола [5]), которымъ былъ окруженъ садъ, но не призналъ взломомъ вынутіе вбитыхъ въ землю у воротъ кольевъ, между которыми вкладывалась доска, замѣнявшая подворотню [6]).

По вопросу, какія строенія или помѣщенія слѣдуетъ считать обитаемыми, Сенатъ правильно указалъ, что свойство обитаемости зданія, строенія или помѣщенія опредѣляется тѣмъ, жили ли въ немъ болѣе или менѣе постоянно люди; случайное или мимолетное пребываніе людей не дѣлаетъ еще зданія обитаемымъ; безразлично и то, находились ли въ моментъ преступленія въ этомъ зданіи живущіе въ немъ люди или они отсутствовали [7]).

Выясняя понятіе вооруженной кражи, Сенатъ указалъ, что слова ст. 1653 Улож. о Нак. „орудіе, которымъ онъ могъ нанести смерть или увѣчье", надо понимать въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. разумѣть подъ ними не всякое орудіе, коимъ лицо, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, или по предварительномъ истязаніи противника, можетъ нанести послѣднему смерть или увѣчье, а лишь опасное орудіе, коимъ и безъ особенныхъ благопріятныхъ для нападающаго обстоятельствъ, и при свободной защитѣ, можно нанести смерть или увѣчье [8]). При этомъ, для примѣненія статьи 1653 должно быть установлено, что возможность нанести смерть или увѣчье дѣйствительно существовала въ моментъ преступленія [9]). Вопросъ о томъ, былъ ли виновный вооруженъ, долженъ быть поставленъ присяжнымъ засѣдателямъ и, притомъ въ конкретной формѣ, т. е., присяжные должны отвѣтить на вопросъ, представлялось ли въ

---

[1]) Касс. рѣш. 1875 г. № 346; 1876 г. № 204.
[2]) Касс. рѣш. 1870 г. № 838; 1871 г. № 261; 1872 г. № 1027.
[3]) Касс. рѣш. 1868 г. №№ 339 и 376; 1870 г. №№ 112 и 558.
[4]) Касс. рѣш. 1869 г. № 849.
[5]) Касс. рѣш. 1871 г. № 1910.
[6]) Касс. рѣш. Общ. Собр. 1874 г. № 1.
[7]) Касс. рѣш. 1882 г. № 43.
[8]) Касс. рѣш. 1873 г. № 235.
[9]) Касс. рѣш. 1875 г. № 130; 1871 г. № 166.

данномъ случаѣ орудіе такимъ, что имъ можно было причинить смерть или увѣчье [1]).

Имущественныя преступленія вообще—и особенно присвоеніе чужого имущества, кража, грабежъ, разбой, вымогательство и мошенничество,—потребовали отъ судебныхъ учрежденій громадной затраты творческой дѣятельности для выясненія входящихъ въ ихъ составъ признаковъ. При этомъ иногда судебной практикѣ приходилось устанавливать довольно трудно уловимыя границы, отдѣляющія нѣкоторыя имущественныя преступленія отъ сходныхъ съ ними въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но непреступныхъ дѣяній. Такъ, напр., нѣкоторые случаи мошенническаго обмана близко подходятъ къ такимъ обманамъ въ торговлѣ, которые мошенничества не составляютъ. Останавливаясь на разграниченіи этихъ смежныхъ случаевъ, Сенатъ указалъ, что для признанія обмана въ качествѣ товара мошенничествомъ судомъ должны быть установлены слѣдующіе признаки: a) чтобы продавецъ совершилъ прежде продажи тайныя приготовленія или дѣйствія, посредствомъ которыхъ продаваемый имъ предметъ получилъ мнимыя качества и достоинства, съ сокрытіемъ имѣющихся въ немъ недостатковъ; b) чтобы такими, именно, дѣйствіями или приготовленіями онъ ввелъ покупателя относительно свойствъ и качествъ товара въ заблужденіе, отъ котораго, при обыкновенной осмотрительности, уберечься невозможно, и c) что этими обманными средствами продавецъ выманилъ у покупателя деньги не за дѣйствительныя, а за мнимыя качества товара [2]). Если же обманъ заключался въ однихъ ложныхъ увѣреніяхъ относительно качествъ товара, безъ какихъ либо особыхъ приготовленій и измѣненія товара, то такія увѣренія мошенническаго обмана не составляютъ [3]).

Несомнѣнно, что въ своихъ толкованіяхъ Сенатъ не всегда былъ правъ и иногда даже выходилъ за предѣлы своей компетенціи, какъ суда кассаціоннаго, не столько толкуя, сколько дополняя законъ. Такъ, напримѣръ, въ нарушеніе принципа nullum crimen sine lege, онъ создалъ даже новый видъ преступленія,—шантажъ,—который пытался подвести то подъ постано-

---

[1]) Касс. рѣш. 1869 г. № 567; 1871 г. № 538; 1872 г. № 774 и 1161; 1875 г. № 130.

[2]) Касс. рѣш. 1889 г., № 16 и др.

[3]) Касс. рѣш. 1874 г., № 535.

вленія о мошенничествѣ [1]), то подъ ст. 1686 Уложенія о Наказаніяхъ [2]), хотя въ шантажѣ нѣтъ мошеннического обмана и можетъ не быть принужденія къ дачѣ обязательства, предусматриваемаго ст. 1686.

Несмотря, однако, на все это, нельзя не признать, что руководящія указанія Сената, вносившія единообразіе въ пониманіе сбивчивыхъ статей стараго Уложенія, были часто очень цѣнны; они были цѣнны нерѣдко и тогда, когда заключались въ простомъ подчеркиваніи признака преступленія, прямо указаннаго въ законѣ, такъ какъ побуждали особенно сосредоточивать вниманіе на этомъ признакѣ. Послѣдній характеръ носили, напр., многія рѣшенія Сената, коснувшіяся статьи 29 Устава о наказаніяхъ, предусматривающей „неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій". Толкуя эту статью, Сенатъ подчеркнулъ въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ, что судъ, для примѣненія этой статьи, долженъ установить, что требованіе административной власти, въ неисполненіи коего обвиняется подсудимый, должно быть основано на положительномъ законѣ или вытекать изъ общаго смысла законовъ, опредѣляющихъ предѣлы вѣдомства этой власти[3]). Не могутъ быть признаваемы законными такія требованія административной или полицейской власти, которыя, хотя и имѣютъ цѣлью огражденіе общественныхъ интересовъ, но не разрѣшены положительнымъ закономъ, а въ то же время ограничиваютъ личныя или имущественныя права частныхъ лицъ, ограждаемыя закономъ, тѣмъ болѣе, что въ особыхъ случаяхъ отъ подлежащихъ властей зависитъ исходатайствовать установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе на принятіе мѣръ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, но признаваемыхъ необходимыми [4]).

При оцѣнкѣ дѣятельности Сената, въ качествѣ верховнаго руководителя судебнаго толкованія законовъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что многія статьи стараго Уложенія редактированы такъ неудовлетворительно, что толкованіе ихъ представляется въ высшей степени затруднительнымъ. Въ ка-

---

[1]) Касс. рѣш. 1871 г. №№ 91 и 712.
[2]) Касс. рѣш. 1897 г. № 14.
[3]) Касс. рѣш. 1896 г. № 14; 1893 г. № 36; 1887 г. № 29 и др.
[4]) Касс. рѣш. 1887 г. № 29; 1881 г. № 2 и др.

чествѣ образчика можно указать хотя бы ст. 1477 и 1478 Уложенія о Нак., говорящія объ увѣчьяхъ. Статья 1477 редактирована такъ неясно, что трудно понять, имѣетъ ли приведенный въ ней перечень исчерпывающее или лишь примѣрное значеніе. Сенатъ призналъ, что предметомъ тяжкаго увѣчья по Уложенію можетъ быть всякій органъ и все дѣло лишь въ степени пораженія органа [1]). Правильнѣе толковать ст. 1477 ограничительно и признать, что предметомъ тяжкаго увѣчья могутъ быть лишь перечисленные въ этой статьѣ органы. Но нельзя не признать, что редакція этой многословной статьи ставитъ сильныя препятствія правильному ея истолкованію.

Все, сказанное выше, даетъ, несомнѣнно, право сдѣлать общее заключеніе, что въ сферѣ уголовно-судебной практики правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ проявилась чрезвычайно широко и ярко, несмотря на серьезныя затрудненія, которыя ей ставились самымъ состояніемъ нашего уголовнаго законодательства. Нельзя сомнѣваться, что и въ будущемъ, съ устраненіемъ или ослабленіемъ этихъ затрудненій, она будетъ развиваться быстрыми шагами, потому что въ организмъ новыхъ судовъ заложены неизсякаемые источники этого развитія.

С. Познышевъ.

---

[1]) Касс. рѣш. 1872 г. № 1072.

ЧАСТЬ III.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ СТРОЙ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ЧАСТИ II)

Отношенія между судебной и административной властями и судьба основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ въ позднѣйшемъ законодательствѣ.

I. Отношенія между судебной и административной властями. II. Взгляды представителей администраціи на новый судебный строй. Отношеніе суда къ органамъ полиціи. III. Примѣненіе статьи 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. IV. Пререканія по вопросамъ преданія суду должностныхъ лицъ. V. Столкновенія между судами и вѣдомствами военнымъ и духовнымъ. VI. Соотношеніе судебной и административной властей въ проектахъ административныхъ преобразованій. Чрезвычайныя полномочія, предоставленныя администраціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ. VII. Отношеніе законодательства эпохи Императора Александра II къ основнымъ началамъ Судебныхъ Уставовъ. VIII. Отношенія между судебной и административной властями послѣ 1881 г. Общія замѣчанія. IX. Ограниченіе несмѣняемости судей. X. Мѣропріятія относительно гласности суда. XI. Ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ. XII. Судебно-административная реформа 1889 г.

I. Отношенія между судебной и административной властями.

Основнымъ новшествомъ, введеннымъ въ нашу государственную жизнь Судебными Уставами, является отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной и законодательной, и врученіе ея особымъ органамъ, поставленнымъ въ условія служебной независимости. Съ полнымъ основаніемъ это начало занимаетъ первое по порядку мѣсто среди основныхъ положеній новаго судоустройства; имъ опредѣлялись всѣ остальныя положенія и оно проникаетъ во всѣ детали судоустройства. Составителямъ Уставовъ, если разсматривать ихъ твореніе въ исторической перспективѣ, удалось осуществить свою мысль въ очень широкихъ предѣлахъ. Если внимательно всмотрѣться въ организацію судебной части до реформы и сравнить ее съ новымъ

порядкомъ, то сдѣлается очевиднымъ, что у старыхъ судовъ и у новыхъ общаго только одно названіе.

Такое крупное нововведеніе не могло быть осуществлено въ жизни безъ треній и не могло не вызвать протестовъ. Для усвоенія его необходимо время; неизбѣжна борьба стараго съ новымъ, неизбѣжны колебанія, пока такая коренная ломка привычнаго усвоится жизнью и завоюетъ себѣ обаяніе истины непререкаемой, которая чувствуется и сознается всѣми и не нуждается каждый разъ въ новыхъ доказательствахъ.

Этотъ историческій процессъ, можно сказать, не закончился еще и теперь, а начался онъ на слѣдующій же день по введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ.

Первые шаги новыхъ судебныхъ установленій произвели громадное впечатлѣніе на общество. Газеты того времени полны разсказами о процессахъ; въ подробныхъ статьяхъ комментировались рѣчи и отдѣльныя замѣчанія судебныхъ дѣятелей, по современному намъ масштабу, въ сущности, вовсе незначительныя. Теперь глаза общества обращаются на залъ суда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ разсматривается сенсаціонный процессъ, когда онъ является сценой какой нибудь необычной драмы, любопытной по личности ея участниковъ или по ея перипетіямъ, самая же судебная процедура лишь въ исключительныхъ случаяхъ дѣлается темой общаго обсужденія.

Не то происходило въ шестидесятыхъ годахъ. Напряженное вниманіе общества и представителей правительственныхъ круговъ было захвачено не сюжетами процессовъ, далеко не всегда интересными: залъ суда стоялъ въ центрѣ вниманія, потому что въ немъ можно было наблюдать новое и невиданное еще зрѣлище—отправленіе правосудія. До реформы 1864 года этой картины ни обывателямъ, ни даже представителямъ вѣдомствъ, постороннихъ судебному, не приходилось видѣть; она скрывалась во мракѣ канцелярій, въ которыя чужіе не допускались, да безъ настоятельной необходимости и заглядывать боялись.

Осуществленіе Уставовъ поэтому и вызвало въ широкихъ кругахъ гораздо большій интересъ, чѣмъ опубликованіе ихъ основныхъ началъ и даже обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ.

Новшества, ими вводимыя, были настолько непривычны для большинства публики и для многихъ (хотя и не всѣхъ) адми-

нистративныхъ дѣятелей, изъ второстепенныхъ и провинціальныхъ, что мало кто имѣлъ опредѣленное и ясное представленіе о томъ переворотѣ, который они вызовутъ въ жизни. Значеніе реформы сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ только тогда, когда настало время ее примѣнять къ жизни, и когда вокругъ новаго знамени сплотились послѣдователи новыхъ идей, поставленные въ непривычныя для той эпохи условія независимаго отъ „начальства“ положенія, и съ миссіонерскимъ жаромъ отстаивавшіе новые идеалы. Тогда оказалось возможнымъ для сторонниковъ новаго порядка оцѣнить всѣ блага этого шага на пути усовершенствованія государственнаго строя и укрѣпленія идеи права и законности и, съ другой стороны, для приверженцевъ прежняго порядка стала ясной пропасть, отдѣляющая новое и старое, обнаружилась вся мѣра утраченнаго [1]).

Не удивительно поэтому, что только послѣ введенія въ дѣйствіе новаго судебнаго строя вполнѣ было оцѣнено провозглашенное въ Уставахъ начало обособленія судебной власти отъ исполнительной и законодательной. Проведеніе границы между ними при законодательныхъ дебатахъ, правда, вызывало споры и возраженія съ различныхъ сторонъ, но главныя затрудненія сказались лишь тогда, когда предстала задача осуществить это размежеваніе властей на практикѣ. Для дальновидныхъ современниковъ реформы предстоящія трудности были ясны. М. Н. Катковъ, въ то время горячій защитникъ либеральныхъ реформъ и сторонникъ новаго судебнаго порядка, въ краснорѣчивыхъ словахъ описывалъ тѣ терніи, которыя ожидали новыхъ судебныхъ дѣятелей [2]).

---

[1]) Очень любопытны замѣчанія, высказанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868 г. январь, „Обозрѣніе судебное“, стр. 345 и слѣд. (подписанное иниціалами И. В.). Авторъ отмѣчаетъ, что общество не проявило къ Уставамъ той горячности, какъ къ крестьянской реформѣ, ибо отъ судебной, основываясь на опытѣ минувшаго, многого не ожидали. Общество было убѣждено, что законъ во власти сильнѣйшаго; онъ ему представлялся не вѣчными началами правды, а пятакомъ, рублемъ, сотнями рублей, смотря по важности. Враги реформы не считали необходимымъ ей открыто противодѣйствовать, ибо были убѣждены въ невозможности коренного измѣненія прежняго порядка; они надѣялись, что реформа найдетъ себѣ почву, недостаточно подготовленную, и ограничится однѣми столицами, а если и перейдетъ въ провинцію, то черезъ множество лѣтъ, въ теченіе которыхъ удастся испортить преобразованіе, извратить его основныя положенія (стр. 348—351).—Быстрое введеніе новыхъ судовъ одновременно во многихъ областяхъ и дѣятельность ихъ должны были произвести тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе.

[2]) Московскія Вѣдомости, 29 апрѣля 1865 г., № 92 (цитируется по „Собранію передовыхъ статей Московскихъ Вѣдомостей“).

....„Новыя судебныя учрежденія, нетерпѣливо ожидаемыя большинствомъ публики, неминуемо встрѣтятъ съ разныхъ сторонъ сильную оппозицію. Имъ предстоитъ бороться со всѣми старыми привычками, преданіями и формами, не только управленія, но и самаго быта. Эта борьба потребуетъ большой ловкости въ практическихъ пріемахъ; мало будетъ для этого энергіи и рѣшимости, свойственной молодому борцу: потребуется сила знаній, умѣренности и самообладанія. Невозможно положиться на то, что въ законѣ проведена пограничная черта между отправленіями судебной и административной власти. Мы видимъ повсюду, что только продолжительный опытъ даетъ возможность уловить такъ часто колеблящіяся очертанія границы, проводимой закономъ между этими двумя сопредѣльными государственными властями. У насъ на первый разъ судебная власть будетъ въ большомъ затрудненіи по этому предмету. Многіе, изъ вчерашнихъ распорядителей и даже начальниковъ, сегодня станутъ въ положеніе ревнивыхъ соперниковъ суда, и на первый разъ охотнѣе будутъ ему противодѣйствовать, нежели содѣйствовать,—во всякомъ случаѣ зорко будутъ слѣдить за его увлеченіями и ошибками, чтобы, гдѣ можно, на счетъ его возвыситься и усилиться или выставить его несостоятельность въ такомъ дѣлѣ, которое еще вчера состояло въ рукахъ или подъ надзоромъ властей административныхъ“.....

„Судебная власть у насъ—власть еще юная, не успѣвшая на самомъ дѣлѣ утвердить свой авторитетъ; многіе ей сочувствуютъ, но не всѣ понимаютъ ее и многіе готовы смотрѣть на нее ревнивымъ и подозрительнымъ взглядомъ. Напротивъ того, администрація сознала свою силу въ такую пору, когда понятіе о судѣ еще не выяснилось у насъ; она издавна привыкла наполнять своею дѣятельностью, своимъ усмотрѣніемъ и распоряженіемъ тѣ пустыя пространства, которыхъ еще не коснулось сознаніе закона, а такихъ пустыхъ мѣстъ и по введеніи новыхъ уставовъ останется у насъ не мало. Покуда судъ будетъ дѣйствовать размѣренно на одной, хоть и большой своей дорогѣ, не дерзая отступать отъ опредѣленій закона и распоряжаться по усмотрѣнію,—у администраціи будутъ въ распоряженіи тысячи проселочныхъ путей, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно, распоряжаясь по усмотрѣнію. Въ такихъ условіяхъ можно ли надѣяться, что при неминуе-

мыхъ столкновеніяхъ той и другой власти, тотчасъ же само собою возстановится нарушенное равновѣсіе и права суда сами собою выяснятся. Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, опасаться, что при неутвердившихся еще понятіяхъ о самой сущности судебной власти и объ отправленіяхъ ея органовъ, всякая ошибка, всякое увлеченіе со стороны новыхъ и неопытныхъ представителей новаго суда, поведутъ къ процессу, въ которомъ старыя силы найдутъ себѣ опору противъ силы новой и встрѣтятъ такихъ защитниковъ и ходатаевъ, съ которыми силѣ новой, даже во имя закона, смутно сознаваемаго въ самомъ обществѣ, трудно будетъ считаться. Не слѣдуетъ ли опасаться, что вслѣдствіе того самые Уставы, еще недостаточно заявивъ себя, могутъ подвергнуться преобразованію, вовсе не требующемуся сущностью дѣла".

Столкновенія были неизбѣжны до тѣхъ поръ, пока время не внесло обновленія въ личномъ составѣ административныхъ учрежденій, имѣвшихъ точки соприкосновенія съ судебной властью, и пока не сложилась нѣкоторая привычка къ новому порядку.

Однако, столкновенія, происходившія въ провинціальной жизни, пререканія, возникавшія „на проселочныхъ дорогахъ" по самымъ незначительнымъ поводамъ и между низшими органами государственной власти, подъ вліяніемъ личныхъ обидъ и раздраженій, иногда разростались до значенія событій. Отзвуки ихъ доходили и до Петербурга; свѣдѣнія о происшествіяхъ на низахъ пополняли тотъ матеріалъ, съ которымъ приходилось считаться и тѣмъ государственнымъ дѣятелямъ, въ рукахъ которыхъ было верховное управленіе Имперіей.

А между тѣмъ поводовъ для возобновленія вопроса о новой постановкѣ соотношенія между судомъ и администраціей представлялось не мало. Центральнымъ властямъ въ это время приходилось задумываться надъ необходимостью реформировать еще одну—и очень сложную—область законодательства, а именно устройство губернской администраціи, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого термина.

Желательность этого переустройства вызывалась тѣми перемѣнами, которыя произошли въ положеніи губернаторской власти, вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ. Введеніе въ дѣйствіе реформъ крестьянской и земской (за которой вскорѣ послѣ вступленія въ силу Уставовъ послѣдовала

и городская), образованіе новыхъ учрежденій—Государственнаго Контроля и финансовыхъ (акцизныхъ) управленій, развитіе сѣти управленій чисто спеціальныхъ, какъ напр. почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ и др., по единогласному свидѣтельству начальниковъ губерній [1]), видоизмѣнили значеніе губернаторской власти, центральной оси всего прежняго мѣстнаго устройства. Утратились единство и связь его, вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій (даже вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, какъ напр. почтовыя, не говоря уже о вѣдомствахъ постороннихъ, напр. о контрольныхъ учрежденіяхъ) оказались внѣ подчиненія губернатору, а другія были поставлены лишь въ очень слабую отъ него зависимость (какъ напр. учрежденія путей сообщенія, народнаго просвѣщенія). Всякая новая реформа „отрывала по клочку у губернаторской власти, передавая его въ руки вновь учрежденныхъ правительственныхъ или сословныхъ учрежденій“ [2]), а на всеобъемлющей власти губернатора покоился весь дореформенный правительственный строй.

Наканунѣ изданія Уставовъ 20 ноября, правда, были утверждены и нѣкоторыя мѣры, относящіяся до положенія полиціи и губернской администраціи, однако эти мѣропріятія не вносили существеннаго переворота въ сложившееся положеніе. Комиссіи, созванной еще въ 1859 году для разработки переустройства губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, не удалось довести порученнаго ей дѣла до конца, и во времена введенія въ дѣйствіе судебной реформы вопросъ объ этомъ преобразованіи оставался открытымъ.

Вслѣдствіе этого, при выработкѣ проектовъ снова открывалась возможность перерѣшить основной вопросъ о томъ, сохранять ли и впредь неукоснительное признаніе принципа равенства власти судебной и исполнительной, или предоставить послѣдней преобладаніе. При возникавшихъ тогда дебатахъ уже можно было пользоваться отечественнымъ опытомъ и въ подтвержденіе различныхъ взглядовъ приводить факты изъ окружавшей дѣйствительности. Взглядъ на основное начало раздѣленія властей предопредѣлялъ и детали проектовъ.

---

[1]) Эти отзывы губернаторовъ относятся къ 1869—1870 гг. См. „Матеріалы, собранные для Высочайше учрежденной комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій“. Отдѣлъ административный, часть III, стр. 38.

[2]) См. приведенные выше „Матеріалы“, стр. 41, слова тамбовскаго губернатора.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что осуществленіе судебной реформы произошло какъ разъ въ то время, когда во внутренней политикѣ сталъ обнаруживаться нѣкоторый переломъ. Различныя событія, въ частности покушеніе Каракозова (4 апрѣля 1866 г.), замедляли теченіе либеральныхъ начинаній первой эпохи царствованія Императора Александра Николаевича. Это обстоятельство оказывало несомнѣнное вліяніе и на отношеніе къ судебной власти; новое теченіе поддерживало защитниковъ усиленія власти губернатора (къ чему сводились всѣ проекты) и до нѣкоторой степени ослабляло голосъ защитниковъ судебной реформы.

Можно здѣсь же отмѣтить, что проекты полнаго преобразованія губернскаго строя не привели къ задуманному результату. Только нѣкоторыя мѣропріятія, постепенно назрѣвавшія во время работъ, получили тогда же осуществленіе, но далеко не всѣ изъ нихъ затрагивали положеніе судебной власти, гарантированное ей Уставами. Можно даже признать, что до восьмидесятыхъ годовъ принципъ независимости судебной власти выходилъ побѣдоносно изъ той глухой борьбы, которая велась вокругъ него; нѣкоторыя законодательныя измѣненія Уставовъ, происшедшія за это время, нельзя отнести къ существеннымъ потрясеніямъ основъ судебнаго устройства. Тѣмъ не менѣе необходимо остановиться на обозрѣніи возникшихъ въ этотъ періодъ законодательныхъ предположеній по переустройству губернскаго учрежденія, какъ потому, что они подготовили нѣкоторыя значительныя реформы, осуществленныя впослѣдствіи, такъ и потому, что они проливаютъ свѣтъ на взгляды вліятельныхъ дѣятелей этой эпохи и на теченія, существовавшія въ средѣ высшихъ, центральныхъ властей, и даютъ ясную картину той обстановки, съ которой приходилось считаться руководителямъ вѣдомства юстиціи, и которая вліяла на направленіе его дѣятельности.

Описаніе процесса размежеванія между судомъ и администраціей—одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ исторіи новаго судебнаго строя. Еще слишкомъ мало времени прошло, исторія еще не сказала своего заключительнаго слова, да и не можетъ высказать его по такимъ вопросамъ, которые служатъ предметомъ разговоровъ; слишкомъ еще многіе пункты сохраняютъ интересъ актуальности. Обширный матеріалъ, накопившійся въ архивахъ, почти вовсе не разработанъ, а матеріалъ, который можно

извлечь изъ рѣшеній высшихъ судебныхъ мѣстъ, изъ литературы и газетныхъ сообщеній, не освѣщенъ въ достаточной мѣрѣ научными изслѣдованіями.

Для краткой характеристики и для обзора этого процесса правильнѣе всего остановиться только на нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ и замѣтныхъ пунктахъ, привлекшихъ вниманіе современниковъ; при этомъ необходимо воспользоваться тѣми сужденіями, которыя являются обобщеніями фактовъ, оказавшихся въ полѣ наблюденія автора сужденій, хотя бы наблюденіе его и не отличалось объективностью. Наоборотъ, слишкомъ дробное изложеніе фактовъ можетъ дать только расплывчатую и неясную картину.

Въ настоящемъ очеркѣ отведено первое мѣсто обзору взглядовъ представителей администраціи, современниковъ реформы, и обзору разграниченія между судомъ и полиціей и вѣдомствами военнымъ и духовнымъ, съ которыми суды оказались сопредѣльными по нѣкоторымъ вопросамъ. Первые опыты такого размежеванія интересны не только какъ историческій матеріалъ, отошедшій въ область преданій и анекдота,—напротивъ, они наложили печать на многое въ послѣдующей исторіи судебнаго строя. Наиболѣе болѣзненные вопросы пришлось разрѣшить сразу же; такъ, напр., безъ установленія нѣкотораго modus vivendi съ полиціей, суды вообще не могли бы отправлять возложенныя на нихъ задачи.

Затѣмъ, въ видѣ иллюстраціи, ниже приведенъ разсказъ о тѣхъ столкновеніяхъ, которыя были вызваны двумя поводами—однимъ, который теперь можно считать ликвидированнымъ, а именно, вопросомъ о примѣненіи ст. 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и другимъ, сохранившимъ значеніе яблока раздора между судомъ и другими вѣдомствами и по сей день—вопросомъ о преданіи суду должностныхъ лицъ.

Эти примѣры мы избрали потому, что для характеристики отношеній между судомъ и администраціей наиболѣе важными представляются столкновенія между судомъ и администраціей, происходившія на почвѣ отправленія уголовнаго правосудія. Разумѣется, и разграниченіе вѣдомства судовъ и административныхъ учрежденій въ области гражданскаго процесса представляетъ само по себѣ очень большой интересъ, и въ исторіи нашего процессуальнаго строя практика, связанная, напр., со ст. 1 Уст. Гр.

Суд.—явленіе очень важное, однако эти предметы не такъ характерны для исторіи фактическаго обособленія властей, какъ напр., пререканія общихъ судебныхъ установленій съ военнымъ вѣдомствомъ или съ губернскими правленіями. Дѣловые споры о компетенціи бываютъ всегда и вездѣ, въ виду невозможности все предусмотрѣть въ законѣ; возникаютъ сомнѣнія и теперь, не устранимы они и въ будущемъ, но особую остроту пререканія имѣли тогда, когда суду предстояло отстоять „свое право на нѣкоторую пустоту", захваченную администраціей, или вытѣснить послѣднюю изъ области, составлявшей ея давнишній удѣлъ. При разграниченіи же вѣдомства судовъ гражданскихъ и административныхъ учрежденій, въ центрѣ вопроса стоитъ не столько споръ о власти этихъ установленій, сколько о квалификаціи того правоотношенія, изъ котораго вытекаетъ исковое требованіе. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства самъ подчеркиваетъ это въ словахъ 1 статьи, отсылающихъ къ судебному разбирательству споры о правѣ гражданскомъ. Уставъ принималъ дѣйствующее матеріальное право, какъ нѣчто данное и не подлежащее измѣненію, и создавалъ новое направленіе для тѣхъ дѣлъ, которыя и раньше должны были бы относиться къ категоріи гражданскихъ. Конечно, этимъ вносилась перемѣна въ прежній процессуальный порядокъ, но не создавалось почвы для острыхъ конфликтовъ.

Обозрѣвъ нѣкоторыя характерныя точки соприкосновенія суда и другихъ вѣдомствъ, слѣдуетъ остановиться на ходѣ законодательныхъ предположеній, которыя затрагивали созданное Уставами соотношеніе властей. Въ предстоящемъ обзорѣ разсмотрѣны только тѣ законодательныя мѣры, которыя касались съ одной стороны усиленія власти административной въ ущербъ судебной, а съ другой—содержали такія измѣненія въ Уставахъ, которыя должно опредѣлить не какъ развитіе основныхъ началъ реформы, а скорѣе какъ возвратъ къ прежнему, дореформенному порядку.

Въ этомъ отношеніи необходимо различать два періода. Первый, до 1881 г., охватывающій время царствованія Императора Александра II, не изобилуетъ измѣненіями въ Уставахъ, проводящими отрицательное отношеніе къ ихъ основнымъ началамъ. „Великолѣпный монументъ нашего времени", какъ назвалъ новые законы о судахъ А. В. Никитенко въ своихъ за-

пискахъ [1]), сохранялъ свой первоначальный видъ, за немногими измѣненіями, сдѣланными не въ стилѣ первообраза, и если жизнь заставляла иногда приспособляться къ чему то другому, то эти приспособленія представлялись даже ихъ авторамъ какъ бы временными пристройками, создаваемыми для опредѣленныхъ цѣлей и подлежащими устраненію тотчасъ же по достиженіи цѣли. Въ частности, основныя правила Уставовъ о независимости суда и его дѣятелей, о гласности его, объ участіи общественнаго элемента въ отправленіи правосудія, поскольку они опредѣлялись Уставами же,—въ малой степени были затронуты законодательствомъ. Усиленіе власти представителей администраціи, достигшее значительныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ исключительныхъ условій послѣдняго десятилѣтія того же царствованія, разсматривалось именно какъ внѣшняя пристройка, временная и не долговѣчная. Всѣ эти мѣропріятія не были введены въ составъ органическихъ правилъ, опредѣлявшихъ судебный строй.

Напротивъ, въ десятилѣтіе, слѣдующее за 1881 г., произведено много преобразованій въ устройствѣ судебной части. Въ нихъ нашло выраженіе то отрицательное отношеніе къ принципамъ Уставовъ, которое не получило практическаго осуществленія въ царствованіе Императора Александра II; новые законы касались именно самаго устройства судебной части.

Необходимо, наконецъ, оговорить, что при описаніи явленій и событій, составляющихъ предметъ настоящаго очерка, не всегда можно придерживаться строгой хронологической послѣдовательности и трудно устанавливать точныя границы „періодовъ".

II. Взгляды представителей администраціи на новый судебный строй. Отношеніе суда къ органамъ полиціи.

Остановимся прежде всего на характеристикѣ того настроенія, съ которымъ было встрѣчено введеніе новыхъ судовъ со стороны высшихъ представителей администраціи на мѣстахъ—со стороны начальниковъ губерній. Обособленіе судебной власти касалось ихъ ближе всего.

---

[1]) Записки и Дневникъ, изд. II, т. II, стр. 207 (5 декабря 1864 г.).

Въ началѣ дѣло шло гладко. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ правительственнаго сообщенія, напечатаннаго въ „Сѣверной Почтѣ“ (1867 г. № 2). Сообщеніе было направлено противъ слуховъ, будто нѣкоторыя правительственныя вѣдомства не сочувствуютъ судебной реформѣ и стараются парализовать ея дѣйствія, и заканчивалось утвержденіемъ, что эти слухи „проистекаютъ изъ источниковъ, совершенно чуждыхъ истинному значенію и истиннымъ пользамъ той реформы, которой благодѣтельныя послѣдствія, не смотря на частные недостатки, уклоненія или ошибки, одинаково признаются всѣми безъ исключенія правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются губернаторами всѣхъ губерній, гдѣ уже введены въ дѣйствіе новыя судебныя установленія“.

Однако, вскорѣ взглядъ губернаторовъ измѣнился. Для доказательства этого можно сослаться на очень поучительный и богатый матеріалъ, имѣющійся въ матеріалахъ комиссіи, которой была поручена въ 1870 году выработка преобразованія губернскихъ учрежденій. Комиссія запросила отзывы начальниковъ губерній по различнымъ вопросамъ мѣстнаго управленія и въ числѣ ихъ былъ и пунктъ объ отношеніи суда и администраціи [1]).

Сужденія губернаторовъ, присланныя въ концѣ 1870 г., т. е. вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе Уставовъ, нельзя разсматривать какъ замѣчанія, провѣренныя долговременнымъ опытомъ. Несомнѣнно, авторы ихъ нерѣдко высказывали свои отвлеченныя разсужденія по поводу текста Уставовъ; но все таки, новый судебный строй не представлялся уже чѣмъ то совершенно нежизненнымъ, такъ какъ о дѣятельности судовъ, хотя бы по разсказамъ и слухамъ, имѣли свѣдѣнія и размышляли о немъ начальники и такихъ губерній, гдѣ преобразованіе еще не было осуществлено въ полномъ объемѣ. Институтъ су-

---

[1]) См. „Матеріалы, собранные для Высочайше учрежденной комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, отдѣлъ административный“, часть III, „сводъ отзывовъ начальниковъ губерній о неудобствѣ существующей системы губернскаго управленія“. Отдѣленіе III „объ отношеніяхъ администраціи къ судебнымъ учрежденіямъ и прокурорскому надзору“, стр. 150—224; Отдѣлъ полицейскій, часть III, Отдѣленіе I— „сводъ отзывовъ начальниковъ губерній о неудобствахъ настоящаго устройства полиціи“ стр. 25—47. Систематизація сводовъ оставляетъ желать многаго; замѣчанія не распредѣлены по рубрикамъ и нѣтъ перечня губернаторовъ, отзывы которыхъ были затребованы. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, который предложилъ доставить отзывы губернаторовъ, помѣченъ 15 іюля 1870 г. (Матеріалы, Отдѣлъ административный, часть III, стр. 489).

дебныхъ слѣдователей былъ учрежденъ за нѣсколько лѣтъ до осуществленія реформы, а институтъ выборныхъ мировыхъ судей также былъ введенъ въ дѣйствіе во многихъ мѣстностяхъ раньше общей реформы, но лица, призванныя къ этимъ обязанностямъ, дѣйствовали уже въ духѣ новаго порядка. Однимъ словомъ, отзывы, изъ которыхъ ниже заимствованы нѣкоторыя сужденія, являются прекраснымъ выразителемъ настроенія провинціальныхъ административныхъ круговъ.

Настроеніе это нельзя назвать дружественнымъ; непріязнь къ новому строю сквозитъ во всѣхъ отзывахъ, даже въ тѣхъ, гдѣ прямо подчеркнуто сознаніе пользы новой организаціи судебной власти (напр. отзывъ херсонскаго губернатора), или отмѣчено, что между судами и администраціей въ губерніи установились наилучшія отношенія (напр. отзывъ ярославскаго губернатора). Одинъ предметъ вызвалъ единодушное осужденіе начальниковъ губерній— подчиненіе полиціи прокурорскому надзору и судамъ. Не касаясь пока здѣсь этого самаго больного вопроса, обратимся къ другимъ, отмѣченнымъ въ замѣчаніяхъ губернаторовъ.

Прежде всего личное положеніе губернатора, представителя высшей власти въ губерніи, казалось многимъ начальникамъ губерній умаленнымъ Судебными Уставами. Губернатору не предоставлено права официально посѣщать судебныя установленія во время засѣданій. Ему не отведено особаго мѣста, хотя бы напр. въ оградѣ, за которой сидятъ судебные чины, не участвующіе въ засѣданіяхъ (замѣчанія орловскаго и вятскаго губернаторовъ). Губернаторъ—первенствующее лицо въ губерніи, а между тѣмъ, по ст.ст. 243 Уст. Уг. Суд., 249, 1316, 1321 Уст. Гр. Суд., онъ является только членомъ присутствій, которыя образуются подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя палаты для разрѣшенія пререканій о подсудности между судебными и правительственными установленіями или по дѣламъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства. Второстепенное мѣсто, отводимое губернатору въ этихъ присутствіяхъ, несовмѣстимо ни съ духомъ законодательства, ни съ буквальнымъ выраженіемъ Высочайшаго повелѣнія, изложеннаго въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября 1866 года. Если необходимо участіе губернатора въ этого рода присутствіяхъ, то ему должно быть предоставлено

предсѣдательствованіе (отзывы харьковскаго, казанскаго, екатеринославскаго, владимірскаго и др. губернаторовъ). По тѣмъ же соображеніямъ орловскій губернаторъ предлагалъ воспретить губернаторамъ принимать званіе мирового судьи въ своей губерніи, „ибо губернатору не прилично находиться подъ чьимъ либо предсѣдательствомъ въ губернскомъ или уѣздномъ присутственномъ мѣстѣ, а также подвергаться возможности примѣненія къ нему дисциплинарныхъ взысканій по судебному вѣдомству". Аналогичныя неудобства отмѣчалъ екатеринославскій губернаторъ по поводу состава присутствія, образуемаго въ губернскомъ правленіи для освидѣтельствованія лицъ, страдающихъ разстройствомъ умственныхъ способностей, ибо согласно Высоч. утв. мн. Гос. Совѣта 16 мая 1869 г., предсѣдателя окружного суда могутъ замѣнять его товарищъ или одинъ изъ членовъ суда. Члены суда въ засѣданіяхъ присваиваютъ себѣ старшинство передъ вице-губернаторомъ, ссылаясь на то, что замѣщаемый ими предсѣдатель суда состоитъ въ IV, а вице-губернаторъ въ V классѣ. Несовмѣстима съ положеніемъ губернатора и подсудность его по его частнымъ дѣламъ мировымъ судьямъ (мнѣніе орловскаго губернатора); отъ изъятія губернатора и начальниковъ отдѣльныхъ частей отъ подсудности мировымъ установленіямъ „правосудіе и равноправность не нарушатся, а только лица, поставленныя Высочайшею властью для управленія губерніи, освободятся отъ оскорбленій, посмѣяній и глумленія публики, которую мировой судья можетъ увеселять, дѣлая облеченному властію лицу разные оскорбительные вопросы подъ предлогомъ разбирательства дѣла" (отзывъ вятскаго губернатора) [1]). Совершенно излишнимъ представлялось псковскому

---

[1]) Въ этой связи можно упомянуть жалобы (въ 1868 г.) петербургскаго оберъ-полиціймейстера Трепова на то, что судебные слѣдователи постоянно вызывали его въ качествѣ свидѣтеля и притомъ по такимъ дѣламъ, гдѣ совершенно достаточно было письменныхъ объясненій, имъ своевременно доставленныхъ; въ иной день его вызывали единовременно нѣсколько слѣдователей. Министръ юстиціи распорядился черезъ прокурора палаты, чтобы слѣдователи соблюдали мѣру въ этомъ отношеніи, но и этотъ циркуляръ не сразу возымѣлъ дѣйствіе; одинъ изъ слѣдователей все таки вызвалъ Трепова (по дѣлу объ оскорбленіи въ печати управляющаго рѣчной полиціи), когда въ сущности—это подтвердилъ и прокуроръ—никакой необходимости въ вызовѣ не было. См. дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 991 (Сен. Арх.). Въ 1875 году управляющій акцизными сборами Тверской губерніи также жаловался на вызовы въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, но при дальнѣйшемъ разслѣдованіи выяснилось, что былъ онъ вызванъ въ судъ всего одинъ разъ за 8 лѣтъ и Общее Собраніе I и касс. деп. Сената не нашло основаній для

губернатору право судебныхъ приставовъ прибѣгать къ содѣйствію военной силы по своему произволу (путемъ непосредственныхъ сношеній съ военными властями, опираясь на ст. 366 Учр. Суд. Уст.), ибо это право, „оставаясь въ рукахъ низшихъ чиновниковъ, можетъ примѣняться во вредъ обществу въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ и безъ видимой нужды". Начальникъ Орловской губерніи и въ этомъ усматривалъ умаленіе власти губернатора: соотвѣтствующія статьи Уставовъ, по его мнѣнію, надлежало бы разъяснить въ томъ смыслѣ, что о движеніи войска должно п р о с и т ь губернатора, отъ котораго вполнѣ зависитъ исполнить или не исполнить такую просьбу.

Очень многіе начальники губерній въ такомъ обособленіи власти судебной отъ административной, какое проводилось Уставами 20 ноября 1864 г., усматривали крупный недостатокъ, именно въ виду того, что судебное вѣдомство оказалось изъятымъ отъ надзора губернатора. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 22 іюля 1866 г. (п. II) губернаторамъ былъ предоставленъ голосъ при замѣщеніи низшихъ должностей въ административныхъ губернскихъ учрежденіяхъ, но это право не распространено на учрежденія судебныя. „Нѣтъ причинъ давать въ этомъ отношеніи преимущество, напр., предъ управляющимъ казенною палатою, хотя бы предсѣдателю окружного суда", замѣчалъ по тому поводу орловскій губернаторъ, д. с. с. Лонгиновъ. А такой контроль особенно необходимъ по отношенію къ лицамъ, опредѣляемымъ по вольному найму въ канцеляріи мировыхъ установленій, какъ указывалъ вятскій губернаторъ, д. с. с. Чарыковъ. Губернатору не предоставлено никакого контроля надъ кандидатами въ мировые судьи—онъ, правда, можетъ провѣрять списки лицъ, могущихъ быть избранными въ это званіе, но списки уже избранныхъ представляются въ Сенатъ на утвержденіе непосредственно предсѣдателями губернскихъ земскихъ собраній (отзывъ полтавскаго губернатора). Такое же право надзора должно быть признано за губернаторами и относительно лицъ, помѣщаемыхъ въ списки присяжныхъ засѣдателей, ибо при существовавшемъ порядкѣ просмотръ губернаторомъ этихъ списковъ являлся ни къ чему

измѣненія порядка вызова управ. акцизными сборами въ качествѣ свидѣтелей или свѣдующихъ лицъ (рѣш. Общ. Собранія I и касс. департ. 1875 г., № 50).

не нужной формальностью: губернаторъ долженъ имѣть право исключать изъ этихъ списковъ лицъ, которыхъ онъ признаетъ неблагонадежными. Дѣятельность новыхъ судебныхъ установленій также совершенно неправильно освобождена отъ надзора губернатора. „Что дѣлать губернатору, когда ему безпрестанно заявляютъ о томъ, что мировой судья обираетъ и праваго и виновнаго, не стѣсняясь никакими приношеніями, а между тѣмъ ни прокурорскій надзоръ, ни мировой съѣздъ не обращаютъ на это никакого вниманія", спрашивалъ владимірскій губернаторъ. Каково положеніе губернатора, если при обозрѣніи губерніи къ нему обращаются просители („конечно, изъ бѣднаго класса населенія") съ ходатайствами, которыя подлежатъ разбору мировыхъ судей, и губернатору, принявшему на себя разъяснить просителямъ, что имъ слѣдуетъ обратиться къ судьямъ, послѣдуетъ отвѣтъ, что „къ мировому судьѣ идти незачѣмъ, потому что онъ боленъ, а болѣзнь, на которую намекаютъ просители, иногда оказывается просто нетрезвостью". Губернатору, убѣжденному внутренно въ справедливости выслушаннаго, не предоставленъ даже починъ въ обличеніи такихъ злоупотребленій передъ той властью, отъ которой зависятъ эти лица (замѣчанія костромского губернатора).

По отзыву рязанскаго губернатора, напрасно производство слѣдствій изъято отъ вліянія губернаторовъ, которые должны заботиться и объ интересахъ казны и объ интересахъ всѣхъ обитателей губерніи, „очевидно, страдающихъ при продолжительномъ содержаніи подъ стражею обвиняемыхъ". Губернской администраціи должно быть предоставлено право требовать доставленія свѣдѣній по дѣламъ судебнаго слѣдствія. Это право, „не нарушая самостоятельности и независимости суда, способствовало бы только единству и связи дѣлъ въ учрежденіяхъ, которыя всѣ суть органы одного и того же правительства" (отзывы рязанскаго и орловскаго губернаторовъ). Въ Уставахъ нигдѣ не говорится, чтобы предсѣдатель суда или прокуроръ по запросамъ губернатора обязаны были давать ему необходимыя справки, и изъ этого иногда возникали непріятныя для губернатора переписки. Такъ, напр., полтавскій губернаторъ при осмотрѣ крайне переполненныхъ тюремъ замѣтилъ, что арестантскіе билеты не удостовѣрены ничьей подписью, а въ графѣ, „гдѣ и съ какого времени производится объ арестантѣ дѣло и въ какомъ поло-

женіи оно находится, встрѣчались отмѣтки неопредѣлительныя и неточныя". Губернаторъ счелъ необходимымъ сообщить это обстоятельство по принадлежности прокурорамъ судебной палаты и окружнаго суда, „съ покорнѣйшею просьбою почтить его увѣдомленіемъ, дѣйствительно ли дѣла находятся на разсмотрѣніи тѣхъ мѣстъ и лицъ, какъ показано въ билетахъ, и въ какомъ они положеніи". Но прокуроръ Харьковской палаты отвѣтилъ ему, что, по силѣ ст.ст. 249—260, надзоръ за судебными установленіями принадлежитъ высшимъ судебнымъ мѣстамъ и министру юстиціи, а на бумаги, посланныя прокурору окружнаго суда, товарищъ его увѣдомилъ, что эти бумаги оставлены прокуроромъ безъ отвѣта. Министерство Юстиціи, къ которому обратился обиженный губернаторъ, поддержало прокуроровъ, сообщивъ губернатору, что было бы весьма полезнымъ, если бы онъ о всемъ замѣченномъ „доводилъ только до свѣдѣнія прокурорскаго надзора". Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ губернатора, ибо, какъ онъ полагалъ, исполненіе желанія министерства „было бы равносильно добровольному подчиненію губернатора прокурорскому надзору".

Екатеринославскій губернаторъ сообщилъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ воздѣйствовать на мировыхъ судей, въ видахъ ускоренія разбора споровъ лѣсопромышленниковъ съ рабочими, находящимися при плотахъ и судахъ, прогоняемыхъ съ верховьевъ Днѣпра въ Херсонъ. Въ другой разъ, по его словамъ, съѣздъ отказался принять во вниманіе указаніе губернскихъ гласныхъ на желательность разсмотрѣнія внѣ очереди дѣлъ о нарушеніи санитарныхъ правилъ, а это ускореніе было очень желательно, въ виду угрожавшей холерной опасности. Оказывалось, однимъ словомъ, что „удовлетвореніе нуждъ населенія... при настоящихъ условіяхъ не всегда во власти губернатора. Поэтому признавалось бы необходимымъ установить такія отношенія между губернаторомъ и судомъ, при которыхъ дѣятельность послѣдняго, въ случаяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ благосостояніемъ края, подлежала бы извѣстному контролю и направленію со стороны губернатора". По словамъ тверского губернатора, окружный судъ не считался съ требованіями губернскаго правленія, когда послѣднее просило судъ возвратить указъ Сената, неправильно отосланный въ судъ; требованія были оставлены безъ отвѣта и со стороны суда и со стороны его предсѣдателя.

Тамбовскій губернаторъ указывалъ, что сообщенія начальника губерніи о безпорядкахъ, замѣченныхъ имъ по другимъ вѣдомствамъ, весьма рѣдко приводятъ къ преслѣдованію и большею частью принимаются ближайшимъ начальствомъ „весьма неблагосклонно, какъ неумѣстное вмѣшательство начальника губерніи въ чужія дѣла". Такъ, напр., одинъ мировой судья долгое время „злоупотреблялъ своею властью"; отдѣльные случаи этого злоупотребленія обыкновенно не доходили до надлежащаго начальства, а губернаторъ, имѣя объ этомъ свѣдѣнія, не могъ прекратить злоупотребленій судьи. Судебный слѣдователь подвергъ личному задержанію уѣзднаго исправника по прикосновенности его къ общему преступленію, и губернаторъ не только не могъ остановить такое дѣйствіе слѣдователя, несмотря на то, что убѣжденъ былъ въ невинности исправника, но самъ подвергся нареканіямъ, вслѣдствіе жалобы слѣдователя о вмѣшательствѣ, будто бы, губернатора въ неподвѣдомственное ему дѣло. Отсюда губернаторъ выводилъ, что необходимо начальнику губерніи предоставить право личнаго преслѣдованія открываемыхъ имъ противозаконій служащихъ въ губерніи чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и постановить, чтобы слѣдователи не имѣли права безъ разрѣшенія губернатора ни привлекать къ слѣдствію должностныхъ лицъ, подчиненныхъ губернатору, ни подвергать ихъ личному задержанію или домашнему аресту, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ ст. 419 Уст. Уг. Суд.

Одесскій градоначальникъ отмѣчалъ, что прокурорскій надзоръ нерѣдко возбуждаетъ преслѣдованія по разнымъ серьезнымъ преступленіямъ и не доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія градоначальника, который такимъ образомъ остается въ невѣдѣніи того, что происходитъ въ предѣлахъ его вѣдомства.

Изъ этихъ отзывовъ ясно то направленіе реформы губернскаго строя, которое представлялось желательнымъ для многихъ начальниковъ губерній, а именно установленіе непосредственнаго надзора надъ дѣятельностью судебныхъ учрежденій со стороны губернаторовъ и предоставленіе имъ права непосредственно же вліять на ходъ дѣлъ, производящихся въ этихъ учрежденіяхъ.

Многіе изъ начальниковъ губерній старались избѣгать въ своихъ отзывахъ словъ „надзоръ за судебными установленіями", даже оговаривали спеціальныя изъятія отъ всякаго контроля

для этихъ учрежденій, но въ сущности предлагали установить именно надзоръ. Полное обособленіе суда и администраціи, одно изъ самыхъ коренныхъ основаній преобразованнаго судебнаго строя, въ ихъ глазахъ представлялось крупнѣйшимъ недостаткомъ реформы.

Изъ приведенныхъ замѣчаній видно, что особое вниманіе начальниковъ губерній привлекъ институтъ мировыхъ судей. Во всѣхъ, почти безъ исключенія, отзывахъ сквозитъ неодобрительное, чтобы не сказать прямо враждебное, отношеніе къ нему, и напротивъ, ни въ одномъ не приведено фактовъ или замѣчаній, свидѣтельствующихъ, если не о хорошихъ его сторонахъ, то хотя бы объ относительныхъ его достоинствахъ, по сравненію съ дореформенными учрежденіями. Нѣкоторые губернаторы не ограничивались сообщеніемъ отдѣльныхъ фактовъ, а сочли необходимымъ остановиться на немъ подробнѣе и высказать общій взглядъ на этотъ институтъ. Особенно опредѣленно формулировалъ свое воззрѣніе костромской губернаторъ (Доргобужиновъ) [1]). Онъ не взялъ на себя рѣшить вопросъ, „въ какой степени полезна на первыхъ же порахъ абсолютная независимость провинціальныхъ мировыхъ судей въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе не пережило еще своего дѣтскаго возраста, въ странѣ, гдѣ, въ силу неблагопріятныхъ экономическихъ и другихъ условій, во многихъ мѣстностяхъ собственно и нѣтъ той среды, которую принято называть обществомъ, а есть только жители, въ странѣ, гдѣ не только низшій, но и средній классъ не въ состояніи усвоить себѣ понятіе о различіи апелляціонной и кассаціонной жалобы, а просто по старинѣ „бьютъ челомъ“, и гдѣ адвокатура въ рукахъ ходатаевъ и приказныхъ“. Онъ считалъ своей обязанностью, по совѣсти, съ полной откровенностью, сообщить о тѣхъ пробѣлахъ, которые уменьшаютъ пользу реформы, и такимъ пробѣломъ представлялся ему выборный судъ. „Весь складъ еще недавнихъ русскихъ порядковъ былъ таковъ, что духъ личнаго произвола, вкоренившійся всюду, гдѣ устанавлялось властное положеніе, не могъ не проникнуть въ нѣкоторой степени и во вновь созданный институтъ мировыхъ судей, мѣста коихъ покуда нерѣдко замѣщаются бывшими исправниками, чаще отставными военными и почти никогда людьми

[1]) См. „Матеріалы“. Отдѣлъ административный, часть III, отд. 1, стр. 70.

той среды, честолюбіе коихъ, удовлетворяясь результатами собственной дѣятельности и уваженія, внушаемаго самою личностью, не нуждалось бы въ преимуществахъ офиціальнаго положенія". Въ этихъ словахъ костромского губернатора кратко и даже сравнительно мягко выражено то отрицательное отношеніе къ мировымъ установленіямъ, которое вызвало очень ѣдкія замѣчанія другихъ начальниковъ губерній.

Теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, трудно отыскать причины этого отношенія. Едва ли въ глазахъ губернаторовъ могло имѣть рѣшающее значеніе то обстоятельство, что мировые судьи „избирались", такъ какъ институтъ „выборныхъ" судей былъ давно извѣстенъ нашему законодательству. Конечно, и составъ избирающей коллегіи по старому порядку сильно отличался отъ новыхъ земскихъ учрежденій, и кругъ избираемыхъ лицъ также мало имѣлъ общаго съ контингентомъ мировыхъ судей, но принципъ „избранія", а не „назначенія", самъ по себѣ ничего непривычнаго не представлялъ. Едва ли и недостатки дѣятельности мировыхъ установленій могли вызвать такія желчныя сужденія. На первыхъ шагахъ своей дѣятельности мировые судьи дѣлали много ошибокъ, этого не отрицали ни защитники ихъ въ литературѣ [1]), ни представители судебнаго вѣдомства, въ своихъ отзывахъ. Мировые судьи по неопытности возбуждали напрасныя пререканія о подсудности, передавали прокурорскому надзору дѣла, которыя подлежали ихъ разсмотрѣнію. По разнообразнымъ причинамъ личный составъ мировыхъ судей не всегда былъ удовлетворительный. Въ иныхъ судебныхъ округахъ ни одинъ изъ судей не обладалъ юридическимъ образованіемъ и въ виду отсутствія юридической подготовки, нѣкоторые изъ судей оказывались въ полной зависимости отъ своихъ письмоводителей, „большею частью изъ старыхъ выгнанныхъ со службы чиновниковъ". Но, какъ справедливо указывали прокуроры, сообщившіе эти замѣчанія, недостаточная подготовка мировыхъ судей и происходящее отъ того отсутствіе энергіи и привычки къ самостоятельному труду—недостатки преходящіе и съ устраненіемъ ихъ „со временемъ не будетъ такихъ мировыхъ судей, которые вслѣдствіе обаянія предоставленной имъ почти безкон-

[1]) См., напр. (Головачевъ), Десять лѣтъ реформъ „Вѣстникъ Европы" 1872 т. III, 296. Ср. также изъ обществ. хроники „Вѣстника Европы" 1886 г., X, стр. 866.

трольно власти, или по не совсѣмъ точному, а иногда и совершенно превратному взгляду на законную равноправность всѣхъ предъ судомъ, или, наконецъ, по непростительному для судьи желанію блеснуть какою то ребяческою независимостью, вели свои засѣданія и постановляли приговоры не только въ разрѣзъ общепринятымъ понятіямъ и обычаямъ, но даже и въ разрѣзъ дѣйствительнымъ требованіямъ закона и справедливости" [1]).

Вѣроятно, реальная независимость выборныхъ судей отъ администраціи, прежнему порядку совершенно неизвѣстная, иногда безтактно подчеркиваемая въ личныхъ сношеніяхъ съ представителями администраціи, и была тѣмъ обстоятельствомъ, которое вызывало субъективное раздраженіе начальниковъ губерній, не привычныхъ къ подобнаго рода явленіямъ.

Какъ бы то ни было, на эти части отзывовъ губернаторовъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Съ нихъ начинается та борьба, которая въ теченіе 25 лѣтъ непрерывно шла противъ института выборныхъ судей и привела въ 1889 г. къ временному его упраздненію.

Вторымъ пунктомъ, вызвавшимъ столь же единогласныя и еще болѣе рѣшительныя нападенія губернаторовъ, было установленное новымъ законодательствомъ отношеніе судебныхъ властей къ полиціи. Полиція съ давнихъ поръ признавалась непосредственнымъ сотрудникомъ губернатора, и въ прежнее время у особенно патріархальныхъ правителей находилась на положеніи домашней прислуги.

Естественно, что предоставленіе прокуратурѣ и суду права въ нѣкоторыхъ предѣлахъ распоряжаться полицейскими чинами вызвали энергичные протесты со стороны представителей администраціи [2]).

Они указывали, что чины судебнаго вѣдомства слишкомъ широко пользуются своимъ правомъ возлагать порученія по дѣ-

---

[1]) Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 г., стр. 45; см. также стр. 22. Изъ содержанія замѣчаній можно заключить, что они относятся къ 1868—1869 гг.; на заглавномъ листѣ годъ не обозначенъ.

[2]) При представленіи А. Ѳ. Кони въ должности прокурора Казанскаго окружнаго суда бывшему въ то время въ Казани губернатору Скарятину, послѣдній заявилъ, что не можетъ оставаться на службѣ при новыхъ судахъ. „Теперь новые суды, говорилъ онъ, и прокуроры имѣютъ право дѣлать предостереженіе моимъ чиновникамъ и даже въ судъ ихъ тащить. Значитъ у нихъ два начальства? Да они меня въ грошъ ставить не будутъ! Какой же я послѣ этого начальникъ губерніи". (А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути, т. I, СПБ., 1912, стр. 199).

ламъ судебнаго свойства, по врученію повѣстокъ, производству розысковъ и дознаній, собранію свѣдѣній и объявленію рѣшеній. Эти порученія, по большей части спѣшныя, отнимали у полицейскихъ чиновъ столько времени, что имъ приходилось откладывать исполненіе дѣлъ, входящихъ въ кругъ непосредственныхъ обязанностей. Эти замѣчанія повторены во всѣхъ отзывахъ губернаторовъ и несомнѣнно во многомъ основательны. Число полицейскихъ чиновъ было недостаточно и, разумѣется, имъ было трудно, даже при искреннемъ желаніи, справиться съ большимъ количествомъ новой работы. Однако, для правильной оцѣнки замѣчаній губернаторовъ не слѣдуетъ забывать и того, что увеличеніе работы полицейскихъ чиновъ стояло въ связи не съ измѣненіемъ законодательства. Напротивъ, съ упраздненіемъ судебно-полицейскаго разбирательства съ полиціи было снято производство многихъ дѣлъ различнаго характера. Къ мировымъ судьямъ отошло разбирательство проступковъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, нѣкоторыхъ нарушеній питейнаго и паспортнаго уставовъ, „судъ надъ бездолжностными и отставными военными и гражданскими чиновниками, обращающимися въ пьянствѣ, буйствѣ и распутствѣ"; сократились ея обязанности по исполненію приговоровъ, которыя отчасти перешли къ судебнымъ приставамъ. Прекратилась также дѣятельность полиціи по дѣламъ гражданской юрисдикціи, а именно по дѣламъ о неисполненныхъ договорахъ и обязательствахъ, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и возвращеніи отнятаго самовольно; о вознагражденіи за ущербъ и убытки, о личныхъ обидахъ; значительно уменьшилась ея дѣятельность по вызову сторонъ на судъ и по исполненію судебныхъ рѣшеній—наложеніе запрещенія и ареста, опись, оцѣнка, продажа имуществъ, вводы во владѣніе недвижимостями и пр.—всѣ эти дѣйствія перешли къ судебнымъ приставамъ и исполнялись послѣдними [1]). Обязанности полиціи по судебной части, предусмотрѣнныя Уставами, не содержали никакого новшества, онѣ существовали и при прежнемъ судебномъ строѣ, когда полиція производила дознаніе и слѣдствіе, вызывала участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, вручала различныя объявленія и пр.

---

[1]) Подлежащія статьи Свода Законовъ приведены въ цит. „Матеріалахъ". Отдѣлъ полицейскій, часть I, отдѣленіе 3, стр. 205.

Однимъ словомъ, отмѣчаемое начальниками губерній обремененіе полиціи дѣлами произошло не отъ перемѣнъ въ законодательной постановкѣ, а отъ болѣе внимательнаго надзора за ея дѣятельностью. Надзоръ со стороны прокуратуры, слѣдователей и судей оказался гораздо болѣе ощутительнымъ, чѣмъ прежнее наблюденіе со стороны своихъ же людей, сидѣвшихъ въ дореформенныхъ судебныхъ установленіяхъ.

Благодаря новому порядку судопроизводства, полиція оказалась подъ контролемъ суда, если и не формальнымъ, то—по сравненію съ прошлымъ временемъ—весьма осязательнымъ. На судѣ, въ качествѣ обвинителя, полицейскіе чины были только „стороной", такой же стороной, какъ и обвиняемый ими обыватель, и должны были убѣдить судъ въ правильности возбуждаемаго обвиненія. Протоколы и акты, составленные полиціей въ прежнія времена, когда она же опредѣляла взысканіе, какъ бы являлись частью рѣшенія, были просто мотивами резолютивной части его, и въ этомъ смыслѣ служили документомъ непререкаемой убѣдительности. А въ новомъ мировомъ судѣ они имѣли значеніе такого же доказательства, какъ и всякое другое, значеніе утвержденія стороны, съ которымъ судья могъ и не согласиться. Такая перемѣна, переходъ отъ положенія хозяина къ положенію какъ бы подотчетнаго приказчика, не могла не вызвать недовольства со стороны заинтересованныхъ чиновъ, и въ отзывахъ губернаторовъ поэтому отводится много мѣста доказыванію необходимости признать за актомъ, составленнымъ полиціей, какъ бы силу формальнаго доказательства (отзывы губернаторовъ орловскаго, рязанскаго, курскаго и многихъ другихъ, гдѣ эта мысль выражена въ различныхъ формулахъ). Въ связи съ такимъ подчиненнымъ положеніемъ на судѣ стоятъ и нареканія полицейскихъ чиновъ на то, что судьи недостаточно предупредительны, что дѣла разбираются медленно, что приходится тратить много времени въ камерахъ мировыхъ судей. „Изъ всего этого выходитъ, что полицейскіе чиновники, избѣгая напрасной потери дорогого для нихъ времени, стараясь не ставить себя въ униженное положеніе и не желая подвергаться обвиненіямъ въ недобросовѣстности, избѣгаютъ составленія актовъ" (слова орловскаго губернатора). Въ общемъ итогѣ своихъ разсужденій многіе губернаторы съ большей или меньшей

подробностью и настойчивостью доказывали необходимость возстановить прежнюю полицейскую юрисдикцію.

И, наконецъ, самымъ болѣзненнымъ изъ всѣхъ этихъ больныхъ вопросовъ было дисциплинарное подчиненіе полиціи судебнымъ органамъ, выражавшееся въ правѣ мировыхъ судей объявлять ей предостереженія и въ правѣ прокуратуры, сверхъ этого, предлагать дѣйствія полиціи на обсужденіе суда и возбуждать дисциплинарное производство. Это право судебнаго вѣдомства разсматривалось полиціей какъ особое униженіе. Хотя „предостереженіе“, т.-е. просто нѣчто въ родѣ совѣта, не влекло за собой никакихъ реальныхъ послѣдствій, но въ немъ выражалось нѣкоторое іерархическое превосходство суда надъ полиціей, „невыносимое“ для чиновниковъ, которые принимали предостереженія за личныя обиды. Объ этомъ правѣ мировыхъ судей объявлять предостереженія писали болѣе или менѣе пространно всѣ губернаторы, доказывая, что оно является источникомъ вражды и раздора, что оно лишаетъ полицейскую дѣятельность самостоятельности и роняетъ ея значеніе въ глазахъ населенія. Законъ не опредѣлялъ точнѣе, какіе именно изъ полицейскихъ чиновъ подлежали такой дисциплинарной отвѣтственности, и поэтому мировые судьи иногда объявляли предостереженія исправникамъ, которые съ такимъ положеніемъ мириться не желали. Если, какъ указывали нѣкоторые губернаторы, было признано необходимымъ поставить судъ въ положеніе, независимое отъ администраціи, то слѣдовало и полицію оградить отъ подчиненія судебнымъ властямъ, къ тому же такимъ непопулярнымъ среди полиціи, какъ выборные мировые судьи.

Судя по тому единодушію, съ которымъ губернаторы осуждали установленное новымъ законодательствомъ отношеніе мировой юстиціи и полиціи, слѣдуетъ предполагать, что дѣйствительно оно было нормировано не совсѣмъ удачно. Составители Уставовъ не считались съ тѣмъ неудовольствіемъ (или не предугадали его), которое вызвало на практикѣ такое „подчиненіе“, и достигли раздора тамъ, гдѣ ожидали создать единство. Едва ли это право мировыхъ судей объявлять предостереженія принесло сколько нибудь реальную пользу для дѣла, но несомнѣнно, что институту мировыхъ судей оно сильно повредило. Оно привлекало недоброжелательное вниманіе противниковъ обновленнаго судеб-

наго строя и значительно дискредитировало институтъ выборныхъ судей въ глазахъ высшихъ государственныхъ установленій.

Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что Уставы, въ сущности, не вводили никакого особеннаго новшества въ область дисциплинарнаго соотношенія между установленіями, называемыми „судебными“ и полиціей. И до реформы полиція была въ подчиненіи учрежденій, предназначенныхъ для отправленія правосудія—уѣздныхъ судовъ и палатъ. Эти учрежденія могли въ порядкѣ административномъ налагать на полицію взысканія болѣе строгія, чѣмъ предостереженія. По Уставамъ, выговоры и замѣчанія объявляются полиціи черезъ ея начальство, а всѣ остальныя взысканія налагаются только по суду. Такимъ образомъ, въ смыслѣ формальныхъ гарантій Уставы давали больше, чѣмъ прежнее законодательство [1]). Но, вѣроятно, карательная власть губернскихъ правленій была менѣе чувствительна, чѣмъ надзоръ новыхъ судебныхъ установленій и во всякомъ случаѣ она осуществлялась менѣе часто и была болѣе привычной.

Въ заключеніи обзора отзывовъ, поступившихъ изъ губерній, слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько болѣе раннюю по времени записку псковскаго губернатора, представленную имъ еще въ 1865 г., т. е. еще до введенія Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе, и касающуюся усиленія средствъ полиціи въ этой губерніи. Записка эта любопытна не по содержащимся въ ней мыслямъ объ отношеніяхъ суда и администраціи—въ ней изложены приблизительно тѣ же соображенія, какъ и въ отзывахъ другихъ губернаторовъ,—она интересна по личности ея автора. Губернаторомъ въ Псковѣ въ то время былъ графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ, въ 1867 году поставленный во главѣ вѣдомства юстиціи. „Преобразованіе судебной части“, говорится [2]) въ его запискѣ, „имѣло цѣлью возвысить судебную власть и дать ей надлежащую самостоятельность, причемъ случайно или намѣренно полицейская власть совершенно подчинена судебной“. Гр. Паленъ далѣе подробно перечисляетъ постановленія, дающія возможность судебнымъ учрежденіямъ непосредственно вліять на по-

[1]) Министерство Юстиціи съ полнымъ основаніемъ указывало на это обстоятельство въ представленіи въ Государственный Совѣтъ объ измѣненіи ст. 53 Уст. Уг. Суд. Арх. Гос. Сов., дѣло Департамента Законовъ 1879 г. № 55.

[2]) Записка гр. Палена напечатана въ цитированныхъ уже „Матеріалахъ“. Отдѣлъ полицейскій, часть I, Отд. IV, стр. 124—137, см. особенно стр. 126—129.

лицію, право давать ей порученія, объявлять предостереженія, указываетъ на контроль надъ жалобами полиціи по ст. 145 и пр., и заключаетъ, что въ будущемъ „вліяніе полиціи еще болѣе ослабляется, вслѣдствіе полной зависимости полицейской власти отъ судебной". Для лучшаго устройства полиціи необходимо „огражденіе" отъ ослабленія ея судебнымъ вѣдомствомъ.

Опредѣленныхъ фактовъ въ подтвержденіе своихъ мыслей графъ Паленъ не могъ привести, ибо въ 1865 г. новые суды еще нигдѣ не были введены въ дѣйствіе, но отношеніе его къ новому порядку съ достаточною ясностью сквозитъ въ отдѣльныхъ словахъ записки. Впрочемъ, будучи министромъ юстиціи, гр. Паленъ проводилъ этотъ свой взглядъ не съ полной послѣдовательностью.

Не довольствуясь представленіемъ такихъ отзывовъ въ Петербургъ, провинціальная администрація пыталась время отъ времени собственными силами свести на нѣтъ дисциплинарную власть суда надъ чинами полиціи, виновными въ упущеніяхъ по слѣдственной части. Напр., Воронежскій окружный судъ опредѣлилъ объявить новохоперскому уѣздному исправнику Колиньи выговоръ за безпорядки по слѣдственной части и сообщилъ объ этомъ губернскому правленію, но послѣднее вошло въ сужденіе о правильности означеннаго опредѣленія и, по выраженію Сената, дало дѣлу „ненадлежащее направленіе". Возникшее вслѣдствіе этого пререканіе было разсмотрѣно Соединеннымъ Присутствіемъ I и Угол. касс. департаментовъ, которое, признавъ дѣйствія губернскаго правленія неправильными, предписало ему въ точности исполнить опредѣленіе суда (рѣшеніе 16 сентября 1871 г.). Другое губернское правленіе отказалось дать движеніе сообщенію окружнаго суда о безпорядкахъ и упущеніяхъ, допущенныхъ становымъ приставомъ, и мотивировало это тѣмъ, что въ опредѣленіи суда не изложены съ достаточной подробностью всѣ обстоятельства, служившія къ обвиненію пристава. Но Сенатъ разъяснилъ, что въ подобныхъ случаяхъ судъ не обязанъ производить разслѣдованія, а ограничивается тѣми данными, которыя заключаются въ предложеніи по сему предмету прокурора, и истребованнымъ отъ обвиняемаго объясненіемъ (опред. 9 декабря 1875 г. № 9115). Становой приставъ В—въ, получивъ заявленіе о кражѣ 9 тысячъ рублей и произведя о томъ дознаніе, не передалъ его судебному слѣдователю и не увѣдомилъ его о совершеніи сего преступленія.

П—скій окружный судъ передалъ о таковомъ упущеніи В—ва на разсмотрѣніе губернскаго правленія, но послѣднее не нашло возможнымъ войти въ разсмотрѣніе дѣла на томъ основаніи, что вопросъ о кражѣ денегъ не получилъ еще разрѣшенія. Разсмотрѣвъ возникшее въ данномъ случаѣ пререканіе, Соединенное Присутствіе опять таки признало дѣйствія губернскаго правленія неправильными и предписало ему войти въ разсмотрѣніе вопроса объ отвѣтственности В-ва (опред. 11 мая 1874 г. № 3945). Далѣе, прокуроръ одного окружнаго суда обвинялъ станового пристава въ медленности по производству дознаній о преступленіяхъ, въ несвоевременномъ увѣдомленіи о таковыхъ слѣдователя, въ неисполненіи требованій мирового судьи о производствѣ дознаній и, сообщая объ этомъ губернскому правленію, указывалъ, что за означенныя преступленія обвиняемый подлежитъ отвѣтственности по суду. Но губернское правленіе, находя упущенія пристава не особенно важными, ограничилось наложеніемъ на него взысканія въ порядкѣ административномъ (опред. 9 декабря 1875 г. № 910). Другое губернское правленіе пошло въ этомъ отношеніи еще дальше: прокуроръ окружнаго суда вошелъ къ нему съ отношеніемъ, въ коемъ требовалъ возбужденія преслѣдованія противъ полицейскаго надзирателя М-ва за непринятіе мѣръ къ обнаруженію совершеннаго преступленія, но губернское правленіе, разсмотрѣвъ это обвиненіе по существу, нашло его недоказаннымъ и оставило безъ послѣдствій (опред. 9 апрѣля 1874 г. № 2813) [1]). Правда, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ прокуратура сама допустила крупное нарушеніе порядка привлеченія къ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ за упущенія по слѣдственной части, но съ другой стороны весьма характерна и готовность губернскихъ правленій входить въ разсмотрѣніе такихъ отношеній прокурора по существу и тѣмъ или инымъ способомъ парализовать возможность привлеченія виновныхъ чиновъ полиціи къ отвѣтственности по суду.

Несомнѣнное вліяніе на характеръ сужденій губернаторовъ о реформѣ оказали натянутыя личныя отношенія, установи-

[1]) См. Н. Рычковъ. Систематическій сводъ опредѣленій Соединеннаго Присутствія Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената. СПБ. 1877, стр. 178, 12—14, 15 и 16, 8—10.

вшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между ними и представителями судебной власти. Многіе судебные дѣятели считали необходимымъ въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ губернаторомъ подчеркивать то особое независимое положеніе, которое за ними признавалъ законъ, и при нѣкоторой горячности той или другой стороны такой тонъ сношеній могъ приводить къ столкновеніямъ. Въ архивныхъ дѣлахъ и замѣткахъ современниковъ сохранилось немного данныхъ по этому предмету, однако, по уцѣлѣвшимъ можно судить о трудностяхъ, которыя на каждомъ шагу приходилось преодолѣвать и суду и администраціи при улаживаніи различныхъ требованій служебнаго этикета. Традиціонныхъ, прочно сложившихся правилъ еще не существовало, а между тѣмъ по разнымъ поводамъ возникали вопросы, кому дѣлать первый шагъ. Такого вопроса, напр., даже невозможно было избѣжать въ тѣхъ случаяхъ, когда въ городъ пріѣзжалъ новый губернаторъ, и должностныя лица мѣстныхъ управленій ему представлялись. Обыкновенно чины судебныхъ установленій уклонялись отъ такой явки, а губернаторы нерѣдко старались избѣгать открытаго столкновенія, и дѣло улаживалось. Однако, необходимость быть насторожѣ оставляла нѣкоторую горечь, и иногда личные конфликты влекли за собой и болѣе серьезныя послѣдствія. Такъ, напр., въ началѣ 1870-хъ годовъ, вновь назначенный въ Херсонъ губернаторъ вызвалъ къ себѣ всѣхъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства для представленія и, когда они не явились, въ отместку имъ распорядился, чтобы полиція не оказывала содѣйствія судебнымъ установленіямъ. Херсонскій полиціймейстеръ въ исполненіи этого приказа пошелъ очень далеко: онъ запретилъ своимъ подчиненнымъ входить въ какія либо личныя объясненія съ представителями судебной власти, самостоятельно предпринялъ дознаніе о какомъ то якобы имѣвшемъ мѣсто случаѣ опьяненія товарищей прокурора, которые преслѣдовали полиціймейстера за незаконныя дѣйствія относительно одного изъ городовыхъ, обвинилъ члена окружнаго суда въ грабежѣ съ насиліемъ, выразившемся, по мнѣнію полиціймейстера, въ томъ, что этотъ членъ суда перевезъ на квартиру своей тещи избиваемую мужемъ жену своего зятя, а также и ея вещи; далѣе полиціймейстеръ уволилъ отъ службы пристава, оказавшаго по поводу одного дѣла содѣйствіе прокурору, сносился съ прокуроромъ палаты на клочкахъ бумаги и въ грубой формѣ, не кланялся

ему при служебныхъ встрѣчахъ и т. п. [1]) Прокуратура оказалась безсильной въ борьбѣ съ полиціймейстеромъ, нашедшимъ поддержку въ губернскомъ правленіи и у преемника губернатора, столь рѣшительно выступившаго противъ суда. Прокурору палаты не удалось добиться отъ губернскаго правленія преданія суду полиціймейстера за преступныя дѣянія, какъ можно заключить изъ рапорта прокурора, довольно таки серьезныя (содѣйствуя содержателю публичнаго дома, полиціймейстеръ подвергалъ незаконному аресту двухъ проститутокъ, желавшихъ уйти изъ этого дома) и хорошо доказанныя. А слѣдствіе, назначенное прокуроромъ палаты помимо губернскаго правленія, было прекращено Общимъ Собраніемъ I-го и кассаціонныхъ департаментовъ, такъ какъ дѣйствительно законъ такого права прокуратурѣ не предоставляетъ [2]).

Съ другой стороны, орловскій губернаторъ въ своемъ отзывѣ сообщаетъ—и повидимому не безъ обиды,—что на его распоряженіе по полиціи оповѣщать всѣхъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ (въ томъ числѣ и судебнаго вѣдомства) о предстоящихъ въ высокоторжественные дни молебствіяхъ, получилъ отъ предсѣдателя окружнаго суда офиціальное сообщеніе, „что члены суда силою самого закона поставлены внѣ зависимости губернатора и... получаютъ повѣстки исключительно отъ предсѣдателя суда, почему онъ и признаетъ неудобнымъ подобныя извѣщенія“. Олонецкій губернаторъ жаловался на рядъ невѣжливыхъ поступковъ со стороны представителей суда: судебный слѣдователь, вызванный къ губернатору, явился въ полушубкѣ, ссылаясь на то, что для явки формы не установлено; судебные слѣдователи писали ему небрежно, на лоскуткахъ бумаги, члены судебныхъ мѣстъ являлись въ засѣданія комитетовъ, гдѣ предсѣдательствуетъ губернаторъ, въ сюртукахъ. „Ненормальность отношеній лицъ судебнаго вѣдомства къ администраціи доходитъ до того, что первые позволяютъ себѣ прямо надсмѣхаться надъ послѣдней“ [3]).

---

[1]) См. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1875 г. № 2218, рапортъ прокурора Одесской палаты министру юстиціи.

[2]) Опредѣленіе Соединеннаго Присутствія по этому дѣлу отъ 9 декабря 1875 г. напечатано въ сборникѣ Н. Рычкова. Систематическій сводъ опред. Соед. Присут. СПБ. 1877. стр. 27—29.

[3]) Цитир. „Матеріалы“, отдѣлъ административный, стр. 43 и 44.

Такія столкновенія случались и впослѣдствіи; напр., въ 1883 г. произошли очень рѣзкія тренія между прокуроромъ Таганрогскаго окружнаго суда и мѣстнымъ градоначальникомъ, которыя также начались по поводу визитовъ. Градоначальникъ обвинялъ прокурора въ томъ, что послѣдній явился къ нему лишь на третій день послѣ того, какъ градоначальникъ вступилъ въ должность, и притомъ не въ мундирѣ, что онъ не предписалъ своимъ товарищамъ являться къ градоначальнику, что не увѣдомлялъ его объ отлучкахъ и т. п., причемъ, многіе изъ фактовъ, указанныхъ градоначальникомъ, оказались по провѣркѣ невѣрными. Временный одесскій генералъ-губернаторъ поддерживалъ градоначальника, такъ что Министерству Юстиціи приходилось съ трудомъ отстаивать прокурора. Въ докладѣ канцеляріи министерства приведены соображенія, въ которыхъ описана сложившаяся практика и взглядъ министерства на соотношеніе между администраціей и прокуратурой въ дѣлахъ церемоніала: „хотя въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ", говорится въ докладѣ, „не содержится никакихъ указаній на обязанность чиновъ прокурорскаго надзора представляться губернаторамъ или градоначальникамъ, тѣмъ не менѣе, въ виду особаго положенія, занимаемаго сими высшими представителями административной власти въ предѣлахъ управляемыхъ ими губерній или городовъ, Министерство Юстиціи всегда признавало соотвѣтственнымъ, чтобы состоящіе на службѣ въ сихъ губерніяхъ и городахъ прокуроры окружныхъ судовъ и ихъ товарищи, въ знакъ уваженія къ занимаемымъ упомянутыми административными начальниками должностямъ, являлись первые съ офиціальнымъ визитомъ къ губернаторамъ или градоначальникамъ при первоначальномъ вступленіи сихъ послѣднихъ въ должность". Вопросъ о правѣ градоначальниковъ вызывать къ себѣ чиновъ прокуратуры былъ переданъ министромъ (въ связи съ этимъ столкновеніемъ) на разрѣшеніе Сената и былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ [1]).

Но въ началѣ дѣятельности судебныхъ установленій была особенно настоятельная необходимость установить основныя правила церемоніала. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сужденія комиссіи, образованной при Казанской палатѣ (въ концѣ 1877 г.) для

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1883 г. № 783.

выработки проекта общаго наказа судебнымъ мѣстамъ[1]). Комиссія отмѣчала, что между должностными лицами судебнаго вѣдомства и между собой, и къ лицамъ другихъ вѣдомствъ иногда создаются отношенія уродливыя: „сколько вопросовъ, недоразумѣній и пререканій вызывали случаи дѣланія или недѣланія визитовъ лицами судебнаго вѣдомства губернаторамъ; сколько ихъ возникаетъ постоянно при выѣздѣ отдѣленій окружныхъ судовъ въ уѣздные города; сколько вопросовъ честолюбія возникаетъ между судьями при разсужденіяхъ о томъ, представляться или не представляться прибывшему въ городъ высшему лицу административнаго вѣдомства“ и т. п. Эти отношенія, какъ указывала комиссія, не ограничиваются сферой частной и не сводятся къ вопросамъ житейскаго такта, а, напротивъ, переходятъ на дѣятельность служебную и вредно отзываются на дѣлахъ [2]).

Даже высшее правительство считало необходимымъ выработать „правила о порядкѣ личныхъ обрядныхъ сношеній между чинами судебныхъ установленій и административными властями“. Разработка ихъ указывается въ числѣ тѣхъ пяти вопросовъ, которые Высочайше утвержденнымъ 29 декабря 1875 г. журналомъ особаго совѣщанія, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Валуева, были „поручены комиссіи по вопросамъ, касающимся отношеній администраціи къ судебнымъ установленіямъ“ [3]).

---

[1]) См. Высочайше учрежд. комиссія для преобразованія судебной части, подготовительные матеріалы, т. III, п. I, стр. 348 и слѣд. Комиссія не признала удобнымъ включить правила вѣжливости въ наказъ по соображеніямъ формальнымъ. Къ тому же эти правила были бы обязательны лишь для одной стороны, т. е. для чиновъ судебнаго вѣдомства, такъ какъ представители администраціи не были приглашены къ ихъ разработкѣ.

[2]) Въ воспоминаніяхъ М. Ѳ. Громницкаго, назначеннаго въ концѣ 1867 г. прокуроромъ Московскаго окр. суда, разсказано столкновеніе его съ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Араповымъ, который упорно не отвѣчалъ на его сообщенія объ упущеніяхъ полицейскихъ чиновъ при дознаніяхъ. Дѣло получило движеніе только тогда, когда прокуроръ обратился помимо оберъ-полиціймейстера къ генералъ-губернатору. (Русск. Мысль. 1899. IX, стр. 225 и сл.).

[3]) См. печатный томъ „Трудовъ“ этой комиссіи. СПБ. 1876. Комиссія была образована при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ юрисконсульта этого министерства Китицына; вѣдомство юстиціи было представлено А. Ѳ. Кони. Правила церемоніала, ею выработаннаго, касались вообще личныхъ сношеній чиновниковъ всѣхъ провинціальныхъ учрежденій. Попытка А. Ѳ. Кони отстоять преимущество старшаго предсѣдателя и прокурора палаты передъ губернаторомъ въ смыслѣ перваго визита не имѣла успѣха въ комиссіи. Объ этомъ проектѣ вскользь говорится въ Вѣстникѣ Европы, 1876 г. IX.

Составленный ею проектъ 26 статей такого церемоніала подлежалъ санкціи Комитета Министровъ, но, повидимому, не былъ представленъ туда.

Во многихъ же другихъ случаяхъ причины столкновеній коренились гораздо глубже. Въ этомъ отношеніи очень интересны наблюденія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятелей, которымъ на практикѣ пришлось испытать трудности осуществленія новаго судебнаго порядка [1]). „Отдѣльныя личности, а иногда даже и цѣлые общественные кружки, отнеслись къ судебной реформѣ недружелюбно и съ неудовольствіемъ, новый порядокъ, какъ и всякая новая идея, столкнулись съ самыми разнообразными интересами, имѣвшими опору при старыхъ судахъ. Проводя идею равноправности, суды затронули интересы лицъ, привыкшихъ волю свою ставить за основаніе права. Чиновники и представители разныхъ вѣдомствъ долго не могли освоиться съ ролью, которая дана имъ закономъ на судѣ, ролью стороны и ничего болѣе. По уголовнымъ дѣламъ вызовы различныхъ должностныхъ лицъ, присяга и допросы ихъ на судѣ считались ими вначалѣ равносильными съ оскорбленіемъ служебнаго достоинства. Не слѣдуетъ забыть и того, что новые дѣятели замѣнили дѣятелей старыхъ за весьма немногими исключеніями; въ нихъ то встрѣтили суды первыхъ критиковъ судей, они то первые старались самостоятельность суда выставить за какое то опасное начало, угрожающее общественному благосостоянію".

„Голоса осужденія Судебныхъ Уставовъ 1864 года чаще всего принадлежатъ людямъ, которые при прежнихъ порядкахъ, по состоянію своему или по другимъ вліяніямъ, при страсти къ процессамъ, при наклонности къ самоуправству и безотвѣтственности, находили возможность направлять вѣсы правосудія по своимъ личнымъ цѣлямъ. Въ нѣкоторыхъ сферахъ общества, выработавшихъ въ домашней жизни своеобразныя правила, дѣйствія суда не вызывали сочувствія, напротивъ, нѣкоторые съ первыхъ же дней порицали судъ [2]). Съ открытіемъ судебной реформы

---

[1]) „Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года", стр. 9.

[2]) Какъ отмѣчала газета „Вѣсть" (1867 г., № 131) при разбирательствѣ у мировыхъ судей по личнымъ оскорбленіямъ „между господами и слугами... генералами и мѣщанами нерѣдко первые выходятъ изъ себя, потому что ихъ ставятъ на одну доску съ послѣдними... „Извѣстно"—разсуждала по этому поводу газета, — „что въ обыденной жизни лакей не смѣетъ сѣсть безъ позволенія господина. Зачѣмъ же судья пригла-

всѣ почти окружные суды открыли первыя судебныя засѣданія преслѣдованіями преступленій объ оскорбленіи полицейскихъ и другихъ административныхъ властей. Всѣ явленія подобнаго рода возникали, по преимуществу, между людьми достаточными. Строгость и безпощадность новаго суда, каравшаго подобныя преступленія личнымъ арестомъ, нигдѣ не допускавшаго денежныхъ взысканій, такъ желаемыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, все это, естественно, озлобило тѣхъ, кто никогда не считалъ за преступленіе глумиться при всякомъ удобномъ случаѣ надъ полиціей".

Возвращаясь къ отзывамъ губернаторовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что высказанныя ими замѣчанія непосредственныхъ и немедленныхъ послѣдствій не имѣли. Не было произведено никакихъ перемѣнъ въ законодательствѣ въ годы ближайшіе ко времени ихъ полученія въ министерствѣ. Но отъ сужденій, въ нихъ высказанныхъ, остался слѣдъ надолго. Изъ числа пяти вопросовъ, предложенныхъ въ 1875 г. упомянутой уже выше комиссіи объ отношеніяхъ суда и администраціи, большая часть вытекаетъ изъ обобщенія отзывовъ губернаторовъ (о значеніи полицейскихъ протоколовъ, о правѣ дѣлать предостереженія чинамъ полиціи, вопросъ о порядкѣ личныхъ сношеній). Еще позднѣе, уже въ 1879 году, снова обсуждая больные вопросы изъ области взаимоотношеній суда и администраціи, Комитетъ Министровъ остановился опять на тѣхъ пунктахъ, которые привлекли вниманіе губернаторовъ. Общее впечатлѣніе, нѣкоторый осадокъ отъ замѣчаній начальниковъ губерній, главнѣйшіе пункты, ими отмѣченные, образовали тотъ основной сводъ возраженій противъ реформированнаго судебнаго строя, который отъ перваго десятилѣтія дѣятельности новыхъ судовъ перешелъ къ послѣдующимъ и даже продолжаетъ жить и теперь.

Нѣсколько иначе были поставлены въ законѣ отношенія между судебной властью и полиціей жандармской, о которой Уставы умолчали, но дѣятельность которой продолжалась и неминуемо сталкивалась съ дѣятельностью прокуратуры. Этотъ

шаетъ его садиться рядомъ съ господиномъ. Отъ этого правосудіе ничего не выиграетъ, а скорѣе проиграетъ". Ср. также „Вѣсть", 1867 года, № 137: „Мы глубоко убѣждены, что монархическому строю соотвѣтствуетъ вошедшее въ обычаи почтеніе къ старшимъ. Поэтому весьма опрометчиво поступаютъ тѣ мировые судьи, которые касаются этого вкоренившагося въ понятія русскаго народа возрѣнія на высшихъ".

пробѣлъ былъ восполненъ Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 19 мая 1871 г.; правила были выработаны совмѣстно министромъ юстиціи и шефомъ жандармовъ. Къ содѣйствію жандармскихъ чиновъ могутъ обращаться лица прокурорскаго надзора въ особенныхъ случаяхъ, „когда это будетъ признано необходимымъ“ (ст. 261 Уст. Уг. Суд.), а по разслѣдованію преступленій государственныхъ дознанія возлагаются на офицеровъ [1]). Прокуратурѣ судебной палаты предоставляется право давать порученія жандармской полиціи и за ней сохранялось руководство дознаніемъ и слѣдствіемъ по государственнымъ преступленіямъ. Такимъ образомъ, надзоръ прокуратуры окружнаго суда сохранялся для всѣхъ прочихъ дознаній [2]); но устранялась непосредственная подчиненность чиновъ корпуса жандармовъ прокуратурѣ. Въ случаѣ замѣченныхъ упущеній прокуратура сносится съ начальствомъ виновнаго (ср. ст. 458[1] Уст. Уг. Суд. и слѣд.) и отъ послѣдняго зависитъ преданіе виновнаго суду.

Едва ли эти отступленія отъ общаго порядка были вызваны замѣчаніями губернаторовъ или данными полицейскаго опыта. III Отдѣленіе въ непосредственной связи съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ не стояло. По всей вѣроятности, они объясняются тѣмъ своеобразнымъ положеніемъ, которое было отведено корпусу жандармовъ въ составѣ общей администраціи, и вліяніемъ его главы графа Шувалова. Но эти правила на практикѣ не предотвратили столкновеній. Въ слѣдующемъ же году послѣ ихъ изданія шефъ жандармовъ отмѣчалъ нѣкоторые пункты, вызывавшіе недоразумѣнія. Такъ, напр. прокуроры нерѣдко признавали обыски, произведенные жандармской полиціей, излишними; относительно арестовъ подозрѣваемыхъ лицъ также бывали разногласія. Шефъ жандармовъ предлагалъ министру юстиціи издать циркуляръ, опредѣляющій право прокуратуры провѣрять и отмѣнять распоряженія жандармской полиціи объ арестахъ, подчиняя, впрочемъ, этому контролю только распоряженія, произведенныя офицерами по

---

[1]) Эти оговорки введены Соединенными Департаментами, см. Арх. Гос. Сов., дѣло Департамента Законовъ 1871 г. № 35.

[2]) По частному случаю было разъяснено (сношеніями вѣдомствъ), что слѣдователи не имѣютъ непосредственнаго отношенія въ жандармской полиціи и не могутъ давать ей предложеній—въ данномъ дѣлѣ рѣчь шла о желѣзнодорожномъ жандармскомъ управленіи. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1876 г. № 4241.

своему почину, и освобождая отъ него сдѣланныя по распоряженію шефа жандармовъ или его товарища; при несогласіи съ распоряженіями, исходящими отъ этихъ лицъ, прокуратура должна была представлять дѣло министру юстиціи. Предложеніе шефа жандармовъ не встрѣтило сочувствія у министра юстиціи, и дѣло на сей разъ кончилось этой перепиской [1]).

Вліяніе прокуратуры на дѣла, производимыя жандармской полиціей, вслѣдствіе особаго характера дознаній, необходимости тайны и быстроты, не всегда было одинаково значительно, и иногда жандармскія власти съ ея распоряженіями не считались и пользовались случаями, чтобы отвоевать себѣ независимость. Эту тенденцію трудно, даже невозможно, прослѣдить по архивнымъ дѣламъ, но она замѣтна въ отдѣльныхъ штрихахъ. Въ февралѣ (3-го) 1872 г. министру юстиціи пришлось, „въ виду неоднократно возникавшихъ недоразумѣній", испрашивать Высочайшее повелѣніе о подтвержденіи права прокуратуры посѣщать тюрьмы, куда чиновъ прокурорскаго надзора неожиданно перестали впускать, какъ постороннихъ (см. Собраніе Узаконеній 1872 г. № 22) [2]). Въ 1875 году одинъ изъ содержащихся подъ стражею въ Петропавловской крѣпости подсудимыхъ по политическому дѣлу обратился къ прокурору С.-Петербургской судебной палаты съ просьбой о разрѣшеніи ему вступить въ бракъ. Прокуроръ палаты разрѣшеніе далъ и сообщилъ объ этомъ коменданту крѣпости, но послѣдній не только не согласился съ этимъ сообщеніемъ прокурора, но даже очень рѣзко отвѣтилъ, что полагаетъ неудобнымъ входить въ какую либо переписку по этому предмету. III Отдѣленіе поддержало его въ этомъ рѣшеніи; изъ дѣла не видно, чѣмъ закончились сношенія министра юстиціи съ шефомъ жандармовъ, но можно предполагать, что не первый вышелъ побѣдителемъ [3]). Высшему жандармскому начальству приходилось, по настоянію министра юстиціи, разъяснять офицерамъ, чтобы они производили сношенія съ прокуратурой съ подобающими ссылками на законъ [4]) и т. д. Но тренія этого

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1872 г. № 5711.

[2]) П. С. З., № 50.504, 1872 г., февр. 3. Ср. также № 50.631, 1872 г., марта 15: „о впускѣ лицъ мѣстнаго прокурорскаго надзора въ тюремные замки и остроги военнаго вѣдомства" (чины прокурорскаго надзора впускались по предъявленіи билетовъ, служившихъ удостовѣреніемъ ихъ личности).

[3]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1875 г. № 6370.

[4]) Тамъ же, дѣло Мин. Юст. 1875 г. № 6666.

рода не доходили до разбирательства Сената и улаживались по мѣрѣ необходимости сношеніями главъ вѣдомствъ, а впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія полномочій администраціи въ области разслѣдованія и репрессіи политическихъ преступленій, преобладаніе и формально было обезпечено за жандармскими властями.

Что же касается отношеній суда къ общей полиціи, то главнѣйшіе спорные вопросы получили разрѣшеніе именно въ практикѣ Сената. Сенату пришлось прежде всего установить, кому изъ полицейскихъ чиновъ прокурорскій надзоръ и мировые судьи могутъ давать предложенія, и каковы предѣлы ихъ полномочій въ этой области. Въ 1871 году Общее Собраніе I и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ установило, что общія разъясненія обязанностей полицейскихъ чиновъ по производству дознаній должны исходить отъ прокуроровъ палаты. Дѣло возникло по Курской губерніи [1]), гдѣ произошло разногласіе между прокуроромъ окружнаго суда и губернскимъ правленіемъ; первый усматривалъ въ дѣйствіяхъ полицейскаго управленія превышеніе власти, а второе съ нимъ не соглашалось. Тогда прокуроръ циркулярно разъяснилъ мѣстнымъ уѣзднымъ исправникамъ неправильность дѣйствій полицейскаго управленія. По поводу этого циркуляра, послѣдовавшаго какъ бы въ отмѣну опредѣленія губернскаго правленія и по поводу самаго опредѣленія, прокуроръ палаты представилъ дѣло министру юстиціи, и къ нему же обратился и губернаторъ, ссылаясь на то, что издавать циркуляры по полиціи могутъ только губернаторъ и губернское правленіе. Характерны какъ окончательное разрѣшеніе вопроса Общимъ Собраніемъ I и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ, куда онъ въ концѣ концовъ перешелъ, такъ и мотивы рѣшенія. Признавая въ принципѣ, что по закону прокуратура можетъ давать общія разъясненія полицейскимъ чинамъ по слѣдственнымъ дѣламъ, Сенатъ передалъ это право прокурорамъ палаты, во первыхъ, потому что нѣкоторымъ окружнымъ судамъ подчинены уѣзды различныхъ губерній и слѣдовательно полицейскіе чины одной губерніи могли бы

[1]) Изъ сенатскаго указа, напечатаннаго въ П. С. З. № 49.689 (іюнь 1871 г.), можно заключить, что въ Курской губерніи случаевъ столкновенія вообще было не мало. Бѣлгородскій исправникъ въ весьма грубой формѣ отказалъ товарищу прокурора доставить свѣдѣнія о побѣгѣ арестанта и даже указывалъ ему на неправильность его запроса.

получать предписанія отъ разныхъ прокуроровъ и во-вторыхъ, потому, что прокуроры окружныхъ судовъ подчинены прокурорамъ палатъ, „а циркулярное разъясненіе... предполагаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ смыслѣ тѣхъ законовъ... которые признано полезнымъ имъ разъяснить и слѣдовательно (?), должно исходить отъ лицъ, имѣющихъ болѣе обширный кругъ дѣйствій, нежели прокуроры окружныхъ судовъ, а таковыми... представляются прокуроры судебныхъ палатъ“ [1]). Строго юридическихъ доводовъ въ этихъ мотивахъ не имѣется—отчего въ самомъ дѣлѣ останавливаться на прокурорѣ палаты, а не итти еще выше, и почему различные циркуляры для уѣздовъ одной губерніи представляются еще большимъ зломъ, чѣмъ разные для разныхъ губерній? Несомнѣнно, Сенатомъ руководило соображеніе цѣлесообразности, и желаніе поставить дѣятельность прокуроровъ окружныхъ судовъ подъ контроль болѣе опытныхъ руководителей и тѣмъ устранить проявленія излишней горячности.

Но болѣе острымъ представлялся другой вопросъ: к о м у изъ полицейскихъ чиновъ могутъ мировые судьи давать порученія, и въ частности, имѣютъ ли они право возлагать порученія лично на исправника.

Впервые этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ Общимъ Собраніемъ 1 и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ по прекаканію между Костромскимъ губернскимъ правленіемъ и Ветлужскимъ мировымъ съѣздомъ (1872 г. № 13). Сенатъ установилъ, что предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ не могутъ сами прикомандировывать, если имѣется недостатокъ въ судебныхъ приставахъ, къ судебному мѣсту того или другого полицейскаго чиновника по своему усмотрѣнію, а должны съ этимъ требованіемъ обратиться къ мѣстному полицейскому начальству. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они могутъ обращаться или въ полицейское управленіе съ требованіями объ исполненіи ихъ порученій или къ подлежащему чиновнику, но не могутъ прямо возлагать этихъ порученій на исправника. Этотъ выводъ мотивированъ въ цитир. рѣш. № 13 лишь въ короткихъ словахъ, зато гораздо подробнѣе разсмотрѣнъ въ рѣш. № 20 (того же 1872 г.). Неясность редакціи статей закона, не указывающей

---

[1]) Рѣш. Общаго Собранія 1871 г. № 143 (циркулярный указъ).

прямо, что лишь исполнительные чины полиціи [1]) обязаны исполнить порученія мировыхъ судей, должно, какъ полагаетъ Сенатъ, объяснить намѣреніемъ законодателя, чтобы для пользы дѣла и старшіе чины полиціи принимали на себя порученія, и чтобы акты, ими составленные, сохраняли законную силу. Но исправники и полиціймейстеры, имѣя въ предѣлахъ своего территоріальнаго вѣдомства нѣсколько судебно-мировыхъ участковъ, не могутъ безъ упущенія прямыхъ своихъ обязанностей исполнять порученія мировыхъ судей и поэтому не слѣдуетъ ихъ обременять таковыми, и отъ ихъ рѣшенія зависитъ выполнять такія порученія лично или передавать другимъ чинамъ полиціи. Установленное здѣсь Сенатомъ соотношеніе полицейской власти и мировыхъ судей вполнѣ соотвѣтствовало потребностямъ, но едва ли можно утверждать, какъ это сдѣлано въ рѣшеніи, что оно вытекаетъ изъ положительнаго указанія закона.

Эти рѣшенія, касавшіяся мировыхъ судей, не затрагивали однако правъ судебныхъ слѣдователей и прокуроровъ, а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ по поводу дѣйствія этихъ лицъ раздавались нареканія [2]). Въ 1872 году полтавскій губернаторъ сообщалъ министру юстиціи, что товарищъ прокурора далъ кременчугскому городскому приставу порученіе произвести дознаніе въ Кобелякскомъ уѣздѣ, длившееся 3 дня, потомъ вызвалъ его къ себѣ, такъ что приставъ долгое время отсутствовалъ изъ мѣста служенія [3]). Министръ юстиціи не счелъ необходимымъ издавать общаго распоряженія, ибо такой случай представлялся единичнымъ. Однако въ томъ же году поступило представленіе отъ тамбовскаго губернатора о томъ, что товарищъ прокурора возложилъ производство дознанія на помощника исправника, на которомъ по закону лежалъ надзоръ за дѣлопроизводствомъ полицейскаго управленія и который не могъ поэтому отлучаться на долгое время; изъ Псковской губерніи губернское начальство жаловалось на то, что прокуроръ поручаетъ производство слѣдственныхъ дѣйствій исправникамъ, а не слѣдова-

---

[1]) Т. е. становые и городскіе пристава.

[2]) Изъ дѣлъ Мин. Юст. видно, что приведенныя рѣшенія не устранили окончательно неправильныя дѣйствія мировыхъ судей; напр., еще въ 1875 г. мировой судья Суздальскаго уѣзда возложилъ дознаніе лично на помощника исправника, см. дѣло 1876 г. № 2998.

[3]) См. дѣло Мин. Юст. 1872 г. № 2845.

телямъ; нижегородскій губернаторъ доносилъ, что прокуроръ далъ порученіе полиціймейстеру по производству дознанія (и какъ разъ въ ярмарочные дни, т. е. въ горячее время), причемъ въ этихъ случаяхъ, насколько можно судить по перепискѣ, вовсе не было основаній прокуратурѣ обращаться именно къ высшимъ чинамъ мѣстной полиціи. Министръ Юстиціи на всѣ эти представленія ничего не отвѣчалъ; восемь разъ за время съ 18 августа 1872 года по 6 марта 1874 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ запрашивало гр. Палена „о распоряженіи, какое сдѣлано будетъ прокуроромъ С.-Петербургской палаты для предупрежденія на будущее время неправильныхъ распоряженій прокурора Псковскаго окружнаго суда", самъ министръ, Тимашевъ, писалъ объ этомъ графу Палену, но отвѣта не добился, да и въ другихъ случаяхъ запросы не достигли цѣли. Лишь въ 1876 году вопросъ о соотношеніи слѣдственной и обвинительной властей къ прокуратурѣ поступилъ на обсужденіе Общаго Собранія Сената [1]).

Сенатъ остался вѣренъ своему взгляду, высказанному въ 1872 году. Сущность вопроса, по его мнѣнію, заключалась не въ томъ, кто даетъ исправнику порученія, мировой ли судья или слѣдователь, а въ томъ, можно ли исправника или полиціймейстера обязывать порученіями. Если признано, что они не состоятъ въ распоряженіи мировыхъ установленій, то нѣтъ основанія допускать, чтобы, несмотря на свои обязанности, они могли бы состоять въ такомъ же распоряженіи судебныхъ слѣдователей, которые лишены и права давать полиціи предостереженія. Напротивъ, прокуратура поставлена въ иныя отношенія къ полиціи, и всѣ чины полиціи, не исключая начальствующихъ, обязаны оказывать прокурорскому надзору содѣйствіе. Но возложеніе лично на исправниковъ и полиціймейстеровъ такихъ порученій отвлекало бы ихъ отъ непосредственныхъ обязанностей. Поэтому Сенатъ пришелъ къ выводу, что ни прокуратура, ни судебные слѣдователи не имѣютъ права требовать, чтобы исправники и полиціймейстеры лично исполняли ихъ порученія; но это не препятствуетъ прокурору сообщить начальнику полиціи мнѣніе свое о пользѣ принятія имъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ (рѣш. Общ. Собр. 1877 г. 17 января). Попутно Сенатъ устано-

[1]) См. по поводу сказаннаго дѣло Мин. Юст. 1872 г. № 2998.

вилъ, что мировые судьи не могутъ объявлять предостереженій тѣмъ чинамъ полиціи, которымъ они не въ правѣ давать порученія (см. цит. рѣш. 1872 г.).

Однако, послѣдующей практикѣ пришлось постепенно сокращать право мировыхъ судей пользоваться услугами полиціи для разсылки повѣстокъ. Въ 1872 году Сенатъ указывалъ, что судьи и ихъ съѣзды могутъ пользоваться для этой цѣли приставами, разсыльными или полиціей, смотря по тому, какой изъ этихъ способовъ „въ данномъ случаѣ, по мѣстнымъ особенностямъ представляется цѣлесообразнѣе". При этомъ мнѣніи Сенатъ остался—въ теоріи—и въ 1879 г., но свелъ его практически на нѣтъ слѣдующей оговоркой (рѣш. Общ. Собр. 1879 г. № 56): „само собой разумѣется, что мировые судьи по принятію тѣхъ или другихъ распоряженій о вызовѣ сторонъ въ судъ, какъ и по другимъ своимъ служебнымъ дѣйствіямъ, подлежатъ отвѣтственности за допускаемыя неправильности, вслѣдствіе ли несоотвѣтствія ихъ распоряженій мѣстнымъ обстоятельствамъ въ отношеніи выбора исполнителей или краткости назначаемыхъ сроковъ вызововъ или же по поводу излишняго обремененія чиновъ исполнительной полиціи порученіями о доставленіи повѣстокъ, вслѣдствіе неимѣнія мировыми судьями при себѣ, въ противность ст. 44 Учр. Суд. Уст., разсыльнаго". Аналогичное разъясненіе состоялось въ 1882 г. (Общ. Собр. № 28)[1]) и наконецъ въ 1885 г. (№ 4) было признано, что возложеніе на полицію какого либо уѣзда доставленія всѣхъ безусловно повѣстокъ мировыхъ установленій не находитъ основанія ни въ законѣ, ни въ существующемъ разграниченіи круга вѣдомства и занятій между различными органами управленія; отсутствіе средствъ на содержаніе разсыльныхъ не было признано уважительной причиной.

Такимъ образомъ, благодаря руководящимъ разъясненіямъ Сената, были устранены нѣкоторые источники наиболѣе серьезныхъ и дѣловыхъ нареканій со стороны администраціи. Статьи Уставовъ не подверглись перемѣнамъ (объ ограниченіи ст. 53 Учр. Суд. Уст. будетъ сказано ниже) и на ихъ почвѣ удалось установить нѣкоторый modus vivendi.

---

[1]) Однако, въ рѣшеніи Гражд. касс. деп. 1882 г. № 54 разъяснено, что и общія судебныя установленія въ правѣ доставленіе тяжущимся бумагъ поручать чинамъ полиціи. Сенатъ сослался на свой прежній указъ по дѣлу о прекаціи Ветлужскаго мирового съѣзда съ Костромскимъ губернскимъ правленіемъ.

По крайней мѣрѣ такъ можно судить по гораздо болѣе позднимъ, конца девятидесятыхъ годовъ, отзывамъ судебныхъ установленій, имѣющихся въ ревизіонныхъ отчетахъ окружныхъ судовъ [1]). Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ, правда, что полицейское дознаніе въ общемъ неудовлетворительно и жандармское не лучше, что полиція не всегда точно проводитъ границы между различными видами преступныхъ дѣяній, и нерѣдко прибѣгаетъ къ пріемамъ допроса грубымъ и недопустимымъ (какъ, напр., побои и истязанія), проявляетъ медленность въ исполненіи приговоровъ и пр.; но нѣтъ жалобъ на противодѣйствіе со стороны полиціи или на уклоненіе отъ содѣйствія суду, мотивированное особымъ служебнымъ положеніемъ, нежеланіемъ подчиняться и прочими соображеніями, которыя въ первые годы дѣятельности судебныхъ установленій бывали, повидимому, нерѣдко. Конечно, слѣдственную часть, опирающуюся на полицію—въ современной постановкѣ—нельзя признать образцовой, но между характеромъ тѣхъ замѣчаній, которыя теперь выставляются, и тѣми, которыя дѣлались ранѣе—разница громадная.

Обозрѣвъ, въ общихъ чертахъ, отношенія между полиціей и новыми судами, обратимся къ разсмотрѣнію двухъ, намѣченныхъ уже выше поводовъ для столкновеній, а именно къ юрисдикціи по ст. 29 Устава о наказаніяхъ, и къ конфликтамъ на почвѣ преданія суду должностныхъ лицъ.

III. Примѣненіе статьи 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Избѣгая казуистичности, какъ извѣстно, въ значительной степени присущей Уложенію о Наказаніяхъ, составители Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, сочли необходимымъ при опредѣленіи проступковъ, караемыхъ Уставомъ, „означать не всѣ встрѣчающіеся... случаи, а напротивъ, соединять ихъ и подводить подъ общія правила, содержащія въ себѣ взысканія за про-

[1]) См. „Труды“ Высоч. учрежд. комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, т. III (1897 г.), отвѣты на вопросы 2, 10, 11, 13, 30 и др.

ступки однородные“ [1]). Съ этою цѣлью они между прочимъ замѣнили рядъ статей Уложенія (по изданію 1857 г.), устанавливавшихъ отвѣтственность за неисполненіе отдѣльныхъ, точно обозначенныхъ въ самомъ Уложеніи требованій административной власти, одною 29 статьею Устава, опредѣляющею наказаніе „за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно и земскихъ и общественныхъ учрежденій“. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теоретической точки зрѣнія подобное обобщеніе представлялось безукоризненнымъ, но нельзя не замѣтить, что на практикѣ, а особенно въ началѣ дѣятельности судебныхъ установленій лаконичность цитированной статьи легко могла повлечь за собою конфликты между судомъ и администраціей. Согласно буквальному смыслу приведеннаго постановленія Устава, мировой судья обязанъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выяснить законность неисполненнаго требованія административныхъ и общественныхъ учрежденій, и такимъ образомъ создавался лишній поводъ для столь тягостнаго для администраціи контроля надъ ея дѣйствіями со стороны выборныхъ представителей суда [2]). Къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ возможности возстановить во всѣхъ деталяхъ практику мирового суда, касающуюся данной статьи. За недоступностью матеріаловъ судебнаго производства въ первыхъ инстанціяхъ приходится ограничиваться только тѣми свѣдѣніями, которыя можно найти въ сенатскихъ рѣшеніяхъ и въ нѣкоторыхъ разрозненныхъ извѣстіяхъ; и уже это одно говоритъ за то, что бытовая сторона дѣлъ, связанныхъ съ примѣненіемъ ст. 29, останется безъ достаточнаго освѣщенія. Кромѣ того, въ силу ст.ст. 124 и 146 Уст.

---

[1]) См. „Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны“. Ч. IV. Изд. 2. СПБ. 1867, стр. 2. (Объяснительная записка II Отдѣленія Собств. Е. И. В. Канцеляріи, стр. 36).

[2]) Какъ это ни странно, но ни отдѣльныя вѣдомства, ни Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи проекта устава не обратили вниманія на возможность междувѣдомственныхъ осложненій, благодаря такой обобщенной формулировкѣ диспозиціи 29 ст. Правда, въ своихъ замѣчаніяхъ министръ юстиціи высказалъ опасеніе, что мировые судьи встрѣтятъ затрудненія въ примѣненіи нѣкоторыхъ статей устава, въ коихъ слишкомъ обобщены соотвѣтствующіе имъ законы Уложенія, но по поводу данной статьи онъ ограничился только указаніемъ, что представитъ свои соображенія „дополнительно, по разсмотрѣніи возникшаго въ недавнемъ времени вопроса о необходимости усилить наказаніе за ослушаніе полиціи“ (замѣчанія министра юстиціи на проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ, стр. 5 и 16).

Уг. Суд., приговоры по 29 ст. по общему правилу не могли восходить на разсмотрѣніе Сената [1]), такъ что и съ количественной стороны имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя далеко не могутъ быть признаны исчерпывающими. Но какъ бы скуденъ ни былъ этотъ матеріалъ, онъ все таки отражаетъ въ себѣ тѣ теченія, которыя слагались въ общественной жизни, и которыми въ конечномъ счетѣ опредѣлялись отношенія между новымъ судомъ и администраціей. Ознакомленіе съ нимъ поможетъ найти правильное объясненіе нѣкоторымъ правительственнымъ мѣрамъ, предпринятымъ въ связи съ выясненіемъ результатовъ примѣненія на практикѣ Судебныхъ Уставовъ.

Несмотря на ясность своей формулировки, 29 статья не сразу получила единообразное примѣненіе въ мировыхъ судахъ. Напротивъ, рѣшенія Уголовнаго кассаціоннаго департамента свидѣтельствуютъ, что провинціальные мировые судьи долгое время не могли отрѣшиться отъ старой привычки русскаго обывателя считать непреложными всякаго рода распоряженія администраціи, и не задаваясь вопросомъ о законности того или иного ея требованія, выносили обвинительные приговоры по 29 статьѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда для ея примѣненія не имѣлось никакихъ основаній. Особенно характернымъ въ этомъ отношеніи представляется дѣло купеческой жены Фроловой (1866 г., № 38). По жалобѣ сонаслѣдниковъ Фроловой, имѣвшихъ вмѣстѣ съ нею въ общемъ владѣніи домъ, Рузское полицейское управленіе потребовало отъ нея исправленія части крыши, пострадавшей отъ пожара. Такъ какъ требованіе это исполнено не было, то полиція составила актъ о томъ, что „въ покрытіи части крыши Фролова сдѣлала упорство“, и передала дѣло мировому судьѣ, который постановилъ: „на основаніи ст. 29 подвергнуть Фролову денежному взысканію въ размѣрѣ 15 руб. и заставить непремѣнно покрыть причитающуюся ей часть крыши“. Но отъ уплаты штрафа Фролова отказалась „за неимѣніемъ денегъ“ и въ то же время не дала требуемой полиціей подписки о ремонтѣ крыши. Въ виду этого, новымъ приговоромъ мировой судья постановилъ: „на основаніи 29 ст. вновь подвергнуть Фролову взысканію въ 15 рублей, а за несостоятельностью выдержать подъ арестомъ

[1]) Напомнимъ, что до закона 28 мая 1883 г. по 29 статьѣ полагалось денежное взысканіе не до 50 руб., какъ теперь, а всего лишь до 15 рублей.

одинъ мѣсяцъ". Рѣшеніе это было утверждено съѣздомъ, но по протесту товарища прокурора дѣло перешло въ Сенатъ, и приговоръ съѣзда былъ отмѣненъ, „какъ заключающій въ себѣ явное нарушеніе прямого смысла 29 статьи Устава". Въ мотивахъ рѣшенія Сенатъ разъяснилъ, что требованіе рузской полиціи представлялось незаконнымъ, такъ какъ опредѣленіе обязанностей, вытекающихъ изъ общаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, можетъ быть сдѣлано только судомъ, но отнюдь не полиціей, и что поэтому примѣненіе въ данномъ случаѣ 29 ст. являлось не согласнымъ съ точнымъ разумомъ этого закона. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Сената, мировой судья и съѣздъ не имѣли законнаго основанія считать неуплату Фроловой штрафа поводомъ для вторичнаго примѣненія къ ней ст. 29, ибо по закону штрафы взыскиваются по выданному мировымъ судьею исполнительному листу [1]).

Но одного этого рѣшенія Сената оказалось недостаточно для того, чтобы утвердить въ провинціальныхъ мировыхъ судахъ правильное пониманіе 29 ст. Не говоря уже о томъ, что и въ послѣдующіе годы до Сената доходили приговоры съ обвиненіемъ по 29 ст. за неисполненіе судебныхъ рѣшеній (1871 г. №№ 245 и 365 и 1876 г. № 77) и даже требованій клубныхъ старшинъ (1871 г. №№ 921 и 1505), возможно еще указать нѣсколько случаевъ, гдѣ имѣло мѣсто нѣчто подобное тому, что происходило въ дѣлѣ Фроловой. Такъ, напр., новоладожскій съѣздъ обвинилъ купца Федорова „въ нарушеніи" 29 статьи, но при этомъ не счелъ даже нужнымъ выяснить, какихъ распоряженій и какой именно власти не исполнилъ подсудимый (1869 г. № 914). Лохвицкій съѣздъ призналъ купца Шпеера виновнымъ въ неисполненіи требованія полиціи о сломкѣ пришедшаго въ ветхость дома, и Сенату пришлось разъяснять, что примѣненіе въ этомъ случаѣ 29 ст. было „вовсе неумѣстнымъ", такъ какъ подобное требованіе полиціи противорѣчитъ ст.ст. 1227 и 1235 Уст. Уг. Суд., согласно коимъ переносъ, сломка и исправленіе

[1]) Едва ли не въ связи съ этимъ рѣшеніемъ стоитъ изданный 19 апрѣля 1871 г. (П. С. З. № 49.483) законъ, въ силу коего „въ мѣстностяхъ, гдѣ введены Судебные Уставы въ полномъ объемѣ или мировыя судебныя установленія отдѣльно отъ общихъ, полиція приступаетъ къ сломкѣ или исправленію указанныхъ въ сей (т. е. 404 Устава строительнаго) статьѣ ветхихъ построекъ на счетъ виновныхъ не иначе, какъ по судебному о томъ приговору, согласно ст. 1227 и 1235 Уст. Уг. Суд.". Однако въ законодательныхъ соображеніяхъ эта связь не упоминается.

зданій опредѣляются не административнымъ начальствомъ, а судебнымъ приговоромъ (1872 г. № 84) [1]). Эти примѣры показываютъ, что въ практикѣ провинціальнаго мирового суда время отъ времени проявлялась тенденція оставлять въ забвеніи предоставленное 29 статьею суду право провѣрки законности распоряженій административныхъ властей, и даже больше—санкціонировать этимъ постановленіемъ Устава въ судебномъ приговорѣ такія требованія, которыя представлялись явно незаконными.

Это, конечно, не значитъ, что мировая юстиція въ провинціи всегда и неуклонно отказывалась отъ правъ, предоставленныхъ ей 29 статьею. Судя по отзывамъ губернаторовъ, сообщеннымъ въ комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій [2]), провинціальной власти приходилось сталкиваться съ точнымъ примѣненіемъ судами этой статьи. Рязанскій губернаторъ указывалъ, что судъ не призналъ законнымъ распоряженіе администраціи о заблаговременной свозкѣ снѣга съ дворовъ и улицъ; симбирскій губернаторъ жаловался на то, что при новомъ строѣ полиція не можетъ заставить домовладѣльцевъ караулить дома (въ предупрежденіе пожаровъ), такъ какъ мировые судьи не имѣютъ въ виду закона объ учрежденіи обязательныхъ карауловъ, между тѣмъ какъ прежде, до введенія реформы, губернское начальство „имѣло возможность настоять черезъ полицейскія управленія за исполненіемъ подобныхъ правилъ“; тамбовскій губернаторъ отмѣчалъ, что мировой судъ не признавалъ себя въ правѣ наказывать извозчиковъ, нарушившихъ правила таксы, основанной на распоряженіи полиціи, а не изданной въ законодательномъ порядкѣ; въ запискѣ херсонскаго губернатора сообщалось, что многія правила, полицейскими властями установленныя, но не основанныя на законѣ, оказались безъ санкціи при новомъ судебномъ порядкѣ; вятскій губернаторъ приводилъ примѣры изъ практики борьбы съ повальными заболѣваніями и со скотскими падежами—мировой судья не призналъ законнымъ даже разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ и освободилъ нарушителя отъ взысканія. Но все таки нельзя сказать, чтобы примѣры, приводимые губернаторами, были особенно

[1]) Ср. также рѣшенія 1871 г. №№ 551, 943 и 944.

[2]) См. „Матеріалы“ комиссіи. Отдѣлъ административный, часть III, отдѣленіе 9 и 10, стр. 455 и слѣд. См. особенно стр. 459.

изобильны, и изъ тона отзывовъ нельзя заключать, что провѣрка „законности“ распоряженій полиціи въ провинціи разсматривалась, какъ нѣчто тягостное и вызывала рѣзкіе конфликты, — право мировыхъ судей объявлять предостереженія осуждалось въ гораздо болѣе рѣзкихъ и страстныхъ выраженіяхъ. Изъ практики Сената также можно указать нѣсколько (хотя опять-таки въ общемъ не много) случаевъ, когда при обвиненіяхъ по 29 ст. провинціальные суды вполнѣ опредѣленно ставили вопросъ о законности даннаго требованія власти и, разрѣшивъ его въ отрицательномъ смыслѣ, оправдывали подсудимыхъ (напр., рѣшенія 1870 г. № 1184, 1873 г. №№ 427, 428, 1874 г. № 43). Но оцѣнивая по достоинству такіе приговоры, нельзя все таки упускать изъ вида, что въ провинціи они появились только послѣ многихъ весьма категорическихъ по своимъ выводамъ рѣшеній Сената и что даже при такихъ условіяхъ нѣкоторые мировые судьи въ глухихъ углахъ не умѣли провести различія между законностью и цѣлесообразностью требованій администраціи (см. рѣшеніе 1873 г., № 185). Трудно было бы предположить, что въ подобной обстановкѣ 29 статья могла послужить поводомъ къ серьезному обостренію отношеній между мировымъ судомъ и администраціей.

Совсѣмъ иная картина наблюдалась въ столицахъ и главнымъ образомъ въ Петроградѣ. По сообщенію современника [1]) разбираемая статья явилась здѣсь причиною болѣе или менѣе „важныхъ столкновеній“ между судомъ и полиціей. Рѣшенія судей и Сената, состоявшіяся по этимъ дѣламъ, ярко освѣщенныя прессой того времени, произвели сильное впечатлѣніе, и слѣдъ отъ нихъ остался на долго. На нихъ обратили вниманіе высшія государственныя установленія, и именно съ ними считались при обсужденіи различныхъ мѣропріятій по усиленію власти административной. Полиція не смогла сразу отказаться отъ традицій дореформенной эпохи и первое время по открытіи новыхъ судовъ, не проявляла должной осмотрительности при обвиненіяхъ по 29 статьѣ. „Кто бывалъ часто въ камерахъ мировыхъ судей—писалъ „Вѣстникъ Европы“ [2])—тотъ непремѣнно не разъ слышалъ, какія обвиненія, рѣшительно не-

[1]) „Столкновенія между судомъ и администраціей“. Отечественныя Записки, 1869 г. т. 187, кн. XI, стр. 106.

[2]) „Вѣстникъ Европы“. Внутреннее обозрѣніе, 1868 г. кн. IV, стр. 829.

возможныя, передавала суду полицейская власть". Какая то чухонка сливочница, напр., обвинялась въ томъ, что „во время проѣзда черезъ Семеновскій мостъ короля Эллиновъ она обогнала королевскій экипажъ въ своей телѣжкѣ, несмотря на крикъ городового, что ѣдетъ король Эллиновъ" [1]). Двумъ содержателямъ меблированныхъ комнатъ та же петроградская полиція вмѣнила въ вину, что, несмотря на данную ими подписку, они являлись на вокзалъ и приглашали пріѣзжихъ къ себѣ на квартиру и „этимъ докучали имъ" [2]). Но выступая предъ судомъ съ подобными обвиненіями, чины полиціи не учитывали стремленія представителей столичной мировой юстиціи какъ можно рѣшительнѣе порвать со старымъ и укрѣпить въ населеніи сознаніе полной независимости суда. Вполнѣ естественно поэтому, что, опираясь на букву закона, петроградскіе и московскіе мировые судьи сразу стали требовать отъ полиціи въ дѣлахъ по 29 ст. доказательствъ законности нарушеннаго требованія и при недостаточности таковыхъ освобождали подсудимыхъ отъ отвѣтственности. Разумѣется, это было принято какъ посягательство со стороны суда на права администраціи, и въ Сенатъ одинъ за другимъ начали поступать протесты прокуратуры противъ подобныхъ оправдательныхъ приговоровъ. При этомъ особенно ясно правительственное толкованіе ст. 29 было формулировано въ протестѣ товарища прокурора Московскаго окружнаго суда по дѣлу Шибаева (1867 г. № 14), построенномъ на утвержденіи, что по смыслу означенной статьи, „всякое требованіе законныхъ властей должно быть исполняемо всѣми безпрекословно, подъ страхомъ наказанія" [3]). Сенатъ, однако, отвергъ такое толкованіе и разъяснилъ, что „выраженіе, „законныхъ" требованій, помѣщенное въ (29) статьѣ явно показываетъ, что означенная статья подвергаетъ взысканію за неисполненіе лишь такихъ распоряженій полиціи, „которыя не выходятъ изъ предѣловъ ея вѣдомства" и что поэтому „полиція, какъ сторона обвиняющая, обязана по требованію суда представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія законность ея требованій; эти доказательства судъ имѣетъ право уважить или признать недо-

[1]) Вѣстникъ Европы, 1868 г. кн. IV, стр. 830, прим.

[2]) Отечественныя Записки, т. 187, стр. 107.

[3]) Ср. также протестъ товарища прокурора Московскаго окружнаго суда по дѣлу Бараха (1869 г. № 431).

статочными". Въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ затѣмъ рѣшеній (1869 г. №№ 431 и 606, 1870 г. № 1635, 1872 г. № 1365, 1873 г. № 766, 1875 г. №№ 53 и 531 и Общ. Собр. I-го и касс. деп. 1877 г. № 3) Сенатъ настойчиво подтверждалъ и отчасти даже подробнѣе разъяснялъ указанныя положенія.

Особенно большое впечатлѣніе въ свое время произвело рѣшеніе Угол. касс. деп. 1869 г. № 606 по дѣлу петроградскаго домовладѣльца Иконникова, обвинявшагося въ неисполненіи, вопреки выданной имъ подписки, приказа петроградскаго оберъ-полиціймейстера Трепова объ освѣщеніи домовыхъ лѣстницъ. Какъ мировой судья, такъ и съѣздъ не признали этого требованія законнымъ и оправдали Иконникова. „Для примѣненія 29 ст.—указывалось въ приговорѣ съѣзда—необходимо, чтобы требованіе полиціи было законно... и потому судъ не въ правѣ примѣнять означенную статью, хотя бы требуемая мѣра была не только полезна, но даже безусловно благодѣтельна, если только она не основывается на точномъ постановленіи закона". Согласіе обвиняемаго на исполненіе такого незаконнаго требованія не можетъ, по мнѣнію съѣзда, имѣть никакого значенія, ибо „интересы права публичнаго не подчиняются частному произволу и частное согласіе не можетъ (ни) создать проступка, ни уничтожить существующаго. Освѣщеніе лѣстницъ есть одна изъ мѣръ внутренняго хозяйства.... и требованіе на принятіе ея не можетъ входить въ кругъ вѣдомства полиціи". Поэтому—заключаетъ съѣздъ—„было бы явно несправедливо и лишь простымъ произволомъ суда подвергать неосвѣщающихъ лѣстницы взысканіямъ, положеннымъ въ 29 статьѣ". На этотъ приговоръ съѣзда послѣдовалъ протестъ товарища прокурора. Въ своемъ рѣшеніи Сенатъ подтвердилъ, что нѣтъ основаній отрицать за судомъ права провѣрки законности тѣхъ распоряженій и требованій, неисполненіе коихъ вмѣняется въ вину подсудимому, ибо въ противномъ случаѣ право опредѣленія виновности перешло бы отъ судебной власти къ администраціи, и суду пришлось бы назначать наказаніе единственно лишь потому, что этого требовалъ обвинитель. „Такія рѣшенія—говоритъ Сенатъ—не соотвѣтствовали бы существу судебной власти и основному правилу объ отдѣленіи ея отъ власти административной".

Установивъ затѣмъ, что законъ не управомочиваетъ полицію на изданіе распоряженій объ освѣщеніи лѣстницъ, Сенатъ указалъ, что съ своей стороны судъ не въ правѣ расширять или стѣ-

снять кругъ законныхъ мѣръ, за неисполненіе которыхъ виновные подвергаются наказанію, и что отъ полицейской власти зависитъ исходатайствовать разрѣшеніе на принятіе той или другой чрезвычайной мѣры, не предусмотрѣнной закономъ, но признанной ею необходимою. Наконецъ, по мнѣнію Сената, не могъ имѣть никакого значенія и фактъ выдачи Иконниковымъ, по требованію полиціи, подписки, потому что таковая не можетъ служить основаніемъ къ назначенію наказанія за дѣйствія, не составляющія преступленія или проступка. Согласившись, такимъ образомъ, во всемъ съ приговоромъ съѣзда, Сенатъ оставилъ протестъ товарища прокурора безъ послѣдствій. Но въ свою очередь и оберъ-полиціймейстеръ не примирился съ такимъ исходомъ дѣла и избралъ другой путь, предуказанный Сенатомъ. А именно, согласно Высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ отъ 13 августа 1869 г., петроградскому оберъ-полиціймейстеру было предоставлено право требовать отъ домовладѣльцевъ столицы освѣщенія лѣстницъ съ тѣмъ, чтобы за неисполненіе сего требованія виновные подвергались взысканію по 29 ст. Устава [1]).

Рѣшеніе по дѣлу Иконникова произвело дѣйствительно большой эффектъ, если не по своимъ реальнымъ послѣдствіямъ, которыя, какъ можно судить по приведеннымъ выше даннымъ о положеніи дѣла въ провинціи, все таки не были особенно значительны, то по тому впечатлѣнію, которое оно вызвало среди лицъ, слѣдившихъ за взаимоотношеніемъ и равновѣсіемъ властей судебной и административной.

На него обратили вниманіе начальники и такихъ губерній, гдѣ, какъ можно предполагать, вопросъ освѣщенія лѣстницъ еще не имѣлъ особенно осязательнаго интереса, и фактическія обстоятельства, сходныя съ обстановкой дѣла Иконникова, фигурировали въ видѣ образца для умозрительныхъ и конструированныхъ примѣровъ, приводимыхъ какъ доказательство необходимости предоставить администраціи право издавать обязательныя постановленія. „По темнымъ входамъ въ трактирныя заведенія находятъ себѣ“, замѣчаетъ владимірскій губернаторъ [2]), „пріюты воры и мошенники, а такъ называемые посѣтители разбиваютъ

[1]) Собраніе узак. и расп. правит. 1869 г. № 88.

[2]) „Матеріалы“ комиссіи о преобразованіи губерн. и уѣздныхъ учрежденій. Отдѣлъ административный, часть III, отд. 9 и 10, стр. 460.

себѣ носы и головы, подвергаясь грабежу. Начинаются обыкновенные вопли и плачи: что дѣлаетъ, что смотритъ полиція. А попробуй полиція потребовать отъ трактирщика освѣщенія входной лѣстницы—на судебной трибунѣ раздается приговоръ о признаніи требованія полиціи незаконнымъ, такъ какъ законъ не указалъ обязанности трактирщика зажигать фонарь при входныхъ дверяхъ" [1]). И для Харькова оказалось бы полезнымъ, если бы губернаторъ могъ бы „въ видахъ бо́льшаго охраненія личной безопасности издать обязательныя постановленія, чтобы всѣ экипажи во время темныхъ вечеровъ и ночей при разъѣздахъ по городу непремѣнно имѣли при себѣ фонари. Въ видахъ же личной безопасности полезно было бы обязать владѣльцевъ большихъ домовъ, гдѣ помѣщается много различнаго рода торговыхъ и ремесленныхъ заведеній, чтобы они по вечерамъ освѣщали внутреннія лѣстницы въ своихъ домахъ". Очевидно, что приводимый губернаторами примѣръ „освѣщенія лѣстницъ" былъ навѣянъ именно рѣшеніемъ по дѣлу Иконникова.

Вмѣняя такимъ образомъ въ обязанность мировымъ судьямъ входить въ оцѣнку законности распоряженій правительственныхъ и полицейскихъ властей, Сенатъ въ приведенныхъ выше рѣшеніяхъ не имѣлъ повода выяснить свое отношеніе къ тѣмъ случаямъ, когда, предъявляя то или иное требованіе, органы мѣстнаго управленія дѣйствовали не по своей иниціативѣ, а по распоряженіямъ министерствъ. Жизнь, однако, не замедлила поставить на очередь и этотъ вопросъ и, разрѣшая его, Сенатъ далъ два относящихся къ разнымъ случаямъ отвѣта. Съ одной стороны, въ рѣшеніи 1870 г. № 1184 онъ призналъ, что требованіе, основанное на циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, касавшемся трактирныхъ заведеній, является обязательнымъ для содержателей сихъ послѣднихъ [2]), но съ другой, въ рѣшеніи 1871 г. № 1713 было разъяснено, что требованіе акцизнаго начальства, основанное на циркулярѣ министра финансовъ, не можетъ почитаться законнымъ, если циркуляръ этотъ стоитъ въ противорѣчіи съ постановленіями питейнаго устава. Въ при-

---

[1]) Владимірскій губернаторъ прямо упоминаетъ о рѣшеніи Уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Иконникова, указывая и другія аналогичныя. „Матеріалы", тамъ же, стр. 466.

[2]) Мировой судья и съѣздъ наоборотъ, признали, что распоряженія министровъ, устанавливающія новый законъ, не обязательны для суда.

мѣненіи къ данным конкретнымъ случаямъ то и другое рѣшеніе, конечно, одинаково прочно базируется на спеціальныхъ предписаніяхъ закона, но какъ формально, такъ и по существу второе рѣшеніе имѣло больше шансовъ пріобрѣсти значеніе руководящаго во всѣхъ случаяхъ, гдѣ суду приходилось сталкиваться съ распоряженіями центральныхъ учрежденій. Конечно, при томъ широкомъ развитіи административныхъ распоряженій, какое наблюдалось у насъ во вторую половину 19 вѣка [1]), подобное расширеніе судебнаго контроля надъ законностью распоряженій администраціи вызвало бы самыя серьезныя осложненія. Но нельзя, однако, указать ни одного случая, когда бы суды воспользовались въ указанномъ смыслѣ рѣшеніемъ 1871 г. № 1713, и это лишній разъ подтверждаетъ, что, вопреки заявленіямъ прессы охранительнаго направленія, мировая юстиція не обнаруживала никогда серьезныхъ стремленій къ умаленію правъ исполнительной власти [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что практически многіе поводы для конфликтовъ на этой почвѣ между судомъ и администраціей были устранены положеніемъ Комитета Министровъ 13 іюля 1876 г. о порядкѣ изданія губернаторами обязательныхъ постановленій [3]). Послѣ изданія этого положенія судебнымъ установленіямъ приходилось обращаться лишь къ провѣркѣ формальной стороны, не входя въ разсмотрѣніе законности этихъ постановленій, ибо въ законѣ объ этомъ правѣ судебной власти ничего не сказано и, напротивъ, для отмѣны постановленій по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ и учрежденій установленъ особый порядокъ; полицейскія же власти при обвиненіяхъ могли ссылаться на постановленія въ оправданіе законности своихъ требованій.

Съ начала 80-хъ годовъ въ примѣненіи 29 ст. возможно констатировать рѣзкое уклоненіе отъ сложившейся практики.

---

[1]) Градовскій. Начала русскаго государственнаго права, т. 1, СПБ. стр. 56.

[2]) Въ нашу задачу не входитъ выясненіе того пониманія законности, которое сложилось въ обществѣ подъ вліяніемъ приведенныхъ выше рѣшеній Сената. Но любопытно отмѣтить, что по поводу одной кассаціонной жалобы Сенату пришлось разъяснить, что „изъ рѣшенія (по дѣлу Иконникова) нельзя заключить, чтобы противозаконному требованію правительственныхъ властей могло быть противопоставляемо сопротивленіе силою, а тѣмъ менѣе, чтобы могло быть безнаказанно допускаемо нанесеніе насильственныхъ дѣйствій должностнымъ лицамъ, исполняющимъ распоряженія полицейскихъ и правительственныхъ властей“ (1875 г. рѣш. № 248).

[3]) Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ изданіе этого положенія Комитета Министровъ (*изложеннаго въ ст. 421 и слѣд. Общ. учр. губ., изд. 1892 г.*), *см. ниже.*

Въ связи съ общимъ настроеніемъ наступившей тогда эпохи, административныя власти, предъявляя обывателямъ разнаго рода требованія, начинаютъ менѣе осторожно соблюдать предѣлы, установленные закономъ, но параллельно съ этимъ наблюдается какой то упадокъ самостоятельности въ мировой юстиціи. Вынося обвинительные приговоры по 29 ст., судьи нерѣдко проявляли безразличіе къ вопросу о законности предъявленнаго подсудимому требованія и такимъ образомъ, какъ выразился въ 1869 г. Сенатъ, налагали наказаніе „единственно потому, что этого требовалъ обвинитель". (Ср. рѣшенія 1881 г. №№ 2 и 38, 1889 г. № 20, 1891 г. № 21). Но, продолжая держаться своего прежняго истолкованія 29 ст., Сенатъ неуклонно кассировалъ такіе приговоры и, какъ бы желая оживить традиціи 60-хъ гг., неоднократно и подробно излагалъ теперь въ своихъ рѣшеніяхъ (1881 г. № 2, 1887 г. № 29) положенія, высказанныя имъ по дѣлу Иконникова. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходилось повторять оговорку и о томъ, что административной власти не закрыта возможность исходатайствовать разрѣшеніе на принятіе мѣръ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, и нельзя не признать, что въ 80-хъ годахъ такого рода представленія могли разсчитывать на большій успѣхъ и скорѣе получить практическое осуществленіе, чѣмъ въ 1869 году. Обязательныя постановленія, издаваемыя на основаніи ст. 15 и 16 Пол. о мѣр. къ охран. общ. спок., затрудняли для суда возможность контролировать законность распоряженій администраціи. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и этихъ чрезвычайныхъ мѣръ оказывалось недостаточно, и тогда предпринимались другія. Такъ, напр., въ рѣшеніи Общ. Собр. I и касс. д-товъ отъ 26 ноября 1892 г. Сенатъ призналъ, что распоряженіе генералъ-губернатора о воспрещеніи молитвенныхъ собраній раскольниковъ въ частныхъ домахъ не соотвѣтствуетъ закону 3 мая 1883 г. и потому неисполненіе его не подходитъ подъ дѣйствіе 29 ст.; но рѣшеніе это (несомнѣнно, весьма важное) не было даже опубликовано [1]).

[1]) См. Таганцевъ. Уставъ о наказаніяхъ, нал. мир. судьями, изд. 20. СПБ. 1912. стр. 143.

IV. Прекращенія по вопросамъ преданія суду должностныхъ лицъ.

Схематически воспринятая теорія раздѣленія властей, съ одной стороны, и непріязнь къ старымъ королевскимъ парламентамъ—съ другой, побудили, какъ извѣстно, дѣятелей первой французской революціи возвести въ принципъ и даже закрѣпить въ точныхъ опредѣленіяхъ закона ту независимость отъ общихъ судовъ, какою фактически пользовались чиновники при ancien régime. Проводя неуклонно это начало, законодательство революціонной эпохи создало въ концѣ концовъ такъ называемую систему „административной гарантіи", въ силу которой правительственные агенты могли быть предаваемы суду за преступленія по службѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія Государственнаго Совѣта [1]). Изъ Франціи такой порядокъ привлеченія должностныхъ лицъ къ уголовной отвѣтственности быстро проникъ въ законодательство другихъ странъ, какъ напр. въ Нидерланды, Испанію, Сардинію (впослѣдствіи въ Италію), Люксембургъ, Баденъ, Гессенъ и пр. Но столь же быстро, однако, наступило и разочарованіе въ его практической цѣлесообразности. Поэтому подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія съ первой же четверти прошлаго столѣтія въ отдѣльныхъ государствахъ начинается отмѣна административной гарантіи и наконецъ декретомъ 19 сентября 1870 г. она была уничтожена и въ создавшей ее Франціи [2]). Но наканунѣ изданія этого декрета, завершившаго

[1]) Ст. 75 конституціи VIII года: „Les agents du Gouvernement autres que les ministres ne peuvent être poursuivis pour des faits relatifs à leurs fonctions qu'en vertu d'une décision du Conseil d'Etat. En ce cas, la poursuite a lieu devant les tribunaux ordinaires". Объ административной гарантіи см. Laferrière. Traité de la juridiction administrative. T. I 2-éme edition. Paris. 1896. pp. 180—183, 188—190, 637—640. Dareste. La justice administrative en France. Paris 1862. pp. 165 et s. Hauriou. Prècis de droit administratif et de droit public general. 5-ème edition. Paris. 1903. pp. 252 atr. Н. Муравьевъ. „Объ уголовномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ за преступленія по службѣ „Юрид. Вѣстникъ" 1879 г. №№ 10 и 11, стр. 575—603, 795—821. И. Я. Фойницкій. О судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ по французскому праву. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1879 г. II. Протоколъ засѣданія уголовн. отдѣленія СПБ. юридическаго общества, 20 мая 1878 г. Н. Лазаревскій. Отвѣтственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПБ. 1905, стр. 539 и слѣд. Е. Кулишеръ. Судебное преслѣдованіе должностныхъ лицъ. „Русская Мысль". 1907 г. III, стр. 48—77.

[2]) Точности ради, надлежитъ оговорить, что здѣсь мы имѣетъ въ виду „административную гарантію" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и не касаемся существующей и

собою отмѣну почти во всей Европѣ подобнаго рода привилегіи чиновниковъ, послѣдняя нашла себѣ горячихъ сторонниковъ въ лицѣ составителей нашихъ Судебныхъ Уставовъ. „Преслѣдованіе должностныхъ лицъ за такія нарушенія должности, которыя подвергаютъ наказаніямъ, опредѣляемымъ лишь по суду"—указывалось въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи 1862 г. и въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта 1862 г. № 65—„не можетъ происходить порядкомъ, установленнымъ для преслѣдованія преступленій и проступковъ противъ гражданскихъ обязанностей вообще, ибо отдѣленіе административной власти необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла судебныя, но также и въ томъ, чтобы судебные чины не вмѣшивались въ дѣла административныя" [1]). Это соображеніе ясно свидѣтельствуетъ, что въ своемъ пониманіи теоріи раздѣленія властей составители Уставовъ также не избѣгали нѣкоторой персонификаціи отдѣльныхъ функцій власти. Но пожалуй въ еще большей мѣрѣ здѣсь сказалось желаніе удержать въ силѣ то начало самостоятельности вѣдомствъ, которое лежало въ основѣ всего нашего дореформеннаго управленія; и можно ли послѣ этого удивляться, что построенная на такомъ своеобразномъ фундаментѣ административная гарантія превзошла у насъ по своему объему все то, что было извѣстно въ Западной Европѣ? Въ то время, какъ во Франціи согласіе Государственнаго Совѣта требовалось только для преданія суду, и то лишь чиновниковъ, облеченныхъ административными правомочіями, по нашему Уставу Уголовнаго Судопроизводства даже въ предварительномъ изслѣдованіи преступленій по службѣ, а равно и въ возбужденіи и прекращеніи уголовнаго преслѣдованія за нихъ (не говоря уже о преданіи суду) судебная власть поставлена въ зависимость отъ разрѣшенія начальства обвиняемаго. Кромѣ того, Уставъ не ограничиваетъ примѣненіе столь широкой гарантіи какими либо опредѣленными группами должностныхъ лицъ и поэтому распространяетъ ее на всѣ безъ исключенія органы власти. Къ до-

---

до сего времени во Франціи и въ другихъ государствахъ системы административной преюдиціальности, когда администраціи предоставляется право возбуждать пререканія съ судомъ о законномѣрности дѣйствій чиновника.

[1]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, изд. Гос. Канцеляріей, ч. II, изд. 2, СПБ. 1867 г., стр. 404 и 405.

вершенію всего, статья 1066 сохранила за начальствомъ право налагать безъ суда, въ административномъ порядкѣ, наказанія за маловажныя нарушенія обязанностей службы. Въ общемъ, такимъ образомъ получилось вполнѣ опредѣленное положеніе, которое лучше всего характеризовали сами Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта, признавъ, что „правила о производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ болѣе, нежели всѣ правила судопроизводства по Своду 1857 г., сходны съ установленнымъ Судебными Уставами порядкомъ суда“ [1]).

Но тѣмъ не менѣе сохранить въ полной неприкосновенности дореформенный порядокъ преслѣдованія должностныхъ лицъ представлялось, очевидно, невозможнымъ, и поэтому, какъ отмѣтилъ г. Лозина-Лозинскій, въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства принципъ невмѣшательства судебныхъ чиновъ въ производство дѣлъ о преступленіяхъ должности не проведенъ послѣдовательно до конца [2]). Такъ, согласно ст. 1089 въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ для преданія суду за означенныя преступленія необходимо производство предварительнаго слѣдствія черезъ судебнаго слѣдователя. Далѣе, согласно ст. 1091, по окончаніи слѣдствія прокуроръ даетъ заключеніе о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, причемъ возникающія по этому поводу разномыслія съ административнымъ начальствомъ восходятъ на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія I и Уголовнаго кассаціоннаго д-товъ Сената. Но всѣ эти отступленія отъ основного начала, проводимаго въ Уставѣ относительно должностныхъ преступленій, представляли по существу лишь полумѣру и, разумѣется, не могли обезпечить слѣдственной власти и прокуратурѣ должной самостоятельности при разслѣдованіи подобныхъ дѣлъ. „Столь ограниченное участіе прокуратуры въ дѣлахъ о должностныхъ лицахъ административныхъ вѣдомствъ“, поясняется въ объяснительной запискѣ 1864 г., „нимало не нарушаетъ достоинства администраціи и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо вмѣшательствомъ судебныхъ чиновъ въ дѣла административныя, ибо прокурорскому надзору подчиняются только тѣ дѣла, которыя касаются какъ должностныхъ, такъ и частныхъ лицъ, или по которымъ должностныя лица обвиняются въ тяжкихъ преступ-

[1]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., изд. Гос. Канц., ч. II, изд. 2, СПБ. 1867 г., стр. 404.

[2]) М. А. Лозина-Лозинскій. Привлеченіе къ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Журн. Мин. Юст. 1895 г. 12, стр. 64.

леніяхъ“ [1]). (Статья 1089 Уст. Уг. Суд. указываетъ еще на третій случай: когда съ обвиняемаго должностного лица требуется вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные его дѣйствіями по должности).

Такимъ образомъ, въ цѣляхъ охраненія администраціи отъ суда, составители Уставовъ хотя и не устранили совсѣмъ слѣдственную власть и прокуратуру отъ привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, но присвоили при этомъ какъ той, такъ и другой настолько пассивную роль, что на практикѣ административная гарантія легко могла превратиться у насъ для чиновъ того или иного вѣдомства въ полную недосягаемость ихъ для суда. Столь рѣзкое несоотвѣтствіе подобнаго „изъятія изъ общаго порядка судопроизводства“ съ основными положеніями Уставовъ не могло, конечно, остаться незамѣченнымъ.

Уже ст. ст. 131—145 „Основныхъ Положеній“, излагавшія принятый затѣмъ въ Уставѣ порядокъ судопроизводства по преступленіямъ по службѣ, вызвали противъ себя цѣлый рядъ замѣчаній [2]). Въ литературѣ съ особенной силой высказался противъ административной гарантіи Н. В. Муравьевъ. „Каждому члену нашей магистратуры“, писалъ онъ, „...частнымъ лицамъ, испытавшимъ непріятность потерпѣть отъ служебныхъ злоупотребленій, наконецъ, всякому, кто внимательно слѣдитъ за фактами окружающей его общественной жизни... вѣроятно, хорошо извѣстно, какими огромными, часто непреодолимыми трудностями обставлено на практикѣ обнаруженіе должностного преступленія, возбужденіе преслѣдованія и благополучное проведеніе (его)...черезъ всѣ подводные камни и преграды исключительнаго судопроизводства. Они знаютъ также и то, что значительное количество такихъ преступленій, несомнѣнно совершившихся и иногда даже на виду у всѣхъ, остаются... неразоблаченными и безнаказанными, только благодаря процессуальной неуловимости“ [3])... „Административная гарантія—говорилъ въ заключеніи своей статьи авторъ—несправедлива, потому что дѣйствительность закона и правосудіе обезпечиваются только равенствомъ ихъ для всѣхъ, а слѣдовательно, и для лицъ, облеченныхъ

---

[1]) Судебные Уставы, изд. Государственной Канцеляріи, ч. II, стр. 423.

[2]) См. Замѣчанія о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи, ч. II, стр. 91; ч. III, стр. 24 и 274; ч. X, стр. 295, 299 и 321.

[3]) „Юрид. Вѣстникъ“ 1879 г., стр. 583.

должностною властью. Она не нужна, потому что чиновника преступнаго его начальство не можетъ и не должно укрывать, даже во имя своей административной независимости и своихъ административныхъ интересовъ, а невиннаго сумѣетъ отличить... самъ судъ" [1]). Но впослѣдствіи, повидимому, взгляды самого автора подверглись существеннымъ измѣненіямъ. По крайней мѣрѣ проектъ устава уголовнаго судопроизводства, выработанный Высочайше учрежденной комиссіей, состоявшей подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи Н. В. Муравьева, почти цѣликомъ сохранилъ существующій порядокъ преслѣдованія должностныхъ лицъ [2]). Между тѣмъ въ распоряженіи коммиссіи имѣлся по данному вопросу весьма показательный матеріалъ, собранный въ отчетахъ о ревизіи судебныхъ установленій, произведенной въ 1895 г. Такъ, напр., въ одномъ отчетѣ указывалось, что „каждому стоящему у дѣла извѣстно, что лихоимство, незаконные поборы, противозаконное лишеніе свободы, насиліе надъ личностью и проч. представляются въ нѣкоторыхъ служебныхъ сферахъ явленіемъ нерѣдкимъ, а между тѣмъ судебное разбирательство по такого рода дѣламъ относится . къ единичнымъ случаямъ. Всѣ почти преступленія этой категоріи не только не доходятъ до суда, но даже и не вызываютъ производства разслѣдованія" [3]).

Но, съ другой стороны, административная гарантія находила себѣ сторонниковъ не только среди администраціи. Въ числѣ ихъ— какъ это ни странно—возможно назвать, напр., В. Д. Спасовича. Въ своихъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, онъ категорически возставалъ противъ отмѣны подобной гарантіи. „Судъ—говорилъ онъ—доступнѣе другихъ вѣдомствъ вѣянію времени; сквозь магистратуру и судъ ставились бы порою требованія, для администраціи весьма тяжкія; прокуратура и судъ вырывали бы цѣлые ряды чиновъ, цѣлыя вѣдомства, казня людей, преслѣдовали бы систему....А между тѣмъ связь іерархическая была бы поколеблена, чиновникъ не зналъ бы на что оглядываться: на судъ или на начальство, кого слушаться. Онъ и теперь въ тяжеломъ положеніи (сбор-

---

[1]) Стр. 821.

[2]) См. объяснительную записку къ этому проекту, т. IX, стр. 215 и слѣд. Разборъ проекта см. у Н. И. Лазаревскаго, указ. соч. стр. 549 и сл.

[3]) Труды Комиссіи, т. III, стр. 604. Ср. также стр. 909 и 610.

щикъ податей, полиція, укрощающая толпу, строгій исполнитель, ненавидимый и почти навѣрное знающій, что его то навѣрное упекутъ, будь онъ преданъ суду). Итакъ, если бы было постановлено, въ отмѣну привилегій начальства, предавать чиновниковъ суду, то эта привилегія воскресла бы вновь въ видѣ особаго закона или Высочайшаго повелѣнія не давать ходу преданію суду безъ разрѣшенія служебнаго начальства" [1]).

Прокуратура—особенно въ первое время—энергично пыталась сузить область примѣненія такой судебной автономіи начальства, и въ интересахъ правосудія придавала иногда дѣламъ о преступленіяхъ должности направленіе, не соотвѣтствовавшее указаніямъ закона. „Недостаточность уголовной репрессіи за служебныя преступленія—писалъ К. Анциферовъ—и настоятельная необходимость въ ней....не разъ приводили судебную практику не только къ всевозможнымъ обходамъ существующаго закона, но даже къ прямымъ нарушеніямъ его. Представители прокуратуры не разъ брали на свой страхъ возбужденіе дѣлъ по служебнымъ преступленіямъ, послѣ того, какъ всѣ усилія ихъ добиться преслѣдованія въ законномъ порядкѣ разбивались о покровительство начальства" [2]). Но само собою разумѣется, что со своей стороны и начальство это не проявляло склонности идти на какія бы то ни было уступки и ревностно защищало своихъ подчиненныхъ отъ прокуратуры. Вполнѣ понятно, что при такомъ настроеніи обѣихъ сторонъ разномыслія возникали по поводу каждой статьи Устава, такъ или иначе касавшейся должностныхъ преступленій. Однако, даже и при поддержкѣ Соединеннаго Присутствія Прав. Сената, допускавшаго серьезныя отступленія отъ буквы закона, въ смыслѣ расширенія правъ прокурорскаго надзора, послѣднему далеко не всегда удавалось отстоять свою точку зрѣнія. Слишкомъ сильную защиту создалъ въ данномъ случаѣ для администраціи законъ, и, умудренная долголѣтнимъ опытомъ въ казуистикѣ, она безъ особаго труда пресѣкала вмѣшательство судебной власти въ вѣдомственную жизнь.

Такое вторженіе дискреціонной власти начальства въ полномочія суда и прокуратуры естественно отразилось и на харак-

---

[1]) Журн. Гражд. и Угол. Права 1879 г. II. Протоколъ засѣданія уголовн. отдѣленія Спб. Юридическаго общества, 20 мая 1878 г., стр. 17.

[2]). К. Анциферовъ. Къ вопросу о реформѣ порядка преслѣдованія за служебныя преступленія. Журн. Гражд. и Угол. Права 1882 г. X.

терѣ пререканій, поступавшихъ на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія. Поставленныя самимъ закономъ въ положеніе воюющихъ державъ, прокуратура и администрація зачастую такъ рѣзко расходились въ своемъ отношеніи по существу къ совершенному чиновникомъ преступленію, что имъ не оставалось ничего иного, какъ изыскивать какой либо формальный поводъ для разномыслія, и при этомъ, конечно, не приходилось уже пренебрегать никакой неясностью или недомолвкой закона. Благодаря этому, споръ возгорался иногда изъ за какихъ-нибудь мало существенныхъ деталей, къ тому-же достаточно уже выясненныхъ или самимъ законодателемъ, или Сенатомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что за этой сухой, доктринерской оболочкой всегда были скрыты подлинные интересы вѣдомственнаго самолюбія или нарушеннаго правосудія, и что такимъ образомъ подъ знаменемъ борьбы за букву стороны боролись за сохраненіе, а подчасъ и за расширеніе предоставленныхъ имъ закономъ правъ. Конечно, за недостаткомъ фактическаго матеріала, современному изслѣдователю далеко не всегда удается вскрыть эту реальную основу подобныхъ пререканій, но все-таки нѣкоторые характерные эпизоды этого затяжного конфликта между администраціей и прокуратурой можно прослѣдить и по опубликованнымъ опредѣленіямъ Соединеннаго Присутствія.

Но прежде намъ необходимо точнѣе опредѣлить участвующія въ такомъ конфликтѣ стороны, т. е. иначе говоря, тѣ органы власти, которые уполномочены закономъ на возбужденіе пререканій по поводу преступленій должности. Что касается административныхъ учрежденій, то первой инстанціей, возбуждающей разномыслiе, является начальство обвиняемаго, и если оно, вопреки мнѣнію прокурора, признаетъ, что обвиняемый не подлежитъ вовсе отвѣтственности, или, что взысканіе на него можетъ быть наложено въ административномъ порядкѣ, то дѣло переходитъ въ губернское правленіе, а о чинахъ, опредѣляемыхъ къ должности послѣднимъ или министерствомъ — въ Сенатъ (ст. 1092 Уст. Уг. Суд.). Въ свою очередь и опредѣленія губернскихъ правленій, въ случаѣ несогласія ихъ съ заключеніемъ прокурора въ отношеніи къ преданію суду должностного лица, представляются также въ Сенатъ (ст. 1093). Практика Соединеннаго Присутствія знаетъ, правда, очень немного случаевъ, когда отдѣльныя губернскія учрежденія (преимущественно при-

сутствія по крестьянскимъ дѣламъ) пытались обойти этотъ порядокъ и, минуя губернскія правленія, самостоятельно (или черезъ губернаторовъ) представляли свои разномыслія съ прокурорскимъ надзоромъ въ Сенатъ, но послѣдній неуклонно признавалъ подобныя представленія не надлежащимъ образомъ направленными и оставлялъ ихъ безъ разсмотрѣнія по существу (опредѣленія Соед. Присутствія 21 октября 1869 г. № 8007, 29 ноября 1879 г. №№ 971 и 972, 12 декабря 1888 г. № 10076 [1]). Такимъ образомъ, по буквальному смыслу закона и по толкованіямъ Сената всѣ пререканія о должностныхъ преступленіяхъ въ губерніи должны сосредоточиваться, а отчасти и возникать въ губернскомъ правленіи и обыкновенно оно именно и олицетворяетъ собою администрацію въ этихъ пререканіяхъ съ прокуратурою. Но не столь ясны опредѣленія закона относительно участвующихъ въ этомъ спорѣ лицъ прокурорскаго надзора. Уставъ Уг. Суд. (ст. 1091—1093) глухо говоритъ о „заключеніяхъ прокурора", и, основываясь на этомъ, Саратовское губернское правленіе признало по дѣлу Сидонскаго и Вознесенскаго, что товарищамъ прокуроровъ не присвоено по закону права давать заключенія о мѣрѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Соединенное Присутствіе, однако, не согласилось съ такимъ истолкованіемъ закона и въ своемъ опредѣленіи по этому дѣлу разъяснило, что „при единствѣ въ дѣйствіяхъ прокуроровъ и ихъ товарищей, изъ коихъ послѣдніе, поставленные въ непосредственное подчиненіе первымъ, дѣйствуютъ подъ руководствомъ прокуроровъ", надлежитъ признать, что „заключенія по дѣламъ о преступленіяхъ должности могутъ быть даваемы не только прокурорами судебныхъ мѣстъ, но и ихъ товарищами" (опредѣленіе 4 мая 1872 года № 543 [2]). Но примѣненіе на практикѣ такого порядка очень скоро было признано неудобнымъ. „Заключенія, предлагаемыя прокурорами на основаніи 1091 ст. начальству обвиняемыхъ—указывалъ въ своемъ циркулярѣ отъ 24 декабря 1875 года

---

[1]) В. И. Тимофеевскій и С. П. Кузнецовъ. Систематическій сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по вопросамъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства за преступленія должности. СПБ. 1896. стр. 659—671.

[2]) Н. Рычковъ. Систематическій сводъ опредѣленій Соединеннаго Присутствія Перваго и Уголовнаго кассаціоннаго департаментовъ Правительствующаго Сената. СПБ. 1877 г. стр. 197. Ср. Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 543.

№ 18928 министръ юстиціи — должны отличаться строгой послѣдовательностью и единствомъ проводимаго въ нихъ взгляда". Такое единство можетъ быть достигнуто, по мнѣнію министра, лишь при сосредоточеніи всѣхъ заключеній по дѣламъ о преступленіяхъ должности въ рукахъ прокурора окружнаго суда, какъ лица, подъ руководствомъ и по указаніямъ котораго дѣйствуетъ весь подчиненный ему прокурорскій надзоръ. „Между тѣмъ — говорится въ циркулярѣ — изъ доходящихъ до Правительствующаго Сената дѣлъ усматривается, что во многихъ округахъ разномыслія...возникаютъ по заключеніямъ..., составленнымъ товарищами прокурора окружнаго суда, причемъ эти заключенія не всегда соотвѣтствуютъ по своему содержанію и способу изложенія той зрѣлой обдуманности и ясному пониманію закона, которыя такъ желательно видѣть во всѣхъ дѣйствіяхъ прокурорскаго надзора". Въ виду этого министръ юстиціи предлагалъ прокурорамъ окружныхъ судовъ всѣ обязанности, возлагаемыя на прокурорскій надзоръ статьей 1091, принять исключительно на себя, и заключенія о дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ объ обвиняемыхъ должностныхъ лицахъ направлять къ начальству не иначе, какъ непосредственно самимъ прокурорамъ и за ихъ подписью [1]).

Казалось бы, что съ этимъ устраненіемъ товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ отъ непосредственнаго участія въ возбужденіи преканій относительно должностныхъ преступленій вопросъ объ органахъ власти, уполномоченныхъ на это, являлся вполнѣ исчерпаннымъ. Но при неясности закона жизнь, а точнѣе: опытъ и искусство чиновниковъ губернскихъ правленій,

---

[1]) Сборникъ циркуляровъ и инструкцій Министерства Юстиціи съ 1 января 1865 г. по 31 декабря 1877 г. СПБ. 1878 стр. 442 и 443. Въ литературѣ на этотъ циркуляръ обратилъ вниманіе В. А. Волжинъ. (Законъ и жизнь, т. I СПБ. 1891, стр. 149). По его мнѣнію, самый фактъ появленія подобнаго противорѣчащаго рѣшенію Сената распоряженія достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какое важное мѣсто отведено у насъ въ практикѣ судебной политикѣ. Но въ дѣйствительности все обстояло гораздо проще, чѣмъ это предполагаетъ Волжинъ. Какъ видно изъ подлиннаго дѣламинистерства, изданіе означеннаго циркуляра было вызвано исключительно необоснованностью большинства заключеній прокуратуры по обвиненіямъ должностныхъ лицъ. Указывалось, напримѣръ, что иногда только одна девятая часть такихъ заключеній признавалась Соединеннымъ Присутствіемъ согласными съ закономъ (Дѣло Министерства Юстиціи 1875 г. № 2228). Менѣе опытные товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ, очевидно, вносили въ свои состязанія съ администраціей слишкомъ много горячности и потому свободнѣе относились къ тѣмъ ограниченіямъ, которыя создалъ для прокуратуры въ преслѣдованіи должностныхъ лицъ самъ законъ.

выдвинули въ этомъ же самомъ вопросѣ новыя недоумѣнія, и благодаря этому создалась почва для иныхъ, такъ сказать, болѣе утонченныхъ разномыслій. Въ ст. 1093 указывается, напр., что опредѣленія губернскихъ правленій, не согласныя съ заключеніемъ прокурора представляются въ Сенатъ, но при этомъ не объяснено, какой стороной—прокуроромъ или губернскимъ правленіемъ—дѣлаются подобныя представленія. Г—ское губернское правленіе не замедлило воспользоваться этимъ и, не согласившись съ прокуроромъ относительно преданія суду волостного засѣдателя Ф., обвинявшагося въ растратѣ общественныхъ денегъ, объявило, „что считаетъ свое опредѣленіе по дѣлу окончательнымъ, почему и представленія въ Сенатъ дѣлать не можетъ". По сообщенію прокурора оберъ-прокуроръ I департамента внесъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе Соединеннаго Присутствія, которое признало, что „обязанность представить дѣло (въ Сенатъ) лежала несомнѣнно на губернскомъ правленіи, какъ на такомъ установленіи, которое выражаетъ свое мнѣніе по подобнымъ дѣламъ послѣ заключенія прокурорской власти, и несогласіе котораго съ этимъ заключеніемъ даетъ дѣлу направленіе въ порядкѣ, указанномъ ст. 1093" [1]). Любопытно отмѣтить при этомъ, что, судя по другому опредѣленію Сената [2]), указанная недомолвка закона дала возможность, повидимому, тому же г-скому губернскому правленію возбудить совершенно аналогичное пререканіе еще по одному дѣлу. Такимъ образомъ, всякое новое открытіе неясностей въ законѣ старались сразу же использовать, какъ можно шире.

Но если даже такія несущественныя неясности закона, какія приведены выше, могли вызвать пререканія между администраціей и прокуратурой, то легко представить себѣ, какое количество дѣлъ восходитъ до Сената вслѣдствіе того, что въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства не содержится опредѣленія тѣхъ условій, при которыхъ уголовное преслѣдованіе направляется въ порядкѣ ст. ст. 1066 и сл., т. е. иначе говоря, не дано опредѣленія самаго понятія преступленія должности. Конечно, какъ прокуратура, такъ и губернскія правленія не упустили возмо-

---

[1]) Опредѣленіе Соединеннаго Присутствія 24 мая 1873 г. № 9624. Н. Рычковъ, стр. 98—99.

[2]) Опредѣленіе Соединеннаго Присутствія 18 декабря 1873 г. № 9625. Н. Рычковъ, стр. 100.

жности учесть столь важнаго пробѣла закона, и въ то время, какъ первая прилагала всѣ усилія къ тому, чтобы возможно больше сузить содержаніе этого невыясненнаго закономъ понятія, послѣднія пытались иногда подводить подъ должностныя преступленія и общія преступныя дѣянія, совершенныя должностными лицами. Къ довершенію всего и сенатская практика не давала сколько-нибудь точнаго критерія для выясненія даннаго вопроса. Такъ, въ опредѣленіи по дѣлу Кособрюхова (16 сентября 1871 г. № 6654) Соединенное Присутствіе разъяснило, что при установленіи наличности служебнаго преступленія надлежитъ руководствоваться соображеніями „не о свойствѣ виновныхъ лицъ, а о свойствѣ самаго дѣйствія", по которому возбуждено дѣло [1]). Исходя изъ этого положенія, Присутствіе не признало правильными заключенія прокуроровъ о направленіи въ общемъ порядкѣ дѣлъ: служившаго по вольному найму письмоводителя исправника, обвинявшагося въ несвоевременномъ взносѣ въ казначейство казенныхъ денегъ (дѣло Кособрюхова), неутвержденнаго установленнымъ порядкомъ въ должности смотрителя сельской тюрьмы, освободившаго по своему усмотрѣнію заключеннаго подъ стражу (опред. 15 ноября 1882 г. № 9161), канцелярскаго служителя и вольнонаемнаго письмоводителя при полицейскомъ участкѣ, выманившихъ деньги съ арестованнаго, подъ предлогомъ освобожденія его изъ подъ ареста (опред. 18 января 1888 г. № 434), исполнявшаго за другого должность сотника, снявшаго съ двухъ крестьянъ картузы съ цѣлью получить „подарокъ или на выпивку" (опред. 28 ноября 1883 г. № 7876), крестьянъ, обвинявшихся въ упускѣ конвоированнаго ими арестанта (опред. 20 октября 1886 г. № 6524) [2]). По своимъ бытовымъ подробностямъ особенно характерно послѣднее дѣло. 17 сентября 1885 года уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ крестьянинъ К. и доставленъ сопровождавшимъ его сотскимъ въ деревню Щ., гдѣ былъ „сданъ женѣ десятскаго Ольгѣ Г., а послѣднею переданъ крестьянину С. для дальнѣйшаго слѣдованія. Въ пути К. (въ присутствіи С.) „продалъ...арестантскій халатъ женѣ мѣстнаго сельскаго старосты Аксеньѣ Ф. Послѣ того К. былъ приведенъ

[1]) Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 167. Рычковъ, стр. 185 и 186.
[2]) См. Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 183, 184, 191, 194 и 261.

въ деревню П., гдѣ (былъ) сданъ женѣ десятскаго той деревни, а по распоряженію послѣдней переданъ крестьянину Г. для доставленія въ „волостное правленіе", но дорогою бѣжалъ. Настаивая на томъ, что С. и Г. подлежатъ отвѣтственности въ порядкѣ, установленномъ для должностныхъ лицъ (С. по ст. 351, а Г. по ст. 452 Улож. о Нак.), губернское правленіе ссылалось на рѣшеніе Сената о сельскихъ обывателяхъ, назначенныхъ на законномъ основаніи для присмотра за арестантомъ и допустившихъ побѣгъ такового (опред. 13 декабря 1876 г. № 9611). Такимъ образомъ, защищая авторитетъ администраціи, губернское правленіе не остановилось даже передъ тѣмъ, чтобы признать сдѣланнымъ „на законномъ основаніи" „распоряженіе" жены десятскаго деревни П.

Но, въ противоположность указаннымъ выше опредѣленіямъ Соединеннаго Присутствія, Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ въ своихъ рѣшеніяхъ старалось ограничить понятіе должностного преступленія и признало, напр., что особый порядокъ преслѣдованія непримѣнимъ къ членамъ евангелическо-лютеранскихъ совѣтовъ, такъ какъ они не пользуются правами государственной службы (рѣш. 1892 г. № 38; ср. также 1880 № 26 и 1888 № 8). Создавалась, слѣдовательно, какая то безъисходная неопредѣленность понятій, которая еще больше затемняла и безъ того неясную границу, отдѣлявшую должностныя преступленія отъ общихъ. И было бы странно, если бы административное начальство не предприняло попытокъ использовать это обстоятельство въ смыслѣ усиленія своего вліянія на уголовную репрессію подчиненныхъ ему лицъ. Одно губернское правленіе, напр., признавало должностнымъ преступленіемъ кражу сотскимъ на базарѣ свиной туши (опред. Соед. Присутствія 15 ноября 1882 г. № 9167), другое возбуждало въ порядкѣ ст. ст. 1066 и слѣд. преслѣдованіе противъ полицейскаго десятскаго за порубку казеннаго лѣса (опред. Соедин. Присутствія 12 декабря 1888 г. № 10086). Правда, Соединенное Присутствіе въ обоихъ случаяхъ (опять таки безъ достаточной послѣдовательности) признало, что и сотскій, и десятскій совершили вмѣняемыя имъ въ вину дѣянія въ качествѣ частныхъ лицъ и поэтому согласилось съ заключеніемъ прокуроровъ о направленіи этихъ дѣлъ въ общемъ порядкѣ. Но столь авторитетное свидѣтельство, какъ данныя ревизіонныхъ отчетовъ, всетаки не позво-

ляетъ признавать подобныя рѣшенія типичными. „Смѣшеніе понятій о должностномъ преступленіи съ понятіемъ о преступленіи должностного лица—говорится въ отчетѣ.....—ведетъ къ тому, что по всѣмъ преступленіямъ, поименованнымъ, какъ должностныя, требуется соблюденіе порядка, указаннаго въ 1085 ст. Уст. Уг. Суд." [1]).

Если обратиться засимъ къ отдѣльнымъ моментамъ, опредѣляющимъ порядокъ преслѣдованія должностныхъ преступленій, то прежде всего, конечно, придется остановиться на возбужденіи дѣла и предварительномъ изслѣдованіи его. Согласно 1085 и 1086 ст. ст. Уст. Уг. Суд., донесенія и сообщенія о преступленіяхъ должности по административнымъ вѣдомствамъ обращаются къ начальству обвиняемаго, которое сообщаетъ послѣднему о предметахъ обвиненія и требуетъ отъ него надлежащихъ объясненій. Въ случаѣ же, если по обстоятельствамъ дѣла окажется необходимымъ предварительное изслѣдованіе, то таковое возлагается на чиновниковъ, подвѣдомственныхъ тому же начальству. Такимъ образомъ, какъ возбужденіе, такъ и предварительное изслѣдованіе дѣла Уставъ предоставляетъ всецѣло администраціи, и подобная система полнаго устраненія прокуратуры отъ участія въ этой первой стадіи уголовнаго процесса, не рѣдко, однако, опредѣляющей всю дальнѣйшую судьбу его, можетъ быть, яснѣе, чѣмъ все другое, характеризуетъ своеобразность созданныхъ Уставомъ для преступленій по службѣ „изъятій". Слабость уголовной репрессіи, указываетъ г. Лазаревскій, [2]), лежитъ не столько въ правѣ начальства предавать или не предавать суду, сколько именно въ чисто административномъ характерѣ всей той процедуры, которая предшествуетъ постановленію о преданіи суду или административному окончанію дѣла, а также въ томъ, что эта процедура не соотвѣтствуетъ всѣмъ потребностямъ сколько нибудь правильно поставленнаго уголовнаго процесса.

Но зато она, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовала соображеніямъ удобства отдѣльныхъ вѣдомствъ и, чтобы осуществить это на практикѣ, администраціи оставалось только требовать точнаго исполненія закона. Здѣсь прежде всего могъ возник-

[1]) Труды Комиссіи для пересмотра законоположеній по суд. части, т. V, стр. 265.
[2]) Н. Лазаревскій, указ. соч., стр. 542.

нуть вопросъ объ обязательности порядка истребованія начальствомъ объясненія обвиняемаго. Казалось бы, что законъ даетъ вполнѣ опредѣленный утвердительный отвѣтъ на это, но въ своемъ опредѣленіи отъ 8 марта 1873 года № 2170 Соединенное Присутствіе разъяснило, что соблюденіе этого порядка „въ случаяхъ особенно важныхъ..... не достигало бы главной существенной цѣли всякаго уголовнаго преслѣдованія — наивозможно скораго изслѣдованія и принятія немедленныхъ мѣръ къ сохраненію слѣдовъ преступленія и обнаруженію виновнаго въ томъ лица“ [1]). Поэтому въ дѣлахъ о преступленіи должности,—подходящихъ подъ категорію упомянутыхъ въ п. 3 ст. 1089, — говорится въ излагаемомъ нами ниже опредѣленіи Соединеннаго Присутствія отъ 27 марта 1873 года № 2759— если обстоятельства дѣла потребуютъ скорѣйшаго разслѣдованія преступленія и принятія немедленно мѣръ къ предотвращенію обвиняемому скрыть слѣды содѣяннаго, начальство сего послѣдняго обязано назначить слѣдствіе черезъ судебнаго слѣдователя, не выжидая объясненій со стороны обвиняемыхъ. Но такое свободное отступленіе отъ буквы закона прививалось на мѣстахъ крайне туго. Такъ, напр., товарищъ прокурора одного окружнаго суда удостовѣрился лично, что исправникъ, его помощникъ и уѣздный врачъ допустили незаконное отягощеніе участи содержащагося подъ арестомъ крестьянина Д., заключили его „въ отдѣльную вонючую камеру, несмотря на его болѣзненное состояніе, послѣдствіемъ чего была смерть Д.“. Получивъ требованіе о назначеніи надъ указанными чинами полиціи и врачемъ предварительнаго слѣдствія, губернское правленіе запросило отъ обвиняемыхъ объясненій и отъ нихъ же самихъ затребовало свѣдѣнія и чертежи, служившіе къ провѣркѣ обвиненія, а за симъ нашло ихъ дѣйствія правильными и не подлежащими никакому преслѣдованію. По представленію прокурора палаты дѣло слушалось въ Соединенномъ Присутствіи, которое,

---

[1]) Н. Рычковъ, стр. 31. Къ сожалѣнію, ни въ этомъ сборникѣ, ни въ сборникѣ Тимофеевскаго и Кузнецова, не приведены достаточно подробно обстоятельства, по которому послѣдовало цитируемое опредѣленіе Сената. Становой приставъ М—въ обвинялся въ истязаніяхъ крестьянъ, послѣдствіемъ чего была смерть одного изъ нихъ. Губернское правленіе, повидимому, не назначало предварительнаго слѣдствія до полученія объясненій обвиняемаго, что потребовало бы, по словамъ Сената, значительнаго времени, въ теченіе котораго могли уничтожиться самые слѣды преступленія и трупъ умершаго едва ли могъ быть впослѣдствіи надлежавшимъ образомъ освидѣтельствованъ.

принявъ во вниманіе, что, при замедленіи въ назначеніи слѣдствія, обвиняемые имѣли всѣ средства скрыть слѣды преступленія, признало, что губернское правленіе должно было тотчасъ же по полученіи сообщенія прокурорской власти назначить слѣдствіе съ устраненіемъ обвиняемыхъ отъ должности, и поэтому, отмѣнивъ состоявшееся по дѣлу постановленіе губернскаго правленія, Соединенное Присутствіе постановило о неправильныхъ дѣйствіяхъ правленія сообщить на усмотрѣніе I департамента Сената [1]). Не менѣе характеренъ и другой случай. Городовой А., стоя на посту, нанесъ М. шесть ранъ и на дознаніи показалъ, что засталъ М. при совершеніи ночью кражи изъ лавки и, встрѣтивъ съ его стороны сопротивленіе къ заарестованію его, принужденъ былъ употребить въ дѣло оружіе. Но товарищъ прокурора окружнаго суда квалифицировалъ дѣяніе А. какъ общеуголовное преступленіе (разбой) и собственной властью распорядился привлеченіемъ А. къ слѣдствію и заключеніемъ его подъ стражу. Окружный судъ въ судебномъ засѣданіи оправдалъ А. въ разбоѣ, но нашелъ въ его дѣйствіяхъ учиненное имъ при исполненіи служебныхъ обязанностей покушеніе на убійство М. Въ виду этого, дѣло поступило въ губернское правленіе, которое признало, что при нанесеніи ранъ потерпѣвшему А. дѣйствовалъ въ качествѣ должностного лица и имѣя въ виду, что отъ обвиняемаго были затребованы объясненія и состоялось постановленіе его начальства о возбужденіи противъ него уголовнаго преслѣдованія, полагало, что неподлежаще возбужденное предварительное слѣдствіе подлежитъ отмѣнѣ. Соединенное Присутствіе не согласилось съ такимъ выводомъ и признало, что при данномъ положеніи дѣла истребованіе отъ А. новыхъ объясненій, являлось бы простой формальностью, существомъ дѣла не оправдываемою (опр. Соед. Прис. 24 октября 1888 г. № 8218 [2]).

Столь же мало гарантій для правильнаго осуществленія правосудія представляло и предварительное административное разслѣдованіе служебныхъ преступленій. Не касаясь его недостатковъ по существу, достаточно уже выясненныхъ, какъ практикой,

---

[1]) Опредѣленіе Соединеннаго Присутствія 27 марта 1873 г. № 2759. Н. Рычковъ, стр. 32—34.

[2]) Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 348—350.

такъ и теоріей [1]), замѣтимъ, что и сами составители Уставовъ сознавали неудобство полнаго устраненія судебной власти и прокуратуры отъ слѣдственныхъ дѣйствій по преступленіямъ должности. „Едва-ли — указывалось въ объяснительной запискѣ 1864 г.—правило (объ административномъ разслѣдованіи), столь полезное и необходимое для поддержанія достоинства и самостоятельности административныхъ властей, не должно допускать никакихъ исключеній“ [2]). Въ видѣ такого именно исключенія Уставъ Уголовнаго Судопроизводства устанавливаетъ обязательность предварительнаго слѣдствія черезъ судебнаго слѣдователя въ случаяхъ: 1) когда въ преступленіи вмѣстѣ съ должностными лицами участвовали и частныя лица, 2) когда съ обвиняемаго должностного лица требуется вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные его дѣйствіями по должности, 3) когда должностное лицо обвиняется въ такомъ преступленіи, которое по закону влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или же потерю всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 1089). Не трудно замѣтить, что и при перечисленіи этихъ поводовъ обязательнаго производства предварительнаго слѣдствія законъ очень бережно относится къ самостоятельности вѣдомствъ и ограничиваетъ вторженіе слѣдственной власти въ сферу административнаго усмотрѣнія лишь наиболѣе важными случаями. Но все-таки въ практикѣ Соединеннаго Присутствія имѣются прецеденты, когда начальство отказывало въ назначеніи предварительнаго слѣдствія при совершеніи чиновникомъ преступленія, предусмотрѣннаго 3 п. ст. 1089. Новгородское губернское правленіе, напр., само признало, что на полиціймейстера Ланге упадаетъ обвиненіе въ прямомъ упорствѣ и превышеніи власти и притомъ при отсутствіи смягчающихъ его вину обстоятельствъ, т. е. въ преступленіи, за которое виновный можетъ подвергнуться одному изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 341 Улож. о Нак., въ томъ числѣ и лишенію правъ. Но, тѣмъ не менѣе, оно не сдѣлало распоряженія о производствѣ по дѣлу предварительнаго слѣдствія и мотивировало это тѣмъ, что дѣйствія Ланге подходятъ подъ первый отдѣлъ 341 ст. Улож. Нак. Соединенное Присутствіе,

[1]) Труды комиссіи для пересмотра узаконеній по судебной части. Сводъ ревизіонныхъ отчетовъ, т. III, стр. 599, 602, 615. Н. Лазаревскій. Указ. соч., стр. 543—545.

[2]) Судебные Уставы, изд. Государственной Канцеляріи, стр. 419.

однако, признало подобное заключеніе „преждевременнымъ“ и подлежащимъ отмѣнѣ. (опред. Соед. Прис. 21 октября 1869 г.) [1]).

Изъ болѣе новой практики Сената отмѣтимъ такой же точно отказъ губернскаго правленія въ назначеніи предварительнаго слѣдствія по дѣлу чиновъ е-ской городской полиціи. При посѣщеніи городской тюрьмы товарищъ прокурора окружнаго суда нашелъ тамъ 32 человѣка крестьянъ, задержанныхъ по постановленію городского полицейскаго управленія „за неимѣніе письменныхъ видовъ впредь до отправки этапа“. При разслѣдованіи выяснилось, что крестьяне эти, работавшіе на мѣстныхъ лѣсопильныхъ заводахъ, прекратили работу и требовали, черезъ мирового судью, возврата своихъ паспортовъ и что таковые были переданы предпринимателями полиціймейстеру и по распоряженію послѣдняго препровождены мировому судьѣ. Въ виду этого прокурорскій надзоръ возбудилъ вопросъ объ обвиненіи: 1) полиціймейстера въ противозаконномъ лишеніи свободы 32 человѣкъ (п. 3 ст. 1540 Улож. о Нак.) и 2) всего состава полицейскаго управленія въ томъ, что въ постановленіе о задержаніи этихъ рабочихъ были внесены завѣдомо ложныя свѣдѣнія о нарушеніи арестованными паспортнаго устава (ст. 362 Улож.). Такъ какъ означенныя преступленія относятся къ числу тѣхъ, кои предусмотрѣны въ п. 3 ст. 1089 Уст. Уг. Суд., то въ своемъ заключеніи прокуроръ указывалъ на необходимость производства по дѣлу предварительнаго слѣдствія. Губернское правленіе, однако, не согласилось начать преслѣдованіе противъ указанныхъ должностныхъ лицъ и объяснило, что въ то время въ городѣ начались антиеврейскіе безпорядки и „чины городской полиціи поступили совершенно цѣлесообразно и предусмотрительно, задержавъ (этихъ рабочихъ), на коихъ горожанами было указано, какъ на подстрекателей безпорядковъ“. Но Соединенное Присутствіе не признало этихъ соображеній убѣдительными. Подтвердивъ снова обязанность начальства распорядиться назначеніемъ предварительнаго слѣдствія, если дѣло подходитъ подъ дѣйствіе 1089 ст. и не имѣется притомъ обстоятельствъ, „вполнѣ и несомнѣнно оправдывающихъ“ обвиняемыхъ, Сенатъ отмѣтилъ въ то же время и фактическія неточности постановленія губернскаго правленія: рабочіе были арестованы въ ночь на 12 апрѣля,

---

[1]) Н. Рычковъ, стр. 190.

когда они спали въ отведенномъ имъ помѣщеніи, „а слѣдовательно, заключаетъ Сенатъ, они не могли участвовать въ уличныхъ безпорядкахъ", имѣвшихъ мѣсто въ ночь на 15 апрѣля. (опред. 12 ноября 1890 г. № 9512) [1]).

Въ этихъ двухъ опредѣленіяхъ Соединенное Присутствіе подтвердило лишь обязанность администраціи назначить предварительное слѣдствіе при наличности условій, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1089, и обошло вовсе молчаніемъ вопросъ о правѣ прокуратуры самостоятельно требовать въ такихъ случаяхъ назначенія слѣдствія. Точный смыслъ 1085 ст. Устава не оставлялъ, кажется, никакихъ сомнѣній въ томъ, что законодатель не имѣлъ въ виду расширять такъ далеко прерогативы прокурорскаго надзора. Но практическая необходимость заставила Сенатъ въ опредѣленіи по дѣлу Пересыпкина (9 декабря 1871 г.) раздвинуть въ этомъ направленіи рамки, поставленныя закономъ. По заявленіямъ частныхъ лицъ судебный слѣдователь города Данкова возбудилъ, безъ соблюденія порядка, указаннаго въ 1085 и 1090 ст., преслѣдованіе противъ засѣдателя данковскаго полицейскаго управленія Пересыпкина, обвиняя его въ противозаконныхъ при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей дѣйствіяхъ. Соединенное Присутствіе, хотя и отмѣнило это постановленіе слѣдователя, но разъяснило при этомъ, что „назначеніе надъ обвиняемымъ предварительнаго слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя, помимо начальства обвиняемаго, не можетъ быть стѣсненіемъ правъ административной власти, ибо означенное слѣдствіе, не предрѣшая вопроса о виновности обвиняемаго, даетъ лишь самый вѣрный матеріалъ для открытія истины, къ чему должны одинаково стремиться какъ обвинительная власть, такъ и административное начальство" [2]).

Намъ остается еще остановиться на нѣкоторыхъ пререканіяхъ между прокуратурой и администраціей по поводу самаго преданія должностныхъ лицъ суду. Но и здѣсь поле дѣйствія, которое законъ предоставилъ прокурорскому надзору, лишено должнаго простора.

Прежде всего, по толкованію Сената, прокуратура не вправѣ возбуждать разномыслія по такимъ дѣламъ, которыя не подхо-

---

[1]) Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 357—362.

[2]) Н. Рычковъ, стр. 191 и 192.

дятъ подъ условія 1089 ст. и которыя начальство обвиняемаго предполагаетъ окончить или въ порядкѣ административномъ или совершеннымъ освобожденіемъ обвиняемаго отъ взысканія. Признавать за представителями прокурорской власти такое право— указывалось въ опредѣленіи Соед. Присутствія отъ 30 сентября 1875 г. № 6893—„не только не представляется достаточныхъ основаній, но даже не согласовалось бы ни съ тѣми соображеніями, которыя послужили поводомъ къ допущенію участія органовъ судебной власти въ производствѣ предварительнаго слѣдствія о преступленіяхъ должности, ни тѣмъ положеніемъ, въ которое поставлена прокурорская власть по Судебнымъ Уставамъ по отношенію къ власти административной". Исходя изъ этихъ соображеній, Соединенное Присутствіе оставляло безъ разсмотрѣнія по существу такія пререканія, какъ, напримѣръ, по дѣлу полицейскаго пристава Т., обвинявшагося въ нанесеніи при исполненіи своихъ обязанностей оскорбленія словами и дѣйствіемъ двумъ мѣщанамъ; или по дѣлу частнаго пристава В., привлекавшагося къ отвѣтственности за неправильное арестованіе на одинъ часъ еврея Б.; причемъ въ томъ и другомъ случаѣ прокурорскій надзоръ настаивалъ на преданіи суду, а губернскія правленія предполагали ограничиться мѣрами административнаго взысканія (опред. Соед. Присут. 30 сентября 1875 г. № 6893 и 22 апрѣля 1875 г. № 3088) [1]).

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія закона, усмотрѣніе начальства является единственнымъ критеріемъ въ вопросѣ о преданіи суду за преступленія должности, не подходящія подъ условія 1089 ст. Но администрація не довольствовалась этимъ и неоднократно пыталась распространить такое свое исключительное право и на тѣ случаи, когда совершенное чиновникомъ преступное дѣяніе по признакамъ своимъ подходитъ подъ п. 3 ст. 1089. Одно губернское правленіе, напр., отказало въ преданіи суду полиціймейстера, уничтожившаго составленный по его же приказанію актъ о неприличномъ поведеніи частнаго лица въ публичномъ мѣстѣ, причемъ обвиняемый, не отвергая этого обстоятельства, доказывалъ, что актъ уничтожился случайно, упавъ подъ столъ, откуда былъ выметенъ прислугою во дворъ.

---

[1]) Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 688—691.

Между тѣмъ прокурорскимъ надзоромъ было установлено, что актъ былъ уничтоженъ самимъ обвиняемымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы скрыть объясненія, помѣщенныя тамъ заинтересованными въ дѣлѣ лицами (опред. Соед. Присут. 13 іюня 1874 г. № 4885).

Другое губернское правленіе ограничилось объявленіемъ строгаго выговора исправнику Т. и приставу Б., обвинявшимся въ превышеніи и противозаконномъ бездѣйствіи власти и въ подлогѣ по службѣ (опред. Соед. Прис. 8 марта 1873 г. № 2170). Третье-же не нашло возможнымъ предать суду десятскаго, распорядившагося объ освидѣтельствованіи всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ деревни П. съ цѣлью открытія виновной въ дѣтоубійствѣ, и мотивировало это тѣмъ, что виновный заслуживаетъ снисхожденія „такъ какъ освидѣтельствованіе было произведено осторожно, почти безъ нарушенія стыдливости“ (опред. Соед. Прис. 30 сентября 1875 г. № 6898). Четвертое, наконецъ, опредѣлило прекратить преслѣдованіе конно-полицейскаго урядника, обвинявшагося въ распечатываніи, безъ всякаго на то законнаго основанія, писемъ, адресованныхъ на имя учителей сельскихъ школъ. „Обвиняемый—указывало губернское правленіе—дѣйствовалъ не изъ празднаго любопытства и личныхъ своихъ интересовъ, а съ единственной цѣлью... раскрыть причину весьма частой переписки двухъ народныхъ училищъ.... въ формѣ офиціальной корреспонденціи за номеромъ.... сверхъ того письма были въ конвертахъ изъ самой лучшей слоновой и министерской бумаги“ (опред. Соед. Присут. 11 ноября 1885 г. № 7861) [1]).

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы иллюстрировать ту борьбу, которую такъ неустанно вела наша прокуратура съ администраціей, отвоевывая себѣ то или иное правомочіе въ преслѣдованіи должностныхъ преступленій. Сенатская практика показываетъ, что, благодаря несовершенству закона, побѣда чаще оставалась на сторонѣ администраціи, и, какъ свидѣтельствовало одно изъ вѣдомствъ въ концѣ девятидесятыхъ годовъ, у мѣстныхъ начальниковъ и до сихъ поръ существуетъ „тенденція прикрывать грѣхи своихъ подчиненныхъ и, для избѣжанія огласки незаконныхъ ихъ дѣйствій, совсѣмъ отрицать

---

[1]) Тимофеевскій и Кузнецовъ, стр. 351, 352, 354—356, 372, 373 и 623—630.

или по крайней мѣрѣ уменьшать ихъ виновность, сводя ее къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ, не подлежащимъ вѣдѣнію суда“ [1]). Поставленные въ данномъ случаѣ въ ненормальныя условія представители судебной власти не въ силахъ были бороться съ пережитками старой эпохи.

V. Столкновенія между судами и вѣдомствами военнымъ и духовнымъ.

Въ первые же годы своей дѣятельности новымъ судебнымъ установленіямъ пришлось также пережить нѣкоторыя тренія съ военнымъ вѣдомствомъ. Отчасти они происходили вслѣдствіе ошибочныхъ дѣйствій мировыхъ судей, отчасти же не стояли въ прямой связи съ какими либо новыми правилами Уставовъ. Эти послѣднія событія особенно интересны, во первыхъ, какъ проявленія того новаго и непривычнаго еще обществу духа, который внесли съ собой новые судебные порядки—при прежнихъ они вовсе не могли бы имѣть мѣста, а во вторыхъ, какъ свидѣтельства того напряженнаго вниманія, съ которымъ слѣдили за дѣятельностью новыхъ органовъ правосудія всѣ слои общества.

Одинъ изъ петербургскихъ слѣдователей по дѣлу объ оскорбленіи часового при тюремномъ замкѣ вызвалъ въ качествѣ свидѣтеля полковника одного изъ гвардейскихъ полковъ. Насколько можно судить по сохранившемуся въ дѣлахъ матеріалу, полковникъ этотъ имѣлъ лишь косвенное отношеніе къ дѣлу; оскорбленный часовой сообщилъ слѣдователю, что во время разслѣдуемаго происшествія проѣзжалъ мимо него гвардейскій полковникъ, котораго онъ точнѣе назвать не могъ, и слѣдователь поэтому вызывалъ къ себѣ нѣсколькихъ лицъ этого чина. Допросъ полковника продолжался очень недолго, и, записавъ показаніе, слѣдователь попросилъ свидѣтеля его подписать. Полковникъ тотчасъ же принесъ жалобу по начальству, обвиняя слѣдователя въ томъ, что вызвалъ онъ его напрасно и не былъ до-

[1]) Сводъ отзывовъ на проекты, выработанные комиссіей по пересмотру законоположеній по судебной части. Отзывъ министра финансовъ, стр. 649.

статочно почтителенъ съ нимъ. Слѣдователь же, съ своей стороны, въ объясненіяхъ, представленныхъ позднѣе, указывалъ на то, что вызванный полковникъ говорилъ съ нимъ въ командномъ тонѣ и велъ себя вызывающе. Кто изъ двухъ былъ правъ, теперь не рѣшить, но, какъ бы то ни было, военный министръ Милютинъ счелъ необходимымъ указать вниманію министра юстиціи этотъ инцидентъ, причемъ однако объяснялъ, что полковникъ не имѣлъ въ виду приносить формальной жалобы на слѣдователя, но обратился по начальству, дорожа честью мундира. Послѣ перваго письма Милютинъ вскорѣ же прислалъ другое (12 ноября 1866 г.), въ которомъ, сообщая со словъ полковника подробности допроса, подтверждалъ, что „подобные поступки со стороны нѣкоторыхъ судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей повторялись неоднократно". Министръ юстиціи тогда счелъ необходимымъ разослать прокурорамъ палатъ циркуляръ (18 ноября 1866 г.) очень отвлеченнаго содержанія, которымъ предлагалось слѣдователямъ напрасно не вызывать къ допросу свидѣтелей, быть вѣжливыми и вообще своимъ поведеніемъ не вызывать неудовольствія [1]).

Въ томъ же году произошелъ другой случай. Въ камерѣ одного изъ мировыхъ судей находились одновременно офицеръ и нижній чинъ; судья предложилъ послѣднему сѣсть, что тотъ и исполнилъ въ присутствіи офицера. Офицеръ доложилъ по начальству о такомъ нарушеніи воинской дисциплины, и дѣло дошло до Государя, которому поведеніе судьи не понравилось. Министръ юстиціи, объясняя это происшествіе, вполнѣ основательно сослался въ своемъ письмѣ къ Милютину на то, что судья здѣсь ни причемъ, и дисциплина нарушена была не имъ, а солдатомъ, но нѣкоторое впечатлѣніе отъ этого происшествія осталось. Въ то же приблизительно время до военнаго министра дошли свѣдѣнія о присужденіи лицъ военнаго званія мировыми судьями за различные проступки, подсудные военному суду. Въ Бронницкомъ уѣздѣ какой-то юродивый набросился на офицера и хотѣлъ его избить. Офицеръ сообщилъ объ этомъ мировому судьѣ и просилъ оградить его на будущія времена отъ такихъ нападеній. Судья, разсмотрѣвъ дѣло, убѣдился, что нападающій дѣйствительно былъ невмѣняемъ, но, что при столк-

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 1476.

новеніи съ офицеромъ въ свою очередь пострадалъ, и за удары, нанесенные юродивому, приговорилъ офицера къ штрафу въ 25 руб. Офицеръ перенесъ дѣло въ съѣздъ, прося разсмотрѣть его въ законномъ порядкѣ, а съѣздъ рѣшеніе судьи утвердилъ. Въ Кронштадтѣ другой офицеръ за избіеніе великобританской подданной былъ приговоренъ мировымъ судьей на 3 мѣсяца ареста, съѣздъ приговоръ судьи отмѣнилъ, но дѣло было кассировано Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ. Въ Царскосельскомъ уѣздѣ судья судилъ за кражу нижнихъ чиновъ, откомандированныхъ въ межевое вѣдомство, и съѣздъ призналъ дѣло себѣ подсуднымъ именно въ виду такого служебнаго положенія этихъ нижнихъ чиновъ. Разбирая буйство, учиненное въ офицерскомъ собраніи одного изъ полковъ въ красносельскомъ лагерѣ какимъ-то субъектомъ, мировой судья оштрафовалъ за неявку вызванныхъ въ качествѣ свидѣтелей офицеровъ полка и по показанію нѣкоторыхъ лицъ пренебрежительно отозвался о военныхъ чинахъ. Обо всѣхъ этихъ (и еще нѣкоторыхъ другихъ) фактахъ Милютинъ сообщилъ министру юстиціи, обращая его вниманіе на этого рода столкновенія [1]), а кромѣ того 19 апрѣля 1866 г. издалъ по военному вѣдомству приказъ, въ которомъ разъяснялись отношенія воинскихъ чиновъ къ новымъ судебнымъ установленіямъ. Этотъ приказъ вскорѣ снова былъ подтвержденъ 27 іюня 1867 г. Изложивъ въ его началѣ правила ст. 219 Уст. Уг. Суд., военный министръ продолжалъ: „Имѣя въ виду, что въ послѣднее время въ нарушеніе вышеизложенныхъ правилъ было нѣсколько случаевъ привлеченія къ разбирательству у мировыхъ судей воинскихъ чиновъ, причемъ лица, призываемыя къ суду, по недоразумѣнію подчинялись рѣшеніямъ мировыхъ судей или приносили на нихъ жалобы въ мировые съѣзды по существу, не ссылаясь на неподсудность ихъ суду гражданскаго вѣдомства... считаю нужнымъ подтвердить о точномъ соблюденіи означенныхъ правилъ". Но при вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей воинскимъ чинамъ вмѣнялось въ обязанность „въ точности и безпрекословно исполнять всѣ требованія судебныхъ чиновъ, которыя относятся къ исполненію ихъ судебныхъ обязанностей. Но исполненіе сихъ требованій ни въ коемъ случаѣ не должно служить

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1867 г. № 6358.

военнослужащимъ поводомъ во взаимныхъ между собой отношеніяхъ къ нарушенію правилъ воинскаго чинопочитанія и военной дисциплины". Это предписаніе пояснялось разсказомъ объ описанномъ уже случаѣ съ нижнимъ чиномъ, сѣвшимъ въ присутствіи офицера; такія нарушенія дисциплины, „даже подъ предлогомъ исполненія требованія судебныхъ чиновъ" навлекутъ за собой строгую отвѣтственность виновныхъ [1]).

Этотъ послѣдній приказъ военнаго министра весьма характеренъ для выясненія тѣхъ отношеній, которыя установились къ новымъ судамъ въ военномъ вѣдомствѣ. Послѣднее, въ интересахъ военной дисциплины, неуклонно защищало принятое въ законѣ положеніе о неподсудности военнослужащихъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, но въ то же время эта защита никогда не пріобрѣтала здѣсь характера борьбы съ основными принципами судебной реформы. Напротивъ, скорѣе можно говорить о сочувствіи высшей военной власти этимъ принципамъ, ибо, изданный въ 1867 г. Военно-Судебный Уставъ повторяетъ въ своихъ постановленіяхъ основныя начала Уставовъ 1864 г. [2]).

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятна и та позиція, которую занимало Военное Министерство въ пререканіяхъ, возникавшихъ между военнымъ начальствомъ и судебными установленіями. Въ первое время по введеніи въ дѣйствіе судебной реформы подобныя пререканія возникали особенно часто. Какъ мы уже сказали, въ этомъ отчасти были повинны и сами мировые суды, не всегда отдававшіе себѣ ясный отчетъ о предѣлахъ предоставленной имъ власти. До Сената неоднократно доходили случаи, когда мировые судьи, вопреки точному указанію ст. 219 Уст. Уг. Суд., выносили обвинительные приговоры офицерамъ и нижнимъ чинамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ. Маіоръ Германовскій, напр., былъ присужденъ за оскорбленіе къ аресту на гауптвахтѣ (рѣш. Общ. Собр. 1866 г. № 94), рядовые

---

[1]) См. дѣло Мин. Юст. 1872 № 2712. — Память объ этомъ случаѣ еще долго жила въ военномъ вѣдомствѣ. Когда въ 1872 году (т. е. 6 лѣтъ послѣ инцидента) вводился институтъ мировыхъ судей въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, то командующій войсками виленскаго округа, ген.-адъют. Потаповъ просилъ министра юстиціи подтвердить мировымъ судьямъ о томъ, чтобы они считались съ правилами воинской дисциплины. Сообразно съ этимъ, министръ юстиціи 9 января 1873 г. разослалъ циркуляръ предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, въ которомъ указывалось, что подобный случай „повторился вновь" въ камерѣ одного мирового судьи, и подтверждалось, чтобы на будущія времена мировые судьи соблюдали требованія воинскихъ порядковъ.

[2]) Ср. И. Я. Фойницкій. Курсъ угол. суд. I, стр. 49.

Шаньшинъ и др. за кражу—къ аресту на 2 недѣли (1867 г. № 275), штабсъ-капитанъ К. за оскорбленіе дѣйствіемъ къ аресту на 2 мѣсяца (1872 г. № 19), а одинъ мировой судья зашелъ такъ далеко, что приговорилъ рядового Степанова къ наказанію (военно-арестантскія роты), которое, по словамъ Сената, „не установлено и болѣе уже не существуетъ“ (1867 г. № 608). Другой мировой судья истолковалъ самовольную отлучку нижняго чина изъ команды, какъ прекращеніе состоянія его на дѣйствительной службѣ и на этомъ основаніи приговорилъ его за кражу къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца (1875 г. № 6). Но всетаки громадное большинство пререканій было вызвано не этими рѣзко бросающимися въ глаза ошибками судей, а неполнотой самого закона. Разграничивая сферы гражданской и военной юрисдикціи, Судебные Уставы оставили безъ выясненія цѣлый рядъ мелкихъ, но часто встрѣчающихся въ жизни вопросовъ. Законъ не указывалъ, напр., въ какомъ порядкѣ должны направляться дѣла и назначаться наказанія нижнимъ чинамъ, совершившимъ преступленія до поступленія ихъ на военную службу (1871 г. №№ 63, 66, 73, 74, 81, 84, 102 и др.) или во время состоянія ихъ въ отпуску (1871 г. № 96, 1872 г. №№ 63, 79, 90, 1873 г. № 36), какъ должно производиться освидѣтельствованіе находящихся подъ судомъ военнослужащихъ, впавшихъ въ состояніе умственнаго разстройства (1872 г. №№ 61, 66, 1873 г. № 53) и проч.

По существу своему всѣ эти пререканія не имѣли оттѣнка междувѣдомственныхъ треній, обусловливаемыхъ рознью интересовъ, иначе говоря, это было не состязаніе стараго дореформеннаго строя съ новымъ (какъ въ пререканіяхъ съ администраціей), а безпристрастный юридическій споръ двухъ учрежденій, обладающихъ судебными полномочіями. Такъ именно понимало эти разногласія и само Военное Министерство, и не затруднялось поэтому признавать въ своихъ заключеніяхъ справедливость положеній, защищаемыхъ судебными установленіями. Напр., рядовой Королевъ обвинялся въ кражѣ, совершенной имъ при участіи лицъ гражданскаго вѣдомства еще до поступленія его на военную службу, и мировой судья, признавъ это дѣло подсуднымъ себѣ, просилъ военное начальство о высылкѣ къ нему Королева для разбора дѣла, но въ свою очередь военное начальство находило, что дѣло подсудно военному суду и

потому въ высылкѣ Королева отказало. Прекаліе поступило на разрѣшеніе Сената, и въ своемъ заключеніи военный министръ призналъ, что требованіе мирового судьи является правильнымъ и подлежитъ удовлетворенію (рѣш. 1871 г. № 63; ср. также 1871 г. № 89). Поручикъ Б. обвинялся въ нанесеніи обиды провизору В. На основаніи 219 ст. Уст. Уг. Суд. мировой судья препроводилъ жалобу потерпѣвшаго воинскому начальнику, но послѣдній не принялъ дѣла къ разсмотрѣнію и увѣдомилъ, что производство дознанія лежитъ на обязанности полиціи, а не военнаго начальства. Въ своемъ заключеніи въ Сенатъ министръ опять-таки разошелся во взглядахъ со своимъ подчиненнымъ и нашелъ, что именно на обязанности военнаго начальства лежитъ предварительное разбирательство дѣлъ, по жалобамъ частныхъ лицъ возбуждаемымъ (рѣш. 1872 г. № 7; ср. также 1872 г. № 12). Конечно, военному министру приходилось чаще оспаривать, чѣмъ признавать точку зрѣнія представителей судебнаго вѣдомства, но нельзя не указать, что въ этихъ случаяхъ она рѣдко оказывалась пріемлемой и для Сената.

Совершенно иной характеръ имѣли столкновенія новыхъ судовъ (преимущественно мировыхъ) съ духовнымъ вѣдомствомъ. Конечно, по своей схемѣ конфликты, происходившіе здѣсь, мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ, которые мы старались прослѣдить, когда говорили объ отношеніяхъ между судомъ и администраціей—то же преувеличенное представленіе о своихъ правомочіяхъ у судей и то же упорное желаніе вѣдомства какъ можно больше урѣзать эти правомочія и защитить такимъ образомъ своихъ подчиненныхъ отъ уголовнаго преслѣдованія. Но, при всемъ томъ, столкновенія суда съ духовенствомъ носили своеобразный, глубоко бытовой оттѣнокъ, и чтобы уловить его, остановимся прежде всего на дѣлѣ протоіерея Б., вызвавшемъ въ свое время много толковъ въ обществѣ. Протоіерей Б. обвинялся у столичнаго мирового судьи въ оскорбленіи, нанесенномъ г-жѣ Ш. въ публичномъ мѣстѣ, и, принявъ въ соображеніе высокое положеніе обвиняемаго, обязывавшее его быть болѣе строгимъ и разборчивымъ въ своихъ поступкахъ, мировой судья приговорилъ Б. къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго въ ст. 131 Уст. о нак., нал. мир. суд., — къ аресту на одинъ мѣсяцъ. За непод-

судностью приговоръ этотъ былъ отмѣненъ съѣздомъ мировыхъ судей, постановившимъ передать дѣло для законнаго распоряженія епархіальному начальству, и черезъ нѣкоторое время въ газетахъ появился слѣдующій указъ с.-петербургской духовной консисторіи: „Разсмотрѣвъ (настоящее дѣло), консисторія... между прочимъ находитъ, что, 1) мировой судья 5 участка (города С.-Петербурга), вопреки закону, принялъ къ своему разбирательству дѣло ему неподсудное, что признано уже самимъ съѣздомъ и разъяснено опубликованными по подобнымъ же дѣламъ рѣшеніями... Сената, 2) производилъ разбирательство пристрастно и односторонне, не обративъ никакого вниманія на неприличный поступокъ самой г-жи Ш., который былъ первымъ поводомъ къ непріятному столкновенію съ нею протоіерея Б. и въ нарушеніе ст. 138 Уст. о Нак. подвергъ... Б. наказанію унизительному и тяжкому... и публичнымъ униженіемъ его нанесъ оскорбленіе не только ему самому, но въ лицѣ его духовному сану и цѣлому сословію духовенства". Въ виду этого консисторія опредѣлила: „предоставить протоіерею Б., какъ непосредственно потерпѣвшему отъ такихъ дѣйствій мирового судьи, искать съ него, если пожелаетъ, удовлетворенія себѣ, а самое же дѣло сдать въ архивъ" [1]). Но духовная власть не успокоилась на этомъ. Какъ видно изъ журнальнаго постановленія петербургской духовной консисторіи отъ 2/13 іюня 1867 г. [2]) послѣ дѣла Б. по ходатайству петербургскаго епархіальнаго начальства оберъ-прокуроръ Св. Синода сносился съ министромъ юстиціи и просилъ дать циркулярное предписаніе всѣмъ мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ не принимать къ своему производству дѣлъ, подлежащихъ суду епархіальному. Но министръ юстиціи не нашелъ возможнымъ исполнить этого, и въ своемъ отношеніи оберъ-прокурору сообщилъ, что Министерство не можетъ дать по сему предмету циркулярнаго предписанія, такъ какъ имѣются въ виду положительныя правила на подобные случаи, изображенныя въ ст. 12 Уст. Уг. Суд. и въ ст. 9 Уст. Гр. Суд., по силѣ которыхъ судебныя установленія обязаны руководствоваться точнымъ разумомъ существующихъ законовъ, а по ст. 167

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1868. III. стр. 396.

[2]) См. Церковная Лѣтопись Духовной Бесѣды за 1867 г., стр. 542—544.

учр. суд. мѣстъ общій для судебныхъ мѣстъ наказъ, касающійся лишь внутренняго въ нихъ распорядка, долженъ быть изданъ путемъ законодательнымъ. Кромѣ того, по мнѣнію министра юстиціи, въ изданіи такого циркуляра не представляется надобности, ибо духовныя лица, привлеченныя мировымъ судьею къ отвѣтственности, всегда вправѣ заявить отводъ о неподсудности и довести по этому поводу дѣло до Сената.

Но этотъ указываемый министромъ юстиціи путь былъ слишкомъ сложенъ для мѣстной духовной власти, возбуждавшей иногда столь неосновательныя пререканія, что Св. Синодъ не находилъ возможнымъ поддерживать ихъ въ своихъ заключеніяхъ (см. рѣш. Общ. Собр. касс. деп. 1871 г. № 72, 1872 г. № 6). Поэтому провинціальное духовенство пыталось иногда своими силами пресѣкать нежелательное вмѣшательство судебной власти въ его жизнь. Обвиняемыя духовныя лица отказывались являться къ слѣдователю для дачи показаній, такъ что потребовался особый циркуляръ Св. Синода (отъ 14 іюня 1867 г. № 26) [1]), предписывающій присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ духовнаго вѣдомства и подчиненному имъ духовенству исполнять всѣ законныя требованія судебныхъ установленій. Въ другомъ случаѣ, одна консисторія своей собственной властью замѣнила назначенное съѣздомъ дьячку заключеніе въ тюрьмѣ заключеніемъ въ монастырѣ (рѣш. 1871 г. № 103).

Но и судебная власть въ провинціи также не всегда проявляла надлежащее пониманіе установленнаго новымъ закономъ разграниченія компетенцій. По жалобѣ священниковъ Пок—аго и Пл—а, у мирового судьи разбиралось дѣло о причиненіи имъ обиды крестьяниномъ Жаренымъ. Признавъ послѣдняго виновнымъ, судья приговорилъ его къ аресту на 2 мѣсяца, но въ то же время въ дѣйствіяхъ священника Пл—а нашелъ учиненіе несвоевременной тревоги ночью ударомъ въ колоколъ и оштрафовалъ его на 5 р. По апелляціонному отзыву Жаренаго дѣло перешло въ съѣздъ, который утвердилъ приговоръ мирового судьи. Но товарищъ прокурора окружнаго суда подалъ протестъ въ Сенатъ и указывалъ, что приговоръ съѣзда о священникахъ подлежитъ отмѣнѣ въ силу того, что: 1) оба священника были въ безобразно пьяномъ видѣ и 2) священникъ

---

[1]) Церковная лѣтопись Духовной Бесѣды. 1867, стр. 547—549.

Пл—въ сверхъ того произвелъ еще ночью тревогу. Поэтому товарищъ прокурора полагалъ, что священникъ Пок—кій долженъ быть подвергнутъ наказанію по ст. 42 Уст. о нак., а священникъ Пл—въ по совокупности проступковъ (рѣш. Уг. касс. деп. 1867 г. № 238). Въ этомъ протестѣ, конечно, было слишкомъ много юридическихъ промаховъ и Сенатъ долженъ былъ оставить его безъ послѣдствія, но для характеристики бытовыхъ отношеній, слагавшихся въ провинціальной глуши между судомъ и духовенствомъ, его значеніе отъ этого не умаляется.

VI. Соотношеніе судебной и административной властей въ проектахъ административныхъ преобразованій. Чрезвычайныя полномочія, предоставленныя администраціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

Вскорѣ послѣ покушенія Каракозова, 13 мая 1866 г., послѣдовалъ на имя предсѣдателя Комитета Министровъ, князя П. П. Гагарина, Высочайшій рескриптъ „о главныхъ началахъ, которыми должны руководствоваться министры и главноуправляющіе отдѣльными частями при управленіи ввѣренными имъ вѣдомствами". Слѣдственная комиссія, назначенная по поводу покушенія, раскрыла, какъ говорилось въ рескриптѣ, что новыя лжеученія посягаютъ на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Поэтому Высочайшее вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества въ духѣ истинной религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и уже преподаны соотвѣтствующія указанія. Право собственности, какъ одно изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, должно быть неприкосновенно. Всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы, приглашались къ точному и дѣятельному исполненію своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Чиновникамъ воспрещалось разглашеніе превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства. Для борьбы съ пагубными ученіями, которыя

развились въ общественной средѣ, всѣмъ начальникамъ вмѣнялось въ обязанность обращаться къ содѣйствію здоровыхъ охранительныхъ и доброначальныхъ силъ. Въ этихъ видахъ повелѣвалось оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользъ и нуждъ разныхъ мѣстностей и разныхъчастей населенія. Надлежало, наконецъ, прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между различными сословіями и, въ особенности, къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ [1]).

Этотъ рескриптъ, написанный по отвлеченному адресу крамолы, содержавшій самыя общія директивы для дѣятельности органовъ управленія, не формулировавшій никакихъ опредѣленныхъ и новыхъ нормъ, которыя опредѣляли бы соотношеніе властей, послужилъ поводомъ для возбужденія вопроса объ усиленіи власти губернаторовъ и умаленія положенія судовъ. Иниціаторомъ соотвѣтствующаго проекта былъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, который всегда и послѣдовательно выступалъ противникомъ новаго начала самостоятельности судебной власти и независимости ея отъ административной. Этого направленія онъ держался какъ во время обсужденія Уставовъ, такъ и впослѣдствіи, когда они уже получили силу закона [2]).

Изъ этихъ своихъ взглядовъ Валуевъ не дѣлалъ секрета, и выраженіе ихъ встрѣчается въ офиціальныхъ бумагахъ по сношеніямъ съ вѣдомствомъ юстиціи и другими. Такъ, напр., въ засѣданіи совѣщанія министровъ по нейтральному, въ сущности, вопросу объ организаціи защиты интересовъ казны на судѣ Валуевъ счелъ необходимымъ отмѣтить, хотя прямой связью это и не вызывалось, „что интересы казны, интересы администраціи во всей ихъ совокупности не были достаточно приняты во вниманіе при начертаніи новаго порядка судопроизводства“, что „ни одно европейское законодательство не ставитъ администрацію въ такое беззащитное положеніе, и не подвергаетъ общіе

---

[1]) Рескриптъ былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

[2]) Общая молва видѣла въ немъ врага новаго судебнаго порядка; на это есть намеки въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1866 г.; объ этомъ прямо говорится въ дневникѣ А. В. Никитенки, гдѣ воспроизводятся петербургскіе слухи. См. особенно подъ 3 и 26 окт. 1866 г., 31 марта 1876 г. и др. (Записки и дневникъ, т. II, стр. 304, 308, 330).

интересы администраціи такому риску громадныхъ ущербовъ“ [1]). Когда по поводу мнѣнія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнаго 7 марта 1866 г., о замѣнѣ существовавшаго до реформы надзора губернскихъ прокуроровъ за дѣятельностью губернскихъ учрежденій, министръ юстиціи спрашивалъ заключенія Валуева, то послѣдній отвѣтилъ, что этотъ надзоръ не слѣдуетъ замѣнять ни чѣмъ. Прежній порядокъ, „будучи не столько надзоромъ, сколько вмѣшательствомъ органовъ судебной власти въ дѣла администраціи“, не достигалъ цѣли. Валуевъ ожидалъ успѣха только отъ предоставленія большихъ въ этомъ отношеніи правъ губернаторамъ и полагалъ дѣла не поднимать до переустройства губернскихъ учрежденій. Изложивъ подробно эти соображенія въ официальной бумагѣ, Валуевъ, собственноручно, послѣ подписи добавилъ: „Не лишнимъ считаю передать на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства мысль, что если въ дѣлахъ судебныхъ установлено отдѣленіе судебнаго вѣдомства отъ административныхъ, то и въ дѣлахъ администраціи должно быть соблюдаемо соотвѣтствующее тому начало“ [2]).

Этотъ взглядъ на необходимость усиленія административной власти Валуевъ проводилъ и въ „Особой, Высочайше учрежденной комиссіи для обсужденія мѣръ и распоряженій, какія должны явиться необходимымъ послѣдствіемъ Высочайшаго рескрипта князю П. П. Гагарину“. Предсѣдателемъ ея былъ предсѣдатель Комитета Министровъ князь Гагаринъ, а членами—министры внутреннихъ дѣлъ, Валуевъ, государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютантъ Зеленой, военный, Милютинъ, шефъ жандармовъ, гр. П. А. Шуваловъ, и кромѣ того генералъ отъ инф. Муравьевъ, бывшій министръ юстиціи графъ Панинъ, кн. В. А. Долгоруковъ и гр. Дм. А. Толстой. Въ засѣданіи комиссіи 3 іюня 1866 г. при обсужденіи необходимости немедленнаго принятія мѣръ къ усиленію и поддержанію „упущенной административной власти“ возникло разномысліе [3]) и поэтому признано было: пре-

---

[1]) См. дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 7616, часть II, листъ 272 (журналы засѣданія 6 апрѣля 1867 года).

[2]) Дѣло Мин. Юст. 1866 г. № 7616

[3]) Въ краткой меморіи объ этомъ засѣданіи, представленной Государю 5 іюня, князь Гагаринъ, докладывая объ этомъ разномысліи, въ заключеніе писалъ:...„строго держась въ указанныхъ мнѣ... предѣлахъ, я считаю невозможнымъ допускать сужденія о такихъ мѣрахъ, кои потребовали бы кореннаго измѣненія существующихъ основныхъ Государственныхъ Законовъ и тѣхъ главныхъ началъ, которыя постановлены Вашимъ

доставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и шефу жандармовъ внести въ комиссію свои предположенія о наиболѣе настоятельныхъ мѣрахъ. Согласно съ этимъ, спѣшно, къ 9 іюня, была составлена соотвѣтствующая записка, которая и была заслушана въ засѣданіи комиссіи 14 іюня 1866 г. [1]). Авторы ея указывали на то, что недостаточное значеніе власти губернаторовъ уже съ давнихъ поръ привлекало вниманіе правительства; подъ вліяніемъ новыхъ реформъ этотъ вопросъ отодвинулся на второй планъ. „Неминуемымъ послѣдствіемъ такого односторонняго направленія въ законодательныхъ преобразованіяхъ было то, что съ отдѣленіемъ отъ губернской администраціи частей земско-хозяйственной и судебной, администрація эта... въ особенности при новыхъ судебныхъ установленіяхъ, облеченныхъ полной автономіей—представляется и въ общественномъ мнѣніи и въ сознаніи самаго правительства отсталою, или лучше сказать, отодвинутой столь далеко, что поднятіе и возвышеніе ея до уровня другихъ самостоятельныхъ, новыхъ у насъ учрежденій оказывается крайне необходимымъ. Поэтому необходимо усилить эту власть и ея значеніе и притомъ какъ можно скорѣе, слѣдовательно, не прибѣгая къ порядку законодательному, а, насколько возможно, мѣрами Верховной правительственной власти".

Главнѣйшій недостатокъ существовавшаго положенія состоялъ въ томъ, что губернаторъ, въ законахъ называемый „начальникомъ, правителемъ и хозяиномъ" губерніи, въ дѣйствительности является лишь старшимъ исполнительнымъ чиновникомъ, начальникомъ полиціи. Онъ не можетъ дѣйствовать успѣшно для благоустройства губерніи и причины этого слѣдующія: 1) Губернаторы не имѣютъ достаточнаго вліянія на административныя учрежденія другихъ вѣдомствъ (таможеннаго, почтоваго,

---

Величествомъ со времени столь благодѣтельнаго Царствованія Вашего". См. указанныя ниже бумаги Ѳ. П. Корнилова. Комиссія имѣла засѣданія 17, 19, 23, 31 мая, 3, 14, 21, 28 іюня, 5, 9, 26 іюля.

[1]) Эта записка, съ нѣкоторыми пропусками, напечатана въ Историческомъ обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ, т. III, ч. I, стр. 130 и слѣд. Тамъ же приведены и дальнѣйшія сужденія Комитета Министровъ по этому предмету, но нѣтъ журнала самой комиссіи. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности комиссіи можно найти въ бумагахъ Ѳ. П. Корнилова, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (см. Отчетъ Библіотеки за 1896 г., стр. 40). Ѳ. П. Корниловъ въ то время былъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ и завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ особой комиссіи.

народнаго просвѣщенія и др.), а къ нѣкоторымъ другимъ (палатамъ казеннымъ и государственныхъ имуществъ) поставлены въ отношенія столь разнообразныя, что изъ этого вытекаютъ пререканія и столкновенія. 2) Губернаторы не имѣютъ достаточнаго вліянія на личный составъ упомянутыхъ учрежденій; назначенія на должности чиновъ этихъ учрежденій производятся министерствами, а чины канцелярій, до VII класса включительно, опредѣляются властію мѣстныхъ учрежденій. 3) Въ связи съ этимъ стоитъ сложность письменнаго производства губернаторовъ съ посторонними вѣдомствами. „Если ко всему предыдущему присовокупить, что со введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ административныя управленія ставятся въ совершенно новыя отношенія къ судебной власти (допускающія, напр., взаимныя пререканія обѣихъ властей, иски объ убыткахъ противъ чиновъ администраціи), а принадлежащія административной власти мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій заключены въ рамки столь тѣсныя, что губернаторъ не имѣетъ даже права назначить по важнымъ уголовнымъ дѣламъ слѣдственныхъ комиссій, то легко понять то трудное положеніе, въ какомъ находится нынѣ власть правителя или хозяина губерніи“. Для усиленія власти губернатора необходимо сосредоточить въ его лицѣ надзоръ за всѣми административными установленіями въ губерніи, разумѣется, „не въ томъ отрицательномъ значеніи, какой имѣлъ бюрократическій надзоръ прокуроровъ, а въ томъ, чтобы губернаторъ имѣлъ, по возможности, способы къ устраненію указанныхъ выше недостатковъ, парализующихъ его правительственную дѣятельность“. Сообразно съ этимъ выработаны были нѣкоторыя болѣе детальныя положенія надзора за административными и сословными учрежденіями (кромѣ почтовыхъ и телеграфныхъ и контрольныхъ палатъ), опредѣляющія права губернаторовъ на ревизію, на пріостанавливаніе распоряженій по этимъ учрежденіямъ, если они оказываются противными законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ, на изданіе, въ случаяхъ важныхъ—собственныхъ распоряженій; затѣмъ предполагалось предоставить губернаторамъ право опредѣлять и увольнять, по представленію мѣстныхъ начальствъ, должностныхъ лицъ до VII класса, назначать слѣдствія надъ всѣми должностными лицами, кромѣ начальниковъ управленія, привлекать ихъ къ суду и представлять къ наградамъ; право закрывать собранія

частныхъ обществъ. Въ п. п. 4, 6 и 7 содержались правила, имѣющія непосредственное отношеніе къ судебному вѣдомству „По дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественной безопасности предоставить губернатору, какъ высшей полицейской власти въ губерніи, право требовать въ свое присутствіе, для личныхъ объясненій, должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и судебнаго, а равно всякое частное лицо. Подтвердить о точномъ исполненіи губернаторами неотмѣненныхъ Судебными Уставами и указанныхъ въ общихъ законахъ мѣръ для случаевъ чрезвычайныхъ. Подтвердить, чтобы существующія въ губерніи установленія всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и судебнаго, соблюдали порядокъ сношеній съ начальниками губерній, опредѣленный въ ст. 689 и 690 т. II Свода Законовъ, т. е. мѣста и лица, равныя губернскимъ, входили къ губернатору съ представленіями, а мѣста и лица, равныя уѣзднымъ,—съ донесеніями“ [1]).

Записка эта была сообщена на заключеніе министровъ юстиціи и финансовъ, которые не входили въ составъ комиссіи. Министръ финансовъ Рейтернъ указалъ на то, что 1) неправильно предполагаемыя мѣры отнесены къ такимъ, какія могутъ быть установлены правительственною, а не законодательною властью, такъ какъ ими отмѣняются цѣлыя главы Свода Законовъ; что 2) если право назначать губернскихъ чиновниковъ до VII класса предоставить губернаторамъ, то у мѣстныхъ управленій отнимется всякая возможность дѣйствительно отвѣчать за поступленіе доходовъ. Наконецъ, въ 3) Рейтернъ указывалъ на спѣшность, съ которою составлялась записка, и вызванную этимъ неточность и неопредѣлительность проектированныхъ въ ней правилъ. Такъ напр., она оставляла открытымъ вопросъ, не предоставляется ли губернаторамъ въ важныхъ случаяхъ право распоряжаться казенными деньгами подъ личною отвѣтственностью, съ простымъ донесеніемъ объ этомъ министру, а такого права не предоставлено даже и министру. Свою критику проекта Рейтернъ заключалъ выраженіемъ убѣжденія, что Государю не будетъ благоугодно допустить мѣру, которая глубоко измѣняетъ существующій порядокъ и отнимаетъ

---

[1]) Кромѣ того, нѣкоторыя права надзора проектировалось предоставить въ уѣздахъ исправникамъ.

у министра финансовъ возможность отвѣчать за цѣлость государственныхъ доходовъ, безъ формальнаго заключенія со стороны министра и всесторонняго разсмотрѣнія.

Министръ юстиціи Замятнинъ столь же отрицательно отнесся къ предложеніямъ записки. Она создавала для губернаторовъ положеніе, въ которомъ нѣкогда находились намѣстникъ и воевода при царяхъ. Этотъ порядокъ былъ хорошъ лишь для временъ, когда еще не обособились различныя отрасли управленія. Предполагаемая реформа требуетъ очень тщательнаго и зрѣлаго обсужденія, а проводить ее путемъ правительственной, а не законодательной власти, значило бы итти вразрѣзъ съ Основными Законами. Новыми правилами отмѣняется рядъ статей Свода Законовъ, подлежащихъ измѣненію въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ изданы.

Далѣе, отмѣчалъ министръ юстиціи, столь обширная власть должна быть предоставлена начальнику края въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда объявляется военное положеніе и власть вручается особому лицу по Высочайшему назначенію; записка же надѣляетъ этими правами всѣхъ губернаторовъ, которые дѣйствуютъ по указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ и зависятъ отъ него. Слѣдовательно, при осуществленіи реформы начальники высшихъ государственныхъ учрежденій, силой вещей, окажутся въ необходимости подчиняться министру внутреннихъ дѣлъ, который по Учрежденію министерствъ равенъ имъ всегда и во всемъ.

При обсужденіи этой записки всѣ члены комиссіи единогласно сошлись на необходимости немедленно же предоставить губернаторамъ права закрывать собранія обществъ, клубовъ и артелей, а также на подтвержденіи о точномъ исполненіи не отмѣненныхъ Судебными Уставами мѣръ для случаевъ чрезвычайныхъ. Что же касается прочихъ предположеній записки, то голоса раздѣлились именно по вопросу о порядкѣ ихъ осуществленія. Авторы записки, къ которымъ присоединился гр. Муравьевъ, настаивали на проведеніи ихъ черезъ Комитетъ Министровъ, указывая на безотлагательность этихъ мѣръ при существовавшихъ обстоятельствахъ. Положеніе губернатора существенно измѣнилось вслѣдствіе развитія самостоятельности окружающихъ ихъ мѣстныхъ учрежденій. При составленіи проектируемыхъ измѣненій имѣлось въ виду, „не столько усилить власть,

сколько общее значеніе и, такъ сказать, нравственное вліяніе губернаторовъ". „Нигдѣ не нарушено коренное начало отдѣленія административной власти отъ судебной". Дѣла судебныя и нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ изъяты отъ вліянія губернаторовъ. При детальномъ обсужденіи этого проекта можно внести въ него перемѣны, но слѣдуетъ обсуждать его не въ Государственномъ Совѣтѣ, а въ Комитетѣ Министровъ.

Напротивъ, предсѣдатель комиссіи и члены ея графъ Панинъ и Милютинъ обращали вниманіе на то, что вопросъ о преобразованіи мѣстной администраціи и объ усиленіи власти губернаторовъ никогда не былъ отодвигаемъ на второй планъ— съ марта 1859 года засѣдала комиссія, которой было поручено это дѣло. Меньшинство комиссіи не могло согласиться съ мнѣніемъ четырехъ членовъ, что мѣры, предложенныя въ запискѣ, не нарушатъ коренныхъ началъ нашего законодательства и не противорѣчатъ общему духу нашихъ учрежденій. Напротивъ, отмѣняя цѣлыя главы Свода Законовъ, онѣ клонятся къ такому порядку, „который долженъ быть признаваемъ неудовлетворительнымъ". Замѣчаемый недостатокъ административной власти въ губерніяхъ кроется не столько въ законѣ, сколько въ недостаточно энергическомъ пользованіи опредѣленною закономъ властію. Предлагаемыя мѣры необходимо обсуждать въ законодательномъ порядкѣ, и нѣтъ основаній къ изъятію ихъ изъ общей работы комиссіи 1859 года, дѣятельность которой облегчена состоявшимися уже реформами. Передача этого дѣла въ указанную комиссію еще и въ томъ отношеніи полезна, что устранитъ „всякій поводъ по обвиненію правительства въ лихорадочномъ, будто бы, стремленіи къ преобразованіямъ и къ измѣненію только что совершившихся преобразованій, каковое установившееся въ обществѣ мнѣніе колеблетъ понятіе о самостоятельности правительства".

На журналѣ Государь положилъ резолюцію: „Исполнить по мнѣнію четырехъ членовъ, ибо всѣ свѣдѣнія, доходящія до Меня изъ внутреннихъ губерній, подтверждаютъ необходимость принятія неотложно предполагаемыхъ мѣръ" (24 іюня 1866 г.). Вслѣдствіе этого, дѣло объ усиленіи власти губернаторовъ перешло въ Комитетъ Министровъ, который нашелъ, что нѣкоторыя изъ намѣченныхъ предположеній требуютъ не столько изданія новаго закона, сколько подтвержде-

нія существующаго и могутъ быть осуществлены путемъ инструкцій и циркуляровъ подлежащихъ министровъ. Далѣе Комитетъ единогласно призналъ необходимымъ предоставить губернаторамъ право производить ревизіи мѣстныхъ административныхъ учрежденій и усилить ихъ надзоръ за личнымъ составомъ. Обо всѣхъ вновь опредѣляемыхъ и переводимыхъ чиновникахъ административнаго вѣдомства должно сообщать губернатору, которому предоставлялось изъявлять свое несогласіе въ случаѣ признанія этихъ лицъ неблагонадежными. Въ остальномъ Комитетъ санкціонировалъ всѣ предположенія записки и сверхъ того положилъ „поручить каждому изъ министровъ, по принадлежности, циркулярно подтвердить всѣмъ, въ ихъ вѣдѣніи состоящимъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, чтобы установленный законами порядокъ письменныхъ сношеній съ губернаторами соблюдался во всей точности, разъяснивъ при этомъ, что всѣ служащія въ губерніяхъ лица, даже не подчиненныя въ служебномъ отношеніи губернатору, несмотря на сравнительное ихъ, по классу должности или чину, старшинство, ни на особый характеръ служебной дѣятельности, иногда совершенно независимой отъ вліянія административной власти, въ случаѣ ихъ вызова или приглашенія губернаторомъ, обязаны непремѣнно подчиниться его законнымъ требованіямъ и оказывать ему должное уваженіе, на которое онъ, какъ представитель высшей въ губерніи власти, имѣетъ неотъемлемое право“ [1]).

Предположенія Комитета удостоились Высочайшей санкціи 22 іюля, и 31 октября 1866 г. выписанное здѣсь сужденіе Комитета о сношеніи служащихъ въ губерніяхъ съ губернаторами было объявлено циркуляромъ министра юстиціи старшимъ предсѣдателямъ палатъ, предсѣдателямъ окружныхъ судовъ и—съ нѣсколько измѣненной редакціей вступительныхъ словъ—прокурорамъ палатъ. Въ остальномъ же, какъ удостовѣрилъ Замятнинъ въ письмѣ къ управляющему дѣлами Комитета Министровъ, положеніе 22 іюля не требовало никакихъ распоряженій по вѣдомству юстиціи [2]).

---

[1]) Одновременно съ этимъ предлагалось министрамъ выработать правила ревизіи губернаторами учрежденій, находящихся въ вѣдомствѣ подлежащихъ министровъ.

[2]) Въ дневникѣ А. В. Никитенки, подъ 23 августа 1866 г., отмѣчено со словъ С. И. Зарудnаго, что записку для кн. Гагарина, въ опроверженіе проекта Валуева, писалъ

Положеніе Комитета Министровъ, въ сущности, не затронуло принципа самостоятельности судебной власти. Администрація не получила ни права вмѣшательства въ дѣла судебныя, ни вліянія на личный составъ судебныхъ учрежденій. Однако, установленіе для чиновъ судебнаго вѣдомства обязанности являться къ начальникамъ губерній по ихъ вызову въ обществѣ произвело впечатлѣніе побѣды административной власти и разсматривалось, повидимому, какъ первый шагъ къ подчиненію судебной части органамъ административной. Такъ можно судить по газетамъ того времени. Съ одной стороны, „Вѣсть“ (1866 г. № 91) горячо привѣтствовала это распоряженіе. „Положенъ конецъ“, писала она, „установившемуся за послѣднее время безпорядку въ отношеніяхъ губернаторской власти къ міру провинціальнаго чиновничества, когда каждый предсѣдатель казенной палаты, каждый губернскій надзиратель питейно-акцизнаго управленія считалъ себя лицомъ независимымъ. Если власть губернатора, въ видахъ водворенія истиннаго самоуправленія, должна быть строго ограничена относительно учрежденій выборныхъ, ежели въ видахъ правосудія власть судебныхъ учрежденій должна быть совершенно самостоятельной и независимой, то кому же не очевидно, что канцелярская независимость отъ начальства противорѣчитъ и здравому смыслу и общимъ понятіямъ о дисциплинѣ и даже тому порядку вещей, который установился въ странахъ наиболѣе либеральныхъ“. А съ другой стороны „Московскія Вѣдомости“ (1866 г. № 240) подробно разбирали циркуляръ, разосланный министромъ юстиціи, доказывая полное его несоотвѣтствіе Судебнымъ Уставамъ, „которые не содержатъ въ себѣ ни одного указанія на возможность какого либо соприкосновенія судебныхъ мѣстъ съ властью губернатора“, и выражая полное несочувствіе этой новой мѣрѣ [1]).

Однако вопросъ о преобразованіи губернаторской власти этимъ не исчерпывался. Неопредѣленность не устранялась по-

---

Зарудный, и что проектъ, „это уродливое дѣтище, окончательно провалился въ Комитетѣ Министровъ“ (II, стр. 300). Въ сущности, о полномъ провалѣ говорить нельзя. Расширеніе власти губернатора за счетъ другихъ вѣдомствъ произошло, и относительно вѣдомства юстиціи авторы проекта достигли того, чего желали.

[1]) Эта статья перепечатана въ книгѣ Г. А. Джаншіева, Эпоха великихъ реформъ (по 9 изд. 1905 г. стр. 435) и въ книгѣ І. В. Гессена, Судебная Реформа, 1905 г., стр. 137 и 138. Среди чиновъ судебнаго вѣдомства циркуляръ разумѣется вызвалъ недовольство, см. напр. замѣчанія М. Ѳ. Громницкаго, Русская Мысль, 1899 г. IX, стр. 225.

ложеніемъ Комитета 1866 г. и потребность въ органическомъ переустройствѣ не было удовлетворена.

По вступленіи ген.-адъют. Тимашева въ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ (въ 1868 г.) былъ составленъ проектъ реорганизаціи губернскихъ административныхъ установленій. По проекту основныхъ положеній реформы — помимо другихъ новшествъ — губернатору предоставлялось право издавать постановленія и распоряженія въ развитіе дѣйствующихъ законоположеній о благоустройствѣ и благочиніи, а равно о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (п. 7); далѣе измѣнялся порядокъ, предписанный Уставами, для предъявленія частными лицами исковъ противъ должностныхъ лицъ мѣстной администраціи за допущенныя ими нерадѣніе, неосмотрительность и медленность (п. 19) [1]) и, наконецъ, полиція по дѣламъ слѣдственнымъ освобождалась отъ всякой дисциплинарной подчиненности судебному вѣдомству (п. 26). Именно противъ этихъ пунктовъ послѣдовали возраженія со стороны различныхъ вѣдомствъ [2]); вліятельные министры, Милютинъ и Рейтернъ, вообще отрицательно отнеслись ко всему проекту, и поэтому Комитетъ Министровъ не счелъ необходимымъ вырабатывать основныя положенія для переустройства административныхъ учрежденій, а поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ возложить пересмотръ соотвѣтствующихъ законовъ и составленіе проекта преобразованія полицейскихъ учрежденій на существующую уже въ этомъ Министерствѣ комиссію. Положеніе Комитета Министровъ было утверждено Государемъ 16 апрѣля 1870 г. [3]), оно было опубликовано въ формѣ „правительственнаго сообщенія“ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

---

[1]) Жалобы частныхъ лицъ по проекту подлежали обсужденію „губернскаго совѣта“, въ которомъ судебный элементъ долженъ былъ быть представленъ только прокуроромъ окружнаго суда.

[2]) Министръ юстиціи гр. Паленъ впрочемъ не возражалъ противъ предоставленія губернаторамъ права изданія обязательныхъ постановленій, санкціей которыхъ являлась бы ст. 29 Уст. о Нак.; напротивъ Рейтернъ, категорически возражалъ противъ этого расширенія правъ администраціи.

[3]) Журналъ Комитета Министровъ 7 апрѣля 1870 г. № 176; въ приложеніяхъ къ журналамъ, листъ 176 и слѣд., имѣются отзывы вѣдомствъ и прочіе матеріалы; изъ краткаго журнала 27 января 1870 г. (журн. л. 320) видно, что представленіе министра объ основныхъ началахъ реформы было внесено въ январѣ 1870 г. и состоялось Высочайшее повелѣніе отзывы вѣдомствъ доставить къ 1 марта 1870 г.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи этихъ предуказаній, разработало проектъ преобразованія сельской и уѣздной полицій и представило его въ Государственный Совѣтъ въ 1873 г. Но въ этомъ проектѣ уже нѣтъ вовсе рѣчи объ установленіи новыхъ отношеній между судомъ и администраціей; онъ касается только реорганизаціи и увеличенія числа низшихъ органовъ полиціи. Соединенные Департаменты возвратили проекты министру для пересмотра, такъ какъ признали предполагаемую замѣну сотскихъ и десятскихъ значительно меньшимъ количествомъ стражниковъ, съ одной стороны, недостаточнымъ усиленіемъ полиціи, а съ другой—нарушеніемъ одного изъ основныхъ началъ Положенія 19 февраля 1861 г., по которому сельскія общества должны были сохранить свою полицію. Дѣло затянулось и реформа закончилась учрежденіемъ наряду съ сельской полиціей должностей полицейскихъ урядниковъ [1]).

Однако борьба съ политической смутой, особенно усилившейся во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, рѣзко выдвигала вопросъ о соотношеніи административной и судебной власти. Мѣропріятія, направленныя противъ пропаганды революціонныхъ ученій и къ репрессіи преступныхъ дѣйствій, возникающихъ на политической почвѣ, не ограничились нѣкоторыми перемѣнами въ порядкѣ судопроизводства, и всякій разъ, когда подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ событій возникалъ вопросъ объ изысканіи новыхъ средствъ противодѣйствія политическимъ движеніямъ, ставился на очередь и другой вопросъ—объ усиленіи авторитета и самостоятельности администраціи.

29 декабря 1875 года Государь утвердилъ журналъ особаго совѣщанія, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева, въ которомъ, между прочимъ, было постановлено: 1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ и министромъ юстиціи, составить и внести куда слѣдуетъ предположенія о болѣе точномъ опредѣленіи правъ и порядка дѣйствій губернаторовъ въ случаяхъ общихъ безпорядковъ или когда преступленія совершаются толпой, съ тѣмъ, чтобы арестованныя губернаторомъ, по прекращеніи безпорядковъ, лица не были освобождаемы чинами прокурорскаго надзора или мировыми судьями до опредѣленія суда или прежде

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. III, часть 2, стр. 89.

сего опредѣленія безъ согласія губернатора. 2) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ составить и, по соглашенію съ министромъ юстиціи, внести на дальнѣйшее разсмотрѣніе, въ установленномъ порядкѣ, проектъ правилъ о присвоеніи протоколамъ и показаніямъ чиновъ полиціи при соблюденіи извѣстныхъ условій, силы доказательства на судѣ. 3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, разработать и представить, въ установленномъ порядкѣ, предположенія объ отмѣнѣ права чиновъ судебнаго вѣдомства давать предостереженія чинамъ полиціи, съ постановленіемъ другихъ правилъ, обезпечивающихъ исполненіе полиціями законныхъ требованій судебной власти. 4) Предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи издать, по взаимному соглашенію, циркуляры о значеніи, съ одной стороны, губернатора, какъ представителя въ губерніи высшей правительственной власти, а съ другой—самостоятельности судебныхъ установленій, съ точнымъ указаніемъ правилъ для необходимаго единства дѣйствій сихъ обѣихъ властей, какъ органовъ одного Верховнаго правительства. 5) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ по сношеніи съ подлежащими министрами, начертать правила о порядкѣ личныхъ обрядныхъ сношеній между чинами судебныхъ установленій и административными властями и предположенія по этому предмету внести на разсмотрѣніе въ Комитетъ Министровъ.

Комиссія, образованная для разработки этихъ мѣръ, не проявила склонности отступать отъ началъ Судебныхъ Уставовъ и предоставлять администраціи сколько-нибудь значительныя преимущества въ ущербъ юстиціи. По первому изъ порученныхъ ея разсмотрѣнію вопросовъ она пришла къ выводу, что существовавшій уже законъ предоставлялъ право губернаторамъ производить аресты во время безпорядковъ, а циркуляромъ министра юстиціи 31 октября 1868 г. (прокурорамъ судебныхъ палатъ) предписано, чтобы лица прокурорскаго надзора, предварительно принятія распоряженія объ освобожденіи арестованнаго (по ст. 10 Уст. Уг. Суд.), „въ случаѣ ненахожденія въ мѣстахъ заключенія копій съ постановленій о задержаніи арестантовъ", сносились съ тѣми властями, по распоряженію которыхъ арестанты препровождены въ мѣста заключенія. Остановившись на обсужденіи вопроса о формѣ такого

рода постановленій, комиссія признала, что къ лицамъ, задержаннымъ во время безпорядковъ и предназначеннымъ къ высылкѣ въ административномъ порядкѣ, ст. 10 Устава не можетъ быть примѣняема, пока вопросъ о высылкѣ окончательно не разрѣшенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ [1]). Что же касается освобожденія отъ задержанія другихъ арестованныхъ лицъ, то къ нимъ должны быть примѣнены общія правила Устава, а въ случаѣ пререканія между чиномъ судебнаго вѣдомства или прокуратуры и губернаторомъ, послѣдній обязанъ сообщить прокурору объ основаніяхъ, по которымъ онъ настаиваетъ на дальнѣйшемъ задержаніи арестованнаго подъ стражею, и прокуроръ окружнаго суда представляетъ тогда дѣло прокурору палаты, который можетъ предложить объ оставленіи этихъ задержанныхъ подъ стражей.

Разбирая второй изъ поставленныхъ вопросовъ, о силѣ полицейскихъ протоколовъ, комиссія признала, что новыя предположенія о значеніи такихъ актовъ могутъ касаться только дѣлъ, производящихся въ мировыхъ установленіяхъ, и совершенно опредѣленно высказалась за сохраненіе основного начала Судебныхъ Уставовъ о рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію судьи, не стѣсняемому письменными доказательствами. Поэтому всѣ ея предложенія касались опять таки только внѣшней формы протоколовъ. Введеніе протоколовъ съ предустановленной доказательной силою стало бы въ прямое противорѣчіе съ обвинительно-состязательнымъ порядкомъ процесса, составляющимъ сущность и основное начало судопроизводства по Уставу, лишало бы подсудимыхъ средствъ защиты (ибо доказательство подложности протоколовъ было бы очень затруднительно) и сверхъ того для отправленія правосудія было бы вредно, такъ какъ низшіе агенты полиціи, по большей части, лишены юридической подготовки и легко могутъ впадать въ ошибки.

Не сочла комиссія также необходимымъ производить сколько нибудь радикальныя перемѣны въ существовавшемъ порядкѣ обжалованія чинами полиціи рѣшеній мировыхъ судей. Напротивъ, она имѣла въ виду упразднить изъятіе, предусмотрѣнное ст. 1216 Уст. Уг. Суд., и установить для всѣхъ случаевъ обжалованія одинъ

---

[1]) Порядокъ этотъ опредѣлялся Высочайшимъ повелѣніемъ 2 декабря 1855 года см. ниже.

путь, черезъ товарища прокурора (ст. 146), предоставивъ полиціи право на отказъ товарища прокурора заявлять протестъ прокурору мѣстнаго окружнаго суда. Въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ Уставовъ стояла и другая предлагаемая комиссіей мѣра о томъ, чтобы по важнѣйшимъ дѣламъ полиція пользовалась содѣйствіемъ и указаніями прокурорскаго надзора по составленію ея кассаціонныхъ жалобъ [1]).

Въ этомъ же духѣ было проектировано и содержаніе циркуляровъ о значеніи губернатора, какъ представителя высшей правительственной власти, и о самостоятельности судебныхъ установленій. Въ нихъ рекомендовалось стремленіе къ единству дѣйствій и общности цѣлей и устраненіе всякихъ личныхъ пререканій, рекомендовалось стремиться къ достиженію обоюдныхъ соглашеній путемъ личныхъ сношеній между губернаторами и прокурорскимъ надзоромъ, предлагалось прокуратурѣ не отказывать въ сообщеніи губернатору свѣдѣній о ходѣ дѣлъ и во всякомъ случаѣ извѣщать его и подлежащія начальства о принятой противъ должностныхъ лицъ высшей мѣрѣ пресѣченія; но съ другой стороны, предлагались правила о томъ, какъ поступать губернатору относительно свѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ чиновъ судебнаго вѣдомства: а именно, жалобы частныхъ лицъ—оставлять безъ послѣдствій, свѣдѣнія же о неправильныхъ служебныхъ дѣйствіяхъ, касающихся предметовъ вѣдѣнія администраціи, сообщать подлежащимъ судебнымъ властямъ; о ставшихъ извѣстными губернатору дѣяніяхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, противныхъ носимому ими званію, общественному порядку или нравственности—сообщать конфиденціально прокурору и т. д. Однимъ словомъ, эти циркуляры должны были содержать истины, прекрасно извѣстныя всѣмъ чинамъ администраціи и юстиціи, и отвлеченный призывъ къ единству дѣйствій [2]). Они ни въ чемъ не нарушили бы принятаго Уставами начала обособленія правительственной и судебной властей, и дѣйствительная разсылка ихъ ни въ чемъ бы не измѣнила создавшагося на мѣстахъ положенія.

---

[1]) Для ознакомленія чиновъ полиціи съ юридической постановкой дѣла и для содѣйствія имъ иногда командировались чины прокурорскаго надзора; напр., въ распоряженіе варшавскаго оберъ-полиціймейстера въ 1875 г. былъ назначенъ товарищъ прокурора Петербургскаго окружнаго суда и 4 кандидата на судебныя должности; см. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 7187.

[2]) Такіе циркуляры издавались и раньше, см. напр. „Сборникъ циркуляровъ и инструкцій по Министерству Юстиціи“, т. I, стр. 150 (1869 г. № 157).

Оставшіеся безъ практическаго осуществленія труды комиссіи 1875 г. очень любопытны какъ выраженіе взглядовъ центральныхъ вѣдомствъ, наиболѣе близко соприкасавшихся при судебной реформѣ [1]). Повидимому, новый порядокъ, введенный Уставами, вполнѣ ихъ удовлетворялъ, и новшества, для которыхъ комиссіи былъ открытъ самый широкій просторъ, она не признавала цѣлесообразнымъ вводить. Очевидно, противъ реформы— несмотря на не малочисленные уже въ то время нападки, ни представители Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, ни государственной полиціи не считали необходимымъ выставлять принципіальныя возраженія.

Однако, вскорѣ послѣ 1875 г. появляются законодательныя мѣры, прямою цѣлью которыхъ было усиленіе власти начальника губерніи и умаленіе власти судебной. Нѣкоторыя нововведенія этого рода касались предметовъ, въ сущности второстепенныхъ, и теперь при чтеніи мотивировки ихъ даже представляется страннымъ, почему въ тѣ времена этимъ вопросамъ придавалось такое значеніе и почему понадобился чрезвычайный порядокъ ихъ утвержденія.

Въ качествѣ чрезвычайной мѣры были санкціонированы правила объ изданіи губернаторами и градоначальниками обязательныхъ постановленій. Вопросъ этотъ имѣлъ свою исторію. Впервые обратилъ на него вниманіе главноуправляющій II Отдѣленіемъ баронъ Корфъ въ своей извѣстной запискѣ 1862 г., въ которой онъ доказывалъ необходимость проведенія границы между закономъ и указомъ, а затѣмъ этотъ вопросъ привлекъ вниманіе, когда на практикѣ пришлось примѣнять ст. 29 Устава о наказаніяхъ и надлежало выяснить предѣлы законныхъ распоряженій полицейской власти. Взгляды представителей администраціи и судебныхъ установленій, какъ подробнѣе уже изложено выше, на этотъ предметъ не совпадали, и петербургскій оберъ-полиціймейстеръ ген. Треповъ, въ связи съ рѣшеніемъ Сената по дѣлу Иконникова, возбудилъ вопросъ о предоставленіи административнымъ органамъ права издавать такого рода обязательныя постановленія. Министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, на Трепова даже былъ возло-

[1]) Сужденія комиссіи по двумъ остальнымъ вопросамъ (о предостереженіяхъ и о личныхъ сношеніяхъ) изложены въ другомъ мѣстѣ; въ нихъ проводится то же стремленіе не отступать отъ началъ Уставовъ.

женъ „обширный законодательный трудъ, имѣющій цѣлью установленіе порядка изданія административныхъ постановленій, коихъ сила не поставлялась бы болѣе въ зависимость отъ личныхъ воззрѣній, и законность не подвергалась бы безпрестаннымъ сомнѣніямъ“ [1]). Эта работа генералъ-адъютанта Трепова не привела къ разрѣшенію всей проблемы въ цѣломъ, однако, 13 августа 1869 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на предоставленіе с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру, въ видѣ временной мѣры, права требовать отъ домовладѣльцевъ освѣщенія черныхъ лѣстницъ и поливки улицъ, санкціонированнаго ст. 29 Устава, а 17 іюля 1870 г. были утверждены правила о постановленіяхъ с.-петербургскаго градоначальника по предметамъ вѣдомства с.-петербургской рѣчной полиціи (сенатскій указъ 18 сентября 1870 г. [2]).

Вопросъ о предоставленіи губернаторамъ этого права подробно обсуждался и начальниками губерній въ отзывахъ ихъ, представленныхъ въ 1870 г. въ комиссію по преобразованію губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій [3]). Всѣ губернаторы единогласно высказались въ пользу этого мѣропріятія. Нѣкоторые (вятскій, владимірскій, харьковскій, тульскій) очень подробно остановились на различныхъ сторонахъ этого вопроса; другіе же, не входя въ детали, ограничились сообщеніемъ замѣчаній и фактовъ, доказывавшихъ необходимость въ обязательныхъ постановленіяхъ. Въ замѣчаніяхъ губернаторовъ преобладаютъ аргументы дѣловые, т. е. указывается, что пробѣлы законодательства, относящагося къ областямъ благоустройства и благочинія, сдѣлались особенно замѣтными послѣ введенія судебной реформы, когда вопросъ о „законности“ требованія полиціи сдѣлался предметомъ судебнаго разбирательства. Но, наряду съ этимъ, отмѣчались также и соображенія о необходимости этимъ путемъ поднять авторитетъ полиціи, которая при новомъ судебномъ строѣ является будто бы безсильной. Въ отзывахъ губер-

---

[1]) Приведенныя въ ковычкахъ слова извлечены изъ всеподд. отчета Трепова о дѣятельности СПБ. городской полиціи за 1868 г. и заимствованы здѣсь изъ отзыва министра финансовъ на проектъ основныхъ положеній административно-полицейской реформы (Приложенія къ журналу Комитета Министровъ 1870 г. № 176).

[2]) Журналъ Комитета Министровъ 1876 г. № 383 и приложенія къ нему (справка Министерства Юстиціи).

[3]) См. цитир. уже „Матеріалы“ комиссіи, Отдѣлъ административный, часть III отдѣленіе 10.

наторы высказались и относительно порядка изданія постановленій — въ общемъ они намѣчали приблизительно тотъ, который имѣлъ въ виду министръ внутреннихъ дѣлъ (см. ниже). Въ нѣкоторыхъ запискахъ перечислены довольно подробно предметы, которыхъ такія постановленія должны касаться (напр., въ отзывѣ бессарабскаго губернатора, генералъ-маіора Гангардта и московскаго, кн. Ливена).

Право губернаторовъ издавать обязательныя постановленія было упомянуто и въ числѣ основныхъ положеній административной реформы 1870 г. Это право мотивировалось двумя цѣлями: 1) выдѣлить изъ Свода Законовъ такія постановленія, которыя не имѣютъ значенія закона, какъ устанавливающія мелочныя подробности, или какъ имѣющія чисто мѣстное, либо временное значеніе, и 2) предоставить администраціи необходимую самостоятельность въ регламентаціи по предметамъ, ввѣреннымъ ея попеченію. Однако, пунктъ 7 основныхъ положеній предоставлялъ администраціи это право въ широкихъ предѣлахъ, а именно: „въ развитіе дѣйствующихъ законоположеній о благоустройствѣ и благочиніи, а равно о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“ [1]). Въ виду этого, предположеніе министра внутреннихъ дѣлъ не встрѣтило полнаго одобренія даже со стороны графа Палена, который и самъ раньше уже высказывалъ аналогичныя мысли и въ принципѣ отнесся сочувственно къ этому проекту. Но и онъ счелъ необходимымъ указать на то, что при такой постановкѣ это право охватило бы слишкомъ широкій кругъ отношеній, опредѣляемыхъ томами XI—XIV Свода Законовъ; поэтому министръ юстиціи предлагалъ ограничить право издавать постановленія только въ прямо указанныхъ въ законѣ случаяхъ. Однако, со стороны другихъ вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей противъ пункта 7 положеній (какъ впрочемъ и противъ многихъ другихъ) были выставлены рѣши-

[1]) Порядокъ изданія и отмѣна постановленій опредѣлялись въ слѣдующихъ, 8-мъ и 9-мъ пунктахъ. „8. Постановленія и распоряженія, издаваемыя на основаніи предыдущей статьи, вступаютъ въ законную силу не прежде, какъ со дня ихъ опубликованія въ установленномъ порядкѣ, и сохраняютъ эту силу или впредь до отмѣны ихъ, какъ властію издающею, такъ и высшею, или же за истеченіемъ срока, на который они были изданы. 9. О существѣ постановленій и распоряженій, издаваемыхъ губернаторомъ, онъ доводитъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ котораго сосредоточивается высшій въ этомъ отношеніи контроль. На постановленія и распоряженія губернатора частныя лица имѣютъ право жалобы высшему правительству“.

тельныя возраженія: Рейтернъ указывалъ, „что нельзя и думать о предоставленіи губернаторамъ подобнаго права, не уяснивъ во всей подробности, въ чемъ именно могутъ заключаться подобныя постановленія, какія обязанности и повинности могутъ быть требуемы ими отъ частныхъ лицъ.... какія взысканія и кѣмъ будутъ налагаемы на лицъ, ихъ не исполнившихъ, и если право это предоставлено будетъ... судебнымъ учрежденіямъ, то какими правилами будутъ эти учрежденія руководствоваться при опредѣленіи законности административныхъ постановленій, такъ какъ трудно допустить, чтобы всякое постановленіе, изданное губернаторомъ, тѣмъ самымъ признавалось уже закономъ". Столь же рѣшительно высказался и военный министръ, Милютинъ, признавшій, что право изданія въ такихъ широкихъ предѣлахъ постановленій не можетъ быть предоставлено губернатору безъ существеннаго ущерба единой государственной власти въ Имперіи, ибо „дѣла благоустройства и благочинія" на самомъ дѣлѣ обнимаютъ прямо или косвенно всю мѣстную частную и общественную жизнь. Приблизительно тѣ же возраженія дѣлалъ и государственный контролеръ, Татариновъ [1]). Столь же рѣзко возражала и печать. „Московскія Вѣдомости" (1870 г. № 70) усматривали въ правѣ губернаторовъ издавать постановленія, безъ права судебныхъ установленій провѣрять степень ихъ законности, угрозу для суда, „которому предоставляется честь быть органомъ административныхъ лицъ". „Голосъ" (1870 г. № 46) также отмѣчалъ, что проектъ ухудшаетъ установившееся, благодаря практикѣ Сената, положеніе, ограничивая права суда. „Если распоряженіе судъ обязанъ безмолвно принимать, то, полиція будетъ не одною изъ сторонъ, состязающихся на судѣ, а начальствомъ, предлагающимъ извѣстную мѣру къ исполненію; судопроизводство будетъ состоять не въ разбирательствѣ двухъ сторонъ, а въ безмолвномъ наказаніи одной по требованію другой. Полиція указала, а судъ приговорилъ — вотъ формула предполагаемаго судопроизводства. Еще нѣсколько такихъ мѣропріятій и немного останется отъ судебной реформы".

Проектъ административно-полицейской реформы не получилъ осуществленія, и вслѣдствіе этого вопросъ о правѣ начальни-

---

[1]) Отзывы вѣдомствъ имѣются въ приложеніяхъ къ журналу Комитета Министровъ 1870 г. № 176.

ковъ губерній издавать обязательныя постановленія остался нѣкоторое время безъ движенія. Но вскорѣ, въ 1876 г., министръ внутреннихъ дѣлъ возвратился къ этому предмету. Право изданія обязательныхъ постановленій обсуждалось въ особомъ совѣщаніи въ присутствіи Государя [1]), а затѣмъ проектъ былъ переданъ въ Комитетъ Министровъ. По проекту генералъ-адъютанта Тимашева предполагалось предоставить право изданій постановленій генералъ-губернаторамъ московскому и варшавскому и градоначальникамъ с.-петербургскому и одесскому. Постановленія могли касаться 11 пунктовъ, прямо перечисленныхъ въ проектѣ, по тѣмъ рубрикамъ, какія имѣются въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и въ Общемъ учрежденіи уѣздной и городской полиціи [2]).

Далѣе, постановленія эти должны ограничиться начертаніемъ способовъ и мѣръ къ правильному и успѣшному исполненію законовъ и, не входя въ область уже существующихъ карательныхъ законоположеній, не могутъ касаться отмѣны, дополненія или измѣненія таковыхъ. Исключались, наконецъ, и тѣ предметы, которые уже предусмотрѣны въ Городовомъ положеніи. Объ изданіи постановленій подлежащія власти обязывались доносить министру внутреннихъ дѣлъ и Сенату; министръ имѣлъ право дополнять или измѣнять ихъ, а частныя лица могли приносить жалобы на нихъ въ Сенатъ. Санкціей исполненія постановленія должна была быть ст. 29 Устава. Комитетъ Министровъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ проектъ министра. А именно, онъ прежде всего счелъ необходимымъ предоставить право изданія всѣмъ начальникамъ губерній, ибо, какъ полагалъ Комитетъ, если ограничиться только отдѣльными частями Имперіи, то это ограниченіе могло бы имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе авторитета власти въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ право изданія постановленій ей не предоставлено. Затѣмъ Комитетъ призналъ желательнымъ не перечислять въ точности тѣ статьи закона, въ развитіе которыхъ дозволялось издавать постановленія; наконецъ, Коми-

---

[1]) См. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ т. III, ч. I, стр. 144, въ которомъ, однако, очень сокращенно изложенъ журналъ Комитета (1876 г. № 383, засѣданія 22 іюня и 8 іюля).

[2]) Они могли касаться предупрежденія и пресѣченія нарушенія благочинія во время богослуженія, распространенія запрещенныхъ книгъ, сопротивленія властямъ, нищенства, запрещенныхъ игръ, пьянства и т. д.

тетъ призналъ излишнимъ установленіе обязанности мѣстныхъ властей доносить объ изданіи постановленій Сенату.

Положеніе Комитета Министровъ было утверждено Государемъ 13 іюля 1876 г. (П. С. З., № 56.203) и лежитъ въ основаніи дѣйствующихъ ст. 421—428 Общаго Учрежденія Губернскаго (II томъ Свода Законовъ).

Само по себѣ взятое, оно непосредственно не касается судебной власти, и право судебной власти на провѣрку законности административныхъ постановленій имъ не было окончательно и безповоротно разрѣшено; однако, несомнѣнною цѣлью изданія этого закона было усиленіе власти губернатора, а если сопоставить съ его содержаніемъ тѣ возраженія, которыя высказывались раньше противъ проекта 1870 г. и то обстоятельство, что Комитетъ Министровъ пошелъ дальше проекта, то нельзя не придти къ выводу, что въ 1876 г. взглядъ правительства сильно измѣнился, и что право суда на оцѣнку распоряженій административныхъ властей перестало быть той непререкаемой истиной, какой оно казалось въ 1870 г.

Вскорѣ послѣ этого, въ 1879 году, Комитету Министровъ снова пришлось встрѣтиться съ вопросомъ объ усиленіи власти административной въ ущербъ судебной. На обсужденіе Комитета, по Высочайшему повелѣнію, былъ переданъ журналъ Особаго совѣщанія, обсуждавшаго мѣры, могущія послужить къ прекращенію преступной дѣятельности злоумышленниковъ, принадлежащихъ къ соціально-революціонной партіи, и предупрежденія развитія лжеученій, имѣющихъ цѣлью поколебать основные государственные законы [1]). Мѣропріятія, предложенныя совѣщаніемъ, касались преимущественно области народнаго просвѣщенія и печати, однако, затрагивали и предметы, опредѣляемые Судебными Уставами. Согласно мнѣнію совѣщанія, Комитетъ Министровъ, прежде всего, призналъ, что, въ видахъ предоставленія полиціи большей самостоятельности при исполненіи лежащихъ на ней трудныхъ и важныхъ обязанностей и для возвышенія ея значенія и авторитета въ общественной средѣ,

---

[1]) Журналъ Комитета Министровъ 1879 г. № 384 и приложенія къ нему, часть I, листъ 348 и слѣд. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ положеніи Комитета имѣются въ книгѣ С. С. Татищева, Императоръ Александръ II, т. II, стр. 607 и слѣд.; см. также Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. III, ч. I, стр. 145 и слѣд. Предсѣдателемъ совѣщанія былъ П. А. Валуевъ.

необходимо отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ предостереженія, даже безъ истребованія отъ нихъ объясненій и помимо ихъ ближайшаго начальства, чрезъ что коронная полицейская власть ставится въ нравственную зависимость отъ выборной судебной. Министръ юстиціи, повидимому, имѣлъ въ виду возражать противъ высказываемыхъ въ совѣщаніи взглядовъ на этотъ предметъ. Такое заключеніе можно вывести изъ сохранившихся въ дѣлахъ министерства [1]) замѣчаній на журналъ совѣщанія. Въ этой запискѣ проводится мысль, что полиція ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи не стоитъ на высотѣ тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ ней. Поэтому, какъ указывалось въ запискѣ, необходимы не какія-либо измѣненія въ судебной реформѣ, а необходимо поднять уровень полицейской дѣятельности до высоты требованій, предъявляемыхъ условіями современной жизни. Однако, эти соображенія, если даже они и были высказаны министромъ юстиціи въ совѣщаніи, не имѣли успѣха.

Комитетъ Министровъ постановилъ предоставить министру юстиціи дать въ установленномъ законодательномъ порядкѣ безотлагательное движеніе предположенію объ отмѣнѣ статьи 53 Учр. Суд. Уст. Главноуправляющій III Отдѣленіемъ предлагалъ пойти еще дальше и въ видахъ усиленія значенія полиціи отмѣнить право прокуратуры давать предостереженія полиціи или предлагать дѣйствія полиціи на разсмотрѣніе суда. Однако, Комитетъ отмѣтилъ существенную разницу „указаннаго порядка подчиненія по слѣдственной части полицейскихъ чиновъ прокуратурѣ, состоящей въ полной зависимости министра юстиціи, отъ подобнаго же подчиненія выборнымъ мировымъ судьямъ“, но тѣмъ не менѣе положилъ „предоставить министру юстиціи войти въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ объ отмѣнѣ ст. 485 Учр. Суд. Уст.“.

Второе изъ приведенныхъ здѣсь положеній Комитета практическаго значенія не имѣло; что же касается перваго, то оно завершило ту борьбу, которую администрація вела противъ этого права мировыхъ судей съ самаго перваго дня существованія этого института. Общее осужденіе этого полномочія, выска-

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1878 г. № 145 (по архиву № 7187).

занное въ отзывахъ начальниковъ губерній, получило осуществленіе, какъ одно изъ средствъ борьбы съ крамолой.

Согласно этому положенію Комитета (утвержденному Государемъ въ числѣ прочихъ его постановленій), министръ юстиціи представилъ 29 сентября 1879 г. въ Государственный Совѣтъ соотвѣтственную записку [1]). Въ ней указывалось, что комиссія, образованная для обсужденія вопросовъ, касающихся отношеній администраціи къ судебнымъ установленіямъ, пришла къ выводу о необходимости отмѣны права мировыхъ судей и прокуратуры давать предостереженія чинамъ общей полиціи и сохранить за ними это право лишь въ отношеніи къ сельской полиціи, а къ общей — только за судебными коллегіями. Министръ юстиціи (въ то время гр. Паленъ) соглашался на эту отмѣну лишь при условіи устройства для полицейскихъ чиновъ особаго дисциплинарнаго суда [2]).

Однако министръ внутреннихъ дѣлъ, не возражая въ принципѣ противъ учрежденія дисциплинарнаго суда, призналъ необходимымъ до времени ограничиться лишь вопросомъ объ отмѣнѣ права мировыхъ судей давать предостереженія чинамъ полиціи и предлагалъ редакцію ст. 53 Уст. Уг. Суд. изложить соотвѣтственно ст. 249, опредѣляющей отношенія мировыхъ судей къ жандармской полиціи. Соединенные Департаменты не встрѣтили препятствій къ утвержденію этого предположенія, и 18 декабря 1879 г. ст. 53 Уст. Уг. Суд. была утверждена въ нынѣшней ея редакціи. Любопытно, что еще за три мѣсяца до утвержденія этого предположенія „Вѣстникъ Европы“ писалъ,

[1]) Комиссія (см. ея „Труды“, стр. 39 и сл.) считала желательной отмѣну этого права, потому что „оно задѣваетъ до крайности самолюбіе чиновниковъ полиціи, которые, не считая себя непосредственно подчиненными чинамъ судебныхъ установленій, въ то же время, нерѣдко, сливаютъ въ своемъ представленіи личныя свойства дающаго его лица съ достоинствомъ и правомъ носимаго имъ званія. Съ другой стороны, мировые судьи... обнаруживаютъ неумѣніе пользоваться правомъ дѣлать предостереженія“.. Комиссія указывала на рѣшеніе Сената (1867 г. № 347) по дѣлу Свѣчина, объявившаго предостереженіе Вышневолоцкому полицейскому управленію, и Данилова. Изъ приведеннаго выше дѣла Мин. Юст. 1878 г. № 7187 видно, что за три года по округамъ судебныхъ палатъ всего было сдѣлано 604 предостереженія и 272 предложенія окружными судами о разсмотрѣніи неправильныхъ дѣйствій полицейскихъ чиновъ. Больше всего пользовались этимъ правомъ чины установленій петербургскаго округа (119) и варшавскаго (201), причемъ въ этомъ послѣднемъ округѣ мировые судьи назначались, а не избирались.

[2]) См. дѣло Департамента Законовъ 1879 г. № 55. Въ представленіи нѣтъ указаній на то, что оно вносилось по предписанію свыше, но объ этомъ упоминается въ письмѣ министра юстиціи къ государственному секретарю.

что слухъ отмѣны права мировыхъ судей дѣлать предостереженія не оправдывается. „Въ этомъ слухѣ“, говоритъ авторъ статьи „отражается ничто иное какъ то самое мечтаніе о возстановленіи какой то полицейской автономіи, которое проявилось недавно въ слухѣ о проектѣ учрежденія полицейскихъ чиновъ“ [1]). Для характеристики эпохи и отношенія къ реформѣ очень интересны и борьба противъ этого права судей и защита его либеральной прессой.

Но Особое совѣщаніе и Комитетъ Министровъ намѣтили еще и другія мѣры для усиленія авторитета полиціи. Вторымъ пунктомъ журнала предлагалось „предоставить взаимному соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ разсмотрѣніе вопроса о предоставленіи полиціи права приносить жалобы на мировыхъ судей мировымъ съѣздамъ прямо, а не черезъ посредство товарищей прокуроровъ, чрезъ что полиція теперь лишена права, всякому частному лицу принадлежащаго, и поставлена въ полную зависимость отъ прокуратуры“. И наконецъ, въ третьихъ, совѣщаніе отмѣтило „ввиду заявленія министра юстиціи, что для устраненія неудобствъ, происходящихъ отъ непризнанія за полицейскими показаніями и протоколами силы полнаго судебнаго доказательства и отъ того, что мировые судьи не дѣйствуютъ съ безпрерывностью, которая требуется для полицейскихъ дѣлъ, лучшимъ средствомъ было бы не учрежденіе полицейскихъ судовъ, о чемъ нѣсколько разъ возникали предположенія, а пересмотръ вообще узаконеній о мировыхъ судьяхъ“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, Тимашевъ, имѣлъ въ виду учрежденіе полицейскихъ судовъ для сужденія по дѣламъ объ уличныхъ демонстраціяхъ и безчинствахъ, но этотъ планъ встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны гр. Палена. Такая мѣра, какъ онъ указывалъ, была бы равнозначущей возвращенію къ уже отжившему и безповоротно отвергнутому правительствомъ порядку. Взамѣнъ этого для ускоренія слѣдовало разработать правила объ установленіи въ Петербургѣ особой очереди мировыхъ судей для разбора подобнаго рода дѣлъ и объ учрежденіи особой инстанціи (взамѣнъ съѣзда) изъ судей, освобожденныхъ отъ завѣдыванія судебно-мировыми участками.

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1876 г. IX, внутреннее обозрѣніе, стр. 347—350.

Однако, подъ вліяніемъ настойчивости Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вѣдомству юстиціи пришлось, повидимому, пойти на уступки. Комитетъ Министровъ единогласно призналъ пользу неотложнаго осуществленія пересмотра. Предсѣдатель, гр. Игнатьевъ, замѣтилъ, что общій пересмотръ можетъ затянуться на долгій срокъ и что поэтому желательно произвести нѣкоторыя необходимыя измѣненія; министръ финансовъ, адмиралъ Грейгъ, указывалъ, что слѣдуетъ отмѣнить выборное начало, на опытѣ доказавшее свою несостоятельность, и предоставить нѣкоторымъ чинамъ полиціи право разбирать ускореннымъ порядкомъ маловажныя нарушенія постановленій, ограждающихъ общественное благоустройство, съ наложеніемъ незначительныхъ штрафовъ. Но министръ юстиціи, Набоковъ, говорилъ, что такая реформа вещь не простая, что въ его вѣдомствѣ уже приступили къ работамъ по реорганизаціи мирового института, и что на первую очередь поставленъ вопросъ о порядкѣ назначенія и объ условіяхъ дѣятельности судей и объ ускореніи разбора маловажныхъ дѣлъ. Если же работы по общему пересмотру затянутся, то отдѣльнымъ вопросамъ дано будетъ особое движеніе. Комитетъ Министровъ призналъ это дѣломъ весьма важнымъ и предложилъ министру юстиціи отдѣльнымъ вопросамъ дать движеніе какъ можно скорѣе и обсудить предложенія адмирала Грейга.

Но изъ этихъ предположеній практически ничего не вышло; никакихъ перемѣнъ въ Уставахъ они не вызвали, значеніе и сила полицейскихъ протоколовъ, положеніе полиціи на судѣ и условія выбора и дѣятельности мировыхъ судей остались прежними.

Не лишне отмѣтить здѣсь еще разъ, что всѣ выдвинутые совѣщаніемъ 1879 г. возраженія противъ существовавшаго судебнаго строя повторяютъ тѣ же самые пункты, которые и въ 1875 году выставлялись съ тою же цѣлью, и заимствованы въ концѣ концовъ—изъ отзывовъ начальниковъ губерній, которые уже разсмотрѣны подробно.

Перечисленныя мѣропріятія приводили къ нѣкоторому усиленію авторитета низшихъ органовъ полицейской власти и предоставляли ей нѣкоторую самостоятельность въ преслѣдованіи наименѣе значительныхъ преступныхъ дѣяній, ибо касались той сферы судебной власти, которая была предоставлена мировымъ

судьямъ. Однако къ борьбѣ съ политической смутой эти мѣры могли имѣть лишь отдаленное значеніе. Ссылка Валуева и сторонниковъ его воззрѣнія на „смуту" явилась лишь удобнымъ предлогомъ для оправданія нѣкоторыхъ перемѣнъ въ нежелательной, съ ихъ точки зрѣнія, постановкѣ соотношенія властей судебной и административной, ибо нельзя же въ отмѣнѣ права мировыхъ судей давать предостереженія полиціи усматривать сколько нибудь серьезное средство борьбы съ крамолой.

Для энергичнаго подавленія возрастающей революціонной пропаганды и противодѣйствія террористическимъ актамъ, число которыхъ все возрастало и которые къ концу семидесятыхъ годовъ выразились въ рядѣ покушеній на жизнь высшихъ должностныхъ лицъ Имперіи и даже на жизнь Государя, было признано необходимымъ снабдить представителей администраціи на мѣстахъ чрезвычайными полномочіями [1]). Предоставленныя имъ особыя права дѣйствительно сокращали власть судебныхъ установленій и практически оказались вовсе не такими кратковременными, какъ это могло показаться во время изданія соотвѣтствующихъ указовъ.

Нѣкоторыя полномочія администраціи существовали еще до утвержденія Судебныхъ Уставовъ и ими не были отмѣнены, а практическое значеніе ихъ усилилось подъ вліяніемъ событій семидесятыхъ годовъ. Изданіе Судебныхъ Уставовъ не устранило дѣйствія существовавшихъ уже въ то время правилъ о высылкѣ въ административномъ порядкѣ, т. е. безъ судебнаго разбирательства. Порядокъ примѣненія этого взысканія опредѣлялся указомъ 2 декабря 1855 г., которымъ было предписано генералъ-губернаторамъ представлять свои предположенія о высылкѣ „порочныхъ людей" министру внутреннихъ дѣлъ съ подробнымъ изложеніемъ побудительныхъ причинъ, а мѣста высылки опредѣлялись министерствомъ. 28 марта 1857 г. были разработаны болѣе подробныя правила относительно тѣхъ ограниченій, которымъ подвергались высланные, и о надзорѣ за ними. Нѣкоторое время (съ 1861 по 1866 г.г.) дѣйствовали особыя правила о высылкѣ изъ губерній по распоряженію губернаторовъ лицъ податнаго сословія и разночинцевъ, уличен-

---

[1]) См. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. III ч. 1 стр. 144, В. М. Гессенъ. Исключительное положеніе, 1908 г. (различные отдѣлы).

ныхъ въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію и безпорядкамъ.

Въ 1870 году было предписано губернаторамъ при первомъ извѣстіи о стачкѣ рабочихъ на заводахъ или фабрикахъ немедленно высылать главныхъ зачинщиковъ въ назначенныя для этого губерніи, не допуская дѣла до судебнаго разбирательства, и въ 1871 г. эти мѣры были распространены на всякія вообще стачки. Въ 1878 году (24 мая) было предписано высылать административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу противуправительственной пропаганды, виновность которыхъ въ дѣятельности, направленной къ разрушенію правительственнаго и общественнаго строя, очевидна, и оставленіе которыхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи представляется опаснымъ. 1 сентября 1878 г. соглашенію шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ предоставлена высылка лицъ, относительно которыхъ будутъ достаточныя данныя о ихъ политической неблагонадежности. Наконецъ, указомъ 5 апрѣля 1879 г. генералъ-губернаторамъ предоставлено право высылки административнымъ порядкомъ изъ ввѣренныхъ ихъ управленію мѣстностей всѣхъ тѣхъ лицъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ они признаютъ вреднымъ. Высылка влекла для высылаемыхъ ограниченія въ правахъ передвиженія, производства торговли и промысловъ, обученія дѣтей и др.; всѣ эти послѣдствія карательнаго характера устанавливались въ порядкѣ административномъ, а не судебномъ.

Впослѣдствіи, уже при дѣйствіи новаго судебнаго строя, были утверждены нѣкоторыя законоположенія, которыми передавались властямъ административнымъ полномочія, составляющія по духу Уставовъ исключительную принадлежность судебной, или которыми создавалась особая, исключительная подвѣдомственность, отличающаяся отъ общей.

Высочайшимъ повелѣніемъ 8 августа 1878 г. предоставленъ свободный доступъ на фабрики и заводы чинамъ общей и жандармской полиціи, съ тѣмъ, чтобы обыски и аресты производились въ присутствіи завѣдующаго фабрикой; пунктомъ 4 другого повелѣнія, состоявшагося въ тотъ же день, предписано предавать военному суду личностей, которыя подвергнуты обыску или аресту по соображеніямъ политическимъ, и которыя при этомъ окажутъ сопротивленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ право заарестованія,

предоставленное ст. 28 закона 19 мая 1871 г. лицу, Высочайшею властью назначенному для производства дознаній, было распространено на офицеровъ корпуса жандармовъ и въ отсутствіи ихъ — на полиціймейстеровъ и исправниковъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда означенные чины будутъ преслѣдовать виновныхъ въ преступленіяхъ государственныхъ, противузаконныхъ сообществахъ и уличныхъ безпорядкахъ (п. 1). Именнымъ указомъ 9 августа 1878 года повелѣно предавать военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени и опредѣленія наказанія по ст. 279 Воинск. уст. о наказ. (т. е. смертной казни) лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, въ нападеніи на чиновъ полиціи и войска или на должностныхъ лицъ, коль скоро эти преступленія сопровождались убійствомъ (или покушеніемъ на него), нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ. Всѣ сомнѣнія и вопросы по примѣненію этого указа разрѣшались министрами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, шефомъ жандармовъ и въ случаѣ надобности — военнымъ министромъ, по соглашенію.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ органы судебной власти косвенно устранялись отъ участія въ преслѣдованіи намѣченныхъ въ указахъ преступныхъ дѣяній, такъ какъ арестованіе подозрѣваемыхъ лицъ и передача ихъ военному суду происходили помимо прокурорскаго надзора. Въ правилахъ же 1 сентября 1878 г. „объ особыхъ мѣрахъ къ огражденію общественнаго спокойствія“ устраненіе судебной и прокурорской власти выражено вполнѣ опредѣленно. Въ 1 пунктѣ этихъ правилъ подтверждалось право жандармской и общей полиціи заарестовывать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій и прикосновенности къ нимъ, а равно въ участіи въ противузаконныхъ сообществахъ и уличныхъ безпорядкахъ; тѣ изъ арестованныхъ лицъ, относительно которыхъ имѣлись достаточныя данныя о ихъ политической неблагонадежности, подвергались высылкѣ по соглашенію шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ. Въ прим. къ п. 3 выражено, что всѣ эти мѣры, а равно и освобожденіе заарестованныхъ лицъ „принимаются безъ участія чиновъ прокурорскаго надзора, которымъ, впрочемъ, для свѣдѣнія препровождается копія съ постановленія о каждомъ заарестованномъ лицѣ“. Прокурорскій надзоръ получалъ нѣкоторое вліяніе на ходъ дѣла только при направленіи его

къ формальному дознанію, и въ этомъ случаѣ чины прокуратуры, придя къ несомнѣнному убѣжденію, что заарестованіе произошло безъ достаточнаго основанія, могли дать производящему дознаніе лицу письменное предложеніе о принятіи взамѣнъ ареста одной изъ менѣе строгихъ мѣръ пресѣченія; однако, если офицеръ корпуса жандармовъ или чиновникъ полиціи признаетъ невозможнымъ исполнить такое предложеніе, то чинъ прокурорскаго надзора, наблюдающій за дознаніемъ, долженъ донести о встрѣченномъ затрудненіи на разрѣшеніе подлежащаго прокурора судебной палаты, а въ Петербургѣ эти донесенія поступали министру юстиціи и разрѣшались по сношеніи съ шефомъ жандармовъ.

Въ видахъ усиленія надзора за обывателями въ С.-Петербургской губ. и гг. Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Ялтѣ 18 марта 1879 года были установлены особыя правила о прописк̀ѣ видовъ на жительство, причемъ высшимъ представителямъ администраціи (градоначальникамъ, генералъ-губернаторамъ, оберъ-полиціймейстерамъ) предоставлено право въ административномъ порядкѣ налагать штрафы отъ 50 до 500 рублей на содержателей меблированныхъ комнатъ, гостинницъ и домовладѣльцевъ за каждый случай нарушенія установленнаго порядка, удалять дворниковъ и швейцаровъ отъ занимаемыхъ должностей (съ запрещеніемъ въ будущемъ наниматься на таковыя) и непрописанныхъ лицъ задерживать до выясненія личности.

Совершенно исключительныя полномочія были предоставлены указомъ 5 апрѣля 1879 г. временнымъ генералъ-губернаторамъ въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, генералъ-губернаторамъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Варшавѣ. Помимо прочаго, имъ предоставлено право „предавать военному суду съ примѣненіемъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, независимо отъ случаевъ, упомянутыхъ въ указѣ отъ 9 августа 1878 г., и за другіе виды преступленій государственныхъ или противъ порядка управленія, а равно и за совершеніе другихъ преступленій, общими законами уголовными предусмотрѣнныхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія". Къ разсмотрѣнію этого рода дѣлъ вовсе не привлекались судебныя установленія, и прокурорскій надзоръ также не имѣлъ никакого къ нимъ отношенія; всѣ дѣйствія возлагались на военно-судебныя установленія, и порядокъ

ихъ опредѣлялся Указомъ 8 августа 1879 г. Судебнымъ мѣстамъ подлежали только тѣ дѣла, которыя были возвращены генералъ-губернаторами прокурорамъ судебныхъ палатъ (Высочайшее повелѣніе 20 іюля 1879 г.).

Основываясь на Указѣ 5 апрѣля 1879 г., временный одесскій генералъ-губернаторъ, гр. Тотлебенъ, усилилъ власть по надзору губернаторовъ ввѣренныхъ ему губерній, предоставивъ имъ требовать удаленія лицъ, служащихъ въ канцеляріяхъ мировыхъ судебныхъ установленій [1]), причемъ эта мѣра была признана цѣлесообразной и соотвѣтствующія права опредѣлительно предоставлены другимъ генералъ-губернаторамъ (26 сентября 1879 г.).

Наконецъ, положеніемъ Комитета Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 20 декабря 1879 г., въ разъясненіе указа 5 апрѣля 1879 г., было постановлено: „что дѣла, входящія въ кругъ дѣятельности мѣстныхъ учрежденій судебныхъ, хозяйственно-административныхъ и сословныхъ, должны быть направляемы подлежащими мѣстными властями и установленіями указаннымъ въ законѣ порядкомъ, если въ дѣятельности означенныхъ выше учрежденій не будетъ усматриваться такого рода проявленій, которыя имѣютъ прямую связь съ интересами ввѣренной генералъ-губернаторамъ охраны государства и общества отъ распространенія вредной пропаганды и злоумышленныхъ посягательствъ“ (п. 1). Этимъ правиломъ генералъ-губернаторамъ предоставлялось право вмѣшательства во всѣ судебныя дѣла и право контролировать дѣйствія суда, по ихъ усмотрѣнію.

Этимъ же указомъ генералъ-губернаторамъ предоставлялось издавать обязательныя постановленія (для охраненія спокойствія въ краѣ и для пресѣченія противогосударственныхъ замысловъ) съ опредѣленіемъ въ административномъ порядкѣ для виновныхъ въ неисполненіи оныхъ ареста до 3 мѣсяцевъ или денежнаго взысканія не свыше 500 рублей, а также конфискаціи предметовъ, могущихъ служить для достиженія противугосударственныхъ цѣлей; эти взысканія могли быть опредѣлены и въ тѣхъ случаяхъ, когда предусмотрѣнныя постановленіями правонарушенія по дѣйствующему уголовному закону въ общемъ порядкѣ суда влекутъ за собой менѣе строгія взысканія.

---

[1]) Насколько можно заключить по изложенію въ Историческомъ обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ, (т. III, стр. 154) гр. Тотлебенъ, повидимому, не дѣлалъ исключенія и для мировыхъ судей.

Всѣ перечисленныя выше мѣры были изданы подъ непосредственнымъ вліяніемъ тревожныхъ событій и покушеній на жизнь Государя и преслѣдовали одну опредѣленную цѣль— борьбу съ сообществомъ лицъ, стремящихся къ политическимъ переворотамъ. Поэтому область примѣненія ихъ опредѣлялась именно этими предѣлами и нормальнаго круга дѣятельности судебныхъ установленій онѣ не касались. Эти мѣры по основной идеѣ должны были установить особый болѣе быстрый и энергичный способъ предупрежденія и репрессіи преступленій государственныхъ; судебныя власти временно устранялись отъ сужденія этого рода дѣлъ, во всемъ же остальномъ судебный строй долженъ былъ оставаться безъ перемѣнъ и безъ умаленія. Однако фактически равновѣсіе властей нарушалось не въ пользу вѣдомства юстиціи. Представителямъ обвинительной и слѣдственной власти приходилось имѣть дѣло съ губернаторами и генералъ-губернаторами, облеченными особыми полномочіями, съ администраторами, на которыхъ была возложена серьезная отвѣтственность, и отъ которыхъ Верховное правительство ожидало многаго. Естественно, что при конфликтахъ, даже по предметамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ борьбѣ съ крамолой и преслѣдованію политическихъ преступленій, вліятельной стороной оказывалась администрація, а голосъ прокуратуры, судебныхъ установленій и даже главы вѣдомства юстиціи звучалъ слабо. Однако, слѣдуетъ подчеркнуть еще разъ, чрезвычайныя событія 70-хъ годовъ вызвали и мѣры „чрезвычайныя“ въ томъ смыслѣ, что онѣ не затронули существа судебнаго строя, созданнаго въ 1864 г., и разсматривались, какъ внѣшнее наслоеніе, временное, необходимое лишь до тѣхъ поръ, пока не устранятся обстоятельства, ихъ обусловливающія.

Впослѣдствіи исключительныя полномочія начальниковъ губерній и генералъ-губернаторовъ были приведены въ систему „Положеніемъ о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ (4 сентября 1881 г.), при составленіи котораго дополнены и приведены въ порядокъ законодательные акты конца семидесятыхъ годовъ.

VII. Отношеніе законодательства эпохи Императора Александра II къ основнымъ началамъ Судебныхъ Уставовъ.

Обратимся наконецъ къ обзору законодательныхъ мѣръ, которыми уже въ царствованіе Императора Александра II были произведены измѣненія въ Судебныхъ Уставахъ, не согласныя съ ихъ духомъ. Нѣкоторыя изъ законоположеній этого рода уже затронуты въ этой книгѣ, какъ, напр., мѣропріятія, касающіяся адвокатуры, ослабляющія автономію сословія присяжныхъ повѣренныхъ или затрудняющія развитіе органовъ управленія сословіемъ, поэтому, отмѣтивъ это, считаемъ излишнимъ къ нимъ возвращаться еще разъ.

Самымъ первымъ по времени изданія закономъ этого рода является Высочайшее повелѣніе 5 августа 1866 г., въ силу котораго окончательное рѣшеніе суда, „коимъ отчуждается въ чье либо владѣніе имѣніе, состоящее въ завѣдываніи главнаго управленія удѣловъ и другихъ установленій Министерства Императорскаго Двора, прежде обращенія къ исполненію, представляется министру юстиціи, который препровождаетъ рѣшеніе къ министру Императорскаго Двора для представленія на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе".

Практическія послѣдствія этого новаго закона, въ виду крайней рѣдкости случаевъ его примѣненія, очень невелики, однако, съ принципіальной стороны онъ нарушаетъ основное начало Уставовъ, по которому сила окончательныхъ рѣшеній не зависитъ ни отъ какихъ обстоятельствъ. Повелѣніе это состоялось по докладу министра Двора гр. Адлерберга, и было вызвано главнымъ образомъ намѣреніемъ подтвердить, что прежніе законы (ст. 70, 80, 197 Основныхъ Законовъ, ст. 824 т. X, ч. 2 мн. Гос. Сов. 27 января 1812 г.), предусматривавшіе такой порядокъ исполненія подлежащихъ рѣшеній, остаются въ силѣ и послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ.

Слѣдующимъ по времени и гораздо болѣе важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ закономъ, изданнымъ въ измѣненіе общаго судебнаго порядка и содержащимъ особыя правила для сужденія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ категорій дѣлъ, является законъ

12 декабря 1866 г., касающійся судопроизводства по дѣламъ печати. Этотъ законъ привлекъ очень большое, можно сказать, даже болѣзненное вниманіе общества и печати; новшества, имъ установленныя, показались тѣмъ болѣе значительными и ощутительными, что введены они были въ Уставъ почти тотчасъ же послѣ первыхъ шаговъ новыхъ судебныхъ учрежденій, и очень скоро послѣ изданія временныхъ правилъ о печати 5 апрѣля 1865 г. [1]). Иниціатива изданія особыхъ правилъ судопроизводства для дѣлъ печати исходила отъ П. А. Валуева, который относился отрицательно и къ печати и къ новому судебному строю. Между тѣмъ, именно по вопросамъ, связаннымъ съ преслѣдованіемъ газетъ и журналовъ, Валуеву пришлось имѣть непріятныя столкновенія съ юстиціей. Объ этомъ имѣются интересныя свѣдѣнія въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенки, который, по служебной связи своей съ цензурой, хорошо былъ освѣдомленъ о всемъ касающемся печати. Прокуратура возбудила дѣло противъ газеты „Вѣсть“, которая предосудительно отзывалась о новыхъ судахъ, а, между тѣмъ, статья „Вѣсти“ была написана по заказу Валуева и даже, какъ говорили, была исправлена имъ. И напротивъ, предложеніе Валуева московскому прокурору (Ланге) начать преслѣдованіе противъ „Московскихъ Вѣдомостей“, нападавшихъ на Валуева, оказалось неуспѣшнымъ, ибо прокуроръ не нашелъ поводовъ къ обвиненію [2]). Есть основаніе предполагать, что эти конфликты не были единственными.

25 августа 1865 г. въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о Ю. Жуковскомъ и редакторѣ журнала „Современникъ“ А. Пыпинѣ, обвинявшихся по ст.ст. 1041 и 1044 Улож. Нак., изд. 1866 г., первый—въ оскорбленіи чести и достоинства всего дворянскаго землевладѣльческаго сословія, въ статьѣ „Вопросы молодого поколѣнія“, помѣщенной въ 3-мъ номерѣ журнала „Современникъ“ за 1866 г. Авторъ изображалъ „барство“, которое, по его мнѣнію, заключалось въ жизни на чужой счетъ, чужимъ трудомъ, которое гордилось своей расточительностью, напрасно хвасталось своими жертвами въ дѣлѣ обезпе-

---

[1]) Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о законѣ 1866 г. имѣются въ изданіи „Матеріалы, собранные особою комиссіей, Высочайше учрежденной 2 марта 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати“, СПБ. 1870, особенно томъ I, стр. 587, гдѣ перепечатана вся переписка вѣдомствъ и производство Государственнаго Совѣта.

[2]) А. В. Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, ст. 304 (3 октября 1865 г.).

ченія крестьянъ, а съ другой стороны отстаивало принципъ тунеядства, дармоѣдства и мотовства, и т. д. [1]).

Окружный судъ вынесъ оправдательный приговоръ обоимъ подсудимымъ, и приговоръ этотъ произвелъ большое впечатлѣніе въ обществѣ и прессѣ. Этимъ дѣломъ воспользовался П. А. Валуевъ для возбужденія вопроса объ установленіи особаго порядка судопроизводства по дѣламъ печати [2]).

29 августа 1865 г., т. е. на четвертый день послѣ рѣшенія дѣла о Жуковскомъ и Пыпинѣ, Валуевъ въ письмѣ на имя управляющаго Министерствомъ Юстиціи, Н. И. Стояновскаго, изложилъ свои мысли по поводу отношенія юстиціи къ преступленіямъ печати. Онѣ сводились къ тому, что прокуратура въ дѣлахъ преслѣдованія по преступленіямъ газетъ должна играть роль единственно представительницы Главнаго управленія по дѣламъ печати и должна въ точности исполнять все то, что ей указывается этимъ управленіемъ. „Очевидно, писалъ онъ, что для успѣшнаго веденія такихъ дѣлъ необходимо согласіе взглядовъ цензуры и прокурорскаго надзора по поводу ихъ вчиненія; прокуроры не могутъ вести преслѣдованія по другимъ уваженіямъ чѣмъ тѣ, по которымъ оно возбуждено". Если они не раздѣляютъ лично взгляда Главнаго управленія, „то должны его усвоить", ибо дѣйствуютъ они „не по собственному произволенію, а по порученію правительства, которое не можетъ въ отношеніи къ прессѣ раздваиваться на несогласныя между собой части. А чины судебнаго вѣдомства до сихъ поръ не всегда смотрѣли на дѣло съ точки зрѣнія общности правительственныхъ интересовъ разныхъ вѣдомствъ" [3]).

Для устраненія на будущее время такихъ разногласій Валуевъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на то, чтобы Главному управленію всегда оказывалось надлежащее содѣйствіе со стороны чиновъ судебнаго управленія, чтобы по дѣламъ, по ко-

---

[1]) Стенографическіе отчеты объ этомъ процессѣ имѣются въ газетахъ того времени и перепечатаны въ приведенныхъ выше „Матеріалахъ", т. III, стр. 129 и слѣд. Предсѣдательствовалъ Панафидинъ, обвинялъ подсудимыхъ тов. прокурора Якоби, защищалъ прис. пов. Арсеньевъ.

[2]) К. К. Арсеньевъ утверждаетъ, что именно процессъ Пыпина и Жуковскаго послужилъ поводомъ къ изданію закона 12 декабря 1866 г. (см. его „Законодательство о печати", стр. 25).

[3]) Это письмо П. А. Валуева напечатано полностью также и въ книгѣ М. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг." Спб. 1904 г., стр. 414—417.

торымъ возбуждаются судебныя преслѣдованія, прокуроры въ точности руководствовались указаніями Главнаго управленія, а въ случаѣ затрудненія или сомнѣнія испрашивали указанія министра юстиціи, и чтобы при разногласіи между министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ по этому поводу возникшій вопросъ представлялся на Высочайшее благоусмотрѣніе или черезъ Комитетъ Министровъ или, въ случаяхъ спѣшныхъ—всеподданнѣйшими докладами за общимъ подписаніемъ министровъ. Эти краткія предуказанія, однако, и не рѣшали всѣхъ вопросовъ и не удовлетворили Валуева. 31 декабря 1865 г. онъ испросилъ новое повелѣніе о томъ, чтобы министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ согласились относительно выработки правилъ, устраняющихъ недоразумѣнія. Министры согласились о томъ, что необходимо установить нѣкоторыя изъятія изъ общаго порядка судопроизводства, но по самымъ существеннымъ вопросамъ организаціи этого порядка соглашеніе не было достигнуто. Сужденіе по мелкимъ проступкамъ этого рода (несоблюденіе нѣкоторыхъ правилъ содержателями типографій и книготорговцами), согласно проекту министра внутреннихъ дѣлъ, передавалось мировымъ судьямъ и только третье нарушеніе разсматривалось окружнымъ судомъ, всѣ же болѣе крупныя преступленія должны подлежать суду палаты. Возбуждается преслѣдованіе сообщеніями Главнаго управленія по дѣламъ печати, цензурнымъ комитетомъ и отдѣльными цензорами, или сообщеніями сословныхъ учрежденій, если они оскорблены, и, наконецъ, извѣщеніями полицейскихъ властей въ случаяхъ мелкихъ нарушеній. Если надлежало произвести слѣдствіе, то оно производится однимъ изъ членовъ палаты; обвинительный актъ или заключеніе о направленіи дѣла, хотя бы они относились къ преступленію, подвергающему лишенію или ограниченію правъ состоянія, прокуроръ предлагаетъ окружному суду непосредственно, не представляя на разсмотрѣніе судебной палаты. „Выводы прокурора судебной палаты, предлагаемые имъ оной по силѣ ст. 532 Уст. Уг. Суд., а равно заключеніе прокурора окружнаго суда о направленіи дѣла, предъявляемое суду вмѣсто обвинительнаго акта въ случаяхъ, указанныхъ ст. 518, 522 и 523 Устава, могутъ касаться лишь вопроса о подсудности преслѣдуемаго нарушенія закона или вопроса о раздѣленіи имѣющихъ между собой связь предметовъ преслѣдованія". Обрядъ предàнія суду излишній, ибо онъ приводилъ бы лишь къ пересмотру рѣ-

шенія главнаго управленія по дѣламъ печати; прокуроръ, какъ делегатъ правительства, не можетъ ставить свой взглядъ въ противорѣчіе съ тѣмъ вѣдомствомъ, на которое возложена высшая отвѣтственность. Нельзя также предоставить прокуратурѣ право самостоятельнаго возбужденія преслѣдованія, ибо это вопросъ политическій и не рѣдко онъ заключается въ томъ „не нужно ли отложить или вовсе отмѣнить преслѣдованіе". Если предоставить рѣшеніе его прокурорскому надзору, то возникло бы слишкомъ большое разнообразіе въ направленіи дѣлъ по различнымъ судебнымъ округамъ, и оказалось бы на практикѣ противорѣчіе между судебнымъ и административнымъ порядкомъ преслѣдованія.

Но проектъ Валуева встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Министерства Юстиціи. Замятнинъ упорно отстаивалъ самостоятельность прокуратуры. Онъ указывалъ, что проектомъ ограничивается предоставленное прокурорскому надзору ст. 130 Учр. Суд. Уст. право дѣйствовать единственно на основаніи своего убѣжденія и законовъ. Такая подчиненная роль роняла бы значеніе прокурора, который обращался бы въ простого повѣреннаго одного изъ административныхъ вѣдомствъ, которыя къ тому же могутъ на дѣло смотрѣть односторонне и безъ достаточнаго безпристрастія. Составленный въ вѣдомствѣ цензуры обвинительный актъ не всегда будетъ достаточно безупреченъ и, основываясь на немъ, присоединившійся къ нему прокуроръ можетъ подвергаться нареканіямъ. Министръ обращалъ, далѣе, вниманіе на возможность ошибокъ при такого рода направленіи дѣла; такъ, напр., по поводу статьи въ газетѣ „Голосъ", гдѣ говорилось о несправедливыхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергаются витебскіе раскольники, Главное управленіе по дѣламъ печати настаивало на возбужденіи преслѣдованія по ст. 308 Улож. о Нак. (1866 г.), карающей лишеніемъ правъ и ссылкой на поселеніе, а когда ему разъяснили, что это невозможно сдѣлать, то Министерство Внутреннихъ Дѣлъ ограничилось только просьбой, чтобы прокуроръ обратилъ вниманіе на сущность дѣла. Замятнинъ не соглашался также съ лишеніемъ прокурора права возбуждать самостоятельно преслѣдованія и находилъ излишнимъ передачу сужденія по этого рода дѣламъ судебнымъ палатамъ.

Въ свою очередь гр. Панинъ, главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи, предлагалъ, во первыхъ—создать

особую инстанцію для преданія суду, въ лицѣ особаго присутствія, состоящаго изъ старшаго предсѣдателя палаты, губернатора, двухъ членовъ гражданскаго департамента палаты и представителя цензурнаго комитета (или вице-губернатора въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ комитетовъ), а къ составу палаты для сужденія по дѣламъ печати присоединить депутатовъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но эти предложенія графа Панина не имѣли успѣха ни у министровъ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ. Министры признали участіе представителей постороннихъ вѣдомствъ излишнимъ, а Государственный Совѣтъ отмѣтилъ, что вопросъ о привлеченіи особыхъ экспертовъ въ лицѣ представителей вѣдомствъ обсуждался уже при разсмотрѣніи правилъ 6 апрѣля 1865 г., и это предложеніе было отвергнуто. Соединенные Департаменты также признали излишнимъ создавать особую обвинительную инстанцію, такъ какъ вопросъ о порядкѣ преданія суду былъ предрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ 29 августа 1865 г., въ которомъ указывался другой путь, путь соглашенія министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

И по остальнымъ сколько нибудь существеннымъ пунктамъ Государственный Совѣтъ примкнулъ къ мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, установивъ обязанность прокуратуры возбуждать преслѣдованіе, если того потребуетъ Главное управленіе по дѣламъ печати, и передавъ судебнымъ палатамъ сужденіе по наиболѣе важнымъ дѣламъ этого рода [1]). Департаменты указывали, что важность дѣла требуетъ особой внимательности и сознательности со стороны судей. „Обстоятельство сіе пріобрѣтаетъ еще болѣе важности въ такомъ государствѣ, гдѣ свобода слова прежде совсѣмъ не допускалась, гдѣ самое понятіе о томъ, до какихъ границъ она можетъ простираться, еще не выработалось, и гдѣ въ будущемъ это понятіе должно сложиться именно лишь подъ вліяніемъ ряда судебныхъ приговоровъ". Судъ въ этихъ дѣлахъ призванъ не только ограждать безопасность и спокойствіе государства, но охранять и просторъ мысли, безъ котораго невозможенъ дальнѣйшій успѣхъ умственнаго, въ видахъ общей пользы, развитія. Необходимые для всего этого умѣніе и тактъ въ веденіи дѣлъ Департаменты расчитывали найти въ рядахъ представителей высшей судебной іерархіи. На рѣ-

[1]) Ср. ст. 1213 Уст. Уг. Суд.

шенія палаты разрѣшалось приносить апелляціонныя жалобы и кассаціонныя, если дѣло разбиралось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Однако за прокурорами сохранялось право возбуждать преслѣдованіе и по собственному почину, за изъятіемъ случаевъ, когда дѣло касалось оскорбленія должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій. Такимъ образомъ, наиболѣе существеннымъ и реальнымъ отступленіемъ закона 1866 г. отъ основныхъ началъ Уставовъ является обязанность, создаваемая для прокурорскаго надзора, подчиняться требованіямъ цензурныхъ властей. Едва ли можно придавать особое значеніе тому обстоятельству, что сужденіе по дѣламъ печати изъ вѣдомства окружныхъ судовъ передавалось судебнымъ палатамъ. Въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ рѣшающее слово оставлялось по прежнему за присяжными, а въ остальныхъ — къ разбору привлекалась коллегія, состоящая, какъ можно предполагать, изъ наиболѣе опытныхъ и выдающихся представителей магистратуры, въ смыслѣ служебной независимости находящихся въ такихъ же условіяхъ какъ и члены окружныхъ судовъ. Положеніе обвиняемыхъ отъ этого пострадать не могло. Не сокращались, наконецъ, для обвиняемыхъ и способы обжалованія рѣшеній.

Весьма интересными для характеристики существовавшаго въ то время отношенія къ началамъ Судебныхъ Уставовъ являются сужденія Государственнаго Совѣта по вопросу о ревизіяхъ судебныхъ мѣстъ [1]). Ст. 256 Учр. Суд. Уст. въ первоначальной редакціи гласила: „министръ юстиціи можетъ производить ревизію судебныхъ установленій лично или чрезъ своего товарища а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій поручать членамъ судебныхъ палатъ". Составители Уставовъ разсматривали ревизію судебнаго мѣста, какъ мѣру „чрезвычайную, всегда болѣе или менѣе для него предосудительную", и очень ограничили кругъ должностныхъ лицъ, которымъ могло быть дано соотвѣтствующее порученіе. Однако гр. Паленъ вскорѣ послѣ вступленія въ должность министра (въ 1869 г.) призналъ желательнымъ поставить вопросъ о ревизіяхъ судебныхъ установленій на новыя основанія и производить ихъ часто, отнюдь не только въ тѣхъ случаяхъ, когда до Министерства дошли

[1]) Дѣло Департамента Законовъ 1869 г. № 53; 1871, № 99; 1872 г., № 22.

свѣдѣнія о безпорядкахъ. Согласно съ этимъ, гр. Паленъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ измѣненіи ст. 256. По его проекту производство ревизіи могло быть поручено не только членамъ палатъ, но и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищамъ и членамъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной.

Однако новшество, предложенное гр. Паленомъ, встрѣтило серьезную оппозицію въ Государственномъ Совѣтѣ. Соединенные Департаменты при первомъ обсужденіи (20 ноября и 18 декабря 1871 г.) произвели въ немъ перемѣны, введя въ законопроектъ различіе между „ревизіей“ и „обозрѣніемъ дѣлопроизводства“. Право производства „ревизіи“ было сохранено по прежнему лишь за министромъ и его товарищемъ и членами палатъ, а „обозрѣніе дѣлопроизводства“ могло быть поручаемо и другимъ должностнымъ лицамъ, причемъ Департаменты сократили, по сравненію съ проектомъ министра, списокъ должностныхъ лицъ, на которыхъ это порученіе могло быть возложено. Но обсужденіе проекта на этомъ не закончилось.

22 января 1872 г. Департаменты возвратились къ нему, и голоса раздѣлились. Семь членовъ (Замятнинъ, Левшинъ, Веригинъ, Головнинъ, Зубовъ и Побѣдоносцевъ), ссылаясь на мотивы составителей Уставовъ, доказывали, что ревизія можетъ быть поручаема только членамъ судебныхъ же установленій, стоящихъ по іерархіи выше ревизуемаго суда. Далѣе они указывали, что при новомъ судебномъ строѣ, при господствѣ состязательнаго начала въ гражданскомъ процессѣ, ревизія вовсе не такъ необходима, какъ раньше, ибо стороны сами наблюдаютъ за правильностью производства дѣла, и къ тому же ревизія затруднена, ибо письменное производство сокращено, и за отсутствіемъ письменнаго матеріала движеніе дѣла не можетъ быть провѣряемо.

Объ уголовныхъ же дѣлахъ, въ которыхъ судебное слѣдствіе также происходитъ устно, министерство получаетъ свѣдѣнія черезъ прокуроровъ. Противники законопроекта не усматривали также никакого практическаго различія между „ревизіей“ въ точномъ значеніи и „обозрѣніемъ дѣлопроизводства“. Въ обоихъ случаяхъ механизмъ провѣрки оставался однимъ и тѣмъ

же, ибо „ревизія“ сводилась, въ сущности, къ „обозрѣнію дѣлопроизводства“, и послѣдствія обѣихъ операцій не отличались ничѣмъ; къ ревизіи же нельзя прибѣгать, какъ къ нормальному способу собранія свѣдѣній. Сторонники этого взгляда соглашались лишь на предоставленіе права поручать ревизію мировыхъ установленій предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, считая, что не удобно привлекать къ этому прокуратуру.

Напротивъ, семь членовъ (кн. Урусовъ, Фундуклей, Назимовъ, Титовъ, бар. Будбергъ, Войцеховичъ и гр. Паленъ) высказались за предположеніе министра. Они, въ свою очередь, указывали, что существующіе способы полученія свѣдѣній о дѣятельности судебныхъ установленій недостаточны. Черезъ посредство прокуратуры министру доставляются сообщенія только о такихъ событіяхъ, которыя служатъ поводомъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія, и свѣдѣнія эти обыкновенно запаздываютъ. Между тѣмъ ревизіи полезны, ибо, благодаря имъ, достигается нѣкоторое единообразіе въ дѣлопроизводствѣ, и практическіе опыты (напр., въ связи съ ревизіей приволжскихъ судебныхъ установленій) въ этомъ отношеніи принесли благотворные результаты. Защитники законопроекта настаивали на различіи „ревизіи“, съ понятіемъ которой, по преданіямъ прошлаго, связано нѣчто оскорбительное для ревизуемаго учрежденія, отъ „извлеченія изъ дѣлопроизводства“ свѣдѣній, необходимыхъ для министерства. Цѣль ревизіи—полное и подробное обнаруженіе замѣченныхъ уже или предполагаемыхъ безпорядковъ, а цѣль обозрѣнія дѣлопроизводства — ознакомленіе съ дѣятельностью учрежденія въ общихъ административныхъ видахъ. Права „ревизора“ иныя, чѣмъ лица, знакомящагося съ дѣлопроизводствомъ; первому предоставляется право требовать объясненія, производить допросы и др. дѣйствія, на которыя второй не уполномоченъ. Сообразно съ этимъ и послѣдствія различны. Ревизія можетъ повлечь за собой, смотря по результату, дисциплинарное и уголовное преслѣдованіе, а обозрѣніе (смотря по результату) можетъ служить поводомъ къ началу ревизіи. Но, соглашаясь въ принципѣ съ расширеніемъ круга должностныхъ лицъ, которымъ могли быть даваемы соотвѣтствующія порученія, и сторонники законопроекта устраняли изъ него членовъ консультаціи. Сообразно съ этимъ, они предлагали редакцію ст. 256 измѣнить въ томъ смыслѣ, что, независимо отъ обревизованія, министру

юстиціи предоставляется поручать обозрѣніе дѣлопроизводства судебныхъ установленій „собственно съ цѣлью извлеченія изъ онаго необходимыхъ для министерства свѣдѣній оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ".

Въ Общемъ Собраніи Совѣта предположенія гр. Палена имѣли большій успѣхъ, чѣмъ въ Департаментахъ; къ нему примкнули 32 члена, между тѣмъ, какъ противники проекта собрали только 10 голосовъ. Мнѣніе большинства получило Высочайшую санкцію 23 іюня 1872 г.

Въ либеральной прессѣ того времени законъ 1872 г. былъ принятъ не сочувственно; къ нему отнеслись, какъ къ одной изъ несоотвѣтствующихъ духу Уставовъ „передѣлокъ" [1]).

Серьезнымъ перемѣнамъ подвергся вскорѣ послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ порядокъ сужденія дѣлъ по преступленіямъ политическимъ. Поводомъ къ пересмотру соотвѣтствующихъ правилъ Устава Уголовнаго Судопроизводства послужилъ процессъ по дѣлу Нечаева и его сообщниковъ, обвинявшихся въ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ ниспроверженію установленнаго порядка правленія Имперіи [2]). Въ высшихъ кругахъ вызвалъ неудовольствіе приговоръ Петербургской судебной палаты (съ участіемъ сословныхъ представителей), признанный слишкомъ мягкимъ. Рѣшеніе палаты было признано неудовлетворительнымъ потому, что палата оправдала многихъ лицъ, относительно которыхъ существовали несомнѣнныя улики ихъ виновности, а лицъ, признанныхъ виновными, приговорила къ несоотвѣтствующимъ винѣ ихъ наказаніямъ, примѣнивъ къ нимъ вмѣсто закона о заговорѣ, законъ о противозаконныхъ сообществахъ, и сверхъ того изъ числа наказаній, положенныхъ за участіе въ противозаконныхъ сообществахъ, избрала для большинства обвиняемыхъ слабѣйшее.

Кромѣ того вызвали нареканія дѣйствія предсѣдателя палаты (А. С. Любимова). Ему ставили въ вину, что онъ не останавливалъ защитниковъ „въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они разви-

---

[1]) См., напримѣръ, „Вѣстникъ Европы", 1873 г. № 7, стр. 264—278. Впослѣдствіи закономъ 1892 г. (28 декабря) былъ нѣсколько расширенъ кругъ должностныхъ лицъ, которымъ можетъ быть поручено обозрѣніе дѣлопроизводства,—ст. 256 дѣйствующей редакціи.

[2]) Къ дальнѣйшему см. дѣло Департамента Законовъ 1872 г. № 36.

вали черезчуръ либеральныя тенденціи и касались вопросовъ, не относящихся къ дѣлу", и „слишкомъ гуманно и любовно велъ себя съ подсудимыми" [1]). Подсудимыхъ первой группы, оправданныхъ палатой, предсѣдатель пригласилъ выйти на середину залы и сказалъ имъ: „Подсудимые! Вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражею. Господа, отнынѣ вамъ мѣсто не на позорной скамьѣ, а среди публики, среди всѣхъ насъ" (засѣданіе 15 іюля 1871 г.). Второй группѣ подсудимыхъ предсѣдатель сказалъ, что они слышали слово правосудія и свободны отъ суда [2]).

По Высочайшему повелѣнію министръ юстиціи представилъ въ Государственный Совѣтъ свои соображенія „о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры къ предупрежденію подобныхъ неудовлетворительныхъ примѣровъ. Въ этомъ представленіи Министерство указывало двѣ категоріи причинъ не удовлетворительности приговора по дѣлу нечаевцевъ. Первая относилась къ несовершенству матеріальнаго законодательства, вторая—къ процессуальному порядку. Соображенія министра о перемѣнахъ, необходимыхъ въ судопроизводствѣ по дѣламъ политическимъ, очень характерны. Министръ исходилъ изъ того положенія, что нельзя безъ ущерба для правильнаго отправленія правосудія отступать отъ основныхъ началъ Уставовъ 1864 г., въ силу которыхъ 1) „основаніемъ для постановленія приговора должно служить единственно судебное слѣдствіе, производимое въ засѣданіи суда, 2) вина или невинность подсудимыхъ опредѣляется судьями по внутреннему ихъ убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла".

Въ силу перваго принципа нельзя допускать въ особенно широкомъ объемѣ прочтеніе на судебномъ слѣдствіи показаній, данныхъ на предварительномъ, не смотря на то, что по дѣламъ

---

[1]) Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. II стр. 433 (22 іюля и 15 августа 1871 г.). Дневникъ Никитенки въ этомъ отношеніи вѣрно отражалъ сужденія части общества, отнесшейся отрицательно къ приговору по этому дѣлу. См. рѣзкія статьи „Московскихъ Вѣдомостей" (1871 г. №№ 161, 162), которыя въ тѣ времена еще не относились такъ враждебно къ судамъ, какъ впослѣдствіи. Многіе изъ числа оправданныхъ по суду были высланы въ административномъ порядкѣ (см. Татищевъ, Императоръ Александъ II, т. II, стр. 587, ср. Записки Никитенки, т. II, стр. 448). Изъ числа 87 обвиняемыхъ 4 были присуждены къ каторжнымъ работамъ, 2—къ ссылкѣ на житье, 24—къ тюремному заключенію на разные сроки, остальные оправданы.

[2]) См. стенографическій отчетъ, напечатанный въ Правительственномъ Вѣстникѣ 1871 г. №№ 156—158, 171—185 и 187.

политическимъ очень часто бываютъ случаи, когда свидѣтели и обвиняемые при предварительномъ слѣдствіи бываютъ гораздо болѣе откровенными, чѣмъ на судѣ. Въ силу второго принципа нельзя возвращаться къ теоріи формальныхъ доказательствъ, несостоятельность которой положительно признана. Однако, въ существовавшемъ порядкѣ министръ находилъ существенный недостатокъ, а именно—судебной палатѣ по нимъ ввѣрена гораздо большая власть, чѣмъ по другимъ, менѣе важнымъ дѣламъ. Палатѣ предоставлена безконтрольная власть постановлять рѣшенія въ качествѣ первой и единственной инстанціи; эта власть не принадлежитъ ей по дѣламъ другого рода, и она не можетъ быть оправдана, ибо такія полномочія предоставлены только присяжнымъ. Участіе сословныхъ представителей нельзя приравнивать къ участію присяжныхъ засѣдателей, ибо послѣдніе рѣшаютъ дѣло одни, безъ участія коронныхъ судей, и рѣшенія не мотивируютъ, а сословные представители раздѣляютъ свою власть съ членами палаты, съ коллегіей коронныхъ судей. Кассація приговоровъ по этого рода дѣламъ затруднительна, ибо они бываютъ очень сложными и вызываютъ волненія въ обществѣ. Устанавливать же контроль надъ судебными палатами путемъ допущенія апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ было бы также нецѣлесообразно. Сословные представители совершенно охладѣютъ къ своему труду, а призывать другихъ представителей въ составъ апелляціонной инстанціи было бы неудобно; сверхъ того, вторичное разбирательство всегда влекло бы за собой волненіе въ обществѣ. Эти соображенія доказываютъ, какъ полагалъ министръ, что власть постановлять окончательные приговоры должна принадлежать Сенату, а переходъ этихъ дѣлъ лишь по апелляціи изъ палаты въ Сенатъ неудобенъ; изъ всего этого онъ дѣлалъ выводъ, что необходима передача дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ вѣдомство Сената, въ качествѣ первой инстанціи, съ допущеніемъ отмѣны рѣшеній Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ. Въ составѣ Сената министръ предполагалъ образовать особое присутствіе, дабы не отвлекать большого количества сенаторовъ отъ работы и имѣть возможность усилить составъ коллегіи сословными представителями.

Въ представленіи министерства заслуживаетъ особаго вниманія аргументація. Созданіе особаго и новаго порядка мотиви-

руется не соображеніями практическими или цѣлесообразностью, а преимущественно тѣмъ, что онъ является вполнѣ соотвѣтствующимъ основному духу Уставовъ.

Государственный Совѣтъ не внесъ крупныхъ перемѣнъ въ законопроектъ. Мысль о передачѣ разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ Сенату встрѣтила полное сочувствіе Соединенныхъ Департаментовъ, которые отмѣтили, что по первоначальному предположенію судъ по этого рода дѣламъ долженъ былъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы высокое общественное положеніе судей служило ручательствомъ въ строгомъ и справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія этой категоріи. Предполагалось, что палаты будутъ состоять изъ лицъ не только опытныхъ и весьма способныхъ, но и пользующихся высокимъ положеніемъ въ обществѣ и служебной іерархіи. Однако по финансовымъ соображеніямъ членамъ палаты было положено содержаніе небольшее (3500 р.) и по должности они отнесены къ V классу (который предоставленъ членамъ окружныхъ судовъ и даже мировымъ судьямъ). Эти обстоятельства имѣли послѣдствіемъ то, что мѣста членовъ палаты не считаются особенно привлекательными, и составъ этихъ установленій не соотвѣтствуетъ тѣмъ соображеніямъ, которыя имѣлись въ виду при разработкѣ судебной реформы. Совѣтъ произвелъ нѣкоторыя перемѣны въ деталяхъ и предположеніе министерства получило силу закона 7 іюля 1872 г. [1]).

Однако порядокъ, установленный закономъ 1872 г., просуществовалъ не долго. Особая комиссія объ изслѣдованіи и обнаруженіи причинъ быстраго распространенія разрушительныхъ ученій съ средѣ молодого поколѣнія, подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева засѣдавшая въ 1876 г., намѣтила вопросъ о передачѣ сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ мѣстнымъ по губерніямъ судебнымъ учрежденіямъ. Комитетъ Министровъ также склонялся къ этому рѣшенію, и, соотвѣтственно съ этимъ, въ апрѣлѣ 1877 г. гр. Паленъ вошелъ въ Госу-

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что закономъ 7 іюля предусматривалась возможность устраненія гласности судебнаго разбирательства.—Одновременно съ перемѣнами въ судопроизводствѣ по дѣламъ политическимъ были измѣнены и карательные законы по этому предмету.—По поводу закона 1872 г. въ Вѣстникѣ Европѣ отмѣчено: „Мы готовы признать, что судъ по государственнымъ преступленіямъ долженъ быть строгъ, но справедливо заботиться, чтобы судъ былъ все таки по возможности самостоятеленъ и по возможности менѣе исключительнаго характера“ (Вѣст. Европы 1872 г. VIII, стр. 801).

дарственный Совѣтъ съ законопроектомъ, возстанавлявшимъ прежній порядокъ. Гр. Паленъ указывалъ на практическія неудобства сосредоточенія всѣхъ дѣлъ этого рода въ Сенатѣ: медленность разрѣшенія, обусловленная необходимостью доставлять подсудимыхъ и свидѣтелей въ С.-Петербургъ, расходы, сопряженные съ этимъ, сосредоточеніе преступниковъ въ одномъ городѣ и т. д. Поэтому гр. Паленъ считалъ правильнымъ возвратиться къ порядку, предусмотрѣнному Судебными Уставами, сохранивъ за Сенатомъ сужденіе лишь самыхъ важныхъ дѣлъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Государственный Совѣтъ согласился съ нимъ и это мнѣніе получило санкцію 9 мая 1879 г. [1]).

Одновременно съ этимъ была произведена крупная перемѣна въ судопроизводствѣ по преступленіямъ противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ. Въ разныхъ городахъ были убиты агенты политической полиціи (Тавлеевъ, Гориновичъ, Никоновъ); въ С.-Петербургѣ 6 декабря 1876 г. произошли демонстраціи, причемъ полиція подверглась избіенію со стороны демонстрантовъ; въ Одессѣ при обыскѣ въ квартирѣ дворянки Витте и Можаровой были ранены офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ корпуса жандармовъ; въ Кіевѣ было произведено покушеніе на жизнь товарища губернскаго прокурора Котляревскаго, а въ Петербургѣ—на жизнь градоначальника Трепова. Виновная въ покушеніи Вѣра Засуличъ была оправдана присяжными засѣдателями, и, несомнѣнно, это оправданіе, вызвавшее большое волненіе и пересуды въ обществѣ, и послужило послѣднимъ толчкомъ къ изъятію сужденія по дѣламъ этого разряда изъ вѣдомства присяжныхъ засѣдателей.

Борьба съ эпидемическимъ развитіемъ зла, по мнѣнію гр. Палена, требовала принятія такихъ мѣръ, съ установленіемъ которыхъ строгая наказуемость случаевъ насилія и сопротивленія органамъ правительства была бы безусловно обезпечена и не зависѣла бы отъ случайныхъ причинъ. Этотъ результатъ, какъ полагалъ министръ, можетъ быть достигнутъ посредствомъ передачи этихъ дѣлъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей [2]).

[1]) Дѣло Департамента Законовъ 1877 г. № 17.

[2]) Въ окончательномъ текстѣ законъ 1878 г. гласилъ: „1) дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ главахъ первой, второй и пятой раздѣла IV Уложенія о Наказа-

Въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія раздѣлились. Тринадцать членовъ (меньшинство) считали предположенный порядокъ недостаточнымъ. Для сужденія этихъ дѣлъ слѣдовало, по ихъ убѣжденію, образовать особое присутствіе палатъ, въ составѣ старшаго предсѣдателя и четырехъ членовъ уголовнаго департамента, ибо для государства необходимъ судъ крѣпкій, благонадежный и цѣликомъ состоящій изъ людей, призванныхъ къ неуклонному сохраненію закона и къ утвержденію въ обществѣ неизмѣнныхъ понятій о правдѣ и неправдѣ. Представители общества бываютъ въ столкновеніяхъ съ органами правительства и могутъ оказаться не свободными отъ мѣстныхъ вліяній [1]).

Напротивъ, большинство, 32 члена Совѣта, отстаивали точку зрѣнія проекта. Они не усматривали опасности въ привлеченіи въ судейскую коллегію общественнаго элемента, въ лицѣ сословныхъ представителей, и участіе этого элемента представлялось, по ихъ мнѣнію, желательнымъ потому, что наше прошлое не могло способствовать образованію особаго сословія коронныхъ судей, подобнаго магистратурѣ другихъ государствъ, имѣющей блистательное прошлое и вполнѣ отвѣчающей своему высокому призванію. Къ тому же при условіи привлеченія сословныхъ представителей достигалось то преимущество, что устранялась необходимость апелляціонной инстанціи [2]).

Мнѣніе большинства получило Высочайшую санкцію 9 мая 1878 г. Законъ 9 мая представляетъ наиболѣе крупное измѣ-

---

ніяхъ, когда они влекутъ за собою наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и дѣла объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, нанесеніи имъ ранъ или увѣчій и о другихъ насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, а также объ угрозахъ имъ, когда преступленія эти совершены при исполненіи должностными лицами служебныхъ обязанностей или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, и также влекутъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія,— подчинить, временно, въ отношеніи подсудности, преданія суду и производства самаго суда, порядку, установленному для производства дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Предварительныя слѣдствія по симъ дѣламъ производить, чрезъ судебныхъ слѣдователей, съ соблюденіемъ общихъ правилъ, содержащихся въ раздѣлѣ II сего Устава; 2) означенный въ пунктѣ 1 порядокъ, но лишь въ отношеніи подсудности и производства суда, примѣнять, временно же, и къ дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 395 Уложенія о Наказаніяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оныя подлежали бы вѣдѣнію окружнаго суда или судебной палаты; дѣла же о преступленіяхъ сего рода, подсудныя кассаціонному департаменту Правительствующаго Сената, оставить въ вѣдѣніи этого департамента, производя оныя безъ участія присяжныхъ засѣдателей (прим. къ ст. 201 Уст. Уг. Суд., по Прод. 1879 г.)".

[1]) Къ меньшинству примыкали Побѣдоносцевъ и Набоковъ,—преемникъ гр. Палена.

[2]) Дѣло Департамента Законовъ 1878 г. №. 18.

неніе Уставовъ, послѣдовавшее въ царствованіе Императора Александра II, въ томъ смыслѣ, что имъ сокращалась компетенція суда присяжныхъ [1]). Слѣдуетъ оговорить, что въ объясненіяхъ министерства и въ сужденіяхъ большинства членовъ Государственнаго Совѣта высказывалась опредѣленная мысль о временномъ характерѣ этой мѣры, въ виду исключительныхъ условій, которыми она была вызвана.

VIII. Отношенія между судебной и административной властями послѣ 1881 г. Общія замѣчанія.

Перемѣны во внутренней политикѣ, происшедшія послѣ 1-го марта 1881 г., наложили свою печать на многія стороны государственной жизни, затронутыя реформами 60-хъ годовъ; въ сильной степени отразились онѣ и на устройствѣ и дѣятельности судебной части. Какъ уже отмѣчено, законодательство послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра II, несмотря на политическую смуту, въ общемъ не поколебало тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу Судебныхъ Уставовъ. При жизни Творца реформы недовольство новыми судебными порядками, проявленное отдѣльными лицами и нѣкоторыми общественными кругами, не измѣнило отношенія Высшей власти къ созданному ею судебному строю, и нападки на него не повлекли въ то время за собой существенныхъ послѣдствій. Восьмидесятые годы въ этомъ отношеніи представляютъ иную картину. Либеральныя теченія утратили кредитъ и голосъ недовольныхъ ими пріобрѣлъ большую силу. Видные представители охранительнаго направленія получили непосредственное вліяніе на внутреннюю политику и поэтому, переходя къ опи-

[1]) По поводу этого закона кн. В. П. Мещерскій въ своихъ мемуарахъ (см. „Мои воспоминанія“, часть II, СПБ., 1897 г., стр. 407), на основаніи городскихъ слуховъ или личныхъ соображеній, отмѣчаетъ слѣдующее: „Всѣ поняли, что правительство, не довѣряя вѣрноподданнической преданности не только общества, поставляющаго присяжнаго засѣдателя, но и самаго судебнаго вѣдомства, поставлено въ необходимость для самообороны всѣ политическія преступленія отдавать на судъ особенныхъ, не причастныхъ къ судебному вѣдомству лицъ“... Законодательныя соображенія Министерства Юстиціи, а равно и сужденія Государственнаго Совѣта не подтверждаютъ правильности этихъ догадокъ.

санію законодательныхъ перемѣнъ, въ которыхъ выразилось это неблагопріятное духу Уставовъ теченіе, слѣдуетъ остановиться на проявленіяхъ общественнаго мнѣнія и правящихъ круговъ, подготовившихъ и отчасти направившихъ законодательную дѣятельность.

Въ этомъ отношеніи представляетъ большой интересъ дѣятельность „Московскихъ Вѣдомостей", руководитель которыхъ, М. Н. Катковъ, въ восьмидесятыхъ годахъ имѣлъ непосредственное вліяніе на дѣла внутренней политики не только какъ публицистъ. Катковъ не долго оставался тѣмъ страстнымъ поклонникомъ либеральныхъ реформъ, какимъ онъ представляется по своимъ статьямъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Постепенно отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей" къ преобразованному судебному строю стало измѣняться, недоброжелательныя ноты получили преобладаніе, а въ 80-хъ годахъ тонъ газеты Каткова становится явно враждебнымъ къ новому судебному порядку. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей" сдѣлалась, можно сказать, центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ недруги реформъ вообще, а судебной въ особенности. Позиція другихъ органовъ прессы въ этомъ отношеніи была менѣе благодарной и не представляетъ такого интереса. Либеральные газеты и журналы, не имѣвшіе никакого вліянія на ходъ законодательства и управленія, старались лишь отражать нападенія, а наоборотъ, другіе, примыкающіе къ направленію „Московскихъ Вѣдомостей", въ сущности, только повторяли ихъ разсужденія, дополняя ихъ варіаціями.

Нападки „Московскихъ Вѣдомостей" на устройство судебной части и на судебное вѣдомство трудно свести къ опредѣленнымъ тезисамъ. Онѣ разбросаны во множествѣ статей, написанныхъ въ большинствѣ случаевъ по поводу отдѣльныхъ процессовъ, на злобу дня, содержащихъ обобщенныя разсужденія по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ въ отправленіи правосудія. Положительныхъ указаній, т. е. проектовъ желательныхъ исправленій, въ этихъ разсужденіяхъ очень не много; Катковъ преимущественно нападалъ и критиковалъ, предоставляя другимъ угадывать желательное для него.

Можно сказать, что всѣмъ частямъ судебной организаціи пришлось испытать критику „Московскихъ Вѣдомостей"; нѣтъ, кажется, ни одного положенія Уставовъ, которое не вызвало бы

болѣе или менѣе рѣзкихъ нападокъ съ ихъ стороны. Уже въ концѣ 70-хъ годовъ появились въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ критическія статьи по адресу суда присяжныхъ. Порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей неоднократно вызывалъ неодобрительныя сужденія газеты Каткова; въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ высказывались тогда же и другого рода неодобрительныя сужденія по поводу института присяжныхъ, но впослѣдствіи тонъ газеты сдѣлался гораздо болѣе рѣзкимъ. Приговоры по нѣкоторымъ дѣламъ давали поводъ осужденію всего института въ цѣломъ. Оправдательные приговоры по дѣлу Саламонскаго (Медвицкаго), обвинявшагося въ двоеженствѣ, оправданіе самарскаго городского головы Бурѣева и члена управы Горинова (1883 г. № 161) [1]), процессы о подкупѣ присяжныхъ засѣдателей описывались подробно и обстоятельно критиковались (1886 г. № 340, дѣло о подкупѣ присяжныхъ въ г. Семеновѣ, Нижегородской губерніи, 1885 г. № 49 о подкупѣ присяжныхъ, оправдавшихъ въ г. Тимѣ бомбардира Куркина; предсѣдатель Курскаго суда Пузановъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу и высказавшійся въ пользу обвиняемыхъ, особо подвергся очень неодобрительной оцѣнкѣ и друг.). Несмотря на то, что и процессовъ этого рода было не много и не всегда въ этихъ процессахъ фактъ подкупа былъ доказанъ, продажность присяжныхъ засѣдателей выставляется „Московскими Вѣдомостями“ какъ явленіе распространенное (1883 г. № 91). Нашумѣвшіе въ свое время процессы, закончившіеся оправдательными приговорами, дѣла Худина и Остравлевой, обвинявшихся въ грабежѣ (1883 г. №№ 56 и 91), Свиридова, растратившаго деньги кіевскаго общества взаимнаго кредита (1883 г. № 354), Мельницкихъ, обвинявшихся въ подлогѣ завѣщанія (1883 г. № 356), дѣло Мироновича, обвинявшагося въ убійствѣ Сарры Беккеръ и друг., послужили поводомъ для рѣзкихъ осужденій. Естественно, что и постороннія сужденія относительно суда присяжныхъ, изъ которыхъ можно было извлечь какіе-либо намеки на неодобрительные отзывы по адресу этого института, подхватывались „Московскими Вѣдомостями“ и выставлялись, какъ нѣкоторое откровеніе. Слова Спасовича въ рѣчи въ Сенатѣ по дѣлу

---

[1]) Гориновъ обвинялся въ растратѣ, а Бурѣевъ въ небрежномъ надзорѣ за дѣйствіями членовъ городской управы.

Мельницкихъ, гдѣ онъ указывалъ, что присяжнымъ не дано право помилованія и что они призваны возстановить законъ, а не проявлять чувства состраданія (см. ниже), полностью приведены въ газетѣ Каткова и снабжены соотвѣтствующими комментаріями (1884 г. № 87). Проекты реформъ суда присяжныхъ „этого несчастнаго порожденія фальшивой доктрины", возникшіе въ Германіи, статья изъ газеты „Пестскій Ллойдъ", содержащая критику суда присяжныхъ, отсутствіе голосовъ, протестующихъ противъ—слѣдуетъ прибавить: несостоявшейся—отмѣны этого суда въ Австріи, замѣтка проф. Гейнце въ мюнхенской „Всеобщей Газетѣ" о недостаткахъ суда присяжныхъ, все событія, какъ видно, вовсе не существенныя, подали поводъ къ утвержденію, что „населеніе Германіи страшно тяготится дѣйствующимъ въ имперіи судомъ присяжныхъ" и къ выводу, что только у насъ, въ „мальчишеской средѣ нашего доктринализма считается кощунствомъ говорить о недостаткахъ суда присяжныхъ, хотя у насъ онъ извращенъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо". (1885 г. № 75).

Судъ присяжныхъ—судъ улицы, судъ неосмысленный, игрушка въ рукахъ обвинителей и въ особенности защиты—вотъ, въ короткихъ словахъ, основной взглядъ, послѣдовательно проводимый „Московскими Вѣдомостями". „Развѣ это совѣсть, когда изъ 36 взятыхъ съ улицы человѣкъ, прокуроръ и адвокатъ подтасовываютъ 12, какъ ловкіе игроки сдаютъ карты". „Развѣ это совѣсть, когда эти 12 человѣкъ выносятъ приговоръ, который совѣстью шестерыхъ или пятерыхъ изъ нихъ принимается". „Не грубѣйшее ли насиліе участвовать въ приговорѣ, которому совѣсть претитъ". „Гдѣ же тутъ совѣсть, когда рѣшается дѣло не согласно внутреннему убѣжденію, а счетомъ безотвѣтственныхъ и нерѣдко подтасованныхъ голосовъ" (1883 г. № 99). Средства исправленія постановки этого установленія „Московскія Вѣдомости" обыкновенно избѣгали указывать если не считать выставленнаго, и то вскользь, требованія единогласія для вердиктовъ (1883 г. № 91) и часто повторяемаго требованія измѣненія въ порядкѣ составленія списковъ, т. е. точнѣе сказать, ограниченія общественныхъ слоевъ, призываемыхъ къ отправленію этой повинности.

Но если плохи присяжные, то и „судъ", коллегія коронныхъ судей, прокуратура и защита—не лучше. „Остравлеву, какъ

и Вѣру Засуличъ и многихъ другихъ преступниковъ и преступницъ, оправдали, въ сущности, не присяжные засѣдатели, а тѣ судьи, которые, или тенденціознымъ веденіемъ судебнаго слѣдствія, или лукавою, если не просто глупою, постановкой вопросовъ, поставили присяжныхъ въ необходимость вынести приговоръ несогласный ни съ обстоятельствами дѣла, ни съ собственнымъ убѣжденіемъ присяжныхъ". Люди съ улицы не всегда могутъ быть отвѣтственны; „вопросъ не въ людяхъ, а въ самомъ учрежденіи, въ глупомъ положеніи людей, которые служатъ прикрытіемъ и орудіемъ неправды". (1883 г. № 56).

Приговоры короннаго суда имѣли въ глазахъ Каткова столь же малый авторитетъ, какъ и вердиктъ присяжныхъ; неодобрительно отозвались „Московскія Вѣдомости" по поводу рѣшеній Кіевскаго суда, признавшаго редактора „Кіевлянина", Пихно, виновнымъ въ клеветѣ и диффамаціи (1882 г. № 282) и оправдавшаго редакторовъ „Зари" (Андреевскаго и Кулишера) по обвиненію въ клеветѣ со стороны кіевскаго священника Ушинскаго (1883 г. № 332). Постановка дополнительныхъ вопросовъ о „запальчивости и раздраженіи", по дѣлу Билибина, убившаго свою сожительницу (Московскій судъ, 1881 г. № 292), слишкомъ слабая, по мнѣнію газеты Каткова, мѣра наказанія, наложеннаго Петербургскимъ судомъ на воспитанника Лисенскаго учебнаго лѣсничества, ударившаго инспектора классовъ, вопросы, поставленные предсѣдательствовавшимъ о побудительныхъ причинахъ къ совершенію этого преступленія (1883 г. № 254), разрѣшеніе присяжнымъ уйти на ночь домой (1883 г. № 356) „судебная строгость" къ редактору „Московскаго Листка" Пастухову, приговоренному къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ за клевету, тогда какъ въ другихъ случаяхъ наказаніе ограничивалось штрафомъ въ 5—15 рублей (1883 г. № 350 г. 1884, № 39) и мн. др. дѣйствія судебныхъ коллегій послужили канвой для разныхъ обличительныхъ статей о непригодности и судебнаго персонала, и организаціи судебнаго строя. Неблагожелательное отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей" распространялось одинаково и на окружные суды, и на палаты; Кіевская палата съ участіемъ сословныхъ представителей судила воспитанника, ударившаго своего наставника, и въ вину палатѣ поставлено, что дѣло разбиралось при открытыхъ дверяхъ; Казанская палата

оправдала ученика, ударившаго учителя, и за этотъ приговоръ получила суровую отповѣдь (1882 г. № 123).

Не менѣе рѣзкое осужденіе приходилось выслушивать и обвинительной власти, прокуратурѣ и обвинительнымъ камерамъ, когда дѣло кончалось преданіемъ суду лицъ, почему либо взятыхъ подъ защиту Катковымъ. Преданіе суду супруговъ Пейчъ, обвинявшихся въ жестокомъ обращеніи съ дѣтьми, послужило темой для ряда статей съ упреками по адресу либеральнаго суда, столь легкомысленно рѣшающагося на такой шагъ (1882 г. №№ 102, 116, 117, 119). Дѣло волчанскаго исправника Зографа, напечатанное подробно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1884 г. №№ 63—70) [1]), также дало обильную пищу для нападокъ на „судъ“, причемъ главнѣйшій матеріалъ для нихъ пришлось заимствовать изъ частныхъ источниковъ и дополнить „общими“ разсужденіями, ибо судебныя данныя были не въ пользу защищаемаго „Московскими Вѣдомостями“ исправника (ср. 1884 г. №№ 32, 45, 46, 70). Въ этихъ статьяхъ всѣ элементы судебнаго строя представлены въ самомъ мрачномъ свѣтѣ—и слѣдственная и обвинительная власти, и коллегія коронныхъ судей и присяжныхъ, однимъ словомъ всѣ, кто только былъ въ соприкосновеніи съ дѣломъ. Не меньшее вниманіе было удѣлено и дѣлу о Кронштадтскомъ банкѣ (1883 г. №№ 77 и 348), къ которому былъ привлеченъ кн. Оболенскій, по суду впослѣдствіи оправданный; „судъ“ напрасно предалъ его и другихъ лицъ суду, а предсѣдатель, оказывается, клонилъ къ обвиненію больше, чѣмъ къ защитѣ.

Даже Сенатъ, который въ нѣкоторыхъ статьяхъ (см. напр. 1884 г. № 70) заслужилъ одобрительные отзывы (касающіеся,

[1]) Сущность этого дѣла, вокругъ котораго „Московскія Вѣдомости“ подняли очень большой шумъ и которое соотвѣтственно съ этимъ комментировалось и въ органахъ прессы, принадлежавшихъ къ другому лагерю, состоитъ въ слѣдующемъ: Зографъ арестовалъ крестьянина (кабатчика Пономарева), мотивировавъ это распоряженіе показаніемъ одного лица о намѣреніяхъ Пономарева убить исправника и представленіемъ объ административной высылкѣ Пономарева, основанномъ на отзывѣ о немъ 33 домовладѣльцевъ г. Волчанска. Двѣ недѣли спустя, мировой судья Малиновскій, найдя, что Пономаревъ неправильно лишенъ свободы, потребовалъ отъ исправника освобожденія его и за отказомъ исправника передалъ вопросъ на усмотрѣніе прокурора Харьковскаго окружнаго суда. Между прокуроромъ и губернскимъ правленіемъ возникло пререканіе, восшедшее въ Соединенное Присутствіе I-го и касс. департ. и Сенатъ постановилъ предать Зографа суду; Харьковская палата приговорила его къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ.

впрочемъ, преимущественно старыхъ департаментовъ), даже Сенатъ, въ лицѣ Уголовнаго кассаціоннаго департамента не избѣжалъ суровой критики, когда „Московскія Вѣдомости“ занялись дѣломъ бывшаго казанскаго губернатора Скарятина. Тайный совѣтникъ Скарятинъ обвинялся въ томъ, что при усмиреніи безпорядковъ подвергъ жителей одного селенія тѣлесному наказанію. Первый департаментъ Сената усмотрѣлъ въ его поступкахъ признаки преступленія, подпадающаго подъ дѣйствіе ст. 347 Улож. о Нак., и постановилъ предать Скарятина суду Уголовнаго кассаціоннаго департамента безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Но Уголовный кассаціонный департаментъ нашелъ, что поступки обвиняемаго подходятъ подъ ст. 1533 Уложенія (нанесеніе съ умысломъ тяжкихъ побоевъ), и призналъ дѣло подсуднымъ Уголовному кассаціонному департаменту съ участіемъ присяжныхъ. Частная жалоба Скарятина на это опредѣленіе была оставлена безъ послѣдствій Общимъ Собраніемъ кассаціонныхъ департаментовъ. Этотъ оборотъ дѣла вызвалъ негодованіе „Московскихъ Вѣдомостей“. „Такимъ образомъ выходитъ—писала газета—что кассаціонный судъ, поставленный во главѣ судебнаго вѣдомства для наблюденія за точнымъ исполненіемъ закона и для исправленія отступленія отъ законнаго порядка можетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ самъ исполняетъ обязанности судебной инстанціи, допустить въ своемъ производствѣ какія угодно отступленія отъ указаннаго въ законѣ порядка и подсудимый не имѣетъ никакихъ способовъ добиться возстановленія нарушеннаго закона“. Это постановленіе департамента стоитъ въ явномъ и прямомъ противорѣчіи съ законами; какъ де могло быть допущено такое „отступленіе отъ закона со стороны высшаго блюстителя законности“ и т. д. (1883 г. №№ 78, 100, 102). Другой приговоръ Сената, по процессу менѣе громкому, но также почему то привлекшему вниманіе редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, а именно по дѣлу петербургскаго судебнаго пристава Дѣтскаго, растратившаго охраняемыя имъ наслѣдства, и мирового судьи Бузова, у котораго производилось дѣло объ охраненіи наслѣдства и обвинявшагося въ нерадѣніи по службѣ, вызвалъ также „недоумѣнія“ газеты Каткова. Даже такія, казалось бы, симпатичныя для редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ дѣйствія Сената, какъ напр. указъ Соединеннаго Присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ отъ 27 марта 1886 г., въ которомъ Сенатъ

указываетъ различныя мѣры для устраненія безпорядковъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, не получили одобренія со стороны Каткова (1886 г. № 236), ибо оказалось, что всего, предложеннаго Сенатомъ мало, что всѣ его указанія только нравоученія и безсодержательные совѣты, не достаточные для устраненія всего зла судебныхъ порядковъ. „Въ такихъ ли мѣрахъ видитъ свою задачу управленіе юстиціей, призванное изгнать изъ нихъ (т. е. судебныхъ порядковъ) духъ фальшивыхъ доктринъ и привести ихъ къ здравому смыслу и чистымъ требованіямъ правосудія".

Объ отношеніи „Московскихъ Вѣдомостей" къ мировымъ установленіямъ вообще нѣтъ основанія подробно распространяться. Газета спеціально ими не занималась и даже сравнительно мало обрушивалась на выборный судъ, но, конечно, не пропускала удобныхъ случаевъ для неблагопріятныхъ отзывовъ. Наиболѣе характерной является статья по дѣлу Панаева (1886 г. № 307), имѣвшаго процессъ съ крестьянами деревни Залѣсье, Новгородскаго уѣзда, о потравѣ. Мировой судья Пыхачевъ оправдалъ крестьянъ, обвинявшихся въ сопротивленіи при загонѣ скота, и призналъ дѣйствія приказчика и другихъ служащихъ Панаева неправильными. „Можетъ ли дальше этого итти беззаконіе суда, надругательство судьи надъ закономъ", восклицаетъ газета Каткова. „И это происходитъ въ судейской камерѣ, въ объявленіи приговора, якобы по указу Его Императорскаго Величества. Какое воспитательное значеніе имѣютъ такія судебныя дѣянія, какой урокъ дается ими сельскому люду, какой строй мира и порядка вносится ими въ сельскій бытъ, въ ежедневныя житейскія отношенія. Чѣмъ была камера мирового судьи при произнесеніи въ ней изложеннаго приговора? Чѣмъ, если не школой беззаконія, преподаваемаго именемъ Высшей власти"?

Не избѣжалъ нападокъ и глава судебнаго вѣдомства, министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ. Осенью 1884 г. министръ предпринялъ поѣздку для осмотра судебныхъ установленій; поѣздку эту слѣдуетъ объяснить именно желаніемъ до нѣкоторой степени реабилитировать и себя и свое вѣдомство въ глазахъ тѣхъ дѣятелей, на которыхъ имѣло вліяніе направленіе „Московскихъ Вѣдомостей". Но не въ добрый часъ выѣхалъ министръ; поѣздка его не получила одобренія Каткова. Для того,

чтобы узнать пороки судебнаго устройства, нѣтъ надобности ѣздить по Россіи, писали въ его газетѣ; это все можно узнать въ Петербургѣ еще лучше, чѣмъ на мѣстахъ, а съ личнымъ составомъ слѣдуетъ знакомиться не на летучемъ проѣздѣ, а при постоянномъ и зоркомъ наблюденіи за ходомъ дѣлъ (1884 г. № 313). На обратномъ пути Набоковъ сказалъ въ Москвѣ (9 ноября 1886 г.) рѣчь чинамъ судебнаго вѣдомства, въ которой выразилъ свои впечатлѣнія отъ видѣннаго имъ. Министръ пришелъ къ убѣжденію, что нареканія на судебное вѣдомство неосновательны, что всѣ дѣятели суда относятся честно и съ сознаніемъ долга къ своему дѣлу, и что вездѣ судебная власть идетъ рука объ руку съ административною. По поводу этой рѣчи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось нѣсколько ядовитыхъ статей, въ которыхъ имѣются и насмѣшки лично надъ Набоковымъ, и издѣвательства надъ его словами о солидарности юстиціи и администраціи, и общая хула по поводу всей вообще дѣятельности и постановки судебной части (1884 г. №№ 315 и 316), а слѣдующая за этими статья (1884 г. № 323) опять посвящена критикѣ судебныхъ порядковъ и слѣдственной власти въ особенности. Смѣна руководителей вѣдомства юстиціи, происшедшая 6 ноября 1885 г., когда Д. Н. Набоковъ былъ уволенъ отъ должности министра, и на его мѣсто призванъ Н. А. Манасеинъ, несомнѣнно стоитъ въ связи съ враждебнымъ отношеніемъ къ нему „Московскихъ Вѣдомостей“ и тѣхъ круговъ, мнѣнія которыхъ эта газета такъ настойчиво проповѣдывала [1]).

Однако, всѣ эти замѣчанія и нападки на судебный строй, высказываемые по отдѣльнымъ случаямъ, проистекали изъ одного основного начала, которое проводилось „Московскими Вѣдомостями“ очень послѣдовательно, а именно изъ недовольства всей постановкой судебнаго дѣла въ цѣломъ. Независимость суда, неподчиненность его никому, кромѣ закона, недоступность влія-

[1]) Увольненіе Набокова общественной молвой возведено было въ событіе, и именно не столько назначеніе Манасеина, сколько уходъ Набокова. Въ „Вѣстникѣ Европы“ (1885 г. № 12, внутр. обозр.) отмѣчено, что походъ противъ Судебныхъ Уставовъ, шедшій извнѣ, встрѣчалъ въ министрѣ юстиціи, если не твердый отпоръ, то хоть нѣсколько умѣряющее сопротивленіе. И въ тонѣ статей „Московскихъ Вѣдомостей“ можно уловить нѣкоторую перемѣну послѣ увольненія Набокова; правда, онѣ не переставали громить судебные порядки, но въ нихъ проскальзываетъ не столько стремленіе сломить эту „республику“ штурмомъ, сколько подготовить почву для предстоящихъ перемѣнъ и реформъ.

ніямъ со стороны администраціи—вотъ, по мнѣнію Каткова, корень зла. Недостатки отдѣльныхъ частей судебнаго механизма объясняются именно этой независимостью суда и порождаемымъ ею либерализмомъ судебныхъ дѣятелей. Къ этому припѣву возвращаются „Московскія Вѣдомости“ почти въ каждой статьѣ, какова бы ни была тема ея; доказательству этого тезиса посвящались иногда длинныя, отвлеченныя разсужденія, безъ указанія какихъ бы то ни было конкретныхъ фактовъ.

Уже въ 1882 г. (№ 116), когда судебныя установленія еще не сдѣлались постоянной мишенью для ежедневныхъ нападокъ, появляются разсужденія о несовмѣстимости несмѣняемаго суда съ существующимъ государственнымъ устройствомъ. Не должно быть рѣчи о его несмѣняемости, въ томъ смыслѣ „будто русскій Царь отказался отъ своихъ правъ въ пользу воспитанниковъ Училища правовѣдѣнія и юридическихъ факультетовъ, которымъ предоставлено образовать изъ себя независимую корпорацію, въ ея же дѣйствія никто изъ смертныхъ вступаться не долженъ“. „Благодаря смутѣ понятій, возникли у насъ удивительныя аномаліи. Самая чудовищная есть, конечно, водворившаяся у насъ судебная доктрина, въ силу которой новосозданные суды должны составить изъ себя какъ бы нѣкую самодержавную республику въ предѣлахъ Русскаго Царства, обязаннаго содержать и чествовать ее, предоставляя ей полную власть надъ своимъ народомъ. Законами Русскаго Царства она можетъ не стѣсняться. Не поддается законъ, она можетъ расширить и сузить его, перешагнувъ черезъ него, и распорядиться по усмотрѣнію, или, какъ говорятъ, по убѣжденію. Судебные чины, по своему убѣжденію, могутъ интернировать и заключать въ тюрьму до суда, отдавать подъ судъ и судить по всей своей волѣ, располагая всѣмъ арсеналомъ каръ, и лишеніемъ чести, и тюрьмой и каторгой, не обязанные никому отчетомъ, кромѣ своей же корпораціи въ порядкѣ подчиненія ея инстанціямъ и оставаясь безотвѣтственными по существу дѣла, лишь бы только были соблюдены извѣстныя формальности. Народу и всѣмъ властямъ его, съ Верховною включительно, предоставляется благоговѣйно присутствовать при этихъ священнодѣйствіяхъ. Они карають и милуютъ, могутъ оправдать не только преступника, но и преступленіе, отказывая въ правосудіи потерпѣвшему, устами своихъ приспѣшниковъ могутъ колебать всякое право, позорить людей,

подъ судомъ не состоящихъ, и проповѣдывать ученія, не допустимыя въ Русскомъ Царствѣ. Они могутъ имѣть свою политику, съ политикой Русскаго Царства не согласную. Правда, имѣется министръ юстиціи, но доктрина предоставляетъ ему только безобидную роль экзекутора въ притворахъ храма Ѳемиды, да еще обязанность состоять дипломатическимъ агентомъ судебнаго вѣдомства при Дворѣ Императора Всероссійскаго" (1884 г. № 12). Для устраненія непорядковъ прежде всего требуется освобожденіе учрежденій судебнаго вѣдомства отъ засѣвшей въ нихъ нелѣпой доктрины о ихъ самодержавіи и абсолютной несмѣняемости ихъ чиновъ. „Никакая ревизія той или другой судебной палаты не разубѣдитъ насъ въ томъ, чтобы генералъ-прокуроръ, по самому разуму своей должности и по силѣ ея происхожденія у насъ, не былъ обязанъ служить окомъ Царевымъ въ дѣлѣ Правосудія, чтобы на немъ не должна была лежать закономъ установленная отвѣтственность за судебныя рѣшенія, чтобы онъ не долженъ былъ слѣдить за ходомъ судебныхъ дѣлъ по существу и давать свои заключенія, а въ случаѣ несогласія съ высшей судебной инстанціей, возводить дѣла не апелляціоннымъ, конечно, а законодательнымъ порядкомъ... на рѣшеніе Верховной власти" (1884 г. № 315). Сообразно съ этимъ, Катковъ требовалъ отмѣны безапелляціонности рѣшеній Сената и возстановленія права приносить на нихъ всеподданнѣйшія прошенія (1884 г. № 24). Какая-то особая конституція будто бы пожалована „господамъ правовѣдамъ, состоящимъ по судебному вѣдомству, заключенъ съ его чиновниками контрактъ, коимъ предоставляется имъ безконтрольно и самоуправно распоряжаться въ Русскомъ государствѣ". Въ этомъ смыслѣ требовалась радикальная перемѣна всего судебнаго строя, и въ этомъ направленіи иногда „Московскія Вѣдомости" договаривались до странныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, обращая вниманіе читателей на рѣчь прокурора палаты по дѣлу Скопинскаго банка, они отмѣчаютъ слѣдующее: „но не должно ли поразить всякаго его заключеніе. Представитель закона, блюститель правосудія, государственный обвинитель, раскрывъ преступныя дѣйствія во всей полнотѣ ихъ, видитъ себя вынужденнымъ прибѣгать ко всѣмъ способамъ своего сильнаго и изящнаго слова, чтобы вымолить у присяжныхъ судей приговоръ справедливый. Прокуроръ не могъ ограничиться раскрытіемъ преступленія для того, чтобъ виновныхъ

постигла заслуженная ими кара закона" и т. д. (1884 г. № 336). Изъ этого какъ будто вытекаетъ, что судъ есть вещь излишняя, чтобы не сказать больше, и что раскрытіе преступленія симпатичнымъ Каткову прокуроромъ, въ сущности, достаточно для осужденія подсудимаго.

Такимъ образомъ основная мысль „Московскихъ Вѣдомостей", въ ея кампаніи противъ судебнаго строя, сводилась, въ сущности, къ тому, чтобы лишить его того самостоятельнаго положенія, которое было обезпечено ему Судебными Уставами. Характеризуя то направленіе, которое должны были принять реформы существовавшаго судебнаго устройства, упорный противникъ Каткова, „Вѣстникъ Европы" (1885 г. XII, Внутреннее обозрѣніе) намѣчалъ тѣ опасности, которыя грозили новосозданному суду: 1) полное уравненіе судей съ административными чиновниками, въ смыслѣ предоставленія министру юстиціи права перемѣщать и увольнять ихъ, 2) кабинетная юстиція и 3) возстановленіе высшей судебной инстанціи, которая существовала до 1864 г. Несомнѣнно, что требованія „Московскихъ Вѣдомостей" шли именно въ этомъ направленіи и даже дальше того, что здѣсь сведено въ эти три положенія. По ихъ мнѣнію, идеальной представлялась такая организація, которая обезпечивала бы администраціи полное главенство надъ судомъ и давала бы ей возможность воздѣйствовать на судъ во всѣхъ случаяхъ, когда это почему либо представлялось желательнымъ. Остальное представлялось мелкими подробностями, важенъ былъ результатъ.

Статьи „Московскихъ Вѣдомостей" перепечатывались Катковымъ еще и въ издаваемомъ имъ же „Русскомъ Вѣстникѣ", иногда съ нѣкоторыми добавленіями. Сотрудникъ этихъ изданій, Викторъ Фуксъ, удѣлявшій особое вниманіе именно судебной части, подробнѣе разработалъ проводимыя имъ въ своей журналистской дѣятельности мысли въ книгѣ „Судъ и Полиція", гдѣ обстоятельно доказывалось все несовершенство судебнаго устройства, самостоятельности судебной власти и недостатки суда присяжныхъ и, коротко говоря,—превосходства до-реформеннаго строя.

Но, нападая на всѣ безъ исключенія стороны новаго судебнаго строя, правая пресса съ особеннымъ ожесточеніемъ вела походъ противъ суда присяжныхъ. Нападеніе велось при этомъ настолько энергично и настойчиво, отдѣльные факты, сколько-

нибудь опорочивающіе судъ присяжныхъ, подбирались и комментировались настолько тщательно, что защитникамъ этого суда приходилось итти какъ бы на уступки, признавать слабыя стороны его постановки въ Россіи, чтобы спасти институтъ этотъ хотя бы въ части, отстоять лишь его идею.

Въ этомъ отношеніи очень характерны нѣкоторыя замѣчанія В. Д. Спасовича.

Законъ 1878 г.,—говорится въ рѣчи Спасовича по дѣлу Мельницкихъ (13 марта 1884 г.) [1]),—выразилъ, что судомъ присяжныхъ недостаточно ограждены интересы государства, потомъ набѣжала другая волна, и стали утверждать, что имъ плохо охраняется казенная собственность, мірскія деньги, что присяжные склонны извинять казнокрадство. Поэтому, выступая въ защиту подсудимаго, оправданнаго присяжными, Спасовичъ въ Уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ счелъ необходимымъ выйти за предѣлы обстоятельствъ даннаго дѣла и коснуться вообще вопроса объ институтѣ присяжныхъ. Онъ указывалъ, что институтъ присяжныхъ боленъ, что надо его лѣчить и притомъ энергически, такъ какъ болѣзнь долго уже существуетъ и запущена. Подлежитъ лѣченію не институтъ присяжныхъ вообще по своей идеѣ, а только какъ институтъ присяжныхъ въ Россіи, „какъ общій продуктъ всѣхъ условій, содѣйствовавшихъ въ теченіе 18 лѣтъ его существованія его развитію, какъ институтъ, воспитанный всѣми тѣми дѣятелями, которые съ нимъ соприкасались, за нимъ ухаживали, ему прислуживали, его баловали, его систематически искажали". Виновно законодательство, ибо необходимо поднять образовательный цензъ для присяжныхъ, ввести требованія знакомства хотя бы съ азбукой; виновна и администрація, которая не выполняла всѣхъ своихъ обязанностей по составленію списковъ присяжныхъ.

„Кромѣ законодательной власти и администраціи, на развитіе института вліяли всѣ составныя части персонала судебнаго вѣдомства... Кто безъ грѣха? На вопросъ, исполнили ли эти органы всѣ свои обязанности по отношенію къ институту, какъ слѣдуетъ, едва ли не придется дать отрицательный отвѣтъ. Наши судьи коронные такъ были сердечно рады, въ такое пришли умиленіе, когда имъ пришлось водворять учрежденіе, обно-

[1]) В. Д. Спасовичъ. Сочиненія, т. VII, стр. 59.

вляющее весь порядокъ производства, что съ ними произошло нѣчто подобное тому, что описано въ Евангеліи, какъ поклоненіе волхвовъ младенцу Іисусу. Всѣ торопились ударить челомъ, поклониться Мессіи, передать дары и власть, втолковать ему, какой великій и почти таинственный смыслъ заключается въ великомъ словѣ, которое имъ придется произносить „виновенъ", объяснять присяжнымъ, что ихъ спрашиваютъ не о голыхъ, дробныхъ фактахъ внѣшнихъ, а по внутреннему убѣжденію совѣсти о цѣльной винѣ. Что касается прокуратуры и адвокатуры, то отъ нихъ и требуется меньше, и нельзя съ нихъ много взыскивать за результаты дѣятельности присяжныхъ".

Слова Спасовича, который ни по убѣжденіямъ, ни по профессіи не принадлежалъ къ числу противниковъ идей Уставовъ, привлекли всеобщее вниманіе представителей враждебнаго къ нимъ теченія. Конечно, Спасовичъ имѣлъ въ виду усовершенствованіе суда присяжныхъ, когда отмѣчалъ недостатки его современной постановки, но изъ его словъ все-таки вытекало, что институтъ „боленъ", что судьи съ нимъ не умѣютъ справляться, что надо „врачевать", а противникамъ открывался просторъ въ выборѣ средствъ врачеванія и своихъ предложеній, вплоть до полной или частичной ампутаціи. О причинахъ можно было спорить, можно было спорить и о выборѣ лѣкарствъ, но фактъ признанія болѣзни оставался безспорнымъ, и его можно было толковать, какъ разочарованіе, если не въ идеѣ института, то въ той широкой постановкѣ, которая ему дана была по Судебнымъ Уставамъ. Слова эти не могли вселять бодрости въ друзьяхъ института, а противникамъ давали сильное оружіе.

Представители другого теченія, явно не сочувствующаго новому судебному строю, шли гораздо дальше. Не повторяя здѣсь всѣмъ достаточно извѣстныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ, приведемъ лишь нѣсколько мыслей, высказанныхъ виднымъ участникомъ работъ по составленію Уставовъ, а впослѣдствіи вліятельнымъ политическимъ дѣятелемъ, К. П. Побѣдоносцевымъ. Осуждая примѣненіе пытки въ уголовномъ процессѣ XVIII вѣка въ 1860 году, К. П. Побѣдоносцевъ между прочимъ писалъ [1]):

[1]) Историческія изслѣдованія, стр. 281.

„только на скандинавскомъ сѣверѣ и въ Англіи изъ народной жизни развилось драгоцѣнное учрежденіе присяжныхъ; при помощи его и при постепенномъ его развитіи удалось, особенно въ Англіи, замѣнить систему формальныхъ доказательствъ съ полнымъ успѣхомъ другою, основанною на личномъ убѣжденіи добрыхъ людей, взятыхъ изъ среды народа; при развитіи этой системы не было уже никакой нужды прибѣгать къ пыткѣ для пополненія пробѣла, повсюду оказавшагося въ доказательствахъ съ уничтоженіемъ ордалій; и вотъ одна изъ причинъ, почему въ Англіи пытка сама собою вышла изъ употребленія". „А въ Россіи, гдѣ ничего подобнаго суду присяжныхъ въ эпоху Имперіи не было, даже теперь (1860 г.), несмотря на ясное и строгое предписаніе закона, пристрастные допросы еще не вывелись изъ употребленія".

Но взгляды К. П. Побѣдоносцева со временемъ перемѣнились. Въ „Московскомъ Сборникѣ" [1]) (вышедшемъ первымъ изданіемъ въ 1896 г.), гдѣ собраны его замѣчанія по вопросамъ современности и выписки изъ прочитаннаго, высказано сужденіе уже совсѣмъ иного рода. Приведя выдержку изъ сочиненія англійскаго историка Мэна о постановкѣ въ Англіи суда присяжныхъ, К. П. Побѣдоносцевъ заканчиваетъ эту статью словами, въ которыхъ имѣется прямой и несомнѣнный намекъ на современные ему русскіе порядки.

„Мысль невольно переносится къ несчастному учрежденію суда присяжныхъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ историческихъ и культурныхъ условій, при коихъ онъ образовался въ Англіи. Очевидно, многіе, вводя это учрежденіе, только „слышали звонъ, да не знали, гдѣ онъ". Неразумно и легкомысленно было ввѣрять приговоръ о винѣ подсудимаго народному правосудію, не обдумавъ практическихъ мѣръ и способовъ, какъ его поставить въ надлежащую дисциплину, и не озаботившись изслѣдовать предварительно чужеземное учрежденіе въ исторіи его родины и со сложною его обстановкой. И вотъ, по прошествіи долголѣтняго опыта, всюду, гдѣ введенъ съ примѣра Англіи судъ присяжныхъ, возникаютъ уже вопросы о томъ, какъ замѣнить его, для устраненія той случайности приговоровъ, которая изъ года въ годъ усиливается. Эти вопросы возникаютъ и обо-

[1]) Московскій Сборникъ, 2-е изданіе, стр. 55 и 56.

стряются и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ есть крѣпкое судебное сословіе, вѣками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины. Можно себѣ представить, во что обращается это народное правосудіе тамъ, гдѣ въ юномъ государствѣ нѣтъ этой силы, но есть быстро образовавшаяся толпа адвокатовъ..., гдѣ дѣйствуетъ пестрое смѣшанное стадо присяжныхъ, наконецъ, смѣшанная толпа публики, приходящая на судъ, какъ на зрѣлище посреди праздной и бѣдной содержаніемъ жизни, и эта публика въ сознаніи идеалистовъ должна означать народъ".

Сужденія К. П. Побѣдоносцева приведены здѣсь не какъ примѣръ перемѣны воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ, перемѣны, происшедшей съ годами, и не какъ особенно убѣдительный аргументъ противъ суда присяжныхъ, а единственно какъ слова очень вліятельнаго сановника, къ которому прислушивались и намеки котораго получали практическое осуществленіе.

Враждебныя сужденія по адресу судебнаго вѣдомства и судебнаго устройства повторялись не только въ газетахъ и въ книгахъ. Во многихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ за время съ 1881 г. губернаторы высказывали свои взгляды на дѣятельность судебныхъ установленій во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, и попутно касались и вопроса о постановкѣ судебнаго дѣла вообще [1]). Очень часто въ ихъ словахъ заключалось осужденіе какъ и отдѣльныхъ судебныхъ дѣятелей, такъ и организаціи судебной части, и эти замѣчанія привлекали вниманіе.

Во многихъ отчетахъ губернаторовъ и за семидесятые годы можно найти указанія на неудовлетворительный составъ мировыхъ установленій, но тогда еще они не влекли за собой никакихъ послѣдствій. Впослѣдствіи же отношеніе къ этимъ замѣчаніямъ измѣнилось, и хотя разслѣдованіями, производимыми по поводу указаній губернаторовъ, иногда выяснялось, что краски слишкомъ сгущены или что въ нихъ слишкомъ обобщены отдѣльные и разрозненные случаи, однако впечатлѣніе отъ этихъ словъ оставалось. Приведемъ примѣры такихъ замѣчаній. Могилевскій губернаторъ указывалъ на тенденцію судебныхъ

[1]) Нѣкоторыя, помѣщенныя здѣсь выдержки изъ отчетовъ, приведены въ т. X „Подготовительныхъ матеріаловъ" комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

мѣстъ проявлять излишнюю снисходительность къ крестьянамъ въ дѣлахъ, возникающихъ изъ поземельныхъ ихъ отношеній съ землевладѣльцами, руководствуясь милосердіемъ или своеобразными соціальными взглядами (отчетъ за 1884 г.); ярославскій указывалъ (отчетъ за 1885 г.), что составъ мировыхъ судей неудовлетворителенъ отчасти и потому, что судьи вступаютъ въ должность еще до утвержденія ихъ Сенатомъ; витебскій губернаторъ свидѣтельствовалъ, что дѣйствія нѣкоторыхъ мировыхъ судей вызываютъ сильный ропотъ (1882 г.) и что раздаются жалобы на медленное и подчасъ пристрастное рѣшеніе ими дѣлъ (1884 г.); пермскій губернаторъ удостовѣрялъ, что имѣются заявленія о продажности мировыхъ судей, и что персоналъ мировыхъ установленій стоитъ на крайне низкомъ уровнѣ (1883 г.); новгородскій губернаторъ указывалъ (1884 г.) на неудовлетворительность мировыхъ установленій, по малой подготовкѣ судей, ихъ медленности и небрежности и зависимости отъ вліятельныхъ людей и партій въ уѣздѣ; симбирскій губернаторъ (1883 г.) свидѣтельствовалъ объ уменьшеніи нѣкоторыми судьями до крайности денежныхъ штрафовъ по дѣламъ о нарушеніи постановленій о питейномъ сборѣ, а казанскій—отмѣчалъ слабость приговоровъ по лѣснымъ порубкамъ и конокрадству; подольскій губернаторъ (1887 г.) жаловался на то, что мировыя установленія не всегда солидарны съ органами административной власти по вопросамъ общественнаго здравія и безопасности; астраханскій губернаторъ (1888 г.) отмѣчалъ медленность мировой юстиціи. Курскій губернаторъ обращалъ вниманіе на то, что ему нерѣдко приходилось получать жалобы на рѣшенія мировыхъ судей, и дѣлалъ изъ этого выводъ, что народное сознаніе не допускаетъ возможности полнаго отдѣленія въ низшихъ инстанціяхъ суда отъ администраціи; мировые же судьи, какъ онъ указывалъ, вообще медленно разбираютъ дѣла, а за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ прекращаютъ всякую дѣятельность, чтобы не давать поводовъ къ неудовольствію избирателей (1885 г.); полтавскій губернаторъ приводилъ аналогичныя сужденія о персоналѣ мировыхъ установленій и также отмѣчалъ зависимость судей отъ избирателей (1884 г.).

Напротивъ, губернаторскіе отчеты изъ тѣхъ областей, гдѣ была введена судебно-административная реформа 1889 г., свидѣтельствовали о необычайно благопріятныхъ послѣдствіяхъ этого

преобразованія и объ успѣшной дѣятельности земскихъ начальниковъ—замѣчанія этого рода встрѣчаются въ очень многихъ отчетахъ. Множество дѣлъ, загромождавшихъ собою канцеляріи мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, разрѣшаются личной бесѣдой земскаго начальника съ тяжущимися и не ведутъ къ процессу, благодаря близости начальниковъ къ народу и ихъ знанію условій быта—удостовѣрялъ черниговскій губернаторъ въ отчетѣ за 1890 г.; очень многіе начальники губерній свидѣтельствовали, что въ короткое время земскіе начальники успѣли завоевать довѣріе народа; въ Курской губерніи благотворные результаты дѣятельности земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ сказались уже черезъ 4 мѣсяца послѣ введенія ихъ въ губерніи; за этотъ короткій періодъ замѣтно устранилось пьянство въ селеніяхъ, уменьшился разгулъ, возродилась дисциплина и уваженіе къ старшимъ членамъ семьи. Всѣ эти похвальные отзывы, въ сущности, содержали осужденіе прежняго порядка мирового строя и подсказывали необходимость скорѣйшаго и повсемѣстнаго его упраздненія, но косвенно значеніе ихъ не могло не отразиться и на оцѣнкѣ другихъ органовъ судебнаго устройства.

Въ этомъ отношеніи не могли не производить особаго впечатлѣнія замѣчанія губернаторовъ о несочувствіи, съ которымъ отнеслись въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представители вѣдомства юстиціи къ новымъ учрежденіямъ. Въ приведенномъ только что отчетѣ курскій губернаторъ указывалъ, что уѣздные члены и городскіе судьи, состоящіе въ вѣдомствѣ юстиціи и назначаемые безъ сношенія съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, иногда вносили въ составъ уѣздныхъ съѣздовъ „духъ непримиримой партійности и невозможнаго, усвоеннаго прежней практикой формализма въ дѣлахъ“. Бессарабскій губернаторъ удостовѣрялъ что мѣстные чины Министерства Юстиціи (кромѣ предсѣдателя суда и прокурора окружнаго суда) отнеслись къ реформѣ равнодушно и скорѣе несочувственно, исходя изъ той идеи, что теорія права не допускаетъ соединенія административной и судебной властей, и охотно отмѣняли рѣшенія волостныхъ судовъ, постановленныя на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, по совѣсти и внутреннему убѣжденію, а земскіе начальники не всегда имѣли возможность поддержать такія рѣшенія судовъ, особенно если, за отсутствіемъ уѣзднаго предводителя

дворянства, предсѣдательствовалъ въ съѣздѣ уѣздный членъ окружного суда (1892 г.). Нижегородскій губернаторъ сообщалъ, что большинство судебныхъ дѣятелей къ реформѣ относится несочувственно и всякій мелкій промахъ земскаго начальника облекается во мнѣніи судебныхъ дѣятелей въ проступокъ или посягательство на вмѣшательство или превышеніе власти (1890 г.); новгородскій также отмѣтилъ несочувствіе судебныхъ дѣятелей къ новымъ учрежденіямъ (1890); и такихъ замѣчаній не мало. Изъ этихъ замѣчаній, если сопоставить ихъ съ тѣми похвалами, которыя расточались по адресу новыхъ учрежденій, вытекалъ естественный выводъ, что представители судебной власти, по соображеніямъ неправильной теоріи или по личнымъ видамъ, чинятъ препятствія благотворной дѣятельности земскихъ начальниковъ, и понятно, что эти слова оставляли неблагопріятное впечатлѣніе о такого рода направленіи. Между тѣмъ необходимость такой постановки судебной власти, при которой все дѣло находится въ рукахъ представителя администраціи, не вызывала сомнѣній. Замѣчанія нѣкоторыхъ, очень немногихъ, губернаторовъ о желательности освободить земскихъ начальниковъ отъ судебныхъ функцій не имѣли успѣха (отчетъ нижегородскаго губернатора за 1894 г.) и, напротивъ, опасенія, высказанныя нѣкоторыми губернаторами по поводу слуховъ о возможныхъ преобразованіяхъ судебно-административныхъ установленій, были устранены, какъ ни на чемъ не основанныя, ибо не представлялось вовсе необходимымъ реформировать эти учрежденія, вызвавшія всеобщее одобреніе, по крайней мѣрѣ, тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ имѣло вѣсъ.

Но во многихъ отчетахъ есть прямыя указанія на отсутствіе пререканій и треній между судебными чинами и администраціей въ установленіяхъ, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., и на полное взаимодѣйствіе между чинами судебнаго вѣдомства и администраціей. Изъ этого надлежитъ заключить, что во многихъ мѣстностяхъ дѣятельность представителей суда удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляли начальники губерній, т. е., что судебная власть оказалась подъ реальнымъ вліяніемъ административной.

Приведенныя замѣчанія имѣли непосредственное отношеніе только къ судебно-административнымъ учрежденіямъ 1889 г., но тѣ общія предпосылки, изъ которыхъ они исходили, охва-

тывали гораздо большее; онѣ касались существеннѣйшаго вопроса всего судебнаго устройства—отдѣленія власти судебной отъ администраціи, ея независимости. И если оказывалось, что преобладаніе административной власти приносило столь благотворные плоды въ такой практически важной области, какъ низшій судъ, то установленіе такого же взаимоотношенія представлялось желательнымъ усовершенствованіемъ тѣхъ частей судебнаго строя, которыя реформой 1889 года прямо не были затронуты. Мысли этого рода носились, такъ сказать, въ воздухѣ; опредѣленное ихъ выраженіе можно найти, напр., въ запискѣ костромского губернатора, сообщенной министру юстиціи въ 1895 г. По его предположенію слѣдовало бы прежде всего возвратиться къ прежнему соотвѣтствію между административными округами (губернія, уѣздъ) съ судебными и учредить вмѣсто окружныхъ судовъ губернскіе, на подобіе прежнихъ палатъ, а сверхъ того предоставить начальнику губерніи надзоръ за губернскими и уѣздными установленіями, который долженъ заключаться въ наблюденіи за аккуратнымъ отправленіемъ мѣстными чинами судебнаго вѣдомства ихъ служебныхъ обязанностей и въ правѣ аттестовать этихъ чиновъ передъ высшимъ правительствомъ [1]). Мысли, выраженныя въ запискѣ, и ихъ мотивировка ничего новаго не содержатъ; такого рода замѣчанія высказывались и въ шестидесятыхъ годахъ, на слѣдующій день по введеніи Уставовъ, и приведенныя въ нихъ соображенія о томъ, что необходимо возстановить власть губернатора, какъ „нить, объединяющую обособленныя части мѣстнаго управленія", лежатъ въ основаніи всѣхъ тѣхъ разсужденій объ усиленіи власти губернатора, которыми подкрѣплялись соотвѣтствующіе проекты въ семидесятыхъ годахъ. Но въ тѣ времена, какъ сказано уже выше, эти аргументы не имѣли успѣха, а въ разсматриваемую здѣсь эпоху они являются формулировкой тенденцій, которыя, правда, не нашли прямого выраженія въ законѣ, но практически оказывались вовсе не пустымъ звукомъ.

При оцѣнкѣ этихъ взглядовъ, исходящихъ отъ начальниковъ губерній, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, вслѣдствіе изданія

[1]) Кромѣ того, костромской губернаторъ предлагалъ упразднить судъ присяжныхъ, а также кассаціонное производство и ограничить компетенцію волостныхъ судовъ. Записка напечатана въ X томѣ подготовительныхъ матеріаловъ комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 4 сентября 1881 г. и объявленія многихъ мѣстностей въ положеніи усиленной охраны, власть мѣстныхъ представителей администраціи была значительно усилена. Въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи, отдѣльныя мѣры, превышающія обычныя полномочія мѣстной администраціи, могли быть разрѣшаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ, по иниціативѣ представителей мѣстной администраціи. Въ этихъ мѣстностяхъ генералъ-губернаторамъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ—губернаторамъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ было предоставлено передавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ отдѣльныя уголовныя дѣла, требовать закрытія дверей судебнаго засѣданія по дѣламъ объ общихъ и государственныхъ преступленіяхъ; по Положенію объ усиленной охранѣ мѣстнымъ административнымъ властямъ предоставляется право изданія обязательныхъ постановленій, нарушенія которыхъ караются въ административномъ порядкѣ. При этомъ легко могутъ быть нарушены границы чисто судебной компетенціи и администрація оказывается въ положеніи судьи [1]).

Нѣтъ основаній вдаваться въ подробный пересказъ законодательныхъ актовъ новѣйшаго времени; слѣдуетъ лишь отмѣтить, что административныя функціи губернаторовъ возрасли по сравненію съ шестидесятыми годами [2]), и къ административнымъ, со введеніемъ преобразованія 1889 г. присоединились еще и судебныя. Соотвѣтственно съ этимъ возросло и значеніе вѣдомства, направляющаго дѣятельность губернаторовъ. При разногласіяхъ съ представителями администраціи органамъ суда не всегда удавалось отстаивать свои взгляды, и вѣдомство юстиціи оказывалось въ трудномъ положеніи, когда ему приходилось выручать провинціальныя судебныя власти.

[1]) Примѣромъ того, насколько полномочія администраціи въ такихъ случаяхъ близко соприкасаются даже съ мелкими чисто судебными дѣлами можетъ служить казусъ, разсказанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1893 г. № 11. За неисправное въ санитарномъ отношеніи содержаніе домовъ с.-петербургскій мировой судья оштрафовалъ домовладѣльца на 50 и 200 руб., съ обязательствомъ привести его дома въ должное санитарное состояніе. Градоначальникъ, усмотрѣвъ, что домовладѣлецъ путемъ жалобъ можетъ затянуть дѣло на долго, въ административномъ порядкѣ наложилъ на него такое же взысканіе, дабы скорѣе привести дома въ санитарное состояніе. Взысканіе это было наложено въ силу полномочій по усиленной охранѣ. Очевидно, что одно взысканіе другимъ не устраняется и способовъ выйти изъ такого или подобнаго конфликта въ законѣ не указано.

[2]) См. подробности въ изслѣдованіи И. А. Блинова. Губернаторы (1905 г.), стр. 321 и слѣд.

При характеристикѣ практическаго соотношенія судебной и административной властей въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка не слѣдуетъ также забывать, что съ теченіемъ времени въ высшихъ правительственныхъ кругахъ установился нѣсколько иной взглядъ на принципъ раздѣленія властей, чѣмъ тотъ, который господствовалъ въ началѣ дѣятельности преобразованнаго судебнаго строя. Составители Судебныхъ Уставовъ принимали начало рѣзкаго обособленія властей и полной независимости судебной власти и его представителей, какъ непререкаемую истину. Независимость суда признавалась необходимымъ условіемъ совершеннаго судебнаго строя, гарантіей правильнаго отправленія правосудія. Раздѣленіе властей было въ законѣ проведено настолько послѣдовательно, насколько позволяли условія времени, а судебные дѣятели старались осуществить его на практикѣ.

Но эта идея постепенно утратила значеніе непререкаемаго догмата. Законодательство прямо и сознательно отказалось отъ нея при реорганизаціи (въ 1889 г.) низшихъ судебныхъ установленій, а стремленіе смягчить рѣзкое разграниченіе властей сказалось и въ жизненной практикѣ.

Такое теченіе мысли раздѣлялось и высшими представителями Министерства Юстиціи. Н. В. Муравьевъ опредѣленно формулировалъ его въ рѣчи, сказанной чинамъ министерства, при своемъ вступленіи въ должность (въ началѣ января 1894 г.). „Судебная власть есть отрасль правительственной дѣятельности на благо общее“, указывалъ Н. В. Муравьевъ, „и судебное вѣдомство есть одинъ изъ органовъ правительства. Очевидно, какъ значится, впрочемъ, и въ законахъ объ общемъ образованіи министерствъ, наша дѣятельность всегда должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства, а выполнять ее необходимо въ дружномъ единеніи съ другими органами правительства, изъ которыхъ многіе съ нами сопредѣльны и въ правѣ расчитывать на наше искреннее содѣйствіе для пользы службы Его Императорскому Величеству. Не рознь или обособленіе властей, а лишь разумная между ними солидарность, при полной самостоятельности каждой въ ея сферѣ, составляетъ ненарушимый оплотъ и благодѣтельную прочность гражданскаго порядка“.

Это же мнѣніе съ большей подробностью развито Н. В. Муравьевымъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 9 апрѣля 1894 г.,

которымъ онъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на образованіе комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, и въ которомъ излагалъ основныя начала, опредѣляющія новый порядокъ судоустройства [1]).

„Въ основу предпринимаемой реформы", говорится въ докладѣ, „должно быть положено начало незыблемаго утвержденія государственнаго характера и правительственнаго направленія суда и судебнаго вѣдомства. Мысль о такомъ характерѣ суда не нашла себѣ достаточно яснаго и опредѣленнаго выраженія въ Судебныхъ Уставахъ. Это обстоятельство, въ связи съ проведеннымъ въ Уставахъ принципомъ рѣзкаго отдѣленія суда отъ администраціи и неудачно формулированнымъ въ нихъ началомъ судейской несмѣняемости, могло быть, и дѣйствительно было истолковано въ смыслѣ намѣренія законодателя поставить представителей судебной власти въ особое, исключительное положеніе въ ряду прочихъ правительственныхъ органовъ. Выяснять очевидную ошибочность такого толкованія, конечно, нѣтъ надобности, но нельзя не сказать, что, благодаря неясности закона, оно получило нѣкоторое распространеніе въ средѣ наименѣе развитыхъ, или неправильно мыслящихъ судебныхъ чиновъ, причемъ практическимъ его послѣдствіемъ явилась извѣстная обособленность сихъ чиновъ, сопровождавшаяся нерѣдко формальнымъ отношеніемъ или безучастіемъ съ ихъ стороны къ нуждамъ другихъ правительственныхъ властей и учрежденій. Въ виду сего принятіе мѣръ къ укрѣпленію и уясненію истиннаго назначенія суда и судебнаго вѣдомства представляется необходимымъ".

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при возбужденіи вопроса о преобразованіи судебной части Н. В. Муравьевымъ руководило искреннее намѣреніе улучшить и усовершенствовать ее. Потому то и характерно, что приступая къ такой важной и лично его живо интересующей задачѣ, принимаясь за дѣло, въ которомъ онъ усматривалъ вѣнецъ и завершеніе своей долголѣтней службы правосудію, Н. В. Муравьевъ не счелъ желательнымъ или необходимымъ возвращаться къ первоначальной постановкѣ соотношенія властей, которая въ 1860-хъ годахъ

---

[1]) Объяснительная записка къ проекту новой редакціи Учрежденія Судебныхъ Установленій, т. I, стр. 70 (1900 г.).

казалась единственно-разумной и цѣлесообразной. Наилучшее разрѣшеніе задачи онъ искалъ въ чемъ то другомъ, въ созданіи правилъ, обезпечивающихъ „солидарное“ дѣйствіе властей, въ устраненіи рѣзкой ихъ обособленности.

И дѣйствительно, въ числѣ главныхъ основаній предполагаемаго судоустройства комиссіей 1894 г. выставлено „начало правительственнаго значенія суда“. Въ поясненіе къ этому новому принципу въ объяснительной запискѣ приведены слѣдующія мысли: „Задача судебной части“, говорится тамъ, „настолько существенна, что отправленіе ея не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію какихъ либо сословныхъ или общественныхъ единеній, но должно составлять предметъ непрестанной заботливости самаго правительства; правительство должно имѣть возможность вліять на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ цѣлаго государства“. Главнымъ средствомъ для обезпеченія суду правительственнаго значенія комиссія признала устраненіе выборнаго начала при замѣщеніи должностей по мѣстному суду. Но вліяніе этого начала сказывается и на другихъ частяхъ проекта, опредѣлявшаго соотношеніе судебныхъ установленій съ главой вѣдомства юстиціи.

Проектъ комиссіи не получилъ законодательной санкціи, и, за отсутствіемъ провѣрки его въ горнилѣ практическаго примѣненія, нельзя судить о тѣхъ очертаніяхъ, которыя пріобрѣла бы задуманная Н. В. Муравьевымъ новая организація властей при осуществленіи ея въ жизни.

Однако, тѣ же взгляды, которые представлялись Н. В. Муравьеву правильными для новаго устройства судебной части, очевидно руководили имъ и во время управленія вѣдомствомъ юстиціи, а изъ приведенныхъ выше заявленій Н. В. Муравьева видно, что, несмотря на убѣжденную преданность Судебнымъ Уставамъ, въ этомъ существенномъ вопросѣ онъ расходился со взглядами того времени, которое вызвало Уставы къ жизни.

Начало „правительственнаго значенія суда“, о необходимости утвержденія котораго въ новомъ изложеніи Судебныхъ Уставовъ говорилъ и писалъ Н. В. Муравьевъ, являлось впрочемъ, какъ можно думать, не столько программой для будущаго, сколько краткой формулой для характеристики того направленія, въ которомъ развивалось законодательство послѣ 1881 г.

Одной изъ характерныхъ чертъ его была тенденція усилить вліяніе министра юстиціи на судебныя установленія, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, какое было опредѣлено Уставами. Принципъ „независимости“ суда, о которомъ такъ заботились составители Уставовъ, приводилъ послѣдовательно къ такой организаціи судебнаго строя, при которой начальственная связь между министромъ и органами суда была ослаблена, и при которой устранялось не только вліяніе министра на отправленіе правосудія по существу, но и вмѣшательство министра даже во внѣшнюю обстановку судебнаго разбирательства. Въ законодательствѣ позднѣйшаго періода проводится начало противоположное; законъ 20 мая 1885 года предоставилъ министру обширныя права въ области дисциплинарнаго надзора за чинами судебнаго вѣдомства и фактически расширилъ предѣлы наблюденія за текущей дѣятельностью судебныхъ мѣстъ со стороны министерства, усиливъ власть старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ. Законъ 12 февраля 1887 г. уполномочилъ министра въ нѣкоторыхъ случаяхъ устранять гласность судебнаго разбирательства, т. е. предоставилъ власти министра опредѣленіе внѣшняго, однако, существеннаго условія разбирательства дѣла; закономъ 7 мая 1885 г. упрощено производство перенесенія дѣлъ изъ одного судебнаго округа въ другой, причемъ и въ этой области облегченъ починъ министра. Наконецъ, законъ 12 іюля 1889 г. предоставилъ обширныя права министру юстиціи въ области завѣдыванія единоличными органами отправленія правосудія въ городахъ, городскими судьями, и столь же обширныя министру внутреннихъ дѣлъ, которому подчинены земскіе начальники—въ уѣздахъ.

Въ это же время разрабатывались и нѣкоторые проекты, основной тенденціей которыхъ также являлось усиленіе вліянія министра юстиціи на ходъ судебныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ проектъ Н. А. Манасеина о преобразованіи кассаціоннаго Сената, основныя начала котораго представлены были Государю 6 марта 1893 года. Не входя въ подробности предположенныхъ измѣненій, отмѣтимъ, что по проекту относительно кассаціонныхъ департаментовъ министру предоставлялись права, принадлежащія ему относительно рѣшеній департаментовъ прежняго устройства, т. е. право переносить дѣла, рѣшенныя въ департаментахъ, въ Общее Собраніе. Кромѣ

того, имѣлось въ виду учредить особый „Высшій совѣстный судъ", вѣдѣнію котораго подлежали бы гражданскія дѣла, окончательно разрѣшенныя судебными установленіями. Эти окончательныя рѣшенія Высшій совѣстный судъ могъ перерѣшать, не стѣсняясь судопроизводственными постановленіями и руководствуясь не закономъ, а требованіями истинной справедливости и нравственнымъ принципомъ внутренней правды. Въ этотъ судъ должны были поступать дѣла съ Высочайшаго соизволенія, испрашиваемаго каждый разъ министромъ юстиціи. Предположенія эти явно клонились къ возстановленію дореформеннаго порядка, когда допускались всеподданнѣйшія прошенія объ отмѣнѣ рѣшеній Сената; результатомъ новаго закона явилось бы усиленіе вліянія министра, отъ котораго зависѣло все направленіе дѣла о передачѣ въ совѣстный судъ. Проектъ Н. А. Манасеина вызвалъ единодушное осужденіе со стороны всѣхъ, призванныхъ къ его критикѣ, и не былъ осуществленъ [1]).

Свѣдѣнія, приведенныя здѣсь безъ всякаго притязанія на исчерпывающую полноту, характеризуютъ ту обстановку, въ которой приходилось выступать чинамъ судебнаго вѣдомства въ годы, слѣдующіе за 1881. Вліятельная пресса того времени относилась къ нимъ недоброжелательно, и сужденія ея находили поддержку во вліятельныхъ политическихъ кругахъ; представители администраціи не рѣдко отзывались о нихъ почти какъ о врагахъ государственнаго порядка; въ законодательствѣ того времени преобладали начала, не сходныя съ тѣми, на которыхъ основаны Уставы, и соотвѣтственно съ этимъ складывалась практика центральнаго вѣдомства. Естественно, что такая перемѣна въ воззрѣніяхъ была особенно ощутительной для лицъ,

---

[1]) Какъ проектъ такъ и сужденія критиковъ напечатаны въ XI томѣ „Подготовительныхъ матеріаловъ", изданныхъ комиссіей для пересмотра законодательства по судебной части. Онъ является нѣсколько запоздалымъ отголоскомъ мыслей, которыя проповѣдывались „Московскими Вѣдомостями" (1884 г. №№ 15 и 24, см. выше).

Слѣдуетъ напомнить, что вскорѣ послѣ введенія судебной реформы кн. Долгорукій, стоявшій въ то время во главѣ комиссіи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, ввелъ въ дѣлопроизводствѣ комиссіи нѣчто вродѣ процессуальныхъ состязательныхъ порядковъ при разборѣ жалобъ, на судебныя мѣста приносимыхъ. Кн. Долгорукій желалъ санкціонировать этотъ порядокъ, но Комитетъ Министровъ этому воспротивился, не желая придавать комиссіи характера инстанціи, стоящей надъ Сенатомъ. Проекты учрежденія такой инстанціи, т. е. совѣстнаго суда, въ смыслѣ предположенія Н. А. Манасеина, возникали не разъ. См. Исторія Прав. Сената за 200 лѣтъ, т. III, стр. 238 и слѣд.

посвятившихъ себя служенію правосудію еще въ первые годы дѣйствія новаго судебнаго порядка и сохранившихъ вѣру въ свои прежніе идеалы; естественно, что новое направленіе вызывало осужденіе съ ихъ стороны.

Предпославъ эти общія замѣчанія, остановимся на законодательныхъ мѣропріятіяхъ, коснувшихся нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ судоустройства и судопроизводства, а именно—ограниченія несмѣняемости судей, ограниченія гласности уголовнаго процесса, сокращенія компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей и, наконецъ, реформы 12 іюля 1889 г. [1]).

IX. Ограниченіе несмѣняемости судей.

Стремясь обезпечить независимость новыхъ судовъ, Уставы совершенно опредѣленно провозгласили начало несмѣняемости судей. Оно выразилось въ томъ 1) что чины судебныхъ мѣстъ не могутъ быть увольняемы и перемѣщаемы безъ ихъ согласія и прошенія (ст. 243 Учр. Суд. Уст.), 2) что удаленіе ихъ отъ должности должно происходить не иначе, какъ по суду за преступленія и проступки, предусмотрѣнные въ Уложеніи о Наказаніяхъ, 3) что преданіе суду, равно какъ наложеніе на нихъ взысканій за маловажныя нарушенія по должности, можетъ послѣдовать не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла особымъ дисциплинарнымъ порядкомъ въ общемъ собраніи всѣхъ отдѣленій или департаментовъ того судебнаго мѣста, въ непосредственномъ подчиненіи котораго они состоятъ (ст. 270—293) [2]).

Этими правилами дѣйствительно достигалась несмѣняемость, ибо единственнымъ основаніемъ для удаленія судьи отъ должности, противъ его воли, былъ судебный приговоръ [3]). Но не-

[1]) Эти законодательные акты не разъ подвергались оцѣнкѣ въ литературѣ. Наиболѣе извѣстными сочиненіями въ этой области являются различныя статьи Г. Джаншіева, книга І. В. Гессена „Судебная реформа“ (СПБ., 1904 г.) и работа проф. М. П. Чубинскаго „Судьба судебной реформы“ (Статьи и рѣчи, т. II, стр. 199 и слѣд.).—Въ послѣдующемъ очеркѣ не затронуты вовсе мѣропріятія, касающіяся адвокатуры, изложенныя въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Судебные Уставы, въ изд. Государственной Канцеляріи, ч. 3, стр. XXXVI.

[3]) „Дѣйствовавшая до ст. 295[2] Учр. Суд. Уст. статья 243 давала русскимъ судьямъ единственное положеніе въ Европѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была вызывать на нашу несмѣняемость справедливый укоръ, что подъ нее можетъ укрыться и недостойный

смѣняемость должностного лица была явленіемъ весьма непривычнымъ въ нашей государственной жизни [1]), и вполнѣ понятно, что въ первое время дѣйствія Уставовъ на этой почвѣ возникали недоразумѣнія. Въ случаяхъ недовольства поведеніемъ судей или результатомъ какого-либо рѣшенія возникалъ иногда вопросъ объ изгнаніи со службы „провинившагося" судьи. Такъ, напр., по настояніямъ П. А. Валуева едва не былъ смѣщенъ предсѣдатель Петербургскаго окружного суда Г. Н. Мотовиловъ послѣ оправдательнаго приговора, вынесеннаго Жуковскому и Пыпину (редактору „Современника"), и съ трудомъ Замятнинъ отстоялъ тогда Мотовилова. Этой же судьбѣ чуть было не подвергся сенаторъ Любощинскій, вызвавшій недовольство рѣчью, произнесенной въ петербургскомъ земскомъ собраніи. Объ этихъ событіяхъ много говорили въ то время [2]) и нельзя сомнѣваться въ томъ, что намѣреніе уволить существовало. Слѣдуетъ, впрочемъ, обратить вниманіе и на то, что намѣреніе это не было осуществлено.

Гораздо болѣе существенною представляется мѣра, принятая гр. Паленомъ съ цѣлью парализовать несмѣняемость судебныхъ слѣдователей. Въ виду недостатка подготовленныхъ людей и необходимости замѣщать должности слѣдователей начинающими дѣятелями, гр. Паленъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе замѣнять слѣдователей особыми чиновниками, командированными отъ министерства для производства слѣдствій. Эти лица не пользовались несмѣняемостью и могли быть удаляемы и переводимы, если оказывались неспособными [3]). На другія должности такой порядокъ замѣщенія не былъ распространенъ.

судья, такъ какъ статьи Уложенія о Наказаніяхъ далеко не предусматриваютъ всѣхъ случаевъ, когда судья становится неспособнымъ или подозрительнымъ". А. В. Завадскій. Несмѣняемость судьи и его независимость. Казань, 1903 г., стр. 7.

[1]) Въ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи Учр. Суд. Уст. т. II, стр. 286, указывается, что зачатки начала несмѣняемости содержатся въ Манифестѣ и Положеніи 6 декабря 1831 г. о службѣ по дворянскимъ выборамъ, по разуму которыхъ лица, служащія по выборамъ, могутъ быть удалены не иначе, какъ по приговору судебнаго мѣста и что, согласно разъясненію Сената (въ 1851 г.), увольненіе чиновниковъ безъ ихъ просьбы не распространяется на лицъ, состоящихъ на выборной дворянской службѣ. Однако, это правило примѣнялось къ очень узкому кругу лицъ, и ни у кого не было увѣренности въ его соблюденіи.

[2]) См. І. В. Гессенъ. Судебная реформа, стр. 135, 141. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ, стр. 432. „Вѣстникъ Европы", 1884 г. III. Изъ общественной хроники, стр. 410 и слѣд.

[3]) Министерство Юстиціи за сто лѣтъ, стр. 126 (СПБ., 1902 г.).

Но озабочиваясь укрѣпленіемъ независимости судей, составители Уставовъ упустили, однако, изъ вида одинъ случай, при которомъ оказывалось возможнымъ удаленіе судьи безъ его согласія, а именно, случай оставленія за штатомъ, въ виду упраздненія соотвѣтствующей должности. Вѣроятно о такой комбинаціи позабыли, а между тѣмъ, на практикѣ къ этой мѣрѣ пришлось прибѣгать, такъ какъ расчетъ количества нѣкоторыхъ должностей для различныхъ мѣстностей оказался неправильнымъ. 19 апрѣля 1871 года упразднены въ Симферопольскомъ судѣ должности товарища предсѣдателя и трехъ членовъ окружного суда, прибавленныя къ Одесскому суду; 3 апрѣля 1873 г. въ Одесскомъ окружномъ судѣ упразднены именно эти должности и прибавлены въ Елисаветградскомъ судѣ; 30 мая 1878 года упразднены окружные суды Устюженскій и Бѣлозерскій, и взамѣнъ открытъ окружный судъ въ Череповцѣ; 19 мая 1883 г. въ восьми окружныхъ судахъ упразднено по одной должности члена суда, а въ трехъ—по двѣ; 12 іюля 1884 г. упразднены должности предсѣдателя департаментовъ и члена палаты въ Казанской палатѣ, и одного члена палаты—въ Саратовской, и т. д. [1]). Въ этихъ случаяхъ увольненіе было произведено въ законодательномъ порядкѣ и Государственный Совѣтъ, признавая, что несмѣняемость судей не можетъ служить препятствіемъ къ упраздненію излишнихъ должностей, тѣмъ не менѣе всякій разъ указывалъ на нѣкоторое несоотвѣтствіе оставленія за штатомъ началу несмѣняемости судей и отмѣчалъ необходимость разработки подробныхъ правилъ о порядкѣ примѣненія этой мѣры. Проектъ этихъ правилъ былъ разработанъ комиссіей по пересмотру законоположеній по судебной части и получилъ силу закона 6 марта 1900 г. (П. С. З., № 18.238). — (Ст. 231^{1} — 231^{3} Учр. Суд. Уст.; см. также законъ 24 ноября 1902 г., ст. 231^{4}).

Увольненія же судей въ порядкѣ дисциплинарномъ Судебные Уставы въ первоначальной своей редакціи вовсе не допускали. Единственною мѣрою дисциплинарнаго взысканія было только предостереженіе (ст. 264 Учр. Суд. Уст. въ редакціи 1864 г.). Три предостереженія, полученныя въ теченіе одного и того же года, могли повлечь за собою, въ случаѣ совершенія

[1]) Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ этого рода имѣются въ дѣлахъ Департамента Законовъ 1885 г. № 20 и 1897 г. № 16.

четвертаго проступка, преданіе уголовному суду (ст. 293 Учр. Суд. Уст., изд. 1864 г.). Однако, судъ въ свою очередь могъ приговорить только къ предостереженію, если за данный проступокъ въ законѣ не было положено болѣе строгаго наказанія. Министру юстиціи, въ области дисциплинарнаго надзора, не было предоставлено никакихъ полномочій. Въ связи съ этимъ и общій надзоръ за дѣятельностью судебныхъ учрежденій былъ организованъ въ томъ смыслѣ, что былъ врученъ судебнымъ же коллегіямъ, слѣдующихъ по іерархіи инстанцій.

Сущность надзора, по первоначальной мысли Уставовъ, опредѣлялась ст. 249 и 250 Учр. Суд. Уст. (изд. 1864 г.) и статьи эти вызывали на практикѣ различное толкованіе. Несомнѣнно, что и дѣйствія судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, совершенныя въ порядкѣ судопроизводства, подлежатъ „надзору", и дѣятельность высшихъ инстанцій заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ провѣркѣ дѣйствій подвѣдомыхъ учрежденій и въ признаніи ихъ соотвѣтствующими или несоотвѣтствующими законамъ. Эта дѣятельность, на первый взглядъ, представляется вполнѣ тождественною съ той, которая предусматривалась ст. 250, и поэтому высказывались иногда сужденія, что ст. 249 и 250 Учр. Суд. Уст. выражаютъ только общее правило, а дальнѣйшее его развитіе имѣется въ подлежащихъ статьяхъ уставовъ судопроизводства. Но Сенатъ, очень подробно разсмотрѣвъ вопросъ о предѣлахъ надзора (рѣш. Общаго Собранія 1880 г. № 25, на 16 страницахъ), установилъ, что наблюденіе за дѣйствіями подчиненнаго учрежденія имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ оцѣнка, дѣлаемая дѣйствію, дошедшему до высшаго мѣста въ порядкѣ судопроизводственномъ. Первое распространяется на всю служебную дѣятельность подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; послѣдней подвергаются только тѣ ихъ дѣйствія, которыя дошли до высшаго мѣста, въ случаяхъ и порядкѣ, опредѣленныхъ судопроизводственными уставами. Первое составляетъ обязанность надзирающаго мѣста и лежитъ на его отвѣтственности, второе—вызывается причинами случайными, зависящими отъ воли сторонъ.

Надзоръ такого характера, по мнѣнію составителей Уставовъ, обусловливаетъ независимость судебной власти; строгая дисциплина и охраненіе внутренняго порядка, внѣ всякаго подчиненія личнаго, возвышаетъ значеніе и достоинство суда.

Сущность понятія надзора не находилась въ зависимости отъ осуществлявшаго его субъекта, судебной ли палаты или Сената, безъ различія. Единоличные субъекты права надзора, т. е. прокуроры, предсѣдатели судебныхъ мѣстъ и министръ юстиціи, съ предложеніями о принятіи мѣръ къ устраненію безпорядковъ должны были обращаться къ подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ.

Такимъ образомъ, по Уставамъ, надъ судебными учрежденіями могли „надзирать" лишь судебныя же мѣста высшихъ инстанцій, и единоличной власти по надзору, въ сущности, не было. Министръ юстиціи могъ только предлагать предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ принять мѣры къ отвращенію накопленія дѣлъ, медленности или остановки въ дѣлахъ и представить объясненія о причинахъ непорядка (ст. 255); практически важнымъ являлось его право производить ревизіи и поручать обозрѣніе дѣлопроизводства разнымъ лицамъ (см. выше), но такого рода вмѣшательство носило характеръ мѣры чрезвычайной.

Вопросъ объ усиленіи надзора за дѣятельностью судебныхъ учрежденій и въ особенности за персоналомъ послѣднихъ, т. е. объ усиленіи дисциплинарной отвѣтственности судей, возникъ въ связи съ составленіемъ проекта общаго наказа судебнымъ установленіямъ. Въ 1866 году Государственный Совѣтъ призналъ преждевременнымъ изданіе окончательнаго наказа, и тогда были утверждены „временныя правила внутренняго распорядка въ судебныхъ установленіяхъ" (5 марта), и лишь черезъ 10 лѣтъ послѣ изданія Уставовъ, въ 1874 г., Министерство Юстиціи приступило къ выработкѣ проекта наказа. Для этой цѣли было образовано особое совѣщаніе изъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ нѣкоторыхъ судебныхъ палатъ подъ предсѣдательствомъ сенатора А. Н. Шахова. Совѣщаніе намѣтило рядъ вопросовъ, возникшихъ въ практикѣ и подлежащихъ разрѣшенію въ наказѣ. Эти вопросы были разосланы старшимъ предсѣдателямъ палатъ для обсужденія совмѣстно съ прокурорами и приглашенными для этого судебными чинами. Въ числѣ этихъ вопросовъ было три, которые, какъ признавало Министерство, въ сущности, выходили изъ предѣловъ наказа и подлежали разрѣшенію въ законодательномъ порядкѣ, но Министерство желало получить мнѣніе о нихъ судебныхъ дѣятелей. Вопросы эти касались: IX—надзора судебныхъ мѣстъ за частной дѣятельностью судей, касающейся обязанностей службы и несовмѣстной съ званіемъ судьи;

X—значенія и формы предостереженій и, наконецъ, XI—порядка возбужденія и разсмотрѣнія дисциплинарныхъ производствъ. По этимъ предметамъ въ составѣ совѣщанія подъ предсѣдательствомъ сенатора Шахова были высказаны различныя мнѣнія [1]).

Совѣщанія судебныхъ дѣятелей на мѣстахъ отнеслись съ большой осторожностью именно къ этимъ вопросамъ. Не во всѣхъ проектахъ наказа, поступившихъ въ министерство изъ палатъ, намѣченные пункты разобраны съ одинаковою подробностью, и должно признать, что вообще совѣщанія не проявили стремленія къ усиленію формъ надзора и дисциплинарной отвѣтственности. Такъ, напр., по проекту Саратовской палаты, въ которомъ указанные выше вопросы получили довольно полное освѣщеніе, надзоръ за стройнымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ и за исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей ввѣряется предсѣдателю соотвѣтствующаго судебнаго мѣста. Ему предоставляется дѣлать „напоминанія", причемъ обязательно въ письменной формѣ. Послѣдняя вводилась именно для того, чтобы предсѣдатель не могъ „доставлять себѣ жалкаго удовольствія важничать передъ своими сослуживцами и публикой", и чтобы не было соблазна „для такихъ проявленій высокомѣрія и ничтожества" [2]). Общему собранію судебнаго мѣста предоставлялось подтверждать напоминаніе, если получившій таковое не былъ согласенъ съ этимъ взысканіемъ, и право возбуждать дисциплинарныя производства. Для возстановленія нарушеннаго порядка проектъ наказа нѣсколько увеличивалъ права надзора высшей инстанціи, предоставленныя ей по Уставамъ (ст. 250 Учр. Суд. Уст., редакціи 1864 г.), но эти права сохранялъ за коллегіей судей, не передавая ихъ единоличнымъ органамъ судебнаго управленія. Наконецъ, разбираемый проектъ наказа признавалъ существенно необходимымъ учрежденіе особаго суда чести для надзора за частной дѣятельностью судей; ему поручалось разсматривать дѣйствія судей, противныя правиламъ чести и достоинству его званія, совершенныя публично или сдѣлавшіяся гласными. Такой коллегіей должно было быть,

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о составленіи проекта наказа имѣются въ „Подготовительныхъ матеріалахъ" (т. VIII ч. 1), изданныхъ комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части, въ которыхъ перепечатаны всѣ сколько нибудь существенные документы изъ подлиннаго дѣла Министерства Юстиціи.

[2]) Цит. томъ (VIII ч. I) Матеріаловъ, стр. 397.

по мысли проекта, общее собраніе судебнаго мѣста; обвиненіе должно было быть возбуждено не менѣе чѣмъ третью всего состава суда, и рѣшеніе могло выражаться въ формахъ предостереженія, порицанія или признанія поступка судьи противнымъ правиламъ чести и достоинству судьи, съ предложеніемъ Правительствующему Сенату объ удаленіи виновнаго отъ должности [1]). Но меньшинство комиссіи Саратовской палаты, составлявшей проектъ наказа, возражало противъ такого института, усматривая въ немъ посягательство на самостоятельность судей и опасаясь произвола со стороны случайнаго или искусственнаго большинства коллегъ лица, подлежавшаго суду чести.

Старшій предсѣдатель С.-Петербургской палаты представилъ въ образованную при палатѣ комиссію проектъ устава дисциплинарнаго суда. Онъ исходилъ изъ мысли, что порядокъ, предусмотрѣнный въ Судебныхъ Уставахъ, недостаточенъ, и предлагалъ дополнить имѣвшіяся въ общемъ Учрежденіи Судебныхъ Установленій правила. Въ этомъ проектѣ предусматривалось удаленіе судей отъ должности, „вслѣдствіе доказанной неспособности къ удовлетворительному исполненію служебныхъ обязанностей“ и за получившіе гласность предосудительные „несоотвѣтствующіе судебному достоинству поступки“. Поводами къ возбужденію дисциплинарнаго производства, сверхъ указанныхъ уже въ законѣ, могли служить предложенія старшаго предсѣдателя того мѣста, которому подвѣдомо возбужденіе дисциплинарнаго производства, а сужденіе этихъ дѣлъ сохранялось за тѣми инстанціями, которымъ оно предоставлено было по Уставамъ [2]). Комиссія нашла, что положенныя въ основаніе проекта начала „составляютъ нарушеніе судейской несмѣняемости судей и вторженіе въ ихъ частную жизнь, не вызываемыя никакою настоятельною необходимостью; посему и за недостаткомъ времени къ разсмотрѣнію проекта приступлено не было“ [3]).

Совѣщательная комиссія при Харьковской палатѣ, затронувъ нѣкоторыя детали дисциплинарнаго производства, рѣшила не касаться вопроса о надзорѣ за частной дѣятельностью судей, признавъ, что въ дѣйствовавшемъ законѣ установлены достаточ-

[1]) „Подготовительные матеріалы, изд. комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части“, т. VIII, ч. 1, стр. 624 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 711.

[3]) Тамъ же, стр. 746.

ныя правила [1]). Вполнѣ аналогичный взглядъ высказанъ и большинствомъ комиссіи Казанской судебной палаты.

Разсмотрѣніе всего матеріала касательно наказа, поступившаго въ министерство, сперва было возложено на И. Я. Голубева, занимавшаго въ то время должность оберъ-прокурора Гражданскаго кассаціоннаго департамента, а затѣмъ для этой цѣли была образована по Высочайшему повелѣнію, 30 мая 1880 г., особая комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Розинга. Нѣкоторые изъ вопросовъ, намѣченныхъ при собираніи матеріаловъ, министерство признало необходимымъ разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ. Сюда относились правила о распредѣленіи личнаго состава судебныхъ мѣстъ по департаментамъ и отдѣленіямъ, о періодическомъ перемѣщеніи членовъ изъ одного отдѣленія въ другое, о составѣ общихъ собраній судовъ и палатъ и, главнымъ образомъ, реформа существовавшаго въ то время порядка надзора и дисциплинарной отвѣтственности судей.

Въ представленіи Министерства Юстиціи, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ 31 марта 1884 г., былъ поставленъ вопросъ объ организаціи надзора высшихъ инстанцій за низшими и объ усиленіи власти предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, въ частности—старшихъ предсѣдателей палатъ [2]). Статья 250 Учр. Суд. Уст. въ редакціи 1864 г., какъ указывалось въ этомъ представленіи министра, въ практикѣ утратила всякое значеніе, ибо ей было придано такое толкованіе, что надзоръ высшихъ инстанцій „ограничивается исправленіемъ нарушеній и упущеній, усмотрѣнныхъ высшей инстанціей по дѣламъ, дошедшимъ до нея въ порядкѣ судопроизводства, и что общія разъясненія высшею инстанціей по какому либо другому поводу ошибокъ, въ которыя впадаютъ нерѣдко низшіе суды, не можетъ имѣть мѣста". Такое толкованіе лишаетъ надзоръ всякаго практическаго смысла, такъ какъ онъ сводится только къ обряду апелляціи, т. е., къ праву апелляціонной инстанціи измѣнять рѣшенія суда первой степени [3]). Министерство предложило точнѣе опредѣлить содержаніе правъ надзора, предоставленныхъ высшей инстанціи,

---

[1]) „Подготовительные матеріалы", т. VIII, ч. 1, стр. 927.

[2]) См. дѣло Гос. Совѣта, Департаментъ Законовъ, 1885 г., № 26.

[3]) Представленіе министра юстиціи 1884 г. № 8878, стр. 14. Это положеніе объяснительной записки не вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу приведеннаго выше рѣшенія Общаго Собранія касс. департ. 1880 г. № 25.

и проектированная имъ новая (дѣйствующая и понынѣ) редакція ст. 250 была одобрена Государственнымъ Совѣтомъ.

Второй мѣрой въ этомъ направленіи было усиленіе правъ предсѣдателей судовъ и, въ особенности, старшихъ предсѣдателей палатъ, т. е. дополненіе ст. 251 Учр. Суд. Уст. Однако министерство полагало отложить осуществленіе этой мѣры въ полномъ объемѣ до разрѣшенія вопроса о порядкѣ надзора за мировыми судьями, разрабатывавшагося въ то время въ министерствѣ, и считало достаточнымъ предоставить предсѣдателямъ право производить обозрѣніе дѣлопроизводства отдѣленій судовъ или департаментовъ палаты и право предлагать на обсужденіе палаты доходящія до него свѣдѣнія объ упущеніяхъ или отступленіяхъ отъ законнаго порядка со стороны окружныхъ судовъ и подвѣдомственныхъ послѣднимъ должностныхъ лицъ. Установивъ при томъ, что надзоръ этотъ распространяется и на судей, министерство признавало, что слѣдовало бы предсѣдателямъ каждаго судебнаго мѣста предоставить всѣ права надзора, въ томъ числѣ и право требовать отъ членовъ объясненій, по предметамъ до служебныхъ обязанностей относящимся. Въ предоставленіи старшему предсѣдателю палаты права надзора относительно всѣхъ мѣстъ и лицъ округа, министръ усматривалъ мысль, согласную съ духомъ Уставовъ, и лучшее средство для децентрализаціи надзора, сосредоточеннаго въ лицѣ министра юстиціи. Однако, осуществленіе именно этого предположенія министръ считалъ необходимымъ отложить.

Но Государственный Совѣтъ пошелъ дальше; соглашаясь на тѣ измѣненія, которыя предлагались министромъ, онъ сверхъ того, призналъ необходимымъ усилить именно власть старшаго предсѣдателя. Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ по этому предмету, между прочимъ, сказано слѣдующее:... „подобную власть (устранять безпорядки, дѣлать указанія, напоминанія и передавать поступки на обсужденіе дисциплинарной инстанціи) въ округѣ каждой судебной палаты всего умѣстнѣе ввѣрить старшему ея предсѣдателю, который, въ силу принадлежащаго ему первенствующаго положенія въ судебной іерархіи и нахожденія во главѣ высшей на мѣстѣ инстанціи, пользуется особымъ авторитетомъ въ глазахъ всѣхъ прочихъ судебныхъ чиновъ. Дѣлая извѣстныя распоряженія, онъ можетъ съ увѣренностью расчитывать, что предъявленныя имъ требованія встрѣтятъ поддержку

со стороны судебной палаты, когда въ томъ окажется надобность". Соединенные Департаменты не считали необходимымъ откладывать эту мѣру до пересмотра порядка надзора за мировыми судьями, и проектированная ими редакція ст. 251 получила санкцію [1]).

Но самымъ серьезнымъ, съ принципіальной точки зрѣнія, пунктомъ въ предполагаемыхъ измѣненіяхъ было усиленіе дисциплинарной отвѣтственности судей. Министръ юстиціи опредѣленно подчеркивалъ недостаточность правилъ Судебныхъ Уставовъ по этому предмету и, ссылаясь на примѣры нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ, настаивалъ на усиленіи ихъ. Министерство предлагало прежде всего дополненіе перечня допускаемыхъ Уставами мѣръ дисциплинарныхъ взысканій еще двумя новыми видами—удаленіемъ судей и перемѣщеніемъ ихъ на другую должность. Право наложенія этихъ взысканій, по его проекту, оставалось за тѣми же инстанціями, которыя налагали и остальныя, но съ той разницей, что свои рѣшенія объ удаленіи или перемѣщеніи судебная палата обязывалась представлять на утвержденіе Сената и о всякомъ рѣшеніи, состоявшемся въ дисциплинарномъ порядкѣ, сообщать министру юстиціи. Отъ министра зависѣло поднять вопросъ объ удаленіи или перемѣщеніи судей и передавать его на обсужденіе Сената, если палата, несмотря на важность нарушенія, ограничилась назначеніемъ виновному предостереженія. Контроль министра представлялся желательнымъ для введенія единообразія въ примѣненіи дисциплинарныхъ мѣръ. Затѣмъ, постановленія Сената должны были быть сообщаемы для исполненія министру юстиціи, а о дѣлахъ, подлежащихъ непосредственному вѣдомству Сената, должны быть представляемы на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Проектомъ измѣнялся и составъ высшей дисциплинарной коллегіи. Общее Собраніе кассаціонныхъ департаментовъ, по мнѣнію министра, было слишкомъ многочисленнымъ собраніемъ, а Соединенное Присутствіе, напротивъ, слишкомъ малочисленнымъ. Поэтому министръ остановился на мысли объ образованіи еще одного присутствія въ составѣ Сената, подъ наименованіемъ „Высшаго дисциплинарнаго суда". Наконецъ, проектомъ

---

[1]) Законъ 15 іюня 1912 г. этотъ надзоръ старшихъ предсѣдателей распространилъ и на мировыя судебныя установленія.

устранялась гласность дисциплинарнаго производства, первоначальной редакціей Уставовъ допускавшаяся въ нѣкоторыхъ предѣлахъ по требованію обвиняемаго [1]), и отмѣнялось право обжалованія дисциплинарныхъ рѣшеній. Въ ст. 295 Учр. Суд. Уст. проектировалось также нѣкоторое измѣненіе въ томъ смыслѣ, что предусматривалась возможность удаленія отъ должности судьи не только тогда, когда онъ подвергся наказанію за какое либо уголовное преступленіе, не относящееся къ службѣ, но и тогда, когда онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за него въ уголовномъ порядкѣ; однако, къ наложенію этой мѣры Высшій дисциплинарный судъ могъ приступить только по предложенію министра юстиціи. Таковы, въ существенныхъ чертахъ, предположенія министерства объ усиленіи дисциплинарной отвѣтственности судей. Въ объясненіяхъ къ проекту упомянуто и мнѣніе, высказанное въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ сенатора Шахова о томъ, что судьи должны подлежать удаленію или перемѣщенію „за получившіе гласность несовмѣстимые съ достоинствомъ судейскаго званія поступки, хотя и не касающіеся служебной дѣятельности"; однако министръ не усматривалъ „побудительныхъ поводовъ къ возбужденію нынѣ вопроса о расширеніи до такой степени предѣловъ дисциплинарнаго суда" (представленіе министра, стр. 21).

Предположенія министерства подверглись значительнымъ измѣненіямъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Проектированное увеличеніе числа видовъ дисциплинарныхъ взысканій Соединенные Департаменты признали нецѣлесообразнымъ, потому что такого рода отвѣтственность можетъ наступать лишь за служебныя упущенія и не касается лицъ, которыя позорятъ носимое ими званіе своимъ поведеніемъ внѣ службы. Съ другой стороны—возбужденіе производства объ удаленіи отъ должности судей, имъ несоотвѣтствующихъ, по проекту возлага-

[1]) На неудобства гласности въ дисциплинарномъ производствѣ указывалось еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ замѣчаніяхъ о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ. Предсѣдатель Московской судебной палаты сообщалъ, напр., что одинъ чиновникъ канцеляріи, воспользовавшись предоставленнымъ ему ст. 281 Учр. Суд. Уст. правомъ, потребовалъ доклада его дисциплинарнаго дѣла при открытыхъ дверяхъ и что „собравшейся публикѣ представилось возмутившее многихъ зрѣлище подчиненнаго, только что начинающаго службу и принимающаго на себя... роль какого то мученика за принципъ самостоятельности канцеляріи... (и) 18—20 членовъ окружнаго суда должны были выслушивать въ публичномъ засѣданіи преисполненную дерзости защиту" (Сводъ замѣчаній, стр. 92).

лось на судебныя палаты относительно товарищей предсѣдателей и членовъ окружныхъ судовъ, а право подвергать судей въ дисциплинарномъ порядкѣ удаленію отъ должности было предоставлено исключительно Высшему дисциплинарному суду, рѣшеніе котораго о лицахъ, подлежащихъ непосредственно его вѣдомству, должно было быть предоставлено на Высочайшее благоусмотрѣніе. Поэтому могло бы оказаться на практикѣ, что палата постановитъ объ удаленіи судьи, а Сенатъ съ этимъ заключеніемъ не согласится, или не послѣдуетъ Высочайшаго соизволенія—тогда судья, признанный недостойнымъ носить это званіе старшею на мѣстѣ судебной инстанціей или даже высшимъ судилищемъ Имперіи, все таки останется на своей должности. Соединенные Департаменты предложили другой порядокъ, а именно — измѣнить редакцію ст.ст. 295 и 296 Учр. Суд. Уст. и распространить предусмотрѣнное тамъ увольненіе судей, впавшихъ въ несостоятельность, подвергнувшихся личному задержанію или присужденныхъ къ наказанію, на всѣ случаи, когда судья окажется виновнымъ въ служебныхъ упущеніяхъ, которыя по своей многократности свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи судьи занимаемому положенію, или когда судья совершитъ получившіе огласку предосудительные или безнравственные поступки. Такую исключительную и рѣдкую мѣру, какъ полагали Департаменты, нѣтъ основанія вводить въ видѣ общаго дисциплинарнаго взысканія и правильнѣе всего предоставить примѣненіе ея Прав. Сенату, въ качествѣ высшаго охранителя судейскаго достоинства. Вторая изъ проектированныхъ министромъ юстиціи мѣръ взысканія—переводъ судьи на другую должность—также вызвала критическія замѣчанія Департаментовъ. Они признали ее прежде всего неуравнительною, ибо тяжесть ея различна даже для лицъ, занимающихъ равное служебное положеніе, ибо переводъ изъ отдаленной мѣстности можетъ быть связанъ съ преимуществомъ для перемѣщаемаго, и, напротивъ, переводъ изъ столицы въ отдаленный городъ—будетъ тягостнымъ для переводимаго судьи. Эта мѣра, далѣе, непримѣнима къ выборнымъ мировымъ судьямъ и не всегда осуществима, если по случайнымъ обстоятельствамъ нѣтъ вакантной должности. Наконецъ, такой переводъ неизбѣжно вызываетъ сомнѣніе въ способности перемѣщаемаго судьи отправлять свои судейскія обязанности и поставитъ его въ неудобное поло-

женіе къ сотоварищамъ и къ обществу. Однако, въ виду практической необходимости иногда прибѣгать къ такого рода перемѣщеніямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда является поводъ сомнѣваться въ томъ, что данное лицо по разнымъ обстоятельствамъ, служебнымъ, имущественнымъ или общественнымъ, будетъ отправлять свои обязанности съ должнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, Департаменты все таки рѣшились ввести ее въ законъ, предоставивъ наложеніе ея Сенату.

Однако, въ виду неудобства разрѣшенія дѣлъ судебнаго управленія въ Общемъ Собраніи кассаціонныхъ департаментовъ, Соединенные Департаменты считали необходимымъ ввѣрить перемѣщеніе и удаленіе судей Высшему дисциплинарному суду, образуемому въ составѣ Сената. Самое же возбужденіе производства о перемѣщеніи судей и объ увольненіи ихъ отъ должности по поводу служебныхъ упущеній или совершенія ими не относящихся къ службѣ безнравственныхъ или предосудительныхъ поступковъ, не имѣвшихъ послѣдствіемъ привлеченіе къ судебной отвѣтственности, по мысли Департаментовъ, должно быть присвоено исключительно министру юстиціи, которому принадлежитъ общій надзоръ за лицами судебнаго вѣдомства и у котораго сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія, необходимыя для оцѣнки ихъ дѣятельности.

Слѣдуетъ отмѣтить, что Соединенные Департаменты пришли къ такому рѣшенію вопроса не сразу. Представленіе министра юстиціи обсуждалось Департаментами Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ 12 и 15 мая 1884 г. и, повидимому, обсужденіе это было признано достаточнымъ, такъ какъ былъ составленъ проектъ журнала [1]). Въ этомъ проектѣ съ большой опредѣленностью отстаивается начало независимости судей и предположенія министра характеризуются какъ „затрагивающія одно изъ коренныхъ началъ, на которыхъ зиждется у насъ зданіе новаго суда“ [2]); отмѣчено въ немъ и то, что хорошій составъ судей въ несравненно большей степени обезпечивается строгой осмотрительностью при выборѣ лицъ, облекаемыхъ высокимъ званіемъ судьи, нежели легкостью устраненія слабыхъ или недостойныхъ дѣятелей. Но такъ какъ устраненіе иногда является необходи-

[1]) См. дѣло Департамента Законовъ 1885 г. № 26.

[2]) См. указ. дѣло стр. 3/203—7/215. Въ засѣданіе были приглашены сенаторы Голубевъ, Розингъ и Саломонъ.

мымъ, то Департаменты сочли возможнымъ распространить правило ст. 295 Учр. Суд. Уст. на случаи, когда, не совершая преступленій по службѣ, влекущихъ отрѣшеніе или удаленіе отъ должности, судья находится въ возможности цѣлымъ рядомъ упущеній или неправильныхъ дѣйствій обнаружить невниманіе и пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ и тѣмъ доказать явное свое несоотвѣтствіе занимаемому положенію. Иниціатива возбужденія такого производства предоставлялась министру, а рѣшеніе вопроса — Высшему Дисциплинарному Присутствію. Но, кромѣ того, Департаменты признали желательнымъ не вводить и другой изъ проектируемыхъ нормъ—перемѣщенія въ дисциплинарномъ порядкѣ на другія должности. Но это мнѣніе Департаментовъ осталось проектомъ; черезъ годъ, весной 1885 г. [1]) они снова возвратились къ обсужденію проекта министра юстиціи, и результатомъ его оказалась сплошная переработка законопроекта на новыхъ началахъ. Это окончательное мнѣніе Департаментовъ и получило силу закона 20 мая 1885 г.

Итакъ, проектъ министра юстиціи въ частяхъ, касающихся усиленія дисциплинарной отвѣтственности, вышелъ изъ Государственнаго Совѣта въ сильно переработанномъ видѣ.

Удаленіе и перемѣщеніе судей, правда, не были введены въ общее число дисциплинарныхъ взысканій, и Совѣтъ обставилъ возбужденіе вопроса о наложеніи этихъ взысканій бо́льшими предосторожностями, чѣмъ тѣ, какія были предусмотрѣны проектомъ. Но съ другой стороны, и это гораздо существеннѣе, Совѣтъ значительно расширилъ область примѣненія этихъ мѣръ, подчинивъ контролю министра и дисциплинарнаго присутствія всю неслужебную дѣятельность судьи и его частную жизнь. Такого расширенія дисциплинарной отвѣтственности Набоковъ не только не имѣлъ въ виду, но даже, напротивъ, прямо его отвергалъ [2]).

Постановленія закона 20 мая внесли съ собою такъ много новаго въ Судебные Уставы, что естественно должны были обратить на себя вниманіе, и, судя по отзывамъ періодической пе-

---

[1]) См. въ указ. дѣлѣ 1885 г. № 26, журналъ Соединенныхъ Департаментовъ 12 и 15 мая 1884 г., 11 и 18 марта и 29 апрѣля 1885 г. Этотъ послѣдній журналъ подписанъ въ числѣ прочихъ и К. П. Побѣдоносцевымъ, не принимавшимъ участія въ обсужденіи этого вопроса въ 1884 г.

[2]) Это обстоятельство въ литературѣ не достаточно извѣстно, обыкновенно считаютъ, что ст. 295^2 была въ проектѣ Д. Н. Набокова.

чати того времени, приходится констатировать, что, за нѣкоторыми исключеніями, реформа не произвела ни на кого благопріятнаго впечатлѣнія. Одни видѣли въ ней только посягательство на основные принципы Уставовъ; другіе, наоборотъ, сѣтовали на то, что законодатель остановился на полпути и не разрушилъ окончательно начало независимости суда. Только немногіе, успокоившись отъ порожденныхъ слухами страховъ, или просто примирились съ нововведеніями, или даже привѣтствовали ихъ, какъ начало будущаго преуспѣянія нашихъ судовъ. Наиболѣе опредѣленную оцѣнку закона съ первой точки зрѣнія дали „Русскія Вѣдомости“ (1885 г. №№ 159, 166 и 169). До сихъ поръ—писала газета—единственнымъ руководителемъ судовъ были кассаціонные департаменты Сената, а теперь рядомъ съ ними создается новое единоличное руководство министра юстиціи, который „силой вещей поставленъ въ необходимость внимательно прислушиваться къ настроеніямъ минуты“. Благодаря этому, „будутъ проскальзывать въ суды, можетъ быть, благонамѣренныя по цѣли, но опасныя по существу указанія о смягченіи и модификаціи законовъ, (и) такимъ образомъ расшатывается одинъ изъ важныхъ устоевъ новаго суда—принципъ отдѣленія суда отъ администраціи“. Что касается другого нововведенія закона—учрежденія Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія, то газета замѣчала, что при неопредѣленности состава этого присутствія, при отсутствіи гласности, защиты, права апелляціи и кассаціи, гарантіи правосудія этого дисциплинарнаго суда обратно пропорціональны предоставленнымъ ему „обширнымъ, почти ничѣмъ не ограниченнымъ правомочіямъ“. „Разъ увольненіе судей будетъ происходить келейно—спрашивалъ авторъ статей,—то гдѣ же гарантія правильнаго примѣненія этой мѣры“? Въ отличіе отъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „Вѣстникъ Европы“ (1885 г. IX, внутреннее обозрѣніе) считалъ, что гарантіи эти все таки существуютъ и притомъ „далеко не лишенныя серьезнаго значенія“. Составители закона—указывалъ журналъ—могутъ быть уподоблены капитану корабля, выбрасывающему во время бури за бортъ часть груза, чтобы спасти остальное, и сохраненный ими грузъ „все еще представляетъ собой большую цѣнность“. Правда, судьба судей теперь меньше обезпечена, чѣмъ прежде, и они могутъ быть уволены отъ должности безъ суда, но все же это обставлено извѣстными гарантіями. Однѣ изъ

нихъ заключаются въ условіяхъ увольненія, установленныхъ закономъ; другія—въ самомъ порядкѣ опредѣленія этихъ условій. По смыслу закона—полагалъ журналъ—поводомъ къ увольненію могутъ быть лишь конкретные факты, а не предполагаемое настроеніе или направленіе судьи, и поэтому нельзя уволить послѣдняго „за недостаточную почтительность къ начальству, за неисполненіе необязательныхъ для него желаній или указаній, за вѣжливое, мягкое обращеніе съ подсудимыми". Равнымъ образомъ, по толкованію журнала, подъ дѣйствіе закона 20 мая не можетъ подойти судья „разъѣхавшійся съ женою", выписывающій „оппозиціонные журналы"... „несоблюдающій постовъ". Гарантіи второго рода журналъ усматривалъ въ томъ, что дисциплинарная власть ввѣрена судебной коллегіи, принадлежащей вдобавокъ къ составу Сената, т. е. учрежденію, традиціоннымъ девизомъ котораго служитъ независимость и самостоятельность убѣжденій. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ не отрицалъ, что отсутствіе гласности и защиты въ дисциплинарномъ производствѣ является „кореннымъ недостаткомъ" новыхъ правилъ. Но, повидимому, авторъ внутреннихъ обозрѣній журнала и самъ мало вѣрилъ въ прочность перечисленныхъ имъ гарантій правосудія въ Дисциплинарномъ Присутствіи и въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ призналъ, что послѣ закона 20 мая о несмѣняемости судей „не можетъ быть уже и рѣчи". (1885 г. XII, стр. 863). Такую же буквально оцѣнку закона далъ, девять лѣтъ спустя, „Кіевлянинъ" (1894 г. № 175). Въ законѣ—по словамъ этой газеты—„гарантіи судейской независимости низведены къ весьма малой величинѣ"; благодаря ему была открыта „излишне широкая возможность для личнаго усмотрѣнія мѣстной и высшей судебной администраціи, и поэтому въ министерство Манасеина принципъ несмѣняемости считался какъ бы отмѣненнымъ".

Съ совершенно инымъ критеріемъ подходили къ новымъ правиламъ о дисциплинарной отвѣтственности судей органы консервативной печати. Черезъ нѣсколько дней послѣ опубликованія закона 20 мая „Московскія Вѣдомости" (1885 г. № 145) писали, что при улучшеніи нашей судебной части „палліативныя средства" не пригодны. „Наши суды, а вмѣстѣ съ ними и все государство—говорилось въ статьѣ—могутъ быть спасены рѣшительнымъ лѣченьемъ, имѣющимъ въ виду возста-

новленіе здоровья государственнаго организма, а не соблюденіе отжившихъ свой вѣкъ доктринъ". Правда, въ статьѣ совершенно не упоминалось о несмѣняемости судей, но едва ли можно сомнѣваться, что съ точки зрѣнія газеты „рѣшительное лѣченіе" должно было быть примѣнено и къ этому началу Уставовъ [1]).

Между тѣмъ данный законъ былъ какъ разъ палліативомъ. Всѣ измѣненія, внесенныя имъ, представлялись, напр., кн. Мещерскому [2]) „новой попыткой не только сохранить независимость судебнаго вѣдомства, но показать эту независимость quand même, похвастаться ею". По словамъ автора, съ изданіемъ этого закона положеніе дѣлъ измѣнилось даже къ худшему. Прежде— говорилъ онъ—министръ юстиціи могъ „съ грѣхомъ пополамъ... разными личными объясненіями довести члена суда до признанія нужнымъ оставить мѣсто, а теперь... (послѣдній) можетъ сказать; „вы ничего не смѣете... я несмѣняемъ". Съ точки зрѣнія кн. Мещерскаго, такъ именно должны были сказаться послѣдствія врученія закономъ дисциплинарной власти Сенату, предъ которымъ, по мнѣнію автора, министръ юстиціи являлся какимъ то подчиненнымъ чиновникомъ. Дисциплинарное Присутствіе въ правѣ не уважить каждое его представленіе и министръ долженъ будетъ подчиниться этому и такимъ образомъ свидѣтельствовать всенародно „о безсиліи и безвластіи высшаго правительства передъ Сенатомъ". Мало того, по волѣ послѣдняго отдѣльныя должностныя лица могутъ оставаться въ министерствѣ вопреки желанію министра и проводить при этомъ тотъ образъ дѣйствій, который былъ признанъ имъ неправильнымъ. Не ограничиваясь этой отрицательной критикой закона, кн. Мещерскій со своей стороны предложилъ, чтобы „сбавить спѣси съ судовъ", направлять всѣ представленія о наградахъ чиновъ судебнаго вѣдомства не иначе, какъ черезъ губернаторовъ.

Но въ то время, какъ для кн. Мещерскаго передача дисциплинарной власти Сенату являлась лишь опаснымъ нововведеніемъ, другіе находили, что только благодаря этому можетъ быть достигнуто очищеніе магистратуры отъ нежелательныхъ эле-

---

[1]) „Не можетъ быть превратнѣе мнѣнія—писала раньше газета—будто правительство не обязано имѣть надзоръ надъ судами, регулировать ихъ дѣйствія, заботиться объ очищеніи ихъ персонала" (1882 г. № 119).

[2]) Гражданинъ, 1885 г. № 43, стр. 13 и 14.

ментовъ. „Во главѣ дисциплинарнаго суда—писалъ „Наблюдатель“ (1885 г. VI) [1] — ставится коллегія, состоящая изъ лицъ, вполнѣ независимыхъ по своему положенію и хорошо знакомыхъ съ духомъ Судебныхъ Уставовъ, а не министерская канцелярія съ ея своеобразными понятіями о личномъ достоинствѣ. Можно (поэтому) надѣяться, что коллегія не измѣнитъ добрымъ преданіямъ новаго суда...(и) судебный персоналъ очистится отъ нѣкоторыхъ вредныхъ примѣсей“. „Министерскому усмотрѣнію— говорили „Колосья“ (1885 г., VI), новыми правилами не дано того простора, о которомъ мечтали приватные реформаторы... Организація дисциплинарнаго суда обставлена болѣе точными и болѣе внушительными опредѣленіями (и) составъ его служитъ обезпеченіемъ судей отъ возможности произвола“. Замѣтныя въ этихъ двухъ послѣднихъ статьяхъ ноты одобренія новаго закона не остались одинокими въ нашей литературѣ. Анализируя подробно важнѣйшія постановленія закона 20 мая, Я. Городыскій [2]) указывалъ, что, создавая этотъ законъ, законодатель стремился установить „вполнѣ цѣлесообразный и дѣйствительный надзоръ за судебными мѣстами и лицами...усилить въ дисциплинарномъ порядкѣ репрессію противъ тѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, которые могутъ дѣлать упущенія по исполненію своихъ обязанностей, очищать магистратуру... отъ людей, которые могутъ позорить высокое званіе судьи“... И всякій—прибавлялъ авторъ, кто искренне преданъ судебному дѣлу и не преслѣдуетъ „на поприщѣ отправленія правосудія своихъ только личныхъ выгодъ“, долженъ признать, что подобная цѣль законодателя вполнѣ соотвѣтствуетъ правильному судоустройству. Авторъ не отрицаетъ, что въ данномъ случаѣ цѣль эта не вполнѣ достигнута. По его признанію, нѣкоторыя изъ статей закона 20 мая заключаютъ въ себѣ неудачныя положенія,..страдаютъ неясностью и неопредѣленностью“, но во всякомъ случаѣ, это—недостатокъ закона „не по идеѣ, а по ея развитію“. Еще категоричнѣе подчеркивалъ положительныя стороны закона Н. В. Муравьевъ [3]).

---

[1]) Ср. также „Новое Время“ 1885 г. № 3322.

[2]) Я. Городыскій. Законъ 20 мая 1885. Журн. Гражд. и Угол. Права 1885 г., 10, стр. 81—198.

[3]) Н. Муравьевъ. О судебной службѣ. Юрид. Вѣстникъ 1886 г. кн. 9 и 10, стр. 63—99, 241—262. Печатая эту статью, редакція журнала оговорила, что по ея мнѣнію „законъ 20 мая 1885 г. нуждается въ болѣе строгой критикѣ“.

„Практика —говорилъ онъ—выдвинула требованія упорядоченія", дисциплины болѣе строгой и дѣйствительной, а главное быстрѣе и удобнѣе осуществляемой...Но вызванное необходимостью усиленіе надзора и дисциплины нельзя считать нарушеніемъ... самостоятельности суда и независимости судьи". Послѣднія проявляются главнымъ образомъ въ несмѣняемости судей и внутреннемъ самоуправленіи судовъ. Смыслъ несмѣняемости въ теперешней ея постановкѣ заключается, по мнѣнію автора, лишь въ томъ, „что судья можетъ безмятежно отправлять свои обязанности и пользоваться преимуществами...своего служебнаго положенія до тѣхъ поръ, пока высшій судъ не признаетъ его въ установленномъ порядкѣ недостойнымъ носить званіе судьи или подлежащимъ переводу въ другое мѣсто". Что касается до судейскаго самоуправленія, то оно, какъ указывалъ авторъ, не должно переходить „за предѣлы такихъ домашнихъ надобностей и вопросовъ, о которыхъ судить и рѣшать удобнѣе всего самой переживающей ихъ коллегіи".

Еще позднѣе, въ 1904 г. въ защиту закона 20 мая и, главнымъ образомъ, Д. Н. Набокова выступилъ А. Ѳ. Кони, который указывалъ, что общество должно быть ограждаемо отъ судей „ходящихъ по опушкѣ между уголовной карой и безнаказанностью собственной душевной неопрятности", что ст. 295^2 можно только съ большими натяжками считать направленною противъ судейской несмѣняемости и что, наконецъ, едва ли интересы общества что либо проиграютъ отъ того, что „рабъ лѣнивый и лукавый по выслушаніи его объясненій высшею коллегіей, чуждою мѣстнымъ страстямъ и интересамъ, оставитъ запускаемую и оскверняемую имъ ниву" [1]).

Впослѣдствіи, будучи поставленъ во главѣ вѣдомства юстиціи, Н. В. Муравьевъ въ числѣ предметовъ и вопросовъ, которыхъ должны были коснуться законодательныя мѣры, первое среди нихъ мѣсто отвелъ „измѣненію дѣйствующихъ правилъ о судебной несмѣняемости, которыя въ нынѣшней (т. е. по закону 20 мая 1885 г.) своей постановкѣ не отвѣчаютъ условіямъ нашего государственнаго устройства и не даютъ высшей судебной администраціи достаточныхъ средствъ къ устраненію

[1]) А. Ѳ. Кони. Очерки и воспоминанія. СПБ. 1906 г., стр. 743—745.

изъ судейской среды недостойныхъ дѣятелей“ [1]). Во вступительномъ сообщеніи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, сказанномъ Н. В. Муравьевымъ 30 апрѣля 1894 г. [2]), подробнѣе развита мысль о томъ, что Судебные Уставы не снабдили правительство достаточно сильными и дѣйствительными средствами устранять изъ судебнаго вѣдомства безпорядокъ при первыхъ его признакахъ. Отсюда—нѣсколько двусмысленное, какъ бы недоговоренное понятіе о судейской несмѣняемости, не замедлившая возникнуть потребность въ его ограниченіи, не всегда практическая постановка судебнаго надзора и отвѣтственности и другія слабыя стороны судебной дисциплины“; „правительство же должно всегда имѣть возможность быстро водворить въ судѣ нарушенный порядокъ или избавиться отъ недостойныхъ дѣятелей“.

Однако комиссія по пересмотру судебной части не сочла необходимымъ отказаться отъ начала несмѣняемости въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно признавалось законодательствомъ, и предполагала произвести въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ только ту перемѣну, что для участковыхъ судей дисциплинарнымъ судомъ являлось Особое присутствіе консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, для остальныхъ же лицъ судейскаго званія—не особое дисциплинарное, а Соединенное Присутствіе I и кассаціонныхъ департаментовъ Сената, т. е. коллегіи, въ которыхъ предполагалось сосредоточить всѣ вообще дѣла по надзору за соотвѣтствующими судебными мѣстами. Постановленія Соединеннаго Присутствія подлежали представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе, а постановленія присутствія консультаціи—утвержденію министра [3]). Такимъ образомъ, по проекту предполагалось измѣнить, и то въ незначительной лишь степени, составъ коллегіи, постановляющей объ увольненіи судей, но матеріальныя основанія къ увольненію оставались тѣ же самыя, какія были установлены ст. 295².

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ объ учрежденіи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, напечатанный въ приложеніи къ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи Учрежденія Судебныхъ Установленій, т. I, стр. 75.

[2]) Труды Комиссіи, т. IX, стр. 12.

[3]) Въ комиссіи вызвалъ разногласіе вопросъ о представленіи этихъ рѣшеній на Высочайшее благоусмотрѣніе; противъ этого высказались 5 членовъ комиссіи, кромѣ того А. Ѳ. Кони былъ за передачу дѣлъ и объ отвѣтственности участковыхъ судей Соединенному Присутствію.

Вполнѣ понятно, что дѣятельность Дисциплинарнаго Присутствія, встрѣченнаго при самомъ учрежденіи его неодобрительными отзывами печати, не могла вызвать единогласныхъ отзывовъ и что по этому предмету высказывались противуположныя мнѣнія.

Дѣятельность всякаго рода суда чести, а въ роли такового приходится выступать Присутствію, когда къ нему переходятъ дѣла по ст. 295[2], всегда можетъ давать обильный матеріалъ для критики со стороны лицъ, различно настроенныхъ. Критики не избѣгаютъ и другіе суды чести, которымъ приходится разбираться въ дѣлахъ гораздо болѣе простыхъ, дѣйствующіе на основаніи нормъ, сложившихся въ опредѣленной средѣ, нормъ, въ этомъ смыслѣ условныхъ, но по существу своему вполнѣ опредѣленныхъ. Присутствію же приходится оперировать такими понятіями, какъ „достоинство и званіе судьи", „несоотвѣтствіе занимаемому положенію", „основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи обязанностей", т. е. понятіями, относительно которыхъ могутъ существовать различныя мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой статьи предполагается существованіе типа, „нормальнаго" судьи, въ другихъ законъ заставляетъ гадать о будущемъ, не давая Присутствію—и не будучи въ состояніи дать—ни по тому, ни по другому предмету исчерпывающихъ директивъ. Поэтому критикъ съ полнымъ основаніемъ можетъ не соглашаться съ сужденіями Присутствія, можетъ вмѣсто одного идеала выставлять другой и защищать его иногда сильною аргументаціей.

Особенно рѣзкія разногласія возникаютъ по поводу привлеченія судей къ дисциплинарной отвѣтственности въ такія эпохи, когда общество раздѣляется на противуположные лагери подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ воззрѣній. Въ такое время неизбѣжно возникаютъ вопросы о томъ, насколько участіе въ политической жизни страны совмѣстимо со званіемъ судьи и о томъ, какими границами устанавливаются предѣлы дозволенной для судьи активной дѣятельности на политическомъ поприщѣ. Взгляды отдѣльныхъ членовъ судейскаго сословія могутъ не совпадать со взглядами Присутствія и результатомъ является рѣшеніе о несовмѣстимости такихъ то поступковъ со званіемъ и достоинствомъ судьи. Разбирая отдѣльный поступокъ привлеченнаго къ отвѣтственности дисциплинарному суду, въ мотивахъ рѣ-

шенія приходится производить оцѣнку этого поступка, т. е. иногда выражать сужденія относительно опредѣленной политической программы и высказываться, хотя и косвенно, объ общихъ вопросахъ дня. Естественно, что такого рода сужденія и рѣшенія (къ тому же извѣстныя большинству публики только въ своей резолютивной части), несогласныя съ иными теченіями общественнаго мнѣнія, не принимаются, какъ истины непререкаемыя, тѣмъ болѣе, что касаются они лицъ, въ принципѣ несмѣняемыхъ, поставленныхъ внѣ непосредственнаго контроля начальства.

Естественно далѣе, что и самый фактъ передачи дѣла на разсмотрѣніе Присутствія разсматривается, какъ неоправдываемое ничѣмъ вмѣшательство въ частную жизнь судьи; не всегда проявленіе тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ или даже совершеніе соотвѣтствующихъ поступковъ принимается какъ достаточное свидѣтельство непригодности даннаго лица для отправленія судейскихъ обязанностей, особенно если обстановка, въ которой происходили инкриминируемыя дѣйствія, позволяетъ найти для нихъ нѣкоторое оправданіе, вродѣ увлеченія.

Отсюда выводится и дальнѣйшее заключеніе—о томъ, что дисциплинарная отвѣтственность, какъ ограниченіе несмѣняемости, вовсе не нужна, что весь этотъ институтъ, съ точки зрѣнія гарантіи правильнаго отправленія правосудія, излишенъ и вреденъ.

Для болѣе полной оцѣнки этого института слѣдуетъ, впрочемъ, обратить вниманіе и на значеніе дисциплинарной отвѣтственности въ эпохи нормальной общественной жизни, когда до суда доходятъ дѣла обычной житейской слабости и когда нѣтъ налицо обстановки политическихъ страстей. Достаточно просмотрѣть архивъ [1]) Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ практикѣ его встрѣчались случаи, когда поступки частной жизни судьи дѣйствительно оказывались не соотвѣтствующими его званію.

Достаточно указать хотя бы на неоднократно доходившіе до Дисциплинарнаго Присутствія въ порядкѣ ст. 295^2 случаи, когда

---

[1]) Иногда въ печати опредѣленія Присутствія подвергаются не совсѣмъ точной оцѣнкѣ, такъ какъ критики не всегда знакомы со всѣми фактическими обстоятельствами, составляющими матеріалъ, которымъ руководилось Присутствіе. Количество дѣлъ и опредѣленій Присутствія вообще не велико, а въ особенности не велико число случаевъ примѣненія ст. 295^2.

приходилось увольнять судей за пьянство и за скандальныя выходки, совершенныя въ нетрезвомъ видѣ. Напр., мировой судья въ пьяномъ видѣ является въ засѣданіе съѣзда два дня подрядъ, въ мундирѣ садится въ мѣста для публики и тамъ скандалитъ при большомъ стеченіи народа; въ другомъ случаѣ Присутствію пришлось удалить мирового судью, который страдалъ запоемъ, все время проводилъ въ обществѣ публичныхъ женщинъ и въ офиціальной бумагѣ потребовалъ исключенія одной проститутки изъ списка публичныхъ женщинъ, мотивируя это требованіе тѣмъ, „что онъ взялъ ее на содержаніе“; или другіе случаи: мировой судья въ пьяномъ видѣ вступаетъ въ общественномъ собраніи въ драку и вызываетъ всеобщую свалку; членъ окружного суда въ пьяномъ видѣ, открыто при сослуживцахъ и публикѣ, въ ресторанѣ уславливается съ маклеромъ, чтобы онъ за 30 руб. привелъ ему „дѣвственницу“, и когда факторъ его обманулъ (и повидимому обокралъ), вступаетъ съ нимъ въ пререканія о размѣрѣ гонорара и вызываетъ драку и др.

Присутствіе встрѣчалось и съ примѣрами еще болѣе скандальнаго проявленія распущенности. Членъ палаты, прогнавъ отъ себя жену, перебрался на квартиру къ своей сожительницѣ, не выдавалъ женѣ на прожитокъ ничего и не хотѣлъ платить ей даже, когда былъ принужденъ къ уплатѣ алиментовъ. Сожительница же его, денежныя дѣла которой были не въ блестящемъ видѣ, все время должна была вести войну съ кредиторами и съ судебнымъ приставомъ, описывавшимъ и продававшимъ ея имущество за долги, а союзникомъ и помощникомъ ея въ этой борьбѣ былъ указанный членъ палаты, причемъ въ этомъ отношеніи людская молва приписывала ему участіе въ некрасивыхъ сдѣлкахъ для сокрытія имущества. Въ другомъ случаѣ Дисциплинарному Присутствію пришлось рѣшить вопросъ объ увольненіи товарища предсѣдателя окружного суда, который черезъ посредство очень грязнаго „фактора“ (судившагося за поддѣлку векселей этого товарища предсѣдателя суда въ окружномъ судѣ, гдѣ товарищъ предсѣдателя раньше былъ товарищемъ прокурора) финансировалъ весьма предосудительное увеселительное заведеніе, принималъ очень близкое участіе въ его дѣлахъ и выручалъ антрепренера изъ разныхъ бѣдъ и деньгами и содѣйствіемъ.

Другой предсѣдатель окружного суда былъ изобличенъ въ склонности отдавать деньги въ ростъ подъ большіе проценты и на очень обременительныхъ для своихъ кліентовъ условіяхъ, т. е. попросту—въ ростовщичествѣ; обратно, членъ окружного суда, склонный къ пьянству, любилъ брать деньги взаймы безъ отдачи и въ обоихъ отношеніяхъ настолько себя прославилъ, что всѣ его коллеги просили его убрать. Почетный мировой судья, состоявшій въ администраціи мѣстнаго городского общественнаго банка, пользуясь этимъ своимъ положеніемъ, самъ увеличивалъ себѣ размѣръ ссудъ изъ банка и увольнялъ впослѣдствіи служащихъ въ банкѣ за то, что они показывали на судѣ противъ него, а участковаго мирового судью, приговоромъ котораго онъ остался недоволенъ, оскорбилъ дѣйствіемъ. Уѣздный членъ окружного суда заставлялъ не только своихъ разсыльныхъ, но и являвшіяся въ его камеру къ разбору дѣлъ стороны (и даже свидѣтелей) производить у него въ домѣ, за минимальное вознагражденіе, различныя работы. Мировой судья, состоя опекуномъ малолѣтняго, распоряжался имуществомъ подъопечнаго преимущественно для своихъ личныхъ выгодъ, скрывалъ его мѣстонахожденіе, затѣмъ далъ согласіе на усыновленіе этого опекаемаго его, опекуна, женой, дабы воспользоваться имуществомъ малолѣтняго въ еще большей мѣрѣ. Встрѣчаются въ практикѣ Дисциплинарнаго Присутствія и очень своеобразные казусы, свидѣтельствующіе о странныхъ представленіяхъ нѣкоторыхъ членовъ судейскаго сословія о своихъ задачахъ. Таковъ, напр., курьезный поступокъ одного уѣзднаго члена суда, имѣвшій мѣсто въ 1892 г. Уѣздный членъ суда обнаружилъ покражу бутылки вина, сообщилъ объ этомъ полиціи, и когда полицейское дознаніе установило, что кража совершена нѣкіимъ К. (работавшимъ въ мастерской по сосѣдству) и что украденная бутылка роспита имъ съ женой нѣкоего Ѳ., то потерпѣвшій уѣздный членъ суда оставилъ у себя акты полицейскаго дознанія и примѣнилъ особыя мѣры взысканія къ виновнымъ. Именно, онъ предложилъ обвиняемымъ на выборъ одно изъ двухъ: или онъ дастъ движеніе дѣлу въ судебномъ порядкѣ, или виновные должны быть высѣчены, мужчина своей женой, а женщина своимъ мужемъ. Когда виновные колебались въ выборѣ между уголовнымъ взысканіемъ и поркой, то онъ всячески уговаривалъ ихъ согласиться на тѣлесное наказаніе,

доказывая пользу такой мѣры. Обвиняемые, наконецъ, согласились и были высѣчены, каждый „по принадлежности“ женой и мужемъ, причемъ уѣздный членъ входилъ въ детали осуществленія этой процедуры: такъ, когда онъ узналъ отъ К., что жена его посѣкла по спинѣ, то замѣтилъ, что слѣдовало бы посѣчь его не по спинѣ, а пониже, и заставилъ повторить эту операцію. По выполненіи всего этого, уѣздный членъ, вѣрный своему слову, на актахъ полицейскаго дознанія написалъ, что кражи у него въ дѣйствительности не было, а что обвиняемые просто полакомились его виномъ. Но своеобразная расправа, которую и самъ главный дѣятель не считалъ необходимымъ скрывать, получила огласку въ уѣздномъ городкѣ и дошла до Министерства Юстиціи.

X. Мѣропріятія относительно гласности суда.

Полное отсутствіе гласности при судебномъ разбирательствѣ создавало въ нашихъ старыхъ судахъ столь своеобразную обстановку, что нерѣдко судъ превращался въ какое-то „домашнее дѣло“, гдѣ интересамъ правосудія удѣлялось меньше всего мѣста. „Кому извѣстны по собственному опыту, — писалъ К. П. Побѣдоносцевъ,—таинства, совершающіяся въ канцеляріяхъ и присутственныхъ камерахъ, тотъ, вѣрно, не станетъ доказывать, что приказный закрытый обрядъ благопріятно дѣйствуетъ на развитіе судей и на поддержаніе достоинства, которое должно принадлежать суду“ [1]).

Такая ненормальность не могла въ концѣ концовъ не обратить на себя вниманіе законодателя, и уже проекты уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, составленные комитетами при II Отдѣленіи подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова, устанавливали публичность судебныхъ засѣданій. „Въ виду гласности и возбуждаемаго ею общественнаго мнѣнія,—указывалось въ объяснительной запискѣ II-го Отдѣленія,—судьи, чувствуя всю

---

[1]) К. П. Побѣдоносцевъ. Реформы въ гражданскомъ судопроизводствѣ. „Русскій Вѣстникъ“, т. XXII, 1859 г., іюль, кн. 2, стр. 182.

важность своего призванія, будутъ прибѣгать къ сему способу лучшаго уразумѣнія дѣлъ и черезъ то достигнется одна изъ главнѣйшихъ выгодъ судопроизводства обвинительнаго“ [1]). Но практическое осуществленіе начало гласности въ полной мѣрѣ получило только съ реформой 1864 г. При обсужденіи основныхъ положеній реформы Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта признали, что гласность въ уголовномъ судопроизводствѣ въ такой степени содѣйствуетъ „къ выясненію истины, къ огражденію интересовъ подсудимыхъ и къ побужденію самихъ судей, къ тщательному изученію дѣлъ и къ правосудному ихъ рѣшенію, что въ пользѣ ея не можетъ быть никакого сомнѣнія“. Въ виду сего Департаменты единогласно положили: въ новомъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства постановить общимъ правиломъ, что засѣданія суда происходятъ публично, за исключеніемъ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ [2]).

Идея гласнаго суда находила откликъ и среди многихъ лицъ, интересовавшихся ходомъ реформы. Въ „Замѣчаніяхъ о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи“ имѣются отзывы, свидѣтельствующіе о ясномъ представленіи авторовъ относительно этого предмета. Одни намѣчали, пользуясь иностранными образцами, тѣ дѣла, по которымъ публичность должна быть устранена; другіе поднимали вопросъ о языкѣ судоговоренія въ мѣстностяхъ, гдѣ господствующій языкъ населенія не русскій, подчеркивая, что иначе гласность не принесетъ ожидаемыхъ плодовъ; третьи, наконецъ, въ связи съ публичностью разбирательства, обращали вниманіе на необходимость разрѣшенія печатать отчеты о процессахъ въ газетахъ, ибо по проекту „основныхъ положеній“ печатаніе приговоровъ предполагалось разрѣшить только юридическимъ журналамъ [3]).

Другіе авторы, сочувствуя, повидимому, идеѣ гласнаго суда, не вполнѣ ясно представляли себѣ его характеръ и цѣль публичности. Такъ, напримѣръ, макарьевскій (Нижегородской

---

[1]) Работы о преобразованіи судебной части въ Россіи. Соображенія Государственной Канцеляріи. Историческая записка, стр. 132.

[2]) Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 179.

[3]) См. указанныя замѣчанія, т. I, стр. 553, 595, 619; II, стр. 292 и 520; III, стр. 329 и 503; IV, стр. 135 и 188.

губерніи) уѣздный стряпчій Иванъ Михайловъ желалъ выяснить, всѣ ли будутъ допускаться, по собственному произволу, въ залъ засѣданія или не слѣдуетъ ли посѣтителей допускать „по усмотрѣнію предсѣдателя въ приличныхъ костюмахъ, людей извѣстныхъ въ добромъ поведеніи и скромной нравственности и съ выдачею на свободный входъ опредѣленнаго количества билетовъ". Но, кромѣ того, онъ считалъ необходимымъ, очевидно, для устраненія всякихъ сомнѣній выяснить „могутъ ли посѣтители имѣть въ какомъ либо случаѣ право голоса или просто быть одними слушателями". Кобринскій (Гродненской губерніи) уѣздный судья Савицкій, предвидя, что любопытства публики хватитъ всего на нѣсколько засѣданій, а потомъ залъ засѣданій опустѣетъ, предлагалъ назначить изъ числа присяжныхъ засѣдателей человѣкъ до 20 для присутствованія въ засѣданіяхъ въ качествѣ офиціальныхъ понятыхъ [1]). Губернскій секретарь В. Измайловъ также былъ озабоченъ тѣмъ, какъ привлечь публику „для слушанія судоговоренія, непривыкшую къ этому и до сихъ поръ смотрѣвшую на суды, какъ на вещь секретную, недоступную ни для слуха, ни для глаза". Съ своей стороны онъ предлагалъ распространять объявленія о днѣ судебныхъ засѣданій и, сверхъ того, „выставить на улицѣ при входѣ въ судебныя двери... вывѣску съ изображеніемъ на ней государственнаго герба и съ надписью: сего числа происходитъ публичный судъ" [2]).

Но само собою разумѣется, что подобный отказъ отъ принципа закрытыхъ дверей въ корнѣ разрушалъ всѣ сложившіяся вѣками привычки и для многихъ казался опаснымъ или несбыточнымъ новшествомъ. „Гласность, — писалъ въ своей запискѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебедевъ,—есть спектакль, позорище, драма, clamor, plausus et theatrum, говоритъ Цицеронъ". Отмѣтивъ затѣмъ присущій гласности политическій элементъ, авторъ указывалъ, что она „требуетъ равноправія гражданъ, несовмѣстима съ предварительной цензурой, чужда сословныхъ различій... Обличительная литература наша, — предупреждалъ онъ,—показываетъ, какихъ соблазновъ, сплетенъ и рекриминацій нельзя (?) ожидать въ гласной рѣчи общества, въ которомъ

---

[1]) Замѣчанія т. IV, ст. 350 и 351.

[2]) Тамъ же, т. V, стр. 291.

существуетъ столько неровностей, увлеченій... При обвинительномъ процессѣ, начинаемомъ представителями государства, гласность даетъ почти всякому дѣлу интересъ политическаго событія и нерѣдко приводитъ правительство въ затрудненія, возбуждая ропотъ, если процессъ выигранъ, и ставя въ ложное положеніе, если онъ проигранъ" [1]). Такой же непріязнью были проникнуты и нѣкоторые, правда немногіе, отзывы другихъ мѣстныхъ дѣятелей на основныя положенія.

Ярославскій губернскій прокуроръ Вишняковъ предлагалъ публику пускать не иначе, какъ по билетамъ, за плату, утвержденную для каждаго судебнаго округа отдѣльно министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи, причемъ вырученныя деньги предназначались имъ для вспомоществованія нуждающимся семействамъ обвиненныхъ. Онъ исходилъ при этомъ изъ того, что „судя по современнымъ вкусамъ разныхъ сословій, присутствовать при засѣданіяхъ уголовныхъ пожелаютъ преимущественно лица, причисляемыя къ разряду образованныхъ" и придутъ они изъ празднаго любопытства. Между тѣмъ большая часть подсудимыхъ—простолюдины и они, какъ утверждаетъ прокуроръ, легко смущаются въ присутствіи посторонннихъ и наилучшіе изъ нихъ особенно сбиваются въ показаніяхъ; простолюдины очень чувствительны къ оскорбленіямъ и поэтому для нихъ особенно мучительно изображеніе преступнаго ихъ прошлаго на глазахъ публики. При такихъ условіяхъ вполнѣ справедливо любопытныхъ обложить сборомъ въ пользу тѣхъ, кто терпитъ отъ ихъ любопытства" [2]). Дворянскій засѣдатель Астраханской губерніи, Енотаевскаго уѣзднаго суда, Яковенко признавалъ публичное судопроизводство неудобоисполнимымъ, ожидая буйства и безпорядка со стороны присутствующихъ, и обращалъ вниманіе на то, что въ помощь предсѣдателю необходима матеріальная власть [3]).

Въ то же время и представители нѣкоторыхъ вѣдомствъ высказывались за необходимость введенія нѣкоторыхъ ограниченій. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ настаивалъ на закрытомъ

---

[1]) Работы о преобразованіи судебной части въ Россіи. Матеріалы. Возраженія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лебедева противъ соображеній Государственной Канцеляріи объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства. Стр. 20—22.

[2]) Замѣчанія, т. I, стр. 321—323.

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 409 и 410.

разбирательствѣ дѣлъ объ оскорбленіи достоинства членовъ Императорской фамиліи; кромѣ того, по его мнѣнію, надлежало бы также ограничить гласность судебныхъ засѣданій по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, для чего слѣдовало бы предоставить предсѣдателю судебной палаты дискреціонное право прибѣгать къ закрытію дверей всякій разъ, когда онъ признаетъ это нужнымъ [1]). Затѣмъ министръ юстиціи гр. Панинъ указывалъ, что по назначенію, которое имѣетъ Правительствующій Сенатъ, какъ высшее судебное и правительственное учрежденіе въ Имперіи, было бы неудобно допустить гласность его засѣданій, особенно по дѣламъ о преступленіяхъ противъ Верховной власти [2]). Но, уваживъ первое замѣчаніе министра внутреннихъ дѣлъ (см. журналъ Соед. Д-товъ 1864 г., № 47), составители Уставовъ не нашли возможнымъ ограничить гласность въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе заключается въ распространеніи вредныхъ ученій. Открытое обсужденіе подобныхъ дѣлъ —указывалось въ объяснительной запискѣ 1863 г.—не можетъ угрожать общественной безопасности, такъ какъ „распространители вредныхъ ученій являются предъ судомъ не для своего торжества, но для обличенія проповѣданной ими лжи“ и притомъ уже тогда „когда ихъ ученія успѣли болѣе или менѣе проникнуть въ общество“... „Тайный судъ способенъ только дать вредному ученію бо́льшее, противъ дѣйствительности, значеніе..., можетъ навести на мысль, что общество стращится его и признаетъ себя безсильнымъ для гласнаго его обсужденія“ [3]). Равнымъ образомъ не согласился Государственный Совѣтъ съ поправкой, предложенной гр. Панинымъ относительно Сената. Большинство членовъ Соединенныхъ Департаментовъ признали, что нѣтъ основаній для изъятія Сената, какъ высшей судебной инстанціи, отъ дѣйствія правила „столь важнаго и необходимаго, безъ коего и самое понятіе о судѣ утрачиваетъ свое значеніе“ [4]).

---

[1]) Сводъ замѣчаній министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями на проектъ устава уг. суд., стр. 12 и 13.

[2]) Журналъ Соед. Д-товъ Гос. Совѣта, стр. 58.

[3]) См. Судебные Уставы, изд. Государственной Канцеляріи, стр. 230 и 231.

[4]) Журналъ Соед. Д-товъ Гос. Совѣта, стр. 58. Въ Общемъ Собраніи Гос. Совѣта къ мнѣнію Панина относительно закрытаго судопроизводства въ Сенатѣ по уголовнымъ дѣламъ присоединились гр. Адлербергъ и Анненковъ. См. Журналъ Общаго Собранія Гос. Совѣта 3 сентября 1862 г., стр. 3.

Такимъ образомъ, въ лицѣ составителей Судебныхъ Уставовъ начало гласности нашло себѣ вполнѣ убѣжденныхъ сторонниковъ, которые были склонны скорѣе расширить, нежели сократить доступъ публики въ судебныя засѣданія. Правда, практика показала, что въ этомъ отношеніи въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства была допущена даже излишняя щедрость, стѣснявшая безъ пользы для правосудія право суда на закрытіе дверей, но нельзя не признать, что, только благодаря такой широкой постановкѣ гласности, общество могло пріобрѣсть довѣріе къ новому суду и оцѣнить новыя, непривычныя для него формы судопроизводства. Неразбиравшійся въ юридическихъ тонкостяхъ обыватель долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на то, что судъ, который онъ зналъ только по зданію, да въ крайнемъ случаѣ по приговорамъ, сбросилъ съ себя покровъ непроницаемой тайны и рѣшаетъ дѣла открыто, на виду у всѣхъ. Поэтому первой поразившей общество новостью судебной реформы была именно гласность, и скоро названіе гласный судъ стало у насъ синонимомъ новаго суда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, пробудилось и любопытство къ судебной процедурѣ, къ рѣчамъ прокуроровъ и адвокатовъ и къ самой личности подсудимаго.

Кромѣ того, первые годы дѣйствія новыхъ судовъ совпали съ однимъ изъ наиболѣе интенсивныхъ подъемовъ нашего общественнаго настроенія. Гласность, какъ удачно выразилась въ одномъ изъ своихъ внутреннихъ обозрѣній „Русская Мысль“, была „душою, которую вдохнуло общество въ реформы 60-хъ годовъ [1]). Послѣ долгой опеки власти общество впервые было призвано къ активному участію въ государственной работѣ и, не утомленное еще разочарованіями, живо интересовалось ею. Все это, вмѣстѣ взятое, создало въ общественной психологіи того времени по отношенію къ суду какое-то причудливое сплетеніе простого любопытства къ невидѣнному дотолѣ зрѣлищу съ серьезнымъ общественнымъ интересомъ къ дѣятельности суда; и немудрено, что, благодаря этому, въ первые годы дѣйствія Уставовъ замѣчался огромный наплывъ публики въ судебныя засѣданія. По разсказу А. Ѳ. Кони, на художественной выставкѣ 1865 г. были выставлены проекты судебныхъ зданій съ 3.000 мѣстъ

[1]) Русская Мысль, 1884 г., VII.

для публики въ залахъ засѣданій [1]). Этотъ одинъ фактъ ясно показываетъ, какое большое значеніе придавали въ то время судебной гласности. Разумѣется, не всѣ одинаково правильно оцѣнивали это значеніе. Напр., съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ, *полезная сторона судебной гласности заключалась только* въ томъ, что на судѣ выяснялись обстоятельства, имѣющія „обличительный характеръ“ [2]). Но, такъ или иначе, гласное разбирательство въ судахъ было воспринято какъ одно изъ самыхъ яркихъ явленій на фонѣ общественной жизни того времени, и понятно поэтому, что всякій слухъ о предполагавшихся будто бы ограниченіяхъ гласности вызывалъ въ прессѣ большую тревогу. „Правда-ли—писали по поводу одного изъ такихъ слуховъ „Московскія Вѣдомости“,—что *это все оживляющее, все возбуждающее начало* публичности, дающее всему свѣтъ и призывающее всѣхъ къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества, начало, безъ котораго ничто не можетъ правильно развиться,... уберечься отъ порчи и гніенія и быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ; правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь, или это только... призракъ, готовый исчезнуть“ (1866 г. № 198).

Особыхъ реальныхъ основаній для такихъ слуховъ въ сущности было очень немного. Нѣтъ сомнѣній, конечно, что существовала тенденція ставить въ упрекъ самому институту гласности тѣ аплодисменты, которые раздавались временами изъ мѣстъ для публики по поводу нѣкоторыхъ приговоровъ присяжныхъ. Существовали и случаи отступленія на практикѣ отъ закона при закрытіи дверей. Такъ, напр., дѣло о лицахъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности въ связи съ событіемъ 4 апрѣля 1866 г., слушалось въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ при закрытыхъ дверяхъ; точно также при закрытыхъ дверяхъ слушалось въ январѣ 1870 г. особымъ присутствіемъ С.-Петербургской палаты дѣло о лицахъ польскаго происхожденія, обвинявшихся въ распространеніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ съ политическою цѣлью [3]). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ

---

[1]) А. Ѳ. Кони. Объ условіяхъ публичности засѣданій нашихъ уголовныхъ и гражданскихъ судовъ. Протоколы уголовнаго отдѣленія СПБ. юридическаго общества за 1882 годъ. СПБ. 1883 г., стр. 20.

[2]) См. „Дѣло“ 1868 г., VII, Внутреннее обозрѣніе, стр. 65.

[3]) К. К. Арсеньевъ. Судебное слѣдствіе. СПБ. 1871 г., стр. 15.

не было условій, предусмотрѣнныхъ закономъ для закрытія дверей, но въ то время правительство не имѣло еще намѣренія создавать изъ этого прецеденты для ограниченія гласности. Напротивъ, даже несмотря на прямую оговорку закона 7 іюня 1872 г. о возможности закрытія дверей при сужденіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, къ этому не прибѣгали. Разбирая вопросъ, предавать ли обвиняемыхъ въ соціально-революціонной пропагандѣ суду или карать ихъ въ административномъ порядкѣ, Комитетъ Министровъ въ 1875 г. категорически высказался за гласный судъ (журналъ 18 и 26 марта). Прискорбное равнодушіе благонамѣренныхъ общественныхъ элементовъ къ пропагандѣ разрушительныхъ началъ, по мнѣнію Комитета, должно объяснять неизвѣстностью не только для большинства публики, но и для чиновъ высшаго государственнаго управленія размѣровъ пропаганды. Лица, не вѣдающія опасности, которой лжеученія грозятъ общественному порядку, не могутъ столь энергично порицать дѣятельность агитаторовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда бы эта опасность была бы ясна и имъ были бы извѣстны тѣ пути, которыми приверженцы революціи хотятъ придти къ обществу на помощь. Между тѣмъ изложенная въ запискѣ одного изъ передовыхъ дѣятелей агитаціи картина будущаго едва ли способна вызвать сочувствіе даже въ натурахъ неразвитыхъ и склонныхъ къ экзальтаціи. Составители программы съ неимовѣрнымъ цинизмомъ обсуждаютъ всѣ страшныя послѣдствія желаемаго ими возстанія и указываютъ на необходимость гибели настоящаго поколѣнія въ потокахъ крови, въ видахъ доставленія благоденствія грядущимъ поколѣніямъ, по заранѣе опредѣленнымъ ими законамъ общежитія. Они прямо высказываютъ, что для достиженія ихъ идеаловъ необходимы ручьи, рѣки, наводненіе крови. По мнѣнію Комитета для того, чтобы общественное мнѣніе отвратилось отъ провозвѣстниковъ такого ученія, начала его не должны оставаться во мракѣ. „Признавая полезнымъ и настоятельно необходимымъ не только продолжать систему гласности, принятую по тѣмъ тремъ политическимъ дѣламъ, которыя производились въ судебныхъ учрежденіяхъ въ послѣднее время, но допустить гласность въ еще большихъ размѣрахъ, для полнаго разъясненія въ обществѣ нашемъ возмутительнаго ученія агитаторовъ, Комитетъ находитъ, что естественнымъ и самымъ прямымъ пу-

темъ для такой благотворной гласности представляется судъ, въ которомъ при судебномъ слѣдствіи можетъ быть разоблачена вся тлетворность изъясненныхъ ученій и степень угрожающей отъ нихъ опасности“ [1]).

Однако, по самому существу преслѣдуемой при ея посредствѣ цѣли, судебная гласность нуждается въ извѣстныхъ ограниченіяхъ, потому что въ жизни всегда могутъ встрѣтиться такіе случаи, когда публичное разбирательство дѣла будетъ противорѣчить требованіямъ общественной нравственности, безопасности религіознаго чувства и пр. Вполнѣ понятно, что законодатель не въ состояніи предусмотрѣть съ точностью всѣ категоріи дѣлъ, при разборѣ которыхъ явится необходимость въ закрытіи дверей, и въ виду этого ст. 325 и 326 Уст. Гр. Суд. предоставили суду право удалять изъ засѣданій публику, если, по особому свойству дѣла, гласный разборъ его можетъ оказаться предосудительнымъ для религіи, общественнаго порядка, нравственности или если обѣ стороны просятъ о негласномъ разсмотрѣніи ихъ дѣла и судъ признаетъ эту просьбу уважительною. Но въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства законодатель пошелъ инымъ путемъ и въ ст.ст. 89 и 620 далъ точное перечисленіе тѣхъ преступленій, разбирательство которыхъ изъемлется изъ общаго правила о гласности судебныхъ засѣданій (богохуленіе, оскорбленіе святыни, порицаніе вѣры, преступленія противъ правъ семейственныхъ, противъ чести и цѣломудрія женщинъ, противоестественные пороки, сводничество). Практика, однако, показала всю недостаточность подобнаго перечня, и, такимъ образомъ, получилось, что въ ограниченіи гласности уголовный судъ оказался болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ судъ гражданскій. Какъ бы предосудителенъ самъ по себѣ ни былъ подлежавшій разсмотрѣнію уголовнаго суда фактъ, но если по юридической квалификаціи онъ не подходилъ подъ одну изъ рубрикъ, перечисленныхъ выше, то по буквѣ закона судъ не имѣлъ права закрывать двери. Кромѣ того, по смыслу ст. 621, даже въ случаяхъ, предуказанныхъ ст. 620, удаленіе публики зависѣло всецѣло отъ усмотрѣнія суда, и, какъ вспоминалъ К. Арсеньевъ, одно дѣло о прелюбодѣяніи слушалось въ

[1]) Выдержка изъ этого журнала Комитета Министровъ напечатана въ книгѣ С. С. Татищева. Императоръ Александръ II, т. II, стр. 594—596.

С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ съ начала до конца при открытыхъ дверяхъ, потому что подробности его не представляли будто бы ничего не совмѣстнаго съ чувствомъ приличія и нравственностью [1]). Если прибавить къ этому, что законъ не воспрещалъ доступа въ судебныя засѣданія даже малолѣтнимъ, то нельзя не признать, что постановленія Устава Уголовнаго Судопроизводства, касавшіяся гласности, нуждались въ серьезной реформѣ. При поддержкѣ Сената суды сами старались расширить рамки, установленныя для нихъ въ ст.ст. 84 и 620 [2]), но даже при самомъ распространительномъ истолкованіи послѣднихъ нѣкоторыя дѣла все таки не могли подойти подъ ихъ дѣйствіе.

Неудобства, создаваемыя такой законодательной охраной судебной гласности, сказались, разумѣется, тотчасъ же по введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, но на первыхъ порахъ или ихъ не замѣчали, или ограничивались общимъ указаніемъ, что „судъ не салонъ, въ которомъ царствуетъ изысканная деликатность выраженій, (и) кто боится услышать грубое слово или разсказъ, возмущающій тонкое нравственное чувство, тому лучше не ходить въ засѣданія суда“ [3]). Къ 80-мъ годамъ настроеніе уже измѣнилось, и въ своемъ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1882 г. въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ А. Ѳ. Кони опредѣленно заявилъ, что „нынѣ, когда настало время спокойно отнестись къ Судебнымъ Уставамъ, мы видимъ, что статьи, въ которыхъ говорится о гласности, не выдерживаютъ критики“. По мнѣнію автора, въ интересахъ правосудія и нравственности надлежало указанія, заключающіяся въ ст. 325 Уст. Гр. Суд. распространить и на Уставъ Уголовнаго Судопроизводства и предоставить суду право закрывать двери въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, а также удалять дѣтей, когда оставленіе ихъ въ залѣ не соотвѣтствуетъ ихъ возрасту [4]).

Но 80-ые годы принесли съ собою для вопроса о постановкѣ гласности не одну только доброжелательную кри-

---

[1]) К. Арсеньевъ, цит. соч., стр. 5.

[2]) Такъ, напр., Сенатъ призналъ правильнымъ закрытіе дверей по дѣламъ о произнесеніи безстыдныхъ словъ, обращенныхъ къ потерпѣвшей женщинѣ (рѣш. Уг. касс. деп. 1868 г. №№ 38, 408; 1870 г. № 109), о пѣніи въ публичномъ саду неприличныхъ пѣсенъ (1876 г. № 258) и вообще по всѣмъ дѣламъ, обстоятельства которыхъ имѣютъ тѣсную связь съ преступленіями, указанными въ ст. 620 (1874 г. №№ 112 и 476).

[3]) К. Арсеньевъ, цит. соч., стр. 10.

[4]) Протоколы уголовнаго отдѣленія Спб. юридическаго общества за 1882 г. стр. 20 и 26.

тику. Въ связи съ усилившимися въ то время нападками на Судебные Уставы, въ консервативно настроенныхъ кругахъ не разъ поднимался вопросъ о цѣлесообразности гласнаго разбирательства уголовныхъ процессовъ. Слушавшееся въ Калужскомъ окружномъ судѣ дѣло супруговъ Пейчъ, обвинявшихся въ истязаніи дѣтей и оправданныхъ присяжными засѣдателями, побудило „Московскія Вѣдомости“ вспомнить о старыхъ временахъ, когда дѣла семейнаго свойства вѣдала у насъ Верховная власть, черезъ посредство шефа жандармовъ. Къ послѣднему обращались съ жалобами, и онъ, негласно, черезъ своихъ агентовъ, обязанъ былъ разслѣдовать дѣло, „чтобы помочь пресѣчь зло, предотвратить скандалъ“. Едва ли—замѣчалъ при этомъ авторъ статьи—является необходимость и теперь разбирать подобныя дѣла по всѣмъ правиламъ судебнаго искусства и съ участіемъ публики [1]). Еще опредѣленнѣе высказался по поводу гласности ковенскій епископъ Сергій въ рѣчи при открытіи Ковенскаго окружного суда. Гласные суды—говорилъ онъ—не есть новые суды даже и у насъ и не обезпечиваютъ правды потому только, что они гласные. 3.000 лѣтъ тому назадъ у еврейскаго народа также существовалъ гласный судъ и Богъ устами пророковъ многократно обличалъ неправды, совершавшіяся тамъ. Не распространяясь о римскихъ народныхъ судахъ, „о рѣчахъ, на нихъ произносившихся, объ окончательныхъ рѣшеніяхъ народа, настолько склонявшихся иногда на сторону неправды, что правительство должно было постепенно ограничить участіе народа на судѣ“, владыка перешелъ къ судамъ древней Руси и отмѣтилъ, что и здѣсь совершались „тяжкія неправды въ рѣшеніи самыхъ важныхъ дѣлъ“. „Правда—говорилъ онъ—времена на времена совершенно не приходятъ, но нерѣдко все-таки они довольно подходятъ. Гласные суды во многихъ мѣстахъ нашего отечества давно уже открыты. Не произносятся ли и на нихъ по временамъ устами представителей народа приговоры, явно потворствующіе пороку, и самые зрители не принимали ли въ нихъ, даже вопреки закону, участія, одобряя рѣшенія, противныя здравому нравственному чувству“ [2]).

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“. 1882 г. № 116.

[2]) „Виленскій Вѣстникъ“ 1883 г. № 216. Рѣчь была перепечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1883 г. № 349) и въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (1884 г. № 2).

Въ то же время, какъ мы знаемъ, и само правительство рѣзко измѣнило свое отношеніе къ основнымъ принципамъ Уставовъ. Положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 1881 г. предоставило генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ требовать закрытія дверей по всякому дѣлу, публичное разсмотрѣніе коего можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ. Но это правило имѣло все-таки характеръ временной и исключительной мѣры; между тѣмъ было признано необходимымъ обезпечить въ общемъ порядкѣ возможность вліянія центральной власти на закрытіе дверей. Вопросъ объ изданіи соотвѣтствующаго закона былъ возбужденъ Н. А. Манасеинымъ вскорѣ послѣ назначенія его управляющимъ Министерствомъ Юстиціи.

Сужденія Государственнаго Совѣта по этому поводу очень поучительны и любопытны, поэтому на нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Въ представленіи министерства указывалось прежде всего на недостаточность перечня тѣхъ случаевъ, когда допускается закрытіе дверей, вызвавшую необходимость распространительнаго толкованія соотвѣтствующихъ статей [1]). Уставъ даже не коснулся другихъ основаній къ непубличному разбирательству дѣла, которыя однако выдвигались практикой. Иногда необходимо оградить судъ отъ воздѣйствія публики, иногда предметы разбирательства тѣсно связаны съ такими обстоятельствами, оглашеніе которыхъ воспрещено закономъ или противно интересамъ общественнымъ—ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, по буквѣ закона, нельзя закрывать двери засѣданія. Между тѣмъ практика выяснила возможность злоупотребленія публичностью разбирательства. Постороннія лица, присутствующія въ залѣ суда, подчасъ принимаютъ очень живое участіе въ дѣлѣ, въ перерывахъ засѣданій критикуютъ показанія свидѣтелей, экспертовъ и сторонъ, а иногда, даже во время засѣданія, открыто выражаютъ свое одобреніе или неодобреніе. Вмѣшательство предсѣдателя въ этомъ случаѣ обыкновенно оказывается запоздалымъ. Въ другихъ случаяхъ подсудимые приглашаютъ въ засѣданіе особую публику, поддерживающую ихъ, или лицъ, которыя путемъ истерическихъ припадковъ, выстрѣловъ и т. п. эффектовъ пытаются смущать

---

[1]) Дальнѣйшее изложеніе основано на дѣлѣ Гос. Совѣта, Департамента Гражданскаго, 1886 г. № 113.

совѣсть присяжныхъ судей. Все это дѣйствуетъ на свидѣтелей и экспертовъ, уступающихъ иной разъ настроенію публики или скрывающихъ истину изъ страха; подпадаютъ вліянію публики и присяжные.

Вторая категорія дѣлъ, т. е. такихъ, когда встрѣчаются обстоятельства, не подлежащія оглашенію по различнымъ причинамъ, отчасти подпадаетъ подъ дѣйствіе ст. 17 Положенія объ охранѣ общественнаго порядка, въ силу котораго генералъ-губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ генералъ-губернаторовъ, имѣютъ право требовать разсмотрѣнія дѣла при закрытыхъ дверяхъ. Но Положеніе 1881 г. распространено не на всѣ мѣстности и не всегда закрытіе дверей необходимо по тѣмъ причинамъ, которыя указаны въ ст. 17. Иногда лишь отдѣльныя обстоятельства обще-уголовнаго дѣла стоятъ въ связи съ государственными преступленіями или касаются служебныхъ распоряженій высшихъ должностныхъ лицъ и предметовъ дѣятельности высшихъ правительственныхъ учрежденій, изслѣдованіе которыхъ въ публичномъ засѣданіи нарушаетъ интересы государственные. Въ такихъ случаяхъ суду остается или пренебречь интересами государства, или обойти данное обстоятельство при судебномъ слѣдствіи въ ущербъ правосудію.

Публичность разбирательства, сверхъ того, при злоупотребленіи можетъ причинить существенный вредъ: практика знаетъ примѣры совершенія преступленія съ исключительною цѣлью воспользоваться судебнымъ разбирательствомъ для огласки обстоятельствъ, опубликованіе которыхъ нарушаетъ интересы потерпѣвшаго. Преступникъ можетъ пользоваться гласностью для устрашенія своихъ преслѣдователей, и судъ, лишенный способовъ борьбы съ этимъ злоупотребленіемъ, оказывается въ безпомощномъ положеніи.

Затѣмъ представленіе министерства касалось вопросовъ объ ограниченіи доступа въ залъ засѣданій малолѣтнихъ и лицъ женскаго пола, процедуры обсужденія вопроса о закрытіи дверей, при которой гласность не всегда удобна, и, наконецъ, неудовлетворительности существовавшаго въ то время порядка, въ силу котораго двери должны были быть открываемы тотчасъ же по окончаніи преній сторонъ.

Намѣтивъ такимъ образомъ пункты, подлежащіе исправленію, управляющій министерствомъ остановился на обсужденіи

вопроса о томъ, какой власти надлежало бы предоставить право принятія мѣръ къ устраненію нежелательныхъ послѣдствій неограниченной публичности засѣданій.

По отношенію къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній и лицамъ женскаго пола, какъ онъ полагалъ, слѣдовало бы предоставить предсѣдателю право удаленія изъ зала засѣданій; отъ суда должно зависѣть устраненіе гласности, если оно вызывается или неудобствомъ публичнаго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла, или необходимостью оградить судъ отъ неумѣстнаго вліянія публики. Но суду нельзя поручать рѣшеніе этого вопроса въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда закрытіе дверей необходимо для огражденія достоинства государственной власти и вызывается общественными интересами. Въ законѣ нельзя указать опредѣленныхъ признаковъ, которыми при этихъ условіяхъ долженъ былъ бы руководствоваться судъ, такъ какъ ограниченіе доступа публики находится въ этихъ случаяхъ не всегда въ зависимости отъ обстоятельствъ разбираемаго дѣла и обусловливается особымъ характеромъ данныхъ, не подлежащихъ публичному обсужденію. „Надлежащія свѣдѣнія о такихъ условіяхъ не заключаются въ актахъ судебнаго производства и не только не всегда извѣстны суду, но даже не всегда могли бы быть съ удобствомъ сообщены на усмотрѣніе мѣстныхъ органовъ судебной власти". Оцѣнка такихъ условій должна быть сохранена за властью правительственной. Сообразно съ этимъ, закрытіе дверей въ видахъ огражденія правительственныхъ и общественныхъ интересовъ должно имѣть мѣсто не иначе, какъ по признаніи необходимости такой мѣры министромъ юстиціи.

Но, помимо случаевъ, когда закрытіе дверей необходимо для предупрежденія возбужденія умовъ, нарушенія общественнаго порядка или для огражденія достоинства государства, министръ юстиціи долженъ быть уполномоченъ къ принятію этой мѣры и тогда, когда она вызывается необходимостью обезпечить „безпристрастное разрѣшеніе дѣла". Конечно, обстоятельства, обусловливающія такое распоряженіе, могутъ быть оцѣнены и судомъ, но такое право министра необходимо на тѣ рѣдкіе случаи „когда возникаетъ сомнѣніе, не окажетъ ли настроеніе мѣстнаго общества вреднаго вліянія на свободное разрѣшеніе судомъ самого вопроса о закрытіи дверей засѣданія".

Нѣкоторыя предположенія министра, а именно о правѣ предсѣдателя удалять изъ засѣданія лицъ, присутствіе которыхъ можетъ оказывать вредное вліяніе на ходъ разбирательства или представляется нежелательнымъ съ точки зрѣнія огражденія ихъ самихъ отъ соблазна, и о болѣе полномъ опредѣленіи случаевъ и порядкѣ закрытія дверей по нѣкоторымъ категоріямъ дѣлъ, были приняты Государственнымъ Совѣтомъ въ принципѣ безъ возраженій[1]). По предложенію оберъ-прокурора Св. Синода ст. 620^2 Уст. Уг. Суд. дополнена указаніемъ на то, что преступленія, состоящія въ отступленіи отъ вѣры и распространеніи ересей и расколовъ, подлежатъ разсмотрѣнію также при закрытыхъ дверяхъ. Затѣмъ оговорено, между прочимъ, при обсужденіи въ Соединенныхъ Департаментахъ, что правило ст. 620^1 не должно касаться дѣлъ, производящихся въ кассаціонныхъ департаментахъ. Но относительно вопроса о томъ, какой власти предоставить предлагать суду о закрытіи дверей, мнѣнія рѣзко раздѣлились.

Пять членовъ (Философовъ, Побѣдоносцевъ, Манасеинъ, Мансуровъ, фонъ-Плеве) доказывали, что предоставленіе права закрывать двери засѣданія министру юстиціи—безусловно необходимо. Помимо соображеній, приведенныхъ въ запискѣ министра, они указывали на то, что публичность разбирательства не составляетъ необходимаго условія справедливаго разрѣшенія дѣла и устраненіе публики не есть стѣсненіе правъ сторонъ. „Публичность разбирательства принадлежитъ къ числу средствъ, предоставленныхъ закономъ въ распоряженіе обвинителя и обви-

---

[1]) Существеннымъ измѣненіямъ подверглась редакція ст. 620^3. Въ проектѣ Министерства она изложена такъ: „Сверхъ случаевъ, упомянутыхъ въ предшедшей (620^2) статьѣ, двери судебнаго засѣданія должны быть закрываемы для публики и по всякому другому дѣлу, на время отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій или на все время разбирательства: 1) когда публичное изслѣдованіе того или другого, подлежащаго судебному разсмотрѣнію обстоятельства нарушаетъ требованія нравственности или оскорбляетъ религіозное чувство, и 2) когда недопущеніе публики въ зало засѣданія представляется необходимымъ въ видахъ обезпеченія спокойнаго разсмотрѣнія дѣла и постановленія безпристрастнаго приговора". Департаменты измѣнили эту статью, установивъ слѣдующую ея редакцію: „Сверхъ случаевъ, упомянутыхъ въ предшедшей (620^2) статьѣ, двери судебнаго засѣданія закрываются для публики и по другимъ дѣламъ, на время отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій или на все время разбирательства, если судъ признаетъ, что публичное изслѣдованіе подлежащихъ судебному разсмотрѣнію обстоятельствъ оскорбляетъ религіозное чувство, или нарушаетъ требованія нравственности, или же не можетъ быть допущено въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій".

няемаго для защиты ихъ домогательствъ въ процессѣ. Только въ виду такого характера публичности и возможно какъ производство судебнаго слѣдствія, несмотря на случайное отсутствіе публики, такъ и установленіе изъятій изъ общаго правила о публичности судебныхъ разбирательствъ". Допущеніе публики имѣетъ совершенно иныя цѣли, лежащія внѣ интересовъ даннаго дѣла; оно установлено закономъ въ цѣляхъ возможнаго укрѣпленія довѣрія къ суду. Слѣдовательно, разрѣшеніе вопроса о необходимости закрытія дверей засѣданія не можетъ быть предметомъ, который относится къ вѣдѣнію однихъ лишь судебныхъ мѣстъ. Устраненіе публики, когда эта мѣра принимается ради огражденія населенія отъ соблазна или ради охраненія извѣстныхъ обстоятельствъ отъ оглашенія, представляется распоряженіемъ административнымъ, не имѣющимъ отношенія къ существу приговора. На судъ возлагается соотвѣтствующая обязанность по соображеніямъ удобства, ибо онъ ближайшій органъ власти. Поэтому нѣтъ основанія не предоставлять этого права высшей правительственной власти, министру юстиціи, который отвѣтственъ за успѣшную и согласную съ видами правительства дѣятельность судебныхъ мѣстъ. Распоряженіе министра объ устраненіи гласности явилось бы ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ надзора за неупустительнымъ со стороны суда соблюденіемъ соотвѣтствующаго правила. Обстоятельства, почему либо ускользнувшія отъ вниманія суда, могутъ быть извѣстны центральному управленію вѣдомства юстиціи и своевременное указаніе на нихъ подлежащему суду предотвратитъ вредныя послѣдствія разглашенія.

Напротивъ, другіе пять членовъ (Стояновскій, Любощинскій, Перетцъ, Фришъ, фонъ-Дервизъ) не могли согласиться съ предоставленіемъ министру права распоряженія о закрытіи дверей засѣданія. Право давать предписанія судамъ никогда, даже при старомъ порядкѣ, не принадлежало министру юстиціи. Это чрезвычайное его право поколеблетъ основныя начала судопроизводства, и его нельзя вводить, какъ бы мимоходомъ, въ видѣ частнаго дополненія къ процессуальнымъ правиламъ. Слѣдовало бы пересмотрѣть все Учрежденіе Министерства и судебныхъ мѣстъ, и разработать проектъ въ этомъ отношеніи гораздо тщательнѣе. Оговорка о томъ, что право министра не распространяется на кассаціонные департаменты введена уже

при разсмотрѣніи проекта въ Государственномъ Совѣтѣ, и управляющій Министерствомъ Юстиціи вынужденъ былъ согласиться съ этимъ исправленіемъ. Но проектируемое новшество одинаково неудобно и относительно другихъ судебныхъ мѣстъ, которыя, отправляя судъ подъ указомъ Его Императорскаго Величества, подчинены лишь высшимъ въ инстанціонномъ порядкѣ судебнымъ же мѣстамъ.

Неправильно воззрѣніе, что публичность разбирательства не есть непремѣнное условіе справедливаго приговора и что цѣль ея лежитъ внѣ интересовъ даннаго дѣла. Гласность — не есть простая обрядность. Она побуждаетъ участвующихъ въ дѣлѣ и свидѣтелей воздержаться отъ лжи, а судей быть внимательными и соблюдать всѣ правила. Негласность дореформеннаго процесса была главнымъ его зломъ. Ссылка на однородное право генералъ-губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ не убѣдительна, ибо эта мѣра вызвана исключительными обстоятельствами и не можетъ быть примѣромъ для общаго и постояннаго измѣненія закона.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ указывалось въ запискѣ, обстоятельства, требующія закрытія дверей извѣстны только министру и не могутъ быть сообщаемы даже суду, предувѣдомленіе суда объ этихъ обстоятельствахъ практически необходимо, ибо закрытіе дверей засѣданія не обезпечиваетъ еще полной тайны. Въ засѣданіи присутствуютъ разныя постороннія лица (родственники подсудимыхъ, свидѣтели, эксперты и др.), которыя могутъ впослѣдствіи разглашать слышанное ими.

Наиболѣе правильнымъ способомъ осуществленія мѣры, проектированной Министерствомъ Юстиціи, было бы, по мнѣнію противниковъ проекта, примѣненіе способа, указаннаго закономъ 7 мая 1885 г., о порядкѣ переноса слушанія уголовныхъ дѣлъ изъ одного округа въ другой. Иначе говоря, слѣдовало бы предоставить министру юстиціи право предлагать объ устраненіи гласности Соединенному Присутствію Сената.

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта голоса также раздѣлились. 20 членовъ [1]) примкнули къ проекту; повторяя

[1]) Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи, Новосильскій, графъ Адлербергъ I, Тимашевъ, гр. Шуваловъ, кн. Долгорукій, Грейгъ, Сольскій, Философовъ, Посьетъ, Побѣдоносцевъ, Ванновскій, Островскій, Мансуровъ 2, Дурново, Манасеинъ, Вышнеградскій, кн. Волконскій, фонъ-Плеве.

аргументы, высказанные уже въ запискѣ и въ сужденіяхъ Департаментовъ, они главнымъ образомъ подчеркивали неудобства, вытекающія иногда изъ присутствія публики, и отмѣчали, что при гласномъ разбирательствѣ, напротивъ, наличность многолюднаго сборища можетъ побуждать свидѣтелей ко лжи. Внимательность судей обезпечивается присутствіемъ сторонъ, которыя слѣдятъ за соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Предоставленіе министру испрашиваемаго имъ права нисколько не касается самостоятельности судовъ по существу отправляемыхъ ими обязанностей и не колеблетъ основъ судопроизводства.

Напротивъ, 31 членъ [1]) высказались противъ проекта. Кромѣ выставленныхъ раньше возраженій, большинство Совѣта подкрѣпляло силу ихъ еще и другими соображеніями. Указывалось, что только при гласномъ судѣ смывается пятно незаслуженнаго обвиненія, и публичность же составляетъ главное оружіе въ рукахъ справедливаго обвинителя. Виновникъ крушенія Московскаго ссуднаго банка (иностранецъ Струсбергъ), только благодаря гласности суда, сдѣланъ безвреднымъ для всего міра. Только благодаря гласности раскрыто дѣло о поджогѣ паровой мукомольной мельницы военнаго вѣдомства въ С.-Петербургѣ (дѣло Овсянникова). Законъ 1865 г., установившій гласность разбирательства въ дореформенныхъ судахъ, однимъ этимъ уже улучшилъ направленіе ихъ дѣятельности и разсѣялъ недовѣріе къ нимъ. Гласность одна изъ гарантій правильности приговора. Поэтому и распоряженіе о ея отмѣнѣ должно исходить отъ судебной власти.

Если получатъ окончательное утвержденіе мѣры, уже одобренныя единогласно Департаментами, то судебная власть будетъ имѣть возможность оградить интересы правительства; ихъ слѣдуетъ испытать прежде признанія ихъ недостаточными и установленія порядка, равносильнаго замѣнѣ суда гласнаго, по закону — судомъ гласнымъ, по усмотрѣнію министра юстиціи, на дѣйствія котораго, какъ генералъ-прокурора, нѣтъ жалобъ въ Сенатъ; его рѣшеніе было бы окончательнымъ и замѣняло бы собою слова закона. Но если на министра юстиціи

---

[1]) Великіе Князья Михаилъ и Николай Николаевичи, Веригинъ, Рейтернъ, Абаза, Убри, Набоковъ, Танѣевъ, Небольсинъ, Гирсъ, гр. Игнатьевъ, фонъ-Кауфманъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, гр. Паленъ, Любощинскій, Гротъ, Корниловъ, Мансуровъ I, Кахановъ, Рѣдкинъ, Стояновскій, Старицкій, Перетцъ, Чертковъ, Фришъ, Бунге, Гольтгоеръ, Рихтеръ, Шестаковъ, Николаевъ, фонъ-Дервизъ.

не установлено жалобъ, то именно потому, что онъ не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій относительно частныхъ лицъ; онъ не верховный судья, а только главный блюститель закона; исправленіе же и отмѣна закона принадлежатъ лишь Государю. Если испрашиваніе указа о принудительномъ отчужденіи земли не почитается излишнимъ утрудженіемъ Высочайшаго вниманія, то съ большимъ основаніемъ это можно утверждать относительно вопроса объ устраненіи гласности. А потому безконтрольное право министра юстиціи отдавать немотивированныя приказанія судамъ о закрытіи дверей ихъ присутствій явилось бы правомъ самодержавнымъ. Поэтому 31 членъ, большинство Государственнаго Совѣта, полагали ввести въ проектъ статью слѣдующаго содержанія: (ст. 621^{1}). „Если министръ юстиціи изъ дошедшихъ до него свѣдѣній усмотритъ, что публичное разсмотрѣніе дѣла не должно быть допущено по причинамъ, указаннымъ въ 620^{3} статьѣ, то предлагаетъ сіи свѣдѣнія и вопросъ о закрытіи дверей засѣданія суда на все время разсмотрѣнія дѣла или только на время совершенія отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій Соединенному Присутствію I и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Опредѣленіе Присутствія о закрытіи дверей суда приводится въ исполненіе не иначе, какъ по испрошеніи на сіе министромъ юстиціи Высочайшаго соизволенія черезъ Комитетъ Министровъ“.

Однако, силу закона получило мнѣніе меньшинства, т. е. 20 членовъ Государственнаго Совѣта, согласныхъ съ мнѣніемъ министра юстиціи (12 февраля) [1]). Но при этомъ и суду было предоставлено право закрывать двери по причинамъ, указаннымъ въ ст. 620^{3}.

Законъ 12 февраля, еще до утвержденія его, вызвалъ въ печати самые разнообразные отзывы. „Новости“ (1887 г. №№ 8 и 9) ставили его въ связь съ общимъ курсомъ внутренней политики страны и указывали, что основная причина возбужденія вопроса объ ограниченіи судебной гласности лежитъ въ „общихъ усло-

[1]) Слѣдуетъ упомянуть, что противъ права министра юстиціи распоряжаться объ устраненіи публичности разбирательства возражалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, указывая, что иностранныя правительства, „по соображеніямъ собственныхъ интересовъ, могутъ воспользоваться новымъ закономъ, чтобы уклониться отъ исполненія экстрадиціонныхъ конвенцій во вредъ русскому правосудію“. Однако, это замѣчаніе было представлено уже послѣ обсужденія дѣла въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

віяхъ нашей гласности или свободы сужденія". Если бы послѣднія были вообще шире и благопріятнѣе, то, по мнѣнію газеты, ни въ комъ не возникало бы „сомнѣній относительно не только пользы, но и необходимости возможно (болѣе) широкой гласности въ судѣ". Наоборотъ, „Русскія Вѣдомости" (1887 г. № 26) подошли къ законопроекту съ точки зрѣнія его реальныхъ послѣдствій и высказали опасеніе, что предоставленіе министру юстиціи права закрытія дверей вызоветъ полное устраненіе гласности изъ процессовъ о должностныхъ преступленіяхъ. По совершенно другимъ основаніямъ возражало противъ этого закона и „Новое Время" (1887 г. № 3905). Можно пожалѣть,—писала газета,—что подобная мѣра запоздала, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на 17. За это время въ судахъ прошло много политическихъ процессовъ, которые были своего рода ареной пропаганды судимыхъ людей. Но теперь это зло устранено, политическіе процессы не служатъ больше предлогомъ для публичныхъ манифестацій, между тѣмъ самый порядокъ закрытія дверей по распоряженію министра, полный неясностей и недомолвокъ, откроетъ, по мнѣнію газеты, широкій доступъ въ судебныя дѣла искательствамъ, задержкамъ и всякаго рода недоразумѣніямъ, которыя едва ли будутъ соотвѣтствовать достоинству какъ суда, такъ и административной власти. Наконецъ, по мнѣнію „Кіевлянина" (1887 г. № 16), было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы права, предоставляемыя въ данномъ случаѣ министру, были вручены вмѣсто него Сенату, но все таки главный недостатокъ законопроекта газета видѣла въ томъ, что въ немъ усиливаются права суда на закрытіе дверей, и опасалась, что на судебныхъ дверяхъ неизмѣнно будетъ появляться табличка съ надписью: „входъ воспрещается". По словамъ газеты, никто не можетъ утверждать, что подобныя явленія невозможны при извѣстномъ настроеніи, и при одномъ, двухъ циркулярахъ они могутъ наступить даже неожиданно скоро. Изъ журнальныхъ статей, посвященныхъ закону, отмѣтимъ его разборъ, помѣщенный во внутреннемъ обозрѣніи одного изъ нумеровъ „Вѣстника Европы" и статью Гр. Джаншіева [1]). Обѣ эти статьи занимаютъ

[1]) См. Вѣстникъ Европы 1887 г. IV, стр. 835—845. Гр. Джаншіевъ. Ограниченіе гласности въ судѣ (Юрид. Вѣстникъ, 1887 г. I, III, стр. 108—114, 502—508). Здѣсь же можно упомянуть о малооригинальной работѣ М. А. Окса. О публичности или гласности суда. Одесса, 1889 г.

одинаково отрицательную позицію по отношенію къ тѣмъ измѣненіямъ въ Уставѣ, которыя принесъ съ собою этотъ законъ. Такъ, прежде всего, по мнѣнію авторовъ обѣихъ статей нельзя признать цѣлесообразнымъ правило ст. 620^3, расширявшей, по словамъ „Вѣстника Европы", „до крайности произвольную власть суда" въ закрытіи дверей. „Мы готовы признать, — писалъ Г. Джаншіевъ, что подъ редакцію 620 ст. (по изд. 1864 г.) иногда не могутъ подойти нѣкоторыя дѣла, которыя было бы желательно не оглашать, но тѣмъ не менѣе мы стоимъ за эту редакцію. Пусть лучше одно, два скандальныхъ дѣла огласятся, чѣмъ десятки, сотни дѣлъ будутъ лишены свѣта гласности". Но, какъ и всѣ почти цитированные выше органы прессы, главный недостатокъ закона авторы усматривали въ усиленіи власти министра, который вынужденъ будетъ руководствоваться въ этихъ случаяхъ никѣмъ не провѣренными сообщеніями („Вѣстн. Европы"); и „если бы такой (порядокъ) существовалъ доселѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, подъ его защиту стали бы и Овсянниковъ, и игуменья Митрофанія, и генералъ Гартунгъ, и можетъ быть даже хищники таганрогской таможни" (Джаншіевъ). Такимъ образомъ въ оцѣнкѣ этой части закона сошлись и „Новое Время" и „Вѣстникъ Европы".

XI. Ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ.

Судъ присяжныхъ, какъ уже многократно отмѣчалось выше, подвергался разнообразнымъ нападкамъ. Здѣсь нѣтъ основаній входить въ подробную оцѣнку аргументовъ за и противъ этого института и нѣтъ поводовъ распространяться о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя были высказаны по этому предмету. Отмѣтимъ лишь, что въ восьмидесятыхъ годахъ по временамъ возникали слухи о намѣреніяхъ упразднить судъ присяжныхъ или сократить его до минимума, и слухи эти несомнѣнно имѣли подъ собою почву.

Законодательство нѣсколько разъ касалось вопросовъ, связанныхъ съ институтомъ присяжныхъ; наибольшаго вниманія, съ точки зрѣнія отклоненія отъ принциповъ, положенныхъ въ его основаніе Уставами, заслуживаетъ законъ 7 іюля 1889 г., которымъ ограничивалась компетенція суда присяжныхъ засѣдателей.

Измѣненіе судопроизводства по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся преступленій противъ порядка управленія, установленное закономъ 24 апрѣля 1878 г., при самомъ изданіи этого закона разсматривалось какъ временное. Нововведеніе это на практикѣ оказалось мало удачнымъ. Примѣненіе новаго порядка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ дѣйствительности было ограничено дѣйствіемъ указа 9 августа 1878 г., которымъ предписывалось при опредѣленныхъ условіяхъ (см. выше) предавать виновныхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или нападеніи на должностныхъ лицъ суду военному; это постановленіе вошло и въ ст.ст. 18 и 31 Положенія 14 августа 1881 г. Съ другой стороны, возникали затрудненія и при самомъ примѣненіи закона 24 апрѣля 1878 г. Требовались усиленные расходы на выѣзды присутствій палатъ, на вознагражденіе свидѣтелей, экспертовъ и т. п., причемъ, напр., въ губерніяхъ Вятской и Пермской, за отсутствіемъ въ нихъ должностей предводителей дворянства, не было возможности устраивать сессіи, и свидѣтелей приходилось вызывать въ Казань издалека; уголовные департаменты палатъ оказались обремененными массой дѣлъ, требовавшихъ обыкновенно составленія обширныхъ приговоровъ. Поэтому вскорѣ возникъ вопросъ о возстановленіи прежняго порядка судопроизводства, если и не для всѣхъ дѣлъ, поименованныхъ въ законѣ 1878 г., то по крайней мѣрѣ для части ихъ.

Возвращеніе къ прежнему порядку мотивировалось тѣмъ, что судебнымъ палатамъ, въ сущности, приходилось имѣть дѣло съ очень маловажными преступными дѣяніями, ибо всѣ сколько нибудь крупныя передавались военному суду. Обычно до палатъ доходили сопротивленія низшимъ органамъ полиціи при описи имуществъ у крестьянъ и при арестѣ пьяныхъ. Такія преступленія ни въ какомъ случаѣ не вызывали необходимости въ чрезвычайныхъ мѣрахъ, а таковой по первоначальной мысли и былъ установленный временно закономъ 9 мая 1878 г. порядокъ судопроизводства. Министръ юстиціи поэтому и полагалъ, что слѣдовало бы сохранить подсудность палатамъ для тѣхъ категорій преступныхъ дѣяній, важность которыхъ оправдывала бы существованіе особаго изъятія, а именно для тѣхъ, которыя были перечислены въ законѣ 9 августа 1878 г., когда они не были предаваемы суду военному.

Это предложеніе министра юстиціи въ общемъ не вызвало рѣшительныхъ возраженій со стороны вѣдомствъ; нѣкоторыя замѣчанія гр. Игнатьева (министра внутреннихъ дѣлъ) были приняты въ соображеніе, и Государственный Совѣтъ утвердилъ проектъ Д. Н. Набокова, произведя въ немъ лишь незначительныя измѣненія (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 11 мая 1882 г.) [1]).

Но вскорѣ министерство снова подняло вопросъ объ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей по этого рода дѣламъ. Въ представленіи министра юстиціи 11 февраля 1887 г. [2]) указывается, что по существовавшему порядку нѣкоторые виды преступленій противъ порядка управленія оказались подсудными присяжнымъ, между тѣмъ какъ справедливое сужденіе о виновности въ этихъ преступленіяхъ не всегда доступно судьямъ, взятымъ изъ массы населенія, которые иногда даже обнаруживаютъ особенную склонность снисходительно относиться къ преступнымъ проявленіямъ, въ коихъ власть противуполагается населенію. Присяжнымъ засѣдателямъ приходилось, по дѣламъ этого разряда, чаще всего встрѣчаться съ сопротивленіями властямъ со стороны крестьянъ по поводу аграрныхъ столкновеній съ помѣщиками, и обычнымъ явленіемъ было то, что судили виновныхъ присяжные изъ крестьянъ же, и при томъ изъ мѣстностей сосѣднихъ. При такихъ обстоятельствахъ число оправдательныхъ приговоровъ достигало значительной цифры, въ среднемъ 56%. Вслѣдствіе недостаточности репрессіи въ общемъ порядкѣ суда, генералъ-губернаторы нерѣдко передавали наиболѣе выдающіеся случаи сопротивленія властямъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ. Въ виду этого, министръ юстиціи полагалъ необходимымъ изъять изъ юрисдикціи присяжныхъ сверхъ дѣлъ, которыхъ не коснулся законъ 1882 г., преступленія, предусмотрѣнныя въ ст. 274 (возбужденіе къ сопротивленію властямъ), въ п.п. 1 и 2 ст. 276 и въ п. 2 ст. 282 (Улож. Нак.), а кромѣ того отнести къ изъятымъ преступныя дѣянія, перечисленныя въ статьяхъ 302, часть 2, 315, 618, 633, 755, 756, 803, часть 2, 823, часть 2, 824, 1021, 1026, 1022, часть 3, 1143, 1144, 1262 Уложенія о Наказаніяхъ.

---

[1]) См. дѣло Госуд. Совѣта, по Департаменту Законовъ, 1882 г. № 40.

[2]) Къ дальнѣйшему см. дѣло Госуд. Совѣта, Гражд. Департамента, 1889 г. № 54.

Но, по мнѣнію министра, неправильно было бы оставлять въ вѣдомствѣ присяжныхъ еще нѣкоторыя другія категоріи дѣлъ. По дѣламъ сложнымъ недостаточно простого здраваго смысла и обыкновеннаго запаса житейской опытности, нужны еще и другія качества и познанія. Эти качества не всегда встрѣчаются у присяжныхъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежащихъ къ крестьянской и мѣщанской средѣ, т. е. къ классамъ населенія, наименѣе просвѣщеннымъ. Несоотвѣтствіе присяжныхъ тѣмъ требованіямъ, которымъ они должны удовлетворять, отражается на существѣ вердиктовъ по дѣламъ, выходящимъ изъ разряда обыкновенныхъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важны дѣла о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной. Отвлеченное понятіе интереса публичнаго и связь его съ сохраненіемъ постановленій, которыми опредѣляется порядокъ дѣятельности учрежденій на благо общественное, часто неуловимы для присяжныхъ; они не всегда достаточно проникаются убѣжденіемъ о необходимости строго карать преступленія должностныхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ присяжнымъ трудно разобраться потому, что они предполагаютъ знакомство судьи съ порядкомъ государственной службы (напр., о превышеніи и бездѣйствіи власти, о неправосудіи и пр.), а его то и нѣтъ у присяжныхъ. Особенныя трудности представляютъ тѣ дѣла, которыя требуютъ провѣрки счетоводства и разъясненія вопросовъ техническаго свойства—дѣла о присвоеніяхъ и растратахъ, о подлогахъ съ цѣлью сокрытія растратъ и т. п. При разсмотрѣніи обвиненій этого рода необходимо напряженное вниманіе и знаніе дѣла, безъ чего и объясненія экспертовъ непонятны. Въ виду невозможности уяснить себѣ всѣ обстоятельства дѣла, присяжные не могутъ притти къ несомнѣнному убѣжденію въ виновности подсудимаго и выносятъ оправдательные приговоры; за 9 лѣтъ присяжными было оправдано 71% всѣхъ судившихся по этого рода дѣламъ, между тѣмъ какъ въ Варшавскомъ округѣ оправдательныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ было всего 35%. Эти же замѣчанія вполнѣ относятся и къ преступленіямъ, совершеннымъ служащими въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, для разслѣдованія которыхъ необходимы познанія по бухгалтеріи и теоріи банковаго кредита; аналогичныя затрудненія встрѣчаются при разслѣдованіи нарушеній правилъ эксплоатаціи желѣзныхъ

дорогъ, въ особенности потому, что показанія экспертовъ, лицъ одной съ отвѣтчикомъ профессіи, не всегда соотвѣтствуютъ требованіямъ безпристрастности и строгой правды, а провѣрить и оцѣнить ихъ присяжные засѣдатели почти никогда не въ состояніи; наконецъ однородны съ ними преступленія, предусмотрѣнныя въ ст.ст. 1225, 1236, 1241 и 1254 Улож. Нак.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ нѣкоторые разряды преступныхъ дѣяній, для которыхъ непригоденъ судъ присяжныхъ, министръ юстиціи отмѣтилъ еще рядъ дѣлъ, для которыхъ, по его мнѣнію, также было бы нецѣлесообразнымъ сохранять этотъ порядокъ разбирательства. Таковыми являются преступныя дѣянія, подвергающія виновнаго утратѣ лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. На основаніи нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, министръ пришелъ къ выводу, что большинство лицъ, предаваемыхъ суду по обвиненію въ дѣяніяхъ, влекущихъ за собой ограниченіе правъ по ст. 50 Улож. Нак., присяжными присуждаются къ менѣе строгимъ наказаніямъ. Въ томъ же положеніи находится и юрисдикція по дѣламъ малолѣтнихъ преступниковъ—малолѣтство или несовершеннолѣтіе принимаются присяжными иногда за основаніе къ полному оправданію, равнозначущему съ помилованіемъ.

Въ виду всѣхъ этихъ основаній Министерство Юстиціи предполагало изъять изъ юрисдикціи присяжныхъ: 1) нѣкоторыя преступленія по особымъ ихъ свойствамъ, „не отвѣчающія существу условій процесса съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей“; 2) всѣ вообще проступки, за которые высшимъ взысканіемъ является наказаніе, соединенное съ ограниченіемъ правъ по ст. 50 Улож. Нак. и 3) преступныя дѣянія, учиненныя малолѣтними и несовершеннолѣтними, когда виновному въ силу самого закона не можетъ угрожать ни лишеніе всѣхъ правъ состоянія, ни потеря всѣхъ особенныхъ правъ.

Дѣла, указанныя во второмъ и третьемъ пунктѣ, Н. А. Манасеинъ полагалъ передать юрисдикціи окружныхъ судовъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; дѣла первой категоріи въ виду тяжести наказаній, съ ними сопряженныхъ, должны оставаться въ вѣдомствѣ суда съ участіемъ представителей общества. Общественный же элементъ, по Уставамъ, выражается въ участіи или присяжныхъ засѣдателей, или сословныхъ представителей. Приглашенные къ участію въ засѣданіяхъ сословные представители,

какъ полагало Министерство Юстиціи, вполнѣ удовлетворяютъ условіямъ имущественнаго ценза, умственнаго развитія и общественнаго положенія. Что же касается подробностей организаціи новаго порядка, то въ запискѣ указывалось на необходимость избѣгать неудобствъ, вызываемыхъ присоединеніемъ сословныхъ представителей къ составу палатъ; выѣзды палатъ могли происходить сравнительно рѣдко, расходы на производство дѣлъ были значительны, а теченіе дѣлъ было медленное. Поэтому Н. А. Манасеинъ считалъ правильнымъ передать дѣла этой категоріи въ вѣдомство окружныхъ судовъ, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ лицѣ уѣзднаго предводителя дворянства, городского головы (или замѣстителей этихъ лицъ) и волостного старшины.

Предположенія Н. А. Манасеина вызвали критику только со стороны главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ. Статсъ-секретарь Фришъ возражалъ противъ расширенія компетенціи сословныхъ представителей и защищалъ судъ присяжныхъ. Онъ ссылался на удостовѣренное опытомъ и дореформенною практикой пассивное, равнодушное отношеніе должностныхъ лицъ сословнаго управленія къ ихъ судейскимъ обязанностямъ; онъ указывалъ, далѣе, на необходимость организовать судъ такъ, чтобы онъ вызывалъ довѣріе общества; между тѣмъ составъ представителей задолго впередъ извѣстенъ поименно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр., при процессахъ по поводу злоупотребленій въ кредитныхъ установленіяхъ) мѣстные городскіе дѣятели не всегда могутъ оказаться судьями безпристрастными. Кромѣ того Э. В. Фришъ возражалъ противъ созданія особаго присутствія для сужденія по такого рода дѣламъ, въ видѣ окружного суда съ сословными представителями. Эта форма суда, не испытанная на практикѣ, представлялась ему нежелательной и необходимость ея введенія— недоказанной. Если передать сужденія по преступнымъ дѣяніямъ, влекущимъ за собой ограниченіе правъ, въ вѣдомство коронного суда, то компетенція суда присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей значительно сократится и палаты не будутъ настолько обременены дѣлами, какъ это предполагается въ запискѣ министра. Съ другой стороны Э. В. Фришъ соглашался съ предположенною передачею дѣлъ о преступленіяхъ маловаж-

ныхъ (сопряженныхъ съ ограниченіемъ правъ), но не о преступленіяхъ, совершенныхъ малолѣтними—въ вѣдомство суда коронnаго. Наконецъ, по мнѣнію Э. В. Фриша, слѣдовало бы усиливать и присутствіе Сената сословными представителями въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенатъ является первой инстанціей для сужденія дѣлъ о преступленіяхъ должностныхъ.

Соединенные Департаменты, не возражая противъ изъятія намѣченныхъ министромъ юстиціи категорій дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, согласились съ мнѣніемъ статсъ-секретаря Фриша о нежелательности образованія присутствій окружныхъ судовъ съ сословными представителями. Нельзя не предвидѣть, полагали Департаменты, что уѣздные предводители дворянства, обремененные занятіями, будутъ уклоняться отъ участія въ судебныхъ засѣданіяхъ и будутъ замѣщаемы засѣдателями дворянскихъ опекъ или депутатами. А эти лица, равно какъ и замѣстители городскихъ головъ, едва ли могутъ считаться болѣе пригодными, чѣмъ присяжные засѣдатели, для правильнаго сужденія о преступленіяхъ, имѣющихъ спеціальный характеръ. Если голосъ ихъ и будетъ вообще имѣть значеніе наряду съ мнѣніемъ коронныхъ судей, то вліяніе ихъ едва ли будетъ благопріятнымъ; они могутъ явиться съ предубѣжденіями по дѣламъ, и могутъ быть связанными дружбой и знакомствомъ, а иногда враждой съ подсудимыми. Департаменты поэтому высказались за передачу этихъ дѣлъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ для сужденія въ присутствіяхъ, состоящихъ изъ предсѣдателя департаментовъ, трехъ членовъ и трехъ представителей отъ сословій. Что же касается предположенія министра объ изъятіи изъ вѣдомства суда присяжныхъ дѣлъ о преступленіяхъ, сопряженныхъ съ ограниченіемъ правъ и о преступленіяхъ малолѣтнихъ, то Департаменты признали, что эта мѣра не стоитъ въ неразрывной связи съ прочими частями проекта и признали желательнымъ отложить ея осуществленіе.

Въ связи съ этимъ Департаментами было постановлено, что дѣла о многобрачіи поступаютъ къ суду уголовному не прежде, какъ по окончаніи надъ обвиняемыми суда духовнаго, и что опредѣленія духовнаго суда обязательны для уголовнаго. Оберъ-прокуроръ Св. Синода указывалъ на желательность изъятія и этого рода процессовъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, но Департаменты не признали необходимымъ измѣнять существующую

подсудность и согласились съ приведеннымъ выше измѣненіемъ ст.ст. 1013 и 1014 Уст. Уг. Суд., предложеннымъ Т. И. Филипповымъ. Однако, Государственный Совѣтъ въ Общемъ Собраніи склонился къ мнѣнію К. П. Побѣдоносцева.

XII. Судебно-административная реформа 1889 г.

Реформа 1889 г., выразившаяся въ учрежденіи новыхъ должностей земскихъ начальниковъ и образованіи особыхъ коллегіальныхъ установленій для апелляціоннаго и кассаціоннаго разбирательствъ, представляетъ самое рѣзкое отклоненіе законодательства отъ основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ за все время дѣйствія новаго судебнаго порядка.

Реформой устранялось выборное начало при замѣщеніи должностей единоличныхъ судей; власть судебная соединялась въ одномъ лицѣ съ административною; должностныя лица, призванныя къ отправленію правосудія, ставились подъ непосредственный надзоръ администраціи; служебное ихъ положеніе, въ смыслѣ независимости и несмѣняемости, значительно отличалось отъ того, въ которое были поставлены судьи по Уставамъ. Реформа эта относится къ близкой еще эпохѣ, исторія отдѣльныхъ стадій развитія проекта графа Д. А. Толстого описывалась уже многократно, такъ что трудно прибавить что либо новое къ извѣстному уже всѣмъ изъ офиціальныхъ матеріаловъ и литературы; далѣе, законъ 12 іюля 1889 г. сохраняетъ еще до сихъ поръ силу и, слѣдовательно, нѣтъ основаній останавливаться на описаніи подробностей введеннаго имъ порядка. Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ цѣлью только напомнить главнѣйшіе моменты этого крупнаго эпизода изъ недавняго прошлаго нашего государственнаго строя.

Преобразованіе подготавливалось двумя обстоятельствами. Институтъ мировыхъ судей, какъ уже не разъ указывалось выше, подвергался непрестанной и рѣзкой критикѣ со стороны вліятельныхъ административныхъ и общественныхъ круговъ. Это осужденіе не оставалось безплоднымъ и результатомъ его было то, что весь институтъ утратилъ кредитъ въ глазахъ высшаго правительства. Для упраздненія его необходимъ былъ

только поводъ и сколько нибудь удовлетворительная, по мнѣнію вліятельныхъ круговъ, разработка организаціи тѣхъ учрежденій, которыя должны были его замѣнить.

Съ другой стороны, возникалъ вопросъ о переустройствѣ существовавшаго въ тѣ времена порядка надзора за крестьянскимъ управленіемъ. Въ 1874 году были упразднены должности мировыхъ посредниковъ и обязанности ихъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія и судебно-мировыя установленія, къ вѣдомству непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія перешли дѣла по устройству земельныхъ отношеній, по выкупнымъ договорамъ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, по разрѣшенію споровъ и жалобъ, относящихся до уставныхъ грамотъ и др; въ вѣдомство мировыхъ установленій отошли дѣла по спорамъ между крестьянами и помѣщиками по прекращеніи обязательныхъ между ними отношеній; полиціи, т. е. исправнику, поручено попеченіе о своевременномъ поступленіи причитающихся съ крестьянъ податей и выкупныхъ платежей; наконецъ, всѣ остальныя обязанности посредниковъ и ихъ съѣздовъ, какъ, напр., утвержденіе волостныхъ старшинъ, разсмотрѣніе жалобъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія, наложеніе на нихъ взысканій, преданіе ихъ суду, наблюденіе за опеками и проч., отнесены къ вѣдомству уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ полномъ его составѣ. Присутствіе было образовано подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ непремѣннаго члена, избираемаго губернскимъ земскимъ собраніемъ, изъ предсѣдателя мѣстной уѣздной земской управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей, по приглашенію министра юстиціи (см. подробности въ законѣ 27 іюня 1874 г., П. С. З., № 53.678).

Такимъ образомъ, взамѣнъ должностей мировыхъ посредниковъ была учреждена только должность непремѣннаго члена присутствія, а всѣ прочія функціи присоединились къ кругу дѣлъ уже существовавшихъ установленій, и безъ того обремененныхъ своими сложными обязанностями. Указанныя учрежденія, повидимому, плохо справлялись съ своими обязанностями.

Въ 1880 г. была назначена, по иниціативѣ гр. Лорисъ-Меликова, ревизія девяти губерній, порученная сенаторамъ Половцову, Мордвинову, Шамшину и Ковалевскому. Сенаторамъ, въ

числѣ прочаго, было поручено обозрѣть дѣятельность правительственныхъ и мѣстныхъ учрежденій, и представленные ими обширные отчеты были переданы, какъ исходный и основной матеріалъ въ комиссію, предсѣдателемъ которой былъ статсъ-секретарь Кахановъ [1]). Комиссіи этой, въ просторѣчіи обыкновенно называемой „Кахановской", было поручено составленіе проектовъ мѣстнаго управленія. Комиссіи пришлось коснуться вообще всѣхъ сторонъ устройства мѣстныхъ органовъ административныхъ и общественныхъ, въ томъ числѣ и организаціи крестьянскаго управленія. Изъ комиссіи было выдѣлено особое совѣщаніе, составъ членовъ котораго былъ впослѣдствіи дополненъ приглашеніемъ новыхъ лицъ, участіе въ его работахъ приняли лица различныхъ политическихъ взглядовъ. Здѣсь нѣтъ основаній входить въ подробное разсмотрѣніе разнообразныхъ теченій, образовавшихся въ комиссіи по обсуждавшимся въ ней вопросамъ, и слѣдуетъ только въ самыхъ общихъ чертахъ коснуться ея сужденій по предметамъ, соприкасающимся съ крестьянскимъ строемъ и юрисдикціей по мелкимъ дѣламъ [2]).

Основной обще-административной территоріальной единицей должна была быть, по мнѣнію совѣщанія, волость, а управленіе волости предполагалось сосредоточить въ рукахъ особаго должностного лица „волостеля", избираемаго уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, сперва на три года, а на послѣдующихъ выборахъ на 6. Въ основу реформы совѣщаніе клало принципъ безсословности сельскаго общества, обособляя его отъ крестьянскихъ земельныхъ единеній.

Въ комиссіи проектъ совѣщанія подвергся рѣзкой критикѣ. Большинство членовъ высказалось за сохраненіе крестьянской волости; органъ, стоящій во главѣ участка, территоріально-административнаго раздѣленія уѣзда, получилъ въ проектѣ комиссіи значеніе органа административнаго и исполнительнаго, съ порученіемъ ему сверхъ того спеціальныхъ функцій по надзору за крестьянскимъ управленіемъ. „Участковый"—„волостель" совѣщанія—долженъ былъ находиться подъ надзоромъ губернскихъ властей и должность эта замѣщалась не по выборамъ, а по назначенію отъ правительства.

---

[1]) Исторія Прав. Сената за двѣсти лѣтъ, т. IV, стр. 200 и слѣд.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о трудахъ комиссіи статсъ-секретаря Каханова имѣются въ книгѣ В. М. Гессена. Вопросы мѣстнаго управленія. С.П.Б. 1904 г.

Но въ комиссіи группой ея членовъ былъ выдвинутъ другой проектъ. Единица низшаго управленія по этому проекту должна была быть значительно больше волости, а во главѣ ея долженъ стоять участковый начальникъ, спеціально надзирающій надъ крестьянскимъ управленіемъ, сосредоточивающій въ своихъ рукахъ административную и судебную власть и назначаемый преимущественно изъ мѣстнаго дворянства.

Проектъ этотъ не былъ новостью. Аналогичная мысль была высказана въ началѣ 1880 г. симбирской комиссіей изъ представителей отъ уѣздныхъ земствъ и иниціаторомъ ея былъ Алексѣй Дмитріевичъ Пазухинъ [1]), въ то время бывшій алатырскимъ предводителемъ дворянства. Въ 1885 г. А. Д. Пазухинъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" статью, подъ заглавіемъ „Современное состояніе Россіи и сословной вопросъ". Въ этой статьѣ проводится мысль, что съ изданіемъ Положенія 19 февраля 1861 года дворянство не утратило своего историческаго положенія. Къ его прежнимъ служилымъ правамъ присоединилось право выставлять изъ своей среды лицъ для приведенія въ исполненіе реформы и для управленія крестьянскимъ населеніемъ. Оба важнѣйшихъ сословія Россіи, крестьянство и дворянство, остались на старыхъ историческихъ устояхъ. Переходное состояніе давно уже отошло бы въ область преданія, если бы крестьянская реформа не была признана „либеральной". Отсюда явилось мнѣніе, что Россія можетъ вынести всякую реформу, лишь бы она была согласована съ либеральными принципами. Судебная реформа вводилась въ эпоху самаго сильнаго возбужденія умовъ. Составъ новыхъ учрежденій наполнился сторонниками направленія, разрушающаго всѣ основы нашей исторіи. Судебная корпорація, получившая вліяніе на ходъ общихъ дѣлъ, поощряла безобразныя явленія новаго строя и не останавливалась даже предъ покровительствомъ государственной крамолѣ. Дворянство было устранено отъ участія въ выборахъ мировыхъ судей, избираемыхъ безсословнымъ земствомъ. Но историческія

[1]) Алексѣй Дмитріевичъ Пазухинъ родился 18 февраля 1845 г., до 1870 г. былъ присяжнымъ повѣреннымъ округа Казанской судебной палаты, съ 1870—1877 мировымъ судьей, затѣмъ одновременно былъ предсѣдателемъ Алатырской земской управы и предводителемъ дворянства (1878—1885). Въ 1885 г. былъ приглашенъ къ участію въ Кахановской комиссіи и затѣмъ былъ правителемъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Умеръ 27 января 1891 г. См. А. А. Пазухинъ. Родъ Пазухиныхъ. СПБ. 1914 г. (Извѣстія историко-родословаго общества въ Москвѣ).

судьбы связали дворянство и крестьянство прочными узами; крестьяне довѣряютъ дворянству, каждый помѣщикъ является ходатаемъ за крестьянъ передъ властями и заступникомъ ихъ отъ притѣсненія кулаками; задача настоящаго состоитъ въ томъ, чтобы возстановить разрушенную организацію.

Эта статья произвела впечатлѣніе. А. Д. Пазухинъ былъ приглашенъ въ комиссію Каханова, гдѣ, благодаря своимъ дарованіямъ и способностямъ, занялъ вліятельное положеніе среди единомышленниковъ.

Проектъ этой группы членовъ комиссіи намѣчалъ—и въ этомъ его характерная особенность—созданіе должности участковаго начальника, которая должна была быть возрожденіемъ должности мирового посредника. Начальникъ долженъ принадлежать къ мѣстному дворянству; главная его задача—быть, такъ сказать, опекуномъ крестьянскаго населенія, и въ связи съ этимъ онъ долженъ быть одновременно администраторомъ и судьей. Относительно порядка замѣщенія этой должности—т. е. по выборамъ или по назначенію, въ комиссіи были нѣкоторыя колебанія, которыя были рѣшены противъ принципа выборовъ.

Однако совмѣщеніе судебныхъ и административныхъ властей въ лицѣ „участковаго“ вызвало серьезныя возраженія въ комиссіи. Принципъ раздѣленія властей, какъ указывалось критикамъ, отнюдь не „книжный“, какъ его характеризовали сторонники проекта; ссылка на образецъ англійскаго мирового суда была также признана не убѣдительнымъ аргументомъ, въ виду существующей тамъ своеобразной организаціи административнаго строя и самоуправленія.

Противники этой программы опасались также, что не найдется достаточнаго количества людей, подготовленныхъ къ осуществленію такой могущественной власти, и результатомъ реформы явится господство произвола. Однако, и въ числѣ лицъ, несочувствовавшихъ этому проекту, раздавались голоса въ пользу упраздненія института мировыхъ судей.

Взгляды, проводимые А. Д. Пазухинымъ и примыкавшей къ нему группой членовъ комиссіи статсъ-секретаря Каханова, встрѣтили сочувствіе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ гр. Толстого, обладавшаго огромнымъ вліяніемъ на ходъ внутренней политики. По закрытіи комиссіи А. Д. Пазухинъ былъ приглашенъ гр. Толстымъ на должность правителя канцеляріи, гдѣ и

былъ имъ разработанъ проектъ преобразованія крестьянскаго управленія и судебнаго строя.

Мотивировка проекта и возраженія, выставленныя противъ него въ Государственномъ Совѣтѣ, въ общемъ очень сходны съ сужденіями различныхъ группъ и направленій, на которыя распадалась комиссія статсъ-секретаря Каханова.

Не вдаваясь въ подробности, остановимся на основныхъ разсужденіяхъ записки гр. Д. А. Толстого [1]). Онъ исходилъ изъ того, что организація мѣстнаго и земскаго управленія вообще требовала бы полной реформы, но особенно настоятельнымъ было преобразованіе надзора за крестьянскимъ управленіемъ и въ виду этого гр. Толстой считалъ необходимымъ начать съ него, не откладывая дѣла до пересмотра другихъ частей управленія.

По освобожденіи крестьянъ введены мировые посредники для надзора и завѣдыванія крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ. Въ первое время дѣятельность посредниковъ была облегчена многими благопріятными условіями; имъ были предоставлены обширныя полномочія по устройству земельныхъ отношеній и нѣкоторыя права по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства. Съ введеніемъ судебно-мировыхъ установленій эти условія измѣнились. Къ компетенціи судей отошли всѣ судебныя функціи посредниковъ, и значеніе послѣднихъ пошатнулось въ глазахъ крестьянства; между судьями и посредниками возникли пререканія, и лучшіе изъ посредниковъ перешли въ мировые судьи, на должности болѣе обезпеченныя въ служебномъ положеніи. Значеніе института посредниковъ упало настолько, что 27 іюня 1874 года онъ былъ упраздненъ и функціи его распредѣлены между разными учрежденіями, которыя выполняли ихъ въ общемъ неудовлетворительно. Переходъ судебныхъ дѣлъ въ вѣдомство мировыхъ судей также не повлекъ за собою благопріятныхъ послѣдствій. Строгое разграниченіе компетенцій, на которомъ былъ основанъ дѣйствовавшій порядокъ, оказалось непонятнымъ сельскому люду, который ищетъ вообще „начальства“ для защиты отъ правонарушеній и въ подвѣдомственности своего дѣла не разбирается. Отсутствіе на мѣстахъ близкой къ населенію власти вызвало къ жизни худшую изъ язвъ де-

[1]) См. дѣло Государственнаго Совѣта по Департаменту Законовъ 1888—1889 г.г. № 95—44. Первая записка гр. Толстого помѣчена 23 февраля 1887 г.

ревни—дѣятельность сельской адвокатуры, которая вводитъ легковѣрныхъ кліентовъ въ обманъ и плодитъ сутяжничество. На крестьянское общественное управленіе реформа 1874 года оказала самое пагубное вліяніе; надзоръ уѣздныхъ присутствій существуетъ лишь на бумагѣ, и результаты этого положенія неутѣшительные. Растраты, насилія, произволъ дѣлаются обычнымъ явленіемъ, лучшіе элементы крестьянства устраняются отъ управленія мірскими дѣлами и власть забираютъ міроѣды, спаивающіе народъ.

Комиссія статсъ-секретаря Каханова признала необходимымъ установить новую должность завѣдывающаго участками (волостеля); волостели, по мнѣнію однихъ членовъ комиссіи, должны быть назначаемы губернскою властью, по мнѣнію другихъ—должны быть избираемы земствами, и должны служить, по единогласному мнѣнію всѣхъ членовъ комиссіи, органами администраціи и земства. Но въ предметы вѣдомства волостелей не должны были входить дѣла судебныя. Примѣненіе выборнаго порядка къ замѣщенію должностей по надзору за крестьянскимъ управленіемъ гр. Толстому представлялось и невозможнымъ, и непрактичнымъ. Единственно авторитетною въ глазахъ населенія властью могутъ быть только органы, назначенные правительствомъ; только за назначаемыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и можетъ нести отвѣтственность министръ. Эти органы должны быть единоличными въ первой инстанціи—земскіе начальники, и коллегіальными во второй—съѣзды этихъ начальниковъ. Въ рукахъ ихъ должна объединиться административная и судебная компетенція по маловажнымъ дѣламъ. При учрежденіи въ 1861 г. должности мировыхъ посредниковъ, судебная ихъ компетенція ограничивалась незначительнымъ кругомъ дѣлъ—споровъ по найму крестьянъ землевладѣльцами въ работу, въ услуженіе, въ хозяйственныя должности, по отдачѣ въ наемъ земель, по лѣснымъ порубкамъ и потравамъ. Со временемъ, по завершеніи земельнаго устройства, вѣдомство ихъ было бы расширено, но судебная реформа, „проведенная подъ вліяніемъ теоретическаго начала въ строгомъ разграниченіи судебной и административной властей“, придала дѣлу другой оборотъ.

„Нынѣ обстоятельства совершенно измѣнились. Продолжительный опытъ съ полною очевидностью выяснилъ непригодность въ нашемъ отечествѣ системы мѣстнаго управленія, основанной

на строгомъ раздѣленіи административной и судебной компетенціи въ низшихъ инстанціяхъ и на неизбѣжномъ, при такихъ условіяхъ, отсутствіи сильной административной власти въ уѣздѣ. Всѣми сознаваемыя, пагубныя для сельской среды послѣдствія безвластія указываютъ на настоятельную необходимость возстановленія административнаго надзора за сельскимъ населеніемъ вообще и, въ особенности, за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, съ предоставленіемъ соотвѣтственныхъ полномочій органамъ такого надзора. Но преобразованіе, направленное къ достиженію этой цѣли, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ и дать ожидаемые отъ него благіе результаты, если, при осуществленіи онаго, будетъ повторена роковая ошибка, стоившая такъ дорого Россіи, и состоявшая въ допущеніи одновременнаго существованія двухъ различныхъ категорій властей: одной, для завѣдыванія административною частью крестьянскаго управленія, и другой, для разрѣшенія возникающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ. Предметы вѣдомства той и другой власти такъ близко соприкасались бы, обязанности ихъ такъ тѣсно были бы переплетены между собою, что власти сіи не могли бы дѣйствовать параллельно, не сталкиваясь и не мѣшая другъ другу. Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что передача нѣкоторыхъ дѣлъ, подсудныхъ нынѣ мировой юстиціи, въ вѣдѣніе образуемыхъ новыхъ органовъ управленія вызывается какъ потребностями сельскаго населенія, для котораго мировой судъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывается слишкомъ формальнымъ и недоступнымъ, такъ и необходимостью правильной постановки упомянутыхъ органовъ, ибо, если бы имъ не были предоставлены судебныя, въ извѣстныхъ предѣлахъ, полномочія, то они никогда не могли бы пріобрѣсти въ средѣ населенія тотъ нравственный авторитетъ, то обаяніе дѣйствительной власти, безъ коихъ едва ли возможна успѣшная дѣятельность по завѣдыванію крестьянскимъ дѣломъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, въ настоящее время предстоитъ разрѣшить вопросъ о томъ, какимъ изъ двухъ, указанныхъ исторіею направленій, законодательство наше должно руководствоваться въ дѣлѣ организаціи мѣстнаго управленія. Предъ законодателемъ лежатъ нынѣ два пути, между коими нѣтъ и не можетъ быть компромисса: или слѣдуетъ сохранить мировую юстицію во всей ея неприкосновенности, и отказаться

отъ правильнаго преобразованія мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, или же, приступивъ къ такому преобразованію, надлежитъ передать въ вѣдѣніе учреждаемыхъ новыхъ властей ту часть подсудныхъ мировой юстиціи дѣлъ, сосредоточеніе которыхъ въ вѣдомствѣ упомянутыхъ властей обусловливается самымъ существомъ этихъ дѣлъ, интересами населенія и потребностями управленія" [1]).

Эту вторую мѣру гр. Толстой считалъ безусловно необходимою и практически удобоисполнимою. Къ тому же, въ виду сокращенія личнаго состава мировыхъ судей, освободятся и люди, и средства для новыхъ должностей. На этихъ основаніяхъ строился и весь проектъ, предложенный гр. Толстымъ.

Не касаясь вопроса организаціи надзора за крестьянскимъ управленіемъ, которому въ проектѣ отводилось главное мѣсто, укажемъ, что по первоначальному проекту министра внутреннихъ дѣлъ земскимъ начальникамъ передавались всѣ дѣла уголовныя, по проступкамъ полицейскимъ, караемымъ штрафомъ до 300 руб. и арестомъ до 3 мѣсяцевъ, причемъ изъ компетенціи земскихъ начальниковъ предполагалось изъять такіе проступки, за которые положено тюремное заключеніе, и такіе, которые по роду своему не могутъ быть совершаемы въ предѣлахъ земскихъ участковъ. Кромѣ того, земскимъ начальникамъ предполагалось передать и юрисдикцію по дѣламъ гражданскимъ [2]).

„Судебная реформа, проведенная при строгомъ соблюденіи начала раздѣленія административной и судебной власти, до низшихъ инстанцій включительно, не оправдала возлагавшихся на нее, въ указанномъ отношеніи, ожиданій. Низшіе органы юстиціи—мировые суды, будучи учрежденіями чисто судебными, обязанные соблюдать въ своемъ производствѣ всѣ сложные обряды установленнаго для нихъ процессуальнаго порядка и руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ, почти исключительно, опредѣленіями писаннаго формальнаго права, оказались безсильными для огражденія законныхъ интересовъ населенія, основанныхъ въ огромномъ большинствѣ на совершаемыхъ въ сельской средѣ неформальныхъ сдѣлкахъ и договорахъ. Такъ, напримѣръ, дѣла о сдачѣ исполу или о краткосрочной арендѣ земель, о содержаніи

[1]) Указаное дѣло, стр. 25/15—27/16.

[2]) Представленіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 февраля 1887 года, № 85, стр. 71/38—73/39.

различныхъ оброчныхъ статей, о хозяйственныхъ подрядахъ и поставкахъ, о долговыхъ по хозяйственнымъ расчетамъ обязательствахъ и т. п. разрѣшаются въ судебно-мировыхъ установленіяхъ отказомъ въ искѣ, если онъ не подкрѣпленъ письменными актами и документами, хотя бы домашнимъ только порядкомъ совершенными. Засимъ, въ случаѣ предъявленія такихъ бумагъ на судѣ, имъ присвоивается рѣшающее въ дѣлѣ значеніе, ибо содержаніе оныхъ не можетъ быть опровергаемо другими письменными доказательствами, напр., показаніями свидѣтелей".

Компетенція земскихъ начальниковъ по гражданскимъ дѣламъ въ общемъ опредѣлялась приблизительно тѣми же признаками, какіе установлены въ дѣйствующемъ законѣ, т. е. суммой иска до 300 руб. и т. п., но, однако, изъ нея устранялись взысканія по искамъ, основаннымъ на векселяхъ и нотаріальныхъ актахъ, ибо для разрѣшенія исковъ этого рода необходимы юридическія познанія, которыхъ, какъ говорилось въ проектѣ, отъ земскихъ начальниковъ нельзя требовать. Сверхъ того, имъ предоставлялась административно-карательная власть надъ подвѣдомственнымъ имъ крестьянскимъ населеніемъ и надъ органами крестьянскаго управленія.

Вопросовъ о дальнѣйшемъ существованіи и объ организаціи мирового института проектъ министра внутреннихъ дѣлъ не затрагивалъ. Предполагалось, что этотъ институтъ останется въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ, но съ изъятіемъ дѣлъ, отходящихъ къ новымъ судебно-административнымъ установленіямъ. Нѣсколько позднѣе [1]) гр. Толстой прямо подтверждалъ, что мировая юстиція должна оставаться на прежнихъ основаніяхъ и что онъ не считаетъ правильнымъ связывать обсужденіе представленнаго имъ проекта съ вопросомъ о формахъ новой организаціи низшихъ инстанцій суда. Онъ возражалъ, далѣе, противъ высказанной управлявшимъ Министерствомъ Финансовъ, Вышнеградскимъ, между прочимъ, мысли о полной замѣнѣ мировыхъ судей земскими начальниками. „Расширеніе судебной компетенціи проектируемыхъ учрежденій включеніемъ въ оную всѣхъ подсудныхъ мировой юстиціи дѣлъ разрушило бы цѣльность института; городской земскій начальникъ,

[1]) Отношеніе къ государственному секретарю 14 апрѣля 1887 г.

вѣдающій только судебныя дѣла, не имѣлъ бы ничего общаго съ сельскимъ“ [1]).

Проектъ гр. Толстого вызвалъ подробныя возраженія со стороны министра юстиціи, который, прежде всего, указывалъ на то, что предположенное переустройство обширной отрасли управленія не согласовано съ намѣченной самимъ же гр. Толстымъ реформой земскихъ учрежденій и органовъ земской администраціи, а это обстоятельство можетъ неблагопріятно отразиться на дальнѣйшихъ преобразованіяхъ. Проектъ, далѣе, не даетъ гарантій въ томъ, что недостатки крестьянскаго управленія дѣйствительно будутъ устранены, а созданіе органа, облеченнаго такою обширною властью, увеличитъ многоначаліе въ уѣздѣ. Высказавъ эти общія соображенія, Н. А. Манасеинъ вошелъ въ разсмотрѣніе и деталей тѣхъ отдѣловъ проекта, которые касались судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ, и отмѣчалъ, что отправленіе суда при такой постановкѣ несомнѣнно пострадаетъ [2]).

„Съ точки зрѣнія возвышенія нравственнаго авторитета земскихъ начальниковъ, путемъ предоставленія имъ судебныхъ полномочій, дабы окружить ихъ обаяніемъ дѣйствительной власти, не представляется, конечно, существенной разницы въ томъ, какіе именно проступки были бы отнесены къ ихъ вѣдѣнію; можно только сказать, что въ полной мѣрѣ такая цѣль могла бы быть достигнута лишь подчиненіемъ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ всѣхъ проступковъ судебно-полицейской расправы, т. е. передачею имъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ нынѣ мировымъ судьямъ. Но должно замѣтить, что соображенія приведеннаго свойства едва ли могутъ почитаться настолько убѣдительными, чтобы послужить основаніемъ къ коренному переустройству существующаго у насъ для дѣлъ мировой юстиціи судебнаго строя. Являясь одною изъ первостепенныхъ государственныхъ потребностей, судъ имѣетъ своею главною задачею

---

[1]) См. указанное дѣло, листъ 229. Министерство Финансовъ предполагало альтернативу: земскимъ начальникамъ передать или только тѣ дѣла судебныя, которыя вѣдались мировыми посредниками, или вообще все вѣдомство мировыхъ судей, дабы упростить судоустройство (дѣло, листъ 252). Графъ Толстой подтверждалъ свое намѣреніе оставить мировую юстицію въ „прежнемъ“ положеніи (т. е. однако съ изъятіемъ дѣлъ, подсудныхъ земскимъ начальникамъ) и въ отвѣтѣ своемъ на отзывъ министра юстиціи (дѣло, листъ 294).

[2]) Отношеніе министра юстиціи отъ 19-го марта 1887 г. № 8875, стр. 20/149 указ. дѣла.

охраненіе общественнаго порядка путемъ преслѣдованія и наказанія нарушителей онаго и путемъ расширенія возникающихъ между сторонами гражданскихъ споровъ. Съ этою задачею и должна быть сообразована организація установленій, вѣдающихъ отправленіе суда въ государствѣ, которыя и должны быть, такимъ образомъ, разсматриваемы, какъ слуги правосудія. Напротивъ того, передача принадлежащей нынѣ спеціальнымъ судебныхъ органамъ власти земскимъ начальникамъ, ради возвышенія и упроченія авторитета послѣднихъ, ставила бы правосудіе въ служебное, по отношенію къ названнымъ должностнымъ лицамъ, положеніе и потому едва ли согласовалась бы съ интересами государства. Но, не говоря уже объ отсутствіи достаточныхъ основаній къ усиленію власти земскихъ начальниковъ на счетъ судебныхъ органовъ, надлежитъ замѣтить, что исключительная забота о поднятіи авторитета одной изъ существующихъ въ уѣздѣ властей неминуемо сопряжена съ явнымъ ущербомъ для остальныхъ органовъ власти, столь же нуждающихся въ надлежащей поддержкѣ правительства для правильнаго и вполнѣ успѣшнаго выполненія возложенныхъ на каждый изъ нихъ обязанностей".

Если мировая юстиція не на высотѣ задачи, то необходимо ее реорганизовать, но нѣтъ основаній раздѣлять власть мирового судьи въ уѣздѣ между двумя должностными лицами. Трудно провести границу между категоріями дѣлъ уголовныхъ, подлежащихъ сохраненію въ вѣдомствѣ мировыхъ судей и передаваемыхъ земскимъ начальникамъ, и столь же трудно разграниченіе соотвѣтствующихъ разрядовъ дѣлъ гражданскихъ. Наконецъ и намѣчаемое проектомъ упрощеніе порядка судопроизводства, цѣлью котораго явилось устраненіе формальнаго элемента, также вызвало рядъ критическихъ замѣчаній по существу. Такимъ образомъ, основною цѣлью разсужденій министра юстиціи несомнѣнно было стремленіе привести къ крушенію проектъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ путемъ доказательства его несовершенства съ дѣловой стороны, а также технической затруднительности и даже невозможности осуществить его.

Детальная критика министра юстиціи вызвала очень подробную реплику со стороны гр. Толстого на 250 страницахъ (28 ноября 1887 г.). Въ этой запискѣ гр. Толстой, устраняя и принципіальныя и частичныя возраженія министра

юстиціи, снова возвращается къ описанію непригодности мирового суда для крестьянскаго населенія и доказываетъ необходимость созданія судебной инстанціи, менѣе всего связанной формальными требованіями и строгимъ процессуальнымъ порядкомъ. Въ этомъ отношеніи гр. Толстой помимо общихъ соображеній опирался на авторитетъ сенатора Шамшина, ревизовавшаго нѣкоторыя губерніи въ 1880 и 1881 г.г. и пришедшаго къ убѣжденію, что сельское населеніе находится въ „состояніи безсудности", и что дѣла маловажныя, возникающія внѣ городовъ, слѣдуетъ выдѣлить изъ существующей подсудности и возложить на власть, которая стояла бы ближе къ населенію. Этими взглядами руководилось Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при разработкѣ судопроизводственныхъ правилъ и отъ этого взгляда гр. Толстой не отказывался и послѣ возраженій министра юстиціи, принимая однако нѣкоторыя предложенныя имъ поправки. Такъ, напр., въ первомъ проектѣ онъ отказался отъ сохраненія въ немъ кассаціонной системы обжалованія рѣшеній и приговоровъ земскихъ начальниковъ и съѣздовъ, замѣняя кассацію системой обжалованія въ порядкѣ надзора, а въ своемъ отвѣтѣ на возраженіе министра юстиціи онъ въ нѣкоторыхъ предѣлахъ согласился съ противоположными доводами.

Но гр. Толстому пришлось полемизировать не только съ министромъ юстиціи. Его проектъ вызвалъ замѣчанія отдѣльныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, Старицкаго и Каханова (бывш. предсѣдателя комиссіи), которые также подчеркивали необходимость отложить вопросъ о введеніи земскихъ начальниковъ до основного переустройства всего административнаго и земскаго строя. М. С. Кахановъ, кромѣ того, признавая необходимость особаго надзора за крестьянскимъ управленіемъ, доказывалъ необходимость начала выборовъ.

Отрицательное отношеніе къ проекту выражено и въ запискѣ члена Государственнаго Совѣта барона Николаи. Въ ней указывалось на необходимость устраненія сословно-дворянскаго характера института земскихъ начальниковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ не трудно будетъ внушить крестьянину, что крестьянское населеніе вновь отдается въ полную власть помѣщиковъ, которые стремятся къ возстановленію крѣпостного права. Организація судебной части по проекту представлялась барону Николаи неудачной. То, что было хорошо при освобо-

жденіи крестьянъ, то трудно возстановлять въ болѣе широкомъ масштабѣ по истеченіи многихъ лѣтъ со времени упраздненія института мировыхъ посредниковъ. Съ судомъ земскихъ начальниковъ населеніе можетъ примириться, если судъ будутъ творить люди, пользующіеся непререкаемымъ довѣріемъ. Но такого довѣрія нельзя требовать, „когда закономъ провозглашается, что для исполненія такихъ высокихъ обязанностей будетъ требоваться почти исключительно родовое происхожденіе и извѣстная, весьма ограниченная, имущественная самостоятельность, и не будетъ ли этотъ новый судъ представляться населенію не выраженіемъ правды, а глубокимъ произволомъ". Вторая и даже третья инстанціи этого новаго суда такъ же мало способны утвердить довѣріе къ новому суду, какъ и первая его ступень, ибо коллегіи составляются изъ лицъ того же круга и участіе судебнаго вѣдомства въ нихъ очень ограниченное. Въ этомъ же смыслѣ высказывался и Б. П. Мансуровъ.

Очень несочувственно отнесся къ проекту и министръ Императорскаго Двора гр. Воронцовъ-Дашковъ; по его глубокому убѣжденію „проектъ не принесетъ ожидаемыхъ отъ него благотворныхъ результатовъ, а напротивъ введеніе онаго въ дѣйствіе еще болѣе осложнитъ задачу полнаго переустройства и объединенія уѣзднаго управленія".

Однимъ словомъ, проектъ, затрагивавшій сразу столько сторонъ сельской жизни и построенный на началахъ не согласныхъ ни съ опредѣлившимся направленіемъ крестьянскаго законодательства, ни съ духомъ судебной реформы, вызвалъ непривычное въ практикѣ Государственнаго Совѣта количество возраженій. Въ нихъ были затронуты различныя части предполагаемаго преобразованія; многіе выступили противниками основной его идеи, усматривая въ проектѣ возрожденіе вотчинной полиціи, которая, съ освобожденіемъ крестьянъ, должна была бы отойти, по ихъ мнѣнію, въ область преданія. Возражая противъ этой основной тенденціи, противники законопроекта спорили и противъ отдѣльныхъ частей его, поскольку ими опредѣлялся объемъ власти земскихъ начальниковъ; однако вопросъ о разъединеніи властей судебной и административной въ этой полемикѣ прямо не былъ поставленъ, ибо первоначальной организаціей института земскихъ начальниковъ, по проекту, онъ и не возбуждался во всей полнотѣ. Новый органъ управленія описывался въ

проектѣ, какъ органъ спеціально крестьянскаго управленія, какъ власть патріархальная, которую слѣдовало снабдить нѣкоторыми судебными функціями, не слишкомъ обширными, только настолько, насколько онѣ необходимы для крестьянскаго быта и простѣйшихъ явленій юридическаго оборота. Всѣ сколько-нибудь сложные юридическіе вопросы, насколько ихъ можно уловить въ описаніяхъ общихъ разрядовъ дѣлъ въ законѣ о подвѣдомственности, по прежнему сохранялись въ компетенціи мировыхъ судей. Естественно, что и споръ долженъ былъ вращаться вокругъ вопросовъ иныхъ—изъ какого круга брать кандидатовъ на новыя должности, какой порядокъ назначенія примѣнять, какой установить надъ нимъ надзоръ и т. п.

При обсужденіи проекта въ Соединенныхъ Департаментахъ на первое мѣсто былъ выдвинутъ вопросъ о характерѣ предполагаемаго новаго органа, и былъ онъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „должно ли предположенное учрежденіе земскихъ начальниковъ быть образовано съ характеромъ спеціальнаго органа крестьянскаго управленія и не представилось ли бы болѣе цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ обнаружившейся на практикѣ потребности присвоить названнымъ должностямъ значеніе органа, входящаго въ общую систему мѣстныхъ административныхъ властей?“

Семь членовъ (гр. Толстой, Философовъ, Побѣдоносцевъ, Островскій, Мансуровъ 2, Манасеинъ и Вышнеградскій) отстаивали точку зрѣнія проекта. Основная его мысль заключается въ учрежденіи въ уѣздѣ единоличныхъ органовъ для завѣдыванія крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, а также нѣкоторыми другими дѣлами, по роду своему весьма близко соприкасающимися съ этой новой задачей и завѣдываніе коими необходимо для успѣшнаго ея осуществленія. Но земскіе начальники должны быть не исключительно органами сословнаго управленія а, въ извѣстной мѣрѣ, органами территоріальными, ибо къ вѣдомству ихъ отнесены дѣла, которыя могутъ касаться лицъ всякаго званія. Разграниченіе дѣятельности земскихъ начальниковъ съ другими мѣстными властями можетъ быть установлено отчасти при постатейномъ разсмотрѣніи проекта, отчасти въ инструкціонномъ порядкѣ. Осуществленіе проекта при такой постановкѣ не потребуетъ коренной ломки существующаго строя и можетъ быть произведено скоро.

Если же придать этой должности обще-административный характеръ, то необходимо преобразованіе полиціи и переустройство не только уѣздныхъ, но и губернскихъ установленій, а это отложило бы осуществленіе реформы на долгіе годы.

Напротивъ, восемнадцать членовъ (бар. Николаи, Тимашевъ, Абаза, Сольскій, Исаковъ, фонъ-Кауфманъ, Любощинскій, Гротъ, Мансуровъ I, Кахановъ, Стояновскій, Старицкій, Перетцъ, Фришъ, Маркусъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ, Николаевъ, фонъ-Дервизъ), соглашаясь съ водвореніемъ на мѣстахъ сильной правительственной власти, полагали, что для этого необходима власть обще-административная, а не спеціально-крестьянская. Сельское населеніе не исчерпывается однимъ крестьянствомъ; въ селеніяхъ существуетъ множество лицъ, по своему быту мало отличающихся отъ крестьянъ, а между тѣмъ, крестьянскія установленія занимаютъ въ нашемъ законодательствѣ опредѣленное мѣсто и имѣютъ точно опредѣленный кругъ дѣятельности. Необходимо устранять многоначаліе, и если вводить земскихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ предположено по проекту, то необходимо точно разграничить вѣдомство ихъ и полиціи. Того сходства между мировыми посредниками и земскими начальниками, которое указывается въ объясненіяхъ министра внутреннихъ дѣлъ, на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Мировые посредники перваго призыва были не администраторами, а именно „посредниками“ между помѣщиками и крестьянами, а служебное ихъ положеніе было очень высокое и независимое, и дѣятельность ихъ опредѣлялась важностью историческаго момента. Когда мировые посредники перваго призыва, исполнивъ высокое свое назначеніе, сошли со сцены, то оказалось, что и самая должность получила иной характеръ. Въ 1874 г. признано было необходимымъ ее упразднить, ибо, по единоличному свидѣтельству губернаторовъ, въ уѣздахъ установилось двоевластіе и тренія между посредниками и полиціей. То же самое повторится, въ еще большей степени, по введеніи земскихъ начальниковъ.

Установленіе, снабженное обширными правами по судебно-полицейскому разбирательству по дѣламъ лицъ всѣхъ сословій, не можетъ почитаться спеціально крестьянскимъ и оно можетъ дѣйствовать благотворно только въ томъ случаѣ, если предѣлы его власти будутъ очерчены очень точно, а проектъ въ этомъ отношеніи оставляетъ многое недоговореннымъ. Организація

надзора за дѣятельностью земскихъ начальниковъ также очень слабо разработана въ проектѣ; въ уѣздѣ за ними вовсе нѣтъ надзора, отъ губернаторовъ они зависятъ лишь въ слабой степени, и это полу-независимое положеніе объясняется именно тѣмъ, что этотъ органъ разсматривается какъ спеціально-крестьянскій. Если же ввести его въ составъ обще-административныхъ установленій, то создастся нормальная подчиненность, которая обезпечитъ правильный надзоръ.

Наконецъ, 18 членовъ Совѣта указывали на необходимость считаться еще и съ впечатлѣніемъ, которое будетъ произведено новой мѣрой на крестьянское населеніе. „Образованіе земскихъ начальниковъ легко можетъ быть объяснено въ смыслѣ мѣры, направленной къ возстановленію, хотя и въ измѣненномъ видѣ, тѣхъ правъ дворянства надъ крестьянами, которыя утрачены ими съ упраздненіемъ крѣпостной зависимости", а это обстоятельство можетъ породить затрудненія. 18 членовъ расчитывали, что намѣчаемыя ими измѣненія въ проектѣ не потребуютъ многаго времени, и не предвидѣли слишкомъ крупной ломки существующихъ уѣздныхъ и губернскихъ установленій.

Въ виду разногласія по столь крупному вопросу, Соединенные Департаменты полагали: „пріостановивъ подробное обсужденіе (проекта), возникшее разногласіе представить черезъ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества" (журналъ засѣданій 3, 10, 17 декабря 1888 г.).

Въ Общемъ Собраніи къ мнѣнію гр. Толстого примкнуло 13 членовъ (т. е., сверхъ указанныхъ уже семи лицъ, еще кн. Долгорукій, гр. Деляновъ, Набоковъ, Посьетъ, Корниловъ и Зубовъ). Они главнымъ образомъ подчеркивали необходимость создать постоянные органы для завѣдыванія крестьянскимъ населеніемъ и лицами, которыя, постоянно проживая въ сельскихъ мѣстностяхъ, ничѣмъ, кромѣ названія, не отличаются отъ крестьянъ. Они не ожидали столкновенія этихъ органовъ съ полиціей и предвидѣли, что введеніе земскихъ начальниковъ, какъ органа обще-административнаго, вызвало бы очень большую ломку существующихъ уѣздныхъ и губернскихъ установленій. Какъ, напр., отграничить власть земскаго начальника отъ власти уѣзднаго предводителя дворянства, исправника и прочихъ установленій, и каково должно быть отношеніе этого но-

ваго органа къ губернатору? Сторонники проекта не предполагали возможности появленія слуховъ о намѣреніяхъ якобы возстановить крѣпостное право; то обстоятельство, что личный составъ земскихъ начальниковъ предполагается пополнять изъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, представлялось имъ слишкомъ слабымъ основаніемъ для этого.

Напротивъ, 39 членовъ (а именно: Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи, Новосильскій, гр. Валуевъ, Веригинъ, Рейтернъ, гр. Гейденъ, Убри, Небольсинъ, Гирсъ, гр. Игнатьевъ, Рѣдкинъ, Саломонъ, Чертковъ, Ванновскій, Бунге, Гольтгоеръ, Рихтеръ, Паукеръ, Чихачевъ, бар. Менгденъ и всѣ, высказавшіеся въ Департаментахъ противъ проекта, кромѣ Маркуса, отсутствовавшаго въ засѣданіи), настаивали на введеніи установленія земскихъ начальниковъ въ составъ обще-мѣстнаго управленія. Они указывали, что самъ министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что усиленіе правительственнаго вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ возможно лишь при условіи единства власти и при условіи подчиненія этому началу всего мѣстнаго управленія. Земскіе же начальники не подчиняются никакой власти въ уѣздѣ и находятся въ слабой зависимости отъ губернатора. Нѣтъ основанія придавать должности земскаго начальника характеръ органа сословнаго управленія, потому что въ Россіи нѣтъ замкнутаго крестьянскаго сословія. Затѣмъ многія мѣры (борьба съ эпидеміями, съ пожарами и др.) касаются всего населенія уѣзда. Противники взгляда гр. Толстого снова подчеркивали необходимость точнаго разграниченія между уѣздными властями, ибо иначе водворится многовластіе и народъ будетъ сбитъ съ толку. Они полагали присвоить должностямъ участковыхъ земскихъ начальниковъ значеніе органа общеадминистративнаго, съ введеніемъ его въ общій строй мѣстныхъ правительственныхъ установленій, и считали, что передѣлка проекта не потребовала бы слишкомъ большой ломки существующихъ порядковъ.

Однако, это послѣднее утвержденіе большинства членовъ Общаго Собранія представлялось мало правдоподобнымъ. Переработка проекта въ новомъ духѣ, несомнѣнно, потребовала бы очень большихъ подготовительныхъ работъ и задержала бы утвержденіе закона на долгіе годы. То, чего требовали противники законопроекта, сводилось, коротко говоря, къ полной ре-

формѣ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, т. е. къ такому дѣлу, надъ которымъ безплодно трудилась непрерывная цѣпь комиссій, начиная съ пятидесятыхъ годовъ и кончая комиссіей статсъ-секретаря Каханова. Такая реформа затрагивала бы все рѣшительно мѣстное устройство, административное, сословное, судебное и пр.; осуществленіе ея допускало множество варіантовъ и открывало возможность безконечныхъ споровъ. Мнѣніе большинства членовъ Государственнаго Совѣта, въ сущности, сводилось къ отклоненію проекта, и несомнѣнно многими сторонниками этого мнѣнія руководило именно это намѣреніе. При такомъ оборотѣ преній опять таки не представлялось повода углубляться въ вопросъ о соединеніи въ лицѣ земскаго начальника двухъ властей, судебной и административной. Проектъ старались побивать оружіемъ, даваемымъ объясненіями министра внутреннихъ дѣлъ, и этотъ способъ устраненія проекта очевидно былъ болѣе простымъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ ссылка на аргументъ сомнительной въ тѣ времена силы.

Однако, побѣда оказалась не на сторонѣ большинства членовъ Государственнаго Совѣта. 28 января 1889 г. на особой части меморіи Общаго Собранія Государь положилъ резолюцію слѣдующаго содержанія:

„Соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ, желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены, для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей.—Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могли бы отойти къ окружнымъ судамъ. Во всякомъ случаѣ, непремѣнно желаю, чтобы эти измѣненія не помѣшали окончанію разсмотрѣнія проекта до лѣтнихъ вакацій".

Такимъ образомъ вопросъ объ учрежденіи земскихъ начальниковъ былъ предрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ и оставалось только выяснить основныя черты института и разработать его детали. Съ этой цѣлью, было созвано предсѣдателемъ Совѣта совѣщаніе изъ лицъ, принимавшихъ, главнымъ образомъ, участіе въ этомъ дѣлѣ, а именно изъ семи лицъ: гр. Толстого, барона Николаи, Старицкаго, Побѣдоносцева, Манасеина, Вышнеградскаго и государственнаго секретаря Половцова. Совѣщаніе пришло къ заключенію, что необходимо продолжать обсу-

жденіе законопроекта въ тѣхъ частяхъ, которыя не измѣняются Высочайшею резолюціею объ упраздненіи мировыхъ судей, и что сомнѣнія, возникшія относительно преобразованія судопроизводства и судоустройства, могутъ быть устранены лишь соглашеніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ.

Къ 13 мая 1889 г. были разработаны по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ проекты о предѣлахъ вѣдомства земскихъ начальниковъ по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, о составѣ съѣздовъ земскихъ начальниковъ и губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствій и о порядкѣ разбирательства подчиняемыхъ ихъ вѣдомству дѣлъ судебно-полицейскихъ; по Министерству Юстиціи—проекты узаконеній объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ начальникахъ, и расписанія окладовъ содержанія, классовъ и т. п., судебныхъ чиновъ, добавлявшихся въ тѣхъ же мѣстностяхъ; Министерство Финансовъ разработало финансовыя соображенія.

Высочайшая резолюція, предуказавшая упраздненіе института мировыхъ судей, вызвала необходимость въ большихъ измѣненіяхъ первоначальнаго проекта, который, какъ сказано, исходилъ изъ того предположенія, что мировой судъ остается наряду съ земскими начальниками. Надлежало расширить судебную компетенцію земскихъ начальниковъ, передать часть дѣлъ въ вѣдомство волостныхъ судовъ, и создать органы юрисдикціи для дѣлъ, изъятыхъ изъ компетенціи земскихъ начальниковъ, а также для дѣлъ, возникающихъ въ городахъ. Затѣмъ требовали развитія вопросы объ устройствѣ инстанціи апелляціонной и кассаціонной и объ усиленіи въ составѣ коллегій элемента судебнаго. Наконецъ, долженъ былъ быть выработанъ и порядокъ производства дѣлъ въ новыхъ инстанціяхъ, такъ какъ правила, введенныя Уставами для производства дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ, считались слишкомъ формальными. Не слѣдуетъ забывать, что по первоначальному проекту гр. Толстого всѣ формальныя и сложныя юридическія дѣла были изъяты изъ вѣдомства земскихъ начальниковъ, такъ какъ гр. Толстой не предполагалъ у земскихъ начальниковъ достаточныхъ познаній въ юриспруденціи.

Судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, и по прошествіи двадцати пяти лѣтъ со времени учрежденія этого института законодательство

возвратилось къ прежнему порядку обособленія властей судебной и административной.

Въ задачи настоящаго очерка не входитъ описаніе дѣятельности земскихъ начальниковъ, неизвѣстныхъ Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II. Здѣсь слѣдуетъ лишь отмѣтить, что совмѣстное участіе административныхъ и судебныхъ чиновъ въ засѣданіяхъ коллегіальныхъ установленій, учрежденныхъ закономъ 1889 г., являлось источникомъ многочисленныхъ разногласій и треній. Успѣшность такого сотрудничества зависѣла всецѣло отъ обоюднаго такта и желанія итти другъ другу навстрѣчу во имя идеи отправленія правосудія, и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти условія отсутствовали, создавались столкновенія. Если, съ одной стороны, администрація обвиняла представителей суда въ томъ, что они создаютъ „помѣхи", то, обратно, судебные дѣятели жаловались на многіе недостатки членовъ коллегіи отъ другого вѣдомства.

Изъ матеріаловъ комиссіи по пересмотру законоположеній по судебной части можно извлечь очень многія данныя, касающіяся этого предмета[1]). Старшіе предсѣдатели и прокуроры судебныхъ палатъ въ своихъ отзывахъ, представленныхъ комиссіи въ 1895 г., указывали на то, что значительное большинство земскихъ начальниковъ не имѣютъ ни практической, ни теоретической подготовки, необходимой для отправленія правосудія, и относятся къ законамъ съ суевѣрнымъ страхомъ или съ высокомѣріемъ, какъ къ излишней безразличной формалистикѣ; иногда ими нарушались обряды и формы судопроизводства и нарушенія оправдались тѣмъ, что законъ слишкомъ формаленъ (отзывъ старшаго предсѣдателя С.-Петербургской судебной палаты). Существенное неудобство заключалось также въ различіи взглядовъ на задачи правосудія между чинами судебнаго и административнаго вѣдомствъ, устраняющемъ всякую между ними солидарность. Чины административные стараются утвердить свою власть и оберегаютъ ее отъ такъ называемыхъ покушеній на нее чиновъ судебнаго вѣдомства; отмѣна приговора или рѣшенія зем-

---

[1]) См.: Сводъ отзывовъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ о неудобствахъ, встрѣчаемыхъ въ практикѣ судебныхъ чиновъ при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ въ судебно-административныхъ установленіяхъ (72 стр., безъ заглавнаго листа); „Труды" Высочайше учрежд. комиссіи для пересмотра законоп. по суд. части: „Особое дополненіе къ своду ревизіонныхъ отчетовъ" (т. II—V), 128 стр., безъ обозначенія года.

скаго начальника, несогласныхъ съ законами, принимается, какъ узкій судейскій формализмъ, какъ чуть ли не умышленный подрывъ значенія и престижа земскаго начальника (отзывъ прокурора той же палаты). Результатомъ такихъ несогласій являлась борьба, и наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ ея можетъ служить фактъ посылки однимъ губернаторомъ къ предсѣдателямъ съѣздовъ конфиденціальныхъ писемъ, въ которыхъ рекомендовалось судебно-административнымъ чинамъ не подчиняться при разрѣшеніи дѣлъ мнѣніямъ судебныхъ чиновъ, а поступать по своему разумѣнію (отзывъ прокурора Харьковской судебной палаты). А между тѣмъ судебнымъ чинамъ представлялось много случаевъ указывать на нарушенія законовъ. По дѣламъ лицъ сельскаго состоянія земскіе начальники менѣе всего были склонны слѣдовать указаніямъ закона, отказывая, напр., въ искѣ потому, что истецъ или отвѣтчикъ пьяница (отзывъ старшаго предсѣдателя Одесской палаты). Нѣкоторые старались доказать, что земскому начальнику возможно безнаказанно дѣлать если не все, то очень многое, и принимали къ разсмотрѣнію иски по обязательствамъ на 500 руб. и другія дѣла, входящія въ компетенцію уѣзднаго члена (слова старш. предсѣд. Московской палаты). „Законность не въ почетѣ у земскихъ начальниковъ“,— писалъ старшій предсѣдатель Харьковской палаты. Въ искахъ отказывалось, несмотря на полную доказанность, потому, что истцами являлись лица болѣе состоятельныя, нежели отвѣтчики, слѣдовательно, „кулаки и міроѣды“, подсудимые присуждались за дѣянія, явно непротивузаконныя, причемъ мотивомъ выставлялась полная безнравственность, по мнѣнію земскихъ начальниковъ, осужденныхъ (отзывъ старшаго предсѣдателя С.-Петербургской палаты).

Бывали и курьезные случаи, ярко свидѣтельствующіе о недостаточной юридической подготовкѣ новыхъ судей: одинъ земскій начальникъ приговорилъ къ аресту на 3 часа 15 минутъ, другой призналъ дѣло себѣ не подсуднымъ, „ибо оцѣнка свидѣтельскихъ показаній составляетъ компетенцію общихъ судебныхъ мѣстъ“, третій присудилъ крестьянина, случившаго свою кобылу съ чужимъ жеребцомъ, виновнымъ „въ растратѣ сѣмени чужого жеребца“ (отзывъ старшаго предсѣдателя Одесской палаты) [1]).

---

[1]) Были и случаи „оставленія въ сильномъ подозрѣніи“ и привлеченія къ уголовной отвѣтственности домовладѣльца, вырывшаго во дворѣ яму, въ которую упала чужая

Роль уѣзднаго члена въ съѣздѣ была сносная, если онъ бывалъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ съѣзда, обыкновенно—уѣзднымъ предводителемъ, и жалкая въ противныхъ случаяхъ, и границы компетенціи ихъ во внутреннемъ распорядкѣ дѣятельности съѣзда бывали въ высшей степени неопредѣленными, всецѣло зависящими отъ личныхъ отношеній (отзывы старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Московской, Харьковской, Казанской, Саратовской и Кіевской палатъ).

На уѣздныхъ членахъ лежала почти вся работа по судебному присутствію съѣзда, а канцелярія имъ не была подчинена. При такихъ условіяхъ „правильное и безостановочное отправленіе правосудія становится въ исключительную зависимость отъ личныхъ качествъ и отношеній должностныхъ лицъ".

Въ уѣздныхъ съѣздахъ численный перевѣсъ на сторонѣ представителей администраціи и, слѣдовательно, судебный элементъ былъ безпомощенъ; въ дѣлахъ мѣстныхъ, партійныхъ когда съѣзжались всѣ члены съѣзда, представители юстиціи ничего не могли достигнуть. Преобладаніе судебнаго элемента бывало только случайнымъ при наличности индиферентнаго отношенія лицъ административнаго вѣдомства къ судебному дѣлу, но въ этихъ случаяхъ чины судебнаго вѣдомства бывали переобременены работой, ложившейся цѣликомъ на нихъ. Нерѣдко индифферентное отношеніе къ работамъ съѣзда по дѣламъ судебнаго свойства объясняется тѣмъ, что дѣятельность судебная разсматривается представителями администраціи, какъ нѣчто второстепенное. Такую же картину представляли и кассаціонныя инстанціи, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатель губернскаго присутствія, губернаторъ, признавалъ необходимымъ властно вмѣшиваться въ дѣла. По дѣламъ судебнымъ дѣятельными членами являлись только предсѣдатель окружного суда и прокуроръ, но если дѣло представляло мѣстный интересъ, то остальные члены нерѣдко примыкали къ мнѣнію предсѣдателя, не спрашивая, насколько оно соотвѣтствуетъ законамъ.

корова—онъ былъ приговоренъ за непринятіе мѣръ предосторожности противъ „скотскихъ падежей", по ст. 112 Уст. Нак.; виновные въ проступкахъ, караемыхъ денежными штрафами, присуждались къ тюремному заключенію; получивъ жалобу землевладѣльца о самовольныхъ дѣйствіяхъ сосѣда, земскій начальникъ не завелъ дѣла, а прямо послалъ личный приказъ нарушителю, чтобы онъ оставилъ свои самовольныя дѣйствія, угрожая поступить съ нимъ по всей строгости законовъ (ревизіонные отчеты по округу Псковскаго, Великолуцкаго, Калужскаго и др. судовъ).

Однимъ словомъ, слагалась рознь между „судебниками“ и другими членами коллегіи, и партіи эти говорили на разныхъ языкахъ. Представители суда не могли отрѣшиться отъ своихъ взглядовъ на обязательность процессуальныхъ и иныхъ нормъ, а представители администраціи въ этомъ усматривали противодѣйствіе и крючкотворство. Новыя установленія создали большое количество точекъ соприкосновенія между судомъ и администраціей, приставили оба вѣдомства къ одному дѣлу и при томъ въ такой обстановкѣ, которая не облегчала совмѣстной работы. Отсутствіе солидарности отражалось не только на теченіи дѣлъ правосудія, переданныхъ въ вѣдомство судебно-административныхъ установленій,—обостренныя на этой почвѣ отношенія сказывались и на другихъ дѣлахъ, на совмѣстной службѣ въ губерніи.

Бар. А. Нольде.

Вліяніе судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный бытъ Россіи.

I. Вліяніе реформы на усиленіе начала закономѣрности. II. Вліяніе основныхъ началъ реформы на общественную нравственность. III. Судебная реформа и начало равноправія. IV. Сравнительное вліяніе на общественный бытъ новаго процесса гражданскаго и процесса уголовнаго. V. Вліяніе реформы на развитіе матеріальнаго права. VI. Вліяніе реформы на развитіе юридической науки. VII. Вліяніе судейскаго персонала на общественную жизнь. VIII. Судебная реформа и русская литература.

Въ балладѣ гр. Алексѣя Толстого: „Потокъ-Богатырь“ русскій народъ въ образѣ богатыря, пережившаго идеализированную эпоху народной вольности во времена Князя Владиміра Краснаго-Солнышка, а затѣмъ вѣка огрубенія нравовъ, результата господства на Руси татаръ,—просыпается на берегахъ Невы и становится свидѣтелемъ господства совершенно для него непонятныхъ взглядовъ на судъ, нравственность, религію и т. д. Онъ вновь засыпаетъ въ надеждѣ проснуться въ болѣе здоровое время и въ лучшей обстановкѣ.

Талантливый поэтъ въ этой балладѣ выразилъ свое эстетическое отвращеніе къ нахлынувшимъ въ Россію новымъ модднымъ идеямъ, схваченнымъ налету и безъ всякой провѣрки обществомъ, плохо и поверхностно образованнымъ, охотно принявшимъ самый пошлый и вульгарный матеріализмъ и политическій радикализмъ, вскружившій головы многихъ современниковъ великихъ реформъ Императора Александра II во вредъ укорененію новыхъ началъ, которыя требовали трезваго отношенія къ окружающимъ явленіямъ. Поэтъ зналъ, что этому столь антипатичному ему настроенію поддалось то поколѣніе, которому въ ближайшемъ будущемъ пришлось поддержать знамя идеализма и вѣры въ нравственныя начала жизни, воодушевив-

шія Преобразователя. Поэту прощается односторонность. Онъ выставилъ наружу только отрицательныя стороны новаго, наступившаго для Россіи, времени. Но кто-же, даже изъ строгихъ критиковъ великихъ реформъ, станетъ отрицать, что ими было внесено не только много новаго, по крайней мѣрѣ для русскихъ середины XIX столѣтія, но много добраго, переставшаго вскорѣ особенно цѣниться только потому, что оно оказалось настолько простымъ и общепонятнымъ, что бывшее его отсутствіе скоро было забыто, а внесеніе его признавалось дѣломъ настолько естественнымъ, что не стоило даже благодарности. Если оставить въ сторонѣ увлеченія, столь понятныя въ народѣ, которому пришлось быстро перестраивать свой бытъ и внезапно отвыкать отъ нравовъ и обычаевъ, укрѣпившихся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, то никто не рѣшится оспаривать, что повѣяло въ громадномъ государствѣ болѣе свѣжимъ воздухомъ, что новый складъ жизни, отчасти возстановившій давно забытыя отношенія власти къ народу и отдѣльныхъ классовъ другъ къ другу, долженъ былъ двинуть Россію на путь развитія столь же быстро, какъ двинули ее въ началѣ XVIII столѣтія реформы Петра Великаго. Старообрядцы были правы, когда они во всеподданнѣйшемъ адресѣ, поднесенномъ Императору Александру II, сказали, что въ новизнахъ Царя-Освободителя „слышится родная старина".

I. Вліяніе реформы на усиленіе начала закономѣрности.

Ни одна изъ реформъ Великаго Царствованія не стояла такъ близко къ заглохшимъ было началамъ національнаго быта, какъ преобразованіе суда на принципахъ гласности, устности, непосредственности процесса. Ни одна изъ реформъ не проявила своего дѣйствія столь рѣшительно на укладѣ общественной жизни [1]).

[1]) A. Leroy-Beaulieu, въ извѣстномъ трудѣ „L'Empire des Tsars et les Russes (4 изд. 1898 г., т. II, стр. 283) говоритъ: „De toutes les réformes de l'Empereur Alexandre II, la réforme judiciaire est, en ce sens, la plus considérable, celle qui devait avoir le plus d'influence sur les moeurs et la vie sociale, sur le pays et sur le pouvoir. A peine le cède-t-elle en importence á l'affranchissement des serfs, car elle interesse également toutes les

Крестьянская реформа повлекла за собой глубокое потрясеніе соціально-экономическаго строя Россіи. Послѣдствія ея должны были сказаться во всей полнотѣ послѣ того, какъ помѣщики свыкнутся, кто неудачно, кто удачно, съ новыми порядками хозяйства при помощи свободнаго труда, съ договорными отношеніями къ свободнымъ земледѣльцамъ, замѣнившими старыя патріархальныя связи. Не только первые годы, но даже десятилѣтія должны были стать временемъ экономическаго кризиса для крупнаго и средняго землевладѣнія.

Крестьяне должны были научиться пользованію свободою и освоиться съ своимъ самоуправленіемъ, освобожденнымъ отъ отеческаго произвола и опеки помѣщика. Пока эти новыя силы войдутъ въ колею нормальной жизни, должно было пройти немало времени.

Освобожденіе крестьянъ осуществилось, правда, безъ тѣхъ конфликтовъ и безпорядковъ, коихъ боялись многіе, но не прошло и нѣсколько лѣтъ, какъ темные элементы приступили къ использованію легковѣрія крестьянъ. Кулаки и міроѣды съ одной стороны, различные непрошенные реформаторы-мечтатели съ другой, избрали крестьянское сословіе сферой своихъ дѣловыхъ операцій или своей пропаганды. Миновало менѣе десятилѣтія, а уже послышались голоса, которые указывали на то, что и крестьянское самоуправленіе дѣйствуетъ не всегда благотворно, а что экономическое положеніе народа во многихъ мѣстахъ не улучшилось, а ухудшилось.

Судебная же реформа сразу привилась. Немного времени прошло — и старый судъ сталъ смутнымъ преданіемъ, несмотря на то, что Судебные Уставы были введены не столь быстро, какъ того желали главные дѣятели реформы, ибо и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще временно сохранялись старыя судебныя установленія, были введены новыя процессуальныя правила и появился скоро и новый судейскій персоналъ.

---

classes de la nation, qu'elle devait affranchir du joug de l' arbitraire, de la violence et la corruption. Sans elle, toutes les autres réformes, à commencer par l'emancipation eussent pu devenir illusoires, demeurer pour le peuple un inutile et vain decor. Dans un empire livré depuis des siècles à la vénalité, à l'intrigue, à la prépotence du rang ou de l' argent, la réforme de la justice pouvait seule faire des autres une verité. Aussi, les nouvaus tribunaux méritent ils, non moins que les zemstwos, d'être regardés comme l'un des fondements d'une Russie nouvelle".

Когда порвалась тяжелая цѣпь крѣпостного права, связывавшая и помѣщика и крестьянина, „порвалась и раскачалась", то она, по словамъ Некрасова, ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику, и обѣ стороны почувствовали этотъ ударъ. Но когда разорвалась цѣпь, сковывавшая дореформеннаго судью тисками формальнаго производства, мертвящей канцелярщиной и приковывавшая его къ справкамъ и усмотрѣнію секретаря, то ея обломки только забряцали на полу судейской комнаты, и этотъ звукъ, напоминавшій тяжкое прошлое, лишь призывалъ къ честной дѣятельности. Судейскій персоналъ: не только новые, молодые судьи и прокуроры, а равно и защитники, но и судьи, посѣдѣвшіе въ старыхъ установленіяхъ, стали бодро на службу новому дѣлу, читая въ словахъ Указа 20 ноября 1864 года мощный призывъ порвать съ прошлымъ, быть слугами не буквы мертвой, а живого духа. „Vivos voco". „Дню минувшему забвеніе, дню грядущему привѣтъ".

При открытіи С.-Петербургскаго судебнаго округа 17 апрѣля 1866 г. министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ, указавъ на дарованіе судебнымъ установленіямъ самостоятельности, сказалъ, что Государь, а за нимъ вся Россія ждутъ отъ дѣятелей судебнаго міра не только водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, но и утвержденія въ Россіи того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе.

Въ циркулярѣ же министра юстиціи отъ 19 іюня 1866 г. вновь обращено было вниманіе судебныхъ установленій на то, что непосредственное и исключительное назначеніе судебной власти состоитъ въ охраненіи святости и ненарушимости существующихъ законовъ, въ огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ, какъ каждаго подданнаго въ отдѣльности, такъ и въ составѣ обществъ, сословій и установленій.

Уваженіе къ закону! Не впервые не только главы вѣдомствъ, но и сама Верховная власть обращалась къ должностнымъ лицамъ и населенію съ увѣщаніемъ не пренебрегать этимъ кореннымъ условіемъ благоустройства.

Однако призывъ къ законом̀ѣрности далеко не всегда находилъ должный откликъ. Какъ власть имущіе, такъ и подданные, какъ образованные, такъ и малообразованные смотрѣли на законъ слишкомъ часто, какъ на надоѣдливое препятствіе, ко-

торое мѣшало или проявленію начальственной предпріимчивости, или использованію своихъ личныхъ силъ и имущественныхъ средствъ для вольной и счастливой жизни.

Провозглашеніе великихъ нравственныхъ началъ правды и милости не могло привести къ внѣдренію въ народѣ уваженія къ закону, ибо нерѣдки случаи, когда требованіе закона кажется противорѣчащимъ субъективному пониманію правды и милости. Закону симпатичному, выгодному, пріятному данному лицу—всякій охотно повиновался, и не было и нѣтъ человѣка, который бы не подчинился съ полной готовностью закону, который приносилъ бы ему выгоду, или даровалъ какое либо полезное для частной жизни право, или возлагалъ на ближняго какую либо обязанность. Суду же предстояло научить русское общество уваженію къ закону и въ томъ случаѣ, когда онъ казался неблагопріятнымъ, когда его постановленія были тягостны или даже признавались неразумными. Судъ долженъ былъ каждымъ своимъ дѣйствіемъ побуждать населеніе въ массѣ и каждаго обывателя въ отдѣльности подчинить свои субъективныя воззрѣнія на то, что право и что не право, объективной мѣркѣ закона.

И новый судъ несомнѣнно содѣйствовалъ въ извѣстной мѣрѣ укрѣпленію начала закономѣрности въ Россіи, но нельзя сказать, чтобы его вліяніе въ этомъ отношеніи было на столько глубоко и широко, какъ того можно было желать, и какъ того желали дѣятели реформы.

Успѣхъ въ этой области общественнаго развитія былъ довольно скромнымъ. Донынѣ еще, по истеченіи 50 лѣтъ со дня изданія Судебныхъ Уставовъ, нельзя сказать, что законъ занимаетъ въ общественной жизни то положеніе, которое ему принадлежитъ по праву въ культурномъ государствѣ. Высочайшій Указъ 12 декабря 1904 г. засвидѣтельствовалъ это во всеуслышаніе.

Судебная реформа 1864 года не оказала въ данномъ случаѣ достаточно сильнаго вліянія по двумъ причинамъ.

Русскій народъ вообще во всѣхъ слояхъ не относится съ искреннимъ уваженіемъ къ формальнымъ требованіямъ и къ внѣшнимъ велѣніямъ. Какъ его незлобивость, которая столь легко прощаетъ и забываетъ, приводитъ зачастую къ черезчуръ мягкому отношенію къ преступленіямъ и проступкамъ,

такъ мягкость его характера побуждаетъ смотрѣть слегка на законъ. Для закономѣрности необходимо обладать извѣстною черствостью и холодною разсудочностью.

По словамъ одного извѣстнаго русскаго публициста—Розанова [1]), „правдивая жизнь какъ бытъ, какъ строй, какъ цѣлостность человѣческихъ отношеній—есть вѣчная, главная мука русской души". „Вотъ почему, прибавляетъ онъ, навсегда останутся напрасны у насъ надежды на законъ, указъ, реформу, которые завтра произведутъ лучшее, чѣмъ то, что мы имѣемъ сегодня".

Эти вѣчныя исканія недостижимаго идеала, исканіе лучшей, полной правды побуждаютъ русскаго человѣка слишкомъ часто скептически, даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, относиться къ тѣмъ писаннымъ нормамъ, которыя создаются человѣкомъ, хотя бы и весьма могущественнымъ.

При такой оцѣнкѣ человѣческихъ законовъ, какъ чего-то несовершеннаго, половинчатаго, не воплощающаго и сотой доли правды—уваженіе къ закону легко дѣлается исключительно внѣшнимъ подчиненіемъ, какъ нормѣ временной или прихоти начальства, которое ограничивается мелочами и не видитъ главнаго: необходимости искать дѣйствительной правды.

Нельзя также не признать, что исторія тѣхъ полутора столѣтій, которыя прошли съ момента превращенія Россіи въ европейскую державу до судебной реформы, не содѣйствовала укорененію въ народѣ убѣжденія, что начальство знаетъ, чего оно хочетъ и что его велѣнія не суть однодневныя вспышки властной энергіи, которая завтра же изсякнетъ, что его запреты и разрѣшенія имѣютъ своимъ источникомъ твердое воззрѣніе на то, что можетъ быть позволено и что должно быть возбранено. На глазахъ одного и того же поколѣнія политика внутренняго управленія и законодательства круто мѣнялась и въ теченіе краткаго промежутка времени одно и то же дѣяніе признавалось то похвальнымъ и дозволеннымъ, то запретнымъ и преступнымъ.

Эти колебанія законодателя при оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же факторовъ и силъ общественной жизни отпечатлѣлись и въ законодательствѣ. Несистематичность и противорѣчивость рус-

[1]) Ср. ст. „Смыслъ недавняго прошлаго". Русскій Вѣстникъ, 1894 г., кн. 12, стр. 872.

скихъ законовъ, переплетенныхъ въ томахъ Свода Законовъ, была второй причиной, почему вліяніе суда въ направленіи укорененія законом'рности не было столь зам'тно, какъ того можно было ожидать.

Для того, чтобы уважать законъ, нужно если не знать всѣхъ законовъ (это никому не дается и извѣстное всѣмъ правило, что невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ, являясь требованіемъ необходимымъ, въ то же время, строго говоря, невыполнимо), то, по крайней мѣрѣ, знать, что законъ, и что не законъ, что вообще понимать подъ словомъ законъ. Однако ни твердаго разграниченія закона отъ административнаго распоряженія, ни строго систематическаго законодательства Россія не получила. Кто искалъ закона, натыкался сплошь и рядомъ на административныя распоряженія, по существу временныя или съ другими нормами несогласныя. Кто старался выяснить, какими нормами регулируется та или другая область общественной жизни, тотъ терялся въ тысячахъ нормъ въ 16 томахъ.

Если неуклонное и единообразное исполненіе закона является цѣлью всякой разумной судебной дѣятельности, то, при отсутствіи ясности и полноты, справедливости и исполнимости законовъ,—предоставленное суду широкое право толкованія (а таковое право было предоставлено судебнымъ установленіямъ ст. 9 Уст. Гр. Суд. и ст. 12 Уст. Уг. Суд.) и опубликованіе рѣшеній высшаго кассаціоннаго суда, долженствующихъ служить руководствомъ при единообразномъ примѣненіи законовъ, не могло служить достаточнымъ коррективомъ.

Не было возможности предотвратить противорѣчіе въ рѣшеніяхъ Сенатомъ спорныхъ вопросовъ. Толкованіе закона, исходящее отъ судебныхъ мѣстъ, а не отъ законодательной власти, непремѣнно приводитъ къ казуистикѣ, и если повторяются случаи противорѣчій при толкованіи и примѣненіи закона, то такое явленіе не можетъ служить къ укорененію авторитета закона въ глазахъ народа, ибо обыватель привыкаетъ смотрѣть на законъ не какъ на твердую, непреложную норму, а какъ на мягкую массу, которая въ рукахъ искуснаго дѣятеля принимаетъ самыя произвольныя и неожиданныя формы.

Въ средѣ судейской уваженіе къ закону стало, конечно, несравненно болѣе прочнымъ, чѣмъ въ дореформенное время,

но нельзя сказать, чтобы судебная реформа привела къ тому, чтобы и въ обществѣ и въ народной массѣ авторитетъ закона былъ упроченъ на достаточно твердомъ основаніи.

До реформы 1864 года судъ для народа былъ чѣмъ то чуждымъ, непонятнымъ, даже страшнымъ. Что-то творилось въ судебныхъ установленіяхъ. Это было извѣстно всѣмъ. Входили и выходили судьи, сидѣлъ и писалъ секретарь. Выходили оттуда и объемистыя, на тяжеломъ языкѣ писанныя бумаги, въ которыхъ заинтересованные читали трудно понятныя разсужденія съ ссылкой на массу законовъ, рѣдко кому извѣстныхъ, хотя знаніе закона уже съ XVII столѣтія почиталось обязанностью подданнаго. Иски и жалобы, показанія, различнаго рода запросы и отвѣты входили въ двери суда и лежали тамъ подолгу. Вѣроятно ихъ читали, можетъ быть даже изучали и если послѣ долгаго выжиданія что-либо рѣшалось, то заурядный обыватель не могъ себѣ дать отчета въ происходившемъ въ недоступной для него залѣ, въ которомъ на столѣ красовалось „зерцало законовъ“ и которую сторожили противъ любопытства посторонних въ вахтеры и разсыльные.

Ходили въ судъ различные ходатаи, частные повѣренные, дореформенные адвокаты, которые увѣряли, что имъ всѣ ходы извѣстны, что они умѣютъ подобрать нужный законъ, что личное знакомство съ судьями, а еще лучше съ секретаремъ, обезпечиваетъ благополучный исходъ дѣла. Смиренный обыватель уповалъ на ходатая своего, немного на судей и ихъ разумъ и справедливость, еще болѣе на доступную извѣстному воздѣйствію трудовую энергію секретаря, болѣе всего же на милость Господа Бога, который положитъ всему предѣлъ, даже и судебной волокитѣ. Подсудимый надѣялся на свою твердость въ отказѣ отъ признанія вины и на то, что при подсчетѣ различныхъ доказательствъ требуемая закономъ сумма ихъ не выйдетъ и ему возможно будетъ продолжать свою дѣятельность на правахъ „оставленнаго въ подозрѣніи“.

Теперь, послѣ реформы, народъ увидѣлъ и услышалъ судъ. „Судъ идетъ“, возглашаетъ судебный приставъ, если въ залу входятъ судьи, и всѣ,—и прокуроръ, и защитникъ, и присяжные засѣдатели, и истцы или отвѣтчики, и свидѣтели, и подсудимые, и занимающая мѣста за барьеромъ публика встаютъ, привѣтствуя тотъ органъ, который „по указу Его Величества“

долженъ вынести приговоръ не въ формѣ механическаго вывода изъ нѣмыхъ буквъ на терпящей все бумагѣ, а какъ результатъ безпристрастнаго взвѣшиванія всего того, что будетъ представлено равноправными сторонами передъ глазами всѣхъ, кто вошелъ въ залу суда. Въ формѣ, приспособленной къ условіямъ современной жизни, воскресла древне-русская „пря".

Народъ увидѣлъ предъ собою представителя обвинительной власти, прокурора, отстаивающаго интересы государства, состязающагося съ защитникомъ, не пользующагося какими-либо преимуществами передъ послѣднимъ, обязаннаго не только выяснить степень виновности подсудимаго, но также объяснить, если то окажется необходимымъ и возможнымъ,—поводъ къ снисходительному къ нему отношенію, даже отказывающагося отъ обвиненія, если во время судебнаго слѣдствія оказались какіе-либо факты, неизвѣстные ему во время составленія обвинительнаго акта.

И подсудимые, и свидѣтели, и присяжные засѣдатели, и присутствующія въ залѣ засѣданій постороннія лица видѣли предсѣдателя суда, руководящаго преніями сторонъ, не копающагося въ душѣ подсудимаго, не обращающагося съ нимъ грубо или по-начальнически высокомѣрно, а спокойно, безпристрастно спрашивающаго его: признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ, объясняющаго ему, что онъ даже имѣетъ право отказаться отъ показаній. Видѣли и слышали, какъ онъ допрашивалъ свидѣтелей, какъ эти свидѣтели независимо отъ пола, званія, религіи (нѣсколько лѣтъ спустя послѣ введенія судебной реформы лица высшаго служебнаго положенія были освобождены отъ обязанности лично являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей и получили привилегію быть допрошенными на дому), степени богатства, стоя давали свои показанія, не келейно, а публично. Какое впечатлѣніе должно было произвести на русскаго человѣка, привыкшаго въ высокопоставленныхъ лицахъ видѣть существа, недосягаемыя для суда и закона, когда (а такіе случаи бывали) передъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля появлялся сановникъ, человѣкъ съ большими заслугами, пожалуй въ формѣ генералъ-адъютанта, и почтительно поклонившись судьямъ, моложе его и по рангу куда ниже,—отвѣчалъ на вопросы предсѣдателя, а можетъ быть даже на вопросы несановнаго защитника или молодого товарища прокурора! На порогѣ суда оста-

вались различія въ рожденіи, служебномъ положеніи, достаткѣ, степени образованности, и въ залу входилъ лишь человѣкъ безъ всякихъ сословныхъ и служебныхъ прикрасъ. А тамъ, въ креслахъ, сидятъ присяжные, люди изъ знакомой среды, тѣ-же купцы, цеховые, крестьяне, мѣщане, а наряду съ ними чиновники, даже военные, а то и извѣстные ученые. Это не „понятые", не забитые нуждой, боязливые „засѣдатели", которые послушно прикладывали руку къ протоколу, иногда его не читая, а то выметали и соръ изъ присутственной комнаты или служившіе у г.г. судей на побѣгушкахъ. Нѣтъ, эти взятые изъ различныхъ классовъ общества люди—судьи совѣсти, которые должны были рѣшать свободно и по внутреннему убѣжденію вопросъ о виновности, не по приказу свыше. Рѣшеніе ихъ могло быть признано неправильнымъ по формальнымъ соображеніямъ, но было окончательнымъ, разъ требованія закона не были нарушены.

Извѣстный нѣмецкій публицистъ М. Гарденъ въ недавно вышедшей книгѣ „Процессы" говоритъ въ одной главѣ объ „эстетикѣ залъ судебныхъ засѣданій". Съ этой эстетикой русскій народъ знакомился, какъ съ чѣмъ-то ранѣе неслыханнымъ и даже непонятнымъ. Кто хоть разъ бывалъ въ залахъ суда въ дни и часы судебныхъ засѣданій, тотъ не забудетъ того своеобразнаго чувства, которое онъ испытывалъ собственными глазами видя и собственными ушами слыша все то, что происходило передъ нимъ. Однако, бывало, что чувство это не было чувствомъ удовлетворенности, если на мѣстахъ судей сидѣли люди ниже нормальнаго уровня трудолюбія, или когда въ прокурорѣ высказывался страстный, тщеславный, о себѣ, а не о дѣлѣ думавшій человѣкъ, если защитникъ пускался въ безсодержательное краснобайство и ловкіе софизмы.

Въ первые года послѣ реформы такія явленія были рѣдки, и рѣдко приходится читать, что посторонніе свидѣтели процессовъ первоначальной дѣятельности новыхъ судовъ не выходили изъ зданія суда съ сознаніемъ, что даръ 20 ноября 1864 г.— драгоцѣнный даръ, значеніе котораго могли не оцѣнить лишь закоренѣлые любители келейности и произвола.

Залы судебныхъ засѣданій стали съ самаго начала посѣщаться посторонними людьми. Не только хроникеры и репортеры, сообщавшіе органамъ прессы свѣжія свѣдѣнія о происхо-

дившемъ на судѣ, но и люди всѣхъ классовъ, возрастовъ и различнаго общественнаго положенія шли въ судъ посмотрѣть и послушать, какъ творится правосудіе на русской землѣ, какъ и изъ-за чего борются стороны, какъ засѣдаютъ присяжные и какъ ведутъ себя подсудимые, дѣянія которыхъ стали давать столь богатую пищу періодической печати и общественной молвѣ.

Тотъ-же публицистъ Гарденъ говоритъ, „что публику влечетъ въ судъ надежда увидать драму, исполнители которой, послѣ того какъ спустится занавѣсъ, не смываютъ грима съ своего лица, не снимаютъ взятаго на время изъ театральнаго гардероба одѣянія короля или нищаго, куртизанки или цѣломудренной невѣсты для того, чтобы какъ можно скорѣе надѣть будничный свой костюмъ, драму, въ которой не въ шутку ранятъ и убиваютъ". Ихъ влечетъ стремленіе выяснить, какъ доходитъ равное имъ по качествамъ, можетъ быть близкое, лицо до преступленія, какъ рождается дѣйствіе изъ смутной, колеблющейся воли, какъ человѣкъ, проживший, можетъ быть, молодость, сулившую блестящее, счастливое будущее, благодаря вспыхнувшей страсти, или благодаря стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, сталъ рабомъ неправды, какъ беззащитная бѣдность погубила честную ранѣе, труженическую жизнь и ввергла человѣка въ порокъ. Возвращались зрители къ своему домашнему очагу, кто, самодовольно улыбаясь собственному счастью и безгрѣшной по внѣшности жизни, благодаря Бога, что они не таковы какъ тѣ мытари, которыхъ жандармы съ саблями наголо ввели въ темницу, кто съ сознаніемъ, что и въ ихъ жизни была минута, когда только рука Провидѣнія спасала отъ паденія. Рѣдкій гость въ зданіи суда не чувствовалъ, быть можетъ вполнѣ сознательно, что и павшій человѣкъ плоть отъ плоти и кость отъ кости общества, коего представители выносили вердиктъ.

И дореформенная Русь знала преступленія не менѣе, нежели пореформенная Россія, знала и гражданскую неправду, скрывавшуюся за формальностями закона или безцеремонно его попиравшую, но негласность судопроизводства скрывала множество дѣлъ и уголовныхъ и гражданскихъ въ тайникахъ судебнаго присутствія, и только рѣдкія по своей жестокости дѣянія или особенно сложныя и громкія дѣла становились извѣстными.

Множество же преступленій ускользало отъ рукъ правосудія или, попавъ въ эти руки, успѣвало заглохнуть въ протоколахъ суда за неимѣніемъ налицо достаточнаго комплекта предустановленныхъ доказательствъ. Множество гражданскихъ споровъ оставалось нерѣшенными, потому что странствовало изъ инстанціи въ инстанцію или рѣшалось тогда, когда быть можетъ и возбудившихъ ихъ лицъ не было болѣе въ живыхъ. Гласность суда дала возможность болѣе правильно, чѣмъ ранѣе, судить о соотношеніи зла и добра въ Россіи.

Въ настоящее время нѣтъ никакой возможности выяснить: увеличилась ли преступность въ Россіи послѣ проведенія реформъ 60 годовъ сравнительно съ „добрымъ старымъ временемъ", ибо дореформенная статистика была болѣе чѣмъ неудовлетворительна, и любовь къ казовому порядку склоняла къ скрыванію многого, что наше время узнаетъ, хотя далеко не съ полною достовѣрностью. Можно признать, что новыя условія жизни создали и новыя формы преступности, ранѣе неизвѣстныя. Однако, несомнѣнно, что устраненіе господствовавшей въ дореформенное время системы формальныхъ предустановленныхъ въ законѣ доказательствъ, которая принуждала нерѣдко судъ, несмотря на достовѣрность вины подсудимаго, установленную косвенными уликами, въ виду отсутствія такого доказательства, которое признавалось закономъ совершеннымъ, оставлять преступника на свободѣ въ качествѣ „состоящаго подъ подозрѣніемъ", — сократило въ значительной степени число весьма опасныхъ для общества элементовъ.

Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи (стр. 167) указано на то, что примѣненіе дѣйствовавшей въ старомъ процессѣ теоріи законныхъ доказательствъ, приводившее къ оставленію явнаго преступника только въ подозрѣніи, болѣе или менѣе сильномъ, приводило къ тому, что колебалось и уничтожалось даже въ народѣ довѣріе и уваженіе къ уголовному суду. Частныя лица, потерпѣвшія отъ преступленій, не весьма важныхъ, или сами расправлялись съ виновными, или оставляли ихъ безъ преслѣдованія, зная изъ опыта, что хлопоты и безпокойства, сопряженныя съ уголовными исками, приводили большею частью только къ оставленію обвиняемыхъ въ подозрѣніи. Нерѣдко простолюдины просто даже

боялись начинать уголовный искъ въ томъ соображеніи, что освобожденный отъ суда преступникъ могъ изъ мести поджечь ихъ домъ или цѣлую деревню. По словамъ журнала случалось, что сами полицейскіе чиновники совѣтовали обиженнымъ не начинать дѣла, объясняя, что, при тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства, безъ свидѣтелей ничего нельзя сдѣлать противъ запиравшагося преступника, хотя бы даже при немъ найдено было поличное, которое ему не трудно было отвести какою-либо придуманною ложью о покупкѣ, находкѣ и т. п. Вотъ эти-то оставленные въ подозрѣніи, злорадно посматривающіе на неудачно возбудившихъ противъ нихъ преслѣдованіе, жаждавшіе мести (а такихъ было немалое количество), оказывались настолько грознымъ для мирныхъ обывателей элементомъ, что само правительство было вынуждено принять мѣры, которыя были свидѣтельствомъ безпомощности суда. Въ 1851 и 1853 г.г. состоялись узаконенія о томъ, что мѣщане и крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, оставленные судебными приговорами въ подозрѣніи по преступленіямъ, влекущимъ за собою лишеніе правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, когда они притомъ на повальномъ обыскѣ въ поведеніи не одобрены, могли быть переселяемы въ Сибирь.

Такимъ образомъ, по словамъ того-же журнала,—судъ во имя государства отправлялся не правительственными органами, а частными обществами, ибо отъ общества зависѣло отказать въ пріемѣ этихъ подозрительныхъ. Тогда они и ссылались въ Сибирь.

Что такое узаконенное самоуправство приводило нерѣдко къ злоупотребленіямъ и вело только къ усиленію опасныхъ элементовъ, изъ среды коихъ пополнялась армія преступниковъ—это внѣ сомнѣнія.

А сколько гражданскихъ дѣлъ оканчивалось такими рѣшеніями, которыя были бы невозможны, если бы рѣшающіе ихъ не сидѣли въ недоступномъ для посторонняго взора помѣщеніи, гдѣ золото и кредитный билетъ могли имѣть бо́льшую доказательную силу, нежели всѣ другіе аргументы. Въ русскомъ народѣ крѣпко держалась вѣра, выраженная въ поговоркѣ: „Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“.

Конечно, и послѣ судебной реформы не наступило время безусловнаго господства правды. Ловкіе люди съ широкой со-

вѣстью находили и изобрѣтали всякіе способы скрыть слѣды своихъ продѣлокъ. На выдумку хитра не одна голь, но и лица, блистающія и внѣшнимъ лоскомъ, въ особенности тамъ и тогда, когда они находили и поддержку въ своей средѣ.

Но борьба съ преступностью становилась несравненно легче со времени вступленія въ отправленіе судебныхъ обязанностей чистыхъ людей, рѣшительно отвернувшихся отъ старинныхъ нравовъ, и послѣ того, какъ усовершенствованная техника изслѣдованія слѣдовъ преступныхъ дѣяній (фотографія, микроскопія и т. д. вплоть до дактилоскопіи) дала въ руки власти такія тонкія орудія изслѣдованія, которыя давали возможность накрыть хитрѣйшаго и изловчившагося ненавистника законнаго порядка и тогда, когда ему, какъ онъ полагалъ, удавалось скрыть концы и онъ уже былъ готовъ, издѣваясь надъ правосудіемъ, пользоваться спокойно плодами своихъ нечистыхъ дѣлъ.

Несомнѣнно, что и преступные элементы изощрялись въ различныхъ пріемахъ для того, чтобы ускользнуть отъ преслѣдованія, но соперничество власти съ ея противниками въ большинствѣ случаевъ оканчивалось успѣхомъ первой.

II. Вліяніе основныхъ началъ реформы на общественную нравственность.

Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что публичность и устность уголовнаго процесса послужили факторами усиленія преступности. На судѣ во всеуслышаніе раскрывалась полная картина преступнаго дѣянія съ момента его зачатія до совершенія. Эта картина отталкивала многихъ, но она находила и зрителей, съ любопытствомъ изучавшихъ всѣ изгибы преступной энергіи. Она находила любителей сильныхъ ощущеній, которые при случаѣ усваивали себѣ то, что иногда въ преступникѣ вызывало если не симпатію, то удивленіе передъ смѣлостью и находчивостью, въ особенности, если защита подсудимаго находилась въ рукахъ пылкаго, краснорѣчиваго присяжнаго повѣреннаго, который съ видимымъ наслажденіемъ выставлялъ на показъ доблести или великодушіе человѣка, совершившаго закономъ запрещенное. Не мало осужденныхъ сходило со скамьи подсудимыхъ съ оре-

оломъ интересныхъ героевъ, а то и мучениковъ, которые только потому подвергались карѣ, что въ увлеченіи какой-либо цѣлью, кажущейся имъ славной и достойной, не были разборчивы на средства. А если такой субъектъ уходилъ изъ залы суда оправданный, благодаря или ложной сантиментальности присяжныхъ, или благодаря ошибкамъ слѣдователя, или промахамъ прокурора или самого суда при формулировкѣ вопросовъ, то неуравновѣшенные или не вполнѣ нормальные въ нравственномъ развитіи люди могли при извѣстныхъ условіяхъ подчиниться соблазну слѣдовать по его пути, одни, расчитывая на то, что и имъ удастся избавиться такъ или иначе отъ послѣдствій дѣянія, другіе изъ жажды быть зачисленными въ ряды героевъ потрясающихъ романовъ.

Отрицать возможность зловреднаго вліянія гласности судопроизводства на людскую среду было бы неразумно, ибо несомнѣнно, что и у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ другихъ государствахъ, бывали случаи, что гласный судъ противъ воли бросалъ сѣмя на почву, въ которой уже готовы были силы, оплодотворившія ее зломъ. И столь же несомнѣнно, что гласность судопроизводства и въ тѣхъ случаяхъ, когда сенсаціонное дѣло не пробуждало нездоровыхъ инстинктовъ, могла имѣть неблагопріятныя послѣдствія въ общественной жизни. Стоитъ только припомнить такое дѣло, какъ процессъ Палемъ. Если припоминаешь тотъ эффектъ, который произвело на нѣкоторые слои общества это и ему подобныя дѣла, то становятся нѣсколько понятными и тѣ вздохи о минувшихъ хорошихъ временахъ, когда отеческая власть оканчивала такого рода дѣла въ тиши письменнаго процесса.

Но кто не склоненъ видѣть одни нежелательныя послѣдствія, неизбѣжныя при производствѣ суда гласнаго, тотъ никогда не признаетъ, что рѣдкіе всетаки случаи возбужденія гласнымъ судомъ антиобщественныхъ инстинктовъ должны служить основаніемъ для его порицанія.

При оцѣнкѣ вліянія гласности судопроизводства на различные классы и слои общества нельзя упускать изъ вида, что только сравнительно незначительная часть обывателей имѣла возможность присутствовать при судебномъ слѣдствіи и составить самостоятельное сужденіе о томъ, что происходило на судѣ. Большинство же получало эти свѣдѣнія изъ вторыхъ и

далеко не всегда добросовѣстныхъ рукъ. Выше намъ приходилось указывать на то, что составители Судебныхъ Уставовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были впослѣдствіи и руководителями при введеніи ихъ въ дѣйствіе, съ нѣкоторымъ опасеніемъ относились къ допущенію въ органахъ періодической печати отдѣла „судебная хроника". Дѣйствительность доказала, что эти опасенія были не неосновательными. Если-бы русская публика знакомилась съ дѣятельностью суда исключительно при помощи спеціальныхъ юридическихъ журналовъ и газетъ или крупныхъ ежемѣсячниковъ, то и всѣ недостатки и промахи его не проявили бы того вреднаго дѣйствія, которое они имѣли. Однако много ли людей читаетъ такіе серьезные отчеты или много ли лицъ довольно спокойнымъ и некричащимъ, не бьющимъ на сенсацію сужденіемъ о томъ, что и какъ говорили всѣ дѣйствующія на судѣ лица? Масса читателей съ жадностью бросается на тѣ листки, которые умѣютъ поднести судебное дѣло въ пикантной формѣ, использовать его для пропаганды какихъ либо излюбленныхъ идей, при случаѣ пощеголять передовымъ направленіемъ, якобы гуманными жалобами на среду, которая заѣла милаго, хорошаго человѣка, въ сущности ни въ чемъ неповиннаго, котораго только лукавый попуталъ. Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ писать такого рода крикливыя статьи, въ коихъ бойкое перо орудуетъ и трескучими фразами замѣняетъ серьезность мысли. А такія статьи и замѣтки на столбцахъ русскихъ газетъ стали появляться все чаще и чаще, въ особенности на столбцахъ т. н. мелкой прессы. Салтыковъ-Щедринъ не разъ въ своихъ сатирахъ говорилъ про то, какъ „улица" вторглась въ печать. Вотъ эта уличная пресса, заботящаяся лишь объ увеличеніи своего тиража, конечно никогда не отказывалась отъ прибыли, которую сулили хотя бы и совершенно извращенные отчеты о громкихъ дѣлахъ.

Если же въ судѣ происходило нѣчто, что для непотерявшихъ способности трезво оцѣнивать окружающее было и непонятнымъ и возмутительнымъ, то популяризація такихъ происшествій, не служившихъ къ чести новаго суда, только и могла деморализующимъ образомъ дѣйствовать на общество, еще не такъ давно освобожденное отъ ярма крѣпостничества и потому молодое, хотя оно и было частью народа съ тысячелѣтней исторіей. Преимущественно благодаря прессѣ, такія дѣла, какъ оправ-

даніе Вѣры Засуличъ, когда судьи забыли, что судъ не для того созданъ, чтобы давать возможность проявленія политическихъ симпатій и антипатій, что защитникъ не призванъ восхвалять преступленіе, во имя іезуитской морали, что цѣль оправдываетъ средства, что публика не для того допускается въ залу суда, чтобы устраивать овацію лицу, которое само себя возвело въ рангъ обвинителя, судьи и палача,—оказывали роковое вліяніе на мораль. Такое дѣло, а равно дѣла, которыя оканчивались или оправданіемъ, или неумѣренно слабой репрессіей, разрисованныя въ прессѣ съ использованіемъ всѣхъ красокъ на палитрѣ бойкаго писаки, не могли не поколебать уваженія къ суду. Невольно тѣ, кто не впадалъ въ политическую истерику, или не раздѣлялъ мнѣнія, что все понять, значитъ все простить, вопрошали: Да что-же это? Дореформенная Русь знала Ѳемиду безъ повязки на глазахъ, а обновленная Россія также должна довольствоваться Ѳемидой, которая при случаѣ сниметъ повязку и будетъ обращаться съ вѣсами правосудія для цѣлей, ради которыхъ они ей не вручены.

Противники забывали, что ранѣе выходившіе сухо и невредимо изъ всякаго, даже очень грязнаго дѣла тузы, какъ Овсянниковъ, такія широкія натуры, какъ Юханцевъ, такіе воротилы, какъ герои Скопинскаго или Кронштадтскаго банковъ не избѣгали кары. Русское общество съ должнымъ уваженіемъ относилось къ этому судебному безпристрастью, которое не считалось съ связями и богатствомъ. Но однако многихъ лицъ коробило зрѣлище оправданія или снисходительнаго наказанія явныхъ убійцъ, какое то легкое отношеніе къ преступленіямъ противъ личности и нравственности съ одновременно суровымъ отношеніемъ къ преступленіямъ противъ имущества.

Пресса далеко не всегда съ должнымъ вниманіемъ относилась къ причинамъ оправданія или снисходительнаго наказанія. Эти, посвященному понятныя причины, остались въ сторонѣ и получалось впечатлѣніе: коли обвиняемый найдетъ защитника, который сумѣетъ изобразить мотивы содѣяннаго въ симпатичномъ для судей видѣ, то мечъ правосудія останется въ ножнахъ, преступникъ если не сейчасъ, то черезъ нѣкоторое, не очень продолжительное время вернется въ общество, пожалуй еще съ ореоломъ мученичества или съ престижемъ человѣка, который переросъ свое время и потому не былъ понятъ, какъ слѣдуетъ.

Если-бы частые оправдательные вердикты или мягкіе приговоры, становившіеся извѣстными по всей Россіи благодаря широкой гласности въ этихъ дѣлахъ, узнавались бы обществомъ, стоящимъ на довольно высокой ступени нравственнаго развитія, получившимъ не только образованіе (хотя бы оно не всегда было удовлетворительнымъ), но и серьезное воспитаніе, то недочеты судебной дѣятельности не оказались бы столь роковыми. Однако русское общество, какъ современное эпохѣ реформъ, такъ и, въ особенности, бывшее свидѣтелемъ распространенія ея силы на все большее пространство, не стояло въ массѣ своей на высотѣ стоявшихъ на очереди задачъ.

Воспоминаніе обыкновенно украшаетъ прошедшее время обманчивымъ цвѣтомъ прелести. Современники Екатерины II вздыхали о царствованіи Императрицы Елисаветы Петровны. Свидѣтели воцаренія Александра I—о временахъ Екатерины. Поколѣніе Императора Николая I вспоминало съ умиленіемъ о „дняхъ Александрова прекраснаго начала", а поколѣніе послѣдней четверти XIX столѣтія смотрѣло на эпоху 60 годовъ, какъ на какое-то лучезарное время. Если же взять въ руки записки современниковъ соотвѣтствующихъ эпохъ, то читаешь такія характеристики, которыя съ одной стороны примиряютъ съ тѣми условіями, при которыхъ приходится жить потомкамъ, а съ другой лишаютъ прошедшее ореола чистоты.

Въ 1868 г., т. е. 4 года послѣ судебной реформы, А. И. Кошелевъ въ своихъ запискахъ жалуется на взяточничество, на охоту къ обходу законныхъ путей, на глубокую безнравственность образованнаго класса и утверждаетъ, что въ Петербургѣ безпутство, безсовѣстность и безсмысліе превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ.

А. В. Никитенко въ 1865 году говоритъ объ общественномъ хаосѣ. Въ 1866 году онъ отмѣчаетъ: „У насъ до того не развито чувство долга и законности, что мы готовы очень снисходительно извинить всякое преступленіе и еще славимся этою снисходительностью, считая ее признакомъ гуманности и великодушія". Въ 1867 году, высказывая увѣренность, что съ двумя своими новыми учрежденіями—земствомъ и гласнымъ судомъ—Россіи нечего страшиться въ будущемъ насчетъ своего внутренняго благосостоянія, онъ выражаетъ боязнь, что дѣлу развитія Россіи повредитъ одна смердящая, опасная рана на ея

тѣлѣ,—это почти повальная деморализація, ибо массы лишены понятія о честности и долгѣ.

Извѣстную долю этого пессимизма можно отнести на счетъ болѣзненнаго состоянія маститаго автора дневника, но и записки другихъ современниковъ рисуютъ положеніе общества и народной массы въ 60-хъ годахъ не въ привлекательномъ свѣтѣ. При деморализаціи, хотя бы и не повальной, гласность судопроизводства должна была дѣйствовать одновременно и какъ сила благодѣтельная, и какъ факторъ не безопасный, и нельзя не сожалѣть, что система образованія и правила, или вѣрнѣе, привычки воспитанія, господствовавшія въ Россіи, не содѣйствовали въ должной мѣрѣ внѣдренію въ народѣ болѣе глубокихъ нравственныхъ понятій.

Часто говорятъ, что первое десятилѣтіе послѣ судебной реформы было особенно счастливо. И судьи, и прокуроры стояли якобы выше тѣхъ, кто были ихъ преемниками, и въ упадкѣ престижа суда винятъ, какъ обыкновенно у насъ,—правительство, которое будто бы съ самаго начала отнеслось недовѣрчиво къ суду и вскорѣ стало чинить препятствія закономѣрному его простору, извращая рядомъ новеллъ правильную, начертанную въ Судебныхъ Уставахъ организацію и отправленіе судебной власти.

Какія причины вызвали изданіе этихъ новеллъ къ Судебнымъ Уставамъ—про это говорится въ другихъ частяхъ изданія. Здѣсь придется только указать, что причины едва-ли сводятся къ бюрократическому подозрѣнію въ склонности создать изъ суда какое-то государство въ государствѣ, какую-то судебную республику, желавшую стоять не въ государствѣ, а особо отъ него. Что такая бюрократическая близорукость сыграла также свою роль, рядомъ съ оскорбленнымъ самолюбіемъ или властолюбіемъ, этого отрицать нельзя. Но походъ противъ суда, который вели и нѣкоторые сановники, а въ особенности одинъ органъ печати, дѣйствовавшій въ то время на извѣстные вліятельные круги, „Московскія Вѣдомости“, не такъ еще давно горячо отстаивавшія судебную реформу и еще въ 1867 г. ополчившіяся противъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева по поводу его проекта усилить власть административную въ ущербъ власти судебной, объясняется и тѣмъ разочарованіемъ въ безусловно благодѣтельномъ вліяніи суда на народную жизнь,

которое охватило не одну бюрократію, и именно благодаря тому, что нерѣдко гласность судопроизводства и тѣ гарантіи, которыя новые суды давали подсудимымъ, были употреблены для цѣлей, ничего общаго не имѣвшихъ съ мирнымъ развитіемъ на пути соціальнаго прогресса.

Въ Россіи уже въ началѣ 70-хъ годовъ, если не ранѣе, были замѣтны зловѣщіе признаки пониженія уровня общественной этики. Иначе были-бы непонятны ни зараженіе нигилизмомъ молодежи, ни рядъ возмутительныхъ преступленій политическаго характера, доведшихъ Россію въ концѣ концовъ къ 1 марта 1881 года, ни то пассивное, если не хуже, отношеніе къ этимъ героямъ террора и сторонникамъ кровавой революціи, которое охватило общество.

Интеллигентные круги, какъ всегда, прежде всего подверглись вліянію тѣхъ, якобы новыхъ, идей, которыя стремились встать на мѣсто старыхъ нравственныхъ понятій, но не остались незатронутыми и крестьяне, та сѣрая народная масса, на плечахъ коей покоилось въ сущности все громадное государство. Въ періоды шатанія умовъ, сопровождающіе всякую соціально-экономическую перестройку, встревоженная власть всегда ищетъ причинъ болѣзни и, несомнѣнно не всегда выясняя себѣ коренныя, легко поддается искушенію усматривать ихъ въ тѣхъ новшествахъ, введенныхъ ею самою въ народную жизнь, которыя вдругъ кажутся слишкомъ смѣлыми и рѣшительными. И у насъ, сопровождавшія примѣненіе гласности въ судѣ нежелательныя явленія, побудили власть къ стремленію ограничить господство этого начала и ослабить тѣ элементы, которые преимущественно и служатъ орудіемъ гласности.

III. Судебная реформа и начало равноправія.

Два основныхъ начала судебной реформы, гласность и устность процесса, безъ коихъ судъ въ правовомъ государствѣ существовать и дѣйствовать не можетъ, оказали глубокое и благодѣтельное вліяніе на общественный бытъ Россіи, но примѣненіе ихъ не обошлось безъ того, чтобы вредныя въ обществѣ силы не воспользовались ими. Новый судъ проявилъ и дру-

гое вліяніе, столь же сильное и благотворное. Онъ уравнялъ населеніе Россіи въ отношеніи охраны его правъ.

Когда по указу царя Алексѣя Михайловича, въ 1649 г., составлено было знаменитое Соборное Уложеніе, то въ качествѣ одной изъ цѣлей его составленія было указано: „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна". Однако, о равенствѣ передъ судомъ въ теченіе тѣхъ двухъ съ лишнимъ столѣтій, которыя истекли со времени публикаціи крупнѣйшаго изъ законодательныхъ памятниковъ Московскаго времени, не было рѣчи. Сословныя перегородки, раздѣлявшія различныя группы населенія, были не только не убраны, но, напротивъ, въ теченіе XVIII столѣтія укрѣплены и не только для различныхъ сословій созданы различные суды, но и въ средѣ одного и того-же сословія высокопоставленный или богатый находилъ неодинаковую, въ сравненіи съ бѣднымъ и несановнымъ, охрану своихъ правъ и неодинаковое вниманіе къ своимъ законнымъ интересамъ. Судебная реформа исполнила желаніе второго Царя изъ династіи Романовыхъ.

До законовъ 1889 года, которые въ существенныхъ своихъ чертахъ и принципіальныхъ построеніяхъ рѣзко противорѣчили кореннымъ началамъ судебной реформы 1864 г., русскій народъ могъ воочію убѣдиться, что одинъ изъ органовъ государственной власти не различаетъ дворянина отъ мѣщанина, богатаго отъ бѣднаго, чиновнаго человѣка отъ простолюдина.

Ни одна изъ другихъ реформъ царствованія Императора Александра II, ни реформа крестьянская, ни введеніе земскихъ учрежденій, ни улучшеніе нашей податной системы, не имѣли въ данномъ отношеніи такого значенія, какъ введеніе Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Крестьянская реформа дала земледѣльческому сословію личную свободу и нѣкоторое земельное обезпеченіе. Однако, крестьянское самоуправленіе и волостной судъ,—судившій по обычному праву, не содѣйствовали, а скорѣе противодѣйствовали исчезновенію сословныхъ различій. Земское самоуправленіе, по закону 1 января 1864 года, предоставило высшимъ классамъ значительное преимущество и поставило въ большинствѣ губерній участіе крестьянъ въ завѣдываніи дѣлами мѣстнаго хозяйства сравнительно въ скромныя рамки.

Реформы въ податномъ дѣлѣ ввели уравнительность обложенія въ весьма скромномъ размѣрѣ. Только въ царствованіе Императора Александра III уравненіе податной тяготы по болѣе справедливому масштабу было выставлено безспорно и отчетливо, какъ цѣль развитія русской податной системы.

Не мало вѣскихъ соображеній говорило въ пользу осторожнаго примѣненія начала равенства въ этихъ сферахъ. При реформѣ же суда преобразователь рѣшился идти смѣлѣе по пути правового уравненія и остановился только передъ крестьянскимъ сословнымъ судомъ, которому было ввѣрено судебное разбирательство по маловажнымъ дѣламъ въ жизни земледѣльческаго сословія.

Всѣ установленія и институты новаго судебнаго строя должны были служить принципу равенства передъ закономъ. Но два изъ этихъ институтовъ осуществляли начала равенства передъ судомъ особо осязательно и выпукло. То были судъ присяжныхъ и судъ мировой.

Первый, потому что онъ на глазахъ всѣхъ сажалъ въ кресла присяжныхъ всѣхъ, кто удовлетворялъ опредѣленному, но не сословному цензу. Къ участію въ немъ призывались лица всѣхъ состояній. Всѣ должны были служить одному общему дѣлу, и бѣдные, и богатые, и образованные и необразованные. Законодатель даже не включилъ знаніе грамоты въ условія для допущенія къ отправленію обязанностей судей совѣсти. Въ комнатѣ, отведенной для совѣщанія присяжныхъ, сходились и ученый и еле грамотный. Если кто-либо исключался отъ чести быть присяжнымъ засѣдателемъ, то это исключеніе обусловливалось или физическими недостатками, или неимѣніемъ должнаго нравственнаго ценза,—или потому, что законодатель призналъ необходимымъ не допускать въ среду присяжныхъ такихъ лицъ, которыя по своему служебному положенію могли бы оказать какое-либо давленіе на членовъ судейской скамьи, т. е. исключены были именно тѣ, кто до реформы фактически игралъ наиболѣе вліятельную роль въ судебныхъ дѣлахъ.

Участіе крестьянъ въ судѣ присяжныхъ имѣло особенно важное значеніе въ соціальномъ развитіи, тѣмъ болѣе, что крестьяне призывались къ отправленію обязанностей судьи почти непосредственно послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Крестьяне-присяжные введены были въ сферу дѣйствія общаго

права и судили наравнѣ съ дворянами, недавними душевладѣльцами, съ лицами, принадлежавшими къ т. н. интеллигенціи, вмѣстѣ съ чиновниками, вмѣстѣ съ купцами. Они судили всякаго, привлеченнаго къ отвѣтственности передъ окружнымъ судомъ за преступленіе опредѣленной въ законѣ категоріи. Недавній крѣпостной, котораго нерѣдко презрительно называли то хамомъ, то холопомъ, судилъ барина, сидѣлъ съ бариномъ на одной скамьѣ, совѣщался съ нимъ въ одной комнатѣ, за однимъ и тѣмъ-же столомъ и подавалъ наравнѣ съ нимъ голосъ. Едвали можно оспаривать, что въ особенности въ первое послѣ введенія реформы десятилѣтіе это участіе простонародья въ судѣ привело къ хорошимъ результатамъ.

Крестьяне первыхъ десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за реформой, еще стояли подъ вліяніемъ тѣхъ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ воззрѣній на зло и добро, которыя они всосали съ молокомъ матери. Они еще чтили вѣру предковъ. Ихъ міровоззрѣніе во многомъ отличалось отъ міровоззрѣнія другихъ классовъ, но оно представляло изъ себя нѣчто сильное, прочное.

Крестьянскихъ присяжныхъ того поколѣнія не успѣло еще коснуться тлетворное вліяніе атеизма и матеріализма съ его высокомѣрнымъ отношеніемъ къ наивной простотѣ вѣрующаго. Эти новыя теченія впослѣдствіи вторглись и въ деревню и обогатили ее такими плодами, какъ отчужденіе отъ церкви и насмѣшливое отношеніе ко всему, что далекій отъ простой жизни трудящагося земледѣльца интеллигентъ считаетъ лишнимъ балластомъ въ жизни или вреднымъ предразсудкомъ.

Знаменитый австрійскій писатель Розеггеръ въ одномъ изъ своихъ произведеній („Вѣчный свѣтъ“) изображаетъ, какъ въ уединенныя горныя селенія проникаетъ модная цивилизація съ своими утонченными потребностями, вкусами и расчетами и какъ гибнетъ простой міръ горныхъ жителей. Съ этой цивилизаціей ознакомилось и русское крестьянство, по мѣрѣ того, какъ росло количество фабрикъ, усиливалось движеніе въ города и изъ нихъ возвращались въ родныя села посвященные въ новые взгляды мужички. Первое десятилѣтіе дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій еще не было свидѣтелемъ этой эволюціи крестьянской жизни, неизбѣжной при переходѣ государства отъ патріархально-земледѣльческаго быта къ новымъ формамъ хозяйства, но разрушающей много добраго, и именно добраго того

качества, которое желательно въ судьѣ, призванномъ не къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, а къ простой, здравой оцѣнкѣ окружающихъ его явленій.

Въ воспоминаніяхъ лицъ, бывшихъ присяжными въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, приходится нерѣдко читать, какое впечатлѣніе производило здравое, незамысловатое, иногда грубое сужденіе крестьянина въ комнатѣ присяжныхъ.

Слова, служащія заглавіемъ главы 14 книги 12 въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы"—„Мужички за себя постояли", имѣли въ то время, когда писалъ это произведеніе великій писатель, серьезное значеніе. Дѣйствительно мужички умѣли за себя постоять, когда болѣе просвѣщенные люди готовы были приложить при оцѣнкѣ дѣянія подсудимаго мѣрку своей нервной дряблости или чувствительности.

Съ другой стороны, конечно, нерѣдки были и случаи, когда и крестьяне въ свою очередь голосовали такъ, что отвыкшему отъ деревенской жизни, или никогда ея не знавшему, приходилось недоумѣвать.

Крестьяне-же, возвращаясь въ свою среду, уносили съ собою многое, чему они научились сидя въ числѣ судей: прежде всего нѣсколько окрѣпшую вѣру въ законъ, не какъ въ силу темную, непонятную, а силу, предъ которой приходилось преклоняться и не малоимущимъ и не беззащитнымъ. Это зерно вѣры въ законъ попадало на ниву народную, еще недавно знавшую только отеческій произволъ. Если-бы Россія имѣла возможность одновременно съ новымъ судомъ получить и сѣть хорошихъ народныхъ школъ, развивающихъ и умъ и сердце массы народа, то, какъ уже приходилось отмѣтить выше, цивилизующее значеніе суда было бы еще чувствительнѣе и замѣтнѣе.

Полнаго равноправія передъ судомъ, конечно, Россія не увидѣла и послѣ реформы. Да и едва-ли въ какомъ-либо изъ другихъ государствъ удалось осуществленіе этого начала послѣдовательно на практикѣ. Различія фактическія давали себя чувствовать вездѣ и всегда и въ судебной области. Образованный человѣкъ умѣлъ и на скамьѣ подсудимаго поставить себя въ болѣе благопріятное положеніе, нежели необразованный. Богатый могъ найти болѣе сильныя средства защиты, нежели неимущій. Первый имѣлъ возможность обратиться къ помощи

опытнаго и талантливаго защитника, а второй долженъ былъ нерѣдко довольствоваться защитой кандидата на судебную должность, испытывавшаго свои способности на порученныхъ ему дѣлахъ и робко и неумѣло отстаивавшаго своего кліента. Уже въ стадіи предварительнаго слѣдствія фактическое неравенство давало себя чувствовать. Имѣвшій средства могъ и можетъ представить требуемый слѣдователемъ залогъ или поручительство и оставаться на свободѣ, если слѣдователь не признавалъ по особо важнымъ причинамъ необходимымъ принять по отношенію къ нему болѣе строгую мѣру противъ уклоненія отъ судебной отвѣтственности. Неимущій зачастую долженъ былъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій отправляться въ домъ предварительнаго заключенія, теряя заработокъ и предавая семью лишеніямъ всякаго рода. Уравненіе гражданъ во всѣхъ отношеніяхъ было не въ силахъ законодателя, но и то, что было достигнуто Судебными Уставами въ направленіи смягченія неравенства, было значительно.

Окружной судъ съ участіемъ присяжныхъ вѣдалъ дѣла болѣе крупныя (если не считать рецидивовъ по болѣе мелкимъ преступленіямъ). Его торжественныя, не изо дня въ день повторявшіяся засѣданія были, за исключеніемъ столицъ и крупныхъ городовъ, событіями не повседневными. Судебные Уставы создали другое учрежденіе, которое быстро стало близкимъ народу и которое почти изо дня въ день убѣждало массу мелкихъ обывателей въ томъ, что равенство обывателей передъ судомъ сдѣлало громадный шагъ впередъ.

То былъ мировой судъ. Ему приходилось рѣшать не многосложныя дѣла, а тѣ мелочи жизни, которыя столь важны для массы населенія, сравнительно рѣдко обращающагося къ помощи общихъ судебныхъ установленій. До реформы эти мелкія дѣла рѣшались въ большинствѣ случаевъ полиціей, которая въ т. н. доброе старое время любила при исполненіи своихъ судебныхъ обязанностей прибѣгать къ аргументамъ, сильно дѣйствующимъ не вслѣдствіе своей внутренней убѣдительности, а вслѣдствіе того, что они были съ внѣшней стороны очень внушительны. Рѣзкое слово, а то и другого рода убѣжденія въ неправотѣ одной изъ сторонъ, были очень обыкновеннымъ и излюбленнымъ средствомъ возстановленія мира въ средѣ мелкаго люда.

Кто стоялъ въ общественномъ положеніи повыше, тотъ или совсѣмъ не былъ подвѣдомственъ полицейскому суду, или имѣлъ въ своемъ распоряженіи различные пути для избѣжанія знакомства съ патріархальной фигурой дореформеннаго возстановителя мира.

Мировой судья занялъ мѣсто частнаго пристава. Съѣзжую замѣнила камера мирового судьи. И какъ спорящія или жалующіяся стороны, такъ и посѣтители, которые съ момента открытія мирового суда стали охотно посѣщать мѣсто, гдѣ засѣдалъ безъ всякой внѣшней торжественности мировой судья, убѣдились въ томъ, что можно рѣшать дѣла и безъ крѣпкихъ словъ и безъ другихъ болѣе чувствительныхъ средствъ вразумленія неправедныхъ. Какое глубокое впечатлѣніе должно было произвести на народъ, привыкшій къ другимъ порядкамъ, ровное обращеніе мирового судьи со всякимъ, кто обращался къ нему, и къ чиновному господину и къ простой прислугѣ, еще недавно дворовой, которую душевладѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію отправить въ съѣзжую съ просьбою демонстрировать на тѣлѣ необходимость послушанія, и къ богатому домовладѣльцу или купцу, и къ снимающему уголъ въ его домѣ или служащему въ разсыльныхъ. Русскій обыватель 60-хъ годовъ долженъ былъ заставить себя вѣрить тому, что онъ видѣлъ и слышалъ, ибо то, что происходило на его глазахъ, было настолько для него невѣроятно, что мнительный могъ подумать, уже не сонъ ли это.

Мировымъ судьямъ было дано право и по собственному почину привлекать нарушителей общественнаго порядка къ отвѣтственности, не выжидая возбужденія дѣла со стороны полиціи. И дѣйствительно бывали случаи, когда скромный съ виду человѣкъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, вдругъ надѣвалъ на себя цѣпь и во имя закона требовалъ прекращенія какого-либо публичнаго безобразія, или посылалъ совершившему что-либо не потребное, въ увѣренности, что никто его дѣйствій не замѣтилъ, повѣстку съ требованіемъ явиться для отвѣта.

„Мировой“ сразу занялъ такое видное положеніе въ народномъ обиходѣ, что для немалаго числа людей вся суть судебной реформы казалась сконцентрированной въ этой доступной всѣмъ, столь внушительной фигурѣ.

Правъ былъ Салтыковъ-Щедринъ, когда въ Письмахъ о провинціи (1868—1870 г.г.) писалъ: „Новые суды принялись сразу и никого не нашли неподготовленными".

„Неужели и въ самомъ дѣлѣ нужно особенную подготовку, чтобы сразу освоиться съ такою, напримѣръ, вещью, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній? Ужели это было такое благо, къ которому можно прилѣпиться душою и разлука съ которымъ могла бы кому-нибудь стоить колебаній и борьбы? Нѣтъ, это не такъ. Есть вещи, разставаться съ которыми никогда не рано, точно такъ же, какъ есть вещи, для непосредственнаго пользованія которыми не требуется быть ни философомъ, ни политико-экономомъ".

Знаменитый сатирикъ въ „Письмахъ о провинціи" олицетворяетъ противниковъ реформъ въ „исторіографахъ", а сторонниковъ въ „піонерахъ". Названные имъ „исторіографами" хвалители минувшихъ временъ и отжившихъ порядковъ раздражались, что и вполнѣ понятно, ибо самая лучшая реформа не въ состояніи статьями закона перевоспитать общество. Они раздражались тѣмъ, что мировой судья разрѣшалъ гражданскія тяжбы, не смотря на лицо, и каралъ за проступки, не внимая никакимъ ссылкамъ на личное положеніе или на служебное прошлое провинившагося, а иногда даже подчеркивалъ, что именно потому, что провинившійся—человѣкъ образованный и принадлежащій къ высшимъ классамъ, къ нему должна быть приложена болѣе строгая мѣрка.

Такая новая судебная этика казалась въ то время многимъ посягательствомъ на разумный общественный порядокъ. Въ эпоху французской реставраціи (1815—1830 г.г.) въ средѣ французской аристократіи господствовало воззрѣніе, что многое, что правительство признаетъ преступнымъ въ средѣ среднихъ и низшихъ классовъ, не можетъ быть признано таковымъ въ средѣ высшихъ. Этотъ взглядъ не былъ чуждъ высшимъ классамъ и въ другихъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи. Ни мировые судьи, ни судейскій персоналъ общихъ судебныхъ установленій не хотѣли или не могли помириться съ той сословной этикой и на упрекъ въ томъ, что они не щадятъ никого и подрываютъ устои монархическаго государства, могли спокойно отвѣтить, что именно отстаиваніе обязательности закона для всѣхъ, независимо отъ ранга, званія, титула, рожденія, степени

достатка, есть служба, имѣющая цѣлью укрѣпить устои монархіи, въ коей Монархъ только тогда силенъ, если силенъ законъ, имъ данный. Судейскій персоналъ усвоилъ себѣ тотъ вѣрный взглядъ, котораго держатся всѣ, кому дорого нелицепріятное правосудіе, что справедливая кара, постигшая высокопоставленнаго преступника, болѣе содѣйствуетъ внѣдренію въ народѣ уваженія къ закону, нежели наказаніе, коему подвергается хотя бы сотня мелкихъ лиходѣевъ.

Что такое воспитаніе русскаго общества въ уваженіи къ закону принимало въ извѣстныхъ случаяхъ и характеръ не вполнѣ желательный, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Человѣкъ по своей слабости и при безстрашномъ служеніи правдѣ впадаетъ въ ошибки и уплачиваетъ дань увлеченіямъ. Такъ было и съ мировыми судьями, которые, чему примѣровъ имѣлось не нѣсколько, а довольно много, забывали, что судья есть судья, а не соціальный реформаторъ.

Такой объективный наблюдатель общественной жизни Россіи въ 70-хъ годахъ, какъ извѣстный англійскій публицистъ Мэкензи Уоллесъ въ книгѣ „Россія“ (цитируемъ по нѣмецкому изданію 1879 г.), отдавая должное культурному вліянію мирового суда, указываетъ и на нѣкоторыя отрицательныя стороны ихъ дѣятельности. Онъ говоритъ: „Такъ какъ они, мировые судьи, полагали, что они призваны къ тому, чтобы искоренить тѣ воззрѣнія и привычки, которыя были созданы и развиты крѣпостнымъ правомъ, то они иногда пользовались своимъ авторитетомъ для того, чтобы читать цѣлыя лекціи человѣколюбія и либерализма и находили злорадное удовольствіе, если имѣли возможность затронуть чувства или матеріальные интересы тѣхъ, кого они считали врагами добраго дѣла. Если рѣшались споры между господами и прислугою, или между работодателемъ и рабочими, то мировой судья считалъ своей обязанностью ставить препятствіе тираніи капитала и рѣшался даже забыть про свой офиціальный характеръ въ угоду присвоеннаго имъ же самому себѣ характера соціалъ-реформатора“ [1]).

Уоллесъ прибавляетъ: „Къ счастью, этотъ невѣрный взглядъ народа на судъ и эти заблужденія со стороны судей начинаютъ

[1]) Томъ II, стр. 340.

быстро изчезать и, вѣроятно, вскорѣ будутъ причислены къ явленіямъ прошедшаго времени" [1]).

Несомнѣнно, что англійскій публицистъ мѣтко указалъ на одну слабость мировыхъ судей первыхъ лѣтъ дѣйствія новаго суда, когда органы правосудія не могли противостоять противъ искушенія выместить на представителяхъ крѣпостного режима свою злобу на многіе дефекты русской общественной жизни, не сознавая, что если поблажки сильнымъ людямъ въ дореформенную эпоху вредили въ одномъ направленіи, то поблажки въ пользу другихъ классовъ могутъ со временемъ сказаться вновь нежелательными послѣдствіями.

Мировой судъ рѣшалъ не только мелкія гражданскія тяжбы и каралъ за мелкіе преступленія и проступки. Ему было также предоставлено право, о которомъ намъ приходилось говорить выше,—право оцѣнивать закономѣрность дѣйствій полиціи въ случаѣ обвиненія ею частныхъ лицъ въ неисполненіи ея требованій и предписаній, касающихся общественнаго благоустройства и безопасности. Это право въ извѣстныхъ случаяхъ не могло не повліять самымъ благотворнымъ образомъ на взаимоотношенія обывателей и полицейской власти, ибо служило средствомъ проведенія начала законности въ такой области русской жизни, которая ранѣе была почти недоступна для него. Населеніе чувствовало и сознавало, что есть сила, которая въ состояніи оградить его противъ полицейскаго произвола, а поли-

---

[1]) На эту склонность мировыхъ судей, въ особенности 60-хъ годовъ, играть роль какихъ то соціальныхъ реформаторовъ, указываетъ и Leroy Beaulieu въ указанномъ выше сочиненіи, т. II, стр. 343.

„Beaucoup de juges de paix se plaisaient à laisser voir ce que, en Russie comme en Occident, on appelle des idées avancées, beaucoup ne redoutaient point les thèses hardies, dont, jusqu'aux attentats des conspirateurs, la témerité meme faisait la vogue. Ces élus de la noblesse, ces délégués de la propriété, étaient pour la plupart des liberaux éprits du progrès, amis et admirateurs du peuple, beaucoup étaient démocrates et etaient hautement traités par leurs adversaires, quelque fois même par leurs élécteurs, de radicaux, de nivelleurs, de communistes. D'ou venaient de tels penchants chez des magistrats ainsi choisis et triés? Ils venaient en partie de ce que la plupart des hommes qui, dans les premières années surtout, s'étaient voués à cette difficile mission, étaient d'ardents partisans des réformes, jaloux de contribuer pour leur faible part à la réalisation des rêves de leur patriotisme. Aux tendances démocratiques de la majorité des juges de paix, il y avait toutefois une autre explication, une raison plus générale et plus durable, le milieu, d'ou sortait le plus grand nombre de ces magistrats élus, leur condition sociale, leur position de fortune. La plupart n'étaient pas riches et l'on rencontre parfois chez eux cette sorte de mauvais vouloir pour la richesse, cette espèce de secrète et inconsciente envie, qui en autres pays percent souvent dans les magistrats d'ailleurs les plus conservatrices".

ція научилась признавать, что существуетъ не только начальство, но и нѣчто стоящее выше этого начальства. При культурной отсталости населенія 60-хъ годовъ эта воспитательная роль мирового суда, какъ охранителя законности въ повседневныхъ, хотя-бы и мелкихъ вопросахъ, должна была получить неизмѣримо важное значеніе. Можно только сожалѣть, что Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, вооружилъ мировой судъ сравнительно слабой карательной властью и налагаемыя мировыми судьями легкія взысканія за нарушеніе правилъ благоустройства (о гигіенѣ, правилъ Устава строительнаго и т. д.) не дѣйствовали съ достаточной устрашающей силой на тѣхъ, кто въ несоблюденіи требованій, поставленныхъ во имя общественнаго интереса, находилъ выгоду для себя, что въ свою очередь давало полиціи основательный поводъ жаловаться на то, что ея усилія содѣйствовать улучшенію жизни въ городахъ, въ особенности крупныхъ, не встрѣчаютъ должной поддержки въ законѣ и со стороны того органа, который призванъ стоять за его соблюденіе.

Домовладѣльцы, торговцы, заводчики и т. д. предпочитали уплачивать незначительные денежные штрафы введенію тѣхъ, иногда дорого стоившихъ улучшеній въ домахъ, торговыхъ и промысловыхъ предпріятіяхъ, которыя были столь необходимы въ Россіи, отставшей въ отношеніи благоустройства отъ Западной Европы во многихъ отношеніяхъ. Полиція должна была, сложа руки, смотрѣть на такое отношеніе къ ея обязанностямъ по отношенію къ обществу. Слабая карательная власть превращала угрозу наказанія зачастую въ пустую формальность или насмѣшку. Намъ приходилось уже говорить о томъ, какъ на этой почвѣ происходили столкновенія между полиціей и мировымъ судомъ и въ другомъ мѣстѣ изданія приведены примѣры другихъ пререканій и недоразумѣній между двумя властями, которыя должны были служить одной цѣли, но которыя должны были исходить при борьбѣ съ противообщественнымъ эгоизмомъ частныхъ лицъ изъ двухъ различныхъ основаній, одна, держась формальной точки зрѣнія закона, другая, ставя на первый планъ соображенія цѣлесообразности.

Извѣстно, что мировой судья имѣлъ также право объявлять органамъ полиціи предостереженія въ случаѣ неисполненія законныхъ его требованій. Справедливость требуетъ признать,

что мировые судьи пользовались этимъ правомъ не всегда съ должной осмотрительностью и не мало сѣтованій полиціи на нецѣлесообразное и недостаточно обоснованное объявленіе предостереженій могли быть признаны не лишенными справедливости [1]).

IV. Сравнительное вліяніе на общественный бытъ новаго процесса гражданскаго и процесса уголовнаго.

Реформа гражданскаго судопроизводства оказала несомнѣнно столь-же благотворное дѣйствіе на общественную жизнь, какъ и реформа судопроизводства уголовнаго, хотя не всѣ коренныя начала реформы съ одинаковой силой отпечатлѣлись на дѣятельности суда по гражданскимъ дѣламъ.

По самому существу разбиравшихся въ судѣ гражданскихъ дѣлъ—устность процесса не могла быть проведена столь послѣдовательно, какъ въ процессѣ уголовномъ. Полное господство письменнаго производства принадлежало къ крупнѣйшимъ недостаткамъ дореформеннаго процесса и приводило къ крайней медленности въ ходѣ дѣлъ и къ развитію сухого формализма. Но при составленіи Судебныхъ Уставовъ не было признано возможнымъ провести въ гражданскомъ процессѣ начало устности во всѣхъ стадіяхъ процесса, ибо безъ всякихъ письменныхъ, объясненій, на основаніи однихъ устныхъ преній, рѣшеніе суда могло быть лишено достаточной ясности и опредѣлительности. Поэтому пришлось допустить извѣстную долю письменности, рискуя удлиннить процессъ, осложнить ходъ дѣла, но, конечно, съ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ мелочныхъ формальностей, которыя въ дореформенномъ процессѣ служили основаніемъ ко многимъ злоупотребленіямъ и были причиной безконечной волокиты. Въ гражданскомъ процессѣ не могло быть также проведено безусловно требованіе явки сторонъ и пришлось допустить въ широкой мѣрѣ участіе повѣренныхъ.

И допущеніе извѣстной доли письменности въ производствѣ, и отказъ отъ требованія явки сторонъ съ допущеніемъ замѣны

[1]) Ср. дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 1608 (Сен Арх.). Объ объявленіи предостереженій мировыми судьями—чинамъ полиціи.

ихъ повѣренными должны были по необходимости привести къ тому, что гражданскія дѣла рѣшались значительно медленнѣе, нежели уголовныя, и при обремененіи судовъ дѣлами, а такое обремененіе стало неминуемымъ по мѣрѣ того, какъ общественная жизнь начала идти болѣе быстрымъ шагомъ, по необходимости обнаружилась опять извѣстная волокита, напоминавшая въ иныхъ случаяхъ медленное движеніе тяжбъ по старымъ судамъ. Но на этотъ разъ виновниками волокиты не были судьи, которые работали, не покладая рукъ, а физическая невозможность совладать съ массой дѣлъ, которая возрастала изъ года въ годъ. Однако, несмотря на невольную медленность движенія гражданскихъ дѣлъ, гражданскій процессъ въ новыхъ его формахъ далъ населенію возможность стряхнуть съ себя извѣстную долю дѣловой неповоротливости. Что бы стало съ русской торговлей и русской промышленностью, если бы имъ пришлось имѣть и далѣе дѣло со старымъ судомъ въ вѣкъ, когда предпріимчивость пробуждалась, да и то не очень быстро, благодаря усовершенствованію путей сообщенія и различнымъ успѣхамъ техники [1]), этого нельзя себѣ и представить. И безъ старыхъ судовъ—громадныя разстоянія, рѣдкость населенія и его отсталость въ культурномъ отношеніи ставили трудно преодолимыя препятствія успѣху русскаго народнаго труда, несмотря на то, что съ оживленіемъ всего общественнаго обихода, появились и дѣятели съ должной и иногда даже слишкомъ смѣлой предпринимательской энергіей. Если бы на ногахъ этихъ проводниковъ успѣха въ хозяйствѣ висѣли еще гири старыхъ судебныхъ порядковъ, то и сотая доля скромныхъ успѣховъ не смогла бы обнаружиться. Только при хорошемъ судопроизводствѣ и возможно развитіе и благодѣтельное дѣйствіе кредита, и внѣ сомнѣнія, что ростъ акціонерныхъ предпріятій, частныхъ банковъ; страхового дѣла и т. д. сталъ возможнымъ лишь послѣ судебной реформы. Но, какъ всегда и вездѣ, такъ и здѣсь, успѣхъ былъ купленъ не даромъ. Предпріимчивость, нашедшая поле дѣятельности въ основаніи различныхъ кредитныхъ и фабричныхъ предпріятій, въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (введеніе

---

[1]) О тѣхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя сопровождали реформу въ области суда и самоуправленія въ 60-хъ годахъ и которыя дали всему русскому народному хозяйству новый обликъ—ср. статью „По поводу пересмотра законоположеній по судебной части“ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1894 г., кн. 12, стр. 41 и слѣд.

Судебныхъ Уставовъ совпало съ переходомъ отъ системы казенной постройки желѣзныхъ дорогъ къ системѣ передачи этого важнаго для Россіи дѣла частнымъ концессіонерамъ, съ временемъ охоты за концессіями и грюндерской горячкой), получала нерѣдко и характеръ нездоровый и приносила иногда не только полезные плоды, но и плевелы.

И до реформы были случаи раззоренія легковѣрныхъ хитрыми дѣльцами съ широкой совѣстью, но въ то неподвижное время такіе случаи были сравнительно рѣдки. Старыя кредитныя установленія, упраздненныя столь необдуманно въ моментъ приступа къ крестьянской реформѣ (сохранныя казны при опекунскихъ совѣтахъ), были главными хранителями частныхъ капиталовъ и здѣсь они лежали обезпеченно и въ полной неприкосновенности. Старыя кредитныя установленія были закрыты, отчасти для того, чтобы побудить капиталистовъ пустить свои средства въ промысловый оборотъ. Это исканіе помѣщенія для удаленныхъ изъ покойнаго хранилища средствъ привело къ тому, что не мало людей соблазнилось обѣщаніемъ богатыхъ барышей и бросилось въ объятія дѣльцовъ, готовыхъ помѣстить свободные капиталы въ своихъ дѣлахъ, но давать имъ такое употребленіе, которое обогащало ловкихъ предпринимателей не безъ крупнаго ущерба, а то и съ раззореніемъ для кредиторовъ. Многія изъ коммерческихъ дѣлъ, затѣянныхъ и проведенныхъ въ Россіи въ эпоху введенія Судебныхъ Уставовъ, чуждались дневного свѣта и относились къ области, подвѣдомой суду уголовному, но были обставлены такими формами, что прокурорскій надзоръ не могъ наложить на нихъ свою руку, а уголовный судъ не призывался къ ихъ разбирательству.

Преобразованный гражданскій судъ также былъ не въ силахъ положить предѣлъ такимъ предпріятіямъ и тому способу обогащенія, который въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія создалъ въ нѣсколько лѣтъ громадныя состоянія, обездоливъ не мало мелкихъ, или хотя и богатыхъ, но легкомысленныхъ людей.

Судъ долженъ былъ охранять законное владѣніе, пока не было доказано, что владѣніе имѣетъ своимъ источникомъ дѣяніе незаконное, а русское матеріальное гражданское право, недостаточное уже въ эпоху кодификаціи, стало еще болѣе неудовлетворительнымъ послѣ того, какъ со времени кодификаціи

прошло нѣсколько десятилѣтій. Новый судъ не могъ поступать такъ, какъ, въ такъ называемое доброе старое время, поступали власти, опекавшія обывателя, отбиравшія не всегда, но все-таки иногда безъ суда и слѣдствія незаконно пріобрѣтенное богатство, и возвращавшія его тому, кто былъ его лишенъ съ соблюденіемъ хотя бы и всѣхъ формъ, но съ нарушеніемъ требованій этики [1]).

Такимъ отечески благонамѣреннымъ путемъ, который могъ бы дѣйствительно привести къ открытію многихъ темныхъ дѣлъ, судъ пользоваться не могъ и нерѣдко ему приходилось отказывать въ искахъ по формальнымъ причинамъ, хотя, быть можетъ, тотъ же судъ сознавалъ, что истецъ правъ, а отвѣтчикъ сумѣлъ скрыть концы и самымъ безцеремоннымъ образомъ эксплоатировалъ довѣріе пострадавшаго. Не мало приходилось слышать жалобъ на то, что честный человѣкъ безъ вины страдаетъ и что сухой формализмъ суда не внемлетъ справедливымъ требованіямъ объ удовлетвореніи. Не мало высказывалось сѣтованій на то, что судъ слишкомъ узко и пассивно смотритъ на дѣло защиты правъ и вслѣдствіе этого охраняетъ только внѣшній призракъ правопорядка. Не всѣ жалобы были безпричинны, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ судъ оказывался безпомощнымъ и долженъ былъ быть свидѣтелемъ вопіющихъ явленій, въ коихъ нечистоплотность чувствуется, но не можетъ быть доказана. Приходилось и приходится съ этимъ мириться, и возвращеніе къ старымъ инквизиторскимъ замашкамъ при-

---

[1]) Калмыковъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Старый Судъ". Русская Старина, 1886 г. № 12) разсказываетъ: „III Отдѣленіе преслѣдовало по своимъ понятіямъ кажущееся зло и, стремясь къ добру, отправляло во многихъ случаяхъ, ничѣмъ не стѣсняясь, и функціи судебныхъ мѣстъ. Такъ, оно опредѣляло вины лица по дѣламъ неполитическимъ, брало имущество подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, когда и какъ нажили себѣ состояніе и какъ оно и въ какомъ видѣ сдѣлалось крупнымъ.

Услужливый и во всемъ зависящій отъ своего начальства слѣдователь непремѣнно, послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о томъ, какъ ваше имя, отчество и фамилія и проч., перешелъ бы къ другимъ болѣе деликатнымъ и тонкимъ вопросамъ о томъ, получили ли вы отъ родителей вашихъ какое-либо состояніе и въ чемъ оно заключается и гдѣ оно находится, если нѣтъ, то какимъ способомъ вы нажили себѣ богатство, какія общества или лица сему способствовали, не потерпѣлъ ли кто, и въ особенности казна, какіе-либо убытки, чѣмъ вы можете оправдать и въ чемъ заключается ваше богатство, если въ процентныхъ и другихъ бумагахъ, то въ какихъ именно, гдѣ онѣ находятся, и при семъ вамъ объявляется, чтобы вы эти бумаги представили къ производящему слѣдствіе или указали бы, гдѣ онѣ находятся, а въ противномъ случаѣ все имущество и сами вы будете подвергнуты аресту".

вело бы несомнѣнно къ тому, что изобличены были бы нѣкоторыя широкія на чужой счетъ натуры, но зато сталъ бы неустойчивъ весь строй имущественныхъ отношеній, который, правда, не всегда соотвѣтствуетъ этическимъ требованіямъ, но безъ котораго современное общество существовать не можетъ.

Не одни обыватели упрекали новый судъ въ томъ, что онъ понималъ роль судьи въ состязательномъ процессѣ слишкомъ узко, содѣйствуя иногда противъ воли судей торжеству неправды надъ правдой, если первую отстаивалъ ловкій человѣкъ, а за вторую боролся неумѣлый. И изъ среды самихъ судей раздался авторитетный голосъ, который призывалъ къ болѣе дѣятельному отношенію къ разбираемымъ дѣламъ. Боровиковскій, извѣстный коментаторъ Устава Гражданскаго Судопроизводства и авторъ богатаго содержаніемъ и оригинальныхъ мыслей труда „Отчетъ судьи", настаивалъ на томъ, что состязательный процессъ вовсе не вмѣняетъ судьѣ въ обязанность отказъ отъ помощи лицу, неумѣющему защищаться. „Правосудіе, писалъ онъ, не должно склоняться въ пользу того, кто не правъ, но и не того, кто лучше говоритъ, кто смышленнѣе и хитрѣе..." [1]).

Не въ мѣру пассивное отношеніе къ спору сторонъ, выставляющихъ свои доказательства, приводило нерѣдко къ исходу гражданскихъ процессовъ, который доказывалъ справедливость извѣстнаго изреченія, что право можетъ превратиться въ неправо на формально безупречномъ законномъ основаніи.

Суду самому приходилось сомнѣваться въ справедливости своего рѣшенія, такъ какъ онъ оказывался зачастую связаннымъ закономъ настолько, что былъ лишенъ возможности выяснить обстоятельства дѣла въ должной полнотѣ. Боровиковскій въ одномъ мѣстѣ своего труда писалъ: „Ясно сознаешь, что для выясненія истины нужны были совсѣмъ другіе пріемы, да и надлежало бы рѣшить вовсе не тѣми нормами, какими обязанъ руководствоваться гражданскій судъ. Конечно, у насъ есть оправданіе: доказательства представлялись (либо не представлялись) въ порядкѣ, указанномъ Уставомъ, истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ свои возраженія. Недоказанное считается несуществующимъ,—мы такъ и поступили, а затѣмъ

---

[1]) А. Боровиковскій. „Отчетъ Судьи". Томъ III. Посмертное изданіе съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. СПБ. 1909 г., стр. 11 и слѣд.

къ установленнымъ такимъ образомъ фактамъ примѣнили законъ. И все-таки чувствуешь себя какъ бы невольнымъ пособникомъ какого-то грѣха...“

Въ Россіи эта неизбѣжная связанность суда формами, безъ которыхъ всякое судоговореніе превратилось бы въ произволъ, принималась населеніемъ къ сердцу съ какимъ-то особымъ огорченіемъ, ибо русскій человѣкъ не любитъ преклоняться передъ формальными порядками. Извѣстное всякому юристу слово: „summum jus, summa injuria“ не соотвѣтствуетъ складу его мышленія. Писанное право своей холодной разсудочностью отталкиваетъ. У права и глаза завязаны и сердца нѣтъ.

Чѣмъ сложнѣе сплеталась сѣть экономическихъ отношеній послѣреформеннаго общества при новыхъ условіяхъ конкуренціи и хозяйственной дѣятельности, неудовлетворительно регулируемыхъ устарѣлымъ правомъ, которое прихрамывало за возникавшими новыми юридическими вопросами, никогда почти ихъ не нагоняя, чаще же отставая отъ нихъ, тѣмъ громче выражался и ропотъ тѣхъ, кто полагалъ, что новый судъ сумѣетъ справиться съ дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что процессы рѣшались не такъ скоро, какъ того желали заинтересованныя лица, а тянулись по долгу, несмотря, на то, что исчезло множество инстанцій и осталось только безусловно необходимое ихъ число.

Жаловались и на дороговизну веденія процесса и на лишнія формальности и на слишкомъ узкую компетенцію мирового суда, болѣе близкаго населенію, вслѣдствіе чего окружные суды обременены массой дѣлъ, которыя могли бы рѣшаться проще и безъ той сложной процедуры, которая соблюдается въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Черезъ 17 лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ одинъ изъ мировыхъ судей представилъ министру юстиціи записку, въ которой онъ, на основаніи своего опыта, подвергъ критикѣ новые судебные порядки, какъ въ отношеніи дѣлъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, какъ въ области спорной, такъ и безспорной юрисдикціи.

Въ своей запискѣ о недостаткахъ существующаго судопроизводства этотъ мировой судья г. Родзевичъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее [1]):

---

[1]) Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1879 г. № 5957.

„Судя по газетамъ и журналамъ всѣхъ оттѣнковъ, слѣдовало бы думать, что наше судопроизводство и судоустройство верхъ совершенства,—что области не вполнѣ еще осчастливленныя этими установленіями, съ нетерпѣніемъ чающихъ пришествія Спасителя ждутъ того времени, когда и для нихъ новая Ѳемида откроетъ свои объятія. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Ждутъ не дождутся этихъ объятій новой Ѳемиды только кандидаты на судебныя должности, граждане же всѣ безъ исключенія обращаютъ свои взоры назадъ въ прошлое и разсуждаютъ, что имъ куда лучше было съ уѣздными судами и если бы тѣ суды получали такія суммы, какими пользуются новыя установленія, то и говорить нечего, что они во сто разъ были бы удовлетворительнѣе новыхъ учрежденій, которыхъ главный недостатокъ состоитъ въ недоступности къ нимъ и въ безднѣ препятствій и затрудненій. Мнѣ, какъ участковому мировому судьѣ, почти что не ежедневно приходится объяснять просителямъ, что дѣла, съ которыми они ко мнѣ обращаются, не подлежатъ моему вѣдѣнію, что имъ слѣдуетъ обращаться въ окружной судъ. „Въ окружной судъ, съ ужасомъ и удивленіемъ повторяютъ, махая рукою, да Богъ съ нимъ, это намъ не въ моготу—одна поѣздка за 200 верстъ чего будетъ стоить, а тамъ же что безъ адвоката, шагу не сдѣлаешь, а адвокатъ заломитъ такую сумму, что и все дѣло того не стоитъ".

И такъ, бѣдный классъ людей, а такого болѣе, нежели богатаго, со своими маленькими дѣлами, но для нихъ столь-же дорогими, какъ для богатыхъ ихъ крупныя, остается безъ судебной защиты. Выдѣлы, раздѣлы, просроченныя завладѣнія, духовныя завѣщанія и прочее и прочее такъ и пропадаютъ по безуспѣшности.

А нотаріальная часть, приходится только удивляться, что это такое? Зачѣмъ законосоставители придумывали одни только затрудненія, одни препятствія, не имѣющія никакой цѣли и другого смысла, какъ только предоставленія наживы адвокатамъ и нотаріусамъ. Довольно сказать, что нужно пройти четырепять инстанцій, чтобы совершить передачу какого-либо имѣнія между свободными гражданами изъ однѣхъ рукъ въ другія и эта процедура нерѣдко обходится свыше стоимости самого имѣнія.

Предъявить, напримѣръ, въ окружной судъ духовное завѣщаніе и по утвержденіи получить его обратно обходится въ

100 рублей одного адвокатскаго расхода, кромѣ пошлины, и что-же дѣлать, когда стоимость завѣщаемаго имѣнія бываетъ ниже этой суммы. Вообще въ новомъ судопроизводствѣ только одна уголовная часть удовлетворительна, хотя и тяжела, но зато Уставъ о нак., нал. мир. суд., никуда не годится. Въ Уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ гораздо болѣе точности, опредѣлительности и главное соразмѣрности, и за то изъ сопоставленія этихъ двухъ уставовъ выходитъ почти безобразіе, напримѣръ — крестьянинъ укралъ у крестьянина мѣшокъ пшеницы стоимостью въ 3 рубля, его за это волостной судъ оштрафуетъ однимъ рублемъ или посадитъ подъ арестъ на трое сутокъ; другой же мужикъ укралъ у такого-же мужика, но записаннаго въ мѣщане, мѣшокъ овса стоимостью въ 60 к., его мировой судья долженъ приговорить никакъ не менѣе, какъ на три мѣсяца въ тюрьму,—все равно, какъ если бы онъ укралъ четверку рабочихъ лошадей и тѣмъ бы разорилъ окончательно хозяина этихъ лошадей. Просто при опредѣленіи такихъ несоразмѣрныхъ наказаній руки опускаются—не знаешь, что и дѣлать. Нанесетъ, напримѣръ, вамъ какой-нибудь буянъ тяжкое оскорбленіе, мировой судья приговоритъ его къ аресту, съѣздъ утвердитъ приговоръ, а онъ въ Сенатъ—дѣло по крайней мѣрѣ кануло на три года, а буянъ еще 10 сдѣлаетъ новыхъ оскорбленій, но обиженные, видя, что ему сходитъ безнаказанно, такъ оставляютъ свою обиду, да еще задабриваютъ буяна, какъ мужики задабриваютъ конокрадовъ.

Въ общественномъ строѣ свободныхъ гражданъ первая потребность правильное и удободоступное регулированіе взаимныхъ гражданскихъ отношеній,—и такой же удободоступный судъ по крайней мѣрѣ для мелкихъ дѣлъ и для охраненія личности и имущества отъ буйства, самоуправства и другихъ безчинствъ однихъ гражданъ, противъ другихъ—всего этого можно было достигнуть, стоитъ только расширить кругъ дѣятельности мировыхъ судей—да поработать, при содѣйствіи людей практичныхъ, надъ исправленіемъ нѣкоторыхъ учрежденій и уставовъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, окружной судъ долженъ утверждать духовное завѣщаніе, или право наслѣдства, тогда какъ такимъ утвержденіемъ вовсе не достигается положительнаго укрѣпленія, ибо какъ завѣщаніе, независимо отъ этого утвержденія,

можетъ быть опровергнуто, такъ и вновь явившіеся наслѣдники могутъ устранить утвержденныхъ наслѣдниковъ. Для такихъ дѣлъ гораздо компетентнѣе мировой судья, какъ мѣстный гражданинъ, не только по документамъ, но и лично знающій какъ завѣщателей и наслѣдодателей, такъ и наслѣдниковъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, нотаріусы въ провинціяхъ съ таксой, которая имъ только служитъ ширмой для обиранія, тогда какъ свидѣтельствованіе всякихъ актовъ можетъ производиться въ камерѣ мирового судьи, который даже представляетъ гораздо болѣе гарантіи—какъ избранникъ всѣхъ сословій и имѣющій значительный имущественный цензъ. Крѣпостные же акты должны быть совершаемы при съѣздахъ мировыхъ судей.

И много, много подобнаго сему.

Конечно такимъ образомъ дѣятельность мирового судьи увеличится, но тутъ легко помочь горю. Земство охотно согласится удвоить, утроить число мировыхъ участковъ, лишь бы пріобрѣсти такія юридическія удобства и освободиться отъ этой страшной эксплоатаціи, какую производятъ адвокаты и нотаріусы.

Намъ скажутъ, что мало людей, которые могли бы съ пользою отправлять должности мировыхъ судей. На это отвѣтъ: нужно создать и образовать хорошихъ судей.

Для сего нужно: 1) въ мировые судьи допускать такъ-же, какъ и въ члены окружныхъ судовъ, не иначе, какъ по прослуженіи не менѣе трехъ лѣтъ по мировымъ учрежденіямъ въ должностяхъ не ниже помощниковъ секретарей или письмоводителей участковыхъ мировыхъ судей (оставленіе мировыхъ судей безъ письмоводителей—безобразіе); 2) нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы не стремился впередъ, а если такой и есть, то тотъ въ мировые судьи не годится,—вотъ поэтому и для мировыхъ судей должна быть перспектива къ лучшему и перспектива эта должна быть для него именно въ предѣлахъ его поприща, а тутъ-то легко устроить очень интересныя и благовидныя перспективы, а ихъ теперь нѣтъ.

Однимъ словомъ, на поприщѣ юстиціи предстоитъ сдѣлать многое и кто это сдѣлаетъ, кто облагодѣтельствуетъ Россію удободоступнымъ, недорогимъ и скорымъ судомъ, тотъ заслужитъ великую благодарность и славу. Это болѣе значитъ, чѣмъ завоевать какую-либо область. Съ освобожденіемъ крестьянъ,

съ развивающеюся промышленностью и всякаго рода дѣятельностью представляется неотлагательная потребность въ такомъ судѣ: всѣ его жаждутъ, всѣ дожидаютъ".

Нехитростныя разсужденія мирового судьи одной изъ южныхъ губерній свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ разочарованіи, охватившемъ не только простыхъ обывателей, но и судейскій персоналъ.

V. Вліяніе реформы на развитіе матеріальнаго права.

Да и странно было бы утверждать, что преобразованіе суда не лишено было недостатковъ и что судъ во всѣхъ отношеніяхъ велъ дѣло безукоризненно, никогда не ошибался, что всѣ его рѣшенія и приговоры были безусловно справедливы и не могли вызывать критики и притомъ критики основательной. Всѣмъ извѣстна поговорка, что не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Новый судейскій персоналъ, равно какъ и чины прокуратуры, работали съ усердіемъ, равное которому трудно было найти, не говоря уже про дореформенную Россію, въ другихъ сферахъ Россіи обновленной. Неправильныя рѣшенія или приговоры, грѣшившіе противъ формы, буквы или разума закона, имѣли своимъ источникомъ не недобросовѣстность, а тѣмъ менѣе корыстолюбіе, а лишь неправильную оцѣнку тѣхъ дѣйствій или фактовъ, которые служили объектомъ сужденія. Такія ошибки возможны вездѣ, гдѣ дѣйствуютъ люди, уплачивающіе дань человѣческой слабости, связанные въ своихъ сужденіяхъ съ понятіями той среды, изъ которой они вышли и въ которой они воспитаны, со взглядами на различныя явленія человѣческой жизни, которые образовались и укрѣпились у нихъ въ теченіе долголѣтней службы. Эти промахи и недочеты были тѣмъ болѣе понятны, что новый судъ не получилъ въ свои руки новыхъ законовъ, а долженъ былъ руководствоваться устарѣвшимъ матеріальнымъ правомъ.

Сознаніе необходимости сдѣлать возможнымъ примѣненіе этого устарѣвшаго, неполнаго, противорѣчиваго матеріальнаго права въ условіяхъ пореформенной жизни побудило не только судъ, преимущественно высшій (кассаціонные департаменты),

широко воспользоваться правомъ толкованія, но и заставило дѣятелей науки придти на помощь суду своими коментаріями и научными изслѣдованіями, основанными какъ на внимательномъ изученіи правовыхъ потребностей родины, такъ и на изученіи теоріи и практики болѣе культурныхъ странъ.

Что наше уголовное право, сведенное въ цѣлое, преимущественно въ Уложеніе о Наказаніяхъ 1845 года, по недоразумѣнію названномъ „уложеніемъ", не удовлетворяло требованіямъ времени, въ этомъ рѣдко кто сомнѣвался до реформы, и въ томъ приходилось убѣждаться чуть не ежедневно послѣ ея проведенія.

Н. С. Таганцевъ еще въ молодости своей (въ 1873 г. въ одной статьѣ въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права [1]) указалъ на главные недостатки Уложенія, которые не могли не поставить судъ въ самое тяжелое положеніе: на отсутствіе общихъ началъ, на постоянныя противорѣчія различныхъ постановленій, на отсутствіе гармоніи между отдѣлами, неопредѣленность и неустойчивость взглядовъ на понятіе о преступленіи, на условія наказуемости и т. д. Другой изъ выдающихся русскихъ криминалистовъ Н. Д. Сергѣевскій въ своемъ курсѣ „Русское Уголовное Право" [2]) говоритъ, что позднѣйшіе, отчасти предшествовавшіе судебной реформѣ, отчасти слѣдовавшіе непосредственно за изданіемъ Судебныхъ Уставовъ, измѣненія и пересмотры Уложенія, совершавшіеся въ 1857 и 1866 гг. при условіяхъ несравненно лучшихъ, нежели тѣ, при коихъ работалъ Блудовъ и его сотрудники, не только не исправили Уложенія и не устранили его недостатковъ, но внесли еще большую рознь и несоотвѣтствіе отдѣльныхъ опредѣленій. Только пересмотръ 1885 года, т. е. исполненный черезъ 20 лѣтъ послѣ реформы суда представлялъ, по словамъ Сергѣевскаго, внимательную и послѣдовательно проведенную реформу, предыдущіе-же пересмотры сводились къ измѣненію текста отдѣльныхъ статей, безъ всякаго приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ другими статьями родственнаго содержанія.

И этотъ т. н. кодексъ связывалъ судъ, не давалъ ему свободы при опредѣленіи мѣры наказанія, навязывалъ ему пре-

---

[1]) „Уложеніе о Наказаніяхъ, его характеристика". Журн. Гражд. и Угол. Права 1873 г. I, стр. 5 и слѣд.

[2]) Часть Общая, изд. 6-е, стр. 26.

словутую лѣстницу наказанія. Чѣмъ дольше работалъ судъ, тѣмъ настоятельнѣе выражалось требованіе въ новомъ уголовномъ кодексѣ. Онъ, какъ извѣстно, появился лишь въ 1903 году.

Въ критическое время, когда суду приходилось оправдывать себя, оправдать довѣріе Монарха, пріобрѣсти довѣріе общества и отпарировать недоброжелательство и нерѣдко злобные упреки любителей старины, судъ долженъ былъ справляться съ задачей согласованія матеріальнаго права крѣпостнической Россіи съ условіями жизни страны, проснувшейся отъ спячки и не могшей сразу освоиться съ новой свободой. Введеніе суда скораго, справедливаго, милостиваго требовало наискорѣйшей реформы карательныхъ установленій, тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія, а равно ссылки и каторги, зачастую походившихъ, первыя на ямы Московскаго времени, а вторыя на внѣ государства стоявшія поселенія съ царствомъ безотвѣтственнаго и ничѣмъ необузданнаго произвола. Всѣмъ было извѣстно, что тюрьма не исправляла преступника, а гасила въ немъ послѣднюю искру сознанія зла и что выходя изъ тюрьмы онъ былъ болѣе испорченнымъ и болѣе опаснымъ для общества существомъ, чѣмъ въ моментъ произнесенія приговора. Однако, улучшеніе мѣстъ заключенія заставило себя ждать. Не малое число оправдательныхъ вердиктовъ объяснялось опасеніемъ присяжныхъ засѣдателей, что признаніе подсудимаго виновнымъ будетъ имѣть результатомъ окончательную нравственную порчу въ тюрьмахъ, получившихъ прозвище „академій преступности“. Оживленіе работы мысли въ области тюрьмовѣдѣнія, приведшее по истеченіи нѣкотораго времени къ улучшенію, но далеко еще не достаточному, мѣстъ заключенія, устройство новыхъ видовъ мѣстъ заключенія или исправительныхъ заведеній (въ особенности для малолѣтнихъ преступниковъ), а равно принятіе мѣръ для огражденія лицъ, выпущенныхъ изъ тюремъ противъ возврата къ преступной дѣятельности, столь возможнаго въ виду отчаяннаго положенія отбывшаго наказанія и заклейменнаго прошлымъ человѣка, были послѣдствіемъ судебной реформы и отчасти результатомъ трудовъ суда во имя человѣколюбія.

Если уголовный судъ имѣлъ дѣло съ кодексомъ, хотя и весьма неудовлетворительнымъ, но по крайней мѣрѣ полнымъ, можетъ быть чрезвычайно объемистымъ и казуистичнымъ, то

судъ гражданскій долженъ былъ обращаться къ частямъ Свода Законовъ еще болѣе отставшимъ отъ требованій времени.

И. Д. Кавелинъ въ статьѣ № 223 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1863 г. [1]). писалъ: „Съ большимъ вниманіемъ и нетерпѣніемъ ожидаютъ у насъ вездѣ новыхъ судебныхъ порядковъ. Не мы, конечно, будемъ находить такое нетерпѣніе преждевременнымъ или неестественнымъ. Относительно нашего теперешняго суда можетъ быть только одно мнѣніе, а никакъ не два, и горячее желаніе видѣть его упраздненнымъ, и новый постановленнымъ на его мѣсто, слишкомъ оправдывается множествомъ причинъ, всѣмъ коротко извѣстныхъ. Новое устройство суда, новый порядокъ судопроизводства подыметъ съ удвоенной силой и теперь уже отчасти возбужденный вопросъ о новомъ сводѣ законовъ или уложеніи. Ожидаемый судъ будетъ, надо надѣяться, дѣйствовать быстрѣе теперешняго; также точно очень вѣроятно, что число судебныхъ дѣлъ значительно увеличится, когда судъ станетъ доступнѣе, ближе, чѣмъ теперь, и внушитъ къ себѣ болѣе довѣрія. Спрашивается, что будутъ дѣлать при такихъ условіяхъ судьи, обязанные дѣйствовать быстро, а между тѣмъ заваленные процессами? Какимъ образомъ они будутъ руководствоваться нашими законами, въ теперешней ихъ редакціи? Это очень трудный вопросъ, такой трудный, что и не придумаешь, какъ его рѣшить. Не говоря уже о противорѣчіяхъ, наши законы не полны, не точны, обнимаютъ бо̀льшею частью случаи, а не общія правила, смѣшиваютъ обязательное положеніе съ мотивами или поводами и административными подробностями. Тѣ изъ нихъ, которые собраны въ своды, расположены по неудовлетворительной системѣ, относящіеся къ этому предмету разбросаны по разнымъ книгамъ и томамъ, повторяются въ несходныхъ редакціяхъ по нѣскольку разъ, а между тѣмъ, они должны быть примѣняемы непремѣнно буквально. Какъ тутъ быть и какъ судьямъ дѣйствовать?“

А 19 лѣтъ спустя въ рядѣ статей въ Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права 1882 и 1883 г. г. [2]) знаменитый юристъ, привѣтствуя приступъ къ составленію новаго гражданскаго уложенія, между прочимъ, писалъ: „Наконецъ поднятъ и

---

[1]) Статья помѣщена въ Собраніи сочиненій Кавелина, т. IV.

[2]) Эти статьи также перепечатаны въ IV томѣ Собранія сочиненій.

у насъ самимъ правительствомъ вопросъ о коренномъ преобразованіи нашихъ устарѣлыхъ, крайне дурно изложенныхъ гражданскихъ законовъ. Первая часть X тома Свода Законовъ, содержащая въ себѣ „Законы Гражданскіе", какъ извѣстно, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. По содержанію она гораздо болѣе принадлежитъ къ исторіи законодательства, или даже къ археологіи, чѣмъ къ юриспруденціи. Система, по которой расположены наши гражданскіе законы въ Сводѣ, уже тогда, когда онъ былъ впервые изданъ, т. е. пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не отвѣчала ни наукѣ, ни запросамъ практики; что же касается до редакціи, то она, вмѣсто того, чтобы улучшаться съ каждымъ новымъ изданіемъ Свода, становилась хуже и хуже. Принятый въ бывшемъ Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи странный способъ дополненія и измѣненія законовъ, болѣе напоминавшій переплетное мастерство, чѣмъ кодификаціонныя работы, запуталъ и исказилъ редакцію до того, что самые опытные практики теряются и не сознаютъ, какъ поступать при разрѣшеніи частныхъ случаевъ. Къ тому надо еще прибавить, что по своему назначенію, Сводъ Законовъ представляетъ лишь систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій, а послѣднія издавались въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ (съ 1649 года) въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко другъ другу противорѣчащихъ направленіяхъ, всего чаще подъ вліяніемъ минутныхъ и случайныхъ внушеній, безъ всякаго соображенія съ несомнѣнными юридическими принципами. Все это объясняетъ, почему нашъ Сводъ гражданскихъ законовъ представляетъ нѣчто невообразимо хаотическое, ставитъ наши новые суды въ тупикъ, сбиваетъ ихъ съ толку и не даетъ выработаться и сложиться у насъ правильной, стройной, послѣдовательной судебной практикѣ, составляющей всюду необходимую опору при примѣненіи закона, и естественное его дополненіе".

Къ какому бы отдѣлу X тома ни обращался судъ, къ наслѣдственному ли праву или къ праву семейному, къ вещному, или къ обязательственному—вездѣ пробѣлы, недомолвки, противорѣчія. Если приходилось сравнивать эти отдѣлы съ точки зрѣнія степени ихъ неудовлетворительности, то оказывалось, что тотъ отдѣлъ, который долженъ былъ сыграть самую важную роль въ обновленномъ гражданскомъ обиходѣ: право обязатель-

ственное—былъ самымъ слабымъ изъ всѣхъ и по содержанію самымъ скуднымъ. Законодатель не скрывалъ, что ему эта скудость права была извѣстна и въ самихъ Судебныхъ Уставахъ онъ призывалъ судъ себѣ на помощь. Ст. 9 Уст. Гр. Суд. вооружила судъ правомъ въ случаѣ неясности, неполноты, недостатка или противорѣчій законовъ—основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Предоставляя это право суду и налагая на него обязанность рѣшать подлежащія его вѣдѣнію дѣла не иначе, какъ по точному разуму законовъ дѣйствующихъ, не испрашивая подъ предлогомъ неясности или неполноты закона разъясненій высшихъ мѣстъ, законодатель, по словамъ журнала Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, преслѣдовалъ цѣль по преобразованіи судебной части совершенно отдѣлить судебную власть отъ законодательной, которыя при старомъ порядкѣ слѣвались другъ съ другомъ, ибо съ одной стороны власть законодательная, по существу своему имѣющая цѣлью охраненіе пользы цѣлаго общества, предоставлялась суду, рѣшающему споры частныхъ лицъ, тогда какъ примѣненіе закона къ частному случаю, исключительно принадлежащее суду, предоставлялось той же власти, которою установленъ самый законъ.

Судъ усердно исполнялъ возложенную на него задачу. Въ другомъ отдѣлѣ этого изданія очерчена правотворческая дѣятельность новыхъ судебныхъ установленій, въ особенности кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Однако законодатель сознавалъ, что одному суду справиться съ дѣломъ исправленія нашего гражданскаго права невозможно, ибо, при крупныхъ недостаткахъ X тома, выясненіе общаго смысла закона не всегда удавалось. Отдѣльныя рѣшенія Сената по частнымъ случаямъ, до него доходившимъ, могли сами противорѣчить одно другому и могли играть только роль вѣхъ на пути къ созданію новаго и цѣльнаго кодекса.

Отечественное гражданское право требовало не однихъ дополненій, но коренной переработки. Чѣмъ дольше и усерднѣе работалъ новый судъ, тѣмъ явственнѣе становилась эта необходимость [1]).

---

[1]) Затруднительное положеніе, въ которое былъ поставленъ судъ при примѣненіи устарѣвшаго и неполнаго гражданскаго права, сведеннаго въ одно лишь внѣшнее цѣлое въ X томѣ Св. Зак., вызывало жалобы самихъ судей и притомъ не только высшихъ.

Законодательная власть колебалась при рѣшеніи вопроса, съ чего начать переработку гражданскаго права и рѣшила, что прежде всего требуется пересмотръ обязательственнаго права, хотя и наслѣдственное право представлялось далеко не удовлетворительнымъ. Что касается послѣдняго, то признавалось возможнымъ отложить его пересмотръ [1]).

VI. Вліяніе реформы на развитіе юридической науки.

Такимъ образомъ судебная реформа и основанная на новыхъ началахъ дѣятельность судебныхъ установленій послужили толчкомъ къ пересмотру уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Дѣло, само по себѣ, крайне сложное и кропотливое, которое не поддается скорому рѣшенію, хотя бы въ него вложился весь энтузіазмъ дѣятелей судебной реформы, затянулось на десятилѣтія и нынѣ еще Россіи приходится довольствоваться какъ старымъ Уложеніемъ, такъ и X томомъ.

Эта медленность и понятна, если принять во вниманіе, что въ 60-хъ годахъ нельзя было располагать достаточнымъ запасомъ теоретически и практически подготовленныхъ юристовъ, необходимымъ для исполненія громадной работы. Система и методъ работы, принятые Сперанскимъ въ началѣ царствованія Императора Николая I, не могли бы достигнуть цѣли, разъ приходилось составлять не Сводъ, а создавать кодексъ. Весь комплектъ подготовленныхъ юристовъ почти цѣликомъ пошелъ на замѣщеніе должностей по судебному вѣдомству. Приходилось назначать даже весьма молодыхъ людей на отвѣтственныя мѣста. Возложить на этихъ судебныхъ дѣятелей еще работу по составленію проекта кодекса было невозможно, ибо всѣ ихъ

Одинъ изъ судебныхъ дѣятелей перваго призыва, и. д. предсѣдателя Острогожскаго окружного суда Кущовъ, въ 1874 г. представилъ министру юстиціи обширную записку, съ цѣлью выяснить причины, по коимъ возникаютъ недоразумѣнія при рѣшеніи въ судебныхъ установленіяхъ различныхъ правовыхъ вопросовъ (Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1874 г. № 258). Кущовъ остановился преимущественно на отдѣлѣ X тома, обнимающемъ вещное право.

[1]) Относительно пересмотра статей I части X тома Св. Зак. Гражд. см. Сен. Арх., дѣло Мин. Юст. 1869 г. № 3130. Ср. также дѣло Мин. Юст. 1868 г. № 7121.

силы должны были сосредоточиться на текущемъ трудѣ суда. Юристы же теоретики должны были погрузиться въ научную работу, которая предъявляла къ нимъ все возраставшія требованія. На нихъ лежала отвѣтственная обязанность подготовить новые свѣжіе кадры для того времени, когда Верховная власть признаетъ возможнымъ распространить дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ на всю территорію государства.

Что судебная реформа должна была оказать глубокое вліяніе на юридическую литературу—этого доказывать не приходится. За рѣдкими исключеніями (какъ напр. криминалистъ Баршевъ) всѣ представители русской юриспруденціи сознавали всѣ неудовлетворительныя стороны дореформеннаго судебнаго строя. Выше намъ приходилось говорить, что судебная реформа не нуждается, ради вящшаго возвеличенія ея значенія, въ пренебрежительныхъ отзывахъ о людяхъ науки, работавшихъ въ области правовѣдѣнія въ эпоху, когда научной мысли, благодаря общимъ условіямъ государственнаго быта, не былъ открытъ должный просторъ, и честно потрудившихся несмотря на невзгоды жизни, подготовившихъ тѣхъ, которые, ставъ на ихъ плечи, освѣтили свѣточемъ науки многіе темные углы русскаго юридическаго быта и, пользуясь большею свободою критики, указывали и законодателю и обществу пути къ усовершенствованію родного права.

Университетская реформа, какъ уже сказано выше, расширила кругъ юридическаго преподаванія. Послѣ ея проведенія правительство отправило рядъ молодыхъ людей за границу, и если далеко не во всѣхъ университетахъ и не всегда всѣ каѳедры на юридическихъ факультетахъ были замѣщены (отчасти благодаря неудовлетворительному порядку пріобрѣтенія ученыхъ степеней, который, уже самъ по себѣ недостаточно твердый, сталъ вскорѣ нарушаться или соблюдаться отнюдь не такъ, какъ того требовалъ законодатель, благодаря чему былъ открытъ просторъ профессорскому произволу и факультетскому непотизму, устрашавшихъ немалое количество молодыхъ ученыхъ, предпочитавшихъ другія карьеры поприщу университетскаго преподавателя, столь тернистому вездѣ, но въ особенности въ Россіи), то число ученыхъ юристовъ всетаки сравнительно быстро начало расти и устраненіе изъ университетовъ цензурнаго гнета (ибо университетамъ было предоставлено право са-

мимъ цензировать труды своихъ членовъ и питомцевъ) двинуло научную мысль на путь болѣе смѣлаго развитія.

Пореформенная юриспруденція получила въ свои руки такой матеріалъ для изслѣдованія, который былъ совершенно неизвѣстенъ юристамъ стараго времени: рѣшенія Кассаціоннаго Сената, въ которомъ работали люди не чуждавшіеся науки, а уважавшіе ее и нерѣдко сами вносившіе свой вкладъ въ общую сокровищницу.

Творцы Судебныхъ Уставовъ использовали указанія науки права на условія и требованія правильной постановки судебнаго дѣла, но это пользованіе наукой не осталось безъ возмездія съ ихъ-же стороны, ибо результатъ ихъ трудовъ въ свою очередь далъ представителямъ науки пищу для плодотворной теоретической работы, побуждая теоретиковъ къ углубленію въ сложныя проблемы взаимодѣйствія судебной практики и жизни, къ изученію правового творчества въ судахъ и медленнаго процесса приспособленія отсталаго отечественнаго права къ новымъ условіямъ общественнаго строя [1]).

Въ 1896 году былъ отпечатанъ II томъ подготовительныхъ матеріаловъ Высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, въ которомъ содержится систематическій указатель русской литературы по судопроизводству и судоустройству, гражданскому и уголовному, до 1896 года, составленный А. Поворинскимъ. Указатель обнимаетъ 11.559 номеровъ. Конечно, не подъ каждымъ № указано научное изслѣдованіе (крупное или небольшое). Одно и тоже сочиненіе указано въ указателѣ нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ. На ряду съ крупными по содержанію (независимо отъ объема) тру-

---

[1]) А. Х. Гольмстенъ („Участіе представителей юридической науки въ отправленіи гражданскаго правосудія". Актовая рѣчь 8 февраля 1905 г. Юридическія изслѣдованія и статьи. Томъ II), называетъ юридическую науку и правосудіе двумя могучими рычагами общественнаго механизма. „Интересы науки права, говоритъ онъ, не исчерпываются удовлетвореніемъ пытливости и любознательности человѣческаго ума; въ интересъ ея входитъ и общественное служеніе, между прочимъ, содѣйствіе дѣлу отправленія правосудія; правосудіе же прямо не достижимо безъ помощи и содѣйствія науки права".

Авторъ указываетъ на то, что послѣ судебной реформы связь между наукой права и правосудіемъ въ Россіи стала болѣе близкой и въ томъ отношеніи, что въ нашу практику начало пробивать себѣ путь обращеніе судовъ и тяжущихся за заключеніемъ къ ученымъ юристамъ, сыгравшее немаловажную роль на западѣ Европы.

„Великая судебная реформа 1864 г., снявшая съ суда и тяжущихся оковы безумнаго формализма, предоставившая каждому изъ нихъ, въ предѣлахъ лежащей на немъ задачи, свободу дѣйствій, пріоткрыла двери суда заключеніямъ ученыхъ—юристовъ."

дами указаны и мелкія статьи, изъ которыхъ многія не имѣютъ цѣны. Однако, если и вычесть эти сомнительныя величины изъ общаго итога, то результатъ окажется не малымъ. Если провести черезъ эту массу литературнаго матеріала хронологическую черту: 1864, то нельзя не убѣдиться въ томъ, что ростъ юридической литературы за послѣднее пятидесятилѣтіе былъ быстрый.

Въ указателѣ Поворинскаго не указаны произведенія, относящіяся къ другимъ отраслямъ юриспруденціи, иначе пришлось бы трудолюбивому составителю прибавить еще цѣлый томъ.

По мѣрѣ распространенія дѣйствія Судебныхъ Уставовъ на все бо́льшее пространство территоріи, растетъ и литература и въ общую массу произведеній вносятъ свою можетъ быть и скромную лепту и обыватели отдаленныхъ мѣстностей, даже медвѣжьихъ угловъ. Пишутъ не только корифеи науки, или выдающіеся по таланту судьи, прокуроры, сенаторы, сановники до министровъ юстиціи включительно, пишутъ и присяжные повѣренные, именитые и менѣе извѣстные, пишутъ и заурядные, скромные дѣятели судебнаго вѣдомства, и члены окружныхъ судовъ, и слѣдователи, и товарищи прокуроровъ и молодые кандидаты на судебныя должности.

Не говоримъ уже про то, что судъ и его дѣятельность, его недостатки и достоинства, промахи и успѣхи, давали и даютъ возможность и публицистамъ и журналистамъ, наполнявшимъ столбцы газетъ и страницы журналовъ своими замѣтками, статьями, хроникой и обзорами, выступать со своими совѣтами и упреками, хвалой или хулой, не всегда основанной на знаніи дѣла, но нерѣдко подмѣчавшихъ то, что оставалось незамѣченнымъ теоретическимъ умомъ или глазомъ, привыкшимъ къ судейской жизни и ея сутолокѣ.

И доброжелательство, и гнѣвъ, и честное стремленіе къ безпристрастію, и отуманенная предразсудками или личными разочарованіями страсть говорили въ прессѣ періодической и неперіодической, раздражая иныхъ, гнѣвая другихъ, приводя въ безпокойство третьихъ, дорожившихъ новымъ судомъ, успокаивая и радуя сегодня, тревожа завтра.

Если сравнить нашу юридическую литературу, относящуюся къ тѣмъ областямъ юриспруденціи, которыя въ своемъ развитіи стоятъ въ ближайшей связи съ движеніемъ судебной реформы

и примѣненіемъ началъ Судебныхъ Уставовъ въ жизни, съ юридической литературой западно-европейскихъ государствъ, гдѣ на ея развитіе также имѣла вліяніе всякая крупная реформа въ области права уголовнаго и гражданскаго, какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго, то бросается въ глаза, одна особенность именно русской литературы. Число крупныхъ по объему научныхъ трудовъ, системъ, курсовъ, монографій сравнительно не велико [1]). Надъ книгами преобладаетъ журнальная статья, какъ въ органахъ періодической прессы спеціальнаго характера, такъ и въ журналахъ общелитературныхъ.

Всѣмъ извѣстны имена такихъ криминалистовъ, какъ Таганцевъ, Сергѣевскій, Фойницкій, Неклюдовъ, Случевскій, къ коимъ по заслугамъ приближаются, но имъ не равны—Тальбергъ, Кистяковскій, Демченко, Колоколовъ, Духовской (мы не называемъ именъ другихъ живыхъ или молодыхъ криминалистовъ). Намъ всѣмъ извѣстны имена крупнѣйшихъ послѣреформенныхъ цивилистовъ: Побѣдоносцева, Дювернуа, Цитовича, Гольмстена, Малышева, Муромцева. Всякій русскій юристъ знаетъ имена юристовъ практиковъ, которые обогатили русскую юридическую литературу трудами, безъ коихъ не обойдется никто, ни начинающій работу, ни продолжающій ее: Буцковскаго, Боровиков-

[1]) На сравнительно малое число самостоятельныхъ сочиненій въ области юриспруденціи указываетъ и извѣстный противникъ судебной реформы 1864 г. В. Фуксъ въ ст. „Реформа реформы 1864 г." (Русскій Вѣстникъ 1887 г. Августъ).

Онъ приводитъ слѣдующую таблицу, составленную на основаніи данныхъ, отчасти сообщенныхъ Н. В. Муравьевымъ, отчасти заимствованныхъ изъ Указателя по дѣламъ печати, издававшагося Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати.

Таблица Фукса обнимаетъ данныя за 1874—1882 г.г.

	Сборниковъ и указателей.	Самостоятельныхъ сочиненій.	ВСЕГО.
Въ 1874 г. издано	68	38	106
„ 1875 „ „	64	43	107
„ 1876 „ „	48	35	83
„ 1877 „ „	48	45	93
„ 1878 „ „	57	54	111
„ 1879 „ „	45	42	87
„ 1880 „ „	50	68	118
„ 1881 „ „	27	41	68
„ 1882 „ „	37	59	96

Фуксъ предлагалъ, въ видахъ оживленія научной дѣятельности въ области юриспруденціи, учредить особую Юридическую Академію, которая имѣла бы задачею способствовать правильному и всестороннему развитію въ Россіи юридическихъ наукъ вообще и обработкѣ русскаго права въ частности.

скаго и Кони. Однако, принимая во вниманіе, что со времени изданія Судебныхъ Уставовъ прошло уже полустолѣтіе, приходится всетаки сказать, что число дѣйствительно крупныхъ ученыхъ, оставившихъ неизгладимые слѣды въ литературѣ права, не такъ велико, какъ того можно было ждать. У насъ не любятъ печататься многіе, кто можетъ быть имѣлъ бы сказать вѣское слово. Извѣстная мнительность, болѣзненно-чуткое отношеніе къ пробѣламъ собственнаго знанія, заставляютъ многихъ молчать или хранить плодъ своихъ трудовъ въ письменномъ столѣ.

Юриспруденція въ Россіи развивалась также благодаря трудамъ, обыкновенно къ литературѣ права не причисляемымъ, но имѣвшимъ громадное вліяніе на нее. Рядъ образцовыхъ заключеній оберъ-прокуроровъ Кассаціоннаго Сената, напутственныхъ резюме нѣкоторыхъ предсѣдателей окружнаго суда, обращенныхъ къ присяжнымъ, рѣчи прокуроровъ и первоклассныхъ защитниковъ или представителей интересовъ гражданскихъ истцовъ, напечатанныя въ газетахъ, журналахъ или появившіяся особыми книгами, все это были факторы, будившіе и волновавшіе мысль и теоретиковъ, вызывая ихъ на возраженія и споръ.

На недостатокъ въ числѣ крупныхъ или систематическихъ трудовъ въ области уголовнаго и гражданскаго права указалъ еще покойный И. Я. Фойницкій въ статьѣ, напечатанной въ Журналѣ Гражд. и Уголовнаго Права 1879 г. № 6 [1]) по случаю 15-лѣтія со дня изданія Судебныхъ Уставовъ. Она озаглавлена: „Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и мѣры къ ихъ сокращенію". „Какъ ни молода, писалъ Фойницкій, наша судебная реформа, но она уже имѣетъ свою, и именно пятнадцатилѣтнюю исторію. Правда, въ теченіе этого непродолжительнаго времени общественное мнѣніе еще не успѣло выяснить себѣ, а тѣмъ менѣе, высказаться о всѣхъ ея частностяхъ, разъ, потому, что: „нормальная" въ глазахъ закона 20 ноября, обстановка новой судебной системы, далеко еще не установилась въ жизни, и два—потому, что до сихъ поръ голоса наиболѣе компетентныхъ, которые могли бы сказать вѣское слово о Судебныхъ Уставахъ, высказываются неохотно и лишь на половину, вслѣдствіе нежеланія породить недомысліе и дать поводъ думать, будто ими требуется общій

[1]) Статья перепечатана въ 11 томѣ сборника „На досугѣ". СПБ. 1900 г.

пересмотръ этого великаго памятника законодательства. Они— правильно или неправильно, другой вопросъ—убѣждены, что наставшіе нынѣ дни крайне неблагопріятны для такого пересмотра и оставляютъ за собою только оборонительную дѣятельность, но даже съ обороною они рѣже и рѣже выступаютъ публично, подавленные ли стеченіемъ въ послѣднее время цѣлаго ряда условій, неблагопріятныхъ для юриспруденціи, пришедшіе ли къ печальному убѣжденію въ безполезности такой публичной обороны, или просто поставленные въ фактическую невозможность высказать свое свободное слово, мы не знаемъ".

Слова покойнаго ученаго сказаны были въ эпоху, которую его товарищъ по факультету А. Д. Градовскій назвалъ въ извѣстномъ сборникѣ статей „Трудными годами".

Съ 60-хъ годовъ растетъ число комментарій къ отдѣльнымъ частямъ нашего Свода. Въ особенности усердно комментируются Судебные Уставы, X томъ и Уложеніе о Наказаніяхъ. Частныя изданія этихъ памятниковъ законодательства съ объясненіями и съ подстатейнымъ приложеніемъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ въ настоящее время могутъ составить цѣлую библіотеку.

Одинъ изъ авторитетнѣйшихъ русскихъ юристовъ К. П. Побѣдоносцевъ въ предисловіи къ своему „Судебному Руководству" (изд. 1872 г.) объясняетъ причины, побуждающія къ систематическому комментированію нашихъ законовъ, долженствующему хотя бы нѣсколько облегчить задачу судей. „Сборники положеній, современемъ, извлеченныхъ изъ одной только судебной практики, могутъ представить для той же практики удовлетворительныя руководства; ибо наша практика сама еще не утвердилась на прочныхъ основаніяхъ и не успѣла для себя выработать твердыхъ руководственныхъ началъ. Иначе и быть не могло, потому, что судебная практика не имѣетъ у насъ позади себя опоры ни въ цѣльномъ систематически сложившемся законодательствѣ, ни въ школѣ вѣкового опыта и переходящихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію преданій. Въ ожиданіи пока явится то и другое, наша практика поневолѣ должна будетъ искать себѣ руководства посреди случайныхъ, отрывочныхъ, неустановившихся взглядовъ и разнорѣчивыхъ мнѣній. Судебные Уставы наши, хотя и представляютъ цѣльный, систематически выработанный законъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ

новый, законъ, который для примѣненія на практикѣ, съ одной стороны даетъ опору исполнителямъ, а съ другой стороны требуетъ отъ нихъ извѣстнаго знанія и разумѣнія, пріобрѣтаемаго не изъ буквы закона, а изъ школы и изъ того совмѣстно и послѣдовательно накопленнаго запаса силъ и опытности, который собирается трудомъ поколѣній. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что этихъ силъ у насъ вообще недостаточно и во всякомъ случаѣ неоткуда было ихъ заимствовать представителямъ нашего мирового суда, призываемаго изъ среды общества безъ особенной подготовки, къ примѣненію Судебныхъ Уставовъ. Что касается до нашего гражданскаго права, коего начало столь неразрывно связано съ началомъ суда гражданскаго, то всѣмъ извѣстно, какъ оно скудно общими руководственными правилами, какъ оно страдаетъ недостатками системы, какъ много содержитъ въ себѣ противорѣчій и неясностей, нерѣдко поставляющихъ судебную практику въ неразрѣшимыя затрудненія. Можно сказать съ увѣренностью, что новые уставы гражданскаго судопроизводства получатъ свое полное значеніе и полную возможность къ уразумѣнію и осуществленію тогда только, когда появится у насъ цѣльное и систематическое законодательство по гражданскому праву. Странно было бы ожидать и надѣяться, какъ полагаютъ многіе, что нашъ гражданскій законъ изъясняется и образуется съ помощью новой судебной практики. По свойству судебнаго отправленія судебная власть (не исключая и власти Кассаціоннаго Сената) ограничивается примѣненіемъ закона въ разумѣ началъ, выраженныхъ въ законѣ и изъ него истекающихъ. Сенатъ не можетъ ни коимъ образомъ вложить въ законъ то, чего въ законѣ не находитъ; слѣдовательно, если законъ самъ въ себѣ не имѣетъ органическаго единства и не выражаетъ началъ взаимно согласованныхъ и взаимно держащихся, то практика, въ изъясненіе сихъ началъ по скуднымъ и отрывочнымъ указаніямъ закона, не въ силахъ выработать для себя твердые и вѣрные пути, и несправедливо было бы ей одной ставить въ вину противорѣчія и недоразумѣнія, въ которыя должна она сама впадать невольно".

Но каковы бы то ни были мотивы и соображенія, по коимъ компетентныя лица сравнительно рѣдко выступали, время наложило на ихъ труды особый отпечатокъ. Литература, посвященная

вопросамъ, связаннымъ съ основами и дѣйствіемъ, недостатками и достоинствами Судебныхъ Уставовъ—литература преимущественно боевая, и до настоящаго времени борьба за и противъ памятника великаго царствованія не прекратилась.

Въ первое десятилѣтіе послѣ введенія реформы замѣчается въ общемъ благосклонное отношеніе къ судебной реформѣ. Новое, уже потому, что оно новое, нравилось и рѣдки были люди, которые признавали его преждевременнымъ даромъ. Ихъ число было сравнительно незначительно и сожалѣнія объ исчезновеніи стараго суда высказывались рѣдко. Но по мѣрѣ того, какъ глазъ общества привыкалъ къ существованію новаго суда, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія о старомъ судѣ становились все болѣе блѣдными, духъ критики пробуждался и склонность русскаго общества искать и находить въ явленіяхъ государственной и общественной жизни преимущественно слабыя и тѣневыя стороны давала себя чувствовать все сильнѣе. Судебная реформа, какъ всякое дѣло человѣческихъ рукъ, была не безъ грѣховъ, Судебные Уставы не безъ недостатковъ. Критика оживлялась и во главѣ порицателей того, что еще не такъ давно было признаваемо чуть ли не высшимъ благомъ эпохи реформы, выступилъ публицистъ, который во многихъ слояхъ русскаго общества признавался авторитетомъ, и къ голосу котораго прислушивались и противники, признававшіе его крупный талантъ и сожалѣвшіе о неумѣстномъ употребленіи сего таланта въ дни разочарованія,—М. Н. Катковъ. Онъ открылъ на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ кампанію противъ главныхъ основъ реформы, противъ устности и гласности, противъ независимости суда отъ администраціи, въ особенности же противъ суда присяжныхъ. По всей Россіи распространялись клички: „судебная республика“, „судъ улицы“ и другія крылатыя слова, коими пестрѣли его страстныя статьи противъ того, предъ чѣмъ онъ самъ когда то преклонялся. Перчатка, брошенная имъ сторонникамъ и защитникамъ реформы, была ими поднята и печать раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Съ одной стороны всякое отступленіе отъ основныхъ началъ реформы объявлялось посягательствомъ на правосудіе, на одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ Царя Освободителя, съ другой высказывалось рѣзко и безъ стѣсненій, что реформа 1864 года ничто иное, какъ крупное заблужденіе,

плодъ радикализма и необдуманной привязанности къ новшеству.

Такъ какъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и на западѣ Европы въ литературѣ замѣчалась склонность къ пересмотру того, что признавалось въ области процессуальнаго права ранѣе безусловно правильнымъ, то противники новаго суда находили извѣстную опору въ западно-европейской наукѣ и публицистикѣ. Нужно признать, что боровшіяся стороны стояли не въ одинаково благопріятномъ положеніи. Катковъ въ особенности и его менѣе значительные сторонники пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ со стороны власть имущихъ, которые были разочарованы ходомъ и вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ. Они могли безпрепятственно направлять свои удары противъ сторонниковъ реформы. Другая сторона, защищавшая реформы, была лишена этой поддержки и нерѣдко должна была или молчать, гдѣ можно было привести убѣдительные аргументы, или довольствоваться полусловомъ или намекомъ. Борьба изъ-за Судебныхъ Уставовъ не была безпричинной и нельзя всѣ нападки на судъ объяснять одной злою волею или корыстными мотивами.

Какъ всякое крупное общественное дѣло, такъ и судебная реформа вызвала къ жизни силы здоровыя, но она не могла препятствовать тому, что ея блага были использованы и силами темными. Противники реформы приписывали многое изъ того, что такъ неприглядно выступало наружу въ послѣреформенной Россіи — введенію новаго судебнаго порядка, основаннаго на вѣрѣ въ облагораживающую силу хорошихъ учрежденій. Такія страстныя натуры, какъ Катковъ, быстро рѣшаются на осужденіе всего учрежденія, если оно не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ ихъ преувеличеннымъ нерѣдко ожиданіямъ. Онѣ какъ бы возмущаются собственнымъ увлеченіемъ въ минувшее время и мстятъ тому учрежденію, которое давало поводъ къ увлеченію.

Гражданскій судъ и процессъ служили мишенью для противниковъ несравненно меньше, нежели уголовный. Нападая на новый гражданскій судъ, противники реформы жаловались на медленность его производства [1]), на ненужный или безполез-

[1]) Н. Г. Принтцъ въ статьѣ: „Случайности, вліявшія на судебное преобразованіе 1864 г.“ (Журн. Мин. Юст. 1894 г. ноябрь) объясняетъ медленность, проявившуюся при рѣшеніи дѣлъ въ судахъ, на которую такъ горько жаловались обыватели, преимуще-

ный, какъ казалось, формализмъ и тотъ, кто наивно вѣрилъ, что судъ въ новомъ своемъ строѣ предупредитъ гражданскую неправду и будетъ въ состояніи всегда доставить торжество правому и честному, а пораженіе плуту и недобросовѣстному, тотъ былъ готовъ отрицать, что реформа принесла положительную пользу и утверждать, что измѣнилась одна внѣшность и

ственно двумя причинами, недостаткомъ въ личныхъ силахъ въ судебныхъ установленіяхъ, и во вторыхъ, наложеніемъ на судей новыхъ обязанностей, которыя не были предусмотрѣны Судебными Уставами и которыя были послѣдствіемъ нѣкоторыхъ изъ финансовыхъ реформъ.

„Несмотря на то, пишетъ онъ, что первоначальныя предположенія о матеріальномъ обезпеченіи судебныхъ чиновъ значительно были урѣзаны при окончательномъ обсужденіи ихъ, Министерству Юстиціи приходилось вести постоянную борьбу съ Министерствомъ Финансовъ относительно числа судебнаго персонала и прочихъ, потребныхъ для судовъ расходовъ. Вслѣдствіе сего, судебныя мѣста съ самаго начала были организованы въ недостаточномъ составѣ, а это повело къ тому, что отправленіе правосудія на новыхъ началахъ не могло совершаться ни такъ быстро, какъ предполагалось, ни столь бдительно, какъ это имѣлось въ виду. Отсюда взяли свое начало накопленіе дѣлъ, медленность въ ихъ производствѣ и недостаточная въ иныхъ случаяхъ осмотрительность въ постановленіи рѣшеній и приговоровъ. Нѣкоторые суды изнемогали отъ несоотвѣтствія количества труда съ количествомъ работниковъ и чтобы устранить это неблагопріятное положеніе, Министерство Юстиціи, встрѣчая затрудненіе къ усиленію состава, вынуждено было прибѣгать къ компромиссу, упраздняя высшія должности и создавая вмѣсто нихъ должности съ меньшими окладами. Такъ постепенно были упразднены нѣкоторыя должности товарищей предсѣдателей окружного суда и секретарей канцеляріи судовъ, судебныхъ палатъ и прокуроровъ, съ замѣною ихъ должностями членовъ окружныхъ судовъ и помощниковъ секретарей. Чрезъ это отправленіе правосудія и веденіе канцелярскаго порядка переходило въ руки лицъ, менѣе опытныхъ и менѣе вознаграждаемыхъ, и на долю такихъ замѣстителей выпадала болѣе отвѣтственная и тяжелая работа. Вмѣстѣ съ тѣмъ судебные чины лишались въ значительной степени возможности къ повышенію, что въ свою очередь, на многихъ отразилось смѣною прежней энергіи равнодушіемъ и даже апатіей".

Что-же касается новыхъ обязанностей, которыя отнимали много времени у судей, то онѣ были послѣдствіемъ преимущественно двухъ финансовыхъ реформъ. Изданіе новаго Гербоваго Устава въ 1874 г. имѣло послѣдствіемъ возникновеніе въ судебныхъ мѣстахъ цѣлой серіи дѣлъ по нарушенію этого новаго закона. Введеніе же пошлинъ съ безмездно переходящихъ имуществъ въ 1882 г. возложило на суды обязанность опредѣлять количество пошлины во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда частныя лица должны были обращаться къ суду. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ вопросы, сопряженные со взиманіемъ этой пошлины рѣшались судомъ, что отнимало не мало времени и тогда у судейскаго персонала и безъ того уже обремененнаго трудами. Канцелярскія средства, отпущенныя судамъ, были также весьма незначительны. Принтцъ говоритъ, что это тѣмъ оказалось особенно неблагопріятно, что волокита въ этомъ отношеніи постоянно раздражаетъ и не располагаетъ къ суду всѣхъ, кто соприкасается съ нимъ по какому-либо случаю, заставляя подчасъ дѣлать даже неблагопріятныя сравненія съ дореформенными порядками.

Скупость при отпускѣ суммъ на судъ, коей далеко не всегда соотвѣтствовала бережливость затраты государственныхъ средствъ на другія надобности, конечно, дала себя почувствовать весьма небезвреднымъ для всего государства способомъ. Суммы, которыя сберегало государственное казначейство, утрачивались народомъ, т. е. плательщикомъ податей, коего экономическіе интересы страдали отъ этой невольной судебной волокиты.

обрядъ, персоналъ и названіе, но не суть дѣла. Вопросъ о томъ, какъ упростить форму судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ, какъ предупредить возможность использованія необходимыхъ судебныхъ гарантій для эксплоатаціи слишкомъ легковѣрныхъ, мало свѣдущихъ и неопытныхъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ и оборотахъ людей и т. д. — занималъ и продолжаетъ занимать литературу въ теченіе всѣхъ истекшихъ со времени реформы 50 лѣтъ.

Полемика по вопросамъ, относящимся къ гражданскому процессу, рѣдко принимала острый характеръ. Несравненно богаче и многообразнѣе литература по уголовному процессу, а равно по матеріальному уголовному праву. Прежде всего потому, что новыя формы уголовнаго процесса гораздо рѣзче, нежели процессъ гражданскій отличались отъ процессуальныхъ формъ дореформеннаго времени. Когда замѣтно стало или показалось, что преступность въ Россіи усилилась послѣ 1866 года, то отрицательно относившіеся къ новшествамъ эпохи реформъ готовы были вмѣнить это явленіе въ вину новымъ судебнымъ порядкамъ, не сознавая или не желая признать, что крупныя перемѣны въ общественно-экономическомъ строѣ всегда сопровождаются усиленнымъ проявленіемъ злой воли неуравновѣшенныхъ элементовъ или индивидовъ, неспособныхъ приспособиться къ новымъ условіямъ. Винили состязательный процессъ, винили гласность, какъ факторы пропагандированія преступности, винили защитниковъ, пользовавшихся свободою слова для того, чтобы обѣлить обвиняемыхъ, боровшихся съ обвинительною властью, старавшихся повліять на чувство присяжныхъ засѣдателей. Когда замѣтили, что повторяются случаи оправданія виновныхъ, даже признавшихся въ своемъ преступленіи, или уличенныхъ въ совершеніи преступнаго дѣянія такъ, что сомнѣнія въ виновности не могло быть, то всѣ нападки противниковъ сосредоточились на институтѣ присяжныхъ, который по идеѣ составителей Судебныхъ Уставовъ, долженъ былъ сыграть роль борца общественнаго правосознанія съ посягателями на законный порядокъ. Судъ присяжныхъ былъ несомнѣнно самымъ выпуклымъ новшествомъ, особенно замѣтнымъ въ Россіи того времени, гдѣ власть не считала возможнымъ привлечь народныя массы къ участію въ исполненіи государственныхъ задачъ или же отводила имъ весьма скромную долю участія. Нападки

на судъ присяжныхъ, часто весьма неосновательные, были любимымъ средствомъ дискредитированія новыхъ судебныхъ началъ. Противники этого института [1]) не считали необходимымъ серьезно изслѣдовать причины частыхъ оправдательныхъ рѣшеній, не замѣчали, а можетъ быть и не хотѣли замѣтить, что и въ другихъ странахъ въ первое время послѣ введенія суда съ участіемъ присяжныхъ, процентъ оправдательныхъ вердиктовъ былъ сравнительно крупный и что число оправдательныхъ приговоровъ, вынесенныхъ коронным судомъ безъ участія присяжныхъ, было также значительно.

Сторонникамъ Судебныхъ Уставовъ и въ частности суда присяжныхъ пришлось подобрать и соединить въ одно цѣлое всѣ аргументы, которые могли быть выставлены въ пользу сохраненія въ неприкосновенности участія представителей общества въ судѣ. Волей-неволей пришлось имъ выйти за предѣлы узкаго вопроса о пользѣ или безполезности суда съ участіемъ присяжныхъ и съ логической послѣдовательностью разобрать всѣ недостатки дѣятельности новыхъ органовъ суда, которые стояли въ связи съ оправдательными безъ достаточной причины вердиктами. По очереди научная мысль и публицистика занялись оцѣнкой всѣхъ факторовъ въ уголовномъ процессѣ: судебными слѣдователями, участіемъ прокурорскаго надзора въ предварительномъ слѣдствіи, порядкомъ преданія суду, задачей и предѣлами выступленія обвинителей въ судебномъ слѣдствіи,

[1]) Жалоба на то, что неправильныя рѣшенія присяжныхъ повторяются и что такое повтореніе можетъ самымъ пагубнымъ образомъ отразиться на общественной нравственности и на уваженіи къ закону, исходила и отъ такого сторонника судебной реформы 1864 г., каковымъ былъ Спасовичъ.

В. Фуксъ въ статьѣ „Судебныя доктрины 1862 и 1864 г.г. на практикѣ“ („Русскій Вѣстникъ“ 1887 г. февраль) сообщаетъ, что при разсмотрѣніи дѣла Мельницкихъ въ Сенатѣ Спасовичъ сказалъ:

„Институтъ присяжныхъ засѣдателей боленъ, серіозно боленъ: худую услугу оказываютъ ему его льстецы и хвалители, распинающіеся за его непогрѣшимость. Лечить его надо энергично и немедленно, такъ какъ болѣзнь уже давно существуетъ и запущена, а дальнѣйшее ея запущеніе можетъ довести до необходимости ампутаціи. Если признается, что содѣянное доказано, а содѣяно оно лицами взрослыми, дѣйствовавшими въ состояніи вмѣняемости, сознательно и свободно, которыя, однако, послѣ того провозглашены невиновными, то какой же изъ этого возможенъ выводъ? Только тотъ, что законъ не исполняется, что онъ не господствуетъ, что на его мѣсто становится милосердіе г.г. присяжныхъ, что если въ законѣ написано: кто совершилъ такое-то дѣйствіе, тотъ подвергается такому-то наказанію, то надлежитъ читать: кто совершилъ такое-то дѣйствіе и г.г. присяжнымъ засѣдателямъ угодно будетъ, тотъ за сіе подвергается такому-то наказанію. Такимъ образомъ дѣло идти не можетъ“.

цензомъ присяжныхъ, ролью предсѣдателя, значеніемъ его напутственныхъ объясненій, ролью экспертовъ и, наконецъ, значеніемъ и смысломъ кассаціи. Такъ какъ Россія стала свидѣтельницей выступленія враждебныхъ государству темныхъ силъ, такъ какъ, въ особенности со второй половины 70-хъ годовъ, стали повторяться политическіе процессы, то литература, насколько обстоятельства то позволяли, занялась и вопросомъ о примѣненіи тѣхъ или иныхъ процессуальныхъ формъ при сужденіи лицъ, привлекаемыхъ за дѣянія съ политическимъ характеромъ.

Споръ о томъ, какъ обезпечить правый судъ, одинаково далекій и отъ жестокаго отношенія къ сбившимся съ законнаго пути, такъ и отъ безпричиннаго милосердія или снисходительности, привелъ въ движеніе не одну науку уголовнаго права.

Человѣческая мысль усиленно заработала и въ другихъ областяхъ юриспруденціи. Отношеніе суда къ другимъ властямъ поставило вновь на очередь старый вопросъ о раздѣленіи и сочетаніи властей. Статистика принялась за изслѣдованіе богатаго матеріала, содержавшагося въ судебныхъ отчетахъ, для выясненія дѣйствія закона большихъ числъ въ дѣяніяхъ человѣческихъ, служащихъ объектомъ судебныхъ дѣйствій.

Медицина нашла множество поводовъ для выясненія различныхъ условій извращенія человѣческой воли. Врачебный анализъ сталъ союзникомъ судебнаго слѣдствія. Наука судебной медицины и судебной психіатріи развилась въ Россіи лишь благодаря дѣятельности новаго суда, который судилъ не по описанію преступленія въ актахъ, а живого человѣка, мало интересовавшаго старый судъ.

Можно сказать, что новый судъ вывелъ юриспруденцію изъ изолированнаго положенія, въ которомъ она жила въ дореформенное время и поставилъ ее въ связь съ другими науками, ранѣе ей чуждыми, призывая всѣхъ на службу общественному дѣлу и вооружая судъ свѣдѣніями не книжными и чуждыми жизни, а почерпнутыми изъ всесторонняго изученія человѣка.

VII. Вліяніе судейскаго персонала на общественную жизнь.

Однѣ нормы, помѣщенныя въ Судебныхъ Уставахъ, какъ бы онѣ ни были точны и правильны по содержанію, не могли бы имѣть вліянія на Россію. Онѣ остались бы много обѣщающими словами, если-бы не нашлись люди, которые способны были претворить ихъ въ жизнь. Когда-то англійскій государственный дѣятель Кэннингъ, говоря о значеніи человѣческой личности въ государствѣ, сказалъ, что не упряжь тянетъ повозку, а приводитъ ее въ движеніе—лошадь, понимая подъ упряжью законы и организованныя на ихъ основаніяхъ учрежденія, а подъ лошадью тѣхъ живыхъ людей, которые даютъ нѣмымъ нормамъ голосъ, а глухимъ учрежденіямъ—слухъ.

Оглядывающійся на истекшее съ 20 ноября 1864 года полустолѣтіе, въ теченіе котораго почти все поколѣніе, бывшее свидѣтелемъ реформы, сошло въ могилу (лишь весьма немногіе судебные дѣятели 60-хъ годовъ еще въ живыхъ, еще менѣе у дѣла) и успѣли подрости два новыхъ поколѣнія, спрашиваетъ, каково было личное вліяніе судей и прокуроровъ и защитниковъ, однимъ словомъ всѣхъ личныхъ силъ, призванныхъ Великимъ Монархомъ къ вершенію въ судахъ правды и милости, что они лично внесли въ русское государство и общество, какое положеніе они себѣ создали и отстояли и какія чувства питаетъ къ нимъ населеніе?

Дореформенные судьи не имѣли возможности или не умѣли пріобрѣсти довѣріе общества. Не умѣла отстоять свое положеніе и дореформенная прокуратура. Повѣренные же, которые вели частныя дѣла въ старыхъ судахъ, не только не пользовались уваженіемъ, но причислялись къ самымъ несимпатичнымъ представителямъ „добраго стараго времени“. Никто не обвинялъ всѣхъ судей во взяточничествѣ и подкупности, но никто не былъ увѣренъ, что г.г. предсѣдатели и совѣтники палатъ, уѣздные судьи, губернскіе прокуроры и стряпчіе были людьми твердыми въ сознаніи долга, независимыми настолько, чтобы внушенія со стороны, хотя бы и не въ формѣ посуловъ, что желанія сильныхъ міра сего и богатыхъ не смогутъ направить дѣла

такъ, какъ имъ полезно и желательно, что законъ не будетъ примѣненъ такъ, какъ его истолкуетъ личное усмотрѣніе, или что дѣло не заглохнетъ, если то окажется нужнымъ. Новые же судьи, поставленные въ независимое положеніе, несмѣняемые, нравственно безупречные, хотя получали далеко неудовлетворительное содержаніе, пріобрѣли репутацію безкорыстныхъ и неподкупныхъ служителей Ѳемиды. Конечно, было бы странно утверждать, что за 50 лѣтъ ни одинъ судья во всѣхъ рангахъ судебнаго вѣдомства, ни одинъ чинъ прокурорского надзора не запятналъ себя дѣяніями недостойными высокаго званія и не спустился съ высокаго уровня честности въ дѣлѣ и нравственной чистоплотности. Но такія паденія были сравнительно рѣдкими явленіями. Въ общемъ русскій народъ могъ сказать, что онъ получилъ достойную довѣрія судейскую корпорацію, которая могла съ извѣстною гордостью держать высоко свою голову, не смотря на то, что положеніе судейскаго персонала не было изъ легкихъ съ самаго начала и становилось все тяжелѣе. Кто слѣдилъ за дѣятельностью должностныхъ лицъ въ административныхъ вѣдомствахъ, тотъ могъ весьма нерѣдко замѣтить недостатокъ въ усердіи и уваженіи къ закону. Кто наблюдалъ безпрерывную ежедневную работу судьи, тотъ не могъ не признать что онъ несетъ тяжелое бремя служебныхъ обязанностей съ рвеніемъ, до 60-хъ годовъ мало извѣстнымъ на Руси.

Когда въ 1912 году въ Императорскомъ Училищѣ правовѣдѣнія праздновалось 100-лѣтіе рожденія Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, одинъ изъ бывшихъ правовѣдовъ, не принадлежащій ни къ числу судей, ни къ прокуратурѣ (присяжный повѣренный П. С. Чистяковъ) характеризовалъ положеніе судьи въ Россіи слѣдующими словами:

„Въ сравненіи съ прошлымъ, личный составъ судовъ измѣнился до неузнаваемости. Правда и милость да царствуетъ въ судахъ, вотъ тотъ девизъ, который былъ данъ 19 марта 1856 г. въ руководство судебнымъ дѣятелямъ, и этотъ девизъ, столь понятный и родной для каждаго русскаго человѣка, прошелъ въ жизнь. Даже въ трудные дни послѣднихъ лѣтъ правосудіе наше, творящее судъ по Уставамъ Императора Александра II, осталось вѣрнымъ этому завѣту.

Не забывайте, господа, что положеніе судебныхъ дѣятелей съ каждымъ годомъ становится все труднѣе. Кто видѣлъ судей

въ ихъ ежедневной работѣ, тотъ знаетъ, какой крестъ на себѣ они несутъ. Крайне ничтожное матеріальное обезпеченіе, совершенно несоотвѣтствующее возрастающей дороговизнѣ, въ особенности тяжелое для людей семейныхъ, перегруженность въ работѣ,—въ столичныхъ, напримѣръ, судахъ засѣданія сплошь и къ ряду длятся отъ 11 часовъ утра до 12 ночи, убійственная обстановка стараго помѣщенія суда, совершенно непереносимая для свѣжаго, непривычнаго человѣка, весьма слабыя надежды на лучшее будущее, вотъ тотъ удѣлъ, какой теперь достался русскому судьѣ, даже въ столицѣ Имперіи. И тѣмъ не менѣе люди работаютъ, не покладая рукъ, съ такою внимательностью, отзывчивостью и добросовѣстностью, какую нигдѣ въ такихъ общихъ и широкихъ размѣрахъ у насъ мы не встрѣчаемъ".

Реформа 1864 г. поставила персоналъ судебнаго вѣдомства въ особое положеніе, въ сравненіи съ должностными лицами административнаго вѣдомства, въ томъ отношеніи, что судьямъ была дана привилегія несмѣняемости. И іерархическое взаимоотношеніе дѣятелей судебнаго міра было иное, чѣмъ въ сферахъ администраціи. Табель о рангахъ, которая въ 60-хъ годахъ еще имѣла несравненно большее значеніе, чѣмъ въ наши дни, не связывала власть при назначеніи на должность въ той мѣрѣ, какъ это было принято въ другихъ областяхъ службы. Судамъ было дано право представленія кандидатовъ на открывшіяся вакансіи. Должностныя лица судебнаго вѣдомства, занимавшія мѣста въ судахъ разныхъ инстанцій,—были уравнены въ классахъ должностей. Мировой судья, членъ окружного суда и членъ судебной палаты стояли всѣ въ V классѣ, предсѣдатели окружныхъ судовъ были по классу должности равны предсѣдателямъ департамента въ палатахъ. Только сенаторы возвышались надъ ними одной ступенью. Законодатель не рѣшился провести начало внѣшняго уравненія всѣхъ судей послѣдовательно, что было бы цѣлесообразно, ибо удержало бы судей отъ стремленія повышаться по карьерной лѣстницѣ и подчеркнуло бы правильное пониманіе судейской обязанности, какъ обязанности равно почетной, важной и полезной, безразлично сидитъ-ли судья въ инстанціи первой, второй, или въ высшемъ судилищѣ.

Стремленіе по возможности сгладить неравенство служебнаго положенія замѣтно было и при установленіи окладовъ содержа-

нія. Московскій губернскій прокуроръ Ровинскій въ объяснительной запискѣ, приложенной къ „Свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской", писалъ по вопросу объ опредѣленіи размѣра содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства слѣдующее:

„При нынѣшнемъ порядкѣ содержаніе возвышается вмѣстѣ съ мѣстомъ: членъ палаты получаетъ болѣе члена уѣзднаго суда, сенаторъ болѣе члена палаты и т. д. Постепенность эта, въ сущности совершенно справедливая, должна быть удержана и при ожидаемыхъ преобразованіяхъ; вполнѣ справедливо и полезно назначить члену окружного суда, отъ котораго требуется, кромѣ *юридическаго образованія, судейская опытность и умѣніе* предсѣдательствовать въ судѣ съ присяжными, болѣе содержанія, нежели судебному слѣдователю, прокурору окружного суда болѣе содержанія, нежели его товарищу и т. д. Но, за всѣмъ тѣмъ, разница въ содержаніи между высшими и низшими должностями, требующими одинаковаго труда и одинаковыхъ способностей, не должна быть слишкомъ огромна, иначе выйдетъ другое неудобство,—неудобство, которое особенно ощутительно и вредно для дѣла въ настоящее время: это страсть къ повышенію на мѣсто, приносящее болѣе содержанія".

Ровинскій указывалъ на необходимость дать добросовѣстному труженику возможность увеличивать свое содержаніе мало по малу, оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, и достигать, наконецъ, такого же содержанія, какое назначено на мѣстахъ несравненно высшихъ. Ровинскій предлагалъ достигнуть этой цѣли двумя постановленіями. Во-первыхъ, каждый чиновникъ судебнаго вѣдомства получаетъ содержаніе, назначенное ему по общему штату, и во вторыхъ, кромѣ общаго штата, составляется особый прибавочный штатъ, утверждаемый тѣмъ же порядкомъ, какъ и общій. Въ этомъ штатѣ каждая должность или нѣсколько однородныхъ должностей по губерніи, округу или области, поименованы въ особомъ спискѣ. По каждому списку полагается извѣстное число вакансій на полученіе прибавки, другими словами, назначено извѣстному числу лицъ прибавочное содержаніе, въ разныхъ размѣрахъ.

Старшіе изъ лицъ, внесенныхъ въ особый списокъ, получаютъ высшее прибавочное содержаніе, тѣ, которые вступили въ

должность послѣ нихъ, получаютъ содержаніе въ слѣдующемъ за первыми размѣрѣ и т. д.

Если изъ списка выбываетъ членъ въ отставку, за смертію или переходитъ на другое мѣсто, то всѣ лица, состоящія ниже его въ спискѣ, передвигаются, прибавочное содержаніе выбывшаго поступаетъ къ слѣдующему за нимъ по старшинству и т. д. Никто не можетъ быть повышенъ въ спискѣ ни въ видѣ награды, ни по какой-либо другой причинѣ. Повышеніе это пріобрѣтается единственно старшинствомъ вступленія въ извѣстную должность. Ровинскій прибавилъ:

„Нѣкоторые, можетъ быть, замѣтятъ, что при этомъ предположеніи членъ окружного суда можетъ получить иногда содержаніе больше члена палаты. Это правда, но и то правда, что заслуженному члену окружного суда, которому придется ѣздить по уѣзднымъ закоулкамъ, и предсѣдательствовать въ судѣ съ присяжными, которому придется, въ столицѣ напримѣръ, чуть не каждый день засѣдать въ вечернихъ засѣданіяхъ суда, за многочисленностью дѣлъ, что такому члену, послѣ 15-20 лѣтъ службы не совѣстно дать содержаніе больше молодого члена палаты, которому придется покойно жить въ хорошемъ городѣ, среди образованнаго общества".

Предложенія Ровинскаго остались на бумагѣ и не были приняты, но все-таки штатъ установилъ большее, сравнительно, равенство въ оклацахъ, нежели то, которое существовало въ другихъ отрасляхъ службы.

Для 60-хъ годовъ улучшеніе матеріальнаго положенія лицъ судебнаго вѣдомства казалось значительнымъ, но штаты остались неизмѣненными долгіе годы и успѣли отстать отъ требованій жизни.

Такъ какъ судьи не могли получать дохода изъ посторонннихъ источниковъ, то тѣ изъ нихъ, кто не имѣлъ состоянія, вскорѣ должны были вести весьма скромный образъ жизни и тѣмъ не менѣе случаи, что членъ судебнаго вѣдомства загрязнилъ себя какимъ-либо незаконнымъ полученіемъ, были настолько рѣдки, что престижъ суда отъ этого пострадать не могъ.

Чуть-ли не впервые русскій народъ въ своей исторіи ознакомился съ многочисленнымъ классомъ служащихъ, поставленныхъ правительствомъ, который сталъ выше всѣхъ подозрѣній отно-

сительно кормленія отъ дѣлъ, который отвернулся отъ безгрѣшныхъ доходовъ и работалъ не за страхъ, а за совѣсть.

Ни одно вѣдомство не могло похвастаться такимъ чистымъ персоналомъ, съ низшихъ ступеней до высшихъ, и при томъ персоналомъ, который послѣ истеченія непродолжительнаго времени состоялъ почти сплошь изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, да при томъ спеціальнымъ высшимъ образованіемъ. А вѣдь это въ гражданскихъ вѣдомствахъ сравнительно рѣдкое явленіе, ибо требованіе имѣть высшій образовательный цензъ, предъявляемый иногда въ законѣ къ лицу, желающему занять какой-либо постъ, далеко не всегда означаетъ „высшій спеціальный цензъ".

Хотя судьи и лица прокурорскаго надзора не были обставлены въ матеріальномъ отношеніи такъ, чтобы имѣть возможность блистать въ обществѣ, и нерѣдко принуждены были вести жизнь въ замкнутомъ кругу, тѣмъ не менѣе ихъ воздѣйствіе на другіе слои общества стало замѣтнымъ, какъ благодаря ихъ образованію, такъ и благодаря ихъ безкорыстной дѣятельности. Въ столицахъ персоналъ судебнаго вѣдомства не могъ, конечно, сыграть столь видную культивирующую роль, ибо здѣсь и другія вѣдомства были представлены наилучшими своими силами, которыя господствовали надъ малообразованной и плохо воспитанной мелкотой. Но въ губернскихъ, а тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ городахъ (существовали же въ 60-хъ годахъ окружные суды даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ Бѣлоозеро и Устюжна) „судейскіе" стали центромъ образованности и культурности. Въ особенности судьи и прокуроры перваго призыва, полные идеализма 60-хъ годовъ, стояли въ первыхъ рядахъ тѣхъ, кто будилъ провинцію отъ сна, отъ „вялости преступной" и пошлаго погруженія въ мелкія сплетни и житейскія дрязги.

50-лѣтіе Судебныхъ Уставовъ не должно служить поводомъ для хвалебнаго гимна, который выставляетъ на показъ одно свѣтлое и не видитъ тѣней и слабостей, сопровождающихъ всякую дѣятельность на землѣ и напоминающихъ человѣку ограниченность его силъ. И судейскіе были людьми и остались ими, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ—честные, благонамѣренные, но не чуждые ни увлеченій, ни предразсудковъ, извѣстной доли нетерпимости, склонности подчиняться корпоративному духу, развивающемуся во всякой средѣ, состоящей изъ

спеціалистовъ и суживающему кругозоръ человѣка. Отрицать наличность всѣхъ этихъ слабостей,—значило бы писать не историческій очеркъ примѣненія Судебныхъ Уставовъ, а панегирикъ, фальшь котораго рѣзала бы ухо и противный прежде всего тѣмъ, кому Судебные Уставы тѣмъ и дороги, что они вручены были именно людямъ, намъ всѣмъ понятнымъ и близкимъ и имѣвшимъ возможность, не смотря на общечеловѣческія слабости, сослужить великую службу родинѣ.

Если кто-либо ожидалъ, что идеализмъ перваго періода дѣятельности новыхъ судовъ сохранится въ своей чистотѣ навсегда, то онъ заблуждался, расчитывая на появленіе новой породы людей, нигдѣ и никогда не жившихъ. Идеализмъ сдѣлалъ свое дѣло; далъ мужество создать законодательный памятникъ, проникнутый единствомъ и смѣлостью мысли, но оставаться реальностью всегда онъ не могъ. Нигдѣ онъ не сохраняется безъ ослабленія въ долготу дней.

Миновало праздничное настроеніе эпохи реформъ. Наступили будни, и будни сѣрые. Проявила свое вліяніе сила, которая была и остается спутницей человѣка отъ колыбели до могилы, сила привычки къ дѣламъ изо дня въ день повторяющимся и теряющимъ прелесть новизны. Не могли не сказаться во многихъ случаяхъ и недочеты характера и ослабленіе трудовой энергіи. Повліяли на судей и взгляды среды, въ которой они выросли и которая содѣйствовала образованію ихъ міровоззрѣнія, и смѣна различныхъ политическихъ вѣяній, которая незамѣтно для самого человѣка измѣняетъ и мѣрку, которую онъ прилагаетъ къ окружающимъ его явленіямъ. Нужно было обладать чрезвычайной выносливостью, широтою взглядовъ и самостоятельностью воли и мысли, чтобы не поддаться всему тому, что испытываетъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности человѣкъ, сѣдѣющій въ трудѣ. Рѣдки тѣ люди, которые настолько властны надъ собой, чтобы противопоставить неистощимую крѣпость духа непрекращающимся ударамъ молота профессіональныхъ привычекъ и рутины. И такіе избранники нашлись, но гдѣ во всемъ мірѣ найдется корпорація, состоящая изъ избранниковъ? Законодатель ее создать не можетъ, а общество напрасно бы ждало ея появленія. Ни одинъ изъ разрядовъ судебныхъ дѣятелей не избѣгъ общей участи человѣка, слабости духа и усталости ума. Не всегда слѣдователи оставались

безпристрастными, не всегда они относились безъ предубѣжденія къ лицу, привлекаемому къ слѣдствію. Иные находили какъ-бы особое удовольствіе запутать его въ искусной сѣти вопросовъ и на видъ дружелюбныхъ разговоровъ. Не всегда прокуроры съ должною осмотрительностью формулировали обвиненіе, не всегда они помнили обязанность не добиваться во что-бы то ни стало обвиненія, дабы прослыть за энергичныхъ представителей государственнаго интереса и стражей закона. Не разъ они увлекались профессіональнымъ рвеніемъ и подчинялись искушенію испытать силу своей діалектики въ состязаніи съ защитникомъ или при допросѣ свидѣтелей.

Не всегда судьи съ должнымъ вниманіемъ изучали дѣло до судебнаго слѣдствія и слѣдили за тѣмъ, что происходило во время засѣданія. Не всегда предсѣдатель суда держался въ рамкахъ объективнаго спокойствія и не всегда онъ держалъ въ твердой рукѣ вѣсы правосудія, не позволяя себѣ нажима на одну изъ чашъ въ пользу ли, во вредъ ли подсудимаго. Не всегда его напутственное объясненіе было построено такъ, какъ того требовала его обязанность, стоять надъ споромъ сторонъ, а не ниже спора. Не всегда присяжные помнили, что они призваны не осуществлять одну лишь милость или оказывать снисхожденіе, руководствуясь своимъ классовымъ воззрѣніемъ или настроеніемъ и выносили рѣшенія, вызывавшія недоумѣніе или сильное и справедливое раздраженіе. Въ массѣ рѣшеній и приговоровъ новаго суда находились многіе, которые были признаваемы высшимъ судомъ подлежащими отмѣнѣ. Не разъ кассаціонный судъ былъ принужденъ внушать суду необходимость неуклонно соблюдать законъ и правильно его примѣнять. Самъ высшій кассаціонный судъ, хранитель законности, также состоявшій изъ людей, не всегда дѣйствовавшихъ послѣдовательно, иногда ошибался и въ суммѣ его рѣшеній встрѣчались и противорѣчія и искусственныя построенія.

Все это внѣ сомнѣнія. Но тѣ, кто обращали вниманіе лишь на эти погрѣшности суда и забывали всю сумму блага, которую онъ принесъ, всю сумму свѣта, которую онъ пролилъ на всѣ стороны русской жизни, грѣшатъ противъ элементарнаго требованія справедливости: не чернитѣ учрежденіе и не осуждать весь персоналъ въ немъ дѣйствующій, за недочеты отдѣльныхъ лицъ, не вздыхать о прошломъ потому, что и новый

судъ былъ лишь судомъ человѣческимъ, а не божественно-непогрѣшимымъ.

Если изъ руки суда изрѣдка и падали на ниву народную зерна недоброкачественныя, то все же онъ, если подвести итогъ всему, что имъ было достигнуто, посѣялъ разумное и доброе и можетъ спокойно за свою полувѣковую работу услышать простое слово: „спасибо за все".

Судебная реформа призвала къ участію въ судѣ и силу, до того времени въ Россіи мало извѣстную, и если извѣстную, то лишь съ отрицательной стороны: адвокатуру.

До реформъ царствованія Императора Александра II, до введенія земскаго и преобразованія городского общественнаго самоуправленія, до введенія новаго суда и до возникновенія ряда ученыхъ обществъ, Россія была молчаливымъ царствомъ. Голоса ораторовъ раздавались въ ней лишь съ каѳедръ профессоровъ въ закрытыхъ для постороннихъ посѣтителей аудиторіяхъ. Но въ средѣ профессоровъ ораторское искусство и краснорѣчіе не всегда сопровождаютъ ученость. Славились проповѣдями нѣкоторыя духовныя лица, но и въ этой сферѣ, не смотря на преподаваніе въ семинаріяхъ и академіяхъ риторики, ораторскія способности не были явленіемъ обычнымъ и свобода духовнаго краснорѣчія была весьма ограничена. Дореформенный судъ ораторовъ не зналъ и довольствовался чтеніемъ бумагъ, составленныхъ на суконномъ канцелярскомъ языкѣ. Даръ рѣчи, данный природой русскимъ людямъ, не имѣлъ простора для своего проявленія.

Устный и гласный судъ (а наравнѣ съ нимъ и учрежденія общественнаго самоуправленія) потребовалъ рѣчистыхъ людей. Съ трехъ мѣстъ въ залахъ судебныхъ засѣданій раздались рѣчи: съ предсѣдательскаго кресла, съ мѣста, гдѣ засѣдалъ обвинитель и со скамьи защитниковъ или представителей гражданскихъ интересовъ. Состязательный процессъ призвалъ къ словесному бою преимущественно представителя государственной власти, прокурора, и представителя интересовъ противной ему стороны, присяжныхъ повѣренныхъ, а равно защитниковъ, не принадлежавшихъ къ ихъ числу. Россія получила цѣлую плеяду ораторовъ, какъ изъ чиновъ прокурорскаго надзора, такъ, еще въ бо́льшемъ количествѣ, изъ среды адвокатской корпораціи.

На счетъ того, какую роль сыграли въ теченіе истекшихъ 50 лѣтъ адвокаты и каково было ихъ вліяніе на общество, мнѣнія далеко не согласны.

Министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ рѣчи при открытіи С.-Петербургскаго судебнаго округа 17 апрѣля 1866 г. указалъ на важное значеніе присяжной адвокатуры въ новомъ судебномъ строѣ.

Если-бы всѣ представители этой корпораціи неуклонно держались преподаннаго имъ совѣта, то вліяніе ея на общественную жизнь было бы безусловно благодѣтельно.

Замятнинъ сказалъ: „Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить, предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите, поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствія будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду, общественное довѣріе и уваженіе“.

Существованіе и дѣятельность адвокатуры вызваны не только низкимъ уровнемъ образованности въ массѣ народа, недостаточнымъ развитіемъ дѣятельнаго и сознательнаго элемента въ обществѣ, какъ полагалъ авторъ статьи, современной изданію Судебныхъ Уставовъ [1]).

И образованные, зачастую, совершенно безпомощны, если имъ приходится вести дѣло въ судебныхъ установленіяхъ. Знаніе законовъ въ обществѣ, не только русскомъ, но и западно-европей-

[1]) С. Бѣликовъ. „Адвокатура въ Россіи“. Журналъ Мин. Юстиціи 1865 г.

скомъ, весьма мало распространено. Не мало лицъ, даже въ высшихъ сферахъ, имѣетъ весьма неясное понятіе о своихъ правахъ и способахъ ихъ защиты и поэтому въ адвокатурѣ населенію была дана необходимая помощь, безъ которой оно обойтись не можетъ, даже при наличности болѣе совершенныхъ законовъ. Тысячи лицъ принуждены довѣрять охрану своихъ правъ адвокатамъ и спасаются благодаря ихъ содѣйствію отъ убытковъ, а то и отъ полнаго раззоренія. Если и повторялись, можетъ быть нерѣдко, случаи, когда присяжные адвокаты, забывая свой долгъ, злоупотребляли довѣріемъ кліентовъ или пользовались ихъ безпомощностью съ цѣлью извлеченія для себя крупнаго и незаслуженнаго выигрыша, то было бы неблагодарно отрицать ту заслугу, которую многіе и многіе адвокаты стяжали себѣ передъ народомъ, ставя на службу ему свои познанія и свой нерѣдко тяжелый трудъ.

Никто не споритъ, что рядъ выдающихся присяжныхъ повѣренныхъ внесъ крупный вкладъ въ общую сокровищницу разработки права. Извѣстны рѣчи защитниковъ или представителей гражданскаго иска, которыя не только плѣняли блескомъ краснорѣчія, но и изумляли художественностью построенія, чуткимъ и глубокимъ пониманіемъ различныхъ многосложныхъ факторовъ, вызвавшихъ различныя явленія общественной жизни, тонкимъ анализомъ душевной и умственной природы человѣка.

Однако, воздавая должное даровитымъ, вдумчиво и добросовѣстно относившимся къ своему призванію защитникамъ, приходилось и сожалѣть о томъ, что адвокаты часто забывали о необходимости быть не противникомъ суда, а его союзникомъ. Не рѣдко и въ особенности со второй половины 70-хъ годовъ общество имѣло полное основаніе сѣтовать на то, что адвокатура своими выступленіями можетъ и небезвредно вліять на населеніе, пріучая его къ мысли о томъ, что искусный повѣренный сумѣетъ отстоять и неправое дѣло, пользуясь своимъ діалектическимъ искусствомъ и блескомъ рѣчи для того, чтобы отуманить судъ, въ особенности присяжныхъ, и заиграть на стрункѣ чувствительности, что благодаря этому искусству удавалось обѣлить людей, которые безъ этой помощи не избѣгли бы меча правосудія. Уже свыше 40 лѣтъ не прекращается споръ о томъ, въ чемъ въ сущности заключается обязанность адвокатуры и ея право, что ея достойно и что должно признать

непозволительнымъ, какова должна быть адвокатская этика и каковы ея требованія.

Одно заключеніе извѣстнаго юриста, оберъ-прокурора Неклюдова, по нашумѣвшему въ свое время дѣлу, въ которомъ онъ указывалъ на злоупотребленіе защитниковъ въ уголовныхъ дѣлахъ—породило цѣлый рядъ статей въ защиту адвокатовъ, но и въ укоръ имъ. То было въ 1884 году. Противъ Неклюдова выступили, защищая адвокатуру, такіе корифеи ея, какъ Спасовичъ, Арсеньевъ, Унковскій и Люстихъ. Однако споръ о достоинствахъ и недостаткахъ нашей адвокатуры продолжался и не прекратился до нашихъ дней. Заговорили о деморализаціи адвокатуры. Одни старались доказать, что это институтъ зловредный, другіе отрицали и деморализацію и развалъ адвокатуры, будто бы замѣченные въ послѣднія десятилѣтія. Защитники адвокатуры указывали на то, что хотя нельзя отрицать, что въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ бывали случаи недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, даже явленія явно нечистоплотныя, но что въ такихъ отдѣльныхъ извращеніяхъ нельзя винить всю корпорацію, что случаи, бывшіе въ Россіи, извѣстны и въ культурнѣйшихъ странахъ запада. Не впадая въ ошибку неправильныхъ обобщеній приходится сказать, что вліяніе адвокатуры на общество было не безусловно благодѣтельнымъ [1]).

Оно и понятно. Въ адвокатской средѣ тщеславіе, увлеченіе собственнымъ искусствомъ рѣчи, жажда популярности, въ иныхъ случаяхъ и корыстныя побужденія даютъ себя чувствовать. Искусное слово, сказанное съ цѣлью обѣлить виновнаго и смяг-

---

[1]) Не одобряетъ русскую адвокатуру и Леруа Болье. Въ своемъ выше цитированномъ сочиненіи, во II томѣ, стр. 369 (въ главѣ (Avocats et Barreau) онъ говоритъ между прочимъ: „Dans les provinces en particulier la profession d'avocat, assermenté ou non, est loin de jouir de la considération publique. De toutes les carrières ouvertes par les réformes c'est la plus lucrative comme la plus accessible. De lá, le grand membre de jeunes gens et d'hommes de toute sorte que s'y sont precipités. Peu d'entre eux ont un sentiment élevé de leur mission et de l'honneur professionnel. La plupart n'ont d'autre souci que de s'enrichir, et sont peu délicats sur les moyens. Quelques uns se sont fait condamner pour escroqueries. L'esprit mercantile, que chez nous mêmes, se glisse trop souvent au Palais anime presque seul le barreau russe. L'éloquence et l'habilité de l'avocat sont une marchandise déjà fort recherchée; les membres du barreau ont soin de la vendre le plus cher possible, et beaucoup n'ont ni tarif, ni prix fixe. D'ordinaire le client et l'avocat débattent d'avance les conditions du marché, et comme dans tout négoce en Russie, on ne se fait pas faute de marchander. Quand ils sont d'accords, le plaideur et son conseil rédigent le plus souvent un contrat en règle, bien et dûment signé, précaution qui n'est pas inutile".

чить тяжелое впечатлѣніе отъ злого дѣянія—можетъ побудить къ непростительному сантиментальному отношенію ко злу, успокаивая совѣсть тѣмъ, что оправданіе одного, хотя бы и несомнѣнно виновнаго, не повредитъ имущественному правопорядку, ибо мало ли злыхъ дѣлъ не всплываетъ наружу и виновные остаются безъ возмездія. Защитникъ при этомъ забываетъ, что повтореніе такихъ случаевъ должно пагубно дѣйствовать на общественную нравственность.

Такъ какъ рѣчи болѣе извѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ (за нѣкоторыми исключеніями) не только выслушивались присутствовавшими въ залѣ судебныхъ засѣданій, но и прочитывались въ журналахъ, а въ особенности въ газетахъ, которыя пользовались всякимъ сенсаціоннымъ процессомъ для извлеченія выгоды, то всѣ аргументы въ пользу подсудимаго производили дѣйствіе на массу читателей всякаго возраста и темперамента и всякой степени образованности. Естественное у всякаго нормальнаго человѣка отвращеніе къ преступленію смягчалось, уступая пониманію мотивовъ и причинъ преступнаго дѣянія, а отъ пониманія, какъ извѣстно, недалеко и до оправданія. Былобы несправедливо отрицать, что русское общество въ цѣломъ, судейскій міръ и наука въ особенности, многимъ обязаны дѣятельности такихъ свѣтилъ адвокатуры, какъ Спасовичъ, Пассоверъ, Арсеньевъ, Плевако, Герардъ, Хартулари и другихъ равныхъ или приближающихся къ нимъ по достоинству и дѣловой безукоризненности адвокатовъ. Не мало рѣчей этихъ лучшихъ представителей русской адвокатуры, которые производили глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ, и не менѣе сильно дѣйствуютъ на читающихъ ихъ много лѣтъ спустя, содѣйствовали движенію мысли и воздѣйствовали благопріятнымъ образомъ на общество, точно такъ же, какъ воспитательное значеніе могли имѣть, а иногда и имѣли напутственныя объясненія предсѣдателя или обвинительная рѣчь прокурора.

Напр., такая рѣчь, какъ рѣчь Спасовича въ защиту одного изъ обвиняемыхъ въ дѣлѣ Нечаева, въ которой знаменитый ученый и защитникъ, никогда не прибѣгавшій къ тривіальнымъ эффектамъ, развернулъ всю картину вовлеченія слабохарактернаго человѣка въ сѣть безсовѣстнаго агитатора, могла только оздоравливающимъ образомъ воздѣйствовать на молодежь и на все русское общество, въ особенности на первую, которая поддава-

лась въ трудные годы второй половины царствованія Императора Александра II систематической порчѣ, вносимой въ Россію различными непрошенными благодѣтелями и просвѣтителями. Прочитавшій, а тѣмъ болѣе выслушавшій эту рѣчь не могъ не отвернуться съ омерзѣніемъ отъ тѣхъ, которые проповѣдывали іезуитскую мораль, что цѣль оправдываетъ средства.

Но насколько рѣчь Спасовича вносила яркій свѣтъ въ среду, зараженную лжеученіями, настолько рѣчь защитника въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ должна была воздѣйствовать тлетворнѣйшимъ образомъ на русское общество. Если-же одинъ изъ защитниковъ, притомъ весьма извѣстный и обладавшій недюжиннымъ талантомъ, защищая чиновника, растратившаго казенное добро, рѣшился ради обѣленія своего кліента въ судѣ сказать, что если въ большомъ хозяйствѣ управляющій пользуется хозяйскимъ добромъ для своихъ надобностей, то это въ такомъ большомъ хозяйствѣ, какъ казенное, и само собой разумѣется,—то такая защита ничто иное, какъ ядъ, который сознательно вливается въ общественный организмъ ради краснаго слова. А красныя слова слишкомъ часто играли роль въ рѣчахъ адвокатовъ. Если такимъ краснымъ словомъ пользовались даже крупные защитники, а вѣдь и тому бывали примѣры, то трудно опредѣлить мѣру приносимаго ими вреда, ибо забывалось, что если нельзя отказывать въ защитѣ павшему человѣку, то еще важнѣе защитить общество и государство отъ посягательства на правопорядокъ.

VIII. Судебная реформа и русская литература.

Историкъ Г. Ф. Трейчке открываетъ первую главу II тома своей „Исторіи Германіи въ XIX столѣтіи“ словами: „Не всякое время познаетъ самое себя. Въ особенности въ тѣ эпохи утомленія, которыя обыкновенно слѣдуютъ за рѣшительными моментами въ жизни народовъ, люди смѣлые и съ благороднымъ сердцемъ часто ошибаются самымъ несомнѣннымъ образомъ на счетъ движущихъ силъ переживаемаго ими времени“.

И Россія пережила въ началѣ второй половины XIX столѣтія рѣшительный моментъ своей исторіи. Паденіе крѣпостного права и слѣдовавшія за крестьянской реформой преобразованія были освободительными актами настолько же важными для Россіи, насколько война за освобожденіе была временемъ рѣшенія участи народа для Германіи. Насколько борьба за родину противъ Наполеона должна была оживить и пробудить народное самосознаніе въ Германіи, настолько-же, такъ можно было полагать, и эпоха великихъ реформъ должна была послужить къ пробужденію національнаго самосознанія русскаго народа, бывшаго свидѣтелемъ проведенія менѣе чѣмъ въ одно десятилѣтіе такихъ преобразованій, которыя въ другихъ странахъ требовали многихъ десятилѣтій. До приступа къ реформамъ никто не ожидалъ, что призывъ къ участію въ общественномъ дѣлѣ по освобожденію крестьянъ, въ земскомъ самоуправленіи и въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ найдетъ такой откликъ и что за дѣло осуществленія реформъ возьмется дружно такое сравнительно большое количество свѣжихъ силъ. Конечно, никто, кто зналъ человѣческую природу и мало мальски изучилъ исторію народовъ, а въ особенности, кто потрудился ознакомиться съ характеромъ русскаго общества, столь быстро воспламеняющагося новыми идеями и столь же быстро охлаждающагося, если преувеличенныя чаянія и надежды не оправдываются немедленно же и въ полной мѣрѣ, не могъ ожидать, что тотъ порывъ энтузіазма, который наложилъ свой яркій отпечатокъ на эпоху реформъ, сохранится въ полной чистотѣ и силѣ навсегда. Но на тѣхъ, кто въ литературѣ возвышалъ свой голосъ, дѣлясь своими мыслями, чувствами и идеалами съ читателями, лежала обязанность поддержать елико возможно благородную энергію въ общественной дѣятельности, а не содѣйствовать ея упадку настойчивымъ подчеркиваніемъ недостатковъ и промаховъ, всегда сопутствующихъ дѣламъ человѣческимъ, не выставлять злорадно все, что оказывалось не вполнѣ стоящимъ на высотѣ требованій, не рисовать все въ мрачныхъ краскахъ, не искать усердно всего отрицательнаго, замалчивая все положительное и тѣмъ умалять достигнутые успѣхи. Къ сожалѣнію, русская литература не поняла тѣхъ требованій, которыя переживаемое время ей ставило. Она не бодрила народный духъ, а напротивъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ усердіемъ устремилась на обрисовку всего темнаго

и непригляднаго. Эпоха реформъ давала въ одинаковомъ размѣрѣ пищу для оптимизма и для пессимизма при оцѣнкѣ соціальныхъ явленій. Идеализмъ нашелъ весьма мало пророковъ, пессимизмъ за то сторонниковъ въ изобиліи.

Не посчастливилось преимущественно суду, и читающій произведенія крупныхъ русскихъ писателей, въ коихъ на сценѣ выступаетъ судъ—недоумѣваетъ: неужели дѣятельность русскаго суда можетъ дать только поводъ къ пессимизму? Неужели въ дѣятельности и отношеніи къ разбираемымъ дѣламъ всѣхъ причастныхъ къ суду лицъ, и слѣдователей, и прокуроровъ, и судей, и присяжныхъ, до пристава включительно, не было ничего, что могло бы укрѣпить вѣру въ торжество добродѣтели надъ человѣческой слабостью, не было примѣровъ честнаго прилежанія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу? Неужели всегда и вездѣ только одна поверхностность, апатія, рутина, расчеты на карьеру или одно тщеславіе и самолюбіе? Этого не было, да и быть не могло. А между тѣмъ русская литература относится къ судебнымъ дѣятелямъ какъ къ обществу людей, которые не дорожатъ своимъ призваніемъ или дорожатъ своимъ судейскимъ служеніемъ исключительно по корыстнымъ соображеніямъ, какъ слуги лукавые и вялые. Она рисуетъ ихъ какъ лицъ, не только далекихъ отъ идеала судьи, но и недостигшихъ средняго скромнаго уровня добросовѣстнаго отношенія къ обязанностямъ.

Единственный изъ крупныхъ представителей литературы (послѣ реформы), который относится къ суду и его дѣятельности безъ намѣренія уязвить его—это „Достоевскій, несмотря на то, что знаменитый романъ, въ которомъ выступаетъ судъ, „Братья Карамазовы", появился въ 1879—1880 г.г., т. е. въ періодъ разочарованій и упадка общественнаго духа. Книга 12-ая озаглавлена „Судебная ошибка". Знаменитый психологъ-писатель рисуетъ живыми красками рядъ свидѣтелей, и предсѣдателя суда и преимущественно двухъ главныхъ дѣятелей при разбирательствѣ дѣла Дмитрія Карамазова: прокурора и защитника. Вся 12-ая книга производитъ потрясающее впечатлѣніе. Начавъ ее читать, читатель уже не въ состояніи оторваться отъ ея страницъ. Достоевскій не пишетъ небылицъ и не позволяетъ себѣ извращенія процессуальныхъ порядковъ. Нѣтъ ни насмѣшекъ, ни ироніи. Однако, все-таки и здѣсь не обходится безъ уколовъ. Прокуроръ не вполнѣ

на высотѣ своей задачи. Его обвинительная энергія отчасти вызвана желаніемъ одержать верхъ надъ защитникомъ, и тѣмъ возвысить себя и пріобрѣсти славу побѣдителя въ борьбѣ съ противникомъ. Фигура защитника нарисована также не объективно. И въ Фетюковичѣ выставленъ человѣкъ, который прежде всего самъ себѣ на умѣ, и читатель чувствуетъ, что если бы было выгодно, то знаменитый присяжный повѣренный способенъ былъ бы говорить съ той же убѣдительностью и прямо противоположное тому, что онъ излагалъ съ такимъ искусствомъ въ пользу подсудимаго.

Единственный факторъ въ судѣ, который выступаетъ въ симпатичномъ видѣ—это присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, которые не подавлены краснорѣчіемъ защитника и стоятъ твердо на своемъ, защищая нравственные устои семейной жизни, такъ какъ они ихъ понимаютъ.

Отталкивающее впечатлѣніе производитъ описаніе суда и дѣйствій судебныхъ органовъ въ знаменитомъ романѣ гр. Л. Н. Толстого „Воскресенье“. Для того, чтобы доказать справедливость своей излюбленной мысли, что человѣку не подобаетъ судить человѣка, ибо де судъ надъ ближнимъ осужденъ Евангеліемъ, великій писатель, когда-то лично отказавшійся отъ исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя, изобразилъ весь судъ какъ жалкую комедію и весь судебный персоналъ, отъ присяжныхъ начиная и кончая сенаторами кассаціоннаго департамента, какъ людей, относящихся къ своимъ обязанностямъ самымъ бездушнымъ формальнымъ образомъ, съ апатіей, лѣнью и легкомысліемъ, которыя въ такомъ трогательномъ сочетаніи едва-ли встрѣчаются въ дѣйствительности. Ни одного свѣтлаго штриха въ этой мрачной картинѣ. Великій романистъ обмакнулъ свою кисть въ густую черную краску и заранѣе стеръ со своей палитры всѣ краски, которыя могли бы дать хоть нѣсколько свѣтлыхъ точекъ.

Преднамѣренное пристрастное описаніе суда не осталось безъ отвѣта. Кромѣ ряда мелкихъ статей въ различныхъ газетахъ, въ которыхъ гр. Толстому доказывалось, что весь его разсказъ отчасти построенъ на незнаніи соотвѣтствующихъ статей Судебныхъ Уставовъ, появилось и болѣе обстоятельное опроверженіе. Въ журналѣ Юридическаго общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ „Вѣстникъ Права“ 1900 г. (январь)

напечатана статья „бывшаго прокурора, нынѣ судьи", подъ заглавіемъ „Судебные дѣятели по „Воскресенью" графа Л. Толстого". Авторъ статьи пишетъ: „Во всемъ нашемъ необъятномъ отечествѣ едва-ли найдется образованный человѣкъ, который не интересовался бы романомъ „Воскресенье" нашего маститаго писателя, графа Льва Толстого. Изъ всѣхъ главъ романа 23 посвящены судебнымъ дѣятелямъ и отправленію ими своихъ служебныхъ обязанностей. Представляется вполнѣ возможнымъ и своевременнымъ воспроизвести вполнѣ выяснившійся обликъ, приданный авторомъ судебнымъ дѣятелямъ, и описываемое имъ отношеніе ихъ къ своему дѣлу.

По поводу этого облика уже были обращены къ графу Толстому громкіе упреки. Подъ открытымъ письмомъ: „Стараго Судьи", помѣщеннымъ въ „Кіевлянинѣ" и перепечатанномъ въ журналахъ и газетахъ, подпишется обѣими руками всякій старый и молодой судья и прокуроръ. Въ письмѣ, вылившемся изъ глубины огорченной души, раскрывается сторона жизни судебныхъ дѣятелей очень серьезная и тяжкая, вовсе не затронутая въ романѣ и выставляется тенденціозность въ изображеніи суда и его представителей. Односторонность, проходящая красной чертой во всемъ романѣ, ясная каждому судебному дѣятелю, можетъ быть, однако, непонятна читателю, мало знакомому съ судебнымъ міромъ и съ судебной процедурой. Что это такъ, подтверждается словами, которыя нерѣдко приходится слышать: „какъ васъ отдѣлалъ Толстой", а одинъ изъ бывшихъ присяжныхъ засѣдателей высказалъ даже надежду, что „Воскресенье" навѣрно окажетъ педагогическое и морализующее вліяніе на судебное сословіе, и сравниваетъ судебныхъ дѣятелей графа Толстого съ помпадурами Щедрина и съ типами Гоголя. Но умѣстно ли такое сравненіе? Помпадуры Щедрина вѣдь сатира, фантазія, а судьи графа Толстого—живые люди. Безсмертные типы Гоголя также живые люди, но развѣ они внушаютъ къ себѣ такія же чувства, какъ типы „Воскресенія". Первые хотя и берутъ взятки, но возбуждаютъ, по своей человѣчности и незлобивости полную къ себѣ симпатію, вторые—глубокое презрѣніе, хотя взятокъ и не берутъ".

„Для того, чтобы односторонность и тенденціозность въ обрисовкѣ графомъ Толстымъ выведенныхъ имъ лицъ судебнаго міра, отъ высшихъ до низшихъ, отъ сенатора до судебнаго

пристава включительно, стала понятна каждому непредубѣжденному читателю его романа, постараюсь напомнить ихъ черты и прослѣдить ихъ участіе въ процессѣ словами самого автора. Вотъ эта картинная галлерея, гдѣ на одномъ только лицѣ можно остановиться съ нѣкоторымъ чувствомъ удовлетворенія".

И „бывшій прокуроръ, а затѣмъ судья", останавливаясь обстоятельно на разборѣ всѣхъ деталей судебнаго слѣдствія и разсмотрѣнія кассаціонной жалобы по дѣлу Катюши Масловой, доказываетъ, что все, что касается процесса, изложено такъ, какъ только могъ изложить человѣкъ, или мало знакомый съ нормами, изложенными въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства, или насилующій ихъ для своихъ цѣлей, и затѣмъ оканчиваетъ свою статью словами, которыя не могли быть не сказаны человѣкомъ, равно почитающимъ и литературное творчество крупныхъ писателей и судебный строй, дарованный Россіи въ 1864 г. ..... „Въ романѣ, пишетъ авторъ статьи, обращаетъ на себя вниманіе не одна фактическая невѣрность описанія процесса. Повсюду красной нитью проходитъ стремленіе всякій эпизодъ изобразить въ смыслѣ негодности и самаго процессуальнаго правила и судебнаго дѣятеля, его примѣняющаго. Такое одностороннее стремленіе повлекло за собой необыкновенное возмездіе, именно, извращеніе дѣйствительности, жизненной, а потому и художественной правды. Нельзя искренно не пожалѣть, что такъ много таланта потрачено на подобное неблагодарное дѣло и что, вслѣдствіе такого насилія надъ правдой, великое произведеніе не въ состояніи доставить полнаго наслажденія.... Никто не ожидалъ, что для пропагандированія своихъ взглядовъ любимый и почитаемый писатель обрушится всею силою своего таланта на бѣдныхъ и скромныхъ тружениковъ, и будетъ добиваться торжества своей идеи путемъ тенденціознаго подбора фактовъ, невѣрнаго ихъ изложенія и освѣщенія" [1]).

---

[1]) Въ 1914 г. отношеніе Толстого къ суду подверглось новой оцѣнкѣ, не вполнѣ сходной съ оцѣнкой „бывшаго прокурора, а затѣмъ судьи". 25 января 1914 г. извѣстный адвокатъ членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ прочелъ публичную лекцію на тему „Толстой и Судъ". Авторъ указалъ на то, что отрицательное отношеніе знаменитаго писателя къ суду, проявившееся въ различныхъ его сочиненіяхъ, и, наконецъ, столь выпукло выразившееся въ романѣ „Воскресенье" по необходимости вытекаетъ изъ его общаго міровоззрѣнія, но онъ полагаетъ, что въ настоящее время пора бы перестать

Если такіе первоклассные писатели, какъ Достоевскій и Толстой не противостояли искушенію выставить отрицательныя стороны дѣятелей судебнаго міра, замалчивая или затушевывая свѣтлыя черты, то чего же можно было ожидать отъ писателей второстепенныхъ или хотя-бы и выдающихся, но по даровитости не равныхъ имъ?

Геніи русской литературы не сумѣли найти въ судѣ и его дѣятельности мотивовъ для произведенія, излагающаго съ достаточной полнотой богатство содержанія судейской жизни. Они не дали ни одного творенія, которое въ художественной формѣ освѣтило бы ту душевную драму, ту борьбу мыслей и чувствъ, которыя переживаетъ и судья, и обвинитель и защитникъ. Подсудимые служили предметомъ вдумчиваго отношенія къ ихъ умственному и нравственному міру, къ ихъ заблужденіямъ и страданіямъ. Судья же служилъ лишь объектомъ критики или порицанія, потому что онъ не всегда былъ въ состояніи оставить свои слабости за дверью судебнаго присутствія и былъ подавляемъ усталостью или бременемъ дѣлъ, которыя изо дня въ день скоплялись въ его рукахъ. Страсть къ обличенію окружающаго и къ самобичеванію были характерной чертой русской литературы 60-хъ годовъ и онѣ сказывались и позже, каждый разъ, когда приходилось касаться общественныхъ явленій.

Въ стихотвореніяхъ о судѣ рѣдко говорится. Гражданскій процессъ не можетъ соблазнить поэта, а уголовный судъ могъ бы дать много матеріала, но русскіе поэты и помимо суда находили много мотивовъ и не нуждались въ судебной практикѣ для своего вдохновенія. Если же поэтъ останавливался на судѣ, то точно также, какъ романистъ, пользовался звучными стихами для того, обыкновенно, чтобы выставлять слабыя его стороны. Кому неизвѣстны стихи графа А. Толстого въ балладѣ „Потокъ Богатырь“, гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное на богатыря зрѣлищемъ новаго суда съ участіемъ присяжныхъ, оправдывающихъ, не долго разсуждая, убійцу всѣхъ родственниковъ и

обвинять писателя въ желаніи написать пасквиль на судъ и изображать всѣхъ судей сплошными уродами. Маклаковъ указываетъ на то, что въ „Воскресеніи“ есть и положительные типы среди судейскаго міра, какъ то Аленинъ и сенаторъ Б.

По его мнѣнію въ „Воскресеніи“ имѣются ошибки, но неправды въ немъ нѣтъ.

Лекція Маклакова напечатана въ журналѣ „Русская Мысль“, мартъ, 1914 г.

за это вознаграждаемыхъ овацiей публики, которая толпится въ залѣ засѣданія?

И Некрасовъ не пощадилъ суда въ одномъ мѣстѣ поэмы „Современники". Въ стихотвореніи „Судъ" онъ съ горькимъ юморомъ изображаетъ чувства писателя, который долженъ отвѣчать передъ судомъ за преступленіе печати и затѣмъ отбываетъ наказаніе въ арестномъ помѣщеніи. Судъ и судьи не дали ему сюжета для болѣе крупныхъ произведеній.

Если новый судъ побуждалъ поэтовъ и романистовъ къ отрицательному къ нему отношенію, то понятно, что сатирики, которые избрали своей спеціальной задачей выставленіе на показъ всего неприглядnаго въ русской жизни, не останавливались на хорошихъ его сторонахъ. Крупнѣйшій изъ русскихъ сатириковъ Салтыковъ-Щедринъ касается суда въ нѣсколькихъ изъ своихъ произведеній.

К. К. Арсеньевъ въ сочиненіи: „М. Е. Салтыковъ-Щедринъ" (Литературно-общественная характеристика) говоритъ:

„Новаго суда Салтыковъ касается рѣдко и осторожно; нетрудно замѣтить, что онъ дорогъ ему настолько же и по той же причинѣ, насколько и почему онъ ненавистенъ „исторіографамъ". (Исторіографы, какъ извѣстно, озлобленные противники реформъ и хвалители старыхъ порядковъ, которые выступаютъ въ „Письмахъ о провинціи").

Можетъ быть и вѣрно, что Салтыковъ говоритъ о судѣ осторожно, если сравнить съ отношеніемъ къ тому же суду гр. Л. Н. Толстого. Можетъ быть и вѣрно, что онъ былъ дорогъ ему, ибо сатирикъ зналъ хорошо старый судъ и въ „Пошехонскихъ разсказахъ" дана мѣткая характеристика темныхъ сторонъ дореформеннаго суда и судей стараго типа. Однако признаніе за новымъ судомъ заслугъ и достоинствъ не препятствовало Салтыкову-Щедрину направить свои сатирическія стрѣлы и противъ дѣятелей судебнаго міра. Судей онъ трогаетъ мало, но за то какъ попадаетъ отъ него прокуратурѣ, а въ особенности защитникамъ и адвокатурѣ вообще. Терминъ „щедринскій прокуроръ" и фигура адвоката Балалайкина извѣстны всѣмъ. Да и „сидящаго судью" при случаѣ не щадитъ сатирикъ. Въ „Современной Идилліи" Салтыковъ-Щедринъ описываетъ „подлежащій благосклонному закрытію" Кашинско-Устюженскій-Бѣлозерскій окружной судъ, въ коемъ шелъ процессъ о пискарѣ.

Тотъ же Арсеньевъ говоритъ: „Нужно ли доказывать, что не всѣ бюрократы—помпадуры и ташкентцы, не всѣ дворяне—князья Оболдуй-Тараканови, Гремыкины и Прокопы? Сатирикъ не историкъ, обязанный исчерпать всѣ стороны предмета: ему не зачѣмъ говорить о томъ, что не можетъ служить темою для сатиры".

Сатира, конечно, всегда сатира и къ словамъ Арсеньева можно прибавить, что не всѣ прокуроры „щедринскіе прокуроры", не всѣ адвокаты Балалайкины, не всѣ судьи Молчалины. Сатирикъ останавливается только на тѣневой сторонѣ предмета. Однако, если всѣ выдающіеся представители литературы почти исключительно выставляютъ тѣневыя стороны учрежденія, то изображеніе его становится совершенно извращеннымъ и читающая публика привыкаетъ къ взгляду, который въ концѣ-концовъ вызываетъ лишь одно уныніе и отчаяніе въ возможности установленія на Руси твердаго правопорядка.

Сцены изъ жизни суда встрѣчаются и въ сочиненіяхъ Глѣба Успенскаго и А. Чехова. Ни перваго, ни второго изъ этихъ двухъ многочитаемыхъ авторовъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они тенденціозно относятся къ суду и дѣятелямъ судебнаго міра. Однако страсть къ подчеркиванью слабаго или смѣшного и въ ихъ твореніяхъ даетъ себя чувствовать.

Глѣбъ Успенскій въ „Дневникѣ. Тише воды, ниже травы" рисуетъ потрясающую картину судебнаго разбирательства по дѣлу дѣвушки, обвиняемой въ утопленіи собственнаго ребенка, и писатель пользуется случаемъ, чтобы поязвить на счетъ присяжныхъ засѣдателей изъ крестьянъ. Такъ и въ „Раззоренье" (Очерки провинціальной жизни), описывая происходящее въ окружномъ судѣ, авторъ изображаетъ, какъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, пожилой мужикъ, засыпаетъ, сидя въ своемъ креслѣ, свѣсивъ на ручку кресла въ стилѣ возрожденія лысую голову и руку съ громадной шапкой, какъ его будятъ, въ краткихъ словахъ объясняя ему, что поклясться предъ Крестомъ и Евангеліемъ и храпѣть—поступокъ по меньшей мѣрѣ не джентльменскій [1]).

[1]) Съ уваженіемъ къ суду относится современникъ Г. Успенскаго,—Г. Мачтетъ, который въ разсказѣ „Именемъ закона" описываетъ появленіе товарища прокурора и мирового судьи въ захолустномъ уѣздномъ городѣ, гдѣ имъ на первыхъ же порахъ дѣятельности приходится успокаивать толпу рабочихъ на строющейся желѣзной дорогѣ, раздраженныхъ задержкой выдачи заработной платы. Въ средѣ, гдѣ законъ знали только какъ книгу, стоявшую въ шкафахъ канцелярій, а слово „право" имѣло въ умахъ многихъ

Чеховъ не относится враждебно къ суду, но пользуется также охотно всякимъ случаемъ, чтобы доставить читателю возможность посмѣяться надъ судейскими. Его мелкіе разсказы: „Шведская спичка", „Злоумышленникъ", „Въ судѣ"—также не содѣйствуютъ проникновенію въ русское общество уваженія къ суду. Что за тенденціозно подобранныя фигуры сидятъ и за судейскимъ столомъ, и въ креслѣ прокурора, и на скамьѣ защиты въ разсказѣ „Судъ"!

Наконецъ, въ послѣднее время Родіоновъ въ „Наше преступленіе", написанномъ съ цѣлью побудить русское общество вдуматься въ то зло, которое внесено въ русскую деревню и въ жизнь народныхъ массъ упадкомъ нравственности и пьянствомъ, даетъ правильное по обрисовкѣ изображеніе судебнаго разбирательства, но тенденція разсказа понуждаетъ автора къ сгущенію красокъ.

Можно сказать, что за 50 лѣтъ неустанной дѣятельности, русскій судъ не получилъ отъ крупныхъ русскихъ писателей не только знака признательности, но даже доказательствъ склонности къ безпристрастному къ нему отношенію. На видъ поставлены недостатки, человѣческія слабости судейскаго персонала, а о томъ, что судъ далъ Россіи, о томъ многомъ добрѣ, которое внесено имъ въ Россію, о томъ предпочитаютъ молчать, или говорить рѣдко, какъ будто оно не стоитъ добраго слова. Судъ, конечно, и не расчитываетъ на благодарность литературныхъ дѣятелей, но могъ бы ожидать справедливаго отношенія. Въ русской юридической литературѣ новому суду и его дѣятелямъ отведено почетное мѣсто, но много ли русскихъ обывателей читаетъ научные труды?

Правда, русская литература обладаетъ рядомъ трудовъ автора, который по характеру своего творчества принадлежитъ отчасти къ дѣятелямъ науки, отчасти къ дѣятелямъ изящной словесности. Это—А. Ѳ. Кони. Въ его сочиненіяхъ: „За прошедшіе годы", „Очерки и воспоминанія" и „На жизненномъ пути" дѣятельность судейскаго персонала изображена живыми красками. Сочиненія Кони являются воспоминаніями и субъек-

---

самое превратное значеніе,—произнесенныя прокуроромъ слова: „Именемъ закона" производятъ магическое дѣйствіе. Когда же мировой судья, выслушавъ жалобы рабочихъ, встаетъ, чтобы объявить свое рѣшеніе, то толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнула на колѣни—крестится и шепчетъ молитву.

тивный элементъ играетъ въ нихъ видную роль; однако и учитывая нѣкоторыя слабости человѣческія, приходится ихъ признать достойнымъ изображеніямъ дѣятельности нашихъ судей и прокуроровъ, что и понятно, ибо авторъ, самъ вышедшій изъ магистратуры, въ теченіе долгой жизни познавшій всю массу труда положеннаго на плечи судьи или прокурора, испытавшій и терніи и радости судебнаго дѣятеля,—не могъ не дать жизненной картины всего пережитаго и выстраданнаго.

Въ наружныя стѣны храма Воскресенія, „Храма на крови", вставлены мраморныя доски, на которыхъ начертаны золотыми буквами великія дѣянія славнаго царствованія Монарха, павшаго отъ руки злодѣевъ 1 марта 1881 года.

На первой доскѣ съ правой, южной, стороны помѣчена дата 17 апрѣля 1818 г., день рожденія въ Московскомъ кремлѣ Императора Александра II и подъ этой датой — извѣстные стихи Жуковскаго изъ „Посланія къ Великой Княгинѣ (впослѣдствіи Императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ", въ коемъ будущій воспитатель царственнаго младенца привѣтствовалъ Его рожденіе:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ,
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ.
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ,
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правило Царей великихъ внуку".

На противоположной сѣверной стѣнѣ храма помѣщена доска съ надписью:

„Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г." и подъ этой датой слѣдующее мѣсто изъ Высочайшаго Указа 20 ноября 1864 г.

„Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководствомъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго".

Много людей обходитъ снаружи ежедневно „Храмъ на крови" и читаетъ все то, что начертано на 16 доскахъ. Предъ ихъ глазами возстаетъ изъ прошлаго богатое великими событіями славное царствованіе незабвеннаго благодѣтеля Россіи, чей царственный величавый обликъ памятенъ еще многимъ нынѣ живущимъ, видѣвшимъ и лучезарный взглядъ Его голубыхъ очей, и добрую улыбку Его краснорѣчивыхъ устъ.

То былъ дѣйствительно „обильный честью вѣкъ".

На ряду съ военными подвигами, начиная съ геройской защиты Севастополя, покоренія Кавказа, и кончая взятіемъ Ахалъ-текинской крѣпости,—какая цѣпь великихъ реформъ! Читая эту лѣтопись, проходящій невольно переносится мысленно въ Петропавловскій соборъ, гдѣ подъ порфирнымъ саркофагомъ, надъ которымъ въ царской коронѣ теплится неугасаемая лампада, символъ вѣчнаго мира и свѣта, спитъ вѣчнымъ сномъ Царь-Освободитель, Царь-Мученикъ.

Тамъ на стѣнахъ, вокругъ гробницы, висятъ сотни вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ Императора Александра II въ тѣ страшные дни, когда Россія съ содроганіемъ узнала, что горсточка забывшихъ совѣсть злодѣевъ положила конецъ жизни Монарха, имѣвшаго полное право произнести слова, сказанныя въ извѣстномъ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ въ 1865 г.: „Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго". Среди всѣхъ вѣнковъ выдѣляется своимъ объемомъ и художественной отдѣлкой — вѣнокъ отъ судебнаго вѣдомства, которое оплакивало Того, кто освободилъ судъ отъ шаткаго, можно сказать, унизительнаго положенія, которое онъ занималъ до 1864 г. и далъ ему и широкое право и самостоятельную власть быть гласомъ закона и защитникомъ ищущихъ охраны своихъ правъ, равно доступнымъ для всѣхъ.

То, о чемъ мечтали государственные люди въ первые дни царствованія Александра I, когда въ Именномъ указѣ графу Завадовскому 25 августа 1801 г. было указано на неотложную необходимость судебной реформы, то, что признавалъ насущной потребностью Императоръ Николай I, но не успѣлъ совершить, несмотря на свою желѣзную волю, то было совершено Тѣмъ, кого въ колыбели еще привѣтствовалъ поэтъ упованіемъ, что будущій Царь будетъ не властелиномъ только надъ судьбою много-милліоннаго народа, а прежде всего человѣкомъ, не столько озабоченнымъ широтою границъ своей власти, сколько благостнымъ ея примѣненіемъ.

И не успѣлъ замолнуть громъ орудій на югѣ, какъ съ высоты престола Царственный воспитанникъ Жуковскаго обратился къ своему народу съ памятными словами: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ".

Императоръ Александръ II сознавалъ всю истину стараго и непреложнаго слова: правосудіе есть основа державъ (justitia est fundamentum regnorum).

Человѣколюбіе, какъ движущее начало выступаетъ наружу во всѣхъ дѣяніяхъ Царя-Освободителя отъ заключенія Парижскаго мира въ 1856 г., положившаго конецъ кровопролитію на Крымскомъ полуостровѣ, до освобожденія славянъ въ 1877—1878 г.г. и до отвоеванія у дикихъ кочевниковъ Закаспійской области для благъ культуры. Всѣ воинскія дѣла Его царствованія совершены не ради внѣшней славы, а лишь во имя гуманности. Тѣмъ же человѣколюбіемъ продиктованы всѣ великія дѣянія въ области внутренняго государственнаго строительства, начиная отъ святого дѣла освобожденія крестьянъ вплоть до замѣны рекрутчины—всеобщей воинской повинностью. Не только участникомъ славнаго, а творцомъ его былъ творецъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г.—Въ вѣнкѣ всѣхъ его благодѣтельныхъ реформъ—судебная реформа выступаетъ яркимъ свѣточемъ.

Уже въ постановленіи Общаго Собранія всѣхъ департаментовъ Сената 19 февраля 1880 г., по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня восшествія на престолъ Императора Александра II—Сенатъ могъ вполнѣ основательно сказать:

„Благотворныя послѣдствія преобразованія судебной части могутъ уже нынѣ быть занесены на страницы исторіи".

„Мировыя судебныя учрежденія приблизили судебное разбирательство къ населенію и имѣли важное воспитательное для народа значеніе. Допущеніе къ участію въ сужденіи дѣлъ уголовныхъ присяжныхъ засѣдателей, давъ возможность осуществить желаніе Государя Императора даровать Россіи судъ правый и милостивый,—способствовало распространенію въ народѣ чувства законности".

Сенатъ не счелъ почему-то необходимымъ обратить вниманіе и на благодѣтельное вліяніе суда кореннаго, на усердную службу судей различныхъ ранговъ и чиновъ прокуратуры. Онъ указалъ только на самыя выпуклыя черты въ судебной реформѣ.

Онъ заключилъ свое постановленіе слѣдующими словами:

„Великими преобразованіями, совершенными Императоромъ Александромъ II, посѣяны сѣмена умственнаго и нравственнаго развитія, трудолюбія и уваженія къ законамъ, неуклонное исполненіе коихъ есть незыблемое основаніе, утверждающее благоустройство, могущество и счастье народное.

Въ глубокомъ благоговѣніи къ великимъ дѣяніямъ, совершеннымъ Государемъ Императоромъ и преисполненный чувствъ вѣрноподданнической признательности за подъятые на пользу и славу Отечества турды и заботы, Правительствующій Сенатъ, вознося горячія молитвы къ святому престолу Господню, да сохранитъ Всевышній драгоцѣнную жизнь Его Императорскаго Величества на долгіе годы,—опредѣляетъ" и т. д.

Императору Александру II не суждено было довести свои преобразованія до конца. Нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ Имъ подписанъ былъ указъ о призывѣ къ участію въ законодательной работѣ Государственнаго Совѣта представителей отъ земствъ, — Его истерзанное тѣло было положено на походную Его кровать въ Его рабочемъ кабинетѣ. Вблизи стола, на которомъ Онъ подписывалъ большинство великихъ актовъ Своего царствованія, Его человѣколюбивое сердце перестало биться.

Ежегодно 17 апрѣля, 19 февраля и 1 марта по всей Россіи, и въ великолѣпныхъ храмахъ и простыхъ деревенскихъ церквахъ тысячи и тысячи молятся за упокой души Великаго Царя и если по храму звучатъ слова: „вѣчная память", то благодарный народъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о Томъ, Кому Россія обязана своимъ новымъ строемъ.

Царственному Внуку Царя-Освободителя угодно было даровать Россіи новое устройство законодательства и народу русскому права политическія.

Какъ бы успѣшно ни трудились люди отъ земли на поприщѣ, имъ указанномъ Верховною властью, — главнымъ оплотомъ твердости государственнаго строя все же навсегда останется преобразованный 20 ноября 1864 г. судъ, хранитель закона и воспитатель народа въ чувствѣ законности и въ уваженіи къ праву.

Э. Берендтсъ.

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ.

(къ I—II томамъ).

---

1. Личныхъ именъ.

2. Географическій.

Указатель личныхъ именъ.

А.

Абаза, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 698.

Абрамовичъ, тов. предс. Арханг. палаты уг. и гражд. суда, т. I, стр. 167, 170, 171.

Аверина, (дѣло) т. I, стр. 33.

Аверинъ, д. с. с., (дѣло), т. I, стр. 33.

Адиккесъ (Adickes), т. I, стр. 499.

Адлербергъ, гр. (Владиміръ Ѳедоровичъ), министръ Имп. Двора, т. I, стр. 382; т. II, стр. 591, 660, 672.

Акимовъ, Михаилъ Григорьевичъ, министръ юстиціи, т. II, стр. 248.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, т. I, стр. 28, 34, 46, 47, 147, 224, 225, 236, 237; т. II, стр. 15.

Аксаковъ, самарскій губернаторъ, т. II, стр. 8, 12.

Александра Ѳеодоровна, Вел. Кн., позднѣе Императрица, т. II, стр. 789.

Александръ I, Императоръ, т. I, стр. 13, 37, 52, 53, 65, 272, 292, 373; т. II, стр. 204, 724, 791.

Александръ II, Императоръ, т. I, стр. 11, 28, 36, 37, 40, 47, 54, 61, 62, 65, 66, 67, 69, 71, 72, 73, 105, 111, 121, 122, 125, 126, 132, 133, 140, 161, 162, 185, 201, 205, 212, 214, 215, 216, 221, 231, 232, 263, 288, 289, 290, 297, 299, 305, 310, 321, 345, 346, 351, 371, 372, 380, 401; т. II, стр. 67, 85, 105, 111, 114, 198, 199, 206, 215, 233, 414, 416, 430, 481, 487, 489, 490, 580, 591, 601, 606, 664, 703, 707, 708, 727, 767, 774, 779, 789, 790, 791, 792.

Александръ III, Императоръ, т. I, стр. 303, 379; т. II, стр. 46, 58, 728.

Алексѣй Александровичъ, Вел. Кн., т. II, стр. 672, 700.

Алексѣй Михайловичъ, Царь, т. I, стр. 4, 233, 260, 405; т. II, стр. 727.

Алтухова, дворянка, т. I, стр. 52.

Альсбергъ (Alsberg), т. I, стр. 687, 688.

Анастасьевъ, пермскій губернаторъ, т. II, стр. 57, 58, 59.

Андреевскій, Иванъ Ефимовичъ, проф., т. I, стр. 8, 73, 309, 310.

Андреевскій, (П. А.), редакторъ „Зари", т. II, стр. 610.

Андреевскій, д. с. с., казанскій губернаторъ, т. II, стр. 57.

Анна Іоанновна, Императрица, т. II, стр. 203.

Анненковъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 660.

Анциферовъ, К. Д., авторъ статей, т. II, стр. 231, 537.

Аншютцъ, Гергардъ, т. I, стр. 402.

Апухтинъ, (Алексѣй Николаевичъ), поэтъ, т. I, стр. 237, 286.

Араповъ, московскій оберъ-полиціймейстеръ, т. II, стр. 510.
Арбузовъ, гласный, т. II, стр. 12.
Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ, юристъ, т. I, стр. 99, 227, 228, 320, 325, 327; т. II, стр. 196, 593, 662, 665, 777, 778, 786, 787.
Арсеньевъ, олонецкій губернаторъ, т. II, стр. 33.
Артишевскій, суд. слѣдов., т. II, стр. 95.
Артоболевскій, учитель, т. I, стр. 340, 341.
Арцимовичъ, Викторъ Антоновичъ, калужскій губернаторъ, т. I, стр. 102; т. II, стр. 70, 71, 77.
Аубинъ (Aubin), т. I, стр. 411, 414, 419, 420, 422, 423, 424, 443, 448, 459, 460, 473, 474.
Афанасьевъ, писатель, т. I, стр. 41.
Ахматовъ, ген.-ад., синодальный оберъ-прокуроръ, т. I, стр. 396, 397.

Б.

Байеръ (Bayer), т. I, стр. 501, 514.
Бало, венгерскій министръ юстиціи, т. II, стр. 190, 194.
Балугьянскій, статсъ-секретарь, т. I, стр. 55, 56, 57, 58.
Барнавъ, т. I, стр. 243.
Барсуковъ, Н. П., историкъ, т. I, стр. 70, 71, 74, 98, 149, 236.
Бартеневъ, переводъ его, т. I, стр. 268.
Баршевскій, (Викторъ Ивановичъ), ст. сов., тов. предсѣд. Черниговской гражд. палаты, т. I, стр. 179, 180.
Баршевъ, С. И., проф., т. I, стр. 48, 49, 50, 51, 98, 252, 309; т. II, 753.
Баршевъ, Я. И., д. с. с., т. II, стр. 144.
Барятинскій, кн. А. И., кавказскій намѣстникъ, т. I, стр. 69, 289.
Бахтинъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 114, 206.
Башуцкій, Александръ Даниловичъ, сенаторъ, т. I, стр. 195, 199.
Безакъ, оренбургскій и самарскій ген.-губернаторъ, т. II, стр. 73.
Безобразовъ, (Александръ Михайловичъ), сенаторъ, т. I, стр. 193.
Безобразовъ, членъ владим. комитета, т. I, стр. 88, 97.
Безродный, (Леонидъ Васильевичъ), т. с., б. оберъ-прокуроръ IV деп. Сената, т. II, стр. 97, 99, 100.
Беккарій, т. I, стр. 242; т. II, стр. 375, 420.
Беккеръ, Сарра, (дѣло), т. II, стр. 608.
Беклемишевъ, могилевскій губернаторъ, т. II, стр. 79.
Белла, юристъ, т. I, стр. 249.
Бенедиктъ, т. II, стр. 262, 264, 266.
Бентамъ, т. I, стр. 468, 499; т. II, стр. 375.
Березинъ, составитель словаря, т. I, стр. 214.
Берлье, т. I, стр. 249.
Бертелеми, парижскій проф., т. I, стр. 143.
Беръ, (Борисъ Ивановичъ), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Беръ, Д. Б., правитель канцеляріи министра юстиціи, т. I, стр. 189, 214.
Бетманъ-Гольвегъ (Bethmann - Hollweg), т. I, стр. 538, 539.
Билибинъ, (дѣло), т. II, стр. 610.
Биндингъ, Карлъ, проф., т. I, стр. 249; т. II, стр. 171, 174, 190.
Биркенвальдъ (Birkenwald), т. II, стр. 262.
Биркмейеръ (Birkmeyer), т. I, стр. 247; т. II, 190.
Блиновъ, Иванъ Андреевичъ, т. II, стр. 626.
Блокъ, Николай, уѣздный судья, т. I, стр. 171, 173.
Блондъ, т. I, стр. 244.
Блудовъ, гр. Дмитрій Николаевичъ, главноуправляющій Собств. Е. И. Вел. Канцел., впослѣдствіи предсѣд. Гос. Сов., т. I, стр. 59, 102, 107, 111, 112, 113, 114, 116 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 137, 139, 152, 186, 214, 215, 220, 239, 240, 292, 351,

352, 505, 517, 530; т. II, 68, 73, 162, 208, 656, 747.
Боборыкинъ, П. Д., беллетристъ, т. II, стр. 227.
Богдановичъ, депутатъ полтавскаго комитета, т. I, стр. 88, 89.
Бонье, юристъ, т. I, стр. 250.
Бордо, юристъ, т. I, стр. 249, 522.
Боровиковскій, (Александръ Львовичъ), юристъ, т. I, стр. 556; т. II, 196, 741, 756.
Борсари, юристъ, т. I, стр. 249.
Брауеръ, т. I, стр. 621, 640, 649.
Бревернъ, (Егоръ Ивановичъ), т. с., т. I, стр. 179, 180.
Бріанъ (Briand, Aristide), франц. министръ юстиціи, т. I, стр. 466.
Брумъ, лордъ, т. I, стр. 452.
Брунъ, бар., статсъ-секретарь, т. I, стр. 519, 588.
Брюновъ, казначей, (дѣло), т. I, стр. 368.
Буатаръ, т. I, стр. 249.
Будбергъ, бар. посланникъ, т. I, стр. 161.
Будбергъ, бар. членъ Гос. Сов., т. II, стр. 599.
Бузовъ, мировой судья, т. I, стр. 612.
Булгаринъ, (Ѳ. В.), писатель, т. I, стр. 337.
Бунге, Николай Христіановичъ, проф., впослѣдствіи министръ финансовъ, т. I, стр. 312, 379; т. II, стр. 673, 700.
Бурѣевъ, самарскій городской голова, т. II, стр. 608.
Бутковъ, Владиміръ Петровичъ, госуд. секретарь, т. I, стр. 122, 123, 126, 127, 165, 177, 178, 179, 180, 183, 189, 213, 215, 220, 221, 222, 223, 240, 382, 383, 384; т. II, стр. 208.
Бутовскій, (Петръ Михайловичъ), тов. министра юстиціи, т. II, стр. 248.
Буцковскій, Николай Андреевичъ, т. I, стр. 123, 124, 126, 127, 179, 180, 208, 209, 213, 214, 224, 230, 301, 406, 566, 756; т. II, стр. 91, 208, 209, 230, 756.
Бычковъ, А. Ѳ., д. с. с., т. I, 179, 180.
Бѣгичевъ, сенаторъ, т. I, стр. 31.
Бѣликовъ, С., (статья его), т. II, стр. 775.
Бѣляевъ, И., проф., (статья его), т. I, стр. 99, 309.

В.

Вагнеръ (Wagner), т. I, стр. 499.
Вагнеръ, докторъ, т. II, стр. 173.
Валуевъ, гр. Петръ Александровичъ, мин. внутр. дѣлъ, статсъ-секретарь, т. I, стр. 70, 208, 210, 228, 229, 301, 353, 365, 370, 371, 384, 385; т. II, стр. 31, 83, 84, 94, 107, 510, 561, 562, 568, 571, 580, 585, 592, 593, 594, 595, 603, 633, 700, 725.
фонъ-Валь, ген.-лейт., курскій губернаторъ, т. II, стр. 57.
Ванновскій, (Петръ Семеновичъ), ген.-адъютантъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672, 700.
Варрандъ, юрисконсультъ Морского Министерства, т. I, стр. 217.
Васьковскій, Евгеній Владиміровичъ, т. I, стр. 262, 275, 415, 422, 426, 432, 434, 438, 441, 443, 444, 451, 459, 465, 499, 528, 530, 531, 532, 535, 548, 552, 554, 556, 557; т. II, стр. 293.
Вахъ, проф., т. II, стр. 172.
Вашенцова, (дѣло), т. II, стр. 123.
Вейнрихъ (Weinrich), т. II, стр. 262, 264, 266.
Вейслеръ (Weissler), историкъ германской адвокатуры, т. II, стр. 262, 263, 266.
Вейсманъ (Weismann), т. I, стр. 546.
Вельштейнъ, депутатъ, т. II, стр. 173.
Венгеровъ, С., проф., составитель словарей, т. I, стр. 213.
Веневитиновъ, сенаторъ, т. I, стр. 199.
Веригинъ, т. II, стр. 598, 673, 700.

Веселкинъ, членъ Саратовской судебной палаты, т. II, стр. 50.
Веселовскій, Б., т. II, стр. 36.
Веселовскій, быв. предсѣд. Екатеринославскаго окружного суда, т. II, стр. 35.
Ветцель (Wetzell), т. I, стр. 514, 525, 532, 539, 548, 564, 565, 568.
Вехтеръ (Wächter), проф., т. I, стр. 164, 219.
Вешняковъ, Ѳедоръ, губ. прок., т. I, стр. 174; т. II, стр. 659.
Вивьенъ (Vivien), т. I, стр. 420.
Видингъ, К., т. I, стр. 99.
Вилинбаховъ, Аѳанасій Петровичъ, т. I, стр. 124, 126, 179, 180.
Вильгельмъ I, имп. герм., т. II, стр. 175.
Винаверъ, т. II, стр. 278.
Витмеръ, мировой судья, т. II, стр. 54.
Витте, дворянка, т. II, стр. 604.
Вицынъ, (членъ редакціонной комиссіи), т. I, стр. 551.
Владиміровъ, Л. Е., т. I, стр. 648.
Владимірскій-Будановъ, проф., т. I, стр. 310.
Владиміръ Александровичъ, Вел. Кн., т. II, стр. 672, 700.
Владиміръ, кн., т. II, стр. 707.
Воеводскій, Н. А., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Вознесенскій, т. II, стр. 539.
Войцеховичъ, Алексѣй Ивановичъ, сен., членъ Гос. Сов., т. I, стр. 199; т. II, стр. 599.
Волжинъ, В. А., т. II, стр. 540.
Волкова, Авдотья, кр., (дѣло), т. II, стр. 149.
Волкова, Надежда, кр., (дѣло), т. II, стр. 149.
Волковъ, Иванъ, кр., (дѣло), т. II, стр. 149.
Волконскій, кн. М. С, кол. сов., пом. статсъ-секретаря, т. I, стр. 179, 180, 246.
Волконскій, кн., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672.
Волконскій, депутатъ владим. комитета, т. I, стр. 80, 81, 83, 84, 139.
Вольскіе, (дѣло), т. I, стр. 492.
Вольтеръ, т. I, стр. 242; т. II, стр. 266.
Вольфъ, судебный дѣятель Цюрихскаго кантона, т. II, стр. 183.
Воронцовъ-Дашковъ, гр., И. И., министръ Имп. Двора, т. II, стр. 696, 698.
Врангель, бар., Е. Е., д. с. с., директ. деп. Мин. Юст., т. I, стр. 178, 179, 180, 181, 189, 206.
Вульфертъ, А. К., проф., т. II, стр. 188.
Вышнеградскій, (Иванъ Алексѣевичъ), членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672, 697, 701.

Г.

Габуцци, Стефанъ, адвокатъ, т. II, стр. 170.
Гавриловъ, (дѣло), т. I, стр. 30.
Гагаринъ, кн. Павелъ Павловичъ, предсѣд. Деп. Законовъ, затѣмъ предсѣдатель Комитета Министровъ и Гос. Сов., т. I, стр. 114, 125, 132, 162, 206, 213, 222, 223; т. II, стр. 560, 562, 568.
Галкинъ-Враскій, Н., т. II, стр. 188.
Гаммъ, докторъ, (предсѣдатель оберъ-ландгерихта), т. II, стр. 174, 175.
Гангардтъ, ген.-м., бессарабскій губернаторъ, т. II, стр. 577.
Ганъ, (Е. Ѳ.), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Гарденъ, М., публицистъ, т. II, стр. 716, 717.
Гарофало, т. II, стр. 185.
Гарсонэ (Garçonnet), т. I, стр. 495, 540, 549, 562.
Гартунгъ, Н., т. I, стр. 48.
Гартунгъ, ген., т. II, стр. 676.
Гатцукъ, т. I, стр. 214.
Гасманъ, Анатолій Григорьевичъ, тов. мин. юст., сенаторъ, т. II, стр. 248.
Гейденъ, гр., т. II, стр. 700.
Гейнце, докторъ, т. II стр. 173, 609.
Гекъ (Heck), т. II, стр. 377.
Гели (Helie), т. I, стр. 477.
Гельвигъ (Hellwig), проф., т. I, стр. 509, 532, 546, 547 553, 554, 563; т. II, стр. 263, 264.
Геннади, Г. И., т. I, стр. 214.
Генрихъ Великій, т. I, стр. 64.

Герардъ, адвокатъ, т. II, стр. 778.
Германовскій, маіоръ, т. II, стр. 555.
Гернетъ, т. II, стр. 162.
Герценъ, А. (И.), писатель, т. I, стр. 29, 35, 67, 290, 310.
Гессенъ, В. М., проф., т. I, стр. 6; т. II, стр. 585, 685.
Гессенъ, I. В., т. I, стр. 141, 166; т. II, стр. 569, 632, 633.
Гефтеръ (Heffter), т. I, стр. 498.
Гецъ, проф., т. II, стр. 170.
Гизетти, (Германъ Антоновичъ), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Гирсъ, членъ комиссіи по устр. губерн. и уѣздн. учр., т. I, стр. 102; т. II, стр. 673, 700.
Гіз, т. II, стр. 176.
Глазеръ, Юлій, проф., б. австрійскій министръ, т. I, стр. 243, 604, 635, 638, 640, 642, 644; т. II, стр. 176, 177.
фонъ-Глейспахъ, гр., проф., т. II, стр. 182.
Глѣбовъ, П., генералъ-аудиторъ морского вѣдомства, т. I, стр. 100, 217, 219, 252, 253.
фонъ-Гогенбургеръ, австрійскій министръ юст., т. II, стр. 177, 180.
Гоголь, (Николай Васильевичъ), писатель, т. I, стр. 35, 43, 74, 201, 293; т. II, 205, 783.
Гойнингенъ-Гюне, бар. А. Ѳ. (симбирскій губернаторъ), т. II, стр. 32.
Гойнингенъ-Гюне, бар., Э. Ѳ., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Голицынъ, кн., черниговскій губернаторъ, т. II, стр. 33.
Голишевскій, сорокскій прокуроръ, т. I, стр. 175.
Головачевъ, публицистъ, т. I, стр. 157, 226, 228; т. II, стр. 228.
Головнинъ, А. В., статсъ-секретарь, мин. народ. просвѣщ., затѣмъ членъ Гос. Сов., т. I, стр. 69, 339; т. II, стр. 598.
Голубевъ, Иванъ Яковлевичъ, вице-предс. Гос. Сов., т. II, стр. 248; 639, 644.
Гольдшмидтъ (Goldschmidt), т. II, стр. 267.
Гольмстенъ, А. Х., профессоръ, т. I, стр. 309, 528, 530, 532, 533, 535, 538, 539, 571; т. II, стр. 255, 754, 756.
Гольтгоеръ, (М. Ѳ.), членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 700.
Гончаровъ, (Иванъ Александровичъ), писатель, т. I, стр. 75.
Гончаровъ, С. С., бывш. прокуроръ Казанской, а затѣмъ Московской судебной палаты, т. II, стр. 107, 227.
Горболевъ, уѣздный судья, т. I, стр. 175.
Гордонъ, (его статья), т. I, стр. 514.
Горемыкинъ, И. Л., тов. министра юстиціи, впослѣдствіи мин. вн. дѣлъ и предс. Сов. Мин., т. II, стр. 248.
Гориновичъ, агентъ политической полиціи, т. II, стр. 604.
Гориновъ, членъ управы, т. II, стр. 608.
Городыскій, Я., т. II, стр. 649.
Градовскій, А. Д., проф., т. I, стр. 6, 238, 243, 310, 321, 362; т. II, стр. 203, 530, 758.
Граефъ, докторъ, т. II, стр. 173.
Грейгъ, (С. А.), адм., министръ финансовъ, т. II, стр. 584, 672.
Гречъ, (Н. И.), изд. газеты, т. I, стр. 337, 338.
Григорьевъ, торговый смотритель, т. I, стр. 367.
Григорьевъ, т. с., олонецкій губерн., т. II, стр. 57.
Гризовъ, предсѣд. Бессар. комм. суда, т. I, стр. 175.
Грингмутъ, (В. А.), т. II, стр. 196.
Громницкій, М. Ѳ., т. II, стр. 231, 510, 569.
Гротъ, К., членъ комиссіи по устройству губерн. и уѣздн. учрежденій, позднѣе ст.-секр. и членъ Гос. Сов., т. I, стр. 102, 303; т. II, стр. 435, 673, 698.
Гурвичъ, Р. Д., т. I, стр. 460.
Гуринъ, (В. И.), ст. сов., тов. предсѣд. Екатеринославской гражд. палаты, т. I, стр. 179, 180.
Гусевъ, т. II, стр. 47.

Д.

Даневскій, П. Н., д. с. с., т. I, стр. 124, 126, 179, 180.
Даневскій, проф., т. I, стр. 634, 642.
Даниловъ, мировой судья, т. II, стр. 31.
Даниловъ, (дѣло), т. II, стр. 582.
Дарестъ (Dareste), т. II, стр. 532,
Дейтрихъ, В. Ф., членъ Гос. Сов, т. II, стр. 248.
Деліусъ (Delius), т. I. стр. 536.
Деляновъ, (И. Д.) гр., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 699.
Демченко, криминалистъ, т. II, стр. 756.
фонъ-Дервизъ, т. II, стр. 671, 673, 698.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, т. I, стр. 13.
Дерюжинскій, В., т. II, стр. 196.
Дефермонтъ, т. II, стр. 167.
Джаншіевъ, Г. А., т. I, стр. 76, 120, 213, 224, 293, 303, 387, 404; т. II, стр. 569, 632, 633, 675, 676.
Диккенсъ, Чарльзъ, т. I, стр. 274.
Дмитріевъ, Ѳедоръ Михайловичъ, проф., т. I, стр. 16, 24, 27, 136, 145, 146, 152, 155, 308, 532; т. II, стр. 415.
Добросердовъ, маіоръ, т. II, стр. 95.
Доброхотовъ, свящ., (дѣло), т. II, стр. 47.
Доксъ, П., членъ Одесской суд. палаты, т. II, стр. 36.
Долгорукій, кн., Юрій, т. I, стр. 196, 197.
Долгорукій, кн., сенаторъ, т. I, стр. 30.
Долгорукій, кн., (комисс. по принятію прошеній), т. II, стр. 631.
Долгорукій, кн., членъ Гос. Сов. т. II, стр. 672, 699.
Долгоруковъ, кн. В. А., т. II, стр. 562.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., т. II, стр. 673.
Доргобужиновъ, костромской губернаторъ, т. II, стр. 498.
Достоевскій, Ѳ. М., писатель, т. II, стр. 164, 730, 781, 785.
Дукмасовъ, А., т. II, стр. 121.
Дурасовъ, (Егоръ Александровичъ), сенаторъ, т. I, стр. 21, 30, 32.
Дурново, П. Н., министръ внутреннихъ дѣлъ, т. II, стр. 248.
Дурново, членъ Гос. Сос., т. II, стр. 672.
Духовской, криминалистъ, т. II, стр. 756.
Дылевскій, (статья), т. I, стр. 214.
Дѣтскій, спб. судебный приставъ, т. II, стр. 612.
Дэнманъ, лордъ, т. II, стр. 165.
Дювернуа, цивилистъ, т. II, стр. 756.
Дюги (Duguit), т. I, стр. 408, 425, 434.
Дюпоръ, юристъ, т. I, стр. 243.

Е.

Евгеній, итальянскій вице-король, т. I, стр. 246.
Екатерина II, Императрица, т. I , стр. 5, 6, 7, 10, 12, 13, 38, 39, 62, 255, 257, 267, 286, 295, 297, 347, 354, 373, 375, 569; т. II, стр. 77, 78, 203, 375, 724.
Елена Павловна, Вел. Кн., т. I, стр. 164, 219.
Елисавета Петровна, Императрица, т. I, стр. 344; т. II, стр. 724.
Есинъ, кр., (дѣло) т. II, стр. 48.
Есиповичъ, (Я. Г.), ст. сов., пом. статсъ-секретаря, впослѣдствіи сенаторъ, т. I, стр. 179, 180.

Ж.

Жакелэнъ (Jaquelin, René), т. I, стр. 143.
Жанъ (Jaques), т. II, стр. 256.
Жареный, кр., (дѣло), т. II, стр. 559.
Ждановъ, т. I, стр. 102.
Желеховскій, В. А., членъ комиссіи для пересмотра законоположеній по суд. части, сенаторъ, т. II, стр. 108.
Желтухинъ, (А. Д.), надв. сов., секретарь при предсѣдат. Деп. Законовъ, т. I, стр. 179, 180.
Желябугинъ, (дѣло), т. I, стр. 30.
Жерве, попечитель Харьковскаго учебнаго округа, т. I, стр. 309.
Жеребцовъ, писецъ, т. I, стр. 34.

Жирухинъ, гласный, т. II, стр. 11.
Жіо (Giaux), депутатъ, т. I, стр. 462.
Жуковскій, Василій Андреевичъ, поэтъ, т. I, стр. 61, 63, 64, 65, 72, 201; т. II, стр. 789, 791.
Жуковскій, Ю. (дѣло), т. I, стр. 323, 325; т. II, стр. 592, 593.
Жуковскій, академикъ, т. I, стр. 226, 633.
Жуковъ, прокуроръ Московскаго окружного суда, т. II, стр. 18.

З.

Завадовскій, гр., т. I, стр. 292; т. II, стр. 791.
Завадскій, А. В., проф., т. I, стр. 410, 411, 415, 419, 420, 422, 442, 443, 460; т. II, стр. 633.
Завадскій, В. Р., т. II, стр. 133, 136, 137, 142.
Завадскій, д. с. с., старшій предсѣдатель С.-Петербургской судебной палаты, т. II, стр. 96.
Зайцевъ, Гавріилъ, землемѣръ, (дѣло), т. I, стр. 367.
Зайцевъ, Иванъ, землемѣръ, (дѣло), т. I, стр. 367.
Закревскій, И. П., членъ комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, т. II, стр. 108, 184.
Закревскій, т. I, стр. 58.
Замтеръ (Samter), т. II, стр. 262, 264, 266.
Замятнинъ, Дмитрій Николаевичъ, министръ юстиціи, т. I, стр. 71, 114, 123, 147, 161, 162, 190, 197, 206, 216, 219, 221, 229, 339, 364; т. II, стр. 1, 52, 55, 69, 75, 76, 77, 78, 154, 566, 568, 595, 598, 633, 711, 775.
Зарудный, Митрофанъ Ивановичъ, т. I, стр. 99, 129, 180, 263, 452; т. II, стр. 35, 60.
Зарудный, Сергѣй Ивановичъ, и. д. статсъ-секретаря, т. I, стр. 102, 114, 124, 125, 126, 127, 138, 179, 180, 213, 214, 221, 223, 224, 238, 240, 246, 247, 251, 252, 255, 263, 276, 291, 292, 328, 551; т. II, стр. 30, 162, 414, 568, 569.
Засуличъ, Вѣра, (дѣло), т. I, стр. 639; т. II, стр. 154, 195, 604, 610, 723, 779.
Зеленой, ген.-ад., министръ госуд. имуществъ, т. II, стр. 562.
Зигель (Siegel), т. I, стр. 498.
Зографъ, волчанскій исправникъ, т. II, стр. 611.
Золотаревъ, (дѣло), т. I, стр. 493.
Зубковскій, трубчевскій исправникъ, т. II, стр. 29.
Зубовъ, (Петръ Алексѣевичъ), д. с. с., и. д. статсъ-секр. Деп. Гражд. Дѣлъ Гос. Сов., сенаторъ, т. I, стр. 179, 180, 382, 385.
Зубовъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 435, 598, 699.
Зуровъ, (Елпидифоръ Антіоховичъ), сенаторъ, т. I, стр. 193.

И.

Иванишевъ, т. I, стр. 309.
Ивановъ, В., (статья), т. II, стр. 6, 7.
Иванюковъ, проф., т. I, стр. 76, 80, 97.
Игнатьевъ, (Павелъ Николаевичъ), гр., т. I, стр. 206, 207; т. II, стр. 584.
Игнатьевъ, гр. (Николай Павловичъ), т. II, стр. 673, 678, 700.
Измайловъ, В., губ. секр., т. II, стр. 658.
Иконниковъ, с.-петербургскій домовладѣлецъ, т. II, стр. 527, 528, 529, 530, 531, 575.
Иллюстровъ, (составитель сборника пословицъ), т. I, стр. 41.
Ильяшенко, Илья Ефимовичъ, тов. министра юстиціи, т. II, стр. 248.
Инсарскій, В. А., т. I, стр. 214.
Исаковъ, т. II, стр. 698.
Исаченко, Василій Лаврентьевичъ, сенаторъ, т. I, стр. 279; т. II, стр. 412.
Ифляндъ, (его статья), т. II, стр. 231.

I.

Іерингъ (Ihering, R.), т. I, стр. 140, 467, 476.
Іоаннъ Грозный, Царь, т. I, стр. 4, 64.
Іогихесъ, тов. прок. Изюмскаго окружного суда, т. II, стр. 41, 42.

К.

Кавелинъ, К. Д., ученый, т. I, стр. 73, 280, 281, 282, 283, 308, 309; т. II, стр. 749.
Калачовъ, (Николай Васильевичъ), т. I, стр. 99, 102, 179, 180, 309, 328, 339.
Калиновскій, помѣщикъ, т. I, стр. 176.
Калистра, (дѣло), т. I, стр. 492.
фонъ-Калль, т. II, стр. 177, 178, 179, 180, 181.
Калмыковъ, т. I, стр. 102, 201; т. II, стр. 740.
фонъ-Калькеръ, проф., т. II, стр. 172.
Каннъ (Kann), т. II, стр. 262.
Кантемиръ, (кн. Антіохъ Дмитріевичъ), сатирикъ, т. I, стр. 41.
Канштейнъ (Kanstein), т. I, стр. 528, 535, 563, 565.
Капгеръ, сенаторъ, т. I, стр. 199.
Капнистъ, (Василій Васильевичъ), поэтъ, т. I, стр. 42.
Каракозовъ, (дѣло), т. I, стр. 115; т. II, стр. 487, 560.
Карамзинъ, (Николай Михайловичъ), историкъ, т. I, стр. 63.
де-Кардонъ, франц. писатель, т. I, стр. 231.
Кардо-Сысоевъ, членъ тверского комитета, т. I, стр. 86, 87.
Карніолинъ-Пинскій, (Матвѣй Михайловичъ), сенаторъ, т. I, стр. 197, 199; т. II, стр. 163.
Карцевъ, чиновникъ Мин. Юст., т. I, стр. 342, 343.
Кастнеръ (Kastner), т. II, стр. 262, 263.
Катакази, сенаторъ, (М. К.), т. II, стр. 25, 49.
Катковъ, (Михаилъ Никифоровичъ), публицистъ, т. I, стр. 225, 226, 238, 239, 282, 320, 331, 402; т. II, стр. 117, 483, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 615, 760, 761.
фонъ-Кауфманъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 698.
Кауфманъ, членъ имперскаго суда въ Германіи, т. II, стр. 172.
Кафтанниковъ, мѣщанинъ, т. I, стр. 14.
Каховановъ, М. С., членъ Гос. Сов., статсъ-секретарь, т. II, стр. 16, 24, 673, 685, 687, 688, 689, 695, 698, 701.
Кацъ (Katz), т. I, стр. 547.
Квачевскій, А., т. II, стр. 147, 148.
Квачевскій, прокуроръ Кашинскаго окружного суда, т. II, стр. 230.
Квистъ, (О. И.), д. с. с., т. I, стр. 179, 180.
Келлеръ, (Фридрихъ-Людвигъ), юристъ, т. II, стр. 178.
Кернеръ (Körner), т. II, стр. 262, 263, 266, 267.
Киселевъ, (гр. Павелъ Дмитріевичъ), т. I, стр. 292.
Кистяковскій, проф., т. I, стр. 404, 446, 447, 448; т. II, стр. 756.
Китицынъ, юрисконсультъ Мин. Внут. Дѣлъ, т. II, стр. 510.
Климентъ IV, папа, т. II, стр. 255.
Клушинъ, сенаторъ, т. I, стр. 51.
Ключевскій, (В. О.), историкъ, т. I, стр. 376.
Клюшниковъ, составитель „Словаря“, т. I, стр. 214.
Кнееръ (Kneer), т. II, стр. 262, 263, 264.
Книримъ, (А. А.), надв. сов., быв. помощ. юрисконсульта Мин. Юст., т. I, стр. 179, 180, 213, 499.
Кобеко, Д. Ѳ., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 196.
Кобори, Роза, (дѣло), т. II, стр. 191, 192.
Кобылинскій, П. П., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Ковалевскій, (Михаилъ Евграфовичъ), д. с. с., оберъ-прокуроръ 2-го отд. 5 деп. Сената, т. I, стр. 179, 180, 181, 213, 214.

Ковалевскій, сенаторъ, т. II, стр. 684.
Ковальскій, губернскій прокуроръ, т. II, стр. 75.
Кожевниковъ, кр., т. II, стр. 47.
Козицкій, секретарь Имп. Екатерины II, т. I, стр. 42.
Колеръ (Kohler), т. II, стр. 412.
Колиньи, уѣздный исправникъ, т. II, стр. 505.
Колмаковъ, (авторъ статьи), т. I, стр. 52.
Колоколовъ, криминалистъ, т. II, стр. 756.
Кони, Анатолій Ѳедоровичъ, сенаторъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 28, 29, 105, 214, 220, 224, 289, 310, 365, 377, 403, 408, 468, 469, 476; т. II, 108, 131, 157, 162, 196, 231, 248, 324, 500, 510, 650, 661, 662, 757, 788, 789.
Кононовъ, полковникъ, (дѣло), т. I, стр. 493.
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн., т. I, стр. 39, 69, 70, 100, 120, 121, 127, 131, 132, 135, 162, 204, 205, 216, 217, 218, 219, 252, 289, 394, 395.
Конфуцій, т. II, стр. 412.
Коркуновъ, (Николай Михайловичъ), профессоръ, т. I, стр. 55, 361.
Корниловъ, А. А., историкъ, т. I, стр. 61; т. II, стр. 15.
Корниловъ, Ѳ. П., управляющій дѣлами Комитета Министровъ, т. II, стр. 563.
Корниловъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 699.
Королевъ, рядовой, (дѣло), т. II, стр. 556, 557.
Корфъ, бар. А. Ф., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Корфъ, гр. Модестъ Андреевичъ, главноупр. II Отд. Соб. Е. И. В. Канц., членъ Гос. Сов., т. I, стр. 114, 355, 388; т. II, стр. 575.
Корфъ, бар. С. А., профессоръ, т. I, стр. 392.
Корфъ, бар., предсѣдатель Тамбовскаго окр. суда, т. II, стр. 41.
Косаговскій, членъ новгородскаго комитета, т. I, стр. 89, 90.
Косаговскій, т. с., курскій губернаторъ, т. II, стр. 57, 58.
Кособрюховъ, (дѣло), т. II, стр. 542.
Котляревскій, товарищъ губ. прокурора, т. II, стр. 604.
Кочубей, Викторъ Павловичъ, пред. Гос. Сов., предсѣд. „Особаго Комитета", т. I, стр. 54, 60; т. II, стр. 206.
Кочубей, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 114, 206.
Кочубей, сенаторъ, т. I, стр. 199.
Кошелевъ, (Александръ Ивановичъ), т. I, стр. 149, 235; т. II, стр. 724.
Краевскій, редакторъ газеты „Голосъ", т. I, стр. 341.
Краза (Krasa), т. II, стр. 262, 266.
Красильникова, армянка, (дѣло) т. II, стр. 75.
Крафштремъ, попечитель Дерптскаго учебнаго округа, т. I, 309.
Крейтеръ, (П. П.), ст. сов., начальн. отдѣл. въ Мин. Ин. Дѣлъ, т. I, стр. 179, 180.
Крекшинъ, (дѣло), т. I, стр. 24.
Кронеръ (Croner), т. II, стр. 262, 266.
Крузе (Kruse), т. II, стр. 262, 263, 264, 266, 267.
Крыжановскій, Сергѣй Ефимовичъ, государственный секретарь, т. II, стр. 248.
Крыловъ, Никита (Ивановичъ), профессоръ, т. I, стр. 309.
Кудринъ, С. В., предсѣдатель С.-Петербургскаго окружного суда, т. II, стр. 110.
Кудрицкій, мировой судья, т. II, стр. 41.
Кузнецовъ, составитель „Сборника рѣшеній Пр. Сената", т. II, 539, 542, 545, 546, 549, 550, 551.
Кулеманъ (Kulemann), т. II, стр. 264.
Куликовъ, т. II, стр. 48.
Кулишеръ, Е., (авторъ статьи), т. II, стр. 532.
Кулишеръ, (Михаилъ Игнатьевичъ), редакторъ „Зари", т. II, стр. 610.
Куницынъ, проф., т. I, стр. 98.
Куплеваскій, (Н. О.), проф., т. I, стр. 6, 420, 431.

Купцовъ, (дѣло), т. II, стр. 48.
Куркинъ, бомбардиръ, (дѣло), т. II, стр. 608.
Кутайсовъ, гр., т. II, стр. 139.
Кущовъ, и. д. предсѣдателя Острогожскаго окружного суда, т. II, стр. 752.
Кэннингъ, англійскій госуд. дѣятель, т. II, стр. 766.

Л.

Лабандъ (Laband), т. I, стр. 405.
Лавьеля, (юристъ), т. I, стр. 250.
Лагарпъ, т. I, стр. 272.
Ладыгинъ, гласный, крестьянинъ, т. II, стр. 11.
Лазаревскій, Н. И., проф., т. II, 532, 536, 544, 547.
Ламмашъ, проф., т. II, стр. 168, 177, 180, 181.
Ланге, московскій прокуроръ, т. II, стр. 592.
Ланге, полиціймейстеръ, т. II, стр. 547.
Ланской, (гр. Сергѣй Степановичъ), министръ внутр. дѣлъ, т. I, стр. 95, 221.
Латкинъ, (Василій Николаевичъ), профессоръ, т. I, стр. 23.
Лаферріеръ (Laferrière), т. II, стр. 532.
Лебедевъ, д. с. с., т. II, стр. 658, 659.
Лёве (Löwe), т. I, стр. 603, 614, 616, 629, 635, 638, 639, 640, 642, 680.
Левшинъ, (Алексѣй Иракліевичъ), сен., членъ Гос. Сов., т. I, стр. 199; т. II, стр. 598.
Левшинъ, авторъ статьи; т. I, стр. 214.
Леонардтъ (Leonardt), т. I, стр. 550.
Леонтьевъ, А. А., т. I, стр. 446; т. II, стр. 266.
Лермонтовъ, (Михаилъ Юрьевичъ), поэтъ, т. I, стр. 201.
Леруа-Болье, Анатолій **(Leroy-Beaulieu,** Anatole), т. I, стр. 3, 15, 47, 48, 61, 71, 130, 149, 231; т. II, стр. 708, 735, 777.
Лессе (Lesse), т. II, стр. 262.
Лешковъ, проф., т. I, стр. 225, 340.
Ливенъ, Н. А., свѣт. кн., т. II, стр. 108.
Ливенъ, кн., московскій губернаторъ, т. II, стр. 577.
Линевичъ, (дѣло), т. II, стр. 123.
Лиманъ (Liepmann), т. I, стр. 601.
Литке, т. I, стр. 114, 206.
Лихачевъ, т. I, стр. 243, 604.
Лихомановъ, (дѣло), т. II, стр. 314.
Лихтенфельсъ, т. II, стр. 176.
Лозина-Лозинскій, т. II, стр. 534.
Лозингъ (Lohsing), т. I, стр. 600, 632, 644, 683, 687.
Лонгиновъ, орловскій губернаторъ, т. II, стр. 27, 30, 494.
Лопухинъ, кн., предсѣд. Комитета Министровъ, т. I, стр. 18.
Лопухинъ, калужскій губернаторъ, т. I, стр. 13.
Лоранъ (Laurent), т. I, стр. 476.
Лорисъ-Меликовъ, гр. (Михаилъ Таріеловичъ), начальникъ Верховной распорядительной комиссіи, затѣмъ министръ внутр. дѣлъ, т. I, стр. 20, 305; т. II, стр. 228, 684.
Лохвицкій, проф. Имп. Александр. лицея, т. I, стр. 6, 338, 339, 386.
Любимовъ, А. С., предсѣдатель Спб. судебной палаты, т. II, стр. 600.
Любимовъ, (А. С.), кол. сов., пом. статсъ-секрет., т. I, стр. 179, 180.
Люблинскій, А. И., т. I, стр. 424, 443, 464, 607, 609, 647, 670, 684, 686; т. II, стр. 185, 187.
Люблинскій, П. И., т. I, стр. 410, 444, 458, 472, 600, 661, 663, 671, 675, 682; т. II, стр. 164.
Любощинскій, (Маркъ Николаевичъ), сен., т. I, стр. 180, 199; т. II, стр. 130, 633, 671, 673, 698.
Люстихъ, (Вильгельмъ Іосифовичъ), присяжный повѣренный, т. II, стр. 777.
Люце, Михаилъ Ѳедоровичъ, тов. министра юстиціи, т. II, стр. 248.
Лякубъ, (статья его), т. I, стр. 225.

М.

Майеръ, докторъ, т. II, стр. 173.
Макаровъ, Александръ Александровичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. II, стр. 248.
Маклаковъ, В. А., адвокатъ, членъ Госуд. Думы, т. II, стр. 784, 785.
Маколей, историкъ, т. I, стр. 234.
Малиновскій, мировой судья, т. II, стр. 611.
Малышевъ, К. И., проф., т. I, стр. 243, 258, 273; т. II, стр. 756.
Манасеинъ, Николай Авксентьевичъ, министръ юстиціи, т. II, стр. 155, 189, 248, 261, 274, 614, 630, 631, 647, 667, 670, 672, 680, 681, 693, 697, 701.
Мансуровъ 1, Борисъ Павловичъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 696, 698.
Мансуровъ 2, Николай Павловичъ, т. II, стр. 672, 697.
Мансуровъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 16, 670.
Ману, т. II, стр. 412.
Манухинъ, Сергѣй Сергѣевичъ, министръ юстиціи, т. II, стр. 248.
Маринъ, мировой судья, т. II, стр. 26.
Марковъ, Павелъ Алексѣевичъ, товар. министра юстиціи, т. II, стр. 248.
Марковъ, авторъ книги „Правила адвокатской профессіи въ Россіи", т. II, стр. 261.
Маркусъ, т. II, стр. 698, 700.
Маркъ-Аврелій, т. I, стр. 64.
Массабіо (Massabiau) М., т. I, стр. 411, 417, 420, 429, 431, 432, 437, 448, 453, 473, 481.
Матросовъ, (о статьѣ его), т. II, стр. 91.
Матюнинъ, Андрей Ефимовичъ, сен., т. I, стр. 180, 199.
Мачтетъ, Григорій Александровичъ, беллетристъ, т. II, стр. 787.
Мейеръ, Дмитрій Ивановичъ, проф., т. I, стр. 308, 309.
Мейеръ (Meyer), Н., т. II, стр. 190.
Мейеръ, судебный слѣдователь, т. II, стр. 95.
Мекензи Уолессъ, англійскій публицистъ, т. I, стр. 231; т. II, стр. 734.
Мекленбургскій, герцогъ, Михаилъ Георгіевичъ, т. I, стр. 69.
Мельницкіе, (дѣло), т. II, стр. 608, 609, 618, 764.
Менгденъ, бар., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 700.
Мердеръ, кап., воспитатель Имп. Александра Николаевича, т. I, стр. 62, 65.
Мещерскій, кн., Владиміръ Петровичъ, публицистъ, т. I, стр. 67, 220; т. II, стр. 606, 648.
Миллеръ, членъ комиссіи по устройству губерн. и уѣзд. учрежденій, т. I, стр. 102.
Милютинъ, гр., Дмитрій Алексѣевичъ, ген.-ад., военный министръ, т. I, стр. 127, 135, 204, 394, 395, 588; т. II, стр. 553, 554, 562, 567, 570, 578.
Милютинъ, Николай Алексѣевичъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. I, стр. 77, 78, 102, 149, 350.
Мироновичъ, (дѣло), т. II, стр. 608.
Митрофанія, игуменья, (дѣло), т. II, стр. 676.
Миттербахеръ (Mitterbacher), т. I, стр. 670, 677, 682.
Миттермайеръ, т. I, стр. 130, 131, 164, 249, 251, 267, 268, 271, 599, 601, 606, 607, 608, 625, 626, 631, 644, 651, 669, 672, 677, 678, 679, 680, 683, 684, 685, 686; т. II, 187.
Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн., т. II, стр. 673, 700.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Кн., т. I, стр. 219.
Михайловскій, I. В., т. I, стр. 403, 420, 422, 434, 441, 444, 627.
Михайловъ, Иванъ, уѣздный стряпчій, т. II, стр. 658.

Михайловъ, (сочиненіе его), т. I, стр. 532.
Мишинъ, воронежскій уѣздный судья, т. I, стр. 175.
Можарова, дворянка, (дѣло), т. II, стр. 604.
Монтескьё (Montesquieu), т. I, стр. 242, 402, 405; т. II, стр. 167, 375.
Мордвиновъ, сенаторъ, (ревизія Спб. суд. учрежденій), т. II, стр. 50.
Мордвиновъ, адмиралъ, т. I, стр. 54, 292.
Мордухай-Болтовской, Иванъ Дмитріевичъ, т. I, стр. 279.
де-Морни, герцогъ, (**de-Morny,** duc), т. I, стр. 67.
Морошкинъ, историкъ права, т. I, стр. 309.
Мосоловъ, т. с., новгородскій губернаторъ, т. II, стр. 57.
Мотовиловъ, Г. Н., предсѣдатель Спб. окружного суда, т. II, стр. 633.
Муравьевъ, Никита (декабристъ), т. I, стр. 54.
Муравьевъ, Николай Валеріановичъ, прокуроръ С.-Петербургской, затѣмъ Московской судебной палаты, позднѣе министръ юстиціи, т. I, стр. 226, 261, 608; т. II, стр. 107, 109, 143, 157, 202, 224, 227, 230, 231, 236, 248, 418, 460, 461, 532, 535, 536, 566, 627, 628, 629, 649, 650, 651.
Муравьевъ, ген.-отъ-инф., т. II, стр. 562.
Муравьевъ, ген.-л., нижегородскій губернаторъ, т. II, стр. 69.
Муромцевъ, (С. А.), цивилистъ, т. II, стр. 756.
Мусинъ-Пушкинъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, т. I, стр. 309.
Мухановъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 114, 206, 207.
Мысовскій, исп. долж. судебнаго слѣдователя, т. II, стр. 69.
Мюгель (Mügel), т. I, стр. 499.
Мюнстеръ, т. I, стр. 214.
Мясоѣдовъ, Н. А., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Мясоѣдовъ, (Н. Е.), сенаторъ, т. I, стр. 18.

Н.

Набоковъ, Дмитрій Николаевичъ, министръ юстиціи, т. II, стр. 40, 59, 143, 584, 605, 613, 614, 645, 650, 673, 678, 699.
Назарьевъ, В., авторъ „Воспоминаній", т. II, стр. 24.
Назимовъ, (В. И.), членъ Гос. Сов., т. II, стр. 599.
Наполеонъ I, императоръ, т. I, стр. 37, 100, 136, 245, 246, 247, 257, 281, 282, 569, 587; т. II, стр. 780.
Нарышкина, Е. А., авторъ „Воспоминаній", т. I, стр. 67, 226.
Нарышкинъ, ген.-м., казанскій губернаторъ, т. II, стр. 72, 73.
Наумовъ, надв. сов., т. I, стр. 11.
Наумовъ, авторъ газетной статьи, т. I, стр. 98.
Небеніусъ, (баденскій государственный дѣятель и экономистъ), т. I, стр. 251.
Небольсинъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 700.
Неволинъ, К. А., профессоръ, цивилистъ, т. I, стр. 308, 309.
Нейманъ, историкъ права, т. I, стр. 309.
Неклюдовъ, Николай Адріановичъ, старшій юрисконсультъ Мин. Юст., об.-прокуроръ Сената, криминалистъ, т. II, стр. 31, 756, 777.
Некрасовъ, (Николай Алексѣевичъ), поэтъ, т. I, стр. 44, 293; т. II, стр. 227, 710, 786.
Немировскій, М., авторъ статей по уголовному праву, т. I, стр. 655, 656, 657.
Ненарочкинъ, членъ Харьковской суд. палаты, т. II, стр. 18, 20, 59.
Нестеровъ, членъ отъ нижегородскаго губернскаго комитета, т. I, стр. 89, 90.
Нефедьевъ, (сочиненіе его), т. I, стр. 547, 555.

Нечаевъ, анархистъ, т. I, стр. 305; т. II, стр. 232, 600, 778.
Никитенко, А. В., академикъ, т. I, стр. 40, 58, 146, 226, 302, 306; т. II, стр. 489, 561, 568, 592, 601, 724.
Николаевъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 698.
Николаи, бар., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 695, 698, 701.
Николай Александровичъ, Цесаревичъ, т. I, стр. 73.
Николай Николаевичъ (Старшій), Вел. Кн., т. II, стр. 673.
Николай I, Павловичъ, Императоръ, т. I, стр. 10, 12, 18, 52, 59, 60, 61, 63, 65, 67, 73, 140, 161, 288, 292, 308, 373, 491; т. II, 205, 206, 724, 752, 791.
Никоновъ, агентъ политической полиціи, т. II, стр. 604.
Никъ, Густавъ, (дѣло), т. II, стр. 191, 192.
Новосильскій, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672, 700.
Новосильцевъ, Николай Николаевичъ, предсѣдатель Гос. Совѣта и Комитета Министровъ, т. I, стр. 60.
Ноестъ (Noest), нѣмецкій адвокатъ, т. II, стр. 263.
Нозекъ (Nosek), т. II, стр. 267.
Норовъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 114, 206.
Нотье, юристъ, т. I, стр. 250.

О.

Обнинскій, П. Н., (статья его), т. II, стр. 231.
Обнинскій, (статья его), т. II, стр. 91.
Оболенскій, кн. А. Д., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Оболенскій, кн., (дѣло), т. II, стр. 611.
Овсянниковъ, (дѣло), т. II, стр. 673, 676, 723.
Огаревъ, Николай Платоновичъ, поэтъ и публицистъ, т. I, стр. 155, 158, 159, 404.
Огаревъ, ген.-ад. т. I, стр. 226.
Оксъ, М. А., т. II, стр. 675.
Окуловъ, Н. М., старшій предсѣдатель Казанской судебной палаты, т. II, стр. 107.
Окуневъ, (статьи его), т. II, стр. 22, 61.
Окуневъ, мировой судья, т. II, стр. 446.
Ольденбургскій, (Георгій Петровичъ), принцъ, новгородскій и тверской ген.-губ., т. I, стр. 18.
Ольденбургскій, принцъ Петръ Георгіевичъ, т. I, стр. 206, 207; т. II, стр. 767.
Ольхинъ, мировой судья, т. II, стр. 53.
Орвитъ (дѣло), т. II, стр. 147.
Оріу (Hauriou), т. II, 532.
Орландо (Orlando), итальянскій политическій дѣятель, т. I, стр. 420, 459.
Орловъ, кн. А. Ф., т. I, стр. 288.
Орловъ, кн., Николай, ген.-адъютантъ, т. I, стр. 202, 204.
Осецкій, Ф., (статья его), т. I, стр. 522.
Осиповъ, А. М., казанскій профессоръ, т. II, стр. 230.
Остриковъ, (его статья), т. II, стр. 231.
Островлева, (дѣло), т. I, стр. 280, 284; т. II, стр. 608, 609.
Островскій, (Александръ Николаевичъ), драматургъ, т. I, стр. 44.
Островскій, (Михаилъ Николаевичъ), членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672, 697.
Острогорскій, издатель „Юридическаго календаря", т. II, стр. 260, 268.
Отто (Otto), т. II, 262, 263, 264, 266.
Офросимовъ, депутатъ владимірскаго комитета, т. I, стр. 80, 81, 83, 84, 139.

П.

Павелъ I, Императоръ, т. I, стр. 9, 13, 43.
Павловъ-Сильванскій, Н. П., т. I, стр. 216, 219.
Пазухинъ, Алексѣй Дмитріевичъ, предвод. дворянства, т. II, стр. 686, 687.

Палаузовъ, Владиміръ Николаевичъ, профессоръ, т. I, стр. 249.
Палемъ, Ольга, (дѣло), т. II, стр. 309, 316, 317, 721.
Паленъ, гр., Константинъ Ивановичъ, псковскій губернаторъ, позднѣе министръ юстиціи, т. I, стр. 219, 342, 360, 361, 510, т. II, стр. 2, 11, 13, 30, 31, 32, 33, 40, 55, 57, 102, 103, 141, 142, 273, 504, 505, 518, 567, 570, 577, 582, 583, 597, 598, 599, 600, 603, 604, 605, 633, 673.
Панаевъ, (дѣло), т. II, стр. 613.
Панафидинъ, членъ С.-Петербургскаго окружного суда, т. II, стр. 593.
Панинъ, гр. (Викторъ Никитичъ), министръ юстиціи, позднѣе главноупр. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцел., т. I, стр. 29, 59, 95, 133, 141, 161, 178, 180, 183, 203, 206, 207; т. II, стр. 562, 595, 596, 660.
Пассоверъ, адвокатъ, т. II, стр. 778.
Пастуховъ, редакторъ „Московскаго Листка", т. II, стр. 610.
Патай (Pattai), т. II, стр. 377.
Паукеръ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 700.
Пахманъ, юристъ, т. I, стр. 310.
Пейчъ, супруги, (дѣло), т. II, стр. 611, 666.
Пересыпкинъ, (дѣло), т. II, стр. 549.
Перетцъ, (Е. А.), кол. сов., т. I, стр. 179, 180.
Перетцъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 671, 673, 698.
Петерсонъ, мировой судья, т. II, стр. 26.
Петерсъ, (Карлъ Карловичъ), сенаторъ, т. II, стр. 99, 100, 218.
Петровскій, (авторъ книги „О Сенатѣ"), т. II, стр. 201.
Петровскій, помощникъ столоначальника рыбинскаго магистрата, т. I, стр. 34.
Петровъ, оберъ-секретарь Сената, т. I, стр. 30.
Петръ Великій, Императоръ, т. I, стр. 4, 5, 23, 41, 59, 255, 283, 295, 297, 306, 346, 363, 395, 495, 516, 609; т. II, стр. 198, 200, 201, 202, 248, 439, 453, 708.
Пижо, членъ комиссіи по составленію устава гражд. суд. во Франціи, т. I, стр. 243.
Пизанелли, итальянскій министръ юстиціи, т. I, стр. 246, 478.
Пининскій, гр., членъ австрійской палаты господъ, т. II, стр. 177, 180, 181.
Писаревъ, (Дмитрій Ивановичъ), критикъ, т. I, стр. 304.
Писемскій, (Алексѣй Ѳеофилактовичъ), писатель, т. I, стр. 44.
Пискунова, (дѣло), т. II, стр. 149.
Пихно, редакторъ „Кіевлянина", т. II, стр. 610.
Плавскій, А. М., т. с., т. I, стр. 124, 126, 179, 224.
Планкъ, т. I, стр. 478, 603, 605, 606, 625, 634, 644, 646, 649, 652, 679.
Платоновъ, Степанъ Ѳедоровичъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, т. I, стр. 234, 284; т. II, стр. 778.
фонъ-Плеве, Вячеславъ Константиновичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248, 670, 672.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, оберъ-секретарь Сената, затѣмъ оберъ-прокуроръ Синода, позднѣе членъ Гос. Сов., т. I, стр. 28, 73, 99, 118, 123, 124, 126, 154, 179, 180, 213, 218, 224, 294; т. II, стр. 59, 208, 598, 605, 619, 620, 621, 645, 656, 670, 672, 683, 697, 701, 756, 758.
Поворинскій, А., составитель сборниковъ, т. II, стр. 291, 754, 755.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, историкъ, т. I, стр. 66, 71, 74, 98, 149, 235, 236, 283.
Позенъ, депутатъ полтавскаго комитета, т. I, стр. 88, 89.

Познякъ, Яковъ Аникіевичъ, сенаторъ, т. I, стр. 199.
Полнеръ, юрисконсультъ Синода, т. I, стр. 396, 397.
Половцевъ, Александръ Александровичъ, сенаторъ, государственный секретарь, т. II, стр. 248.
Половцовъ, сенаторъ, т. II, стр. 684, 701.
Половцовъ, представитель Министерства Госуд. Имуществъ, т. I, стр. 383.
Полозовъ, Н., (статья его), т. I, стр. 99.
Полюмбецкій, А. А., (статья его), т. I, стр. 99.
Пономаревъ, кабатчикъ, т. II, стр. 611.
Поповъ, надв. сов., могилевскій губ. прокуроръ, т. I, стр. 179, 180.
Пороховщиковъ, (статья его), т. II, стр. 231.
Посошковъ, Иванъ Тихоновичъ, крестьянинъ, авторъ сочиненія „О скудости и богатствѣ", т. I, стр. 41, 283.
Поступальскій, судебный слѣдователь Лаишевскаго уѣзда, т. II, стр. 72, 73.
Посьетъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672, 699.
Потаповъ, ген.-ад., командующій войсками Виленскаго округа, т. II, стр. 555.
Прасоловъ, Василій, (дѣло), т. II, стр. 317.
Принтцъ, Николай Густавовичъ, надв. сов., симбирскій губ. прокуроръ, позднѣе сенаторъ, т. I, стр. 179, 180, 213, 295; т. II, стр. 761, 762.
Протасовъ, судья, т. II, стр. 53.
Протопоповъ, депутатъ отъ губернскаго комитета, т. I, стр. 97, 154.
Псіолъ, предсѣдатель Конотопскаго мирового округа, т. II, стр. 22.
Пузановъ, предсѣдатель Курскаго суда, т. II, стр. 608.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, т. I, стр. 74, 201.
Пушкинъ, дѣло, т. I, стр. 24.
Пчелинъ, купецъ, фабрикантъ, т. I, стр. 14.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, редакторъ журнала „Современникъ", т. I, стр. 323, 325; т. II, стр. 592, 593, 633.

Р.

Разовскій, Авзеръ, купецъ, т. I, стр. 31.
Рейдницъ (Reidnitz), т. II, стр. 254, 262, 263, 264, 266.
Рейнке, Николай Михайловичъ, сенаторъ, т. I, стр. 257.
Рейтернъ, гр. Михаилъ Христофоровичъ, министръ финансовъ, т. II, стр. 565, 570, 578, 673, 700.
Рейтцъ, историкъ права, т. I, стр. 309.
Рейше (Reusche), т. I, стр. 514.
Рембелинскій, Н. (М.), прикомандированный къ Госуд. Канцеляріи, т. I, стр. 245, 251.
Рено (Renaud, A.), т. I, стр. 495, 525, 532, 539, 549, 555, 564, 565.
Реньяръ, т. I, стр. 249.
Рербергъ, Ѳ. И., ген.-лейт., сенаторъ, т. I, стр. 199.
Ринтеленъ (Rintelen), В., т. I, стр. 586.
Рихтеръ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 700.
Робеспьеръ, т. I, стр. 243, 282.
Ровинскій, Дмитрій Александровичъ, моск. губ. прок., позднѣе сенаторъ, т. I, стр. 29, 123, 124, 126, 138, 179, 180, 181, 213, 224, 252, 364, 551; т. II, стр. 208, 769, 770.
Родзевичъ, мировой судья, т. II, стр. 742.
Родіоновъ, писатель, т. II, стр. 788.
Розеггеръ, австрійскій писатель, т. II, стр. 729.
Розенфельдъ (Rosenfeld), т. II, стр. 262, 267.
Розингъ, Иліодоръ Ивановичъ, сенаторъ, т. II, стр. 639, 644.
Розинъ, профессоръ, юристъ, т. I, стр. 627.
Розовъ, ст. сов., вице-директ. медиц. деп., т. I, стр. 179, 180.

Рокасовскій, бар., членъ Гос. Сов., т. I, стр. 114.
Ромнинъ, крестьянинъ, гласный, т. II, стр. 11.
Ростовцевъ, Яковъ Ивановичъ, ген.-ад., т. I, стр. 78, 288.
фонъ-Руберъ, предсѣд. австрійскаго кассаціоннаго суда, т. II, стр. 177, 180.
Руппенталь, нѣмецкій судебный дѣятель, т. I, стр. 248.
Рычковъ, Н., составитель сборника, т. II, стр. 506, 508, 539, 541, 542, 545, 546, 548, 549.
Рѣдкинъ, Петръ Георгіевичъ, профессоръ, юристъ, т. I, стр. 49, 99, 253, 309; т. II, 673, 700.
Рѣпинскій, Григорій Космичъ, надв. сов., начальникъ отд. въ Мин. Госуд. Имуществъ, впослѣдствіи юрисконсультъ Мин. Юст., сенаторъ, т. I, стр. 179, 189.
Рѣпинскій, Косма Григорьевичъ, сенаторъ, т. I, стр. 195.
Рюрикъ, первый русскій князь, т. I, стр. 70.

С.

Сабининъ, (сочиненіе его), т. I, стр. 562.
Сабуровъ, Андрей Александровичъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Савинъ, извозчикъ, (дѣло), т. I, стр. 280.
Савиньи, юристъ, т. I, стр. 250.
Савицкій, гродненскій уѣздный судья, т. II, стр. 658.
Саламонскій (Медвицкій), (дѣло), т. II, стр. 608.
Салмановъ, издатель Юрид. Вѣстника, т. I, стр. 297, 339.
Саломонъ, (Петръ Ивановичъ), сенаторъ, т. II, стр. 644, 700.
Салтыковъ-Щедринъ (Михаилъ Евграфовичъ), писатель, т. I, стр. 44, 293, 338; т. II, стр. 227, 722, 733, 783, 786.
Самаринъ, (Юрій Ѳедоровичъ), писатель, т. I, стр. 149.
Самойловъ, (дѣло), т. I, стр. 492, 493.
Саранчевъ, (статья его), т. II, стр. 228.
Саранчовъ, Д. (статья его), т. I, стр. 99.
Сафоновъ, (Степанъ Васильевичъ), сенаторъ, т. I, стр. 71.
Свербеевъ, т. с., самарскій губернаторъ, т. II, стр. 57.
Свиридовъ, (дѣло), т. II, стр. 608.
Свѣчинъ, (дѣло), т. II, стр. 582.
Семевскій, (Василій Ивановичъ), историкъ, т. I, стр. 59.
Семеновъ, Н. П., виленскій губ. прокуроръ, т. I, стр. 364.
Семеновъ, Н. П., (сотрудникъ „Русск. Вѣстника"), т. I, стр. 239; т. II, стр. 229.
Семеновъ, Н. П., оберъ-прокуроръ, т. I, стр. 195, 199.
Семеновъ, д. с. с. (членъ консульт. при Мин. Юст.), т. II, стр. 108.
Семеновъ, (дѣло), т. II, стр. 124.
Семеновъ-Тянъ-Шанскій, Петръ Петровичъ, быв. членъ-экспертъ и завѣдывавшій дѣлами Редакціонной Комиссіи, т. I, стр. 288.
Сенъ-Жиронъ (Saint Girons), т. I, стр. 3.
Сергій, ковенскій епископъ, т. II, стр. 666.
Сергѣевичъ, В. И., проф., т. I, стр. 309, 310.
Сергѣевскій, Николай Дмитріевичъ, проф. юристъ, т. I, стр. 310; т. II, стр. 164, 231, 747, 756.
Серебряковъ, судья, т. II, стр. 53.
Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ, историкъ, т. I, стр. 371, 372.
Сидонскій, (дѣло), т. II, стр. 539.
Симашко (Сѣмашко), Іосифъ, епископъ, т. I, стр. 214.
Симонъ (Simon), т. I, стр. 3.
Симонэ (Simonet), т. I, стр. 408.
Сіэйсъ, франц. аббатъ, т. II, стр. 167.
Скальковскій, (Константинъ Аполлоновичъ), публицистъ, т. I, стр. 240, 252.
Скарятинъ, Д. В., (статья его), т. I, стр. 326.
Скарятинъ, малоархангельскій уѣздный предв. дворянства, т. II, стр. 138.

Скарятинъ, казанскій губернаторъ, т. II, стр. 500, 612.
Скарятинъ, предсѣдатель малоархангельскаго мирового съѣзда, т. II, стр. 39.
Скедель (Skedel), т. II, стр. 266.
Скитскіе, (дѣло), т. I, стр. 643.
Слеповъ (Slepoff), т. I, стр. 47.
Случевскій, Владиміръ Константиновичъ, сенаторъ, криминалистъ, т. I, стр. 434; т. II, стр. 196, 756.
Смирновъ, (Николай Михайловичъ), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Смирновъ, Н., членъ комиссіи по устр. губ. и уѣзд. учрежд., т. I, стр. 102.
Солданъ (Soldan), т. II, стр. 264.
Соллертинскій, Иванъ Ивановичъ, тов. министра юстиціи, т. II, стр. 248.
Соллогубъ, гр., предсѣдатель комиссіи по тюремному вопросу, т. II, стр. 435.
Соловьевъ, Я. А., членъ комиссіи по устройству губерн. и уѣзд. учрежденій, т. I, стр. 102.
Соломонзенъ (Solomonsen, Olaf), т. I, стр. 671, 686.
Сольскій, (Дмитрій Мартыновичъ), членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672, 698.
Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ, проф., юристъ, т. I, стр. 99, 157, 280, 281, 295, 296, 309, 479; т. II, стр. 147, 163, 536, 608, 618, 619, 764, 777, 778, 779.
Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ, т. I, стр. 60, 65, 72, 73, 184, 292, 348, 355, 373; т. II, стр. 429, 752.
Старицкій, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 695, 698, 701.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, публицистъ, т. II, стр. 196.
Стаховичъ, авторъ газетной статьи т. I, стр. 98.
Степановъ, рядовой, (дѣло), т. II, стр. 556.
Стояновскій, Николай Ивановичъ, тов. мин. юст., членъ Гос. Сов., т. I, стр. 102, 103, 124, 126, 179, 180, 189, 214, 220, 229, 339; т. II, стр. 59, 248, 593, 671, 673, 698.
Строгановъ, гр., новороссійскій ген.-губернаторъ, т. II, стр. 74.
Струсбергъ, иностранецъ, т. II, стр. 673.
Стэнель, (дѣло), т. I, стр. 647.

Т.

Тавлеевъ, агентъ политической полиціи, т. II, стр. 604.
Таганцевъ, Николай Степановичъ, проф., сенаторъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 238, 267, 310; т. II, стр. 432, 468, 473, 531, 747, 756.
Тальбергъ, Д. Г., проф., т. I, стр. 452, 617; т. II, стр. 756.
Тамбаро (Tambaro, Ignatio), неаполитанскій профессоръ, т. I, стр. 424, 425.
Танѣевъ, членъ Гос. Сов,, т. II, стр. 673.
Тарже, французскій юристъ, т. I, стр. 244; т. II, стр. 167.
Тарновская, полковница, (дѣло), т. I, стр. 42.
Татариновъ, Валеріанъ Алексѣевичъ, госуд. контролеръ, т. II, стр. 578.
Татищевъ, С. С., историкъ, авторъ книги „Императоръ Александръ II", т. I, стр. 61, 65, 73, 214, 263, 305; т. II, стр. 580, 601, 664.
Тергукасовъ, чиновникъ, т. II, стр. 73.
Тергукасовъ, тов. предсѣд. Воронежскаго окр. суда, т. II, стр. 136.
Тиграновъ, (статья его), т. I, стр. 392.
Тизенгаузенъ, товарищъ прокурора, т. I, стр. 323.
Тимашевъ, Александръ Егоровичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, т. I, стр. 335; т. II, стр. 27, 141, 142, 518, 570, 579, 583, 672, 698.
Тимофеевскій, В. И., составитель сборника рѣшеній Сената, сенаторъ, т. II, стр. 539, 542, 545, 546, 549, 550, 551.
Титовъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 599.
Тихомировъ, Василій, (дѣло), т. II, стр. 314.
Тобинъ, историкъ права, т. I, стр. 309.

Токвиль, французскій писатель, т. I., стр. 139, 442.
Толстой, гр. Алексѣй Константиновичъ, поэтъ, т. II, стр. 707.
Толстой, гр. Дмитрій Андреевичъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, позднѣе мин. внутр. дѣлъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 397; т. II, стр. 562, 683, 687, 688, 689, 691, 692, 693, 694, 695, 697, 699, 700, 701, 702.
Толстой, гр. Д. Н., директоръ деп. Мин. Вн. Дѣлъ, т. I, стр. 228.
Толстой, гр. Левъ Николаевичъ, писатель, т. II, стр. 228, 782, 783, 784, 785, 786.
Толь, гр., с.-петербургскій губернаторъ, т. II, стр. 57, 58.
Топильскій, (Михаилъ Ивановичъ), директоръ департамента Министерства Юстиціи, т. I, 180.
Торманъ, проф., т. II, стр. 184.
Тотлебенъ, гр. Эдуардъ Ивановичъ, врем. одесскій ген.-губернаторъ, т. II, стр. 589.
Трегубовъ, Сергѣй Николаевичъ, д. с. с., старшій юрисконсультъ Министерства Юстиціи, т. II, стр. 112.
фонъ-Трейчке, Гейнрихъ, т. I, стр. 333 т. II, стр. 779.
Трельяръ, французскій юристъ, т. I, стр. 243, 244; т. II, стр. 167.
Треповъ, ген.-ад., с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, т. I, стр. 356, 358, 359, 360, 361; т. II, стр. 26, 101, 493, 527, 575, 576, 604.
Тронше, французскій юристъ, т. I, стр. 243.
Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ, ст.-секретарь, министръ юстиціи, т. I, стр. 18.
Трубецкой, кн., воронежскій губернаторъ, т. II, стр. 20.
Турау, Е. Ф., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, писатель, т. I, стр. 36, 74, 201, 293, 304.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, писатель, экономистъ, т. I, стр. 58, 59, 131, 214.
Турсканъ, Эльза, (дѣло), т. II, стр. 191, 192.
Туръ, Николай Андреевичъ, сенаторъ, т. I, стр. 388.
Тэнъ, Ипполитъ, французскій историкъ, т. I, стр. 282.
Тюринъ, (дѣло), т. II, стр. 47.

У.

Убри, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 700.
Ульманъ (Ullmann), т. I, стр. 547, 569.
Ульпіанъ, римскій юристъ, т. II, стр. 180.
Унгеръ (Unger), т. II, стр. 380.
Унковскій, (Алексѣй Михайловичъ), депутатъ тверского комитета, позднѣе адвокатъ, т. I, стр. 84, 85, 86, 99, 151, 156; т. II, стр. 777.
Урусовъ, кн., главноуправл. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, управляющій Мин. Юст., т. II, стр. 20, 141.
Урусовъ, кн., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 599.
Успенскій, Глѣбъ, писатель, т. II, стр. 787.
Утинъ, Борисъ Ивановичъ, проф., т. I, стр. 99, 151, 179, 180, 309.
Ушинскій, свящ., т. II, стр. 610.

Ф.

Фавръ (Favre, Jules), т. I, стр. 448.
Фейербахъ (Feuerbach), т. I, стр. 470.
Фененко, Владиміръ Ѳомичъ, предсѣдатель Орловскаго окр. суда, нынѣ сенаторъ, т. II, стр. 138.
Ферри, т. II, стр. 185, 188.
Фехтъ (Fecht), т. I, стр. 481.
Филаретъ, патріархъ, т. I, стр. 197.

Филаретъ, митрополитъ московскій, т. I, стр. 73, 203.
Филипповъ, Александръ Никитичъ, проф., т. II, стр. 203.
Филипповъ, Михаилъ Авраамовичъ, проф., т. I, стр. 54, 58, 99, 128, 166.
Филипповъ, Тертій Ивановичъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 683.
Философовъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 670, 672, 697.
Фингеръ (Finger), т. II, стр. 262, 264, 266, 267.
Финочіаро-Априли, итальянскій мин. юст., т. II, стр. 185, 186.
Фишеръ, (Константинъ Ивановичъ), сен., т. I, стр. 199.
Флеровскій (Flerowsky), т. I, стр. 71.
Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ, (профессоръ), т. I, стр. 126, 129, 130, 241, 310, 405, 406, 415, 416, 422, 434, 478, 480, 483, 486, 598, 599, 602, 609, 624, 628, 631, 648; т. II, стр. 532, 555, 756, 757.
Фонвизинъ, (Денисъ Ивановичъ), писатель, т. I, стр. 42.
Фостенъ, т. I, стр. 249.
Франкевиль (Franqueville), т. I, стр. 410, 425, 444.
Фрейденштейнъ (Freudenstein), т. II, стр. 264.
Фреймутъ (Freimut), т. II, стр. 262.
Фрережуанъ (Frèrejouan du Saint), М., т. I, стр. 462, 463.
Фридрихъ Великій, прусскій король, т. I, стр. 287.
Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ, астраханскій губерн. прокуроръ, позднѣе статсъ-секретарь, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 364; т. II, стр. 140, 248, 671, 673, 681, 682, 698.
Фролова, купеческая жена, т. II, стр. 522, 523.
Фуксъ, Викторъ Яковлевичъ, т. I, стр. 121, 128, 144, 220, 239, 240; т. II, стр. 228, 229, 617, 756, 764.
Фуксъ (Fuchs), т. II, стр. 263, 264.
Фундуклей, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 599.

Х.

Харитоновъ, А. А., т. I, стр. 214.
Хартулари, (Константинъ Ѳедоровичъ), адвокатъ и писатель, т. I, стр. 147; т. II, стр. 778.
Хвостовъ, А. А., тов. министра юстиціи, т. II, стр. 248.
Хвостовъ, Борисъ Николаевичъ, вице-директоръ департамента Министерства Юстиціи, т. I, стр. 189.
Хомутовъ, членъ Гос. Сов., т. I, стр. 206.
Хомяковъ, (Алексѣй Степановичъ), писатель, поэтъ, т. I, 99, 316.
Худинъ, (дѣло), т. I, стр. 280, 281; т. II, стр. 608.

Ц.

Цахаріе (Zachariae), т. I, стр. 599, 606, 628, 633, 634, 642, 644, 646, 652, 664, 667, 679.
Цертелевъ, кн., членъ Одесской суд. палаты, т. II, стр. 49.
Цитовичъ, (Петръ Павловичъ), юристъ, т. II, стр. 756.
Цицеронъ, т. II, стр. 658.
Цухановъ, Н., (статьи его), т. II, стр. 128, 189.

Ч.

Чапкинъ, (дѣло), т. II, стр. 141.
Чарыковъ, д. с. с., вятскій губернаторъ, т. II, стр. 494.
Чеброва, (дѣло), т. II, стр. 149.
Чебышевъ-Дмитріевъ, Александръ Павловичъ, проф., ред. Журн. Мин. Юст.,

т. I, стр. 99, 309, 339, 385, 410, 455, 481, 482.
Чемадуровъ, (Яковъ Яковлевичъ), сенаторъ, т. II, стр. 50.
Чернасскій, кн. (Владиміръ Александровичъ), т. I, стр. 149.
Черноглазовъ, (Владиміръ Григорьевичъ), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Чернышевскій, (Николай Гавриловичъ), писатель, т. I, стр. 304.
Чертковъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673, 700.
Чертовъ, (Павелъ Аполлоновичъ), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Чеховъ, (Антонъ Павловичъ), писатель, т. II, стр. 787, 788.
Чистяковъ, П. С., присяжный повѣренный, т. II, стр. 767.
Чихачевъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 700.
Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ, ученый, т. I, стр. 71, 73, 145, 154, 219, 308, 309, 325; т. II, стр. 164, 195.
Чичеринъ, (Владиміръ), предсѣд. Кирсановскаго мир. съѣзда, т. II, стр. 39.
Чубинскій, (Михаилъ Павловичъ), проф., т. I, стр. 188; т. II, стр. 632.

Ш.

Шамшинъ, (Иванъ Ивановичъ), сенаторъ, т. II, стр. 6, 684, 695.
Шаньшинъ, рядовой, (дѣло), т. II, стр. 556.
Шатобріанъ, французскій писатель, т. I, стр. 30.
Шаховской, кн. Мих., сост. за оберъ-прокур. столомъ въ Сенатѣ, т. I, стр. 198, 199.
Шаховъ, Александръ Николаевичъ, старшій предсѣдатель Московской судебной палаты, позднѣе сенаторъ, т. II, стр. 107, 636, 637, 642.
Шварце, Фридрихъ-Оскаръ, докторъ, саксонскій ген.-прокуроръ, т. II, стр. 167, 169.
Шварце, т. I, стр. 249.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, проф., т. I, стр. 149, 236.
фонъ-Шей, членъ австрійской палаты господъ, т. II, стр. 180, 181.
Шекспиръ, англійскій писатель, т. II, стр. 412.
Шелгуновъ, публицистъ, т. I, стр. 67.
Шереметевъ, гр., (дѣло), т. I, стр. 19.
Шершеневичъ, (Г. Ф.), проф., юристъ, т. I, стр. 265; т. II, стр. 380.
Шестаковъ, членъ Гос. Сов., т. II, стр. 673.
Шечковъ, (Сергѣй Николаевичъ), ст. сов., предс. Курской гражд. палаты, т. I, стр. 179, 180.
Шибаевъ, (дѣло), т. II, стр. 526.
Шидловскій, тульскій губернаторъ, т. II, стр. 75.
Шиллеръ, поэтъ, т. II, стр. 180.
Шилль, У., авторъ статьи, т. I, стр. 297.
Ширковъ, Василій Петровичъ, т. I, стр. 609, 610.
Шмерлингъ, австрійскій юристъ, т. II, стр. 176.
Шпееръ, купецъ, (дѣло), т. II, стр. 523.
Шпергазе, часовыхъ дѣлъ мастеръ, т. I, стр. 368.
Шрамъ (Schramm), т. II, 262, 263, 264, 266.
Шрейберъ, Николай Николаевичъ, начальникъ уголовнаго отдѣленія Мин. Юст., позднѣе членъ Гос. Сов., т. I, стр. 189; т. II, стр. 248.
Шрутка-Эдлеръ-фонъ-Рехтенштамъ, т. I, стр. 536.
Штемпфъ (Stempf), т. I, стр. 526, 532.
Штернъ, митавскій гражданинъ, т. I, стр. 34.
Штурмъ (Sturm), т. II, стр. 262, 266.
Шуберскій, авторъ статьи, т. I, стр. 157, 158.
Шубинъ, (Дмитрій Павловичъ), ст. сов., помощ. статсъ-секретаря, т. I, стр. 124, 126, 179, 180.

Шуваловъ, Петръ Андреевичъ, шефъ жандармовъ, т. I, стр. 102, 228; т. II, стр. 513, 562.
Шуваловъ, гр., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 672.

Щ.

Щегловитовъ, Иванъ Григорьевичъ, статсъ-секретарь, министръ юстиціи, т. I, стр. 140, 288, 365, 479, 480, 484, 485, 558, 683; т. II, стр. 112, 113, 124, 148, 231, 248.
Щербачевъ, А. Н., членъ Гос. Сов., т. II, стр. 248.
Щербининъ, (Михаилъ Павловичъ), сенаторъ, т. I, стр. 193.

Э.

Экснеръ, Адольфъ, австрійскій юристъ, т. I, стр. 426.
Элли, т. I, стр. 249.
Эллисъ, полк., (дѣло), т. II, стр. 95.
Эльтековъ, купеческій сынъ, (дѣло), т. I, стр. 34.
фонъ-Энгель, австрійскій юристъ, судья, т. I, стр. 438, 443, 452, 458, 467.
Эндеманъ (Endemann), Вильгельмъ, т. I, стр. 501, 532, 538, 539, 547, 548, 555, 564, 565.
Энсонъ (Anson), В., англійскій государствовѣдъ, т. I, стр. 410, 444.
Эсменъ (Esmein), А., французскій государствовѣдъ, т. I, стр. 402, 425.
Этнеръ (Oetker), т. II, стр. 190.
Эттингеръ (Ettinger), т. II, стр. 262.

Ю.

Юреневъ, П., (статья его), т. I, стр. 522.
Юханцевъ, (дѣло), т. II, стр. 723.

Я.

Ягужинскій, (Павелъ Ивановичъ), генералъ-прокуроръ, т. II, стр. 203.
Якоби, тов. прокур., т. II, стр. 593.
Яковенко, дворянскій засѣдатель Енотаевскаго уѣзднаго суда, т. II, стр. 659.
Яковлевъ, (Михаилъ Лукьяновичъ), сенаторъ, т. I, стр. 199.
Яковлевъ, (заводчикъ), т. I, стр. 18.
Яневичъ-Яневскій, К., (статьи его), т. I, стр. 99, 253.
Янковскій, ген.-м., полтавскій губернаторъ, т. II, стр. 57.
Яснопольскій, Н. П., (книга его), т. I, стр. 312.

Географическій указатель.

А.

Ааргау, кантонъ, т. I, стр. 250; т. II, стр. 182.
Австрія, т. I, стр. 239, 247, 248, 257, 377, 410, 422, 423, 443, 446, 448, 449, 450, 451, 452, 459, 474, 483, 495, 498, 503, 507, 509, 522, 574, 578, 587, 615, 682, 683; т. II, стр. 160, 167, 168, 175, 176, 177, 180, 182, 242, 243, 252, 253, 254, 257, 262, 263, 265, 268, 274, 277, 609.
Акмолинская область, т. II, стр. 158, 286.
Америка, т. I, стр. 129, 252.
Америка Сѣверная, т. I, стр. 619, 627.
Амурская область, т. II, стр. 158.
Англія, т. I, стр. 48, 99, 129, 139, 151, 168, 208, 217, 231, 239, 250, 252, 253, 261, 272, 301, 410, 444, 458, 487, 472, 479, 480, 595, 598, 603, 607, 608, 619, 626, 627, 633, 644, 656, 671, 675, 682; т. II, стр. 84, 166, 164, 252, 263, 267, 277, 620.
Аппенинскій полуостровъ, т. I, стр. 246.
Аппенцель внутри Родена, кантонъ, т. II, стр. 182.
Аппенцель внѣ Родена, кантонъ, т. II, стр. 182.
Архангельская губ., т. I, 167, 497, 509; т. II, стр. 3, 108, 158.
Астраханская губ., т. I, стр. 222, 415; т. II, стр. 3, 69, 158, 659.
Астрахань, г., т. II, стр. 75.
Ахалъ-Текинская крѣпость, т. II, стр. 790.
Аугсбургъ, г., т. II, стр. 171.
Аѳины, т. I, стр. 122.

Б.

Баварія, т. I, стр. 202, 248, 422, 423, 459, 478, 481; т. II, стр. 254, 263.
Баденъ, т. I, стр. 247, 249, 250, 251, 410, 474, 479; т. II, стр. 169, 532.
Базель, г., т. II, стр. 182.
Базельландъ, полукант., т. II, стр. 182.
Бахмутскій уѣздъ, т. II, стр. 1, 42.
Бельгія, т. I, стр. 129, 202, 252, 613; т. II, стр. 252, 254, 267, 277.
Берлинъ, г., т. I, стр. 287; т. II, стр. 263.
Бернъ, кантонъ, т. II, стр. 182, 184.
Бессарабская губ., т. II, стр. 1, 36.
Бессарабская область, т. I, стр. 175.
Бирюченскій уѣздъ, т. II, стр. 20.
Бирючъ, г., т. II, стр. 20.
Бобруйскій уѣздъ, т. II, стр. 81.
Болгарія, т. II, стр. 169.
Боровичи, г., т. I, стр. 230.
Боровичскій уѣздъ, т. II, стр. 26.
Боснія, т. II, стр. 169, 170.
Брауншвейгъ, герцогство, т. I, стр. 248, 495, 620, 669; т. II, 254.
Бременъ, г., т. II, стр. 169.

Бронницкій уѣздъ, т. II, стр. 553.
Будапештъ, г., т. II, стр. 191.
Бухарское ханство, т. I, стр. 497.
Бѣлозерскъ (Бѣлоозеро), г., т. II, стр. 771.
Бѣлостокъ, г., т. I, стр. 31.

В.

Вадтъ, кантонъ, т. II, стр. 182, 183, 184.
Валлисъ, кантонъ, т. II, стр. 182,
Варшава, г., т. I, стр. 257; т. II, стр. 588.
Варшавское герцогство, т. I, стр. 256, 257.
Веймаръ, г., т. I, стр. 250.
Великоустюжскій уѣздъ, т. II, стр. 2.
Венгрія, т. I, стр. 246, 247, 674; т. II, стр. 166, 190, 191, 193, 194.
Ветлуга, г., т. II, стр. 26.
Ветлужскій уѣздъ, т. II, стр. 26.
Виленская губ., т. I, стр. 14; т. II, стр. 3.
Виртембергъ, королевство, т. I, стр. 202, 248, 249, 479; т. II, стр. 169.
Висбаденъ, г., т. II, стр. 171.
Витебская губ., т. II, стр. 3.
Витебскъ, г., т. II, стр. 111.
Владимірская губ., т. II, стр. 1, 769.
Волга, р., т. I, стр. 28.
Вологодская губ., т. I, стр. 509; т. II, стр. 1, 50, 158.
Волчанскъ, г., т. II, стр. 611.
Волынская губ., т. II, стр. 3.
Вольскій уѣздъ, т. II, стр. 47.
Воронежская губ., т. I, стр. 96; т. II, стр. 1.
Вѣна, г., т. I, стр. 443.
Вятская губ., т. I, стр. 175; т. II, стр. 2, 9, 10, 11, 39, 677.

Г.

Гамбургъ, г., т. II, стр. 169.
Ганноверъ, т. I, стр. 168, 247, 248, 250, 479, 495; т. II, стр. 169, 254, 262.
Германія, т. I, стр. 48, 99, 129, 164, 239, 247, 248, 249, 252, 261, 485, 495, 498, 501, 503, 505, 507, 522, 525, 549, 553, 574, 578, 612, 615, 617, 621, 638, 640, 669, 683; т. II, стр. 160, 167, 168, 169, 171, 172, 175, 179, 255, 257, 262, 263, 265, 268, 274, 609, 780.
Герцеговина, т. II, стр. 169, 170.
Гессенъ, вел. герцогство, т. I, стр. 248; т. II, стр. 532.
Глазовскій уѣздъ, т. II, стр. 9.
Гларусъ, кантонъ, т. II, стр. 182.
Голландія, т. I, стр. 247, 613.
Граубюнденъ, кантонъ, т. I, стр. 250; т. II, стр. 182.
Греція, т. I, 54, 55.
Гродненская губ., т. II, стр. 3, 658.

Д.

Данковъ, г., т. II, стр. 549.
Дерптъ, т. I, стр. 311.
Дмитровскій уѣздъ, т. II, стр. 8.
Дмитровъ, г., т. II, стр. 141.
Днѣпровскій уѣздъ, т. II, стр. 9.
Днѣпръ, р., т. II, стр. 496,

Е.

Европа Западная, т. I, стр. 55, 60, 107, 108, 124, 129, 136, 148, 162, 236, 241, 242, 247, 249, 250, 251, 260, 268, 279, 494, 497, 501, 525, 535, 548, 564, 568, 569.
Екатеринославская губ., т. II, стр. 1, 35.
Екатеринославъ, г., т. II, стр, 136.
Енисейская губ., т. II, ст. 158.

Ж.

Женева, г., т. I, стр. 129, 245, 247, 252; т. II, стр. 182.
Женевскій кантонъ, т. II, стр. 185.

З.

Забайкальская область, т. II, стр. 158.
Закавказскій край, т. II, стр. 284.
Закавказье, т. I, стр. 496, 509, 510; т. II, стр. 284.
Закаспійская область, т. II, стр. 3, 286, 791.
Залѣсье, дер. Новгородскаго уѣзда, т. II, стр. 613.
Золотурнъ, кантонъ т. II, стр. 182.

И.

Индія Британская, т. II, стр. 170.
Иркутская губ., т. II, стр. 158.
Испанія, т. I, стр. 202, 247, 613; т. II, стр. 194, 532.
Италія, т. I, стр. 129, 164, 239, 246, 247, 252, 266, 377, 410, 411, 413, 422, 423, 424, 429, 433, 436, 437, 438, 443, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 461, 465, 467, 475, 477, 478, 479, 481, 498, 613, 669, 674; т. II, стр. 186, 193.

К.

Кавказъ, т. I, стр. 8, 478; т. II, стр. 3, 111, 790.
Казанская губ., т. I, стр. 28; т. II, стр. 2, 106, 137.
Казань, г., т. II, стр. 500, 633, 677.
Калужская губ., т. II, стр. 1, 26, 28, 769.
Китай, т. I, стр. 202.
Кіевская губ., т. II, стр. 3, 588, 604.
Клинскій уѣздъ, т. II, стр. 426.
Кобургъ-Гота (Саксенъ-Кобургъ-Гота), герцогство, т. I, стр. 250.
Ковенская губ, т. II, стр. 3.
Костромская губ., т. II, стр. 2.
Кроація, т. I, стр. 247.
Кронштадтъ, г., т. II, стр. 554.
Крымскій полуостровъ, т. II, стр. 791.
Крымъ, т. I, стр. 122.
Кубанская область, т. I, стр. 544.
Кургессенъ, т. I, стр. 248; т. II, стр. 169.
Курляндская губ., т. I, стр. 256.
Курская губ., т. I, стр. 21, 30, 52; т. II, стр. 1, 26, 515, 623.
Курскій уѣздъ, т. II, стр. 8.

Л.

Лахта, т. I, стр. 280.
Лебедянскій уѣздъ, т. II, стр. 1.
Липецкій уѣздъ, т. II, стр. 1.
Липпе-Детмольдъ, княжество, т. I, стр. 501.
Литва, т. I, стр. 37.
Лифляндская губернія, т. I, стр. 256.
Лозанна, г., т. II, стр. 112, 183.
Лондонъ, г., т. I, стр. 675.
Лужскій уѣздъ, т. II, стр. 34.
Льговскій уѣздъ, т. I, стр. 52.
Люксембургъ, вел. герц., т. II, стр. 532.
Люцернъ, г., т. II, стр. 182.

М.

Малоархангельскъ, г., т. II, стр. 139.
Мещовскій уѣздъ, т. II, стр. 51.
Минская губ., т. II, стр. 3.
Миргородъ, г., т. II, стр. 147.
Могилевская губ., т. II, стр. 3.
Москва, г., т. I, стр. 37, 154, 228, 311, 394, 517; т. II, стр. 21, 31, 98, 111, 151, 437, 443, 446, 588, 614.
Московская губ., т. I, стр. 163; т. II, стр. 1, 2, 8, 21, 769.
Мюнхенъ, г., т. II, стр. 171.

Н.

Нассау (герцогство), т. I, стр. 248, 620.
Нахичевань, г., т. II, стр. 76, 77.
Неаполь, г., т. I, стр. 669.
Невшательскій кантонъ, т. II, стр. 182, 184.
Нидерланды, т. I, стр. 202; т. II, стр. 182, 532.

Нижегородская губ., т. II, стр. 1, 26, 608, 657.
Никольскій уѣздъ, т. II, стр. 2.
Новгородская губ., т. II, стр. 1, 26.
Новгородскій уѣздъ, т. II, стр. 613.
Новгородъ, г., т. I, стр. 160, 394.
Новоузенскій уѣздъ, т. II, стр. 8.
Нолинскъ, г., т. II, стр. 18.
Норвегія, т. I, стр. 633, 637, 671; т. II, стр. 170.

О.

Обервальденъ, т. II, стр. 182.
Одесса, г., т. I, стр. 390; т. II, стр. 136, 588, 604.
Олонецкая губ., т. II, стр. 2, 9, 11, 14, 33, 34, 158.
Ольденбургъ, т. I, стр. 248, 250, 479, 495, 501; т. II, стр. 169.
Орелъ, г., т. II, стр. 18.
Оренбургская губ., т. I, стр. 415; т. II, стр. 3, 158.
Орловская губ., т. I, стр. 31; т. II, стр. 1, 8, 11, 12, 27, 30, 32, 494.

П.

Павловскъ, г., т. I, стр. 43.
Парижъ, г., т. I, стр. 161, 173, 253, 269, 446, 449, 450; т. II, стр. 112.
Парма, т. I, стр. 669.
Пензенская губ., т. I, стр. 30, 71; т. II, стр. 2.
Пермская губ., т. I, стр. 51; т. II, стр. 9, 14, 18, 61, 677.
Петроградская (С.-Петербургская) губ., т. I, стр. 163; т. II, стр. 1, 2, 21, 34, 130, 588.
Петроградъ, г., т. I, стр. 67, 70, 76, 77, 106, 148, 154, 158, 159, 194, 205, 216, 226, 228, 291, 326, 330, 339, 356, 367, 496, 517, 593; т. II, стр. 21, 26, 31, 98, 111, 112, 114, 284, 437, 446, 485, 505, 525, 528, 558, 583, 588, 604, 614, 673, 724.
Петропавловская крѣпость, т. II, стр. 514.
Повѣнецкій уѣздъ, т. II, стр. 9.
Подольская губ., т. II, стр. 3.
Подольскій уѣздъ, т. II, стр. 426.
Полтавская губ., т. II, стр. 1, 26.
Польша, т. I, стр. 37, 215, 256, 257; см. также **Царство Польское.**
Португалія, т. I, стр. 202.
Поющинская лѣсная дача, т. II, стр. 29,
Прибалтійскій край, т. II, стр. 3, 158, 250, 289, 294, 303, 320, 321.
Прибалтійскія губерніи, т. I, стр. 256; т. II, стр. 485, 486, 534, 588.
Привислинскія губерніи, т. I, стр. 256, 495, 534, 588; т. II, стр. 303.
Пруссія, т. I, стр. 202, 248, 315, 402, 419, 422, 423, 429, 433, 436, 446, 449, 450, 451, 459, 474, 481, 549; т. II, стр. 254, 262.
Псковская губ., т. II, стр. 1, 34, 130,
Псковъ, г., т. II, стр. 504.
Пудожскій уѣздъ, т. II, стр. 9.
Пьемонтъ, т. I, стр. 246, 250, 266, 669.

Р.

Рейнскія провинціи, т. I, стр. 248.
Римъ, г., т. I, стр. 478; т. II, стр. 253.
Россія, т. I, стр. 4, 9, 11, 13, 23, 27, 35, 36, 39, 40, 47, 48, 58, 59, 60, 61, 63, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 76, 79, 80, 86, 97, 98, 99, 107, 108, 110, 111, 115, 118, 122, 125, 126, 131, 142, 145, 146, 147, 148, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 173, 174, 184, 188, 195, 212, 213, 217, 218, 219, 223, 224, 225, 226, 231, 233, 234, 236, 237, 240, 253, 255, 256, 257, 258, 260, 263, 276, 279, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 299, 300, 301, 305, 308, 310, 311, 312, 314, 315, 316,

317, 321, 322, 326, 332, 334, 343, 346, 347, 348, 371, 372, 374, 376, 379, 383, 388, 389, 394, 395, 401, 404, 454, 470, 488, 490; т. II, стр. 2, 3, 8, 24, 31, 68, 78, 85, 91, 97, 98, 99, 100, 111, 116, 147, 149, 151, 160, 162, 163, 164, 195, 198, 200, 202, 212, 216, 250, 256, 268, 281, 282, 283, 285, 290, 291, 295, 297, 306, 314, 337, 345, 346, 347, 356, 414, 416, 418, 423, 425, 426, 428, 431, 435, 436, 442, 535, 586, 614, 618, 620, 657, 659, 686, 690, 700, 707, 708, 709, 710, 713, 717, 718, 721, 723, 724, 726, 727, 730, 731, 734, 735, 736, 739, 742, 745, 746, 752, 753, 754, 757, 760, 761, 763, 765, 767, 774, 779, 780, 788, 790, 791, 792.

Россія Азіатская, т. I, стр. 478.

Рѣчицкій уѣздъ, т. II, стр. 81.

Рязанская губ., т. II, стр. 1, 769.

Рязань, т. II, стр. 111.

С.

Саксенъ-Кобургъ-Гота, см. **Кобургъ-Гота.**

Сансонія, т. I, стр. 248, 249, 422, 423, 459, 474, 479; т. II, стр. 169, 254, 262.

Самаркандская область, т. II, стр. 286.

Самарская губ., т. II, стр. 2, 11.

С.-Петербургская губ., см. **Петроградская.**

С.-Петербургъ, см. **Петроградъ.**

Саранскій уѣздъ, т. I, стр. 30.

Саратовская губ., т. II, стр. 2.

Сардинія, т. I, стр. 202, 246; т. II, стр. 532.

Севастополь, г., т. II, стр. 790.

Семеновъ, г., т. II, стр. 608.

Семипалатинская область, т. II, стр. 158, 286.

Семирѣченская область, т. II, стр. 286.

Сенъ-Галленъ, кантонъ, т. II, стр. 182.

Сербія, т. II, стр. 169.

Сибирь, т. I, стр. 8, 478, 497, 509; т. II, стр. 3, 108, 111, 144, 286, 719.

Сибирь Восточная, т. II, стр. 586.

Сибирь Западная, т. I, стр. 31; т. II, стр. 149, 440.

Симбирская губ., т. I, стр. 14; т. II, стр. 2, 32.

Симбирскъ, г., т. I, стр. 330.

Славонія, провинція, т. I, стр. 247.

Славяносербскій уѣздъ, т. II, стр. 1.

Смоленская губ., т. I, стр. 14; т. II, стр. 2.

Сольвычегодскій уѣздъ, т. II, стр. 2.

Спасскій уѣздъ, т. II, стр. 47.

Ставропольская губ., т. I, стр. 415.

Степныя области, т. I, стр. 497, 509; т. II, стр. 3, 108.

Столбовая, станція, т. II, стр. 426.

Сыръ-Дарьинская область, т. II, стр. 286.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, т. I, стр. 122, 168.

Т.

Таврическая губ., т. II, стр. 1.

Таганрогская таможня, т. II, стр. 676.

Тамбовская губ., т. II, стр. 1, 2, 138.

Тверская губ., т. II, стр. 1, 769.

Тверь, г., т. II, стр. 111.

Терская область, т. I, стр. 544.

Тессинскій кантонъ, т. II, стр. 169, 170, 182, 183.

Тимъ, г., т. II, стр. 608.

Тобольская губ., т. II, стр. 158.

Томская губ., т. II, стр. 158.

Тоскана, пров., т. I, стр. 250, 669.

Трубчевскій уѣздъ, т. II, стр. 29.

Тульская губернія, т. I, стр. 163; т. II, 1, 26, 769.

Тургайская область, т. II, стр. 286.

Тургау, кантонъ, т. II, стр. 182.

Туркестанскій край, т. II, стр. 108, 312.

Туркестанъ, т. I, стр. 478, 497, 509; т. II, стр. 111.

Турція, т. I, стр. 5.

У.

Уральская область, т. II, стр. 158, 286.
Ури, кантонъ, т. II, стр. 182.
Усманскій уѣздъ, т. II, стр. 1.
Успенская лѣсная дача, т. II, стр. 29.
Устьсысольскій уѣздъ, т. II, стр. 2, 158.
Устюжна, г., т. I, стр. 230; т. II, стр. 771.
Уфимская губ., т. II, стр. 2, 158.

Ф.

Ферганская область, т. II, стр. 286.
Финляндія, т. I, стр. 256.
Франкфуртъ на Майнѣ, г., т. II, стр. 169, 171.
Франція, т. I, стр. 48, 60, 99, 100, 129, 137, 142, 143, 168, 197, 202, 217, 231, 239, 242, 244, 245, 252, 255, 257, 260, 261, 269, 270, 277, 278, 281, 282, 404, 410, 411, 412, 413, 417, 418, 422, 429, 431, 433, 436, 443, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 455, 460, 461, 464, 466, 467, 471, 473, 480, 482, 483, 495, 496, 497, 509, 525, 562, 574, 578, 579, 587, 607, 613, 619, 634, 647; т. II, стр. 97, 99, 100, 168, 242, 243, 252, 254, 255, 263, 266, 267, 277, 532, 533.
Фрейбургъ (Фрибургъ), кантонъ, т. I, стр. 250; т. II, стр. 182, 184.

Х.

Харьковская губ., т. II, стр. 1, 2.
Харьковъ, г., т. II, стр. 258, 529, 588.
Херсонская губ., т. II, стр. 1.
Херсонъ, г., т. II, стр. 496, 507.
Хивинское ханство, т. I, стр. 497.
Холмская губ., т. II, стр. 158.
Холмскій уѣздъ, т. II, стр. 34.

Ц.

Царское Село, г., т. I, стр. 78, 122.
Царскосельскій уѣздъ, т. II, стр. 554.
Царство Польское, т. I, стр. 256, 257; т. II, стр. 250, 294, 321.
Цугъ, кантонъ, т. II, стр. 182,
Цюрихъ, кантонъ, т. II, стр. 182; 183.

Ч.

Чебоксары, г., т. II, стр. 135.
Череповецъ, г., т. I, стр. 230; т. II, стр. 634.
Черниговская губ., т. II, стр. 2, 33.
Черниговъ, г., т. II, стр. 18.
Черноморская губ., т. I, стр. 497; т. II, стр. 108, 286.

Ш.

Шафгаузенъ, кантонъ, т. II, стр. 182.
Шафренканъ, вотчина, т. I, стр. 492.
Швейцарія, т. I, стр. 164; т. II, стр. 182.
Швицъ, кантонъ, т. II, стр. 182.
Шлезвигъ-Гольштинія, т. II, стр. 169.

Э.

Эстляндская губ., т. I, стр. 256.

Я.

Ялта, г., т. II, стр. 588.
Яренскій уѣздъ, т. II, стр. 2, 158.
Ярославская губ., т. I, стр. 34; т. II, стр. 1, 33, 769.
Ясиное, село, т. II, стр. 29.

Оглавленіе II тома.

ЧАСТЬ II.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ СТРОЙ.

(Продолженіе).

стран.

Выборный мировой судъ . . . . . **1—64**

Составилъ *С. П. Мокринскій.*

I. Должность мирового судьи по Судебнымъ Уставамъ; его призваніе . . . . . 1—7

II. Личный составъ мировыхъ судей . . . . . 8—17

III. Условія дѣятельности мировыхъ судей . . . . . 18—42

IV. Результаты дѣятельности мировыхъ судей . . . . . 42—46

V. Офиціальная оцѣнка дѣятельности мировыхъ судей . . 47—64

Слѣдственная часть . . . . . **65—114**

Составилъ *Б. Л. Бразоль.*

Указъ 8 іюня 1860 г. объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи. Причины, вызвавшія реформу 1860 г. Слѣдственная часть въ періодъ 1860 г. до введенія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Институтъ судебныхъ слѣдователей по Уставамъ 1864 г. Послѣдствія реформы. Отношеніе прокуратуры къ слѣдователямъ. Дѣятельность судебныхъ слѣдователей при новыхъ судебныхъ

СТРАН.

порядкахъ. Недостатки слѣдственной части. Мѣры, принятыя въ періодъ 1864—1914 гг. для ея улучшенія. Нареканія на нее и главныя причины неудовлетворительнаго ея состоянія . . . . . 65—114

Судъ присяжныхъ . . . . . **115—159**

Составилъ *С. П. Мокринскій.*

I. Существо и задачи нашего суда присяжныхъ . . . . 115—127

II. Условія дѣятельности нашего суда присяжныхъ. А. Личный составъ. Б. Внѣшнія условія дѣятельности присяжныхъ. В. Внутреннія условія дѣятельности присяжныхъ . 127—147

III. Дѣятельность суда присяжныхъ. А. Ея характерныя свойства. Б. Репрессивность нашего суда присяжныхъ . 147—153

IV. Офиціальная оцѣнка дѣятельности суда присяжныхъ . 154—159

Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ . . . . . **160—196**

Составилъ *И. Г. Щегловитовъ.*

Предварительныя замѣчанія. Англійскій законъ 28 августа 1907 г. о введеніи апелляціи по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Стремленіе замѣнить судъ присяжныхъ судомъ шеффеновъ (въ Германіи и Австріи). Мысль объ обезпеченіи преобладанія коронныхъ судей. Германскій законопроектъ 13 ноября 1909 г. о расширеніи суда шеффеновъ. Идея суда шеффеновъ въ Швейцаріи. Усиленіе контроля короннаго суда надъ дѣятельностью присяжныхъ. Итальянскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1913 г. Тайна голосованія присяжныхъ. Испанскій законъ 1888 г. Умаленіе суда присяжныхъ по венгерскому закону 1914 г. Заключеніе. . . . . 160—196

СТРАН.

Прокурорскій надзоръ за пятьдесятъ лѣтъ, истекшихъ со времени его преобразованія по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II . . . . . 197—249

Составилъ *Ѳ. І. Гредингеръ.*

I. Вступленіе . . . . . 197—200

II. Учрежденіе, ростъ и упадокъ дореформенной прокуратуры . . . . . 200—205

III. Составленіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и организація прокуратуры на основаніи этихъ Уставовъ . . . . . 206—215

IV. Узаконенія, относящіяся къ дѣятельности прокурорскаго надзора и изданныя послѣ введенія судебной реформы . 215—224

V. Руководящія разъясненія, касающіяся дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора . . . . . 224—227

VI. Русская печать и литература о преобразованномъ по Судебнымъ Уставамъ прокурорскомъ надзорѣ. . . . 227—231

VII. Отношенія прокурорскаго надзора къ административнымъ властямъ . . . . . 232—237

VIII. Отношенія прокурорскаго надзора къ суду и къ магистратурѣ . . . . . 238—243

IX. Отношенія прокурорскаго надзора къ обществу . . . 243—246

X. Статистическія данныя о дѣятельности прокурорскаго надзора и о личномъ его составѣ. . . . . 246—249

Адвокатура . . . . . 250—280

Составилъ *Е. В. Васьковскій.*

I. Адвокатура въ Россіи до судебной реформы и организація ея по Судебнымъ Уставамъ 1864 г. . . . . 250—260

II. Критическая оцѣнка организаціи адвокатуры . . . . 260—274

III. Частные повѣренные и помощники присяжныхъ повѣренныхъ . . . . . 274—278

IV. Заключеніе . . . . . 279—280

стран.

Кассаціонная инстанція . . . . . **281—336**

Составилъ *Н. М. Рейнке.*

I. Единство кассаціоннаго суда . . . . . 281—294

II. О разграниченіи надзора кассаціоннаго отъ надзора въ порядкѣ управленія . . . . . 295—301

III. О разграниченіи компетенціи кассаціонныхъ департаментовъ и Общаго ихъ Собранія . . . . . 301—307

IV. О предѣлахъ кассаціоннаго надзора . . . . . 308—318

V. Оберъ-прокуратура . . . . . 319—326

Приложеніе . . . . . 327—336

Статистическія свѣдѣнія о дѣятельности судебныхъ установленій, образованныхъ по Уставамъ Императора Александра II, за 1866—1912 годы . . . . . **337—374**

Составилъ *Е. Н. Тарновскій.*

Вступленіе . . . . . 337—338

А. Свѣдѣнія о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій.

I. Дѣла уголовныя . . . . . 339—341

II. Дѣла гражданскія . . . . . 342—344

Б. Свѣдѣнія о дѣятельности общихъ судебныхъ установленій.

I. Производство дѣлъ у судебныхъ слѣдователей и другихъ лицъ, производящихъ предварительныя слѣдствія . . . . . 344—349

II. Свѣдѣнія о дѣятельности прокурорскаго надзора . 350—353

III. Производство дѣлъ въ окружныхъ судахъ. 1. Дѣла уголовныя. 2. Судебная репрессія окружныхъ судовъ и наказанія, наложенныя на осужденныхъ. 3. Дѣла гражданскія . . . . . 354—363

IV. Производство дѣлъ въ судебныхъ палатахъ. 1. Въ качествѣ обвинительной камеры. 2. Въ качествѣ первой инстанціи. 3. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи. 4. Дѣла гражданскія . . . . . 364—371

СТРАН.

V. Свѣдѣнія о дѣятельности кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 1. Уголовный кассаціонный департаментъ. 2. Гражданскій кассаціонный департаментъ . . . . . 371—374

Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ процесса и права гражданскаго . . . . . 375—413

Составилъ *Е. В. Васьковскій*

I. Отношеніе суда къ закону по Судебнымъ Уставамъ . 375—385

II. Правотворческая дѣятельность суда въ области гражданскаго права (матеріальнаго) . . . . . 385—395

III. Правотворческая дѣятельность суда въ области гражданскаго судопроизводства . . . . . 396—406

IV. Критическая оцѣнка правотворческой дѣятельности Правительствующаго Сената . . . . . 406—412

V. Заключеніе . . . . . 412—413

Правотворческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ уголовнаго права и процесса . . . . . 414—478

Составилъ *С. В. Познышевъ.*

I. Вліяніе судебной реформы и созданныхъ ею новыхъ судовъ на уголовно-правовыя воззрѣнія народа и на отношеніе общества къ борьбѣ правительства съ преступленіемъ . . . . . 414—428

II. Вліяніе новыхъ судовъ и судебныхъ порядковъ на развитіе нашего уголовнаго законодательства . . . . . 428—447

III. Творческая дѣятельность новыхъ судовъ въ сферѣ уголовно-судебной практики . . . . . 447—478

ЧАСТЬ III.

НОВЫЙ СУДЕБНЫЙ СТРОЙ.

(Продолженіе части II).

стран.

Отношенія между судебной и административной властями и судьба основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ въ позднѣйшемъ законодательствѣ . . . . . 481—706

Составилъ бар. *А. Э. Нольде.*

I. Отношенія между судебной и административной властями. 481—490

II. Взгляды представителей администраціи на новый судебный строй. Отношеніе суда къ органамъ полиціи . . 490—520

III. Примѣненіе статьи 29 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями . . . . . 520—531

IV. Пререканія по вопросамъ преданія суду должностныхъ лицъ . . . . . 532—552

V. Столкновенія между судами и вѣдомствами военнымъ и духовнымъ . . . . . 552—560

VI. Соотношеніе судебной и административной властей въ проектахъ административныхъ преобразованій. Чрезвычайныя полномочія, предоставленныя администраціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ . . . . . 560—590

VII. Отношеніе законодательства эпохи Императора Александра II къ основнымъ началамъ Судебныхъ Уставовъ . . . . . 591—606

VIII. Отношенія между судебной и административной властями послѣ 1881 г. Общія замѣчанія . . . . . 606—632

IX. Ограниченіе несмѣняемости судей . . . . . 632—656

X. Мѣропріятія относительно гласности суда . . . . . 656—676

XI. Ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ . . . . 676—683

XII. Судебно-административная реформа 1889 г. . . . . 683—706

СТРАН.

Вліяніе судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный бытъ Россіи . . . . . 707—793

Составилъ *Э. Н. Берендтсъ.*

I. Вліяніе реформы на усиленіе начала закономѣрности . 707—720

II. Вліяніе основныхъ началъ реформы на общественную нравственность . . . . . 720—726

III. Судебная реформа и начало равноправія . . . . . 726—737

IV. Сравнительное вліяніе на общественный бытъ новаго процесса гражданскаго и процесса уголовнаго . . . 737—746

V. Вліяніе реформы на развитіе матеріальнаго права . . 746—752

VI. Вліяніе реформы на развитіе юридической науки . . 752—765

VII. Вліяніе судейскаго персонала на общественную жизнь. 766—779

VIII. Судебная реформа и русская литература . . . . . 779—793

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ:

Личныхъ именъ . . . . . 797—817

Географическій . . . . . 819—824